

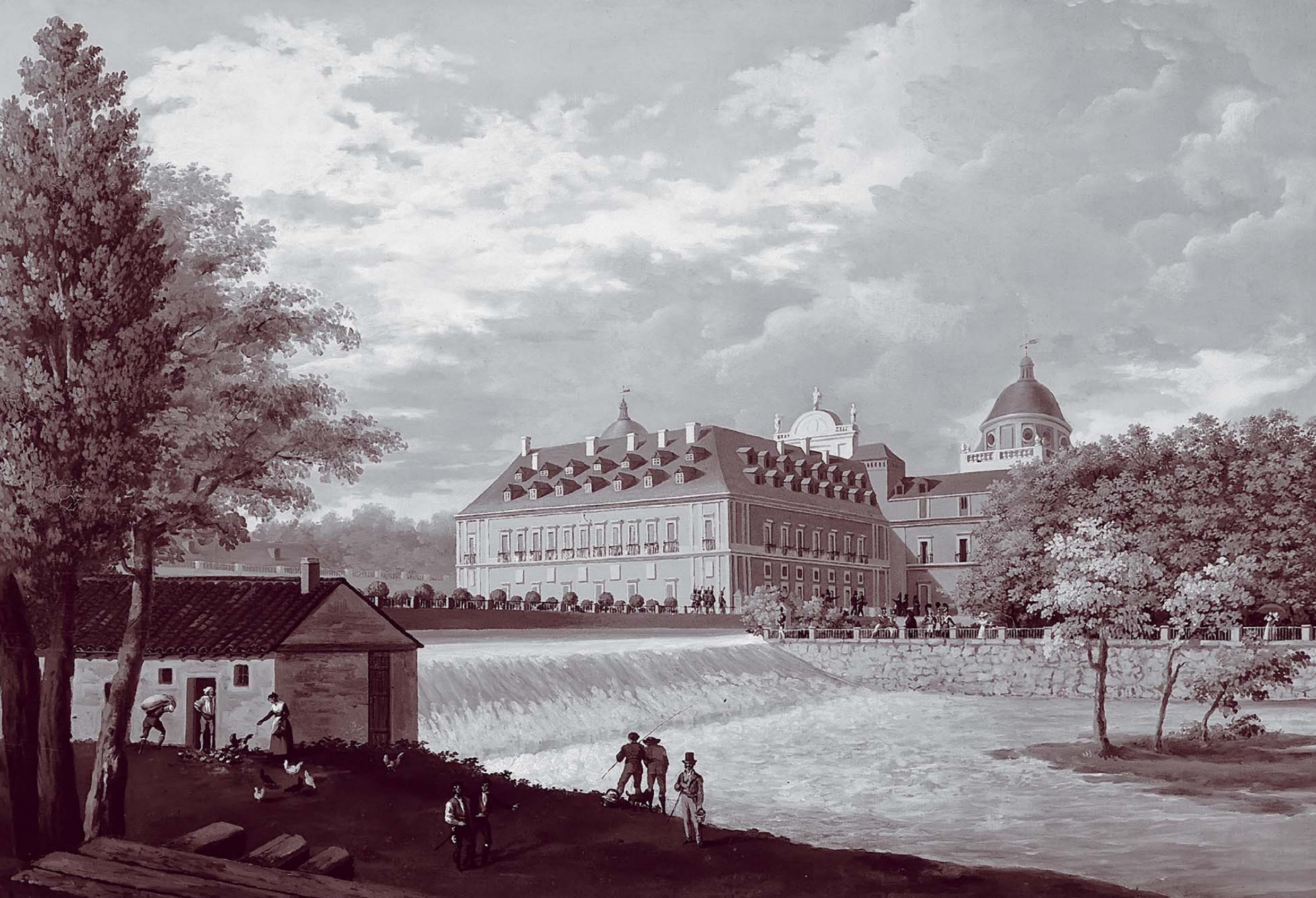
ИСПАНИЯ *и* РОССИЯ:

ДИПЛОМАТИЯ
и ДИАЛОГ
КУЛЬТУР

ESPAÑA *y* RUSIA:

DIPLOMACIA
Y DIÁLOGO
DE CULTURAS

View of the State of Virginia, de la Paarde, vers le Sud, du Fort, à la parre de l'État

странствует голос
былого, а ныне
историей станет

Абель Мурсия
перевод Александра Казачкова

ИСПАНИЯ и РОССИЯ:
ДИПЛОМАТИЯ и ДИАЛОГ КУЛЬТУР
ТРИ СТОЛЕТИЯ ОТНОШЕНИЙ

UNIVERSIDAD NACIONAL DE INVESTIGACIÓN
“ESCUELA SUPERIOR DE ECONOMÍA”

ESPAÑA
y RUSIA:
DIPLOMACIA
Y DIÁLOGO
DE CULTURAS

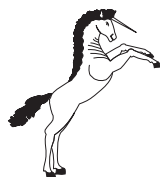
TRES SIGLOS
DE RELACIONES

Moscú «INDRIK» 2018

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

ИСПАНИЯ
и РОССИЯ:
ДИПЛОМАТИЯ
и ДИАЛОГ
КУЛЬТУР

ТРИ СТОЛЕТИЯ
ОТНОШЕНИЙ

Москва «ИНДРИК» 2018

Эта книга издана при поддержке Испанского Сотрудничества благодаря испанскому Агентству по международному сотрудничеству и развитию (AECID). Ее содержание не обязательно отражает позицию AECID.
Генеральный каталог официальных публикаций Государственной Администрации, <https://publicacionesoficiales.boe.es> NIPO: 502-18-077-3 NIPO en línea: 502-18-078-9 D.L.: M-36285-2018

Редакционная коллегия:

О.В. Волосюк (отв. редактор), Е.Э. Юрчик, А. Виньяс, К. Камареро Буйон,
Х.Р. Уркихо Гоития, Ф. Фернандес Искьердо, П.П. Яковлев,
В.Е. Багно, М.К. Караулова (отв. секретарь)

Рецензенты:

М.Н. Мосейкина, д. и. н., профессор кафедры истории России
факультета гуманитарных и социальных наук РУДН
Н.В. Кирсанова, к. и. н., доцент кафедры новой и новейшей истории
исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений.
España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones. /
отв. ред. О.В. Волосюк. — М.: Индрик, 2018. — 928 с.: ил.

ISBN 978-5-91674-528-3

Данное академическое издание является результатом научного сотрудничества российских и испанских исследователей. В нем представлена широкая историческая панорама развития российско-испанских отношений: дипломатических, экономических и культурных. Особое внимание уделяется эволюции мировоззренческого взаимодействия двух народов, культурной рецепции и изучению параллелей в российском и испанском художественном мышлении. Научная монография издается на двух языках и адресована специалистам-гуманитариям и широкому кругу читателей — всем, кто интересуется российско-испанскими отношениями.

© Агентство по международному сотрудничеству и развитию (AECID), издание, 2018

© Коллектив авторов, текст, 2018

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2018

© Издательство «Индрик», подготовка к изданию и оформление, 2018

ISBN 978-5-91674-528-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРИ СТОЛЕТИЯ ДИАЛОГА	9
ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО	11
Игнасио Ибаньес Рубио	11
Юрий Петрович Корчагин	13

РАЗДЕЛ I. РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ИСПАНИЯ ГАБСБУРГОВ В XVI–XVII ВЕКАХ

Великое княжество Московское и первые известия об Испании	В.А. Ведюшкин	15
Образ России в Испании в XVI и XVII веках	Ф. Фернандес Искьердо	23
Карта Клавдия Птолемея	Э. Рохо Фернандес	27
«Записки о Московии», труд Сигизмунда фон Герберштейна	Э. Рохо Фернандес	30
Москва в «Записках о Московии» Сигизмунда фон Герберштейна	Э. Рохо Фернандес	36
В поисках контактов: Россия и Испания в международных отношениях XVII века	В.А. Ведюшкин	38
Известия об Испании в русских «курантах»	В.А. Ведюшкин	42
Первые дипломатические контакты: Андрей Виниус	В.А. Ведюшкин	45
Российские дипломаты в Испании: Яков Долгоруков	М.К. Караулова	46
Россия в испанской художественной литературе XVII века	П. Гарсиа Мартин	48
Россия в испанских архивах: Генеральный Архив Симанкас	Х.Т. Родригес де Диего	53
Испания в российских архивах: Российский государственный архив древних актов	В.А. Ведюшкин	56

РАЗДЕЛ II. БУРБОНЫ И РОМАНОВЫ В XVIII ВЕКЕ

«В Европу прорубить окно»: Петр Великий и установление дипломатических отношений с Испанией	О.В. Волосюк	59
Испанские дипломаты в России: герцог де Лириа	И. Ласаро Урдиалес	64
Зиновьев и Флоридабланка: дипломат и министр	О.В. Волосюк	67
Испанские чертежи для великой княгини: королевские резиденции	К. Камареро Буйон	75
Иезуиты между Испанией и Россией	И.Ю. Веселова	83
Торговые связи: между Балтикой и Средиземноморьем	О.В. Волосюк	89

Испанцы на русской службе: Хосе де Рибас	В.Е. Багно	96
Испанцы и русские на Тихом океане	О.В. Волосюк	101
Образ России в Испании XVIII века	М.В. Лопес-Кордон	109
Хосе Кададьсо и Россия	Ф. Кастилья Урбано	115
Три испанских русофила конца XVIII века	М.В. Лопес-Кордон	120
Испанские дипломаты в России: маркиз де Альмодовар	И. Ласаро Урдиалес	124
Образ Испании в России XVIII века	Е.Э. Юрчик	131
Испанская литература в России XVIII века	К.С. Корконосенко	139
Русское люллианство как феномен культуры	В.Е. Багно	146

РАЗДЕЛ III. ИСПАНСКАЯ МОНАРХИЯ И РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В XIX ВЕКЕ

Россия и Испания в эпоху наполеоновских войн	Е.Э. Юрчик	151
Испанские солдаты в русской армии 1812 года	А.А. Сагомоян	157
Декабристы и испанская революция 1820 года	Е.Э. Юрчик	160
Испанцы на русской службе: Хуан Ван Гален	Е.Э. Юрчик	162
Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паэс де ла Кадена	Е.Э. Юрчик	169
Испанцы на русской службе: Агустин де Бетанкур	К. Камареро Буйон, О.В. Волосюк	174
Изабелла II и Россия: от разрыва к признанию	Х.Р. Уркихо Гоития	182
Хуан Валера: дипломат-писатель в России	В.Е. Багно	187
«Не строй из себя Осуну!»	А.А. Петрова	188
«Русское открытие» Испании в XIX веке	Е.Э. Юрчик	194
Россия в испанских архивах: Национальный Исторический Архив	Х. Л. Кларес	200
Испания в российских архивах: Архив внешней политики Российской империи	Е.Э. Юрчик	201
Испанская коллекция живописи Императорского Эрмитажа	Л.Л. Каганэ	203
Испанская живопись в частных коллекциях Петербурга	Л.Л. Каганэ	209
Первые труды по испанскому искусству в России	А.В. Морозова	215
Карл Брюллов и Диего Веласкес	А.В. Морозова	216
Испанская литература в русских переводах XIX века	К.С. Корконосенко	222
Русское донкихотство как культурный феномен	В.Е. Багно	227
«Революция и роман в России» Эмилии Пардо Басан	В.Е. Багно	237

РАЗДЕЛ IV. КРИЗИС XX ВЕКА И СУДЬБЫ ДИНАСТИЙ

Первая мировая война и политический кризис в России и Испании	Ж. Пучсек Фаррас	243
Октябрьская революция в испанской прессе	Е.Э. Юрчик	244
Судьбы династий в эпоху Великой войны: Альфонс XIII и Николай II	И.Ю. Веселова, А.А. Глазов	248
«Поколение 98 года» и Россия	К.С. Корконосенко	253

«Мир искусства» и мир испанского искусства	А.В. Морозова	259
«Русский балет Дягилева» в Испании	В.Е. Багно	263
Максимилиан Волошин и Испания	В.Е. Багно	264
Культурные связи СССР и Испании: первые шаги	Т.Ю. Вепрецкая	269

РАЗДЕЛ V. СССР, ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА И ФРАНКИЗМ В ИСПАНИИ

Нефть и политика: трудный путь отношений между Испанией и СССР	А. Виньяс	275
Марсель Розенберг и советская дипломатия в годы Гражданской войны	В.В. Малай	279
Советские дипломаты в Испании: Владимир Антонов-Овсеенко	Ж. Пучсек Фаррас	282
Советские дипломаты в Испании: Сергей Марченко	А. Виньяс	285
Советские летчики в Гражданской войне	Д. Иньигес Грасия, Д. Хесали Баррера	287
Испанское золото, Гражданская война и советская помощь	А. Виньяс	292
Испанские дипломаты в СССР: Марселино Паскуа	А. Виньяс	294
Испания в российских архивах: Российский государственный архив социально-политической истории	А.А. Глазов	298
Испанские коммунисты и СССР	Ф. Эрнандес Санчес	299
СССР в республиканской Испании: образ и «миф» модернизации	Х. Наварро Наварро	302
Вторая республика и СССР: культурные и научные связи	Т.Ю. Вепрецкая	309
«Пражская группа» Московского Художественного Театра в Испании	М. Г. Литаврина	312
«Дар Испанского Народа»	Т.Ю. Вепрецкая	316
«Дети войны» в СССР	М. Гарридо Кабальеро	318
Испанские художники-республиканцы и эмиграция в СССР	М. Кабаньяс Браво	322
<i>Radio Moscú</i> и <i>La Pirenaica</i> : советское радиовещание на Испанию	А.А. Глазов	328
СССР и франкистское государство: от враждебности к сближению	А.А. Сагомоян	332
Голубая дивизия в СССР	А.А. Глазов	333
Футбол вместо политики	Г.А. Филатов	338
Торговые отношения между СССР и Испанией в годы франкизма	Г.А. Филатов	341
Забывать о политике: первые советские туристы в Испании	Г.А. Филатов	344

РАЗДЕЛ VI. ИСПАНИЯ НА ПУТИ К ДЕМОКРАТИИ И СССР

Демократическая Испания на международной арене и отношения с СССР	К. Санс Диас	349
Советские дипломаты в Испании: Сергей Богомолов	А.Ю. Борзова	352

Первый визит испанского короля в СССР	С.М. Хенкин	358
Установление дипломатических отношений в 1977 году: неизвестные страницы	А.А. Орлов	360
Испанские дипломаты в СССР: Хуан Антонио Самаранч	Х. Местре Хорда	364
Советские дипломаты в Испании: Юрий Дубинин	А.Ю. Борзова	367
Перестройка и советско-испанские отношения	К. Санс Диас	368
От «Совиспана» к совместным предприятиям	А.В. Щербакова	374
Ассоциации дружбы с СССР в Испании	М. Гарридо Кабальеро	378
Советское кино в демократической Испании	П. Гарсия Мартин	381
Научная дипломатия в советско-испанском диалоге	О.В. Волосюк	383
Фонд «Александр Пушкин» в Испании	А. Чернозитов	390
Культурная дипломатия в переходный период	Т.Ю. Вепрецкая	391
Испанское искусство в СССР: выставки живописи	А.В. Морозова	393
Мастера культуры: Майя Плисецкая и Испания	Т.Ю. Вепрецкая	396

РАЗДЕЛ VII. НОВАЯ РОССИЯ И ИСПАНИЯ В XXI ВЕКЕ

От России советской к России демократической: дипломатические отношения с Испанией	А.Ю. Борзова, Л.М. Бухармедова	399
Российские дипломаты в Испании: Игорь Иванов	А.Ю. Борзова	400
Первый визит президента Владимира Путина в Испанию	А.Ю. Борзова	406
Россия и Испания: политический диалог в новом столетии	П.П. Яковлев	408
Испанские дипломаты в России: Хосе Игнасио Карбахаль Гарате	Х. Местре Хорда	412
Российско-испанские экономические связи в XXI в.	П.П. Яковлев	417
Испанские ТНК в России	П.П. Яковлев	420
Образ России в испанской прессе в начале XXI века	О.В. Пироженко, Е.Э. Юрчик	426
Перекрестные годы и дипломатия культуры	Л.М. Бухармедова	431
Институт Сервантеса в России	А. Мурсия Сориано, Т.И. Пигарёва	432
Мастера культуры: Мстислав Ростропович в Испании	Т.Ю. Вепрецкая	437
Испанское искусство в России: выставки живописи	А.В. Морозова	438
Мастера культуры: Пласидо Доминго и Хосе Каррерас в России	Т.Ю. Вепрецкая	440
Научная дипломатия: встречи ученых	Е.Э. Юрчик	444
«Три столетия диалога»: научные исследования	О.В. Волосюк, Е.Э. Юрчик	446

ПРИЛОЖЕНИЕ

Избранная библиография / Bibliografía selecta	879
Список иллюстраций	895
Índice de ilustraciones	905
Авторы	915
Autores	921

ТРИ СТОЛЕТИЯ ДИАЛОГА

Памятные даты исторического диалога — это повод для размышлений о сущности традиций, о значении наследия. В летописи отношений России и Испании одна дата является знаковой — это установление постоянных дипломатических отношений в 1723 г., когда князь Сергей Голицын вручил Филипу V верительные грамоты российского императора. Тогда, после Утрехтского мира и завершения Северной войны, обе державы пересматривали принципы своей внешней политики, а их международные связи расширялись. Именно тогда российско-испанские отношения обрели новое качество, а в Мадриде и Петербурге обосновались постоянные дипломатические миссии. Так было положено начало не только трехсотлетнему политическому диалогу двух государств, но и диалогу двух великих культур. Наша книга именно об этом.

Предыстория этого диалога начинается гораздо раньше — с первых контактов в XVI в., инициативы установления отношений в 1667 г. Это был длительный период взаимного «узнавания», когда неустойчивость дипломатических связей восполнялась причудливыми представлениями о далекой экзотической реальности, будь то русской или испанской. Только в процессе непосредственного общения двух народов, мифы сменялись достоверной информацией, а «незнание» становилось «знанием».

История дипломатических отношений между Испанией и Россией — это поиск путей друг к другу, основанный на постепенном осознании общности интересов и важности сотрудничества, невозможного без взаимного притяжения народов и без постоянного познания «другого». В 1845 г., когда официальное общение между государствами было прервано, Василий Боткин совершил авантюрное путешествие в «страну, как будто оторванную от Европы», и в своих «Письмах» «открыл» Испанию для соотечественников. В Испании интерес к России, ее культуре и народу сохранялся даже во времена революционных перемен. Радикальные политические реформы, новая социальная и художественная культура Страны Советов и привлекала, и настораживала испанцев что в 1920-е гг., что в 1960-е гг. Когда же в самой Испании франкистский режим ушел в прошлое, в 1977 г. дипломаты и политики сумели выстроить новые советско-испанские дипломатические отношения на основе опыта культурных и экономических контактов, сохранявшихся в течение сорока лет взаимного официального политического отчуждения.

В русско-испанском диалоге всегда звучали голоса людей, в судьбах которых истории двух стран слились воедино. Осип Михайлович де Рибас и Августин Августинович Бетанкур, испанцы на службе России — с русскими именами и испанскими фамилиями — оставили на своей второй родине благодарную память. Драма испанской Гражданской войны сблизила два народа, и многие советские люди, принимавшие в ней участие, до конца своих дней сохранили «Испанию в сердце». Общая история двух стран воплотилась в судьбе «детей войны», которые более полувека провели в Советском Союзе. Дипломаты, путешественники, писатели, художники, военные, эмигранты, даже военнопленные увозили домой — будь то из Испании или из России — личные впечатления о стране, которые становились достоянием современников и наделялись в их представлениях непререкаемой достоверностью.

Важную роль в формировании образов Испании и России сыграла художественная культура, в которой соединились общий и индивидуальный опыт восприятия иной действительности. Русская судьба мифа о Дон Кихоте — это не просто национальная версия общекультурного процесса, но один из редких в истории культуры примеров превращения частного литературного явления в доминанту общественной и культурной жизни другой страны. Дипломаты и меценаты, коллекции которых вошли в испанское собрание Эрмитажа, передали свой интерес к искусству испанских живописцев поколениям русских зрителей, искусствоведов и художников. Эстетические открытия старых испанских мастеров стали источником вдохновения для экспериментов «мирискусников». Русско-испанский творческий диалог преодолевал государственные границы и обогащал национальные культуры. «Откуда у меня такая страсть к Испании? — писала в своей книге великая русская балерина Майя Плисецкая. Совпадение или судьба?». Вот уже три столетия два народа продолжают общаться не только на русском и испанском языках, но и на языке искусства, науки, экономики... Диалог служит основой той политической благожелательности, которую Испания и Россия демонстрируют миру и которая крайне важна для поддержания стабильности в Европе, да и не только в Европе, в начале нынешнего столетия.

Свидетельством этого диалога и является наша книга.

Мы хотели бы выразить признательность многим людям и организациям, помощь и содействие которых сыграли важную роль в реализации этого проекта. Мы благодарны Посольству Королевства Испании в Российской Федерации и особенно советнику по культуре и сотрудничеству Альваро де ла Рива Гусману де Фрутос за поддержку научного замысла нашего издания. Мы признательны нашим добрым друзьям, профессорам Карлосу Сансу, Хавьеру Наварро и Франсиско Кастилья Урбано за ценные предложения по совершенствованию текста. Отдельные слова благодарности Институту Сервантеса в Москве и особенно его директору Абелью Мурсия Сориано, без которого эта книга не обрела бы завершённый вид. Он вдумчиво читал различные варианты рукописи, предлагая свои уточнения, замечания и рекомендации с терпением, которое присуще только истинным друзьям.

Редколлегия

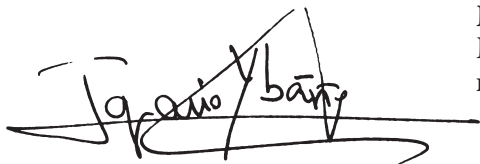
Дорогой читатель!

Книга, которую Вы открыли, посвящена 350-летию юбилею первых дипломатических контактов между Испанией и Россией и 40-летию установления советско-испанских отношений, и я с удовольствием приветствую ее выход в свет.

Вы увидите, что история испанско-русских связей рассказана на этих страницах и с академической строгостью, и с большой любовью. Вы узнаете много интересного об отдельных ее эпизодах, а также о тех людях, которые внесли свой вклад в укрепление отношений между нашими странами, будь то инженер Агустин де Бетанкур или великая балерина Майя Плисецкая.

К счастью, в нашей общей истории речь идет не о войнах и конфликтах — это, если можно так сказать, эмоциональное повествование о том, как из взаимного интереса вырастает взаимное восхищение и даже неуловимое притяжение друг к другу, основанное на открытии, что мы — испанцы и россияне — настолько похожи, что вполне можно говорить о «параллельных историях, которые развиваются на расстоянии». Испания и Россия расположены на дальних границах Европы, и в силу этого мусульманское влияние играло важную роль в прошлом наших двух государств. Мы создали империи континентального размаха, и в результате у каждой из стран появилась своя «черная легенда», от которой мы до сих пор не избавились. Героизм наших народов преодолел наполеоновское нашествие. Нам в равной степени свойственны метания между модернизмом и традиционализмом (в русской терминологии — между западничеством и славянофильством). В XX веке мы испытали трагедию гражданских войн. Наши державы только один раз объявили друг другу войну (по поводу средиземноморских проблем, связанных с Мальтийским Орденом), да и та оказалась краткой и прошла без единого выстрела. А несколько десятилетий спустя русские и испанцы мирно встретились на окраине своих империй, на дальнем побережье Орегона.

Я уверен, эта замечательная книга — свидетельство взаимного интереса и любознательности, которые и сегодня связывают наши народы, что является прочной основой для дальнейшего развития и углубления наших двусторонних отношений. К литераторам, инженерам, музыкантам и дипломатам прошлого следует добавить полтора миллиона российских туристов, которые ежегодно посещают Испанию, значительное количество российских и испанских компаний, которые стремятся развивать торговые и экономические отношения, растущее число россиян и испанцев, изучающих испанский и русский языки, а также перспективные связи, установленные между российскими и испанскими университетами. Не следует забывать и об общении молодежи обеих стран. Ведь именно нам, сегодняшним испанцам и россиянам, предстоит написать следующие главы в истории наших отношений. Цель, которая стоит перед нами, заключается в том, чтобы историческое наследие взаимной симпатии между народами оставалось основой для выстраивания сотрудничества в тех многих областях, где наши интересы совпадают. И по этому пути мы сегодня идем вместе.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Ignacio Ibañeta', with a large, sweeping flourish underneath.

Игнасио Ибаньес
Посол Королевства Испания
в Российской Федерации

Дорогие читатели!

Книга, которая находится сейчас перед вами — результат кропотливого труда ведущих российских и испанских учёных. Её издание приурочено к знаменательной дате — 300-летию установления постоянных дипломатических контактов между Россией и Испанией в 1723 году. Уверен, что это событие станет хорошим поводом снова обратиться к богатой истории российско-испанских отношений, начало которым без малого пять веков тому назад положил обмен «любезными письмами» с предложением дружбы и сотрудничества между Великим князем Московским Василием III и королём Испании, императором Священной Римской империи Карлом V.

На протяжении столетий наши отношения переживали и спады, и подъёмы, однако чувство глубокой взаимной симпатии всегда связывало россиян и испанцев. И неспроста. Ведь издавна многие подмечали схожесть русского и испанского характеров. Прочитую строфу из стихотворения моего коллеги — дипломата российского посольства в Мадриде, который в 1861 году написал:

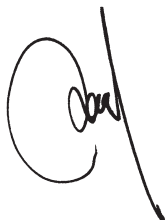
Порядком изучив испанцев,
Я к заключенью прихожу,
Что кроме свежих померанцев,
Все то же дома нахожу.

Сегодня мы наблюдаем позитивную динамику дальнейшего укрепления нашей дружбы — в полном объёме осуществляется политико-дипломатический диалог, успешно развивается экономическое и промышленное сотрудничество, реализуются масштабные гуманитарные проекты. Только в 2017 году, на который пришлось сразу несколько юбилейных дат (40-летие восстановления дипломатических отношений и 350-летие со дня прибытия первого русского посольства к испанскому двору), а также завершение Перекрёстного года туризма, состоялись несколько сотен деловых, научных, общественных и культурных

мероприятий. Этот позитивный опыт, несомненно, будет способствовать дальнейшей активизации нашего многопланового взаимодействия.

Традиционно важную и неотъемлемую часть отношений между нашими странами составляют культурные связи, и я рад, что благодаря этому изданию читатели смогут познакомиться с малоизвестными фактами истории взаимного культурного и духовного влияния, узнают о неоценимом вкладе выдающихся деятелей искусства, науки, дипломатии, литературы в развитие отношений между двумя странами.

Убеждён, что этот фундаментальный труд найдёт своего благодарного читателя и будет полезен как специалистам в области российско-испанских отношений, так и всем любителям истории.

A handwritten signature in black ink, consisting of a large, stylized letter 'Ю' followed by a cursive 'ри' and a long, sweeping horizontal stroke that extends to the right.

Юрий Корчагин
Посол Российской Федерации
в Королевстве Испания

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И ИСПАНИЯ ГАБСБУРГОВ В XVI–XVII ВЕКАХ

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ И ПЕРВЫЕ ИЗВЕСТИЯ ОБ ИСПАНИИ

Начало русско-испанских отношений — и экономических, и дипломатических, и культурных — не имеет, да и не может иметь, какой-то строго определенной отправной точки, закрепленной в конкретных датах. Задолго до того, как начались прямые контакты между двумя странами, обе они были включены в систему европейских связей, а потому контакты, хотя бы случайные или опосредованные, были неизбежны. В конце XV — начале XVI в. обе страны переживают важнейшие изменения и обретают новую роль в системе международных отношений, что обуславливает и рост интереса друг к другу. В течение XVI в., по мере усиления турецкой угрозы как для Западной, так и для Центральной и Восточной Европы, этот интерес обретает конкретные политические очертания: несмотря на разделяющие две страны огромные расстояния, а также на конфессиональные различия, идея союза против Турции, хотя в конце концов ее так и не удалось реализовать, составляла основу взаимного интереса.

Обращаясь к истокам российско-испанских связей, исследователи подчеркивают значение торговых контактов¹ (они на том этапе были скорее опосредованными и единичными, чем прямыми и регулярными), а также то обстоятельство, что русские люди, захваченные в плен крымскими татарами и проданные на невольничьих рынках, нередко оказывались гребцами на галерах и иногда, будучи в ходе военных действий освобождены испанцами,

¹ *Клибанов А.И.* У истоков русско-испанских взаимосвязей (80-е годы XV–XVI в.) // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М.: ИВИ, 1987. С. 7–11.

затем попадали и в Испанию. Правда, сведения, что подчас им удавалось вернуться из Испании домой, относятся уже к XVII в.²

О том, что уже в начале XVI столетия в России имели представление как о месте Испании в системе европейских государств, так и о ее отдельных составных частях, свидетельствует перечень европейских королевств, включенный в Погодинский список Хронографа 1512 г. Испания фигурирует в Хронографе на высоком третьем месте, вслед за Священной Римской империей и Францией: «Третье кралевство Изспаниское, в нем же суть многие кралевства, сиречь кралевство Кастелиское, Левъогинское, Гранадское, Аррогоньское, Португаллийское, Наваржское, Галисии»³.

При отсутствии прямых связей с Испанией Россия с конца XV в. постоянно поддерживала контакты со Священной Римской империей. Ее послы были хорошо осведомлены о положении дел в Испании, и время от времени «испанская тема» звучала во время их пребывания в Москве. Наиболее яркий пример — рассказ Джорджо де ла Торре (Георг фон Турн, в русских источниках — «Делятор») об испанской инквизиции, вызвавший живейший интерес новгородского архиепископа Геннадия, который, жестоко преследуя русских еретиков, увидел в испанских событиях достойный пример для подражания⁴. Когда с 1519 г. Империя и испанские королевства оказались объединены под властью Карла V, вероятность контактов между Россией и Испанией, хотя бы косвенных, существенно выросла.

Это время отмечено особой ролью Испании в Великих географических открытиях. Россия, отдаленная от центра событий и еще не вступившая в эпоху книгопечатания, конечно, не могла узнавать о новейших открытиях так быстро, как страны Западной Европы, однако масштабы запоздания могли быть очень различны, причем в ряде случаев можно предполагать, что до нас просто не дошли источники, которые бы отразили подлинное время получения информации. Так, долгое время первым упоминанием в России о Великих географических открытиях (а именно об открытии Америки Колумбом и о пути португальцев к Молуккским островам) считались сведения, включенные Максимом Греком в его комментарии к «Слову» Григория Богослова; написанные в 1530-е — 1540-е гг., они отстоят от описываемых событий на несколько десятилетий⁵. Можно лишь предполагать, за какое время до Максима Грека в России узнали о плаваньях Колумба и Васко да Гамы, зато в точности известно, что о плавании Магеллана в России стало известно очень быстро, причем из самого

² Клибанов А.И. У истоков... С. 11–15. См. также: Астахов М.А. Русские пленники и рабы в Арагонской короне XIV–XV вв. // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха / Отв. ред. О.В. Волосюк, Т.Б. Коваль, Е.Э. Юрчик. М.: МО, 2017. С. 39–46.

³ Цит. по: Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России. Л.: Наука, 1980. С. 108–109.

⁴ Клибанов А.И. У истоков... С. 19–22, 33.

⁵ Подробнее см.: Казакова Н.А. Западная Европа... С. 129–130.

информативного и достоверного источника — подробного письма секретаря Карла V Максимилиана Трансильвана. Манускрипт середины XVI в., хранящийся в Российской национальной библиотеке, содержит, наряду с другими текстами, русский перевод этого письма, написанного на основе расспросов вернувшихся участников экспедиции и использования подлинных ее документов и опубликованного по горячим следам: датированное октябрём 1522 г., спустя считанные недели после триумфального возвращения «Виктории» в Испанию, письмо вышло в свет в Кёльне в январе 1523 г., а позже не раз переиздавалось и включалось в состав популярных сборников сочинений по истории географических открытий. В письме излагается вся история плавания Магеллана с указанием дат и маршрута, с описанием как произошедших событий, так и вновь открытых земель. Текст, по праву считающийся одним из важнейших источников по плаванию Магеллана, был переведен с латыни весьма точно, причем переводчик явно предназначал свой труд для широкого круга читателей⁶.

Манускрипт был переписан рукой Михаила Медоварцева⁷, много лет сотрудничавшего с Максимом Греком. Между тем последнее достоверное свидетельство об этом переписчике датировано осенью 1532 г.⁸ Если атрибуция верна, то можно предположить, что рукопись следует датировать не позднее первой половины 1530-х гг., соответственно, и перевод тоже. Таким образом, перевод был сделан между 1523 г. (дата публикации оригинала) и серединой 1530-х гг. (предполагаемая дата рукописи). Но когда именно? По мнению исследователей, это произошло уже в середине 1520-х гг.⁹ А поскольку в начале письма упоминается об открытиях испанцев в Америке, а португальцев — в бассейне Индийского океана, то и время, когда об этих событиях стало известно в России, следует перенести с середины XVI в. на 20-е гг. этого столетия.

Вопрос, как текст Максимилиана Трансильвана попал в Россию, исследователи склонны связывать с историей русских посольств, посетивших Испанию в 1523, 1525 и 1527 гг.¹⁰ Строго говоря, это не были посольства к

⁶ См. комментированную публикацию русского перевода: Казакова Н.А., Катускина Л.Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана (перевод письма Максимилиана Трансильвана) // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. Т. XXIII: Литературные связи древних славян. Л.: Наука, 1968.

⁷ Это отмечает Н.А. Казакова, опирающаяся и на мнение Н.В. Синецкой. См.: Казакова Н.А. Западная Европа... С. 145.

⁸ Дмитриева Р.П. Медоварцев Михаил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Часть 2: А–Я. Л.: Наука, 1989. С. 111.

⁹ Казакова Н.А. Западная Европа... С. 140–141; Клибанов А.И. У истоков... С. 25–26.

¹⁰ Единственной работой, в которой рассматриваются все три посольства, остается статья Амады Лопес де Менесес (*López de Meneses A. Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527)*) // *Bulletin Hispanique*. 1946. No. 3. Т. 48. Р. 210–226). Она упоминает также о дипломатических контактах между Россией и Карлом V в 1537, 1548 и 1551 гг., однако они, как и предыдущие, не имели видимых результатов, не говоря о том, что, в отличие от посольств 1523, 1525 и 1527 гг., встречи состоялись не на испанской земле.

Педро Мартир

испанскому королю: Карл V интересовал Василия III лишь как император Священной Римской империи, с которой у России к тому времени существовали давние и тесные дипломатические и культурные связи. Однако Карл находился все эти годы в Испании, и направлявшимся к нему посольствам приходилось следовать из Вены в Вальядолид или в Толедо. Первое из них возглавил гонец Яков Полушкин, который привез Карлу V грамоту, подписанную Василием 26 июня 1522 г.¹¹ Подьячий Яков Полушкин не был и в силу своего статуса не мог быть послом, однако он являлся, видимо, первым русским дипломатом, посетившим Испанию по поручению

царя. В письме от 27 февраля 1523 г. Педро Мартир де Ангерия, знаменитый итальянский гуманист на испанской службе, описывает прием Полушкина при дворе Карла в Вальядолиде и приводит латинский перевод письма (его оригинал не сохранился)¹². В грамоте Василий предлагает императору прислать в Москву доверенного человека, который помог бы восстановить дружественные отношения, существовавшие у царя с Максимилианом I — дедом Карла V и его предшественником на императорском троне. В 1524 г. Полушкин в сопровождении императорского посла графа Антонио де Конти вернулся в Москву, и уже 24 июня того же года Конти отправился обратно в Испанию вместе с другим русским послом — князем Иваном Засекиным-Ярославским. Путь этого посольства был долгим, поскольку из-за военных

¹¹ Сохранилось более раннее письмо Василия III Карлу V, датированное 5 мая 1521 г., но, как полагает опубликовавший это письмо А.Н. Лобин, до адресата оно, скорее всего, не дошло. См.: *Лобин А.Н.* Послание государя Василия III Ивановича императору Карлу V от 26 июня 1522 г.: опыт реконструкции текста // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования.* 2013. № 1. С. 130–141, особенно С. 131, 135. Однако из письма 1522 г. определенно следует, что ему предшествовало письмо Карла V Василию III. Насколько можно судить, оно либо не сохранилось, либо еще не выявлено в архивах, и вопрос о его возможной связи с предположительно не дошедшим до адресата письмом 1521 г. царя к императору остается открытым.

¹² Подробнее об этом посольстве, помимо упомянутых работ Лопес де Менесес и Лобина, см. также: *Алексеев М.П.* Московский подьячий Я. Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир // *Алексеев М.П.* Сравнительное литературоведение. М.: Наука, 1983. С. 49–57.

действий в Италии пришлось из Вены ехать кружным путем через Фландрию и, видимо, Англию. 29 апреля 1525 г. Карл V торжественно принял русских послов в Алькасаре Толедо. На обратном пути послы проехали через Барселону, Тюбинген, Вену и Краков, вернувшись в Москву в апреле 1526 г. Наконец, третье посольство, также во главе с князем И.И. Засекиным, посетило императора в Вальядолиде в 1527 г.

Хотя все эти посольства не относятся к истории российско-испанских дипломатических контактов как таковых, они сыграли определенную роль во взаимном узнавании двух народов. Не менее важны были и культурные контакты. Во-первых, русские дипломаты произвели впечатление на своих испанских современников, среди которых в 1523 г. был такой взыскательный и эрудированный наблюдатель, как Педро Мартир де Англерея, снискавший славу первого историка Америки. И об Испании, и о ее заокеанских открытиях он мог рассказать чужеземцам больше, чем кто-либо другой. Во-вторых, русские посланники и сопровождавшие их переводчики делились с заинтересованными слушателями сведениями о почти неизвестной европейцам — на тот момент — России. Наконец, дипломаты, возвращаясь, доставляли в Россию важную информацию о европейских странах, в том числе об Испании, и могли привозить книжные новинки. Так, наиболее вероятно, что латинское издание Максимилиана Трансильвана попало в Россию именно с одним из «испанских» посольств либо 1523 г., либо 1525 г.¹³

Контакты русских и испанцев в XVI в. подчас могли принимать весьма причудливые формы. Так, когда в 1557 г. в Англию прибыл русский посол Осип Непея, в Лондоне его принимала Мария Тюдор... и Филипп II Габсбург, в то время король-консорт в Англии, но полновластный правитель Испании.

С именем Филиппа II связан следующий этап русско-испанских отношений XVI в., сравнительно неплохо отраженный в русских источниках. С конца 1560-х — начала 1570-х гг. османская угроза, нависшая над Западной Европой еще в начале столетия, явственно ощущалась и в России, которая особенно страдала от опустошительных набегов крымских татар. Объективно обе стороны были заинтересованы в совместных военных действиях против турок, однако интерес к заключению союза развивался в обеих странах в разных ритмах: когда одна сторона была готова к прямым переговорам, другая сталкивалась с мешавшими ей сторонними обстоятельствами, будь то очередные выборы короля в Польше, нежелание Ивана Грозного поступиться важными для него связями с Англией, враждовавшей в это

¹³ По мнению Н.А. Казаковой, книга могла попасть в Россию либо с «испанским» посольством 1525 г., либо с посольством Дмитрия Герасимова в Рим в том же, 1525 году. Однако позже А.И. Клибанов привел убедительные доводы в пользу того, что книга могла быть привезена еще в 1524 г. посольством Якова Полушкина. Подробнее см.: *Казакова Н.А. Западная Европа... С. 140–145; Клибанов А.И. У истоков... С. 25.* Мнение Клибанова не противоречит высказанному Казаковой предположению, что автором перевода Максимилиана Трансильвана на русский язык мог быть именно Дмитрий Герасимов.

Филипп II

время с Испанией, или тяжелейшие для пиренейской державы последствия поражения Непобедимой армады.

Уже в 1576 г. имперские послы на переговорах в Москве обсуждали возможность, в случае победы имперского кандидата на польский трон эрцгерцога Эрнста, создания большой антиосманской коалиции с участием России, Речи Посполитой, Империи и Испании. Русскую сторону это предложение заинтересовало, но королем был избран Стефан Баторий, и до реализации проекта дело не дошло. Вопрос о создании коалиции вновь поднимался в 1581 г. (на переговорах Ивана IV с папским по-

сланцем Антонио Поссевино), в 1585 г., когда русский посол при дворе императора беседовал об этом с испанским послом Гильеном де Сан-Клементе, и в 1587 г., когда польский престол вновь стал вакантным и на него претендовали и царь Федор Иванович, и брат императора Рудольфа II. Хотя выборы тогда вновь окончились неудачно и для России, и для Империи, союз с Испанией продолжал интересовать русское правительство, и в 1589 г. Борис Годунов предложил пригласить на следующий год послов Империи, Испании и папы римского в Москву. Однако ответа не последовало: Испании на следующий год после катастрофы с Армадой явно было не до союза с Россией против турок.

Последняя попытка договориться о совместных действиях была предпринята в конце 1593 — 1594 г., когда австрийские Габсбурги вели «Долгую войну» с турками. Россия вновь проявила заинтересованность и даже подготовила «опасные» (т.е. проездные) грамоты для послов предполагаемых союзников, чтобы они смогли прибыть в Москву весной 1595 г. для ведения переговоров. Такая грамота для испанского посла, подписанная Федором Ивановичем в 1594 г. и сохранившаяся в Генеральном Архиве Симанкас, является первым известным документом, в котором русский царь обращается именно к королю Испании¹⁴ (а не к главе Священной Римской им-

¹⁴ Текст грамоты см.: Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. I. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е.И.В. Канц, 1851.

перии, который одновременно являлся и королем Испании, как это было в 1520-е гг.). Однако послы так и не прибыли: Филипп II, в то время уже сильно болевший («в летех и в немощи») и сосредоточенный на внутренних и внешнеполитических проблемах, на послание не ответил.

Период 1570-х — 1580-х гг. отмечен очевидным интересом Москвы к Испании как возможной союзнице. Русские дипломаты, особенно возвращавшиеся из Империи и из Италии, постоянно включали в свои отчеты — статейные списки — сведения об Испании и о войнах Филиппа II, которые в совокупности давали весьма полное представление о потенциальной союзнице, ее военных возможностях и внешней политике. Так, удостоились подробного описания победа испано-венецианского флота над турками при Лепанто, присоединение Португалии после гибели в Африке короля Себастьяна («и той было португалскою землею, опричь испанского короля, владети некому»¹⁵) и попытки англичан вернуть трон сопернику Филиппа дону Антонию, борьба с восставшими Нидерландами и вмешательство в нее Англии, гибель Непобедимой армады и неудачные попытки Филиппа II не допустить восшествия на французский трон Генриха Наваррского. В целом постоянно подчеркивались огромные ресурсы и военные возможности Испании: «А испанской король людьми сильнее всех и землею»¹⁶.

Внимание послов привлекают и некоторые события и явления внутренней жизни Испанской монархии. Так, Я. Молвянинов и Т. Васильев, побывавшие в 1582 г. у императора и у римского папы, отмечают нетерпимость испанского короля по отношению к Реформации: он «люторей не любит, многих люторей извел»¹⁷. Лука Новосильцев, посланник к императору в 1584–1585 гг., пишет, что Филипп II назначил наследником своего племянника Эрнста, брата императора Рудольфа II, «а сына своего не хочет на государство посадить, потому что хотел отца своего убить»¹⁸ — так в сообщении русского посла отразилась, с запозданием на семнадцать лет, история конфликта между королем и его сыном доном Карлосом, ставшая одним из источников «Черной легенды».

Помимо сведений, поступавших по дипломатическим каналам, существовали и другие источники. Весьма важную информацию содержали космографии и географические карты, а также печатные атласы, появившиеся в Западной Европе

Стб. 1365–1366. О попытках создания антиосманского союза см.: *Флоря Б.Н.* Испания во внешнеполитических планах русского правительства во второй половине XVI века // *Испания и Россия: исторические судьбы...* С. 73–76. Об интересе Филиппа II к идее антиосманского союза с Россией см.: *Egea Fernández M.A.* La primera embajada rusa de Piotr Potiomkin a la Monarquía Hispánica: La renovación del contacto interrumpido u olvidado // *Испания и Россия: исторические судьбы...* С. 77–84, особенно с. 80–83.

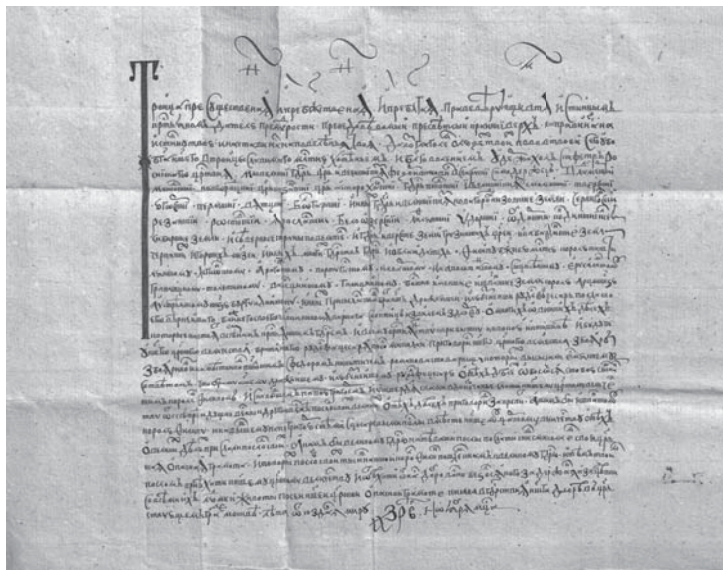
¹⁵ Памятники... Т. I. Стб. 891–892.

¹⁶ Там же. Т. X. СПб., 1871. Стб. 27.

¹⁷ Там же. Т. I. Стб. 891.

¹⁸ Там же. Стб. 951.

Проездная грамота
послов Федора
Ивановича 1594 г.
Генеральный архив
Симанкас

в последней трети XVI в.; собственно карты сопровождалась в них текстами, содержащими краткую, но емкую характеристику соответствующих стран. Хотя первые русские переводы атласов Ортелия и Меркатора были сделаны только в XVII в., многочисленные латинские издания атласа Ортелия и его переводы на европейские языки могли использоваться в России уже в конце XVI в.

Сведения, сходные по своему характеру с данными атласов и космографий, содержатся и еще в одном тексте, который имел хождение в России второй половины XVI в. Речь идет о «Хронике всего мира» польского историка Марцина (Мартина) Бельского. Впервые изданная на польском в 1551 г. и впоследствии не раз переиздававшаяся и переводившаяся на русский, украинский и белорусский языки, она сразу же стала одним из источников Хронографа западнорусской редакции и вошла таким образом в русскую культурную традицию. Помимо сведений по истории Испании, фигурирующих в разных местах Хронографа (таких, например, как войны Карла Великого с испанскими мусульманами, избрание Карла Габсбурга императором, победы его войск при Павии и при Мюльберге), он содержит и компактный, всего около страницы, текст «О Гишпании», который представляет несомненный интерес¹⁹. Автор начинает с объяснения названия страны («отъ мѣста Гиспалусъ, егоже днесь зовуть Сибилия»), подчеркивает ее большие размеры («та земля зашла велику часть Европiи») и характеризует ее географическое положение (между Атлантикой, Средиземным морем и Пиренеями). Затем следует настоящий панегирик стране и ее обитателям: «Всѣми благими исполнена, хлѣбодаровита, злата, сребра, ризъ, каменія драгаго довольно в себѣ имѣтъ, въ

¹⁹ Полное собрание русских летописей. Т. XXII. Ч. II. Пг.: Тип. М.А. Александрова, 1914. С. 230.

зною и въ студености мѣрна...»²⁰ Мы встречаем здесь сведения о переселении в Испанию варварских племен и об арабском завоевании, об античном делении на провинции и средневековом — на королевства, о заокеанских открытиях и нравах испанцев. «Обычай же людей Гишпанскихъ: домового житія у нихъ назирають жены, всякого имѣнїя, мужие живутъ зброею, в мужество упражняются, в ризахъ и в dospѣсѣхъ прудки и рѣзвы, на гладь и на зимность и на инья нужа терпѣливи, гостей приимають честнѣ, с радостію»²¹. И эта характеристика Испании, и построенные сходным образом описания других земель могли быть доступны русским дипломатам, расширяя их знания о стране и влияя на язык и стиль статейных списков.

Таким образом, в течение XVI в. разнообразные контакты между Россией и Испанией, сначала спорадические и преимущественно косвенные, в дальнейшем приобретают все более регулярный характер. На фоне растущего интереса к Испанской монархии как к могущественному потенциальному союзнику против турок в России резко возрастает объем знаний об Испании, их спектр становится более широким. Заложенные именно в это время основы последующих взаимоотношений сделали возможным отправление в XVII в. первых русских посольств в Испанию.

ОБРАЗ РОССИИ В ИСПАНИИ В XVI И XVII ВЕКАХ

Когда в 1500 г. картограф Хуан де ла Коса, попытавшийся дать общую картину известного мира, создал свою знаменитую карту (*mapamundi*)²² с ее замечательно точной обрисовкой очертаний американских берегов, открытых в 1492 г. и исследованных в последующие годы, он, тем не менее, нанес — с меньшей точностью — европейские, африканские и азиатские территории²³. В этом он следовал традиции авторов мальоркских средневековых морских карт-портоланов, рисовавших на изображаемых ими территориях некоторые реальные или мифические города и аллегорические фигуры. Восточнее Балтийского моря, очертания которого были сильно искажены, был изображен восседающим на своем троне *король России*. Место России на карте было показано верно — с татарами на востоке, но с гораздо меньшим числом деталей, чем изображение прочих удаленных и неизвестных ему регионов. Бытовавшее в начале XVI в. представление о расположении региона, столь далекого от Пиренейского полуострова, было смутным, но в целом правильным.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Морской музей Мадрида. Мы рассматриваем эту карту, точность которой была превзойдена уже в ближайшие после ее создания годы, хотя она не переиздавалась вплоть до конца XIX в., когда ее обнаружили и восстановили.

²³ *Varela Marcos J.* Juan de la Cosa: la cartografía histórica de los descubrimientos españoles. Sevilla: Universidad Internacional de Andalucía, 2011.

Знания людей, населявших испанские территории, об этих европейских северных районах, смыкающихся с огромным азиатским континентом, основывались в первую очередь на классической географической традиции Птолемея²⁴ или Страбона, зафиксированной в средневековой литературе. Границы этого знания были существенно расширены благодаря признанию шарообразности Земли и открытиям, совершенным испанцами и португальцами начиная с середины XV в. Испанские и португальские корабли держали курс на запад, к мифическим странам Катаю и Сипанго, откуда сухопутным путем, пройденным за столетия до этого итальянцем Марко Поло, а в начале XV в. и мадридцем Руем Гонсалесом де Клавихо, поступали специи и шелк. Корабли Колумба стремились достичь этой же цели западным путем, и его ошибка в оценке размеров земного шара и соотношения суши и океана привела к открытию Нового Света, в то время как португальцы, обогнув африканский континент, проложили морской путь в страны Востока. Если морские просторы Северной Атлантики в самом начале XVI в. и привлекали баскских рыбаков, заходивших туда в поисках высоко ценившейся трески, то земли севернее и восточнее Скандинавии интереса для пиренейских стран не представляли. Между тем их европейские соперники, англичане и голландцы, не пренебрегали торговлей с северными регионами. При отсутствующих или очень редких непосредственных контактах все, что было известно в XVI в. на Пиренейском полуострове о северных землях, черпалось из карт и книг, изданных на латыни или переведенных на испанский язык.

Опираясь на эти данные, были изучены различные электронные версии изданий²⁵, опубликованных между 1500 и 1699 гг., в которых упоминался термин *Moscovia* (со всеми вариантами того времени: *Moscouia*, *Moscobia* также в написании, начинающемся со строчной буквы), термины, производные от него: *moscovita*, *moscouita*, *moscobita/as*, а также *Rusia*, *Russia*, *ruso-a*, *rusianos-as*, *ruthenos*. Суммарно по всему набору терминов в CORDE была зафиксирована

²⁴ *Sánchez Martínez A.* Representación por imitación: el renacimiento de la Geographia de Ptolomeo y las pinturas del mundo conocido // Lull. Boletín de la Sociedad Española de Historia de las Ciencias 34. 2011. № 34. P. 391–418.

²⁵ Первый из них был разработан Испанской Королевской академией: Corpus Diacrónico del Español (CORDE). Real Academia Española: Banco de datos [en línea] (CORDE. <http://www.rae.es>). Также исследовались материалы Виртуальной библиотеки им. Сервантеса (BVC) (<http://www.cervantesvirtual.com>), что позволило идентифицировать термины в полных текстах произведений, используя принцип соответствия. Кроме того, были исследованы материалы «Испанского театра Золотого века» (TESO), 1997–2018, распространенные компанией *ProQuest*, а также включены некоторые ссылки из Испанской электронной библиотеки (BDH) (<http://www.bibliotecadigitalhispanica.bne.es>) на базе Национальной библиотеки Испании. Также были исследованы материалы электронной Библиотеки Национального достояния, которая основывается на фондах Королевской библиотеки и Библиотеки монастыря св. Лаврентия в Эскориале (<https://realbiblioteca.patrimoniocacional.es>; дата обращения 15.02.2018). Для экономии места при цитировании будет даваться ссылка на автора, название, дату первого издания и каталожный шифр каждого из произведений, более поздние издания которых можно легко найти в упомянутых каталогах.

Хуан де ла Коса. Маратунди. Фрагмент

481 ссылка (из них 305 упоминаний Московии и России без прилагательных), встречающаяся в 108 различных источниках²⁶. Почти все эти источники увидели свет в XVI и XVII вв., за исключением некоторых документов, опубликованных позднее. В других каталогах были обнаружены источники общим числом свыше 130. Для сравнения: в CORDE был произведен поиск названий других стран с целью проверки упоминания наций, наиболее близких к Испании географически и по интересам (см. табл.).

Среди работ по географии, указывающих на положение дальних стран, особого внимания заслуживает известная «Космография» Петера Апиана, впервые опубликованная в 1524 г., дополненная в 1539 г. и переведенная на испанский язык (Антверпен, 1548), которая включает в свое описание регионы Руси, Белой Руси и Московии с их основными городами²⁷.

²⁶ Количество имеющихся в CORDE источников за период 1500–1699 гг. составляет в целом 9482 документа.

²⁷ CORDE, trad. al español de la *Cosmografía* de Pedro Apiano, 1548–1575 / Ed. de R. Rojo Calvo. Salamanca: CILUS, 2000.

Таблица

Частота упоминания стран в текстах,
опубликованных на испанском языке в XVI и XVII вв.²⁸

Название	Кол-во упом.	Кол-во источн.	Название	Кол-во упом.	Кол-во источн.
Франция	16 478	1087	Персия	1906	229
Италия	7028	744	Китай	1220	174
Португалия	6920	700	Голландия/ Олландия	889	184
Фландрия	4141	784	Польша	595	150
Англия	3059	392	Ирландия	479	43
Турция/Турко	2709	327	Татария	455	68
Германия	2387	478	Япония/Хапон	447	73
Австрия	2266	428	Швеция	437	74
Moscovia -uia -bia / Rusia / Russia				305	89

В книге Бальдассаре Кастильоне «Придворный» (1528), переведенной Хуаном Босканом на испанский язык в 1534 г.²⁹, упоминается торговля ценными мехами — *forros* или *aforros*, как их тогда называли. Эти меха поступали в Польшу в числе товаров, ввозившихся из Руси, и среди них особо ценились соболя. Соболя, как и горностаи, с указанием места их происхождения — Московии, будут упомянуты и в «Диалогах об искусстве охоты» (ок. 1580) Луиса Бараона де Сото³⁰, а также в «Переводе книг по естественной истории животных Плиния» (1599) Херонимо де Уэрты³¹. Последний текст указывает на Россию как на место обитания зубра или зуброна (гибрида тура или европейского зубра с одомашненными коровами), а также грызуна, похожего на сурка.

26

Россия была далекой страной, которая входила в огромный регион Сарматии и, как это описывается в «Сумме географии, в которой идет речь обо всех местностях и территориях мира» (1519) Мартина Фернандеса де Энсисо, была расположена к востоку от Ливонии, к северу от Польши и Пруссии и протянулась до границы Татарии в азиатской Сарматии³². Император Карл V покровительствовал Севильской Торговой палате и тем самым способствовал развитию географических знаний, а его картограф Алонсо де Санта-Крус³³ на своей

²⁸ CORDE. <http://www.rae.es> (дата обращения 15.02.2018).

²⁹ CORDE, ed. de M. Pozzi, Cátedra. Madrid, 1994.

³⁰ CORDE, ed. de J. Zarco Cuevas, duque de Almazán. Madrid, 1935.

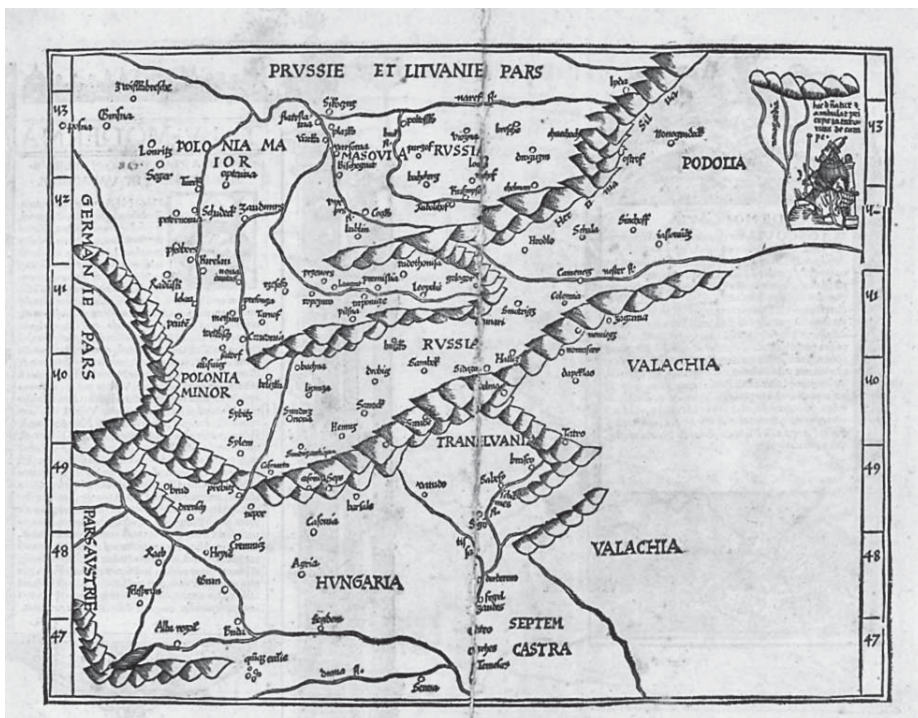
³¹ CORDE, ed. Real Academia Española. Madrid, 2004.

³² CORDE, ed. de J.R. Carriazo Ruiz. Salamanca: CILUS, 2003.

³³ Об интересе императора и его отношениях с Санта-Крусом и другими картографами см.: *Gonzalo Sánchez-Molero J.L.* El César y los libros: un viaje a través de las lecturas del Emperador desde Gante a Yuste. Yuste, Cáceres: Fundación Academia Europea e Iberoamericana de Yuste, 2008. P. 204–218.

Карта Клавдия Птолемея

Карта входит в состав атласа Лаврентия Фризиуса 1522 г., *Claudii Ptolemaei Geographicae enarrationis libri octo* в переводе Виллибальда Пиркхаймера. Атлас состоит из 50 карт, опирающихся на переработанную версию «Географии» Птолемея, осуществленную в 1513 г. Мартином Вальдземюллером. В 1525 г. Йохан Гренингер выпустил в Страсбурге второе издание данного атласа. Повторное открытие труда Птолемея в конце Средних веков обозначило начало современной картографии. «География» Птолемея пришла на Запад двумя путями: арабским — через Иберийский полуостров во время расцвета Кордовского халифата — и византийским.

Клавдий Птолемей. Карта Венгрии, Польши, России, Пруссии и Валахии

Признание данного труда европейскими картографами XV в. связано с тем, что в нем они нашли практическое руководство для создания более совершенных карт, чем средневековые образцы, основанные на Священном Писании и известные как карты типа Т-О. Важно помнить, что Птолемей интерпретирует понятие «география» в графическом, а не в описательном смысле, понимая эту дисциплину как «искусство рисовать общие карты Земли», и устанавливает различие между географией и хорографией.

карте мира 1542 г.³⁴ и в «Общем описании всех островов мира» (ок. 1542–1560) собрал основные топонимы России³⁵. «Холодная земля» — так она называется в «Беседах Палатино и Пинсиано» (ок. 1550) Хуана Арсе де Оталора³⁶. Таким образом просвещенные круги получали все более полное представление о северных пределах Европы. Поэтому нет ничего странного в том, что в «Первой части всеобщей истории Индий» (Сарагоса, 1552) Франсиско Лопеса де Гомара³⁷ упоминания Московии встречаются в связи с интересом к торговле азиатскими товарами и к маршрутам, которыми они доставлялись из восточных стран через Московию. Алонсо де Эрсилья в эпической поэме «Араукана» (Мадрид, 1578)³⁸ включает в географическое описание мира такие стихи:

Взгляни на север, на Московию, которую считают
последней областью населенного мира.
С одной стороны ее границам и размаху
ставят предел Рифейские горы,
и, простираясь от истоков Танаиса,
она доходит до Гиперборейской горы и ледового моря,
граничит с Сарматией и Татарией
и тянется на юге до Руси.

Андрес де Поса в «Гидрографии» (1585)³⁹ поднимал вопрос о существовании морского пути, огибающего Азию по северу России на восток, за Новую Землю, и сообщал, что английские суда заходили в Архангельск, откуда товары перевозились баржами по реке Двине, а затем по суше до Волги и через Каспийское море на восток⁴⁰. Брат Хуан Гонсалес де Мендоса

³⁴ Nova verior et integra totius orbis descriptio nunc primum in lucem edita per Alfonsum de Santa Cruz. Caesaris Charoli V archic cosmographum. Bibliotheca Real de Estocolmo, 1542. — <http://libris.kb.se/bib/10188630>. Его топонимы описаны в кн.: *Dahlgren E.W.* Map of the World by Alonzo de Santa Cruz: 1542. Stockholm: P.A. Norstedt, 1892. — <http://archive.org/details/mapofworld00sant> (дата обращения 10.02.2018). Описание этой карты приводится по кн.: *Martín-Merás M.L.* Cartografía marítima hispana: la imagen de América. IGME, 1993. P. 101.

³⁵ Хранится в Национальной библиотеке Испании. Электронная версия: <https://www.wdl.org/es/item/10090/> (дата обращения 10.02.2018). Комментируется по кн.: *Martín-Merás M.L.* Cartografía marítima... P. 102–111. На с. 71v–72r включены Балтийские страны, а в описании Скандии на с. 62v–72r неоднократно упоминается Московия как сопредельная страна, без большой конкретики и со ссылками на Олауса Магнуса.

³⁶ CORDE, ed. de J. Luis Ocasar Ariza. Madrid: Turner, 1995.

³⁷ CORDE, ed. de I. Caballero Martínez-CILUS. Salamanca: CILUS, 2000.

³⁸ CORDE, ed. de I. Lerner. Madrid: Cátedra, 1993.

³⁹ CORDE, ed. de G. Herráez Cubino. Salamanca: Universidad de Salamanca, 2003.

⁴⁰ Спустя годы получила распространение и вскоре дошла до Испании кн.: *Le Veer G.* Vraye description de trois voyages de mer tres admirables, faites en trois ans, a chacun an un, par les navires d'Hollande et de Zelande au Nord par derriere Norwege, Moscovie et Tartarie vers les royaumes de China & Catay: ensemble les decouvremens du Waygat, Nova Sembla & du pays situé sous la hauteur de 80 degrez lequell on presume estre Groenlande. Ámsterdam: Nicolas Cornelis, 1609.

в «Истории самых замечательных вещей, ритуалов и обычаев великого Царства Китая» (1585–1586)⁴¹ говорит о торговцах, которые приезжали из Китая в Германию через Русь и Московию. Уже упомянутый выше Поса в книге «О старинном языке, поселениях и регионах Испании» (1587)⁴², прежде чем перейти к иберийским языкам, классифицирует другие европейские языки и определяет язык поляков, чехов и московитов как *славонский* (славянский). Тот же автор, перечисляя названия различных народов и объясняя, почему эти названия были ими выбраны, утверждает, что слово «*московиты*» означает «*рассеянные по своим селениям*». Не менее парадоксальным выглядит его утверждение, что народы Московии, Пруссии, Руси и Литвы, которые носят особые шапки, отличаются воинственностью, и никому и никогда не удавалось их завоевать, и что подобные головные уборы встречаются и у баскских женщин. В трудах по астрологии, опиравшихся на знания, которые ныне относят к области астрономии и географии, и даже при обычном перечислении земель и регионов не обходилось без указания на северные территории, где была расположена Россия, как, например, в тексте неизвестного автора «Свод времен, охватывающий период с 1554 по 1602 г.» (1554)⁴³ или в «Книге о новой комете» (1573)⁴⁴ Херонимо Муньоса.

Удаленность и экзотичность этих холодных и неизведанных земель превратили их в пространство вымысла, в фантастическое место действия некоторых рыцарских романов. В частности, эпизодические упоминания *Руси* и *росиан*, или *Москобии* встречаются в таких повествованиях, как «Бальдо» (1542)⁴⁵ неизвестного автора, «Белианис Греческий» (1547) Херонимо Фернандеса⁴⁶, а особенно во «Флоризеле Никейском» (Саламанка, 1551) Фелисиано де Сильва⁴⁷ и в «Зерцале государей и рыцарей, или Рыцаре Феба» (1555) Диего Оргуньеса де Калаорры⁴⁸. Херонимо де Урреа, переводчик «Неистового Роланда» Лудовико Ариосто (Антверпен, 1549)⁴⁹, где говорилось о России, включил такие же упоминания в свой собственный неизданный роман «Первая часть книги о непобедимом рыцаре доне Кларизеле де лас Флорес» (ок. 1574)⁵⁰.

⁴¹ CORDE, ed. de F. García. OSA. Madrid: Aguilar, 1944.

⁴² CORDE, ed. de Á. Rodríguez Herrero. Madrid: Ediciones Minotauro, 1959.

⁴³ CORDE, ed. por M.J. Monsalvo. Salamanca: CILUS, 2000.

⁴⁴ CORDE, ed. por Mª T. Cantillo y R. Rojo Calvo. Salamanca: Universidad de Salamanca, 2003.

⁴⁵ CORDE, ed. de F. Gernert. Alcalá de Henares: Centro de Estudios Cervantinos, 2002.

⁴⁶ CORDE, ed. de L.E.F. de Orduna. Kassel: Reichenberger, 1997.

⁴⁷ *Villaverde Embid M.P.* Florisel de Niquea. Cuarta parte, libro I: de F. de Silva. Salamanca: Andrés de Portonaris, 1551: guía de lectura. Alcalá de Henares. Centro Estudios Cervantinos, 2002. Царь России Бальтазар вместе со своим сыном, царем Газы, сражаются с греками. Устраивается необычная схватка пятьдесят на пятьдесят с участием царей и знати.

⁴⁸ CORDE, ed. de D. Eisenberg. Madrid: Espasa-Calpe, 1975, с четырнадцатью упоминаниями Руси, но, как ни странно, совершенно без упоминаний Московии или даже вариантов этого названия.

⁴⁹ CORDE, ed. de F.J. Alcántara. Barcelona: Planeta, 1988.

⁵⁰ CORDE, ed. de J.M. Asensio. Sevilla: Bibliófilos andaluces, 1879.

«Записки о Московии», труд Сигизмунда фон Герберштейна

Первое издание — на латинском языке — карты Московии было опубликовано в 1549 г. в «Записках о Московии» (*Rerum Moscoviticarum Comentariorum*) Сигизмунда фон Герберштейна, герб которого присутствует на данной карте. Она является копией другой, практически такой же карты, с таким же названием, которая была выгравирована Августинем Хиршфогелем тремя годами ранее. На карте имеется шкала расстояний в виде графика, позволяющего, несмотря на отсутствие сетки координат, определить приблизительный масштаб. На ней показаны реки и моря, важные городские центры, некоторые леса и основные горные цепи — все очень схематично. Заголовок и небольшое число имеющихся топонимов даны на латыни.

Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566) — дворянин, родившийся на территории современной Словении, отправился в свою первую дипломатическую миссию по указанию императора Священной Римской империи в 1515 г. В общей сложности он совершил около семидесяти поездок в разные страны и два раза побывал в Москве. В ходе обоих официальных визитов он стремился раздобыть сведения об обычаях, о правлении, географии и особенно о приграничных областях, при этом он использовал свое знание словенского языка, являющегося, как и русский, языком славянским. Также он попытался заполучить карты, но они были не столько малочисленны, сколько строго засекречены. Примерно в 1540 г. Герберштейн начал классифицировать собранный материал и приступил к написанию «Записок о Московии». Его труд, опубликованный в 1549 г., был признан в качестве основного источника знаний о Великом княжестве Московском, или Московии.

30

Время непосредственных контактов наступило с появлением посольств из России при дворе императора Карла V в Толедо (1523) и Вальядолиде (1525 и 1527)⁵¹. Сведения о посольствах были зафиксированы в хрониках Франсесильо де Суньиги (1525–1529)⁵² и в хронике Алонсо де Санта-Круса (1550–1552)⁵³, в то время не опубликованных. Следующие московские дипломатические миссии были приняты в Савойе и Аугсбурге в 1537, 1548 и 1551 гг.⁵⁴, а о посольстве татар и русских 1547 г. упоминает брат Пруденсио де Сандоваль во второй части «Истории жизни и деяний императора Карла V» (Памплона, 1614)⁵⁵.

⁵¹ López de Meneses A. Las primeras embajadas rusas... P. 210–226.

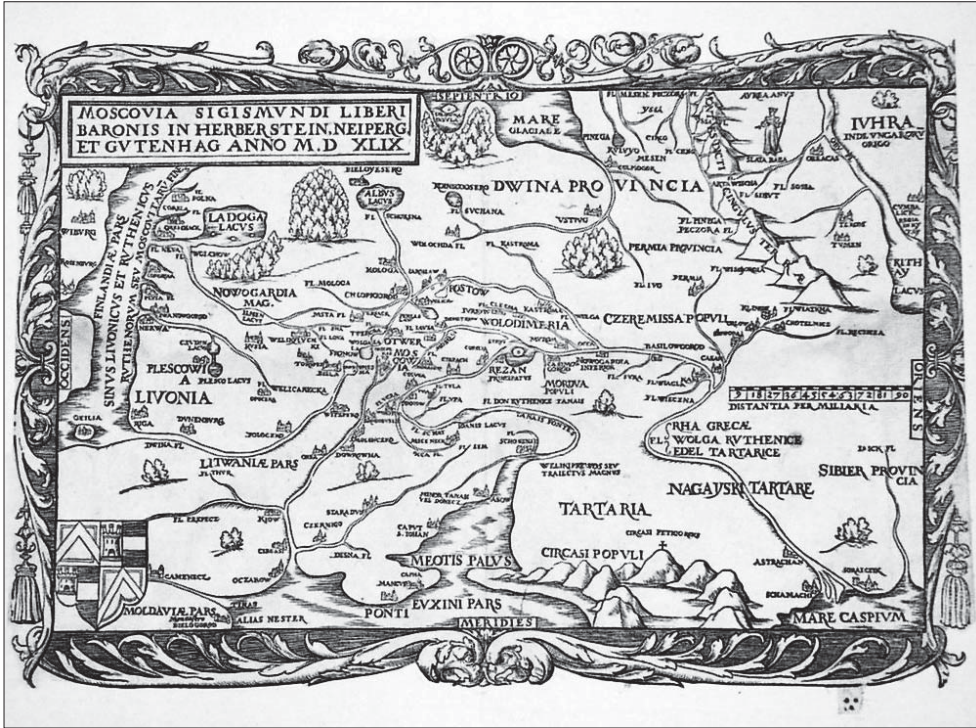
⁵² CORDE, ed. por J.A. Sánchez Paso. Sevilla: Universidad de Salamanca, 1989.

⁵³ CORDE, ed. por R. Beltrán y A. Blázquez. Madrid: Real Academia de la Historia, 1920.

⁵⁴ Egea Fernández M.A. La primera embajada moscovita a la Monarquía Hispánica. Piotr Ivánovich Potiomkin ante la corte de Carlos II (1667–1668) // From Ireland to Poland: Northern Europe, Spain and the Early Modern World / E. García Hernán y R. Skowron (Coord.). Valencia: Albatros Ediciones, 2015. P. 276.

⁵⁵ CORDE, ed. de la Universidad de Alicante. Alicante, 2003.

Сигизмунд Герберштейн. Карта Московии

Начиная с середины 1500-х гг. стали появляться более реальные свидетельства. Были опубликованы «Записки о Московии» (1549) барона Сигизмунда фон Герберштейна⁵⁶; «История северных народов» (1558) Олауса Магнуса, епископа Упсалы⁵⁷; «История этого времени» (1553–1554) Паоло Джовио, переведенная на испанский язык в 1562 г. под названием «Книга историй и событий, происшедших в Германии, Испании, Франции, Италии, Фландрии, Англии, Королевстве Артуа, Дакии, Греции, Славонии, Египте, Польше, Турции, Индии и в Новом мире, а также в других королевствах и

⁵⁶ *Herberstein Freiherr S. von Rerum Moscoviticarum Commentarii*. s.l., 1549. Существуют более поздние издания, 1551, 1557, 1571 гг., и перевод на итальянский язык 1550 г.

⁵⁷ *Magnus O., Schrijver C. Historia de gentibus septentrionalibus*, autore Olao Magno, Gotho, archiepiscopo Vpsalensi, Suetiae & Gothiae primate. A Cornelio Scribonio Grapheo, praeclare vrbi Antuerpianae à secretis, sic in Epitomen redacta, vt non minus clarè quàm breuiter quicquid apud Septentrionales scitu dignum est, complectatur apud Ioannem Bellerum, sub insigni. Falconis, 1562 (1-a ed. Amberes, Plantino, 1558).

владениях»⁵⁸; вышла в свет «Московия» (1586) иезуита и посла Антонио Поссевино⁵⁹. Эти тексты вскоре после их издания оказались в лучших испанских библиотеках. Хосе Микона, автор «Дневника и рассуждения о большой комете, которая вновь явилась нам в движении на Запад» (1578)⁶⁰ называет Олауса Магнуса тем, кто показал влияние наклона оси вращения Земли на продолжительность светового дня в зависимости от времени года, а также объяснил причину длинной полярной ночи внутри арктического круга.

Известным произведением с большим числом сведений о Московии был «Сад невиданных цветов» (1569) Антонио Торкемады⁶¹. На конгрессе, специально посвященном этой книге, Мерседес Кобос доказала, что в библиотеках современных Торкемаде писателей имелись экземпляры *Rerum Moscoviticarum commentarii*: ими располагали, в частности, драматург Дамиан Салусио дель Пойо, упомянувший в «Генеалогии и происхождении Гусманов» «князей Московии, императоров России», а также доктор Константино Понсе де ла Фуэнте. Салусио также владел «Сообщениями со всего мира» Джованни Ботеро Бенеса⁶². У Родриго Каро были экземпляры Помпонио Мелы, Абрахама Ортелия и «Северной истории» Олауса Магнуса⁶³. Ссылаясь на него, а также и на других авторов, Торкемада подробно описывал отправление русскими православного христианского обряда, сравнивая его с мусульманскими обрядами у турок, а также обращал внимание на географическое положение страны, расположенной между Польшей и Татарией, с морем на севере, покрытым льдами, делавшими судоходство невозможным. Несмотря на

⁵⁸ *Giovio P.* Libro de las historias y cosas acontecidas en Alemaña, España, Francia, Italia, Flandres, Inglaterra, Reyno de Artois, Dacia, Grecia, Sclauonia, Egipto, Polonia, Turquia, India y mundo nueuo y en otros reynos y señorios, comenzando del tiempo del Papa Leon y de la venida de Carlos quinto de España hasta su muerte. Compuesto por Paulo Iouio en latin; y traduzido en romance castellano por Antonio Ioan Villafranca y por el mismo añadido lo que faltaua en louio hasta la muerte del Emperador Carlos quinto...; dirigido al muy alto y muy poderosos señor don Carlos, principe de las Españas. Valencia: Casa de Ioan Mey, 1562. О Московии также говорится в кн.: *Giovio P.* Regionum et insularum atque locorum: descriptiones; videlicet Britanniae, Scotiae, Hyberniae, Orchardum, Item Moscoviae et Larii Lacus, quibus... de piscibus Romanis libellum vere aureum adiunximus. Basilea: Pernaetypis, 1578.

⁵⁹ *Possevino A.S.I.* Antonii Possevini Societatis Iesu, Moscovia. Vilnae in Lituania: apud Ioannem Velicensem, 1586.

⁶⁰ CORDE, ed. por S.D. de Castro. Salamanca: CILUS, 2000.

⁶¹ CORDE, ed. por L. Rodríguez Cacho. Madrid: Turner, 1994. Также было просмотрено изд.: *Allegra G.* Antonio de Torquemada, Jardín de flores curiosas. Madrid: Castalia, 1983. Помимо многочисленных публикаций на испанском языке, оно было переведено на английский, итальянский и французский языки.

⁶² *Botero Benes G.* Relaciones universales del mundo. Primera y segunda parte traduzidas... por el Lic. Don Diego de Aguiar. Valladolid: Los herederos de Diego Fernández de Córdoba, 1600.

⁶³ *Cobos M.* Sobre una vocecilla con la que tropezaron dos grandísimos editores y su posible interpretación con la ayuda del *Jardín de flores curiosas* y otros textos // La maravilla escrita, Antonio de Torquemada y el Siglo de Oro / J.J. Alonso Perandones, J. Matas Caballero y J.M. Trabado Cabado (Coord.). León: Servicio de Publicaciones, 2005. P. 293–294.

это, русским, пройдя через Татарию, все же удавалось торговать с Востоком⁶⁴. Он приводил и интересные подробности, как для перемещения по снегу и льду использовали лыжи и сани⁶⁵. Другие сведения являются вымышленными. Таков, например, рассказ о пещере в городе Выборге, издающей ужа-сающий шум⁶⁶. Таково и упоминание о волках-оборотнях, характерное для традиции, идущей от классических географов: «На этой земле московитов есть место, называемое краем *Невров*, которые в определенные месяцы лета превращаются в волков, а затем вновь возвращаются в людское обличье»⁶⁷.

Считалось, что такие превращения совершались колдунами, владевшими черной магией, с которой следовало бороться. И вот как об этом рассказывается в данной книге: «Не столь давно один из императоров России приказал схватить человека, который, согласно молве, был одним из тех оборотней, повелел привести его к себе, предварительно приковав к цепи, и спросил, действительно ли он может изменить свой облик на волчий. Тот ответил, что может. Тогда государь-император приказал ему тотчас это исполнить, и человек, ненадолго зайдя в помещение, вернулся в обличье волка, но все так же прикованного к своей цепи. Между тем император заблаговременно повелел привести двух свирепых волкодавов, которые, увидев человека и приняв его за настоящего волка, бросились к нему и жестоко разорвали на части, не оставив несчастному ни единой возможности для защиты»⁶⁸.

Торквемада рассказывает также и о ценных мехах животных, на которых охотились в Московии, а в другом месте — о смерти итальянского посла, не обнажившего голову перед князем Московии, и следующим образом характеризует его подданных: «Эти *москобиты* — хитрые, сметливые люди, не привыкшие держать слово, и, сверх всего, — жестокие»⁶⁹. В основе неприязни к жителям других стран лежали укоренившиеся предрассудки: так, Кристоаль де Кастильехо в «Диалоге похвалы и истины» (1545) называл Московию *грубой*⁷⁰. Более соответствующей действительности выглядит глава, посвященная так называемой Северной Республике [Скандинавии] и Московии в «Республиках мира» (1575) брата Херонимо Романа⁷¹ и в «Описании всех областей и королевств мира, взятом из тосканских рассказов Джованни Ботеро» (1602), опубликованном Хуаном де Ребульсой⁷².

⁶⁴ CORDE, Jardín de flores curiosas... P. 819.

⁶⁵ Ibid. P. 863–864.

⁶⁶ Ibid. P. 856.

⁶⁷ Ibid. P. 827.

⁶⁸ Ibid. P. 868.

⁶⁹ Ibid. P. 899.

⁷⁰ CORDE, ed. de J. Domínguez Bordona. Madrid: La Lectura, 1928. Прочие нации были заклеены присущими им пороками: чревоугодие Германии и Польши, болтливость Греции, лживость Франции, непостоянство Италии и т.д.

⁷¹ *Román J.* Republicas del Mundo, divididas en XXVII libros. Ordenadas por F. Hieronymo Roman. Medina del Campo: Francisco del Canto, 1575.

⁷² *Rebullosa J.* Descripción de todas las provincias y reynos del mundo sacada de las relaciones toscanas de Juan Botero, Gabriel Graells y Giraldo Dotil, 1602; *Botero G., Rebullosa J.*

Новости, приходившие из России через Польшу и Вену⁷³, а также поступавшие из посольства в Лондоне, который имел оживленные торговые связи с Московией, отвечали и династическим интересам Филиппа II⁷⁴. Всеобщие, или всемирные, истории, появившиеся в XVI и XVII вв.⁷⁵, включали все больше информации о событиях в северных государствах Европы, затрагивавших интересы Габсбургов, при этом особое внимание уделялось польско-литовской конфедерации, которая вела частые войны с Россией, противостоявшей, в свою очередь, шведам и татарам. О подобных событиях рассказывал хронист Антонио де Эррера⁷⁶, они же нашли отражение и в «Папской и католической истории»⁷⁷, в «Жизни и деяниях Пия V» (1595) Антонио де Фуэнмайора⁷⁸. Как объясняет Педро Гарсиа Мартин, эти и другие сведения не только информировали, но и вдохновляли авторов на то, чтобы включать московитов и Великого князя Московии в произведения испанской литературы и особенно театра Золотого века.

В начале XVII в. после издания «Сообщений» (1604) Хуана Персидского, посла Сефевидов к Филиппу III, обращенного в католицизм, знания

Theatro de los mayores principes del mundo y causas de la grandeza de sus Estados: sacado de las Relaciones toscanas de Iuan Botero Benès: con cinco tratados de Razon de Estado. Barcelona: J. Mathevad, 1605.

⁷³ *Egea Fernández M.A.* La primera embajada rusa de Piotr Potiomkin a la Monarquía Hispánica: la renovación del contacto... Особенно сведения, касающиеся отношений с Россией, которые хранятся в фонде «Государство» Генерального Архива Симанкас.

⁷⁴ CORDE. Cartas y relaciones de Bernardino de Mendoza, 1578–1580. Эту информацию также можно почерпнуть из писем графа Гондомара, находящихся в Королевской библиотеке.

⁷⁵ *Feros Carrasco A.* ¿Conocer para poseer? Historia del mundo y sus regiones en las bibliotecas españolas de los siglos XVI y XVII // Historia en fragmentos: estudios en homenaje a Pablo Fernández Albaladejo. Madrid: UAM Ediciones, 2017. P. 345–364.

⁷⁶ *Herrera A. de.* Historia general del mundo, de XVI años del tiempo del señor Rey don Felipe II el Prudente, desde el año de M.D.LIX. hasta el de M.D.L.XXIII, 2. Madrid: Luis Sánchez, 1601; *Herrera y Tordesillas A. de.* Segunda parte de la historia general del mundo, de 15 años del tiempo del señor rey don Felipe 2, el Prudente, desde el año de 1571 hasta el 1585. Valladolid: Iuan Godinez de Millis, 1606.

⁷⁷ *Illescas G. de.* Segunda parte de la Historia Pontifical y Catholica: en la qual se prosiguen las vidas y hechos de Clemente Quinto, y de los demas Pontifices sus predecesores, hasta Pio Quinto, y Gregorio Decimo Tercio. Barcelona: La emprenta de Iayme Cendrat, 1606; *Bavia L. de.* Tercera Parte de la Historia Pontifical y Catolica... contiene esta tercera parte de la historia Pontifical, las cosas mas notables sucedidas en el mundo, desde el año de mil y quinientos y setenta y dos, hasta el de mil y quinientos y nouenta y vno. Madrid: Luis Sanchez, 1608; *Illescas G. de.* Historia pontifical y catolica, en la qual se contienen las vidas y hechos notables de todos los Sumos Pontifices Romanos... con mas vna breue recapitulacion de las cosas de España, y la decendencia de los Reyes... [primera quarta parte]. Madrid: La Imp. Real a costa de Iuan Hafrey [sic], 1613; *Guadalajara y Xavier M. de.* Historia pontifical y catholica. 4a imp., Madrid: viuda de Luis Sanchez, 1630.

⁷⁸ CORDE, ed. de L. Riber. Madrid: Real Academia Española, 1953.

друг о друге претерпели заметные изменения⁷⁹. В книге он подробно рассказывает о путешествии персидской дипломатической миссии от Астрахани до Архангельска, о пышном приеме в Москве, описанном с восхищением и большим количеством деталей, при этом не обходится без вставок из Ботеро и прочих авторов. В записках авантюриста и шпиона Энтони Шерли «Вес всего мира» (1622) и «Слово об усилении этой монархии» (1625) видна тесная связь с этой книгой, поскольку ее автор сопровождал персов, прибывших с этим посольством⁸⁰. Написанные в свободной и легкой форме, записки, хоть и неизданные, имели хождение в рукописном виде. В них рассматриваются все государства-соперники и все возможные союзники Испанской монархии. В отдельных главах, посвященных Московии, говорится о торговле, которую с ней вели англичане, голландцы и шведы, завозившие туда, в числе прочего, некоторые товары, произведенные в Испании — вина, масла, специи — и вывозившие из Московии кожи, меха животных и другие товары, в том числе судовые снасти очень высокого качества, на что указывал Томе Кано в «Диалоге между жителями Бискайи и Монтаньи об изготовлении судов» (1631)⁸¹. Но главным продуктом (с указанием его происхождения) была яловая кожа из Московии — очень высоко ценившийся товар, который использовали для того, чтобы обивать кресла и стулья, накрывать бюро и даже охлаждать летом постели. Яловая кожа упоминается в литературных произведениях, она зачастую фигурирует и в различных документах — например, в завещании Кальдерона де ла Барки (1681)⁸², а также в различных описях, составленных в Толедо⁸³, Мурсии⁸⁴, Бадахосе⁸⁵ или даже в Лиме (Перу)⁸⁶. В тексте 1642 г. говорится о «новых креслах из яловой кожи из Московии».

⁷⁹ CORDE, ed. de N. Alonso Cortés. Madrid: Real Academia Española, 1946. См. также: *García Hernán E., Cutillas Ferrer J. y Matthee R. The Spanish Monarchy and Safavid Persia in the Early Modern Period: Politics, War and Religion.* Valencia: Albatros, 2016. После присоединения к Испании Португалия во многом от нее зависела, а интересы Португалии в Персидском заливе генерировали обширную информацию, в том числе и о дипломатических миссиях в Европу, пересекавших на своем пути Россию.

⁸⁰ *Sherley A. Peso de todo el mundo (1622). Discurso sobre el aumento de esta monarquía (1625)* / A. Alloza Aparicio, M.A. de Bunes Ibarra, y J.A. Martínez Torres (Ed.). Madrid: Polifemo, 2010.

⁸¹ CORDE, ed. de J.R. Carriazo Ruiz-CILUS. Salamanca: CILUS, 2000.

⁸² CORDE, ed. de A. Matilla Tascón. Madrid: Instituto de Estudios Madrileños, 1983.

⁸³ CORDE, *Inventario de los bienes del doctor don Martin Martinez. Documentos procedentes del archivo provincial, 1655.* Mariano Maroto, Toledo, Ed. electrónica, 1998.

⁸⁴ *Agüera Ros J. C. Pintura y sociedad en el siglo XVII: Murcia, un centro del barroco español,* Real Academia Alfonso X El Sabio, Murcia, 1994. Biblioteca Digital de la Región de Murcia // Biblioteca virtual “Miguel de Cervantes” (CVC). На P. 86 упоминаются «десять стульев, обитых яловой кожей из Московии с использованием позолоченных гвоздей», в 1675 г.

⁸⁵ *Álvarez Sáenz de Buruaga J. Materiales para la historia de Mérida: de 1637 a 1936.* Ed. digital a partir de Mérida, Diputación Provincial de Badajoz, Ayuntamiento de Mérida, 1994 (CVC). В июле 1650 г. в тексте упоминается яловая кожа из Московии для бюро в городском совете.

⁸⁶ *Bermúdez J.M. Anales de la Catedral de Lima, 1534 a 1824.* Lima: Imp. del Estado, 1903. P. 64.

Москва в «Записках о Московии» Сигизмунда фон Герберштейна

Гравюра с видом Москвы с высоты птичьего полета опубликована в издании атласа *Civitates Orbis Terrarum* 1580 г. (см. цветную вклейку), где копируется изображение из книги Сигизмунда фон Герберштейна «Записки о Московии». Это произведение, в котором рассказывается о религии, политике, обществе и обычаях России на основе информации, собранной в ходе двух его поездок: в 1517–1518 гг., когда он входил в состав посольства, направленного Максимилианом I, императором Священной Римской империи; и в 1526–1527 гг., когда он приезжал в Россию в качестве посла короля Фердинанда I Венгерского и Чешского. *Civitates Orbis Terrarum* — большой атлас городов, напечатанный в Кёльне и изданный Георгом Брауном в период между 1572 и 1617 гг., насчитывает 546 гравюр, представляющих собой карты и виды наиболее значительных городов мира с высоты птичьего полета, большинство из которых нарисованы Йорисом Хуфнагелем и выгравированы Симоном Невелом и Франсом Хогенбергом. Это первое систематическое изображение городов было задумано, чтобы дополнить «Зрелище Круга Земного» (1570) Абрахама Ортелия.

Москва, впервые упомянутая в русских летописях в 1147 г., располагалась в месте слияния рек Москвы и Неглинки. В начале XIV в. город превратился в столицу Московского княжества, а с 1326 г. митрополит, находившийся после падения Киева во Владимире, обосновался в Москве. Со времени, когда новые каменные стены заменили деревянные, Москва стала именоваться городом (окруженное стенами поселение), а название Кремля упомянуто в описании пожара, уничтожившего город в XIV в. Изображение XVI в., сделанное Герберштейном, демонстрирует упорядоченный город, почти полностью состоящий из деревянных домов, которые образуют кварталы регулярной застройки. Фигуры первого плана (охотящиеся всадники, тур, зубр и люди на льду замерзшей реки) воспроизводят сюжеты, фигурирующие в труде «Записки о Московии». В левом нижнем углу, вероятно, изображен сам Герберштейн, герб которого помещен на гравюре.

Многочисленные сведения встречаются и у Гарсии де Сильва-и-Фигероа в его «Комментариях к посольству короля шаха Аббаса Персидского» (1618)⁸⁷, в которых он повествует не только о дипломатических отношениях, — например, об интересах в Персидском заливе, которые имелись у

⁸⁷ CORDE, ed. de M. Serrano y Sanz. Madrid: Sociedad de bibliófilos españoles, 1903–1905. Недавнее издание этого произведения: *García de Silva y Figueroa. Comentarios de la embajada al rey Xa Abbas de Persia (1614–1624)*, 2 v. Lisboa: Centro de História de Além-Mar, 2011. P. 1903–1905.

Португалии, управляемой испанскими монархами, — но и пытается воссоздать историю народов, проживающих на границе Европы и Азии.

Он описывает войны московитов с татарами и казаками, похищавшими белокожих и белокурых детей и женщин, чтобы продать их в рабство на азиатских рынках. Обычно к послам из далеких стран как к представителям других государств в России относились с должным уважением, однако некоторых из них все же постигла печальная участь. Монахи-августинцы, брат Николас Мело, или Моран, португалец, и его товарищ, брат Николас де Сан-Агустин, родом из Японии, около 1600 г., когда в Москве правил Борис Годунов, были направлены в качестве послов из Персии в Польшу. В Московии они были обвинены в исповедании католицизма и в результате приняли мученическую смерть⁸⁸. Выходившие в свет труды, в которых рассказывалось о северных землях, поступали в лучшие испанские библиотеки, как, например, в библиотеку дипломата графа де Гондомара⁸⁹, владевшего также экземплярами атласа *Civitates Orbis Terrarum* Георга Брауна.

Документы, касающиеся дипломатических сношений между Польшей и Испанией в период правления Филиппа IV, несмотря на отсутствие прямых контактов между Мадридом и Москвой, изобилуют ссылками на Россию (что подтверждается испанскими архивами)⁹⁰. Кроме того, все больше сведений о России и соседних с ней странах, в особенности о войнах с Польшей и Швецией, появлялось в возникавших периодических изданиях, таких как «Известия» (1654–1658) Херонимо де Баррионуэво⁹¹ и «Новости Двора» (1660)⁹². Следует обратить внимание, что миссии Потемкина, первого русского посла к королю Испании в 1667 г., предшествовали две театральные пьесы. Это пьеса анонимного автора «Судьба и место приносят счастье и несчастье» (ок. 1665), действие которой разворачивается в «театральной» Московии. А в комедии Кальдерона де ла Барки «Плоды ненависти и любви», сюжет которой рассказывает о войнах стран Балтии, упоминается уже не Московия, а Россия, что доказывает возрастающую степень информированности об этой стране. Взаимные контакты последующих лет — три миссии, посещавшие мадридский двор

⁸⁸ Эту историю, среди прочих, рассказывает брат Гаспар де Сан-Агустин. *Conquistas de las Islas Filipinas*. 1698, CORDE, ed. de M. Merino. Madrid: CSIC, 1975.

⁸⁹ В настоящее время находятся в Королевской библиотеке (Мадрид). Среди них: *Lasicki J. De Russorum Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nupturum, funerum, ritu. E' diuersis scriptoribus, quorum nomina versa pagina indicat. His in fine quaedam sunt adiecta, de Liuonia pacisue conditionibus, & pace confecta hoc anno inter serenissimum regem Poloniae & magnum Ducem Moscouiae. Spirae libera ciuitate veterum Nemetum: excudebat Bernardus d'albinus. Spirae, 1582.*

⁹⁰ *Skowron R. Olivares, los Vasa y el Báltico: Polonia en la política internacional de España en los años 1621–1632*. Varsovia: Wydawnictwo DIG, 2008; *Conde Pazos M., Skowron R. Documenta Polonica: Ex Archivo Generali Hispaniae in Simancas*. Cracow: Polish Academy of Arts and Sciences, 2015.

⁹¹ CORDE, ed. de A. Paz y Meliá. Madrid: Imp. de M. Tello, 1892–1893.

⁹² CORDE, ed. de A. Paz y Meliá. Madrid: Imp. de M. Tello, 1893.

со специальными поручениями из Москвы в годы правления Карла II, а особенно учреждение в XVIII в. постоянных дипломатических представительств — стимулировали прямой диалог, который способствовал взаимному сближению русского и испанского государств, расположенных на двух оконечностях Европы.

В ПОИСКАХ КОНТАКТОВ: РОССИЯ И ИСПАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ XVII ВЕКА

Времени, когда русское правительство в 1660-е — 1680-е гг. пыталось наладить регулярные связи с Испанией, предшествовал длительный период, когда ни та, ни другая сторона не искали контактов друг с другом. Если в последней трети XVI в. и Россия, и Испания всерьез рассматривали возможность обмена посольствами и установления союзнических отношений, и лишь привходящие обстоятельства не позволили этому осуществиться⁹³, то в условиях Смуты об отправлении посольства в Испанию речь уже не заходила. В свою очередь, Испанской монархии при Филиппе III (1598–1621) после военных и политических неудач, сопровождавших последние годы правления Филиппа II, требовалась передышка. Испания была вынуждена сосредоточиться на неотложных внутренних проблемах и воздерживаться от крупных конфликтов и потому не нуждалась в новых союзниках на другом конце Европы.

События Смутного времени многое изменили во внешней политике России. Теперь отношение русских политиков и дипломатов к различным европейским державам зависело прежде всего от того, какого рода контакты связывали эти державы с главным противником России — польским королем Сигизмундом III. Русские посольства, направлявшиеся в различные страны Европы в 1610-е гг., возвращались в Москву со сведениями о его тесных связях с австрийскими Габсбургами и их сторонниками, к числу которых относилась и Испанская монархия. Так, послы Иван Кондырев и Михаил Неверов, посетившие в 1615 г. Республику Соединенных провинций, сообщали об опасениях голландцев, что польский король «по дружбе с испанским королем» не позволит им покупать в Польше хлеб. Позднее они узнали, что, когда в Испанию прибыл польский посол, король Филипп III его отличил и щедро вознаградил. В 1617 г. Иван Фомин, вернувшийся из Австрии, привез известия о том, что испанцы готовятся помочь Сигизмунду III вернуть себе утраченный шведский трон. Он же сообщил, что польские войска для участия в войне с Россией набираются на испанские деньги⁹⁴. На фоне такого

⁹³ Подробнее см. главу «Великое княжество Московское и первые известия об Испании».

⁹⁴ *Флоря Б.Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М.: Наука, 1986. С. 32–33; *Окунева О.В.* Русские послы о «шпанском короле» за полвека до миссии П.И. Потемкина (по материалам статейного списка И. Кондырева и М. Неверова, 1615–1616) // Испания и Россия: исторические судьбы... С. 85–92.

рода известий сторонники австрийских Габсбургов, включая и Испанскую монархию, стали рассматриваться в Москве как союзники Речи Посполитой и, соответственно, как державы, враждебные России.

Другим фактором, влиявшим на отношения двух стран, стали изменения в положении и политике Османской империи. В XVII в. она также сталкивается с тяжелыми внутренними проблемами. После завершения войны 1593–1606 гг. с Габсбургами турки, не имея возможности вести войну на несколько фронтов, сосредоточили основные усилия на борьбе с Ираном. На европейских театрах военных действий, от Восточной Европы до Западного Средиземноморья, османские границы оставались относительно спокойными. В таких условиях идея антиосманского союза, лежавшая в основе взаимного интереса и воодушевлявшая политиков России и Испании в последней трети XVI в., надолго потеряла свою привлекательность для обеих сторон.

События Тридцатилетней войны (1618–1648) также не способствовали сближению России и Испании. Если Испанская монархия в это время, напрягая все свои силы, пыталась восстановить былое могущество на полях сражений, то для России на первый план вышли задачи преодоления тяжелых последствий Смуты, а в области внешней политики — возвращения утраченных по Деулинскому договору 1618 г. территорий на западе страны. В этих условиях главным противником России еще на несколько десятилетий оставалась Речь Посполитая, а естественным союзником оказалась Швеция. Именно поддержка Россией Швеции в ее противостоянии Польше, проявившаяся, в частности, в поставках Швеции русского зерна на льготных условиях, сделала возможным полномасштабное вступление Швеции в войну на стороне антигабсбургского блока, в то время как Польша опиралась на поддержку Империи и ее союзницы — Испанской монархии. К этому следует добавить династические связи испанских Габсбургов и польских Ваза: Сигизмунд III Польский и Филипп III Испанский были женаты на родных сестрах; соответственно, сын Сигизмунда, король Ян II Казимир, был двоюродным братом Филиппа IV Габсбурга.

Несмотря на все эти обстоятельства, именно с серединой или второй половиной 1640-х гг. связано остающееся пока загадочным известие о возможном дипломатических контактах между двумя странами. В 1681 г. при рассмотрении в Мадриде вопроса о возможности отправления посольства в Россию один из участников обсуждения, маркиз Мансера, вспомнил, что еще король Филипп IV отправил некоего «дона Алегрете Алегрети» [так в тексте] из Рагузы (ныне Дубровник) «для передачи поздравления императору России»⁹⁵. Если это известие вообще считать достоверным, то речь идет о поздравлении в адрес царя Алексея Михайловича, вступившего на трон в 1645 г. Аллегрети, клирик из Рагузы, прибыл в Испанию в 1649 г. в свите невесты Филиппа IV Марианны Австрийской; до этого он неоднократно выполнял поручения испанского посольства в Вене. Фигура Аллегрети привлекала

⁹⁵ Россия и Испания. Документы и материалы. 1667–1917. Т. 1: 1667–1779. М.: МО, 1991. С. 37–38.

Царь Алексей Михайлович

40

нархии, но не принес ей мира: войны с Францией и Португалией продолжались еще долго, до 1659 и 1668 гг. соответственно. Россия же, не достигнув своих целей в ходе Смоленской войны (1632–1634), в 1654 г. вступает в новый, гораздо более длительный конфликт с Речью Посполитой. И лишь с начала 1660-х гг. Россия и Священная Римская империя начинают видеть друг в друге потенциального союзника против турок.

Таким образом, на протяжении большей части XVII в. между двумя странами не было прямых дипломатических контактов. При этом немаловажные и разнообразные сведения о России проникали в Испанию, а об Испании — в Россию; культурные взаимосвязи были весьма интенсивны, и образы далекой Московии нашли отражение в литературе и театре Золотого века⁹⁷.

внимание историков главным образом в связи с его поездкой в Константинополь в 1649–1650 гг.⁹⁶, и слова маркиза Мансеры остаются единственным упоминанием о его поездке в Россию. Однако известно, что, как минимум, три раза, в 1634, 1640 и 1648 гг., Аллегретти бывал в Польше, и не исключено, что в ходе какого-либо из этих путешествий могли иметь место прямые или косвенные контакты с русской стороной. Возможно, будущие исследования помогут прояснить этот любопытный сюжет из истории испанско-русских отношений.

Последующие события также не способствовали сближению Испании и России. Вестфальский мир 1648 г. обозначил тяжелое поражение Испанской мо-

⁹⁶ *Ochoa Brun M.A.* Historia de la diplomacia española. Vol. VIII-2. P. 129, и в особенности: *Conde Pazos M.* La embajada turca en Madrid y el envío de Alegreto de Allegretti a Constantinopla (1649–1650) // *Libros de la Corte.es*. 2011. No. 3. P. 10–17.

⁹⁷ *Алексеев М.П.* Очерк истории русско-испанских литературных отношений // Алексеев М.П. Русская культура и романский мир. Л.: Наука, 1985; *Ведюшкин В.А.*

Подлинный прорыв в отношениях между двумя странами произошел в 1660–1680-е гг., когда на протяжении двадцати лет Испанию посетили четыре русских посольства. При всех особенностях каждого из посольств прослеживаются и общие черты, отражающие как характер русских инициатив, так и ответы на них испанской стороны. Эти общие черты обусловлены международной ситуацией в Европе и ролью в ней России и Испании. После заключения в феврале 1667 г. Андрусовского перемирия между Россией и Речью Посполитой на почве совместной борьбы против турок началось сближение двух держав. Подписание перемирия было ускорено обострением ситуации на юге Украины, где возникла угроза вмешательства турок и крымских татар. Османская империя, вновь усилившись в результате преобразований везиров Кёпрюлю, к тому времени активизировала свою политику в Европе. В Кандийской войне (1648–1669) наметился перелом в пользу Турции, а австро-турецкая война 1663–1664 гг., хотя в военном отношении была проиграна османами, завершилась тем не менее выгодным для них миром. И над Западной, и над Восточной Европой вновь нависла турецкая угроза.

В этих условиях Посольский приказ во главе с выдающимся дипломатом и государственным деятелем Афанасием Ординым-Нащокиным выдвинул масштабную внешнеполитическую программу. В конце весны и летом 1667 г. из Москвы выехали посольства в Вену, в Испанию и во Францию, в Англию, Голландию, Данию, Швецию, Пруссию, Курляндию; планировалось и посольство в Иран, однако его отложили на следующий год⁹⁸. Формально целью посольств было известить о заключении перемирия. Фактически же речь шла о дипломатической подготовке для реализации широких внешнеполитических планов Ордина-Нащокина. В основу их была положена идея союза между Россией и Речью Посполитой, направленного против Османской империи и опирающегося на поддержку всех стран, заинтересованных в ослаблении Турции. Ближайшей целью этой политики стало прекращение вмешательства Османской империи и Крыма в восточноевропейские дела, а более отдаленной — создание широкой коалиции европейских государств, с тем чтобы вытеснить турок с Балканского полуострова и отвоевать Константинополь. Одна из задач посольств, по мнению Б.Н. Флори, заключалась в том, чтобы «выяснить, в какой мере можно было бы рассчитывать на содействие различных европейских государств при осуществлении этих планов»⁹⁹.

Когда в России узнали о смерти короля Испании Филиппа IV? Об одном казусе из истории русско-испанских отношений // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Вып. 8 (52); *Мирослобова А.Ю.* Московия в империологии испанского Золотого века // Испания и Россия: исторические судьбы... С. 375–384.

⁹⁸ *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А. Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления. М.: Индрик, 2013. С. 196–203, 207–209.

⁹⁹ Там же. С. 197.

Известия об Испании в русских «курантах»

В XVII в. известия об Испании могли попадать в Россию разными путями: их передавали русские и иностранные послы, купцы, воеводы приграничных городов, паломники; присылали новости и европейские корреспонденты.

Быстро росла роль газет, доставлявшихся в Москву начиная с 1620-х гг. Во второй половине XVII в., при уже налаженном регулярном почтовом сообщении со странами Европы, сроки доставки газет из Гамбурга в Москву могли составлять 22–25 дней, из Амстердама — 30–35 дней.

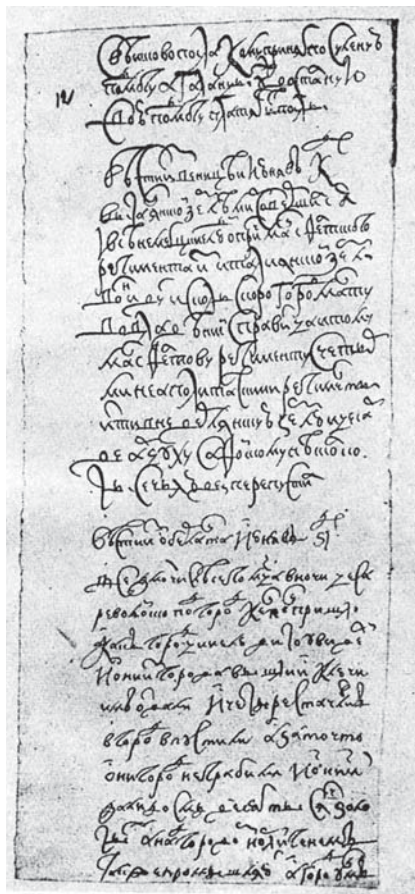
Известия из Испании прибывали через полтора-два месяца. Привезенные газеты, среди которых преобладали немецкие и голландские, сразу же просматривались служащими Посольского приказа, которые отбирали известия, наиболее важные для царя и его окружения. Переведенные на русский язык и переписанные в двух-трех экземплярах, они становились рукописными обзорами иностранной прессы, которые именовались «курантами». При отсутствии постоянных дипломатических представительств за рубежом только они оперативно предоставляли правительству необходимую информацию.

Круг сюжетов, попадавших на страницы «курантов», достаточно широк: войны и мирные договоры, смена правителей, торговые дела и эпидемии... Испания чаще всего упоминается в связи с ее участием в европейских войнах: так, приводится испано-голландский мирный договор 1648 г., встречается много известий о франко-испанских войнах и об испано-португальской войне 1640–1668 гг.

Иногда важную информацию можно извлечь из случайных сведений: так, в «курантах» за февраль–март 1666 г. говорится об «умершем короле» и «короновании» Карла II Габсбурга в Антверпене, из чего следует, что, вопреки распространенным представлениям, в России знали о смер-

Важнейшая роль в исполнении замыслов Ордина-Нащокина отводилась посланнику в Испанию, поскольку в России Испанию издавна рассматривали как могущественную державу, являющуюся убежденным противником Османской империи. Задача осложнялась тем, что с Испанией у России тогда еще не существовало прямых дипломатических контактов. Эта сложная миссия была возложена на царского стольника Петра Ивановича Потемкина (1623–1700), опытного военного и придворного. Именно с посольства 1667–1668 гг. во главе с Потемкиным начинается история прямых дипломатических отношений между Россией и Испанией¹⁰⁰.

¹⁰⁰ *Ведюшкин В.А.* Петр Иванович Потемкин (1667–1668, 1681) // *Российские дипломаты в Испании. 1667–2017 / Diplomáticos rusos en España. 1667–2017* / Отв. ред. О.В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 13–22; *Волосюк О.В.* Внешняя политика Испании в XVIII веке: становление испано-русских отношений. М.: Изд-во РУДН, 2011. С. 91–92, 98–99;

Страница рукописной газеты «куранты»

ти короля Филиппа IV в 1665 г., а тот факт, что посольство П.И. Потемкина в 1667 г. везло грамоту, обращенную к этому монарху, следует объяснять не неосведомленностью, а какими-то иными причинами.

Много внимания в «курантах» уделялось и посольским церемониям. Благодаря этому мы располагаем описанием шествия посольства П.И. Потемкина в Мадриде в 1681 г.: «Посол с дворянами своими богато одеты, носили шапки, куницами украшены. Пред ними шли люди его дворные пешие с дарами про его величество, и были меж ними товары да сабли, которые были спрятаны в златом и серебряном ящике. Тако ж видели человека московского на коне, поднятую рукою держащего вершующую грамоту от царя».

Из «курантов» в России узнавали не только о войнах и политике, но и о повседневной жизни и культуре стран Европы. Они стали важным явлением русской культуры XVII в., без которого невозможно понять пути модернизации общества.

Потемкину было поручено наладить с испанским королем двусторонние контакты и передать ему предложения о союзе против османов и об установлении торговых отношений. Прodelав морем долгий путь из Архангельска, посольство 4 (14) декабря 1667 г. прибыло в Кадис и в ожидании королевского разрешения провело месяц в близлежащем городке Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария¹⁰¹, а затем отправилось в Мадрид.

Фернандес Искьердо Ф. Первые испано-русские дипломатические контакты: посольство П.И. Потемкина в 1667–1668 годах // Проблемы испанской истории. М.: Наука, 1992; *Fernández Izquierdo F.* Las embajadas rusas a la Corte de Carlos II // Studia Historica. Historia Moderna. Vol. 22; *Эгеа Фернандес М.А.* Первое русское посольство в Испанское королевство (1667–1668 годы). Источники испанских архивов // Новая и новейшая история. 2016. № 4; *Egea Fernández M.* La primera embajada moscovita... P. 273–288.

¹⁰¹ В 2017 г. там установили памятник в честь 350-летия прибытия первого русского посольства.

Для испанской стороны приезд русских был полной неожиданностью, при дворе понятия не имели, по какому церемониалу следует принимать гостей. Сразу же был запущен сложный механизм подготовки к приему: решались финансовые вопросы путешествия москвитов и их пребывания в столице, для них готовился дом в Мадриде, обсуждались детали аудиенции.

Торжественный въезд послов вызвал огромный интерес и скопление публики, поскольку, как писал очевидец, «новизна [зрелища] вызывала любопытство и желание не пропустить его»¹⁰².

7 (17) марта 1668 г. малолетний король Карл II и королева-мать Марианна дали послам аудиенцию в королевском дворце — Алькасаре. Послы вручили королю царскую грамоту, а также дары — прежде всего меха, особенно соболиные, более всего ценившиеся в Западной Европе. Несмотря на возникавшие сложности, связанные с различием посольских обычаев, обе стороны остались довольны. На следующей аудиенции Потемкин передал испанской стороне предложения об устновлении дипломатических отношений и развитии торговли. Получив ответную грамоту и обещание испанской стороны вскоре прислать в Москву посольство, Потемкин и его спутники уехали во Францию, где были приняты королем Людовиком XIV, а оттуда вернулись в Россию. Потемкин проявил себя в этом посольстве как талантливый дипломат, умеющий заставить уважать свою страну и добиваться поставленных задач.

Отчет о посольстве — статейный список — содержал не только описание путешествия послов и хода переговоров, но и рассказ о стране, ее истории, обычаях испанцев¹⁰³. Миссия Потемкина была признана успешной, однако ответного посольства в Москве так и не дождались: Испанская монархия, находившаяся в тяжелом положении и с трудом защищавшая свои владения от Франции, не могла себе позволить принять русские предложения. В результате испанские дипломаты появились в России лишь в XVIII в.

Так и не дождавшись ответа на посольство Потемкина, уже через несколько лет, когда в 1672 г. османская угроза вновь нависла над Россией, русский двор выступил с новой инициативой поиска союзников и отправил своих представителей во многие страны Европы. В Англию, во Францию и в Испанию был послан А. Виниус, прибывший в Мадрид в 1673 г. Хотя и его миссия не увенчалась успехом, в истории русско-испанских отношений ей принадлежит немаловажное место.

¹⁰² Corpus diplomático hispano-ruso (1667–1799). Vol. I / М. Espadas Burgos (Ed.). Madrid: МАЕ, 1991. P. 9.

¹⁰³ Казакова Н.А. Статейные списки русских послов в Испании XVII в. // Археографический ежегодник за 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 140–157; Ведюшкин В.А. Испания в статейном списке посольства 1667–1668 годов // Испания и Россия: исторические судьбы... С. 101–106.

Первые дипломатические контакты: Андрей Виниус

Любопытной страницей истории русско-испанских отношений является дипломатическая миссия Андрея Андреевича Виниуса. Андрей Виниус (1641–1717), голландец на русской службе, был сыном купца и предпринимателя А.Д. Виниуса, одного из создателей тульских оружейных заводов. Богатство и связи отца, хорошее образование и отличное знание иностранных языков открыли перед Виниусом возможности карьеры в России, особенно после перехода в православие (1655). С 1664 г. он служил переводчиком в Посольском приказе. Когда в 1672 г. османы вторглись в Речь Посполитую, и возникла реальная опасность для России, русское правительство в поисках союзников отправило своих представителей во многие страны Европы. Виниус был послан в Англию, во Францию и в Испанию. Имея статус гонца, а не посла, он мог лишь передать царские грамоты и получить на них ответы, но не вести официальные переговоры. Виниус и его спутники выехали из Москвы осенью 1672 г., посетили Англию и Францию, а в июле 1673 г. прибыли в Мадрид. Получив аудиенции у короля Карла II и королевы-матери Марии Австрийской, русские сразу же двинулись в обратный путь и в январе 1674 г. вернулись в Москву. Виниусу не удалось склонить ни одну из трех стран к антиосманскому союзу. Объясняя неудачу в Мадриде, он указывал, что, хотя Испания хочет помочь польскому королю, но сама с трудом защищает свои владения от Франции и столь обезлюдела, что помочь может лишь деньгами.

В статейном списке Виниуса дана глубокая характеристика международных отношений в Европе. В каждой из трех его частей сначала описывается пребывание в стране, затем ее внешняя политика и, наконец, ее государственное устройство. Виниус подчеркивает, что испанские монархи «самовластны, что хотят, то и делают», однако королева-мать, ограниченная завещанием Филиппа IV, «без совету семи человек, первых своих сенаторей, [...] ничто в государственных делах не совершает»; при этом Виниус отмечает, что советники королевы «вящее имеют попечение [...] о своих, нежели о государя своего прибытках» и соперничают друг с другом, что ослабляет Испанию. Краткий, но емкий рассказ Виниуса об устройстве Испанской монархии восполнил лагуну статейного списка Петра Потемкина, который почти не содержал такой информации; тем самым круг знаний об Испании в России был заметно расширен.

Дальнейшая карьера Виниуса никак не связана с Испанией, но замечательна. Он служил в Посольском и Аптекарском приказах, в 1685 г. возглавил Почтовое ведомство. Юный Петр I, взяв власть в свои руки, увидел в Виниусе единомышленника, приблизил его и наделил большими полномочиями. С 1697 г. он управлял Сибирским приказом, с 1701 г. — Артиллерийским. В 1703 г., обвиненный в медлительности в снабжении армии и в хищениях, попал в опалу и бежал в Голландию, но был прощен и в 1708 г. вернулся в Россию, где прожил остаток жизни, выполняя различные поручения царя и переводя книги по фортификации, артиллерии и другим областям знания.

Российские дипломаты в Испании: Яков Долгоруков

Один из ближайших соратников Петра Великого, видный государственный деятель своей эпохи Яков Федорович Долгоруков, происходил из древнего, знатного и влиятельного княжеского рода. Первые придворные чины он получил на службе при царе Алексее Михайловиче, а после его смерти в 1676 г. в начавшейся борьбе двух боярских родов поддержал права на престол царевича Петра Алексеевича. После стрелецкого бунта власть перешла к царевне Софье, регенту при двух малолетних царях, Иване и Петре, и ее противники, в том числе род Долгоруковых, оказались в опале, однако самому Якову Долгорукову посчастливилось уцелеть и остаться при царевиче Петре.

В 1687 г. благодаря прекрасному образованию и выдающимся способностям, которые признавали даже его недоброжелатели, он был избран возглавить посольство во Францию и в Испанию, целью которого было привлечь эти государства к участию в Священной лиге против Османской империи. Долгоруков выехал из Москвы в сопровождении многочисленного посольства — столь многочисленного, что в Мадриде оно не смогло разместиться в предоставленной резиденции и заняло еще три соседних дома. Сама резиденция была расположена недалеко от королевского дворца, однако в день официальной аудиенции у короля русские послы с трудом преодолели это небольшое расстояние: их движению мешала толпа горожан, собравшихся посмотреть на богато и диковинно одетых иноземных гостей, везущих королю богатые дары: меха и китайский шелк.

За время пребывания посольства в Европе князь Долгоруков показал себя искусным дипломатом, однако эта дипломатическая миссия оказалась краткой и единственной в его карьере. Он не добился ни от Людовика XIV, ни от Карла II согласия на участие в войне против турок, однако смог завоевать уважение и расположение королевского двора как в Версале, так и в Мадриде, а также расширил свои знания в европейских делах, что пригодилось ему в последующие годы службы своему государю.

По возвращении на родину князь был назначен судьей московского Судебного приказа, а затем возглавил Военный приказ. Он принял участие в Азовских походах (1695–1696) и Северной войне (1700–1721), провел несколько лет в шведском плену, из которого смог бежать. Верный сподвижник Петра, назначенный вскоре сенатором, он не боялся идти наперекор грозному нраву государя и остался в памяти потомков воплощением справедливости и честности, по праву заслужившим звания «русского Катона» и «друга правды», которыми наградил его поэт Гаврила Державин.

В 1680–1682 гг. состоялось еще одно посольство во Францию, в Испанию и Англию¹⁰⁴. Его вновь возглавил Потемкин, а также дьяк Семен Полков. Первоначально было принято решение об отправлении Потемкина в Англию и во Францию. Решение о посещении миссией Испании возникло уже после ее отъезда из Москвы, поэтому вдогонку были посланы грамота к королю Карлу II и наказ. Однако отсутствие подарков для испанского короля грозило осложнениями. Для объяснения этого обстоятельства дипломатам было велено ссылаться на то, что ответное испанское посольство в свое время так и не состоялось. В Испании послы провели несколько месяцев в 1681 г., вновь не добившись никаких конкретных результатов. По возвращении послов в Москву их поведение за границей стало предметом расследования, причем в вину дипломатам вменялись проступки, совершенные во время пребывания во всех трех странах. Применительно к Испании внимание судей Посольского приказа привлек эпизод, когда посланники надели шапки перед испанским королем. Хотя они сделали это по его просьбе и только после того, как он сам надел шляпу, Потемкин, по мнению судей, тем самым нарушил посольские обычаи и дал повод иноземным послам поступать так же, чего они до тех пор безуспешно добивались. Отвечая на это обвинение, Потемкин объяснил свое поведение нежеланием противоречить королевской воле и тем самым нанести ущерб «браккой дружбе и любви» между двумя государями.

В посольстве 1680–1682 гг. проявились различные стороны характера и деловых качеств Потемкина. Как отмечает Е.Е. Рычаловский, «в нем сочеталась и готовность отступить от церемониала для достижения благополучного исхода посольства, и предприимчивость, [...] и стяжательство. Гибкость, проявленная Потемкиным при иностранных дворах, безусловно, являлась серьезным проступком в глазах высшей власти, несмотря на некоторую европеизацию деятельности Посольского приказа при В.В. Голицыне»¹⁰⁵. Таким образом, хотя посольство 1680–1682 гг. не привело к весомым дипломатическим результатам, его обстоятельства представляют немалый интерес для историков, не говоря уже о том, что именно во время пребывания русских в Мадриде в 1681 г. придворный художник Хуан Карреньо де Миранда создал замечательный портрет Потемкина, ныне входящий в коллекцию Музея Прадо¹⁰⁶.

Последним в ряду русских посольств XVII столетия в Испанию было посольство Якова Долгорукова и Якова Мышецкого в 1687 г. Чтобы заранее известить о его прибытии, в Испанию был послан гонец Н. Бехтеев. По возвращении он также составил статейный список о своей поездке, хотя и не

¹⁰⁴ *Фалкон Рамирес Х.* Русское посольство 1681 года: попытка развития двусторонней торговли // Проблемы испанской истории. 1992. М.: Наука, 1992. С. 104–111; *Fernández Izquierdo F.* Las embajadas rusas... Р. 95–99; *Рычаловский Е.Е.* Петр Иванович Потемкин на государственной службе // Испания и Россия: исторические судьбы... С. 107–114.

¹⁰⁵ *Рычаловский Е.Е.* Петр Иванович Потемкин... С. 110–114.

¹⁰⁶ *Бун В.З.* Испанский придворный портрет и иностранные посольства: к вопросу о пребывании П.И. Потемкина в Испании // Испания и Россия: исторические судьбы... С. 569–572.

такой подробный, как отчеты послов. Главной задачей Долгорукова было привлечь Испанию к союзу против турок, но в случае проявления испанской стороной интереса к установлению двусторонних торговых соглашений предполагалась и возможность заключения торгового договора. Однако Карл II, передав русским царям пожелания здоровья и заверения в искренней дружбе, вновь не дал четкого ответа на предложение совместного участия в военных действиях против Турции. Как и ранее, такая реакция испанской стороны выглядела закономерной: в ожидании новой войны с Францией, которая и в самом деле началась на следующий год (Девятилетняя война, 1688–1697), Испания не могла позволить себе вступить в открытую войну с Турцией, которая к тому же в это время не угрожала владениям испанских Габсбургов. Опосредованно Испания все же была вовлечена в борьбу с османами, участвуя в финансировании кампаний австрийских Габсбургов против турок в обмен на обязательство Вены оказать военную помощь Испании в случае ее войны с Францией¹⁰⁷.

Посольство Долгорукова стало последним перед очередным и достаточно долгим перерывом в истории русско-испанских отношений. С одной стороны, все четыре попытки, предпринятые между 1667 и 1687 гг., не привели к конкретным результатам, а стоили достаточно дорого. С другой стороны, изменилось международное положение. Турки уже не представляли прежней угрозы ни для Западной, ни для Восточной Европы. Испания теряла одно свое владение за другим. А в России Петр I, стремясь осуществить масштабную программу реформ и нуждаясь для этого в выходе к Балтийскому морю, в 1690-е гг. переориентировал внешнюю политику страны, направив ее острие против Швеции. И когда русский царь организовал Великое посольство в страны Западной Европы, среди его целей пиренейская держава уже не фигурировала. Лишь когда Испания, пережив потрясения Войны за испанское наследство, вступит в новый период своей истории и почувствует заинтересованность в контактах с далекой Россией, связи между двумя странами приобретут действительно двусторонний характер.

РОССИЯ В ИСПАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII ВЕКА

В конце XVI в. католическая монархия находилась в расцвете своего могущества. Благодаря первооткрывателям расширились пределы ее владений в Новом Свете. После объединения Испании и Португалии в одну державу утверждение о том, что «в Испанской империи никогда не заходит солнце»,

¹⁰⁷ Караулова М.К. Яков Федорович Долгоруков (1687–1688) // Российские дипломаты в Испании... С. 23–30; Rodríguez Hernández A.J. El precio de la fidelidad dinástica: colaboración económica y militar entre la monarquía hispánica y el imperio durante el reinado de Carlos II (1665–1700) // Studia Historica. Historia moderna. 2011. No. 33. P. 164–172.

стало реальностью. Тем не менее подданные Испании и большинства европейских государств, особенно средиземноморских, пока еще мало знали о землях, расположенных на северном *finis terrae* («краю земли»). В воображении, затуманенном преданиями и легендами, им, вероятно, представлялось, что там, на краю земли, за морем, которое называлось *Mare Magnum* («Великое море»), «как говорят, находится земной Рай, и что поэтому никто в мире ничего о нем не знает». Не находилась ли Россия в тех далеких райских краях?¹⁰⁸

Географическая реальность была более прозаичной. И нет ничего удивительного в том, что Антонио де Торкемада в книге «Сад невиданных цветов» (Саламанка, 1570) утверждал,

Лопе де Вега

что единственные дошедшие до Запада сведения о России основывались на рассказах, записанных итальянским историком Паоло Джовио. Джовио находился при дворе римских пап Льва X и Климента VII и просто пересказал то, что слышал от прибывшего в Рим российского посла: «И поэтому, как он также сказал, москвиты, живущие между Польшей и Тартарисей, граничат с Рифейскими горами и населяют земли к Северу, на крайней границе Европы и Азии, и также живут на берегах широкой реки Танаис до Гиперборейских гор и до океана-моря, который называют Ледовитым»¹⁰⁹. Однако, несмотря на географические неточности, разнообразные сведения о славянах доходили до Испании в эпоху Филиппа II. Испанский монарх обдумывал союз с Россией против Англии.

Томмазо Кампанелла усматривал в неопределенном пространственном положении России стратегические выгоды. В одном из своих более или менее утопических проектов он предложил посадить на польский трон короля из Габсбургской династии. Таким образом, в Польше закрепится католицизм, и в союзе с могущественным соседом — Великим княжеством Московским — она сможет противостоять турецкому султану. В трактате «Испанская монархия»

¹⁰⁸ García Martín P. La formación de Rusia. Colección “Manual para el estudio de las historias Nacionales de Europa”. Vol. II. Alcalá de Henares: Universidad de Alcalá, 2013.

¹⁰⁹ Torquemada A. de. Jardín de flores curiosas. San Sebastián: Roger Editor, 2000 (1ª ed. Salamanca, 1570). P. 263.

(1601) он писал так: «В наше время королевство Польское является самым могущественным из северных королевств. И если бы оно пребывало в религиозном единстве, и если бы там королевская власть передавалась по наследству, и только среди местных уроженцев, а не иностранцев, то тогда королевство Польское стало бы грозным врагом Турецкого Султана, и особенно в союзе с Великим князем Московским, но придворные и выборщики, боясь могущества короля, не дают ему излишней власти»¹¹⁰.

Пьесы Лопе де Веги на исторические темы свидетельствуют о том, что автор не слишком заботился о достоверности. Его произведения рассказывали об истории Испании в мифической древности, во времена готов, эпоху Католических королей и Габсбургов в соответствии с народным вкусом и с правилами «нового искусства сочинять комедии». Его трактовка истории постепенно обретала политический характер: она основывалась на недавних событиях, которые были еще свежи в коллективной памяти, а также представляла зрителю новые пространства, например Иерусалим и Канарские острова, и знакомила с новыми персонажами, такими как Дрейк или Колумб. В пьесе «Великий князь Московский, или Преследуемый Император» Лопе де Вега рассказывает о Лжедмитрии: в последней сцене польский король и его придворные венчают лавровым венком царя, восстановленного на престоле после правления узурпатора Бориса Годунова¹¹¹.

«ОДИН

Да здравствует принц Деметрио!

ВСЕ

Да здравствует князь Московский!

ОДИН

Смерть Борису, тирану!

Умри, тиран, без чести!»

Смутное время в России вызвало в Европе огромный интерес. Знал о нем и Лопе де Вега, о чем свидетельствуют упоминания в его пьесе об убийстве Иваном Грозным своего наследника, а также о неспособном к правлению царе Федоре. Кроме того, он подробно описал обычаи, одяния и повседневную жизнь бояр. Вполне возможно, что писатель использовал в качестве источника «Повествование о замечательном и почти чудесном завоевании отцовской империи, совершенном светлейшим государем Дмитрием, великим князем Московским в 1605 году», которое было переведено с итальянского языка на испанский.

¹¹⁰ Campanella T. La política / M. González García (Ed.). Madrid: Alianza, 1991. P. 133.

¹¹¹ Brody E.C. Lope de Vega's El Gran Duque de Moscovia y Emperador Perseguido // The Demetrius Legend and Its Literary Treatment in the Age of the Baroque. New Jersey: Fairleigh Dickinson U.P., 1972. Рус. пер. см.: Великий князь Московский, или Преследуемый император. СПб.: Фонд «Сервантес», 1999.

Пьеса Лопе де Веги должна была быть поставлена на сцене до 1617 г., поскольку Дмитрий в ней жив и правит, хотя еще в 1606 г. в Амстердаме появилась публикация «Легенда о жизни и смерти Дмитрия, великого князя Московского». В Испании о смерти Лжедмитрия узнали в 1613 г. благодаря «Истории папства и католичества, составленной доктором Луисом де Бавия», в которой автор отметил, что все сведения о Дмитрии были ложными, а теперь москвиты «утверждают, что он был обманщиком и колдуном, а не настоящим Дмитрием, наследником трона Московии». То есть Лопе де Вега или узнал об этих событиях много лет спустя, или просто не захотел менять финал своего произведения. В его пьесе нет темы обращения москвитов в католицизм, как то на самом деле планировали папа и иезуиты. Он просто хотел, чтобы кровавые сцены возбудили интерес зрителей. Поэтому в представлении было занято почти тридцать актеров (многие из них выступали в двух ролях), чтобы тем самым поддерживать головокружительный ритм сменяющих друг друга бед и несчастий, которые в конце концов завершаются восстановлением Дмитрия на престоле: «Он (Господь) вернет тебя в твое царство». Лопе писал исторические пьесы, рассчитывая на успех у зрителей, и их скрытой целью было восхваление дворянских ценностей, возбуждение патриотических чувств, утверждение законности Католической монархии и защита католической веры от протестантской ереси¹¹². Так что и в пьесе о «Великом князе Московском» Россия являлась метафорой, служившей для рассуждения на эти темы.

Десятилетие спустя Энрике Суарес де Мендоса-и-Фигероа опубликовал роман под названием «Московская повесть об Эвсторхии и Клорине» (1629). Автор, монах-августинец из мадридского монастыря Сан-Фелипель-Реаль, попытался подражать придворным сочинителям. Так, его книга «Министр-христианин» написана с той же самой целью, что и «Идея политичного христианского государя» Сааведры Фахардо. Этот роман об испанских паломниках аналогичен «Критикону» Бальтасара Грасиана¹¹³. Но прежде всего очевидно влияние романа «Персилес и Сихизмунда» Сервантеса: «северная история» — такой подзаголовок дал роману создатель «Дон Кихота», и «московская повесть» — такой подзаголовок у Энрике Суареса. Получается, что персонажи и русский фон надуманы, факты спутаны, а цель повествования заключается в том, чтобы представить читателю образец идеальных чувств¹¹⁴.

¹¹² Гарсия Мартин П. Против язычников и протестантов: религия в драматургии Лопе де Веги // «Время молчания прошло»: пять веков Реформации в меняющемся мире. М.: Изд-во МГУ, 2018.

¹¹³ *Deffis de Calvo E.I.* El discurso narrativo y el cronotopo en El Criticón de Baltasar Gracián. https://cvc.cervantes.es/literatura/aiso/pdf/03/aiso_3_3_018.pdf (дата обращения 18.12.2017).

¹¹⁴ *Van Praag J.A.* Eustorgio y Clorilene, Historia Moscovica // Bulletin hispanique. 1939. No. 41-3. P. 236–265. — http://www.persee.fr/doc/hispa_0007-4640_1939_num_41_3_2849 (дата обращения 18.12.2017).

В пьесе Кальдерона де ла Барки «Жизнь есть сон» (1635) появляется Московский князь Астольфо в качестве кандидата на польский трон. В течение всего действия законный наследник принц Сехисмундо находится в заточении, в тюрьме, которая для него является способом существования, в своеобразном сне, из которого он выйдет, чтобы восстановить свои права на престол. В том же духе Франсиско де Кеведо пишет в 1636 г. сатиру под названием «Великий князь Московский и подати», главу книги «Час воздаяния, или Разумная фортуна». Русский сюжет — это лишь повод. Великий князь Московский просит совета относительно новых налогов, которые должны платить его подданные, чтобы покрыть расходы на войну. На самом деле мораль Кеведо, скрытая за этим рассказом о Московии, сводится к критике налогового гнета, которому королевская власть подвергала испанское общество¹¹⁵.

В 1650 г. Луис де Бельмонте, Агустин Морето и Антонио Мартинес поставили на сцене и издали пьесу «Преследуемый государь — несчастливый Хуан Базилио». Сюжет разворачивается вокруг принца Хуана Базилио и его сына Деметрио, а именно: «кто должен стать / наследником Престола / такой обширной Империи: / только Великий князь Московский, / Император России / и отдаленных областей / Тартарии, которые все подчиняются ему и его войскам»¹¹⁶. В подобного рода исторических пьесах идеологические мотивы взаимодействовали с драматургической логикой для выведения сюжета к счастливому концу. Таким образом, зрителю предлагалось связать прошлое и настоящее и при помощи скрытых намеков отождествить русских князей, творивших правосудие на сцене, со своими собственными монархами. Все это, как в воображаемой России, так и в реальной Испании, должно было способствовать почитанию установленного порядка.

В 1681 г., когда художник Карреньо де Миранда заканчивал работу над портретом русского посла Петра Потемкина, арагонский проповедник Педро Куберо Себастьян, окончив курс грамматики и теологии, получил из Рима назначение стать «Апостольским миссионером на Востоке». Конгрегация Распространения Веры отправила его на Восток, поручив проповедовать христианское учение в Азии и в Восточных Индиях. Ему было рекомендовано отправиться по суше, «чтобы увидеть, как наилучшим образом апостолические мужи смогли бы распространять истинную веру в удаленных северных и азиатских землях»¹¹⁷. Священнослужитель из Сарагосы совершил кругосветное путешествие в направлении, противоположном привычному, и стал одним из первых испанцев, посетивших Россию. Он объехал Центральную и

¹¹⁵ Baraibar Á. El universo simbólico del poder en *La hora de todos*: la representación del poder según M. Alcorlo, ilustrador de Quevedo // *El universo simbólico del poder en el Siglo de Oro* / Á. Baraibar y M. Insúa (Eds.). NY / Pamplona: IDEA, Universidad de Navarra, 2012. P. 159–174.

¹¹⁶ Cortijo A. El Príncipe perseguido de tres ingenios. Una edición modernizada. <https://ttu-ir.tdl.org/ttu-ir/bitstream/handle/2346/10491/31295013633663.pdf?sequence> (fecha de consulta 18.12.2017).

¹¹⁷ Córdoba J. M^a. Pasajes de una vuelta al mundo. El Oriente de Pedro Cubero Sebastián en su periplo universal // ARBOR. CLXXX. No. 711–712 (Marzo-Abril 2005). P. 671–695.

Восточную Европу, Дальний Восток и даже Филиппины и оттуда на легендарных Манильских галеонах отправился в Америку. Совершив кругосветное путешествие, Куберо вернулся в Мадрид и там в одной из типографий в 1680 г. опубликовал книгу «Краткое повествование о странствии по большей части света», рассказав о своем удивительном путешествии¹¹⁸. Во время своих поездок из Рима в Константинополь и из Трансильвании в Польшу он подробно описал селения, через которые пролегал его путь, и народы, с которыми он познакомился. Наконец, оказавшись на территории России, Куберо воссоздал русский пейзаж: «бесконечный лес, и с такими раскидистыми деревьями, да такими высокими, каких я никогда в своей жизни не видел». Немногим позже, после остановки в Смоленской крепости, он пересек заснеженную степь и добрался до Москвы, где его принял царь Алексей Михайлович, который позволил ему проповедовать среди католиков. В столице Московии ему понравились крепостные стены, полноводная река, деревянные дома и православные церкви, а барочные религиозные церемонии его и вовсе очаровали. Вновь отправившись в путь, он проехал через села, расположившиеся по берегам Волги, а также посетил чудный город Астрахань, где еще сохранялось воспоминание о восстании под предводительством Степана Разина. Губернатор принял проповедника очень радушно и позволил ему исполнить его апостольскую миссию. Возможно, он был первым иностранцем с Запада, который во время рыбалки смог своими глазами увидеть осетров и икру. Спустя несколько месяцев он продолжил миссионерство, но уже по другую сторону Каспийского моря — теперь его маршрут лежал в сторону Ирана. Так закончилось пребывание в России склонного к приключениям испанского иезуита.

Сведения о России питали воображение испанских писателей Золотого века. Созданные ими истории о «стране заснеженных лесов», по поэтическому выражению авторитетного слависта Хуана Эдуардо де Суньиги, представляли собой соединение очень скудных сведений с богатой фантазией.

РОССИЯ В ИСПАНСКИХ АРХИВАХ: ГЕНЕРАЛЬНЫЙ АРХИВ СИМАНКАС

В 2017 г. ЮНЕСКО внесла историко-документальный комплекс Генерального Архива Симанкас в реестр программы «Память мира», высоко оценив уникальность, особенность и универсальность его фондов. Тем самым было признано международное значение коллекции архива, самой полной в мире, если не считать Архива Ватикана. Симанкский архив

¹¹⁸ *García Martín P.* Colores de Occidente y perfumes de Oriente: los viajeros hispanos de los Siglos de Oro // La aventura española en Oriente (1166–2006). Viajeros, museos y estudiosos en la historia del redescubrimiento del Oriente Próximo Antiguo / J. Mª Córdoba y Mª C. Pérez Díe (coord.). Madrid: Ministerio de Cultura, 2006. P. 83.

был основан в 1540 г. по приказу императора Карла V, но только его сын, Филипп II, смог превратить его в главный архив Испанской монархии, ставший действенным инструментом государственной власти и управления на протяжении трех столетий — с XVI по XIX в. В 1844 г. Архив, обеспечивавший функционирование сложной, но эффективной системы государственного управления как при Габсбургах (Советы), так и при Бурбонах (Секретариаты), прекратил прием новой документации, но открыл доступ к фондам для историков-исследователей.

В Симанкасе хранятся свидетельства крайне важного периода в истории Испанской монархии, когда сфера ее интересов простиралась на две трети земного шара. Именно в этом историческом контексте, который был определен самой природой испанского государства и Симанкского архива, его точного отражения, появились и заняли свое место сначала Московия, а потом и Россия. Собрание документов Симанкского архива формировалось из трех главных источников — Советов эпохи Габсбургов, Секретариатов времен Бурбонов и огромного количества финансовых документов (неслучайно финансы всегда были главной движущей силой власти). Информация о России с XVI по XVIII в. сосредоточена в фондах Государственного Совета за XVI–XVII вв. и Государственного Секретариата за XVIII в.

Государственный Совет, наряду с другими советами, обладал совещательными функциями, но был среди них самым главным. Он должен был представлять власть, обеспечивать превосходство и репутацию монархии в пределах Испании и за пределами ее границ, если, конечно, понятие границы в политическом смысле применимо к испанскому государству. Сферой деятельности Государственного Совета была политика во всеобъемлющем, широком смысле, она охватывала весь мир, и особенно территории, жизненно важные с геополитической точки зрения. В первую очередь Совет должен был контролировать движение информации, которая являлась «предметом роскоши» и собственно властью. Корреспонденция, самый важный ее носитель, должна была храниться в зашифрованном виде, если этого требовали обстоятельства. Поэтому принято говорить, что в фонде «Государство» сосредоточена вся *политика* Испанской монархии. Необходимость контроля за информацией требовала специальных исполнителей, и здесь особую роль играла дипломатия, послы и посольства, которые к XVIII в. приобрели вполне современную организацию. Всеобъемлющая сфера деятельности и Государственного Совета и впоследствии Секретариатов, а также необходимость оперативно управлять информацией определили организацию документации и структуру фондов по принципу «Дел» [*Negociaciones*; подразумевая, что в каждом Деле собраны документы, посвященные различным аспектам отношений с какой-либо державой или регионом]. Эту структуру необходимо понимать для того, чтобы лучше представить значение, характер, природу и принцип распределения документов о России в архиве в целом, а также распределения документов по фондам Государственного Совета и Государственного Секретариата, в которых в основном и сосредоточены исторические сведения о России.

Документы Симанкского архива о Московии или России не соотносятся с каким-то специальным разделом, они не выделены в определенную секцию в фонде «Государство», где находятся документы, исходящие от Государственного Совета и Государственного Секретариата. Документы о России присутствуют во всех фондах и секциях, хотя их количество различно в зависимости от различных исторических периодов, но, так или иначе, их стоит искать во всех фондах и в каждом из них в отдельности. Работа в фонде «Государство» в принципе не должна быть направлена на поиск целостного комплекта документов о русско-испанских отношениях — такой подход годится только для XVIII в. Необходимо с самого начала анализировать возможность наличия российской тематики или отклика на события в России в разных регионах Европы и, следовательно отражения соответствующей информации в документации испанских посольств и дипломатических агентов в разных европейских странах. Только таким образом можно понять политику Испанской монархии и ее отношения с какой-либо страной, в данном случае с Россией, и оценить ее как целое, а не как изолированный или периферийный сюжет.

Документов XVI в., в которых речь идет о России (Московии), немного, но они все значимые. Только в XVII в., когда после Вестфальского мира произойдут существенные изменения в соотношении сил на международной арене и в отношениях европейских держав с их территориальными владениями, одновременно с упадком влияния Габсбургов на европейскую политику возрастет влияние России (а также Швеции). Эти обстоятельства помогают объяснить организацию и укрепление русской дипломатии и упрочение отношений России с Испанской монархией, а также появление российских посольств на территории Испании и других европейских государств, за которым стоит ясное намерение обозначить свое присутствие в Европе.

Начиная с первой трети XVI в., а именно с 1523 г., встречаются свидетельства о взаимной заинтересованности России и императора Карла V в укреплении связей с целью создания союза христианских государей перед лицом общей турецкой угрозы. Содержание документов свидетельствует не только о сходстве политических интересов, но и о торговых связях, о контроле территорий на Балтике (Ливонская война), о конфликтах с Польшей, Татарией, Швецией, а также о напряженности, которую привносит борьба за признание титулов. На это указывают документы в секциях XVI и XVII вв. — в Делах по разным государствам: «Отношения» с Германией, Францией, Фландрией, Римом, Англией (хотя влияние последней будет значительно большим в XVIII в.); большое значение имеют Дела «Отношения с Италией», некоторые из регионов которой благодаря их стратегическому положению играли ключевую роль, — таковы «Отношения» с Венецией, Неаполем, Миланом и Генуей. В каждом из соответствующих Дел можно обнаружить материалы, связанные с Россией и со сложным клубком политических отношений в Европе.

В XVIII в. дипломатия обретает организацию и структуру, близкую к современной. В это время Россия проявляет себя как мощная держава, участвующая в разрешении европейских политических конфликтов, примером

Испания в российских архивах: Российский государственный архив древних актов

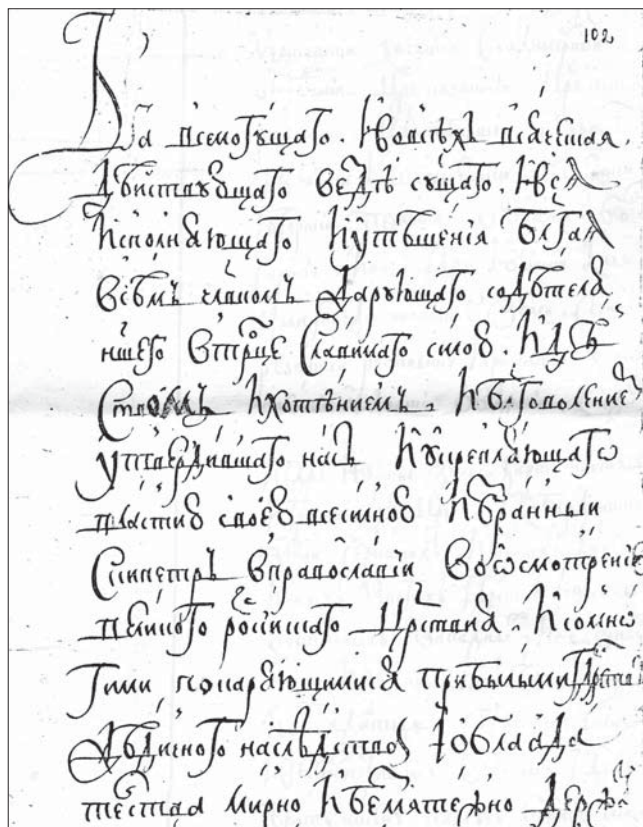
В отличие от Испании, где большие коллекции документов по истории русско-испанских отношений XVI–XVII вв. хранятся в нескольких хранилищах, в России почти все они сосредоточены в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Когда между странами еще не было прямых дипломатических контактов, сведения об Испании в России получали из статейных списков, которые начиная со второй половины XVI в. поступали от российских послов из Священной Римской империи, Англии, итальянских государств, а с начала XVII в. — из Франции и Голландии.

Главную ценность для изучения русско-испанских отношений представляют документы, относящиеся к четырем русским посольствам в Испанию: Петра Потемкина (1667–1668, 1680–1682), Андрея Виниуса (1672–1674) и Якова Долгорукова (1687–1688), а также к миссии гонца Н. Бехтеева, который был послан, чтобы известить испанский и французский дворы о прибытии посольства Долгорукова. Поскольку все эти посольства посещали, помимо Испании, еще и соседнюю с ней Францию (а в двух случаях также и Англию), их статейные списки оказались помещены в фондах сношений России не с Испанией, а с Англией (статейный список Виниуса) и Францией (все остальные списки).

Статейные списки — это отчеты послов, которые составлялись после возвращения в Москву по разделам (статьям), посвященным отдельным вопросам. Дневниковые записи событий перемежались в них с текстами документов. Подробно описывался маршрут путешествия, пребывание за границей и возвращение на родину. Центральная часть такого документа — запись переговоров, составляющих цель посольства, но статейный список обязательно содержал и сведения о стране, в которой находилось посольство: о ее внешней политике, военном потенциале, государственном строе, экономике. Обычно эти сведения были разбросаны по всему тексту отчета, но в статейный список посольства 1667–1668 гг. включена своего рода аналитическая записка об Испании, которая содержит уникальную характеристику жизни страны и обычаев испанцев. Статейные списки русских послов в Испании являются ценными историческими источниками и выдающимися памятниками литературы путешествий.

чего становится и «великая русская дипломатия XVIII в.». Документы это отчетливо подтверждают.

По этому периоду имеется особое Дело «Отношения с Россией», в котором собрана корреспонденция испанских послов, служивших в России. Их регулярная переписка с Государственным Секретариатом, а также

Грамота царя Алексея Михайловича королю Филиппу IV. РГАДА

Важнейшими документами по истории русско-испанских отношений являются также указы — инструкции послам, в которых детально регламентируется их поведение в той или иной ситуации. В ряде случаев только сравнение данных указа и статейного списка позволяет понять, когда посол был жестко ограничен наказом, а когда имел возможность выбора. Наконец, существенным дополнением к статейным спискам и наказам является документация, относящаяся к подготовке посольства и их отчетности, а также текущая переписка. Из нее становится понятен состав и статус членов посольства, предстают в новом свете важные эпизоды переговоров или детали путешествия послов.

корреспонденция секретарей и других лиц, прерывавшаяся лишь вынужденно и на короткие промежутки по причине сложившейся социальной и политической обстановки, сосредоточена в пятидесяти папках, которые охватывают период с 1724 по 1788 г. В каждой папке собраны документы за один год переписки; в них с позиции испанской дипломатии освещаются

политические отношения России с другими европейскими державами. Обычно папки с документами посвящены одной теме, будь то внутренняя организация посольства или «важные дела», касавшиеся торговли, движения товаров, таможенных тарифов и судоходства. Последняя тема представляла большой интерес для Испании в XVIII в., когда происходила серьезная реформа ее флота.

Но не только эти документы рассказывают нам о России в XVIII в. Как и в случае с документами Государственного Совета по предыдущим столетиям, различные дела, а именно: «Отношения» со Швецией, с Данией, Польшей, Германией, Венецией, и весьма интересные дела «Отношения с Королевством обеих Сицилий» и «Отношения с Англией» освещают темы, связанные с Россией, и особенно ее роль на европейской политической арене. Что касается Королевства обеих Сицилий (1734–1785), то более двухсот документов, посвященных России, подтверждают тот факт, что Неаполь в этот период становится важнейшим источником информации о Центральной и Восточной Европе. Особым образом выделяется дело «Отношения с Англией», в котором собраны сведения о важнейшей проблеме периода: Война за независимость английских колоний в Северной Америке, которая повлияла и на отношения между европейскими государствами.

Наряду с большим количеством рукописных документов имеется также, особенно в разделах XVIII в., и другая документация — печатная, в которой содержатся сведения о договорах, союзах, регламентах, протоколах и назначениях; ее содержание имеет официальный, правовой характер, а форма документов регламентирована. В Симанкском архиве встречаются и некоторые образцы документов общего характера: карты, чертежи населенных пунктов, оборонительных сооружений, военных строений, планы городов и важных гражданских объектов. Графическое или картографическое изображение всегда сопровождается описями, которые поясняют их и увязывают с контекстом, и таким образом информация становится более полной. Имеются отдельные документы, связанные и с Россией. Их немного, но они довольно репрезентативны: на них представлены чертежи уникальных зданий, планы военной тактики, карты колониальной экспансии и пр.

Хотя ключевая информация для изучения отношений России с Европой и Испанской монархией хранится в фонде «Государство», документы, связанные с финансами дипломатов, также можно обнаружить в фонде Главного управления по финансам (в Генеральном казначействе), в его инвентарных описях № 2 и 23, содержащих записи о размерах жалований посланников и персонала посольств за границей с 1741 по 1820 г. Это еще один аспект, которым можно дополнить изучение дипломатии. Все упомянутые документы служат доказательством той важной роли, которую на протяжении трех столетий играло Российское государство в отношениях с Испанской монархией и в формировании европейского и внеевропейского пространства, а также являются отражением стремления к тесному и постоянному сотрудничеству в изучении прошлого и в реконструировании нашей общей исторической памяти.

Б

БУРБОНЫ И РОМАНОВЫ В XVIII ВЕКЕ

«В ЕВРОПУ ПРОРУБИТЬ ОКНО»: ПЕТР ВЕЛИКИЙ И УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ИСПАНИЕЙ

Первые посольства XVII в. создали основу, на которой при Петре I выстраивались дипломатические отношения России с Испанией. Как писал Педро Гарсиа Мартин, посольские миссии Потемкина 1668 г. во Францию и в Испанию «предвосхитили знаменитые посольства Петра Великого, направленные в Амстердам, Лондон, Вену, Варшаву и Париж несколькими десятилетиями позднее»¹. Посольство Потемкина действительно положило начало формированию традиции российско-испанских отношений, изначально подразумевавших развитие трех аспектов дипломатического взаимодействия: протокольных (соблюдение церемониала и почитание титулов монарха), политических (при отсутствии политических противоречий Россия и Испания сблизилась с целью создания союза против общих врагов и поддержания «баланса сил» в Европе) и, естественно, торговых.

В честь победы над Швецией в Северной войне 2 ноября (22 октября) 1721 г. Сенат даровал русскому царю Петру I титулы «император» и «Великий». После окончания войны Петр I сосредоточил свои усилия на укреплении политической роли России в Европе и стабилизации ее места в европейском «балансе сил»: установление официальных связей с западными государствами вошло в сферу национальных приоритетов. Он мечтал «в Европу прорубить окно», как позже напишет Александр Пушкин².

¹ *García Martín P.* La formación de Rusia... P. 149.

² *Пушкин А.С.* Медный всадник // Собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 4. С. 380.

Петр I

Состояние отношений между Россией и европейскими странами в то время во многом зависело от характера отношений России с Англией, которые после Утрехтского мира были довольно напряженными: Англия поддержала Швецию и не желала укрепления России. Это противостояние стало одной из причин, по которым Петр попытался укрепить отношения с королевскими дворами Бурбонов: в 1717 г. он совершил поездку во Францию и одновременно дал указания своим представителям во Франции и в Голландии «интриговать» для установления дипломатических связей с двором Филиппа V.

Переговоры между Испанией и Россией начались в Гааге летом 1717 г. и велись между российским

послом Борисом Куракиным и его испанским коллегой Лоренсо Версусо Беретти-Ланди. 1 ноября 1717 г. Куракин информировал Беретти-Ланди о том, что «по вступлении в 1700 г. короля Филиппа V на гишпанский престол грамотою в России не объявлено» и что «отзыв гишпанского короля весьма приятен будет е. ц. в-ву»³. Через несколько дней Беретти-Ланди передал Куракину грамоту от Филиппа V, в которой испанский монарх сообщал о рождении инфанты Аны-Марии-Виктории и выражал желание «возставить добрую корреспонденцию» между обоими государствами, чтобы «утвердить добрую дружбу, которая де видится быть не бесполезна обоим монархиям». В ответной грамоте Петр I выразил стремление «чрез добрую коррешпенденцию дружбу между нами возставить и утвердить»⁴.

С целью расширения политических и торговых связей с Западной Европой в 1721 г. Петр I направил во Францию, в Испанию и Нидерланды капитана Питера Бределя с грамотами к правительствам этих стран, в которых сообщалось об окончании Северной войны и о заключении мира со Швецией. 8 февраля 1722 г. Бредель прибыл в Мадрид. Российский посланник был весьма дружественно принят в Испании: он провел переговоры с государственным секретарем Хосе де Гримальдо и передал ему грамоту Петра I, в которой говорилось: «Мы желаем с вами дружбы и доброй корреспонденции [...], между

³ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 1 (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М.: Мос. Глав. архив МИД, 1894. С. 164.

⁴ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 64, 65.

нашими государствами может процветать доброе купечество к приращению обоих государств и к пользе подданных наших»⁵. Получив ответную грамоту, 25 февраля Бредель покинул Испанию. В своем послании Филипп V заверял, что имеет «истинное старание» заслужить «дружбу и корреспонденцию», и выражал желание «способствовать впредь к наивысшему благу и пользе обоих государств»⁶. В записке, поданной в Коллегию иностранных дел, Бредель сообщал, что испанское правительство готово к установлению дипломатических отношений с Россией⁷. Об этом же информировал из Гааги Куракин. Основываясь на полученных сведениях, Петр I принял решение направить в Испанию постоянного дипломатического представителя — его выбор пал на князя Сергея Дмитриевича Голицына.

Сергей Голицын

Внешнеполитические интересы Петра Великого тогда были сосредоточены на ведущих государствах Северной Европы, политические отношения России с отдаленными странами, такими как Испания, были мало развиты, и, соответственно, «архитекторов» внешней политики России интересовали прежде всего связи и возможные союзы Испании с такими державами, как Англия и Франция. Указания, данные Голицыну, требовали от него «разведывать о состоянии и предприятиях» испанского двора, «а особливо в какой дружбе и обезательствах король гишпанской обретается с другими державами, а наипаче с Франциею. И не намерен ли оной начать войну в Италии с цесарем или с Англиею для получения от оной Гибралта и порта Могона»⁸. 19 августа 1723 г. вице-президент Коллегии иностранных дел Андрей Остерман, запрашивая ту же информацию, писал Голицыну: «Я при сем разсудил запотребно в св-ти сим напоминать, дабы вы изволили прилежно разведывать и смотреть о обращении гишпанского флота и о том в реляциях своих всегда доносить, ибо сии ведомости здесь всегда потребны; також де изволите потрудиться подлинно проведать, совершенно ль между гишпанским и французским двором трактат, зовомой ассиенто,

⁵ Архив внешней политики Российской империи [АВПРИ]. Ф. Сношения России с Испанией (СРИ). Оп. 58. Д. 58. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 12. Л. 1–2.

⁷ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор... С. 164.

⁸ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 73.

заклучен; и ежели сие конечно учинено, то из того мочно видеть, что чрез оное Гишпаниа с Францією тесно обязались, с выключением Англии»⁹.

Политические интересы России и Испании практически не пересекались. В этой ситуации наиболее надежным способом развития отношений стало установление торговых контактов¹⁰. Для торговли, в отличие от политики, «расстояние» было не препятствием, а, напротив, преимуществом. В свое время еще Марианна Австрийская и Карл II сделали шаг для начала торгового обмена с Россией. «Мы распорядились, чтобы во всех портах в наших владениях в Европе подданные в. ц. в-ва допускались к коммерции так же, как и подданные других дружественных и союзных государей» — было заявлено в ответе на письмо Алексея Михайловича, врученном Петру Потемкину¹¹. Почти через пятьдесят лет, летом 1721 г., в Кадис с указанием собрать сведения о состоянии испанской торговли, а особенно с американскими колониями, был отправлен дипломатический и торговый агент России в Любеке Петр Беклемишев. В своих донесениях он указывал, что иностранцам торговля с Америкой строжайше запрещена, и с целью скорейшего установления прямых отношений между обеими странами рекомендовал учредить русскую торговую контору в Кадисе¹².

Когда Голицына отправляли в Мадрид, ему наказывали, что помимо политических сведений он должен был выяснить и сообщить, на какие российские товары там имеется спрос, и что «из Гишпаниии получать дешевле других государств и в Россию вывозить мочно». Ему следовало заявить испанскому правительству, что «Е. И. В-во весьма склонен и желает, дабы между обоими государствами доброе купечество возстановлено было к приращению обоих государств и к ползе подданных»¹³. Для выполнения этой задачи 8 ноября 1723 г. Петр I издал именной указ об открытии прямых торговых сношений с Испанией и о назначении консула в город Кадис. Туда для организации консульства, изучения возможностей торговли и для получения Россией статуса наиболее благоприятствуемой нации был направлен князь Иван Щербатов¹⁴. Под руководством Щербатова российскими консулами в Кадис выехали Алексей Вешняков и Яков Евреинов¹⁵.

⁹ Цит. по: Уляницкий В. Русские консульства за границею в XVIII веке. Кн. 1–2. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1899. С. 134.

¹⁰ Volosyuk O.V. Negotiating the Balance of Power: Russian-Spanish Commercial Relations in the Early Eighteenth Century // The Politics of Commercial Treaties in the Eighteenth Century. Balance of Power, Balance of Trade / A. Alimento, K. Stapelbroek (Ed.). London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 173–193.

¹¹ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 20.

¹² Российский государственный архив древних актов [РГАДА]. Кабинет Петра I. Отд. II. Кн. 54. Л. 388–394. Подробнее о его миссии см.: Крылова Т.К. Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века // Культура Испании. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 341.

¹³ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 73–74.

¹⁴ Александренко В.Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке. Т. I–II. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1897. С. 28.

¹⁵ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 69. Л. 1–14.

На заседании российского Сената (18.09.1724), было заслушано донесение Щербатова, на основании которого 24 декабря 1724 г. (4 января 1725 г.) Петр I подписал указ, по которому в Испанию направлялись три судна с товарами¹⁶. 12 мая 1725 г. русские корабли «Дефеншиер», «Амстердам Галей» и «Кронделивде», груженные кожами, воском, парусиной, пенькой и другими традиционными товарами российского экспорта, вышли из Ревеля [Таллин] курсом на Кадис¹⁷. 17 (28) августа корабли прибыли в Кадис, где оставались три недели для погрузки товаров. Из-за повреждений «Дефеншиера» они были вынуждены задержаться в порту Сантандер и отбыли в Россию в начале марта 1726 г. Так было положено начало торговле между Россией и Испанией. В декабре 1726 г. руководителю этой экспедиции Ивану Кошелеву российская императрица Екатерина I (1725–1727) присвоила звание капитана первого ранга, «понеже он в Испании с российскими кораблями был первый»¹⁸.

Правительство России также подтвердило и свою готовность к началу переговоров с Испанией по вопросу подписания торгового договора. В одном из первых писем, адресованных Голицыну, Остерман сообщал (19.08.1723): «Реляция в. св-ти [...] о возстановлении коммерции с Гишпаниею, здесь исправно получена, и по оной е. и. в-ву о всем донесено будет»¹⁹. Со своей стороны правительство Испании предприняло практические шаги по подготовке торгового договора. 24 января 1724 г. Голицын получил от Гримальдо письмо с приложенным к нему проектом договора. Проект был составлен Франсиско Ператсом, чиновником Торговой хунты Испании. Ператс доказывал, что при Петре I Россия превратилась в одну из могущественнейших европейских держав, владеющую обширными территориями и большими природными богатствами. Он был абсолютно уверен в том, что для Испанской монархии будет весьма выгодно вступить в отношения с этим новым государством с «своими сильными войсками, как морем, так и сухим путем», и считал, что «к делам статским мощно было приложить материи, чтоб сочинить коммерцию»²⁰.

Одновременно Испания начала активные дипломатические демарши по вовлечению России в сферу своих политических интересов. В 1725 г. в Европе были заключены два новых союза. Один из них основывался на договоре, подписанном в Вене Испанией с императором Габсбургов, который был направлен против Англии и Франции. В качестве противовеса Венскому союзу английское правительство подготовило новое соглашение с Францией и Пруссией — Ганноверский союз²¹.

¹⁶ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 99–100.

¹⁷ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 87. Л. 13–72.

¹⁸ Именные указы, объявленные Адмиралтейств-коллегией, и извлечения из указов, журналов и протоколов коллегии, 1717–1725 // Материалы для истории русского флота: Ч. V. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1875. С. 329–330.

¹⁹ Уляницкий В. Русские консульства... С. 134.

²⁰ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 90.

²¹ Schop Soler A.M. Las relaciones entre España y Rusia en la época de Carlos IV. Barcelona: Univ. de Barcelona, 1971. P. 11–12.

Испанские послы в России: герцог де Лириа

Во время правления Филиппа V, с установлением дипломатических отношений между Россией и Испанией, были созданы постоянные дипломатические представительства — посольские миссии в Петербурге и Мадриде. В 1727 г. первым полномочным представителем Испанской монархии при российском дворе стал Хакобо Франсиско Фитц-Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика, потомок знатного аристократического рода. Его отцом был Джеймс Фитц-Джеймс Стюарт, герцог Бервик и маршал Франции, внебрачный сын короля Англии Якова II и Арабеллы Черчилль, сестры герцога Мальборо. В 1727 г. герцогу де Лириа исполнился 31 год; он уже был опытным военным в чине генерал-лейтенанта. Целью его миссии было привязать Россию к союзу с Австрией посредством заключения прямого русско-испанского договора.

Лириа покинул Мадрид в марте 1727 г. и прибыл в Петербург конце ноября того же года. По пути он на некоторое время задержался в Вене, где имперские министры предоставили ему сведения о российской политике, поскольку тогда Венский императорский двор являлся посредником в испано-российских отношениях.

Пребывание герцога де Лириа в России пришлось на сложный период в российской истории и совпало с коротким правлением молодого царя Петра II и приходом к власти Анны Иоанновны. Герцог прибыл в Петербург вскоре после изгнания Александра Меншикова, влиятельного политического деятеля эпохи Петра I, — в то время, когда в Европе опасались, что реформы покойного царя будут отменены. Служба герцога в России в основном прошла в Москве, где он был почетным гостем на коронации Петра II. Лириа удалось установить отношения с двумя главными политическими деятелями России того периода: вице-президентом Коллегии иностранных дел

Таким образом, «баланс сил» в Европе снова нарушился. Между венскими и ганноверскими союзниками завязалась острая дипломатическая борьба за привлечение новых государств, прежде всего России, Голландии, Швеции и Дании. В формировавшейся новой политической системе России принадлежало важное место, и потому обе соперничающие стороны пытались склонить ее на свою сторону²². В начале 1726 г. в Мадриде начались переговоры между государственным секретарем бароном де Риппердой и назначенным в том же году новым российским посланником, князем Иваном Шербатовым. Согласно плану Рипперды, Россия должна была присоединиться к Испании, начавшей войну против Англии в поддержку претензий на английский трон «Якова III Стюарта», и «высадить войска на берегах Великобритании»²³.

²² *Некрасов Г.А.* Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М.: Наука, 1976. С. 12–13; *Schop Soler A.M.* Las relaciones... P. 12–13.

²³ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 108.

Андреем Остерманом, сторонником союза с Австрией, и фаворитом царя Иваном Долгоруким. Российские политики не ладили между собой, и порой испанский посланник даже выступал посредником между ними.

Герцогу не удалось достичь главной цели своей миссии — заключить союзный и торговый договоры, подписанию которых он содействовал всеми силами, ревностно продвигая проект по созданию испанского консульства в России. Разрыв союза между Мадридом и Веной привел к ухудшению российско-испанских отношений, что осложнило положение де Лириа в Москве, уже ставшее шатким после смерти Петра II и падения клана Долгоруких. В 1730 г., когда между Россией и Испанией отношения были разорваны, Лириа покинул Российскую империю.

Герцог де Лириа

6 августа 1726 г. Россия примкнула к Венскому союзу. Для удержания России в альянсе испанское правительство решило в конце того же года направить в Москву своего постоянного представителя. На этот пост был выбран герцог де Лириа-и-Херика²⁴. Судя по полученным им инструкциям (22.01.1727), было очевидно, что Испания проявляла огромный интерес к тому, чтобы втянуть Россию в войну против Англии. В документе подчеркивается: «Надлежит поддерживать с ней [с Россией] дружбу и доброе согласие, особенно при настоящем положении дел, при котором [...] очень важно, чтобы среди государей, которые заключили вышеупомянутый Венский союз, кроме нас и императора, была и царица Московии»²⁵.

²⁴ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 104. Л. 1–62.

²⁵ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 117.

Испанское правительство рассматривало союз с Россией исключительно в рамках решения этой проблемы — во всех остальных вопросах оно не было расположено принимать на себя какие-либо политические обязательства. Как указывалось в инструкции герцогу де Лириа, «Московия из-за отдаленности имеет мало общего в делах и интересах с делами и интересами нашего королевства, а ее силы, хотя сами по себе значительные, не могут серьезно влиять на наши»²⁶. Единственной сферой, в которой он мог предоставить гарантии московскому правительству, являлись вопросы торговли²⁷. Но планам испанского правительства не суждено было сбыться: Москва ограничила свое присутствие в Венском союзе подписанием двустороннего австро-российского оборонительного трактата²⁸. С российской позиции участие в Венском союзе виделось скорее как средство сопротивления турецкой агрессии, а не как элемент противостояния Ганноверскому союзу²⁹. Между тем противоречия между «ганноверцами» привели альянс к распаду, а его бывшим участникам удалось оторвать Испанию от Австрии и вернуть ее к идее союза с Францией. 9 ноября 1729 г. Испания, Англия и Франция подписали Севильский оборонительно-наступательный союзный договор.

После подписания Севильского договора Мадрид оказался в блоке, противостоящем Москве, а попытки герцога де Лириа «вытащить» Россию из ее союза с Австрией не увенчались успехом. «Я разговаривал с ключевыми российскими министрами, готовыми приложить все силы и использовать любые средства, которыми можно оторвать эту монархию от Венского двора, но граф Остерман в отношении императора держится с прежней твердостью и пылом, и я сомневаюсь, что его можно было бы переубедить. До сих пор его авторитет был очень велик, и в государственных вопросах царица не советовалась ни с кем кроме него», — писал он маркизу де ла Пас 23 августа 1730 г.³⁰ В феврале 1730 г. Австрия разорвала дипломатические отношения с Испанией, а в апреле российская императрица Анна Иоанновна, уступив требованиям императора Габсбургов, направила грамоту Филиппу V, уведомляя его об отзыве Щербатова.

Послепетровские правительства с сомнением относились к перспективам участия России в системе «европейского равновесия» и в конце концов потеряли интерес к развитию политических и торговых отношений со страной, расположенной на другом краю Европы. В 1727 г. российское правительство приняло решение: «Российским консулам в Испании не быть»³¹.

²⁶ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 117.

²⁷ Там же. С. 117, 118.

²⁸ Encinas Moral A.L. La embajada del duque de Liria en Rusia (1727–1730). Prólogo a: Diario del viaje a Moscovia del Duque de Liria y Jérica / Ed. de A.L. Encinas Moral, I. Arranz del Riego y M. Rodríguez Polo. Madrid: Miraguano, 2008. P. 63.

²⁹ Нехрасов Г. Роль России... С. 204.

³⁰ Diario del viaje a Moscovia... P. 400.

³¹ АВПРИ. Ф. СРП. Д. 105. Л. 1–3. См. также: Уляницкий В. Русские консульства... С. 150–152.

Политика первых Романовых была сосредоточена на «строительстве» самодержавного государства и на преобразовании царской России в Россию имперскую, что подразумевало и возрастающую роль страны на европейской международной арене. В XVII в. новое международное значение России проявилось в развитии дипломатических контактов, заложивших основу для учреждения первых российских дипломатических миссий в годы правления Петра Великого. Именно тогда, в 1723 г., было открыто российское посольство в Мадриде. Складывавшиеся в первой трети XVIII в. отношения между Россией и Испанией характеризовались и моментами сближения и расхождений, и даже приостановкой и отсутствием контактов. Но в этот период были заложены основы дипломатической традиции, соединившей посольства первых Романовых с дипломатией имперской России второй половины XVIII — XIX столетия.

ЗИНОВЬЕВ И ФЛОРИДАБЛАНКА: ДИПЛОМАТ И МИНИСТР

23 мая 1773 г. в Мадрид прибыл молодой человек тридцати лет. Звали его Степан Степанович Зиновьев. Полгода назад императрица Екатерина II назначила его полномочным посланником при испанском дворе. Зиновьев был абсолютно счастлив. Выходец из известной, но не очень знатной дворянской семьи, он мог выбрать только два пути: либо военную, либо дипломатическую карьеру. Он выбрал военную... В годы Семилетней войны Зиновьев служил вместе с Григорием Орловым, будущим фаворитом Екатерины II. Высокий, статный и красивый, Орлов тогда получил известность за свою склонность к развлечениям и смелым, рискованным похождениям. Но и Зиновьев, по описанию их общего друга, офицера и будущего писателя Андрея Болотова, был таким же: «Оба они были высокого и ровного роста, и оба имели прекрасную талию, то нельзя изобразить, сколь хороший вид они представляли». Весной 1759 г. приятели вернулись в Россию, и, как вспоминал позже Болотов, они «были тогда у нас первыми и наилучшими танцовщиками на балах, и как красотой своею, так и щегольством, и хорошим поведением своим привлекали на себя всех зрение»³².

По возвращении в Петербург Зиновьев был определен на службу в Коллегию иностранных дел, но добрые отношения с Орловым, который сыграл ключевую роль в воцарении Екатерины и занял место главного царедворца, сохранил и даже выполнял некоторые его деликатные дипломатические поручения³³. Со временем Зиновьев остепенился и в 1767 г. женился на Екатерине Меншиковой, фрейлине императрицы, внучке ближайшего

³² Болотов А. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738–1793. М., 1870. С. 840, 845.

³³ Волосюк О.В. Внешняя политика Испании... С. 331–332.

сподвижника Петра I, — и при дворе заговорили о возможности его быстрого должностного возвышения. Вхождение в круг приближенных императрицы позволяло ему на это рассчитывать. Но к началу 1770-х гг. влияние Орлова и его положение при дворе стали ослабевать. Осенью 1771 г. фаворит был удален в Москву, но помочь своему другу в продвижении по службе он успел. Весной 1771 г. Зиновьев получил негласное распоряжение прозондировать с португальскими дипломатами в Европе вопрос об установлении дипломатических отношений с Лиссабоном. Для придания этим переговорам официального статуса Екатерина подписала указ о назначении его посланником в Португалию (05.04.1771). А для непосвященных он просто отправился в Спа на воды.

Зиновьев провел в Европе около года, переезжая из одной страны в другую: переговоры с португальцами не ладились и его отъезд в Лиссабон постоянно откладывался. В январе 1772 г. прошел слух о том, что освобождается место посланника в Мадриде, и молодой дипломат стал забрасывать Никиту Ивановича Панина, руководившего российской внешней политикой, письмами о предоставлении этого места себе. В сентябре 1772 г. он наконец получил долгожданный ответ. «Ныне гишпанской пост открылся [...], и не хочу пропустить случая к доставлению Вам сего места», — писал ему Панин³⁴. Зиновьев чувствовал себя победителем. Период неопределенности закончился, он добился желаемого: получил высокую должность в Мадриде. В ноябре были подписаны верительные грамоты, а в мае 1773 г. он вместе с супругой приехал в столицу Испании, которая пробыла с ним в Испании чуть больше года — по причине нездоровья в июле 1774 г. она покинула Мадрид³⁵. В 1781 г. она скончалась. 18 лет после ее отъезда дипломат прожил в Испании один.

Визитная
карточка
С.С. Зиновьева

³⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Португалией. Д. 47. Л. 26; Ф. СРИ. Д. 339. Л. 2.

³⁵ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 236.

Зиновьев с самого начала с удовольствием погрузился в светскую жизнь испанского двора. Его легкий нрав и общительность стали неоценимым подспорьем в его карьере: как и ранее в России, он легко устанавливал нужные знакомства и заводил друзей среди придворной аристократии и культурной элиты. «Связи, которые я стараться буду впредь здесь делать, подадут мне со временем способы узнать все части правления здешнего государства. По последней мере приложу я всевозможный труд употребить время моего здесь пребывания с некоторой пользой», — докладывал он в Петербург в 1775 г.³⁶ Его друзьями были художник Антон Рафаэль Менгс и писатель Пьер-Огюстен де Бомарше, а свидетельством его активной светской жизни стала визитная карточка, сохранившаяся до наших дней в Национальной библиотеке Испании. Но к исполнению своих профессиональных обязанностей Зиновьев отнюдь не относился легкомерно. Историк А.С. Трачевский, внимательно исследовавший его переписку с Петербургом, указывал: «В его депешах обнаруживается наблюдательность, меткость суждений и глубокое знание быта испанской нации, особенно ее двора. [...] Они могут служить руководящей нитью при изучении испанской политики»³⁷.

Зиновьев сумел наладить доверительные отношения с государственным секретарем по иностранным делам Хосе Моньино-и-Редондо, графом де Флоридабланкой, который практически еженедельно устаивал его аудиенции, о чем российский посланник регулярно сообщал в своих отчетах в Петербург. Дело дошло даже до того, что англофил граф Панин, скептически относившийся к союзу России с Бурбонскими дворами, пожурил дипломата за избыточно лицепрятное отношение к первому испанскому министру и за слишком победоносную реляцию о том, что с Флоридабланкой достигнуто согласие о присоединении Испании к декларации Екатерины II о нейтральном мореплавании. Панин указывал, что следует «разпоряжать Ваши донесения ко двору без всякого большаго пристрастия ни одну или другую сторону, тем более что были недавно примеры, что невинная самая толкования министра ко двору своему производили неприятныя и действительныя последствия, кои и окончивались или неприятными изменениями, или же и самыми военными бедствиями. Искусство же всякаго министра, как Вам не безизвестно, должно состоять, конечно, в том, чтоб уметь их предупредить, останавливать и отклонять»³⁸.

Но Панин напрасно обвинял Зиновьева: дипломата вряд ли можно было в чем-то заподозрить. Если только во внимательном и равнодушном отношении к стране, в которой ему довелось служить без малого 20 лет и познания которой он желал для блага интересов России. В 1779 г. он просил Панина разрешить ему отпуск, который дипломат хотел бы провести в путешествии по Испании. Обоснование этой просьбы свидетельствует

³⁶ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 358. Л. 44.

³⁷ Трачевский А. Испания девятнадцатого века. М.: К.Т. Солдатенков, 1872. С. 14–15.

³⁸ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 301.

о той ответственности, с которой дипломат относился к порученному ему делу. «Из оного вояжа, — писал Зиновьев, — думаю приобрести себе лучшее понятие о всех частях здешней земли, нежели живя только в Кастилии, в пребеднейшей провинции всей Гишпании. Осмеливаюсь уверить, что чужестранец, не выезжая из Мадрида, ни коим образом не может иметь понятия о Гишпании и не должен судить о ней. От самого оного и произведены странные и лживые описания о Гишпании»³⁹.

Приезд Зиновьева в Мадрид совпал с отставкой графа де Аранды, занимавшего пост президента Совета Кастилии, поэтому одно из своих первых донесений посланник начинает именно с описания этого события, отмечая, что «весь почти народ, кроме духовенства, сожалеет об этой перемене». «Граф Аранда, — сообщал он чуть позже, — из тех знатных гишпанцев, которые никогда не могли терпеть самовластия, и в бытность его президентом Совета Кастилии, он всегда охотно защищал права национальные». Политическую характеристику министра Зиновьев дополняет описанием той атмосферы, в которой протекала его деятельность.

«По справедливости имел он довольно причин оставить место президентское. Всегда почти Совет Кастилии был противен его предложениям, которые часто служили для лучшей внутренней администрации». В донесении говорилось, что граф де Аранда будет назначен послом во Францию, и, с пониманием всей важности информации о последствиях этого назначения для испано-французских отношений, указывалось: «Он из тех гишпанцев, которые всех больше кричали о неудобствах Фамилного пакта, а теперь непременно должен следовать принятым двором его правил и слепо повиноваться французской политике. [...] Но как бы оно не было, конечно, не будет он приятен Версальскому двору и доверенности ни малой не будет иметь, но все исправляться будет здесь французским послом». Зиновьев приводит и другую вероятную причину скорого отъезда Аранды: «Многие думают, что он не для иного место

Хосе Моньино, граф де Флоридабланка

³⁹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 381. Л. 23.

взял посольское, как только иметь претекст выехать из отечества, в котором уже не чувствует любви, и не возвращаться в него до смерти»⁴⁰.

Главную причину отставки Зиновьев усмотрел во враждебном отношении к нему государственного секретаря Херонимо де Гримальди. Однако при всей широте его власти положение Гримальди в Испании не было достаточно прочным. Карл III в начале своего правления назначил на ключевые посты в государстве многих итальянцев, что вызывало недовольство среди испанцев. Им приписывали самые разнообразные недостатки и злоупотребления. Об этом неоднократно писал и Зиновьев: «В самом деле, хотя марки де Грималди весьма любит властвовать, но в характере его той твердости нет, которою бы могло держаться в такой земле, где вся нация его ненавидит [...]. Но со всем тем, как мне кажется, крики неприятелей марки де Грималди не производят ничего важного в рассуждении того, что сей министр более всех знает нрав своего государя и умеет им управлять и при том будет проворнее всех своих неприятелей, найдет способы удержаться в своем кредите»⁴¹. Однако в 1776 г. Гримальди все же подал прошение об отставке, которое было принято. На его место был назначен находившийся на посту посланника в Риме граф де Флоридабланка.

Правление графа де Флоридабланки практически совпало с пребыванием в Испании Зиновьева. Этому министру уделяется самое пристальное внимание в донесениях российского дипломата. Только на их основе можно написать полную биографию первого министра Испании за 1776–1792 гг. Первые донесения Зиновьева связаны с пребыванием Флоридабланки в Риме, где ему было поручено получить у папы буллу об уничтожении ордена иезуитов. В 1776 г., когда было объявлено об отставке Гримальди, Флоридабланка оказался среди претендентов на этот пост, и вскоре король его утвердил. «К графу Флоридабланке в Рим, — писал Зиновьев 11 ноября 1776 г., — послан нарочный курьер, и думают, что, может быть, новый министр возвратится на одном военном фрегате, находящемся теперь в Неаполе». В следующем зашифрованном донесении Панину (18.11.1776) Зиновьев изложил биографию будущего министра: «Выбор Флоридабланки инспирирован принцем Астурийским, и хотя он недостаточно известен при дворе, тем не менее все довольны тем, что министром назначен испанец, ибо страна давно требовала этого. Всего лишь десять лет назад министр был обычным юристом. Завоевав определенный авторитет, он получил должность прокурора Совета Кастилии. В конце концов, он был направлен в Рим, чтобы добиться изгнания иезуитов. Его знание законодательства и красноречие известны лишь членам Совета Кастилии, и общество никак не могло представить себе, что выбор остановят на нем. Без сомнения, ему понадобятся твердость и искусность для решения нынешних дел»⁴².

⁴⁰ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 345. Л. 23–24; Д. 351. Л. 105–106.

⁴¹ Там же. Д. 351. Л. 156, 184.

⁴² Там же. Д. 362. Л. 152, 156–157.

Через пару месяцев Зиновьев сообщал в Петербург о сомнениях в Мадриде относительно способностей Флоридабланки. «Каков будет дебют нового министра? Все изначально считают, что ему будет нелегко исполнять свои обязанности, сомневаясь в том, что у него есть какая-то общая система, а знания юриспруденции, которой он занимается уже длительное время, вряд ли будет достаточно, учитывая нынешнее положение Испании. Существует мнение, что дело иезуитов, которое он вел при римском дворе, в недостаточной степени подготовило его для управления этой большой страной»⁴³. Однако эти мрачные прогнозы не оправдались, и уже через десять лет он дает министру следующую характеристику: «Влияние графа возросло до такой степени, что, не занимая должности премьер-министра, он им в действительности является [...]. Король высоко оценил его старания и стал испытывать к нему безграничное доверие. [...] Граф де Флоридабланка овладел всеми браздами правления в королевстве. И хотя король воображает, будто все верят, что он все делает сам и сам назначает министров, на самом деле граф подчинил его своей воле»⁴⁴. Именно его усердие, настойчивость и старания стали импульсом для многих экономических нововведений, административных и социальных проектов, достижений в области науки и культуры. «Его любимые занятия, — продолжал Зиновьев, — проекты усовершенствования проезжих дорог, рытья каналов, словом, различных работ на благо королевства». «Граф де Флоридабланка неусыпным своим вниманием о внутренних делах получает себе день ото дня почтение и любовь от всей нации»⁴⁵.

Зиновьев отмечал, что с приходом к власти Флоридабланки несколько изменились «сердечные» отношения двух Фамильных держав — Франции и Испании. «Возглавив министерство, граф де Флоридабланка сразу обратил внимание на то, что здешний двор находится в полной зависимости от французского двора». Эта зависимость дошла до такой степени, что в Испании не решался ни один вопрос без предварительного обсуждения с версальским кабинетом и что Франция настаивала, чтобы все государства, желавшие начать переговоры с Испанией, обращались сначала к французскому правительству. Дипломат указывал, что испанский министр не сомневается в необходимости поддерживать тесные связи с соседним государством, но «совсем не хочет, чтобы эта связь переросла в деспотию». А потому, заключает посланник, вряд ли кто-либо «присвоит ему звание первого приказчика французского двора, которое было не без оснований присвоено его предшественнику герцогу де Гримальди»⁴⁶.

Смерть Карла III в декабре 1788 г. изменила положение первого министра. При Карле III Флоридабланка обладал практически неограниченной властью в государстве, что не устраивало принца и принцессу Астурийских.

⁴³ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 368. Л. 15.

⁴⁴ Там же. Д. 426. Л. 14.

⁴⁵ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 342; АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 380. Л. 87.

⁴⁶ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 343, 345–346.

Разногласия министра и наследника испанского престола обострились в последние месяцы правления Карла III⁴⁷. За месяц до кончины короля Зиновьев сообщал в Петербург, что принц и принцесса Астурийские «по дряхлости короля час от часа более получают инфлюенцию в правлении. Вышеупомянутые особы [...] роптали со всей смелостью как на двор, так и на подвиги графа де Флоридабланки. Наконец, дело дошло уже до того, что они начали составлять партию против сего министра». И когда наследный принц Астурийский стал королем Карлом IV, а принцесса Астурийская — королевой Марией-Луизой, это противостояние только усилилось. Однако Флоридабланка все еще обладал значительной властью, что не позволило отправить его в отставку сразу же после смерти Карла III. «Его настоящее положение, — подчеркивал российский посланник, — заметно отличается от того, в котором он находился при прежнем правлении. Тот пост он получил по благосклонности покойного монарха, и нельзя упрекнуть его в том, что это могло бы нанести ущерб Испании. Но в настоящих условиях он вынужден иметь другого повелителя, и здесь он почти не обольщается, что не пользуется никаким его доверием, — напротив, с ним надо вести себя осмотрительно и осторожно. [...] Его знания и опыт сделали его крайне необходимым новому монарху, который пока не может полностью обойтись без него. Но похоже, что интриги, которые он вряд ли замечал при Карле III, возрождаются вновь»⁴⁸.

Интриги санкционировались властной и своенравной королевой Марией-Луизой, которая видела во Флоридабланке основного соперника в борьбе за власть, за политическое влияние в делах. Королева шаг за шагом усиливала влияние на своего венценосного супруга, а Флоридабланка постепенно утрачивал позиции. В апреле 1790 г. он вынужден был сложить с себя полномочия министра юстиции и внутренних дел, передав их ставленнику королевы графу Льерене, оставив за собой только пост министра иностранных дел⁴⁹. «Граф де Флоридабланка, который всегда являлся первым министром, все чаще оказывается в затруднительном положении, — комментировал это событие Зиновьев. — Похоже, этот министр постарается, наконец, под воздействием интриг и вняв советам друзей и своему настроению, получить отставку в первый удобный момент». Однако Флоридабланка не собирался слагать оружие, а потому отношения накалились еще более. «Положение этого министра день ото дня становится все более критическим — он прилагает весь свой талант, чтобы удержаться на посту в такое время, когда беспорядки и нестабильность при дворе достигли своей наивысшей степени из-за капризов и жестокого характера королевы, которая имеет неограниченное влияние на короля в вопросе назначения министров» — писал Зиновьев⁵⁰.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 449. Л. 159.

⁴⁸ Там же. Д. 455. Л. 3.

⁴⁹ Там же. Д. 463. Л. 103.

⁵⁰ Там же. Д. 470. Л. 30.

Monsieur le Comte,

La disgrâce du Comte de Florida Blanca
~~1671. 2673. 1765. 1668. 4456. 2723. 1823. 3625. 1650.~~
 que j'ai annoncé dans ma précédente
~~9017. 2169. 1220. 726. 900. 5785. 1807. 5516. 1247. 997. 1096. 2010~~
 ne doit point être attribuée à quelque
~~4625. 270. 159. 2191. 7815. 1827. 454. 7661. 5386. 650. 799. 2709. 507.~~
 incident extraordinaire & beaucoup moins,
~~2488. 5721. 300. 616. 3602. 1513. 911. 910. 3112. 5769. 630. 579.~~
 encore à un Délit quelconque, mais
~~1109. 240. 1491. 6625. 1270. 1802. 557. 4465. 1487. 507. 2921. 1270~~
 simplement à l'ancienne haine intestine
~~5793. 1901. 728. 2478. 7625. 3009. 530. 1029. 5288. 2290. 8125. 572.~~
 de la Reine, qu'elle a gardé constamment,
~~7778. 777. 137. 1461. 2908. 2738. 1841. 729. 494. 1248. 3169. 2240.~~
 ce qui lui a fait concevoir déjà de puis
~~2000. 3530. 5081. 229. 1940. 2031. 1565. 5240. 169. 2507. 1235. 6708.~~
 l'époque de la mort du feu Roi le projet
~~7650. 6376. 625. 1200. 2000. 1907. 8310. 916. 1240. 622. 2907. 1700.~~
 de le perdre. L'administrateur de son côté
~~1122. 7021. 208. 7316. 7123. 6755. 1625. 2500. 1079. 7787. 6200. 8221.~~

à son Excellence Monsieur le Comte d'Armand.

Фрагмент зашифрованного донесения С.С. Зиновьева об отставке графа де Флоридабланки

Борьба достигла своего апогея в начале 1792 г. 28 февраля вышел королевский указ о восстановлении Государственного совета; во главе его поставили графа де Аранду, которому одновременно был поручен пост первого министра, принадлежавший ранее Флоридабланке. «Опала

графа де Флоридабланка не является результатом какого-либо внезапного инцидента и еще в меньшей степени какого-нибудь проступка», — указывал Зиновьев в подробнейшем отчете вице-канцлеру графу Ивану Остерману, направленном в Россию сразу же после обнародования этого указа. Ее причина — «в закоренелой ненависти королевы, которую она испытывала постоянно, но только после смерти покойного короля удалось реализовать проект погубить его». Наблюдая за изменениями положения при дворе, Зиновьев подчеркивал, что Флоридабланка всегда отстраненно держался от партии, которую возглавляла королева. Смерть министра юстиции и внутренних дел графа Льерены обострила борьбу двух групп за это место, и королева использовала этот момент для отстранения Флоридабланки⁵¹.

Заговор был осуществлен в глубокой тайне. Первый министр даже не подозревал, что события разовьются столь стремительно, учитывая, что Карл V до последнего оказывал ему свое дружеское расположение. Накануне, когда проект отставки был уже составлен, он долго прогуливался с графом и доверительно с ним беседовал. Однако, по словам Зиновьева, «публика полагает, что граф де Флоридабланка мог предвидеть этот заговор против него, но далекий от того, чтобы ему противостоять, он предпочел отставку, чтобы таким путем выйти из сложного положения, в котором оказался из-за непримиримой ненависти королевы, и выпутаться таким образом из бесконечных забот о положении как внутри, так и вне королевства. А потому он воспринял это фатальное известие с такой покорностью и спокойствием»⁵².

Последняя встреча министра государственного и министра полномочного состоялась 24 февраля, за четыре дня до отставки Флоридабланки. Больше они не виделись: через четыре месяца, в июле 1792 г., Зиновьев получил отпуск и отправился в Россию. Дипломат должен был вернуться в Мадрид. В начале 1794 г. он выехал из Петербурга, но в дороге заболел и скончался в Риге в феврале того же года.

ИСПАНСКИЕ ЧЕРТЕЖИ ДЛЯ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ: КОРОЛЕВСКИЕ РЕЗИДЕНЦИИ

В XVIII столетии в Санкт-Петербурге и его окрестностях по приказу российских монархов были построены дворцово-парковые комплексы, предназначенные для проживания, досуга и развлечений государя, его семьи и окружения. В самом центре новой столицы, на берегу Невы, появился Зимний дворец, а за городом — Царское Село и Петродворец. Резиденции и окружавшие их парки с точки зрения художественных и пространственных решений воплощали идею величия Российской империи — точно так же,

⁵¹ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 477. Л. 40–48.

⁵² Там же. Л. 44–45.

как дворцы испанских королей олицетворяли могущество Испанской монархии. Более того, они отражали и личные особенности государей, и их вкусы, пристрастия, и особенности их мировидения⁵³.

Неудивительно, что европейские монархи проявляли интерес к резиденциям друг друга. Российский императорский двор не был исключением. 30 августа (10 сентября) 1786 г. Педро Норманде, поверенный в делах Испании в Петербурге, в письме графу де Флоридабланке сообщал, что «в нескольких беседах, которыми меня удостоили великий князь и великая княгиня российские» [Павел и его супруга Мария Федоровна], они «говорили мне с величайшей похвалой и отличающей их широкой осведомленностью о роскошных дворцах короля, нашего государя, и о великолепных и редких картинах, которые их украшают». Они выразили свое сожаление о том, что так и не «смогли добраться до Испании во время путешествия, которое они совершали по странам Европы»⁵⁴. Их высочества рассказывали Норманде, что слышаны «о таланте [...] мастеров изящных искусств» Испании. И это неудивительно: ведь уже в 1770-е гг. в коллекцию императорского Эрмитажа поступили полотна Хосе де Риберы и Бартоломе Эстебана Мурильо, а в 1773 г. для Чесменского дворца Екатерина заказала портреты Карла III и принца Астурийского⁵⁵.

Великие князья упомянули также, что видели очень мало испанских гравюр, поэтому Норманде отправил им из своей петербургской резиденции «коллекцию эстампов, выполненных Кармоной, Сельмой и Гойей», а также издания «Дон Кихота», поэмы о музыке Томаса де Ириарте и «некоторые другие испанские книги и гравюры». Гравюры и книги понравились их высочествам, и они уверили испанского поверенного, что были бы «весьма обрадованы возможностью поместить их среди своих коллекций», поэтому Норманде подарил им свое собрание. Он также сообщил Флоридабланке, что великая княгиня очень интересовалась «планами, рисунками и гравюрами» и попросила его прислать ей: «во-первых, планы и чертежи фасадов Мадридского дворца; во-вторых, планы и фасады Эскориала; в-третьих, то же самое — дворца в Сан-Ильдефонсо», и что-либо еще из чертежей, рисунков и гравюр королевских зданий, отметив, что у его высочества уже есть «гравюры Королевской резиденции Аранхуэс». Норманде, понимая, что не может исполнить волю великой княгини без «благосклонного участия» Флоридабланки, и чтобы «почтеннейше передать желание княгини», просил его, «чтобы Вы сами отобрали интересующие ее материалы или поручили мне сделать это»⁵⁶.

⁵³ *Smoktjy E.* Los Reales Sitios de la monarquía rusa en el siglo XVIII: Catalina II y su hijo Pablo: dos épocas, dos genios y un conflicto // La extensión de la Corte: los Reales Sitios / Camarero Bullón, C. y Labrador Arroyo F. (Ed.). Madrid: UAM, 2017. P. 633–652.

⁵⁴ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 350.

⁵⁵ См. подробнее главу «Испанская коллекция живописи Императорского Эрмитажа».

⁵⁶ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 350.

Великий князь и великая княгиня могли знать названия испанских королевских резиденций из бесед с испанскими дипломатами, из известий, приходивших из Мадрида от российских послов, а также из французской литературы, составлявшей основу их библиотеки в Гатчине. Речь шла, скорее всего, о разных резиденциях, поскольку в зависимости от времени года дипломатический корпус переезжал из одного дворца в другой, следуя за монархом и двором. Какие же дворцы интересовали великую княгиню?

Королевские резиденции в Мадриде и его окрестностях. С 1561 г., когда в Мадриде расположился королевский двор, испанские государи постепенно получали привилегированные права пользования земельными угодьями, расположенными в городской округе. Они предназначались для возведения резиденций, для досуга и празднеств, точно так же, как это произошло полтора века спустя в Петербурге. Тогда же Филипп II ввел правило, согласно которому двор перемещался из резиденции в резиденцию в зависимости от времени года: весну проводили в Аранхуэсе, осень — в Эскориале, а зиму — в Эль-Пардо, недалеко от Мадрида. Так еще во время правления династии Габсбургов сложилась система королевских резиденций — так называемые «дворцы королевского пути». Земли вокруг резиденций использовались по-разному: на одних были разбиты сады и парки, другие были отведены для охоты, любимого развлечения королевской семьи и придворных. При Бурбонах количество резиденций увеличилось со строительством в провинции Сеговия дворца Сан-Ильдефонсо, где с тех пор двор проводил все лето⁵⁷.

Королевский дворец в Мадриде и Каса-де-Кампо. К югу от древнего городского центра Мадрида находился древний Алькасар, средневековая крепость, которую короли Хуан II, Карл I и Филипп II перестроили и превратили во дворец. В 1561 г. он стал официальной резиденцией испанских монархов. В канун Рождества 1734 г. здание погибло в пламени пожара, и поэтому Филипп V приказал построить на том же месте новый королевский дворец. Проект был заказан итальянскому архитектору Филиппо Юварре, после смерти которого в 1736 г. работу продолжил его ученик Джамбаттиста Саккетти. Строительство началось в 1738 г. и закончилось в 1751 г., хотя работы по внешнему скульптурному оформлению и отделке продолжались до 1759 г. Первым монархом, поселившимся в этом дворце, стал Карл III. Для украшения королевской резиденции король пригласил итальянских живописцев Коррадо Джаквинто и Джамбаттисту Тьеполо, а также фламандца Антонио Рафаэля Менгса. Но, несмотря на все это великолепие, монарх проводил в Королевском дворце Мадрида менее восьми недель в году: декабрь, Страстную неделю и часть июля.

⁵⁷ О королевских резиденциях см.: *Sancho J.L.* La arquitectura de los Sitios Reales. Madrid Patrimonio Nacional, 1995, а также: *Urteaga L. y Camarero Bullón C.* (2014). “Los planos de los Sitios Reales españoles formados por la Junta General de Estadística (1861–1869)”// Scripta Nova. Vol. XVIII, No. 482, 2014 [Revista electrónica] [<http://www.ub.edu/geocrit/sn/sn-482.htm>].

При Филиппе II был разбит дворцовый сад, известный как Кампodelь-Моро, развивавшийся, претерпевая соответствующие новым эпохам стилистические изменения, в течение столетий. Рядом с Королевским дворцом, на другом берегу реки, находился большой лес, предназначенный для досуга монарха, — Каса-де-Кампо⁵⁸. В течение XVIII в. территория королевского леса увеличилась, началось строительство кирпичной ограды, которая полностью окружала королевские владения и указывала на границу действия королевского права охоты. Помимо охотничьих угодий, там были расположены сады и огороды. В королевском лесу находились плотины, водоемы и сложная сеть каналов для орошения земель в течение долгого мадридского лета.

Королевская резиденция Сан-Лоренсо-дель-Эскориал. В последней трети XVI в. монастырь Эскориал, расположенный на южных предгорьях Гвадаррамы, был настоящим политическим центром Испанской монархии. Именно в его планировке и архитектуре отразились особенности личности Филиппа II. Вокруг монастырских зданий со временем сформировался обширный территориальный комплекс площадью более 12 000 га, известный как королевская резиденция Сан-Лоренсо-дель-Эскориал⁵⁹.

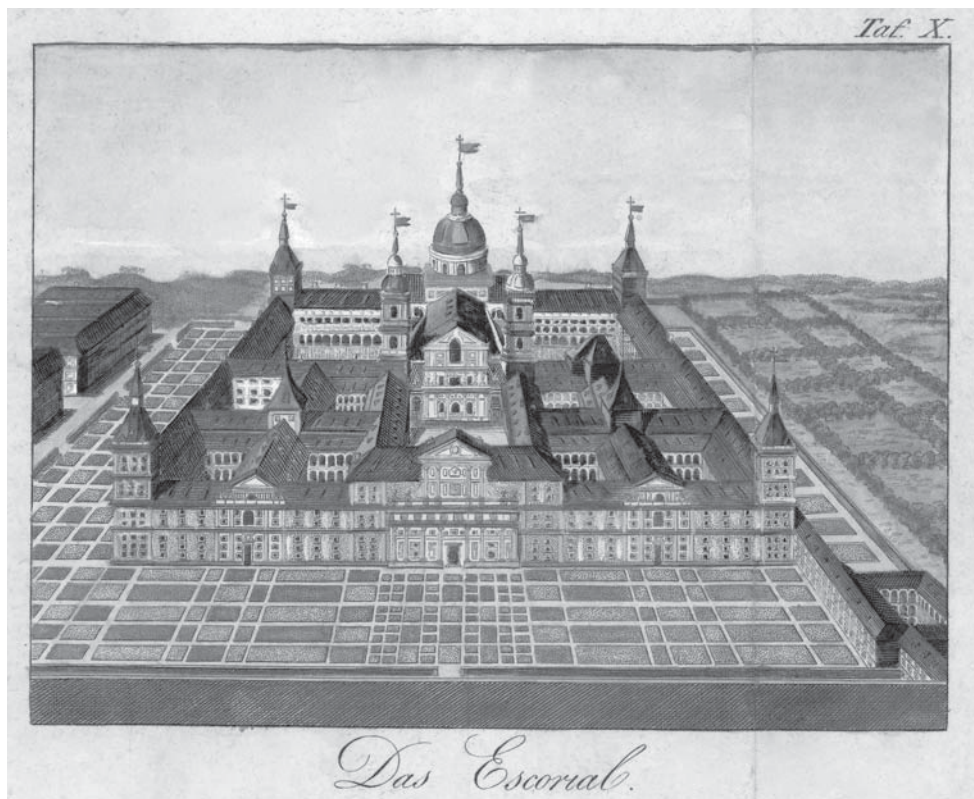
Со строительством строгого и величественного монастыря, продолжавшегося с 1563 по 1595 г., полностью изменился местный ландшафт и все прилегающие селения, и прежде всего сама деревня Эль-Эскориал. С 1563 по 1598 гг. в ней появились церковь, больница, колодцы и здание городского совета, многочисленные дома для размещения королевских чиновников, служащих и членов дипломатического корпуса. Помимо главной монастырской резиденции, в окрестностях Эль-Эскориала были построены небольшие усадьбы, такие как Ла-Гранхилья-де-ла-Фреснеда или Каса-дель-Кампильо, служившие для временного пребывания короля во время охоты и путешествий⁶⁰. В 1767 г. Карл III разрешил строительство домов рядом с монастырской площадью, что ранее было полностью запрещено, и таким образом положил начало городской застройке в непосредственной близости от монастыря. Новые здания очень быстро разрослись и стали основой будущего города Сан-Лоренсо-дель-Эскориал.

⁵⁸ *Gimeno Pascual A.M.* La Casa de Campo // Jardines clásicos madrileños. Madrid: Museo Municipal, 1981. P. 67–76.

⁵⁹ О формировании королевской резиденции Эскориал и ее эволюции см.: *Valenzuela Rubio M.* El Escorial: de Real Sitio a núcleo turístico-residencial // Anales del Instituto de Estudios Madrileños. 1974. No. 10. P. 363–402; *Moran Turina J.M. y Checa Cremades F.* Las Casas del Rey. Casas de Campo, Cazaderos y Jardines. Siglos XVI y XVII. Madrid: El Viso, 1986; *Nieto V., Morales A.J. y Checa F.* Arquitectura del Renacimiento en España, 1488–1599. Madrid: Cátedra, 2009; *Chías P.* Dos siglos de revitalización de en la iconografía del monasterio de El Escorial // Expresión gráfica arquitectónica. 2017. № 29. P. 28–37.

⁶⁰ *Chías P., Abad T.* La construcción del entorno del Monasterio de San Lorenzo de El Escorial. Agua, territorio y paisaje // Informes de la Construcción. 2014. Vol. 66, № 536: e046. — <http://dx.doi.org/10.3989/ic.14.027>. (fecha de consulta: 10.5.2018).

Эскориал. Общий вид

Сердцем королевской резиденции был Королевский монастырь Сан-Лоренсо-дель-Эскориал, построенный Филиппом II. Он был задуман как монастырь ордена Святого Иеронима. Выстроенная здесь церковь во имя Святого Иеронима должна была служить королевской усыпальницей и местом непрестанной молитвы братии о спасении душ членов королевской семьи. В монастыре были обустроены школа, семинария и великолепная библиотека. И наконец, комплекс включал дворец-резиденцию короля, его семьи и свиты. Возведение ансамбля началось в 1562 г. и было завершено в 1595 г. освящением базилики. Процесс строительства контролировал сам король в постоянном общении с архитекторами Хуаном Баутистой де Толедо и прежде всего Хуаном де Эррерой. Филипп II жил в Сан-Лоренсо со Страстной недели до осени, однако его преемники сократили период пребывания до двух-трех недель в ноябре. Но Филипп V после своего восшествия на престол установил обычай проводить там всю осень вплоть до начала декабря, когда королевский двор возвращался в Мадрид.

Королевская резиденция Аранхуэс. В XVIII в. территория Королевской резиденции Аранхуэс представляла собой ландшафт, рукотворно преобразованный еще в большей степени, нежели в Сан-Лоренсо. Расположенный в долине реки

Аранхуэс. Вид со стороны реки Тахо

Тахо, вблизи от ее слияния с Харамой, в 50 км к югу от Мадрида, Аранхуэс — это цветущий сад на плоскогорье, оазис посреди степи⁶¹. С XVI в. королевская семья отправлялась туда отдыхать, охотиться на птиц и радоваться весне.

80

Благодаря землемерной документации Главного статистического управления с 1864 по 1867 г. можно восстановить характер землепользования в королевской резиденции. Две трети территории, общая площадь которой составляла около 18 900 га, были заняты лесами и подлеском, но постоянно обрабатываемых пахотных земель здесь было гораздо больше, чем в других королевских владениях. И что еще более примечательно: сады занимали 152 га, а реки, ручьи и оросительные каналы еще 979 га. В окрестностях Мадрида еще не встречалось ничего подобного.

История королевской резиденции восходит к позднему Средневековью, когда владельцы этих земель, магистры ордена Святого Иакова, построили здесь небольшой дворец с огородами и садами. В период правления Католических королей дворец и прилегающие угодья перешли в королевское владение. Позже, при Карле I, на этой территории началось строительство обширной королевской резиденции и была создана сеть оросительных каналов, которая превратила земли между Тахо и Харамой в цветущий сад⁶².

⁶¹ *Terán M. de.* Huertas y jardines de Aranjuez // Revista de la Biblioteca, Archivo y Museo Municipales de Madrid. 1949. No. 58. P. 7–42.

⁶² *Rabanal Yus A.* Los jardines del Renacimiento y el Barroco en España // *Hansmann W.* Jardines del Renacimiento y el Barroco. Madrid: Nerea, 1989. P. 325–405.

Как и в других королевских резиденциях, Бурбоны переделали и расширили дворцовые сады и постройки. Решающее изменение произошло в середине XVIII в., когда Фердинанд VI отменил запрет на жительство на территории Аранхуэса, который ранее распространялся на всех, за исключением королевской гвардии и прислуги. С 1752 г. к югу и востоку от королевского дворца началось строительство поселения с регулярной планировкой, которое в течение нескольких десятилетий быстро разрослось, так что дипломатам и знати, обязанным сопровождать монарха, стало легче найти жилье. Королевский дворец, построенный по приказу Филиппа II на месте бывшего дворца магистров ордена Святого Иакова, был творением Хуана Баутисты де Толедо и Хуана де Эрреры. В XVI в. была построена только его часть. В 1715 г., при Филиппе V, работы были продолжены и завершились только в 1752 г., уже в правление Фердинанда VI. В 1775 г. Карл III приказал пристроить к главному зданию два крыла, которые сохранились до наших дней. Вероятно, именно так выглядел Аранхуэс на изображениях, попавших к великой княгине.

Королевская резиденция Ла-Гранжа-де-Сан-Ильдефонсо. Среди королевских резиденций, окружающих Мадрид, Сан-Ильдефонсо занимает особое место. Она находится дальше всех от столицы, расположена (вместе с лесом Риофрио) за пределами провинции Мадрид, является самой лесистой и построена позже всех⁶³. История королевских владений на северных предгорьях Гвадаррамы, где располагается эта королевская резиденция, началась раньше, чем двор обосновался в Мадриде. Леса Вальсаина, принадлежавшие городу Сеговия и его Совету знати, использовались в качестве охотничьих угодий королями Кастилии еще в Средние века. В конце XIV в. Энрике III Кастильский повелел построить охотничий домик недалеко от небольшой реки Вальсаин. Через полвека Энрике IV приказал построить в трех километрах от Вальсаина дом и скит, посвященный Святому Ильдефонсо. В 1477 г. Католические короли даровали эти строения монахам-иеронимитам из монастыря Эль-Парраль (Сеговия), которые превратили их в усадьбу. В 1720 г. Филипп V купил ее вместе с другими зданиями и землями, принадлежавшими иеронимитам в Сан-Ильдефонсо, чтобы построить там дворец и разбить сады на прилегающей к нему территории⁶⁴.

Королевская резиденция Сан-Ильдефонсо представляет собой большой прямоугольник площадью 170 га, окруженный кирпичной оградой. Ансамбль делился на три сектора: в самой высокой части располагается обширный лес с искусственным озером, которое питает удивительным образом устроенная система источников; средняя часть — сад во

⁶³ *Urteaga L. y Camarero Bullón C.* Planimetría del Real Sitio de San Ildefonso de la Junta General de Estadística, 1868–1869 // *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*. No. 77. 2014. P. 319–334.

⁶⁴ *Blanco Esquivias B.* El Real Sitio de la Granja de San Ildefonso // *Palacios Reales en España*. Madrid, 1996. P. 125–152; *Callejo Delgado M.J.* Real Sitio de la Granja de San Ildefonso. Madrid: Lunweg, 1996.

французском стиле. Наконец, в нижней части находится королевский дворец, который отделяет парк от жилых и служебных построек. Во время правления Филиппа V Сан-Ильдефонсо был включен в систему регулярных перемещений королевского двора как один из «дворцов королевского пути».

Благодаря растущему спросу на предметы роскоши со стороны Двора в XVIII столетии в королевских резиденциях появились крупные мануфактуры. В свою очередь, Королевская фабрика стекла и зеркал, созданная в 1734 г., способствовала росту самого города Сан-Ильдефонсо. Сначала это была небольшая мастерская с печью для изготовления листового стекла, в которой трудилось несколько мастеров. В середине XVIII в. ассортимент изделий стал богаче, производство расширилось, и в результате мастерская превратилась в крупную фабрику с несколькими печами, сравнимую с французской мануфактурой в Сен-Гобене⁶⁵. В 1770 г. после двух пожаров была построена новая фабрика, расположенная за городской чертой.

Четыре королевские резиденции, которые интересовали великую княгиню, выполняли различные функции. Королевский дворец в Мадриде воплощал величие Испанской монархии и был центром столичного городского пространства, что придает ему сходство с Зимним дворцом в Петербурге, пусть и уступая ему в размерах и величии. Сан-Лоренсодель-Эскориал — религиозный центр, усыпальница королевской династии; его величественный дворец возвышается над мадридским плоскогорьем, словно суровая гранитная скала, подобная характеру государя, который его воздвиг. Аранхуэс, расположенный в степи, неотделим от реки Тахо, на которой для королевских увеселений устраивались придворные регаты и водные баталии в окружении рощ, садов и пасторальных пейзажей. Наконец, Сан-Ильдефонсо — это уединенное место в горах, поросших густыми хвойными лесами, в центре которого находится прекрасный дворцовый ансамбль; его окружают фонтаны, которые питаются естественной системой горных источников. Вода, мягкий климат и прозрачная синева неба сделали Сан-Ильдефонсо идеальным убежищем от жары мадридского лета.

Таковы были резиденции и дворцы королей Испании, к которым, как следует из переписки Норманде и Флоридабланки, проявляла интерес великая княгиня. По сей день неизвестно, состоялась ли передача запрошенных планов их высочествам или передача этих планов была по каким-то причинам приостановлена. Разрешить этот вопрос могут дальнейшие изыскания в архивах России и Испании, представляющиеся весьма важными в общем контексте развивающейся реконструкции российского и испанского культурного взаимовлияния прошлых веков.

⁶⁵ *Helguera J.* La Real Fábrica de Vidrios de San Ildefonso: una aproximación a su historia económica // Vidrio de La Granja. Madrid: Fundación Nacional del Vidrio, 1988. P. 57–104.

ИЕЗУИТЫ МЕЖДУ ИСПАНИЕЙ и РОССИЕЙ

Орден иезуитов, учрежденный папой Павлом III в 1540 г., в середине XVII в. обладал огромным влиянием в Европе и за ее пределами. Смыслом деятельности иезуитов было миссионерство: члены ордена могли свободно общаться с иноверцами и еретиками и проповедовать во всех частях света, а благодаря образованности, энергичности и политической гибкости они стали идеальными дипломатическими посредниками. Иезуиты вполне отчетливо обозначили свое присутствие в международных контактах России в начале XVIII в., но впервые члены ордена появились там еще в конце XVI в. По поручению папы Григория XIII в 1582 г. Антонио Поссевино и четыре его собрата участвовали в переговорах о заключении мирного договора между Россией и Речью Посполитой. В 1689 г. иезуиты Томаш Перейра и Жан-Франсуа Жербильон, входившие в состав китайской делегации, занимались переводом и редактированием текста Нерчинского договора между Россией и Китаем⁶⁶.

На рубеже XVII–XVIII вв. община ордена, имевшая свою церковь и школу, обосновалась в Москве, в Немецкой слободе. Московские иезуиты находились под покровительством императора Священной Римской империи, который ежегодно выделял им содержание и, в свою очередь, получал от них сведения о внутреннем состоянии России⁶⁷. Пока отношения с Империей были стабильными, российское правительство не препятствовало деятельности ордена. Однако, после того как император предоставил убежище царевичу Алексею, согласие между двумя государствами было нарушено, и некоторое время спустя (13.04.1719) Петр I издал указ о высылке за границу всех проживавших в Москве иезуитов⁶⁸.

Во второй половине XVIII в. для Общества Иисуса наступили тяжелые времена. Привилегии ордена стали вызывать недовольство европейских государей, стремившихся к единовластию в своих владениях и видевших в иезуитах проводников интересов Святого престола. Общины иезуитов стали называть «государством в государстве», а влияние Общества в системе образования, активное участие его членов в международных контактахстораживали политиков, ратовавших за укрепление королевского суверенитета. Короли Франции, Испании, Португалии претендовали на полный контроль над церковной жизнью, особенно над ее материальной стороной, что приводило к конфликтам католических государей с папой римским. В Испании отношения между Обществом Иисуса и королевской властью обострились после заключения в 1750 г. Мадридского трактата, который установил новые границы между владениями испанского и португальского

⁶⁶ *Junquera Rubio C.* Gestión de los misioneros jesuitas en la firma del tratado sino-ruso de Nerchinsk (1689) // Colección. Buenos Aires, 2017. No. 27. P. 119.

⁶⁷ *Гризингер Т.* Иезуиты. Полная история их явных и тайных деяний от основания ордена до настоящего времени. СПб.: Лань, 1999. С. 510.

⁶⁸ *Толстой Д.* Об иезуитах в Москве и Петербурге: Исторический отрывок. СПб.: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в-ва канц., 1859. С. 11.

Изгнание иезуитов

монархов в Южной Америке, проходившие по территории иезуитских миссий. Разрушение миссий происходило одновременно со столкновениями между королевскими войсками и индейцами, что дало повод обвинить орден в подстрекательстве «дикарей» к сопротивлению законным властям.

84 Конфликт с Обществом Иисуса в колониях сопровождался ростом неприязни к нему в метрополии. Первое сообщение об этом поступило в Петербург от поверенного в делах в Мадриде Николая Хотинского в начале ноября 1766 г.: «Из Мадрида уведомляют, что там разные персоны были взяты в своих домах и вывезены из города под арестом. [...] О преступлении их ничего однако ж не опубликовано и точнее об этом не известно. [...] Арестован еще и генерал-прокурор для езуитов обеих Кастилий, именуемый Сидролопес, и отвезен в Кампедину, но не слышно по какой причине»⁶⁹. В декабре 1766 г. Хотинский сообщал, что «продолжавшаяся здесь [в Испании] более века тяжба о сборе десятин, подлежащих королю и находящимся в Индиях церквам и капитулам со всех имений, коими там иезуиты владеют, наконец решена, и будут впредь сии духовные точно десятину с доходов своих неминуемо платить, подобно как прочие той части света монашествующие ордены»⁷⁰.

⁶⁹ Цит. по: *Волосюк О.В.* Внешняя политика Испании... С. 276.

⁷⁰ Цит. по: Там же. С. 277.

В 1767 г. иезуиты были обвинены в организации городских восстаний, которые прокатились по Испании весной 1766 г. Карл III, последовав примеру португальского и французского королей, 27 февраля 1767 г. принял решение об изгнании иезуитов из метрополии и ее колоний. Через месяц королевский указ был приведен в исполнение. В ночь с 31 марта на 1 апреля иезуиты были арестованы в Мадриде, а затем по всей Испании, о чем незамедлительно доложил Хотинский: «Вчерашнего утра осведомились мы с наибольшим удивлением, что в предыдущую ночь все в здешнем городе находившиеся езуиты были в разных своих домах схвачены и немедленно из Мадрида под караулом вывезены. Сие никем не ожидавшее предприятие истребить в Испании езуитское племя принято и приведено было здесь к концу в глубочайшей тайне, с благополучнейшим успехом и в такой тишине, что по утру уже неприметно было никакого следа беспокойства или беспорядка, кои при таком знатном случае более или менее состояться имели»⁷¹. В отношениях между Испанией и Святым престолом наступило охлаждение. Прибывший в Мадрид в апреле 1767 г. российский посланник Отто Магнус Штакельберг, ставший свидетелем скандала с иезуитами, незамедлительно доложил об этом в Петербург: «Езуитское дело единственной есть предмет всех разговоров. [...] Я уже видел две из сих прагматических санкций, касающихся имений, книг, манускриптов и лавок езуитских. Сии отцы, уволены будучи от десятины, всяких налогов и пошлин, учинили торговлю весьма пространную и предосудительную комерции сего государства. Они имели также и аптеки, которые ныне будут употреблены на гошпитали, прочие их товары будут проданы для раздела бедным [...], а книги все отданы будут в королевскую библиотеку. Что же касается до манускриптов, то оные сохраняться будут до тех пор, пока не сделают их опись, а куда их отдать, сам король определит»⁷². Штакельберг указывал также, что главным инициатором изгнания ордена из Испании был президент Совета Кастилии граф де Аранда⁷³.

Отто Магнус Штакельберг

⁷¹ Цит. по: Там же.

⁷² Цит. по: Там же. С. 279.

⁷³ Цит. по: Там же. С. 280.

Екатерина II внимательно читала эти донесения дипломата: в 1772 г. в результате первого раздела Польши к России отошли области в Прибалтике и Белоруссии, в большинстве своем населенные католиками, которых окормляли иезуиты⁷⁴. «Езуитское дело» для России из политики внешней превратилось в политику внутреннюю. В наказе будущим губернаторам своих новых владений (28.05.1772) Екатерина II велела быть бдительными в отношении членов Общества Иисуса: «Езуитским монастырям, школам и учителям сделайте особую перепись. Вы за сими наипаче недреманно смотреть имеете, яко за коварнейшими из всех прочих Латинских орденов, ибо у них без согласия начальников подчиненные ничего предпринять не могут»⁷⁵. Но вскоре, после ратификации конвенции о разделе земель, встал вопрос об интеграции местных католиков в систему Российской империи. Чтобы привлечь их на свою сторону, Екатерина II издала несколько воззваний, обещавших полную свободу вероисповедания.

Изгнание иезуитов из Испании и других европейских государств не удовлетворило противников Общества Иисуса. В октябре 1772 г. в Рим с особым поручением был направлен полномочный посланник Испании Педро Моньино (будущий граф де Флоридабланка). Ему было приказано добиться у папы буллы на упразднение ордена, о чем сразу же в Петербург сообщил сменивший Штакельберга Степан Зиновьев: «Гишпанский Двор объявил папе, что не примет от него нунция до тех пор, пока не решит совсем судьбу езуитов»⁷⁶. 21 июля 1773 г. папа Климент XIV под давлением французского и испанского дворов издал указ *Dominus ac Redemptor*, упразднивший орден иезуитов, и Зиновьев информировал Петербург: «Говорят, что папский указ об истреблении езуитов сообщен дворам версальскому, венецкому и здешнему»⁷⁷. Получив известие об упразднении Общества Иисуса, императрица пересмотрела свое отношение к иезуитам. Могущественный орден, проводник политического влияния папы римского, превратился в сообщество изгнанников, пользовавшееся, однако, огромным авторитетом у польских и белорусских католиков, новых подданных Российской империи. В письме генерал-губернатору Лифляндии Юрию Броуну (22.09.1773) Екатерина II писала: «Для меня иезуиты — люди, люди, кои страждут; я на них жаловаться причин никаких не имею, но напротив того я поведением их в Белорусских провинциях весьма довольна. И так, если в вашем месте кто из них явится, то скажите им, что они всякой безопасности [...] пользоваться могут в губернии Белоруссии»⁷⁸.

⁷⁴ На новоприобретенных землях проживало 100 тыс. католиков латинского обряда, 800 тыс. униатов и 201 иезуит. См.: *Инглот М.* Общество Иисуса в Российской империи (1772–1820 гг.) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. С. 67.

⁷⁵ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. XIX. № 13808. СПб.: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в-ва канц., 1830. С. 509–510.

⁷⁶ Цит. по: *Волосюк О.В.* Внешняя политика Испании... С. 429.

⁷⁷ Цит. по: Там же.

⁷⁸ Оснадацый век: Исторический сборник. Кн. 3. М.: Тип. Т. Рис, 1869. С. 224.

Белорусские члены Общества Иисуса просили императрицу о покровительстве. Заинтересованная в лояльности местных католиков, Екатерина, помня, что указ вступал в силу только после его провозглашения в каждом отдельном диоцезе, приказала не обнародовать папскую буллу 1773 г. Таким образом, указ об упразднении ордена на новые российские провинции не распространился, и иезуиты сохраняли в России свою организацию и имущество, но им запрещалось заниматься миссионерством среди православного населения. Разрешив деятельность Общества Иисуса на территории Российской империи, Екатерина II руководствовалась желанием сохранить стабильность государства и завоевать симпатии своих новых подданных.

Начиная с 1777 г. испанское правительство через Зиновьева и своих представителей в Петербурге неоднократно заявляло российскому двору протесты, требуя изгнания иезуитов из новоприобретенных Россией территорий. На встречах с Зиновьевым граф де Флоридабланка подчеркивал, что не желает вмешиваться в дела, которые считает чисто внутренними для России. Тем не менее он неоднократно указывал российскому посланнику на недовольство Карла III фактом, что иезуиты имеют возможность создавать собственные организации, после того как он приложил столько усилий, чтобы на благо всей Европы уничтожить Общество Иисуса. Зиновьев в резкой форме отвечал министру, что это действительно внутреннее дело России, а иезуиты занимаются преподаванием в ее католических областях и что мудрая политика его императрицы позволяет использовать их способности и таланты⁷⁹. В этих условиях дальнейшие усилия Флоридабланки добиться сближения с Россией не принесли ощутимых результатов. «Езуитское дело» и разногласия по ряду внешнеполитических вопросов породили в Петербурге антииспанские настроения. Ситуацию усугубило открытие в Белоруссии новициата.

В середине 1770-х гг. община белорусских иезуитов оказалась в крайне сложном положении, и к 1776 г. на территории Белоруссии их оставалось лишь около 150 человек. Стремление сохранить орден побудило главу белорусских иезуитов Станислава Черневича обратиться к генерал-губернатору Белоруссии графу Захару Чернышеву с ходатайством о разрешении принимать в Общество новых членов, т.е. открыть новициат, что противоречило папскому указу 1773 г. Тем не менее 30 июня 1779 г. епископ Белорусский Станислав Сестренцевич издал пастырское послание, в котором от имени папы разрешал иезуитам открыть новициат⁸⁰. Это решение было воспринято при европейских дворах как желание восстановить орден и вызвало беспокойство у католических государей, сторонников изгнания Общества.

Возмущенный поступком Сестренцевича, Пий VI издал циркуляр, адресованный всем иностранным дворам, в котором снимал с себя всякую ответственность за инициативу белорусского епископата⁸¹. Циркуляр

⁷⁹ *Волосюк О.В.* Внешняя политика Испании... С. 430–431.

⁸⁰ *Инглот М.* Общество Иисуса... С. 111–115.

⁸¹ *Морошкин М.Я.* Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени. Ч. I. СПб.: Тип. 2 Отд. Собств. е. и. вел. канц., 1867. С. 157.

через Варшаву дошел до Петербурга. В ответе на него российское правительство подтверждало свое намерение оказывать покровительство иезуитам Белоруссии: «Рассматривая дело без предубеждения, ваше превосходительство согласитесь со мною в том, какую пользу могут извлекать для себя католики Белоруссии из того учреждения, которое одно только может доставлять воспитание разумное и рассеять тот мрак, который суеверием наброшен на религию народа и отчасти духовенства»⁸². Реакция испанского двора последовала незамедлительно. Флоридабланка в очередной раз потребовал ликвидации белорусских коллегий и миссий ордена, о чем Зиновьев доложил в Коллегию иностранных дел графу Панину в сентябре 1779 г.⁸³ Флоридабланка писал Педро Норманде, испанскому посланнику в Петербурге, что Карл «желает, чтобы выполнялось папское послание об их изгнании и из этих владений [России], даже из школ и учебных заведений, и оставались бы лишь пресвитеры и белое духовенство»⁸⁴. Екатерина II сочла эти требования недопустимым вмешательством во внутренние дела России. Императрица пригрозила Риму «при самых домогательствах Бурбонских дворов» опасаться потери «и той невеликой власти, которую мы папе над церквами Римскими в областях наших дозволяли»⁸⁵. Более того, в 1782 г. Екатерина II преобразовала Могилевскую католическую епархию в архиепископат и возвела Сестренцевича в архиепископский сан без согласия папы. Благодаря ее действиям в 1780-е гг. в Белоруссию начали прибывать представители разных стран, желавшие вступить в орден.

При Павле I иезуиты были приближены к императору и получили разрешение проживать в Петербурге. Он хотел доверить им образование в Литве, Подолии и Волыни, и поэтому лично написал новизбранному понтифику письмо с просьбой признать Общество Иисуса в России⁸⁶. В отличие от своих предшественников папа Пий VII выступил в поддержку возрождения Общества Иисуса. В июле 1800 г. он отправил испанскому королю Карлу IV письмо, в котором просил согласия на восстановление ордена во всем мире, мотивируя это тем, что его «не оставляют в покое просьбы народов восстановить Общество»⁸⁷. Однако ответ Карла IV был однозначным: «Знаю, что иезуиты не нужны мне в моих Королевствах и Сеньориях, а потому я никогда их не допущу, чтя мудрые и святые решения моего Августейшего Отца [...]. Я не только буду придерживаться этого образа действий, но и стану, насколько мне это будет позволено, противиться остальным Правительствам,

⁸² Цит. по: *Морошкин М.Я.* Иезуиты в России.... С. 162–163.

⁸³ *Альтерович М.С.* «Общество Иисуса» в Российской империи при Екатерине II // Религии мира: история и современность. М.: Наука, 2003. С. 221–222.

⁸⁴ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 276.

⁸⁵ Письмо императрицы Екатерины II гр. Штакельбергу. 14.2.1780 // Сборник Императорского русского исторического общества (СИРИО). Т. 1. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1867. С. 490.

⁸⁶ *Инглот М.* Общество Иисуса... С. 235.

⁸⁷ Там же. Приложение I. № 22. С. 503.

которые их допустят»⁸⁸. Вопреки воле испанского короля 7 марта 1801 г. понтифик одобрил и официально утвердил Общество Иисуса в России⁸⁹. В 1804 г. орден был восстановлен в Королевстве обеих Сицилий. Но упорство Карла IV на тот момент не позволяло папе сделать окончательный шаг. Только в 1814 г., после окончания наполеоновских войн и реставрации монархических режимов в Европе, Пий VII восстановил Общество Иисуса во всем мире. Однако участвовавшие обращения российских подданных в католичество начали вызывать беспокойство в правящих кругах Петербурга. Последней каплей стал переход в католическую веру племянника обер-прокурора Святейшего синода князя Александра Голицына. 20 декабря 1815 г. император Александр I опубликовал указ о высылке иезуитов из Петербурга и Москвы, а 13 марта 1820 г. еще один — об изгнании ордена из Российской империи. В нем говорилось: «Иезуитов, как забывших священный долг не только благодарности, но и подданнической присяги [...], выслать под присмотром полиции за пределы государства и впредь ни под каким видом и наименованием не впускать в Россию»⁹⁰. Все их учебные заведения были закрыты, а имущество конфисковано. Российским подданным при условии выхода из ордена было позволено остаться в империи.

Позиция Екатерины II в отношении иезуитов, несмотря на многочисленные протесты мадридского двора, позволила ордену пережить в России годы гонений. Однако, нарушив запрет миссионерской деятельности, иезуиты были изгнаны из страны, которая предоставила им убежище в самые трудные для них времена и позволила дожидаться возрождения ордена. В 1814 г. иезуиты получили официальное дозволение вернуться в Испанию.

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ: МЕЖДУ БАЛТИКОЙ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕМ

Идею открытия торговли с Испанией российский царь Петр I вынашивал еще в годы Северной войны. Резкое увеличение потребностей России в серебряной монете побудило его вспомнить о богатой серебром Испании, которая получала драгоценный груз из своих владений в Америке. Мадрид же для продолжения борьбы за возврат итальянских земель нуждался в материалах для флота, которые он мог бы получать из Петербурга. Британия, являвшаяся в XVIII в. главным торговым партнером России, построила свой флот, и прежде всего военный, по преимуществу из сырья, вывезенного именно из России⁹¹. Важную роль в развитии торговых связей сыграло

⁸⁸ Там же. Приложение I. № 23. С. 506.

⁸⁹ Там же. С. 243.

⁹⁰ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. 5. Вильна: Печ. Губ. правления, 1871. С. 115.

⁹¹ Демкин А.В. Русско-британские торговые отношения в XVIII веке. М.: Изд-во РАН, 1994. С. 3.

открытие в 1724 г. консульства в Кадисе, одного из первых среди российских консульств в Западной Европе. Уже в 1725 г. в Кадис прибыли первые российские корабли с товарами. Тогда же и Филипп V издал указ об «открытии свободной коммерции с Россией в своих провинциях»⁹². Однако первое российское консульство в Испании просуществовало недолго — в 1727 г. оно было упразднено. Послепетровское правительство с сомнением относилось к перспективам его деятельности, а вскоре между Россией и Испанией были приостановлены и дипломатические отношения⁹³. Что касается торгового договора, то, несмотря на длительные переговоры по этому вопросу и в Петербурге, и Мадриде, он так и не был заключен. Королевский кабинет-совет Испании под нажимом французской дипломатии, которая всячески препятствовала русско-испанскому сближению, отказался предоставить России торговые привилегии. Сказалась также удаленность двух стран друг от друга и, следовательно, дороговизна товарных перевозок. Свою роль сыграл и неудачный опыт первых купеческих экспедиций, не сумевших по тем или иным причинам выгодно продать свой товар, а также активное противодействие голландцев, наживавшихся на перепродаже российских товаров в Испании и испанских вин в России.

Вступление на престол Карла III в 1759 г. привело к восстановлению дипломатических отношений, и оба правительства начали осторожные шаги навстречу друг другу, сосредоточившись на вопросах торговли. Петр Репнин, назначенный посланником в Мадрид, еще до своего отъезда представил императрице Елизавете Петровне доклад о мерах по восстановлению коммерции с Испанией. Государыня доклад одобрила и дозволила купцам нагрузить собственными товарами и отправить для торга в Испанию три корабля (15.06.1760). Заинтересованность Елизаветы Петровны отметил и приехавший в Петербург испанский посланник маркиз де Альмодовар. «Здесьнее правительство, — указывал он, — предприняло значительные усилия, чтобы вдохновить свое государство на торговлю с нами в связи с возобновлением сношений и дружбы, однако Российское государство пока еще недостаточно готово для ведения активной торговли через свои морские пути. [...] Желание к тому имеется, и [...] высшие особы при дворе, пользующиеся влиянием в правительстве, говорили мне об этом и предлагали собственные услуги, чтобы содействовать всему, что было бы взаимовыгодным для испанцев и русских»⁹⁴. Репнин же, оказавшийся в Мадриде только в феврале 1762 г., не смог сразу приступить к выполнению инструкций: из-за частой смены монархов на российском троне дипломаты в основном занимались ожиданием новых верительных грамот. А Екатерина II, став российской императрицей, повелела ему все силы сосредоточить на вопросе признания ее императорского титула.

⁹² Archivo General de Simancas. Estado. 1726. Leg. 6.610.

⁹³ См. главу «В Европу прорубить окно»: Петр Великий и установление дипломатических отношений с Испанией».

⁹⁴ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 173.

Только когда этот вопрос был разрешен, российский посланник вернулся к своему проекту о перспективах взаимовыгодной торговли с Испанией. «Пребывающее же теперь между обоими государствами доброе согласие, а сверх того и нынешнее состояние дел в Европе, — писал он, — весьма способствуют к исполнению сего столь полезного намерения, ибо теперь обе короны могут заключить между собою, по примеру протчих дружественных держав и без всякаго препятствия, коммерц-трактат, которой, хотя так скоро и не возымеет всего действия, коего со временем уповать можно, однако меньше произведет в других зависти и будет между тем служить как основанием, так и поощрением к торговле, учреждаемой между Россиею и Гишпаниею». В самом конце 1762 г. он составил такой «коммерц-трактат» и передал одну копию первому государственному секретарю Рикардо Валу, который достаточно благосклонно отнесся к его предложениям, а другую копию отправил в Россию на высочайшее утверждение⁹⁵. Однако Екатерина II скептически отнеслась к проекту Репнина. Императрица сочла, что испанская сторона должна «зделать нам первыя пропозиции», и позже повторила это в официальных документах, направленных в Мадрид. В итоге нагруженный товарами фрегат, который Елизавета собиралась отправить в Испанию в 1760 г., покинул петербургский порт только в середине августа 1764 г.

25 марта 1765 г. вышел высочайший указ об учреждении российского консульства в Кадисе. Консулом был назначен российский купец Фридрих-Иоганн Бранденбург. Для изучения торговли ведущих морских держав он 18 лет провел во Франции, в Голландии, Англии, Испании, Португалии, Италии. В 1760 г. он основал в Кадисе торговый дом, который, по его словам, делал торговые обороты на миллион пиастров в год⁹⁶. В Россию Бранденбург прибыл для закупки и отправки в Испанию товаров, но, как указывалось в его прошении императрице, для успешного развития двусторонней торговли необходимо было присутствие в Испании официального представителя российского двора, который обладал бы знаниями, кредитом и капиталом. В январе 1765 г. Бранденбург, «желая быть полезным своему отечеству», предложил использовать свои знания и опыт для «облегчения прямых торговых сношений России с Испанией» и ходатайствовал об утверждении его консулом с соответствующим жалованьем⁹⁷. Члены Комиссии о коммерции, проведя с коммерсантом несколько бесед, а также изучив представленные им документы, поддержали его просьбу. 23 февраля 1765 г. просьбу утвердила императрица: Бранденбург получил статус консула⁹⁸. Он находился на своем посту более 30 лет, вплоть до своей смерти в 1796 г.

Бранденбург должен был «установить коммерцию российскую с Гишпаниею на самом твердом основании». Инструкция предписывала ему

⁹⁵ АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 245. Л. 35; Д. 249. Л. 61–62.

⁹⁶ Уляницкий В.А. Русские консульства... С. 302–303.

⁹⁷ Там же. С. 303.

⁹⁸ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 197–202; СИРИО. Т. 57. СПб.: Универ. тип., 1887. С. 224.

План Кадиса XVIII в.

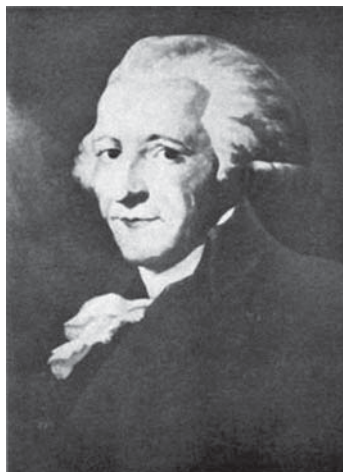
«наблюдать честь российского флага во всех российских портах», помогать военным и купеческим российским кораблям, защищать их экипажи. Для этого консулу поручалось не только сообщать Коммерц-коллегии сведения о торговле, но и напрямую помогать русским купцам, которые пожелают начать негоциацию с далекой пиренейской страной. Эта задача была не из простых — Бранденбург докладывал, что англичане и голландцы активно препятствовали зарождавшейся российской торговле с Испанией, но он надеялся преодолеть эти препоны, лишь бы только русские купцы присылали товары в Кадис. Но русская торговля в Испании была не очень успешной из-за инертности русского купечества по отношению к иностранной коммерции в целом. Бранденбург много раз обращался к российским купцам с призывами начать торговлю с Испанией, обещал им свою помощь, но ни разу никто из них так и не откликнулся на его предложение. Сам он регулярно снабжал правительство сведениями, необходимыми для торгово-политической деятельности.

На коммерции сказывалось и политическое охлаждение, нараставшее между двумя странами: подозрительность Гримальди по отношению к России и его приверженность Версалю, с которым у Петербурга были натянутые отношения, сковывала испанские торговые инициативы. Подобную позицию занимал и Никита Иванович Панин, руководивший российской внешней политикой и считавший, что, пока испанское правительство первым не

предложит подписание торгового трактата, российской стороне начинать переговоры на эту тему не стоит.

Тем не менее в конце 1760-х гг. в Петербурге приняли меры по стимулированию ввоза вин из Испании, и в результате на испанские и португальские вина пошлина была снижена на 60%⁹⁹. Увидев в этом серьезную выгоду, весной 1767 г. купец из Бильбао Фелипе Чоне решил послать в Россию партию вин. В мае 1768 г. он сам отправился в Петербург, чтобы собрать информацию о состоянии российской торговли, а также закупить пеньку, мачтовый лес, парусное полотно, доски. Там он представил в Коммерц-коллегию записку (10.06.1769) о восстановлении прямых торговых связей между Россией и Испанией и о решении испанского правительства об освобождении пеньки и льна из России от таможенных пошлин при транспортировке их на российских или испанских судах¹⁰⁰. Вернувшись в 1771 г. в Мадрид, в докладе Карлу III Чоне обосновал необходимость открытия в Петербурге торгового дома¹⁰¹, а в следующем году снова прибыл в российскую столицу вместе с судном с товарами. В 1773 г. каталонский купец Франсиско де Миланс основал в Петербурге второй испанский торговый дом. В 1775 г. Карл III принял решение открыть в Петербурге консульство, поставив во главе его «способного человека, который, посвятив себя изучению торговли с этим государством, мог бы использовать свои познания на практике»¹⁰². Этим человеком стал каталонец Антонио де Коломби-и-Пайет, уже имевший в российской столице контору, занимавшуюся в основном поставкой испанских вин¹⁰³. Так благодаря усилиям Бранденбурга в Кадисе и Коломби в Санкт-Петербурге было заложено основание для установления регулярных торговых отношений между двумя странами.

И все же русско-испанские торговые связи развивались медленно. Российские товары долгое время доставлялись в Испанию на иностранных судах, и до 1775 г. за счет российских купцов из Петербурга не было отправлено в Испанию ни одного судна. Еще в 1767 г. Бранденбург докладывал, что лес из Выборга привозится в Кадис англичанами, шведами и голландцами, а в 1777 г. указывал, что в Кадис не пришло ни одного русского корабля, но пришли 4 иностранных из Петербурга и 15 — из Выборга. Русские корабли начали появляться там только в 1780-е гг.: в 1780 г. в Кадис пришло 5 русских

Антонио де Коломби-и-Пайет

⁹⁹ Альперович М.С. Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII в.). М.: Наука, 1993. С. 51.

¹⁰⁰ Там же. С. 52.

¹⁰¹ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 212–215.

¹⁰² Там же. С. 245.

¹⁰³ Альперович М.С. Россия... С. 53; Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 233.

кораблей, в 1783 г. — 16, а с апреля 1784 г. до марта 1785 г. — 18¹⁰⁴. Фактическое отсутствие у России торгового флота сводило на нет предоставившуюся ей возможность превратить Испанию в еще один рынок сбыта важнейших предметов русского экспорта. К тому же русское купечество продолжало ориентироваться на своих традиционных торговых партнеров — англичан и голландцев.

Для успешного осуществления торговли между двумя странами Бранденбург считал необходимым заключение торгового трактата. В 1773 г. он писал президенту Коммерц-коллегии Александру Воронцову о том, что Испания имеет договоры о торговле с Англией, Голландией и Францией, «а таковым же образом можно бы и с Россией заключить трактат [...] и чтоб здесь учинено было некоторое облегчение в приходящих пошлинах на российские товары»¹⁰⁵. Вопрос этот поднимался неоднократно, но решался уже не в Кадисе, а в Мадриде и входил в компетенцию российского посланника Степана Зиновьева.

Зиновьев же указывал на сложность заключения подобного договора, поскольку зависимость Испании от Франции и Англии, занимавших основное место в посреднической торговле с Мадридом, была достаточно сильной. «В таком положении дела, — писал он 5 (16) октября 1775, — невероятно, чтоб Россия могла заключить трактат комерции». Он предлагал, не заключая трактата, попытаться создать благоприятные условия для прямой торговли обеих стран¹⁰⁶, например воспользоваться правом «вольного мореплавания», которое из Черного в Средиземное море получила Россия по Кючук-Кайнарджийскому миру, и начать торговлю с Испанией через южное направление. Эту идею подхватил Гримальди, желая, чтобы впредь «морская торговля России со странами Черного и Средиземного морей осуществлялась бы через Испанию»¹⁰⁷.

Информация о ситуации на новообретенных российских землях и о перспективах российской торговли в районе Черного моря стала появляться и в испанских газетах. «Россия со своей стороны, — писала *Gazeta de Madrid*, — расширяет навигацию и коммерцию в Черноморском регионе и предоставляет там большие привилегии. Большое число кораблей приходят в Керчь и Еникале, чего раньше практически не было»¹⁰⁸. Другим важным портом был назван Таганрог; подчеркивалось также, что для развития торговли русские специально построили новый порт — Херсон¹⁰⁹.

Флоридабланка, направляя в 1781 г. в Россию посланника маркиза де ла Торре с миссией добиться посредничества России в войне с Англией, наставляя дипломата: «Одна из главных задач, которую я вам поручаю, состоит в том, чтобы содействовать всеми возможными средствами установлению прямой

¹⁰⁴ Уляницкий В.А. Русские консульства... С. 337–338; Альперович М.С. Россия... С. 59.

¹⁰⁵ Россия и Испания. Документы... Т. I. С. 235.

¹⁰⁶ Там же. С. 247–249.

¹⁰⁷ Там же. С. 271; Archivo Histórico Nacional (AHN). Estado. Leg. 6115.

¹⁰⁸ *Gazeta de Madrid*. 20.08.1776. No. 34. P. 289.

¹⁰⁹ *Gazeta de Madrid*. 17.12.1779. No. 102. P. 899; 15.02.1780. No. 13. P. 113; 20.08.1784. No. 67. P. 707.

торговли между Россией и Испанией». Он считал, что это следует делать двумя путями: через Балтийское море и Атлантический океан, а также через Черное и Средиземное моря¹¹⁰. Но в условиях войны с Англией Балтика для испанцев была практически закрыта, а Черное море блокировала Турция. Это понимало и русское правительство. В 1781 г. Воронцов писал Бранденбургу в Кадис: «Ничто не говорит о том, что наш двор будет готовиться заключить с Испанией торговый договор прежде, чем будет достигнуто всеобщее прекращение ведущих ныне военных действий»¹¹¹. Только летом 1783 г. он вдруг спросил секретаря испанского посольства в Петербурге Мигеля Хосе де Асансу: «Что мешают Испании заключить его [торговый договор], если уже долгое время она высказывает желание расширить торговые отношения с нашей страной?» Асанса тут же сообщил в Испанию, что, «если королю будет угодно заключить торговый договор с Россией, сейчас самый благоприятный момент»¹¹².

Александр Безбородко, сменивший Панина на посту руководителя внешней политики России, поддержал сближение с Испанией, указав в письме к Зиновьеву (28.09.1785), что «заключение с сею державою коммерческого трактата не только не встречает у нас ни малаго препятствия, но еще, напротив того, представляется нам полезным и нужным»¹¹³. Однако к этому времени изменилась позиция испанского двора. Флоридабланка, обидевшись на Россию, которая в 1783 г. уклонилась от посредничества в переговорах Испании с англичанами о мире, решил продемонстрировать намерение «заморозить» с ней экономические отношения. Направляя в 1784 г. Педро Норманде испанским посланником в Петербург, он наказывал дипломату: «Постарайтесь, по возможности, избежать заключения договора, предложив им только особое соглашение, касающееся установления льгот»¹¹⁴. Охлаждение первого министра почувствовал и Зиновьев, и со временем в донесениях российского дипломата вопрос о торговом договоре стал подниматься все реже и реже.

Русско-турецкая война, начатая в 1787 г., свела на нет как русско-турецкую торговлю, так и зародившиеся было торговые отношения между Россией и Испанией. Именно об этом в 1788 г. генеральный консул в Петербурге Антонио де Коломби писал Флоридабланке: «Что касается черноморской торговли, которая до нынешней войны находилась в зачаточном состоянии, а сейчас полностью прекращена, то, как мне кажется, следует установить, чтобы по окончании войны между обоими государствами была достигнута договоренность, которая бы создала наиболее благоприятные условия для этого»¹¹⁵.

¹¹⁰ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 306, 312; *Schop Soler A.M.* Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia, 1733–1833. Madrid: MAE, 1984. P. 33.

¹¹¹ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 300–301, 315. Об этом же писал и Норманде из Петербурга (28.03.1782). См.: АНН. Estado. Leg. 6118.

¹¹² Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 331, 334.

¹¹³ Цит. по: *Альперович М.С.* Россия... С. 118.

¹¹⁴ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 338.

¹¹⁵ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 372.

Окончание войны создало подобные «благоприятные условия». Россия окончательно закрепилась на вновь обретенных территориях, получив по Ясскому договору (29.12.1791/9.1.1792) все Приазовье и Северное Причерноморье. К этому времени основным российским портом на Черном море стала Одесса. И если 1770-е — 1780-е гг. в *Gazeta de Madrid* появлялись статьи о появлении новых русских торговых городов: Херсона, Таганрога, Керчи, Еникале, то с конца 1790-х гг., а особенно в начале нового столетия газета сосредоточивала внимание читателей на сообщениях об Одессе. Именно в это время в русско-испанской торговле начинает активно развиваться средиземноморско-черноморское направление. Этому способствовала и начавшаяся в 1789 г. революция во Франции, и наполеоновские войны, на долгие годы закрывшие Балтику для коммерческих операций. *Status quo* в торговле восстановится только после завершения большого европейского противостояния, но до заключения полноценного российско-испанского торгового договора пройдет еще больше полувека.

ИСПАНЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ: ХОСЕ ДЕ РИБАС

Согласно Байрону, в 1790 г. при осаде Измаила, считавшейся совершенно неприступной турецкой крепостью на Дунае, встретились два великих испанца — реальный и вымышленный. Каталонец Хосе де Рибас и андалусец Дон Жуан. Если оставить в стороне главную интригу гениальной поэмы английского романтика, повествующего о похождениях севильского обольстителя и насмешника, в том числе в Российской империи, то оказывается, что Байрон, описывая осаду и взятие русскими войсками Измаила под началом Александра Суворова, проявил удивительную осведомленность. При этом главным героем здесь является не Суворов, а именно Рибас.

96

Ну, словом, как ни славен этот бой,
 Но было *что-то, где-то, почему-то*
 Неладно: де Рибас, морской герой,
 Настаивал на штурме, но ему-то
 Все возражали; спор кипел большой.

И тремя строфами ниже:

Тем временем секретного курьера
 Светлейшему отправил де Рибас;
 Тот рассмотрел предложенные меры
 И подписал желаемый приказ.
 Ему повиновались офицеры,
 И в предусмотренный приказом час
 На берегах Дуная, свирепея,
 Сурово загремели батареи¹¹⁶.

¹¹⁶ Байрон Дж. Г. Избр. произв.: В 2 т. / Пер. с англ. М.Н. Бычков. М.: Худ. лит., 1987. Т. 2. С. 529.

И в восьмой песни речь снова идет о Рибасе. И крепость была сда- на турками именно Рибасу.

В сегодняшней Европе, в Испа- нии, даже в Каталонии, откуда про- исходил род де Рибаса, о нем упоми- нают мало. А вот на второй родине героя, в России, он не забыт. Особенно Рибаса чтят в Одессе, в том городе, который он основал. Его отец был ро- дом из Барселоны, но сделал карьеру в Неаполе, возглавив Военный секре- тариат. А по материнской линии Хосе происходил из благородного ирланд- ского клана Дунканов. Он получил блестящее образование, в частности знал итальянский, французский, ан- глийский, немецкий языки и латынь, что немало способствовало его карье- ре в России.

Хосе де Рибас

К моменту встречи с графом Алексеем Орловым, командовавшим рос- сийским флотом в Средиземном море, честолюбивый молодой каталонец уже успел сделать некоторую карьеру в Неаполитанской королевской ар- мии. Он вышел в отставку майором, хотя ему было всего двадцать два года. Решение перейти на российскую службу было вызвано осложнениями, воз- никшими после его дуэли с представителем влиятельного неаполитанского рода и грозившими неприятностями для его младших братьев, которые по- тянулись вслед за ним в Россию. Но, возможно, он рассчитывал и на блестя- щие карьерные возможности в России, именно в те годы поражавшей всю Европу грандиозными проектами и блестящими военными победами.

Во всех своих начинаниях Россия XVIII в. нуждалась в образованных европейцах, в тех, кому было тесно или скучно на родине, тех, кто не мог найти там применения своим знаниям, талантам и амбициям. Хосе де Рибас, а вслед за ним его братья Эмануэль и Феликс сделали в России блестящую карьеру.

Прежде чем отправиться в Петербург, Рибас успел принять участие в качестве волонтера в знаменитой Чесменской битве, которой командовал граф Орлов, вызвавшей волну восстаний против турок на Балканах и пере- полох в Европе. Однако особого расположения военачальника он добился не подвигами, а своим участием в поиске и захвате злополучной «княжны Таракановой», авантюристки и самозванки, выдававшей себя за дочь им- ператрицы Елизаветы Петровны и потому объявившей себя претендент- кой на русский престол. Роль Рибаса в конечном счете оказалась довольно скромной, однако, выполняя щекотливую миссию, возложенную на него Орловым, стремившимся с помощью блестящего молодого иностранца

усыпить бдительность «княжны» и охранявших ее поляков, он, переезжая из одной страны в другую, пытался выйти на ее след.

По протекции Орлова Рибас прибыл в 1772 г. в столицу Российской империи и был обласкан властями. Позже, в ходе второй русско-турецкой войны (1787–1791), Рибас снискал славу благодаря воинской доблести, но в первые годы пребывания в Петербурге он был обязан ошеломляющей карьерой своей невесте, затем супруге, Анастасии Соколовой, фрейлине Екатерины II, которая пользовалась особым расположением императрицы.

В годы русско-турецкой войны, в эпоху, щедрую на таланты, Рибас сумел заявить о себе как об одном из самых выдающихся военачальников России, наряду с Петром Румянцевым, Александром Суворовым и Михаилом Кутузовым. Во время осады крепости Очаков Рибас предложил использовать затонувшие турецкие суда для формирования гребной флотилии. В 1789 г. он, командуя авангардом корпуса генерала Ивана Гудовича, стремительным броском на виду турецкого флота, не успевшего принять мер для отражения этой слишком молниеносной атаки, почти без потерь овладел небольшой турецкой крепостью Гаджибей. За захват Гаджибея, а также двух турецких кораблей он был награжден орденами Святого Георгия 3-й степени и Святого Владимира 2-й степени.

В начале ноября 1790 г. гребная флотилия Рибаса вошла в устье Дуная и заняла крепости Тульча, Исакча и остров напротив Измаила. В ходе боев было захвачено около 40 турецких судов и более 20 сожжено. Рибас приказал установить на острове артиллерийскую батарею и приступить к систематической бомбардировке Измаила и стоявших под защитой крепости турецких судов. Огнем батареи и кораблей флотилии за период с 18 по 27 ноября у стен Измаила было потоплено и сожжено 88 судов противника. Одновременно Рибас разрабатывал план штурма Измаила, несмотря на сопротивление генералов, которые командовали стоявшими под Измаилом сухопутными войсками и считали крепость неприступной. Рибас настаивал на своей, предлагая находившихся под его командованием казаков и гренадеров как основную силу для штурма города, и сумел наконец убедить в своей правоте Григория Потемкина, который одобрил план и прислал под Измаил Суворова, с которым Рибас немедленно нашел общий язык.

Описывая свою поездку с Пушкиным в Измаил в конце 1821 г., генерал Иван Липранди свидетельствовал, что подробности штурма крепости по-эту были достаточно хорошо известны. Единственное, что поразило воображение Пушкина, — это «каким образом Де-Рибас мог со стороны Дуная взобраться на эту каменную стену»¹¹⁷. Вот как сам Рибас описывал своему другу Суворову, еще не прибывшему в Измаил, преимущества атаки крепости именно с этой стороны: «Город совершенно открыт со стороны реки; надеюсь, что мне дадут наконец войти в него»¹¹⁸.

¹¹⁷ Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб.: Академический проект, 1998. С. 307.

¹¹⁸ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Ф. 265. № 2763. Л. 6.

Личная переписка Екатерины II и Потемкина развеивает миф о ревнивом отношении фаворита к иностранцам на русской службе. Его письма периода захвата русскими войсками крепостей Тульча, Исакча, Килия и особенно Измаила полны самого неподдельного восхищения героизмом Рибаса: «Я не могу нахвалиться Генерал-Майором Рибасом. При его отличной храбрости наполнен он несказанным рвением»; «Рибас непрерывно в действии и летает с флотилии на флотилию»; «упомянув о нем [Рибасе], не могу умолчать о беспримерной его ревности: кроме неприятельских преград, долженствовал он бороться противу моря с судами, отягощенными большою артиллериею. Сие одно отвратило бы многих, или б с меньшим рвением все могло пропасть». В ответ, уже после падения Измаила, императрица наградила его крестом Святого Георгия 2-й степени¹¹⁹. В 1793 г. Рибас был произведен в контр-адмиралы и назначен командующим Черноморским гребным флотом.

Любопытнейшей страницей как личной биографии обоих выдающихся полководцев, так и русской истории конца XVIII столетия является переписка Суворова и Рибаса. Вначале Суворов, недолюбливавший иностранцев, настороженно отнесся к Рибасу, начавшему свою карьеру на новой родине благодаря протекциям и родственным связям. Однако по мере того, как судьба то и дело сводила их в условиях ожесточенных боевых действий, русский полководец все более проникался не только доверием, но и глубокой симпатией к испанскому офицеру, который удивительным образом напоминал полководцу его самого. Оба более всего полагались на стремительность и натиск. В одном из писем Суворов призывает Рибаса: «Торопитесь, покоряйте, штурмуйте, жгите, крушите. Слава, признание придут за Вами следом: здесь, как и прежде, сыграйте первую роль», — возникает ощущение, что гениальный военачальник обращается и к своему адресату, и к самому себе. Они близко сошлись во время осады Очакова. Долгие годы Суворов считал Рибаса среди своих ближайших друзей (в письмах самым разным корреспондентам он называл Рибаса просто Осипом Михайловичем). Более чем красноречивы образные, живые, разнообразные, теплые обращения великого полководца к Рибасу: «Герой и брат мой»; «Вы — заря грядущих прекрасных дней наших». И после окончания войны Суворов на протяжении многих лет сохранял по отношению к Рибасу самую сердечную привязанность, то и дело рекомендуя его разным своим знакомым и сослуживцам: «Осип Михайлович де Рибас — мой истинный друг, и посему ему от вас вера»; «он мудрый и мой верный друг». Однако последние годы жизни как Суворова, так и Рибаса были омрачены размолвкой, причиной которой послужили подозрения в махинациях основателя Одессы, участвовавшего в подрядах и якобы наживавшегося на поставках провианта для войск. «Сердце мое окровавлено больше на Осипа Михайловича» — с горечью писал Суворов, понимая, что потерял очень близкого и дорогого ему человека¹²⁰.

¹¹⁹ Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 гг. М.: Наука, 1997. С. 431, 440, 441, 444.

¹²⁰ Суворов А.В. Письма. М.: Наука, 1986. С. 105, 202, 204, 256, 259, 303.

Вид города Одессы

100 Главным делом последних лет жизни Рибаса стало создание важнейшей торговой гавани России на Юге, которая впоследствии станет городом Одессой. Он с присущей ему страстью доказывал, что строить этот порт надо на месте некогда захваченной им крепости Гаджибей. После долгих колебаний Екатерина II приняла проект, предложенный Рибасом, и 27 мая 1794 г. назначила его губернатором только что основанного города. С этой задачей он справился не менее блестяще, чем с теми, что стояли перед ним во время рейдов его гребной флотилии, а слухи о различных злоупотреблениях, допущенных Рибасом при строительстве города, документально не были подтверждены. В 1795 г. Суворов писал Рибасу: «А покамест пусть цветет Ваш Гаджи-бей; увеличивайте флот, штурмуйте Византийский пролив, как некогда Дунай»¹²¹. Рибас вскоре после смерти Екатерины II и восшествия на престол Павла I должен был сложить с себя губернаторство и отправиться в столицу.

При императоре Павле I Рибаса, как человека, сделавшего карьеру при Екатерине II, казалось бы, должна была ждать опала. Между тем ему в очередной раз удалось расположить к себе человека, от которого зависела его судьба. Возможно, не последнюю роль сыграл тот факт, что Рибас с давних пор был кавалером Мальтийского ордена и, зная благосклонное отношение к этому ордену императора, при первой же встрече разыграл нужную карту. Слухи о недобросовестности основателя Одессы в финансовых делах и о крупных растратах не подтвердились. Рибас был назначен генерал-кригс-комиссаром, членом Адмиралтейств-коллегии и управляющим Лесным департаментом. В 1799 г. неожиданно для многих он получил чин адмирала. На следующий год Рибас стал помощником вице-президента Адмиралтейств-коллегии.

¹²¹ Суворов А.В. Письма... С. 291.

По возвращении из Одессы Рибас возобновил дружеские отношения и с вице-канцлером графом Никитой Петровичем Паниным, генерал-губернатором графом Петром Алексеевичем Паленом и английским послом Чарльзом Уитвортом, с которыми близко сошелся еще в юности, в первые годы своего пребывания в Петербурге, и, по-видимому, был посвящен в подробности заговора против Павла I.

Нет достоверных сведений о том, что Рибас участвовал готовившемся заговоре и в царевубийстве 11 марта 1801 г. (между тем, он вполне мог ему сочувствовать), хотя ходили слухи об отравлении его заговорщиками, опасавшимися разоблачений с его стороны. В то же время благосклонность императора к Рибасу в этом дружеском для него кругу, вне всякого сомнения, воспринималась настороженно. Заговорщиков не могло не беспокоить и то обстоятельство, что Рибас как помощник вице-президента Адмиралтейств-коллегии получил возможность регулярно являться к Павлу I с личными докладами. По другой версии, основанием для которой являются некоторые воспоминания участников заговора и иных современников, план перемены царствования был составлен именно Рибасом и Паниным. Как бы то ни было, в исполнении заговора Рибас уже не участвовал. Он скоропостижно умер 2 декабря 1800 г. в возрасте пятидесяти одного года.

Похоронен Рибас на Смоленском Лютеранском кладбище в Петербурге. Надпись на надгробии Хосе де Рибаса, или Осипа Михайловича Де-Рибаса, как его называли в России, вполне нейтральна, а могли бы быть на этой славной могиле такие слова: «Взял неприступную крепость и построил прекрасный город».

ИСПАНЦЫ И РУССКИЕ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

Об открытиях русских на Тихом океане Европа впервые широко узнала в 1766 г., когда Герхард Ф. Миллер издал в Амстердаме книгу *Voyages et découvertes faites par les Russes le long des côtes de la Mer Glaciale et sur l'Océan Oriental tant vers le Japon que vers l'Amérique* («Путешествия и открытия, сделанные русскими вдоль берегов Полярного моря, на Восточном океане, в Японии и Америке»), перевод на французский язык своей немецкой работы 1758 г. Исследование Миллера преследовало явную политическую цель: представить историческое обоснование прав России на пролив, разделяющий Азию и Америку, и на близлежащую к нему американскую территорию. За границей это было понято именно так.

Рост числа и повышение доходности русских колоний на севере Тихого океана порождали недовольство мадридского двора, опасавшегося, что Россия начнет создавать на побережье Аляски новые поселения, — а это угрожало бы стратегическим интересам Испании в Верхней Калифорнии. Беспокойство испанского правительства было вызвано отсутствием точной информации о действиях русских. Взойдя на трон, Карл III повелел установить, какие территории уже были открыты российскими подданными.

присутствии в Калифорнии и о реальном или надуманном ущербе, который продвижение русских могло бы нанести испанским владениям в Северной Америке¹²⁴. Об этом писал маркиз де Альмодовар государственному секретарю Испании Рикардо Валу, докладывая об экспедициях, отправленных ранее русскими с Камчатки к американским берегам (07.10.1761); виконт де ла Эррерия сообщал маркизу де Гримальди (19.03.1764, 07.09.1764, 20.11.1767) о путешествиях русских торговцев, об эксплуатации меховых богатств Алеутских островов подданными российской императрицы и о развитии проектов продвижения в Америку; граф де Ласи за год (с октября 1772 по январь 1774 г.) направил Гримальди шесть донесений о русских экспедициях к берегам Америки и о русских поселениях на Тихом океане. Он также прислал изданный в России календарь с географической картой, перечень открытий (на немецком языке), совершенных русскими на Камчатке, и несколько списков товаров, которые русская торговая компания экспортировала из Азии и Европы для своих поселений в Америке¹²⁵. Реагируя на эту дипломатическую активность, маркиз де Гримальди писал вице-королю Новой Испании маркизу де Круа (23.01.1768): «Русские в ряде случаев предпринимали различные попытки облегчить для себя сообщение с Америкой и в последнее время достигли этого, совершая навигацию по северной части Южного моря. Утверждают, что они этого добились». По этой причине Гримальди настаивал на необходимости «следить за попытками, которые могут предпринимать русские, по возможности срывая их»¹²⁶.

По мнению Б. Баньяса Льяноса, предполагаемая российская угроза побудила Карла III начать разработку «научно-стратегической» политики для контроля и защиты своих владений как в Калифорнии, так и в районе Тихого океана. Испания не только принимала меры по укреплению пограничных поселений, но и направляла на американский северо-запад многочисленные экспедиции с целью исследования этого стратегически важного района для уточнения границ между обеими колониями, а также для получения информации географического, этнографического и естественнонаучного характера. Начало этим экспедициям было положено королевским указом от 30 ноября 1767 г., повелевавшим в качестве стратегической меры по защите вице-королевства основать форт Монтеррей¹²⁷. В 1768 г. генеральный инспектор вице-королевства Новая Испания Хосе де Гальвес передал

¹²⁴ *Fernández Rodríguez M.* La presencia rusa en el Pacífico Noroeste // El Ejército y la Armada en el Noroeste de América: Nootka y su tiempo / L. Martínez Peñas (Ed.). Madrid, 2011. P. 102.

¹²⁵ *Ruiz Rodríguez I.* Las fronteras septentrionales del Pacífico americano: españoles, rusos e ingleses en la conquista de la Alta California // Revue de l'Institut des Langues et des Cultures d'Europe et d'Amérique (ILCEA), Vol. 18, Les frontières dans le monde hispanique, 2013. — <http://ilcea.revues.org/2058?lang=ru> (дата обращения 30.03.2018).

¹²⁶ *Alonso de Toledo A.* Españoles y rusos en el Pacífico // Índice cultural español. Noviembre 1983. No. 2. P. 45.

¹²⁷ *Bañas Llanos B.* Expediciones científicas españolas al Pacífico, en la segunda mitad del siglo XVIII // Revista Española del Pacífico. 1992. No. 2. P. 94, 101.

в Мадрид проект колонизации Верхней Калифорнии. А уже в 1770 г. испанский монах Хуниперо Серра воздвиг на берегу Калифорнийской бухты крест, возле которого и был основан Монтеррей¹²⁸. В это время в северо-восточной части Тихого океана экспедиции Петра Креницына и Михаила Левашова исследовали Алеутские острова с целью обратить алеутов в российское подданство, а из Охотска и с Камчатки к берегам Азии и Нового Света одно за другим выходили суда охотников на нутрий и морских бобров¹²⁹. И испанцы, и русские пытались защитить уже открытые и заселенные территории на Тихом океане и воспрепятствовать действиям англичан, также заявлявшим свои права на эти области.

В 1774 г. вице-король Новой Испании Антонио-Мария де Букарели предложил морскому офицеру Хуану Пересу подготовить и возглавить первую экспедицию к берегам Канады, в ходе которой были открыты остров Ванкувер и бухта Нутка. В 1775 г. вице-король организовал вторую экспедицию под началом капитана 1-го ранга Бруно де Эсеты и капитана 2-го ранга Хуана Франсиско де ла Бодегы, которые дошли до острова Крузова и до 58° северной широты в заливе Ситка, вблизи южной границы Аляски. После четырехлетней паузы, вызванной отсутствием подходящих кораблей, 11 февраля 1779 г. началась третья экспедиция на северо-запад во главе с Игнасио Артеагой и Хуаном Франсиско де ла Бодегой, командовавшими, соответственно, фрегатами «Принсеса» и «Фаворита», которые обследовали Кенайский полуостров и остров Кадьяк¹³⁰.

Во второй половине 1770-х гг. активность испанцев в Новой Испании пошла на убыль — экспедиции возобновились только через девять лет. Перерыв объясняется двумя причинами: во-первых, испанские экспедиции не обнаружили следов русских поселений на обследованных территориях; во-вторых, Испания вступила в войну, которую Англия вела против своих американских колоний, и вновь появилась надежда вернуть Гибралтар. В результате Мадрид вынужден был отказаться от идеи сосредоточить свой флот в Тихом океане. В инструкции Карла III маркизу де ла Торре король наказывал уделять больше внимания действиям Англии и сохранению Россией политики нейтралитета — не было сказано ни единого слова об интересах Испании ни в Калифорнии, ни на Тихом океане¹³¹.

Российское правительство не видело угрозы в испанской активности в северо-восточной части Тихого океана, что отражалось и в инструкциях из Петербурга, и в депешах российских дипломатов из Испании. Степан Зиновьев из Мадрида и российский консул Иоганн Бранденбург из Кадиса отправляли

¹²⁸ *Ortega Soto M.* Alta California: una frontera olvidada del noroeste de México, 1769–1846. México: Unidad Iztapalapa, 2001. P. 25–38.

¹²⁹ *Volosyuk O.* La colonización rusa de América en el siglo XVIII: españoles y rusos en el Pacífico // *Visiones de la conquista y la colonización de las Américas.* Alcalá de Henares: Universidad de Alcalá, 2015. P. 141–165.

¹³⁰ *Bañas Llanos B.* Expediciones científicas... P. 102.

¹³¹ Россия и Испания. Документы... Т. 1. С. 305–313.

донесения в основном информационного характера. В 1774 г. они сообщали, что из Кадиса вышел фрегат под командованием Хуана де Лангары с целью обнаружить Северо-Западный проход. «Если слухи верны, открытие это было бы полезно как для испанцев, так и для русских», — писал Зиновьев в феврале 1774 г. В апреле следующего года он сообщал в Петербург о том, что фрегат «Сантьяго» достиг 55° северной широты, а в мае 1776 г. — что экспедиция, под командованием Бруно де Эсеты и Хуана де ла Бодеги, направилась к северу от Верхней Калифорнии и достигла 58° северной широты. В 1777 г. Зиновьев послал российской императрице карту маршрута и описание этой экспедиции¹³².

Появление торговых конкурентов в северо-западной части Тихого океана обеспокоило русских купцов, обосновавшихся на Алеутских островах гораздо больше, чем дипломатов в Мадриде и Кадисе. Особенно они опасались англичан, пытавшихся вытеснить русских из торговли мехами с Китаем. В конце 1770-х гг. в северной части Тихого океана, у берегов Аляски и Камчатки, а также на Алеутских островах, побывал известный английский мореплаватель Джеймс Кук. После него английские купцы-промышленники стали все чаще навещать этот район Тихого океана и на глазах у русских промышленников заниматься охотой на пушных зверей и выменивать меха у жителей островов. Вслед за англичанами появились французы и испанцы. Они особенно активизировались во второй половине 1780-х гг. И уже в 1790 г. генерал-губернатор Иркутска Иван Пиль составил Екатерине II специальный отчет о состоянии дел в Русской Америке. «Неутомимые попытки европейцев на совместничество с Россией для промыслов и торговли по берегам Северо-восточного океана, единым лишь россиянам подлежащих, не оканчиваясь на частном успехе Ост-индской компании, — писал он. — Они доходят до самой глубокой части Северной Америки, где российские промышленники теперь еще только начинают достигать своей главной цели — пользоваться новым и весьма удачным промыслом зверей и торговлею с дикими островитянами»¹³³.

Иностранные промышленники оказались опасными соперниками русских. Это соперничество выходило за рамки конкурентной борьбы частных предпринимателей — за ними стояли правительства. «Приближение англичан и гишпанцев к берегам Курильских и Алеутских островов и к самой Америке является попыткой держав оных на торговлю в тех пределах, которые и по правам перваго открытия экспедиций ваших вовсе устранными от них быть должны»¹³⁴. В результате, по словам губернатора, «торговля и промыслы зверей знатно остаются в руках их с оскорблением права империи вашей»¹³⁴. И хотя до вооруженных столкновений не доходило, потому что иностранцы «удаляясь и сами от военных действий, крейсировали или плавать старались там», где бы они были скрыты от русских, но, встретив-

¹³² АВПРИ. Ф. СРИ. Д. 358, л. 94–95; Д. 362, л. 35, 69; Д. 368, л. 30, 32–69.

¹³³ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII–XIX веках / Ред. А.И. Андреев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944. С. 104.

¹³⁴ Русские открытия... С. 105.

шись однажды с русским кораблем, они как только «заметили с разговора, что то были подданные В. В-ва, то немедленно и с крайнею поспешностию отвалили своим судном в море»¹³⁵.

Пиль указывал на необходимость вытеснения иностранных конкурентов, подчеркивая, впрочем, что хотя российские торговцы и жаловались на иностранцев, но сами мало что делали для защиты своих интересов. «Ежели наличные суда компании Шелихова¹³⁶ соединят себя с другими на тамошних водах плавающими промышленничьими российскими судами и ежели они согласятся все вообще определить себе за главнейший предмет не единое только защищение пользы своей, но пойдут с охотою на укрощение иностранных промышленников, отважность европейцев на хищение сокровищ, одной России принадлежащих, убавится»¹³⁷.

Судя по отчету Пиля, летом 1786 г. в Капитанской бухте, глубоко врезающейся с севера в остров Уналашка, к берегу пристал английский двухмачтовой фрегат «Нутка», которым командовал капитан Джон Мирз. Но, заметив на Уналашке табличку с российским гербом, англичане поторопились уйти в море. Пиль записал, что в то лето еще одно судно крейсировало около острова Унимака и другое небольшое судно — у Кадьяка. К зиме подошли еще три корабля, но местные жители напали на англичан, убив шестерых и захватив в плен двоих. Еще один английский корабль позже был сожжен островитянами¹³⁸.

В мае 1788 г. к Уналашке подошли вооруженный пушками испанский фрегат и пакетбот, команда которых достигала 130 человек. Корабль стоял на якоре в Кенайской губе около шести дней. Губернатор подчеркивал, что испанцы «показывали вид ласковой и удалялись от торговли и промыслов зверинных», объясняя это тем, что «неравенство силы их противу российских мореходцев не позволяло им инако обращаться с ними, почему как гишпанцы, так и россияне проводили здесь некоторое время в обоюдном друг другу вспоможении миролюбиво»¹³⁹.

106 Переводчиком у испанцев был офицер Рагузской республики Стефан Мондофия. С его помощью россияне узнали, что испанцы «вышли в море с Калифорнии по повелению вице-короля, в Мексике находящагося, дабы обозреть Чухотской нос и побывать в Петропавловской гавани, но, не успев в таком предприятии, они принуждены возвратиться на свое место»¹⁴⁰. Выяснилось также, что руководитель этой экспедиции, Эстебан Мартинес, побывал в 1774 г. у тех же берегов Америки, где «со стороны России в 1741 г. имел плавание капитан Чириков, и находил вещи, от него тамо островитянам

¹³⁵ Русские открытия... С. 105, 107.

¹³⁶ Григорий Шелихов — русский купец, возглавивший в 1783–1786 гг. первую русскую экспедицию к берегам Америки.

¹³⁷ Русские открытия... С. 102.

¹³⁸ Там же. С. 106, 108.

¹³⁹ Там же. С. 108.

¹⁴⁰ Там же. С. 109.

Русское поселение на о. Кадьяк

оставленные». Командир первого судна Гонсало Лопес дель Аро в отчете Пиля был назван «дон Зончало Лопес Дегаро». Перед отплытием испанцы передали капитану Евстратию Деларову и штурману Поталу Зайкову два письма: одно открытое, а другое в конверте, от имени вице-короля¹⁴¹. Это свидетельство Пиля крайне важно, поскольку в нем описана первая встреча испанцев и русских в водах Тихого океана. С испанской стороны сохранился подробный отчет Лопеса дель Аро¹⁴², с российской же — только этот документ, который дополняет сведения, приведенные испанским капитаном.

В июне и июле 1788 г. к Алеутским островам подошли еще два судна: одно остановилось у острова Шелидак, а другое — у Тугидока. Оба корабля были испанские, «следовали из Акапудка в Северное Чукотское море, для чего и вручено россиянам на острове Тугодаке сими плавателями запечатанное письмо от имени министра морских индейских дел дона Антония Вальдеца». Испанцы привезли «островитянам подарки, из разных европейских вещей составляющиеся, и раздавали им же серебряные медали»¹⁴³.

* * *

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Отчет Гонсало Лопеса дель Аро был переведен и опубликован в: *Волосюк О.В.* Испанцы и русские на Тихом океане // Вестник РУДН. История России. 2011. № 1. С. 134–148.

¹⁴³ Русские открытия... С. 107.

Испано-русское «соперничество» на северо-западе Тихого океана базировалось скорее на надуманной, чем на реальной угрозе: русские торговцы, уже обосновавшиеся на Алеутских островах, были нацелены на устранение любой торговой конкуренции, возникавшей в тот период со стороны англичан, заинтересованных в выдавливании россиян из торговли пушниной с Китаем; испанцы же чувствовали опасность в возможном продвижении русских на Аляске, которое, по их мнению, могло угрожать стратегическим интересам Испании в Верхней Калифорнии. М. Фернандес Родригес справедливо замечает: «В вопросах, связанных с новыми открытиями и завоеваниями на северо-западе Америки, как для российской, так и для испанской дипломатии, было много неясного; при этом обе стороны испытывали ощущение угрозы из-за домыслов, которые [...] не имели под собой никакого реального обоснования»¹⁴⁴. Отсутствие надлежащей информации и бюрократическая волокита при ее передаче тем, от кого зависело принятие решений, создавали атмосферу недоверия и подозрительности в испано-русских отношениях.

При таких обстоятельствах Григорий Шелихов в начале 1788 г. отправил мореплавателей Герасима Измайлова и Дмитрия Бочарова в экспедицию «как для открытия новых морских островов и установления власти Российской империи над разными островными народами, так и для установки знаков, показывающих, что новые американские земли являются российской собственностью»¹⁴⁵. В том же году он внес на рассмотрение Екатерины II проект сосредоточения пушного промысла в руках одной купеческой компании с большим капиталом, привилегиями и монопольными правами. Но императрица проект отвергла. «Большая экспансия на Тихом океане не принесет верной выгоды. Одно дело — торговать, а другое — владеть», — отвечала она на предложение торговца¹⁴⁶. Взойдя на трон, Екатерина провозгласила свободу торговли и всяческой экономической деятельности. К тому же, Россия находилась в состоянии войны с Турцией на юге и со Швецией на северо-западе, и императрица должна была считать каждый рубль и каждого солдата. Петербург был в тот момент сосредоточен на решении европейских дел и «восточного вопроса»; у него не доставало силы и мощи для ведения активной политики на Тихом океане.

Лишь после смерти Екатерины II, в 1797 г., Павел I одобрил образование Американской соединенной компании, а через два года она была объявлена «состоящей под высочайшим покровительством» и переименована в Российско-Американскую компанию. Это была именно такая компания, идею которой долго вынашивал Шелихов; ей на 20 лет были предоставлены широкие права и привилегии. Российское правительство пошло на создание

¹⁴⁴ *Fernández Rodríguez M.* La presencia rusa... P. 106.

¹⁴⁵ *Шелихов Г.И.* Путешествие Г. Шелехова с 1783 по 1790 год из Охотска по Восточному океану к американским берегам и возвращение его в Россию, с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кыктака и Афагнака. СПб.: Тип. Губернского правления, 1812. С. 2.

¹⁴⁶ Русские открытия... С. 282.

такого учреждения, потому что оно было не в состоянии удержать за собой огромные владения, которые простерлись вплоть до побережья Северо-Западной Америки включительно.

ОБРАЗ РОССИИ В ИСПАНИИ XVIII ВЕКА

Позднее знакомство. XVIII столетие считается в Европе веком истории. Именно тогда появились новые исследовательские методы, благодаря которым усовершенствовалась работа с источниками и их критика. Историю перестали считать материей, относящейся к элитарному знанию, доступному исключительно знати или власти имущим; она превратилась в упорядоченное, более менее упрощенное повествование, предназначенное и для частных лиц, и для преподавания в школах и университетах. В Испании первые учебники по всеобщей и испанской истории, в большинстве своем переводные, появились не ранее 1730-х — 1740-х гг. Главным и самым популярным стал «Ключ исторический» (1743) — хронограф, написанный для юношества падре Флоресом и включавший сведения о событиях и героях европейской истории. Этот труд полюбился читателям и неоднократно переиздавался вплоть до середины XIX в., хотя в сочинении Флореса было много недостатков, связанных с односторонними представлениями автора о Европе и зависимостью от церковной истории. В его хронографе Московия, или Россия, появлялась в IX в. с принятием христианства «во времена императора Михаила, в одной ее части, и во времена императора Василия — в другой. И если в первом случае христианская вера была принята без всяких условий, во втором случае потребовали чуда — чтобы Евангелия, брошенные в костер, остались бы невредимыми». Но этого не произошло, «потому что потух костер [...], из-за чего вернулись они к своим старым верованиями вплоть до конца X в.»¹⁴⁷. Только в 988 г., при великих князьях московских, «которых называли Царь или Цезарь, Владимир обратилась в истинную веру и принял имя Василий». А «в XVII в. правил царь Петр Алексеевич (*Pedro Alegiovitcz*), которому Российская империя обязана славой, каковую она ныне обретает торговлей, воинской доблестью и развитием искусств»¹⁴⁸. В издании 1771 г. повествование о событиях XVIII в. стало более подробным. Рассказав о Петре I, автор переходит к правлению Петра III и к конфликту императора с его супругой Екатериной, к придворным интригам, дворцовому перевороту, аресту и смерти царя, упоминая и о том, что «ходили слухи, что ему дали что-то вредное для здоровья». Завершается текст красноречивым комментарием: «Это одно из самых удивительных событий нынешнего

¹⁴⁷ Flórez E. Clave historial con que se abre la puerta a la historia eclesiastica, y política: chronología de los Papas, y Emperadores, Reyes de España, Italia y Francia, con los orígenes de todas las Monarquías, concilios hereges, santos, escritores, y sucesos memorables de cada siglo. Madrid: Antonio de Sancha, 1743. P. 167–168.

¹⁴⁸ Flórez E. Clave historial... P. 189.

столетия. Империя полностью изменилась за два дня, и произошло все это без кровопролития, при жизни императора, который был лишен свободы действий»¹⁴⁹.

Свидетельством развивавшегося в то время в среде испанской образованной элиты внимания к истории Европы в целом, а также к истории отдельных государств стал еще один популярный труд, также созданный священником, падре Мануэлем Тринкадо (имя вымышлено), — «Собрание историческое, географическое и генеалогическое о государях Европы». «Собрание» представляло собой не столько всеобщую историю, сколько хроники событий из истории зарубежных стран, сводившиеся к «описанию королевских дворов, религии и вооруженных сил». В труд было включено и описание России, вызвавшее большой интерес читателей¹⁵⁰.

Сведения о Московии занимали в «Собрании» не более десяти страниц. В самом начале Тринкадо уточнял, что речь идет о Великой России, которая стала так называться только двести лет назад, а Московией именуется и столичный город, и провинция, от которой зависят иные обширные территории. Кратко описав климат, сельское хозяйство, религию («греческую», хотя «около Тартарии встречаются остатки язычества»), автор отмечает, что правление там «монархическое, близкое к деспотическому», поскольку на все требуется «согласие императора»¹⁵¹. Тринкадо считает Петербург, истинную столицу России, одним из самых важных городов Европы и превозносит его за красоту и процветающую торговлю. Москва тоже большой, красивый и «весьма торговый» город, только очень подверженный пожарам. Там находится «самая знаменитая в мире аптека, где бедным бесплатно раздают лекарства». Автор не скрывает своего восхищения Петром I, который «цивилизировал» москвитов. Его владения унаследовала Елизавета I, скончавшаяся в 1761 г., а «теперь они принадлежат Екатерине II»¹⁵².

Тринкадо перечисляет в хронологическом порядке великих князей или царей Московии, начиная с Владимира (*Wolodimiro*) I, того самого, кто первым обратился в христианство в 988 г., и вплоть до современности, то есть до 1761 г., когда вззошла на трон царица Екатерина. Он описывает церковное устройство, иерархию духовенства, символ веры и литургию, «очень похожую на греческую», а также успехи миссионеров-москвитов в «Тартарии» и других областях страны. По мнению автора, «начиная с царя Петра I [Московия] достигла больших успехов в философии, которая ранее была вообще неизвестна, и по этой причине стали развиваться науки, так что можно надеяться, что нанесенный церковью ущерб вскоре восполнится»¹⁵³.

¹⁴⁹ Flórez E. Clave historial... Madrid: Antonio de Sancha, 1771, 7° ed. P. 386–288.

¹⁵⁰ López-Cordón M.V. La imagen de Rusia en España a comienzos del siglo XVIII: continuidad y contrastes // Actas del IV Congreso hispano-soviético de historiadores. Madrid, 1987.

¹⁵¹ Trincado M. Compendio histórico, geográfico y genealógico de los soberanos de Europa. Madrid: oficina de A. Mayoral, 5ª imp. 1769. P. 417–418.

¹⁵² Ibid. P. 419.

¹⁵³ Ibid. P. 425.

Первоначальный интерес. Сведения о России, содержащиеся в двух самых популярных трудах по всеобщей истории, свидетельствуют о том, что испанская образованная элита обладала некоторыми знаниями об этом государстве и всех его особенностях. Это были общие, расхожие и несколько устаревшие представления. Однако еще до появления такого рода сведений в избранных кругах распространялись и другие сочинения о России. Их авторами были дипломаты или публицисты, знатоки «положения дел в мире».

В начале столетия линия, на которой были расположены Польша и Венгрия, перестала восприниматься как реальный восточный рубеж Европы¹⁵⁴. И тогда же авторы политических трактатов предлагали шведам и полякам примириться, дабы успешно противостоять общему врагу — московитам, «которые, словно утратив разум, вероломно напали на короля Швеции»¹⁵⁵. По их мнению, московиты были «худшими в Европе воинами», но желание покинуть свою дикую страну «пришпоривало их храбрость»¹⁵⁶. Впрочем, тогда удивляли не столько победы московитов в Северной войне, сколько поведение русского царя, который неожиданно предстал перед европейскими дворами в облике мирного путешественника и поразил современников скорее своей любознательностью, нежели грубыми манерами. Частный визит иноземного монарха стал событием, которое привлекло всеобщее внимание и широко обсуждалось в Европе, в том числе при дворе Филиппа V. Осенью 1716 г. в Мадриде были получены депеши — от испанского посланника в Гааге, маркиза де Беретти Ланди, и от посла в Париже, герцога де Челламаре. Дипломаты запрашивали инструкции, касавшиеся приема царя Петра I, который вот-вот должен был прибыть, «дабы не совершить ничего, что могло бы вызвать неудовольствие Е. В-ва»¹⁵⁷. Хосе де Гримальдо, исполнявший в то время обязанности государственного секретаря, передал вопрос на обсуждение в Государственный Совет, а тот, в свою очередь, поручил послам выяснить причину царского путешествия и наблюдать за поведением монарха и за церемониями, которые устраивались в его честь в разных странах. Особенно во Франции, поскольку прием, оказанный там Петру, мог бы стать образцом для подражания в Испании.

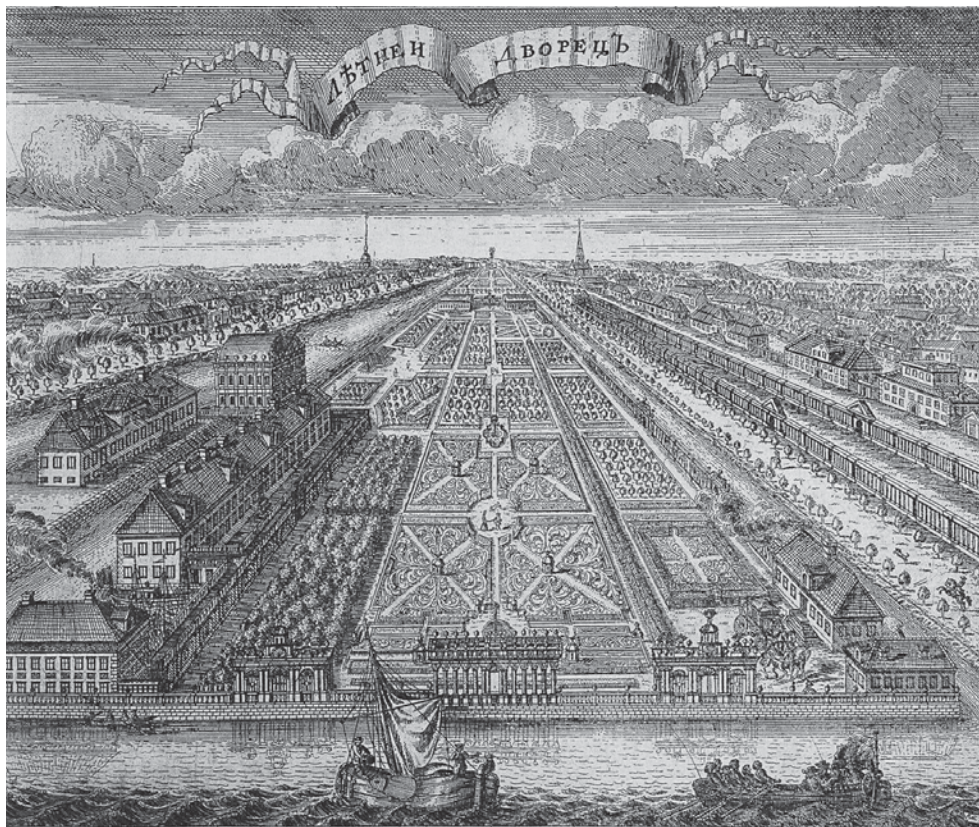
Петр I прибыл в Париж в начале мая 1717 г. и был принят с очень большими почестями. Челламаре обратил внимание на выбранное для визита время — в самый разгар войны на Балтике. Посол не имел возможности лично приветствовать царя, но пристально следил за ходом визита и за отъездами о пребывании монарха. Больше всего его удивило поведение Петра I, вполне подобавшее уверенному в себе государю, ревностно относящемуся к своему

¹⁵⁴ *Cayran J.* Intereses de los príncipes de Italia o diálogos políticos y entretenidos. Madrid: Juan García, 1703. Destino del Emperador en el consejo de los dioses o diálogos políticos y entretenidos sobre los negocios de Europa. París: C. Barbin, 1702.

¹⁵⁵ *Cartas descifradas o diálogos entretenidos y políticos entre Pasquín y Morforio sobre los negocios de Europa.* París: C. Barbin, 1703.

¹⁵⁶ *Ibid.* P. 199.

¹⁵⁷ АНН. Estado, 1669. Consulta del Consejo de diciembre de 1716.

Летний дворец и Летний сад в Петербурге. 1716

112

статусу. Челламаре отмечает интерес царя ко всему, «что имеет отношение к наукам математическим и механическим и к свободным искусствам, которые он страстно желает развивать в своих владениях»; твердое его намерение удержать завоеванные в войне территории, а также невероятные расходы на строительство Петербурга. Этот город, пишет посланник, был основан «в наказание древней столице, Москве, за восстания и мятежи, которые Петр пережил там в детские годы», а также потому, что это порт, удобный для развития торговли. Наряду со сведениями, которые вошли в легенду о Петре I, Челламаре сообщал в Мадрид информацию личного характера, писал о стремлении царя быть принятым без чрезмерной публичности, о его умеренности в еде и питье, о желании разместиться не в Лувре, а в частной резиденции. Петр, хорошо знавший протокол, только после визита регента (герцога Орлеанского) стал осматривать «достопримечательности столицы» и принимать участие в банкетах и развлечениях. Он всегда общался с помощью переводчика, поскольку «обладал слабыми познаниями в немецком языке» и был совершенно незнаком с французским, испанским, итальянским и латинским.

Личность царя произвела на Челламаре большое впечатление. Испанский дипломат советовал своим мадридским корреспондентам не принимать во внимание «необоснованные сведения и слухи, что распространяются при дворе, касательно вымышленных и смешных экстравагантностей, которые приписывают этому великому государю», указывая: «Маршал де Тессе и маркиз де Магни, равно как и другие именитые люди, постоянно сопровождающие царя, заверили меня, что он отличается умеренным, рассудительным, осторожным и учтивым поведением»¹⁵⁸.

14 мая Челламаре нанес визит Петру I, который, чтобы не вызвать подозрений у других послов, носил частный характер. После представления, сделанного маршалом Тессе, посол обратился к царю «с кратким и почтительным приветствием», дав ему понять, что «слава о его великих деяниях и завоеваниях вопреки расстоянию достигла слуха Его Величества короля, [...] которого его собственная любовь к славе расположила в пользу столь героического государя»¹⁵⁹.

Царь ответил послу «в выражениях чрезвычайной признательности, большого уважения и привязанности к королю, нашему господину», но в конце речи с ним случился «небольшой судорожный припадок, который часто с ним повторяется», и по этой причине он удалился, оставив Челламаре в обществе маршала Тессе и князя Куракина. Впоследствии испанский посол нанес визит Куракину, свояку Петра I, и тот доверительно сообщил, как он «надеется, что навигация между двумя державами однажды откроет двери коммерции и искреннего и дружеского общения, которые царь желал бы развивать с испанским королевством»¹⁶⁰. От испанского дипломата не ускользнуло, что, в то время как царь, желая положить конец войне, стремился найти в Париже поддержку, сама Франция воспользовалась случаем, чтобы продемонстрировать свою заинтересованность в мире, который пытались заключить северные державы, с тем, чтобы «иметь возможность продать этот знак внимания» как Швеции, так и Великобритании¹⁶¹.

Через год, под влиянием этой информации, кардинал Альберони предложил России посредничество Испании в русско-шведских переговорах на Аландском конгрессе в обмен на поддержку в организации испанской экспедиции в Шотландию с целью восстановления на престоле Якова Стюарта, однако царь этим проектом не заинтересовался¹⁶². Тем не менее Беретти Ланди встретился с российским послом и представил ему первый проект союза между Испанией и Россией, направленного против Англии, Франции и Священной Римской империи. Поражение при мысе Пассаро, смерть шведского короля Карла XII и отставка Альберони разрушили эти планы, Испания присоединилась к Четвертому союзу, а переговоры с Россией

¹⁵⁸ Carta de 10 de mayo de 1717.

¹⁵⁹ Ibid. Carta de 17 de mayo de 1717

¹⁶⁰ Ibid. Carta de 21 de junio de 1717.

¹⁶¹ Ibid. Carta de 19 de Agosto de 1717.

¹⁶² *Carpio M.J.* España y los últimos Estuardos. Madrid: Ed. U.C.M. Facultad de Filosofía y Letras, 1952. P. 116.

прекратились¹⁶³. Пауза оказалась недолгой, ведь уже в 1725 г. Рипперда подписал договор с Австрией и хотел привлечь к этому союзу Россию, поручив вести переговоры графу де Ламбилли. После отставки Рипперды пришел конец и этому проекту. Однако в 1727 г. чрезвычайным послом в Петербурге был назначен герцог де Лириа¹⁶⁴.

До посольства в Россию молодой герцог, сын ирландки, родившийся в Лондоне, состоял на военной службе и был пожалован чином генерал-лейтенанта. С самого прибытия к месту своего назначения он пунктуально и скрупулезно информировал Мадрид о далекой державе и о ее правителях и таким образом внес важный вклад в конкретизацию образа России¹⁶⁵. Более 500 писем, написанных Лириа Хуану де Баутиста Орендайну, Хосе Патиньо и другим министрам, тогда представляли собой единственный источник информации о Российской империи «из первых рук». По обильной корреспонденции из Петербурга испанские политики следили за российскими придворными интригами. Хотя Лириа не удалось достичь никаких политических договоренностей, его подробные сведения о роскоши и пышности российского императорского двора, отчеты об огромных средствах, которые посол тратил на то, чтобы этой роскоши соответствовать, приводили в изумление Государственный секретариат в Мадриде.

Позднее, уже уехав из России к другому месту службы, Лириа использовал фрагменты своих донесений в Мадрид для создания «Дневника о посольстве в Россию», предназначенного автором своим потомкам. Очевидно, что Петербург, «один из самых красивых городов мира», привел его в восторг, но восторги не помешали Лириа обратить внимание на внутреннюю нестабильность империи и на выгоды, которые послы иностранных держав стремились извлечь из такого положения. Посол приводит характеристики государей и влиятельных политиков, с которыми он успел познакомиться, описывает общественную и политическую жизнь России и рассуждает о событиях, которые привлекли его внимание и которые, следовательно, должны были заинтересовать его читателей, то есть избранный круг дипломатов, служащих королевских секретариатов или членов его собственной семьи¹⁶⁶. Впоследствии, во время военной экспедиции в Неаполь, одновременно с «Донесением о завоевании Неаполя и Сицилии», он написал более обстоятельное, чем «Дневник», «Донесение о Московии» с приложением хронологических таблиц российской истории, составленных «по просьбе друга»¹⁶⁷.

¹⁶³ *Schop Soler A.M.* Las relaciones... P. 9–10.

¹⁶⁴ *Campo Raso J. de.* Memorias políticas y militares para servir de continuación a los comentarios del marqués de San Felipe. B.A.E.T. XCIX. Madrid, 1957. P. 412.

¹⁶⁵ *Diario del viaje a Moscovia del duque de Liria / Pinedo y Salazar J.* (Ed.). Madrid: Academia de Historia, 1889. CODOIN. T. 93.

¹⁶⁶ *Ibid.* P. V, 361–376.

¹⁶⁷ *Sánchez Alonso B.* Historia de la historiografía española. Vol. III. Madrid: CSIC, 1944. P. 105. *Conquista de Nápoles y Sicilia y Relación de Moscovia, por el duque de Berwick.* Paz y Meliá A. (Ed.). Madrid: Imp. de M. Tello, 1890. P. V–CVIII.

Хосе Кададьсо и Россия

Отношения между Испанией и Россией развивались довольно медленно, и только в XIX в. писатели и художники обеих стран стали проявлять интерес к творчеству друг друга. Тем не менее уже в XVIII в. были заметны первые признаки этого взаимного притяжения. Выдающийся испанский просветитель Хосе Кададьсо получил образование в том же Коллеже Людовика Великого, что и поклонник Екатерины II Вольтер, и, как и многие современники, он пристально следил за ходом русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Он, гвардейский полковник, опубликовал памфлет «Эрудиты с налету» и «Дополнение» к нему под своей второй фамилией — Васкес, скрыв свое авторство, чтобы не навредить военной карьере. Однако в этих двух произведениях проявился его профессиональный интерес к далекой войне между двумя империями, Российской и Османской. Неудивительно, что в «Дополнении к Эрудитам с налету», написанном в 1772 г., когда русско-турецкий конфликт еще был далек от завершения, видна осведомленность Кададьсо в развитии событий: он упоминает героев войны — например, знаменитого полководца «генерала Романцова» (Петра Румянцева), одержавшего множество побед.

Реальная война, с одной стороны, и полное отсутствие у испанцев знаний о «Черкесии» — с другой, вероятно, побудили Кададьсо перенести действие созданной им трагедии «Солайя и черкесы» (1770) на Кавказ, территорию, расположенную между Черным и Каспийским морями. События пьесы происходят в XIV в. и не имеют ничего общего с известными историческими фактами. Кададьсо дал полную волю своему воображению и рассказал о любви знатной черкешенки Солайи и сына татарского хана Селина, которого отец отправил в Черкесию для сбора дани, состоящей из молодых девушек. Солайя и Селин полюбили друг друга, но отец девушки, «сенатор» Адрио, и ее братья Эраклио и Касиро противятся этому союзу, считая его оскорбительным для своей чести и чести всей Черкесии. От их руки влюбленные погибают. Родственники Солайи в изображении Кададьсо превращаются в воплощение нетерпимости (недаром пьеса была запрещена инквизицией), а трагедия перерастает в драму, в центре которой — конфликт между любовью к родине и семейными ценностями.

В своем самом знаменитом произведении, романе «Марокканские письма», Кададьсо касается спора о модернизации России, начавшейся при Петре I и упоминает «культуру России» в ряду важнейших «политических событий» своего времени. Задолго до того, как в России узнали и полюбили Сервантеса и Кальдерона, Гарсиа Лорку и Альберти, а в Испании — Пушкина, Тургенева, Толстого и Достоевского, в произведениях испанского просветителя соединились реальность и вымысел о России.

О глубоком интересе дипломатов к Московии или России свидетельствует и корреспонденция маркиза де Альмодовара, испанского полномочного министра в России в 1761–1763 гг., которую он значительно позже включил в IV том своего перевода труда Гийома Тома Рейналя¹⁶⁸.

Современная эпоха. Во второй половине XVIII в. испанские просветители утратили интерес к скучным хронографам и обратились к так называемой «гражданской истории», к «истории литературы»¹⁶⁹ и к сравнительной истории, особенно подобающей рассказу о прошлом других стран и для знакомства публики с неизвестными событиями и историческими личностями¹⁷⁰. В Испании появились французские сочинения по всеобщей истории, и некоторые из них переводились на испанский язык. А среди испанцев обнаружилось поистине отважных авторов, бравшихся за создание грандиозных по замыслу трудов, — именно тогда Хуан Франсиско де Кастро создает «Свод естественной и политической истории вселенной»¹⁷¹. Хосе Кададьсо критиковал подобные крайности¹⁷², а Хуан Семпере-и-Гуаринос писал, что «больше всего нас интересует современная история», и призывал рассказывать именно о современной эпохе¹⁷³. Россия времен Екатерины II привлекала внимание историков наряду с такими важными событиями, как восстание английских колоний в Северной Америке или начавшаяся в 1789 г. Французская революция.

Своеобразие этой далекой державы можно было познать «на расстоянии», что с очевидностью доказывают появившиеся в то время истории Московии, содержавшие все более точные сведения о ней. Особенно важны три труда. Первый, опубликованный в Мадриде в 1736 г., был создан Мануэлем Антонио де Меной, уроженцем столицы, выходцем из известного семейства издателей и писателей, в будущем владельцев «Историко-политического Вестника». Он назывался «Общее описание Российско-Московской Империи» и состоял из двух томов. Первый том охватывал период от древности до смерти Ивана IV Грозного («Хуана Базилио Жестокого» — *Juan Basilio el Cruel*), во втором томе рассказ был доведен до правления Екатерины I. Труд де Мены представлял собой вольный перевод с французского языка «Мемуаров о Петре I», опубликованных в Голландии

¹⁶⁸ *Almodóvar, Marqués de. Correspondencia diplomática... 1761–1763.* Madrid: Academia de Historia, 1893. CODOIN. T. CVIII; *Jiménez de Góngora, Duque de Almodovar P.* Historia política de los Establecimientos Ultramarinos de las Naciones Europeas. T. IV. Madrid: D. Antonio de Sancha, 1784–1790. О Московии говорится только в одной главе этого труда.

¹⁶⁹ *Rodríguez Mohedano R. y P.* Historia literaria de España, desde su primera población hasta nuestros días. Madrid: Sancha, 1766–1791, 13 vols. Особенно: *la Apología* в т. V. Madrid, 1779.

¹⁷⁰ *Fernández de Moratín L.* Catálogo de piezas dramáticas publicadas en España desde el principio del siglo XVIII // *Obras.* Madrid, В.А.Е. т. II. Лусиано Франсиско Комелья обратился к истории России в двух своих пьесах — «Pedro el Grande» (1796) и «Catalina II» (1799).

¹⁷¹ *Castro J.F.* Dios y la naturaleza, compendio histórico natural y político del universo... Madrid: Joaquín Ibarra, 1780–1791. 10 vols.

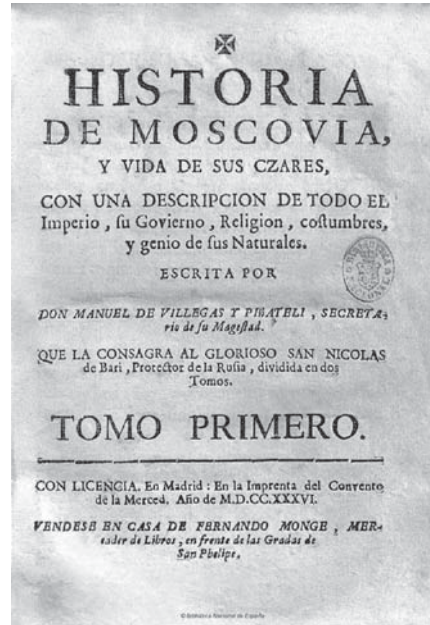
¹⁷² *Cadalso J.* Cartas Marruecas. Madrid: Cátedra, 1982. Carta LXII. P. 102.

¹⁷³ *Sempere y Guarinos J.* Ensayo de una biblioteca de los mejores escritores del reinado de Carlos III. T. I. Madrid: Imp. Real, 1786. P. 67–69.

в 1725 г. и написанных неким бароном Хуаном Хуановичем Нестесурануа (*Juan Juanovitz Nestesuranoi*)*. Автор использовал и другие современные ему работы, а также более раннее французское сочинение «Состояние Московии» (1679), откуда он позаимствовал очерки быта и нравов.

Тогда же, в 1736 г., Мануэль Вильегас-и-Пиньятели опубликовал «Историю Московии и жизни ее царей», «посвященную Св. Николаю из Бари, покровителю России». Автор, секретарь Филиппа V, конюший королевы Марианны Нейбургской и академик, указывал в предисловии, что его сочинение совершенно необходимо, ведь из-за того, что испанцы никогда не брались за написание историй других стран, возникли многие заблуждения. Целью сочинения было распространение полезных знаний, что отметил даже сам королевский цензор. «Нашей просвещенной нации, — писал он, — было бы постыдно пребывать в неведении относительно военного, политического и церковного состояния столь воинственной монархии»¹⁷⁴.

Вильегас признавался в своем стремлении опираться на все доступные источники и сетовал на то, что «не существует истории, написанной самими русскими», из-за чего ему пришлось довольствоваться заметками иностранных путешественников. Он смог воспользоваться уже упомянутыми «Мемуарами о Петре I», «Записками о Московии» барона Сигизмунда Герберштейна и «Записками о московской войне, которую вел польский король Стефан», написанными Рейнгольдом Гейденштейном на латыни. Вильегас обращался и к менее известным авторам, в частности к «Паоло Джовио и другим» [сочинение Паоло Джовио (Павел Иовий Новокомский) «Книга о московитском посольстве» (1525). — *Ред.*], а также к многотомному труду, который Московская Академия подарила герцогу де Лириа по поводу его отъезда в Испанию¹⁷⁵.

Мануэль Вильегас-и-Пиньятели. История Московии, 1736. Титульный лист

* Речь идет о *Mémoires du règne de Pierre le Grand, Empereur de la Russie, Père de la Patrie*. Par V. Iwan Nestesuranoi. La Haye: 1725–1726. Т. 1–4. Их автором был французский историк и издатель Жан Руссе де Мисси (*Jean Rousset de Missy*), подписавший книгу изобретенным им русским именем. — *Прим. ред.*

¹⁷⁴ *Villegas y Pinateli M.* Historia de Moscovia y vida de sus czares. Madrid: Imp. del Convento de la Merced, 1736. 2 vols. Vol. I. Prólogo. P. I.

¹⁷⁵ *Ibid.* Vol. I, cap. XXVIII.

Еще одно сочинение о России после 1730 г. вышло из-под пера Хосе дель Кампо Расо. Россия часто упоминается в его «Политических и исторических мемуарах, служащих продолжением Записок маркиза де Сан-Фелипе», включена в них и отдельная глава под названием «История жизни князя Меншикова»¹⁷⁶. Опираясь на «Донесения» герцога де Лириа, автор представил Меншикова как пример, показывающий, что «не всегда талант и знатность идут рука об руку» и что «среди самых низких плебеев иногда встречаются весьма способные люди». Однако в целом источники сведений Кампо Расо трудно установить, а его сочинения представляют собой не столько историческое повествование, сколько хронику международных событий.

Тема России не исчерпывается тремя вышеупомянутыми трудами, отражающими растущий интерес к этой далекой стране и к ее народу. В центре подобного интереса остается деятельность Петра I, о чем свидетельствуют написанные испанскими авторами апологии российского императора. По мнению маркиза де Сан-Фелипе и Мигеля Антонио Гандары, падре Бенито Херонимо Фейхоо и падре Мартина Сармьенто, личные качества и политическая деятельность Петра I снискали ему почетное место среди славных в истории государей¹⁷⁷. Распространялись и менее похвальные отзывы о его личных качествах, манерах и слабостях. Однако пороки царя считались простыми человеческими недостатками и не омрачали образ великого политического деятеля. Более того, они были простительны государю, «выросшему среди варваров, отступников от истинной веры, которые столько раз покушались на его жизнь»¹⁷⁸. Посмертный панегирик, которым Вильегас завершил свое повествование, свидетельствует о безграничном восхищении российским императором и об убежденности в том, что благодаря его деятельности Россия стала частью Европы¹⁷⁹.

Как уже указывалось выше, внимание к Российской империи и к ее государыне не угасает ни во время Войны за независимость североамериканских колоний, ни в первый период Французской революции. Так, 1786 год отмечен появлением трактата Хосе Аснейты «Перевороты в России», в котором рассказывалось о бурных событиях, ознаменовавших начало царствования Екатерины II. Автор опубликовал целый ряд документов, в том числе письмо Петра III об отречении от власти в пользу своей супруги и собственный манифест царицы о восшествии на престол. Аснейта закончил свое повествование скупым комментарием: «Так завершился сей памятный переворот, и достойно удивления, что он произошел менее чем в полчаса, без беспорядков и без кровопролития»¹⁸⁰.

¹⁷⁶ *Campo Raso J. de. Memorias políticas y militares...* P. 116–128.

¹⁷⁷ *Semanario erudito*, III. P. 270–275; XXIV. P. 72; XXI. P. 228; *Almacén de frutos literarios*. I. P. 137.

¹⁷⁸ *Villegas y Piñateli M. Historia de Moscovia...* Cap. XXIX.

¹⁷⁹ *Ibid.* P. 417.

¹⁸⁰ *Azneita J. Revoluciones de Rusia*. Madrid: Imp. de Andres de Sotos, 1786. P. 77.

* * *

В XVIII в. Россия постепенно превращается в необходимого участника европейского равновесия, с которым невозможно не считаться при заключении союзов и договоров. Незнакомая и далекая, она становится в Испании модной темой с самого начала столетия. В красочных рассказах о царях, покровителях наук и искусств, перенимавших европейские обычаи, и об их подданных, полу-«варварах», имевших мало сходства с жителями европейских государств, авторы намечали очертания не географических, а социокультурных границ. При этом размеры империи, «без сомнения, одной из самых больших европейских стран»¹⁸¹, и ее географическое разнообразие служили обоснованием и даже оправданием для действий царя-реформатора Петра I, который, не испросив на то разрешения, осмелился принять титул императора, ведь на самом деле его власть была «достойна изумления»¹⁸². Но даже в середине века, наряду с восхищением размерами территории России и обилием ее богатств, некоторые авторы (например, Гандара) подчеркивали грубость, дикость и невежество ее жителей¹⁸³. Внимание писателей неизменно привлекали огромная власть помещиков над крепостными и бедственное положение крестьян, «что живут, как рабы, на земле, которую они возделывают»¹⁸⁴. Однако авторы были склонны объяснять эти явления спецификой характера русского простонародья, поскольку «плебеи в Московии так любят неволю и настолько предпочитают рабство свободе, что сами себя продают российским помещикам, а когда их господин умирает и его слуги-москвиты оказываются на воле, те, непривычные к свободе, тут же продают себя другим хозяевам»¹⁸⁵. Любовь к рабству свойственна и русским женщинам, «судьба которых сходна с германскими»: «будучи дикого нрава и не имея прав и власти над мужьями, они живут лишь одним желанием служить своим супругам и ублажать их; они убеждены, что мужья тем больше их любят, чем суровее их наказывают и чем хуже с ними обращаются»¹⁸⁶.

Приверженность обычаям, характерным для нецивилизованных народов, породила моральное несовершенство русских. Вот почему в России власть имущим свойственна жестокость, простому народу — лживость, а постыдные привычки считаются нормой. И «безудержное пьянство в кабаках», и иные подобные излишества присущи не только низшим классам, но и знати, в том числе даже самому Петру I¹⁸⁷.

О полудиком состоянии жителей России свидетельствуют их предрассудки, любовь к пышным религиозным церемониям, иконопочитание,

¹⁸¹ *Mena M.A.* Estado general del Imperio ruso o moscovita. Madrid, 1736. 2 vols. Vol. I. P. 5.

¹⁸² *Villegas y Piñateli M.* Historia de Moscovia... Vol. I. Cap. XIV.

¹⁸³ *Gándara M.A.* Apuntes sobre el bien y el mal de España // Almacén de frutos literarios. Vol. I. P. 137.

¹⁸⁴ *Campo Raso J.* de Memorias políticas y militares... P. 418.

¹⁸⁵ *Mena M.A.* Estado general... T. I. P. 139.

¹⁸⁶ *Villegas y Piñateli M.* Historia de Moscovia... Vol. I. P. 35.

¹⁸⁷ *Mena M.A.* Estado general del Imperio ruso... Vol. I. P. 144.

одеяния «на армянский манер», странная мимика и жесты (так, выражая растерянность, они не поднимают брови, а качают головой). Их вкусы нелепы: здесь косоглазие считается красивым, а желтые зубы — признаком здоровья. Только в России можно быть невероятно богатым и при этом неграмотным, можно возвыситься с головокружительной быстротой и столь же стремительно пасть, что подтверждает история князя Меншикова. Только в России в обычае заговоры и интриги, только здесь по-прежнему всецело правит изменчивая фортуна¹⁸⁸.

В описаниях соперничества между «приверженцами старины» и защитниками иностранных обычаев, расколовшего русское придворное общество, обозначалось глубинное противоречие, выходявшее далеко за пределы политики. Становилась очевидной культурная двойственность России, свидетельствующая о неопределенности ее положения между Востоком и Западом. Тогда как характеристики других европейских народов сформировались в испанском сознании уже очень давно, представления о так называемом «национальном характере» громадной Российской империи складывались только в XVIII в. Но при этом использовались стереотипы «большой длительности»: русским свойственны меланхоличность и нежность, хвастовство и алчность, храбрость и неистовство. Все эти качества приписывались народу, переживающему процесс преобразований, чьи успехи уже признаются, но которому все еще не доверяют, потому что его все еще считают «иным». По мнению испанских авторов, благодаря доблести царей и небольшой части населения России географические пределы Европы расширились. Несомненно, однако, что внутренние пространства России все еще не воспринимались в Испании как Европа, которая в то время отождествляла себя с цивилизацией.

ТРИ ИСПАНСКИХ РУСОФИЛА КОНЦА XVIII ВЕКА

120

Новые культурные горизонты: Россия в литературе. Еще до установления российско-испанских политических и торговых отношений и до открытия в Мадриде русской дипломатической миссии в испанской общественной мысли уже сложилось восприятие России как иной культурной общности, с присущими ей языком, религией и своеобразными традициями, которая все же исторически связана с Европой¹⁸⁹. Во второй половине XVIII в. образ Московии, ее царей и завоеваний обрел свое место в представлениях испанской образованной элиты. Об интересе к этой далекой стране свидетельствовали всеобщие и специальные исторические труды, записки путешественников, драматургия, периодические издания. К русской теме привлекали внимание сочинения, предназначенные для широкой публики, — как переводы и переложения иностранных работ, так и труды испанских авторов.

¹⁸⁸ *Campo Raso J.* Memorias políticas y militares... P. 418.

¹⁸⁹ *Alekséev M.* Rusia y España. Una respuesta cultural. Madrid: Seminario S.A., 1975.

Таковы книги Мануэля Антонио де Мены, Мануэля Вильегаса-и-Пиньятели¹⁹⁰, очерки Кампо Расо¹⁹¹. Их основные идеи свел воедино бенедиктинец падре Бенито Херонимо Фейхоо во «Всеобщем критическом театре»: «После того как покойный царь Петр Алексеевич (*Pedro Alexowitz*) ввел в своих владениях науки и искусства, стало очевидно, что москвиты — такие же люди, как и мы. Разве невежественный народ смог бы создать обширнейшую империю и сумел бы сохранить ее столь долго? Завоевание требует большого мастерства, а сохранение, особенно перед лицом двух врагов, Турка и Перса, — еще большего умения»¹⁹².

Бенито Херонимо Фейхоо-и-Монтенегро

Более того, в письме XIX (из собрания «Ученые и любознательные письма») Фейхоо отстаивал превосходство Петра I над Людовиком XIV, чем вызвал критику современников. Между тем доводы автора были безупречны: оба государя обладали великими достоинствами и «немалыми пороками», но преимущество осталось за Петром I — он хотя и был жесток, но временами проявлял милосердие. Фейхоо был знаком с распространенными в Европе нелестными рассказами о российском императоре и о его слабостях. Но ученый бенедиктинец все же считал личные недостатки Петра I простительными, учитывая «полученное им порочное образование, ведь всем известно, сколь велико влияние образования на жизнь человека». Российского императора оправдывало и то, что он исповедовал ложную религию, «которая приводит в смятение представления о добродетели и тем самым — разумную жизнь». Ни один из этих двух аргументов не годился для Людовика XIV¹⁹³.

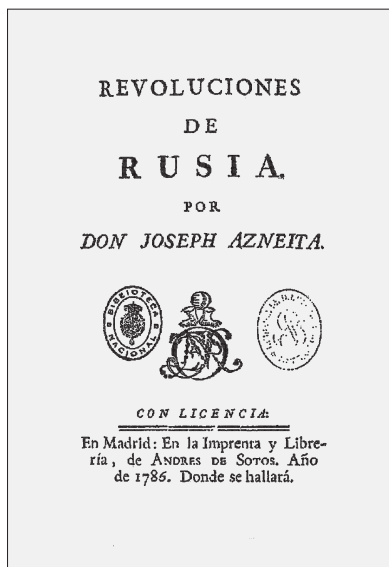
Во второй половине столетия интерес к Петру I сменился вниманием к Екатерине II. В 1786 г. Хосе Аснейта, публицист с претензиями писателя, опубликовал труд «Перевероты в России», в котором рассказал о вступлении российской императрицы на престол. Автор признавался, что несмотря

¹⁹⁰ *Mena M.A. Estado general...; Villegas y Piñateli M. de. Historia de Moscovia... Vol. I. P. I.*

¹⁹¹ *Campo Raso J. de. Memorias políticas y militares... Vol. III. 1756. P. 116–128. См. также главу «Образ России в Испании XVIII века».*

¹⁹² *Feijoo B.J. Teatro crítico universal. T. II, Discurso XV. Madrid: Joaquín Ibarra, 1728. P. 303–304.*

¹⁹³ *Feijoo B.J. Cartas eruditas y curiosas. Madrid: A. Perez de Soto, 1775. 3ª imp. Carta IX. P. 235–252.*

Хосе Аснейта. Перевороты в России, 1786 г. Титульный лист

на «тщательное исследование», многое в той давней истории осталось неизвестным¹⁹⁴. Повествование Аснейты началось с провозглашения царицы «государыней и самодержицей всероссийской» и отстранения от власти Петра III (манифест монарха прилагался). По мнению публициста, переворот объяснялся двумя причинами — предполагаемым обращением императора в лютеранство («он гнушался посещать русские церкви и пренебрегал греческой религией») и «недовольством военных из-за предпочтения, которое [царь] отдавал герцогу Голштейну»¹⁹⁵. Аснейта комментирует смерть Петра III от геморроидальной колики в полном соответствии со «Скорбным манифестом» императрицы: «Сие же в смерти его Божие определение принимали за Промысел Его Божественный, который Он судьбами Своими, неисповедимыми

Нам, Престолу нашему и всему Отечеству, строит путем, Его только святой воле известным»¹⁹⁶. Автор восхищается действиями Екатерины, которая «в манифестах, разосланных по всей стране, объявила дату коронации и тем самым сразу заявила о законности своей власти». В заключение Аснейта отметил, что «сей памятный переворот» произошел «без беспорядков и без кровопролития»¹⁹⁷.

122

Периодические издания знакомили читателей с событиями в Российской империи, сообщая о происходивших там реформах и о жизни русского двора. Иногда подобные сведения служили комментарием к политическим рассуждениям. Так, например, *El Censor*, критикуя абсолютную монархию в «Очерке XXXI», заявляет, что произвол государя более пагубен для королевской власти, нежели полномочия представительных органов. В качестве доказательства автор сравнивает политику Петра I и Екатерины II. Хотя Петр «приложил все усилия, чтобы выволить своих подданных из невежества и нищеты», «призвав знаменитейших ученых и художников и открыв двери для торговли», ему не удалось «достичь подлинного процветания» из-за «устройства власти» «по природе произвольной», что и погубило его «лучшие намерения и прекрасно разработанные планы». Напротив, «мудрая Екатерина стремится избавить свои народы от ига деспотизма,

¹⁹⁴ Azneita J. de. *Revoluciones de Rusia...* Prólogo.

¹⁹⁵ Ibid. P. 4, 10, 15.

¹⁹⁶ Ibid. P. 44.

¹⁹⁷ Ibid. P. 77.

пороки которого ей хорошо известны. Она принялась просвещать подданных, учредила [справедливые] суды, смягчила наказания за преступления и уже долгое время занимается великим проектом создания свода законов, который обеспечит благоденствие России»¹⁹⁸.

Герцог де Альмодовар, заинтересованный переводчик. Московия или Россия стала источником вдохновения для многих посетивших ее дипломатов, например, герцога де Лириа. К своему русскому опыту обратился в мемуарах и Педро Лухан Суарес де Гонгора, маркиз де Альмодовар (с 1780 г. герцог), полномочный министр Испании в Петербурге с 1761 по июль 1763 г. Впоследствии он служил послом в Лиссабоне и Лондоне, а вернувшись на родину, решил перевести на испанский язык «Философскую и политическую историю об учреждениях и торговле европейцев в обеих Индиях» Гийома Тома Рейналя. Предприятие оказалось интересным, но рискованным: труд Альмодовара был опубликован в 1770 г., однако через два года его осудила инквизиция (запрет был снят только в 1780 г.). Несмотря на преследования цензуры и внушительный объем (пять томов), последовало много переизданий, споры вокруг этого труда не утихали.

Альмодовар занимался переводом сочинения Рейналя и подготовкой его к изданию во время службы майордомом при Марианне-Виктории Португальской, супруге инфанта Габриэля. Автор подписал перевод анаграммой своего имени — Эдуардо Мало де Луке. В этом труде отразился не только его опыт дипломата и путешественника, но и интерес к истории: недаром Альмодовар был членом Академии истории, а в 1792 г. возглавил ее. Некоторые фрагменты текста он опустил, другие — отредактировал, а также расширил комментарии Рейналя, сделав их понятными для испанского читателя. Так, во второй том он добавил «Приложение», содержащее пространное описание английской «конституции» (на основе произведений Блэстоуна и де Лолма); в третий том он включил очерк о «политико-экономическом состоянии Франции» (на основе сочинений Неккера), а в четвертый том, опубликованный в 1788 г., — заметки о Пруссии времен Фридриха II и обширное рассуждение о России, основанное на литературе и его собственных наблюдениях.

По словам автора, «дела и успехи новорожденной Российской империи» все больше интересуют читающую публику, поэтому информация о ее современном состоянии весьма необходима¹⁹⁹. Альмодовар писал об истории, населении, экономике, торговле России, о состоянии ее армии и флота на 1761 г., а также о недавних географических открытиях — в общей сложности отведя этой теме 384 страницы и 14 глав, с VIII по XXII.

Он начал с рассказа об отношениях России с Китаем и приступил к описанию собственно России при Петре I только в IX главе: «Это обширное государство, превосходящее своей величиной всю Европу, которое играет

¹⁹⁸ *El Censor*. Discurso XXXI. P. 487–488.

¹⁹⁹ *Duque de Almodovar*. Historia política de los Establecimientos Ultramarinos de las Naciones Europeas. T. IV. Madrid: Antonio de Sancha, 1784–1790. Prólogo. P. IV–V.

Испанские дипломаты в России: маркиз де Альмодовар

Важным свидетельством развития дипломатических отношений между Россией и Испанией в середине XVIII в. стала миссия Педро Франсиско де Лухана-и-Суареса де Гонгоры, маркиза де Альмодовара. Посольство в Россию было первым дипломатическим поручением 34-летнего Альмодовара, потомка знатного и влиятельного рода. Согласно полученным инструкциям, ему следовало преодолеть разногласия, связанные с признанием за российскими государями императорского титула, а также установить и развивать прямые торговые отношения (отказавшись от посредничества англичан и голландцев). Особо ему было поручено собирать и передавать в Мадрид сведения об активности русских в северных районах Тихого океана, чтобы предотвратить их появление в непосредственной близости от расположенных там испанских владений.

Альмодовар прибыл в столицу Российской империи в середине 1761 г., в конце царствования Елизаветы Петровны. Он стал свидетелем кончины императрицы, восшествия на престол Петра III и государственного переворота, осуществленного его супругой Екатериной Алексеевной. В отчетах, посылавшихся в испанский Государственный Секретариат, маркиз подробно описал события 1762 г., в том числе коронацию Екатерины II.

Альмодовар находился при российском дворе около двух лет. Следуя указаниям из Мадрида, он должен был действовать в согласии с французским посланником в церемониале, и в политических стратегиях. Так, например, супруги обоих дипломатов отказались целовать руку Екатерине, тогда еще великой княгине, сославшись на то, что представители испанского и французского монархов не следуют этому обычаю. Затем последовали события в герцогстве Курляндском, когда Екатерина II восстановила на престо-

124

в ней столь значительную роль, что считается одной из великих держав и носит звание империи; оно оказывает огромное влияние на политику всех европейских правительств, дарует законы всем соседним народам, но в конце прошлого века оно было до такой степени неизвестно, что сопредельные правительства не ведали о том, что между ним и Китаем шли войны, происходили пограничные споры и развивалась торговля».

Альмодовар считает Петра I «выдающимся» государем, восхищается его страстью к путешествиям и утверждает, что российский император заслуживает «всяческого уважения и похвалы любого разумного человека»²⁰⁰. Петр, пишет он, отличался свободой в обращении и, в отличие от французского монарха, не любил церемоний, но «простым» был только его визит к прусскому королю, который также «был врагом церемоний и пышности»²⁰¹.

²⁰⁰ *Duque de Almodovar. Historia política...* Cap. IX. P. 158, 223.

²⁰¹ *Ibid.* P. 222.

ле Эрнеста Иоганна фон Бирона в ущерб правам саксонского герцога Карла, брата испанской королевы, супруги Карла III, что повлекло за собой протесты Мадрида. Это вызывало неудовольствие Екатерины II и заметно осложнило жизнь Альмодовара при дворе.

В 1763 г., сославшись на плохое здоровье жены, маркиз получил разрешение покинуть Россию и передал дела своему преемнику, виконту де ла Эррерия. Альмодовар был убежден, что главная польза, которую Испания может извлечь из отношений с Российской империей, состоит в развитии торговли. Он выступал за заключение прямого торгового договора между двумя странами и за достижение твердых соглашений в этой области, рассуждая так: «Не количество владений делает монарха могущественным, а твердость и надежность его обещаний».

Маркиз де Альмодовар

И все же Альмодовар преуменьшает заслуги Петра I и не уделяет должного внимания его реформам.

Однако автор касается тем, которые, по его мнению, интересуют испанскую публику, например изгнания иезуитов из России в 1718 г., причиной которого, с его точки зрения, была не религия, а «политическая опасность». В то же время он отмечает, что в Москве и Петербурге есть находящиеся под опекой капуцинов и францисканцев католические храмы, а также лютеранские и кальвинистские церкви. Однако терпимость не распространяется на иудеев, которые считаются «угрозой коммерции»²⁰².

Несмотря на восхищение царем, Альмодовар не обходит спорные темы, такие, например, как смерть наследника престола, замечая, что «нельзя судить о законах чужой страны по своим собственным». Царь обладал

²⁰² Ibid. P. 243. Ошибка Альмодовара — указ Петра I об изгнании иезуитов был издан в 1719 г. — *Прим. ред.* См. главу «Иезуиты между Испанией и Россией».

«трагическим правом осудить на смерть своего сына» за измену и объяснил это в объявлении, данном судьям. Его воля состояла в том, чтобы поступить как подобает государю, придать гласность своим действиям, будучи глубоко убежденным в их справедливости»²⁰³.

XIV главу Альмодовар посвятил рассказу о Петре III, с которым был лично знаком, — «государе кроткого нрава, добродетельном, щедром, приятном в обращении и всеми любимом», не лишенном странностей и склонном к политическим ошибкам²⁰⁴. В следующей главе он повествует о перевороте, свергнувшем императора с престола, и о приходе Екатерины II к власти, о ее первых политических актах, прилагая к своему тексту некоторые первые манифесты императрицы. Хотя для автора очевидна противоречивость личности императрицы, он хочет судить о Екатерине II только по ее действиям как правителя. Он пишет: «Ее честолюбие было полностью направлено на сложные и неустанные преобразования в своих владениях. Обширные завоевания и просвещение, свойственное нашему веку, способствовали приращению торговли. Она покровительствовала наукам и искусствам, поощряла предприимчивость, составила великолепные проекты для образовательных учреждений, бóльшая часть которых осуществилась»²⁰⁵.

Многое было сделано Екатериной II, чтобы идти в ногу с веком, но все же, пишет Альмодовар, следует признать, что «русские еще не отказались от своих бород, от своих безвкусных одежд, от варварских предрассудков и нелепых идей». «Вероятно, — продолжает он, — для того чтобы Россия процветала, понадобится еще не одно поколение, а то и столетие»²⁰⁶.

Россия на испанском горизонте: Луис Кастильо Эстевес. В конце XVIII в. к российской теме стали обращаться не только дипломаты и мемуаристы, но и рассчитывавшие на дипломатическую карьеру авторы разнообразных трактатов и научных сочинений. Одни из этих трудов утрачены, другие остались неизданными, но некоторые все же были опубликованы, иногда даже в виде учебных пособий. О России, и особенно о ее торговле, писали Фелипе де Амад, Хосе де Онис и Блас де Мендисабаль, служившие переводчиками в испанской миссии в Петербурге²⁰⁷. Обширный труд посвятил России и Луис Кастильо Эстевес, который с 1804 по 1823 г. являлся испанским консулом в Одессе, а начинал свою карьеру в российской столице переводчиком при посольстве Мануэля де Гальвесы. В 1796 г. он опубликовал сочинение под названием «Компендий хронологический и исторический и описание современного состояния Российской империи», задумав его как учебное пособие для тех, кто отправлялся в Россию по служебной или личной надобности. Луис Эстевес сосредоточился в основном на российской торговле: таким образом

²⁰³ *Duque de Almodovar. Historia política...* P. 238.

²⁰⁴ *Ibid.* P. 311.

²⁰⁵ *Ibid.* P. 370.

²⁰⁶ *Ibid.* P. 371.

²⁰⁷ *Schop Soler A.M. Un siglo...* P. 36–39; *Pradells J. Diplomacia y comercio. La expansión consular española.* Alicante: Ins. Juan Gil Albert, 1992. P. 500.

он стремился доказать, что его пребывание в России «было бесполезным для отечества», и посвятил свой труд Мануэлю Годюю²⁰⁸. В прологе автор указывал, что пробыл в России четыре года, что создал свою книгу, опираясь на сочинения русских и немецких авторов, и включил в нее историко-хронологический очерк и описание современного состояния страны «для умножения нашего знания и приращения торговли»²⁰⁹. Историческая часть начиналась с древнейших времен, с Руся, сына Иафета, и его союза со славянами. Кастильо рассказал о Чингисхане, татарском иге и о том, как Александр [Невский] и его наследники положили конец владычеству угнетателей-варваров. Именно эта победа пробудила интерес Европы к Русскому государству, что повлекло за собой появление в Москве первых европейских посольств. Первым российским царем был Иван IV, прозванный Грозным, он вошел в историю как государь, при котором началось завоевание Сибири, и таким образом его власть распространилась на земли величиной с весь европейский континент²¹⁰. В 1613 г. бояре избрали на царство Михаила Романова, потомки которого правят Россией и поныне. Среди всех правителей особое место занимает Петр I. Кастильо отзывается о его путешествиях как о настоящем процессе просвещения и подробно рассказывает о строительстве Петербурга. С его точки зрения, если Петр I и заслуживает упрека, то только за войну со Швецией, «разорительную и кровопролитную», но в целом Кастильо восхищается царем: «Этот государь единодушно признан самым великим российским монархом; слава его состоит не столько в том, что он расширил свои владения завоеванием Ливонии, Эстонии и Финляндии (это черта многих правителей), сколько в том, что он, как говорят многие, является настоящим создателем нации»²¹¹.

Вторая часть книги — «Современное состояние России» — содержит подробное описание территории, климата, сельского хозяйства страны во всем их разнообразии. Кастильо возражает тем, кто считает варварскими обычаи и нравы русского народа, и обращает внимание на свойственные русским неприхотливость, простоту, трудолюбие и приверженность каждого человека своему сословию²¹². Только закон о престолонаследии, подписанный Петром I в 1722 г., согласно которому монарх сам мог выбирать себе наследника, автор считает «в целом неблагоприятным»²¹³. Кастильо также рассуждает о дворянстве, о вооруженных силах и о торговле, подробно описывает Петербург, императорский двор, научные и просветительские учреждения²¹⁴. Хотя в книге не рассказывается о правлении Екатерины II, но автор часто

²⁰⁸ *Castillo L. del. Compendio cronológico de la historia y del estado actual del Imperio Ruso. Madrid: Imp. Aznar, 1796. P. 2.*

²⁰⁹ *Ibid. Prólogo.*

²¹⁰ *Ibid. P. 36–37.*

²¹¹ *Ibid. P. 46–47.*

²¹² *Ibid. P. 80–81.*

²¹³ *Ibid. P. 115.*

²¹⁴ *Ibid. P. 188–203.*

упоминает о ней как о зачинательнице реформ и покровительнице искусств, наук и словесности. Пусть, говорит Кастильо, Россия пока не достигла уровня развития других наций, «русские далеки от состояния дикости, в котором, по мнению многих авторов, они по-прежнему пребывают»²¹⁵.

Несостоявшийся путешественник: Педро Мариано Эстала Рибера. О России писал и Педро Мариано Эстала Рибера, монах ордена пиаристов, который во время Войны за независимость сложил с себя сан, признал короля Жозефа Бонапарта и умер в изгнании в 1815 г. Человек образованный, писатель и переводчик, знаток античности, критик и редактор периодических изданий (*El Imparcial, Gazeta política literaria*, 1809, и др.), он был одним из выдающихся интеллектуалов времен Карла IV²¹⁶. Особое место среди его произведений занимает перевод труда Жозефа де ля Порта *Le Voyageur françois*²¹⁷. Эстала ориентировался на испанского читателя и поэтому изменил оригинальное заглавие на «Универсальный путешественник, или Известия о мире в древности и в наши дни, извлеченные из трудов лучших путешественников» и опубликовал его в Мадриде в 1795–1801 гг. под именем D.P.E.P.²¹⁸

Он взял за основу французское издание, первые два тома которого вышли в свет в 1765–1767 гг. в Париже и были хорошо приняты читателями²¹⁹. Эстала хотел перевести весь текст на испанский язык, исправив некоторые ошибки, но в процессе работы изменил свои планы: «Увидев, как хорошо приняла публика мои труды, я рассудил, что мне должно представить сочинение более совершенное, поскольку я гораздо лучше образован, чем поверхностный автор “Французского путешественника”, и, начиная с 5-го тома, я оставил г-на Ля Порта»²²⁰. Эстала решил объединить записки многих путешественников и добавить к ним собственные «рассуждения, которые показались [...] уместными». В результате вышло в свет 39 томов текста и 4 тома приложений.

России был посвящен 29-й том, опубликованный в 1800 г. Он начинается с «Письма DXLV» [Эстала назвал главы своего труда «Письмами». — *Ped.*], в котором рассказывалось о российском флоте и торговле. По мнению Эсталы, флот развит еще недостаточно; а в том, что касается торговли, он отмечает снижение интереса к каталонским винам, поскольку появились запросы на ввоз вин из других регионов, которые пока плохо известны²²¹. Именно в связи с

²¹⁵ *Castillo L. del. Compendio cronológico...* P. 249–250.

²¹⁶ *Arenas Cruz M.E. Pedro Estala, vida y obra: una aportación a la teoría literaria del siglo XVIII español.* Madrid: CSIC, 2003; *Larriba E. El Imparcial y Gaceta política-literaria.* Madrid: Doce calles, 2010.

²¹⁷ *La Porte J. Le Voyageur françois ou la Connaissance de l’Ancien et le Nouveau Monde.* 28 vols. Paris: Moutard, 1765–1795.

²¹⁸ *El viajero universal o noticia del mundo antiguo y nuevo, obra recopilada de los mejores viajeros, traducida al castellano. Introducción y corregido el original e ilustrado con notas por don Pedro Estala.* 43 vols. Madrid, 1795–1801.

²¹⁹ *La Porte J. Le Voyageur françois ou la Connaissance de l’Ancien et le Nouveau Monde.* Paris: Chez Vincente, 1765–1767 y Cellot, 1768–1781.

²²⁰ *El viajero...* T. I. P. V.

²²¹ *Ibid.* T. XXIX. P. 15.

рассуждениями о флоте и торговле появляется первая похвала Екатерине II, «государыне, способной оценить самые дерзкие проекты и осуществить их любой ценой», которая все же боялась, что ее сын Павел не станет продолжать ее дело²²². Подобные рассуждения появляются и в «письмах», посвященным нравам и обычаям жителей Российской империи («Письмо DXLVI») или их характеру («Письмо DXLVII»). Русские, пишет он, неизобретательны, но способны к подражанию, поэтому важно просвещать их. Они сребролюбивы и, возможно под влиянием особенностей климата, любят крепкие напитки и тяжелую пищу. Российское общество динамично, и его противоречия бросаются в глаза, а население городов являет все разнообразие народов и языков. В результате «Россия напоминает простолюдина, который только что унаследовал значительное состояние и в мгновение ока желает походить на человека достойного и обучается повадкам знати»²²³. Они ищут образцы для подражания и многое перенимают у европейцев, которые этим пользуются, и всегда критикуют то, что им непривычно. Эстала возражает тем, кто считает русский театр не столь изысканным, как французский: он расточает похвалы русским актерам и вкусам публики за любовь к комедиям, за то, что в русских пьесах всегда есть «деревенские празднества» и простые народные песни, которые, по его мнению, «более приятны», чем итальянские арии²²⁴. Он опровергает лживые утверждения путешественников (выдающие только их неосведомленность) о том, что русским женщинам нравится, когда их бьют мужа, а про обычай оставлять роженицам деньги пишет, что он уже вышел из городского обихода²²⁵.

В «Письме DLVIII» Эстала описывает состояние наук и утверждает, что их восстановление, начатое Петром I, было недолгим. Однако Екатерина II снова возродила науки, создав Академию, покровительствуя научным исследованиям и экспедициям даже в условиях «войн и других великих своих предприятий»²²⁶. В ее царствование упрочились связи с европейскими научными учреждениями, и там обучались многие талантливые русские, возможно, из-за плохого состояния российских университетов, которых реформы так и не коснулись. Поэтому указ Павла I, запрещающий выезд за границу для получения образования, вызывает озабоченность автора²²⁷.

Опираясь на косвенные источники (поскольку сам он в России никогда не был), Эстала описывает роскошные коллекции произведений искусства, богатые библиотечные собрания, величественные дворцы знати, опасаясь при этом, что все приложенные к просвещению России усилия окажутся бесполезными, и указывает на возможность регресса. Его вывод таков: «Главный недостаток всех предприятий русских, который препятствует их благополучному завершению, состоит в том, что великие реформаторы заблуждаются,

²²² Ibid. P. 23.

²²³ Ibid. P. 55.

²²⁴ Ibid. P. 57–58.

²²⁵ Ibid. P. 67, 68.

²²⁶ Ibid. P. 72–74.

²²⁷ *El viajero...* T. XXIX. P. 76.

желая привить народу рабов любовь к наукам и искусствам, каковые суть дети разума и свободы. Начинать реформы надо было с превращения русских в людей, с освобождения их от печального рабства, с приобщения к цивилизации многочисленного низшего класса через учреждение начальных школ. Такова прочная основа всех остальных преобразований»²²⁸.

Ля Порт и Эстала описывают не только Петербург и Москву, но и более отдаленные области империи: Сибирь, Астрахань и земли, населенные казаками. Эстала критически и одновременно восторженно относится к усилиям, приложенным Петром I и Екатериной II для преодоления их отсталости. Однако в современной ситуации, когда Европа погрузилась во всеобщую войну, стоит опасаться того, «что погибнут все великолепные армии, которые создала Екатерина II, что иссякнут все ресурсы империи, что замедлится движение русских по пути цивилизации, одним словом — что Россия вернется в допетровские времена, а все, что создал это великий император и его наследники, будет разрушено»²²⁹.

* * *

Россия уже в начале XVIII в. возбуждает любопытство и восхищение испанцев и постепенно превращается в необходимого участника европейской политики, поддержка которого необходима при заключении союзов и договоров. Но в то же время Россия оказалась страной возможностей для испанцев, которые там обосновались, таких как Агустин де Бетанкур или Хосе де Рибас²³⁰, и для растущего числа коммерсантов, таких как Коломби, которые впоследствии станут там консулами²³¹. Испанская русофилия? Почему бы и нет.

Многие авторы, писавшие о России, искренне восхищались этой далекой страной, хотя и признавали многие ее недостатки, отставание от Европы и «отсутствие цивилизации». Только в этом обширном государстве можно было принять участие в заговорах и интригах и считаться невиновным, и более того — снискать похвалу самых просвещенных умов, как то произошло с самой императрицей. Все там виделось громадным, полным контрастов, а изменчивая фортуна раздавала и удачу, и несчастье, как нигде в мире. В Испании, как и в других европейских государствах, на основе всех этих идей сформировались представления об особенностях «русского национального характера» — соединении меланхолии и живости, хвастовства и жадности, доблести и неистовства, свойственных народу, переживающему

²²⁸ *El viajero...* Т. XXIX. P. 88–89.

²²⁹ *Ibid.* P. 381.

²³⁰ *Rumeu de Armas A.* El ilustrado Agustín de Betancourt // *Anuarios de historia atlántica.* 1985. № 31. P. 315–342; О де Рибасе см: *Bagno V.* Rusia y España: la frontera común. Granada: Publicaciones de la Universidad, 2017. См. также главы «Испанцы на русской службе: Хосе де Рибас» и «Испанцы на русской службе: Агустин де Бетанкур».

²³¹ *López-Cordón Cortezo M.V.* Intereses económicos e intereses políticos durante la guerra de la Independencia: las relaciones hispano-rusa // *Cuadernos de historia moderna y contemporánea.* 1996. No. 7. P. 85–106. См. также главу «Торговые связи: между Балтикой и Средиземноморьем».

процесс преобразований. Все это происходит в период между XVIII и XIX вв., когда формы репрезентации «инога» также изменялись, что и отразили в своих повествованиях о России три испанских автора: Альмодовар, Кастильо и Эстала.

ОБРАЗ ИСПАНИИ В РОССИИ XVIII ВЕКА

Благодаря культурным преобразованиям, начатым Петром I, «Гишпания» стала еще одной европейской державой, которая была включена в русские ментальные карты. Разрозненная информация о далекой стране, не всегда достоверная и непредвзятая, поступала из разных источников: донесений дипломатов, рассказов путешественников, научной литературы. Самые разнообразные сведения обобщались в стереотипные представления, которые стали основой русского образа Испании.

Несмотря на очевидную заинтересованность политических элит, дипломатические связи между двумя государствами не отличались стабильностью. В то время, когда отношения России с Германией, Англией, Голландией и Францией крепили и развивались, во внешнеполитической стратегии российских правителей Испания оставалась на втором плане. Слабость прямых политических контактов и торговых связей сказалась на содержании и качестве русских представлений о стране, расположенной на другом «конце Европы». Образ Испании в России во многом формировался на основе сочинений, переведенных с европейских языков, и в результате русские смотрели на испанцев как бы сквозь чужие очки и усваивали суждения об Испании, распространенные в иноземной литературе. Проводниками русских читателей в испанский мир стали германские, французские и английские авторы, произведения которых русская читающая публика осваивала и в переводах, и в оригинале.

Сведения об Испании можно было почерпнуть из иностранных переводных научных трудов универсального содержания, которые включали и «землеописания», и исторические экскурсы, и рассуждения о государственном устройстве, о политическом состоянии европейских держав и о нравах их жителей. Самыми авторитетными считались работы Иоганна Гюбнера (1719), Самуила Пуффендорфа (1718, 1767) и Антона Фридриха Бюшинга (раздел «Испания» на русском языке был опубликован в 1775 г.)²³². На русском языке были доступны исторические сочинения Уильяма Робертсона о Карле V (1775–1778), Жака Огюста де Ту о французских и испанских королях (1789) и Иоганна Готфрида Рейхеля о европейских государях (1789). Испанская тематика переплеталась с американской и была представлена в трудах Робертсона, де ля Порты, Боссю и, наконец, Рейналя.

²³² Гибнер И. Земноводного круга краткое описание из старья и новья географии. М., 1719. С. 29–30; Пуффендорф С. Самуила Пуффендорфа введение в историю знатнейших европейских государств с замечаниями и политическими рассуждениями. СПб.: Имп. Академия наук, 1767; Испания. Из Бишинговой географии. СПб.: Имп. Академия наук, 1775.

В 1770-е гг. появились первые переводы исторических сочинений испанских авторов — «История Испании» Хуана де Марианы и труды об истории Новой Испании Антонио Солиса и Франсиско Клавихеро²³³.

Кругозор русской публики, связанный с испанскими темами, не ограничивался только сведениями, полученными из переводной литературы. Образованные дворяне, особенно близкие ко двору, читали сочинения на иностранных языках, среди которых к середине XVIII в. доминировал французский. Русская аристократия, дипломаты, политики, а позже и университетские деятели были хорошо знакомы с трактовками испанских сюжетов во французской словесности XVII и XVIII вв., начиная от драм Пьера Корнеля и сочинений мадам д'Ольнуа до произведений Шарля де Монтескье и Вольтера. В целом в России образ Испании (включая ее владения в Новом Свете), ее истории и культуры отличался от представлений образованного европейца только объемом, но не содержанием.

Информация о современном состоянии Испании публиковалась в периодических изданиях, например в «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостях» и приложениях к ним, таких как «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» (впоследствии «Ежемесячные сочинения») или «Праздное время». Газеты печатали текущие политические новости (сведения о международных соглашениях, придворную хронику), краткие политические заметки. Читатель мог осведомиться о заключении испано-португальского трактата о границах 1750 г., о браках испанских инфант, о том, что «гишпанский король и поныне чинит всевозможные приготовления к исправлению внутреннего состояния в королевстве»²³⁴. Печатались и испанские «любопытные известия»: о том, как некий «Карлос Галуп, родом из Каталонии, [...] тащил нарочитое расстояние бот с людьми», или о «дочери маркиза Монтиалегра», которая «произведена в университете Алькальском магистром и доктором философии и свободных наук»²³⁵. Объем сведений об Испании по сравнению с новостями из Англии и Франции был невелик; по большей части в русской периодике перепечатывались заметки из английских, французских, голландских газет и воспроизводилась соответствующая трактовка событий. Например, борьба с английской контрабандной торговлей в Новом Свете, которой занимались испанские колониальные власти, была представлена как морской разбой — вполне «в английском духе»²³⁶. Испанскую тему не обходили стороны и альманахи,

²³³ См. о них: *Алексеев М.А.* Очерки... С. 42–43; *Калугина Е.О.* Черная легенда об Испании в культуре екатерининской эпохи // Из века Екатерины Великой: путешествия и путешественники. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2007. С. 208–222; *Шур Л.А.* Испанская и Португальская Америка в русской печати XVIII — первой четверти XIX в. // Латинская Америка в прошлом и настоящем. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 341–350.

²³⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 02.01.1751. № 1. С. 4.

²³⁵ Московские ведомости. 02.11.1767, 02.08.1785 // Россия и Запад: горизонты взаимопонимания. Литературные источники последней трети XVIII века. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 738, 762.

²³⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 23.02.1753. № 16. С. 120.

Карта Испании в русском «Атласе, сочиненном к пользе юношества». 1737

«к пользе и увеселению служащие», и там она была представлена в переводных сочинениях о Новом Свете²³⁷, в трактатах о коммерции и в разного рода «нравоучительных рассуждениях»²³⁸.

Научная литература, доступная русским читателям в течение всего XVIII в., описывала политику и экономику Испании по состоянию на конец XVII — начало XVIII в., а исторические повествования доводились до 1730-х гг., до итальянских демаршей первых Бурбонов. Ключевыми историческими сюжетами были правление Католических королей с неперменными акцентами на введении инквизиции и открытии Нового Света и эпоха испанских Габсбургов, главными героями которой были Карл V и Филипп II. Необходимый в «штудиях» XVIII в. дидактический пафос проявлялся в рассуждениях о трагической судьбе империи, «где никогда солнце не

²³⁷ Шур Л.А. Испанская и Португальская Америка... С. 342–348.

²³⁸ О прибытках и убытках коммерции в Англии и Франции // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. СПб.: Имп. Академия наук, 1755. С. 99–126; Оксеншерн. Нравоучительные рассуждения графа Оксеншерна // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб.: Имп. Академия наук, 1760. С. 383, 557.

заходит», о ее пути от величия к краху — к неминуемому итогу пагубного честолюбия государей и религиозного фанатизма. В качестве доказательств красочно описывались экономический кризис и демографические проблемы Испании — упадок сельского хозяйства и торговли (последствия изгнания морисков), нерациональное использование «американских сокровищ» и «пустыньность».

Таким образом, в русских представлениях об Испании утвердилась «черная легенда» — комплекс негативных представлений об Испании и испанцах, сложившийся в европейской публицистике в XVI–XVII вв. Родиной «черной легенды» считаются Италия и Нидерланды, те регионы Европы, где антииспанские настроения достигли ко второй половине XVI в. своего апогея. Эти труды носили ярко выраженный полемический характер и вобрали все оттенки эмоциональной реакции современников на такие значительные события, как итальянские и религиозные войны, восстание в Нидерландах, грандиозное покорение Нового Света, то есть на те, в которых главным действующим лицом была Испания Карла V и трех Филиппов. Цель публицистов заключалась в дискредитации государства, претендовавшего на власть в широчайших географических масштабах. Система ценностей, на которой была основана «первоначальная» «черная легенда» XVI–XVII вв., в XVIII в. изменилась под влиянием идей Просвещения. Произведения Шарля де Монтескье («Персидские письма», «О духе законов»), Франсуа Вольтера («Опыт о нравах и духе народов»), Энциклопедия Дидро и д'Аламбера, касаясь испанского материала, описывали бедную страну, в которой правят фанатичные священники, а инквизиция подавляет всякое проявление инакомыслия. Из-за тирании духовенства хозяйство и особенно торговля, находится в упадке, а науки и искусства не развиваются. К 1780-м гг. в европейской просветительской литературе Испания превратилась в зримое, современное воплощение антипросветительских идеалов.

Все политические, экономические, культурные изъяны Испании, по мнению приверженцев «черной легенды», воплотились в характере испанцев. В их сочинениях напыщенные, гордые, жестокие испанцы превратились в неспособных к созиданию завоевателей-фанатиков. Разрушительные для экономики Испании последствия «революции цен» приписывали свойственной испанцам лени. Просветительский миф об испанском национальном характере обобщал и упрощал сложный комплекс сведений об Испании, что способствовало его распространению и в Европе, и в России²³⁹.

Испанская тема возникает в русской публицистике XVIII в. в контекстах, заданных европейской традицией «черной легенды». Так, рассуждая о единстве человеческой природы, публицист Александр Бестужев обращается к испанским примерам: «Два гишпанца не имеют сходства меж собою, но во всей нации заметишь важность, угрюмость, суеверие, нерадивость к

²³⁹ Юрчик Е. Э. «Черная легенда» в испанской просветительской литературе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2011. Т. 2. Вып. 8. — <http://history.jes.su/s207987840000246-9-1> (дата обращения 29.08.2017); La sombra de la leyenda negra. M.J. Villaverde Rico, F. Castilla Urbano (Dirs.). Madrid: Tecnos, 2016. P. 59–70.

трусам»²⁴⁰. У философа и просветителя Николая Новикова лень — источник невежества, а следовательно, всех общественных пороков — воплощается в испанце: «Просвещать разум науками и искусствами нужно, но лень препятствует. Словом, я сделался вечным невольником презрения достойной лени и могу в оной сравняться с наиленивейшими гишпанцами»²⁴¹. «Гишпания, уснувшая на золотых своих рудах», появляется в размышлениях о нерациональном использовании богатств, о благах коммерции²⁴². И разумеется, инквизиция упоминается в рассуждениях о средствах «общественного воспитания». «Когда общество развращено, врачевания, прилагаемые к распутству народа, учиняются источником пушего развращения. Цензура, определенная для надзирания над нравами, претворяется тогда в страшную инквизицию», — пишет Бестужев и в сноске поясняет: «Гишпания»²⁴³. Для писателя Александра Радищева Священный трибунал — крайнее проявление стремления власти контролировать свободу мысли²⁴⁴. Благодаря знакомству читающей публики с «Дон Кихотом» в описаниях испанского характера появилась склонность к «извращенному воображению», заблуждениям и предрассудкам. В июле 1760 г. редактор «Ежемесячных сочинений», комментируя рассказ о том, что близ Кадиса руины ветряных мельниц местные жители считают Геркулесовыми столбами, заметил: «В такой земле, где ветряные мельницы почитаются за Геркулесовы столбы, может испорченная воображительная сила претворить их и в исполинов»²⁴⁵.

В сочинениях русских авторов встречаются и отклонения от «черной легенды». Наряду с религиозным фанатизмом и порочной праздностью образ Испании включал в себя и представления о географических просторах и колониальной экзотике. Красноречиво сравнение, использованное философом Иваном Ертвым в трактате о «естественных законах происхождения вселенной»: «Планеты плавают по эфиру, [...] как гишпанские галеоны из Акапулько по течению Тихого океана, плывущие в Манилу за восточно-индийскими товарами»²⁴⁶.

В зависимости от культурной ситуации в России испанский материал мог обрести неожиданную трактовку. К середине 1780-х гг. критическое отношение к галломании, свойственное русским образованным кругам,

²⁴⁰ Бестужев А.Ф. О воспитании (1798) // Общественно-политическая мысль в России XVIII в. Т. 2. Philosophia moralis. М.: РОССПЭН, 2010. С. 505.

²⁴¹ Новиков Н.И. Трутень. Месяц май. 1769 г. // Избр. соч. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. С. 3.

²⁴² Фонвизин Д.И. Торгующее дворянство, противоположенное дворянству военному // Собр. соч.: В 2 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. С. 166.

²⁴³ Бестужев А.Ф. О воспитании... С. 507.

²⁴⁴ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб.: Наука, 1992. С. 30–31.

²⁴⁵ История о географии // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие... С. 469.

²⁴⁶ Ертв И.Д. Начертание естественных законов происхождения вселенной (1798) // Общественно-политическая мысль в России XVIII в. Т. 1. Philosophia rationalis. М.: РОССПЭН, 2010. С. 636.

благодаря вмешательству правительства приобрело политический характер: увлечение французской литературой, включая ее переводы на русский язык, вызывало подозрения в религиозном неблагочестии и политической неблагонадежности. В 1785 г. начались гонения на Новикова; издания его типографии были описаны и находились на рассмотрении у московского архиепископа Платона. Через год, в 1786-м, у партнеров Новикова, Ридигера и Клаудия, была напечатана брошюра под названием «Чем мы одолжены Гишпани?» — перевод работы пьемонтского аббата Карло Денины, выполненный с французского языка офицером лейб-гвардии Конного полка Михаилом Вышеславцевым²⁴⁷. Денина критиковал статью Никола Массона «Испания» в Методической Энциклопедии (1782), в которой содержались все основные сюжеты просветительского варианта «черной легенды». Полемизируя с Массоном, он доказывал, что Испания и в прошлом участвовала в создании просвещенной европейской цивилизации, и в настоящем занимает в ней достойное место благодаря реформам своих государей и их министров. Традиционные представления о неспособности испанцев к прогрессу были поставлены под сомнение, и русский читатель (из переложения Вышеславцева) узнал, что «Гишпания начала приходить в надлежащее свое состояние, после того как она увидела королей, в недре своем рожденных, и видит управляющих делами министров, коих выгоды не могут не быть соединенными с народными и общественными выгодами»²⁴⁸. История и культура Испании были представлены русскому читателю в оптимистической трактовке, а испанская тема стала поводом для размышлений о Просвещении и прогрессе. Статья Массона и работа Денины стали ярким событием в общественной и культурной жизни Испании 1780-х гг., породив полемику об исторических судьбах страны, о перспективах реформ испанской просвещенной монархии²⁴⁹. Московские издатели и Вышеславцев, избрав для перевода брошюру «Чем мы одолжены Гишпани?», реагировали на явления русской жизни, но, вероятно сами того не подозревая, отожделись и на испанские реалии.

136

В течение XVIII в. в сознании большей части русской образованной публики образ Испании был «книжным», а потому оставался статичным, ведь новой информации о стране было мало, и распространялась она медленно. Живые впечатления были привилегией немногих русских, имевших возможность соприкоснуться с испанской действительностью, — путешественников и дипломатов. В их записках и депешах «литературные» представления об Испании сосуществовали и соперничали с непосредственными наблюдениями. Отношение к стереотипам зависело и от состояния

²⁴⁷ Чем мы одолжены Гишпани? Речь, читанная в Берлинской академии в публичном собрании 26 января 1786 года в день королевского тезоименитства. Сочинена аббатом Денином. Переведена с французского Михайло Вышеславцевым. М.: Ридигер и Клаудий, 1786.

²⁴⁸ Там же. С. 36.

²⁴⁹ Юрчик Е.Э. «Черная легенда»...

российско-испанских отношений, и от личной позиции очевидца²⁵⁰.

В 1759 г., со вступлением на испанский престол Карла III, были начаты переговоры о возобновлении дипломатических связей. Через год в путешествие по Пиренейскому полуострову отправился 18-летний Александр Романович Воронцов. Юный аристократ выполнял поручение своего дяди, канцлера Михаила Илларионовича Воронцова, нуждавшегося в непредвзятых сведениях (полученных «искусным и неприметным образом») о политическом, военном и экономическом состоянии Испании, «о всем том, что к полезному знанию и любопытству служить может»²⁵¹. Отец путешественника, Роман Илларионович Воронцов, прибавил к этому свои пожелания, проникнутые искренней любознательностью: «Уведомь, справедливо ли говорят о гишпанцах, что оных гордость так далеко простирается, что и крестьяне землю пашут, имея при себе красные епанчи и шпаги»²⁵².

Несмотря на «незнание языка и короткое житие», дипломатический агент достойно выполнил поручение и сумел отстраниться от «неласкательных» «печатных описаний» и «объявлений вояжиров» об Испании. «Записка» Воронцова, представленная на высочайшее рассмотрение, содержала обстоятельную информацию о государственной администрации, торговле, армии, включала характеристики короля, влиятельных придворных и министров. Его отзывы об испанском характере противоречили распространенным в России представлениям. Молодой Воронцов сдержанно, но доброжелательно отзывался о «храбрости и твердости» испанской нации, которая хотя и «весьма самолюбива», но «к милости склоннее других»²⁵³.

«Мифы» об Испании сохранились и в сознании дипломатов. Отто Магнус Штакельберг, российский посланник в Мадриде, знакомый с Дени Дидро, Клодом Адрианом Гельвецием и Оноре Мирабо, воспринимал

Граф Александр Романович Воронцов

²⁵⁰ *Волосюк О.В.* Образы и мифы в русско-испанских дипломатических отношениях конца XVII — первой четверти XIX века // *Испания и Россия: исторические судьбы...* С. 121–122.

²⁵¹ Архив князя Воронцова. Т. 31. М.: Университет. тип., 1885. С. 100.

²⁵² Там же. С. 41.

²⁵³ *Воронцов А.Р.* Записка об Испании // *Россия и Запад: горизонты взаимопонимания (1725–1762)*. Вып. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 457, 462.

Испанию в духе французской литературы и смотрел на нее глазами своих кумиров. В его отчетах тонкие наблюдения и оценки политической жизни сочетаются с уничижительными описаниями страны, выдающими предвзятость дипломата: «Гишпания ничто иное есть, как большая пухлая громада, не имея искусных людей и надежды, совсем одолжала». В соответствии с «черной легендой» Штакельберг утверждает, что «в этой стране нет ни сельского хозяйства, ни промышленности, не развиты местная торговля и внутренний рынок в целом. Здесь землю не орошают реки, не построены каналы, а основные дороги не заслуживают, чтобы их так называли. Мадрид расположен в пустыне». Испания по вине инквизиции продолжает прозябать в невежестве и «находится как в медицине, так в философии [...] в XVI в.», потому что Священный трибунал «есть непреодолимое препятствие к успеху наук»²⁵⁴. Штакельберг старался быть объективным и сообщал о признаках перемен — о начавшихся административных и налоговых реформах и даже об уменьшении влияния инквизиции²⁵⁵. Однако общий тон его донесений выдавал характер автора — человека честолюбивого, прагматичного и циничного.

Степан Зиновьев, сменивший Штакельберга на посту российского посланника в Мадриде, был полной противоположностью своего предшественника. Прослужив в Испании двадцать лет «с толикою похвалою», дипломат сумел составить самостоятельное и доброжелательное представление о стране, опровергающее, по его словам, «странные и лживые описания». Образ Испании в его отчетах складывается не только из знания столичной и придворной жизни, но и из впечатлений от путешествий по стране. Зиновьев описывает государство, которое «выискивает способы на искоренение многого злоупотребления и к просвещению невежества», активные экономические, административные, культурные преобразования. С большим воодушевлением рассказывает он о реформе колониальной торговли, благодаря которой «справедливо надеяться должно великаго произращения комерции через короткое время». Взаимоотношения королевской власти и церкви, традиционная «испанская тема», описаны в депешах Зиновьева как политическая проблема. С одной стороны, испанское государство добилось роспуска ордена иезуитов, упрочило контроль над церковью, а с другой — в Испании по-прежнему сохраняется влияние инквизиции. Эхо «черной легенды» возникает у Зиновьева только в сравнениях прошлого и настоящего Испании: современные недостатки он склонен объяснять историческими традициями, «следствием многих непрерывных и развратных правлений»²⁵⁶.

Образ Испании, созданный дипломатами, при всех его противоречиях, был более детальным и менее статичным, нежели представления, бытовавшие в русской литературе и публицистике. Отклоняющиеся от стереотипов

²⁵⁴ *Волосюк О.В.* Внешняя политика Испании... С. 272, 303, 304.

²⁵⁵ Там же. С. 427.

²⁵⁶ Там же. С. 426, 436, 428–429.

сведения распространялись в элитарной придворной среде и в Коллегии иностранных дел²⁵⁷. Но даже в этом кругу отсутствие привычных штампов в описании Испании воспринималось с недоверием, а то и с иронией. Еще Воронцов заметил сыну: «По сие время не случалось слышать о них такой похвалы, какой ты им приписываешь»²⁵⁸. По свидетельству современника, Зиновьев был настолько «полон впечатлениями о стране, которую покинул, что [при дворе] превратился в объект шуток и насмешек»²⁵⁹.

В течение всего XVIII в. в русском сознании доминировали трафаретные представления об Испании, заимствованные из европейских сочинений. И все же переводчики и публицисты, разрабатывая испанскую тему, стремились расширить страноведческий и культурный кругозор своих соотечественников. В полном соответствии с «духом века» они просвещали читателей, используя испанские сюжеты для рассуждений о природе человека, о связи между нравственностью и политикой, об истинном благочестии, о свободомыслии, о «богатстве народов» и, наконец, о пагубности «порочного воспитания» и об общественном вреде предрассудков. Общие знания об Испании, доступные русской читающей публике в XVIII в., были в целом фрагментарными — ситуация изменится в эпоху Наполеоновских войн, в период активного непосредственного взаимодействия двух народов.

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ XVIII ВЕКА

Проникновению в Россию сведений об испанской художественной литературе и появлению переводов содействовало установление и развитие дипломатических отношений с Испанией и с иными европейскими государствами. К печатным источникам, в которых в первой половине XVIII в. упоминается Испания, относятся переводные космографии и учебники²⁶⁰; «Гишпанцы» являлись также персонажами многих рукописных повестей, например, «Гистория о гишпанском шляхтиче Долторне», «История Альфонза Арагонского и Евлалии», «История о королевиче Цылдоне италийском и о баронской дочери Цыцылии гишпанской» и др. и пьес «Шутовская комедия», «Действие в персонах о короле Гишпанском». Такие условно «испанские» произведения лишены национальной специфики, их герои могли бы быть родом из любой другой страны. Первое в русской литературе упоминание о «Дон Кихоте» зафиксировано в комментарии к переводной книге «Рассуждения о оказательствах к миру» (1720). Из литераторов этого времени испанским языком владел Антиох Кантемир: в его парижской библиотеке довольно много книг испанских авторов и книг об Испании, в том числе и на испанском языке.

²⁵⁷ Волосюк О.В. Образы и мифы... С. 124.

²⁵⁸ Архив князя Воронцова... С. 42.

²⁵⁹ Волосюк О.В. Образы и мифы... С. 124.

²⁶⁰ См. главу «Образ Испании в России XVIII века».

Еще с XVII в. в России был известен политический трактат Диего Сааведры Фахардо *Idea de un príncipe político-cristiano*. Немецкие и латинские его издания, богато иллюстрированные гравюрами, находились во многих частных библиотеках, а в конце XVII в. появился русский перевод с немецкого. Около 1710 г. книгу Фахардо по указанию Петра I перевел Феофан Прокопович, она должна была послужить пособием при воспитании царевича Алексея, но напечатан перевод не был. В предисловии содержится анализ художественных достоинств книги Фахардо: это первый в русской литературе критический этюд об испанском писателе. Фахардо, согласно Феофану, «быстр и пространен во учении политическом», однако «самый творца книги сея вид слова и образ писания [...] трудный, необычный, темный, не что тонкий, стропотный [т.е. неровный и лукавый] и нескороразумительный». Феофану кажется странным, что Фахардо «не обычные употребляет наречия», пользуется частыми и неясными аллегориями²⁶¹. Феофан стремился «темность и стропотность прогнати во преведении на славенский язык книжицы сея»²⁶². В 1774 г. в Петербурге был опубликован перевод другого европейски известного сочинения Фахардо *La república literaria*, выполненный с немецкого языка М. Матинским: «Республика ученых, или Аллегорическое и критическое описание художеств и наук, сочиненное дон Диегом Саведром Фаярдом, кавалером ордена св. Иакова».

В 1702–1706 гг. в Москве действовал публичный театр, труппа И. Кунста — О. Фюрста, в репертуаре которого значились две пьесы испанского происхождения: «Тюрьмовой заключник, или Принц Пикельгяринг», опосредованно восходящая к комедии Кальдерона *El alcaide de sí mismo*, и «Дон Педро, почитанной шляхта, и Амарилис, дочь его» (сохранилось только одно действие), основанная на комедии Тирсо де Молины *El burlador de Sevilla y convidado de piedra*. На русский язык оба текста были переведены с немецкого, а на немецкий — с французской и итальянской переделок, поэтому ни имена авторов, ни своеобразие оригиналов до русских зрителей не дошли. «Принц Пикельгяринг» был также в репертуаре театра царевны Натальи Алексеевны в 1707–1711 гг.²⁶³

В 1731 г. труппа итальянца Томмазо Ристори поставила в Москве несколько комедий, в том числе *Le festin de Pierre* и *La dame démon et la servante diable* — сохранились лишь названия, без указания имен авторов, однако очевидно, что первая пьеса восходит к «Севильскому озорнику» Тирсо, вторая — к *La dama duende* Кальдерона. В 1735 г. в репертуаре другой итальянской труппы, игравшей в Петербурге под руководством Карло Антонио Бертинацци, было две пьесы, опосредованно восходящие к комедиям Лопе де Веги: «Честное убожество Ренода древнего кавалера Гальского во время

²⁶¹ Алексеев М.П. Русская культура и романский мир. Л.: Наука, 1985. С. 32–33.

²⁶² Николаев С.И. О стилистической позиции русских переводчиков петровской эпохи (к постановке вопроса) // XVIII век. Сб. 15. Л.: Наука, 1986. С. 119.

²⁶³ Weiner J. Mantillas en Moscovia. El teatro del Siglo de Oro español en la Rusia de los zares (1672–1917). Barcelona: PPU, 1988. P. 20.

Карла Великого» с оригинала *Las pobreza de Reynaldos* и «Наивысшая слава государю чтоб побеждать самого себя» (*La mayor virtud de un Rey*)²⁶⁴.

В 1734 г. был переведен и вскоре опубликован сборник афоризмов и наставлений Грасиана *Oráculo manual y Arte de la prudencia* под названием «Балтазара Грациана Придворной человек...» (1741 и 1760, пер. С. Волчкова). Сложное для перевода и понимания название было изменено уже во французском переводе-посреднике, выполненном А.-Н. Амело де ла Уссэ (*Homme de cour*). В конце века был издан еще один труд Грасиана — трактат *El Héroe*: «Ирой Валтазара Грациана, с критическими, историческими и нравоучительными примечаниями г. Кубервиля» (1792, пер. Я. Трусова).

Интересный феномен русской культуры представляет собой увлечение образованных представителей третьего сословия, главным образом старообрядцев, идеями мальоркинского философа-мистика и богослова Раймунда Люллия (1232–1316), начавшееся в конце XVII в. и продолжавшееся в XVIII в. «Люллианские книги» ценились русскими книжниками в основном благодаря форме изложения и могли служить пособием по риторике или оригинальным учебником философии, представлявшим универсальный и легкодоступный метод усвоения всех наук. Ни одна из этих книг в XVIII в. напечатана не была²⁶⁵.

Со второй половины XVIII в. особую роль в посредничестве между испанской и русской литературами играет литература французская. В моду входит «испано-мавританский» галантно-героический роман, появляются жанровые определения «гишпанский роман», «гишпанская повесть», «гишпанская новость». Приведем лишь несколько примеров: «Заида, гишпанская повесть» г-жи де Лафайет (1765, указан автор Г. Дезегре; пер. с нем. 1785), «Любовь без успеха, или Инеса Кордуанская» г-жи К. Бернар (1764), новеллы г-жи де Гомец (1764, 1765–1768, 1791), роман Жана Пьера Флориана «Гонзаль в Кордуанский» (1783, пер. Н. Осипова; 1793, пер. Г. Шиповского). В обоих изданиях приводится также «историческое сокращение» Флориана о гишпанских маврах, его же пересказ гранадской легенды о Селестине (1788, 1789). К этому ряду примыкает и «Горестная любовь маркиза де Толедо. Переведена с гишпансаго на российский язык Федором Эмином» (1764), собственное сочинение самого Эмина²⁶⁶.

Наряду с большим числом псевдоиспанских повестей на русском языке появлялись и произведения испанских авторов: роман Х. де Контрераса «Дон Луцман», новеллы М. де Сайяс-и-Сотомайор, М. Алемана, К. Солорсано, Х. Переса де Монтальваны, выходившие как отдельными изданиями, так и в виде вставных новелл, без указания на испанские первоисточники, и, очевидно, воспринимавшиеся как псевдоиспанские²⁶⁷.

²⁶⁴ Ferrazzi M. *Commedie e comici dell'arte italiani alla corte russa (1731–1738)*. Roma: Bulzoni, 2000. P. 118–119, 143–145.

²⁶⁵ Подробнее см. главу «Русское люллианство как феномен культуры».

²⁶⁶ См.: Алексеев М.П. *Русская культура...* С. 57–58, 89–90.

²⁶⁷ Рак В.Д. *Испанские и псевдоиспанские повести в русских переводах XVIII века // Материалы научно-методической конференции кафедры иностранных языков. Л.: [б. и.], 1968. С. 76–81.*

«Дон Кихот» в переводе И.А. Тейльса. 1769.
Титульный лист

142

лан с французского шеститомного перевода Фийо де Сен-Мартена (1-е изд. 1678), выполненный И. Тейльсом. Русский текст обрывается на главе XXVII. В 1791 г. в Петербурге вышел в свет второй русский перевод, сделанный Н. Осиповым по сокращенному французскому переводу-переработке 1746 г.: «Неслыханный чудодей, или Необычайная и удивительнейшая подвиги и приключения храброго и знаменитого странствующаго рыцаря Дон Кишота»; позднее этот перевод был переиздан в Москве, где вышел в 1812 г. под названием «Дон Кишот Ла Манхский».

В конце XVIII в. «Дон Кихот» прочно вошел в русский литературный обиход: нередко упоминания о героях Сервантеса в журналах; в 1782 г. перевод романа К.-М. Виланда был озаглавлен «Новый Дон Кишот, или Чудные похождения Дона Сильвио де Розальвы»; неоднократно и в разных контекстах сопоставлял себя с Дон Кихотом Карамзин; появились неологизмы «донкишотствовать» и «донкишотство»²⁶⁸. Санчо Панса был известен своей привычкой изъясняться пословицами, а также как справедливый и мудрый правитель из народа; этот образ повлиял на творчество В.А. Левшина.

Кроме «Дон Кихота», в XVIII в. в России издавались и другие произведения Сервантеса. По времени публикации первое из них — одна из «Назидательных новелл», а именно *Las dos doncellas*: «Две любовницы.

Большой известностью пользовались произведения Сервантеса. «Дон Кихот» еще до выхода в свет на русском языке был знаком российским читателям по французским и немецким переводам. О нем упоминает Василий Тредиаковский в «Разговоре между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи», (1747) Александр Сумароков в «Письме о чтении романов» (1759) относит роман Сервантеса к малому числу «достойных» произведений этого жанра. Михаил Ломоносов был знаком с «Дон Кихотом» по немецкому изданию, приобретенному им в 1761 г.

Впервые «Дон Кихот» был напечатан по-русски в Петербурге в 1769 г. под названием «История о славном Ла-Манхском рыцаре Дон Кишоте» (т. 1–2). Перевод был сде-

²⁶⁸ См. главу «Русское донкишотство как культурный феномен».

Испанская повесть Мих. Сервантеса Сааведры, авктора [sic!] «Дон Кишота» (1763, 1769). Упоминание «Дон Кишота» на титульном листе свидетельствует о достаточной известности этого романа, в то время еще не переведенного на русский язык. Выходили также отдельными изданиями и в журналах: *La fuerza de la sangre* (1764, 1794), *El celoso extremeño* (1781), *La Gitanilla* (1795), отрывки из «Дон Кихота» (1779 — перевод новеллы, добавленной Фийо де Сен-Мартеном, 1781), две вставные новеллы из романа *Los trabajos de Persiles y Sigismunda* (1781), роман *Galatea* — в отрывках и полностью, по переводу-переделке Флориана (1790, 1795, 1796, 1800). Несколько раз, отдельным текстом в «Санкт-Петербургском Меркурии» (1793. Ч. II) и в качестве введения к «Галатее» издавались флориановы «Жизнь Серванта» и «О сочинениях Серванта»²⁶⁹. Были опубликованы и стихотворные переводы поэтических фрагментов в «Прекрасной цыганке» (переводчик не установлен), в «Дон Кихоте» у Н. Осипова, в «Галатее» у А. Ханенко (1796, 1799) и А. Кандорского (1800); в других случаях стихи либо опускались, либо пересказывались прозой.

Драматические произведения Сервантеса в XVIII в. не переводились, но переработки и подражания «Дон Кихоту» находили свое воплощение на русской сцене. В 1765 г. в Петербурге была представлена пьеса Ф. Детуша «Безстыдно-любопытный», опубликована в Москве в 1788 г. — переделка вставной новеллы из романа; в 1785 и 1787 гг. в Москве ставилась комическая опера «Санхо Панса губернатором в острове Баратарии» (текст А. Пуансине, пер. В. Левшина). Отдельные черты Дон Кихота присущи и заглавному герою комической оперы Екатерины II «Горбогатырь Косометович» (1789), которую несколько раз ставили на придворной сцене.

Популярностью пользовался и испанский плутовский роман. Первый образец этого жанра, *La vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades*, издавался четырежды в переводе с французского В. Вороблевского (1777, 1792, 1794). Существует и более ранний рукописный перевод (1766). Переводились переделки и собственные плутовские романы на испанскую тему А.Р. Лесажа: *Le diable boiteux* (1763, 1774–1775, 1791), *Les aventures de Guzman d'Alfarache* (1787), *Gil Blas de Santillane* (1754; 9 переизданий в 1761–1822 гг.), *Le bachelier de Salamanque* (1763, 1784), *Estebanille Gonzalès* (1765–1766). В 1796 г. были напечатаны «Странные приключения Дмитрия Магушкина, Российского дворянина, описанные им самим на испанском языке, с коего переведены на немецкий, а с сего на русский» — немецкое сочинение в подражание испанским плутовским романам²⁷⁰.

Об испанской поэзии и драматургии сведений было мало. Третьяковский в «Эпистоле от российской поэзии к Аполлину» (1735) и Сумароков в «Эпистоле II» (1747) упоминают Лопе де Вега (в форме «Лоп») в

²⁶⁹ Умикян А.Д. Ранние русские переводы Сервантеса (1763–1831) // Сервантес: Статьи и материалы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1948. С. 214–239.

²⁷⁰ Алексеев М. П. Русская культура... С. 61–62.

числе прославленных европейских стихотворцев. В «Примечаниях» к «Эпистоле» Сумароков дает такое пояснение: «Лоп — славный испанский комик. Умер августа 24 дня в 1635 году на 72 века своего. Был кавалер Малтийского ордена. Сочинил триста комедий».

Эти же сведения о Лопе де Вега приводятся в разделе «Стихотворство Гишпанское» статьи С.Г. Домашнева «О стихотворстве» в журнале «Полезное увеселение» (май–июнь 1762). Из других испанских поэтов в этой статье назван лишь «Дон Алонзо д'Ерцилла [А. де Эрсилья-и-Суньига], творец Епической поэмы Араукана». В целом испанская поэзия характеризуется так: «В Гишпании стихотворство никогда не процветало и не было в почтении. Пустая пышность и один звук слов занимают у них место истинной приятности. Оно было туда введено арапами после того как Муска, полководец Сирского Калифы, покорил сие королевство. [...] Гишпанцы упражнялись более в драматическом стихотворстве, но никогда в том не успели: их лучшие трагедии очень схожи на романы». Замечания о «пышном и метафорическом слоге испанцев», об их «высокопарных речах» есть в переводах глав из *Essai sur la poésie épique* Вольтера (1762), выполненных в 1763 и 1781 гг.

Карамзин создал первый в русской литературе перевод испанского народного романа под названием «Граф Гваринос, древняя гишпанская историческая песня» (1789, опубл. 1792) с немецкого стихотворного перевода Ф. Бертуха. В европейской литературе конца XVIII в. пора увлечения испанскими романами еще не наступила, «Граф Гваринос» — один из ранних переводов этого жанра. Еще один испанский перевод Карамзина, выполненный с немецкого, — «Мысли Антония Переца, гишпанскаго писателя» — был опубликован в «Пантеоне иностранной словесности» в 1798 г. Он же является автором «испанской повести» «Сиерра-Морена» («Аглая», 1795), источником для которой послужил «рассказ сицилийца» из романа Шиллера «Духовидец»²⁷¹.

В журнале «Утренние часы» (октябрь, декабрь 1788) были опубликованы четыре басни Томаса Ириарте (оригинал — 1782), переведенные П. Озеровым с французского языка²⁷². В 1792 г. в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований» появилась статья Ф. Арно «О гишпанском театре», взятая из *Variétés littéraires* (1770) и содержащая некоторые сведения, в основном анекдотического характера, об особенностях испанской драматургии: «В драматических авторах Гишпанского народа более всего удивляет нас чрезвычайная некоторых плодовитость». Так, «Лопец Вега» написал 1800 комедий, причем сочинять ему их было не сложно, так как чаще всего, как это принято у испанцев, он придавал форму пьесы уже существующему литературному материалу. Автору статьи кажется необычным, «что в Гишпанских комедиях самые важные сцены перемешаны с шутками. [...]

²⁷¹ Вацуро В.Э. «Сиерра-Морена» Н.М. Карамзина и литературная традиция // XVIII век. Сб. 21. СПб.: Наука. С. 327–336.

²⁷² Корконосенко К.С. О четырех ранних переводах басни Томаса де Ириарте «El Pato y la Serpiente» // Русская литература. 2016. № 4. С. 41–45.

Но еще и более того удивительнее в Гишпанском театре беспрестанное превращение в шутку важнейших вещей» — например, пародирование церковных текстов и даже насмешки над инквизицией. Основную часть статьи составляют пересказ и обширные цитаты из пьесы Лопе де Веги «Бенавидцы» (*Los Benavides*) и Агустина Морето *El valiente justiciero y Ricohombre Alcalá*. В статье название пьесы не приводится, о Морето сказано, что он — «из славнейших в Испании». Другие драматурги в статье не упомянуты.

Перу Екатерины II принадлежит рукописный отрывок «вольного переложения» комедии Кальдерона *El escondido y la tapada*, выполненный ею с французского и озаглавленный «Чулан». В 1790–1791 гг. в Петербурге игралась пьеса «Домовой» (1780, 1783), опубликованная без указания имен автора и переводчика), — еще одна переработка комедии Кальдерона *La dama duende*²⁷³. При этом имя Кальдерона имело в России некоторую известность. Впервые он упомянут в переводе из Вольтера («О эпическом стихотворстве», 1781). В 1794 г. Петр Чаадаев приписал перу Кальдерона свою сатирическую комедию, изобличавшую злоупотребления чиновника Петра Прокудина: «Калдерон де ла Барка. Дон Педро Прокодуранте, или Наказанной бездельник». Прокудин через посредников скупил и уничтожил большую часть тиража²⁷⁴. С французской переделки С. Ленге была переведена и представлена на московской сцене пьеса Хуана де Матос-Фрагосо *El sabio en su retiro y el villano en su rincón* («Сельской мудрец», 1790).

Читали в России XVIII в. и труды испанских гуманистов эпохи Возрождения — правда, не всегда зная имена авторов. Так, в 1759–1764 гг. под разными названиями в журналах было опубликовано 17 извлечений из трактата Антонио де Гевары *El Relox de Príncipes y el libro aureo de Marco Aurelio* в переводе с латыни. Почти все они выполнены московскими студентами. В.Д. Рак высказывает предположение, что в Московском университете латинский перевод сочинения Гевары использовался в качестве учебного пособия и печатные переводы выросли из наиболее удачных учебных упражнений²⁷⁵. В 1786 г. в Петербурге и в 1789 г. в Москве на материале этих переводов отдельными изданиями были опубликованы два сборника — без указания имен переводчиков и автора. Полный перевод трактата Гевары был выполнен, тоже с латыни, А. Львовым под названием «Золотые часы государей, по образу жития Марка Аврелия Севера [...] от Антония Гевара епископа Аквитанского, бывшего при Карле V императоре проповедником,

²⁷³ Христенко И.С. «Дама-невидимка» Кальдерона и другие «домовые духи» в России XVIII века // XVIII век. Сб. 23. СПб.: Наука, 2004. С. 273–292.

²⁷⁴ Петров А.Ф. Забытая комедия XVIII века и ее автор (П.Я. Чаадаев. «Дон Педро Прокодуранте») // Литературные связи и проблема влияния. Горький: Изд-во ГГУ, 1980. С. 91–96; Лапто-Данилевский К.Ю. Комедия «Дон Педро Прокодуранте» и ее автор // Основание национального театра и судьбы русской драматургии. СПб.: С.-Петербургский научный центр РАН, 2006. С. 119–131.

²⁷⁵ Рак В.Д. «Часы правителей» в русских переводах XVIII в. // Сервантесовские чтения. Л.: Наука, 1985. С. 15–19.

советником и историком составленныя» (1773–1780, 2-е изд. 1781–1782). Трижды издавался трактат другого испанского гуманиста, Хуана Луиса Вивеса, *Introducción a la sabiduría* под названием «Еразма Ротердамского Молодым детям наука... и Иоанна Лудовика Руководство к мудрости» (1788) и «Путеводитель к премудрости. Сочинение Лудовика Вивеса» (1768) также в переводе с латыни.

В целом в XVIII в. русские читатели только начинали знакомиться с испанской литературой и, шире, с испанской культурой. Единственной книгой, действительно укоренившейся в российском культурном обиходе, стал «Дон Кихот». В XIX в. ситуация кардинально изменится: русско-испанские литературные связи приобретут характерную для новой эпохи непосредственность и многомерность.

РУССКОЕ ЛЮЛЛИАНСТВО КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Имя Раймунда Люллия, или Луллия, или Рамона Льюля, великого майоркинца, поэта, философа и теолога, замечательного представителя западноевропейского Средневековья в конце XVII — начале XVIII в. в России знали достаточно хорошо. Знали не только московские книжники, но и крестьяне-старообрядцы: люллианские сочинения переписывали и изучали, на идеи Люллия опирались в религиозной полемике. Ясно, что подобный феномен культуры, уникальность которого общепризнана, объясняется не праздным любопытством, а какими-то глубинными причинами, заслуживающими внимания. Строя свои экуменические планы, он надеялся обратить в истинную веру всех язычников и заблудших, в том числе православных, опираясь на доводы и аргументы своей философии²⁷⁶. Люллий упоминает *rosos* (*russos*, *rosogs*, *rossos*) в таких своих книгах, как «Воспитание юношества»²⁷⁷ и «Спор веры и разума»²⁷⁸. Пророчество сбылось спустя четыре века.

Творчество Раймунда Люллия достигло границ России с большим запозданием в сравнении с другими европейскими странами. Однако и в конце XVII в. посредниками оказались иностранцы: поляки, немцы, украинцы, белорусы. До сих пор в домах староверов можно обнаружить рукописи «Великой и предивной науки кабалистичной великого Богом преосвященного Раймунда Люллия в Сарбоне Парижской академии философии и богословия и прочих наук славноименитого учителя, Майорикския академии в царстве гишпанском заводчика, первоначальника, воздвижителя и нового учения, до его в прочих академиях непредлагаемого, творца и уставителя». В различных архивах Москвы, Петербурга, Киева и Твери хранятся, по

²⁷⁶ *Misser Vallés S.* Ramón Lull y las iglesias orientales disidentes // *Estudios franciscanos*. 1961. Vol. 62. No. 310. P. 50–51.

²⁷⁷ *Llull R.* *Doctrina pueril*. Barcelona: Barcino, 1972. P. 166.

²⁷⁸ *Llull R.* *Disputatio fidei et intellectus*. Т. 4. *Moguntiae*, 1729. P. 6.

Майоркианское древо из «Великой науки» Раймунда Люллия. Фрагмент рукописи

меньшей мере, пятьдесят пять списков этого сочинения — свидетельство поразительной судьбы люллианских идей в столь далекой стране.

Еще в XIX в. русскими учеными было доказано, что «Великая наука» не является переводом какого-либо конкретного произведения Раймунда Люллия. Не является она и переводом какого-либо из известных западно-европейских комментариев к *Ars Magna*, долгое время имевших широкое хождение по всей Европе: сочинений Агриппы Неттестеймского, Джордано Бруно, Иоганна Генриха Алыптеда, Педро Санчеса, А. Кирхера и многих других «толковников», как именует их автор «Великой науки», неоднократно ссылаясь на их авторитет или же полемизируя с ними. В самом тексте «Великой науки» немало доказательств оригинальности этого сочинения и его русского происхождения. Достаточно красноречиво, например, следующее заявление автора: «О сей фигуре [...] мнози убо от толковников его своя пределения несогласныя ученью его положиша со обличением один другого; которых аз ниже мирити, ниже укоряти хощу, но что в них мудрое, и науце Раймунда Люллия согласное, от многих толковников избравши, предложу».

«Великая наука» представляет собой оригинальное сочинение Яна Белобоцкого, обрусевшего поляка, писателя, переводчика, философа и религиозного реформатора конца XVII — начала XVIII в. Известно, что он учился в иезуитских и протестантских школах, 1665–1679 гг. провел в Западной Европе, изучая там философию и теологию, затем оказался в Вальядолиде. О своем пребывании в Испании он сам пишет в «Риторике»: «Не верил бых тому, аще бы в Гишпании будучи, в Академии Валисолютинской на италианском языке в Риме напечатованной о том посольстве книги не видал»²⁷⁹. Преследуемый иезуитами как кальвинист и ересиарх, Ян Белобоцкий вынужден был в 1681 г. из Смоленска перебраться в Москву. Приняв православие, получив при крещении имя Андрей и поступив на «государеву службу», он продолжал участвовать в религиозных диспутах, вновь был обвинен в ереси и снова вынужден был оправдываться и опасаться репрессий. Судя по всему, он избежал трагической участи Квирина Кульмана благодаря заступничеству своих могущественных учеников, будущих сподвижников Петра I, которым он давал уроки латыни. В то же время вполне вероятно, что не по доброй воле, а спасаясь от преследований, он пять лет (1686–1691) провел в Китае переводчиком при русской дипломатической миссии. Совершенно очевидно, что Андрей Белобоцкий, католиками обвиняемый в кальвинизме, а православными — в католицизме, славянский эрудит, знавший латынь, итальянский, испанский, французский, неутомимый путешественник, а точнее, скиталец, побывавший не только во многих европейских странах, но также в Сибири и в Китае, литератор, обладавший глубокими познаниями в философии и теологии, автор многочисленных трактатов, поэм

²⁷⁹ Цит. по: Горфункель А.Х. Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII — начала XVIII в. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 18. Л.: Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 1962. С. 196.

и переводов, был как нельзя лучше подготовлен к миссии популяризатора учения Раймунда Люллия. Видимо, именно благодаря этому обрусевшему шляхтичу, пантеисту, космополиту и эрудиту, не раз обвиненному в ереси, отстаивавшему в своих трудах идею религиозной толерантности, в культуре России в канун Петровских реформ возникло столь яркое и неоднозначное явление, как русское люллианство.

Перу Белобоцкого принадлежат также «Краткая наука», представляющая собой достаточно точный перевод *Ars brevis* Люллия, и два оригинальных сочинения, проникнутых люллианским духом: «Риторика Раймунда Люллия» и «Книга философская сложенная философом Андреем Христофоровичем». Согласно гипотезе Горфункеля, «Великая наука» была написана Белобоцким в 1698–1699 гг. В 1725 г. основатель и мерный настоятель Выговского старообрядческого общежития Андрей Денисов создал ее сокращенный вариант — «Краткую науку». Популярность люллианской премудрости среди староверов является ключевой для понимания феномена русского люллианства.

Кроме «Великой науки» Белобоцкого, ее сокращения, выполненного Андреем Денисовым, и «Краткой науки», переведенной Белобоцким, староверы активно осваивали «Риторику», также принадлежавшую перу Белобоцкого. Под разными названиями известно девять списков этого сочинения. Установлено, что выговцы активно использовали ее, равно как и другие люллианские сочинения, для обучения логике, риторике и философии. Подтверждение тому встречается в предисловии к поморскому списку «Грамматики» и «Риторики» Феофана Прокоповича: «Аще же из синтаксиса поступит кто в риторику, то может и той с начетом прочих книг добре риторствовать, присовокупя к сему Раймундову философию или метафизику». Вскоре появились и оригинальные русские сочинения, прежде всего проповеди, составленные по люллианским моделям, с ориентацией на люллианское красноречие и с использованием люллианских категорий. Таковым, например, является «Рассуждение о предивном величестве природы человека», сочиненное Семеном, братом Андрея Денисова.

Первостепенный интерес представляют сведения о русских переписчиках, читателях и владельцах люллианских книг. В высшей степени любопытны и заметки на полях рукописей. Ряды русского люллианства в XVIII в. пополнялись прежде всего «третьим сословием». Все известные владельцы «Великой науки» принадлежали к демократическим слоям населения. Это были купцы, крестьяне, ремесленники, одинаково жадные до знаний, хотя и неодинаково подготовленные, и одаренные для овладения люллианской «машиной истины», требующей абстрактного мышления, доверия и усидчивости.

Русское люллианство принадлежит той же эпохе, что и реформы Петра I. Несмотря на огромную популярность произведений, принадлежащих к русскому люллианству, ни одно из них не было опубликовано. «Великая наука» казалась смешной и ненаучной почитателям естественных наук, приверженцам прагматической цивилизации. Однако, несмотря на это пренебрежение и как бы в противовес магистральным тенденциям, русское

люллианство продолжало свое существование, пусть полулегально, в рукописных версиях, но по-своему отвечая потребностям эпохи. Заслуживает также внимания следующее обобщение, принадлежащее Хулио Каро Барохе: «В первой половине XVIII в. многое из того, что в XVII в. имело сугубо камерное звучание, становится общим достоянием»²⁸⁰. Поводом для этого наблюдения послужила судьба «Великой науки», созданной «одиноким мыслителем» в конце XVII в., в старообрядческой среде Русского Севера в XVIII в.

Важен и миссионерский характер учения Раймунда Люллия — философа-проповедника, родившегося за несколько лет до падения Киевской Руси и стремившегося к созданию метода, с помощью которого удастся обратить в истинную веру всех еретиков и неверных. Характер, весьма близкий староверам в их идейном противостоянии никонианцам. Непоследнюю роль сыграл и максимализм Раймунда Люллия, его одержимость и неприимиримость, сочетание в его доктрине мистических и мессианских идей, что также нашло отклик среди старообрядцев. «Искусство» — *Ars* — майоркинского мыслителя, строящееся на синтезе логики и природы, привлекло внимание русских купцов и крестьян XVIII в., людей одновременно истово верующих и прагматичных.

²⁸⁰ *Caro Baroja J.* Teatro popular y magia // Revista de Occidente. Julio 1974. P. 46.

И ИСПАНСКАЯ МОНАРХИЯ И РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В XIX ВЕКЕ

РОССИЯ И ИСПАНИЯ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН

Экспансия наполеоновской Франции дестабилизировала систему международных отношений, погрузила Европу в период долгих войн и побудила великие державы к пересмотру внешнеполитических ориентиров и к преодолению старых конфликтов. Так, Россия и Испания, вступившие в XIX в. в состояние войны, очень скоро обнаружили обоюдное стремление к заключению мира. Инициатором переговоров выступил император Александр I, избравший главной линией своего международного курса «установление мира, настолько прочного, насколько это возможно»¹. В октябре 1801 г. в результате искусных дипломатических маневров российского посла во Франции Аркадия Моркова были подписаны мирные договоры с Испанией и с Францией. Российско-испанские отношения были восстановлены, а вторая антифранцузская коалиция фактически перестала существовать. В 1802 г., после заключения Амьенского мира между Францией и Англией, в Европе наступило кратковременное затишье.

Урегулирование взаимных претензий (по поводу выборов нового Великого магистра Мальтийского ордена без участия России и суверенитета Мальты) открывало возможности для сотрудничества России и Испании в противостоянии французской угрозе. В 1803 г., в обстановке англо-французского конфликта вокруг Мальты, обе державы попытались

¹ Россия и Европа. Эпоха Наполеоновских войн / Ред. В.И. Уколова. М.: Р. Валент, 2012. С. 61; *Волосюк О.В.* Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1802–1804) // Российские дипломаты в Испании... С. 89.

Александр I

придерживаться нейтралитета. Испанское правительство под руководством Мануэля Годоя испытывало сильнейшее давление Франции и искало союза с «северными державами». Россия была заинтересована в союзе и, со своей стороны, предлагала заключить договор о вооруженном нейтралитете с участием Пруссии и Австрии. Однако Наполеону удалось разрушить сложившийся было альянс: он в ультимативном тоне потребовал от Годоя согласия на предоставление Франции субсидий на ведение войны, в противном случае угрожая немедленным нападением. Испанское правительство было вынуждено уступить².

Если Испания склонялась к союзу с Францией, то Россия, напротив, двигалась к войне с только что образовавшейся империей. К весне 1805 г. позиции сторон, казалось, определились: Испания воевала с Англией на стороне Франции, а Россия вместе с Англией, Австрией,

152 Неаполитанским королевством и Швецией вступила в антифранцузскую коалицию. Однако, учитывая, что испано-французские отношения «всегда были принужденными»³, Александр I не оставлял надежды склонить Испанию к сотрудничеству и к заключению мира с Англией. Петербург попытался предложить Лондону и Мадриду свое посредничество в разрешении конфликта, развивавшегося в связи с проблемой возврата захваченных англичанами в 1804 г. испанских кораблей. Кабинет Уильяма Питта, вопреки ожиданиям, отказался от сотрудничества с испанским правительством⁴.

² *Волосюк О.В.* Испания и Россия в первой трети XIX в. // История Испании. Т. II: От войны за испанское наследство до начала XXI в. / О.В. Волосюк, М.А. Липкин, Е.Э. Юрчик (отв. ред.). М.: Индрик, 2014. С. 274.

³ Россия и Испания. Документы и материалы 1667–1917. Т. 2. 1800–1917. М.: Памятники исторической мысли, 1997. С. 14.

⁴ *Юрчик Е.Э.* Григорий Александрович Строганов (1805–1810) // Российские дипломаты в Испании... С. 101.

Тем временем военное положение России и Испании трагически изменилось: в битве при Трафальгаре погиб испанский флот, а русско-австрийская армия потерпела поражение при Аустерлице. Российское правительство не смогло добиться от Франции приемлемых условий мира и решило организовать новую антинаполеоновскую коалицию, а Годой хоть и был готов избавиться от обременительного союза с империей, но опасался открытого конфликта с грозным соседом.

В такой обстановке в 1806 г. Петербург снова попытался вовлечь Мадрид в антифранцузский альянс. Годой, втайне от Наполеона, охотно откликнулся на это приглашение и предложил создать союз трех держав — России, Англии и Испании. Его проект предусматривал даже династический брак между инфантом Франсиско и сестрой Александра I, великой княжной Анной Павловной. Но план провалился из-за позиции Англии, которая требовала от Мадрида объявления войны Франции, но отказывалась вернуть Испании завоеванный к тому времени Буэнос-Айрес и захваченные корабли. Годой сразу же взял свои предложения назад; Испания оказалась не в состоянии выбрать ни друга, ни врага и так и осталась «печальной союзницей» империи⁵.

В 1806–1807 гг. натиску Франции стала уступать и Россия: после поражения под Фридрихсдорфом Александру I пришлось заключить Тильзитский мир, и российский император из соперника Наполеона стал его союзником. Альянс между двумя крупнейшими державами Европы был воспринят при мадридском дворе настороженно: Годой опасался, что при поддержке России Наполеон отстранит от власти испанских Бурбонов (подобно тому как он уже лишил короны Бурбонов неаполитанских), и напрасно российский посланник Григорий Александрович Строганов убеждал его в обратном. Основа для российско-испанского сближения была утрачена⁶.

Во второй половине 1807 г. Испания вступила в смутную и трагическую эпоху своей истории: начался династический кризис, который в мае 1808 г. завершился французской оккупацией и утратой государственного суверенитета. В Байонне Карл IV и Фердинанд VII

Григорий Строганов

⁵ Волосюк О.В. Испания и Россия в первой трети XIX в. ... С. 276.

⁶ Додолев М.А. Россия и Испания 1808–1823. Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М.: Наука, 1984. С. 23.

отреклись от престола в пользу Наполеона, провозгласившего королем Испании своего брата Жозефа. В Испании началась Война за независимость, которой было суждено длиться долгих шесть лет.

Россия, связанная условиями Тильзитского, а затем и Эрфуртского договоров, была вынуждена признать Жозефа (Хосе) I Бонапарта испанским королем. Однако в самой Испании это решение не было предано гласности. Строганов, переживший в Мадриде и март 1808 г., когда Карл IV отрекся от власти в пользу инфанта Фердинанда, и восстание 2 мая, когда испанцы сражались с французами на столичных улицах, и воцарение новоявленного короля Жозефа, и его бегство в приближении испанских патриотических сил, занял выжидательную позицию. В изменчивой обстановке освободительной войны Строганов предпочел скрыть присланные ему верительные грамоты на имя французского государя из династии Бонапартов. Когда Жозеф был в Мадриде, российский посланник еще не успел получить эти документы, а когда француз отбыл из столицы, вручать только что полученные грамоты было уже некому. Решение не уезжать из Мадрида вслед за Жозефом оказалось крайне важным: таким образом, российский дипломат «сохранял лицо», не возбуждая подозрений французов. Строганов не демонстрировал явной поддержки и Центральной Правительственной Хунте, управлявшей Испанией от имени «пленного» короля Фердинанда VII. Тем не менее посланник поддерживал ровные отношения с ее президентом, опытным политиком графом де Флоридабланкой, и первым государственным секретарем, Педро Севальсом. Строганов приложил все усилия к тому, чтобы его действия не были истолкованы в Испании как поддержка Россией одной из противоборствующих сторон. Патриоты не могли обвинить его в сотрудничестве с оккупантами, а французы — в союзе с Правительственной Хунтой. Однако дипломат понимал, что рано или поздно надо будет сделать выбор. Развитие освободительной войны заставило его сомневаться в том, что французам удастся быстро установить в Испании свою власть, — и Строганов предпочел самоустраниться, чтобы обеспечить своему правительству свободу маневра; по его словам, чтобы «не противоречить действиям, которые его двор мог бы предпринять в данных обстоятельствах»⁷. Воспользовавшись удобным случаем, в ноябре 1808 г. он на свой страх и риск уехал из страны, и, как вскоре выяснилось, навсегда. Российское правительство поспешило исправить неоднозначную ситуацию и отправило в Мадрид нового посланника — Николая Репнина-Волконского, но Наполеон задержал его

⁷ Внешняя политика России XIX — начала XX в.: Документы Министерства иностранных дел (ВПРИ). Т. 4. М.: Наука, 1965. Сер. 1 (1805–1815). С. 312–313. О деятельности Строганова в Испании в 1808 г. см.: *Саплин А.И.* Российский посол в Испании (1805–1809) // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 178–184; *Юрчик Е.Э.* Нападение на российское посольство в Мадриде 14 октября 1808 г. и отъезд Г.А. Строганова из Испании // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 10 (64).

в Париже, опасаясь, что дипломат сообщит в Петербург сведения о военном положении Испании. Так в течение всей Войны за независимость в Испании не оказалось российского полномочного представителя.

Но российско-испанские отношения продолжали развиваться. Более того, они переживали один из самых активных периодов своей истории. Еще в конце июля 1808 г. патриотическая хунта города Севильи обратилась к Александру I с просьбой о помощи. Российский император заявил, что он не готов к открытым действиям против Наполеона, но тем не менее заинтересован в переговорах и будет «использовать косвенные пути», действуя «очень осторожно и предусмотрительно»⁸. Россия, тяготившаяся условиями Тильзитского договора, тайно стремилась к контактам с антифранцузскими силами в захваченных Наполеоном государствах.

Стороны осторожно готовили основу для возможного сотрудничества. От лица Центральной хунты переговоры вел испанский консул в Петербурге Антонио Коломби-и-Пайет, а доверенным лицом российского императора стал Родион Кошелев. Оба эмиссара соблюдали строгую секретность, ведь дезавуирование российско-испанского сближения могло нанести серьезный ущерб международному положению России. Кошелев дал понять, что Александр I заинтересован в восстановлении суверенитета Испании, но уклонился от обещания каких бы то ни было гарантий его активного участия в испанских делах. Патриоты, уже подписавшие в июле 1808 г. договор с Англией, настойчиво предлагали заключить союз. Флоридабланка впервые заговорил об этом в октябре 1808 г., через Коломби убеждая Александра I в выгодах такого альянса, особенно для развития торговых связей. Был возрожден и проект Годоя о русско-испанском династическом браке. Российский император воздержался от прямого ответа — и тогда испанцы забеспокоились. Они опасались, что Александр I рассматривает союз с Наполеоном как стратегическую линию своей внешней политики и поддержка испанских патриотов не входит в его планы. Тем не менее они стремились добиться ясности и в то же время постоянно убеждали российских политиков в решимости

Франсиско де Паула де Са Бермудес

⁸ Волосюк О.В. Испания и Россия... С. 277.

испанской нации продолжать борьбу против французов. В 1810 г., уже после смерти Флоридабланки, Регентский совет отправил в Петербург своего представителя Франсиско де Сеа Бермудеса для продолжения переговоров о союзе⁹.

К тому времени позиция Россия по отношению к Франции стала существенно меняться. Александр I решил покончить с зависимостью от Наполеона и стал готовить новую антифранцузскую коалицию. Коломби и Сеа Бермудес, ссылаясь на переговоры с Кошелевым, в донесении Регентскому совету утверждали, что российский император «решился стать верным союзником» испанского правительства и «возымел твердое намерение скрепить [...] дружбу [...] нерасторжимыми узами»¹⁰. В июне 1811 г. Сеа получил официальные полномочия для заключения договора о русско-испанском союзе. Но Александр I не торопился; в начале 1812 г. он заявил, что Россия и Испания, даже при отсутствии взаимных союзных обязательств, «следуют образу действий, который выгоден для них обеих», ведь готовящаяся к войне с Францией Россия отвлекает на себя «значительные силы французов, которые могли бы быть направлены против Испании»¹¹.

Французское нашествие на Россию положило конец осторожным маневрам российского императора по отношению к испанским патриотам. Русско-испанские переговоры, длившиеся четыре года, наконец увенчались успехом. 8 (20) июля 1812 г. в Великих Луках был подписан русско-испанский договор об оборонительном и наступательном союзе. Российская империя признавала Фердинанда VII королем Испании, а Кадисские кортесы «законными, равно как и конституцию, ими учиненную и утвержденную»¹². Борьба с наполеоновской Францией объявлялась целью совместных действий. Кадисские кортесы торжественно ратифицировали договор 1 сентября 1812 г. В манифесте, посвященном этому событию, говорилось: «Союз с Испанией, признание кортесов, конституции, Фердинанда VII, который должен царствовать согласно этой конституции, — надежные гарантии нашей независимости»¹³. Россия первой из европейских держав признала Конституцию 1812 г., которая станет программой испанских либеральных преобразований в XIX в. Великолукский договор 1812 г. стал основой для возобновления русско-испанских отношений после поражения Франции в 1814 г. После завершения наполеоновских войн началось формирование новой системы международных отношений — процесс, в котором Россия и Испания играли разные роли. По мере оформления Венской системы «равновесия» русско-испанские связи обрели новое качество.

⁹ Додолев М.А. Россия и Испания 1808–1823... С. 31–32.

¹⁰ Россия и Испания. Документы... Т. II. С. 63.

¹¹ Додолев М.А. Россия и Испания 1808–1823... С. 37.

¹² Россия и Испания. Документы... Т. II. С. 66.

¹³ Там же. С. 74.

Испанские солдаты в русской армии 1812 года

Во время освободительной войны (1808–1814) Испания тем не менее считалась союзницей Франции. Поэтому в составе Великой армии Наполеона, вторгшейся в Россию в июне 1812 г., вместе с немецкими, итальянскими, швейцарскими и др. были и испанские части. Полк испанской линейной пехоты получил имя Жозефа Наполеона и был сформирован в основном из бывших военнопленных. Поскольку французское командование не питало к испанцам большого доверия, полк был разделен на две части и разведен по разным корпусам. Командиром полка был француз, во главе батальонов стояли испанцы. Наполеон писал маршалу Даву: «Я направляю Вам два славных испанских батальона, однако извольте не использовать их ни на аванпостах, ни в качестве охраны первостепенных пунктов».

Уже с первых месяцев войны началось дезертирство испанских солдат, которые видели в этом свой патриотический долг. Со своей стороны, русское командование, учитывая эти настроения, распространяло среди воинов полка Жозефа Наполеона листовки, призывавшие солдат и офицеров «вернуться на родину или найти пока убежище в России». Однако самой действенной пропагандой были боевые успехи русской армии. После отступления Наполеона из Москвы дезертирство испанцев стало массовым.

Из сдавшихся в плен испанских солдат в конце 1812 г. было решено сформировать отдельный полк для участия в борьбе против Наполеона. Основанием для этого решения послужил российско-испанский договор в Великих Луках 1812 г. 2 мая 1813 г., в пятую годовщину Мадридского восстания, в Царском Селе солдаты новообразованного испанского императорского Александровского полка приняли присягу на верность Кадисской конституции.

В июне 1813 г. на английских транспортах полк был отправлен из Кронштадта в Испанию и вскоре стал регулярным воинским подразделением королевской армии. Таким образом, испанцы, пришедшие в Россию под наполеоновскими знаменами, покидали ее в русских мундирах и под Андреевским флагом.

Внешнеполитическое сотрудничество России и Испании в смутную эпоху наполеоновских войн способствовало и развитию взаимного культурного притяжения, «первой волны русского испанофильства»¹⁴. До 1812 г. известия об «испанских делах» доходили до России в основном благодаря иностранным изданиям, через сведения, частным образом распространявшиеся иностранными дипломатами, и личную переписку с теми, кто находился в Европе. Так, знаменитая брошюра Педро Севальоса об узурпации Наполеоном испанской короны и пленении испанских Бурбонов была

¹⁴ Алексеев М.П. Очерк... С. 97.

известна — к вящему неудовольствию французского посла — и в Москве, и в Петербурге¹⁵. События в Испании, единственной стране на континенте, успешно сопротивлявшейся французам, интересовали и волновали русское общество, считавшее договоры с Францией унижением для России. Один из современников, потрясенный известиями о героической обороне Сарагосы, записал в своем дневнике: «Я так люблю Испанию [...]. Усилия, энергия, единодушие испанцев в борьбе против тирании, которую им вероломно навязал узурпатор, [...] все это еще больше привязывает меня к ним»¹⁶.

После вторжения в Россию французской армии испанский пример сопротивления наполеоновской экспансии стал еще актуальнее. В русских периодических изданиях 1812–1813 гг. Испания представляла как образец жертвенного патриотизма и верноподданных чувств, созвучных настроениям русского образованного общества. В предисловии к публикации брошюры Севальоса в *Journal du Nord* Строганов охарактеризовал испанскую войну так: «Эта война [...] одновременно и религиозная, и политическая, и индивидуальная, поскольку речь идет о том, чтобы или все потерять, или согнуться перед врагом Бога и рода людского, или защитить свою религию, свою страну, семью и свободу»¹⁷.

Русские военачальники указывали на значение народного участия в войне против захватчиков. В июне 1812 г. командующий армией Михаил Барклай-де-Толли писал: «Я возбуждаю народ истреблять врага всеми доступными ему средствами, если он проник в его жилище, и видеть в том подвиг веры! [...] Я надеюсь, что у нас в этом случае выразится не меньше энергии, нежели в Испании!»¹⁸ Размышляя над собственным опытом организации партизанских отрядов в России против французов в 1812 г., генерал Денис Давыдов в послевоенных произведениях ссылался на испанскую герилью в качестве образца народной самоотверженности, без которой невозможно было одержать победу над неприятелем: «Теснины Пиренеев, Сьерра-Морены, обе Кастилии, Наваррское и Арагонское королевства сокрывали в недрах своих зорких, бесстрашных и неутомимых воинов, коих слава неизгладима во всех летописях, во всех сердцах, бьющихся для человечества»¹⁹.

¹⁵ Додолев М.А. Россия и Испания 1808–1823... С. 55.

¹⁶ Там же. С. 56.

¹⁷ Exposition des faits et des trames, qui ont préparé l'usurpation de la couronne d'Espagne, et des moyens dont l'Empereur des Français s'est servi pour la réaliser. Par S. E. Mr. de Cevallos, premier secrétaire d'Etat et des dépêches de S. M. Catholique Ferdinand VII. Avant-propos // *Journal du Nord*. Tome dixième. St. Pétersbourg: L'Imprimerie de Pluchart et Comp., 1812. P. 533–534. Пер. М.А. Додолева. Об авторстве Строганова см.: Додолев М.А. Россия и Испания 1808–1823... С. 67.

¹⁸ Цит. по: Додолев М.А. Россия и Испания 1808–1823... С. 38.

¹⁹ Давыдов Д.В. Опыт теории партизанского действия // Сочинения Дениса Давыдова. Ч. 1. М.: Тип. Бахметева, 1860. С. 26 (226); *Он же*. Мороз ли истребил русскую армию в 1812? // Там же. С. 3 (333).

После заключения Великолукского договора русская образованная публика получила возможность познакомиться и с текстом Кадисской конституции. В 1813 г. «Вестник Европы» и «Сын Отечества» опубликовали ее текст в переводе на русский язык. Новый Основной закон Испанской монархии, созданный во время французской оккупации, вызвал у русских читателей противоречивую реакцию²⁰. Новаторство политических принципов, провозглашенных кадисскими законодателями, одновременно и удивляло, и настораживало, ведь, сохраняя монархический принцип государственного устройства и католицизм в качестве государственной религии, авторы конституции декларировали народный суверенитет и принцип разделения властей. Сам факт появления проекта политической реформы в период освободительной войны несомненно интересовал русских читателей и побуждал их размышлять не только о роли народов и правительств в борьбе с Наполеоном, но и о возможном обновлении российских политических порядков.

Испанские патриотические издания и испанские либеральные публицисты проявляли неменьший энтузиазм в отношении России и ее усилий в борьбе с наполеоновской экспансией. «Русский поход» отвлек значительные военные силы французов от Испании, а Великолукский договор внушал испанским патриотам уверенность в поддержке могущественного союзника: в манифесте в честь заключения русско-испанского союзного договора Александр I был назван «защитником свободы и цивилизации не только севера Европы, но также и ее юга», «твердым и непоколебимым в высоком деле спасения Испании»²¹. Газеты перепечатали и очерк Строганова об испанской войне²². В 1813 г. Кадисские кортесы приветствовали победу русской армии торжественным молебным и артиллерийским салютом²³. Известный и влиятельный либеральный публицист Хосе Мария Бланко (Уайт) проанализировал причины успешного противостояния России Наполеону, среди которых он выделил и «усилия и жертвы русского народа», и военное искусство полководцев, и единство нации²⁴.

Так, в эпоху наполеоновских войн и в русском, и в испанском общественном сознании сложилось представление, что победа над «могущественным захватчиком»²⁵ была одержана совместными усилиями двух держав: «Россия и Испания, подавая друг другу руку, стояли на страже независимости Европы»²⁶.

²⁰ Додолев М.А. Россия и Испания 1808–1823... С. 69–73.

²¹ Россия и Испания. Документы... Т. 2. С. 74.

²² Додолев М.А. Россия и Испания 1808–1823... С. 44.

²³ Там же. С. 46.

²⁴ Там же. С. 45.

²⁵ Blanco J.M. Reflexiones con motivo de las victorias de Rusia // El Español. 30.12.1812. No. 32. P. 560; Додолев М.А. Россия и Испания 1808–1823... С. 45.

²⁶ Глинка С.Н. Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 до ноября 1815 года. СПб.: Тип. Имп. Рос. Акад., 1837. С. 88. См. также: Додолев М.А. Россия и Испания 1808–1823... С. 65.

ДЕКАБРИСТЫ И ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1820 ГОДА

В январе 1820 г. Испания снова «привлекла к себе взоры вселенной»²⁷. Один из батальонов испанского экспедиционного корпуса, расквартированный рядом с Кадисом, поднял восстание. Его командир, подполковник Рафаэль Риго, призвал к восстановлению Кадисской конституции и «освобождению Отечества». В начале марта 1820 г., под давлением нараставшего общественного движения, Фердинанд VII восстановил действие конституции и присягнул ей на верность. Так начались революционные события, которые вошли в историю под названием «либерального трехлетия». Испания погрузилась в перипетии политической борьбы, реформ и гражданского противостояния. Король, не смирившийся с ограничением своей власти, считал себя заложником событий, «пленником либералов» и в 1820 г. тайно обратился к европейским державам с мольбой о помощи. Веронский конгресс Священного союза принял решение о вмешательстве в «испанские дела». В апреле 1823 г. французская армия пересекла испанскую границу, и к началу октября конституционные порядки были упразднены, а реформы отменены. Репрессии обрушились на либеральных политиков, военных, журналистов. В ноябре 1823 г. в Мадриде был повешен Риго. Испания вступила в «черное десятилетие» своей истории.

Известия об «испанских происшествиях» взбудоражили русское образованное общество. Новости из Испании печатали иностранные и русские периодические издания, их распространяли дипломаты и военные, которые находились за границей по делам службы, путешественники делились своими впечатлениями в личной переписке. Среди них были и те, кто примкнет к тайным обществам, кого впоследствии назовут декабристами — Сергей Трубецкой, Николай Бестужев, Александр Беляев. Испанцы, волею судеб оказавшиеся в России, стали объектом всеобщего интереса: все стремились получить информацию «из первых рук». Таков был Хуан Ван Гален, боевой офицер, участник битвы при Трафальгаре и освободительной войны, организатор одного из военных мятежей эпохи Реставрации 1814–1820 гг. В 1820 г. он служил на Кавказе в чине майора Нижегородского драгунского полка. После мятежа Риго Ван Гален оказался в центре внимания либерально настроенных офицеров-ермоловцев, которые жаждали знакомства с «конституционалистом», находившимся в переписке с легендарным герильеро Франсиско Эспос-и-Миной²⁸. В кругу знакомств образованной молодежи был и служащий испанского посольства Мануэль Кальдерон де ла Барка, свидетель революционных событий²⁹. В целом в России были хорошо осведомлены об «испанских делах», а их трактовка зависела от общественной позиции заинтересованных русских наблюдателей.

²⁷ Отечественные записки. 1820. Ч. 2. № 3. С. 27; *Алексеев М.П.* Очерк... С. 118.

²⁸ *Алексеев М.П.* Очерк... С. 125–127.

²⁹ *Романова С.Н.* Д.И. Завалишин и Мануэль Кальдерон де ла Барка (к вопросу о революционных связях декабристов. По материалам III Отделения) // Исторические записки. Т. 96. М.: Наука, 1975. С. 338–346.

Победа над наполеоновской Францией в союзе с европейскими державами, участие России в послевоенном «умиротворении» Европы, стремление «привести народы к миру и порядку», объявленное Александром I в качестве цели Священного союза, — все это и укрепляло верноподданические чувства, и питало национальную гордость. Опыт войны, патриотический подъем 1812 г. породили и «надежды на будущее улучшение в общественном быте» самой России³⁰, которые вдохновляли либерально настроенных дворян, ожидавших от монарха конституционных реформ и отмены крепостного права. «Сближение с Европой»³¹, результат борьбы с наполеоновской империей, расширило их политический кругозор и породило «дух преобразований, заставлявший умы клокотать»³². Однако как внутренняя, так и внешняя политика Александра I, особенно после Аахенского конгресса Священного союза (1818), постепенно свела эти ожидания на нет. Разочарование в благих намерениях монарха-победителя стало одной из причин образования тайных обществ еще в 1816 г. Их члены, в основном образованные боевые офицеры, стремились к ограничению или свержению монархии, введению конституции, отмене крепостного права. К 1820 г. действовал «Союз благоденствия», самое многочисленное тайное общество, имевшее отделения в Петербурге и Москве, в Нижнем Новгороде и в ставках армии на Юге России. Его активные члены находились на перепутье: речь шла о выработке политических программ и о планах их осуществления.

С точки зрения правительства и близких к нему кругов, революция свидетельствовала об эрозии политики Священного союза, ведь вопреки всем усилиям «умиротворения» Европы конституционный строй был введен путем военного мятежа³³. Александр I на первых порах смирился с «испанскими происшествиями» только потому, что конституционный режим был установлен с согласия короля и без кровопролития³⁴. Отношение российского императора стало изменяться к началу ноября 1820 г. после получения умоляющего письма Фердинанда VII, который взывал о помощи и просил «гарантировать королевство от анархии, угрожающей ему вследствие развития теперешней системы»³⁵. Революции в Неаполе и в Португалии в июле и августе 1820 г., революция в Пьемонте в марте 1821 г., начало освободительного движения в Греции заставили Россию перейти к активным действиям, оказавшим непосредственное влияние на ее отношения с Испанией. В 1821 г. Александр I согласился с решениями Лайбахского конгресса Священного союза о подавлении революций в Неаполе и Пьемонте.

³⁰ Николай Басаргин цит. по: *Орлик О.В.* Декабристы и внешняя политика России. М.: Наука, 1984. С. 22.

³¹ Николай Тургенев цит. по: Там же. С. 16.

³² *Пестель П.И.* Из показаний // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 2. М.: Политиздат, 1951. С. 175.

³³ Россия и Испания. Документы... Т. II. С. 123, 146.

³⁴ Там же. С. 123.

³⁵ *Волосюк О.В.* Испания и Россия... С. 284.

Испанцы на русской службе: Хуан Ван Гален

16 мая 1819 г. на русскую службу в чине майора Нижегородского драгунского полка поступил 31-летний испанский офицер Хуан Ван Гален-и-Сарти (1788–1864). К тому времени за плечами у этого изгнанника был столь богатый боевой и политический опыт, что его хватило бы на несколько жизней. Ван Гален был потомком богатого семейства кадисских негоциантов фламандского происхождения. 14-летним юношей он начал службу во флоте, а в 17 лет принял участие в Трафальгарской битве. 2 мая 1808 г. Ван Гален сражался с французами в Мадриде и затем присоединился к патриотической армии. Далее его судьба совершила крутой поворот: из повстанца он превратился в сторонника Жозефа Бонапарта и вступил в гвардию «короля-самозванца». Честолюбивый и склонный к авантюрам Ван Гален был готов служить иноземному государю и стремился принять участие в великих событиях своего времени в надежде на политические перемены. Испанский гвардеец воевал в Германии в рядах Великой армии и был на хорошем счету. Но в 1813 г., разочаровавшись в Жозефе, он присягнул на верность Фердинанду VII и сумел завоевать доверие Регентского совета, хитростью обеспечив капитуляцию трех французских гарнизонов в Каталонии.

Рестаурация «желанного короля» обманула политические ожидания Ван Галена, и он примкнул к либералам, желавшим восстановить Конституцию 1812 г. Активная деятельность в тайных обществах и членство в масонской ложе привели в 1817 г. к его аресту и заключению в тюрьме инквизиции, откуда он через год сумел бежать. Ван Гален оказался в Англии, но его натуре претила бездеятельность политического эмигранта, и он решил попытаться счастья на службе у российского императора, которого считал либеральным государем. Лондонский финансист, испанец Фермин Тастет, обслуживавший счета русского посольства, свел его с поверенным в делах Дмитрием Николаевичем Блудовым. Дипломат снабдил Ван Галена рекомендательными письмами к министру иностранных дел Николаю Петровичу Румянцеву и Августину Бетанкуру. Ван Гален отправился в Россию.

В Петербурге ходили слухи о возможном участии российской армии в интервенциях. Однако Россия не разорвала дипломатических отношений с Испанией и заявила, что не стремится к военному вмешательству в ее дела. В такой ситуации Мигель Гонсалес Сальмон, посланник испанского либерального правительства, не добился официального признания своего статуса и в том же 1821 году был вынужден покинуть Россию. Он был убежден, что лишь «топографическое положение» Испании удерживает Александра I от решительного демарша³⁶. В ноябре 1822 г. российский император присоединился к общему протоколу держав Священного союза о подавлении

³⁶ Россия и Испания. Документы... Т. II. С. 149.

Рекомендации и связи в масонских кругах действительно помогли. Ван Гален получил назначение в армию генерала Алексея Петровича Ермолова. Там он был радушно принят и грозным проконсулом Кавказа, и офицерами-сослуживцами. Он, участник освободительной войны, знакомый Эспос-и-Мины, узник инквизиции, оказался в центре внимания либеральных «ермоловцев». Ван Гален отличился и в сражениях: в июне 1820 г. за участие в штурме аула Хосерек он был награжден Георгиевским крестом. Весной 1820 г. он узнал о революции Риего и просил об отставке — однако Александр I решил выслать его из России. Ермолов помог Ван Галену бежать, снабдив его паспортом и деньгами. Впереди были годы сражений в Испании и Бельгии, еще не одно изгнание и, наконец, почетная пенсия.

Хуан Ван Гален

Пребывание в России осталось одним из самых ярких воспоминаний Ван Галена, недаром он посвятил ему том своих мемуаров. Не только экзотика северной страны привлекла его; изгнанник запомнил интерес русских офицеров и дипломатов к «испанским делам», военный талант и великодушные Ермолова, твердость духа русского солдата. Ван Гален сохранил и «вечную благодарность нации, столь мало известной» его соотечественникам, и «крестик из позолоченного металла», подаренный ему раненым солдатом после боя за аул Хосерек.

революции в Испании. Поворот во внешней политике происходил одновременно со сменой внутривосточного курса: все надежды на реформы окончательно ушли в прошлое, либеральные надежды похоронены. После восстания в 1820 г. Семеновского полка начались преследования членов тайных обществ. В 1821 г. «Союз благоденствия» самораспустился.

Либеральная часть русского общества, в том числе и будущие декабристы, с воодушевлением восприняли испанские события. Испания, где после реставрации монархии основанная на конституции политическая свобода, как казалось, была уже невозможна, стала чуть ли не самой революционной страной Европы. Известен восторженный отзыв Николая Тургенева: «Гишпаниа доказывает, что значит дух народный, что значит любовь к

Отечеству»³⁷. Русское испанофильство, возникшее в 1812 г. на основе чувства единства с далеким народом в борьбе против иноземного нашествия, постепенно превращалось в политическое свободомыслие³⁸.

Воспоминания о русско-испанском союзе против Наполеона обрели новое звучание. Военное сотрудничество двух государств интерпретировалось в контексте сходства исторических судеб двух наций³⁹, и таким образом «политические перерождение»⁴⁰, которое переживали испанцы, воспринималось и как возможная перспектива для России. На фоне современных испанских событий признание Александром I в 1812 г. Кадисской конституции обнадеживало тех, кто желал «ускорить и подвинуть общественное дело»⁴¹ в Российской империи. В трактовке будущих декабристов патриотизм и свободолюбие, характерные черты испанской нации, проявились в ограничении «самовластия» монарха, восстановлении свободы, что могло послужить уроком для «истинных и верных сынов Отечества». Первые отклики на испанскую революцию были проникнуты надеждами на то, что и в России возможно введение конституционных порядков, что во «всем этом есть нечто, ближе нас касающееся»⁴². В 1826 г., уже во время следствия, многие декабристы признавались, что именно испанские события убедили их в возможности осуществления политического переворота в России.

Испанская революция, как и европейские революции, последовавшие за ней, стимулировали деятельность тайных обществ. Будущие декабристы ощутили себя причастными к общественному движению всей Европы, точно так же, как в 1812 г. многие из них гордились своим участием в общеевропейском противостоянии Наполеону. Новым основанием для недовольства политикой Александра I, а следовательно, и для реформы политического строя, стал теперь внешнеполитический курс России, который расценивался ими как «война, объявленная Священным союзом свободомыслящим идеям, учреждениям и людям», основанная на «допущении права мешаться во внутренние дела государства независимого»⁴³. Будущих декабристов возмущало, что император уделяет больше внимания внешней политике, цели которой они считали несправедливыми, а не насущным внутриполитическим преобразованием⁴⁴. Активные члены «Союза благоденствия», торопившие «минуту вспышки»⁴⁵, восприняли испанские события как ориентир для собственных действий. Недаром между 1821 и 1823 гг. произошло организационное

³⁷ Цит. по: *Алексеев М.П.* Очерк... С. 119.

³⁸ Там же. С. 121.

³⁹ Там же. С. 115–116.

⁴⁰ Россия и Испания. Документы... Т. II. С. 149.

⁴¹ Николай Басаргин цит. по: *Романова С.Н.* Д.И. Завалишин... С. 338.

⁴² Николай Тургенев цит. по: *Алексеев М.П.* Очерк... С. 121.

⁴³ *Фонвизин М.А.* Записка декабриста 1823 года // *Голос минувшего.* 1916. № 10. С. 146, 148.

⁴⁴ *Додолев М.А.* Россия и Испания 1808–1823... С. 213–214.

⁴⁵ *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. Глава X // *Собр. соч.:* В 10 т. М.: Правда, 1981. Т. 4. С. 181.

обновление тайных организаций — сформировались Северное и Южное общества, а их члены приступили к выработке конкретных политических программ и стратегии будущего переворота.

Опыт испанской революции служил историческим оправданием их действий и во многом — образцом для подражания. Испанский пример казался привлекательным по многим причинам. В Испании инициатором преобразований было образованное офицерство, а переворот начался с военного мятежа; восставшие, как представлялось в России, взяли власть без «резни», без «потрясений», без «излишеств»⁴⁶. Монарх, под давлением обстоятельств, сам восстановил конституцию. Бескровный политический переворот, совершенный силами армии и завершившийся добровольным согласием монарха на ограничение собственной власти, воспринимался как своеобразный идеал революции. Михаил Бестужев-Рюмин утверждал: «Наша революция будет подобна революции испанской; она не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною армиею без участия народа»⁴⁷. Испанский либеральный режим оказался устойчивым к внутренним противоречиям: он длился три года и, возможно, продержался бы и дольше, если бы не французская интервенция, то есть вмешательство извне⁴⁸. Таким образом, военное восстание могло положить начало необратимым политическим переменам, что не могло не обнадеживать российских заговорщиков. Тактика испанских «революционистов» 1820 г. — восстание в армии, поддержанное в провинции и в столицах; военный поход, результатом которого было фактическое установление конституционного режима на местах, — была воспринята лидерами и Северного, и Южного обществ. Восстание 14 декабря 1825 г. и поход Черниговского полка в начале 1826 г. воспроизводили методы «революции Риго». Дело доходило до прямых аналогий: декабристы признавали необходимость плацдарма для восстания, оплота конституции, и искали «свой остров Леон». Константин Рылев предлагал Кронштадт, а Гавриил Батеньков — окрестности Великого Новгорода (на острове Ильмень или на реке Волхов)⁴⁹.

Испанское воздействие отразилось и в программных документах декабристов. Кадисская конституция привлекала их внимание как действовавший документ, применимый в конкретных исторических обстоятельствах. Основной закон испанской монархии стал одним из образцов, на который ориентировались декабристы в своем законодательном творчестве. Недаром его влияние, вплоть до прямых заимствований, отмечается в конституционных проектах Никиты Муравьева и Павла Пестеля. Так, первая глава Конституции Муравьева дословно воспроизводит вторую главу испанского текста, в чем признавался и сам автор, оставив помету на полях рукописи

⁴⁶ Слова П.Я. Чаадаева цит. по: *Додолев М.А.* Россия и Испания 1808–1823... С. 121.

⁴⁷ Цит. по: *Горбачевский И.И.* Записки. Письма. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 23.

⁴⁸ *Тарле Е.В.* Военная революция на Западе Европы и декабристы // Соч.: В 12 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 5. С. 10.

⁴⁹ *Петров Д.К.* Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Росетти. СПб.: Тип. А.Э. Винеке, 1909. С. 68.

Казненные декабристы. Обложка журнала «Полярная звезда». 1855

«Из испанской конституции — *NB*»⁵⁰: «Русский народ [...] не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства»⁵¹.

Декабристы много спорили о кадисском «уставе» — о его содержании, судьбе и пригодности для России. Матвей Дмитриев-Мамонов, один из «ветеранов» тайных обществ, заметил: «Конституция гишпанских кортесов весьма мудро написана, но не вся годится для нас»⁵². И в самом деле, декабристы далеко отошли от кадисского текста и в монархическом проекте Муравьева, и уж тем более в республиканском трактате Пестеля.

В испанской конституции декабристов интересовали прежде всего законодательные гарантии народного суверенитета и, следовательно, взаимоотношения главы государства и парламента. Они соглашались с испанскими законодателями в трактовке основных гражданских прав и свобод, особенно права собственности, свободы слова

и печати, но расходились в определении прав гражданства и в отношении конфессиональности государства: русские проекты, в отличие от испанской конституции, декларировали веротерпимость при сохранении православия как государственной религии. В вопросах общественного устройства и социальных реформ декабристы твердо стояли на русской почве. Конституция Муравьева и «Русская Правда» Пестеля, помимо глав о государственном устройстве, включали в себя и обширные разделы, посвященные самым актуальным вопросам русской действительности — отмене крепостного права и основам аграрного законодательства (наделения крестьян землей).

К испанскому опыту декабристы обращались и столкнувшись с необходимостью агитации. Катехизис как тип пропагандистского документа, распространенный в Испании во время освободительной войны 1808–1814 гг., был оценен и освоен лидерами тайных обществ. Образцы таких текстов в переводе на русский язык и во французских версиях были хорошо

⁵⁰ Цит. по: *Минаева Н.В.* К вопросу об идейных связях декабристов и испанской революции // Исторические записки. Т. 96. М.: Наука, 1975. С. 69.

⁵¹ *Муравьев Н.М.* Проект Конституции // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов... Т. 1. С. 296.

⁵² Цит. по: *Додолев М.А.* Россия и Испания 1808–1823... С. 223.

знакомы декабристам: например, еще в 1812 г. «Сын Отечества» опубликовал «Гражданский катехизис, или Краткое обозрение должностей испанца, с показаниями, в чем состоит свобода и кто враги его» с многозначительным комментарием: «Книжица, весьма полезная в наше время»⁵³. Благодаря испанскому примеру изложение принципов политических реформ и целей борьбы в форме религиозного текста, «приноровленной к понятию каждого», казалось декабристам действенным способом убеждения. По образцу катехизисов, «сочиненных испанскими монахами», Муравьев пишет в 1820 г. «Любопытный разговор, или Катехизис свободного человека», который в 1822 г. был передан членам Южного общества⁵⁴. Во время восстания Черниговского полка солдатам читали «Православный катехизис», автором которого был Сергей Муравьев-Апостол. В отличие от испанских прототипов 1808–1814 гг. катехизисы декабристов призывали не к борьбе против безбожных иноземцев-захватчиков, а к свержению деспотической, несправедливой власти самодержавного царя, «похитившего свободу у народа»⁵⁵.

Декабристы считали либеральное трехлетие важнейшим событием современной им истории, событием, поучительным с точки зрения политического и революционного опыта. «Предательство» Фердинанда VII, приведшее к интервенции, и трагическая судьба Риего произвели на них глубокое впечатление. Герой острова Леон стал олицетворением испанской революции, ее главным героем и главным мучеником⁵⁶. В сочинениях, а позже и в показаниях декабристов на следствии Фердинанд VII и Риего, монарх и революционный вождь, воплощали зло и добро, вероломство и честь, коварство и благородство. В 1824 г. военные моряки, члены тайных обществ Бестужев и Беляев, оказались в Гибралтарском проливе и были потрясены известиями о жестокой расправе над «остатками

Участники восстания 1 января 1820 года
в Лас-Кабесас-де-Сан-Хуан

⁵³ Сын Отечества. 1812. Ч. 1. С. 58–66.

⁵⁴ Минаева Н.В. К вопросу об идейных связях декабристов... С. 72–73.

⁵⁵ Муравьев Н.М. Любопытный разговор // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов... Т. 1. С. 332. Муравьев-Апостол С.И. Православный катехизис // Там же. Т. 2. С. 193.

⁵⁶ Каховский П.Г. Из показаний // Там же. Т. 1. С. 503; Алексеев М.П. Очерк... С. 132.

конституционных испанцев» в городе Тарифе⁵⁷. Опасная аналогия между испанским королем и русским императором, вероломными государями, обманувшими надежды своих народов, напрашивалась сама собой⁵⁸.

Восхищение подвигом испанских «либералистов» соединялось с анализом их деятельности. Поведение Фердинанда VII во время революции, по мнению многих декабристов, дискредитировало конституционную монархию как политический проект. Матвей Муравьев-Апостол считал, что «Риго был сам виноват, он должен был основать республику и не верить присяге тирана»⁵⁹. В ноябре 1823 г. в Каменке члены Южного общества, обсуждая программу собственных действий, говорили о судьбе испанской революции и пришли к выводу, что «не стоит следовать дурному примеру Испании и оградить себя от возможности неудачи», связанной с вероломством короля⁶⁰. Избавиться от монарха предлагали разными способами — от убийства до изгнания. Пестель вспоминал, что «происшествия в Гишпании, [...] недоверчивость к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые, укрепили меня сильно в республиканском образе мыслей»⁶¹. После 1823 г. как в Северном, так и в Южном обществах появилось больше убежденных республиканцев⁶².

Один из «испанских уроков» заключался в том, что революция — это длительный и противоречивый процесс преобразований, к которому общество адаптируется не сразу. Оказалось, что введение конституционных порядков может привести к «безначалию», раздорам между «разными партиями»⁶³, появлению радикальных, «неумеренных либералистов»⁶⁴. Дмитрий Завалишин с удивлением узнал, что и среди сторонников конституционного правления есть умеренные, каким оказался его знакомый Мануэль Кальдерон де ла Барка. Декабрист не нашел в своем испанском собеседнике ни революционного энтузиазма, ни сочувствия к героям революции (Риго, Кирога, Эспос-и-Мина), ни восхищения Кадисской конституцией⁶⁵. Да и сама конституция могла нуждаться в совершенствовании⁶⁶, а на это требовалось время. По мнению Михаила Фонвизина, испанцам надо «дать время распорядиться, перебеситься, пока устроится у них прочное правление»⁶⁷. И все же главной причиной поражения ре-

⁵⁷ Петров Д.К. Россия и Николай I... С. 59; Алексеев М.П. Очерк... С. 134.

⁵⁸ Алексеев М.П. Очерк... С. 135.

⁵⁹ Цит. по: Петров Д.К. Россия и Николай I... С. 67.

⁶⁰ Додолев М.А. Россия и Испания 1808–1823... С. 223–224.

⁶¹ Пестель П.И. Из показаний... С. 166–167.

⁶² Алексеев М.П. Очерк... С. 136.

⁶³ Фонвизин М.А. Записка декабриста... С. 147.

⁶⁴ Цит. по: Орлик О.В. Декабристы и европейское освободительное движение. М.: Мысль, 1975. С. 59.

⁶⁵ Романова С.Н. Д.И. Завалишин... С. 340.

⁶⁶ Фонвизин М.А. Записка декабриста... С. 148.

⁶⁷ Там же. С. 147.

волюции декабристы считали иностранное вмешательство и надеялись избежать испанских просчетов⁶⁸.

Декабристы многое почерпнули из опыта европейского общественного движения, но впечатление от испанской революции 1820–1823 гг., несомненно, было самым ярким и глубоким. Трагический опыт «мятежа реформаторов» приблизил Испанию к России, и благодаря декабристам в истории русского общественного движения остался испанский след.

СВИДЕТЕЛЬ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ: ИСПАНСКИЙ ПОСЛАННИК ХУАН МИГЕЛЬ ПАЭС ДЕ ЛА КАДЕНА

Испанский посланник в России Хуан Мигель Паэс де ла Кадена (1773–1840) в основном известен российским литературоведам как знакомый Александра Сергеевича Пушкина и собеседник Татьяны Лариной в восьмой главе «Евгения Онегина»⁶⁹. Отечественные искусствоведы знают его как владельца полотен, в 1834 г. пополнивших коллекцию испанской живописи Эрмитажа⁷⁰.

Паэс де ла Кадена прибыл в Россию в 1824 г. Он прослужил главой испанской миссии в Петербурге до конца 1833 г., вплоть до разрыва дипломатических отношений между двумя державами из-за начавшейся в Испании карлистской войны. Паэс задержался в России еще на год в качестве представителя дона Карлоса, претендента на испанский престол, впрочем официально не признанного: Николай I отказался принять его верительные грамоты⁷¹. Служба в России стала вершиной полной неожиданных поворотов карьеры Паэса⁷². Андалусец, уроженец Санлукара-де-Баррамеда, он происходил из семьи местных нобилей — его отец был членом городского совета, а дядя — чиновником Совета по делам Индий, суперинтендантом таможи в Мехико. Паэс получил разностороннее образование в дворянской семинарии в Вергаре, но в 15-летнем возрасте решил поступить в гардемаринские королевского флота. Экзамен он выдержал успешно и в 1788 г. готовился было отправиться в экспедицию для исследования Магелланова пролива, но смерть отца нарушила честолюбивые планы юноши. По просьбе матери

⁶⁸ Додолев М.А. Россия и Испания 1808–1823... С. 226.

⁶⁹ Алексеев М.П. Очерк... С. 150–151; Фернандес-Санчес Х. Испанский знакомый Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 24. СПб.: Наука, 1991. С. 128–129.

⁷⁰ Каганэ Л.А. Кабинет картин Хуана Мигеля Паэса де ла Кадены, испанского посланника в Санкт-Петербурге // Из истории мирового искусства и культуры. СПб.: Сад искусств, 2003. С. 507.

⁷¹ Волосюк О.В. Испания и Россия в первой трети XIX в. ... Т. II. С. 287.

⁷² Биографические данные о Паэсе де ла Кадене реконструированы по: Expediente personal de Juan Miguel Páez de la Cadena. 14.03.1819. AHN. Estado, Legajo 879 (1).

он оставил мечты о флоте и продолжил образование в Гранадском университете по кафедрам права и математики, а затем в университете Ориуэлы, где получил степень доктора права.

В 1796 г. Паэс поступил на королевскую службу; он стал членом комиссии, которая занималась демаркацией новой франко-испанской границы в Пиренеях. Однако судьба снова распорядилась иначе: в 1798 г. Паэс был назначен судьей военного трибунала (военным аудитором) в войсках, отправлявшихся в Ла-Рошель согласно Сан-Ильдефонскому договору. Около острова Экс во время атаки английского флота он был ранен и, оправившись, остался сначала в Бресте, где стояла испанская эскадра, а затем был откомандирован в Париж в испанскую миссию. В ноябре 1799 г. Паэс стал свидетелем государственного переворота, приведшего к власти Наполеона Бонапарта, — одного из самых ярких событий его жизни, о котором он охотно рассказывал, в том числе и своим русским знакомым⁷³.

В Испанию он вернулся через год и служил военным судьей в войсках, подавлявших крестьянские бунты в Валенсии. Затем его отправили с испанским корпусом в Этрурию, а в 1807 г. — уже в чине главного военного судьи — в Данию с дивизией под командованием Педро Каро-и-Суреды, маркиза де ла Романа. Там его и застали известия об отречении Бурбонов, о новом короле Испании Жозефе Бонапарте, о начале войны и о победе при Байлене. Паэс вместе со своим командиром сумел вернуться в Испанию в октябре 1808 г. на английском фрегате и до 1810 г. воевал в Галисии и Эстремадуре. Затем маркиз де ла Романа откомандировал его в Центральную Правительственную Хунту, которая находилась в Севилье. Так начался новый этап в жизни Паэса — он стал членом Военного Совета и главой Трибунала общественной безопасности, ответственного за поддержание порядка и преследование лиц, сотрудничавших с французами. Его избрали депутатом кортесов, но он не принимал участия в их деятельности до 1812 г., а после переезда депутатов в Мадрид под благовидным предлогом уехал на родину, в Санлукар, где и пережил первые месяцы реставрации Фердинанда VII.

Вернувшийся из плена король восстановил Паэса в чинах и должностях и отправил в Париж в качестве члена комиссии по рекламациям, которая занималась учетом и возвратом имущества, захваченного французами во время оккупации. После роспуска комиссии он вернулся на родину к службе в военной юстиции, сохранив за собой место члена апелляционного суда по делам королевского имущества. Его деятельность во время либерального трехлетия пока остается неизвестной. Учитывая туманные намеки, оставленные в служебных записках и письмах, и его способность к выживанию в период политических катаклизмов, видимо, Паэс переждал смутные времена в Санлукаре. В 1823 г., после Реставрации, он, снова член военного трибунала, ходатайствовал о дипломатической службе. Паэса отправили было послом в Англию, но он отказался под предлогом недостаточной

⁷³ Пушкин А.С. О 18 брюмера // Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 7. С. 243.

компетентности для столь ответственного поручения. Тогда в июне 1824 г. его назначили главой испанской миссии в Петербурге⁷⁴.

В Россию отправился государственный деятель из тех, кого еще в конце XVIII в. называли *fernandino*, — много повидавший на своем веку благонамеренный и верноподданный слуга короля, чуждый политических крайностей. Недаром он пережил Войну за независимость, две революции и две реставрации. Служба за границей и бурные события испанской истории начала века научили его осторожности, осмотрительности и политической гибкости. Эти качества помогли ему адаптироваться к условиям службы в России, при дворе Александра I, который настороженно принял представителя державы, только что преодолевшей революционный кризис.

Паэс сумел найти свое место в высшем свете Петербурга. Судя по отзывам его русских знакомых, он был занимательным собеседником, а его опыт, образованность, любовь к словесности сделали его желанным гостем и во многих известных столичных домах, и в литературных кругах. Зинаида Волконская отметила его «блестящее перо», Александр Пушкин записал с его слов рассказ о перевороте 18 брюмера, Иван Козлов беседовал с ним об испанской поэзии⁷⁵.

Во время пребывания в России Паэс стал свидетелем многих событий правления Александра I и Николая I, но период междуцарствия и восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. произвели на него самое драматическое впечатление. И само восстание, и следствие, и политические и общественные последствия восстания были главной темой корреспонденции Паэса в Мадрид вплоть до июля 1826 г.⁷⁶, то есть до вынесения приговора участникам восстания и казни пятерых декабристов.

Первые новости Паэс отправил в Мадрид первому государственному секретарю, герцогу де Инфантадо, в полдень 15/27 декабря⁷⁷. Посланник был очевидцем восстания на Сенатской площади, ведь испанская миссия располагалась в особняке на Английской набережной, двор которого выходил на Галерную улицу. Паэс точно воспроизвел события, соединив свои впечатления с информацией других наблюдателей: последовательность появления мятежных полков на площади, неопределенность их требований и одновременно агрессивность поведения восставших, попытки генералов уговорить солдат разойтись, смертельное ранение Милорадовича и, наконец, расстрел каре и беспорядочное бегство. Первый отчет передает недоумение свидетеля: дипломат пытался разобраться в происшествии, но оно представлялось ему «безрассудным и непонятым»⁷⁸. Так, он затруднился сообщить что-либо определенное об истинных мотивах восставших, оставив лишь замечание: «Какая-то [причина] должна была быть». Паэс был готов

⁷⁴ Фернандес-Санчес Х. Испанский знакомый Пушкина... С. 129.

⁷⁵ Алексеев М.П. Очерк... С. 150–151.

⁷⁶ АНН. Estado. Leg. 5919, 5920 (1).

⁷⁷ Ibid. 15/27.12.1825. No. 150. Fol. 1–5.

⁷⁸ Ibid. Fol. 6.

объяснять происшествие известными ему сведениями — растерянностью солдат перед необходимостью повторной присяги и «необычайной религиозностью русского народа, которому было нелегко понять перемены [власти], противоречащие порядку наследования престола»⁷⁹. И вот именно в таких обстоятельствах, заключил он, всегда готовы появиться «злоумышленники, совращающие солдат и сбивающие с пути легковерный народ». Несомненно, дипломат был потрясен и зрелищем расстрела восставших — он несколько раз упоминает о погибших, раненых и «следах крови на снегу»⁸⁰.

Впоследствии в распоряжении Паэса оказалось больше сведений. Он опирался на официальную информацию и интерпретацию событий, которые распространял российский МИД (нота Карла Нессельроде от 17 декабря 1825 г., разосланная всем представителям дипломатического корпуса и опубликованная в «Русском инвалиде»)⁸¹. Так, в отчете от 19/31 декабря испанский посланник воспроизводит основные положения ноты Нессельроде: заговорщики имели связи за границей, откуда получали деньги, и вынашивали планы цареубийства⁸². Как любой опытный дипломат, Паэс использовал и сведения, добытые из частных источников, происходивших из круга его общения в Петербурге. И постепенно рассказы о восстании в его отчетах стали развиваться в двух тематических направлениях. Первое — подробности самого мятежа, информация о его участниках, целях мятежников и ходе следствия. Помимо событий на Сенатской площади, посланник рассказал и о походе Черниговского полка. Второе направление — политический анализ, в котором главное место занимают рассуждения о международной политике России — как современной, так и будущей.

Паэс расценивает восстание декабристов как «события ужасные», а их участников считает преступниками. Заговорщики, «нечестивые убийцы», по его словам, хотели разжечь гражданскую войну, но твердое поведение нового императора положило конец их замыслам⁸³. Дипломат обратил внимание на отсутствие у восстания «народной» поддержки: согласно его описаниям, восстание совершили несколько полков, солдаты, которых смутили офицеры⁸⁴. С одной стороны, это свидетельствовало о том, что мятеж был бунтом кучки честолюбцев и поэтому не смог повлиять на политическую стабильность в империи. С другой стороны, тот факт, что восставшие оказались в изоляции, явно смущал испанского посланника. Летом 1826 г. Паэс даже связал крестьянские бунты с пагубным влиянием заговорщиков, которые «соблазняли крестьян обещаниями свободы и независимости»⁸⁵.

⁷⁹ АНН. Estado. Leg. 5920 (1). Fol. 8.

⁸⁰ Ibid. Fol. 8, 9.

⁸¹ *Исхоль С.Н.* 14 декабря 1825 г. и деятельность МИД // Философский век. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. Вып. 6. СПб.: ИИЕТ РАН, 1998. С. 251–260.

⁸² АНН. Estado. Leg. 5919. 31.12.1825. No. 155. Fol. 1.

⁸³ Ibid. Fol. 4.

⁸⁴ Ibid. 28.12.1825. No. 153. En cifra. Fol. 1.

⁸⁵ Ibid. 08.06.1825. No. 235. Reservado. Fol. 5.

Испанский посланник долго не мог освоиться с мыслью, что руководителями восстания и участниками тайных обществ были люди благородного происхождения. Сначала он заявлял, что большинство лидеров — поляки (в полном соответствии со слухами, распространявшимися Нессельроде), затем со сдержанным удивлением сообщил, что среди тех, кто склонил солдат к мятежу, люди знатные, представители достойных семейств. Особенно Паэса поражает участие Сергея Трубецкого — «человека прекрасной репутации, которым все восхищались, женатого на дочери графа Лавалея, свояченице графа Лебцельтерна»⁸⁶. В январе 1826 г. дипломат сообщал, что руководителем восстания Черниговского полка был Сергей Муравьев-Апостол, сын бывшего российского посланника в Испании⁸⁷. Когда следствие было в самом разгаре, Паэс даже забеспокоился, не попадут ли в число преступников и подозреваемых его знакомые из высшего общества⁸⁸.

По сравнению с рассказами о восстании и его участниках новости о следствии над декабристами Паэс передавал бесстрастно. Тон его отчетов поменялся, когда разбирательство было завершено и речь шла о вынесении приговора. Несмотря на весь свой жизненный опыт, Паэс был обескуражен возможностью смертной казни всем участникам мятежа и с воодушевлением воспринял изменение приговора большей части восставших⁸⁹. Рассказ о гражданской казни мятежников он поместил в постскрипtum своего отчета и сумел передать ее гнетущую атмосферу; особенное впечатление произвела на испанского посланника давящая тишина, в которой «ломали над головами шпаги, срывали форму [с преступников] и бросали все это в костер»⁹⁰. Известия о казни пятерых декабристов на кронверке Петропавловской крепости он передал одной строкой и оставил без комментариев⁹¹.

Паэс рассуждал о восстании декабристов в контексте главной проблемы международных отношений 1820-х гг. — деспособности Священного союза как гаранта Венской системы. Он рассматривал мятеж не столько как результат пагубного иностранного влияния (как настаивал Нессельроде в своем рескрипте), сколько как общеевропейское явление. Паэс не отрицал, что русские мятежники имели сообщников за рубежом, что, по его мнению, скорее подтверждает всеобщий масштаб революционного кризиса, нежели «случайность» восстания на Сенатской площади. По его мнению, Россия, архитектор Священного союза, призванно предотвращать новые политические потрясения, сама стала жертвой опасных «реформаторов». Паэс писал: «Потеряв голову от собственной

⁸⁶ Ibid. 28.12.1825. No. 153. En cifra. Fol. 1. Граф Л.Й. фон Лебцельтерн — австрийский посланник в Петербурге; в 1797 г., в начале своей дипломатической карьеры, служил в Мадриде.

⁸⁷ Ibid. 22.01.1826. No. 171. En cifra. Fol. 5.

⁸⁸ Ibid. Fol. 4.

⁸⁹ Ibid. 08.06.1825. No. 235. Reservado. Fol. 5.

⁹⁰ Ibid. Leg. 5920 (1). 25.06.1826. No. 236. Fol. 6.

⁹¹ Ibidem.

порочности и гордыни, в честолюбивом рвении к почестям (разрушительные последствия революции, которая пронеслась по всему миру и опустошает его) [мятежники] старались разрушить существующий порядок [...]. Увидев, что их усилия не увенчались успехом ни в нашей Испании, ни в Португалии, ни в Неаполе и Пьемонте, они обратили свои взоры и усилия на эту могущественную империю, уверенные в том, что если они смогут разделить ее на части, ослабить ее и уничтожить ее влияние, тогда их победа будет повсеместной»⁹².

С этой точки зрения события 14 декабря дискредитировали и Священный союз, и политику России. По мнению Паэса, Александр I, «убедившись в бесполезности своих усилий и жертв», был готов действовать вопреки собственным принципам и решил оказать помощь восставшим грекам. Он, по мнению дипломата, пытался повлиять на судьбу «наших Америк», «под призывами к умеренности скрывая иные честолюбивые замыслы, достойные Макиавелли»⁹³. Интересен вывод, которым Паэс завершает свои рассуждения: если бы покойный российский император вступил в войну с Турцией, он тем самым «отвлел бы свою армию от возможного восстания», «направив ее на путь славы»⁹⁴. Эта сентенция явно навеяна испанскими событиями 1820 г. — если бы тогда испанская армия смогла отправиться в колонии, то не случилось бы *pronunciamiento* (военный мятеж — *исп.*) Риго и Испанию не постигла бы революция. Таким образом он выразил свое отношение к «pronunciamiento» российскому, которое он оценивал с позиции властей предержавных, противоположной революционному испанофильству декабристов.

ИСПАНЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ: АГУСТИН ДЕ БЕТАНКУР

174 Спустя некоторое время по прибытии в Мадрид российский посланник Иван Муравьев-Апостол отправил в Петербург донесение о намерении, воплощение которого на первый взгляд выглядело неправдоподобным: он сообщал о готовности в ближайшее время составить полный отчет о состоянии инженерного дела в Испании, прежде всего о гидравлике и путях сообщения (мостах и дорогах). Свою инициативу он объяснял тем, что получил возможность «представить наиболее четкое и полное описание» предмета благодаря близкому знакомству «с человеком, который руководит этими работами» и с которым у него возникли доверительные отношения. Новым знакомым Муравьева-Апостола был не кто иной, как Агустин де Бетанкур, занимавший в ту пору должность главного инспектора дорог и каналов. Русский посланник отзывался о нем как о «наиболее знающем механике

⁹² АНН. Estado. Leg. 5919. 22.01.1826. No. 171. En cifra. Fol. 6.

⁹³ Ibid. Fol. 8.

⁹⁴ Ibidem.

не только Испании, но и Европы»⁹⁵. Агустин де Бетанкур-и-Молина родился 1 февраля 1758 г. в Пуэрто-де-да-Крус, в то время носившем название Пуэрто-де-ла-Ортава (Тенерифе, Канарские острова), в знатной и просвещенной семье. Его отец, Агустин де Бетанкур-и-Хакес де Меса, кавалер ордена Калатравы, генерал-лейтенант королевской армии, вел свой род от покорителя Канарских островов Жана де Бетанкура, а мать, Леонор де Молина Брионес, дочь маркиза де Вильяфуэрте, получила блестящее образование, позволившее ей наилучшим образом заниматься воспитанием своих детей в первые годы их жизни. Агустин был в семье одиннадцатым ребенком, трое детей в его семье умерли еще до его рождения⁹⁶.

Агустин де Бетанкур-и-Молина

Начальное образование он получил дома: отец дал ему представление о науках, мать — знание французского, так пригодившееся ему в будущем. Мальчик продолжил обучение в монастыре Сан-Доминго в Ортаве, где занимались и другие знаменитые в будущем уроженцы Канарских островов. Среди них — Хосе Виера-и-Клавиho и братья Доминго и Томас де Ириарте. В 1777 г. Бетанкур кадетом вступает в местную гвардию, а в мае 1778 г. удостоивается чина лейтенанта пехоты. Несколько месяцев спустя, получив стипендию заместника Индий — Хосе Гальвеса, он отправляется на континент, держа путь в Мадрид, где и завершает образование в Королевском училище Сан-Исидро и Королевской Академии Сан-Фернандо.

Когда учеба была окончена, государственный секретарь граф де Флоридабланка предлагает Бетанкуру первую самостоятельную работу: составить доклад о состоянии ртутных рудников в Альмадене. В июле 1783 г. молодой человек, которому едва исполнилось двадцать пять, вступает в должность, посещает рудники и пишет целых три докладные, обнаруживая глубокие знания, блестящий литературный стиль и недюжинное художественное дарование: прилагаемые им рисунки точны и весьма изящны.

⁹⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1803. Д. 7498. Л. 9.

⁹⁶ О детстве и юности Бетанкура см.: *Rodríguez Mesa M. El entorno familiar de Agustín de Betancourt // González Tascón I. Betancourt. Los inicios de la ingeniería moderna. Madrid: CENOPU, 1996. P. 27–47.*

Помимо описания состояния рудников и производимых в них работ, самые тяжелые из которых осуществлялись каторжниками, докладные Бетанкура содержат интересные предложения по усовершенствованию трудового процесса. Первая посвящена откачиванию воды из рудников, вторая — технике добычи и извлечения добываемого элемента, третья — металлургическим процессам, используемым в Альмадене, и способам упаковки ртутного сырья для транспортировки в Америку в целях использования его в процессе амальгамирования серебра⁹⁷. Прошло совсем немного времени, и молодой человек сконструировал аэростат — воздушный шар без малого двухметрового диаметра, а в конце того же года в загородной резиденции инфанта дона Габриэля в присутствии короля и всего королевского двора он продемонстрировал, как шар поднимается в воздух⁹⁸.

Спустя несколько месяцев, в марте 1784 г., Бетанкур отправляется в Париж. В результате прекрасной работы, сделанной в Альмадене, ему была присуждена стипендия для изучения геометрии и техники добычи руды («постижения подземной архитектуры»). А в августе 1785 г. Флоридабланка обеспечивает Бетанкуру новую стипендию — для создания усовершенствованных современных механизмов и изучения гидравлических сооружений в *École de Ponts et Chaussées* в Париже, возглавляемой знаменитым Жаном Родольфом Перроне, с которым Бетанкур стал тесно сотрудничать вместе с другими выдающимися учениками, намереваясь перенести в Испанию новейшие научные разработки по сооружению дорог и каналов. Бетанкур оставался в столице Франции до 1791 г., но вынужден был возвратиться в Испанию из-за того, что революционные события во Франции приняли угрожающий оборот⁹⁹.

Пребывание в соседней стране позволило Бетанкуру завязать дружеские отношения с самыми выдающимися представителями испанской колонии. Среди них — ботаник Антонио Хосе Каванильес, просвещенный финансист Франсиско Кабаррус, писатель Леандро Фернандес де Моратин и герцог дель Инфантадо, а также знаменитый часовых дел мастер Авраам-Луи Бреге, с которым ему предстояло многолетнее сотрудничество в разработке оптического телеграфа.

В эти годы Бетанкур активно занимается научно-исследовательской работой, изобретает и строит разнообразные машины. В том числе паровую машину двойного действия, в устройстве которой были решены некоторые проблемы, которые не смог решить Уатт. При этом Бетанкур разработал свой

⁹⁷ *González Tascón I. y Fernández Pérez J. Agustín de Betancourt y las minas de mercurio de Almadén // González Tascón I. Betancourt... P. 55–69.*

⁹⁸ *Utrilla Navarro L. El primer globo español // Ibid. P. 49–54.*

⁹⁹ Для изучения творчества Бетанкура ключевым является исследование: *Rumeu de Armas A. Ciencia y tecnología en la España ilustrada. La escuela de caminos y canales. Madrid: Colegio de Ingenieros de Caminos, Canales y Puertos y Turner, 1980.* Также представляет интерес кн.: *Sáenz Ridruejo F. Los ingenieros de caminos. Madrid: Colegio de Ingenieros de Caminos, Canales y Puertos, 1990.*

аппарат после того, как мельком увидел паровую машину во время короткого визита в Англию. Также он изобрел и построил несколько гидравлических машин (драги и другие аппараты для очистки акватории портов), которые впоследствии пригодились ему в России, шлюз с плунжерным механизмом и т.д. Бетанкур сконструировал модели этих и многих других механизмов. Наряду с экспонатами, приобретенными позже, они стали основой коллекции Королевского Кабинета машин, созданного в Мадриде по инициативе испанского посла во Франции, графа де Фернан-Нуньес. Граф предложил назначить Бетанкура директором этого Кабинета. Вернувшись в Испанию, Бетанкур привез с собой всю свою коллекцию макетов и чертежей, которая в 1792 г. была установлена во дворце Буэн Ретиро в Мадриде. Кабинет машин стал одним из подразделений Школы инженеров дорог и каналов после ее основания в 1802 г.

Целый год дон Агустин занимал этот чисто номинальный пост и использовал свободное время для создания электрического телеграфа, добившись того, что по нему можно было передавать сообщения. В конце 1793 г. он получил финансирование для поездки в Англию, где пробыл до октября 1796 г. Вернувшись в Испанию, он занялся прокладыванием основанной на оптической системе телеграфной линии между Мадридом и Кадисом. В сентябре 1797 г. он опять отправляется в Париж, где остается до 1799 г. В том же году 12 июня в Испании была создана Дорожная инспекция и собрана группа специалистов, которая должна была в ней служить. Первым директором инспекции стал граф де Гусман, которого в 1801 г. сменил Бетанкур. Тогда же он сосредоточил свои усилия на создании Школы инженеров дорог и каналов, необходимой для технической поддержки работы Инспекции и для подготовки соответствующих специалистов. Школа открылась в ноябре 1802 г. во дворце Буэн Ретиро. Следующие несколько лет до своего отъезда в 1807 г. в Париж, а затем в Петербург Бетанкур посвятил организации работы Инспекции и Школы и участвовал в важнейших проектах того времени, таких как Кастильский канал, арочная плотина в Лорке, и в работах по изменению русла рек Хениль и Кубильяс в долине Гранады, проект, который Гонсалес Таскон считает «одной из самых выдающихся работ в области гидравлики, которой руководил Бетанкур на посту Генерального директора дорог»¹⁰⁰. Его осуществление стало причиной конфликта между Бетанкуром и Годоем, что в конце концов побудило инженера принять поступившее из Петербурга предложение и покинуть Испанию.

Вниз по течению реки Хениль, примерно в трех милях от Гранады, находилась королевская резиденция Сото-де-Рома. Из сохранившихся документов эпохи правления Карла IV следует, что в начале 1790-х гг. планы короны относительно Сото-де-Ромы претерпели значительные изменения; возможно, это произошло под влиянием Годоя: было решено вырубить лес и засеять освободившиеся земли. В пользу проекта приводились следующие аргументы: во-первых, местность там нездоровая; во-вторых, королевская

¹⁰⁰ *González Tascón I. Betancourt... P. 196.*

казна получит значительные доходы от сдачи земель в аренду крестьянам, которым и предстояло заняться вырубкой леса за свой счет¹⁰¹.

В сентябре 1795 г. Карл IV передал право собственности на Сото Годою, решительному стороннику этой политики. В результате в долине Гранады в целом и в Сото в частности стала проводиться массовая рубка лесов, которая в регионе с несформировавшейся гидрографической сетью усугубляла проблему наводнений, которые теперь смывали посевы, ведь была уничтожена основная масса деревьев и кустарников. В январе 1803 г. Годой отправляет Бетанкура в Гранаду с приказом составить предварительный план работ и начать их как можно скорее. Бетанкур предложил среди прочего запретить посевы в верхнем течении Хениля, сохранить лесополосу шириной 30 вар [*вара* — мера длины равна 0,7–0,8 м] вдоль берега ниже по течению от Гранады, объединить эту зону под юрисдикцией одной организации или под началом одного человека и не позволять крестьянам или общинам самостоятельно проводить какие бы то ни было точечные работы в русле реки, так как это не способствовало бы решению проблемы, но создавало бы новую, еще бóльшую¹⁰².

Очень скоро у лучшего инженера страны начались конфликты с Годоем: некоторые перемены в управлении регионом, а также общая философия проекта, должно быть, пришлось не по нраву дону Мануэлю и назначенному им управляющему в Сото. В отчете о состоянии работ от 10 сентября 1803 г. Бетанкур жалуется министру, что управляющий ставит ему палки в колеса. К этому времени Бетанкур уже познакомился с российским дипломатом, который просил власти в Петербурге разрешить ему предложить испанскому инженеру ответственную должность в России.

В ответном письме Муравьеву-Апостолу, подписанном министром иностранных дел Адамом Ежи Чарторыйским, говорилось: «Есть ли Вы уверены в достоинствах и звании г-на Бетанкура, то не встретится затруднения в принятии его в российскую службу». Однако ставилось одно материальное условие: «Буде согласится он на положение в разсуждении содержания, которое производится здесь главным чиновникам инженерным по части гидравлической и которое простирается до 8000 рублей в год». То есть дипломату предоставлялась полная свобода, и он мог вступить в переговоры с доном Августином о заключении с ним договора, но при этом приходилось конкурировать с французами, которые предлагали Бетанкуру возглавить погрузочно-разгрузочные работы в портах Тулона и Марселя¹⁰³.

¹⁰¹ Archivo de Palacio. Reinados. Carlos IV. Leg. 1. О политике в отношении лесов Сото в первой половине XVIII в. см.: *Камареро Буйон К.* Административная и хозяйственная реформа королевских резиденций: план Энсенады для Сото-де-Рома (Гранада, Испания, 1749 г.) // Испания и Россия: исторические судьбы... С. 47–55.

¹⁰² *Miñoz Bravo J.* Betancourt, Godoy y el Soto de Roma // *Revista de Obras públicas.* 1987. CXXXIV (Sept.). No. 3261. P. 555–574.

¹⁰³ Цит. по: *Волосюк О.В.* Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1802–1805) // *Российские дипломаты в Испании...* С. 397.

Медлительность российской администрации (послание Чарторыйского было доставлено адресату только в октябре 1804 г.), как ни странно, способствовала желанной цели — переезду Бетанкура в Россию. За это время отношения с Годоем окончательно испортились. В дальнейшем напряженность продолжала нарастать и достигла кульминации в октябре 1805 г., когда Годой отказал Бетанкуру в доверии и передал проект военным инженерам. Решение министра стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. Годой не знал, что Бетанкур уже стремится к новым горизонтам.

Послание, в котором Муравьев-Апостол сообщал в Петербург об условиях, выдвинутых Бетанкуром, красноречиво свидетельствует о недовольстве, которое подтолкнуло дона Августина к тому, чтобы покинуть свою страну: «Г-н Бетанкур, как и все люди, которые имеют чувства, разочарован тем, что происходит в этой стране [Испании]», — комментарий, совпадающий с тем, о чем пишет инженер в своих письмах, в которых он говорит, что отъезд вызван неприязнью, которую он испытывает к Принцу Мира.

Получив ответ из Петербурга, Муравьев-Апостол уведомил Бетанкура о том, что его приглашают в Россию, и тот выразил согласие на переезд, поставив, однако, ряд условий. Во-первых, он не может выехать немедленно: на его попечении жена и дети, а его фабрика красок, оставшись без хозяина, придет в упадок. Во-вторых, ему нужны гарантии, что в России он получит пост главного инженера по проведению всех гидравлических работ и в его ведении окажутся порты, арсеналы, каналы и т.д.¹⁰⁴ Но этот новый этап его жизни еще не начался, и 1806 год застает его в Лорке за работой над укреплением берегов реки Гуадалентин. Одновременно он пытается закончить дела на хлопковой фабрике в Авиле. Но в это время Испания вступает в период серьезного политического кризиса. В таких условиях, политических и семейных, Бетанкур начинает переговоры с правительством о передаче фабрики государству с предварительной компенсацией в 700 000 реалов с учетом проведенной им модернизации оборудования. В апреле 1807 г. он получает запрошенную сумму — главное препятствие на пути отъезда в Россию устранено.

В мае Бетанкур отправляется во Францию, где уже находится его семья, а в октябре совершает путешествие в Россию, где его принимают с распростертыми объятиями и дают возможность ознакомиться с основными отраслями промышленности. В мае следующего, 1808 года он возвращается в Париж, а в сентябре предпринимает поездку в Эрфурт, для того чтобы представиться российскому императору Александру I. Лишь после этого вместе с женой Анной Журдан и детьми Бетанкур держит путь в Петербург. Он прибывает в северную столицу в последних числах октября. В жизни «наиболее знающего механика Европы» начинается российский этап.

Когда осенью 1808 г. Бетанкур, готовый погрузиться в новую деятельность, прибыл в Россию, ему уже исполнилось пятьдесят. Он был женат, имел четверых детей. Он был знаменит и сохранил энергичность и неуемность, сопутствовавшие ему всю жизнь.

¹⁰⁴ Цит. по: Там же. С. 398. См. также: *Muñoz Bravo J.* Betancourt, Godoy... P. 555.

На новом месте Августин Августинович Бетанкур, как его стали звать в России, фактически повторил путь, пройденный в Испании. Первый год он посвятил созданию Главного управления путей сообщения и формированию Инженерного корпуса и Института, который будет возглавлять до 1824 г., с 1822 г. совмещая этот пост с постом начальника Главного управления. Кроме того, Бетанкур принимал участие во многих научных проектах и, по обыкновению, продолжал разработку разного рода машин и механизмов.

Нависшая над страной угроза наполеоновского вторжения вынуждает российское правительство направить Бетанкура в 1809 г. в Тулу для модернизации там оружейного завода. Город, расположенный на берегу реки Упа, был выбран для основания казенной оружейной фабрики в 1712 г. — учитывались и доступность гидроэнергии, и близость и богатство месторождений железной руды. Однако за минувшее столетие фабричное оборудование износилось и устарело. Бетанкуру предстояло заменить прежние гидравлические устройства новейшими паровыми механизмами с целью усовершенствования шнеков для производства гладкоствольных ружей.

В 1816–1818 гг. Бетанкур приступает к созданию в Петербурге фабрики для производства ассигнаций, которая объединила бы бумажное и типографское производство. Задача эта была первостепенной важности. Как и в других европейских странах, бумажные деньги появились в России во второй половине XVIII в., но из-за плохой защищенности купюр распространилось много фальшивок. Французское вторжение усугубило проблему, наполеоновские войска наводнили страну огромным количеством поддельных денег. Вот почему Бетанкур лично занялся разработкой образцов новых ассигнаций, которые имели бы более сложные способы защиты.

180

В 1817 г. он возглавляет строительство двух крупных объектов: здания для строевой подготовки войск в Москве и ярмарочного комплекса в Нижнем Новгороде. В XVIII в. в некоторых германских государствах начали создавать крытые плацдармы, чтобы военные могли совершенствоваться в своем деле в зимний период. Решив провести зиму 1817/18 года в Москве, Александр I спохватывается, что в прежней столице нет ни одного помещения для маневров, и поручает Бетанкуру в кратчайшие сроки спроектировать подходящее сооружение. Августин Августинович разрабатывает прямоугольную в плане постройку в неоклассическом стиле с грандиозными по размерам перекрытиями, самую большую в России¹⁰⁵, и занимается организацией строительства, возложив задачу возведения здания на инженера Льва Карбонье. Уже в декабре 1818 г. император торжественно открывает московский Манеж, который в настоящее время служит выставочным залом.

Гостиный двор в Нижнем Новгороде — самое значительное творение Бетанкура, в полной мере воплотившее накопленные им знания в области гидравлики, транспорта и градостроительства. Ежегодные торговые ярмарки в России были основой экономики страны. Одна из крупнейших

¹⁰⁵ *González Tascón I. Betancourt... P. 284.*

Московский Манеж

проходила в городе Макарьеве на берегу Волги. Расположение ярмарки было не слишком удачным, поэтому, когда в 1816 г. все ярмарочные строения уничтожил пожар, было решено перенести ярмарку на новое, более удобное место. Основательно изучив окрестности, Бетанкур остановил свой выбор на Нижнем Новгороде, расположенном на стрелке двух рек — Оки и Волги. Весной 1818 г. Бетанкур вновь навещает в Нижний, на этот раз чтобы обустроить место для строительных работ и собрать рабочих. К началу 1819 г. у него уже полностью подготовлен проект будущего комплекса: внушительное центральное здание, два административных корпуса, восемь торговых центров, 48 двухэтажных лавок и церковь. В июле 1822 г. при стечении 200 000 посетителей — торговцев, покупателей и зевак — ярмарка в Нижнем Новгороде была торжественно открыта. Это была самая крупная и самая современная ярмарка в Европе. В ее создании принял участие еще один испанец — инженер Рафаэль Бауса¹⁰⁶.

181

Немало усилий Бетанкур посвятил и созданию очистных сооружений для портов и каналов (борясь с сильно затруднявшими навигацию водорослями), и конструированию мостов, и, наконец, изобретению разного рода машин и подъемных механизмов, использованных в дальнейшем при установке колонн Исаакиевского собора и Александрийского столпа на Дворцовой площади Петербурга.

Летом 1820 г. Бетанкур предпринял длительную поездку по Российской империи с посещением тех мест, где были внедрены его изобретения. По

¹⁰⁶ Ibid. P. 292 y ss; Prieto Pérez J.L. Agustín de Betancourt y su tiempo // Un nuevo sistema de navegación interior: noticias biográficas. VVAA (dir). La Orotava, Fundación Canaria Orotava de Historia de la Ciencia, 2003. P. 40.

результатам поездки он составил доклад, выводы которого были крайне пессимистичны — он жаловался на плохое состояние проинспектированных им объектов. Столь критический отзыв о состоянии дел пришелся не по нраву Александру I: с этого момента звезда Бетанкура начинает закатываться.

Еще в августе 1822 г. Главное управление путей сообщения перешло под начало дяди царя — слабо разбиравшегося в инженерном деле герцога Александра Вюртембергского, который шаг за шагом пытался оттеснить Бетанкура на задний план. Летом 1823 г. умерла дочь Бетанкура, Каролина, обвенчанная с испанцем Хоакином Эспехо. В феврале 1824 г. Бетанкур подал в отставку со всех занимаемых им должностей, которую император принял. А менее чем через полгода, в июле, «самый знающий механик Европы» умер. Его похоронили рядом с дочерью на Смоленском кладбище Петербурга. В 1979 г. его останки были перенесены на погост Александроневской лавры, где Августин де Бетанкур и покоится рядом с другими великими деятелями русской науки и культуры.

ИЗАБЕЛЛА II и РОССИЯ: ОТ РАЗРЫВА К ПРИЗНАНИЮ

В 1833 г. в Испании умер король Фердинанд VII. Начался долгий династический спор, который превратился в гражданскую войну между либералами и абсолютистами, явившуюся одним из проявлений тех противоречий, которые после Французской революции определяли европейскую политику. Правительство Изабеллы II попыталось незамедлительно решить вопрос международного признания, прибегнув к обычной практике отсылки новых верительных грамот своим представителям. Однако министр иностранных дел России, граф Карл Нессельроде, затягивал решение вопроса о признании испанской королевы до тех пор, пока не была согласована общая позиция с венским и берлинским дворами¹⁰⁷. Переписка испанского посланника Паэса де ла Кадена содержит многочисленные указания на то, что события в Испании являлись причиной задержки с признанием верительных грамот.

Претендент на испанский престол, дон Карлос, попытался вовлечь европейские державы в династический спор в Испании, считая его угрозой порядку, установленному Венским конгрессом. Но для европейских консервативных держав испанский вопрос был проблемой страны, далекой в географическом отношении, а следовательно, не представлявшей серьезного политического интереса. Что касается России, то ее посланник в Мадриде Петр Убри вначале даже склонялся к поддержке Изабеллы II¹⁰⁸. Подобная

¹⁰⁷ Донесения испанского посланника в России. 15.11.1833. No. 1506 у 23.11.1833; No. 1509. АНН. Estado. Leg. 6138; донесение английского посла в России. 13.11.1833. No. 122. National Archives (NA) Kew, Foreign Office (FO) 65/208.

¹⁰⁸ Донесение сардинского посла в Испании. 03.10.1833. No. 466. Archivio del Ministero degli Affari Esteri, Roma, Italia (AMAE). Segreteria di Stato (SS) Sardegna. Registre des Pièces Deschiffrées (RPD). Vol. 10. No. 466.

позиция была обусловлена и тем, что в первое время сторонники претендента, дон Карлоса, находившегося за пределами Испании, не предпринимали никаких дипломатических инициатив¹⁰⁹. В начале 1834 г. карлисты подготовили особую дипломатическую миссию, которая бы объяснила и представила правительствам консервативных монархий позиции претендента, но Россия порекомендовала вместо направления представителя изложить проблему письменно¹¹⁰. Прибыв на территорию Испании, дон Карлос направил испанскому посланнику в России письмо с просьбой взять на себя функции его представителя и ходатайствовать о признании его монархом. Посланник, по-видимому, ранее уже пообещал это исполнить, как только претендент станет королем¹¹¹.

Но несмотря на опасения, внушаемые ходом событий в Испании, особенно после падения правительства Сеа Бермудеса, позиция России не была достаточно определенной. Если в Париже Карло Поццо ди Борго открыто демонстрировал симпатии к карлистам, то в Мадриде Убри посещал заседания парламента, а император Николай I в Петербурге просто избегал встреч с посланником дон Карлоса¹¹². В вопросе признания дон Карлоса Россия придерживалась нейтралитета, и любое связанное с этим решение она готова была принять, лишь согласовав его со своими союзниками.

Изабелла II

¹⁰⁹ Донесение сардинского посла в Испании. 19.01.1834. No. 509. Archivio di Stato di Torino, Turin, Italia (AST), Lettere Ministri (LLMM). Spagna, Leg. 112.

¹¹⁰ Донесение сардинского посла в Неаполе. 04.04.1834. No. 1437. AMAE, SS, Sardegna, RPD 11.

¹¹¹ Циркуляр карлистского государственного секретаря полномочным послам в Вене, Петербурге и Неаполе, 30.07.1834. Archivo de la Real Academia de la Historia, Madrid (ARAH). Leg. 9/6798.

¹¹² Донесение сардинского посла в России. 08/20.09.1834. No. 457. AMAE, SS, Sardegna, RPD, 11.

В начале 1835 г. карлисты назначили нового представителя в России. Инструкции обязывали его добиться того, чтобы русское правительство оказало давление на Англию и заставило ее отказаться от поддержки либерального правительства Изабеллы II; он должен был также дать понять Петербургу, что карлисты не будут согласны ни на какую сделку, ни на вмешательство консервативных монархов в свою политику¹¹³.

Европейские государства руководствовались главным образом необходимостью избежать повторения позорных, по их мнению, преследований либералов, имевших место в 1824 г. В результате, так и не получив обещания, что в будущем подобные действия не повторятся, они отложили принятие решения о поддержке дона Карлоса, а когда об этой поддержке все же было заявлено, сделали это с многочисленными оговорками, особенно из-за его весьма неопределенного отношения к восстановлению инквизиции¹¹⁴. Встреча монархов-консерваторов в Теплице означала небольшой шаг вперед, но не увенчалась объявлением о его открытой поддержке. Их решение зависело от того, насколько стабильной была ситуация в Испании. Об этом ясно свидетельствовали и претензии представителей великих держав в Теплице, которые свелись в основном к неспособности правительства разрешить конфликт военным путем и к бунтам, устроенным в различных испанских городах радикально настроенными либералами.

Но подобная непоследовательность привела к охлаждению отношений до такой степени, что в середине 1834 г. российский посланник покинул Испанию, тем самым сильно понизив уровень дипломатического представительства. Несколькими месяцами позже за решение проблемы взялся Клеменс Меттерних. Он проанализировал информацию, предоставленную карлистами, и решил уделить данному вопросу более пристальное внимание. Но такая позиция не встретила поддержки в России, правительство которой, по мнению Меттерниха, находилось под влиянием некоторых либеральных веяний¹¹⁵.

184 Обострение испанского кризиса — сначала обращение за военной помощью к странам — участникам Четверного союза, а затем мятеж сержантов в Ла-Гранхе (август 1836 г.), который заставил королеву признать конституцию 1812 г., — вынудило Россию и консервативные монархии выйти из состояния пассивной созерцательности. В результате консервативные державы не просто отозвали своих послов (те уже давно покинули страну), но и закрыли дипломатические представительства. Российский посланник Убри запросил паспорта 24 ноября 1836 г.¹¹⁶

Хотя отношения с правительством Изабеллы II были разорваны, никто не склонялся к открытой поддержке карлистского претендента. Его просто

¹¹³ Инструкции для Фернандо де Навиа. 10.02.1835. ARAH, Leg. 9/6705.

¹¹⁴ Донесение карлистского представителя в Париже. 17.11.1835. No. 88. ARAH, Leg. 916728.

¹¹⁵ Письмо Меттерниха, австрийского канцлера, послу в Берлине. 24.09.1834. Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Viena, Austria (HHStA), Gesandtschaftsarchiv von (GA), Neapel. Leg. 73.

¹¹⁶ AHN, Estado. Leg. 8159.

снабдили деньгами, но при этом сделали это негласно, чтобы не раскрывать личности благодетелей. Против такого метода выступал российский император, настаивавший, чтобы передача денег происходила открыто. Однако этап «доверия» оказался недолгим как из-за нечеткости программных установок дона Карлоса, так и вследствие краха его военных планов. Карлисты старались убедить европейские правительства в том, что мятеж в Ла-Гранхе якобы ускорит падение либералов и что подавляющее большинство испанцев признают дона Карлоса королем. С этой целью они даже организовали военный поход во главе с самим королем-претендентом. Когда армия карлистов перешла через реку Эбро, дон Карлос решил, что настало время добиться своего признания европейскими дворами и с этой целью направил туда своих эмиссаров¹¹⁷. В Россию выехал маркиз де Вильяфранка, чтобы не только ходатайствовать о признании, но и остаться там в качестве постоянного представителя.

Но дону Карлосу не удалось взять Мадрид — более того, он был вынужден поспешно отступить в северные области страны, в Страну Басков, откуда его поход и начинался. Произошло это почти одновременно с приездом его эмиссара в Петербург. Для того чтобы сгладить негативное впечатление, создавшееся в связи с отступлением короля-претендента, французский традиционалист Оге де Сен-Сильвен, барон де лос Вальес был делегирован к дружественным европейским правительствам с поручением убедить их в том, что причиной неудачи была только нехватка денежных средств, и в результате добиться от них решения о выделении субсидий¹¹⁸.

Все эти меры имели успех, и деньги, по предложению Меттерниха, были наконец отправлены, а Николай I, кроме того, возложил на графа Плеттенберга задачу финансового контроля над их использованием. Поступление средств и прибытие эмиссаров совпали с началом внутреннего кризиса карлизма, в процессе которого произошли события, свидетельствовавшие об общем распаде этого политического движения¹¹⁹. После того как по приказу генерала Марото были расстреляны несколько карлистских военачальников, доверие великих держав к карлизму окончательно сошло на нет. Немного позже, в 1839 г., маркиз де Вильяфранка покинул Россию, поскольку его пребывание там стало совершенно бесполезным.

В самом конце войны и правительство Изабеллы II, стремясь добиться признания, попыталось предпринять новые дипломатические маневры в отношении консервативных монархий. Эта миссия была поручена Франсиско Сеа Бермудесу, одному из наиболее уважаемых и умеренных дипломатов либерального лагеря, но в результате оказалась неудачной. Испанская внешняя политика в результате свелась к поддержанию отношений с Францией и

¹¹⁷ Письмо карлистского государственного секретаря представителю во Франции (черновик), 12.07.1837. АРАН. Leg. 9/6743.

¹¹⁸ Письмо карлистского государственного секретаря маркизу де Вильяфранке, 27.10.1837. АРАН. Leg. 9/6724.

¹¹⁹ Донесение маркиза де Вильяфранки. 23.01.1838. No. 24 y 25. АРАН. Leg. 9/6724.

Англией, которые в последующие годы поочередно осуществляли контроль над Испанией. Политическая нестабильность, сохранявшаяся в Испании, привела к тому, что и все последующие попытки восстановления отношений с Россией, начиная с 1839 г., не увенчались успехом¹²⁰. Существовали и другие факторы — личные предубеждения Николая I, а также политические принципы Меттерниха, вдохновителя системы европейского равновесия, созданной на Венском конгрессе.

Самый подходящий момент для возврата к этому вопросу настал в 1848 г., когда революции покончили с властью Меттерниха в Австрии, Клементе Соларо в Пьемонте и некоторых других, сыгравших видную роль в разрыве российско-испанских отношений, а в самой Испании президент Совета министров, Рамон Мария Нарваэс, сумел сдержать натиск революции. Эта миссия была поручена начальнику Артиллерийского управления генералу Антонио Ремону Сарко дель Валье, который путешествовал по Европе якобы для знакомства с новейшими военно-техническими достижениями. Он воспользовался связями в российских посольствах в разных странах и, наконец, получил разрешение на посещение Петербурга, куда и прибыл 16 сентября 1848 г. Довод, что революции в Испании удалось избежать, стал ключевым аргументом, который испанский представитель использовал на переговорах, — и они увенчались частичным успехом: правительство Изабеллы II признала Пруссия (03.05.1848). На встречах с российскими политиками Сарко, помимо этого, доказывал, что Испания могла бы способствовать сдерживанию французской революции, начавшейся в феврале 1848 г. Он также намекал на возможность достижения договоренности о предоставлении российскому флоту права пользоваться испанскими портами, что гарантировало бы России привилегированное стратегическое положение в Средиземном море, обеспечив таким образом присутствие ее судов в двух ключевых зонах региона.

186 В течение нескольких недель пребывания в Петербурге Сарко провел переговоры с политиками разного ранга, в том числе и графом Нессельроде. Российский министр иностранных дел заявил испанскому представителю, что «изменить систему выжидательной политики, которой в нынешнем состоянии Европы придерживается Россия, полностью невозможно». Россия действительно выжидала, наблюдая за ситуацией и в Европе, и в Испании, где к тому времени произошли восстания республиканцев и карлистов.

Потерпев неудачу, испанское правительство не предпринимало новых шагов к сближению. Дальнейшие попытки повторять их были бы унизительны¹²¹. Но вскоре ситуация коренным образом изменилась. Россия, вовлеченная в Крымскую войну, сама проявила интерес к укреплению связей с Испанией и начала подавать сигналы к сближению, поскольку это должно было нервировать ее противника в войне — Францию. Смерть Николая I в

¹²⁰ Донесение посла во Франкфурте. 17.02.1856. No. 10. AHN, Ministerio de Asuntos Exteriores (MAE). Leg. 2839.

¹²¹ Донесение посла в Вене. 26.06.1856. AHN, MAE. Leg. 2839.

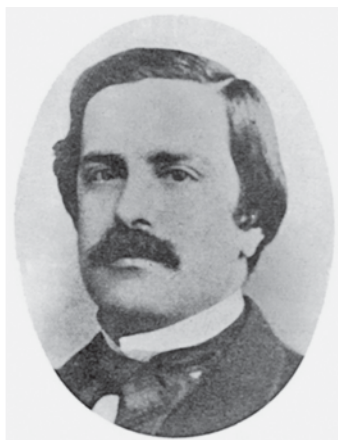
1855 г. также изменила положение дел: его наследник Александр II не воспринимал карлистскую проблему как личную обиду.

Так как серьезных политических препятствий уже не оставалось, надо было лишь найти адекватную форму решения вопроса о возобновлении отношений, которая устраивала бы обе стороны. После стольких высокомерных отказов испанское правительство не могло выступать в качестве инициатора, вследствие чего обе стороны выбрали вариант полуофициального решения, которое стало бы взаимным признанием. Александр II отправил в Испанию генерала графа Константина Бенкендорфа с миссией известить Изабеллу II о своем восшествии на престол. 17 октября 1856 г. Бенкендорф был принят королевой Изабеллой II. Выдержанный в дружественных тонах ответ и теплый прием, оказанный российскому посланнику, стали надлежащей основой для завершения 20-летнего отчуждения между двумя государствами.

ХУАН ВАЛЕРА: ДИПЛОМАТ-ПИСАТЕЛЬ В РОССИИ

После долгого перерыва (1833–1856), вызванного отказом петербургского кабинета признать право на испанский престол за Изабеллой II, Россия и Испания в равной степени испытывали необходимость в возобновлении дипломатических отношений. В декабре 1856 г., с назначением Михаила Александровича Голицына посланником в Испанию, процесс восстановления дипломатических отношений завершился¹²². Весьма красноречива полученная им инструкция, где подчеркивается невмешательство России во внутренние дела других государств и в то же время звучит мысль о том, что внутренние дела Испании (тема постоянного соперничества между Англией и Францией) заслуживают пристального внимания и, следовательно, необходимо всеми допустимыми средствами способствовать усилению власти испанской короны.

Одновременно, в конце декабря 1856 г., в Петербурге появилась испанская дипломатическая миссия во главе с герцогом де Осуной (1814–1882). Секретарем этого чрезвычайного посольства был назначен Хуан Валера, уже имевший в свои тридцать два года некоторый дипломатический опыт. Во время первого назначения в Неаполь ему посчастливилось служить под началом одного из крупнейших испанских поэтов эпохи романтизма, Анхеля де Сааведры, герцога де Риваса. До прибытия в Россию он также успел побывать в Португалии, Бразилии и Саксонии.

Хуан Валера

¹²² *Волосюк О.В.* Михаил Александрович Голицын (1856–1860) // Российские дипломаты в Испании... С. 127–136.

«Не строй из себя Осуну!»

Дон Мариано Тельес Хирон-и-Бофур, XV герцог де Инфантадо, XII герцог де Осуна, посланник, а затем и посол королевы Испании Изабеллы II при российском императорском дворе в 1856–1868 гг., вошел в историю испано-российских отношений не только вкладом в их нормализацию после более чем 20-летнего перерыва, но и экстравагантными поступками и непомерными расходами из оставшегося ему огромного наследства.

Свое «служение королеве Изабелле II и Отечеству» в России де Осуна начал с отказа от положенного ему жалованья и в течение всего своего пребывания в Петербурге содержал испанскую дипломатическую миссию за свой счет, арендуя для посольства дорогостоящие особняки в центре российской столицы. Герцог прославился и своими роскошными балами, и приемами с сотнями гостей, на которых всех дам одаривали живыми цветами, привезенными зимой специальными поездами из Испании. Испанский гранд, принятый в домах августейших особ Европы, блистательный кабальеро, красавец и широкая натура — герцог де Осуна стал любимцем петербургского высшего света.

А в Мадриде о чудачествах герцога в России складывались легенды. Рассказывали, например, что однажды де Осуна, опоздав на встречу дипломатического корпуса с Александром II, вошел в тронный зал Зимнего дворца и, не обнаружив поблизости свободного стула, не желая нарушать ход встречи, снял с себя роскошный плащ из горностая, бросил его на пол и сидел на нем до окончания заседания, а потом отказался его забрать, заявив, что «испанский посол не имеет привычки уносить стулья». Очень популярной была история о том, как после одного из устроенных де Осуной приемов, на котором присутствовал сам Александр II, герцог будто бы приказал бросить в Неву золотую посуду, которой пользовался император, чтобы никто другой не мог осквернить ее своим прикосновением. Широко обсуждались

Суть дипломатической миссии герцога де Осуны заключалась в налаживании нормальных отношений между обеими странами, а ближайшей целью было поздравление нового императора Александра II от имени Изабеллы II, а также сложная интрига с обменом орденами разного достоинства, в которой каждой из сторон важно было соблюсти свои интересы. Сама по себе задача посольства не предполагала долгого пребывания в Петербурге, однако переговоры о достоинстве орденов и, главное, о возможных претендентах на них с той и с другой стороны затянулись и в конце концов почти зашли в тупик. В результате вместо нескольких недель Валера пробыл в России полгода, что позволило ему создать шедевр испанской эпистолярной прозы, посвященный России.

Россия дала Хуану Валере уникальные стимулы для творчества: экзотический материал, недоступный другим его соотечественникам,

бомондом обеих столиц и любовные приключения де Осуны. Список очарованных им в российской столице дам был внушительным. Среди них упоминались графиня Корсакова, княгини Демидова, Долгорукая, Юсупова, французская актриса Мадлен Броан.

Герцог де Осуна покинул Россию в 1868 г. К этому времени он был обременен долгами, преследовался кредиторами, однако не изменил своего образа жизни. В результате все оставшееся после его смерти в 1882 г. имущество перешло кредиторам. Библиотека герцога, выкупленная государством, стала частью Национальной библиотеки Мадрида, а коллекция картин и драгоценностей была продана частным лицам. Родственникам де Осуны достались в наследство только титулы. С той поры, когда кто-либо позволял себе чрезмерные расходы, в Испании стали говорить: «Не строй из себя Осуну!»

Мариано Тельес Хирон, герцог де Осуна

разнообразные эстетические впечатления и, наконец, свободное время, обеспеченное неопределенностью ожидания при статусе члена дипломатической миссии, невозможное при «нормальной» дипломатической службе. Славу Хуана Валеры составили обширные и подробные письма, которые он посылал с завидной регулярностью на протяжении всего затянувшегося пребывания в России. Почти все они, за исключением нескольких, адресованных матери, сестре и известному испанскому поэту Рамону де Кампоамору, были адресованы Леопольдо Аугусто де Куэто, приятелю и одновременно высокопоставленному чиновнику в Министерстве иностранных дел. «Амбивалентность» адресата идеальным образом соответствовала жанру писем, формально частных, а значит, ни к чему не обязывающих, но в то же время максимально насыщенных «официальной» информацией и полуофициальными наблюдениями, опасениями и прогнозами — непременно

атрибутом истинно дипломатической интриги, столь необходимой для создания и поддержания драматического интереса. В сочетании с непринужденной интонацией доверительной беседы рождался жанр, в котором можно было в полной мере выразить себя и заявить о себе как о писателе.

Валера явно предназначал свои письма для печати, но его огорчало их появление в каких-то второстепенных газетах, причем «не в полном виде, а с изменениями и сокращениями». Кроме того, в одном из писем Валера, узнав о публикации первых двух, фактически дает свое разрешение на издание последующих. Валера достаточно откровенен в своих описаниях, начиная с взаимоотношений со знаменитой французской актрисой Мадлен Броан, ухаживая за которой он оказался соперником своего непосредственного начальника — герцога де Осуны, затем в полных иронии комментариях в адрес самого Осуны и заканчивая насмешками над полковником Киньонесом де Леоном, адъютантом герцога де Осуны, что позволяет предположить, что эти откровения не были случайностью, а являлись элементом эстетического замысла и составляли основу того художественного эффекта, которого добивался Валера.

Свидетельства широкой известности писем Валеры сохранились благодаря его переписке с матерью и сестрой. По словам его матери, письма «вызвали бурю и превозносятся до небес»¹²³. Из письма матери от 13 февраля 1857 г. Валера узнал, что его письма нравятся всем без исключения, и в том числе королеве и всем ее министрам. С другой стороны, поскольку помимо лирики письма содержали факты и подробности полуконфиденциального характера, производимый эффект был достаточно острым для одних читателей и вызывал живой интерес других, то есть позволил завладеть вниманием большинства, на что Валера, несомненно, и рассчитывал.

Напряжение, существовавшее между Валерой и герцогом де Осуной, было отчетливо заметно по ряду причин. Путаная ситуация с орденами, затрагивавшая интересы как испанских, так и российских высокопоставленных лиц, и иронические замечания Валеры, которыми изобиловали его письма, заставили герцога думать, что именно их автор являлся причиной задержки пребывания посольства в России дольше необходимого. Эта интрига найдет свое место в общем контексте писем Валеры наряду с описаниями русских обычаев и нравов, глубокими философскими размышлениями о предназначении России, откровениями интимного характера и подробными теологическими рассуждениями о расхождениях между католической и православной церквями.

Высказывалось даже мнение, что письма не только вызвали негодование Осуны, но и бросили тень на премьер-министра страны Рамона Нарваэса и даже способствовали провалу последнего на очередных выборах. Благодаря «холодной желчности энциклопедиста»¹²⁴, присущей — по Ортеге-и-Гассету — писателю, от его ироничного взгляда не ускользнули и

¹²³ Цит. по: *Azaña M.* Ensayos sobre Valera. Madrid: Alianza, 1971. P. 170

¹²⁴ *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. С. 49.

несуразности русской жизни, что тоже, несомненно, было замечено читателями и вызвало предостережение со стороны сестры Валеры, обращавшей внимание на то, что он играет с огнем, когда плохо пишет о стране, в которой находится в качестве простого приглашенного дипломата. И действительно, постоянно иронизируя над самим собой, Валера позволял себе быть достаточно язвительным и по отношению к тому, что его окружало. Он даже изобрел особый термин для обозначения этого феномена: «руссковоенточные науки».

В своих письмах из России, оттачивая стиль, подбирая интонацию и вырабатывая уникальную версию одного из древнейших жанров, Валера разыграл блестящую литературную партию. Его эстетическая авантюра, достаточно рискованная в смысле продвижения по службе, но безупречная с психологической точки зрения, увенчалась полным успехом. Автор «Писем из России» создал себе имя. Валера уехал из Испании мелким чиновником, а вернулся знаменитостью, человеком, легкое перо, острый язык и талант которого могли принести пользу в государственных делах.

Вернувшись из России, Валера на волне популярности начинает реализовывать свой талант одновременно в трех привлекающих его сферах: литературе, политике и дипломатической службе. Один за другим выходят его романы, многие из которых сразу же переводятся на иностранные языки. В 1858 г. Валера был избран депутатом кортесов. А еще через несколько лет, в 1861 г., он стал академиком. Его дипломатическая карьера не пострадала (несмотря на то что именно эта сторона его эпистолярных откровений могла выйти ему боком), напротив, дипломатические назначения следовали одно за другим (Лиссабон, Вашингтон, Брюссель). Финальным аккордом стало его назначение послом в Вену.

Особая предрасположенность Валеры к эпистолярному жанру проявлялась и в том, что большая часть романов писателя включает в себя письма, и в том, что в некоторые его произведения включены письма подлинные, написанные ранее. В рецензии 1901 г. на книгу прозы Хасинто Бенавенте «Письма женщин» Валера признавался в своей приверженности эпистолярному жанру. «Письма из России» не только создали Валере славу писателя, но в известной мере решили его судьбу, определили его призвание. Впечатление легкости и непринужденности, полной естественности и спонтанности, производимое письмами, конечно же, обманчиво. Из-под его пера вышло блистательное и законченное произведение искусства, за которым стоит не только большой труд, но, главное, сложный и новаторский эстетический замысел. Когда Валера описывал непроглядные снежные ночи, он делал это мастерски, с расчетом на производимое впечатление. Впервые появившееся в эпистолярном жанре сочетание психологических, публицистических и экзотических элементов оказалось настолько неожиданным и новаторским, настолько гармоничным и увлекательным, что обеспечило Валере грандиозный читательский успех. Чрезвычайно многоцветна и эмоциональная палитра писем. Валера то и дело переходит от восторгов к сарказму, от жалоб и сетований, подчас вполне ребяческих,

к философским и историософским обобщениям, от ярких характеристик людей, с которыми его сводила судьба, к сухим выкладкам экономических перспектив русско-испанских торговых отношений. «Когда Валера по возвращении из России ступил на испанскую землю, ему стало известно, что он знаменит. [...] Его призвание писателя определили письма, и из этих писем разовьются все его сочинения, [...] опыт, который он благодаря им приобрел, проявится в полную силу в романах»¹²⁵.

На протяжении всего своего пребывания в России Валера внимательнейшим образом наблюдал за проявлениями русской религиозности, пытаясь дать им подробное и объективное истолкование, насколько это доступно человеку проникательному, но по неизбежности основывающемуся не на глубоком знании предмета, а на мимолетных впечатлениях и на отрывочных суждениях окружающих его людей: «Так велики их энтузиазм и любовь к отечеству, что из него они создают религию, а императора почитают идолом. С другой стороны, они несколько материализуют и сужают религию, чтобы она оставалась в границах Империи. Здесь свой русский Бог, национальный Бог, как у древних народов Азии»¹²⁶.

Проведя в Петербурге всю зиму, Валера чрезвычайно остро преодолел приход весны. Это позволило ему дать любопытнейшее природно-климатическое объяснение особой предрасположенности русского православного сознания именно к празднику Пасхи. В письме от 2 февраля 1857 г. к Куэто он объясняет это тем, что только такая зима, как в России, позволяет в полной мере ощутить поэтическое и религиозное величие весны, знаменующей собой Воскресение Господне.

Поскольку подавляющее большинство испанцев, писавших о России, бывали лишь в Москве и Петербурге, в их записках немало места уделено сопоставлению двух городов и даже образам обеих столиц. Хуану Валере как истинному европейцу, космополиту, либералу гораздо ближе был Петербург, вызывавший у него восхищение. К Москве он относился несколько иронически. «Говорят, что Москва напоминает Рим; я более не нахожу этого сходства. Рим, построенный Атилой, как если бы он, совершив путешествие на Запад, частично впитал цивилизованность и вознамерился создать нечто виденное им в столице цезарей». Европоцентристский консерватизм эстетических пристрастий Валеры наиболее явственно проявился в его воинствующем неприятии архитектуры собора Василия Блаженного: «Никогда ни один китаец после опьянения опиумом, ни один араб, пропитанный гашишем, не могли видеть подобное в своих снах. [...] Наросты, профили арок, шипы, горбы, хоботы и когти этой химеры, этого чудовища архитектуры производят в душе тот же эффект, который произвел бы вид какого-нибудь плезиозавра или другого допотопного животного, если бы он мог благополучно ожить, чтобы мы могли увидеть его во всей его возвышенной и

¹²⁵ Pérez Guitiérrez F. El problema religiosa de la generación de 1868. Madrid: Taurus, 1975. P. 26.

¹²⁶ Валера Х. Письма из России / Пер. с исп. СПб.: Фонд Сервантеса, 2001. С. 110–111.

гротескной реальности. Между тем у здания больше аналогии с растительным миром, чем с животным. Архитектура имитировала скорее деревья и растения, а не животных. Достаточно немного воображения, чтобы представить себе это здание как какое-то рагу или желе, изготовленное поваром-циклопом, или украшение стола на пире титанов»¹²⁷. От взгляда Валеры не ускользала двусмысленность положения России между Востоком и Западом, пропасть между растворенной в европейской атмосфере интеллигенцией и погруженным в национальную почву народом. Отсюда его сомнения в том, что западноевропейская цивилизация действительно сможет пустить глубокие корни в Святой Руси.

Сергей Соболевский, Модест Корф, Василий Боткин, друзья и товарищи по дипломатическим встречам, познакомили Валеру с миром русской литературы; он в свою очередь знакомил их с новинками испанской литературы, даже пообещав перевести некоторые произведения герцога де Риваса. Русских писателей он читал в немецких (Пушкина и Лермонтова) и английских (Гоголя) переводах, сетуя при этом на то, что с утратой родного языка от писателей остаются лишь гомеопатические шарики их добросердечности. Самым популярным писателем России 1850-х гг. Валера считал Ивана Тургенева.

Прошло тридцать лет, русская литература, которой молодой Валера предрекал великое будущее, получила мировое признание. В 1887 г. в Испании вышла книга Эмилии Пардо Басан «Революция и роман в России», посвященная творчеству Толстого, Тургенева и Достоевского, увиденному сквозь призму революционного движения. В августе 1887 г. в журнале *La Revista de España* было опубликовано открытое письмо Валеры, адресованное Пардо Басан в связи с выходом в свет ее книги. Эту статью предварила переписка между Валерой и Марселино Менендесом-и-Пелайо, в ходе которой они подвергли критике работу Пардо Басан и заложенные в ней идеи. 26 апреля 1887 г., отвечая Менендесу-и-Пелайо, Валера признается, что русской литературы он не знает, однако считает необходимым публично высказать свои возражения писательнице: «Я не беру на себя смелость говорить о современной русской литературе, поскольку я ее не знаю, но мне почему-то кажется, что ее достоинства невелики. А каким успехом она пользуется, Вы сами можете видеть»¹²⁸. Этот эпизод составляет странный контраст со сделанным в 1857 г. заявлением Хуана Валеры, молодого испанского аристократа, о великом предназначении русского народа: «Это культура заимствованная — верно, но крайне рафинированная и очищенная здесь, существующая в высших классах, где она сохраняется, как в свое время — деликатная учтивость, бывшая у некоторых народов пару веков назад; и в лоне русского народа зарождается и начинает развиваться, напористо, автономная цивилизация, плоды которой в грядущем смогут оказать бесценное влияние на общий прогресс человечества».

¹²⁷ Там же. С. 367–368.

¹²⁸ Epistolario de Valera y Menéndez Pelayo: 1877–1905. Madrid: Espasa-Calpe, 1946. P. 370.

«РУССКОЕ» ОТКРЫТИЕ ИСПАНИИ В XIX ВЕКЕ

В середине XIX в. образованные русские, побуждаемые «охотой к перемене мест», тягой к новым знаниям и впечатлениям, обратили внимание и на Испанию. В сравнении с Германией, Англией, Францией и Италией, давно включенными в *grand tour* русского дворянства, это был край малоизвестный, однако сама его таинственность была притягательной. Отсутствие дипломатических отношений между двумя государствами с 1833 по 1856 г. вообще превращало Испанию в «живую загадку»¹²⁹. Русское испанофильство, питавшееся в основном «книжными» сведениями о далекой стране, обрело новое качество — появился интерес к информации, основанной на непосредственных, а потому считавшихся достоверными наблюдениях. Литературный образ Испании, ее «мятежная политическая репутация» привлекали русских путешественников, стремившихся понять сущность современной им европейской цивилизации, для того чтобы определить место в ней России.

Первооткрывателем этой «подлинной» Испании для образованной русской публики стал известный публицист Василий Петрович Боткин (1811–1869). Образованность, острый ум, прекрасное владение пером и широта натуры сделали его видной фигурой в литературных кругах и в либеральной среде. Сын богатого московского чаеоторговца, он успел много поездить по делам семейной фирмы, в том числе в Европе, и обрел вкус и интерес к путешествиям. Когда обстоятельства позволили ему расстаться с коммерцией, Боткин стал странствовать скорее из любознательности. Увлечение литературной Испанией побудило его исследовать Испанию реальную, и он отправился за Пиренеи, побуждаемый исключительно любопытством, стремясь составить «сколько-нибудь определенное понятие о стране, не знаемой в Европе и как будто оторванной от Европы»¹³⁰. Боткин пробыл в Испании три месяца — с августа по октябрь 1845 г. Он пересек страну с севера на юг — от Ируна до Гибралтара, задержавшись в Мадриде, Севилье и Кадисе. Результатом этой поездки стали «Письма об Испании», серия из шести очерков, напечатанных в «Современнике» в 1847–1849 гг. (седьмой очерк вышел в 1851 г.) и опубликованных одной книгой в 1857 г., спустя год после восстановления дипломатических отношений между Россией и Испанией.

Свободная форма путевых заметок позволила автору не заботиться о системности в описаниях, перемежать уличные зарисовки, диалоги, иногда даже анекдоты с рассуждениями о политической жизни и общественных порядках, вводить исторические очерки, пейзажные эскизы, включать в текст отрывки из народных песен. Он дал читателю возможность составить собственное мнение об Испании, а себя предлагал в качестве «проводника», точка зрения которого

¹²⁹ Боткин В.П. Письма об Испании. Л.: Наука, 1976. С. 32.

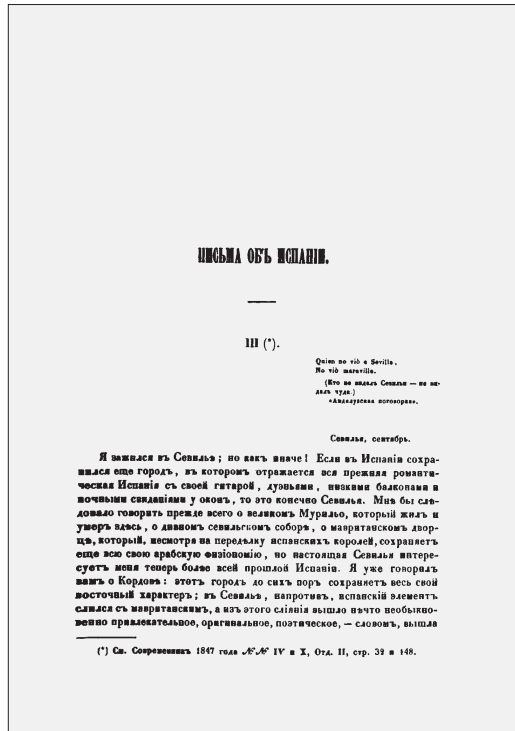
¹³⁰ Дружинин А.В. «Письма об Испании» В.П. Боткина // Боткин В.П. Письма об Испании... С. 239.

весомы, но ненавязчивы. О кругозоре автора свидетельствовали в «Письмах» неплохое владение испанским языком, почерпнутые из французских трудов знания об испанской истории, внимание к деталям, стремление к беспристрастности суждений. Иначе говоря, Боткин приглашал своих соотечественников вместе с ним исследовать страну, где «воздух лимоном и лавром пахнет».

Ориентиром в изучении Испании для Боткина стали распространенные стереотипы, уже ставшие общим местом в русской словесности. Он стремился убедиться в их достоверности, и поэтому даже его маршрут подчинялся литературной логике: путешественник описал те регионы страны, с которыми был связан русский образ Испании, — Мадрид и Андалусию, столицу и «мавританский» юг. Реальная Испания в «Письмах» Боткина

появилась через подчеркнутое отрицание трафаретных представлений о ней — живописной стране серенад, мантилий, «кинжальных страстей» и фанатичной религиозности. Так вопреки ожиданиям Кастилия оказалась «унылой», Аранхуэс — «просто садом, какой только может быть в окрестностях Мадрита», а Гвадалквивир — «мутно-рыжей рекой». Не подтвердились ни представления о «религиозности испанцев, вошедшей в пословицу», ни о «прочности испанских монархических учреждений». Политическую жизнь современной Испании, которая издавна виделась такой динамичной, Боткин охарактеризовал как хаос, «царство призраков», бессмысленную борьбу партий, «отсутствие всякой теории, даже всякой практической мысли». Вместо склонности к революциям путешественник увидел «удивительное чувство повиновения», а пронунсиамьенто описал как фарс¹³¹.

Боткин противопоставил штампам живые впечатления. Так, в его «Письмах» появились поэтические картины «не живописной, а величавой» природной красоты, заинтересованные, иногда ироничные наблюдения за общественными нравами («гордый вид мужика перед знатым и их взаимное уважение»). Он сумел разобраться в политических

В.П. Боткин. «Письма об Испании».
Письмо 3. Фрагмент

¹³¹ Боткин В.П. Письма об Испании... С. 9–10, 21–23, 31, 38, 81, 92.

противоречиях, обратил внимание на региональное разнообразие, в том числе и на различия в экономическом развитии областей, противопоставив «богатство Каталонии», основанное на «производстве мануфактурных изделий», аграрной Андалусии¹³².

Если литературные штампы в «Письмах об Испании» последовательно разрушались, то исторические стереотипы оказались более устойчивыми. Для объяснения современной действительности Боткин обращался к истории, опираясь на французские исторические сочинения и излагая их в критическом либеральном духе¹³³. Так, причиной современных политических конфликтов и экономического застоя он считал королевский деспотизм и фанатичную католическую церковь, «благодаря» которым испанцы утратили склонность к созидательному труду и интерес к политическому прогрессу.

Однако от всех стереотипов Боткину избавиться не удалось. Испания по-прежнему представлялась ему страной полуевропейской, экзотической на восточный лад, но все же обладающей притягательным своеобразием — прежде всего естественной раскованностью нравов, что превращало ее в противоположность рассудочной европейской цивилизации. Боткин отдал должное «серенадному» образу Андалусии, где женщины прекрасны, а «вечер и ночь посвящены интригам и любви». В его очерках Испания сохранила национальный колорит, выражавшийся в языке, народных обычаях и в суровом, страстном, свободолюбивом характере народа¹³⁴.

В целом содержание «Писем об Испании» соответствовало идейному настрою русских либералов: автор рассуждал о неустойчивости конституционных порядков, о пагубности партийной борьбы и — самое главное — о бесперспективности революционного пути общественных преобразований. Но все же образ Испании, созданный Боткиным, был живым и привлекательным; он воспринимал испанскую действительность с интересом и воодушевлением, которое передавалось его читателям и стало одной из причин необыкновенной популярности «Писем» в XIX столетии. И не случайно русские путешественники, отправившиеся в Испанию в конце века, могли признаться вслед за Даниилом Мордовцевым: «Боткина обойти нельзя: это маяк, который освещает Испанию»¹³⁵.

После восстановления дипломатических отношений русские стали посещать Испанию более регулярно, но по-прежнему скорее из любознательности, нежели с практическими целями. Из полусотни путешественников, поделившихся своими впечатлениями, лишь несколько оказались за Пиренеями по делу: среди них военачальник Михаил Скобелев, изучавший партизанский опыт карлистов, священник Константин Кустодиев, служивший в

¹³² Боткин В.П. Письма об Испании... С. 9, 101–103.

¹³³ Звигильский А. Творческая история «Писем об Испании» и отзывы о них современников // Боткин В.П. Письма об Испании... С. 291.

¹³⁴ Боткин В.П. Письма об Испании... С. 11, 97.

¹³⁵ Мордовцев Д.А. По Испании: Путевые арабески. СПб.: Тип. Н. Лебедева, 1885. С. 75.

российском посольстве, искусствовед Никодим Кондаков и историк Владимир Пискорский, прибывшие туда для научных исследований. Большинство ехали «туристами». Очерки и путевые заметки об Испании оставили ученый Лев Мечников, художник Илья Репин, писатели и публицисты Евгений Салиас, Даниил Мордовцев, Исаак Павловский и Василий Немирович-Данченко. Точкой отсчета, как и для Боткина, им служил «сказочный» образ страны Дон Кихота и прекрасных женщин, «гитары и фанданго, отечество альмавивы и мантильи»¹³⁶. Подобно Боткину, они его последовательно опровергали, опираясь, как и автор «Писем об Испании», не только на собственный опыт, но и на сведения, почерпнутые из «общения на месте», из путеводителей, научной и популярной литературы, в основном зарубежной. Владение испанским языком у большинства путешественников сводилось к обиходным фразам, и они по-прежнему воспринимали испанскую действительность «через переводчиков» — ими были испанцы, владевшие французским языком, или другие иностранцы, в основном французы и немцы. Все это, впрочем, не мешало им с интересом и увлечением описывать испанские реалии, и благодаря им в образе страны появились новые детали и новые акценты.

Помимо привычных Мадрида и Андалусии, «русская Испания» расширилась, включив Каталонию, Валенсию и даже Страну Басков и Балеарские острова. Мавританская экзотика — постоянный испанский мотив — постепенно изживалась, уступая место описаниям регионального разнообразия. Уже в 1864 г. Евгений Салиас назвал свои заметки «*Las Españas*. Путевые очерки об Испании». Путешественники стали более мобильными, ведь в их распоряжении были уже не только дилижансы, но и железные дороги. Записки о путевых впечатлениях стали напоминать репортажи, а образ страны стал более динамичным и менее трафаретным.

Как и во времена Боткина, путешественники воспринимали Испанию сквозь призму российского общественного и идейного опыта. Эпоха «великих реформ», новые социальные и политические противоречия в России побуждали русских наблюдателей по-другому относиться к европейским реалиям. Испания, пережившая бурные революционные времена, в середине 1870-х гг. вступила в период стабильности и уже не рассматривалась как источник «неурядиц»¹³⁷, благодаря которым она считалась исключением из общего европейского правила. Теперь русские путешественники были склонны не столько противопоставлять Испанию Европе, сколько описывать ее своеобразие на фоне известной им европейской действительности. В первую очередь это сказалось на оценках политической жизни страны, ее экономики и общественных явлений.

С точки зрения русских наблюдателей, общественная жизнь Испании принципиально мало отличалась «от таковой же в любом из государств Западной Европы: те же группы, партии, фракции, те же классы, делающиеся

¹³⁶ Там же. С. 10–11.

¹³⁷ Чернышевский Н.Г. «Письма об Испании» В.П. Боткина // Боткин В.П. Письма об Испании... С. 231.

на аристократию, буржуазию и демократию»¹³⁸. Главные отличия, по словам Василия Немировича-Данченко, заключались в противоречиях между конституционной нормой и политической практикой — «безграничной свободе на бумаге, воровстве и произволе на деле»¹³⁹. Путешественники обращали внимание на подтасовку результатов выборов, осуждали коррупцию среди чиновников, отсутствие реального партийного соперничества между либералами и консерваторами. Если ведущие политики Испании: Антонио Кановас, Пракседес Сагаста и Эмилио Кастелар — производили на русских путешественников скорее благоприятное впечатление, то общее мнение об испанской политической жизни было очень критическим. Характерно замечание Аполлона Скальковского: «Парламентский механизм в Испании — одна комедия; ею управляет кружок политиканов»¹⁴⁰. В путевых заметках и очерках подчеркивается, с одной стороны, политизированность общественной жизни, а с другой — слабость общественного мнения. Немирович-Данченко пришел к совершенно пессимистическому выводу: «Обладание одною из лучших в мире конституций не принесло Испании решительно ничего»¹⁴¹.

Испанская экономика и общество в описаниях русских путешественников представляли собой противоречивую картину. Наблюдатели отмечали прежде всего неравномерное хозяйственное развитие различных регионов Испании, противопоставляя цветущее состояние промышленности и сельского хозяйства Каталонии и Страны Басков «эпидемии нищеты» в Андалусии. Для объяснения экономических контрастов они использовали как традиционные исторические объяснения — религиозный фанатизм, изгнание морисков, так и прагматические доводы — слабое развитие путей сообщения, непоследовательная государственная политика, высокие налоги. В заметках об испанском обществе сосуществовали как привычные штампы о невежестве и лени крестьянства, о «естественном чувстве достоинства», присущем как «мужику», так и «гидальго», так и подмеченные социальные новшества — появление предпринимательских слоев, которое всегда описывалось с энтузиазмом¹⁴².

198 Путешественники с раздражением разоблачают трафаретные представления об Испании — стране «чего-то запущенного, необработанного, но с природными богатствами», с «ленивым и полу-разбойничьим» населением»¹⁴³. Не осталось ни одного романтического штампа, который русские наблюдатели

¹³⁸ *Ефрон А.А.* Письма из Испании и Бельгии. СПб.: Тип. В.Г. Авсеенко, 1889. Цит. по: *Петрова А.А.* Политическая система Испании эпохи Реставрации периода правления Альфонса XII: взгляд русских путешественников // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2014. № 12. С. 200.

¹³⁹ *Немирович-Данченко Вас. И.* Очерки Испании: Из путевых воспоминаний. Т. 2. М.: Тип. Е. Гербек, 1888. С. 477.

¹⁴⁰ Цит. по: *Петрова А.А.* Политическая система... С. 201.

¹⁴¹ *Немирович-Данченко Вас. И.* Очерки Испании... Т. 2. С. 469.

¹⁴² *Мосейкина М.Н.* Проблемы модернизации Испании рубежа XIX–XX веков в оценке русских путешественников // Испания и Россия: исторические судьбы... С. 449–456.

¹⁴³ *Мордовцев Д.А.* По Испании... С. 256.

не опровергли бы. К началу XX в. даже знаменитые севильские красавицы превратились в «толстых неуклюжих деревенских горничных с мясистыми чертами лица, вздернутым носиком и двухэтажным подбородком»¹⁴⁴. Штампы сохранились только в трактовке испанской истории, и путешественники продолжали считать политику «венчанного палача Филиппа II»¹⁴⁵ причиной экономических и социальных проблем современной им Испании.

Опыт путешественников, побывавших в Испании в конце XIX в., повлиял и на развитие русского научного «испановедения». Интерес к истории Испании как самостоятельному объекту исследования оформился в российской исторической науке во второй половине XIX — начале XX в. Благодаря трудам первых отечественных историков-испанистов — Александра Семеновича Трачевского (1838–1906), Ивана Васильевича Лучицкого (1845–1918) и, конечно, Владимира Константиновича Пискорского (1867–1910) — сложилась традиция изучения испанской истории, которая до сих пор является точкой отсчета для современных специалистов¹⁴⁶.

Историки обратились к изучению прошлого Испании в стремлении выявить общие закономерности в истории Западной Европы, что было невозможно без сравнительного анализа общей логики развития событий, происходивших в европейских странах. В ней, в соответствии с традициями русской исторической школы, они выделяли те проблемы, которые в конце XIX в. интересовали российскую общественность, — крестьянский вопрос и конституционные традиции. Испанская история привлекала экзотикой материала¹⁴⁷, возможностью ввести в научный оборот новые факты и познакомиться с «опытом отдельных наций в создании цивилизации»¹⁴⁸. С их точки зрения, главным «героем» истории была нация, то есть общность, которая определяется языком, культурой, единством исторической судьбы и реализуется в политических институтах, в своеобразной форме государственности. Русские историки считали Испанию нацией-государством и изучали особенности ее исторического существования.

Первые русские испанисты основывались прежде всего на обширном круге источников. Трачевский работал в Архиве Министерства иностранных дел, а Лучицкий и Пискорский — в испанских архивах. В результате их усилиями к началу XX в. были созданы первые научные исследования испанской истории от Средних веков до конца XIX в.

¹⁴⁴ Перцов П. На берегах Гвадалквивира // Новое время. 1911. № 1284. Цит. по: Багно В.Е. Испания русских писателей XX века // Россия и Испания: общая граница. СПб.: Наука, 2006. С. 135.

¹⁴⁵ *Немирович-Данченко Вас. И.* Очерки Испании... Т. 1. С. 41.

¹⁴⁶ Юрчик Е.Э. История Испании XVIII–XIX веков в трудах российских историков (А.С. Трачевский, И.В. Лучицкий, В.К. Пискорский) // Испания и Россия: исторические судьбы... С. 415–432.

¹⁴⁷ Ведюшкин В.А., Попова Г.А. Введение // История Испании. Т. I. С древнейших времен до конца XVII в. / В.А. Ведюшкин, Г.А. Попова (отв. ред.). М.: Индрик, 2012. С. 11.

¹⁴⁸ *Трачевский А.С.* История Испании девятнадцатого века. Ч. I. М.: Изд-во Солдатенкова, 1872. С. 1.

Россия в испанских архивах: Национальный Исторический Архив

Массив документов, посвященных России, находящийся в Историческом Архиве, был сформирован главным образом в процессе развития дипломатических отношений между двумя странами и хранится в фондах, относящихся к учреждениям, отвечающим за международные отношения, а именно в Государственном секретариате и в Министерстве иностранных дел, являющемся правопреемником Секретариата. Большинство документов появилось после установления дипломатических отношений между Испанией и Россией на постоянной и устойчивой основе, когда в обеих странах были открыты посольства. Однако присутствует и более ранняя документация, отражающая дипломатические контакты экстраординарного характера, к примеру «Рекомендации Государственного совета, касающиеся посольств Великого князя Московского в Испанию в 1668, 1673 и 1681 гг.». Фонды Государственного секретариата и Министерства иностранных дел хранят как донесения посланников и послов Испании в России, так и дипломатические ноты, отправленные посольством России в Мадриде. Кроме того, в них хранятся архивные дела по вопросам, относящимся к деятельности испанских и российских частных лиц. Исследования дипломатических отношений между двумя странами могут быть дополнены документами, содержащимися в делах о прибытии в Мадрид российских дипломатов.

В фондах Национального Исторического Архива хранятся документы, отражающие отношения между монархами обеих стран как на личном уровне (поздравления по случаю свадеб и рождений и соболезнования в связи с кончиной членов правивших династий), так и на более формальном (обмен наградами между монархами, как в случае с орденом Золотого руна, пожалованным императорам Александру I и Александру II, или дамским орденом Королевы Марии Луизы, пожалованным императрицам Марии Александровне и Марии Федоровне). Среди документов о России следует также упомянуть те, которые представляют особую важность для изучения периода Первой мировой войны. Министерство иностранных дел сформировало коллекцию документов, связанных с Первой мировой войной, отобрав ряд донесений, отправленных различными посольствами (в том числе и посольством в России), а также ряд документов, осевших в фондах в ходе конфликта. Среди этих материалов особую ценность представляют те, что были связаны с посещением лагерей для военнопленных. Испания как нейтральное государство осуществляла гуманитарную деятельность, организовывала посещение различных лагерей и проверку условий содержания, питания и лечения военнопленных. В том числе были проведены инспекции в немецких и австро-венгерских лагерях, в которых содержались русские интернированные.

Документация, хранящаяся в Национальном Историческом Архиве, позволяет нам практически полностью реконструировать историю отношений между Испанией и Россией в течение длительного периода времени и по широкому кругу вопросов. Использование этой информации — задача исследователей.

Испания в российских архивах: Архив внешней политики Российской империи

История современного Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) начинается в эпоху Петра I. Учреждение в 1720 г. новой системы государственной администрации в виде коллегий вместо старой системы приказов и перенос столицы империи из Москвы в Петербург привели к разделу фондов государственной документации. В Петербурге был образован новый архив Коллегии иностранных дел, а в Московском архиве остались документы старого Посольского приказа. С того времени все государственные документы (за исключением финансовых) хранились в Петербурге. Пережив множество реорганизаций, уже в советский период фонды государственных архивов были объединены в Москве.

С 1992 г. архив, в котором собраны материалы, касающиеся вопросов международной политики до 1917 г., называется Архивом внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Документы по истории российско-испанских отношений находятся в нескольких коллекциях АВПРИ. В коллекции «Коллегия иностранных дел» (1720—1832), организованной страновому принципу, Фонд 58 «Сношения с Испанией» (1720—1813), содержащий 679 дел (1 опись), хранит переписку между Коллегией иностранных дел (впоследствии МИД), российской дипломатической миссией в Мадриде и консульством в Кадисе. Другие европейские фонды, например, «Сношения с Францией», также содержат материалы, касающиеся Испании.

В фонде 133 «Канцелярия» (1797—1917) коллекции «Центральные учреждения Министерства иностранных дел» (XIX — начало XX в.) находятся 28.837 дел (3 описи) корреспонденции российских посольств и миссий, документы иностранных представительств в Петербурге, протоколы и инструкции российским дипломатам, переписка МИД с другими министерствами, а также документация, связанная с международными конгрессами (например, Венский конгресс 1814 г.).

В Фонде 159 «Департамент личного состава и хозяйственных дел» (1750—1940) хранятся персональные дела дипломатов, содержащие их личные и семейные бумаги, документы об образовании, карьере, наградах и жаловании. В Фонде 163 «Трактаты» (1537—1917), в числе 3 241 дел находятся оригиналы договоров и соглашений с Испанией (1801—1915).

Коллекция «Загранучреждения внешнеполитической службы» (XVIII — начале XX в.) содержит фонды посольств, представительств, миссий, консульств и вице-консульств. Среди них находится фонд 259 «Вице-консульство в Малаге» (1885—1915), состоящий из 5 дел. Информацию об Испании можно найти также в переписке других российских посольств (в Париже, Лондоне, Берлине, Вене и т.д.) и таким образом раскрыть ее роль во внешней политике России.

Владимир Пискорский

Это «История Испании XIX в.» Трачевского (1872), в которой имеется глава об испанской политике в годы Французской революции на материале депеш российского посланника в Испании Степана Зиновьева (1902). Это работы Лучицкого о бегетриях и поземельной общине в Пиренеях (1882–1883). И наконец, это труды Пискорского о кастильских кортесах и о крепостном праве в Каталонии (1897, 1901). Пискорский создал и первый в отечественной историографии общий обзор испанской истории (1902)¹⁴⁹.

Труд Пискорского о кортесах получил международное признание: он был переведен на испанский язык в 1930 г. и переиздан в 1977 г. В аннотации ко второму испанскому изданию, приуроченному к 80-летию юбилею выхода в свет исследования русского историка, выдающийся испанский медиевист Эмилио Саес написал, что труд Пискорского — это «классическое произведение», которое сохранило свою научную ценность, несмотря на глубокие изменения в методологии и появление большого количества новых работ¹⁵⁰.

Трачевский и Пискорский были едины в желании приблизить испанскую историю к восприятию русского читателя. Оба исследователя стремились найти сходные черты в исторических судьбах России и Испании. Так, рассуждая об испанских реформах XVIII в., Пискорский писал: «Как Россия при Петре Великом, так Испания при первых Бурбонах вступила на путь преобразований и культурных заимствований у Европы. [...] Чувство самосохранения заставляло правительства обеих стран учиться у соседей, заботиться о подъеме культурного уровня своих подданных и для осуществления необходимых для этого военных, финансовых и административных реформ обращаться за содействием [...] к иностранцам»¹⁵¹. Трачевский, размышляя о противоречиях общественно-политических реформ XIX в., утверждал, что для коренных преобразований «Испании не хватало гения Петра Великого»¹⁵². Касались

¹⁴⁹ Трачевский А.С. История Испании...; Лучицкий И.В. Бегетрии: Очерк из истории испанских учреждений // Университетские известия. Киев, 1882. № 10; 1883. № 1; *Он же*. Поземельная община в Пиренеях // Отечественные записки. 1883. № 9. С. 57–78; № 10. С. 467–506; № 12. С. 415–44; Пискорский В.К. История Испании и Португалии. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1902; *Он же*. Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени (1188–1520). Киев, 1897; *Он же*. Крепостное право в Каталонии в средние века. Киев, 1899.

¹⁵⁰ Piskorski W. Las Cortes de Castilla en el periodo de tránsito de la Edad Media a la Moderna (1188–1520). Barcelona: El Albir, 1977.

¹⁵¹ Пискорский В.К. История Испании... С. 154.

¹⁵² Трачевский А.С. История Испании... С. 208.

они и эпизодов российско-испанских отношений. В работе Трачевского появилась глава «Русское управление Испанией», в которой шла речь о деятельности российского посланника Дмитрия Татищева при мадридском дворе. Пискорский кратко рассказал об организации первого русского консульства в Кадисе, о миссии Сергея Голицына, о записках герцога де Лириа.

Лучицкий и Пискорский отказались от стереотипов, связанных с российскими представлениями об испанской истории, например о фанатичном католицизме как источнике экономического упадка и политической нестабильности. Пискорский поставил под сомнение подражательный характер испанской просветительской мысли и однозначно негативные характеристики испанского консерватизма.

Первые русские историки-испанисты адаптировали испанскую историю к восприятию российского читателя либерального склада, предложив рассмотреть ее с точки зрения развития начал конституционализма и общественной свободы. Пискорский видел политическую перспективу Испании в федеративной республике, при которой «взаимное соперничество, сопровождающееся бесцельной тратой массы энергии», превратится «в мирное и плодотворное сотрудничество в общем деле культуры и прогресса, социальных и экономических реформ»¹⁵³.

ИСПАНСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ЭРМИТАЖА

Испанская коллекция живописи Эрмитажа имеет давнюю историю¹⁵⁴. Произведения испанских мастеров начали поступать в Эрмитаж со времени основания Екатериной II картинной галереи в 1764 г. В те времена испанская живопись чрезвычайно редко встречалась на художественном рынке, известны были только имена Хосе де Риберы, Диего Веласкеса и прежде всего Бартоломе Эстебана Мурильо, превосходные работы которого приобретались для императрицы в Париже. Во многом этому способствовал князь Дмитрий Голицын, игравший огромную роль в создании эрмитажного собрания живописи. Высокообразованный, общительный, интересовавшийся наукой, литературой, искусством, Голицын входил в просвещенные круги французского общества, был дружен с Дени Дидро, посещал с ним салоны и галереи частных лиц. Дидро лично отправил Екатерине II одну из лучших картин Мурильо — «Отдых Св. Семейства на пути в Египет», — купленную в декабре 1768 г. на аукционе собрания Жана де Генья, бывшего секретаря французского короля Людовика XV. Спустя некоторое время, в апреле 1772 г., князь Голицын

¹⁵³ Пискорский В.К. История Испании... С. IV.

¹⁵⁴ Подробнее на эту тему см.: *Каганэ Л.А.* Испанская живопись в Эрмитаже. XV — начало XIX века. История собрания. Севилья, Государственный Эрмитаж: Fundación El Monte, 2005; *Kagané L.* La pintura española del Museo del Ermitage. Siglos XV a comienzos del XIX. Historia de una colección. Trad. de Aquilino Duque. Sevilla: Fundación El Monte, 2005.

приобрел две парные работы Мурильо, «Мальчик с собакой» и «Девочка с цветами и фруктами»¹⁵⁵, на аукционе собрания Этьена Франсуа де Шуазеля, бывшего министра иностранных дел Людовика XV. В том же году из Парижа в Петербург прибыла знаменитая коллекция живописи Луи Антуана Кроза, барона де Тьера, куда входило превосходное маленькое «Святое Семейство» Мурильо. Ценное приобретение сделали и в Англии. В 1779 г. Екатерине II удалось получить для Эрмитажа знаменитое собрание Роберта Уолпола (1676–1745), премьер-министра королей Георга I и Георга II¹⁵⁶. На продажу одной из лучших галерей Англии решился его внук. С коллекцией Уолпола пришли семь испанских картин, среди них такие шедевры, как «Поклонение пастухов» и «Непорочное зачатие» Мурильо.

Три полотна Екатерина II заказала в 1773 г. непосредственно в Испании — для галереи портретов правящих европейских монархов и их наследников в Чесменском дворце. Портреты короля Карла III, его сына Карла, принца Астурийского (будущего короля Карла IV), и супруги наследника, Марии Луизы Пармской, написал придворный живописец Мариано Маэлья; они прибыли из Мадрида в том же году¹⁵⁷.

В XVIII в. купили и одно из ценнейших произведений эрмитажного собрания, «Завтрак» Веласкеса. Правда, поступило оно как работа безымянного фламандского мастера и только в 1895 г. получило имя великого испанца. Источник происхождения этого полотна неизвестен. Всего при Екатерине II было приобретено около 20 картин под именами испанских живописцев, но впоследствии подтвердились далеко не все атрибуции.

Пополнение коллекций Эрмитажа продолжалось при Александре I. В 1808 г. из Петербурга в Париж, к генеральному директору музеев Франции Доминику Вивану Денону, был отправлен главный хранитель картинной галереи Франц Лабенский¹⁵⁸. Более года вместе с Деноном он занимался поиском работ, достойных Эрмитажа. Впоследствии Денон в течение нескольких лет продолжал покупать и отправлять живопись в Петербург. До последнего времени с его именем связывали поступление в музей двух грандиозных полотен Мурильо — «Благословение Иакова» и «Сон Иакова». Но, как

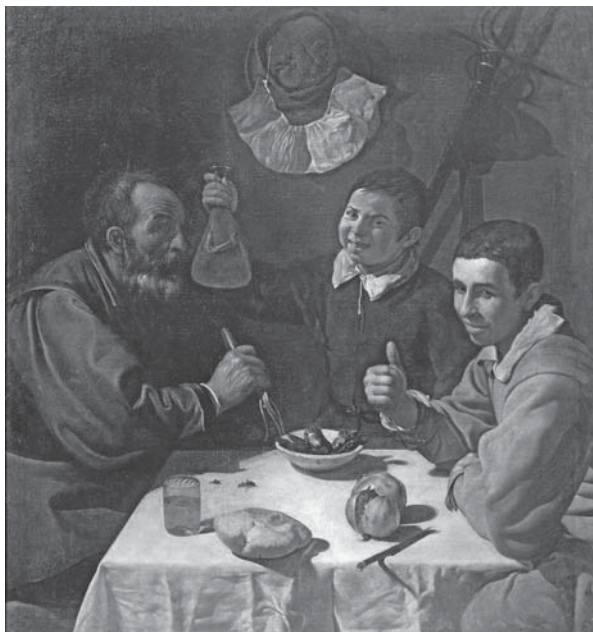
¹⁵⁵ В 1930 г. картина была передана в Москву, в Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

¹⁵⁶ Houghton Revisited. The Walpole Masterpieces from Catherine the Great's Hermitage. Houghton Hall. State Hermitage Museum. London: Royal Academy of Arts, 2013.

¹⁵⁷ Россия и Испания. Документы... Т. I. С. 232, 233–234. См. также: *Kagané L.* Los retratos de Carlos III y de los príncipes de Asturias de Mariano Salvador Maella del palacio Chesmensky // Archivo de Arte Valenciano, LXXXVIII. Valencia: Real Academia de Bellas Artes de San Carlos, 2007. P. 37–44; *Каганэ Л.А.* Портреты Карлоса III и принцев Астурийских кисти Мариано Сальвадора Маэльи из Чесменского дворца // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LXVII, 2009. С. 128–136. Все картины находились в Чесменском дворце до 1830 г., затем их переместили в Английский дворец в Петергоф, а в 1920-е гг. передали в Эрмитаж.

¹⁵⁸ *Kagané L.* Denon et la Russie: intermédiaire pour l'Ermitage impérial // Les vies de Dominique-Vivant Denon. T. I. Paris: La Documentation française, 2001. P. 279–303.

выяснилось, в действительности директор музея Франции прямо не был причастен к их приобретению, хотя не исключено, что какую-то косвенную роль играл. Картины входили в серию, которая со времени ее создания постоянно находилась в центре внимания знатоков. В XVIII в. шла речь о ее продаже, ею заинтересовалась Екатерина II. Но из Испании серию вывезли позднее, причем разрозненной, в период вторжения в страну наполеоновской армии. Две картины, «Благословение Иакова» и «Сон Иакова» купили Уильям Кузвельт и

Диего Веласкес. Завтрак

Эдмунд Бурке, датский посол в Испании. Они тайно отправили работы в Париж, поместили их в один из банковских домов и в 1811 г. предложили эти полотна русскому посольству. Александр I сразу дал согласие на их приобретение.

Продажа этих произведений Мурильо — отражение трагических событий, происходивших в начале XIX столетия в Испании. Вторжение армии Наполеона в 1808 г. привело к разрухе и беспорядкам, французские генералы под угрозой смерти отбирали имущество у церквей и монастырей. Испанцы начали освободительную войну с захватчиками, была создана Центральная хунта, исполнявшая обязанности правительства. Испытывавшая финансовые затруднения и нуждавшаяся в средствах для ведения войны, она распродала произведения искусства; одновременно задешево скупали картины и коллекционеры.

Именно тогда создал свое собрание Кузвельт. Он жил в Мадриде с 1801 г. как представитель крупнейшего амстердамского банковского дома Хоупе. Судьба свела его с художником Джорджем Аугустом Уоллисом, которого в 1807 г. прислал из Англии на Иберийский полуостров дилер Уильям Бьюкенен с поручением искать картины, находившиеся в продаже. В первую очередь предпринимателей от искусства интересовали работы итальянских и фламандских мастеров, которых было много в Испании. Но Уоллис сумел оценить и творчество местных художников; его называют «первым герольдом» испанской живописи. Ввиду сложившихся трудных обстоятельств агент Бьюкенена оказался без средств — английские и французские банки,

по счетам которых он мог бы получать деньги, либо ликвидировались, либо выдавали кредиты под слишком большие проценты. Финансовую поддержку Уоллису оказал Кузвельт и, в свою очередь, использовал знания и вкус художника, чтобы создать собственную коллекцию итальянских и испанских картин. В 1814 г. Кузвельт выставил их в Амстердаме. Между тем 31 марта 1814 г., после победы над Наполеоном, в Париж во главе союзных войск триумфально вошел Александр I. В конце июня он приехал в Голландию и посетил Амстердам. Кузвельт, ранее успешно продав русскому императору полотна Мурильо, теперь снова обратился к нему с предложением картин. Александр I осмотрел галерею и отобрал всю испанскую часть собрания.

Интерес Александра I к испанской живописи не был случайным. Политические события начала XIX в. поставили Испанию в центр русского общественного внимания. Война, начатая Наполеоном против России в 1812 г., усилила симпатии к этой стране, испанских партизан, отважно сражавшихся с оккупантами, сравнивали с русскими. В 1813 г. сдались в плен испанские солдаты, не пожелавшие сражаться в наполеоновской армии против России. Александр I оказал им покровительство, их расселили в казарме Царского Села. По приказу русского императора было создано два батальона, которые получили название Александровских¹⁵⁹. Во втором десятилетии XIX в. Испания перестала казаться в России страной далекой, экзотической, мрачной, как это

было раньше. Испанская тема активно звучала в русской культуре. Так что понятно, почему Александр I купил у Кузвельта испанские картины.

Они были доставлены в Петербург тремя партиями в 1814 и 1815 гг., всего 84 произведения. Для начала XIX в. такое собрание испанской живописи являлось уникальным. По количеству живописных школ — валенсийской, толедской, севильской, мадридской; множеству имен художников; высокому качеству работ, разнообразию их жанров. Эрмитаж обогатился произведениями великих мастеров: Эль Греко, Рибера, Сурбарана, Веласкеса, Мурильо, в их числе такими шедеврами, как «Портрет графа-герцога Оливареса» Веласкеса и «Отрочество Богоматери» Сурбарана. И наряду с ними превосходными картинами других, не столь знаменитых, но известных

Франсиско де Сурбаран.
Отрочество Богоматери

¹⁵⁹ См. подробнее «Испанские солдаты в русской армии 1812 года» в этой книге.

живописцев — Луиса де Моралеса, Хуана Пантохи де ла Круса, Франсиско Рибальты, Педро Орренте, Хуана Баутисты дель Маино, Антонио Пуги, Антонио Переды и многих других.

Почти одновременно с коллекцией Кузвельта Александр I в 1815 г. купил в Париже часть Мальмезонской галереи императрицы Жозефины. Для новых приобретений в Эрмитаже отвели отдельные залы. К испанским работам, присланным Кузвельтом, присоединили те, которые поступили при Екатерине II; раньше они висели среди произведений других европейских школ. В Императорском Эрмитаже появилась галерея испанской живописи — первая за пределами Испании. В описаниях Петербурга той поры ее отмечали как особую достопримечательность. В дальнейшем обращалось специальное внимание на ее пополнение. В 1829 г. приобрели картины у Гортензии Богарнэ, наследовавшей часть коллекции матери, императрицы Жозефины. В числе присланных было одно из лучших полотен Риберы — «Св. Себастьян и св. Ирина».

Спустя два года, в 1831-м, купили живопись у Мануэля Годоя, Принца Мира, бывшего всесильного министра короля Карла IV¹⁶⁰. В период своего могущества Годой создал в Мадриде собрание, куда входило более тысячи картин. В 1808 г. вместе с королевской семьей министр вынужден был покинуть страну, все его имущество конфисковали. До конца своих дней Принц Мира находился в изгнании. С 1812 до 1830 г. он жил в Риме и там, в вилле Матеи, обзавелся новой галереей. С ней он также решил расстаться, когда переехал в Париж. Через русское посольство Годой предложил Николаю I купить 297 картин. Император приказал отобрать из них только лучшие. В результате приобрели лишь 33, из них испанских всего четыре, но в их числе такие шедевры, как «Св. Иероним и Ангел» Риберы и «Убийство инквизитора Педро де Арбуэса» Мурильо. Вскоре, в 1834 г., Эрмитаж получил произведения, принадлежавшие испанскому посланнику Хуану Мигелю Паэса де ла Кадена, среди них 24 работы испанских художников¹⁶¹.

Одновременно, в 1834–1835 гг., испанскую живопись прислал в Эрмитаж Александр Гесслер¹⁶², русский консул в Кадисе, который находился там с 1827 г. Спустя пять лет после отъезда он посетил Петербург, и хранитель картинной галереи Франц Лабенский попросил его подыскать для Эрмитажа работы Веласкеса. По возвращении в Испанию консул писал, что произведения этого мастера достать очень трудно, но некоторые он нашел и одновременно купил работы других живописцев. Всего Гесслер приобрел на счет императорской казны тридцать две картины. Ни одна из атрибуций Веласкеса не подтвердилась, но среди присланных были

¹⁶⁰ Каганэ Л.А. Картины, приобретенные в 1831 году для Эрмитажа у Мануэля Годоя, князя Мира // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXIX. СПб.: Дмитрий Буланин. 2000. С. 206–239, 242.

¹⁶¹ См. главу «Испанская живопись в частных коллекциях Петербурга».

¹⁶² Antónov V. La adquisición de Gessler para el Ermitage // Archivo Español de Arte. 1982. No. 219. P. 287–302.

хорошие полотна таких художников, как Бартоломе Гонсалес, Педро де Мойя, Клементе де Торрес. В 1846 г. в Эрмитаж по завещанию перешло собрание графа Дмитрия Татищева¹⁶³.

Успешно продолжало пополняться собрание и в 1850-е гг. В Италии у герцога Браски купили «Непорочное зачатие» Мурильо, у голландского короля Вильгельма II — портреты Филиппа IV и графа-герцога Оливареса мастерской Веласкеса¹⁶⁴. Шедевры привез из Парижа в 1852 г. директор Эрмитажа Федор Бруни, участвовавший в посмертном аукционе маршала Сульта, печально известного беззастенчивым грабежом монастырей и церквей Севильи. Из галереи Сульта Бруни отобрал несколько полотен, в том числе «Св. Лаврентия» Сурбарана, некогда украшавшего церковь Сан-Хосе монастыря Ла Мерсед Дескальсас в Севилье, и «Освобождение св. Петра из темницы» Мурильо, входившее в знаменитый ансамбль севильского госпиталя Ла Каридад, один из лучших образцов стиля барокко. Бруни приобрел в Париже и другие превосходные произведения.

К середине XIX в. собрание испанской живописи в Эрмитаже было в основном сформировано. Если до этого шло преимущественно накопление картин, то позднее они стали убывать. В 1850 г. завершилось строительство

Эль Греко. Апостолы Петр и Павел

здания, специально приспособленного для произведений искусства, — Нового Эрмитажа; в 1852 г. состоялось его открытие. Картинная галерея не могла вместить огромное количество живописи, накопившейся со времени ее основания. В 1847 г. ряд работ отправили в Кремлевский музей в Москву, многие в 1850-е гг. — в пригородные дворцы. В 1855 г. в Петербурге состоялась аукцион, с которого ушли многочисленные произведения, в том числе 15 картин испанских художников. В 1862 г. работы передавались во вновь организованный Московский публичный музей, в 1884 г. — в Музей изящных искусств им. А.Н. Радищева в Саратове.

¹⁶³ См. главу «Испанская живопись в частных коллекциях Петербурга».

¹⁶⁴ Картина была передана в ГМИИ им. А.С. Пушкина.

В начале XX в. для Эрмитажа уже практически не приобретали испанские картины. Одно из лучших полотен, «Апостолы Петр и Павел» Эль Греко, было получено в 1911 г. в дар от генерала Петра Дурново. После революции 1917 г. испанское собрание Эрмитажа снова понесло значительные утраты: многие произведения были переданы в Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (ГМИИ) в Москву, в музеи других городов страны, а также проданы через объединение «Антиквариат» — советскую внешнеторговую организацию, созданную в 1920-е гг. для продажи антиквариата и предметов искусства за границу. Но одновременно коллекция обогатилась за счет картин, возвращенных из пригородных дворцов и поступивших из национализированных частных собраний. В результате в Эрмитаже появились произведения испанской интернациональной готики (до этого их для музея не приобретали). Дополнилась коллекция картинами XVI и XVII вв., в том числе оригиналами и работами мастерской самых известных живописцев: Риберы, Сурбарана, Веласкеса, Кано, Мурильо. Единственное произведение Франсиско Гойи, «Портрет актрисы Антонии Сарате», попало в Эрмитаж значительно позднее, его подарил музею в 1972 г. американский миллионер Арманд Хаммер. В настоящее время испанское собрание Эрмитажа насчитывает более 160 картин.

ИСПАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ В ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ ПЕТЕРБУРГА

Испанская живопись приобреталась не только для коллекции Эрмитажа — многие российские аристократы покупали картины великих испанцев для своих частных галерей¹⁶⁵. Испанские полотна появились в собраниях петербургской знати в 1770-е гг., одновременно с модой на создание коллекций, по примеру Эрмитажа Екатерины II¹⁶⁶. Произведения испанских художников редко попадали тогда на художественный рынок, несопоставимо меньше, чем работы итальянских, голландских, фламандских или французских мастеров. Тем не менее интерес к испанской живописи существовал и повышался по мере того, как она становилась все более известной за пределами Пиренейского полуострова.

О том, какие испанские картины были в частных коллекциях, дают представление архивы, каталоги выставок и аукционов, мемуарные, исторические, искусствоведческие издания. К сожалению, к настоящему времени известно местонахождение далеко не всех работ, так как многие меняли владельцев, передавались по наследству, продавались и при этом часто изменялись их первоначальные атрибуции. Особенно осложнилась проблема с уточнением сведений о местонахождении картин после Октябрьской революции 1917 г.,

¹⁶⁵ Подробно на эту тему см.: *Каганэ А.А.* Картины старых испанских мастеров в частных собраниях Санкт-Петербурга. Конец XVIII — начало XX века. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2014.

¹⁶⁶ О коллекционировании живописи в России XVIII в. см.: *Малиновский К.В.* История коллекционирования живописи в Санкт-Петербурге в XVIII веке. СПб.: Крива, 2012.

Антонио Пуга (?). Старик, обучающий мальчика чтению

когда частные коллекции национализировали и вновь созданный Государственный музейный фонд распределял произведения искусства по музеям страны или отдавал в объединение «Антиквариат» для продажи. Тем не менее к настоящему времени известно немало картин, которые дают представление об испанской живописи, украшавшей в былые времена собрания Петербурга.

В XVIII в. одной из лучших в столице считалась галерея князя Николая Юсупова (1751–1831). Он интересовался Испанией, единственный из русских коллекционеров того времени сам побывал в Испании летом 1776 г. Позднее Юсупов пополнял свою коллекцию в Париже, где жил с 1804 по 1810 г. Из нескольких испанских картин, приобретенных

Юсуповым, большинство не сохранилось или изменило атрибуцию. В ГМИИ им. А.С. Пушкина находится «Св. Иоанн Креститель с ягнцем» Мурильо, купленный князем в галерее Лебрена в Париже¹⁶⁷. В настоящее время работа приписывается мастерской художника.

210 Хорошо известна деятельность графа Александра Строганова (1733–1811), увлеченного коллекционера и мецената, побывавшего во многих странах, долго жившего в Париже и посещавшего там аукционы¹⁶⁸. Истинный человек эпохи Просвещения, Строганов не только собрал коллекцию живописи, но и издал ее каталоги, а также гравюрные воспроизведения лучших работ¹⁶⁹. В его

¹⁶⁷ О приобретениях Юсупова в Париже в этот период см.: *Савинская Л.Ю.* Знаток живет изучением. (Художественный рынок первой половины XIX века и русские коллекционеры западноевропейской живописи) // Мир музея. 1995. № 2. Март–апрель. С. 23–29.

¹⁶⁸ *Арциховская-Кузнецова А.А.* Строганов как тип русского коллекционера // *Панорама искусств.* 1988. № 1. С. 282–291; *Stroganoff. The Palace and Collections of a Russian Noble Family.* Intr. by J. E. Buchanan, Jr. New York: Harry N. Abrams, 2000; *Строгановы — меценаты и коллекционеры: Каталог выставки.* СПб.: Славия, 2003.

¹⁶⁹ *Catalogue raisonne des tableaux qui composent la collection du comte A. de Stroganoff.* St. Pétersbourg: De l'Imp. impériale, 1793; *Catalogue Raisonné des Tableaux qui composent la collection du comte A. de Stroganoff.* St. Pétersbourg: De l'Imp. impériale, 1800; *Collection d'après quelques tableaux de la galerie de m-r Stroganoff, gravées au trait par des jeunes*

галерее насчитывалось пять картин испанских художников, две из которых особо выделялись (обе теперь находятся в Эрмитаже). «Голова старика» приписывалась Веласкесу, ее неоднократно копировал Карл Брюллов, но в наши дни работа утратила имя великого мастера, ее автор неизвестен. «Старик, обучающий мальчика чтению», имевший авторство Мурильо, теперь получил атрибуцию Антонио Пуги (?).

Испанские полотна значились в описи собрания князя Григория Потемкина-Таврического (1739–1791), составленной в 1792 г.¹⁷⁰ Из шести картин известна судьба только трех. Две из них, «Философ с книгой, циркулем и угольником» и «Философ с книгой», считались оригиналами Риберы, но оба произведения были определены как работы мастерской. Первая принадлежит Эрмитажу, а вторая после многократных перемещений оказалась в Государственном музее-заповеднике «Павловск»¹⁷¹. Третья картина, «Св. Иоанн Креститель с ягненком», получила наиболее широкую известность. Долгое время ее принимали за оригинал Мурильо, однако исследование показало, что это копия, исполненная в XVIII в. с полотна, ныне находящегося в Национальной галерее в Лондоне.

Пять испанских картин украшали большую галерею князя Александра Безбородко (1746–1799)¹⁷². Удалось идентифицировать только одну, «Св. Иоанна Крестителя с ягненком» Мурильо. Как выяснилось, князь купил ее в Париже в 1793 г. на аукционе собрания Шуазель-Праслена. Позднее, в 1869 г. наследник собрания, граф Григорий Кушелев-Безбородко, продал ее на аукционе в Париже, и теперь она принадлежит Национальной галерее Ирландии в Дублине¹⁷³.

В XVIII в. знакомство русских коллекционеров с творчеством испанских мастеров было ограниченным, знали только имена наиболее известных художников — Риберы, Веласкеса и прежде всего Мурильо. Причем,

---

artistes de l'Académie des beaux-arts à St. Pétersbourg. St. Pétersbourg: Imp. Dreschler, 1807; Collection d'estampes d'après quelques tableaux de la galerie de Mr. le comte A. Stroganoff. St. Pétersbourg: Imp. Dreschler, 1835.

¹⁷⁰ *Есинов Г.В.* Описи домов и движимого имущества князя Потемкина-Таврического, купленных у наследников его императрицею Екатериной II // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Кн. IV. М.: Унив. тип., 1891. С. 3–24.

¹⁷¹ *Стадничук Н.И.* Живопись итальянских и испанских мастеров XVI–XIX веков в Павловском дворце-музее // Государственный музей-заповедник Павловск. Т. V. Вып. 2. Живопись итальянских и испанских мастеров XVI–XIX веков. СПб.: ГМЗ «Павловск», 2012. С. 144. № 105.

¹⁷² *Reimers G. von.* St. Petersburg am Ende Seines ersten Jahrhunderts. St. Petersburg: F. Dienemann, 1805. S. 358.

¹⁷³ Catalogue de 43 tableaux de maîtres anciens provenant de la collection de M. le comte Koucheleff Besborodko dont la vente aura lieu le samedi 5 Juin 1869, Hotel Drouot. Paris: J. Claye imprimeur, 1869. P. 43. No. 22. Сведения о картине см. в каталоге: *Mulcahy R.* Spanish Paintings in the National Gallery of Ireland. Dublin: National Gallery of Ireland, 1988. P. 55. No. 33.

как оказалось впоследствии, среди приобретенных картин большинство составляли не оригиналы, а работы мастерской, копии или они имели неправильные атрибуции. В начале XIX в. ситуация изменилась. После наполеоновских войн из Испании на художественный рынок хлынул поток произведений искусства, в том числе работы живописцев из самых разных провинций Испании, которыми теперь интересовались гораздо больше, чем раньше. Усилился интерес к культуре и искусству этой страны. Много испанских картин приобрел Александр I, их покупали коллекционеры.

Широкая возможность открылась для графа Дмитрия Татищева (1767–1845), который в 1814 г. был назначен русским посланником в Мадриде и оставался на этой должности до 1821 г. Граф создал тогда ценнейшее собрание не только живописи, но и многих других предметов. Еще до завершения своей миссии, в 1819 г., он возвратился в Петербург. В 1820 г. Татищев был принят в почетные члены Академии художеств. По этому случаю он подарил Академии полотно Мурильо «Раскаяние св. Петра», о чем писали тогда в «Отечественных записках»¹⁷⁴. В 1822 г. там же сообщалось, что живописные произведения коллекции Татищева, вывезенные из Мадрида, дают «полное понятие о лучших мастерах испанской школы»¹⁷⁵.

В 1843 г. граф составил духовное завещание, согласно которому передавал свое огромное собрание императору Николаю I¹⁷⁶. В сохранившемся рукописном каталоге значатся 24 испанские картины XVI–XVII вв. Возможно, их было больше, поскольку среди работ неизвестных живописцев некоторые также могли принадлежать кисти испанских мастеров. Часть произведений осталась в Эрмитаже, часть перешла в пригородные дворцы, впоследствии ряд работ передавали в музеи других городов. К настоящему времени в Эрмитаже из собрания Татищева находятся картины Моралеса, Санчеса Коэльо, круга Рибальты, Парехи, Переды, Хосе Антолинеса, Эрреры Барнуэво, а также приписываемые Карреньо де Миранде и кругу Мурильо.

212 Большинство русских любителей искусства приобретали испанские картины в Париже. В 1822 г. Марья Нарышкина, супруга обер-егермейстера Дмитрия Нарышкина (1758–1838), многолетняя фаворитка царя Александра I, участвовала в аукционе живописи графа де Лафоре, куда входило много работ испанских художников. Граф собрал картины, когда служил французским послом в Испании во время правления Жозефа Бонапарта, и помогал в 1810–1811 гг. создавать планировавшиеся Музей Наполеона в Париже и Национальный музей в Мадриде.

О живописи, купленной Нарышкиными, дает представление рукописный каталог, хранящийся в архиве Эрмитажа. В него включены всего 34 работы, из них 15 испанских, под именами Кампаньи, Моралеса, Эль Греко, Риберы, Роэласа, Веласкеса, Кано, Переды, Мурильо. Судьба произведений сложилась по-разному. Одни перешли к Эммануилу Нарышкину (1813–1902), и сведения

¹⁷⁴ Отечественные записки. 1820. Ч. X. С. 288.

¹⁷⁵ Отечественные записки. 1822. Ч. XII. С. 131.

¹⁷⁶ Коллекция перешла в Эрмитаж в 1846 г., после смерти владельца.

о них утрачены. Другие были переданы племяннику Нарышкиных, Льву Нарышкину (1785–1846), а от него достались дочери Софье (1829–1894), которая в 1846 г. вышла замуж за Петра Шувалова (1819–1901). С тех пор работы всегда упоминались как собственность Шуваловых.

Об интересе к испанской живописи в России распространились слухи в Европе, в Петербург стали поступать предложения дилеров. Сведения об этом есть в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Отечественных записках»¹⁷⁷. В октябре 1824 г. в русской столице был объявлен аукцион, на котором продавались произведения исключительно испанских художников XV–XVII вв. Принадлежали они немецкому коллекционеру Андреасу Даниэлю Бертольду фон Шепелеру (1780–1849). Он находился в Испании в период наполеоновского вторжения и сумел оценить творчество ее художников. В библиотеке Эрмитажа находится рукописный каталог этого аукциона на французском языке, в нем значится 69 работ¹⁷⁸. Вполне вероятно, что какие-то из них были проданы, но, к сожалению, не удалось установить, попало ли что-нибудь в Россию.

В конце 1824 г. в Петербург прибыл новый испанский посланник, Хуан Мигель Паэс де ла Кадена (1773–1840)¹⁷⁹. Высокообразованный, хорошо ориентированный в современных событиях, способный познакомить собеседника с курсом испанской истории, культуры, литературы, искусства, он завязал в Петербурге широкие знакомства. Упоминания о нем не однажды встречаются в письменных источниках, в том числе в литературном наследии А.С. Пушкина. Именно к нему имеют отношение строки из поэмы «Евгений Онегин»: «Скажи мне, князь, не знаешь ты, / Кто там в малиновом берете / С послом испанским говорит?» С Паэсом де ла Каденой был знаком Гоголь. Вероятно, не без влияния посланника испанская тема вообще активно зазвучала в 1830-е гг. в русской литературе — в творчестве Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Коллекцию живописи Паэс де ла Кадена привез из Испании, половину ее, 25 работ, составляли испанские полотна. В 1834 г. миссия посланника в Петербурге закончилась, свой кабинет картин он продал Эрмитажу. В нем находились произведения живописцев разных школ, среди испанских — Хуана дель Кастильо, Антонио дель Кастильо, Франсиско Кольянтеса, Хосе Антолинеса, Педро Нуньеса де Вильявисенсио и др.

В первой половине XIX в. испанская живопись имела не только в упомянутых коллекциях, но и у Ростопчиных, Корсаковых, Мусиных-Пушкиных, Андрея Горчакова. Кроме того, на выставке частных собраний, впервые организованной в Петербурге в 1851 г., экспонировались испанские

¹⁷⁷ Толмацкий В.А., Скурлов В.В., Иванов А.Н. Антикварно-художественный рынок Санкт-Петербурга. СПб.: Лики России, 2008.

¹⁷⁸ Tableaux de l'école Espagnole tirés de différentes collections du premier Rang à Madrid, Seville et Valence dissolues dernièrement par les évènement de nos jours et ressemblé par le Ministre de Pruße à Madrid, comte de Werther et un autre amateur distingué, le chevalier de Schopler à Valence. Offerts aux amateurs par les frères Deuringer. Hotel Demuth. No. 57. St. Petersburg au mois d'Octobre 1824.

¹⁷⁹ Каганэ А.А. Кабинет картин Хуана Мигеля Паэса де ла Кадены... С. 503–561.

картины, принадлежавшие герцогам Лейхтенбергским, Демидовым, Кочубеям, Шереметевым, К.И. Ляхницкому. Выставку организовал герцог Максимилиан Лейхтенбергский (1819–1852). Спустя некоторое время в Петербург перевезли его собственную галерею из Мюнхена. Создателем галереи был отец Максимилиана, Евгений Богарнэ (1781–1824), который получил титул герцогов Лейхтенбергских благодаря женитьбе на Августе Амалии, дочери баварского короля Максимилиана I. Коллекция Евгения Богарнэ состояла из картин, приобретенных им самим, а также полученных по завещанию от матери, Жозефины Богарнэ. В 1825 г. вышел в свет первый каталог галереи, позже он многократно переиздавался. Публиковались и гравюры с картин, последние издания вышли в свет в 1850 и 1851 гг.¹⁸⁰

В 1839 г. Максимилиан женился на великой княжне Марии Николаевне, дочери императора Николая I. Супруги поселились в Петербурге. Герцог был человеком просвещенным, любителем искусства и, среди прочего, занимал пост президента петербургской Императорской Академии художеств. Они приобретали картины вместе с Марией Николаевной. В мае 1851 г. скончалась мать Максимилиана, а через полтора года и он сам. Мария Николаевна, оставшаяся опекуном детей, договорилась с баварским правительством о правах наследования имущества старшим сыном Николаем. В ноябре 1854 г. из Мюнхена в Петербург отправили картины, библиотеку, коллекцию оружия и драгоценности¹⁸¹. В каталоге галереи герцогов Лейхтенбергских из испанских авторов фигурировали имена Хуанеса, Моралеса, Франсиско (или Хуана) Рибальты, Риберы, Веласкеса и Мурильо. В Петербурге к этим произведениям присоединили картины, приобретенные Максимилианом и Марией Николаевной. В январе 1857 г. Мариинский дворец посетил молодой испанский дипломат, а впоследствии известный писатель Хуан Валера¹⁸². Убранство дворца произвело на него ошеломляющее впечатление, среди прочего он упоминал картины Моралеса, Веласкеса и Мурильо.

214 После смерти Марии Николаевны в 1876 г. наследники вынуждены были продать дворец, а живопись распределили между собой. Часть работ вывезли за границу, а часть, оставшуюся в России, позже национализировали. В настоящее время известно местонахождение только четырех картин с авторством испанских художников, из них две находятся за рубежом и две в ГМИИ им. А.С. Пушкина: «Се человек» Моралеса и «Архангел Рафаил и епископ Домонте» Мурильо.

¹⁸⁰ *Gemälde-Sammlung in München seiner königl. Hoheit des Dom Augusto Herzogs von Leuchtenberg und Santa Cruz Fürsten von Eichstädt // Umrissen auf Kupfer mit deutschem u. französischem. München: Weber u. Finsterlin, 1850; Passavant J. D. Gemälde Sammlung Seiner Kaiserl. Hoheit des Herzogs von Leuchtenberg in München. Frankfurt am Main: Joseph Baer, 851.*

¹⁸¹ *Павлова Н.Ю. Судьба наследства герцогов Лейхтенбергских в России // Государственный музей истории Санкт-Петербурга: Краеведческие записки. Вып. 5. СПб.: ГМИ СПб, 1997. С. 202–217.*

¹⁸² *Валера Х. Письма из России... С. 119–120.*

Испанской живописью интересовались графы Шуваловы¹⁸³, особенно Павел Шувалов (1846–1902), вполне вероятно под влиянием картин, полученных от Нарышкиных. В 1899 г. Шувалов побывал в Испании. Там он купил несколько работ, среди которых превосходные произведения Сурбарана, в также так называемые «примитивы» XV — начала XVI в., что было новшеством, поскольку ранее они не привлекали внимания коллекционеров. Всего, вместе с произведениями, принадлежавшими ранее Нарышкиным, во дворце Шуваловых на Фонтанке было 14 картин испанских художников, некоторые из них находятся в Эрмитаже, некоторые — в ГМИИ им. А.С. Пушкина и в Художественном музее Саратова.

Наиболее значительными собраниями работ испанских мастеров среди петербургских коллекционеров обладали герцоги Лейхтенбергские и графы Шуваловы. Другие же владельцы хотя и уступали им в этом отношении, но также стремились пополнить свои галереи полотнами испанской живописи. Неоднократно посещал Испанию великий князь Константин Константинович Романов, в его собрании было пять испанских картин. В 1908 г. была организована выставка живописи из частных собраний «Старые годы», на которой экспонировались работы испанских художников, принадлежавшие, кроме уже упомянутых владельцев, и многим другим, в том числе генералу Петру Дурново, владельцу картины Эль Греко «Апостолы Петр и Павел», которую он в 1911 г. подарил Эрмитажу. Известно, что произведения испанских художников покупали граф Павел Строганов, правнук знаменитого коллекционера начала XIX в., князя Кочубеи, графы Орловы-Давыдовы, князь Владимир Орлов, графы Панины и многие другие. После Октябрьской революции 1917 г. и национализации частных собраний значительная их часть пополнила музеи России.

ПЕРВЫЕ ТРУДЫ ПО ИСПАНСКОМУ ИСКУССТВУ В РОССИИ

215

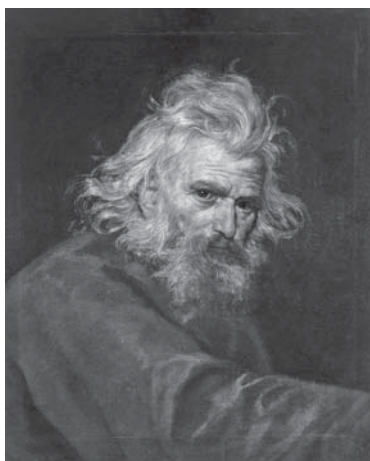
Знакомство с испанским искусством в России начинается в XVIII в., однако развивается более или менее последовательно уже в XIX в. Первые картины испанских художников оказались в Петербурге по велению Екатерины II и благодаря активной деятельности российских дипломатов в Мадриде¹⁸⁴. Сложные политические события, которые пережила в начале века Испания, привели к появлению на художественном рынке Европы большого количества испанских полотен, что стимулировало интерес к собиранию испанской живописи в России.

¹⁸³ Шмидт Д.А. Собрание графа Павла Петровича Шувалова в Санкт-Петербурге // Художественные сокровища России. № 11. СПб.: Импр. Общ-во поощрения художеств, 1902. С. 271–284.

¹⁸⁴ См. главы «Испанская коллекция живописи Императорского Эрмитажа», а также «Испанская живопись в частных коллекциях Петербурга».

Карл Брюллов и Диего Веласкес

Карл Павлович Брюллов высоко ценил творчество Диего Веласкеса, талант и мастерство испанского мастера. Копирование работ Веласкеса стало для молодого Брюллова настоящей школой мастерства. Еще его отец, Павел Иванович Брюллов, обучавший сына искусству живописи, считал творчество испанского художника образцом для подражания. Один из учеников Брюллова вспоминал: «Когда же отец убедился, что Карл Павлович достаточно силен в рисунке, то позволил ему скопировать известную “Голову старика” Веласкеса, находившуюся в Строгановской картинной галерее». Отец «заставил сына скопировать голову старика 12 раз, пока тот совершенно не усвоил себе способ и замечательную технику» ее автора. О влиянии Веласкеса на молодого Брюллова можно было судить по числу копий, написанных Брюлловым с картин Веласкеса.

Неизвестный испанский мастер
(в XIX в. приписывалась Веласкесу).
Голова старика

Став крупным живописцем, Брюллов не изменил своего восторженного отношения к Веласкесу. Во время заграничных путешествий, в музеях Италии и Испании, он всегда обращал особое внимание на произведения своего кумира, а позже признавался своим ученикам: «В Турине [...] со вниманием осматривал картинную галерею, пока не дошел до написанного Веласкесом портрета молодого человека, облокотившегося на руку. Посмотрев на эту вещь, я мысленно поставил на ней первый номер и после нее ничего больше смотреть не хотел». В 1849–1852 гг. он побывал в Испании и написал в Каталонии «Процессию слепых в Барселоне».

Брюллов, пожалуй, первым в России обратил внимание на необычную художественную манеру Веласкеса, выражающуюся в особой живописности его мазка («сочности живописи»). Как отмечали его ученики, «у Веласкеса видел он необыкновенную лепку, правду колорита, мягкость тела, характер и выражение; ему отдавал он преимущество в мастерстве владеть кистью так, что она в одно и то же время выражала форму, колер, рельеф и перспективу плана, ею наносимого». «Через это, — говорил о Веласкесе сам Брюллов, — сокращается у него время производства дела и сохраняется та свежесть и сочность живописи, которые неминуемо исчезают при медленном, робком, копотливом производстве». И не случайно, что одна из последних работ Брюллова, «Портрет Микеланджело Ланчи», по богатству оттенков красного цвета и глубине психологизма является реминисценцией известного портрета Иннокентия X кисти Веласкеса.

Российские путешественники, оказавшиеся в Испании в середине XIX в., могли не только непосредственно познакомиться с лучшими образцами испанской живописи, но и оценить художественные особенности и тематическое своеобразие ее различных школ. Боткин в «Письмах об Испании» писал, что «два предмета остались испанским художникам — природа и религия»¹⁸⁵. По его мнению, «никто в мире не уловил природы во всей ее животрепещущей действительности, как Веласкес; портреты итальянцев и фламандцев бледны и мертвы перед его портретами»¹⁸⁶.

Глубокая религиозность испанцев, с точки зрения Боткина, отразилась в творчестве Сурбарана и Мурильо. Полотна Сурбарана казались ему «мрачными» и «зловещими». «И гробовая, мертвящая сторона католицизма, — указывал русский путешественник, — нашла себе также великого представителя — это мрачный Сурбаран. Он писал одних кающихся монахов: что это за зловещие образы!»

В Мурильо же, на его взгляд, «воплотилась страстная, любящая, поэтическая сторона католицизма. Никогда поэзия более мистическая не являлась на полотне в такой яркой действительности, облеченная в такую живую форму, доступную самому простому смыслу». «Религиозность Мурильо, — продолжал он, — страстная, пламенная, замирающая в восторге мистических видений и в то же время не чуждая, не враждебная миру, нежная и любящая»¹⁸⁷.

Суждения Боткина отражали художественные вкусы, присущие русским художникам, знакомым с испанской живописью по эрмитажному собранию и частным коллекциям. Так, мурильевская нежность и сентиментальность были близки Владимиру Боровиковскому и Василию Тропинину, а любимыми мастерами Карла Брюллова стали Мурильо и Веласкес¹⁸⁸.

Появление в Эрмитаже выдающейся коллекции испанской живописи способствовало формированию научного интереса к изучению истории испанского искусства. Первые систематизированные сведения об испанской живописи появились в виде каталогов и путеводителей по картинным галереям.

В 1838 г. в Петербурге на французском языке вышел составленный хранителем Картинной галереи Эрмитажа Францем Лабенским с опорой на рукописный труд его предшественника Огюста Планата первый печатный каталог-путеводитель *Livret de la Galerie Impériale del'Ermitage de Saint-Petersbourg*, в котором картины были разделены по школам, но размещены в порядке развески¹⁸⁹.

¹⁸⁵ Боткин В.П. Письма об Испании... С. 70.

¹⁸⁶ Там же. С. 70. 107.

¹⁸⁷ Там же. С. 72.

¹⁸⁸ Лопес Крус Х. Мурильо и Веласкес в русской художественной культуре XIX — начала XX века: Дисс. М., 2001. С. 35; К.П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. М.: Изд-во Ак. худ. СССР, 1961. С. 62.

¹⁸⁹ [Labensky F.J.] Livret de La Galerie Impériale de L'Ermitage de Saint-Petersbourg, contenant l'explication des tableaux qui la composent avec des courtes notices sur les autres objets d'art ou de curiosité qui y sont exposés. Saint-Petersbourg: De L'imp. d'Edouard Pratz & Cie, 1838.

В данном издании приводились сведения о размерах, материале, технике, были подробно описаны изображения, иногда включены какие-то необычные факты из жизни художников.

С февраля 1852 г. Эрмитаж стал музеем, открытым для публики, что потребовало издания специального путеводителя, рассчитанного на достаточно широкий круг посетителей. Такой путеводитель — первый на русском языке — был написан Андреем Сомовым и издан в 1859 г. Автор, математик по образованию, активно самосовершенствовался в области истории искусства, хорошо знал собрания иностранных музеев, учился рисованию, занимался гравированием и был близок к художественным кругам Петербурга.

В 1886 г. он стал старшим хранителем Отделения живописи, гравюр и рисунков Императорского Эрмитажа. Путеводитель Сомова был составлен в жанре краткой истории искусства, проиллюстрированной примерами из состава эрмитажной коллекции. В нем содержался обзор испанского искусства и впервые рассказывалось о творчестве целой плеяды испанских живописцев Золотого века.

Сомов подчеркивал самобытный характер испанской школы живописи, обусловленный, по его мнению, природным и историческим своеобразием страны. Он писал: «В каком бы месте Пиренейского полуострова ни происходила деятельность художника, характер его живописи носит отпечаток, общий всем испанцам, — строгий, суровый, идеальный... с колоритом сильным и теплым, как небеса Андалузии и Валенсии, с рисунком грандиозным, как природа полуострова, с выражением печально-благочестивым, как дух народа, над которым тяготела инквизиция»¹⁹⁰.

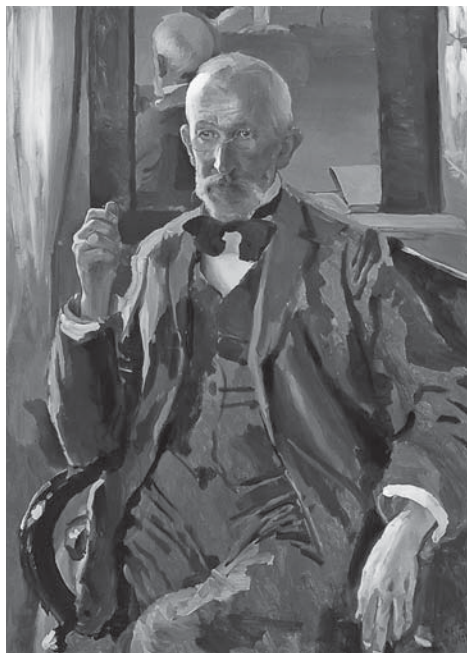
218 Живой интерес и увлеченность Сомова испанской живописью проявились в его суждениях о творчестве испанских мастеров. Настроение испанских полотен его подкупало, колорит часто очаровывал, но рисунок, по его мнению, оставляет желать лучшего. В творчестве почти всех испанских мастеров Сомов находил как позитивные, так и негативные моменты. Риберу он хвалил за «могущество... кисти», отмечал «смелость и новизну», с которыми этот художник изображал «мучения, казни и слезы», а стиль его «Св. Себастьяна» называл «полным вкуса и благородства», Мурильо же, по его мнению, «лучший и известнейший из испанских живописцев».

Но все же «один из числа величайших художников всех времен» — это Веласкес. «Колорит его гармоничен, полон изучения, богат и точен, рисунок — изящен и свободен. В портретной живописи с Веласкесом могут сравняться только Тициан и Рубенс — и то не всегда». Об эскизе к портрету Иннокентия X, входившем в те годы в состав эрмитажной коллекции, Сомов писал: «Нельзя не остановиться перед ним в восторге от живости красок, смелости кисти и рельефности»¹⁹¹.

¹⁹⁰ Сомов А.И. Картины Императорского Эрмитажа. СПб.: Тип. А. Якобсона, 1859. С. 60.

¹⁹¹ Там же. С. 70–71.

Во второй половине XIX в. хранители эрмитажной коллекции продолжали вести активную музейную работу. Начали устанавливаться контакты с западными исследователями. Один из них, немецкий искусствовед Густав Фридрих Вааген, посетил Петербург в 1861 г. 1889 годом датируется научное издание каталога Э. Брюининга и А. И. Сомова, в котором были учтены данные последних на тот момент западных исследований по испанскому искусству¹⁹². Стали появляться переводные работы, авторы которых хотя и признавали самобытность испанского искусства, неизменно подчеркивали его зависимость от итальянского. В них указывалось, что «характеристическая черта испанских школ состояла в соединении фламандского реализма с итальянским или католическим спиритуализмом». Так, Сурбарана сравнивали с Караваджо, а Риберу рассматривали в рамках итальянской художественной школы¹⁹³.

К.А. Сомов. Портрет А.И. Сомова

Это мнение разделил и Петр Гнедич, один из первых отечественных историков зарубежного искусства. Хорошо знакомый с западными трудами, Гнедич видел в испанской живописи сильное итальянское и фламандское влияние. В первой отечественной всеобщей истории искусства, изданной им в 1885 г., об испанских мастерах встречались лишь беглые упоминания¹⁹⁴. Сурбаран для него — «испанский Караваджо», картины Веласкеса в Эрмитаже — «вещи, не уступающие гениальной кисти Ван Дейка», а Рибера «в сущности, гораздо более итальянец», чем испанец. «Крайней вершиной развития испанского искусства», по его мнению, являлась живопись Мурильо, в творчестве которого его подкупали «неподражаемая тонкость воздушных тонов и прелесть колорита»¹⁹⁵.

В 1897 г. Гнедич издал многотомную всеобщую историю искусств¹⁹⁶. Живопись Риберы вызвала у автора резко негативный отклик. «С

¹⁹² Kagané L. La pintura española del Museo del Ermitage... P. 20–21.

¹⁹³ См., например: Реймон В. История искусств. М.: Тип. И.И. Родзевича, 1876. С. 169.

¹⁹⁴ Гнедич П.П. Всемирная история искусств. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1885.

¹⁹⁵ Там же. С. 423–428.

¹⁹⁶ Гнедич П.П. История искусств: В 3 т. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1897. Т. 2. С. 199.

особенным удовольствием, — написано в книге, — он [Рибера] останавливался на изображении всевозможных пыток; нередко его картины возмутительно противны, и его святые с полубодранной кожей ничего, кроме омерзения, не возбуждают». К Сурбарану он относился с большей благоклонностью: «Произведения его [Сурбарана] эффектны и сильны благодаря серьезному и торжественному колориту», — подчеркивал исследователь, указывая, что в живописи Сурбарана сливаются «благочестие и чувственность». С восхищением писал о творениях Веласкеса, о присутствии в его полотнах «героического натурализма», проявлявшегося в том, что «в каждом его портрете, в каждой его картине разлита какая-то торжественность, настраивающая зрителя на высокий лад»¹⁹⁷.

Между тем, Гнедич оценил и портретное мастерство Веласкеса: особенно большое впечатление произвели на него образы Филиппа IV и Оливареса. Первым в отечественной литературе Гнедич попытался проанализировать и жанровые полотна Веласкеса, оценивая «Прях» [«Миф об Арахне»] как «умение найти чисто художественное настроение в самом обыденном сюжете»¹⁹⁸. Оценки и эстетические предпочтения Гнедича повлияли на суждения об испанском искусстве в работах российских искусствоведов.

Тем не менее, в энциклопедических изданиях сохранилась старая тенденция рассматривать испанскую живопись в качестве объекта воздействия итальянской художественной школы. Завершением начального периода изучения испанского искусства в России можно считать статьи, вошедшие в «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона в 1894 г. Часть из них была за подписью Сомова, часть была не подписана. «В XVII в. искусство живописи [в Испании], — говорилось в статье, — обязано расцветом влиянию итальянских натуралистов. Лучшие мастера этой эпохи — Сурбаран и Рибера, Веласкес и Алонсо Кано»¹⁹⁹. И хотя традиционно указывалось на то, что картины Риберы «не удовлетворяют эстетического вкуса нашего времени вследствие ярко проявляющейся в них натуралистической тенденции мастера, нередко впадающего в утрировку возможного в действительности», а также на то, что «он [Рибера] отличался в высшей степени мрачным, завистливым и мстительным характером», в его живописи отмечалось «мастерское письмо, оригинальность композиции и превосходная светотень».

Сурбаран был назван «замечательным живописцем», а про Мурильо сказано, что он «поражает свободой, смелостью и силой, с какими его пламенное одушевление идеальными темами выливается в реалистические, национально-испанские формы». Авторы очерков привлекали именно натуралистические тенденции. Впервые появилась информация об Эль Греко, но его творческая манера живописи явно не была понята авторами, которые указывали, что «в погоне за оригинальностью» он «стал писать

¹⁹⁷ Там же. С. 497–505, 514–515.

¹⁹⁸ Там же. С. 515.

¹⁹⁹ Энциклопедический словарь. Т. 25. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1894.

ограниченным числом красок в вялых, мутных и негармоничных тонах, а рисовать сухо и вычурно»²⁰⁰.

В 1898 г. был издан новый путеводитель по эрмитажной картинной галерее, подготовленный помощником Сомова, известным музыковедом, страстно увлекавшимся и живописью, Александром Неустроевым²⁰¹. Как и Гнедич, автор каталога высоко оценивал творчество Веласкеса. «Его [Веласкеса] портреты, — писал Неустроев, — дают полную характеристику индивидуальности изображенного лица во всех мельчайших подробностях его характера, его жизненных привычек, его скрытой от менее проницательного наблюдателя духовной жизни». О портрете Филиппа IV кисти Веласкеса автор отзывался так: «Достаточно взглянуть на это бледное, бесхарактерное лицо, чтобы понять, что он был всю жизнь бессознательным меценатом и что литература и искусство были случайными занятиями, на которые натолкнулся его недеятельный ум». Образ Оливареса, созданный испанским мастером, по его мнению «представлял какую-то странную смесь упрямства и слабости, обидчивости и дерзости, чувственной меланхолии и религиозного суеверия, непримиримой мстительности и страсти к господству. ...Художник изобразил его таким, каким его работала жизнь»²⁰².

В эти же годы появились и первые работы, посвященные творчеству Гойи. Вас. И. Немирович-Данченко рассматривал его искусство с позиций реализма, подчеркивая необычайную жизненность образов художника. «Портреты его удивительно живы и характерны, — отмечал он — Вы по ним лучше знакомитесь с Испанией начала настоящего века, чем по книгам и рассказам хроникеров»²⁰³. Размышляя о картине «Семья Карла IV», исследователь обращал внимание на то, что «на лицах короля, королевы и на близких, написанных им, не скрыто ни одно уродство. Ни одна черта низости, ни одно выражение того или другого дурного побуждения». В портрете Марии-Луизы Пармской Гойя «как художник-реалист остался верен правде и изобразил ее во всем ужасе ее безобразия»²⁰⁴.

В 1884 г. очерк о Гойе создал Владимир Стасов, страстный проповедник и защитник направления критического реализма в русском искусстве. Гойя, на его взгляд, интересен прежде всего как автор гравюр, стремившийся к исторической и психологической достоверности. «Ни в картинах, ни в фресках, ни в портретах Гойи нет еще настоящего Гойи», указывал он.

²⁰⁰ Избранный Брокгауз: Энциклопедический словарь. Искусство Западной Европы. Италия. Испания. М.: Олма-Пресс, 1999. С. 82, 278, 335, 338.

²⁰¹ Неустроев А.А. Картинная галерея императорского Эрмитажа. СПб.: Тип. И. Ефрона, 1898.

²⁰² Там же. С. 115, 118.

²⁰³ Немирович-Данченко Вас.И. Среди «Великих». Из путешествий по Испании // Русская мысль. 1887. № 1. С. 77.

²⁰⁴ Там же. С. 257–258.

В гравюрах же «мы находим у него везде на первом плане национальность, современность и чувство реальной историчности»²⁰⁵.

Таким образом, уже в первых работах российских исследователей трактовка испанской живописи как синтеза натурализма и спиритуализма уступала место ее интерпретации как «героического натурализма». На смену ориентиров во многом повлияла эволюция художественной жизни в России, обусловленная усилением реалистических тенденций в искусстве.

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ XIX ВЕКА

«Первая волна русского “испанофильства”, — как указывал М.П. Алексеев, — относится к 1812 г.»²⁰⁶. Это «испанофильство», носившее главным образом политический характер, косвенным образом отразилось и на проникновении произведений испанской литературы в русскую культуру. До этих событий, в 1800-е гг., переводов испанских авторов было сделано совсем немного. Как и в XVIII в., продолжали появляться переводы из Сервантеса: пасторального романа «Галатея», «Назидательных новелл», вставных новелл из «Дон Кихота». Важнейшей вехой во взаимодействии двух литератур на рубеже веков явился, несомненно, перевод «Дон Кихота», выполненный Василием Жуковским с перевода-переработки Флориана (1804–1806; 2-е изд. 1815)²⁰⁷. Впервые были опубликованы произведения живых, современных на тот момент испанских авторов: поэтов Хуана Баутисты Арриасы и Хуана Мелендеса, прозаика Педро Монтенгона²⁰⁸. В дальнейшем русские переводчики к творчеству этих авторов не обращались.

Несмотря на многочисленные отклики на испанские события в русской публицистике и литературе, на появление стилизаций и подражаний,

²⁰⁵ Стасов В.В. Избранное. Живопись. Скульптура. Графика: В 2 т. М.; Л.: Искусство, 1951. Т. 2. С. 357, 382.

²⁰⁶ Алексеев М.П. Русская культура и романский мир... С. 97–139.

²⁰⁷ «Начиналась эпоха философско-психологического истолкования “Дон Кихота”; Жуковский в своем переводе, несомненно, стоит у ее истоков» (Багно В.Е. «Дон Кихот» в России и русское донкихотство. СПб.: Наука, 2009. С. 26).

²⁰⁸ Дон Жуан Баутиста де Арриац, Прощание с ручьем / Прозаич. пер. // Северный Вестник. 1805. Ч. 7. № 9; Дон Жуан Мелендец, Дни моей молодости; Срубленное дерево / Прозаич. пер. // Там же; Срубленное дерево (Подражание Мелендецу) / Б [К.Н. Батюшков] // Вестник Европы. 1807. Ч. 36. № 27; Монтенгон П. Евдоксия, дочь несчастного Велизария: Истинная повесть / Рус. пер. И. Снгрва [И. Снегирева]. М.: Унив. тип., 1809. Тогда же И.М. Снегиревым была переведена и пьеса литератора XVIII в. Томаса де Ириарте *Guzmán el bueno*. См.: Ириарте и Оропеза Т. Гузман, или Пример испанских воинов // Монтенгон П. де. Евдоксия, дочь несчастного Велизария: Истинная повесть. Ч. 2. М.: Унив. тип. 1809.

в 1820-е — 1830-е гг. количество именно переводов испанских авторов оставалось сравнительно небольшим, причем переводили по-прежнему с изданий на других языках, иногда в какой-то степени учитывая и испанские оригиналы. Гораздо чаще появлялись обзоры испанской литературы и испанского театра, как правило, тоже сделанные по иностранным источникам. В таких работах зачастую приводился и пересказ или перевод больших отрывков из отдельных испанских произведений²⁰⁹.

Значительным событием в истории российского испанофильства явились переводы романсов о Сиде, выполненные с немецкого независимо друг от друга В. Жуковским и П. Катениным²¹⁰. В 1831 г., снова с французской версии Флориана, вышел несколько сокращенный «Дон Кихот Ла Манхский» в переводе С. де Шаплета²¹¹; в 1832 г. — первые 27 глав «Дон Кихота

«Дон Кихот» в переводе В.А. Жуковского.
Титульный лист

²⁰⁹ Например: *Булгарин Ф.В.* Взгляд на историю испанской литературы // Сын Отечества. 1821. Ч. 72. № 10; Ч. 73. № 11; Нечто об Испании, в отношении к языку, литературе, искусству и общежитию // Новая литература. 1824. № 24; *Майкль К.* Рыцарство в Испании // Вестник Европы. 1827. № 21; *Шлегель А.В.* О романе и драматической поэзии испанцев: Из Шлегелевой истории литературы // Московский вестник. 1828. Ч. 9. № 10–11; *Катенин П.А.* Размышления и разборы. Ст. 6: О поэзии испанской и португальской // Литературная газета. 1830. Т. 2. № 50–51; *Шлегель А.В.* Взгляд на английский и испанский театры // Уч. зап. Имп. Моск. ун-та. 1836. Ч. 11; *Галлам Г.* История европейской литературы 15-го и 16-го столетий. Ч. 1–2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1839.

²¹⁰ Извлечение из древних романсов испанских / В.Ж. // Муравейник. 1831. № 1. С. 9–12; № 2. С. 11–19; Романсы о Сиде // *Катенин П.А.* Сочинения и переводы. Ч. 2. СПб., 1832. С. 119–175.

²¹¹ «Шаплет откровенно воспользовался находками Жуковского, не стесняясь, черпал из его перевода, причем делал это, по всей вероятности, умышленно, не опасаясь быть уличенным, исходя, возможно, из соображения, что достойное воссоздание на русской почве шедевра Сервантеса — дело общее, и бессмысленно искать новых решений там, где предшественник их уже нашел» (*Багно В.Е.* «Дон Кихот» в России... С. 40).

Ламанчского» в переводе К. Масальского. Это был первый случай, когда Сервантес переводился в России с испанского языка²¹².

В 1816 г. Р. Гонорский опубликовал в «Украинском вестнике» перевод известного романса из «мавританского цикла» «Зайд и Заида»²¹³. В подзаголовке дана первая строка оригинала: *Por la calle de su dama etc.*; подпись гласит: «С Ишпанскаго *Гонорский*». И все-таки о прямом переводе с испанского можно вести речь только предположительно; определено это близкий к тексту, но сокращенный перевод именно той версии народного романса, которая представлена в «Повести о Сегри и Абенсеррахах» (1595) Хинеса Переса де Ита. Первыми изданными переводами, о которых можно достоверно утверждать, что они были выполнены непосредственно с оригинала, являются первое действие комедии Кальдерона «Трудно стеречь дом о двух дверях»²¹⁴, опубликованное в 1828 г. Петром Киреевским, а также стихотворные опыты Константина Масальского, тоже начиная с 1828 г.²¹⁵

В 1840-е гг. в России было уже немало переводчиков, работавших с испанскими оригиналами: М. Лихонин, П. Корсаков, К. Тимковский, Н. Пятницкий. В середине XIX в. испанскую классическую драматургию нередко переводили прозой: так, например, поступал с пьесами Кальдерона, Моратина, Морето и Рохаса К. Тимковский, лишь иногда переводивший белым стихом отдельные монологи. В 1852 г. П. Кулиш, переводчик статей Дж. Тикнора об испанской литературе, в подстрочном примечании указывал: «Мы, вместо того чтобы передавать, по примеру Тикнора, стихи стихами, переводим с испанского подлинника прозой, стараясь сохранить, где возможно, причуды испанской речи времен Лопе де Веги, в ущерб, может быть, плавности русской конструкции. По нашему мнению, старина не должна быть переводима ново-сложенными фразами, а иноземный характер речи только тогда и сделается понятен для русского читателя, когда в переводе сохраняются (сколько это возможно) свойственные ей идиоматизмы»²¹⁶.

²¹² Будагов Р.А. О первом русском переводе «Дон Кихота» с испанского языка // Сервантес: Статьи и материалы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1948. С. 201–204; сопоставление переводов К.П. Масальского и В.А. Карелина см. в кн.: Багно В.Е. «Дон Кихот» в России... С. 45–51.

²¹³ Зайд и Заида: Отрывок романса («По тропинке своей милой...») // Украинский вестник. 1816. Кн. 9. Сентябрь. С. 330–332.

²¹⁴ Трудно стеречь дом о двух дверях: Комедия. День первый / [Пер.] П.В. Киреевского // Московский вестник. 1828. Ч. 11. № 19/20. С. 234–271.

²¹⁵ Вильегас. К ручью // Северные цветы на 1829 год. СПб., 1828. С. 72–73; Лопец де Вега. Размышление // Московский телеграф. 1829. Ч. 30. № 23. С. 306–307; Цетин [Сетина Г. де]. Новая тетива // Московский телеграф. 1830. Ч. 31. № 1. С. 44; Ириарте. Медведь, мартышка и свинья; По случаю // Масальский К.П. Сочинения, переводы и подражания в стихах. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1831. С. 87–90. Впоследствии Масальский неоднократно переиздавал эти переводы, иногда без указания авторов.

²¹⁶ [Тикнор Дж.] История испанской литературы. Статья 3-я // Отечественные записки. 1852. Т. 82. № 6. Отд. II. С. 83.

Той же традиции (уже в 1883 г.) придерживался другой переводчик Тикнора, Н. Стороженко: «Что касается до многочисленных отрывков из произведений испанской поэзии, приводимых Тикнором в английском стихотворном переводе, то мы сочли за лучшее перевести их прямо с испанских подлинников, и притом прозой»²¹⁷. Ю. Доппельмайер, переводчица труда Г. Гюббара, по мере возможности стремилась переводить стихи стихами. К серранилье маркиза де Сантильяны *Moza tan hermosa...* (у Стороженко передана прозой), приведенной на староиспанском языке в «Истории современной литературы в Испании», Доппельмайер сделала следующее характерное примечание: «Это подражание провансальским поэтам, образец первобытной древней кастильской песни, не поддающийся переводу на другой язык»²¹⁸.

Начиная с 1850-х гг. перевод испанских авторов, в том числе и прямой, уже не выглядел как событие исключительное: испанская литература начала входить в российский культурный обиход во все более полном объеме в одном ряду с другими европейскими литературами. Теперь внимание уделялось не только мастерам Золотого века: все больший интерес привлекали новинки испанской литературы, произведения писателей-современников — прозаиков, поэтов, драматургов. Так, постепенно россияне осваивались с именами М.Х. де Ларры, Г.А. Беккера, Х. Соррильи, Х. Валеры, П.А. де Аларкона, Э. Пардо Басан, Б. Переса Гальдоса, Х. де Эспронседы, Х. Эчегарая и др.

При этом характерно, что во второй половине XIX в. многие неизвестные русской читающей публике имена впервые упоминались в составе различных историй литературы (мировой или испанской); там же обычно приводились и отрывки из произведений испанских авторов в русском переводе, а иногда и в оригинале²¹⁹. Важную роль в знакомстве с испанской поэзией, в первую очередь фольклорной, сыграли заметки путешественников, побывавших в Испании.

Первым из россиян, побывавшим в Испании, а затем посвятившим испанской литературе специальную работу, был Фаддей Булгарин²²⁰. К сожалению, он в своей статье основывается главным образом не на собственных суждениях, а на свидетельствах «ученых Критиков», которых сам же и

²¹⁷ Тикнор Дж. История испанской литературы / Пер. с англ., предисл. Н.И. Стороженко. Т. 1. М.: Тип. П.П. Брискорн, 1883. С. II.

²¹⁸ Гюббар Г. История современной литературы в Испании. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова. 1892. С. 25.

²¹⁹ Например: Шерр И. Испания // Шерр И. Всеобщая история литературы / Пер. с нем. под ред. А. Пыпина. Вып. 2. СПб.: Тип. О.И. Бакста, 1863; Зотов В. Испанская литература // Зотов В. История всемирной литературы в общих очерках, библиографиях, характеристиках и образах. Т. 1–3. Т. 2. СПб.; М.: М.О. Вольф, 1878; Тикнор Дж. История испанской литературы...; Гюббар Г. История современной литературы...; Кирпичников А.И. Всеобщая история литературы. Т. 2–4. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1888–1892.

²²⁰ Булгарин Ф.В. Взгляд на историю... См. также: *Он же*. Воспоминания об Испании. СПб.: Тип. Н. Греча, 1823.

перечисляет: Шлегель, Дитц, Бутервек, Сисмонди²²¹. Гораздо более живые впечатления от испанской литературы, в том числе переводы записанных самими путешественниками стихотворений и народных песен, мы встречаем в путевых очерках Боткина и Немировича-Данченко²²².

В поэтических опытах XIX в. зачастую сложно провести грань между переводом и талантливой стилизацией. Так, Немирович-Данченко включил в свой цикл «*Romancero* (Поэмы, легенды, впечатления, миражи для испанского дневника)»²²³ как переводы народных песен и авторских произведений, так и оригинальные стихотворения; например, о легенде «Дворец Аль-Мансура» сказано: «Чудное местоположение этого романтического алькасаара и судьба его строителя внушили автору предлагаемую поэму»²²⁴. «Андалузские легенды» Евгения Салиаса, изданные в Москве в 1896 году, имеют много общего с книгой Фернана Кабальеро «Народные андалузские рассказы и стихотворения» (1861).

Подчас бывает непросто разобраться, идет ли речь об авторском или же народном стихотворении. Например, Немирович-Данченко, обильно публиковавший свои испанские переводы и в книгах, и в журналах, а зачастую включая их и в текст собственных произведений, действие которых происходит в Испании, то объявлял какой-нибудь перевод услышанной на улице народной песней, то приписывал его перу знакомого поэта. Курьезный случай: отрывок «Как цвет весенний, чистый, кроткий...» вначале был назван ламанчской песней²²⁵; в книге «Край Марии Пречистой (Очерки Андалузии)» он процитирован дважды, будучи приписан сначала Кампоамору, затем Соррилье, а в сборнике «Стихи» помещен без указания автора²²⁶.

На материале публиковавшихся в российской печати произведений испанской литературы можно отметить еще одну, общую для всей переводной литературы тенденцию: приблизительно с 1870-х гг. переводить стали заметно больше, а общее качество переводов снизилось. Дело в том, что короткие рассказы Аларкона, Беккера, Пардо Басан и других, ныне малоизвестных даже в Испании авторов, по-видимому, пришлось по душе издателям общедоступных журналов «для легкого чтения», таких как «Живописное обозрение», «За 7 дней», «Всемирная иллюстрация» и др. Наряду с качественными переводами М.Ватсон, Л. Хавкиной, Е. Бекетовой, М. Карминой-Читау появлялись

²²¹ Булгарин Ф.В. Взгляд на историю... С. 289–290.

²²² См. главу «Русское открытие» Испании в XIX веке». Кроме «Очерков Испании», Немирович-Данченко опубликовал: Край Марии Пречистой (Очерки Андалузии). СПб.: А.С. Суворин, 1902. Фрагменты этих очерков выходили под разными названиями в российской периодике («Русская мысль», «Наблюдатель», «Русские ведомости» и др.).

²²³ Немирович-Данченко Вас.И. Стихи: 1863–1901 гг. СПб.: А.С. Суворин, 1902. С. 344–436.

²²⁴ Там же. С. 384.

²²⁵ Немирович-Данченко Вас.И. В гостях у Дон-Кихота (Неделя в Ламанче) // Нива. 1896. № 43. С. 1060.

²²⁶ Немирович-Данченко Вас.И. Край Марии Пречистой... С. 206, 447; Он же. Стихи... С. 434.

посредственные в стилистическом отношении, не соответствующие тексту оригинала переводы, во многих случаях анонимные. Их авторы плохо владели испанским языком, зачастую переводили испанских писателей с французского²²⁷.

В конце XIX — начале XX в. заново переводились и осмыслились произведения испанских классиков: Ватсон выполнила лучший дореволюционный перевод «Дон Кихота», вышли два собрания сочинений Лопе де Веги, К. Бальмонт выпустил знаменитое издание драм Кальдерона. Бальмонт также стал переводчиком и популяризатором в России испанских народных песен (*coplas*), а Ватсон переводила народные испанские сказки. Нельзя обойти вниманием и конгениальный перевод интермедий Сервантеса, выполненный А. Островским.²²⁸ Продолжали переводиться пьесы Агустина Морето, Тирсо де Молина; неоднократно переиздавались и выполненные ранее драматические переводы С. Юрьева.

В целом до 1917 г. испанская литература в России наиболее системно и в полном объеме была представлена только в немногочисленных хрестоматиях и историях литературы, лучшими из которых следует признать «Историю всемирной литературы» В. Зотова, а также переводные издания — «Историю испанской литературы» Дж. Тикнора и «Историю современной литературы в Испании» Г. Гюббара. В переводческой практике картина выглядела иначе. Нередко случайные переводчики переводили случайных испанских авторов; из писателей, ныне признанных классиками испанской литературы, плодотворно переводили только отдельных литераторов «с именем», другим замечательным авторам в России повезло меньше. Попытка систематизированного подхода к переводу испанской литературы была предпринята уже после Октябрьской революции.

РУССКОЕ ДОНКИХОТСТВО КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

227

Средним единодушием испанские литераторы и литературоведы признают, что именно в России «Дон Кихот» нашел своих наиболее горячих почитателей, наиболее глубоких истолкователей, наиболее пришелся «ко двору». По словам Мигеля де Унамуно, «бедный ламанчский рыцарь, восстав из гроба, в который его положил Сервантес, обошел весь мир, будучи радостно встречен и понят во всех его уголках, прежде всего в Англии и России»²²⁹. «Не нужно быть знатоком русской литературы, — утверждает современ-

²²⁷ Подробнее о разнородности переводов испанских авторов см.: *Корконосенко К.С.* Семь «Зайцев»: О вариантах перевода одного рассказа В. Бласко Ибаньеса // *Русская литература.* 2012. № 2. С. 187–192.

²²⁸ *Интермедии Мигуэля Сервантеса Сааведры.* СПб.: Н.Г. Мартынов, 1886; отдельные интермедии ранее публиковались в журнале «Изящная литература».

²²⁹ *Unamuno M. de.* Sobre la lectura e interpretación del Quijote // *Unamuno M. de. Ensayos.* T. I. Madrid: Aguilar, 1964. P. 670.

Мигель де Сервантес Сааведра

ный исследователь, — что-бы без труда заметить, насколько сильна в русском народе тяга к мифу о Дон Кихоте и к роману, его породившему»²³⁰. Были разные попытки раскрыть причины особой популярности «Дон Кихота» в России, а также охарактеризовать национальное своеобразие этого восприятия. Одни полагали, что основная среди этих причин — несомненная близость, существующая между русским и испанским национальным характером, такие общие черты, как поиск Абсолюта в порывах духа и в привязанности к земле, осознание своей мессианской роли в Европе. С точки зрения других, восприятие «Дон Кихота» в России — это «синтез аскетизма и стра-

сти», трагический символ, как нельзя лучше выражающий переломную эпоху конца XIX — начала XX в.

228 Глагол «донкишотствовать» в значении «сумасбродствовать», видимо, был введен в русский язык поэтом Гаврилой Державиным. В знаменитой «Оде к Фелице», посвященной Екатерине II, Державин, среди прочих вещей, восхвалял умеренное поведение императрицы, которое не допускает «донкишотствования». Николай Карамзин в письме 1793 г. к Ивану Дмитриеву признался: «Назови меня Дон-Кишотом; но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею так страстно, как я люблю — человечество!» Это высказывание примечательно по разным причинам. Оно в высшей степени характерно для сознания мифотворящего, не склонного, да, впрочем, и не обязанного, считаться с реальностью и фактами. Человечество в нем уподобляется Дульсинее. Позже народники подменили бы «человечество» «русским народом». Уподобив зачарованную Дульсинею страждущему человечеству, Карамзин впервые выразил

²³⁰ *Real de la Riva C.* Historia de la crítica e interpretación de la obra de Cervantes // Revista de Filología Española. T. 32. 1948. P. 138.

то понимание донкихотства, столь свойственное русскому утопическому сознанию, которое стало символом веры русской интеллигенции.

Наконец, в связи с Карамзиным и его интерпретацией проявляется и еще одна закономерность в истории русского донкихотства, выявленная и отчасти прослеженная русским поэтом, переводчиком и литературным критиком Юрием Айхенвальдом: в России описывали путь, пример и феномен Дон Кихота одни (Карамзин, Белинский, Тургенев, Достоевский, Мережковский, Сологуб), жили «по Дон Кихоту» другие (Радищев, Чернышевский, Толстой, Вл. Соловьев, Волошин, Короленко). Карамзина никто (кроме него самого) Дон Кихотом не называл. В то же время не случайно в пьесе Дмитрия Мережковского «Павел I» вышеупомянутая карамзинская фраза приписана Павлу I.

Донкихотство Павла I, «Дон Кихота на троне», представляет первостепенный интерес уже хотя бы потому, что примыкает одновременно к двум распространенным и никак между собой не связанным сюжетам: «золушки» и «калифа на час». Таким образом, на русской почве миф о Рыцаре Печального Образа нашел воплощение в истории о коронованной, рыцарственной золушке, истории с трагическим концом.

В определенном смысле история русского донкихотства начинается с речи Ивана Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», напечатанной в «Современнике» в 1860 г. Статья изменила отношение к Дон Кихоту: если раньше, по словам Тургенева, «всякому лестно прослыть Гамлетом, никто бы не хотел заслужить прозвание Дон-Кихота», то после ее публикации для большинства русских прослыть донкихотом было скорее почетно. Тургеневская интерпретация сервантесовского образа оказалась одной из самых ярких и плодотворных.

Трактовка Тургенева была противопоставлена традиционному в русской литературе и публицистике взгляду на героя Сервантеса как на архаиста и консерватора, не желающего считаться с требованием времени. Для Тургенева Дон Кихот — положительный герой, борец, революционер, носитель новой идеологии. Собирательный образ, раскрываемый русским писателем в этой статье и обозначенный именем сервантесовского героя, выражает, по словам Тургенева, «веру прежде всего; веру в нечто вечное, незыблемое, в истину, одним словом, в истину, находящуюся вне отдельного человека, но легко ему дающуюся, требующую служения и жертв, но доступную постоянству служения в силе жертвы». Доминантами его натуры могут быть признаны самопожертвование и деятельность: «Он весь живет (если так можно выразиться) вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам — волшебникам, великанам и притеснителям». Тургенев вовсе не отрицает способности Дон Кихота заблуждаться («главное дело в искренности и силе самого убеждения, [...] а результат — в руке судеб. Они одни могут показать нам, с призраками мы боролись, с действительными ли врагами и каким оружием покрыли мы наши головы»), он лишь снимает этот вопрос с повестки дня, считая неизмеримо более важной их способность «вооружаться и бороться», идти «неуклонно

вперед, вперив духовный взор в ими только видимую цель». Статья не только имела шумный успех, вызвала самые разноречивые отклики, но и явилась немаловажным фактором в культурной жизни России.

В том же году в главе «Меттернихи и Дон-Кихоты» Достоевский раскрывает свое понимание назначения и судьбы России, сравнивая ее с Дон Кихотом, но Дон Кихотом обновленным, у которого есть уже свой «гений» и свое «новое слово», который «осмыслил свое положение в Европе и не пойдет уже сражаться с мельницами». Если первое уподобление — русской интеллигенции — прошло почти незамеченным, то второе — России — вызвало жаркие дискуссии, восторги, недоумение, а подчас и отповедь, в том числе со стороны испанцев. По словам Сантьяго Монтеро Диаса, «если под пером Тургенева сервантесовский герой обрусел, то Достоевский пошел еще дальше. Он уподобил ему саму Россию, навязал ему мистическую, империалистическую, вселенскую тоску, столь свойственную этому народу. Неожиданная участь для героя, который являл собой саму доблесть, которая была в то же время взвешенной, сбалансированной и гармоничной»²³¹. Естественно, что при всей оригинальности интерпретаций Достоевского они не могли возникнуть на пустом месте.

Аналогия между подвижничеством Рыцаря Печального Образа и религиозным подвижничеством, естественно, была замечена давно, но, как правило, выявлением частных аналогий вопрос и ограничивался. В сущности, донкихотом христианства был для оппонентов Достоевского сам автор «Идиота» и «Братьев Карамазовых». Так, в фельетоне газеты «Голос», посвященном «Братьям Карамазовым», Достоевский уподобляется Жозефу де Местру, а его религия любви истолковывается как религия ненависти, поскольку «из-за слащавой физиономии смиренномудрого инквизитора высовываются красные языки пылающего костра».

230 Редко в поле зрения исследователей, обращающихся к теме донкихотов христианства, попадают герои Николая Лескова. Ему принадлежит один из благожелательных отзывов о речи Тургенева: всецело принимая пафос речи, возвеличивающей Дон Кихотов, поборников добра, Лесков, с одной стороны, видит в них народных заступников, вождей крестьянских восстаний, а с другой — «праведников», носителей евангельской правды. Многие из любимых героев писателя являются одним самых ярких воплощений идеи о русских Дон Кихотах. Роман Сервантеса был прочитан Лесковым еще в детстве в Орле, когда он пользовался библиотекой Константина Масальского, переводчика «Дон Кихота». Впоследствии встречающиеся ему типы русских людей он подчас соотносил с полюбившимся ему сервантесовским героем. Однако его представления об образе Дон Кихота, вероятно, окончательно оформились лишь под впечатлением речи Тургенева. Чертами донкихотовской самоотверженности отмечены герои романов и рассказов Лескова. Сервантесовский образ поворачивается в них разными гранями, различные черты его облика, особенности его мироощущения и отношения к людям

²³¹ *Montero Díaz S. Cervantes, compañero eterno. Madrid: Ed. Aramo, 1957. P. 71–72.*

всплывают и напоминают о себе в облике, тех или иных словах, поступках и судьбе персонажей Лескова.

Однако если речь идет о реальных воплощениях донкихотства, то донкихотами христианства современники называли таких русских религиозных мыслителей, как Константин Леонтьев, Владимир Соловьев и Николай Бердяев. Вне всякого сомнения, что для многих ряд этот открывался Львом Толстым. С точки зрения Розанова, Леонтьев в своем неистовом христианстве был «теоретиком и Дон-Кихотом “эгоистического Я”, а не был вовсе жизненным человеком со всей суммой реальных отношений».

Иван Тургенев

Да и сам Леонтьев вполне был готов признать себя донкихотом. В 1860 г. в ответе Тургеневу, который посоветовал ему «попробовать писать критические и эстетические этюды», Леонтьев, намекая на статью «Гамлет и Дон Кихот», писал: «Надену свой медный таз на голову и буду верить, что это шлем». В статье 1880 г. он рассуждает о донкихотах христианства в связи важнейшей для русского и европейского самосознания темой судеб европейской цивилизации после Французской революции. Русский мыслитель не оспаривает хода истории, он лишь как истинный донкихот не соглашается с ним и считает его «роковым и медленным разрушением». Остается только добавить, что Леонтьев снова прочитал «Дон Кихота» уже в монастыре, незадолго до своей смерти²³².

Наконец, не только Бердяева, но, по-видимому, и всех философов русского религиозного возрождения их оппоненты воспринимали как донкихотов христианства. Так, в 1913 г., вскоре после выхода программной книги Бердяева «Философия свободы» (1911), отражающей, согласно автору, «цельное религиозно-философское мирозерцание и мирочувствие», Борис Яковенко, философ-трансценденталист, популяризатор идей немецкого идеализма, в статье «Философское донкихотство» дает гневную отповедь ретроградным, с его точки зрения, попыткам повернуть историю человеческой мысли вспять и навязать современному цивилизованному

²³² Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 7. С. 54.

миру новое религиозное сознание. Филиппики Яковенко против религиозного мракобесия Средних веков и сторонников религиозного возрождения в России, пытающихся, подобно Рыцарю Печального Образа, «протащить» религиозную философию в сегодняшний день, чрезвычайно напоминают полемику со славянофилами середины XIX столетия, в частности Белинского и Писарева, в которой точно так же в качестве аргументов использовались донкихотовские мотивы. Абстрактные, консервативные и сумбурные мысли Бердяева, согласно его оппоненту, представляют собой не новое слово в философии, а плод фантазии, мнимый образ, выдуманную Дульцинею. И наоборот, полагает Яковенко, пытаясь опровергнуть истинную современную философию, отвечающую духу времени, он, вновь уподобляясь Дон Кихоту, сражается с ветряными мельницами. При этом оппоненту Бердяева и его единомышленников нельзя отказать в последовательности, наблюдательности и прозорливости. Новый русский Дон Кихот, подчеркивает он, видит высший критерий свободы в «личном мистическом переживании, в способности мистического самоотречения и самопогружения в тайны», в то время как современное общество может твердо стоять лишь «на свободе, критически сознаваемой каждым из его сочленов как общеобязательный закон». Таким образом, Яковенко абсолютно точно определяет «оппозиционность» Дон Кихота, позицию Бердяева и его единомышленников как донкихотов христианства.

Донкихоты христианства истолковали то состояние общества, которое они застали, оскудение религиозного чувства, которое они констатировали, и то положение оппозиционности, в котором они сами оказались, как общество с «чертой оседлости». Они видели свою миссию в том, чтобы выходить за ее пределы, устремляясь со своей проповедью в секуляризованный «большой» мир.

232 Донкихотство русской интеллигенции — тема статьи, опубликованной в 1910 г. в журнале «Жизнь для всех». Автор, скрывшийся под псевдонимом «М.А.», предложил одну из самых публицистически острых интерпретаций романа Сервантеса, развивающую и конкретизирующую идеи Тургенева о донкихотстве как беззаветном служении Человечеству. Приведем из нее большую цитату, в которой сконцентрированы основные ее тезисы: «Все, что бескорыстно, что высоко и чисто, то не умирает, а вливается в сокровищницу жизни, обогащая ее, и горе тем, кто отвернется от света и поклонится тьме, — они сами готовят себе смерть, бесплодность и забвение. Я говорю о другом странствующем Рыцаре Печального Образа — о русской интеллигенции. У нее много черт, общих с Дон Кихотом. В ее душе ярко горел пламень бескорыстного служения угнетенным и обиженным, она была всегда жрицей высокого и чистого идеала, и так же, как Дон Кихот, выступала она на борьбу, не считая врагов, и в вооружении, едва ли лучшем. Она не была избалована победами, даже призрачными, но, падая под ударами судьбы, она говорила: “То, чему я служила, — это единственно ценное, из-за чего стоит жить, и эта истина не должна пострадать от моего бессилия доказать ее”, — и она предпочитала скорее смерть, чем отказ и

измену. Но настали другие времена, и то, что было ясно и непреложно, то, чему поклонялись еще так недавно, было отброшено. Интеллигенция свое личное поражение приняла за поражение своих идеалов красоты, добра и справедливости; она забыла, что вне идейности, вне бескорыстного, одухотворенного служения неимущим и обездоленным для нее нет жизни, и она наказана тем, что ей пришлось опускаться все ниже и ниже в пропасть нравственного маразма. Угар, слава Богу, проходит, и померкшие были боги вновь начинают светиться тихим светом, но грустно и больно вспоминать ужасы недавнего нравственного падения»²³³.

В России XIX — начала XX в. случаи предостережения от увлечения донкихотством крайне редки. Так, например, кличка «донкихоты самодержавия» закрепила за последними защитниками монархии.

У истоков символистских воззрений на «Дон Кихота» стоит Дмитрий Мережковский. Сервантеса он ввел в число «Вечных спутников» человечества, но за несколько лет до этого, в 1884 и 1887 гг., были опубликованы стихотворения «Алонзо Добрый» и «Дон-Кихот». В них дается новая интерпретация донкихотовской ситуации, сыгравшая важнейшую роль для русской культуры XX в. Житийное переосмысление жизни сервантесовского героя в безусловном следовании канону: обращение — служение — отторжение толпой — мученический венец — дает Мережковский в стихотворении «Алонзо Добрый». Формально интерпретация Мережковского: «То не был Дон-Кихот, то был святой боец // Алонзо-мученик, не признанный толпою» — вплотную приближается к представлениям об обреченности донкихотов христианства, плывущих против течения в современном секуляризованном мире.

Мережковский был в ту пору студентом историко-филологического факультета Петербургского университета, испытывавшим сильное влияние народнических идей. Дон Кихота он в то время рассматривал как пророка социального переустройства общества. Мережковскому принадлежит идея резкого противопоставления героя, в котором «святы» любовь и вера, грубой, самодовольной толпе, «с гордым видом превосходства» высмеивающей «великих безумцев, пророков и поэтов». В целом же эта трактовка объясняется прямым воздействием речи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», согласно которой Рыцарь Печального Образа воплощает «высокое начало самопожертвования». Уже через два года в статье «Дон Кихот и Санчо Панса» Мережковский будет открыто опровергать точку зрения Тургенева.

Еще больший резонанс имела его статья «Сервантес», включенная в книгу «Вечные спутники». Основная мысль статьи такова: миру, закосневшему в низменных заботах, грубости и лжи, противопоставлены два мечтателя, облагораживающие жизнь своим присутствием. В то время как «здравомыслящих» людей преследуют или скука, или несчастье, они счастливы даже в своих невзгодах. Развивая эту мысль, он пытается представить

²³³ М.А. Дон-Кихот и русская интеллигенция // Жизнь для всех. 1910. № 8/9. С. 227–228.

Сервантеса как писателя, завещавшего нам «сатиру на человечество», обнаруживающего перед читателями «все ничтожество, бессердечность, лицемерие и вечную глупость людей», а жизнь изображающего как «мрак и бездонный омут». Мережковский предвосхитил любопытный взгляд на Дон Кихота и Санчо Пансу как на больших детей, для которых жизнь — игра. Этот взгляд лежит в основе работ, в которых проводится параллель между Томом Сойером и Дон Кихотом.

Одиннадцать лет спустя, в 1916 г., в статье «Шекспир и Сервантес» Вячеслав Иванов вновь почтил память писателя, отразившего «дневное сознание» своей эпохи. Новые истины открылись ему в романе, новые глубины он увидел в образе Рыцаря Печального Образа. Поэт настаивал на том, что величие Сервантеса покоится на «узрении иррационального в рациональном» и на том, что «чем-то радостным, бодрящим и добрым веет от его страниц, не запятнанных ни злобою, ни осуждением, не омраченных горестным раздумьем о смысле жизни».

Наиболее оригинальный и законченный миф в русском символизме, восходящий к «Дон Кихоту» и проступивший в конце концов в самой трагической судьбе писателя, принадлежит Федору Сологубу. При всей оригинальности сологубовской концепции она возникла на пересечении отдельных элементов интерпретаций сервантесовского образа, которые обнаруживаются в книге Мережковского «Вечные спутники» и программной статье Иванова «Кризис индивидуализма». Несомненно, определенное значение имели также некоторые мотивы «Стихов о Прекрасной Даме» любимого Сологубом Блока.

Миф о Дульсинее — одно из наиболее ярких проявлений сологубовской теории «преображения жизни искусством». Этот миф о Дульсинее, творимый фантазиями Дон Кихота из грубой крестьянки Альдонсы, стал складываться у Сологуба после революции 1905 г. как альтернатива преобразованию мира. Донкихотовская позиция по отношению к реальности осмысливается как единственно достойная художника. Наиболее подробно Сологуб изложил свою концепцию в эссе «Демоны поэтов» (1907) и «Мечта Дон-Кихота (Айседора Дункан)» (1908), создавая затем бесчисленные ее версии в других статьях, романах и пьесах. «Лирический подвиг Дон-Кихота, — утверждает Сологуб, — в том, что Альдонса отвергнута как Альдонса и принята лишь как Дульцинея. Не мечтательная Дульцинея, а вот та самая, которую зовут Альдонса. Для вас — смазливая, грубая девка, для меня — прекраснейшая из дам». Кстати сказать, косвенным образом постулируется необходимость резкого поворота художника к грубой прозе, к вторжению в действительность и отказ от устремленности к заоблачным целям: «Воистину прекраснейшая, — потому, что в ней красота не та, которая уже сотворена и уже закончена и уже клонится к упадку, — в ней красота творимая и вечно поэтому живая. Как истинный мудрец, Дон-Кихот для творения красоты взял материал, наименее обработанный и потому наиболее свободы оставляющий для творца».

История русского донкихотства неразрывно связана с историей идей в России, историей русской интеллигенции, общественной жизнью. Русская

судьба мифа о Дон Кихоте — это не просто национальная версия общекультурного процесса, но один из редких в истории культуры примеров превращения частного литературного явления в доминанту общественной и культурной жизни другой страны с неизбежной утратой многих конкретных историко-литературных особенностей.

Русские в «Дон Кихоте» увидели не просто гениальную книгу, но притчу о человеческом предназначении, а в герое романа — пророка или лжепророка, миф о котором может служить ключом к событиям русской интеллектуальной и общественной жизни. Отрыв героя от романа, а романа от автора, неизбежный при включении их в инациональный историко-культурный и общественно-политический контекст, нисколько не умалял достоинств ни романа, ни писателя, а лишь расширял спектр истолкований. Собственно говоря, основой донкихотства и явился отрыв героя от романа, тот факт, что имя сервантесовского героя стало, по свидетельству Ивана Тургенева, «смешным прозвищем даже в устах русских мужиков», не имевших о романе никакого представления. Замечательным свидетельством большей роли для истории русского донкихотства именно интерпретаций, т.е. мифа о Дон Кихоте, как это ни парадоксально, по сравнению с романом самого Сервантеса является письмо Антона Чехова к младшему брату Михаилу, рекомендовавшего прочесть не самого «Дон Кихота» («ты, брате, не поймешь»), а речь Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот».

Донкихотовский субстрат проявляется в тот период самоидентификации России, который опосредованно связан с Французской революцией и наполеоновскими войнами. Донкихотовский субстрат также очевиден в представлении об особом предназначении России, призванной спасти европейскую христианскую цивилизацию, растоптанную Французской революцией, протянуть руку охваченному кризисом, утратившему духовные ориентиры Западу. Не будет преувеличением сказать, что «идея» Рыцаря Печального Образа — спасти гибнущее человечество, утратившее моральные ценности, опутанное меркантильными заботами, — претворилась на русской почве в одну из составляющих «русской идеи». Донкихотовский утопизм, донкихотовский нонконформизм, донкихотовское стремление повернуть историю вспять, мессианский элемент донкихотства оказались в XIX столетии востребованы именно в России.

Главный водораздел в интерпретациях донкихотства проходит по линии: положительный или отрицательный герой, образец для подражания или объект для насмешек. Исходной точкой этого водораздела послужила эпоха романтизма, реабилитировавшая сервантесовского героя, но, как показало время, не отменившая прежние оценки, а лишь усложнившая, обогатившая картину. Из великого множества разных оттенков восхищения, симпатии, одобрения либо зубоскальства, иронии или предостережения, можно также выделить в каждом случае по две главные линии, к которым тяготеют все интерпретации донкихотства: с одной стороны, это «отсутствие такта действительности» (Белинский), а с другой — «высокое начало самопожертвования» (Тургенев) и «положительно прекрасный

человек» (Достоевский). Все эти оценки, равно как и разного рода их ответвления и модификации, находили воплощение и детальное описание в философско-психологических интерпретациях, которые, в свою очередь, преломлялись затем в биографии героев романов Нового времени, развивающих ту или иную грань мифа о Дон Кихоте. В равной степени эти интерпретации реализовывались в жизненной программе людей, которые либо сами возводили себя к Дон Кихоту, либо их называли Дон Кихотами современники или потомки подчас с прямо противоположным пафосом — осуждая и осмеивая в одних случаях, превознося и восхищаясь в других. Юрий Айхенвальд, бескомпромиссный апологет «высокой» линии в интерпретациях донкихотства, писал: «Русские интеллигенты в своем щедром словообороте чуть было не сделали Дон Кихота рыцарем каких попало начал».

Бесчисленные русские интерпретации романа Сервантеса и образа Дон Кихота были нацелены на современника, выполняли в русской культуре XVIII—XIX вв. различные, прежде всего нравственные, задачи, стоявшие перед русским обществом, русской интеллигенцией. Под донкихотством понималось и глупое сумасбродство, и опасное для общества стремление повернуть историю вспять, и героический энтузиазм одиночки, и высокие порывы духа, способные спасти людей, погрязших в прагматизме. Возможно, главная причина коренится в особом накале русской культурной и общественной жизни, особой напряженности духовных исканий русских людей, которыми отмечено все XIX столетие — пик «русской» славы «Дон Кихота».

236

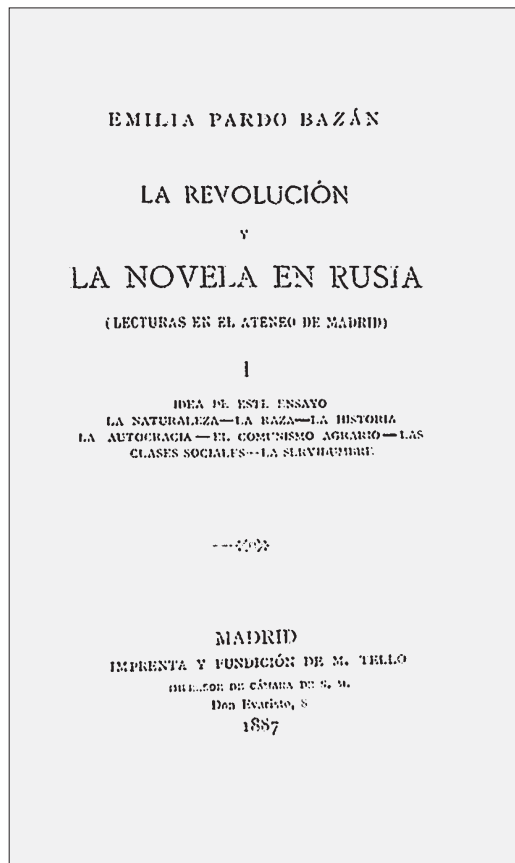
Утопизм Дон Кихота, героя, пытающегося вернуть вчерашний день, раскалывается в России на два мощных течения, выражающих две крайние тенденции в русском максимализме: высокое благородство помыслов, с одной стороны, и неистовую жертвенность в деяниях — с другой. Обе, особенно вторая, оставили, в преломленном виде, весьма заметный след в русской истории. В России донкихоты сначала «шли в народ» и затем готовили революцию.

Изучение русской судьбы «Дон Кихота» и русского донкихотства не оставляет сомнений в том, что в России персонаж Сервантеса был истолкован (главным образом русской интеллигенцией) как воплощение идеи о высокому предназначении человека, способного на отказ от жизненного благополучия во имя справедливости, способного на подвиг, самопожертвование. Предостережение от ложного энтузиазма, берущего на вооружение идеалы и навязывающего их действительности и обществу, столь отчетливо услышанное как современниками Сервантеса, так и писателями и мыслителями XX столетия (такими, к примеру, как Андрей Платонов или Томас Манн), в России привлекло значительно меньше внимания. Потребность в поступке, примере, ожиданием которого было наэлектризовано русское общественное сознание XIX в., перевешивало опасения за плоды той деятельности, которая может быть его следствием.

«РЕВОЛЮЦИЯ И РОМАН В РОССИИ»
ЭМИЛИИ ПАРДО БАСАН

В русско-испанских культурных связях существует парадоксальный факт: одним из главных популяризаторов великого русского романа XIX в. и пропагандистом русского нигилизма и анархизма в Испании стала Эмилия Пардо Басан, графиня, вполне ортодоксальная католичка, не знавшая русского языка и никогда не бывавшая в России. С большим энтузиазмом испанская писательница защищает свою роль пропагандиста всего самого ценного, что накопила мировая культура за многие столетия. «Довольно часто, — пишет она, — мне приходилось выслушивать упреки за мое пристрастие к иностранной литературной жизни и за пропаганду ее у себя на родине. [...] К чему окружать Испанию санитарным кордоном, столь абсурдным сегодня, и, кроме того, бесполезным? [...] Когда Петр I создал современную русскую столицу, он сказал, что хочет прорубить для своего народа окно в Европу. Нам, испанцам, не мешает изредка открывать хотя бы форточку, чтобы быть в курсе того, о чем думают в Европе [...], мы живем в страхе, что у нас неожиданно украдут нашу оригинальность, которую считаем такой ломкой и хрупкой, что даже не пытаемся определить, в чем же она состоит»²³⁴.

Роберт Осборн справедливо отметил, что никто из испанских авторов последней трети XIX в. не был лучше подготовлен к миссии пропагандиста русской литературы в Испании²³⁵. Есть несколько причин, способствовавших обращению испанской писательницы к русской литературе. Важнейшая из них коренится в особенностях ее творче-

Э. Пардо Басан. «Революция и роман в России». Титульный лист

²³⁴ Pardo Bazán E. La cuestión palpitante, La revolución y la novela en Rusia, La nueva cuestión palpitante. Madrid: Bercimuel, 2009. P. 218–219.

²³⁵ Osborne R. Pardo Bazán y la novela rusa // Revista Hispánica Moderna. 1954. Vol. XX.

Вход в мадридский Атеней

238

всегда стремившаяся быть на уровне запросов своего века, познакомившись с произведениями Тургенева, Толстого и Достоевского, решила, что как запросам общества, так и вызовам времени лучше всего отвечает русский роман. Стимулом к изучению произведений русских писателей послужила популярность их во Франции. Обращение Пардо Басан в «русифилы» произошло под перекрестным влиянием ее друзей, французских писателей и русских эмигрантов, с которыми она познакомилась в Париже. Вечером 13 апреля 1887 г. она прочла свою первую лекцию о русской литературе в мадридском Атенее²³⁶.

Бенито Перес Гальдос, наиболее своеобразно и глубоко творчески усвоивший уроки русской литературы, в статье, посвященной лекциям Пардо Басан (15.04.1887), отметил самый факт обращения писательницы к столь злободневной теме, а также ее таланты, назвав лекции событием

ского облика. Практика русского романа оказалась созвучной мыслям Пардо Басан о том, что для высшего проявления реализма не существует противопоставления «реальной» правды и правды «идеальной». В русской литературе ее привлекало то, что та сняла разделявшую французских романтиков и реалистов альтернативу — «искание идеальной правды» или «изучение позитивной действительности». С точки зрения испанской писательницы, литература является орудием борьбы за улучшение общества; следовательно, любой анализ этого общества, каким бы объективным он ни был, непременно должен включать в себя определенную этическую программу. Пардо Басан,

²³⁶ О мадридском Атенее см.: *Benito J. de. Un siglo de Madrid que se fue: el Ateneo científico, literario, y artístico, 1835–1935 // Revista de las Indias. 1939. Vol. III. No. 8, agosto octubre; Villacorta Baños F. El Ateneo científico, literario y artístico de Madrid (1885–1912). Madrid: CSIC, Centro de Estudios Históricos, 1985.*

первостепенной важности. Заслуга писательницы, по его мнению, в первую очередь заключается в том, что ей удалось раскрыть для Испании величие и оригинальность русского народа, столь отличного от народов Запада. В немногих словах он сумел точно сформулировать их содержание: «Без сомнения, в России готовятся великие события. Политическое брожение обладает огромной жизнеспособностью, а этой жизнеспособности соответствует могучая литература»²³⁷.

В том же году лекции Пардо Басан были изданы в трех томах. Исследование сопровождал список использованной автором литературы. Писательница специально оговаривала степень своей зависимости от тех или иных источников: «Книга Маккензи Уоллеса “Россия” отличается большой практической ценностью, своевременностью и изяществом, книга Анатоля Леруа-Болье “Империя царей” — исследование глубокое, законченное и во всех отношениях точное, как говорят сами русские, когда они объективны; книга моего замечательного друга Тихомирова “Россия политическая и социальная” проливает на предмет очень ясный свет, хотя и страдает излишним радикализмом и страстностью, являясь книгой эмигранта, книга Мельхиора де Вогюэ “Русский роман” представляет собой критическое исследование, непревзойденное по своим качествам, хотя я и не согласна с некоторыми суждениями автора. Из этих четырех книг, равно как и из известной “Истории России” Рамбо, я почерпнула больше всего материала и, сообщив об этом, могу простить себя за постоянное их упоминание»²³⁸. Среди переводов произведений русских писателей на западноевропейские языки (в основном на французский) указаны книги Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Гоголя, Гончарова, Тургенева, Достоевского, Толстого, Писемского и Салтыкова-Щедрина.

Самостоятельность исследования Пардо Басан нередко подвергается сомнению. Франсиско де Икаса в своей статье 1925 г. высказал мнение о полной зависимости книги Пардо Басан от «Русского романа» Эжена Мельхиора де Вогюэ, обличив вторичный характер книги Пардо Басан. В отличие от ее защитников, автор статьи предоставляет достаточное количество аргументов: Икаса приводит более половины текста как доказательство, по его убеждению, сокращенного перевода страниц, параграфов и фраз из исследования Вогюэ, отказывая «Революции и роману в России» в праве называться самостоятельным произведением. Согласно его выводам, это не единственный случай плагиата писательницы; Икаса утверждает, что все ее творчество лишено какой бы то ни было оригинальности. Однако критик не счел нужным обратить внимание на то, что большинство почти дословных переводов отдельных фраз или отрывков из «Русского романа» Вогюэ относится к биографиям русских писателей, к конкретным сведениям, касающимся литературной жизни России, либо к анализу

²³⁷ *Pérez Galdós B.* La Revolución y la novela en Rusia: Conferencias de Emilia Pardo Bazán en Ateneo // *Pérez Galdós B.* Obras inéditas. 1923. Vol. II. P. 203–208.

²³⁸ *Pardo Bazán E.* La cuestión palpitante... P. 221.

художественных произведений, которые Пардо Басан не могла прочесть сама ввиду отсутствия их переводов на те европейские языки, которые она знала (французский, немецкий, итальянский и английский). Пардо Басан обратилась к работе своего предшественника не за идеями, а за конкретными фактами истории русской литературы²³⁹. Подобное использование работ предшественников совершенно закономерно и естественно. Сходным образом сам Вогюэ конспектировал труды Павла Анненкова, Александра Пыпина, Семена Венгерова и многих других, в то же время, подобно Пардо Басан, оставаясь независимым в выводах.

Испанская писательница не случайно подчеркивала отличие своих взглядов от суждений Вогюэ. Она в большей мере использовала положительные стороны и прошла мимо многих весьма спорных его утверждений. Основное отличие книги Пардо Басан от работ о русской литературе ее предшественников и современников состоит в том, что, видя неразрывную связь между русской литературой и общественной жизнью в России, она исследует их в совокупности, в их взаимозависимости друг от друга. Многие идеи были подсказаны ей русскими революционерами-эмигрантами в Париже и их книгами. Пардо Басан взялась за такие сложные темы, как история, культура и обычаи; столкнувшись с этими вызовами, она обратилась за помощью к некоторым из русских писателей и художников, с которыми она познакомилась в Париже. Благодаря своим парижским друзьям она узнала о Тургеневе, который посещал те же салоны, в которых бывала и она. Упоминания о ее русских знакомых, дававших ей ценные советы, руководивших ею в ее работе, всячески старавшихся познакомить ее как можно ближе с Россией, разбросаны по всей книге. Двоих из них — писателя Исаака Павловского и революционера-народника Льва Тихомирова писательница упоминает особо.

Для западноевропейских современников Пардо Басан революционное движение в России прежде всего связывалось с понятием «нигилизм». Надо отдать должное чутью испанской писательницы, отметившей различие, существующее между нигилизмом и революционным демократизмом: «Если нигилизм созерцательный есть нравственная болезнь [...], то нигилизм активный пробуждает народ и движет его, создает движение»²⁴⁰. Пардо Басан считает «краеугольным камнем нигилистического вероисповедания» преклонение русских революционеров перед народом. Мужик, утверждает она, с любовью описанный русской литературой, — это «Бог нигилизма».

²³⁹ Однако даже в этом отношении она была достаточно самостоятельна и посвятила несколько страниц своей книги и роману Гончарова «Обломов» (первая часть которого к этому времени была переведена на французский язык и прочитана ею). В отличие от французского критика Пардо Басан считает Гончарова писателем большого таланта, художником, достойным того, чтобы его имя упоминали в одном ряду с именами Гоголя, Тургенева, Достоевского и Толстого.

²⁴⁰ *Pardo Bazán E.* La cuestión palpitante... P. 283.

Уже в 1880-е гг. в центре дискуссий о русской литературе, которые велись на Западе, оказался вопрос о причинах и характере влияния русских писателей. Этот вопрос теснейшим образом связан с вопросом о сущности русской литературы, о чертах ее отличия от литератур Запада. Для европейского читателя конца XIX в. своеобразие русской литературы заключалось в следующем: в напряженных поисках смысла жизни, отвечавшего глубинным основам национального мироощущения, в активном сострадании человеку, поставленному в крайне тяжелое, унижительное положение, в удивительном богатстве внутреннего мира ее героев, в широте их интеллектуальных интересов. Все это шло вразрез с представлениями о счастье, которые бытовали в западноевропейском романе. Все авторы отмечали гуманизм русской литературы как одну из ее важнейших черт.

Испанская писательница предложила совершенно неожиданный для 1880-х гг. подход к определению национального своеобразия русской литературы. Спецификой этого подхода является перенос центра внимания с внутреннего достоинства произведений знаменитых русских писателей на проблему отражения в русском романе общественной борьбы в России. Среди многочисленных исследователей русской культуры на Западе Пардо Басан одной из первых пришла к убеждению, что идейное и художественное богатство русской литературы коренится в ее связи с революционным движением в стране. Источник силы и величия русской литературы — в ее неотделимости от развития революционного процесса; к этому выводу на протяжении всей своей книги неуклонно ведет Пардо Басан. Уже на первых страницах писательница выдвигает тезис, который затем будет развивать на конкретном материале: русская литература заслуживает внимания из-за своей тесной связи с самыми острыми политическими и историческими проблемами, волнующими всю Европу, а также из-за своей зависимости от революционного движения, равно как и из-за своего вдохновляющего и руководящего воздействия на него. Таким образом, писательница обращает внимание читателей на взаимообратимость этого процесса: не только русская действительность отразилась в произведениях русских романистов, но, что особенно важно, их книги содействуют изменению этой действительности. «В романе Герцена начинают проявляться тенденции нигилизма, в романе Чернышевского они определяются и конкретизируются, романы Гоголя и Тургенева помогают сокрушить крепостное право, романы того же Тургенева, Достоевского, Толстого, Гончарова, Щедрина являются документами, к которым завтра обратятся историки, чтобы узнать подробности важнейшего судебного процесса между революцией и старым строем»²⁴¹. Таков в концентрированном виде взгляд Пардо Басан на историю русской литературы. В результате анализа их произведений Пардо Басан приходит к выводу, что эти произведения являются прекрасным доказательством того, что можно писать, придерживаясь всех канонов реалистического искусства и в то же время избегая

²⁴¹ Ibid. P. 283.

грехов, в которых его обвиняют читатели, основывающиеся в своих суждениях на нескольких французских натуралистических романах.

По словам Антонио Мачадо, русская литература явилась той живительной силой, которая разбудила испанское общество от эпикурейского сна. Можно не соглашаться с так или иначе прозвучавшей в этом высказывании нелестной оценкой испанской культуры XIX в., однако роль творчества русских авторов в литературном процессе Испании определена здесь верно. Эмилия Пардо Басан писала: «Если мы, являясь, как и Россия, страной одновременно и древней, и молодой, [...] сможем воплотить в своих романах не только моменты действительности, индивидуальные писательские находки, но душу, сердце и кровь нашей родины, что создается и звучит во всех нас вместе взятых, [...] то, по моему глубокому убеждению, это будет прекрасно»²⁴².

---

²⁴² *Pardo Bazán E.* La cuestión palpitante... P. 283.

К КРИЗИС XX ВЕКА И СУДЬБЫ ДИНАСТИЙ

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РОССИИ И ИСПАНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С начала Первой мировой войны Испания стала придерживаться нейтралитета, но при этом активно занималась военными поставками и продажей потребительских товаров воюющим державам, особенно членам Антанты. Все экономические выгоды от такого положения доставались предпринимателям, а не рабочим и крестьянам. Высокая продолжительность рабочего дня в испанской промышленности и сельском хозяйстве, а также задержки в оплате труда наложились на постоянный рост цен на потребительские товары, поскольку значительная доля их производства была ориентирована на экспорт. Социальная напряженность и неустойчивость политической системы эпохи Реставрации слились воедино. С 1875 г. коррупция во властных структурах разрасталась все больше; обе крупные политические партии, управлявшие страной, демонстрировали свою слабость и неспособность препятствовать мобилизации рабочих и крестьянских масс¹. На этом фоне летом 1917 г. разразился так называемый «Тройной кризис». Он начался с беспорядков среди военных, стал нарастать, когда правительство отменило конституционные гарантии, а часть депутатов попытались организовать альтернативные кортесы, и достиг апогея, когда два испанских профсоюза — социалистический Всеобщий союз трудящихся (ВСТ) и анархо-синдикалистская Национальная конфедерация труда (НКТ) организовали всеобщую забастовку. В отличие от России, где в период от февраля к октябрю 1917 г. события приобрели революционный характер, в Испании развился именно всеобщий глубокий кризис².

243

¹ Juliá S., García Delgado J.L., Jiménez J.C., Fusi J.P. La España del siglo XX. Madrid: Marcial Pons, 2007. P. 58–69, 367–378.

² Suárez Cortina M. La España liberal (1868–1917). Madrid: Síntesis, 2006. P. 185–201.

Октябрьская революция в испанской прессе

Известия об Октябрьской революции появились в испанской периодике 9 ноября 1917 г. и уже не сходили с ее страниц. Либеральная пресса не осталась в стороне: ежедневные газеты освещали «положение в России», ориентируясь на представления состоятельных городских обывателей, университетских деятелей, лиц свободных профессий. Испанские журналисты не могли получать информацию из России «из первых рук» и пользовались швейцарскими и французскими источниками. Отсутствие объективных данных иногда приводило к появлению в газетах откровенных домыслов — о переодетых германских солдатах на улицах Петрограда или о самоубийстве Керенского.

Сама тема русской революции была не новой для испанских либеральных изданий: с февраля 1917 г. журналисты успели освоить новую русскую политическую лексику: «Советы», «крестьянские и солдатские депутаты», «социалисты-революционеры» (или «социалисты-аграрии»). А вот большевиков (*bolsheviks*, *bolsheviques* или *bolshevistas*) в октябре 1917 г. в Испании называли «максималистами», а их программу либеральные издания описывали по аналогии с анархизмом — так было понятнее читателям. На фоне Керенского, Милюкова, Духонина большевики Ленин и Троцкий были почти неизвестны читающей публике, знакомство с ними — «фанатиками» — произошло только в конце 1917 г. Ленин, по словам одной из газет, «не является великим мыслителем. [...] Он — организатор» и «не признает последовательного прогресса». Революционные события рассматривались прежде всего в связи с их влиянием на ход войны. Уже в ноябре появилось утверждение, что действия большевиков выгодны Центральным державам, которые, возможно, управляют ими. С точки зрения большинства изданий, октябрьские события означали военное поражение России и могли привести к утрате суверенитета.

«Еще одна русская революция» воспринималась как следствие военного кризиса, результат тяжелого экономического положения в стране. Сама

Первые сообщения об Октябрьской революции пришли тогда, когда, казалось, страна уже начала преодолевать Тройной кризис 1917 г. Известия были скудными, несколько путанными и поступали обычно от международных печатных агентств: в России тогда находился всего один корреспондент испанской прессы — София Касанова, а она присылала свои очерки в монархическую газету *ABC* со значительным опозданием — на недели и даже месяцы. Однако общественное мнение о русской революции формировалось очень быстро и по-разному отзывалось в четырех основных регионах страны — в Мадриде и его провинции, политическом центре государства, где находились руководящие органы главных политических и профсоюзных организаций Испании; в крупных промышленных зонах Каталонии и Страны Басков, а также в Андалусии, где большинство

MADRID—AÑO 22.—NÚM. 28.228

EL IMPARCIAL

VIERNES 9 DE NOVIEMBRE DE 1917

PRECIOS DE SUSCRIPCIÓN

Mensual	10 pesetas
Trimestral	28 pesetas
Semestral	55 pesetas
Anual	105 pesetas

NUMERO SUJETO: 5 céntimos

FUNDADO POR D. EDUARDO GASSET Y ARTIME

Calles del Duque de Alba, 4

LA ANARQUÍA EN RUSIA

Nueva revolución y caída de Kerenski

Los revolucionarios, dueños de Petrogrado, se apoderan del Banco y otros edificios públicos

Ofrecimientos de una paz inmediata y reparto de tierras a los campesinos

Los teatros

El teatro municipal de la montaña de los bañeros que había estado cerrado desde el verano de 1916, se abre hoy por primera vez desde su inauguración, cambiando ahora de nombre. El teatro, como todos los demás, tiene un aspecto sorprendente.

El Sr. Gasset, como todos los señores de este mundo, ofrece una muestra de su gran talento.

Segundo. Inmediata repatriación de todos los extranjeros y los extranjeros.

Tercero. Transmisión de toda la industria al Estado.

Cuarto. Convocatoria inmediata de la Asamblea Constituyente.

Los revolucionarios militares no abandonarán el frente. El Ejército nacional revolucionario mantendrá la fuerza sin interrupción en todo momento.

Toda orden será hecha inmediatamente a todos los departamentos, y la implementación de esta medida será considerada como un crimen de lesa revolución.—Grisolva Zaldúa.

Resolución interior

El Ejército ruso no podrá ser el resultado de la revolución de octubre. El Ejército ruso, en cambio, las funciones de una institución importante que había estado hasta el momento sin actividad administrativa en el momento de la revolución.

Los obreros, soldados y oficiales del Ejército, han enviado la siguiente comunicación a todos los comités locales:

«El que ha inaugurado la revolución de los Soviets en San Petersburgo declara a todos los Soviets del Ejército y protesta contra el gobierno de Kerenski y pretende combatir un gobierno que no tiene el consentimiento de los Soviets».

El Sr. Gasset, como todos los señores de este mundo, ofrece una muestra de su gran talento.

Segundo. Inmediata repatriación de todos los extranjeros y los extranjeros.

Tercero. Transmisión de toda la industria al Estado.

Cuarto. Convocatoria inmediata de la Asamblea Constituyente.

Los revolucionarios militares no abandonarán el frente. El Ejército nacional revolucionario mantendrá la fuerza sin interrupción en todo momento.

Toda orden será hecha inmediatamente a todos los departamentos, y la implementación de esta medida será considerada como un crimen de lesa revolución.—Grisolva Zaldúa.

Resolución interior

El Ejército ruso no podrá ser el resultado de la revolución de octubre. El Ejército ruso, en cambio, las funciones de una institución importante que había estado hasta el momento sin actividad administrativa en el momento de la revolución.

Los obreros, soldados y oficiales del Ejército, han enviado la siguiente comunicación a todos los comités locales:

«El que ha inaugurado la revolución de los Soviets en San Petersburgo declara a todos los Soviets del Ejército y protesta contra el gobierno de Kerenski y pretende combatir un gobierno que no tiene el consentimiento de los Soviets».

Новости о русской революции в газете *El Imparcial*

революционная обстановка описывалась как хаос, состояние фактического безвластия и насилия со стороны новых властей. Либеральные газеты писали о «распределении земли, о захвате рабочими фабрик», о том, что «уже нет ни классов, ни собственности». Именно в ситуации всеобщей нестабильности большевики, которые, по мнению либеральных журналистов, «не являются представителями нации», могут удержать власть, ведь именно «анархия выгодна Ленину». Испанские либералы, указывая на пример России, настаивали на необходимости социальных преобразований во избежание революционного взрыва. Газета *El Imparcial* призвала: «Учитесь, государи и правители, учитесь даровать справедливые законы, а то необходимость заставит народы протестовать!»

населения составляли поденщики — крестьяне, не имевшие собственной земли, условия труда и жизни которых были очень тяжелыми³.

Консерваторы, либералы и умеренные республиканцы относились к Октябрьской революции в целом отрицательно; социалисты же постарались от нее отмежеваться, поскольку воспринимали события в России как социальный и политический раскол и опасались, что они негативно повлияют на соотношение сил между двумя военными блоками. Русская революция интерпретировалась ими как радикальный и нелегитимный государственный переворот, ведь обещания земли крестьянам и фабрик рабочим они

³ *Avilés Farré J.* La fe que vino de Rusia. La revolución bolchevique y los españoles (1917–1931). Madrid: Biblioteca Nueva, 1999. P. 41–60.

воспринимали как обман, который заведет Россию неизвестно куда. После Тройного кризиса, который удалось преодолеть (сама же армия подавила забастовку, а альтернативные кортесы поддержали центральное правительство), крайние консерваторы, к которым принадлежали в том числе объединившиеся в Регионалистскую лигу ведущие промышленники и крупные землевладельцы Каталонии, сосредоточились на том, чтобы оградить Испанию от революционного влияния⁴. Достаточно популярным было также мнение о том, что Октябрьская революция — это акт предательства союзников по Антанте, совершенный в интересах Центральных держав, поэтому российские революционеры считались кем-то вроде немецких агентов. Его придерживалось руководство Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), полагавшее, что российские революционеры не имеют законного права заключать сепаратный мир с Германией, о чем и заявила 10 ноября 1917 г. партийная газета *El Socialista*⁵.

Единственной политической силой, которая действительно симпатизировала Октябрьской революции, были анархисты. Не только НКТ, но и более левые круги приветствовали революцию как событие, соответствующее интересам народа, и как акт пацифизма. Актом пацифизма революция считалась потому, что она выводила Россию из войны и тем самым не только избавляла русский народ от дальнейшего участия в войне, но и служила началом всеобщего мирного процесса, который должен был привести к концу Первой мировой войны. По мнению анархистов, революция соответствовала интересам народа — она была совершена русским народом, чтобы навсегда покончить с остатками царизма и с буржуазной моделью общества, которую установило Временное правительство. С их точки зрения, Октябрьская революция не была ни коммунистической, ни анархистской. Для них она была народной революцией, которая, после выхода России из Первой мировой войны должна была положить начало новому этапу борьбы, когда большевики уступят власть анархистам, чтобы те установили в России анархо-коммунизм⁶.

246 Такова была первая общественная и политическая реакция на Октябрьскую революцию в Испании. Период «Большевистского трехлетия» (1918–1920) показал, что Октябрьская революция отчасти послужила образцом для рабочих и крестьянских выступлений в Андалусии и Каталонии. Протесты начались в сельской Андалусии, которую вскоре захлестнуло движение сельскохозяйственных рабочих, требовавших права пользования и распоряжения землей⁷. Правительство жестко подавило и эти

⁴ Puigsech J. La Revolució Russa i Catalunya. Vic: Eumo, 2017. P. 28–30.

⁵ Faber S. “Es la hora de la claridad dogmática”. El impacto de la Revolución rusa en la cultura política española // La Revolución rusa cien años después / Andrade J., Hernández Sánchez (Eds.). Madrid: Akal, 2017. P. 268–269.

⁶ Puigsech J. La Revolució Russa... P. 50–66.

⁷ González Á. La construcción de un mito. El trienio bolchevique en Andalucía // La utopía nacional. Estudios sobre el movimiento obrero andaluz / González M.L., Caro D. (Coords.). Granada: Universidad de Granada/UGT de Andalucía, 2001. P. 175–219.

выступления, и волнения, продолжавшиеся с 1919 г. в Каталонии. Именно тогда произошла самая значительная в испанской истории первой половины XX в. забастовка рабочих. С 5 февраля по 14 апреля 1919 г. в Барселоне в электрической компании «Ла Канадиенсе» прошло несколько стачек, парализовавших не только жизнь столицы Каталонии, но и работу предприятий ее промышленной зоны⁸. В 1920 г. по Каталонии прокатились 72 забастовки, в которых участвовало около 65 000 рабочих. Реакцией работодателей часто был локаут (так, с ноября 1919 по январь 1920 г. было уволено около 150 000 рабочих)⁹ или даже убийство рабочих-лидеров¹⁰.

В 1918–1920-м гг. усилилось и политическое влияние Октябрьской революции. Созданный в 1919 г. Коммунистический интернационал определил, что революция была коммунистической по своему характеру. Теперь и испанские социалисты, и анархисты должны были решить, присоединиться им к коммунистическому «проекту» или отмежеваться от него. На общенациональном съезде НКТ, состоявшемся в Мадриде в декабре 1919 г., было принято решение на первых порах присоединиться к Коммунистическому интернационалу. ИСРП, также проводившая в это время свой съезд в Мадриде, остановилась на промежуточном варианте, согласно которому она была готова войти в Коммунистический интернационал в случае, если Социалистическому интернационалу не удастся слиться с Коммунистическим. Эти действия НКТ и ИСРП, отвечавшие интересам Коминтерна, получили поддержку благодаря приезду в Испанию трех делегатов, присланных из Москвы. Михаил Грузенберг, Чарльз Филипс и Манабендра Натх Рой должны были усилить контакты с той частью социалистов, которая разделяла принципы Коминтерна, и содействовать зарождению коммунистической партии¹¹. В результате в Испании появились две коммунистические партии. 15 апреля 1920 г. в результате раскола в рядах ИСРП, главную роль в котором сыграло немногочисленное радикальное крыло, состоявшее в основном из молодых партийных активистов из Мадрида и Бискайи, была создана Испанская коммунистическая партия, насчитывавшая примерно 1000 человек. Практически одновременно, 13 апреля 1921 г., в результате еще одного раскола внутри наиболее радикального крыла ИСРП, то есть в федерациях Астурии, Бискайи и Галисии, а также среди молодых членов партии появилась на свет Испанская коммунистическая рабочая партия. Максимальное число членов этой организации также составляло около 1000 человек. Обе партии считали себя членами Коммунистического интернационала. Но это противоречило уставу III Интернационала, согласно которому в каждом

⁸ *Ealham C.* La lucha por Barcelona. Clase, cultura y conflicto 1898–1937. Madrid: Alianza, 2005. P. 86–87.

⁹ *Roig J.M.* Catalanisme, anticatalanisme i obrerisme, 1900–1930 // DDA. Història de la Catalunya Contemporània. Barcelona: Mina, 1999. P. 229–230.

¹⁰ *Balcells A.* El pistolisme. Barcelona (1917–1923). Barcelona: Pòrtic, 2009. P. 33–83.

¹¹ *Elorza A., Bizcarrondo M.* Queridos camaradas. La Internacional Comunista y España, 1919–1939. Barcelona: Planeta, 1999. P. 19–26.

государстве могла быть только одна коммунистическая партия. Поэтому на III съезде Коминтерна было решено форсировать слияние двух партий в одну. Коммунистическая партия Испании образовалась в ноябре 1921 г. как официальное испанское отделение Коминтерна в составе 1200 членов¹². Между тем несколькими месяцами ранее, в апреле 1921 г., руководство ИСРП приняло резолюцию об отказе от своего решения о присоединении к Коммунистическому интернационалу, а несколько месяцев спустя, в июне 1922 г., от присоединения отказалось руководство НКТ. Несмотря на это, некоторые немногочисленные группы членов НКТ предпочли солидаризироваться с Москвой: в частности, в состав руководства Красного интернационала профсоюзов вошел Андреу Нин.

Октябрьская революция несомненно сыграла решающую роль в зарождении коммунизма в Испании, хотя очевидно, что не менее важным фактором стала длительная традиция организации и борьбы рабочего класса.

СУДЬБЫ ДИНАСТИЙ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ: АЛЬФОНС XIII и НИКОЛАЙ II

Первая четверть XX столетия стала нелегким временем для европейских монархий, и далеко не всем из них удалось пережить Первую мировую войну. И Россия, и Испания вступили в новое столетие в состоянии глубокого кризиса. Русско-японская война 1904–1905 гг. завершилась поражением России. А 9 (22) января 1905 г. с событий, вошедших в историю России как Кровавое воскресенье, началась Первая русская революция, в ходе которой не были решены основные противоречия, существовавшие в стране. В крайне трудном положении находилась и монархическая Испания. Катастрофическое поражение в войне 1898 г. с США, унижительные условия Парижского мира и потеря последних заокеанских владений — все это свидетельствовало о слабости государства. Внешнеполитические неудачи вызвали в испанском обществе кризис национального самосознания. О возрождении Испании мечтали не только представители интеллигенции, но также испанские политики и военные. Возродить страну и восстановить престиж Испании на международной арене стремился молодой и энергичный король Альфонс XIII.

В январе 1902 г. в дневнике Альфонса XIII появилась пророческая запись: «В этом году я возьму бразды правления государством в свои руки — событие чрезвычайной важности, ввиду того как обстоят дела, потому что от меня зависит, должна ли остаться в Испании Бурбонская монархия или она станет республикой»¹³. Он осознавал необходимость модернизации Испании, поскольку от ее результатов зависело политическое будущее страны и его собственная судьба.

¹² *Erice F.* El impacto de la Revolución rusa en el movimiento obrero español: el surgimiento del PCE // *La Revolución rusa cien años después...* P. 331–356.

¹³ Цит. по: *История Испании...* Т. 2. С. 454–455.

Накануне Первой мировой войны внешнюю политику Испании во многом определяли ее экономические связи со странами складывавшейся Антанты, правда, за исключением России. Но Испания была к войне не готова, и Великобритания и Франция не рассматривали ее как надежного союзника. Несмотря на активные попытки Альфонса XIII играть самостоятельную роль на международной арене, Мадриду пришлось следовать внешнеполитическому курсу, навязанному ему Лондоном и Парижем. В случае начала крупного военного конфликта в Европе Испания должна была занять по отношению к странам Антанты позицию благожелательного нейтралитета¹⁴.

Вскоре после начала Первой мировой войны 7 августа 1914 г. в *Gaceta de Madrid* была опубликована декларация, принятая правительством Испании, в которой испанцам предписывалось соблюдать «самый строгий нейтралитет»¹⁵. Однако в ее внешней политике уже тогда прослеживался проантантовский курс. А к началу 1918 г. под экономическим и дипломатическим давлением Антанты Испания превратилась в ее «нейтрального союзника». На протяжении всех военных лет Альфонс XIII претендовал на посредничество в переговорах между двумя противоборствующими сторонами и предлагал Мадрид в качестве места проведения мирной конференции. Однако более успешной оказалась гуманитарная кампания, проводившаяся в период войны под эгидой испанской короны. Она получила широкую известность и способствовала росту престижа Испании на международной арене¹⁶.

Подписание Россией соглашения с Англией и ее вступление в Антанту в 1907 г. положительно сказались на укреплении дипломатических контактов Петербурга и Мадрида. Свидетельством стремления к развитию дружественных отношений стал пятидневный визит в Испанию великого князя Бориса

Альфонс XIII

¹⁴ Медников И.Ю. Историческое значение испанского нейтралитета в Первой мировой войне // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №4 (37). С. 28–29.

¹⁵ *Gaceta de Madrid*. 07.08.1914. № 219. P. 306.

¹⁶ См. об этом: Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосяк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики Испании. М.: МО, 2014. С. 183–191.

Владимировича, двоюродного брата Николая II. Борис Владимирович прибыл в испанскую столицу 28 марта 1908 г. во главе делегации 7-го уланского Ольвиопольского полка, шефом которого недавно стал Альфонс XIII. Делегация должна была преподнести новому шефу обмундирование полка. В ходе визита стороны не раз демонстрировали взаимную благожелательность. Все эти дни испанский король часто появлялся на публике в новом российском мундире, он лично провожал великого князя при отъезде, а в Мадриде неоднократно звучал гимн Российской империи. В недалеком будущем планировалось отправить в Россию ответную делегацию, поскольку Николай II стал почетным шефом 5-го кавалерийского полка Фарнезе¹⁷.

С началом Первой мировой войны Испания как нейтральная держава стала представлять российские интересы в Германии и Австро-Венгрии. Правительства воюющих держав через испанских дипломатов вели переговоры по обмену военнопленными. Министерство иностранных дел Испании предоставляло России информацию о положении ее военнопленных в странах-противницах. Наряду с Красным Крестом испанское правительство и Альфонс XIII заботились и о военных, и о гражданских лицах — о тех, кто волею судеб оказался на вражеской территории без какой-либо связи с родиной. При личной канцелярии короля было создано специальное отделение, которое занималось поиском пропавших без вести солдат и офицеров воюющих стран и вызволением из плена раненых, ходатайствовало о смягчении смертных приговоров и оказывало помощь депортированному гражданскому населению¹⁸. Осенью 1914 г. при испанском посольстве в Петрограде было организовано справочное бюро, занимавшееся сбором информации и осуществлением денежных переводов русским, оставшимся в Германии и Австро-Венгрии. В 1916 г. благодаря усилиям испанского монарха из австрийского плена был вызволен выдающийся российский танцовщик и хореограф Вацлав Нижинский. Альфонс XIII лично способствовал и освобождению специального корреспондента российской газеты «Новое время» в Вене Дмитрия Янчевецкого, арестованного в Австрии летом 1914 г.¹⁹

250

Кризис самодержавия, участие Российской империи в Первой мировой войне и ряд других внутренних и внешнеполитических проблем привели к началу Февральской революции и отречению Николая II от престола 2 (15) марта 1917 г. Накануне Альфонс XIII передал российскому послу в Мадриде Ивану Александровичу Кудашеву свою озабоченность слухами о беспорядках в Петрограде²⁰.

¹⁷ См.: *Медников И.Ю.* Артур Павлович Кассини (1905–1909) // Российские дипломаты в Испании... С. 187–189.

¹⁸ *Олано-Эренья А.* Испанский король и попытки спасения семьи Николая II // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 156.

¹⁹ *Медников И.Ю.* Иван Александрович Кудашев (1916–1917) // Российские дипломаты в Испании... С. 195–197, 200–202.

²⁰ *Медников И.Ю.* Миссия спасения: Альфонс XIII и российская императорская семья // Вестник РУДН. Всеобщая история. 2011. № 1. С. 70.

Николай II на Западном фронте

Новости из России приходили сумбурные, и испанское правительство и общество восприняли происходившие там события исключительно как факт падения монархического режима, что заставило Альфонса XIII задуматься о дальнейшей судьбе бывшего российского императора и его семьи. 10 (23) марта 1917 г. Кудашев направил в Петроград следующую телеграмму: «Срочно и весьма доверительно. Вернувшись сегодня из Андалусии, король вызвал меня. Его величество очень обеспокоен за судьбу императорской семьи и, с другой стороны, опасается, что пребывание в России отрекшегося от престола государя императора может вызвать революцию и сильное кровопролитие. Хотя разговор имел частный характер, и король просил о нем не доносить, считаю долгом тем не менее предупредить Вас, что испанскому послу будет поручено обратиться к Временному правительству касательно дальнейшей судьбы императорской семьи»²¹.

Тем не менее Испания, вслед за странами Антанты, признала Временное правительство, а испанский посол Луис Валера-и-Делават остался в Петрограде²². В Мадриде же в июле 1917 г. появился новый российский посол — Анатолий Неклюдов. Во время вручения верительных грамот Альфонс XIII попросил его передать российскому правительству

²¹ Цит. по: *Медников И.Ю.* Иван Александрович Кудашев... С. 204.

²² 17 октября 1917 г. его сменил Франсиско Гутьеррес де Агуэра-и-Байо, который находился в России до 10 мая 1918 г. После его отъезда в Москве остался временный поверенный Фернандо Гомес Контрерас.

настойчивую просьбу предоставить свободу Николаю II и его семье²³. Реакции со стороны Временного правительства не последовало.

Политический кризис в России нарастал, и в октябре 1917 г. к власти пришли большевики. В июле 1918 г. до Испании дошли известия о кончине бывшего российского императора. В стране был объявлен тридцатидневный траур. Правда, испанский поверенный в делах в Петрограде, Фернандо Гомес Контрерас, не обладая полной информацией об участии царской семьи, доложил в Мадрид о том, что жена и дети императора живы и находятся в безопасном месте. Получив это известие, Альфонс XIII решил предпринять попытку спасения избежавших смерти членов царской семьи. 31 июля 1918 г. министр иностранных дел Испании Эдуардо Дато и Ирадьер отправил Гомесу Контрерасу телеграмму, в которой сообщал о намерениях испанского короля предоставить убежище императрице-вдове и ее детям²⁴. Получив необходимые инструкции, испанский дипломат в начале сентября 1918 г. прибыл из Петрограда в Москву и начал переговоры с народным комиссаром по иностранным делам Георгием Чичериным²⁵. Гомес Контрерас добился обещания, что его испанская телеграмма будет передана в правительство, заверив, что, оказавшись в Мадриде, царская семья не будет заниматься контрреволюционной деятельностью. Чичерин же, пользуясь ситуацией, настаивал на признании Испании властью Советов, заявив, что в сложившихся условиях устных гарантий

252

Рассказ о гибели царской семьи в «Испано-Американском иллюстрированном журнале». 1918

²³ Олано-Эрненья А. Испанский король... С. 157.

²⁴ Там же. С. 156, 158.

²⁵ Seco-Serrano C. Alfonso XIII y los Romanov // Arbor (Madrid). 1977. No. 378. P. 24.

признания недостаточно. Еще одна встреча, состоявшаяся через несколько дней, оказалась безрезультатной.

22 сентября 1918 г. Альфонс XIII получил письмо от принцессы Виктории Баттенберг, сестры императрицы Александры Федоровны и родственницы королевы Испании. Она писала о том, что уже нет надежды на спасение сестры и ее детей, поскольку их, вероятно, постигла та же участь, что и Николая II. Она сетовала на бездействие Вильгельма II, дяди российского императора, и благодарила короля Испании за попытку помочь Александре Федоровне и ее детям²⁶. Окончательно подтвердившаяся информация о смерти всех членов царской семьи сделала бессмысленными предпринятые дипломатические шаги, а испанский двор предпочел не предавать огласке эту миссию. Дипломатические отношения между странами были прерваны, Гомес Контрерас выехал из России.

Спустя десять с лишним лет Альфонс XIII сам оказался в критическом положении. После Апрельской революции 1931 года он вынужден был покинуть Испанию, которая была провозглашена республикой. Однако испанский король избежал участи Николая II, заблаговременно предприняв необходимые шаги, чтобы спасти себя и свою семью.

«ПОКОЛЕНИЕ 98 ГОДА» и РОССИЯ

Конец XIX в. для Испании был отмечен изменением культурной и исторической парадигмы. Поражение в войне 1898 г. развеяло миф о великой Испанской империи. Образовавшийся вакуум с необходимостью заполнялся новыми объектами мифологизации, в роли которых выступали имена, понятия, явления, личности и художественные образы. Олицетворением родины в культурном сознании испанцев на долгие годы становится Дон Кихот. Из персонажа романа Сервантеса он превращается в национальный миф, к которому обращаются, когда стремятся разгадать «загадку Испании». При этом Дон Кихот не был единственным олицетворением «духа нации»; в ряду испанских мифологем рубежа веков он стоит в одном ряду с другими литературными и историческими персонажами: Дон Жуаном, Игнатием Лойолой, святой Тересой и др. Эти образы у разных авторов и даже в разных произведениях одного автора превращались в особые термины, смысловые единства, наличествующие во многих текстах, но изменяющие от текста к тексту свое значение. Такое же превращение явлений в знаки происходило в культурном сознании испанцев и со словами-понятиями «Толстой», «Война и мир», «Крейцера соната», «Исповедь», а начиная примерно с 1910-х гг. этот ряд пополнился и терминами «Достоевский», «Раскольников», «Братья Карамазовы».

²⁶ Facsímile de la carta de Victoria Battenberg a Alfonso XIII. 22 de septiembre de 1918 // *Cortés-Cavanillas J.* Alfonso XIII y la guerra del 14: una documentación inédita y sensacional del archivo privado de Alfonso XIII en el Palacio Real de Madrid. Madrid, Alce 1976. P. 258–260.

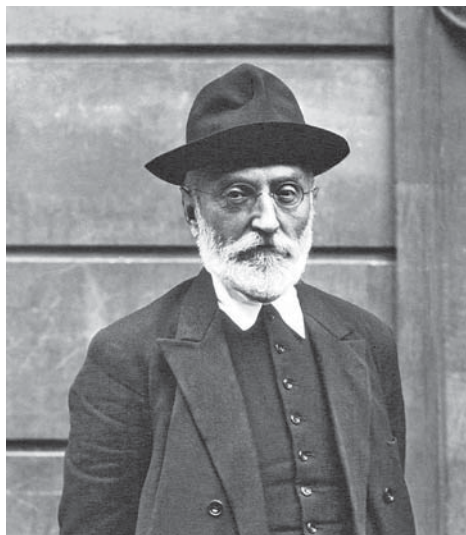
Говоря о присутствии Толстого и Достоевского в интеллектуальной жизни Испании, необходимо иметь в виду, как минимум, два разных по сути феномена: восприятие и творческое переосмысление их произведений и, с другой стороны, формирование образов самих авторов, которые на рубеже веков обрели свое собственное существование. Речь идет в основном о представителях «Поколения 98-го года», в произведениях которых отразились влияние, преемственность и полемика с творчеством Толстого и Достоевского. Таких ключевых фигур, по крайней мере, четыре: Асорин (Хуан Мартинес Руис), Рамон дель Валье Инклан, Пио Бароха и Мигель де Унамуно. Письма, статьи, прологи к романам и сами тексты испанских романов тех лет густо насыщены упоминаниями Толстого и Достоевского, причем авторы предполагают, что эти имена-термины известны всем и каждому; пояснения требуют только контекст, к которому они отсылают. Имена Толстого и Достоевского в интеллектуальных дискуссиях того времени могли употребляться в разных контекстах, для отстаивания различных, даже противоположных философских, художественных и политических принципов. Толстой — это анархист, социалист, носитель истинно христианского чувства, гуманист, эгоист, пророк, тонкий стилист. Достоевский — анархист, антиреволюционер, пророк русской революции, больной писатель, тонкий психолог, новатор в области романной техники. Оба они, несомненно, гении и величайшие писатели XIX в., чье влияние на современную литературу неоспоримо. Все эти оценки приводятся без комментариев, обычно как самоочевидные примеры и пояснения в разговоре о более спорных предметах, таких как будущее Испании, сущность христианства, творчество испанских писателей. Поэтому вести речь о цельных образах Толстого и Достоевского в восприятии испанцев на рубеже XIX–XX вв. не очень продуктивно. Их внутренняя противоречивость объясняется тем, что Достоевский и в особенности Толстой воспринимаются в категориях мифа. Чтобы двигаться дальше в этом направлении, нужно изучать образ Толстого или образ Достоевского в восприятии отдельных литераторов и критиков, о них писавших, — на этом уровне действительно можно говорить о цельности образа.

Влияние Толстого на испанскую литературу начала — первой трети XX в. настолько обширно и многообразно, что зачастую сложно бывает определить, в чем именно оно выражается. Оно просто есть. Исследователя может поставить в тупик одно перечисление проявлений этого влияния. Так, например, сами представители «поколения 98-го года», литературные критики — их современники и позднейшие исследователи-литературоведы усматривали влияние философских и художественных открытий русского писателя в столь различных областях, как изображение батальных сцен; умножение центров действия в романе; интерес к глубинной жизни простого народа; критика буржуазных ценностей и предрассудков; критика современных представлений о любви и браке; утверждение новой, анархической морали; проповедь деятельной любви к ближнему; призыв к непротивлению злу насилием; интерес к внутреннему миру человека в целом, — и этот перечень легко может быть продолжен. Самое любопытное, что в большинстве

случаев конкретный текстологический анализ подтверждает правоту таких утверждений. Учитывая всеохватный характер воздействия Толстого на испанскую литературу, более сложным оказывается вопрос, насколько прямым и осознанным было это влияние.

Творчество Толстого оказало непосредственное и определяющее воздействие на романы, посвященные Второй карлистской войне в Испании: «Мир среди войны» (1897) Унамуно и трилогию Валье-Инклана «Крестоносцы правого дела» (1908), «Отблески огня» (1909), «Кречетья охота» (1909). Влияние «Войны и мира» на их творчество признавалось самими писателями²⁷.

Мигель де Унамуно

В романах Унамуно и Валье-Инклана целостная картина мира складывается из восприятия войны многими действующими лицами, а над мнениями героев уровнем выше явственно различима позиция автора, который и выносит свое суждение о происходящем. Как и Толстой, Унамуно вводит в текст романа философские отступления, в которых «от первого лица» излагает свою концепцию «интраистории». При этом философия войны и истории у испанского писателя принципиально отличается от толстовской (об этом свидетельствует уже само смысловое различие названий двух романов). Справедливо наблюдение З. Плавскина: и у Толстого, и у Унамуно «исторический процесс — это равнодействующая многих частных воль и целей. Но у Толстого каждый человек служит бессознательным орудием для достижения исторических, общечеловеческих целей, а Унамуно не только совершенно равнодушен к общей цели исторического движения, но и никак не связывает его с частной жизнью людей: обычная история и «интраистория» не пересекаются»²⁸.

В романе Унамуно полной изоляции двух миров не происходит: война — это как раз то время, когда «история» вторгается в «интраисторию», выхватывает отдельные личности из моря народной жизни и вовлекает их в несвойственный им водоворот исторических событий; пример непоправимого вторжения истории в «интраисторию» в «Мире среди войны» — это гибель Игнасио. Отдельные эпизоды романов Унамуно и Валье-Инклана

²⁷ *Unamuno M. de. Obras completas. T. 9. Madrid: Escelicer, 1971. P. 817; Idem. Cartas inéditas. Santiago de Chile: Zig-Zag, 1965; Тертерян И.А. Испытание историей. М.: Наука, 1973. С. 171.*

²⁸ *Плавский З.И. Испанская литература XIX–XX веков. М.: Высшая школа, 1982. С. 80.*

генетически восходят к «Войне и миру»; некоторые параллели настолько явственны, что испанские романисты и не пытались их скрыть: напротив, в их замыслы входило узнавание читателем реминисценций из знакомого всем русского романа.

В двух описаниях первого боя у Толстого и Унамуно говорится о Николае Ростове и Игнасио Итурриондо. Оба «не чувствуют» войны — такой, как она представляется в историях, рассказываемых после боя; находясь внутри боя, его участники замечают лишь детали, которые не складываются в их восприятии в целостную картину: «Ростов ничего не видел, кроме бежавших вокруг него гусар, цеплявшихся шпорами и бречавших саблями»²⁹. Игнасио, герой «Мира среди войны», «слышал звуки стрельбы, но по-прежнему ничего не видел, а когда увидел, что окружавшие его товарищи побежали, подчиняясь приказу, вперед, тоже побежал вместе с ними. Позже он узнал, что они преследовали противника до самых городских ворот»³⁰. Очень похожий пример встречается и в романе «Отблески огня» у Валье-Инклана: «Многие офицеры совершенно затерялись среди солдат. Один, совсем еще молодой, бежал, увлекаемый людским потоком, и думал, кажется, только о том, чтобы не запутаться в португее»³¹. Определенно, влияние Толстого на романы о карлистской войне было прямым, осознанным и многообразным.

Иначе сложилась в Испании судьба произведений Достоевского. Достоевский был открыт испанцами, в том числе романистами из «поколения 98 года», позже, когда творческая манера многих из них уже сформировалась. В результате сложилась необычная ситуация: если влияние Достоевского можно обнаружить, то оно выражено ярко, рельефно и зримо; мимо него, можно сказать, не пройдешь. Такие черты присущи некоторым — но не всем — романам Унамуно и Барохи. Присутствие Достоевского можно ощутить — и, что важнее, зафиксировать — на разных уровнях: как переосмысление идей, обсуждаемых в его романах, как заимствование сюжетов, как сходство поэтики испанского романа с романами Достоевского.

Унамуно и Бароха читали и перечитывали все большие (и не только большие) произведения Достоевского. Уже в 1944 г. Бароха в книге «Писатель своими глазами и глазами критиков» писал, отрицая возможность влияния на него Горького: «Я читал все, что написал Достоевский, даже неоднократно перечитывал, и он-то уж наверняка повлиял на меня»³². В личной библиотеке Унамуно, в его доме-музее в Саламанке, сохранилось по несколько изданий романов Достоевского (разных лет и на разных языках), в том числе такие произведения, как «Кроткая», «Хозяйка», «Дневник писателя», «Зимние заметки о летних впечатлениях», — и все эти издания содержат читательские пометы Унамуно. Немаловажно, что и Бароха, и Унамуно специально

²⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Худ. лит., 1937. Т. 9. С. 177.

³⁰ Унамуно М. де. Святой Мануэль Добрый, мученик. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 131.

³¹ Валье-Инклан Р. дель. Избр. произв.: В 2 т. Л.: Худ. лит., 1986. Т. 2. С. 190.

³² Baroja P. Obras completas. Т. 7. Madrid: Biblioteca Nueva, 1951. P. 425.

LE JOURNAL D'UN ÉCRIVAIN

1878
5-13

«prophètes», ardents polémistes, diseurs d'avenir et convulsionnaires. Si j'ai rapporté cette citation d'un vieux livre (authentique, je le répète), c'est seulement pour la curiosité du fait. Non pas en tant que miracle: il n'y a pas que les miracles qui soient miraculeux. Le vrai miracle se produit souvent dans la réalité. Presque toujours nous voyons la réalité telle que nous la voulons voir. Telle que nous-mêmes désirons *a priori* qu'elle se présente à nous. S'il arrive que soudain nous distinguons et voyions autre chose que ce que nous aurions voulu voir, le fait réellement existant, nous ne manquons pas de prendre ce que nous avons vu pour un miracle. Oui, bien souvent nous croyons plus encore au miracle et à l'impossibilité qu'à la chose réelle, c'est-à-dire à la vérité que nous ne voulons pas voir. Il en va toujours ainsi de par le monde. Et c'est en cela que consiste l'histoire de l'humanité.

II

DES LETTRES ANONYMES
D'UN CARACTÈRE INJURIEUX

Je ne suis pas parti pour l'étranger et me trouve en ce moment dans la province de Koursk. Mon docteur, apprenant que j'avais l'occasion de passer l'été à la campagne, et de plus dans une province comme celle de Koursk, m'a ordonné d'y faire une cure d'eau d'Essentouki, ajoutant que ce traitement serait pour moi bien plus efficace que les eaux d'Ems dont j'ai déjà contracté l'habitude. J'estime qu'il est de mon devoir d'annoncer que

208

LE JOURNAL D'UN ÉCRIVAIN

j'ai reçu nombre de lettres de mes lecteurs contenant l'expression de leur plus chaude sympathie à propos de cette maladie dont je leur ai fait part. Sur les quelques centaines de lettres qui me sont parvenues depuis un an et demi que j'édite mon *Journal* il en est au moins une centaine d'anonymes (probablement davantage), mais deux d'entre elles seulement sont d'un caractère résolument hostile. Certains correspondants qui ne partagent pas mes convictions m'exposent en toute sincérité leurs objections; ils le font toujours sérieusement, loyalement, en s'abstenant de toutes personnalités, aussi bien par lettres anonymes que par lettres signées, et je ne regrette qu'une chose, c'est de ne pouvoir répondre à tous. Mais voici deux lettres qui constituent des exceptions, qui ne sont pas écrites en vue de formuler des objections, mais pour m'insulter. Messieurs les auteurs de ces deux lettres seront certainement vexés de trouver ici l'expression de ma reconnaissance...

La dernière de ces lettres concerne précisément l'annonce de ma maladie. Mon correspondant anonyme n'y va pas par quatre chemins; comment, j'ai osé, moi, annoncer par la voix de la presse une chose qui n'intéresse que moi, c'est-à-dire ma maladie? Et dans sa lettre il répond à mon information par une parodie extrêmement indécente et grossière. Or, depuis longtemps je tenais à dire deux mots sur les lettres anonymes en général, et plus particulièrement sur les lettres anonymes d'un caractère injurieux. Je suis heureux d'en avoir trouvé l'occasion.

De fait, et je le pense depuis fort longtemps, à notre époque d'instabilité et de transition, si

209

Страницы «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского с пометами М. де Унамуну

257

посвятили творчеству Достоевского несколько своих эссе. И что еще важнее, интерес к русскому автору нашел отражение в собственном художественном творчестве обоих испанцев. В центре повести Унамуну «Святой Мануэль Добрый, мученик» — переосмысление сюжета-ситуации о неверующем священнике из «Легенды о Великом инквизиторе»; идеи, образы и отдельные эпизоды «Святого Мануэля» связаны также и со всем целым романа «Братья Карамазовы».

И у Унамуну, и у Барохи встречаются «раскавыченные» цитаты из Достоевского. Так, один из героев «Алой зари» повторяет знаменитую формулу Ивана Карамазова: «И если бы мне сказали, что счастье всего человечества зависит от слез только одного-единственного ребенка, и если бы я имел право решать, то я не допустил бы этого, даже если бы весь мир просил меня об этом на коленях»³³. Любовный треугольник Хоакина, Авеля и Елены в ро-

³³ Бароха П. Алая зоря / Пер. с исп. М.: Худ. лит., 1964. С. 229.

мане Унамуну «Авель Санчес» сходствует с отношениями Рогожина, князя Мышкина и Настасьи Филипповны — с той разницей, что Унамуну делает акцент на всепоглощающем чувстве зависти Хоакина Монегро к своему другу-врагу, а не на любви-ненависти к женщине. Но и эта тема тоже заявлена в романе Унамуну. Мотив любви-ненависти, в целом нехарактерный для творчества Унамуну, прямо отсылает к его читательским впечатлениям от «Идиота»³⁴.

Отмеченные сходжения носят все-таки частный характер. Воздействие Достоевского на Бароху и Унамуну проявляется гораздо значительнее в том, что некоторые их романы отмечены чертами полифонии — в том смысле этого слова, в каком его использует М. Бахтин: «Достоевский [...] создает не безгласных рабов [...], а свободных людей, способных стать рядом со своим творцом, не соглашаться с ним и даже восставать на него»³⁵.

Полифония романов Унамуну исследуется в книге Ирис Савалы³⁶, о полифонии в романах Барохи как о следствии его увлечения Достоевским писала И. Тертерян³⁷. Тертерян сопоставляет романы Барохи с «Волей» Асорина и доказывает, что это «последовательно монологический роман»: «В романе много разговоров, но нет диалога в том смысле, в каком он разворачивается на страницах Барохи и Достоевского, нет спора сознаний, спора идей. [...] Другим сознаниям никакой самостоятельности не дано, если они и появляются в романе, то лишь как материал для интеллектуальной работы Асорина [главного героя]»³⁸. Полифоническими можно назвать трилогии Барохи «Борьба за существование», «Фантастическая жизнь», «Города». Характеризуя их, Тертерян пишет: «Его романы были для него своего рода проверочными экспериментами, в ходе которых он устанавливал жизненность и ценность интересовавших его идей». Однако, в отличие от Достоевского, испанский романист «пользуется готовыми построениями, уже имеющими хождение теориями»³⁹. В своем стремлении проверить идеи на прочность Бароха не останавливается и перед тем, чтобы представить носителей высокой идеи в смешном виде. Эта особенность романной техники, как представляется, тоже идет от Достоевского и выгодно отличает романы Барохи от произведений его современников.

Еще одна особенность полифонических романов Барохи состоит в том, что часто в общем хоре голосов, отражающих умонастроения эпохи, звучит голос Толстого. Это происходит не прямо, как в романе Асорина «Воля», где

³⁴ Подробнее см.: *Korkkonósenko K.* Citas escondidas de Dostoiévski en “Abel Sánchez” de Unamuno // *Temas y formas hispánicas: arte, cultura y sociedad*. Pamplona: Universidad de Navarra, 2015. P. 163–178.

³⁵ *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худ. лит., 1972. С. 7.

³⁶ *Zavala I.M.* Unamuno y el pensamiento dialógico (M. de Unamuno y M. Bajtín). Barcelona: Anthgoros, 1991. См. также: *Корконосенко К.С.* Полифонический роман Достоевского и агонический «рומан» Унамуну // *Русская литература*. 1999. № 4. С. 114–123.

³⁷ *Тертерян И.А.* Испытание историей... С. 229–234, 247–249.

³⁸ Там же. С. 249–250.

³⁹ Там же. С. 233–235.

автор приводит подлинный текст письма Толстого в редакцию мадридского журнала *La revista blanca*, чтобы дать своему герою повод высказать мысли автора по поводу идеи непротивления злу насилием⁴⁰. Для Барохи Толстой — это общеизвестное и важное для Испании культурное явление, отношение к которому служит одной из характеристик персонажей его романов.

Полифоническими можно признать и романы самого Унамуно: «Туман», «Авель Санчес», «Святой Мануэль Добрый, мученик» — с тем уточнением, что голоса, звучащие в этих романах, сталкиваются при обсуждении одного «последнего вопроса», разрешение которого важно для Унамуно в момент написания книги: реальность существования человека в мире; всепоглощающая страсть, которая становится смыслом жизни героя; проблематичность веры в вечную жизнь.

Детальное изучение восприятия Толстого и Достоевского «Поколением 98-го года» приводит к выводу, который может показаться спорным: существовало два типа влияния. Творческое наследие Толстого пронизывает всю испанскую литературу той эпохи, но не всегда удается определить, в чем именно заключается это влияние. Мы просто знаем, что оно есть — как воздух или как присутствие «Дон Кихота» в любом европейском романе. Воздействие Толстого наглядно и доказуемо в романах, посвященных карлистским войнам, таким как «Крестоносцы правого дела», «Отблески огня», «Кречетья охота» Валье-Инклана и «Мир среди войны» Унамуно. Влияние Достоевского, напротив, не стало всепроникающим; зато в тех конкретных случаях, когда оно есть, оно проявляет себя ярко, в концентрированном виде; мимо него, как говорится, не пройдешь. Таков случай Пио Барохи и, в еще большей степени, Мигеля де Унамуно.

«МИР ИСКУССТВА» И МИР ИСПАНСКОГО ИСКУССТВА

На рубеже XIX–XX вв. изучение западного искусства в России обрело новые черты: отечественные художники и искусствоведы, исследовавшие творчество европейских мастеров «старых школ», усматривали в них источник вдохновения и эстетических открытий. Это повлияло и на то, как было представлено творчество испанских мастеров в каталогах музейных собраний. В 1902 г. были опубликованы два издания, воспроизводившие лучшие картины Эрмитажа. Текст к «западной части» экспозиции был написан коллекционером и любителем искусств Павлом Деларовым⁴¹, который в своих оценках испанских полотен был близок Сомову и Неустроеву.

В это время появились и первые специальные публикации, посвященные истории испанской живописи. Художник и искусствовед Эрнест Липгарт, главный хранитель картинной галереи Эрмитажа, стал заниматься

⁴⁰ *Асорин*. Избр. произв. М.: Худ. лит., 1989. С. 77.

⁴¹ *Деларов П.В.* Картинная галерея императорского Эрмитажа. СПб.: Т-во М.О. Вольф, 1902. С. 91.

целенаправленным изучением испанской части коллекции⁴². В связи с организованной в 1908 г. в Петербурге журналом «Старые годы» выставкой западноевропейской живописи из частных собраний он написал статью об атрибуции испанских картин⁴³.

Творчество испанских мастеров привлекло внимание представителей «Мира искусства», занимавшихся поисками новых художественных форм, в которых соединялись и наследие реализма, и экспрессивные возможности символизма. В 1914 г. Николай Врангель, близкий к эстетике «Мира искусства», исследуя испанские полотна Эрмитажа, обратил внимание на «так долго забытое, загадочное и неисследованное, такое своеобразное и своеобразное испанское искусство». Он подчеркнул, что «искусство Испании все больше привлекает внимание путешественников, а Греко и Гойя по справедливости заняли первенствующие места среди самых замечательных мастеров живописи»⁴⁴.

Символисты, заявившие о себе в западном и русском искусстве в эти десятилетия, оказались очень восприимчивы к демонической составляющей искусства Гойи. В статье «Поэзия ужаса» (1904), посвященной творчеству художника, Константин Бальмонт называет Гойю «истинным создателем красоты чудовищного», «поэтом-символистом в живописи». Тем не менее поэт отдал должное сатирическому дару испанского мастера, который очевиден в офортах, «изобличающих и высмеивающих темные стороны общественной жизни»⁴⁵.

Подробный обзор истории испанской живописи принадлежит перу Александра Бенуа, идейного вдохновителя движения «Мир искусства»⁴⁶. В 1907 г. Бенуа совершил поездку в Испанию, которая произвела на него большое впечатление. Он с восторгом писал о соборах Толедо, Сеговии, Бургоса и отмечал, что «потрясен Эскуриалом. Даже изменил Версалю». В более поздние годы Бенуа вспоминал: «Мне удалось осуществить свою давнишнюю мечту посетить Испанию. [...] Среди [...] путевых впечатлений самыми сильными были восторг от живописи Веласкеса, в котором я только тогда увидел какого-то “безусловного царя живописи”, то сильнейшее впечатление, что я получил в Толедо от “Погребения графа Оргаса” и от “Поцелуя Иуды” Греко, то наслаждение, что доставили мне картины для шпалер Гойи». Тогда же Бенуа писал Серову: «Я только что из Испании. [...]

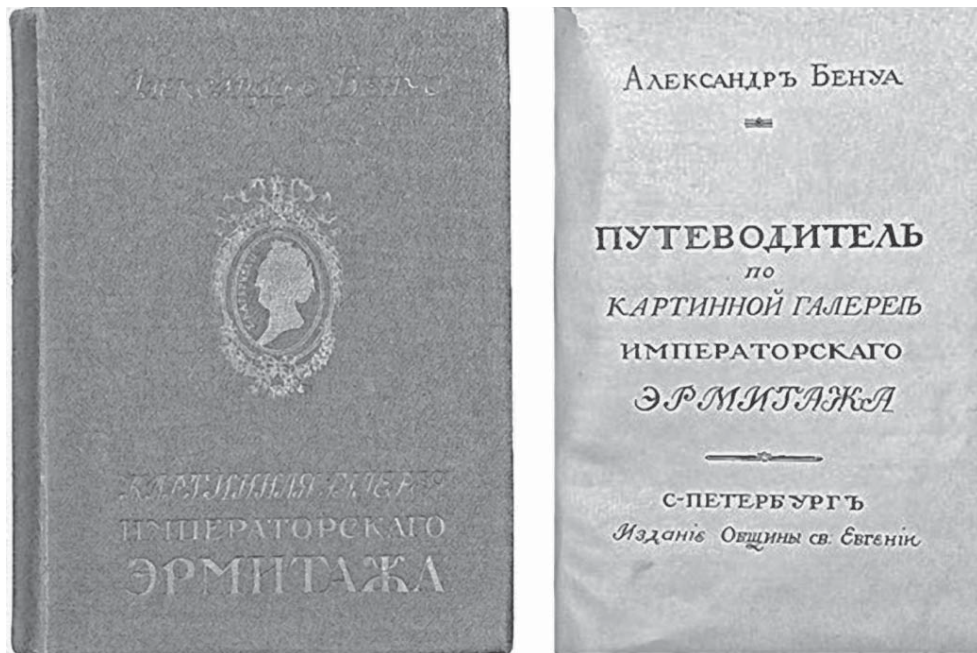
⁴² Каганэ Л.Л. Картины старых испанских мастеров в частных собраниях Санкт-Петербурга... С. 186–205; Она же. Эрнест Карлович Липгарт об Испании и испанской живописи. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2017.

⁴³ Липгарт Э.К. Испанцы XVI и XVII веков // Старые годы. 1908. Ноябрь–декабрь. С. 717–719.

⁴⁴ Врангель Н. Об испанских картинах Эрмитажа // Старые годы. 1914. № 1. С. 25–33. Испанским картинам из крупного частного собрания Ханенко была посвящена еще одна статья. См.: Воинов В. Собрание Ханенко в Петрограде // Аполлон. 1916. № 1. С. 1–12.

⁴⁵ Бальмонт К. Поэзия ужаса (Франсиско Гойя как автор офортов. 1746–1828) // Бальмонт К. Горные вершины. Кн. 1: Искусство и литература. М.: Графъ, 1904. С. 2, 5, 9.

⁴⁶ Морозова А.В. А.Н. Бенуа как испанист // Культура и искусство. 2017. № 2. С. 88–96.

А. Бенуа. «Путеводитель по Картинной галерее Императорского Эрмитажа». Обложка и титульный лист

Веласкес меня раздавил. Дорогой мой, да ведь это бог живописи. Многие мне и теперь дороже и милее его, но поистине — он в смысле кисти и краски самый совершенный, и все, чем нас кормят здесь (кроме Вены и Иннокентия Х в Риме) за Веласкеса, — труха»⁴⁷. Большое впечатление произвело на него и творчество Гойи, под влиянием которого он создал свою серию метафорических рисунков тушью под названием «Смерть»⁴⁸.

В 1911 г. Бенуа издал путеводитель по картинной галерее Эрмитажа⁴⁹, в котором продолжал разработку стремящегося к беспристрастности подхода, традиции которого уходили в сочинения Сомова. Как и его предшественники, он высоко ценил творчество Веласкеса, подчеркивая, что тот обладал «удивительным даром [...] во всем находить красоту и величественность». Он признавал также, что «Мурильо [...] прелестный [...] поэт», но ему далеко [...] до экстаза Теотокопули»⁵⁰. Впоследствии знаменитый историк ис-

⁴⁷ Бенуа А.Н. Мои воспоминания. Т. 2. Кн. 4, 5. М.: Наука, 1980. С. 97, 453–454; Вал. Серов в переписке, документах и интервью. Т. 2. Л.: Художник РСФСР, 1985. С. 96–97.

⁴⁸ Эткинд М.А. Н. Бенуа и русская художественная культура конца XIX — начала XX века. Л.: Художник РСФСР, 1989. С. 143.

⁴⁹ Бенуа А.Н. Путеводитель по картинной галерее Императорского Эрмитажа. СПб.: Община св. Евгении, [1911].

⁵⁰ Там же. С. 131, 136–137.

куства Владимир Левинсон-Лессинг отмечал: «Все мы в известной мере воспитывались на блестящей книге Бенуа»⁵¹.

С 1912 г. начала издаваться многотомная «История живописи всех времен и народов», в которой большое место занимает и история развития испанского искусства⁵². В центре анализа Бенуа — художественные проблемы: колористические новшества, пластичность, характер красочной поверхности, натурализм в передаче деталей и т.д. Очень ярко и образно описывал он и настроение, возникавшее под влиянием живописи того или иного мастера. Об Эль Греко Бенуа пишет: «Изучая пепельно-серое творение Греко, не выносишь впечатления о чем-то замершем и угасшем, а напротив того, исполняешься тем жутким чувством, которое овладевает при виде чудовищного пожара». Или: «Именно потому наше время так и жадно на Греко, что при том глубоком отчаянии, которое владеет теперь думами, мы надеемся заразиться от него пламенностью веры, познать через него радости экстаза»⁵³.

Задача Бенуа заключалась в том, чтобы представить эволюцию испанской живописи в своем собственном эмоциональном восприятии. Именно поэтому он заботился прежде всего не о «строгой планомерности» своего труда, а об отражении в нем своих «душевных переживаний»⁵⁴. Так в российском научном искусствоведении появились лирические этюды об испанской живописи.

Бенуа пытался связать специфику художественных качеств произведения и его образный строй. По его мнению, «аскетическая, чисто-испанская мысль о тленности всего земного существования» объясняла и «натурализм», и «внимание к жизни», присущие испанским мастерам, и предпочтение ими черных тонов⁵⁵. В отличие от своих предшественников, Бенуа анализировал не только импонирующие ему произведения, но и такие, которые, по его мнению, «живописного наслаждения [...] не дают». А ведь именно эстетические качества были для Бенуа главными в оценке достоинства полотен. Он реабилитировал Рибера и Сурбарана, о котором писал, что после общения с его полотнами «кажется, точно вдохнул воздуха горных вершин или девственного соснового леса»⁵⁶.

Разницу художественного языка старых мастеров он объяснял эволюцией художественного стиля, а не их социально-идеологическими предпочтениями. Благодаря его труду была постепенно преодолена дихотомия между интересом к технике старых испанских мастеров и недооценкой их образного строя, между интересом русского общества к испанской культуре вообще и непониманием многих явлений этой культуры.

⁵¹ А.Н. Бенуа и Эрмитаж: Каталог выставки из собрания Эрмитажа. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1994. С. 10.

⁵² Бенуа А.Н. История живописи всех времен и народов. СПб.: Шиповник, 1912–[1917]. Ч. 1. Т. 1–4.

⁵³ Там же. Т. 3. С. 72.

⁵⁴ Там же. Т. 2. Предисловие (без указания страниц).

⁵⁵ Там же. Ч. 1. Т. 4. С. 13, 44.

⁵⁶ Там же. С. 57.

Для выросшего из передвижничества «Мира искусства» было характерно расширение диапазона внимания к старому искусству, что вело к более широкому охвату различных эстетических явлений и к большей объективности, ставило задачи выявления эволюции творческих исканий художников и их дифференциации. Все эти проблемы были впервые поставлены в труде Бенуа, заложившем основы отечественной испанистики в искусствоведении.

«РУССКИЙ БАЛЕТ ДЯГИЛЕВА» В ИСПАНИИ

В конце XIX — начале XX в. Европа стала воспринимать Россию как страну, которая не только заимствует элементы общего культурного наследия, но и вносит в него собственный вклад, предлагая новые ценности, как духовные, так и эстетические. Если в последние десятилетия XIX в. позитивный образ России за рубежом сформировался благодаря великому русскому роману, произведениям Толстого, Тургенева и Достоевского, то накануне Октябрьской революции эту роль играл «Русский балет» Сергея Дягилева. В годы Первой мировой войны «Русский балет Дягилева» фактически обосновался на испанской земле, оказавшейся для него в высшей степени гостеприимной. Дягилев был страстным испанофилом и мечтал о постановке испанского балета, основанного на традициях испанских народных танцев. «Русские сезоны», в течение 1916–1921 гг. с огромным успехом прокатившиеся по всей Испании, включили в свою орбиту не только Мадрид, но и Сан-Себастьян, Бильбао, Барселону, Вальядолид, Саламанку, Логроньо, Сарагосу, Валенсию, Алкой, Аликанте, Картахену, Мурсию, Кордову, Севилью, Малагу, Гранаду⁵⁷.

Основной причиной была, конечно, война, делавшая невозможными или, по крайней мере, затруднявшая гастроли труппы по большей части европейских стран. Поэтому Дягилев с благодарностью принял приглашение Альфонса XIII приехать с гастрольями в Испанию, не втянутую в конфликт⁵⁸. Впоследствии король не пропустил не одного спектакля и всячески подчеркивал, что относится к Дягилеву как к личному другу. Однако меньшую роль сыграл и давний огромный творческий интерес к Испании как самого Дягилева, так и Игоря Стравинского и Леонида Мясина. Многолетняя дружба с замечательными испанскими композиторами (Мануэль де Фалья), художниками (Пабло Пикассо, Хуан Грис, Жоан Миро, Хосе Мария Серт, Педро Пруна), драматургами-либреттистами (Грегорио Мартинес Сьерра и его жена), танцовщиками (Анхелес Морильо, Феликс Фернандес,

⁵⁷ *Acker Y.F. Los Ballets Russes en España: recepción y guía de sus primeras actuaciones (1916–1918) // Los Ballets Russes de Diaghilev y España / Álvarez Cañibano A., Nommick I. (Eds.). Granada: Archivo Manuel de Falla, 2000. P. 229–252.*

⁵⁸ *Walsh J.K. España y los Ballets Russes de Serge Diaghilev. Contexto histórico: España durante la Primera Guerra Mundial // Ibid. P. 23–30.*

Максимилиан Волошин и Испания

Хосе Фернандес Санчес, автор биографического справочника «Русские путешественники в Испании XIX века», писал: «Для русских, у которых в избытке были воображение или деньги, поездки по Европе носили почти ритуальный характер. Те, кого волновало пошатнувшееся здоровье, в купе с рулеткой, отправлялись в Баден-Баден; любители прекрасного устремлялись в Рим; в поисках развлечений наведывались в Париж. Для получения образования ехали в Берлин. [...] У путешествий же в Испанию не было никаких посторонних побудительных мотивов, и ничем иным, кроме как желанием узнать Испанию, они не объяснялись». Одной из самых ярких страниц ранних пребывания русских писателей в Испании являются две поездки Максимилиана Волошина. Испанские впечатления нашли отражение не только в акварелях и рисунках, но и в таких стихах, как «Кастаньеты», очерках «Андорра», «По глухим местам Испании. Вальдемоса», «Бой быков», во многих письмах.

Не только по письмам, но и по этим маленьким альбомчикам, по молниеносным наброскам (которым он, по его собственному признанию, учился у Форена, Стейнлена и других рисовальщиков парижских улиц) жанровых сценок, пейзажей, интерьера собора в Пальма-де-Майорка, боя быков в Севилье прослеживается «испанский» маршрут русского поэта и художника, достаточно, впрочем, стандартный для полуинтеллектуального, полубогемного европейца конца XIX — начала XX в.: Сео-де-Уржел, Лерида, Барселона, Пальма-де-Майорка, Вальдемаса, Валенсия, Аликанте, Малага, Севилья, Кордова, Толедо, Мадрид, Эскориал.

В 1915 г. Волошин провел в Испании, в Астурии и Кастилии, всего восемь дней, выехав на велосипеде из Франции 30 сентября, но на этот раз ехал он очевиднейшим образом более подготовленным, что явствует уже из менее хрестоматийного маршрута, целью которого была Старая Кастилия, плоскогорье, старинные города, средневековые монастыри, соборы и замки, зарисовки которых хранятся ныне в музеях Петербурга, Москвы и Феодосии. На этот раз Волошин посетил Ирун, Сан-Себастьян, Толосу, Виторию, Бургос,

«Эстампио», Мария де Альбайсин, Пепита «ла Фараоника», Ла Рубиа де Херес), певцами (Ла Минерита), гитаристами (Мануэль Мартель) оказалась чрезвычайно продуктивной для обеих сторон. В июне 1917 г. последний раз перед тем, как навсегда покинуть Европу, в выступлениях дягилевской труппы в Мадриде и Барселоне участвовал Вацлав Нижинский.

В 1916 г., во время своего первого пребывания в Мадриде, Дягилев и его друзья несколько раз были гостями в доме Грегорио и Марии Мартинес Сьерра. Там Дягилев и Мясин впервые услышали «Ночи в садах Испании» в исполнении Мануэля де Фальби и попытались убедить композитора создать на эту музыку новый балет, хореографом которого выступил бы Мясин.

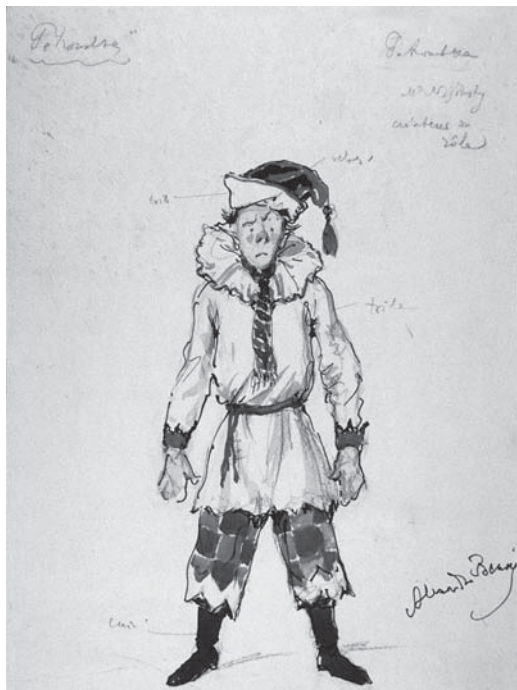

Максимилиан Волошин. Коррида

Панкорбо. Однако самым примечательным оказывается упорно проводимая параллель между Киммерией и Коктебелем, с одной стороны, и Испанией, а точнее, кастильским плоскогорьем, — с другой. Впрочем, еще в 1901 г. Волошин писал матери, что окрестности Аликанте «удивительно напоминают Коктебель и вообще наши места, скорее даже Меганом». Спустя годы, побывав уже не на Средиземноморском побережье, а в сердце Испании, в Старой Кастилии, Волошин ту же тему развивает в письме к Александре Петровой: «Немного иное, но так же хорошо, как Кар/а/даг. И все такое бесконечно близкое — очень много элементов Киммерии, но при этом еще каменные деревушки, лачуги с лепными гербами, готические соборы и монастыри».

Фалья предложил им сюжет «Треуголки», автором которого был Педро Антонио де Аларкон, а либретто уже было написано супругами Мартинес Сьерра. В конце мая и в начале июня 1916 г. в том же самом доме, где началась история знаменитого балета, Фалья, в присутствии Дягилева и Мясина, исполнил фрагменты своего будущего шедевра.

Балет «Треуголка», впервые поставленный в Лондоне в 1919 г., стал величественным синтезом двух культур, ведь в проекте Дягилева соединились музыка Мануэля де Фальи, хореография Мясина и сценография Пикассо. А в Испании, после премьеры в Мадриде, «зрители, увидев блестящее представление испанских танцев русскими танцорами, долго не могли прийти в себя

Петрушка. Эскиз А. Бенуа
к балету «Петрушка»

от пережитых эмоций»⁵⁹. Балет Дягилева, объединивший русских композиторов, хореографов и художников с представителями испанской культуры начала XX в. обогатил обе стороны. Эта встреча стала источником вдохновения для испанских художников, композиторов и поэтов и открыла новые темы и возможности для русского балета. Совместная работа Дягилева, Фальби, Стравинского, Пикассо и Мясина знаменует собой целую эпоху в культуре XX в.

Сотрудничество с Дягилевым, неоспоримым авторитетом в области авангардистской моды, труппа которого с огромным успехом гастролировала по всему свету, представлялось испанцам, особенно художникам, жившим в Париже и пользовавшимся известностью, крайне заманчивым. Так, известно, что Федерико Гарсиа Лорка мечтал о

том, что его пьеса о Доне Кристобале и Донье Росите, основанная на андалузском фольклорном материале, вдохновит дягилевскую труппу на постановку балета. В письме от 13 августа 1921 г. он признавался в этом своему другу, известному музыкальному критику Адольфо Салазару⁶⁰. Надежды поэта не оправдались, однако в его пьесе «Чудесная башмачница» можно найти сходство с балетом Дягилева и Фальби «Треуголка».

По словам Стравинского, сопровождавшего Дягилева во время поездок по Испании в 1915, 1916 и 1921 гг., особый интерес русских композиторов к Испании объясняется тем, что между традиционной испанской и традиционной русской музыкой существует связь, которая, без сомнения, происходит от их восточных корней. «Некоторые андалузские песни напоминают мне мелодии наших краев и пробуждают во мне наследственную память», — говорил Стравинский.

В Национальном театральном музее города Альмагро бережно хранятся эскиз декораций и пять эскизов костюмов к балету «Петрушка» — одному из высших достижений Александра Бенуа. Музей — крупнейший государственный культурный центр Испании — был организован в 1994 г.

⁵⁹ Garafola L. *Diaghilev's Ballets Russes*. New York: Oxford University Press, 1989. P. 154.

⁶⁰ García Lorca F. *La zapatera prodigiosa*. Madrid: Espasa-Calpe, 1982. P. 14.

в старинном городке Ла-Манчи и расположен в здании, принадлежавшем в Средние века ордену Калатравы, в котором находилась резиденция Великого Магистра ордена. Здесь хранятся эскизы декораций и костюмов к оперным, балетным и драматическим спектаклям, декорации, костюмы, архивы знаменитых актеров и режиссеров, имеющие отношение к театральной жизни Испании. В нем также находятся материалы, связанные с историей театра других стран. В 1921 г., во время гастролей Русского балета в Испании, Луис Парис приобрел четыре эскиза костюмов к балету «Петрушка» для Мадридского Королевского театра. В 1936 г. в коллекции Париса появились набросок еще одного костюма к «Петрушке» и эскизы декораций к балету.

Коломба. Эскиз А. Бенуа к балету «Петрушка»

Сам балет под управлением Стравинского, с участием Вацлава Нижинского и Тамары Карсавиной был представлен 19 марта 1911 г. в парижском театре «Шатле». Для Дягилева именно живописно-пластическое решение определяло весь характер спектакля, а Бенуа, после того как выполнил декорации к «Петрушке», был, с его точки зрения, «лучшим, самым тонким декоратором “Русских сезонов”»⁶¹. Бенуа был убежден, что в новом балете художникам была отведена первостепенная, часто диктующая роль, именно им подчас принадлежала генеральная идея спектакля⁶². Стравинский признавался в своих воспоминаниях, что успеху первой постановки балета в театре «Шатле» сильно способствовало богатство созданного Бенуа художественного оформления⁶³. Более того, по мнению авторитетных критиков, «в отличие от всех балетных спектаклей, в “Петрушке” основное, наиболее доходчивое, яркое и первичное в смысле воздействия на зрителя — это не хореография, а музыка Стравинского и живопись А. Бенуа»⁶⁴. Балет

⁶¹ Сергей Дягилев и русское искусство. Т. 2. М.: Изобр. иск., 1982. С. 193.

⁶² Цит. по: Эткинд М. А. Н. Бенуа и русская художественная культура конца XIX — начала XX века. Л.: Художник РСФСР, 1989. С. 261.

⁶³ Стравинский И. Хроника моей жизни. Л.: Музгиз, 1963. С. 76.

⁶⁴ Слонимский Ю., Друскин М. Петрушка. Л.: Изд. Лен. гос. театра оперы и балета, 1935. С. 14.

«Петрушка» стал одной из эмблем «Русских сезонов». Современники отмечали, что в «Петрушке» Стравинскому, Бенуа и Фокину удалось создать первый русский балет на русскую тему, «настоящий русский балет как по духу, так и по внешним формам»⁶⁵.

Эскизы декораций Бенуа к первой картине балета — народного праздника на петербургской площади, — по замечанию М. Эткинда, «прочно лежит в русле исканий живописи конца 1900-х гг. — свободная и непринужденная акварель близка выразительным средствам лубка и народной игрушки, интерес к которым проявляют теперь и другие мастера»⁶⁶. Позднее Бенуа вспоминал, что в «Петрушке», как в декорациях, так костюмах, нашли отражение его детские впечатления 1870-х гг. о масленичных балаганах, устраиваемых в Петербурге. Эти балаганы служили главным аттракционом того гулянья, которое «испокон веков», а точнее, с XVIII в., «являлось в России наиболее значительным народным развлечением, особенно в обеих столицах»⁶⁷. Вначале кукол было две — Петрушка и его дама, но развитие интриги потребовало появления и третьего персонажа, арапа, естественным образом ставшего «олицетворением третьего угла треугольника»: «Если Петрушка был олицетворением всего, что есть в человеке одухотворенного и страдающего, иначе говоря, — начала поэтического, если его дама, Коломбина-балерина, оказалась персонификацией *das Ewig Weibliche* (вечная женственность — нем.), то арап стал олицетворением начала бессмысленно-пленительного, мощно-мужественного и незаслуженно-торжествующего»⁶⁸.

В случае с Балериной Бенуа сразу нашел решение ее сценического облика (по признанию художника, ее костюм был почти «дословно» скопирован с одной статуэтки гарднеровского фарфора). По мнению И. Вершининой, «в представлениях Петрушки отсутствует образ Балерины. У Петрушки есть невеста, и в любовных делах он не знает соперников. Появление Балерины разом меняет все дело: Петрушка превращается в отвергнутого любовника, а неповоротливый, но импозантный арап неожиданно оказывается его счастливым соперником. И тогда драчливый потешник Петрушка начинает уступать место печальному неудачнику Пьеро. И все встает на свои места. Перед нами старая как мир драматическая ситуация традиционного треугольника: Пьеро, Коломбина и Арлекин»⁶⁹.

Известно, что Бенуа старался рисовать эскизы в позах, характерных для роли. Хранящиеся в испанском музее эскизы костюмов к балету «Петрушка» являются прекрасным тому подтверждением. К работе над «Петрушкой» Бенуа на протяжении всей своей жизни возвращался неоднократно. В 1910–1930-е гг. балет в его декорациях, кроме Парижа, был поставлен в Мадриде, Москве, Петрограде, Милане, Копенгагене, Монте-Карло.

⁶⁵ Светлов В. Современный балет. СПб.: Тов. Р. Голике и А. Вильборг, 1911. С. 123.

⁶⁶ Эткинд М. А.Н. Бенуа... С. 265.

⁶⁷ Бенуа А. Мои воспоминания... Т. 1. С. 289.

⁶⁸ Там же. Т. 2. С. 516.

⁶⁹ Вершинина И.Я. Ранние балеты Стравинского. М.: Наука, 1967. С. 113–114.

Во время гастролей дягилевского балета в Испании в 1916, 1917 и 1921 гг. балет «Петрушка» был принят с не меньшим энтузиазмом, чем в Париже⁷⁰. Не только музыка Стравинского, мастерство Нижинского и Карсавиной, хореография Фокина, но и живопись Бенуа вызвали самую восторженную реакцию у испанских театральных критиков. Так, в отклике на постановку «Петрушки» в городе Сан-Себастьян, в театре Виктории Эухении, опубликованном в газете *La Voz de Guipúzcoa*, было указано: «Что же касается сцены, то невозможно себе представить большего богатства и разнообразия костюмов, в которые облачены находящиеся в непрерывном движении многочисленные артисты балета»⁷¹.

По свидетельству Стравинского, именно этот балет дягилевской труппы был любимым произведением короля Испании Альфонса XIII, что могло вызвать решение руководства Мадридского Королевского театра приобрести эскизы Бенуа к «Петрушке»⁷². Испанская пресса и критики были едины во мнении, что гастролы труппы Дягилева в Испании в 1915–1921 гг. вызвали глубокие изменения как в театральной, так и в художественной жизни страны и помогли заложить основы нового испанского балета, который благодаря связям с русским балетом обрел новый облик.

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ СССР И ИСПАНИИ: ПЕРВЫЕ ШАГИ

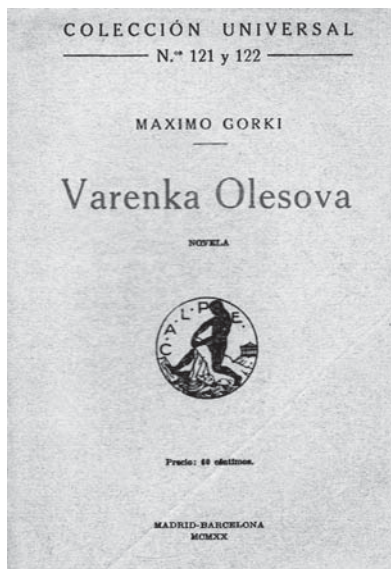
Революционный кризис в России вызвал противоречивую реакцию в среде испанских интеллектуалов и общественных деятелей. На фоне политической нестабильности, в которой пребывала сама Испания в 1917–1923 гг., кровопролитная гражданская война воспринималась как масштабная гуманитарная катастрофа, возбуждавшая не только политический интерес, но и сочувствие трагедии, которую переживало население некогда великой державы. В 1922 г. испанская общественность откликнулась на призыв знаменитого полярного исследователя и нобелевского лауреата Фритьофа Нансена об оказании помощи голодающим России. В рамках созданного по его инициативе в 1921 г. Международного комитета действовала и «Испанская комиссия», в состав которой вошли видные политики, ученые и писатели, — впоследствии они станут активными сторонниками Второй республики. Среди них — выдающийся мыслитель Грегорио Мараньон, президент Академии юридических наук и мадридского Атенея, видный правовед Анхель Оссорио-и-Гальярдо, писатель и драматург, реформатор испанского театра Грегорио Мартинес Сьерра и многие другие. В марте 1922 г. был создан Комитет помощи русским ученым⁷³.

⁷⁰ *Los Ballets Russes de Diaghilev...* P. 218, 233, 235, 238, 243, 307–308.

⁷¹ *Larrañaga P.J., Larrañaga J.M.* La presencia de los *Ballets Russes* en San Sebastián (1916–1918) y su reflejo en *La Voz de Guipúzcoa* // *Ibid.* P. 308.

⁷² *Стравинский И.* Хроника... С. 149.

⁷³ *El Sol.* 22.02.1922. P. 1.

М. Горький. «Варенька Олесова».
Обложка испанского издания

«Испанская комиссия» была благотворительной организацией, деятельность которой стояла вне политики. Выступая на одном из собраний Каталонского комитета помощи России в Барселоне, бывший алькальд Барселоны Антони Мартинес-и-Доминго сказал: «Я не знаю, кто я — правый или левый. [...] Я — христианин и помню, что Христос умер, чтобы спасти всех людей, и даже тех, кто его распял. Необходимо прийти на помощь России во имя милосердия, социальной справедливости и патриотизма»⁷⁴. Помимо сбора средств по подписке, члены комиссии выступали с лекциями, устраивали концерты, выставки, кинопоказы, доходы от которых также поступали в фонд помощи⁷⁵. Испанский поэт Хуан Рамон Хименес передал комиссии 22 автографа известного никарагуанского поэта Рубена Дарио для их последующей продажи, с тем чтобы вы-

рученные деньги, «звены и сверкая, [...] отправились напрямиком в Россию»⁷⁶. Общий доход от всех мероприятий составил 712 055,55 песеты⁷⁷.

Установление диктатуры Примо де Риверы в Испании в 1923 г. сузило политические контакты между двумя странами, но, несмотря на настороженное отношение к советскому правительству, не ослабило интереса испанских интеллектуалов к Советской стране. В 1920-е гг. большими тиражами в Испании были переизданы сочинения русских писателей-классиков: Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Достоевского, Чехова, Куприна, Андреева. Это были новые переводы с языка оригинала, созданные русскими эмигрантами⁷⁸. В 1926–1930 гг. впервые на прилавки испанских магазинов Мадрида, Барселоны, Валенсии и других городов Испании попали произведения советских писателей, в том числе и молодых авторов, среди которых были романы «Города и годы» Федина, «Разгром» Фадеева, «Железный поток» Серафимовича, «Тихий Дон» Шолохова. Стремительно разошлись тиражи романов «Цемент» Гладкова и «Хулио Хуренито» Эренбурга⁷⁹.

⁷⁴ El Sol. 13.05.1922. P. 1.

⁷⁵ El Sol. 13.02–02.03.1922; El Sol. 08–15.04.1922.

⁷⁶ El Sol. 17.02.1922. P. 1.

⁷⁷ El Sol. 24.07.1922. P. 1.

⁷⁸ Portnoff G. La literatura rusa en España. New York: Instituto de las Españas en los EEUU, 1932. P. 46–47, 265–273.

⁷⁹ Кулешова В.В. Испания и СССР. Культурные связи. 1917–1939. М.: Наука, 1975. С. 55–56, 64, 65.

И русская классическая словесность, и произведения, написанные в духе «ведущего метода советской литературы», стимулировали интерес к новой российской действительности. Многие испанские писатели и журналисты стремились увидеть СССР собственными глазами и убедиться в реальности образа жизни, мифологизированного в советской литературе и пропаганде. В 1920-е — начале 1930-х гг. в СССР побывали Хулио Альварес дель Вайо, Исидоро Асеведо, Диего Идалго, Педро де Репиде, Хосе Бергамин, Хасинто Бенаvente, Родриго Сориано. Написанные ими книги расходились немалыми тиражами, но содержали очень противоречивые оценки: действительность не всегда соответствовала оптимистическому и идеальному литературному образу Страны Советов⁸⁰.

Альварес дель Вайо описал свои впечатления об СССР в двух книгах — «Новая Россия», впервые увидевшая свет в 1926 г., и «Россия через 12 лет», изданная в Мадриде в 1929 г. Заинтересованный и доброжелательно настроенный журналист стремился основать свои выводы на обширном круге материалов. Он изучил значительный объем существовавшей тогда литературы о России, встречался с наркомом иностранных дел Георгием Чичериным, театральными и кинорежиссерами Всеволодом Мейерхольдом, Александром Таировым и Сергеем Эйзенштейном, общался с советскими людьми. Он познакомил испанского читателя с поэзией Блока, Ахматовой, Есенина и Маяковского (в переводе испанского поэта Э. Диеса Канедо)⁸¹. В предисловии к первому изданию «Новой России» Альварес дель Вайо писал: «Цели этой книги — не исследовательские и не пропагандистские. И уж тем более она не претендует на исчерпывающее освещение темы, обозначенной в названии, т.к. лики новой России почти так же безграничны, как и ее горизонты. Это не более, чем книга о ярких впечатлениях одного журналиста, которому удалось дважды после революции (1922–1924) побывать в России и который с давних пор испытывает особую привязанность ко всему русскому». Совсем другую оценку советской жизни давал Фернан Вальс-и-Табернер, видный каталонский ученый и политический деятель, посетивший Советский Союз в 1928 г. В его книге читатель нашел «гневную отповедь большевизму, разрушившему созданное предшественниками, причем свои суждения он строил на впечатлениях от Ленинграда, запущенного и неопрятного»⁸².

⁸⁰ *Alvarez del Vayo J.* La nueva Rusia. Madrid: Espasa-Calpe, 1926; *Idem.* Rusia a los doce años. Madrid: Espasa-Calpe, 1929; *Acevedo I.* Impresiones de un viaje a Rusia. Oviedo: Imp. Hijo de A.P. Santamarina, 1923; *Hidalgo D.* Un notario español en Rusia. Madrid: Cénit, 1929; *Repide P. de.* Rusia de ahora. Madrid: Cía. Ibero-Americana de Publicaciones, 1930. См. о них: *Egido León M.ª de los A.* Del paraíso soviético al peligro marxista. La Unión Soviética en la España republicana (1931–1936) // Cuadernos de Historia Contemporanea. 1988. No. 10. P. 140–141.

⁸¹ *Alvarez del Vayo J.* La nueva Rusia. P. 233–241.

⁸² Цит. по: *Бажно В.Е.* «На другой духовной широте...» (Образ России в записках испанских путешественников) // Россия и Испания: общая граница... С. 39.

Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. было положено начало сотрудничеству советских и испанских ученых. Испанский педагог, социалист Родольфо Льюпис, который в годы Второй республики будет занимать пост министра образования, изучал систему дошкольного и школьного обучения в Советской стране и подробно описал ее в своей книге «Как выковывается народ»⁸³. В мае 1926 г. Мадрид для работы на XIV Международном геологическом конгрессе посетила делегация советских геологов во главе с президентом АН СССР, академиком А. Карпинским. В ходе конгресса испанские ученые-геологи Х. Марсет-Риба из Барселонского университета и Х. Горостисага из Института геологии и минералов Испании, а также заведующий палеонтологической лабораторией Национального музея естественных наук в Мадриде Х. Ройо-и-Гомес были приглашены в СССР для знакомства с проводившимися там научными исследованиями. Эту поездку им удалось совершить в 1928 г. В 1929 г. советские океанологи были направлены на Международный конгресс по океанографии, гидрографии и гидрологии; а энергетики во главе с академиком А. Иоффе выступали на Международном энергетическом конгрессе; советская делегация во главе с академиком Н. Зелинским приняла участие в конгрессе прикладной химии. В 1930 г. Эмилио Угет дель Вийяр, один из основателей испанского почвоведения, стал участником Международной конференции почвоведов в Ленинграде, а в Барселоне при участии советских специалистов прошла VI Международная конференция по психотехнике⁸⁴. С научной экспедицией по изучению сельскохозяйственных регионов Испании в 1927 г. страну посетил выдающийся советский биолог Николай Вавилов. Испанцы много помогали Вавилову, и позже он с благодарностью писал: «Со стороны научных кругов мы встретили самый радушный прием, в особенности в лице директора Музея естественной истории, известного энтомолога профессора Игнасио Боливара и его сына, а также ботаника профессора Креспи»⁸⁵.

В то же время интерес к Испании советских писателей и журналистов был выражен слабо и определялся, скорее, традиционными русскими представлениями о «крайнем Западе Европы». В 1925 г. Владимир Маяковский, путешествуя из Франции в Мексику, посетил Сантандер, Хихон и Ла-Корунью. Портовые города показали поэту «прозаическими», а в жителях он не увидел ни приписываемой им романтики, ни страсти, что он и отразил в стихотворениях «Испания» и «Шесть монахинь»⁸⁶. Разочарование от визита на север Испании не помешало ему назвать Пабло Пикассо, с которым он познакомился в Париже в 1923 г., «самым большим живописцем и по своему

⁸³ *Egido León M.^a de los A. Del paraíso soviético...* P. 144–145.

⁸⁴ *Кулешова В.В. Испания и СССР...* С. 2–75.

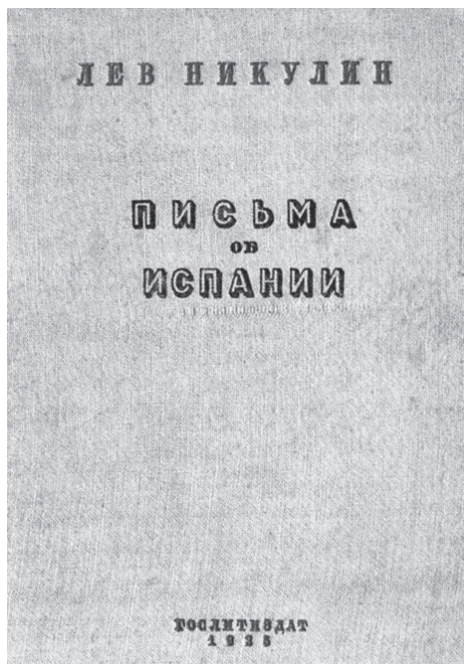
⁸⁵ Цит. по: *Huerga Melcón P. Vavilov en Asturias: una historia en torno a la escanda // Nómadas. Revista Crítica de Ciencias Sociales y Jurídicas. 2012. No. 33. — <https://webs.ucm.es/info/nomadas/33/pablohuerga.pdf> (дата обращения 27.02.2018); *Кулешова В.В. Испания и СССР...* С. 75.*

⁸⁶ *Багно В.Е. Испания русских писателей...* С. 136–137; *Кулешова В.В. Испания и СССР...* С. 71.

размаху, и по значению, которое он имеет в мировой живописи»⁸⁷. Более подробные впечатления о своем длительном путешествии из Барселоны в Севилью, совершенном в 1929 г., оставил советский писатель Лев Никулин в книге «Письма об Испании». В 1930-е гг., когда с приходом республиканцев к власти интерес к Испании заметно возрос, книга претерпела три переиздания в СССР и оказалась для советского читателя одним из немногих источников сведений о далекой стране⁸⁸.

Уже в начале 1920-х гг. испанцы открыли для себя русскую музыку и исполнительское мастерство. Знакомство с испанской музыкальной культурой повлияло на творчество Сергея Прокофьева. В 1923 г., вступив в брак с испанской певицей Каролиной Кодиной, выступавшей под псевдонимом Лина Льюбера, он отправился в Барселону, где дал несколько концертов. В 1928–1929 гг. в столице Каталонии Прокофьев выступал с известными испанскими оркестрами и вошел в круг артистической интеллигенции. Среди его знакомых были выдающийся испанский композитор Мануэль де Фалья, поэты Рафаэль Альберти и Федерико Гарсиа Лорка. Впоследствии, в 1935 г., премьерное исполнение Второго концерта для скрипки с оркестром Прокофьева состоялось в испанской столице под управлением друга композитора, главного дирижера Мадридского симфонического оркестра Энрике Фернандеса Арбоса.

Большой резонанс вызвал приезд в Испанию весной 1929 г. известного российского композитора, директора Ленинградской консерватории Александра Глазунова. Под его руководством симфонические оркестры Мадрида и Барселоны исполнили произведения Глинки, Бородина, Римского-Корсакова и других русских композиторов. В Барселоне Глазунов выступал со знаменитым испанским оркестром «Пау Казальс». Через два года, в Париже, он познакомился с создателем этого оркестра, выдающимся музыкантом Пабло Казальсом, и посвятил ему Концерт-балладу для виолончели с оркестром (C-dur). В СССР в эти годы много гастролировал выдающийся испанский композитор и гитарист Андрес Сеговия. В 1926 и

Лев Никулин. «Письма об Испании». 1925.
Обложка

⁸⁷ Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 4. С. 245.

⁸⁸ Багно В.Е. Испания русских писателей... С. 137; Кулешова В.В. Испания и СССР... С. 72.

1927 г. во время концертов в Москве и Ленинграде он исполнял произведения Моцарта, Генделя, Баха, Шуберта, Грига, Мендельсона и Альбениса⁸⁹.

Расширение международных связей СССР в период так называемой «полосы [дипломатического] признания» привело к активизации культурных связей и контактов Советской страны. В 1925 г. с целью установления и поддержания культурного сотрудничества с разными странами в СССР было создано Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС). В задачи его Иберо-американской секции входило развитие контактов с испанскими художественными кругами: журнал «Огонек» вел переписку с испанским писателем Висенте Бласко-Ибаньесом и художником Пабло Пикассо.

Диего Идальго, ученый и общественный деятель, будущий военный министр Второй республики, в своей книге так отозвался о деятельности ВОКС: «Это Общество нейтрально. Оно не занимается ни политикой, ни коммунистической пропагандой. Там предоставляют иностранцам, которые приезжают в Россию с культурными целями, все необходимое, чтобы они могли выполнить свою задачу. Таким образом, врачи, инженеры, преподаватели, адвокаты и другие находят всевозможную поддержку в получении любой информации, которую пожелают. В Обществе есть разные секции или отделы, в которых, помимо главного секретариата, что означает “приемная” для иностранцев, вы встретите того, который, владея какой-либо специальностью по искусству, науке или литературе, будет полностью в вашем распоряжении, чтобы, в случае необходимости, помочь вам в исследовании или изучении интересующего вас вопроса. Одна из самых больших трудностей для иностранца в этой стране — это язык, и в ВОКС эта проблема полностью решена, ведь там в совершенстве владеют всеми языками на планете»⁹⁰.

274

В 1927 г. по инициативе известных российских испанистов С. Игнатъева и Ф. Кельина, стремившихся к объединению тех, кто в СССР занимался историей, культурой и искусством Испании и испаноязычных стран, в Москве была открыта Иберо-американская секция Государственной академии художественных наук (ГАХН). Чуть позже было создано Иберо-американское общество в Ленинграде. Их члены выступали с докладами и лекциями, организовывали выставки, посвященные испанской культуре. Для проведения в 1928 г. выставки иберо-американской книги были запрошены издания из Национальной библиотеки в Мадриде, которые впервые познакомили советских читателей с произведениями, ранее доступными только редким, выезжавшим в Испанию советским специалистам⁹¹. Эти первые, пока еще неуверенные контакты, сложившиеся между учеными и представителями художественной интеллигенции, окрепнут в годы Второй республики.

⁸⁹ Кулешова В.В. Испания и СССР... С. 47–48, 76–78.

⁹⁰ Цит. по: Garrido Caballero M. Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX. Tesis doctoral. Murcia: Universidad de Murcia, 2006.

⁹¹ Кулешова В.В. Испания и СССР... С. 61, 72, 80–81.

СССР, ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА И ФРАНКИЗМ В ИСПАНИИ

НЕФТЬ И ПОЛИТИКА: ТРУДНЫЙ ПУТЬ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ИСПАНИЕЙ И СССР

Испанские правительства, как и правительства многих стран западного мира, воздерживались от немедленного установления дипломатических отношений с молодой Советской страной. СССР постепенно преодолевал блокаду, однако Испания числилась среди государств, особенно долго сопротивлявшихся дипломатическим контактам с ним. Одной из причин был гипертрофированный страх перед так называемой опасностью коммунистической подрывной деятельности, который испытывали испанские правые. До 1933 г. отношения так и не были установлены. Даже потребности Испании в нефти и увеличение объемов ее поставок Советским Союзом не способствовали преодолению политического неприятия¹.

Начало советскому присутствию в испанском нефтяном бизнесе было положено в 1920-е гг.: с 1924 по 1927 г. исключительные права на импорт советской нефти-сырца принадлежали одной из компаний, связанных

275

¹ Об этом см. подробнее: *Viñas A.* El reconocimiento de la República española en el contexto internacional: Austria, Alemania y la URSS // La Segunda República y su proyección internacional / Egido León Á. (Ed.). Madrid: Libros de la Catarata, 2017; *García Fernández H.* Historia de un mito político: el “peligro comunista” en el discurso de las derechas españolas // Historia Social. 2005. No. 51; *Martínez Molinos G.* Ríos de petróleo. El abastecimiento de esencias y grasas durante la guerra civil // Economía y economistas españoles en la guerra civil / Fuentes Quintana E. (Dir.) y Comín Comín F. (Coord.). Vol. I. Madrid; Barcelona: Real Academia de Ciencias Morales y Políticas/Galaxia Gutenberg, Círculo de Lectores, 2008; *Whealey R.H.* La diplomacia española del petróleo: de junio de 1927 a abril de 1931 // Cuadernos Económicos de ICE. 1979. No. 10. P. 511–534.

с миллионером Хуаном Марчем. Ситуация изменилась при пересмотре нефтяной политики Испании. В соответствии с королевским декретом-законом от 28 июня 1927 г.² была создана государственная монополия и принято решение экспроприировать частные торговые предприятия, представлявшие американские (*Standard Oil of New Jersey*), англо-голландские (*Royal Dutch Shell*) и французские интересы (последние — используя посредничество Марча). Управление импортом, очисткой и распределением сбыта нефти было передано компании CAMPSA, созданной консорциумом банков. Компании, пострадавшие от этого законодательства, сделали все возможное, чтобы саботировать эту новую систему. CAMPSA была вынуждена увеличить закупки в СССР, несмотря на то что правительство генерала Примо де Риверы мало симпатизировало очагу международного коммунизма. Но, подписав в ноябре 1927 г. свой собственный договор с советскими экспортерами, оно ограничило возможности Марча.

Когда страсти улеглись, CAMPSA попыталась распределить закупки между США (особенно компаниями *Texas Co.*, *Texaco*) и СССР. С 1926 по 1935 г. доля российской нефти в испанском импорте выросла до 39% (причем два года, в 1929-м и 1930-м, она превышала 50%). Так Испания вышла на второе место в Европе, уступая только Италии, которая обеспечивала импортной советской нефтью почти 50% своего рынка. Первое время ситуация оставляла возможности для маневра. CAMPSA обязывалась выбирать установленное договором минимальное количество продукции, которое, однако, не покрывало всего объема испанского потребления. Максимально допустимые объемы, не прописанные для фирмы в виде обязательных, позволяли компенсировать недопоставку с одного рынка поставками с другого. Но традиционных экспортеров это не устраивало, и они добились досрочного завершения договора с советской стороной. Диверсификация рисков осложнялась самыми различными факторами, такими как удаленность поставщиков, разница в согласованных с ними скидках, и, в конце концов, политическими обстоятельствами, всегда актуальными в отношениях с Советским Союзом.

Новый договор с СССР был подписан через несколько недель после установления Республики, 20 мая 1931 г., причем советская сторона приложила большие усилия для его заключения. Срок действия договора должен был истечь 31 декабря 1934 г., но его денонсация произошла раньше. К тому времени из-за перебоев на транскавказских нефтепроводах, а также из-за нарушений в работе советской железнодорожной системы, пострадавшей от многочисленных аварий, рыночные условия изменились. В результате сократились экспортные поставки, что ударило по испанским покупателям. Торговые суда CAMPSA терпели убытки от простоев в черноморских портах и иногда были вынуждены идти в обратный рейс с балластом.

² Gaceta. 30.06.1927.

Обе стороны попытались договориться о заключении нового долгосрочного договора о поставках, но возник ряд трудностей. Подписывая двусторонние торговые договоры с иностранными государствами (и СССР не был исключением), испанское правительство, как правило, стремилось компенсировать импорт и поэтому избегало платежей в валюте. В годы Великой депрессии подобная практика была весьма распространенной. Однако это не устраивало советскую сторону, которая, несмотря на экспорт большого количества золота, не располагала достаточным количеством валюты; более того, в качестве предварительного шага к договору она настаивала на установлении дипломатических отношений.

Примирить политические и торговые интересы было нелегко, к тому же правые продолжали размахивать жупелом коммунистической угрозы. Все это осложняло и без того осторожные контакты, которые осуществлялись за пределами Испании. Некоторые деятели, и среди них депутат Эдуардо Ортега-и-Гассет, брат знаменитого философа, заявляли об исключительности испанской позиции на фоне прогресса международного дипломатического признания СССР. Цель дипломатии Москвы была понятна, но и испанские экспортеры стали все больше интересоваться возможностями, которые предоставлял советский рынок.

В конце концов, известный социалист Фернандо де лос Риос, ставший министром иностранных дел в июне 1933 г., сумел сдвинуть с мертвой точки вопрос об установлении отношений. К этому времени — после назначения Гитлера канцлером Германии — международная обстановка изменилась кардинальным образом. Действия министра фактически продолжали линию, намеченную правительствами, которые возглавлял Мануэль Асанья. В июле, после новых встреч с представителем «Нефтесиндиката» Михаилом Островским, который вел переговоры по нефти с советской стороны, министр де лос Риос добился своей цели. Важно отметить, что еще в октябре–декабре 1920 г. он приезжал в СССР, выясняя возможность вступления ИСРП в III интернационал. Он встречался с Лениным, Троцким, Бухариным и с другими советскими руководителями. Своими противоречивыми впечатлениями де лос Риос поделился в книге «Моя поездка в Советскую Россию» (1921), которая имела большой успех.

Официальное сообщение об установлении отношений было опубликовано в испанской прессе 27 июля 1933 г. Послом было предложено назначить тогдашнего главу испанской миссии в Мексике Хулио Альвареса дель Вайо, известного журналиста, симпатизировавшего советскому «эксперименту». Обсуждались и другие кандидаты, среди которых был Марселино Паскуа.

С советской стороны послом был утвержден Анатолий Луначарский, бывший делегат Женевской конференции по разоружению и бывший народный комиссар просвещения. 8 декабря 1933 г. испанский посол в Париже Сальвадор де Мадарьяга связался с поверенным в делах СССР во Франции Марселем Розенбергом, чтобы договориться о начале переговоров для уточнения некоторых экономических, юридических и консульских вопросов. Также обсуждались темы, касающиеся полномочий обеих дипломатических

Анатолий Луначарский

миссий, в рамках которых, по мнению испанцев, необходимо было зафиксировать обязательство советской стороны по части ограничения пропаганды. Это условие вводилось для успокоения наиболее реакционного крыла испанских правых. Переговоры Мадарьяги пришлось на период, когда у власти на короткое время оказалось новое правительство во главе с Диего Мартинесом Баррио, а МИД возглавил известный медиевист профессор Клаудио Санчес-Альборнос.

Советская сторона это условие не приняла. 10 декабря Розенберг известил Мадарьягу о том, что Луначарский уже получил соответствующие инструкции. Испанский представитель настаивал,

что до его прибытия соглашение по указанным вопросам должно быть достигнуто. Но Москва твердо стояла на своем. А в Мадриде к этому времени правительство Мартинеса Баррио пало, и ему на смену пришло другое, возглавляемое Алахандро Леррусом, в котором должность министра иностранных дел занял Леандро Пита Ромеро — и дело застопорилось. Новость об установлении в ноябре 1933 г. дипломатических отношений между США и СССР не получила в Испании никакого отклика. А 26 декабря 1933 г. во Франции скончался Луначарский.

Сменявшие друг друга испанские правительства тем не менее не денонсировали июльское соглашение. В июле 1934 г. Мадарьяга встретился с Розенбергом и сообщил ему, что испанское правительство готово обменяться нотами о составе посольств и консульств и о невмешательстве во внутренние дела. С другими вопросами можно было подождать до учреждения миссий. Двамя месяцами позже Советский Союз вступил в Лигу Наций, что было воспринято как «дипломатическое землетрясение». Народный комиссар по иностранным делам Максим Литвинов и «непотопляемый» Мадарьяга обменялись в Женеве письмами. Посольствам предстояло выполнять те же функции, что и представительствам других стран, а их штат не должен был превышать тот, которым располагали те миссии, в которых насчитывалось самое большое число аккредитованных дипломатов. С испанской стороны присутствовала определенного рода обеспокоенность, касавшаяся все того же вопроса: четко отразить принцип невмешательства во внутренние дела друг друга. Поэтому еще одним письмом объявлялось, что посольство в Москве должно вести свою работу строго через НКВД, а советское — через МИД Испании, которые будут выступать в качестве официальных представителей сторон. Но сразу после «октябрьской революции» в Астурии испанская политика сделала резкий разворот. И даже франко-советский договор о взаимопомощи от 2 мая 1935 г. не оказал на ситуацию ни малейшего влияния.

Правда, Литвинову и Хоакину де Урсайсу, министру иностранных дел в переходном правительстве, довелось увидаться в январе 1936 г. в Лондоне, на похоронах короля Георга V. Урсайс предложил возобновить переговоры по обмену посольствами, но нарком в ответ на это лишь сказал, что переговоры практически завершились. Таким образом, в то время, когда правые католики (СЭДА) были представлены в составе испанских правительств (сентябрь 1934 — декабрь 1935), никакого прогресса в переговорах не наблюдалось.

Важнейшие февральские выборы 1936 г. полностью изменили ход событий. Ситуация была нелепой: международное признание Советского государства уже стало необратимым фактом — Испания же оказалась «святое папы римского». Поэтому 3 марта министр военно-морского флота Хосе Хираль, соратник и единомышленник Мануэля Асаньи, снова ставшего председателем Совета министров, и министра иностранных дел Аугусто Барсия, объявил о том, что дипломатические отношения с СССР являются приоритетом. А уже 8 апреля Мадарьяга обсуждал в Женеве с полномочным представителем СССР в Париже Владимиром Потемкиным вопрос об обмене миссиями. Советско-испанским отношениям был дан зеленый свет, и испанское правительство выразило готовность действовать незамедлительно.

К тому времени в Испании уже назревал военный мятеж. Наряду с активизацией парламентской оппозиции, что было очевидно после заявлений в кортесах двух видных деятелей правого лагеря — Хосе Марии Хилья Роблеса и Хосе Кальво Сотело, и многочисленными новостями в прессе о так называемой подрывной деятельности советских коммунистов и их вмешательстве в испанские дела все большую тревогу вызывала агитация в казармах. Был подготовлен план мятежа, который необходимо было спешно сорвать к середине апреля, не дав ему возможности развернуться. Именно поэтому новый председатель Совета министров — Хосе Хираль, занявший этот пост уже после того, как вспыхнул мятеж, не колеблясь обратился к Советскому Союзу с просьбой о поставках оружия, о чем он ходатайствовал также и перед другими странами. Именно мятеж привел к тому, что обмен миссиями стал действительно необходимым, и к тому, что Москва наконец решила отправить своих представителей.

МАРСЕЛЬ РОЗЕНБЕРГ И СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Прерванные в октябре 1917 г. дипломатические отношения между Испанией и Россией были на практике восстановлены только летом 1936 г. На обращение Мадарьяги в апреле 1936 г. к Владимиру Потемкину проинформировать о советской позиции в отношении немедленного обмена миссиями был дан положительный ответ³. Но советская сторона ждала инициативы со стороны

³ Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 19. М.: Политиздат, 1974. С. 230 (прим. 72), 738.

Мадрида вплоть до августа 1936 г. Начало и эскалация гражданской войны в Испании побудили советское руководство первым запросить агреман для своего полномочного представителя. Восстановление испано-советских дипломатических отношений — обмен послами — пришлось на середину августа 1936 г. 22 августа вопрос о работниках полпредства СССР в Испании рассматривало Политбюро ЦК ВКП (б)⁴.

На роль политического представителя СССР в Испании был определен Марсель Израилевич Розенберг, который в начале 1930-х гг. работал полномочным представителем СССР во Франции и заместителем Генерального секретаря в Лиге Наций и хорошо знал испанский вопрос. Розенберг родился в 1896 г. в Варшаве, гимназию окончил в Кёнигсберге, а накануне Первой мировой войны переехал к родственникам в Берлин. Оттуда в 1914 г. он отправился в Великобританию, а в 1915 г. — в США, где он познакомился с работами Карла Маркса и заинтересовался идеями социал-демократии. Вернувшись летом 1917 г. в Россию, он был назначен в посольство в Германию и до конца 1918 г. работал заведующим отделом печати в представительстве РСФСР. География дипломатической работы М. Розенберга в 1920-е — 1930-е гг. была разнообразной: Афганистан, Турция, Италия, Франция, Женева. Быстрым был и карьерный рост — от первого секретаря посольства до посла СССР во Франции и заместителя Генерального секретаря Лиги Наций.

Марсель Розенберг

Когда было принято решение о его назначении в Мадрид, Розенберг находился на отдыхе в Чехословакии, в Карлсбаде. Он вернулся в Москву 16 августа, 24-го прибыл в Испанию, а уже 31-го вручил президенту Республики Мануэлю Асанье верительные грамоты. 21 сентября 1936 г. генеральным консулом в Барселону был назначен Владимир Антонов-Овсеенко⁵. Советские дипломаты прибыли в Мадрид в условиях обострения ситуации в Испании. После падения Талаверы изменился состав правительства Республики. 4 сентября вместо кабинета Хосе Хираля была сформирована политическая коалиция под руководством социалиста Франсиско Ларго Кабальеро⁶. Все это активизировало советскую политику в испанском вопросе.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 35–36; Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б). Повестки дня заседаний: Каталог. Т. 2. 1930–1939. М.: РОСПЭН, 2001. С. 797.

⁵ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 35–36, 79.

⁶ *Alpert M.* A New International History of the Spanish Civil War. London: Palgrave Macmillan, 1994. P. 56.

Деятельность советских дипломатических представителей в Испании в 1936–1939 гг. нужно рассматривать в контексте политики сдерживания разрастания испанского конфликта. Она была провозглашена в августе 1936 г., когда 27 европейских стран подписали Соглашение о невмешательстве, предполагавшее запрет поставок оружия, амуниции и иных товаров военного назначения обеим воюющим сторонам⁷. В конце августа 1936 г. Франция предложила создать международный комитет по применению соглашения о невмешательстве в дела Испании (Комитет по невмешательству), а Великобритания заявила о своей готовности предоставить Лондон в качестве местопребывания Комитета. С данной инициативой согласилось и советское правительство. В тот момент советская сторона не желала осложнять отношений из-за Испании (что было вполне оправданно с точки зрения национальных интересов) и старалась оставить за собой определенную свободу дипломатического и политического маневра. Однако соглашение стало нарушаться практически сразу с момента подписания. В августе и сентябре 1936 г. Португалия предоставила свои порты для выгрузки боевой техники из Германии. Однако в португальской ноте в Комитет по невмешательству в дела Испании от 26 октября 1936 г. отмечалось, что в роли обвиняемого в нарушениях Соглашения о невмешательстве должен выступать Советский Союз. «Розенберг принимает участие в заседаниях кабинета — факт, который является исключительным в дипломатической истории», — так указывалось в ноте⁸. В результате в октябре 1936 г. Советский Союз провозгласил себя свободным от обязательств о невмешательстве, но не вышел из Комитета.

Несмотря на обращения испанского правительства о помощи оружием, до сентября 1936 г. советское руководство придерживалось установки о «невозможности посылать что-либо отсюда». В письме Розенбергу 4 сентября 1936 г. Литвинов аргументировал это причинами техническими (дальность расстояния и опасность перехвата «транспортов мятежниками»), военно-техническими («отсутствие у нас тех калибров винтовок и патронов, которые нужны в Испании») и политическими (не дать Германии и Италии повода «для совершения открытой интервенции и снабжения мятежников в таких размерах, в которых мы поспеваем за ними не могли бы»). Донесения советских дипломатов в Москву повлияли на решение советского руководства об оказании военной помощи Республике. 26 сентября 1936 г. Розенберг в телеграмме Крестинскому на свой же вопрос: «Каков наш канал воздействия на ситуацию?» — отвечал описанием «тесных контактов» с большинством членов правительства, главным образом с председателем правительства Республики Ларго Кабальеро и министром морских и воздушных сил Индалесио Прието: «Оба они весьма прислушиваются ко всему, что мы говорим»⁹.

⁷ См. подробнее: *Малай В.В.* Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. и Европа: международные аспекты конфликта. М.: Наука, 2011. С. 45–55.

⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 119. Д. 64. Л. 36–37.

⁹ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 81–84, 97–107.

Советские дипломаты в Испании: Владимир Антонов-Овсеенко

В Испании во время Гражданской войны 1936–1939 гг. Владимир Антонов-Овсеенко был провозглашен живым символом русской революции. Его роль в качестве главы Военно-революционного комитета в штурме Зимнего дворца в октябре 1917 г. сделала его примером для подражания в глазах международного рабочего движения, что он умело использовал, когда находился в Барселоне в должности генерального консула СССР с 1 октября 1936 по сентябрь 1937 г.

Он завоевал уважение со стороны не только Объединенной социалистической партии Каталонии (ОСПК), но и анархистов из Национальной конфедерации труда (НКТ), а также, хотя и в меньшей мере, из Федерации анархистов Иберии (ФАИ). Его статус признавался даже с позиций, сторонних рабочему движению, как это было в случае с националистическими либеральными формированиями, такими как Левая республиканская партия Каталонии (ЛРПК) или Каталонское государство (КГ). Только коммунисты-антисталинцы из Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ) держали по отношению к нему дистанцию, признавая его роль в Октябре 1917 г., но осуждая как функционера сталинского СССР. Положительный общественный образ Антонова-Овсеенко сформировался у большей части каталонцев в силу того, что именно его считали центральной фигурой организации советской помощи Каталонии. Это мнение о его миссии дополняли публичные появления Антонова-Овсеенко рядом с председателем Женералитата Каталонии Луисом Компанисом, например, на мероприятиях в ознаменование XIX годовщины Октябрьской революции, проходивших в Барселоне в ноябре 1936 г.

282 В тот день из советского посольства в Мадриде в НКИД было направлено пять телеграмм с детальными отчетами о ситуации в Испании. В одной из них Розенберг писал: «Возможность оснащения техникой может оказать огромное влияние на конечный исход гражданской войны»¹⁰. Двумя днями раньше Антонов-Овсеенко в подробном докладе Кагановичу подчеркивал, что необходимо «ходатайствовать о скорейшем пополнении [республиканцев] необходимыми специалистами и материалами»¹¹. 28 сентября советское руководство приняло решение об оказании военно-технической помощи Испании¹².

Советские военные поставки оплачивались предоставленными правительству Республики кредитами, погашавшимися за счет продажи испанского золота, переданного СССР в объеме 510 тонн в качестве депозита¹³.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. Л. 116.

¹¹ Там же. Л. 40–41, 79, 84–85.

¹² Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б). Повестки дня заседаний... С. 808.

¹³ См. подробнее главу «Испанское золото, Гражданская война и советская помощь».

Должность советского генерального консула также подразумевала осуществление ряда экономических, военных и политических мер довольно сложного характера. Антонов-Овсеенко помогал в разработке торговых договоров между правительством Женералитета и советскими торговыми представителями, направленными в Испанскую Республику.

В военном отношении он обеспечил поступление советского оружия в руки правительства Женералитета. И наконец, его политическая деятельность была сосредоточена на том, чтобы оценить и перенаправить деятельность анархистов на пользу рабочей революции, всегда поддерживать авторитет правительства Женералитета как единственной законной власти в тылу и вести интенсивную политическую работу против ПОУМ.

Владимир Антонов-Овсеенко

30 сентября 1936 г. Илья Эренбург, находившийся в Испании в командировке, доложил Розенбергу о встрече с лидером каталонского правительства Луисом Компанисом, который информировал, что республиканцам удалось переправить во Францию золото. 17 и 19 октября на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) рассматривался «вопрос Розенберга» — о принятии на хранение в СССР золотого запаса Испании¹⁴.

Советская материальная поддержка Испанской Республике сопровождалась активной пропагандистской кампанией и попытками корректировки внутривосточной ситуации в стране. В сентябре 1936 г. Розенберг сообщал в Москву о своих «попытках влиять на состав правительства». Литвинов неоднократно указывал советским дипломатам на необходимость «воздержаться от всякого рода влияния на правительственные комбинации»¹⁵. Валенсийский

¹⁴ АВП РФ. Ф. 097. Оп. 11. П. 102. Д. 14. Л. 116; Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б). Повестки дня заседаний. Т. 2. С. 807, 815.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 57.

анархист Хуан Лопес одним из первых испанских политиков выступил против «иностранного посла, вмешивающегося в испанские дела». Большинство испанских газет опубликовали его заявление (20.09.1936): «Мы его [Розенберга] предупреждаем: испанские дела касаются только испанцев»¹⁶.

Расходы советского посольства в Испании до переезда испанского правительства в Барселону (ноябрь 1937) полностью оплачивались испанской стороной; ответным образом в отношении испанского посольства поступала Москва. «При таких условиях, — писал Розенберг Крестинскому (сентябрь 1936), — было бы неслыханным, если бы испанский посол Паскуа был поставлен в одинаковые с другими представительствами условия. Тогда от его пребывания в Москве получилось бы больше вреда, чем пользы». Розенберг просил Крестинского принять меры, «чтобы Испанское Посольство в Москве было бы на особом положении»¹⁷.

Внутриполитические репрессии в СССР 1936–1937 гг. против партийных, государственных и военных деятелей не обошли и работавших или воевавших в Испании специалистов. Сообщения об их исчезновении по возвращении в СССР фигурировали не только в европейской печати, но и в дипломатических донесениях из Москвы. В феврале 1937 г. из Мадрида был отозван Розенберг. Этот факт не остался незамеченным: судьбой дипломата, игравшего важную роль в испанских событиях в первые месяцы войны как «подвергающегося преследованиям», интересовались почти все европейские политические круги. В этой связи Литвинов предписывал полномочному представителю СССР во Франции Якову Сурицу (04.08.1937): в случае очередных разговоров на эту тему указывать на вымышленный характер слухов об аресте Розенберга. Следовало информировать, что дипломат недавно вернулся из отпуска и «находится сейчас в Москве в ожидании нового назначения» представителем Наркоминел при правительстве Грузинской ССР. Эту должность дипломат занимал до конца 1937 г. — 26 декабря он был арестован, а 5 марта 1938 г. расстрелян¹⁸.

284 В феврале 1937 г. место Розенберга занял Леонид Яковлевич Гайкис (1898 — 21.08.1937), бывший до этого его заместителем. Он считал, что чем активнее советская помощь Испании, «тем труднее будет любому республиканскому правительству [...] отказываться от этого сотрудничества [с СССР]», добавляя, что победа республиканцев открывает новые перспективы и существенно корректирует соотношение сил на международной арене. Так как Советскому Союзу важно иметь надежного союзника в лице Испании, то он должен использовать все возможности, «которые мы приобрели сейчас благодаря отношению нового правительства для закрепления наших позиций в Испании»¹⁹.

¹⁶ Коминтерн и гражданская война в Испании: Документы. М.: Наука, 2001. С. 158.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 71. Д. 53. Л. 107.

¹⁸ Через 20 лет (27.06.1957) дело за отсутствием состава преступления было прекращено, а Розенберг реабилитирован посмертно.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 097. Оп. 12. Д. 15. Л. 47.

Советские дипломаты в Испании: Сергей Марченко

Сергей Григорьевич Марченко был третьим полпредом (полномочным представителем) и как глава миссии пришел на смену Леониду Гайкису летом 1937 г. Он занимал пост поверенного в делах при трех правительствах Негрина. Его настоящее имя — Татеос Гегамович Мандалаян. Он родился в 1901 г. в Эриванской губернии. В 1917 г. вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию, а в 1920–1923 гг. работал на Кавказе, после чего перешел в Профинтерн. Позже вместе с Николаем Бухариным занимался Китаем, где побывал в 1926 и 1927 гг. С 1930 по 1934 г. был членом Центральной контрольной комиссии КПСС. Впоследствии перешел в секретариат Коминтерна. В конце 1936 г. было принято решение о его переводе на работу в Испанию, где он должен был заняться политическими и организационными вопросами. После назначения Гайкиса послом он стал при нем вторым лицом. В качестве полпреда работал на НКВД под руководством Максима Литвинова. Выработал более широкий взгляд на республиканскую политику, чем его предшественники.

Премьер-министр Республики Хуан Негрин уважал Марченко и доверял ему, в том числе и в чрезвычайно деликатных ситуациях, например, в расследовании убийства Андреу Нина, совершенного НКВД. Со своей стороны, советский дипломат считал, что Негрин всегда действовал в соответствии с ситуацией и как политик превосходил многих своих коллег. Он поддерживал тесные контакты и с Индалесио Прието, занимавшим пост министра обороны, и без колебаний, вместе с главным военным советником генералом Штерном, давал дружеские рекомендации по совершенствованию Народной армии, вместе с другими советскими дипломатами и военными выступал за увеличение помощи Республике.

Некоторые из докладов Марченко — о сепаратистских тенденциях в Каталонии, о внутривнутриполитических разногласиях, о деле генерала Рохо, о военной обстановке в целом — попадали на стол Сталина. Он не побоялся назвать преувеличенной пропаганду в отношении деятельности интернациональных бригад перед самым их роспуском. Эти донесения крайне ценны, особенно если учесть малочисленность персонала под его началом. После возвращения в Москву Марченко представил полный отчет, нечто вроде *post-mortem*, о том, что произошло в Испании. Картина выглядела мрачной. По неизвестной причине 22 августа 1939 г. он был арестован. 7 июля 1941 г. его приговорили к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение 28 июля. Марченко был реабилитирован в июле 1955 г. Он остается выдающейся личностью, но до сих пор неизвестен на Западе.

Гайкис руководил советской миссией совсем недолго: 17 июня 1937 г. он был отозван из Мадрида. После отъезда Гайкиса уровень советского дипломатического представительства в Испании был понижен: Сергей Григорьевич Марченко (Татеос Гегамович Мандалян; 1901 — 28.07.1941) был назначен лишь поверенным в делах СССР в Испании (06.1937 — 03.1939). Он оставался единственным дипломатом в советском полпредстве. Несмотря на то что в штате имелось три технических сотрудника, Марченко сам печатал сообщения в Москву на машинке.

Политика СССР в Испании в 1936–1939 гг., как и деятельность ее дипломатов в течение всей Гражданской войны, была предметом острой пропагандистской борьбы в Европе. Республиканская Испания подавалась большинством европейских СМИ как «плацдарм для советских экспериментов» и «бастион советских принципов в Западной Европе». Западные газеты сообщали одна за другой: «Действительная власть в Мадриде перешла в руки Розенберга», «Советские представители в Испании ведут себя вызывающе и не стесняются: дом Розенберга является местом, куда приходят за получением инструкций, а Антонов-Овсенко выступает на митинге в Барселоне» (*Liberté, Les Jours*, Франция); «Один из трех человек, которые сегодня фактически управляют всем в Мадриде, — Розенберг» (*Il Messaggero*, Италия); «Правительство Кабальеро является фикцией, действительный *диктатор* в Мадриде и в Валенсии — полпред СССР в Испании Розенберг», «Работой испанского правительства руководит советский агент Розенберг», «СССР стремится к советизации Барселоны» (*Völkischer Beobachter*, Германия)²⁰. Но основания для пропагандистских кампаний иногда давала и советская сторона. Антонов-Овсенко консультировал осенью 1936 г. сотрудников Министерства внутренних дел Испании по вопросам создания и функционирования органов госбезопасности по советскому образцу: «Он [сотрудник министерства] выслушал очень внимательно, обещает, что многое из этого постарается провести в жизнь»²¹. Марченко в донесениях в Москву подчеркивал свои неоднократные настоятельные рекомендации лидерам Республики сменить руководство флотом. В июне 1937 г. Совет министров Испании, по сообщению советского посольства в Мадриде, принял решение «согласовывать с нами [СССР] свою дипломатическую активность»²². Весной 1938 г. Негрин через Марселино Паскуа просил «дать ему окончательные указания Москвы по вопросу об участии испанских коммунистов в правительстве республики». Он хотел включить одного министра-коммуниста, а Сталин не желал присутствия коммунистов в правительстве. Позже Негрин передавал, что «с особым вниманием отнесся к советам Москвы»²³, но следовать им не стал.

²⁰ *Liberté*. 1936. 1 Nov.; *Les Jours*. 1936. 20 Oct.; *Völkischer Beobachter*. 1936. 3 Okt.; 3, 14, 20 Nov.; АВП РФ. Ф. 098. Оп. 19. П. 141. Д. 658. Л. 37–38.

²¹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 19. П. 83. Д. 4. Л. 24.

²² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 10. Д. 103. Л. 57, 73.

²³ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 18. П. 144. Д. 86. Л. 6–7.

На рубеже 1937–1938 гг. некоторые европейские государства в той или иной форме заявили о признании Франко, по крайней мере де-факто. Для поддержания морального авторитета испанского республиканского правительства было важно, чтобы великие державы имели при нем своих представителей в ранге послов. В январе 1938 г. Негрин дал задание Паскуа просить приема у Сталина, «чтобы поставить перед ним ряд конкретных вопросов, от разрешения которых зависит судьба испанской республики». Негрин поручил ему напомнить о проблеме скорейшего назначения советского политического представителя в Испании. Потемкин считал возможным возвести Марченко в ранг полномочного представителя, тем более Паскуа подчеркивал, что «сотрудничество с тов. Марченко его вполне удовлетворяет»²⁴. Но до конца войны эта проблема так и не была решена. В последние дни Республики Марченко находился в Париже. Его постигла такая же трагическая судьба, как и его предшественников в Испании. Он был арестован уже в августе 1939 г., сразу по возвращении в Москву, и расстрелян в 1941 г. В 1955 г. реабилитирован.

СОВЕТСКИЕ ЛЕТЧИКИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

«Проблема авиации превратилась для республиканцев в главную проблему войны. Если будет достаточно истребительной и бомбардировочной авиации, то можно с уверенностью сказать, что армия будет наступать и побеждать», — подобная уверенность Григория Штерна, главного военного советника СССР в Испании в 1937–1938 гг., является одним из доказательств той заметной роли, которую авиации суждено было сыграть в испанском конфликте²⁵. Действительно, и республиканское руководство, и мятежные генералы с самого начала Гражданской войны в Испании на фоне быстрого развития авиационной техники в 1930-е гг. признавали моральный износ авиапарка страны и понимали, что для достижения победы им потребуются новые, современные самолеты.

Удовлетворяя неотложную потребность Мадрида, 15 октября 1936 г. Москва осуществила поставку республиканцам первых образцов советской авиатехники — 10 скоростных бомбардировщиков АНТ-40 (Туполев СБ-2). В течение последующих дней в Испанию было поставлено еще 20 таких машин²⁶. Группой военных, прибывших вместе с самолетами, командовал полковник Авраам Златоцветов, в то время как гражданские специалисты находились в подчинении у инженера Зелика Иоффе. Вскоре из Советского Союза были доставлены и первые истребители И-15 (Поликарпов И-15). Сражаться

²⁴ АВП РФ. Ф. 097. Оп. 13. П. 103. Д. 22. Л. 11–12.

²⁵ Доклад главного военного советника в республиканской Испании комдива Г.М. Штерна И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову. Цит. по: *Rybalkin Yu. Stalin y España. La ayuda militar soviética a la República*. Madrid: Marcial Pons, 2007. P. 219.

²⁶ *Ibid.* P. 209.

на этих боевых машинах предстояло советским летчикам во главе со старшим лейтенантом Павлом Рычаговым. Наконец, в первых числах ноября настала очередь эскадрилий И-16 (Поликарпов И-16) тип 5 под командованием капитана Сергея Тархова²⁷. Задержка поставок самолетов из СССР привела к тому, что некоторые советские пилоты, Иван Копец, Антон Ковалевский и Евгений Ерылкин, прибывшие в Испанию еще в сентябре, совершали первые вылеты на машинах французского и местного производства, которые не отличались высокими боевыми характеристиками²⁸.

На всем протяжении Гражданской войны среди советских военных специалистов численно преобладали летчики: из 2083 добровольцев — танкистов, моряков, саперов, связистов, зенитчиков, инженеров, переводчиков, советников и т.д. — в боевых действиях на стороне Испанской Республики принимали участие 772 советских летчика²⁹. С точки зрения количества и качества своей продукции СССР являлся для республиканцев единственным в своем роде поставщиком современной авиационной техники: за все время Республике было передано 648 самолетов. Но этого было недостаточно, ведь мятежники получили от Германии и Италии, как минимум, вдвое больше машин, причем данная техника отправлялась франкистам регулярно. В связи с этим возникает вопрос, как республиканской авиации удалось почти три года противостоять военно-воздушным силам противника, лучше обеспеченным в техническом и кадровом плане³⁰.

Появление в испанском небе советских самолетов и летчиков осенью 1936 г. стало важнейшим фактором, позволившим спасти Испанскую республику от военной катастрофы, на грани которой она стояла, не допустив взятия Мадрида мятежниками³¹. Первые удары советских пилотов были

²⁷ *Абросов С.В.* В небе Испании, 1936–1939 годы. М.: (б.и.), 2003. С. 24–25.

²⁸ *Prokófjev G.* El cielo español en llamas // Bajo la Bandera de la España republicana. 1936–1939: recuerdan los voluntarios soviéticos participantes en la guerra nacional-revolucionaria en España. Moscú: Progreso, s.f. P. 365–401.

²⁹ О распределении советских кадров см.: *Rybalkin Yu.* La ayuda militar soviética a la República española. Cifras y hechos // Los Rusos en la Guerra de España. Madrid: Fundación Pablo Iglesias, 2009. P. 81. О советских авиационных кадрах см.: *Whelan P.* Soviet Airmen in The Spanish Civil War. 1936–1939. Atglen: Schiffer Publishing, 2014.

³⁰ Самый яркий пример — бомбардировочная авиация. Против 93 советских АНТ-40, поставленных республиканцам за весь период войны в Испании, мятежники располагали: 97 Heinkel He-111, 32 Dornier Do-17, 68 Junkers Ju-52, 110 Savoia S.79, 84 Savoia S.81 и 13 Fiat Br.20. См.: *Howson G.* Armas para España. Barcelona: Crítica, 2000; *Emiliani A.* Mile aeroplani per la Spagna. Gli ultimi aviatori italiani in Spagna // Ebre 38. Revista Internacional de la Guerra Civil 1936–1939. 2008. No. 3. P. 65–69. Цифры, приводимые другими авторами, в целом дают ту же картину как по численности самолетов, так и по общей расстановке сил.

³¹ Поставки вооружения из Советского Союза предотвратили падение Мадрида. К 6 декабря Москва снабдила республиканское правительство 136 самолетами, более чем 100 танками, 30 броневиками, 174 артиллерийскими орудиями, 3750 пулеметами, более чем 60 тыс. винтовок, 6200 тоннами горюче-смазочных материалов и запасных частей, а также множеством патронов, снарядов и др. боеприпасов. См.: *Rybalkin Yu.* Stalin... P. 68.

Илья Эренбург
с летчиками
эскадрильи
«Красные
крылья»

направлены на уничтожение тех подразделений противника, которые представляли угрозу безопасности столицы Испании, и на разрушение вражеских аэродромов.

С ноября 1936 г. до середины июня 1937 г. главным авиационным советником республиканской армии и начальником советской группы авиации являлся комбриг Яков Смушкевич³². Однако действиями бомбардировщиков, истребителей и штурмовиков в бою управляли непосредственно командиры авиагрупп и эскадрилий. С приездом Смушкевича удалось ликвидировать некоторые трения, которые возникли между советником штаба республиканских ВВС, комдивом Августом Бергольцем, и военновоздушным атташе посольства СССР в Испании, полковником Борисом Свешниковым. По словам корпусного комиссара Яна Берзина, главного военного советника республиканской армии (он был предшественником Штерна), трения между ними возникли «на почве распределения власти». В конце концов Бергольцу поручили заниматься вопросами промышленной мобилизации, организации снабжения и т.д.³³

Одна из задач, которая требовала срочного решения, заключалась в необходимости объединить штаб начальника республиканских ВВС, полковника Игнасио Сиснероса, находившийся в Альбасете, с Министерством авиации и Генеральным штабом армии Республики (место пребывания Берзина), располагавшимися в Валенсии. В феврале 1937 г. Бергольц жаловался, что расстояние около 200 км от одного до другого не способствовало эффективному

³² *Абросов С.В.* В небе Испании... С. 14. В *Los Rusos...* (Р. 295) указано, что Смушкевич прибыл в Испанию в октябре 1936 г.

³³ Письмо Берзина от 18.12.1936. Цит. по: *Абросов С.В.* В небе Испании... С. 13.

руководству авиацией. По этой причине он предлагал перевести в Валенсию штаб начальника ВВС Испанской республики, а также штаб-квартиру Смушкевича, который действовал до этого независимо. Объединение все-таки произошло, но спустя четыре месяца, в июне 1937 г., когда главным авиационным советником стал комдив Всеволод Лопатин. Вступив в должность в конце мая — начале июня 1937 г., он полностью сконцентрировал руководство авиацией республиканцев в своих руках³⁴. В середине мая произошло объединение всех видов республиканских ВВС³⁵, что совпало с реализацией инициативы Лопатина по передаче управления ВВС испанским командирам³⁶. В сентябре испанцы уже вполне самостоятельно осуществляли все операции³⁷.

Получив эту самостоятельность, республиканская авиация парадоксальным образом потеряла превосходство в небе. Первые советские летчики в Испании навязывали бои немцам и итальянцам. Превосходство как в технике, так и в мастерстве позволяло им завладеть инициативой в воздухе и проводить успешные наступления. Но новые подкрепления из Германии и Италии не только количественно, но и качественно усилили франкистскую авиацию, которая в итоге смогла вернуть утраченное превосходство в воздухе. Положение усугубило резкое сокращение советских поставок начиная со второй половины 1937 г. Если с октября 1936 г. по август 1937 г. Советский Союз предоставил правительству Испанской республики 500 самолетов, то с августа 1937 г. и вплоть до конца войны республиканцы получили чуть более 150 машин³⁸. Сокращение объемов военной помощи сыграло роковую роль в судьбе едва успевших окрепнуть военно-воздушных сил Республики. В результате Испанская республика потеряла господство в воздухе, а стратегическая инициатива перешла к франкистам. Уменьшение численности советских летчиков в Испании оказалось не столь болезненным, хотя и имело негативные последствия. Если в 1936 г. их было 300 человек, то в 1937 г. — 276, а в 1938 г. осталось 183³⁹. Осенью 1938 г. советские пилоты покинули Испанию. Значительная часть испанских летчиков, занявших место своих советских коллег, прошла обучение в 20-й военной школе летчиков в Кировабаде (ныне Гянджа)⁴⁰. Молодые испанские пилоты продемонстрировали высокий боевой

³⁴ В должности главного авиационного советника В. Лопатина сменял Е. Птухин, Ф. Арженухин, А. Андреев, Д. Юханов. См.: *Абросов С.В.* В небе Испании... С. 14.

³⁵ *Gaceta de la República*. No. 136, de 16.05.1937. В результате произошло объединение армейской и морской авиации, а также сил противовоздушной обороны.

³⁶ Вскоре более 75% авиационных частей уже целиком состояли из испанцев. Осенью авиационные советники из СССР перешли в подчинение Генерального штаба республиканской армии и испанского штаба авиации, сохранив при этом контроль над подразделениями советского или смешанного состава. См.: *Абросов С.В.* В небе Испании... С. 12.

³⁷ Там же. С. 13.

³⁸ Также сократилось количество поставленных танков (с 322 до 25), броневиков, артиллерийских орудий, пулеметов и винтовок. См.: *Rybalkin Yu. Stalin...* P. 71.

³⁹ *Ibid.* P. 104.

⁴⁰ Всего было пять выпусков испанских пилотов для республиканских ВВС, каждый из которых насчитывал 180–190 человек. Но полный курс подготовки прошли только

дух, однако их квалификация все же оставляла желать лучшего: вместо обязательных четырех лет обучения они прошли лишь ускоренный полугодовой курс подготовки. Все это сказалось на боеспособности республиканских ВВС.

Советские пилоты, воевавшие на Пиренейском полуострове с осени 1936 г., завоевали превосходство в испанском небе ценой огромных усилий и жертв. Однако их товарищам, противостоявшим франкистам в Арагоне и под Валенсией, а также участвовавшим в битвах на Сегре и Эбро, пришлось сражаться даже в более тяжелых условиях и к тому же на ненадежных самолетах⁴¹. Свои последние боевые вылеты в Испании советские летчики совершали на истребителях И-16 и бомбардировщиках АНТ-40, когда республиканцы были уже фактически обречены.

Для советских пилотов, прошедших через Гражданскую войну, Испания стала местом боевого крещения, где они в кратчайшие сроки получили полезный опыт и навыки, весьма пригодившиеся им в ходе последующих военных конфликтов. На Халхин-Голе Яков Смушкевич, Сергей Грицевец и еще 12 летчиков — ветеранов войны в Испании — составили группу т.н. «испанцев». Смушкевич участвовал и в советско-финской войне. В годы Великой Отечественной войны одним из выдающихся асов-истребителей был Лев Шестаков⁴². 24 ветерана испанской войны командовали авиаполками, 21 — являлись командирами либо заместителями командиров авиадивизий, и трое командовали авиакорпусами⁴³. Советские авиаторы в сражениях в Испании не только приобрели важный личный и коллективный опыт, но и научились решать различные вопросы тактического и оперативного характера, в том числе касающиеся взаимодействия войск⁴⁴. Они стали пионерами воздушного боя в ночных условиях. Михаил Якушин на истребителе И-15 впервые в истории авиации ночью сумел уничтожить вражеский бомбардировщик Ю-52 (Юнкерс). Вскоре его успех повторили Алексей Серов и Иван Еременко⁴⁵.

курсанты первых 4 призывов. В школе было задействовано более 400 человек летного состава, преподавателей, переводчиков и вспомогательного персонала. Она располагала несколькими взлетно-посадочными полосами и не менее чем 80 самолетами. Затраты на строительство и обслуживание ее комплекса превысили 4 млн руб. См.: *Ibid.* P. 141.

⁴¹ Абросов рассказывает о различных технических проблемах, возникших в начальный период сражения на Эбро. У истребителей И-16 часто отказывали верхние пулеметы. В партии, поставленной в августе–сентябре 1938 г., у них неоднократно ломались двигатели (иногда 25 из 26). В других случаях двигатели выходили из строя через 8–12 часов работы. См.: *Абросов С.В.* В небе Испании... С. 253. Цит. по: *Íñiguez D., Gesalí D.* Guerra aèria a la batalla de l'Ebre. Barcelona: Duxelm, 2010. P. 28.

⁴² *Whelan P.* Soviet Airmen... P. 41, 105.

⁴³ *Абросов С.В.* В небе Испании... С. 318–320.

⁴⁴ *Rybalkin Yu.* Stalin... P. 155 y ss.

⁴⁵ *Yakushin M.* En la primera batalla contra el fascismo // Bajo la bandera... P. 343–363; *Rybalkin Yu.* Stalin... P. 99. Барселону от ночных бомбардировок защищали Е. Антонов, А. Серов, И. Финн и Е. Степанов. См.: *Gesalí D., Íñiguez D.* La guerra aèria a Catalunya. 1936–1939. Barcelona: Dalmau, 2012. P. 317–323.

С технологической точки зрения Гражданская война в Испании, по выражению Сталина, представляла собой «войну моторов»⁴⁶. Во второй половине 1930-х гг. процесс становления мощной промышленной базы молодого Советского государства шел полным ходом. Но СССР, чьи инженеры добились больших успехов в проектировании самолетов, все еще испытывал некоторые трудности, в частности при производстве авиационных двигателей, что сказывалось на их работе в Испании. Там столкнулись с проблемой усталости металла, которую пытались решить на месте и в Каталонии, и в Валенсии. Согласно испанским отчетам, двигатели истребителя И-16 теряли мощность в небе на высоте 3000 м, что не позволяло им соперничать на равных с немецкими истребителями Me-109 (Мессершмитт Bf-109), оснащенными двигателями, мощность которых в определенном режиме могла быть увеличена даже на высоте 5000 м.

Это стало серьезной проблемой в условиях интенсивных боев между истребителями-монопланами, что будет решающим фактором доминирования в воздухе Испании. Эти и другие «технологические уроки» были тщательно изучены, что в дальнейшем позволило направить основные усилия на развитие скоростных истребителей-монопланов для военной авиации, отказавшись от разработки новых бипланов, а биплан И-15 начали использовать в качестве штурмовика. Несовершенство моторов советских истребителей стало лишь одним из факторов принципиального значения в «войне моторов». Будущие научные изыскания позволят установить, какие из технических характеристик самолетов, подобно авиационным двигателям, имеют ключевой характер для достижения победы в том или ином конфликте.

Среди 2083 советских добровольцев в Испании сражались 772 летчика, которые участвовали в создании и развитии военно-воздушных сил Испанской республики. Из 160 советских добровольцев, погибших в испанской войне, 99 человек являлись авиаторами. Прибытие в Испанию советских специалистов и поставки техники стали ключевыми факторами, позволившими республиканцам избежать падения Мадрида, а также навязать свое превосходство в небе.

ИСПАНСКОЕ ЗОЛОТО, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ

Франкистская пропаганда называла «золотом Москвы» часть резервов Банка Испании, которая во время Гражданской войны была вывезена в СССР. Тем самым она решала три задачи: обвинить республиканцев («отбросы нации», по словам Франко, произнесенным 17 июля 1944 г.) в предательстве Родины, оправдать трудности в испанской экономике и дать

⁴⁶ Об этом писала В. Малай. Также термин «война моторов» встречается в работе Ю. Рыбалкина. См.: *Rybalkin Yu. Stalin...* P. 109.

объяснение об отказе восстановить дипломатические отношения с СССР на протяжении всего срока существования режима франкизма.

В настоящее время большая часть этой истории известна. Республика перевела золотой резерв в валюту для оплаты поставок военной и гражданской техники. Примерно четвертая часть золота была продана Банку Франции, а почти все серебро — США. При этом победители в войне скрывали информацию о кредитах, которые предоставили им державы «Оси» и некоторые неиспанские компании. А банкир Хуан Марч выдал франкистам заем в сумме, близкой к стоимости золота, проданного во Францию⁴⁷.

Республиканское правительство столкнулось с пятью проблемами: с развалом вооруженных сил внутри страны с дезинтеграцией дипломатического корпуса за рубежом, с военной поддержкой мятежников фашистскими державами, с самоустранением западных демократий и закрытием арсеналов почти всех стран, к которым оно обратилось для приобретения оружия. Отправка золота во Францию началась 25 июля. Полученная за него компенсация в валюте была направлена весьма разношерстному кругу посредников в торговле оружием и самим продавцам, которые предоставили разнообразное вооружение, но часто плохого качества и почти всегда легкого типа. Единственные современные боевые самолеты поступили из Франции. Они прибыли — без вооружения и без требуемого топлива — до того, как вступила в действие политика невмешательства. Республика обратилась к Парижу, а также к правительствам Швеции, Швейцарии, Бельгии, США и даже Германии. Ко всем, за исключением СССР.

Когда Негрин возглавил Министерство финансов в первом правительстве Ларго Кабальеро, он в срочном порядке принял соответствующие меры. С 23 сентября по 6 октября 1936 г. он переправил золотой и серебряный запас (объем золота составил около 559 т) и банкноты Банка Испании в пороховые склады Альгамеки в Картахене, обеспечивавшие их более надежную сохранность, а также ускорил продажи золота во Францию и начал зондировать возможность отправки большей части остального золота в СССР.

Это было спорное решение. Но оно объяснялось четырьмя причинами: французские, английские и американские банки — корреспонденты Банка Испании, демонстрировали саботаж в отношении срочных переводов коммерческим агентам правительства или задерживали их выполнение; из Москвы исходили благоприятные сигналы, которые позволяли рассчитывать на поддержку; ситуация во Франции была нестабильна, из-за чего операцию невозможно было сохранить в тайне; возможность воспользоваться Лондонским межбанковским рынком после попытки, предпринятой в период с 1 по 16 октября, отпала⁴⁸.

⁴⁷ Viñas Á. Las armas y el oro. Palancas de la guerra, mitos del franquismo. Barcelona: Pasado&Presente, 2013. P. 358–370.

⁴⁸ Viñas Á. La soledad de la República. El abandono de las democracias y el viraje hacia la Unión Soviética. Barcelona: Crítica, 2006. P. 115–127, 210–213, 244–248, 275–276, 312–313.

Испанские дипломаты в СССР: Марселино Паскуа

Марселино Паскуа был послом в Москве с сентября 1936 по март 1938 г. Его преемник, профессор Мануэль Мартинес Педросо, сменил Паскуа в качестве поверенного в делах. Паскуа родился в Вальядолиде в 1897 г., а умер в эмиграции в Женеве в 1977 г. Доктор медицины и член ИСРП, в 1931 г. был вместе с Негрином депутатом кортесов от Лас-Пальмаса. Генеральный директор здравоохранения до 1933 г. Его тесная дружба с Негрином и рано пробудившаяся симпатия к зарождавшемуся Советскому Союзу способствовали его назначению, одному из наиболее значительных во всей сети республиканских дипломатических представительств.

Паскуа без особых проблем имел доступ к Сталину (что было исключением среди послов, аккредитованных в Москве) и к другим представителям советского руководства. Энергичный и увлеченный своим делом, он защищал испанские интересы, проявляя гибкость, твердость и хитрость. Из Мадрида его заблаговременно не известили о прибытии золота, но Паскуа сумел найти решение и в этой ситуации. Он всегда жаловался на нехватку испанских дипломатов в СССР, но держал правительство в курсе относительно всех проблем, влиявших на дело оказания советской помощи. Дипломат умело разрешал и весьма деликатные вопросы. Так, в 1938 г. он сумел убедить Сталина в том, что Негрин не мог обойтись без присутствия коммунистов в правительстве. Паскуа настаивал и на том, чтобы получить советский заем под 50% гарантию золотом — и добился своего. Он действовал довольно решительно и в отсутствие инструкций, на что впоследствии иногда жаловался председатель Совета министров Франсиско Ларго Кабальеро. В феврале 1937 г., после важнейшего совещания со Сталиным, Молотовым и Ворошиловым, Паскуа лично доложил правительству, находившемуся в Валенсии, об основных линиях развития советской политики по вопросу войны в Испании. После перевода в Париж, в июле 1938 г., он вернулся в Москву, формально — для официального прощания, а в действительности — для того, чтобы начать переговоры о советском займе, уже без гарантии золотом. Паскуа добился и этого, хотя и не без трудностей. Соответствующий договор был подписан Негрином и Марченко в январе 1939 г.

Работу Паскуа трудно подтвердить документами, так как в Испании его донесения не сохранились, а последний поверенный в делах, Висенте Поло, сжег те, что хранились в Москве, перед тем, как закрыть посольство и сдать его представителям СССР. Перед смертью Поло распорядился, чтобы доступ к бумагам, которые он ревностно хранил, смог получить профессор Анхель Виньяс. В настоящее время они находятся в Национальном историческом архиве в Мадриде. Вместе с Пабло де Аскарате, служившим в Лондоне, и Феликсом Гордоном Ордасом, послом в Мексике, Паскуа был одним из великих послов Республики. Никто из них не был профессиональным дипломатом.

Как писал Негрин спустя почти двадцать лет, советских руководителей это предложение застало врасплох. После получения принципиального согласия 6 октября Совет министров разрешил Ларго Кабальеро и Негрину поместить золото на безопасное хранение там, где они сочтут это наиболее целесообразным. Место не упоминалось. Негрин поставил этот вопрос перед Марселем Розенбергом 15 октября и вернулся к нему 17 октября⁴⁹. Уже 25 октября началась перевозка, выполненная четырьмя советскими судами. К повторной сверке в Москве приступили 5 ноября, спустя несколько дней после прибытия груза. Вопреки бытующим утверждениям золото не находилось в слитках, относящихся к временам завоевания Америки, а представляло собой массу современных монет различных стран, подвергнутых тщательному пересчету. Посол Паскуа сохранил подробное описание состава груза⁵⁰. Сверка была проведена максимально быстро. В начале февраля 1937 г. был оформлен окончательный акт приемки взамен временного от 20 ноября, а также другие дополнительные документы. У Паскуа сохранились копии, а два оригинала окончательного акта остались у Ларго Кабальеро и Негрина. Речь шла о 510 т золота (из них только 792 кг было в виде слитков), суммарно эквивалентных примерно 464,5 т чистого металла⁵¹.

Хуан Негрин

Еще 26 сентября 1936 г. Сталин принял решение об оказании помощи Республике поставками военной техники⁵². Ее первые партии начали поступать в начале октября, и о них не сообщалось ни Паскуа, ни республиканскому правительству. Отправка тяжелой техники (танки, самолеты, пушки и пр.) и боеприпасов к ней в первое время осуществлялась за счет депозита. Негрин дал ясно понять, что им разрешалось пользоваться по мере необходимости. Среди своих бумаг он бережно сохранил все отданные им распоряжения, из которых шесть первых были подписаны им вместе с Ларго Кабальеро. После того как он стал председателем Совета министров, сохранив портфель министра финансов, распоряжения подписывал только он. Когда в апреле 1938 г. Негрин ушел с поста министра финансов, он стал делать это вместе со своим преемником Франсиско Мендесом Аспе⁵³.

⁴⁹ *Viñas Á.* Las armas y el oro... P. 314, 322–332.

⁵⁰ См. об этом: *Viñas Á.* El honor de la República. Entre el acoso fascista, la hostilidad británica y la política de Stalin. Barcelona: Crítica, 2008. Apéndice documental en CD.

⁵¹ *Viñas Á.* La soledad... P. 124–129, 266–272.

⁵² *Рыбалкин Ю.* Операция X. Советская военная помощь республиканской Испании, 1936–1939 гг. М.: АНРО-XX, 2000. С. 29.

⁵³ *Viñas Á.* El oro español en la guerra civil. Madrid: Instituto de Estudios Fiscales, Ministerio de Hacienda, 1976. P. 198–210.

Достичь генерального соглашения о предоставлении займа со стороны СССР оказалось невозможно. Советское правительство предпочло за осуществлявшиеся поставки получить компенсацию в валюте. Золотые монеты были переплавлены, и общую стоимость золота установили по цене Лондонского межбанковского рынка, исходя из веса чистого металла. На счет Республики были отнесены расходы на перевозку, очистку, охрану, продажу, страхование, комиссионное вознаграждение банкам и т.д. плюс потери, как если бы это была стандартная торговая операция. Речь идет об общей сумме 523 млн долларов по курсу того времени, то есть примерно о 7 млрд до момента повышения цен на золото⁵⁴.

Стоимостной эквивалент был использован для оплаты военной (на сумму, едва ли превышающую 200 млн долларов) и гражданской техники. Остальная часть была переведена в виде валюты на счета, открытые в *Banque Commerciale pour l'Europe du Nord* (BCEN), являвшемся советской собственностью [дочерней организацией Госбанка СССР] и находившемся в Париже. Начиная с конца 1936 г. испанское правительство все более и более сосредоточивало в нем все свои международные переводы, делая это, помимо прочего, для того, чтобы затруднить английскому банку точное определение исходного звена в цепочке их поступления. Когда державы «Оси» в створе с мятежниками попытались добиться распространения принципа невмешательства на финансовые вопросы, они встретили железный отпор со стороны СССР и Франции.

Благоразумие решения Негрина обратиться к BCEN подтвердилось в ситуации с одной из самых потенциально опасных ловушек, которую один из англосаксонских банков сумел подстроить Республике. В то время, когда острый политический и военный кризис, приведший к смене правительства, сходил на нет, лондонский *British Overseas Bank* (БОВ) 4 апреля 1938 г. нашел надуманный предлог, чтобы отказаться от осуществления денежных переводов, обеспечивавших деятельность посольств и консульств. В один момент дипломаты и оперативные работники оказались лишены возможности получать заработную плату и оплачивать служебные расходы. С 5 по 7 апреля республиканский Банк Испании несколько раз обращался в BCEN, который 11 апреля наконец, в интересах испанского государства, согласился взять на себя операции, которые до этого проводил БОВ (и его предшественники). Невозможно определить, родилась ли идея этой «западни» в самом английском банке или она была подстроена по наущению какого-то иного участника данных финансовых операций. Впрочем, выбор вариантов ответа невелик⁵⁵.

Сроки использования валютной компенсации депозита в Москве были весьма сжатыми. Осенью 1937 г. правительство поставило вопрос о необходимости прибегнуть к советскому кредиту на сумму 150 млн долларов, даже если придется использовать в виде гарантии часть золота. Негрин наделил

⁵⁴ Viñas Á. El escudo de la República. El oro de España, la apuesta soviética y los hechos de mayo de 1937. Barcelona: Crítica, 2007. P. 217–250.

⁵⁵ Viñas Á. Al servicio de la República. Diplomáticos y guerra civil (Coord.). Madrid: Marcial Pons, 2010. P. 380–410.

Паскуа полномочиями для обсуждения условий. Работа была титанической, ибо, пусть даже советская сторона заявила о готовности предоставить помощь, нужно было разрешить бесчисленные проблемы финансового и технического характера, выдвигавшиеся различными коммерческими организациями. В тесном контакте с советским руководством, включая Сталина, и следуя инструкциям Негрина, которого он детально обо всем информировал, Паскуа добился выделения кредита на 70 млн долларов, половина которого выдавалась под обеспечение соответствующей долей золота, отделенной от основного депозита. Договор был подписан в Барселоне 7 марта 1938 г.⁵⁶

В июле того же года Негрин приказал Паскуа, назначенному послом в Париж, вернуться в Москву, чтобы официально проститься с советскими властями. Это было предлогом: на самом деле существовала угроза истощения депозита. Республика держалась благодаря резервам, накопленным в ВСЕН⁵⁷. Правительству пришлось пойти на продажу серебра американскому казначейству, но все равно требовалось еще от 75 до 100 млн долларов. Между тем общая обстановка того времени, омраченная надвигающимся чехословацким кризисом, была далеко не благоприятной.

В августе Паскуа сообщил Негрину уже из Парижа, что благодаря вмешательству Сталина перед его отъездом из Москвы были подготовлены все условия для кредитования на 50 миллионов. Эта сумма примерно соответствовала стоимости последних военных поставок, которые Сталин решил осуществить, при том что в течение года их объем поддерживался на очень низком уровне. По сей день неизвестно, по каким причинам договор о кредите не подписывался вплоть до 12 января 1939 г. Кроме того, невозможно понять, какая часть кредита оказалась потраченной, поскольку эта поставка, оценивавшаяся в 55 млн, не дошла до Каталонии полностью, хотя французы и вернули Советскому Союзу оставшуюся часть средств.

Общей сверки счетов между СССР и испанским правительством не проводилось. Осознавая неминувость признания Франко французским и британским правительствами, Негрин и Мендес Аспе послали ряд инструкций Паскуа и другим послам, в которых приказывалось обнулить остатки на официальных счетах в ВСЕН и перевести средства на личный счет бухгалтера по операциям с золотом (Педро Пра Лопеса), чтобы они не попали в руки победителей. Одни эти распоряжения выполнили, а другие — нет⁵⁸.

С тех самых дней, когда золото только перевозилось в Картахену, шпионы Франко всегда были в курсе хода операции. Им было известно и о его отправке в Москву: одно из поручений на перечисление средств за кредитование попало в их руки. Американская адвокатская контора, в которой работал будущий госсекретарь Джон Фостер Даллес, безуспешно пыталась помешать казначейству США в приобретении серебра. С 24 апреля по 22 сентября произошло 27 отгрузок⁵⁹.

⁵⁶ *Viñas Á.* El honor de la República... P. 156–158, 281–290.

⁵⁷ *Ibid.* P. 410–413.

⁵⁸ *Ibid.* P. 512–513.

⁵⁹ *Viñas Á.* Las armas y el oro... P. 353–358.

Испания в российских архивах: Российский государственный архив социально-политической истории

XX столетие было для России и Испании богатым на сложные и драматические события. Одним из возможных путей изучения событий XX в. является история III (Коммунистического) интернационала, документы которого за 1919–1943 гг. хранились в Москве, в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. После августовских событий 1991 г. этот архив получил название «Российский центр по хранению и изучению документов новейшей истории», а его современное название — «Российский государственный архив социально-политической истории» (РГАСПИ). В начале 1990-х гг. архив Коминтерна открыли, и значительная часть его документов стала доступна для изучения как отечественным, так и иностранным исследователям.

Во время Гражданской войны в Испании в рядах республиканской армии сражались интернациональные бригады и соединения — боевые отряды иностранных добровольцев-антифашистов, прибывших из более чем 50 стран. Среди них были рабочие, крестьяне, кадровые военные, представители интеллигенции и многие другие. Решение сформировать интернациональные бригады было принято Исполкомом 18 сентября 1936 г. Своим решением Исполком оформил директивы советского партийного руководства. В РГАСПИ, в фонде 545, хранятся многочисленные документальные материалы, отражающие деятельность интернациональных бригад и соединений. Документы из этого фонда относятся к числу весьма ценных источников для изучения истории Гражданской войны в Испании, они представлены на более чем 20 языках. Основной их язык — испанский, но встречаются материалы на французском, английском, немецком, польском, русском и других языках. Весь фонд 545 состоит из шести описей. В четвертую опись включены документальные материалы бывших добровольцев интербригад, оказавшихся интернированными в специальных лагерях на территории Франции и Северной Африки после вывода в 1938 г. интернациональных сил из Испании. В пятой описи, под названием «Фотографические документы интербригад республиканской армии Испании», находятся фотоматериалы, в основном охватывающие период с 1936 по 1938 г., но встречаются и фотографии, датированные более поздним временем. Особый интерес представляют довольно редкие фотографии деятелей культуры различных стран с добровольцами интербригад; среди них Эрнест Хемингуэй, Анна Зегерс, Михаил Кольцов, Эрнст Буш и др.

Документы размещены на сайте фонда в отсканированном виде: РГАСПИ. Ф. 545. Интербригады республиканской армии Испании: <http://interbrigades.inforost.org/>. Оцифрованы все описи, кроме пятой, в которой находятся фотографии. Фотодокументы доступны исследователям в читальном зале архива.

Долгими были и французские судебные процессы по поводу возможности вывоза остатка золотого депозита, открытого в 1931 г. в качестве обеспечения кредита, который Банк Франции предоставил Испании для покрытия издержек, возникших из-за девальвации франка. Адвокаты мятежников сумели так затянуть вынесение решения, что в конце концов средства были переданы победителям⁶⁰. Этот возврат скрыл факт существования «золота Франции».

В 1955 г. в посольства нескольких западных стран в Мадриде испанское правительство передало вербальные ноты, в которых было сказано, что в партиях советского золота, выставленных недавно на продажу, могло находиться и испанское золото⁶¹. Источник информации не установлен, и достоверность этих данных маловероятна. В российских архивах находятся документы, подтверждающие, что в 1937 г. Советский Союз отправил в Лондон золото для переплавки в слитки, проба которых соответствовала западным стандартам⁶². По всей видимости, именно так и закончила свое существование большая часть испанского золота.

В 1956 г. сын Негрина передал испанскому правительству документацию, раскрывающую подробности функционирования депозита. Франко тогда выступил с заведомо ложным заявлением о том, что располагает документами, необходимыми для предъявления требования о возврате золота. Миф о «золоте Москвы» вновь всколыхнул международную прессу и спровоцировал в апреле 1957 г. полный ошибок и неточностей ответ газеты «Правда». Время научного исследования этой проблемы наступило только через двадцать лет.

ИСПАНСКИЕ КОММУНИСТЫ И СССР

Годы Гражданской войны. Вторая Республика положила конец «боевому периоду» в истории испанского коммунистического движения⁶³. Бесперспективность беспорядочного насилия, новые возможности легальной политической деятельности, обновление партийного руководства с появлением новых харизматичных лидеров — Хосе Диаса, Долорес Ибаррури «Пасионарии», Хесуса Фернандеса, — отказ от сектантских взглядов и, наконец, поворот к союзам с разными политическими движениями и установка на создание народных антифашистских фронтов, провозглашенная в 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна, — все это ослабило левацкий радикализм Коммунистической партии Испании, создав основу для становления партии как массовой организации⁶⁴.

⁶⁰ *Viñas Á.* El oro español... P. 375–390.

⁶¹ *Viñas Á.* Las armas y el oro... P. 181–182.

⁶² *Viñas Á.* El escudo de la República... P. 382–385.

⁶³ См. подробнее главу «Первая мировая война и политический кризис в России и Испании».

⁶⁴ *Cruz R.* El Partido Comunista de España en la Segunda República. Madrid: Alianza Editorial, 1987.

Долорес Ибаррури

Всего за несколько лет между восстанием в Астурии в октябре 1934 г. и ключевым периодом Гражданской войны (1936–1937) КПИ из крайней периферийной партии превратилась в главную политическую силу Республики. Отказавшись от сектантской стратегии «классовой борьбы» и примкнув к правительству Народного фронта, КПИ перешла на более прагматичные позиции и стала политическим ориентиром для рабочего класса. Воодушевленная поддержкой

Москвы, партия развернула эффективную агитацию по социальным проблемам (положение заключенных, содержащихся в тюрьмах после Астурийского восстания, и членов их семей; условия жизни сирот; повышение стоимости жизни; выселение неплательщиков и т.п.). После начала Гражданской войны КПИ активно выступала за организацию народной армии, за централизованное управление военной экономикой, за строгую дисциплину в тылу.

Гражданская война стала временем наивысшего влияния коммунистического движения на Пиренейском полуострове. Благодаря поставкам вооружений из Советского Союза, оплаченных золотом Центрального банка, кампании международной солидарности с Республикой, воплощением которой стали добровольческие интернациональные бригады, поддержкой СССР и Компартии достигла в Испании небывало высокого уровня. Вопреки пропаганде времен «холодной войны», КПИ не стала марионеткой Сталина и Москвы, которой управляли агенты Коминтерна. Несомненно, «наставники» из Коминтерна приложили все усилия для того, чтобы направлять своих испанских товарищей и руководить их действиями. В 1937 г. на замену Викторю Кодовилье прибыли новые делегаты — болгарин Стоян Минев («Степанов») и итальянец Пальмиро Тольятти. Однако Советский Союз не был заинтересован в том, чтобы превратить Испанию в своего сателлита. Москва стремилась не допустить, чтобы испанская война расшатала систему европейской коллективной безопасности, которую СССР так долго создавал. Советское руководство рассчитывало на союз с Францией и через нее — с Великобританией, для того чтобы сдерживать экспансию Германии или в крайнем случае заставить Гитлера сражаться на два фронта. Гражданская война ослабляла систему коллективной безопасности и ставила под угрозу сближение Сталина с западными демократиями. Главная цель деятельности представителей Коминтерна заключалась в том, чтобы сдерживать развитие испанского конфликта и не допустить разрастания революции, и на этом пути они столкнулись с множеством проблем⁶⁵.

⁶⁵ Hernández Sánchez F. Guerra o revolución. El PCE en la guerra civil. Barcelona: Crítica, 2010.

Период франкизма. После поражения республиканцев в Гражданской войне коммунисты были вынуждены либо выживать в режиме жестоких репрессий в Испании, либо отправиться в длительное изгнание. Испытав на себе «политику невмешательства», испанцы по сравнению с другими компартиями менее болезненно восприняли советско-германский пакт о ненападении, заключенный в августе 1939 г., и поэтому КПИ не испытала серьезных внутренних разногласий. Испанских изгнанников приняли Франция (до германской оккупации), Мексика и СССР. Руководящее ядро КПИ обосновалось в Москве. Испанские коммунисты пережили все перипетии Второй мировой войны, трагическую блокаду Ленинграда, оборону Москвы и битву за Сталинград. Несколько тысяч защитников Испанской Республики применили боевой опыт, приобретенный в Испании, для защиты СССР, сражаясь в рядах Красной Армии и в партизанских отрядах. Узы военного братства крепко связали испанских коммунистов и Советский Союз, и целое поколение их долго сохраняло преданность советским идеалам⁶⁶.

Хосе Диас

Коммунисты активно участвовали в движении Сопротивления и в подпольной борьбе в Испании; в результате французская и испанская части партии стали развиваться автономно друг от друга. Весной 1944 г., когда мировая война подходила к концу, руководство КПИ сделало все возможное, чтобы восстановить единый контроль над организацией. После открытия второго фронта Сантьяго Каррильо, молодой многообещающий лидер, приехал во Францию, чтобы взять руководство партией на себя и осуществить замену руководства, состоявшего из участников Сопротивления. Его цель состояла в том, чтобы утвердить в деятельности партии принципы Ялты — раздел сфер влияния [между СССР и западными державами] сначала в Европе, а потом и во всем мире. Уже чувствовалась атмосфера приближавшейся «холодной войны», когда в западных странах коммунистическое движение станет рассматриваться как проявление политического противостояния.

Прочность связей между КПИ и КПСС привела к тому, что КПИ солидаризировалась с положениями, выработанными на учредительной конференции Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ), хотя ее представители туда не были приглашены. В 1948 г., когда Советский Союз разорвал отношения с Югославией, КПИ, вопреки традиционной симпатии испанских коммунистов к югославскому лидеру,

⁶⁶ *Hernández Sánchez F.* Los años de plomo. La reconstrucción del PCE bajo el primer franquismo. Barcelona: Crítica, 2016.

который во время Гражданской войны принимал участие в создании интернациональных бригад, без колебаний поддержала советскую позицию, направленную против «балканского коммунизма» Иосипа Броз Тито. На позицию КПИ не повлияли ни расколы в социалистическом лагере, такие как события в Венгрии в 1956 г., ни кардинальный поворот в международном коммунистическом движении после смерти Сталина, ни разрыв отношений между СССР и Китаем при Мао Цзэдуэне.

В 1960-е гг. под влиянием особенностей развития испанского общества — внедрения западной экономической модели, американских инвестиций, наличия ресурсов и человеческого капитала (молодых и дисциплинированных людей), развития туризма, миграционного процесса, урбанизации и мировоззренческих изменений — КПИ адаптировалась к новым условиям борьбы против диктатуры Франко, отличным от 1930-х гг. Советская модель, которая после отставки Хрущева быстро вступала в период застоя, давно утратила свою привлекательность. Поколение молодых людей, родившихся во время послевоенной реконструкции, воспринимало западную контркультуру, маоистскую риторику или вдохновлялось примером антиимпериалистической партизанской борьбы. Среди рабочего класса преобладали социал-демократические идеи социальной справедливости. В отсутствие гражданских свобод КПИ, используя свое влияние в Рабочих комиссиях, в студенческих организациях, движении гражданского неповиновения и в кругах деятелей культуры, превратилась в главную силу оппозиции франкизму. Однако ее стратегия, направленная на завоевание политической гегемонии, столкнулась с непреодолимыми препятствиями, такими как вторжение стран Варшавского договора в Чехословакию и конец Пражской весны. Независимость от Москвы стала насущной необходимостью⁶⁷. С 1968 г. и до периода перехода к демократии, когда наступил заключительный кризис партии, КПИ делала ставку на постулаты еврокоммунизма, избрав третий путь — между капитализмом и ортодоксальным коммунизмом, подобно итальянским и, в меньшей степени, французским коммунистам.

СССР В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ИСПАНИИ: ОБРАЗ И «МИФ» МОДЕРНИЗАЦИИ

В 1930-е гг. в Испании стали распространяться политические и культурные образы самого разного происхождения, которые во многом ассоциировались с СССР. Часть этих образов была основана на сформированных еще ранее шаблонах. Как указывает Рафаэль Крус, русофильство и русофобия существовали и до 1917 г.: в устоявшихся стереотипах представление о диком, далеком народе уживалось с идеей своеобразия и странности. В зависимости от европейского политического контекста (наполеоновские войны, период Реставрации, либерализм против неограниченной власти

⁶⁷ *Claudin F. Santiago Carrillo, crónica de un secretario general. Barcelona: Planeta, 1982.*

царей и т.д.) народ-угроза преобразался в народа-спасителя; стереотипные ориенталистские представления об азиатском духе соотносились с восхищением русской литературой и русской музыкальной классикой XIX столетия⁶⁸.

Но эта система стереотипов была расшатана революционными событиями 1917 г., в первую очередь Октябрьской революцией, когда после захвата власти большевиками возник новый режим. Определяющую роль сыграл событийный контекст: Первая мировая война и ее последствия, потрясшие европейское и мировое сознание; ощущение кризиса и перемен, переживаемое миром, и страстное желание возрождения, на основе которого уже появлялась новая, альтернативная модель общества. Революция и установленный ею режим вызвали к жизни огромное количество образов и текстов, которые в одних случаях продолжали отражать традиционные стереотипы или подгонялись под них, но по большей части в Европе и в западном мире в целом порождали новые политические мифы, невероятно устойчивые и долговечные. В основе этих мифов лежала реакция, с которой относились к событиям 1917 г.: чувство отторжения, страха, угрозы, характерное для консервативных кругов, или надежда и энтузиазм, с которыми революцию встречали левые силы и большинство представителей рабочего движения.

Испания не стала исключением. С конца 1918 — 1919 гг. здесь начали складываться подобные противоположные стереотипы⁶⁹. В период так называемого «большевистского трехлетия» (1918–1920) и общественного брожения, характерного для Испании тех лет, упоминание России служило для того, чтобы вытащить на поверхность тот или другой стереотип. Все последующие годы отношение к России и к тому, что происходило там (сформированное книгами, рассказами путешественников, очерками, газетными статьями, публичными выступлениями и т.д., в различных средствах пропаганды, как положительной, так и отрицательной), служило определению политической идентичности, завоеванию политических симпатий и призывов к действию⁷⁰. С того времени политические события в Испании интерпретировались исходя из отношения к России. И сторонники, и хулители видели в том, что произошло или происходило в России, отражение политической обстановки в самой Испании или, точнее, то, что с ней могло бы произойти. Это зеркало воплощало идеальный открывающийся горизонт возможностей

⁶⁸ Cruz R. ¡Luzbel vuelve al mundo! Las imágenes de la Rusia soviética y la acción colectiva en España // Cultura y movilización en la España contemporánea / R. Cruz y M. Pérez Ledesma (Eds.). Madrid: Alianza Editorial, 1997. P. 273–275.

⁶⁹ Avilés Farré J. La fe que vino de Rusia. La revolución bolchevique y los españoles (1917–1931). Madrid: Biblioteca Nueva-UNED, 1999; García H. Historia de un mito político: el *peligro comunista* en el discurso de las derechas españolas (1918–1936) // Historia Social. 2005. No. 51.

⁷⁰ Navarra A. El espejo blanco. Viajeros españoles en la URSS. Madrid: Fórcola, 2016. P. 11–26; Egidio León M^a de los Á. Del paraíso soviético...; Cruz R. ¡Luzbel!...; Avilés Farré J. La fe...

или катастрофические пророчества. Таким образом, сформировались две непримиримые версии политического мифа о русской революции и советском режиме⁷¹.

Эти версии и связанные с ними образы, как и мифические шаблоны, в которые они были «вложены», продолжали оставаться в силе и после провозглашения в апреле 1931 г. Второй республики⁷². Это уже проявилось в апреле в процессе избирательной кампании по муниципальным выборам, хотя в течение первых двух лет Республики упоминания о Советском Союзе не были очень частыми. Но активизация международного фашизма и большевизация Социалистической партии в 1933–1934 гг., как и события октября 1934 г., содействовали увеличению присутствия СССР и советской революции в политических дебатах⁷³. В то время как правые силы распространяли апокалиптическую идеологию (влиятельную для оправдания военного переворота в июле 1936 г.), в текстах, взглядах и чувствах разных групп испанских левых возобладал феномен «советизации»⁷⁴.

На левые круги интенсивно влияла советская пропаганда, транслируемая такими организациями, как ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей), Коммунистический интернационал, а также самой Коммунистической партией Испании, хотя масштабы их деятельности все еще оставались минимальными. Кроме того, в Испании с 1933 г. начала функционировать Ассоциация друзей Советского Союза, сыгравшая в дальнейшем свою особую роль. С другой стороны, важное место занимала и культурная деятельность, которую вела в эти годы испанская коммунистическая интеллигенция (в том числе выдающиеся деятели культуры Рафаэль Альберти, Мария Тереса Леон и Жозеп Ренау) через журналы *Octubre*, *Nueva Cultura* и *Nuestro Cinema*, а также через такие общественные организации, как, например, Ассоциация революционных писателей и художников (АРПХ), через издательскую деятельность и работу по распространению советского кино⁷⁵. В основе восприятия СССР почти всегда лежала политическая интерпретация, основанная на приятии или неприятии двух вышеупомянутых устойчивых стереотипов. Тем не менее в целом культурное и общественное восприятие образов Советского Союза в 1920-е — 1930-е гг. в Испании было явлением гораздо более сложным.

⁷¹ Faber S. “Es la hora de la claridad dogmática”. El impacto de la Revolución rusa en la cultura política española // 1917. La Revolución rusa cien años después / J. Andrade y F. Hernández Sánchez (Eds.). Madrid: Akal, 2017.

⁷² Egido León M^a de los Á. Del paraíso soviético...

⁷³ Cruz R. ¡Luzbel...; Egido León M^a de los Á. Del paraíso soviético...

⁷⁴ Navarra A. El espejo blanco... P. 11.

⁷⁵ Elorza A., Bizcarrondo M. Queridos camaradas. La Internacional comunista y España, 1919–1939. Barcelona: Planeta, 1999. P. 79–99; Kowalsky D. La Unión Soviética y la guerra civil española. Barcelona: Crítica, 2003. P. 133–152; Cruz R. El arte que inflama. La creación de una literatura política bolchevique en España, 1931–1936. Madrid: Biblioteca Nueva, 1999. Об óАДСС см.: Garrido Caballero M. Compañeros de viaje. Historia y memoria de las Asociaciones de Amistad Hispano-Soviéticas. Murcia: Editum, 2009.

К 1930 г. в Испании сформировалась так называемая «культурная русомания» — любопытство и интерес к СССР, — которая в определенной степени была идеологически универсальной. Это «очарование» с годами только усилилось. Его очевидным свидетельством в конце 1920-х гг. стало возрождение «моды» на книги, рассказы и очерки о путешествиях в СССР (подобную моду Испания переживала и ранее, сразу после революции), но которые содержали уже новые впечатления, полученные от испанских обозревателей и путешественников, придерживавшихся самых разных взглядов⁷⁶. Другим показателем стал издательский бум, начавшийся с конца диктатуры Примо де Риверы, который проявился не только в публикации упомянутых рассказов путешественников, но также и в издании переводов российских и советских авторов, произведений об СССР в целом, марксистской литературы и т.д. в таких издательствах левого толка (но и не только в них), как *Historia Nueva, Oriente, Cénit, Zeus* и др. В принципе, как указал Х. Гусман, СССР стал своего рода особой темой в испанской литературе. С другой стороны, то же самое в годы Второй республики происходило и в прессе, когда, по мнению А. Эхидо, «не было ни одной испанской газеты, ни журнала 30-х гг., которые бы не писали под тем или иным предлогом о событиях в России». Доказательством этому могут служить многочисленные репортажи о различных сторонах советской жизни, появившиеся в культурных и научных журналах преимущественно левого направления⁷⁷.

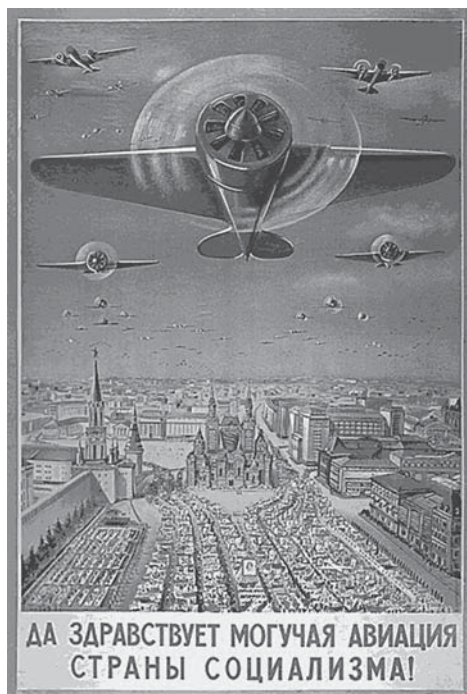
Увлечение советскими «новшествами» повлияло на искусство и литературу, включая авангард в изобразительном искусстве, агитпроп (например, в плакатах) в театре и музыке; все это также было связано с темой «преобразования» в самом широком смысле этого слова. Важное место здесь занимало кино. Несмотря на то что в годы Республики еще существовали некоторые ограничения по его свободному распространению в Испании, дорога в этом направлении уже начала прокладываться: фильмы, снятые в СССР, вызвали большой интерес и оживленные дискуссии в книгах, газетах, журналах и на различных встречах⁷⁸.

Как подчеркивает А. Наварра, «руссофилия» в эти годы, как правило (до окончательного разделения страны после июля 1936 г.), не ассоциировалась с какой-либо партийной принадлежностью. Это доказывают и некоторые рассказы о поездках в СССР, авторы которых подчеркивали, что старались

⁷⁶ Выражение «культурная русомания» встречается в кн.: *Navarra A.* El espejo blanco... P. 20 (особенно P. 14–15). В ней представлены цифры из различных источников о количестве книг и очерков, написанных испанцами, посетившими СССР в эти годы, а также упоминается литература об СССР, появившаяся тогда в Испании. См. также: *Guzmán Mora J.* La imagen de la Unión Soviética a través de la prensa en la Guerra Civil española: “Destino” y “Hora de España” // Castilla. Estudios de Literatura. 2017. No. 8. P. 459–466; *Egido León M^a de los Á.* Del paraíso soviético... P. 140–141; *Avilés Farré J.* La fe... P. 283.

⁷⁷ *Guzmán Mora J.* La imagen... P. 461 (особенно P. 459–466). Об издательствах см.: *Elorza A., Bizcarrondo M.* Queridos camaradas... P. 83–88, а также: *Cruz R.* El arte... P. 39–43.

⁷⁸ *Kowalsky D.* La Unión Soviética... P. 133–152.

«Да здравствует могучая авиация страны социализма!». Плакат

306

в СССР». Так, изучение переписки, которую обычные испанцы вели с ВОКС, запрашивая различную информацию об СССР, не только подтверждает существование к нему интереса в Испании, но и показывает, какой образ СССР у них сформировался, как они себе его представляли: «Для самих испанцев СССР мог воплощать самые разные аспекты: являться прототипом удавшейся революции, единственным непреклонным врагом фашизма, свободной страной с равенством полов, новым уровнем медицины и науки, а также образцом авангарда в искусстве. Некоторым испанцам, которые чувствовали себя обманутыми великой политической и социальной борьбой эпохи — за модернизацию, демократию и равенство, — казалось, что Советский Союз предлагает им ответы на все эти вопросы»⁷⁹.

Таким образом возникали разнообразные ожидания, что могло использоваться (и безусловно использовалось) в целях пропаганды самим СССР и его сторонниками в Испании. Но в большинстве случаев эти ожидания были связаны со страстным желанием новизны и преобразований в самом общем смысле. В обстановке 1930-х гг., характеризовавшейся политической нестабильностью демократий и усилением фашизма (для которого

объективно рассказать, что они там видели. Еще одним свидетельством является одно только перечисление подписей политиков, писателей и ученых консервативного толка (они либо уже были таковыми на указанный момент, либо станут ими в скором будущем): Пио Бароха, Грегорио Мараньон, Диего Идальго, Хасинто Бенаvente и др. — под учредительным манифестом Ассоциации друзей Советского Союза, появившимся в феврале 1933 г. Наварра объясняет эту позицию существованием своего рода «вектора перерождения», который направлял их интерес в сторону СССР, или импульсом новаторства, исходившим от этой новой страны⁷⁹.

По мнению Д. Ковальски, «любопытство, которое вызывало коммунистическое государство, простиралось дальше политической ориентации и концентрировалось на социальных, научных и культурных нововведениях, которые внедрялись

⁷⁹ Navarra A. El espejo blanco... P. 20–21.

⁸⁰ Kowalsky D. La Unión Soviética... P. 146.

СССР превратился в непокоренную крепость), глубоким кризисом капитализма, пример Советского Союза, казалось, использовался в качестве действенной и обнадеживающей альтернативы в ситуации истощения, разрухи и неопределенности.

Поскольку подробности жестоких сталинских репрессий были неизвестны или о них имелось достаточно размытое представление, Советский Союз конца 1920-х — 1930-х гг. (т.е. СССР периода пятилеток, стабильного режима правления после революции, полномасштабного индустриального развития и аграрной коллективизации) представлял собой возможную и успешную альтернативу в экономике, социальной и культурной жизни. И именно на эти сферы была направлена советская или коммунистическая пропаганда. Так, например, на фоне безработицы, закрытых предприятий и экономического кризиса

СССР предлагал полную занятость, повсеместную индустриализацию и механизацию сельского хозяйства. В Испании тогда появилось множество репортажей о советской экономике, о различных аспектах социальной и культурной жизни, не затрагивавших политических вопросов. А в некоторых рассказах путешественников или газетных статьях признание достижений в этих областях могло сочетаться и с осуждением политического режима.

Испанские журналы, газеты, книги и брошюры, особенно левого толка (от республиканских до анархистских), посвящали СССР тысячи и тысячи страниц; традиционными были экономические темы, социальные достижения, культурный и научный прогресс. Как указывают А. Элорса и М. Бискаррондо, «восхищение» в этом случае было постоянным⁸¹. Советский Союз был раем технических достижений, а трактор стал их символом, примером техники не только сегодняшнего дня, но и будущего. Образ трактора и механизация стали одним из самых эффективных мотивов, встречающихся в представлениях об СССР тех лет. Такое же отношение было и к науке: пресса изобиловала статьями о советских ученых и о достижениях в науке в целом, в медицине и пр. Почти никогда в отвлеченном смысле, но почти всегда — в применении к повседневной жизни. В целом восхваление советского научного и технологического прогресса было постоянным.

«Книги — источник знания». Плакат

⁸¹ Elorza A., Bizcarrondo M. Queridos camaradas... P. 88–95.

Что касается общественной жизни, еще одной традиционной темой было положение женщин в Советском Союзе. Всегда подчеркивалась их растущая эмансипация, независимость в работе и повседневной жизни, равенство полов, регулирование аборт и т.п. — все эти вопросы вызывали обширные дискуссии в Испании 1930-х гг. Кроме того, появлялись репортажи, посвященные системе образования, культурному влиянию СССР и пр. Все эти представления и образы, ассоциировавшиеся с прогрессом и возрождением, в те годы оказались особенно привлекательными для многих молодых испанцев, что со временем привело к значительной политической поддержке Советского Союза. По мнению Ковальски, «СССР покорило воображение многих молодых и беспокойных испанцев. И превратился в образец общества, основываясь на котором некоторые люди надеялись изменить свое национальное и личное самосознание»⁸².

Х. Грэм указывает, что с 1920-х гг. «некоторые либеральные и прогрессивные слои общества уже ассоциировали с Советским Союзом понятия технологической и культурной модернизации, хотя и без конкретных политических аффилиаций». Она подчеркивает, что восприятие СССР как образца модернизации в Испании в 1920-е — 1930-е гг. (при этом необходимо помнить, каким был мир до Гражданской войны в Испании, обстановку времен «холодной войны» и ясно понимать масштабы репрессий сталинского режима) в некотором смысле похоже на то, что начиная с 1950-х гг. представляли для испанцев США, а именно: олицетворение стремлений к прогрессу, к социальному и экономическому развитию, что было прекрасно спародировано Луисом Гарсиа Берлангой и Хуаном Антонио Бардемом в фильме «Добро пожаловать, мистер Маршалл»⁸³.

Возможно, именно это поможет понять «русофилию», имевшую место в Испанской республике во время Гражданской войны 1936–1939 гг., с другой точки зрения: она не была результатом некоего навязывания идей и пропаганды, не была и результатом разлывшей симпатии, вызванной действительной помощью, которую СССР оказал Республике, — это было более сложное явление, связанное с длительным воздействием обозначенных выше образов и их восприятием. В определенном смысле и без очевидного политического манипулирования со стороны коммунистов и самого Советского Союза, эта «русофилия» стала причиной интереса в те годы к вопросам, связанным с модернизацией и возрождением, материальным прогрессом, а также с социальными и культурными достижениями. Часто эта «русофилия», которая выражалась также в подражании в одежде, предметах быта, элементах визуальной культуры и т.д., выходила далеко за пределы конкретных политических симпатий⁸⁴.

⁸² Kowalsky D. La Unión Soviética... P. 131–132; Elorza A., Bizcarrondo M. Queridos camaradas... P. 83.

⁸³ Graham H. Breve historia de la guerra civil. Madrid: Espasa Calpe, 2006. P. 82–84.

⁸⁴ Kowalsky D. La Unión Soviética...; Puigsech Farràs J. El imaginario de la Revolución rusa en la Guerra Civil Española // 1917. La Revolución rusa... Об образе Испании в СССР см.: Novikova O. Las visiones de España en la Unión Soviética durante la guerra civil española // Historia del Presente. 2008. No. 11.

ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА И СССР: КУЛЬТУРНЫЕ и НАУЧНЫЕ СВЯЗИ

Приход к власти коалиционного республиканского правительства в Испании в апреле 1931 г. наметил линию на сближение двух стран на государственном уровне. Политические отношения выстраивались долго и трудно, однако культурные контакты заметно активизировались. Власть получила интеллигенция из круга, оппозиционного режиму Примо де Риверы, которая еще в 1920-е гг. присматривалась к Советской России. Членами кортесов стали Мигель де Унамуно, Хосе Ортега-и-Гассет, Сальвадор де Мадарьяга, Грегорио Мараньон, Родриго Сориано и др. Испанцы плохо представляли себе, что происходило в те годы в СССР, и Россию они сравнивали, по словам одного из авторов либеральной газеты *El Sol*, с «Меккой, где зарождаются источники будущей испанской политики»⁸⁵, потому что там проводились реформы в интересах народа. Не все они принимали советский строй, но многие были однозначно уверены в пользе сотрудничества в различных областях культуры.

Сложный и длительный процесс установления дипломатических отношений между двумя странами восполнялся возникновением испанских общественных организаций, стремившихся к культурному сотрудничеству с СССР. С установлением Республики по всей Испании стали появляться Общества дружбы с Советским Союзом, которые весной 1933 г. объединились в Ассоциацию друзей Советского Союза (АДСС). Ее возглавил писатель Рамон дель Валье-Инклан. Манифест о ее создании подписали члены Национального комитета Ассоциации, деятели науки и культуры: писатели, поэты, журналисты, врачи, юристы, профессора университетов, художники, скульпторы, музыканты, которые подчеркивали, что вновь созданная организация призвана содействовать появлению беспристрастной информации о Советской стране. АДСС вошла в Международный комитет Союза друзей СССР как испанская секция, которую возглавил Федерико Гарсиа Лорка. С приходом к власти правых республиканцев в ноябре 1933 г. АДСС была закрыта, и только после победы Народного фронта деятельность Ассоциации смогла возродиться⁸⁶.

Организационные формы постепенно приобретали и контакты в области науки. В Мадриде в 1931 г. при Центре исторических исследований был создан Испано-славянский комитет. Президентом этой общественной научной организации стал известный ученый Рамон Менендес Пидаль; в нее вошли многие видные деятели культуры — историк Рафаэль Альтамира-и-Кревеа, историк и философ Грегорио Мараньон, писатель Луис Сулуэта. Организация, существовавшая за счет членских взносов, открыла курсы русского языка, проводила лекции

⁸⁵ El Sol. 25.04.1934. P. 7.

⁸⁶ Кулешова В.В. Испания и СССР... С. 127–142, 192–199; Garrido Caballero M. De la Revolución de Octubre a la Rusia Soviética: Impresiones desde España a través de crónicas periodísticas y libros de viajes // Sociología Histórica. 2017. No. 8. P. 250.

Рамон Менендес Пидаль

по славянскому фольклору и основала Славянскую библиотеку в Мадриде⁸⁷.

Политический кризис, который Испания переживала с конца 1920-х гг., и установление Республики побудили советских ученых вернуться к исследованиям по испанской истории, практически не развивавшимся со времен дореволюционных работ Пискорского и Трачевского⁸⁸. Появились работы, в которых события испанской истории XVIII–XIX вв. излагались в марксистско-сталинском идеологическом ключе⁸⁹. Советские искусствоведы продолжили традицию изучения «старого искусства» Испании, сосредоточив внимание на творчестве Мурильо, Сурбарана, Эль Греко и Гойи. Наследие дореволюционных историков искусства приняла Ксения Малицкая, выпустившая в

начале 1930-х гг. ряд работ об испанских художниках, а вскоре вышла ее книга и несколько научных статей по архитектуре Испании⁹⁰.

Важную роль в развитии науки сыграла и активизация научных контактов, начатых еще в 1920-е гг., и возможность обмена опытом на различных международных мероприятиях. В первой половине 1930-х гг. в Испании проводился ряд важнейших научных конгрессов, куда были приглашены и советские ученые. На II Международном конгрессе отоларингологов в 1932 г. выступил советский микробиолог Петр Беликов, на Международном конгрессе по раковым заболеваниям в октябре 1933 г. среди советских участников были такие корифеи советской медицины, как рентгенолог Михаил Неменов, основоположник советской онкологии Николай Петров, а также создатель советской вирусологии Лев Зильбер. Советский биолог, профессор Ленинградского университета Михаил Римский-Корсаков участвовал в VI Международном энтомологическом конгрессе в 1935 г.⁹¹ Испанцы также

⁸⁷ ABC. 22.01.1931. P. 46; ABC. 14.02.1931. P. 24; El Socialista. 23.02.1932. P. 4.

⁸⁸ См. главу «Русское открытие Испании» в XIX веке».

⁸⁹ *Лившиц С.* Основные этапы истории Испании // *Борьба классов.* 1936. № 10. См. также: *Юрчик Е.Э.* История Испании XVIII–XIX вв. в советской историографии 1930-х — 1950-х гг. // *Электронный журнал «История».* 2018.

⁹⁰ *Морозова А.В.* К.М. Малицкая (1890–1969) — отечественный историк испанского искусства // *Вестник СПбГУ.* Сер. 2. 2011. Вып. 1. С. 107–114; *Она же.* Этапы изучения испанской архитектуры в России // *Испания и Россия: исторические судьбы...* С. 534.

⁹¹ El Sol. 30.09.1932. P. 3; *Кулешова В.В.* Испания и СССР... С. 112–114.

стали чаще появляться в советских университетах и в институтах Академии наук СССР. В 1933 г. в Советский Союз приезжал профессор права Орасио де Кастро, который уже через год издал в Мадриде книгу «Принципы советского права»⁹². В состав испанской делегации на XV Международном физиологическом конгрессе (Москва–Ленинград, август 1935 г.) входили профессора медицины Хуан Негрин, через два года ставший премьер-министром Испанской республики, и Россенд Карраско Формигера⁹³. В 1932 г. Советский Союз посетил крупный деятель системы здравоохранения, социалист Марселино Паскуа, приехавший в следующий раз в Москву в сентябре 1936 г. уже в качестве испанского посла. Советское здравоохранение произвело на Паскуа большое впечатление, о чем он написал в ряде статей в газете *El Socialista*, отмечая, что вопросам медицинской помощи и гигиены «Советы уделяют серьезное и постоянное внимание и предпринимают значительные усилия по ее совершенствованию, что производит глубокое впечатление на гостей этой страны. [...] Советское здравоохранение имеет характер социальный и профилактический. [...] И сами рабочие его организуют и им управляют, причем медицинские услуги доступны и бесплатны для всего населения»⁹⁴.

Оживились и контакты в области театра и кино. Еще в 1920-е гг. испанские театральные деятели, знакомясь с русским драматическим искусством, перенимали опыт новых советских театров под руководством Евгения Вахтангова, Александра Таирова, Всеволода Мейерхольда, и в 1929 г. в Испании вышел сборник пьес «Русский революционный театр»⁹⁵. В начале 1930-х гг. в Испании развернулось движение за новый народный театр, обратившееся к российскому театральному опыту. Практически сразу после установления республики Лорка создал передвижной театр «Ла Баррака», считая его средством непосредственного общения с народом⁹⁶. Возникали и самодеятельные театры, где были поставлены произведения Максима Горького, из которых особой популярностью пользовалась пьеса «На дне» (1933)⁹⁷. В 1935 г. в театре Росалес прошла премьера комедии Владимира Маяковского «Клоп» в постановке Сине-Театро-Клуба под руководством Хасинто Грау с декорациями знаменитого художника и сценографа Рамона Пуйоля⁹⁸. Увлечение русскими мотивами привело видного драматурга Хасинто Бенавенте к созданию собственной пьесы «Святая Русь», которая была поставлена в октябре 1932 г. в театре Беатрис⁹⁹.

⁹² *Castro H. de*. Principios de derecho soviético. Madrid: Reus, 1934. См. также: *Garrido Caballero M.* De la Revolución de Octubre... P. 241.

⁹³ *Кулешова В.В.* Испания и СССР... С. 93.

⁹⁴ *El Socialista*. 11.11.1932. P. 4; *El Socialista*. 12.11.1932. P. 4.

⁹⁵ Teatro Revolucionario Ruso. Madrid: Aguilar, 1929.

⁹⁶ *Кулешова В.В.* Испания и СССР... С. 162.

⁹⁷ *El Sol*. 24.01.1933. P. 12; 29.09.1935. P. 2.

⁹⁸ *El Sol*. 29.11.1935. P. 2.

⁹⁹ *El Sol*. 07.10.1932. P. 8.

«Пражская группа» Московского Художественного театра в Испании

С 22 февраля по 15 марта 1932 г. в Барселоне и Мадриде проходили гастроли необычного русского театрального коллектива: эмигрантской ветви Московского Художественного театра — «Пражской группы» (*Groupe de Prague*), которая долгое время квартировала в Праге, потом осела в Париже и стала первым мхатовским составом, прибывшим в Испанию. Накануне открытия русских гастролей похолодало, и некоторые газетные обозреватели не преминули пошутить: чтобы принять русских соответствующим образом, Мадриду пришлось одеться в снег. Однако на первом же представлении пьесы Островского «Бедность не порок» зал театра *Español* оказался значительно более заполненным, чем в дни показов иных зарубежных трупп, несмотря на снег и незнакомую пьесу на русском языке.

Общее впечатление о спектаклях позволяли составить программки на испанском языке с фотографиями. В афише «пражан» оказались две комедии Гоголя — «Ревизор» и «Женитьба», одна пьеса Островского, «Преступление и наказание» Достоевского, «На дне» Горького и недавно поставленная «Белая гвардия» Булгакова. Испанская программка этого спектакля снабжалась кратким синопсисом, пояснявшим зрителю исторические обстоятельства спектакля — революцию 1917 г., а также события 1918 г. на фронтах Гражданской войны. Однако главный успех выпал на долю «Ревизора».

Рецензент мадридской газеты *ABC* Фелипе Сассоне в статье с симптоматичным названием *Rusofilia y rusofobia*, отмечал раскол мнений в испанском обществе и формирование групп «русифилов» и «русифобов». Он обращался к оппонентам с упреками, выступая против постоянной оглядки на политику, против деления России на «Россию красную» и «Россию белую», подчеркивал, что «большая часть публики искренне аплодировала блестящей, тщательно выстроенной и продуманной постановке». В отклике на «Женитьбу» другой испанский критик замечал, что в фокусе — легендарная сценическая школа Станиславского и есть возможность оценить ее самостоятельно. Увиденное признавалось в рецензии новым «интеллектуальным направлением», для которого нет низких жанров, и утверждалось, что сам жанр комедии поднят бывшими мхатовцами на невиданную высоту. Между тем ранее считалось, что меланхоличные русские — мастера повздыхать и всплакнуть. Традиционно с так называемой «русской игрой» европейцы связывали серьезность, даже мрачность общего тона, что, впрочем, и проявилось в постановке «Преступления и наказания» Достоевского.

Испанские зрители, ранее видевшие русские балеты, знакомые с живописью и музыкой представителей российского авангарда, теперь почувствовали огромную власть русского «искусства переживания». Именно эту мысль, вспоминая годы спустя о больших европейских гастролях, подчеркивала в одном из писем Вера Греч. Она писала, что русские актеры заставили публику

TEATRO ESPAÑOL
REPRESENTACIONES EXTRAORDINARIAS
de la Compañía del

**TEATRO ARTISTICO
DE MOSCÚ**
(SECCION DE PRAGA)

DIRECTOR ARTISTICO: P. PAVLOFF

VIERNES 4 DE MARZO

A las DIEZ en punto

La Guardia Blanca
De M. Bulgakoff.
Episodio de la guerra civil en Rusia.

Mise en scène de VERA GRETCH. Dirección artística: P. PAVLOFF.
Regisseur: B. STCHQUTCHKINE. Decorado y sastrería de W. JEDRINSKY
Administrador: EUGENE GRUNBERG.
Empresarios: A. MECKEL y L. GREANIN.
París: 11, rue Godot de Mauroy. París: 15, rue Louis Philippe-Neully s.JS.

Программа спектакля «Белая гвардия»

сопереживать, глубоко эмоционально откликаться на показанное, ощущать свою причастность к, казалось бы, чужой драме далеких людей. Из европейского опыта артистка сделала важнейший в гуманитарном смысле вывод: «Эта связь переживаний и сближает нас с людьми Запада».

Рафаэль Альберти и его жена Мария-Тереса Леон, изучавшие разные направления европейского театрального движения, побывали в Москве в 1932, 1934 и 1937 гг., что привело их к постепенной переориентации в сценическом искусстве. В 1937 г. для участия в V Всесоюзном театральном фестивале в Москве в Советский Союз прибыла испанская делегация деятелей театра и культуры¹⁰⁰. В 1937 г. М.-Т. Леон поставила в своем «Театре искусства и пропаганды» в Мадриде «Оптимистическую трагедию» Всеволода Вишневского, и автор пьесы получил в дар памятный альбом о спектакле¹⁰¹.

В это время для советской аудитории по-новому зазвучала испанская классика. Вишневский признавался, что в годы Гражданской войны на него произвела сильное впечатление пьеса Лопе де Веги «Овечий источник», поставленная в советских театрах¹⁰². На основе этой пьесы в Кировском театре оперы и балета в Ленинграде в 1939 г. был поставлен балет «Лауренсия» (на музыку Александра Крейна).

Благодаря усилиям испанского журналиста и писателя Хулио Альвареса дель Вайо еще с 1929 г. в Испании начался прокат советских фильмов. Помимо фильма «Броненосец “Потемкин”», который пользовался большой популярностью в республиканской Испании, эмоциональный отклик у испанских зрителей вызывали картина «Чапаев», созданная режиссерами Васильевыми, и «Мы из Кронштадта», поставленная Ефимом Дзиганом по сценарию Вишневского¹⁰³. Луис Бунюэль заинтересовался творчеством Эйзенштейна, с которым впоследствии познакомился в Голливуде¹⁰⁴. Влияние советского киноискусства на испанскую культуру отмечали в журнале *Nuestro cinema* испанские писатели Бенхамин Харнес, Рамон Х. Сендер и Федерико Гарсиа Лорка¹⁰⁵.

В Испании в годы Гражданской войны работали советские кинооператоры-документалисты Роман Кармен и Борис Макасеv. Стремясь «на месте запечатлеть для истории бесценные кадры о стойкости духа и мужестве» людей, они сняли 22 выпуска хроники войны под названием «К событиям в Испании». В Испании, как и в СССР, зрители отстаивали огромные очереди, чтобы посмотреть фильмы Кармена и Макасева. Впоследствии из отснятого материала режиссер Эсфирь Шуб сделала фильм «Испания», ставший своеобразным документом эпохи¹⁰⁶.

Знакомство советских людей с жизнью далекой Испании стало возможным и благодаря деятельности советских писателей и корреспондентов центральных

¹⁰⁰ Кельвин Ф.В. Р. Альберти и Мария-Тереса Леон // Интернациональная литература. 1934. № 3/4. С. 239–245. См. также главу «Испанские художники-республиканцы и эмиграция в СССР».

¹⁰¹ Кулешова В.В. Испания и СССР... С. 176–178; El Sol. 16.10.1937. P. 3.

¹⁰² Кулешова В.В. Испания и СССР... С. 176.

¹⁰³ Гранцева Е.О. Кинематограф и Гражданская война в Испании // Испанский альманах. Власть, общество и личность в истории. Вып. 1. М.: Наука, 2008. С. 71–72.

¹⁰⁴ Montagu I. With Eisenstein in Hollywood. New York: International Publishers, 1967. P. 89.

¹⁰⁵ Nuestracinema. 1935. № 17. P. 67.

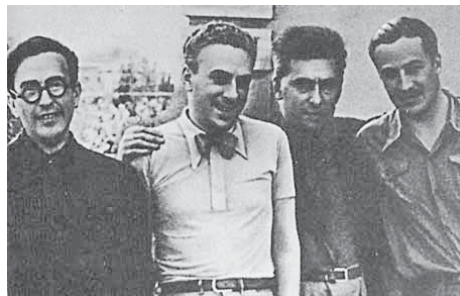
¹⁰⁶ Гранцева Е.О. Кинематограф и Гражданская война... С. 71–72.

газет Ильи Эренбурга, Михаила Кольцова и Овадия Савича. «Все мы, бывшие в Испании, с нею связаны, связаны друг с другом. Видимо, не одними победами горд человек», — вспоминал позднее Эренбург. По названиям его очерков и датам их написания можно проследить географию его поездок. Более 300 его произведений различных жанров, от статей, очерков до романа и сборника стихов, стали итогом работы Эренбурга в этой стране. Характеризуя его самого, В. Багно писал: «Журналистская, публицистическая и литературная активность Эренбурга в эти годы сопоставима лишь со стремительностью его постоянных перемещений [...] между Мадридом, Барселоной и Валенсией»¹⁰⁷.

В 1931 г. корреспондент газеты «Правда» Михаил Кольцов встречался с испанскими деятелями культуры Нисето Алькалой Саморой, Мануэлем Асаньей, Хосе Ортегой-и-Гассетом, Рамоном Валье-Инкланом, Пио Барохой и др. Свои размышления об этих встречах он запечатлел в книге «Испанская весна», посвященной зарождавшейся Республике. О «позднем» Кольцове, о его деятельности в годы Гражданской войны Р. Альберти писал, что ежедневно он успевал побывать на всех мадридских фронтах: «Он разъезжает, расспрашивает, наблюдает, отвечает на тысячи вопросов, неутомимо работает и к тому же находит время для изучения истории Испании». Там, на передовой, Кольцов создавал «Испанский дневник», настоящую летопись войны¹⁰⁸. «Перед нами, вне всякого сомнения, острый наблюдатель политических перипетий, знаток людей, со всей страстью вовлеченный в борьбу в Испании, способный разбираться в людях и их ценить»¹⁰⁹.

Журналист Овадий Савич также находился в тесном контакте с испанскими деятелями культуры. Блестящий переводчик испанской поэзии на русский язык, он помогал испанскому поэту Мануэлю Альтолагирре с переводом «Маленьких трагедий» Пушкина на испанский, и уже в апреле 1938 г. в Барселоне на открытии выставки, посвященной 100-летию со дня гибели великого русского поэта, Альтолагирре читал его трагедию «Пир во время чумы» в своем переводе¹¹⁰.

Возможность посетить Советский Союз привлекала и испанских мастеров слова: писателей, журналистов, публицистов, поэтов. Не все они позитивно оценивали то, что они увидели в Стране Советов.

Э. Прадос, О. Савич, И. Эренбург
и Х. Эррера Петере

¹⁰⁷ Багно В.Е. Испания русских писателей... С. 138–139.

¹⁰⁸ Там же. С. 141.

¹⁰⁹ Garosci A. Los intelectuales y la guerra de España. Madrid: Júcar, 1981. P. 265.

¹¹⁰ Pushkin A. El convidado de piedra. Festín durante la peste / Trad. de O. Savich, M. Altolaguirre. Barcelona: A.E.R.C.U., 1938; Кулешова В.В. Испания и СССР... С. 199–200.

«Дар испанского народа»

Богатейшая коллекция испанских книг, детских рисунков, гравюр испанских художников и работ национального прикладного творчества получила название «Дар испанского народа».

1500 книг «Дара» были специально оформлены в красный переплет с изображением герба с серпом и молотом и круглой красной печатью с испанской надписью «Дар Министерства просвещения и искусств» на обороте титульного листа. Коллекция переправлялась несколькими партиями, которые везли с собой в багаже представители испанской интеллигенции: поэт Рафаэль Альберти, философ Сесар Муньос Арконада, архитектор Мануэль Санчес Аркас и др.

Весной 1938 г. коллекция книг была передана на вечное хранение в Государственную библиотеку иностранной литературы (ГБИЛ). В 71-томную «Библиотеку испанских авторов» вошли художественные произведения от «Песни о моем Сиде» до авторов XVIII в., исторические и философские труды, хроники завоеваний Америки, переписка XIV–XV вв. Жемчужиной «Дара» стали 114 томов «Библиотеки кастильских авторов», изящных книг маленького формата в красивом коричневом переплете, издававшихся с 1910 г.

Академические издания собраний сочинений Сервантеса, Лопе де Веги, Переса Гальдоса, Пио Барохи и др., уникальные иллюстрированные факсимильные издания «Дон Кихота» Сервантеса, «Песен святой Марии» Альфонса Мудрого, «Песенника» Хуана де Энсины заняли особое место.

Привезенные в СССР детские рисунки отражали суровую действительность Гражданской войны и представления малышей о далекой России. Некоторые из них изобразили гибель потопленного нацистами корабля «Комсомол», который вез помощь Испанской республике. Сейчас рисунки являются частью собрания Музея детского рисунка Института художественного образования, а коллекция испанских гравюр хранится в ГМИИ им. А.С. Пушкина.

На выставке, открывшейся в апреле 1938 г. в небольшом здании Библиотеки иностранной литературы, в бывшей церкви Козьмы и Дамиана в Столешниковом переулке, только что вернувшийся из Испании Михаил Кольцов сказал: «Мы принимаем этот подарок с волнением и любовью, как залог нашей дальнейшей дружбы с испанским народом».

Писатели-социалисты Хулиан Сугасагойтия¹¹¹ и Рамон Х. Сендер, после визита в СССР опубликовавший две книги и серию статей в газете

¹¹¹ *Zugazagoitia J.* Rusia al día. Madrid: España, 1932; *Luis de Martín F.* La cultura socialista en España (1923–1930). Salamanca: Universidad de Salamanca; Madrid: CSIC, 1993. P. 208.

*La Libertad*¹¹², писали именно о советских достижениях. Всегда восхищался Советским Союзом поэт Рафаэль Альберти, опубликовавший в либеральной газете *Luz* ряд статей под названием «Дневник поэта в СССР»¹¹³. Другие же оценивали советскую действительность весьма критически, что отразилось в очерках в газете *ABC* журналиста Федерико Гарсиа Санчиса¹¹⁴, в книге каталонского журналиста Жозепа Пла и др.¹¹⁵

Неожиданностью для испанского читателя оказались очерки журналиста Энрике Диаса Ретжа, опубликованные в октябре 1931 г. в правой газете *Heraldo de Madrid*, в которых он с симпатией описывал свою поездку в СССР¹¹⁶. Редактор газеты *La Libertad* Луис де Сирваль, вернувшись из Москвы в 1933 г., писал о «возможном сотрудничестве с Россией»¹¹⁷.

На II Международном конгрессе писателей-антифашистов, проходившем в нескольких городах Испании в июле 1937 г., возникла идея подарка в честь 20-й годовщины Октябрьской революции. В августе в Валенсии, которая в то время стала центром республиканской Испании, при содействии созданной в начале 1937 г. Ассоциации культурных связей с СССР начался сбор книг и произведений искусства для Советского Союза. На основе полученной коллекции в Библиотеке иностранной литературы был создан испанский отдел и организованы курсы испанского языка.

«Дар испанского народа», как позже отметила основатель и директор Библиотеки Маргарита Рудомино, «сыграл чрезвычайно важную роль [...] в формировании школы советских ученых-испанистов»¹¹⁸. И совершенно неслучайны слова Антонио Мачадо, писавшего советскому филологу и переводчику Давиду Выгодскому, что «русская душа [...] найдет глубокое отражение в душе испанской»¹¹⁹.

¹¹² *Sender R.J.* Madrid–Moscú: Notas de viaje (1933–1934). Madrid: Imprenta de Juan Pueyo, 1934; *Idem.* Cartas de Moscú sobre el amor. Madrid, 1934; El Sol. 25.04.1934. P. 7; *Garrido Caballero M.* De la Revolución de Octubre... P. 248–249.

¹¹³ *Luz*. 21.07.1933. P. 8–9; *Luz*. 26.07.1933. P. 8–9.

¹¹⁴ *ABC*. Sevilla, 23.04.1932. P. 21.

¹¹⁵ *El Sol*. 07.09.1932. P. 1.

¹¹⁶ *Heraldo de Madrid*. 12.09.1931. P. 16; *Heraldo de Madrid*. 10.10.1931. P. 15.

¹¹⁷ *Кулешова В.В.* Испания и СССР... С. 93–94; *Кельвин Ф.В.* Луис де Сирваль // *Интернациональная литература*. 1935. № 1. С. 96–98.

¹¹⁸ *Рудомино М.* «Дар испанского народа» // *Альманах библиофила*. Вып. 22. М.: Книга, 1987. В апреле 2011 г. в рамках Перекрестного года Испании и России ВГБИЛ и Институт Сервантеса организовали вторую выставку «Дар испанского народа» в Москве, которая, по словам директора Института Сервантеса в Москве Жозепа Марии де Сагарры, стала «данью культурной дипломатии в действии и способом восстановить историческое прошлое» (*Aragonés G.* Cuando la República hizo un regalo a la URSS // *La Vanguardia*. 21.04.2011).

¹¹⁹ *Machado A.* La Guerra — Escritos: 1936–1939. Madrid: Emiliano Escolar, 1987. P. 90.

«ДЕТИ ВОЙНЫ» В СССР

«Дети войны» — так называют несовершеннолетних испанцев, которые вынуждены были покинуть Испанию с 18 июля 1936 г. по 31 декабря 1939 г.¹²⁰ Однако под это определение не попадают дети, не уехавшие за границу, но также пострадавшие от последствий испанской Гражданской войны и длительного послевоенного периода.

Война разрушила их детство и юность — эти молодые люди были мобилизованы и участвовали в конфликте, трудились в тылу и заботились о своих родных; необходимо также иметь в виду, что бомбежки, нужда и болезни привели к увеличению детской смертности¹²¹. Для снижения смертности были организованы благотворительные акции, на которые откликнулась международная общественность. Так, выпуски советской документальной кинохроники «К событиям в Испании», выходявшие с сентября 1936 г. по июль 1937 г., наглядно информировали об этом конфликте, о масштабах разрушений и о лишениях гражданского населения. Советский Союз откликнулся предоставлением социальной и военной помощи, которая осуществлялась в рамках «Операции X»¹²². Республиканское правительство организовало совместные детские поселения и размещение детей в семьях на территории Испании, а также проводило их эвакуацию в другие страны, в основном европейские. Более 30 тыс. детей были вывезены из Испании.

В СССР прибыло около 3000 детей¹²³, известных также как «дети России». Всего в составе четырех экспедиций с марта 1937 г. по октябрь 1938 г. в СССР оказались 1676 мальчиков и 1197 девочек¹²⁴, большая часть из которых были с севера Испании, из Страны Басков и Астурии. Первая группа из 72 детей отправилась из Валенсии в Ялту 21 марта 1937 г. Вторая группа была более многочисленной, она выехала из города Сантурсе 13 июня 1937 г. на корабле *Habana*. Из Бордо 1495 детей, большинство из которых были баски, на французском корабле *Sontay* были перевезены в СССР. Третья группа, в которой было около 1100 детей, 24 сентября 1937 г. прибыла из порта Эль-Мусель в Ленинград. А в октябре 1938 г. 300 арагонских и каталонских детей отправились из Каталонии во Францию и оттуда, на борту корабля «Феликс Дзержинский», добрались до Ленинграда. Эвакуируемых детей сопровождали испанские воспитатели и обслуживающий персонал, всего около 150 взрослых. Кроме того, еще 87 детей приехали в СССР вместе со своими родителями из Франции в 1939 г. Но еще до первой эвакуации,

¹²⁰ *Manual para el Retorno* de UGT. Madrid: MTAS, 2002.

¹²¹ *Sierra V.* Palabras huérfanas: Los niños exiliados en la guerra civil. Madrid: Taurus, 2009.

¹²² Более 2000 советских граждан участвовали в Гражданской войне в Испании. См. подробнее главу «Советские летчики в годы Гражданской войны в Испании».

¹²³ *Alted A., González R., Nicolás E.* Los niños de la guerra de España en la Unión Soviética: de la evacuación al retorno, 1937–1999. Madrid: Largo Caballero, 1999.

¹²⁴ *Colomina I.* Dos patrias, tres mil destinos. Vida y exilio de los niños de la guerra de España refugiados en la Unión Soviética. Madrid: Cinca, 2010. P. 18.

Испанские дети в Москве. 1937

17 марта 1937 г., из порта Картахена в Одессу на корабле *Gran Canaria* был отправлен 21 ребенок. Это были дети летчиков-республиканцев и членов КПИ, среди которых находилась Амайя, дочь Долорес Ибаррури¹²⁵.

По словам Арасели Торибио, девочки из «детей войны», прием в СССР был превосходным: «Когда мы приехали, у них было уже все готово: дома, ванна, медицинский осмотр. [...] Нас одели во все русское. В валенки с галошами. Я еле ходила!»¹²⁶ В Советском Союзе дети были распределены в 16 детских домов, большинство из которых находились в России и пять — на Украине. Советское правительство, и в частности Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), выделяло средства на положенную им помощь¹²⁷. Дети обучались на испанском языке, изучали русский и участвовали в культурно-оздоровительных мероприятиях¹²⁸. В их воспоминаниях всегда выражалась единодушная благодарность за полученное образование¹²⁹.

¹²⁵ *Elpátievsky A.V.* La emigración española en la URSS. Historiografía y fuentes, intento de interpretación. Madrid: Exterior XXI, 2008. P. 108.

¹²⁶ Цит. по: *Bandera E.G.* Memorias de una niña de la guerra // *La Voz de Asturias*. 3.9.2017.

¹²⁷ К 1948 г. все детские дома, за исключением одного, были закрыты. Последний детский дом для испанских детей был закрыт 1 сентября 1951 г. См.: *Elpátievsky A.V.* La emigración española...

¹²⁸ *Zafra E., Greco R., Heredia C.* Los niños españoles evacuados a la URSS (1937). Madrid: Ediciones de La Torre, 1989.

¹²⁹ См. свидетельства, собранные в кн.: *Garrido M.* Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX. Murcia: Universidad de Murcia, 2006.

Вторжение нацистской Германии в СССР 22 июня 1941 г. обрушилось на советский народ и затронуло испанских детей. Вместе с детскими домами часть из них были вывезены на восток, в самые безопасные районы. Некоторые пошли служить в Красную Армию¹³⁰. Были и дети, пережившие блокаду Ленинграда, о чем писала Исабель Архентина, которая вспоминала, как «люди умирали от голода и холода, а бомбежки были такими частыми, что невозможно было выйти на улицу»¹³¹. Они оставались там до тех пор, пока в марте 1942 г. не были эвакуированы по «Дороге жизни» — по льду Ладожского озера — на Кавказ.

На протяжении восьмисот дней блокады они жили в суровых климатических условиях, помогали в демонтаже заводов и в первую очередь ухаживали за ранеными. Когда же кто-либо из них умирал, они отдавали свою суточную норму хлеба (90 грамм), чтобы можно было похоронить умершего, поскольку могильщик, кроме денег, просил еще целую буханку хлеба¹³². 216 человек погибли в тылу от бомбежек, голода и болезней. После войны молодые люди вновь вернулись к учебе, получали стипендию, работали в различных советских организациях; все они смогли сохранить свои корни как сообщество благодаря Испанскому центру в Москве, созданному по инициативе КПИ¹³³.

Начало возвращения детей, эвакуированных из Испании за границу, пришлось на самый разгар Гражданской войны; репатриация проводилась франкистской партией через Комитет защиты несовершеннолетних Государственного технического совета и Управления по иностранным делам фаланги, которые приготовились к возвращению детей и молодых людей вне зависимости от наличия или отсутствия запроса на возвращение от их родственников¹³⁴.

Те, кто находился в Советском Союзе, могли вернуться в Испанию на основании амнистии, которая была предоставлена гражданскому населению и военнопленным (членам «Голубой дивизии») по распоряжению Председателя Совета Министров СССР Георгия Маленкова, а также на основании прошений самих детей и благодаря усилиям Красного Креста, выступавшего посредником между двумя правительствами. Официальная репатриация достигла наибольших масштабов в 1956–1957 гг. По данным,

¹³⁰ Memoria. 1941–1945. Madrid: Fundación Nostalgia y Vitula. P. I. В этой книге есть список 206 испанцев, погибших в боях, защищая СССР. В Парке Победы в Москве в 2003 г. был открыт памятник испанцам, павшим в Великой Отечественной войне.

¹³¹ Исабель Архентина Альварес в документальном фильме «Жизненный путь», созданном Исабель Сантос в 2016 г.

¹³² Эти воспоминания были изложены в кн.: *Alvarez I.A. Memorias de una niña de la guerra*. Gijón: Fundación Municipal de Cultura, Educación y Universidad Popular, 2003.

¹³³ *Kharitonova N. Edificar la cultura, construir la identidad. El exilio republicano español en la Unión Soviética*. Sevilla: Renacimiento, 2014. P. 19–21, 30–31.

¹³⁴ *Alonso J. El retorno de los niños vascos exiliados en 1937: de la infancia a la edad tardía // Retornos (De exilios y migraciones) / Cuesta, J. (Coord.)*. Madrid: Largo Caballero, 1999.

сохранившимся в записях Верховной Ассамблеи Испанского Красного Креста, речь шла о 1692 репатриантах-гражданах Испании, для возвращения которых было организовано пять экспедиций¹³⁵, т.е. в те годы в Испанию вернулась примерно одна треть «детей войны». После этого их возвращение на родину растянулось на длительный срок.

«Хосефина» вернулась спустя почти двадцать лет, вместе с маленьким сыном, и ее впечатления о приезде в Испанию сильно отличаются от того, как был организован прием в СССР: «Ранним утром прохладного и солнечного дня, 21 января 1957 г., они спустились с корабля [«Крым»]. [...] Она ожидала увидеть что-то похожее на прием при приезде в Ленинград: толпы семей в ожидании, официальные приветственные мероприятия, музыку и веселье. Но напротив, когда они спустились с трапа, их встретила Гражданская гвардия, организовавшая своего рода коридор, по которому должны были пройти все пассажиры в сторону какой-то постройки или портового склада, приспособленного для этого случая. В нем находилась большая группа служащих, которые сидели за несколькими столами. У каждого прибывшего по одному они проверяли удостоверяющие личность документы»¹³⁶.

Уже находясь в Испании, она крестила своего сына, а также в условиях «холодной войны», должна была, как и все репатрианты, приходиться по вызову на допросы в Главное управление государственной безопасности, располагавшееся в одном из зданий на площади Пуэрта-дель-Соль¹³⁷. По этой причине часть из них через Францию вернулись в Советский Союз, а другие были даже высланы, что вызвало протесты со стороны советских граждан. Адаптация тех, кто остался в Испании, во многом зависела от поддержки семьи, а также от возможности заниматься профессиональной деятельностью.

Прием «детей войны» в СССР стал проявлением солидарности со стороны общества и советских организаций в условиях чрезвычайной ситуации, какой была Гражданская война в Испании, а также результатом политических договоренностей с республиканским правительством.

Любой опыт изгнанничества уникален, но одновременно формирует особую коллективную идентичность, которую ощущали «дети России», объединенные сходством жизненного пути, ностальгией по настоящей родине и благодарностью за прием и поддержку. Этот коллективный опыт сохраняется для будущих поколений благодаря их собственным свидетельствам, благодаря деятельности Испанского центра в Москве, ученым, исследующим их жизнь и их судьбы, и памятным мероприятиям.

¹³⁵ *González C.* El retorno a España de los “Niños de la Guerra Civil” // *Anales de Historia contemporánea*. 2003. No. 19. P. 75–100.

¹³⁶ *Merino V.* Todo comenzó con esa maldita guerra. Madrid: Ediciones Atlantis, 2015.

¹³⁷ *Moreno R.* Los niños de Rusia. La verdadera historia de la operación retorno. Barcelona: Crítica, 2017.

ИСПАНСКИЕ ХУДОЖНИКИ-РЕСПУБЛИКАНЦЫ и ЭМИГРАЦИЯ В СССР

Развитие советско-испанских связей и дипломатических отношений в 1930-е гг., пропаганда советских достижений в Испании способствовали формированию культурных и художественных ожиданий испанских деятелей искусства в отношении СССР¹³⁸. Вскоре после окончания Гражданской войны, в конце 1939 г., в Советском союзе оказалось около 4500 испанских эмигрантов, среди которых большинство составляли «дети войны» и сопровождавшие их взрослые (около 3000 и 150 человек соответственно)¹³⁹, а также партийные и военные деятели (около 1300 человек)¹⁴⁰. Адаптация эмигрантов к новой социальной реальности не всегда оправдывала их надежды, несмотря на то что их правовой статус всегда был близок к статусу советских граждан¹⁴¹. Советские учреждения, занимавшиеся делами испанских эмигрантов, предоставляли испанцам возможность вести себя как единое сообщество. Компартия Испании продемонстрировала прекрасную способность к руководству и сплочению соотечественников, сохранению национальной идентичности. Трудоустройством испанцев специально занималась МОПР (Международная организация помощи борцам революции), которая различала среди них, в зависимости от образования и положения в КПИ, представителей элиты и рядовых членов. Кроме руководящего состава компартии, к элите принадлежали также работники культуры, науки и искусства. Так, с 1939 по 1945 г. испанцам пришлось приспособиться к идеологическим принципам и общественным нормам новой страны, включая условия культурной деятельности, подчиненные пропагандистским целям.

Прибывшие в СССР испанские эмигранты в целом не отличались высоким уровнем образования и культуры; особенно это касалось людей старшего возраста, для которых главной была их партийная принадлежность. Дети и молодежь, самая многочисленная группа эмигрантов, нуждались в получении образования. Писателей, деятелей искусства, ученых было не так много¹⁴², но именно они, вместе с испанскими преподавателями, прибывшими в Советский Союз, посвятили все свои усилия сохранению испанской культуры и идентичности и передачи ее ценностей молодому поколению. Это проявилось и в их отдельных произведениях, и в их творчестве в целом, в их

¹³⁸ См. также: *Cabañas Bravo M.* Arte desplazado a los hielos. Los artistas españoles del exilio de 1939 en el país de los sóviets. Sevilla: Renacimiento, 2017.

¹³⁹ См. главу «Дети войны» в СССР».

¹⁴⁰ *Alted A.* El exilio español en la Unión Soviética // *Ayer*. 2002. No. 47. P. 135–144; *Elpátievsky A.* La emigración española en la URSS... P. 73–444; *Cabañas Bravo M.* Los artistas y el exilio español de 1939 en Rusia // *Испания и Россия: исторические судьбы...* С. 555.

¹⁴¹ *Kharitónova N.* Edificar la cultura, construir la identidad. El exilio republicano español en la Unión Soviética. Sevilla: Renacimiento, 2014. P. 19–21, 30–31.

¹⁴² *Alted A.* El exilio español... P. 131–132.

удивительной способности беречь, распространять и развивать национальные традиции. Действительно, деятели культуры и искусства уделяли много внимания тому, чтобы молодежь не забывала о своих «корнях», и всячески поощряли «испанское» в их художественном и культурном воспитании. Как показывает «Белая книга», созданная спустя годы Испанским центром в Москве, именно из этого поколения молодых испанцев¹⁴³ вышли выдающиеся преподаватели испанского языка, переводчики, историки, журналисты, те представители художественной интеллигенции, таланты которых раскрылись в театральном искусстве, кино, хореографии. Среди них Анхель Гутьеррес, Виолета Гонсалес, Херардо Виана («Владимир»), Альфредо Нило Альварес, Карлос де лос Льянос Мас, Мигель Дельгадо Бельестерос, Эмилио Гомес Парехо, Феликс Вакериса и Арнальдо Ибаньес-Фернандес; архитекторы — Хосе Мануэль Аргуэльес, Марселино Галан Мадера, Марио Гарсия Ордоньес, Кармело Гонсалес Урибе-Эчеварриа, Хорхе Лакаса и Антонио Михе Морено; художники — Бальс Бермехо, Альфредо Бильбао Муньос, Рафаэль Гарсия Диас, Хесус Диас Гарсия («Суко»), Энрике и Кончита Родригес, Хуан Мануэль Лопес Иглесиас и Роберто Манкано; реставраторы живописи и скульптуры — братья Луис и Мануэль Пьедра Гарсия, Анхель Ходра Нуньес, Дионисио Гарсия Сапико, Бегонья Лесамета, Луис Паласиос и Томас Саенс и др. В целом благодаря полученному в СССР образованию, программы которого разработали советские учреждения и КПИ в эмиграции, «дети войны» сумели успешно интегрироваться в новую среду.

Творческая среда, в которой оказались в СССР испанские деятели искусства, была ограничена жесткими идеологическими рамками и нормами «социалистического реализма». Хотя не все из испанских эмигрантов были коммунистами, им приходилось подчиняться линии партии. С 1941 по 1945 г. испанцы пережили вместе с советскими гражданами тяготы Великой Отечественной войны. Многие молодые люди служили в Красной Армии в качестве добровольцев, и только на одном Ленинградском фронте погибли 70 испанцев. Испанские эмигранты смогли в полной мере развивать свою национальную индивидуальность и культуру в основном после 1945 г. А в феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, который ослабил диктат социалистического реализма и привнес в художественно-культурную среду некоторую свободу.

Среди испанских деятелей искусств, долго проживавших в СССР, особенно известны архитекторы Луис Лакаса и Мануэль Санчес Аркас и три художника: Альберто Санчес (Тоledo, 1895 — Москва, 1962), Хосе Санча (Сан-Лоренсодель-Эскориал, 1908 — Мадрид, 1960) и Хулиан Кастедо (Тендилья, 1893 — Москва, 1960). Но ценно и творчество представителей молодого поколения испанцев, выросших уже в Советском Союзе, которые стремились сохранить в своих произведениях истинное национальное своеобразие. Внимания заслуживают также имена инженера-строителя Санчеса Аркаса

¹⁴³ Encinas Á.L. Fuentes históricas para el estudio de la emigración española a la URSS (1936–2007). Madrid: Exterior XXI, 2008. P. 153–569.

(Мадрид, 1897 — Берлин, 1970) и градостроителя Лакасы (Рибадеселья, 1899 — Москва, 1976). На момент приезда в СССР в 1939 г. они обладали репутацией активных и востребованных профессионалов. В Москве они работали в Академии архитектуры, однако к активной практической деятельности их не допускали. Не добившись профессионального признания и не сумев полностью интегрироваться в социальную среду, Аркас уехал в 1946 г. в дипломатическое представительство в Варшаву, а Лакаса с 1954 по 1960 г. был командирован в Пекин, а в дальнейшем продолжал жить в эмиграции в СССР, ощущая свою абсолютную профессиональную нереализованность.

Профессиональная жизнь художников и архитекторов в СССР контролировалась творческими союзами и их отделениями. Первые входили в состав Союза художников, скульпторов и декораторов, а в Москве — Московского областного союза советских художников (МОССХ). Членство в Союзе давало преимущества, так как именно союзы принимали важные решения о предоставлении жилья, мастерских, материалов и т.п. Первым испанцем, кто в 1939 г. подал заявление о вступлении в члены Союза (отделение театра и кино) и был туда принят, стал Альберто Санчес. Затем в Союз вступили Санча и Кастедо, и в мае 1940 г. эти три художника при содействии МОССХ организовали совместную выставку в Музее нового западного искусства в Москве. Ее открытие вызвало интерес самых заслуженных советских художников, которые захотели больше узнать о произведениях Санчеса и его творческих планах. В ответ испанский мастер заявил, что его всегда восхищало советское театральное-декорационное искусство, которое он намерен освоить, чтобы в дальнейшем, по возвращении на родину, развивать его в Испании¹⁴⁴. Советский государственный аппарат проявил тогда особый интерес к испанским художникам, обладавшим ярко выраженной творческой индивидуальностью. Музей западного искусства приобрел несколько выставленных работ Санчеса, Кастедо и Санчи. Эти работы по окончании Второй мировой войны, в 1948 г., были распределены (как и произведения Антонио Родригеса Луны) между Эрмитажем и ГМИИ им. А.С. Пушкина¹⁴⁵. Однако в 1940 г. были выставлены произведения, созданные ими в Испании или сразу же после прибытия в СССР: такие классические жанры, как пейзаж и натюрморт, с едва различимыми признаками модерна (связанными с испанской военной темой). Такова, например, картина Альберто Санчеса «Крвоточащие реки Испании» (1936–1939), которая в настоящее время находится в ГМИИ.

В июне 1941 г., после нападения Германии и вступления СССР в войну, этот первоначальный интерес иссяк, сократились и предоставляемые испанским мастерам возможности для самореализации. Их творчество стало

¹⁴⁴ Alexéeva O. De la escultura a la escenografía. Los primeros años de Alberto Sánchez en la URSS // Actas del Congreso Posguerras. 75 aniversario del fin de la guerra española / G. Gómez, R. Pallol (Eds.). Madrid: Ed. Pablo Iglesias, 2015, [CD-Rom]. P. 7, 14–15.

¹⁴⁵ См. экспозицию: *Ne West Museum*. — <http://www.newestmuseum.ru/collection/index.php?lang=en> (дата обращения 13.02.2018).

Клуб Чкалова в Москве

развиваться в других направлениях, таких как сценография, мелкая пластика, архитектурная графика, пейзажи, натюрморты и портреты. Они работали в реалистической манере, следуя рекомендациям российских друзей-художников; среди них были и заслуженный художник, оформитель и декоратор Петр Кончаловский, а также его сын Михаил.

Большой круг друзей сформировался у скульптора и декоратора Альберто Санчеса, выдающегося мастера, достигшего среди эмигрировавших в СССР художников наибольшего международного признания¹⁴⁶. Он приехал в СССР в 1938 г. как учитель рисования для эвакуированных детей, но в эмиграции его собственная художественная линия, тяготевшая к самобытному сюрреализму, прервалась. Его адаптация была трудной, а ностальгия — постоянной, но Санчесу всегда удавалось сохранять и воплощать в своих произведениях национальное своеобразие и культурные традиции Испании. Его творчество развивалось под влиянием политической эволюции Советского государства. Первый период, в котором преобладали сценографические работы, приходится на сталинскую эпоху; второй период, начавшийся после XX съезда КПСС и «десталинизации», продолжался до его смерти и был отмечен более свободным характером и восторженным возвращением к скульптуре.

325

¹⁴⁶ *Martin P. [Lacasa L.]* Alberto. Budapest: Corvina, 1964; Alberto. 1895–1962 / Brihuega J. y Lomba C. (Dirs.). Madrid: MNCARS-Aldeasa, 2001.

Писатели и художники, посещавшие СССР после войны, обращали внимание на творческую скованность испанских деятелей культуры и приводили в качестве примера именно Альберто Санчеса. Луи Арагон в 1951 г. в газете *Les Lettres Françaises* писал, что в Советском союзе Санчеса вынудили забыть сюрреалистическую и абстрактную скульптуру и обратиться к реализму. Пабло Неруда оставил красноречивое описание сложных творческих обстоятельств, в которых находился Санчес. В 1956 г. Альберти наконец убедил Санчеса оставить устаревший реализм в живописи и вернуться к экспрессивной и изобретательной жизненной силе скульптуры испанского периода. Однако были и другие мнения. Так, например, аргентинец Рауль Гонсалес Туньон, приезжавший в Москву в 1954 г., менее критично отнесся к условиям, в которых оказались испанские художники, и едва упоминал их тоску по родине¹⁴⁷.

Иначе сложилась жизнь художников Хосе Санча Падроса, родственника Санчеса, и Хулиана Кастедо Палеро. Санча выполнил несколько работ по сценографии в сотрудничестве с Санчесом, но его пребывание в СССР было коротким. Он пошел служить в Красную Армию и стал агентом НКВД, в связи с чем ему пришлось уехать в Мексику, где он находился с октября 1942 г. по август 1945 г., и его творческая деятельность проходила уже вне страны. Что касается Кастедо, то он, напротив, остался в СССР, вернулся к традиционным жанрам пейзажа, натюрморта и портрета, и его творчество стало реалистическим и академическим.

Деятельность испанских художников, направленная на сохранение национальных традиций, была связана и с активностью общественных организаций, созданных испанскими эмигрантами. Наиболее известен Испанский клуб, или Клуб Чкалова (до 1948–1950 гг. Клуб АВИАХИМ, или ОСОАВИАХИМ), возникший в 1946 г. в Москве по инициативе КПИ и испанских рабочих авиационного завода № 30. У Испанского клуба был просторный холл, театральный зал и кинотеатр (на 580 мест) и еще 26 помещений (библиотека, читальный зал, выставочный зал, студии для изобразительного искусства, залы для любителей оперы, балета, оркестров, хоров и танцев, песни, театра и т.д.). Особенно яркими там были театральные постановки Сесара Муньоса Арконады с декорациями Альберто Санчеса. В 1946 г. театральный кружок представил пьесу Сервантеса «Театр чудес», в 1947 г. — пьесу Лопе де Веги «Дурочка», а в 1948 г. — спектакль по повести Педро Аларкона «Треуголка». С 1946 по 1948 г. были поставлены музыкальная комедия «Ярмарка в Паломе» Рикардо де ла Веги и Томаса Бретона, «Саламейский алькальд» Кальдерона, «Причуды Белисы» Лопе де Веги, «Это мой муж» Арничеса, «В некоем селе ламанчском», «Мануэла Санчес» Арконады и другие одноактные пьесы о жизни Испании.

Все более активное участие в работе клуба принимала молодежь. Вскоре здесь появились оркестр струнных инструментов (под

¹⁴⁷ *Cabañas Bravo. M. Los artistas y el exilio español... P. 557; Idem. Artedesplazado... P. 94–101, 175–177.*

управлением Дионисио Гарсия с 1955 по 1966 г.) и танцевальные коллективы (под руководством хореографа Виолеты Гонсалес с 1955 г. и аккомпаниатора Марио Гомеса), исполнявшие народные танцы — баскские, андалузские, арагонские, каталонские и галисийские. Показывали и испанское кино, хотя фильмов было мало и привозили их с запозданием. Клуб организовывал выставки, как правило соотнесенные с юбилейными датами, связанными с эмиграцией и советскими праздниками. Так, в 1947, 1948, 1952 и 1956 гг., в годовщины прибытия «детей войны», экспонировались произведения изобразительного и прикладного искусства, образцы рукоделия, стенгазеты и др.

Несколько волн репатриации испанцев с 1956 по 1959 г. привели к снижению активности Клуба Чкалова. В связи с этим по инициативе КПИ и КПСС в 1966 г. был создан Испанский центр, который стал местом сплочения испанских эмигрантов в СССР. На протяжении десятилетия Клуб Чкалова и Испанский центр дополняли друг друга. Испанский центр был задуман как место отдыха и встреч с большей автономией в управлении для регулярного проведения культурных, общественных и политических мероприятий, а также служил ориентиром для своих филиалов в других регионах СССР. В первое время Центр располагался в нескольких зданиях в центре Москвы (ранее принадлежавших клубу газеты «Правда»); его президентом был Анхель Эрраис, а вице-президентом Луис Лакаса (после смерти его заменила Александра Солер). У Центра был свой информационный «Бюллетень», выходивший под редакцией Арнальдо Ассатти раз в две недели. Центр развернул активную культурную деятельность: при нем были организованы драматические, танцевальные и музыкальные кружки, ставились испанские пьесы. Там проводились вечера, семинары, встречи, выставки, демонстрировались фильмы, организовывались различные литературные и художественные конкурсы (например, в 1967 г. был проведен конкурс по случаю 50-летия Октябрьской революции). Большой интерес вызвала выставка 1966 г. в связи с 85-летием Пикассо. Ее куратором была Александра Солер, в сотрудничестве с Лакасой и семьей Альберто Санчеса. Выставка собрала, вместе с репродукциями и оригиналами, более сотни работ художника, большинство из которых были предоставлены Ильей Эренбургом и Долорес Ибаррури. Эта экспозиция привлекла многочисленных посетителей и имела огромный успех среди испанских эмигрантов. Большой интерес вызывали и любительские художественные выставки. Так, в 1969 г. была организована выставка памяти Альберто Санчеса и другие мероприятия, посвященные испанской культуре и юбилею эмиграции, — «30 лет в СССР».

Усилиями испанских деятелей искусства в эмиграции была создана уникальная художественная среда, благодаря которой ценности национальной культуры передавались молодому поколению эмигрантов и принимавшей их стране.

RADIO MOSCÚ И LA PIRENAICA: СОВЕТСКОЕ РАДИОВЕЩАНИЕ НА ИСПАНИЮ

В годы Второй мировой войны радио являлось важным инструментом советской внешнеполитической пропаганды, одной из главных задач которой было противодействие вовлечению западных стран в военные действия на стороне гитлеровской Германии. Кремль был серьезно заинтересован в том, чтобы предотвратить полномасштабное вступление франкистской Испании в военный конфликт на стороне Берлина¹⁴⁸.

Официально вещанием на Испанию занимался Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР (ВРК). 1 августа 1932 г. в международном эфире впервые прозвучали слова советского диктора на испанском языке: «*Atención, habla Moscú, camaradas!*»¹⁴⁹ Их произнес Луис Чеккини, аргентинский профсоюзный деятель итальянского происхождения, получивший в Советском Союзе политическое убежище. Позднее он вспоминал: «Признаюсь, что в тот момент я испытывал страх — потому что не был профессионалом. [...] И гордость — потому что мне, простому железнодорожнику, было доверено от имени великой страны говорить со всем миром»¹⁵⁰. Вплоть до окончания Гражданской войны в Испании Чеккини практически в одиночку обеспечивал работу испанской редакции Радиокomiteта. Порой ему приходилось делать всю работу самостоятельно — и тогда он выполнял функции редактора испанских радиопередач, переводчика, корреспондента, диктора и даже машинистки¹⁵¹.

В начале 1940-х гг. испанская редакция ВРК (в Испании называли *Radio Moscú*) переживала «самый настоящий бум»¹⁵². Об этом писал ее испанский редактор Эусебио Симорра, которому в конце 1930-х гг. пришлось покинуть родину и эмигрировать в СССР¹⁵³. В начале 1940-х гг. руководство ВРК стало использовать испанских эмигрантов, прибывших в СССР после падения Испанской республики, для серьезного усиления квалифицированными кадрами редакции, готовившей передачи радиослушателям в Испании. Помощь с кадрами Всесоюзному радиокomiteту

¹⁴⁸ *Пожарская С.П.* Тайная дипломатия Мадрида. Внешняя политика Испании в годы Второй мировой войны. М.: МО, 1971.

¹⁴⁹ *Заско И.Ф.* Начало // *Голос, который знаком всему миру. Российскому Иновещанию — 80 лет!* М.: Голос России, 2009. С. 27.

¹⁵⁰ Цит. по: Там же.

¹⁵¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 12. Д. 135. Л. 21.

¹⁵² *Симорра Б.* «Идальго в стране холода»: испанский журналист в Советской России, 1939–1977. М.: Деловой Домовой, 2011. С. 75.

¹⁵³ Будучи опытным партийным журналистом, Э. Симорра в 1940 г. устроился на работу во Всесоюзный радиокomiteт и проработал в его испанской редакции без малого четыре десятилетия, став настоящей легендой советского радиовещания на испанском языке.

оказывал Коминтерн от лица одной из его национальных секций — КПИ. Самыми первыми из Компартии Испании в испанскую редакцию Радиокomiteта пришли Рамон Мендесона и Арнальдо Ассати¹⁵⁴. Однако, пока действовал пакт Молотова–Риббентропа, испанским коммунистам приходилось сдерживать открытое выражение ненависти по отношению к Гитлеру и Франко.

В период Великой Отечественной войны советское радиовещание на иностранных языках было организовано по группам стран. В Радиокomiteте существовали такие отделы иностранного вещания, как англо-американский, западноевропейский, балканский, дальневосточный и т.д. Согласно воспоминаниям испанцев — работников ВРК¹⁵⁵, испаноязычная редакция была включена в западноевропейский отдел, в рамках которого их руководителем являлась Каролина Мизиано, дочь Франческо Мизиано, известного деятеля итальянского и международного рабочего движения, в свое время эмигрировавшего в СССР. К. Мизиано визировала правильность переводов, выполненных в испанской редакции, а также давала разрешение на выпуск подготовленных материалов в эфир. Но иногда «зеленый свет для красной журналистики» мог дать только Народный комиссариат иностранных дел СССР¹⁵⁶.

Основным направлением в работе испанской редакции ВРК было «европейское», поскольку редакция занималась вещанием, направленным и на франкистскую Испанию, и на испанских эмигрантов в Европе. Но помимо Европы многочисленные покинувшие родину испанцы рассеялись по странам Латинской Америки, оказавшись в Мексике, Аргентине, на Кубе. Поэтому существовало и второе направление — «латиноамериканское».

Официальное советское радиовещание на испанском языке остро нуждалось в испанских дикторах с хорошим радиофоничным голосом. В годы Великой Отечественной войны в качестве испаноязычных дикторов в ВРК работали такие испанские коммунисты, как Агапито Эсканияль и Диего Перона¹⁵⁷. Среди испанских дикторов также числились Мендесона и Чеккини¹⁵⁸, ставший ветераном испанской редакции Всесоюзного радиокomiteта, где он проработал 55 лет. Испанские сотрудники Радиокomiteта являлись членами КПИ и до роспуска Коминтерна в июне 1943 г. попадали на радио по линии международной коммунистической организации. Работая в ВРК, члены Компартии Испании продолжали состоять на учете в отделе кадров Исполкома Коминтерна. При этом они работали в рамках государственной структуры Советского Союза и подчинялись жесткой внутренней дисциплине ВРК.

¹⁵⁴ *Mendezona R.* La Pirenaica y otros episodios. Madrid: Libertarias/Prodhufl, 1995. P. 84.

¹⁵⁵ *Симорра Б.* «Идальго в стране холода»... С. 78; *Galán L.* Después de todo: recuerdos de un periodista de la Pirenaica. Barcelona: Anthropos, 1988. P. 141.

¹⁵⁶ *Симорра Б.* «Идальго в стране холода»... С. 78; *Galán L.* Después de todo... P. 146.

¹⁵⁷ *Galán L.* Después de todo... P. 139–140.

¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 144. Л. 94; *Mendezona R.* La Pirenaica... P. 84.

Радиокомитет рассматривал франкистскую Испанию в качестве страны, которая придерживалась во Второй мировой войне нейтралитета, но дружественного по отношению к Германии¹⁵⁹. Поэтому было важно, чтобы официальное радиовещание СССР на Испанию в основном освещало развитие военных операций РККА и усилия советского тыла. Главными в испанских радиопередачах ВРК являлись военные сводки Советского информационного бюро. Работники испаноязычной редакции считали делом чести, получив копию русского оригинала сводки, максимально быстро перевести ее и передать в эфир¹⁶⁰.

Советские радиопередачи для испанской аудитории чаще всего строились на основе материалов из центральных советских газет и на информации, полученной от ТАСС, которое считалось официальным «голосом Кремля»¹⁶¹. В испанской редакции ВРК ежедневно переводились наиболее интересные сообщения корреспондентов и комментарии известных обозревателей, рассказывавших о разных сторонах жизни Советского Союза: политической, экономической, культурной. Переводились передовицы и другие статьи центральных советских газет, связанные с важными международными событиями, в которых выражалась официальная позиция руководства СССР¹⁶². Кроме того, редакция занималась подготовкой собственных материалов, составленных специально для ее передач.

Значительную помощь иностранным редакциям ВРК вплоть до своего упразднения оказывал Исполком Коминтерна. Он обеспечивал их не только необходимыми иностранными кадрами. Занимаясь прослушиванием программ зарубежных радиостанций и доставая важную для Радиокомитета зарубежную прессу, Исполком снабжал иностранные редакции недостающей информацией о положении дел в той или иной стране.

Когда гитлеровская Германия напала на СССР, руководство Коминтерна приступило к организации собственного радиовещания на зарубежные страны. В частности, появилась испанская радиостанция *Radio España Independiente (REI)*, т.е. «Радио Независимая Испания», работавшая под руководством КПИ, испанской секции Коминтерна. Большую известность эта радиостанция приобрела под своим неофициальным названием — *La Pirenaica* — которое придумала и дала ей Долорес Ибаррури. Первая ее передача вышла в эфир 22 июля 1941 г. В то время директором станции была сама Долорес, а после эвакуации радиостанции из Москвы в Уфу осенью 1941 г. ее номинально сменил Энрике Кастро Дельгадо. Лишь в апреле 1943 г., т.е. совсем незадолго до роспуска Коминтерна, редакция *La Pirenaica*

¹⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 128. Л. 3–5; *Симорра Б.* «Идадьго в стране холода»... С. 103–104.

¹⁶⁰ *Galán L.* Después de todo... Р. 142.

¹⁶¹ *Гуревич П.С., Ружников В.Н.* Советское радиовещание. Страницы истории. М.: Искусство, 1976. С. 190; *Симорра Б.* «Идадьго в стране холода»... С. 83; *Galán L.* Después de todo... Р. 138.

¹⁶² *Симорра Б.* «Идадьго в стране холода»... С. 83.

вернулась в столицу СССР. *La Pirenaica* позиционировалась в Испании как своя, «народная» радиостанция, просто не имевшая из-за государственной цензуры возможности заниматься внутренним вещанием на легальной основе. На самом деле ее передачи до 1955 г., за исключением уфимского периода, велись из Москвы¹⁶³.

В начале Великой Отечественной войны испанская радиостанция Коминтерна пропагандировала идею национального единства всех испанцев против «гитлеровской агентуры» в Испании (прежде всего против Серрано Суньера и его сторонников), намеревавшейся ввергнуть страну в войну против Советского Союза. Ее передачи были направлены на убеждение испанцев в том, что Испания не должна была служить военной базой для гитлеровской Германии и не должна была поставлять продовольствие и товары для Третьего рейха. Особое внимание радиостанция уделяла передачам о «Голубой дивизии»¹⁶⁴, которую характеризовала как «позор для Испании». В передачах *La Pirenaica* говорилось, что испанский народ не должен становиться ни «солдатом», ни «рабочим» Гитлера, что испанцы должны оказывать всеми возможными средствами помощь Отечественной войне советского народа и что подобная поддержка будет являться своего рода «продолжением борьбы самого испанского народа за свободу и независимость»¹⁶⁵. Передачи *La Pirenaica* в Испании «слышал» не только народ, которому они были адресованы в первую очередь, но и правительство. Официальное испанское радио, *Radio Nacional de España (RNE)*, неоднократно выступало с попытками опровержения сообщений, которые до этого были переданы радиостанцией Коминтерна¹⁶⁶.

Radio España Independiente под руководством Компартии Испании продолжала вести борьбу против франкистского режима вплоть до самого конца его существования. Последняя радиопередача *La Pirenaica* датируется 14 июля 1977 г. Что же касается *Radio Moscú*, то после распада Советского Союза официальным вещанием на Испанию продолжила заниматься государственная радиоккомпания «Голос России». В 2014 г. ее преемником стало международное информационное агентство и радио «Спутник».

¹⁶³ Подробнее см.: 75 aniversario de la radio en España. Homenaje a Radio España Independiente. Única emisora española sin censura de Franco. Madrid: Fundación Domingo Malagón, 2000. P. 15–19; Balsebre F., Fontova R. Las cartas de La Pirenaica: Memoria del antifranquismo. Madrid: Ediciones Cátedra, 2014. P. 17–18; Ortiz Mateos A. La guerrilla y la radio. El papel de Radio España Independiente en el movimiento guerrillero español (1941–1952) // Espacio, tiempo y forma. Serie V. Historia Contemporánea. 2013. № 25. P. 328–332; Zaragoza Fernández L. Radio Pirenaica: la voz de la esperanza antifranquista. Madrid: Marcial Pons Historia, 2008.

¹⁶⁴ Про «Голубую дивизию» подробнее см.: Ковалев Б.Н. Добровольцы на чужой войне: Очерки истории «Голубой дивизии». Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2014.

¹⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 73. Д. 125. Л. 9–10.

¹⁶⁶ Там же. Л. 16.

СССР И ФРАНКИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВО: ОТ ВРАЖДЕБНОСТИ К СБЛИЖЕНИЮ

Еще до окончания Гражданской войны в Испании и сразу после нее режим Франко официально признали многие государства, включая Великобританию, Францию, США. Для СССР единственным мыслимым вариантом было непризнание франкистского правительства. В течение многих лет Москва однозначно определяла установленный в Испании режим как фашистский, агрессивный, навязанный испанскому народу Германией и Италией, безоговорочно отождествляя его с ними. В Советском Союзе нашли прибежище тысячи испанских беженцев, в том числе детей. Прибыли в Москву и лидеры Коммунистической партии Испании. Со своей стороны, каудильо считал коммунизм, олицетворяемый сталинской империей, своим врагом номер один, призывал западные страны объединиться против него в крестовом походе.

После нападения фашистской Германии на СССР Франко послал на Восточный фронт «добровольческую» Голубую дивизию¹⁶⁷ (октябрь 1941 г. — октябрь 1943 г.), через которую прошло в общей сложности более 40 тыс. человек. Для СССР Испания была воюющей стороной, но официально войну ей Москва так и не объявила.

К концу Второй мировой войны вокруг Испании сложилась уникальная ситуация. Мировое сообщество осуждало режим Франко: и в официальных документах, и в прессе его называли не иначе, как пособником фашистской Германии и ставленником Гитлера. Но Испания формально сохраняла нейтралитет и по мере нарастания успехов союзников проявляла все большую гибкость в своей внешней политике.

В первые послевоенные годы в международной повестке стоял вопрос о смещении Франко тем или иным способом, т.е. фактически о пересмотре итогов Гражданской войны. За это выступали политики и общественность многих стран, воодушевлялась и активизировалась многочисленная республиканская эмиграция¹⁶⁸.

Самую активную роль в «испанском вопросе» играл СССР. Советское руководство делало ставку на поддержку партизанского движения, созданного в основном испанскими коммунистами, и одновременно — на использование против франкистской Испании механизмов новой «организации мира» — ООН. Были и попытки найти точки соприкосновения с западными союзниками, которые также заявляли о неприемлемости режима Франко.

¹⁶⁷ Пожарская С.П. Испанская «Голубая дивизия» на советско-германском фронте (1941–1943 гг.) // Крестовый поход на Россию. М.: Яуза, 2006. С. 328–374.

¹⁶⁸ Portero F. Franco aislado: la cuestión española (1945–1950). Madrid: Aguilar, 1989. P. 132; El Exilio Español de 1939 / Abellán J.L. (Coord.). T. II. Guerra y Política. Madrid: Taurus, 1976. P. 147; Valle J.M. Las instituciones de la República en exilio. Paris: Ruedo Ibérico, 1976. P. 91–98, 103.

Голубая дивизия в СССР

250-я пехотная дивизия вермахта неофициально называлась «Голубая дивизия». Идея ее создания принадлежала лидерам «Испанской фаланги», обязательной формой которой были синие рубашки. Формально Голубая дивизия считалась испанским добровольческим соединением, чтобы нейтральный статус франкистской Испании не подвергался сомнению. В целом против Красной Армии на советской земле сражались 45 482 испанских добровольца. Из них 4954 человека погибли, более 10 тыс. были ранены. Одновременно в «Голубой дивизии» служили около 20 тыс. солдат и офицеров.

В ее рядах было несколько десятков человек русских эмигрантов. Командующими дивизией были испанские генералы Агустин Муньос Грандес и Эмилио Эстебан-Инфантес. За время существования дивизии через нее прошло более 20% кадрового состава испанских вооруженных сил.

Зимой 1941/42 года Голубая дивизия воевала против советских войск под Великим Новгородом. С октября 1941 г. ей выделили более чем 40-километровый участок фронта от района Мясного Бора на севере до озера Ильмень на юге. Испанцы участвовали в окружении и пленении 2-й Ударной армии генерала Власова, перешедшего впоследствии на сторону Германии. В августе 1942 г. дивизию перевели с Волховского фронта под Ленинград, в район Красного Бора, между Пушкиным и Павловском. Она была в числе тех соединений, которые удерживали кольцо блокады Ленинграда зимой 1942/43 года 20 октября 1943 г. Франко принял решение о выводе дивизии из СССР и о ее расформировании.

Испанцы в большинстве своем не разделяли идей агрессивного расизма и верили, что отправились в Россию освободить русский народ от «большевистского ига», и потому своих врагов на фронте они называли не «русские», а «красные».

Испанский поэт и политик Дионисио Ридруэхо, вступивший в Голубую дивизию добровольцем-фалангистом, спустя десятилетия вспоминал: «В 1941 г. мне представился счастливый случай записаться добровольцем, чтобы сражаться в России. [...] Я покинул Испанию как убежденный интервент, перегруженный всеми националистическими предрассудками. Я был убежден, что англо-французская гегемония породила нищету и бедность Испании, что фашизм мог бы явить образец рациональной Европы, что советская революция — это “достойный враг”, которого мы должны уничтожить, либо вынуждены будем ему сдаться. [...] В моей биографии русская кампания стала позитивным опытом. Я, как и многие мои товарищи, испытывал не гнев, а, напротив, растущую симпатию к русскому народу и русской земле».

Так, на Потсдамской конференции «Большой Тройки» Сталин предложил резолюцию, призывающую «оказать поддержку демократическим силам в Испании». Резолюция была отвергнута. Правда, удалось воспрепятствовать принятию Испании в ООН. Тогда СССР выдвинул тезис, позволявший добиваться поставленной цели в рамках международного права: испанский режим представляет «угрозу миру и международной безопасности», что давало возможность воздействовать на Испанию путем международных санкций. Однако добиться признания этого тезиса Советом Безопасности, куда был внесен «испанский вопрос» (апрель 1946 г.), не удалось.

Итогом антифранкистской кампании стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1946 г. резолюции, рекомендовавшей всем государствам отозвать своих послов из Мадрида (а отнюдь не разорвать с ним дипломатические отношения, на чем настаивали некоторые делегаций во главе с советской). Но это лишь позволило Франко консолидировать свой режим под лозунгом отпора вмешательству извне и коммунистической угрозе.

К концу 1946 г. выявила свою бесперспективность партизанская борьба, не поддержанная испанским населением, ослабевала и международная «антифранкистская кампания». Теперь СССР был заинтересован, как минимум, в том, чтобы Испания, оставшаяся формально в западной сфере влияния, не стала одним из бастионов «холодной войны», сохраняла нейтралитет. Антифранкистская риторика в советской прессе, на международных форумах оставалась предельно жесткой.

Однако были предприняты очень осторожные попытки зондирования обстановки на предмет установления неофициальных контактов между Москвой и Мадридом. Согласно документам франкистов, в начале 1947 г. имели место несколько секретных встреч между испанским дипломатом Террасой и «доверенным лицом» советской стороны. Советский «агент» передал предложение вступить в переговоры для достижения соглашений между Испанией и СССР в экономической области. Кроме того, советская сторона проявила особую заинтересованность в «репатриации русских дезертиров и предателей»; взамен было обещано прекратить нападки советской пропаганды на франкистский режим, устранить угрозу внешнегo вмешательства в испанские дела, вернуть военнопленных из Голубой дивизии¹⁶⁹.

Для продолжения переговоров испанский дипломат получил инструкцию, над которой работали Франко и Луис Карреро Бланко. В инструкции были четко обозначены взгляды каудильо на возможность контактов с Советским Союзом. С самого начала следовало твердо заявить об основных принципах, которых была намерена придерживаться испанская сторона: испанцы отделяют свое отношение к русскому народу

¹⁶⁹ *Suárez Fernández L. Franco y la URSS. La diplomacia secreta (1946–1979). Madrid: Rialp, 1986. P. 46–56. Apéndice (documentos). P. 57–87.*

от отношения к советскому правительству; идеология режима является сугубо католической, антиматериалистической, антикоммунистической и одновременно антилиберальной; страна жестко ответит на любое нападение извне и т.п.

Перед СССР выдвигался ряд условий, при которых двусторонние отношения могли бы быть налажены: отказ Москвы от покровительства испанским политическим беженцам и от агрессивной позиции в ООН; предоставление Испании гарантий от вмешательства во внутренние дела и от «раздувания очагов внутренних конфликтов»; репатриация всех испанцев, «которые против своей воли находятся на территории СССР»¹⁷⁰.

Однако эти контакты были довольно быстро свернуты. Последняя секретная встреча состоялась в апреле 1947 г., уже после знаменитой речи Гарри Трумэна, излагавшей новую американскую внешнеполитическую доктрину. На встрече было отмечено, что благоприятный момент для достижения договоренностей миновал. В августе 1948 г. СССР прекратил поддержку антифранкистского партизанского движения в Испании. Вызвав в Москву руководителей КПИ, Сталин лично дал им указание сворачивать партизанские отряды и «искать новую тактику» борьбы¹⁷¹.

Но более или менее заметного поворота в двусторонних отношениях пришлось ждать еще много лет. Пока же можно было говорить о некоторых пробных шагах, предпринятых после смерти Сталина в 1953 г. Позиция Советского Союза по многим международным вопросам несколько смягчилась, хотя конфронтационная антизападная риторика не поменялась. Испания, со своей стороны, преодолела полную изоляцию и, заключив в сентябре 1953 г. военный и экономический пакты с США, увидела для себя определенные перспективы на международной арене.

В Советском Союзе было решено удовлетворить некоторые требования испанской стороны, касающиеся возвращения в Испанию бывших бойцов Голубой дивизии. В апреле 1954 г. 248 человек вернулись на родину на борту корабля, зафрахтованного французским Красным Крестом¹⁷². В сентябре 1956 г. было возвращено еще 557 человек, на этот раз на советском судне. В качестве ответного жеста франкистские власти освободили из заключения нескольких испанских коммунистов. Возвращать «предателей и дезертиров» они не стали.

Советское правительство постепенно меняло свою позицию по вопросу принятия Испании в ООН. В начале 1955 г. состоялась встреча

¹⁷⁰ Ibid. Apéndice. P. 68–77.

¹⁷¹ Сагомонян А.А. Испанский узел «холодной войны». Великие державы и режим Франко в 1945–1948 гг. М.: РОССПЭН, 2004. С. 209.

¹⁷² Pereira Castanares J.C. España y la URSS en una Europa en transformación // Cuadernos de Historia Contemporánea. 1993. No. 15. P. 194; Чечкин Д.А. Франкистская Испания и Советский Союз: зарождение и эволюция двусторонних отношений // Национальные приоритеты России. 2009. № 1.

Хосе Мария де Арейльса

испанского дипломата Хосе Марии де Арейльсы с постоянным представителем СССР при ООН Аркадием Соболевым, который информировал, что СССР больше не будет настаивать на том, чтобы при вступлении в эту организацию учитывалась внутренняя обстановка в странах-претендентах. 14 декабря 1955 г. Испания (вместе с 15 другими государствами) была принята в ООН, и советская делегация голосовала «за»¹⁷³. Вскоре на уровне посольств начались секретные контакты между дипломатами двух стран в Париже. Обсуждались возможности экономических и культурных обменов — гастроли артистов, работа корреспондентов, визиты специалистов и т.п.¹⁷⁴ Непосредственных результатов они тогда не принесли. Тем не менее после многих лет

открытой взаимной вражды опыт взаимодействия по дипломатическим каналам был очень важен. Однако сохранявшаяся идеологическая неприимчивость была вновь продемонстрирована в знаменитой речи Никиты Хрущева на Генеральной Ассамблее ООН в октябре 1960 г.: советский лидер назвал Франко «палачом испанского народа».

336 Франко, в полной мере понимая стратегическую значимость своей страны для США, во внешней политике порой позволял некоторую «многовекторность». Так, «несмотря на нажим американцев, он не прервал дипломатических и торгово-экономических отношений с Гаваной после победы на острове Куба революции, весьма критично отзывался о действиях США во время Карибского кризиса» 1962 г.¹⁷⁵ По некоторым данным, во время самого кризиса советские и испанские дипломаты, находившиеся на Кубе, встречались и вели переговоры.

Более того, в начале 1964 г. Франко через испанских дипломатов в Париже предложил советской стороне перейти к установлению дипломатических отношений. Однако Москва сочла, что это могло быть расценено как фактическое признание «фашистского режима» и, соответственно,

¹⁷³ Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосяк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики Испании... С. 315.

¹⁷⁴ Чечкин Д.А. Франкистская Испания...

¹⁷⁵ Орлов А.А. Испания в системе военно-политических организаций и союзов Запада: обретение нового лица. М.: ООСТ, 2000. С. 46.

большая идеологическая победа каудильо, и решила «не спешить». Определенную роль здесь сыграли и «особые отношения» советского руководства с КПИ, по-прежнему преследуемой франкистским режимом, а для советских людей воплощавшей память о героических временах Гражданской войны. Мнение Сантьяго Каррильо, генерального секретаря КПИ, по поводу установления официальных отношений между СССР и Испанией сводилось к тому, что большинство испанских коммунистов этого не примут и не поймут; что такой шаг возможен только после ухода Франко¹⁷⁶.

И все-таки именно в 1964 г. начались первые официальные контакты между представителями СССР и Испании. Касались они таких важных экономических вопросов, как судоходство и рыболовство. В советском посольстве в Париже было подписано соглашение, которое предоставляло советским судам право заходить в территориальные воды и порты Испании, аналогичным правом могли пользоваться испанцы в отношении советских портов¹⁷⁷. Таким образом, для Советского Союза был облегчен доступ в Средиземное море, но важен сам факт подписания официального договора между Испанией и СССР — через 25 лет после разрыва отношений. В мае 1966 г. соглашение было расширено; в результате в Мадриде появилось первое учреждение, принадлежавшее Советскому Союзу, — представительство Министерства морского флота СССР. А в феврале 1967 г. стороны обменялись нотами, которые сделали возможным регулярное взаимное обслуживание кораблей. С этого времени многотоннажные советские суда стали регулярно заходить в порты Канарских островов. В 1969 г. была подписана договоренность об открытии в Мадриде представительства судоходной компании Черноморского морского пароходства, которое обслуживало большинство пассажирских перевозок между странами¹⁷⁸.

В 1960-е гг. наконец стали возможны спортивные, культурные, научные контакты между представителями двух стран, хотя они и были

Аркадий Соболев

¹⁷⁶ См.: Дубинин Ю.В. Амбахадор! Амбахадор! Записки посла в Испании. М.: РОССПЭН, 1999. С. 12.

¹⁷⁷ См. подробнее главу «Торговые отношения между СССР и Испанией в годы франкизма».

¹⁷⁸ Pereira Castanares J.C. España y la URSS... P. 195.

Футбол вместо политики

В условиях политического противостояния большое значение приобрели неофициальные контакты, в первую очередь культурные и спортивные. Большую известность получил матч между сборными СССР и Испании в 1964 г. в финале Чемпионата Европы по футболу. Проведение этой встречи между командами государств — политических антагонистов было связано с целым рядом проблем. Еще свежи были воспоминания четырехлетней давности, когда в 1960 г. испанская сборная должна была ехать в Москву на четвертьфинальную встречу Кубка Европы. Федерация футбола Испании и СССР договорились, что 29 мая матч состоится в Москве, а 9 июня — в Мадриде. 25 мая в мадридском аэропорту в полной готовности стояли два самолета бельгийской авиакомпании *Sabena*, на которых испанская делегация должна была отправиться в Москву. В полдень западные телеграфные агентства со ссылкой на испанские источники передали из Мадрида: «Сборная Испании вылетает сегодня во второй половине дня в Москву». Но... уже через шесть минут в УЕФА получили телеграмму-молнию: «Просим аннулировать наше предыдущее сообщение. Испанская футбольная команда в Москву не едет». За этот шаг ФИФА присудила Испании техническое поражение, а СССР в тот год вышел в финал и стал чемпионом.

В 1964 г. встречу все же было решено провести. На ней собирался присутствовать Франко, который должен был вручить кубок победителю. Но исход состязания такого уровня редко можно предугадать, и было непонятно, что делать, если титул чемпиона достанется сборной Советского Союза. Как должен вести себя каудильо — один из главных борцов с коммунизмом, — если на пьедестал взойдет команда под красным флагом с серпом и молотом? Матч проходил в Мадриде 21 июня на стадионе «Сантьяго Бернабеу». Хозяева первыми открыли счет на шестой минуте, но уже через две минуты мяч оказался в их собственных воротах. Исход встречи был неизвестен до самого конца. Тем не менее испанские футболисты не подвели Франко: Марселино Мартинес забил решающий гол. Испания впервые стала чемпионом Европы, и впервые со времен Гражданской войны столь представительная делегация СССР оказалась в Испании. Местная пресса, освещая это событие, указывала и на его политическое значение. «Помимо очевидных спортивных ценностей этот финал Кубка европейских чемпионов имеет очень важное общественное и политическое значение, игнорировать которое может только упрямый слепец», — писала на следующий день газета *ABC*. Детали этого матча испанцы помнят до сегодняшнего дня. И в наши дни испанские газеты выходят с заголовками: «Бессмертный гол Марселино», «Полвека с исторического гола Марселино против СССР», «Самый известный гол в истории испанского футбола».

единичными. Идеологическое противостояние всей своей мощью давило именно на эту сферу. Но началось десятилетие «историческим» запретом Франко: он не позволил своей сборной по футболу выехать в «коммунистическую страну».

В 1966 г. в СССР выступала с концертами пара испанских гитаристов — Николас и Ильсе Альфонсо, одновременно по городам Испании гастролировал ансамбль народного танца Игоря Моисеева. В сентябре того же года советские специалисты по космосу приняли участие в научной конференции в Мадриде. В 1965 г. испанские историки, участники XII Международного конгресса исторических наук в Вене, смогли впервые посетить Москву (поездку организовал «Интурист») и были приняты на философском факультете МГУ¹⁷⁹. В 1966 г. была выдана виза на посещение Испании советскому поэту Евгению Евтушенко (через посольство в Париже)¹⁸⁰. В годы «холодной войны» он выполнял важную миссию — ездил по всему миру (что было позволено в СССР буквально единицам), представляя советскую культуру и советский образ жизни. В 1969 г. Испанию впервые смогла посетить «специальная туристическая группа». Ее члены встречались с высокопоставленными франкистскими чиновниками и в то же время — с членами находившейся в подполье Компартии Испании¹⁸¹.

Начало 1970-х гг. считается поворотным моментом в отношениях двух стран. Это было связано и с переменами в самой Испании, и с набиравшей силу разрядкой напряженности. Постепенно налаживалось конструктивное сотрудничество в рамках различных международных форумов и организаций, в первую очередь ООН. В 1969–1970 гг. Испания впервые стала непостоянным членом Совета Безопасности. Именно тогда, в начале 1969 г., советской и испанской делегациям удалось согласовать с остальными странами включение русского и испанского языков в число рабочих языков ООН. С 1970 г. на ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи стали регулярными двусторонние контакты на уровне министров иностранных дел СССР и Испании.

В эти годы Испания присоединилась к работе по подготовке Заключительного акта Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе (подписанному в Хельсинки в 1975 г. представителями 33 стран Европы, а также США и Канады). Испанские дипломаты внесли большое количество поправок и предложений, которые были приняты, в том числе и после согласования с делегацией СССР. В 1973–1975 гг. в рамках этих переговоров появилась возможность обсуждать не только общеевропейские дела, но и вопросы двусторонних отношений.

Главным достижением советско-испанского взаимодействия на том этапе можно считать подписание 15 сентября 1972 г. торгового

¹⁷⁹ Грозная Е.А. Политика Советского Союза в отношении Испании в 1963–1991 гг.: Дисс. ... Екатеринбург, 2004.

¹⁸⁰ Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В. и др. История внешней политики... С. 324.

¹⁸¹ Филатов Г.А. Неофициальные испано-советские отношения в период позднего франкизма: визит советской группы в Испанию в 1969 г. // Испания и Россия: исторические судьбы...

Здание МИД СССР

340

соглашения между двумя странами¹⁸². Зеленую улицу этому соглашению открыл неофициальный визит в Москву испанского министра иностранных дел Грегорио Лопеса Браво в декабре 1969 г., через два месяца после его назначения. Испанский дипломат встречался с высшим советским руководством, причем в центре внимания были вопросы развития торгового обмена. Состоялась встреча Лопеса Браво и с министром внешней торговли СССР Николаем Патоличевым. Результатом визита стало открытие в 1970 г. корреспондентских пунктов ТАСС в Мадриде и ЭФЕ в Москве. Раньше такие попытки уже были, но Франко лично их пресекал. На этот раз каудильо согласился с Лопесом Браво, убедившим его, что Испания сама в этом заинтересована¹⁸³. Весной 1971 г. Испания и Советский Союз объявили об установлении воздушного сообщения между Москвой и Мадридом.

В дополнение к торговому соглашению был подписан протокол, которым учреждались торговые представительства в двух столицах. Советским торгпредом был назначен Сергей Богомолов. Соглашение вступило в законную силу 28 февраля 1973 г. В условиях отсутствия полномасштабных дипломатических отношений стороны договорились, что несколько сотрудников, формально являясь работниками торгпредств, будут выполнять и дипломатические функции¹⁸⁴. А с осени 1973 г. в Москве и Мадриде

¹⁸² См. главу «Торговые отношения между СССР и Испанией в годы франкизма».

¹⁸³ *Pereira Castanares J.C.* España y la URSS... P. 195.

¹⁸⁴ *Борзова А.Ю.* Сергей Александрович Богомолов (1977–1978) // Российские дипломаты в Испании... С. 227.

Здание МИД
Испании

начала функционировать смешанная советско-испанская комиссия¹⁸⁵. Однако следующий логический шаг — установление полноценных дипломатических отношений — при жизни Франко был невозможен. Смерть диктатора в ноябре 1975 г. привела к переменам и внутри Испании, и в ее внешней политике. Восстановление советско-испанских отношений в феврале 1977 г. стало закономерным итогом непростого процесса перехода Испании к демократии.

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СССР и ИСПАНИЕЙ В ГОДЫ ФРАНКИЗМА

341

1 февраля 1947 г. испанский журналист Мануэль Пенелья де Сильва опубликовал в ежедневной газете *Arriba* корреспонденцию из Цюриха, в которой говорилось, что лучшей профилактикой против распространения «заразы коммунизма» станет вступление в торговые отношения с Россией¹⁸⁶. Но реализовать это удалось только через десять лет. В 1958 г. в статистическом сборнике «Внешняя торговля СССР» впервые появился раздел, посвященный Испании, в котором наиболее важными статьями советского экспорта были названы алюминий и целлюлоза, а также уголь и крабовые консервы. Основу испанского экспорта составляла продукция

¹⁸⁵ Чечкин Д.А. Франкистская Испания... С. 61.

¹⁸⁶ См.: Пожарская С.П. Франсиско Франко и его время. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 225.

сельского хозяйства: бананы, лимоны, миндаль и в первую очередь апельсины¹⁸⁷. За первые пять лет номенклатура товаров расширилась. Если в 1959 г. СССР поставил в Испанию два трактора (по всей видимости, это была пробная партия), то в следующем году — уже 350¹⁸⁸, а с 1963 г. советские сельхозмашины и оборудование уже поступали в Испанию на регулярной основе. Среди испанских товаров, которые получал СССР, на первое место в 1960 г. вышло штапельное волокно, необходимое для производства тканей и одежды. Согласно официальной статистике, в 1961 г. Испания впервые закупила в СССР дизельное топливо, а в 1962 г. продала в Советский Союз медь. Поставки меди стали важной частью экспорта Мадрида, однако объемы варьировались от года к году. Если в 1962 г. поставки меди составили 1200 т, то в следующем они упали вдвое — до 633 т¹⁸⁹. В советско-испанской торговле начала 1960-х появились и необычные статьи: так, Советский Союз в 1961 г. приобрел у Испании кинофильмы на 42 тыс. рублей.

Товарооборот был нестабильным: в 1958 г. он составил 9,5 млн. рублей, в следующем году уменьшился до 7,1 млн., в 1960 г. достиг 13,6 млн, а в 1961 г. опустился до 3,6 млн рублей. Падение продолжилось и в 1962 г. — 1,4 млн рублей, но уже в 1963 г. он вырос до 14,6 млн рублей. При этом за первые пять лет торговли с Испанией у СССР наблюдался отрицательный торговый баланс: с 1958 по 1962 г. он поставил товаров на 12,8 млн рублей, а получил на 22,4 млн. Эта ситуация изменилась в конце 1960-х гг., когда в советском экспорте возобладали нефтепродукты¹⁹⁰. Причиной колебаний могла быть неурегулированность отношений между двумя государствами¹⁹¹. Отсутствие официальных дипломатических и коммерческих связей приводило к тому, что торговля осуществлялась бессистемно и определялась отдельными контрактами между частными фирмами. В начале 1960-х гг. Испания занимала одну из последних строчек по уровню товарооборота СССР со странами Западной Европы. Тем не менее даже столь незначительные контакты создали задел для будущего развития отношений.

Во второй половине 1960-х гг. стали предприниматься систематические попытки нормализовать отношения, активизировались первые официальные контакты между представителями обеих стран и были подписаны первые торговые договоры. Уже в 1964 г. в Испании начали циркулировать слухи о том, что Москва и Мадрид скоро установят дипломатические отношения, причем фалангистские газеты *Arriba* и *Pueblo*, а также католическая *Ya* опубликовали статьи, поддерживавшие этот шаг¹⁹². Изменился тон вы-

¹⁸⁷ Внешняя торговля СССР за 1958 г. М.: Внешторгиздат, 1959. С. 75.

¹⁸⁸ Внешняя торговля СССР за 1960 г. М.: Внешторгиздат, 1961. С. 100.

¹⁸⁹ Внешняя торговля СССР за 1959–1963 гг. М.: Внешторгиздат, 1965. С. 255.

¹⁹⁰ Внешняя торговля СССР за 1972 год. М.: Внешторгиздат, 1973. С. 234.

¹⁹¹ Грозная Е.А. Политика Советского Союза... С. 40.

¹⁹² Shneidman L.J. Eastern Europe and the Soviet Union // Spain in the Twentieth-Century World: Essays on Spanish Diplomacy, 1898–1978. Westport, Connecticut: Praeger, 1980. P. 166.

ступлений и самого Франко. В беседе с Сальгадо Араухо в ноябре 1962 г. он, подчеркивая свое негативное отношение к коммунизму в целом, заявлял о миролюбии русского народа¹⁹³.

С отсутствием торгового соглашения оказалось связано и замораживание товарооборота. Это отмечал министр торговли Фаустино Гарсиа-Монко на встрече с представителями специализированной туристической группы, посетившей Испанию в феврале 1969 г. Он указал на ряд проблем, которые мешали развивать торговлю с СССР. Помимо политических сложностей, он назвал и причины экономического характера. Во-первых, недостаточная заинтересованность советских экспортно-импортных организаций в торговле с Мадридом. Во-вторых, «примитивный способ безналичных расчетов, основанный на клиринге». В-третьих, сложность и дороговизна операций, осуществлявшихся через швейцарские банки. В-четвертых, необходимость договариваться об экспортных поставках с одним советским министерством, а об импорте товаров — с другим¹⁹⁴.

Попытки испанцев решить эти проблемы наталкивались на бездействие советской стороны. Генеральный директор Испанского института иностранной валюты Мануэль Ортинес жаловался членам советской делегации, что еще с 1965 г. вел безуспешные переговоры об установлении прямых связей с Внешторгбанком СССР. По его словам, один из советских чиновников, приезжавший в Испанию в 1967 г., заверял его, что вопрос установления прямых отношений должен был решиться в ближайшее время, но за два года ситуация так и не изменилась¹⁹⁵. Тем не менее, испанская сторона не оставляла попыток найти выход из сложившейся ситуации. Член торговой палаты Барселоны Рамон Масрамон в ходе встречи с председателем президиума Всесоюзной торговой палаты Михаилом Нестеровым рассказал, что деловые круги Испании планируют договориться о поездке в Москву представителя их Внешнеторгового банка для подписания соглашений о платежах¹⁹⁶.

Все эти проблемы приводили к неустойчивому положению в торговле и во второй половине 1960-х гг., хотя общая тенденция развития товарооборота была возрастающей. В 1965 г. он составил 20 млн. рублей, в следующем упал до 11,5¹⁹⁷. А в 1968 г. достиг максимума с начала торговых операций — 30 млн. рублей¹⁹⁸.

Мадрид продолжал поставлять в основном продукты сельского хозяйства. Как и ранее, на первом месте были апельсины, затем миндаль, шафран,

¹⁹³ *Franco Salgado-Araujo F.* Mis conversaciones privadas con Franco. Barcelona: Planeta, 1976. P. 360. См. также главу «СССР и франкистское государство: от враждебности к сближению».

¹⁹⁴ Отчет о визите специальной туристической группы в Испанию. 1969 // Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 61. Д. 590. Л. 19.

¹⁹⁵ Там же. Л. 18.

¹⁹⁶ Там же. Л. 64.

¹⁹⁷ Внешняя торговля СССР за 1966 год. М.: МО, 1967. С. 170.

¹⁹⁸ Внешняя торговля СССР за 1968 год. М.: МО, 1969. С. 154.

Забывать о политике: первые советские туристы в Испании

В конце января 1969 г. в Испанию из СССР прибыла небольшая туристическая группа, организованная Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). Группа называлась «специализированной», поскольку ее членами были не просто туристы, но выдающиеся деятели советской науки и культуры. Подобные поездки имели скрыто пропагандистский характер — они были направлены на развитие контактов с общественными и культурными деятелями зарубежных стран и на демонстрацию успехов, достигнутых советской наукой и культурой. Состав этой группы был более чем репрезентативен. Среди ее членов были крупнейшие ученые-испанисты тех лет: лингвист, известный переводчик испаноязычной литературы Венедикт Виноградов; выдающийся специалист по искусству Испании Татьяна Каптерева-Шамбинаго; крупный исследователь литератур Испании, Португалии и Латинской Америки, литературовед Инна Тертерян; а также представители мира искусства: народный художник Армении Григор Ханджян; оперная певица, солистка Большого театра Ирина Масленникова; режиссер-постановщик Большого театра Борис Покровский.

Эту группу встречали не только их коллеги — она удостоилась приемов высокопоставленными испанскими чиновниками, в том числе тремя членами правительства. Все участники встреч с испанской стороны в большей или меньшей степени говорили о необходимости улучшать отношения между Москвой и Мадридом. Министр просвещения и науки Виллар Паласи рассказывал советским гостям о возможностях сотрудничества в образовании и налаживании научного обмена профессоров университетов. В беседе с министром торговли Фаустино Гарсиа-Монко поднимались проблемы торговли между Испанией и СССР, вызванные отсутствием торгового договора. На встрече с министром информации и туризма Мануэлем Фрагой Ирибарне обсуждался вопрос агрессивной критики политики обеих стран средствами массовой информации. Фрага выразил надежду на скорое восстановление двусторонних отношений и отметил, что сам был бы не против стать послом Испании в СССР. Подобное желание высказал и Иларио Хосе Солас Гарсиа, известный философ, заведующий кафедрой гуманитарных и социальных наук Мадридского автономного университета, человек, довольно близкий Франко. В разговоре с участниками группы он сообщил, что представил Франко план постепенной нормализации отношений между двумя странами, получивший одобрение генералиссимуса.

В Испании конца 1960-х гг. понимали, что в условиях открытого политического противостояния двух систем найти точки сближения с СССР можно только через деятелей науки и культуры. Особые советские туристы — интеллектуальная и культурная элита советского общества — оказались в нужное время и в нужном месте. Это была очень важная советская делегация, хотя она и имела неофициальный характер. Испанцы отдавали себе в этом отчет и уделяли данному визиту повышенное внимание, рассчитывая, что позиция Мадрида будет доведена до советского руководства. Так и оказалось: отчет о поездке был направлен непосредственно в ЦК КПСС.

оливковое масло. Ежегодно Советский Союз закупал агар-агар, рис и некоторые другие продукты испанского аграрного сектора. Из товаров других отраслей СССР получал трикотаж, шерстяную пряжу, барит, листовую сталь. Но в этот период Испания переживала дефицит торгового баланса с СССР.

Значительно бóльшим разнообразием отличалась номенклатура товаров, которые Испания получала из СССР. На первом месте в поставках были нефть и нефтепродукты. Из Советского Союза поступала также продукция тяжелого машиностроения: машины и оборудование, металлообрабатывающие станки, прессы, экскаваторы, тракторы. Периодически Испания приобретала советское медицинское оборудование, приборы, то есть продукцию высокой степени обработки. Поскольку эти поставки имели ежегодный характер, можно утверждать, что товары советского машиностроения пользовались в Испании устойчивым спросом. Мадрид также получал продовольствие: мясо, сухое молоко, крабовые консервы, водку. Время от времени Испания закупала некоторые советские кинофильмы.

Важную роль в развитии коммерческих отношений между двумя странами играли соглашения по вопросам судоходства и рыболовства. В 1964 г. начальник Управления внешних сношений Министерства морского флота СССР И. Аверин согласовал с испанскими представителями условия захода кораблей двух стран в порты друг друга. Соглашение об этом было подписано в советском посольстве в Париже и расширено договоренностями в последующие годы¹⁹⁹. Гораздо более важными для развития коммерческих отношений между Испанией и СССР стали соглашения 1969 г., регламентировавшие вопросы рыболовства, что позволило вывести двусторонние отношения на совершенно новый уровень. Эти договоренности разрешали советским рыболовным судам базироваться в испанских портах, которые могли быть использованы для отдыха экипажей, ремонта и снабжения советского рыболовного флота топливом, провизией и другими необходимыми вещами. Для этого в Москве и Мадриде должны были открыться представительства соответствующих судоходных компаний. Предполагалось направить по четыре представителя от каждой стороны²⁰⁰. В договоренностях фигурировал пункт, гласивший, что Советский Союз будет поощрять использование именно испанских портов, если условия в них будут не менее благоприятными, чем в других портах этого региона. Эти формулировки обеспокоили короля Марокко, который полагал, что в такой ситуации коммерческое значение могут потерять порты его собственной страны²⁰¹. Однако испанская сторона имела в виду другое: она настаивала, чтобы советские суда не заходили в Гибралтар. Представители же Советского Союза вовсе не хотели

¹⁹⁹ *Shneidman L.J.* Eastern Europe... P. 169; *Грозная Е.А.* Политика Советского Союза... С. 42–43. См. также главу «СССР и франкистское государство: от враждебности к сближению».

²⁰⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 590. Л. 49.

²⁰¹ *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS en una Europa en transformación // Cuadernos de Historia Contemporánea. 1993. No. 15. P. 195.

упоминать в финальном тексте договора эту территорию Великобритании. В результате компромисса и появился пункт о «других портах региона»²⁰². По этим соглашениям советские корабли в качестве пункта базирования смогли использовать порты Канарских островов. В результате количество заходящих туда советских судов значительно увеличилось²⁰³. Если в 1968 г. доля советских судов, заходивших в порты Ла-Лус и Санта-Крус-де-Тенерифе, составляла 11,06%, то уже в 1969 г. — 30%. В 1971 г. почти 40% пришвартовавшихся в этих портах судов были под флагом Советского Союза.

Отсутствие официальных торговых отношений между СССР и Испанией привело к тому, что заметную роль в торговых операциях стали играть фирмы-посредники, наиболее крупными из которых были *Weimer* и *Prodag*. Эти предприятия являлись испанскими агентами таких советских внешнеторговых объединений, как «Машиноэкспорт» (поставки продукции советского машиностроения за рубеж), «Станкоимпорт» (экспорт и импорт станков), «Машприборинторг» (торговля приборами), «Союзплодоимпорт» и «Продинторг» (коммерческие операции с сельскохозяйственными продуктами)²⁰⁴, т.е. фактически эти фирмы представляли советские государственные торговые структуры.

С испанской стороны сотрудничество происходило в основном через частные компании²⁰⁵, но и испанцы в значительной мере осуществляли торговлю с СССР при помощи фирм, за которыми стояли официальные структуры Испании. Так, 46% акций «Главной табачной компании Филиппин» принадлежало Испанскому институту иностранной валюты²⁰⁶. Именно она совместно с советской стороной с 1971 г. владела совместным советско-испанским предприятием «Совиспан», которое находилось на острове Гран-Канария и специализировалось на обслуживании советских судов, занимавшихся рыболовецким промыслом в Атлантике. В то же время «Табачная компания» выполняла некоторые функции, не свойственные коммерческой фирме. Так, именно она организовывала пребывание советской специализированной группы в Испании в 1969 г.²⁰⁷

СССР не был первым государством социалистического блока, которое установило официальные коммерческие отношения с Мадридом. Торговые представительства стран Восточной Европы появились в Испании намного раньше, чем советское. В 1963 г. Испания и Венгрия в ходе переговоров в Вене

²⁰² Это было отмечено в советском отчете о переговорах, обнаруженном в бывшем архиве ЦК КПСС (РГАНИ) См.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 590. Л. 49.

²⁰³ *Yányshev Nésterova I.* “Sovhispan”: una joint venture hispano-soviética // *Anuario de Estudios Atlánticos*. 2016. № 62. P. 4.

²⁰⁴ *Грозная Е.А.* Политика Советского Союза... С. 46.

²⁰⁵ Там же. С. 38.

²⁰⁶ *Yányshev Nésterova I.* “Sovhispan”: una joint venture... P. 8.

²⁰⁷ *Filatov G.* La visita del grupo especial de “turistas soviéticos” a España en el año 1969, en el contexto de las relaciones URSS — España durante el tardofranquismo // *Cuadernos de Historia Contemporánea*. 2016. Vol. 38. P. 167.

Ю.В. Дубинин и сотрудники «Совиспан»

договорились обменяться неофициальными торгпредствами²⁰⁸, и в испанской столице появилось бюро Венгерской торговой палаты²⁰⁹. В 1968 г. торговый договор заключили Варшава и Мадрид. Интенсификация отношений со странами Восточной Европы в целом и с СССР в частности в конце 1960-х гг. была связана с перестановками в правительстве Испании, которые привели на пост министра иностранных дел стал Грегорио Лопес-Браво. Результатом его визита в СССР (декабрь 1969 г.) стало заключение 15 сентября 1972 г. торгового соглашения, которое в декабре было ратифицировано кортесами. Главной целью Испании при заключении соглашения являлось снижение уровня дефицита в торговых отношениях с Советским Союзом. Москва же в первую очередь хотела получить возможность создать торговое представительство в Мадриде²¹⁰.

Договор способствовал развитию торговли между двумя странами, которая стала носить значительно более регулярный характер. Резко увеличился и ее объем. Так, если в 1971 г. товарооборот составлял 22 млн рублей, то в 1972 г. он вырос почти вдвое — до 43 млн, а в 1974 г. достиг 149 млн рублей

²⁰⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 59. Д. 359. Л. 200.

²⁰⁹ Там же. Оп. 61. Д. 590. Л. 66.

²¹⁰ Чечкин Д.А. Франкистская Испания и Советский Союз... С. 61.

и продолжил расти. В последний год правления Франко товарооборот составил 189 млн рублей²¹¹. Небывалый рост, отмеченный в 1974 г., был связан с увеличением стоимости нефти и нефтепродуктов в результате кризиса на Ближнем Востоке и эмбарго, введенного арабскими странами против западных государств. При этом номенклатура поставок не сильно изменилась. СССР продолжал поставлять разнообразные товары: оборудование, станки, некоторые виды продовольствия, бытовую технику. Но основной доход теперь давала продажа нефти. Небольшие изменения произошли в испанском экспорте: к традиционным продуктам сельского хозяйства добавились материалы для производства обуви и одежды. Раньше они поставлялись в Советский Союз от случая к случаю, теперь же, в период с 1973 по 1975 г., эти продукты стали постоянно присутствовать в статьях советского импорта из Испании. В 1973 г. Москва и Мадрид обменялись торговыми представительствами. Таким образом, торговля позволила развивать связи между обоими государствами, несмотря на их идеологические и политические противоречия. Именно благодаря торговым связям была заложена основа для установления дипломатических отношений между СССР и Испанией в годы переходного периода.

---

²¹¹ Внешняя торговля СССР за 1975 год. М.: Статистика, 1976. С. 9.

И ИСПАНИЯ НА ПУТИ К ДЕМОКРАТИИ И СССР

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИСПАНИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ И ОТНОШЕНИЯ С СССР

В 1975 г., после смерти генерала Франко, Испания и Советский Союз вступили на путь восстановления отношений, преодолевая отчуждение, подозрительность, а порой и открытую враждебность, существовавшие между государственными системами, а также огромную неосведомленность, разделявшую народы. Взаимное признание правительств Москвы и Мадрида и установление дипломатических отношений в феврале 1977 г. сыграли огромную роль в возрождении исторического диалога — процесса, который развивался вплоть до распада Советского Союза в 1991 г.

Испания рассматривала выстраивание отношений с Советским Союзом на основе сотрудничества и растущего доверия, как часть более масштабного процесса нормализации международных связей демократического государства¹. В речи по случаю провозглашения королем Испании Хуан Карлос I объявил «всем народам о своем стремлении к миру и взаимопониманию при уважении национальных особенностей и прав каждого народа на создание политических институтов в соответствии со своей самобытностью»². В последующие годы Испания укрепила свои международные позиции, вступив

349

¹ Las relaciones exteriores de la España democrática / Gillespie R., Rodrigo F., Story J. (Eds.). Madrid: Alianza, 1995; *Pereira Castañares J.C., Fernández Fernández-Cuesta J.M.* La política exterior y la dimensión internacional de la transición española. Testigos y protagonistas (1976–1986). Madrid: Thomson Reuters Aranzadi, 2016; *Villar F.* La Transición exterior de España. Del aislamiento a la influencia (1976–1996). Madrid: Marcial Pons, 2016.

² Цит. по: Discursos. — http://www.casareal.es/ES/actividades/Paginas/actividades_discursos.aspx (дата обращения 28.02.2018).

в такие организации, как Совет Европы, НАТО и ЕЭС, членство в которых ранее было для нее закрыто. Она урегулировала отношения с США — ключевой страной для своего международного признания со времени Мадридских соглашений 1953 г., пересмотрела приоритетные направления внешней политики, особенно со странами Латинской Америки и Магриба. Отношения между Испанией и СССР развивались в общем контексте этой политики, и демократические правительства Адольфо Суареса, Леопольдо Кальво Сотело и Фелипе Гонсалеса стремились определить подходящие Испании «место»³ и роль в системе международных отношений, которые соответствовали бы демократической стране, переживающей ускоренный процесс экономической, политической и социальной модернизации.

Отношения с СССР в начальный этап переходного периода в испанской внешней политике (1976–1982). Таким образом, установление дипломатических отношений с Советским Союзом стало частью новой внешней политики, предусматривавшей признание стран, с которыми Испания не имела отношений во время диктатуры Франко, — стран Восточного блока (из которых в 1973 г. отношения были установлены только с ГДР), а также Мексики и Израиля. Однако попытки министра иностранных дел Хосе Марии де Арейльса убедить мир в реформистских намерениях правительства Карлоса Ариаса Наварро оказались напрасными⁴. Переходный период во внешней политике начался в июле 1976 г., когда правительство возглавил Адольфо Суарес, а министром иностранных дел стал Марселино Ореха. Цель правительства заключалась в том, чтобы политическая система Испании полностью отвечала международным демократическим принципам, а соответствующая ей внешняя политика была основана на универсализации отношений, присоединении к международным соглашениям о правах человека, многостороннем подходе к решению международных проблем и вступлении Испании в организации европейского строительства. Речь шла о том, чтобы добиться международного признания молодой монархии и испанского демократического государства, а также способствовать их стабильности посредством упрочения позиций в мире⁵.

С 1973 г., согласно договору между Советским Союзом и Испанией, в Мадриде и Москве начали работать торговые представительства с консульскими функциями. Обе страны участвовали в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в 1973–1975 гг., ставшем еще одной площадкой для испано-советского диалога⁶. Таким образом, инструменты для налаживания

³ *Morán F.* España en su sitio. Barcelona: Plaza y Janés, 1990.

⁴ *Areilza J.M. de.* Diario de un ministro de la Monarquía. Barcelona: Planeta, 1998; *Calvo-Sotelo L.* Sobre la transición exterior. Discurso de recepción del Académico de Número Excmo. Sr. D. Leopoldo Calvo-Sotelo Bustelo, Marqués de la Ría de Ribadeo: sesión del día 16 de noviembre de 2005. Madrid: Real Academia de Ciencias Morales y Políticas, 2005.

⁵ *Powell C.S.* Cambio de régimen y política exterior. España, 1975–1989 // *La política exterior de España en el siglo XX / Tusell J., Avilés J., Pardo R. (Eds.).* Madrid: UNED, 2000. P. 413–453.

⁶ См. главу «СССР и франкистское государство: от враждебности к сближению».

сотрудничества в конкретных областях уже были созданы: 12 мая 1976 г. Испания и СССР подписали соглашение о воздушном сообщении⁷, осенью того же года в Мадриде состоялась встреча испано-советской комиссии по подготовке торгового договора, и торгово-промышленные палаты СССР и Испании подписали соглашение о развитии двусторонней торговли⁸. Правительство СССР следило за процессом демократических реформ в Испании, ведь в отличие от португальского революционного процесса 1974–1975 гг. переход этой страны к демократии развивался постепенно и на основе общественного консенсуса, а потому не угрожал стабильности и разрядке в Европе, что в те годы было главным приоритетом для Брежнева и Громыко⁹.

Для полной нормализации отношений не хватало политического импульса. Им стал принятый в декабре 1976 г. правительством Адольфо Суареса Закон о политической реформе, гарантировавший демократическое будущее Испании. В январе 1977 г. советская и испанская дипломатические делегации провели переговоры об установлении отношений между Испанией и СССР. В ходе этих переговоров, по словам посла Юрия Дубинина, было решено «начать работать с нуля и говорить не о восстановлении дипломатических отношений, а об их установлении», чтобы смотреть в будущее, не оглядываясь на прошлое¹⁰. В Министерстве иностранных дел Испании руководствовались теми же соображениями, когда было принято решение, что не стоит предъявлять претензии по поводу судьбы «золота Москвы»¹¹.

Дипломатические отношения на уровне посольств были официально установлены 9 февраля 1977 г.¹² Испанское правительство отправило послом в Москву Хуана Антонио Самаранча. А Сергей Богомолов стал первым советским послом в Мадриде со времен Второй республики. Его резиденция находилась в арендованном офисе до тех пор, пока в 1986–1991 гг. на улице Веласкеса не было построено здание, ставшее постоянным местонахождением посольства. Послом к тому времени стал Сергей Романовский¹³.

⁷ *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS... P. 189–206, особенно p. 196.

⁸ *Borzova A.* Serguéi Alexándrovich Bogomólov (1977–1978) // Российские дипломаты в Испании... С. 527–534, особенно С. 529.

⁹ *Centenera J.* La Transición exterior española y la larga mano de Moscú. Madrid: Quienquerreme S.L., 2013. P. 67–83.

¹⁰ *Dubinin Y.* Embajador, embajador. Madrid: Unión FENOSA, 2000. P. 23. См. также главу «Установление дипломатических отношений в 1977 г.: неизвестные страницы».

¹¹ *Perinat L.G.* Recuerdos de una vida itinerante. Madrid: Compañía Literaria, 1996. P. 206.

¹² Испанию представляли в Москве послы Хосе Антонио Самаранч (1977–1980), Луис Гильермо Перинат (1981–1983), Хосе Луис Ксифра (1983–1986) и Хосе Куэнка Анайя (1986–1992). СССР в Испании представляли послы С.А. Богомолов (1977–1978), Ю.В. Дубинин (1978–1986), С.К. Романовский (1986–1991) и И.С. Иванов (1991–1994).

¹³ *Oreja M.* Memoria y esperanza. Relatos de una vida. Madrid: La Esfera de los Libros, 2011. P. 294. Самаранчу оказались очень полезны контакты, установленные им в СССР во время подготовки Олимпийских игр в Москве 1980 г., для его избрания президентом Международного олимпийского комитета именно в этом городе в июле того же года. См.: *Samaranch J. A.* Memorias olímpicas. Barcelona: Planeta, 2002. P. 51–53.

Советские дипломаты в Испании: Сергей Богомолов

Сергей Александрович Богомолов (1926–14.9.2004) был первым Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Испании и занимал эту должность с 19 февраля 1977 г. по 9 октября 1978 г. Он происходил из семьи известного советского дипломата. Его отец, Александр Богомолов, начал работу в Народном комиссариате иностранных дел в 1939 г. и прошел путь до заместителя министра иностранных дел в 1944–1950 гг. По стопам отца пошел и Сергей Богомолов. Молодой дипломат в 1955–1959 гг. работал в посольстве СССР в Вашингтоне, а в 1966–1969 гг. — в Париже, на ключевых направлениях советской внешней политики. В 1969 г. он перешел на новое направление — испанское: стал заместителем начальника Агентства Черноморского морского пароходства и приложил немало усилий для восстановления отношений между двумя странами. Через восемь лет, 15 апреля 1977 г., Сергей Богомолов прибыл в Мадрид в новом качестве — первого советского посла в Испании. 5 мая, вступая в должность и вручая верительные грамоты королю Испании Хуану Карлосу I, он сказал: «Мы знаем, что у нас в Испании много друзей и что наши народы объединяют взаимные симпатии и дружелюбие».

Сергей Богомолов руководил посольством до октября 1978 г., и за этот короткий срок посольство проделало значительную работу, выстраивая советско-испанские дипломатические отношения с самого фундамента — с договорно-правовой базы. В Москве Богомолов продолжил работу в МИДе, где в 1978–1986 гг. возглавлял Управление по проблемам

В апреле 1977 г. правительство Суареса легализовало Коммунистическую партию Испании, и свойственный франкистскому режиму антикоммунизм окончательно ушел в прошлое — тем самым путь к новому этапу отношений с СССР был открыт. С первых месяцев 1977 г. советско-испанские связи нормализовались и стали более тесными, что привело к активизации политических визитов, технического сотрудничества, а также культурного обмена.

Тем не менее на первом этапе отношений Испании и СССР их взаимное сближение отягощал груз недоверия, накопившийся за десятилетия изоляции и взаимного отчуждения, а также ограничения, навязанные динамикой борьбы двух блоков. Отношения Мадрида и Москвы осложнялись из-за наличия американских военных баз на испанской территории и возможного вступления Испании в Североатлантический договор. До 1980 г., при правительстве Суареса и при Марселино Орехе во главе МИДа, общее направление внешней политики Испании оставалась несколько неопределенным; в ней наблюдались признаки сближения с Движением неприсоединения, и Москва пыталась эту тенденцию поощрять¹⁴. Несмотря на это, в целом программа

¹⁴ Dubinin Y. Embajador... P. 29.

ограничения вооружений и разоружения. В течение двух последних лет работы в министерстве он занимал должность главного советника Управления по планированию внешнеполитических мероприятий. В 1988 г. заслуженный дипломат вышел в отставку, оставаясь вице-президентом общества «СССР–Испания». В честь его 75-летия в поздравительном адресе МИД России было сказано:

Король Хуан Карлос I и С.А. Богомолов. Мадрид. 1977

«Работая длительное время в Испании по заданию Министерства иностранных дел в качестве заместителя начальника Агентства Черноморского пароходства, затем заместителя торгового представителя и как Чрезвычайный и Полномочный Посол, Вы многое сделали для установления дипломатических отношений с этой страной после краха франкистского режима, установили широкие деловые контакты, активно участвовали в развитии наших межгосударственных отношений».

правительства Мадрида была атлантической, нацеленной на интеграцию Испании в НАТО. Эта ориентация привела к трениям, проявившимся во время официального визита Марселино Орехи в Москву в январе 1979 г. — первого визита в СССР министра иностранных дел Испании. Председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин и министр иностранных дел Андрей Громыко указывали Орехе на дестабилизирующее воздействие, которое вступление Испании в Североатлантический альянс окажет на равновесие между блоками, особенно в Европе и Западном Средиземноморье. В обмен на отказ от вступления в Альянс советское правительство даже предложило Испании свою поддержку и ряд экономических соглашений, а также поставки энергоносителей, в первую очередь нефти, по приемлемым ценам¹⁵.

Двусторонние трения также имели место при рассмотрении проблемы терроризма ЭТА, за которым некоторые испанские политики усматривали «длинную руку» Москвы, однако Косыгин категорически отвергал эти намеки. Еще одной причиной разногласий стали права человека, причем степень расхождения была столь велика, что ТАСС подверг цензуре все упоминания этой темы

¹⁵ Oreja M. Memoria... P. 296–299.

М. Ореха и А.А. Громыко. Москва. 1979.
Переводит А.А. Орлов

354

почву для взаимопонимания, Суарес и Ореха подчеркнули заинтересованность испанцев в увеличении торговых и культурных связей, которые из-за позднего установления дипломатических отношений находились тогда на весьма скромном уровне. Затем последовала встреча Громыко с королем Хуаном Карлосом, которую советский министр назвал очень сердечной¹⁹. Помимо подписания ряда соглашений, главной целью этих визитов было создание климата доверия между двумя сторонами после десятилетий взаимной враждебности²⁰.

Орехой в речи на официальном обеде в присутствии Громыко¹⁶. В ходе ответного визита в Испанию 19–21 ноября 1979 г. Громыко старался не затрагивать тему НАТО напрямую, однако воспользовался случаем и попытался «запугать» испанцев, заявив, что страны, не имеющие ядерных баз на своей территории, не будут затронуты ядерным апокалипсисом¹⁷. На переговорах стороны выявили и обсудили точки соприкосновения для подготовки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, проведение которого планировалось в Испании в следующем году. Там страны Варшавского договора намеревались отстаивать принцип «нерасширения военных блоков»¹⁸. Стремясь найти

¹⁶ Oreja M. Memoria... P. 299. Идея о возможной причастности СССР к терроризму ЭТА была подхвачена средствами массовой информации и политическими партиями, такими как Баскская националистическая партия, но не было никаких доказательств прямой поддержки Москвой этой организации. См.: Fernández Soldevilla G. Héroes, heterodoxos y traidores. Historia de Euskadiko Eskerra (1974–1994): Madrid: Tecnos, 2013; Centenera J. La Transición... P. 287–298.

¹⁷ Morán F. Una política exterior para España. Barcelona: Planeta, 1980. P. 149.

¹⁸ Durán-Loriga J. Memorias diplomáticas. Madrid: Siddharth Mehta Ediciones, 1999. P. 261.

¹⁹ Gromyko A. Memorias. Madrid: El País Aguilar, 1989. P. 253.

²⁰ Oreja M. Memoria... P. 195.

На пути нормализации испано-советских отношений возникли и различные испытания. Испания, примкнув к западному блоку, осудила советское вторжение в Афганистан в декабре 1979 г. и в результате отменила визит советского министра внешней торговли Николая Патоличева, а также отвергла любую возможность официальных визитов короля или Суареса в Москву, над которыми уже давно велась работа²¹. Мадрид и Москва обменялись взаимными обвинениями в шпионаже, которые привели к высылке глав представительства «Аэрофлота» в Испании и «Иберии» в СССР, а также нескольких дипломатов²². Несмотря на это, обе страны старались развивать возможные связи: Испания приняла участие в Олимпийских играх в Москве в 1980 г., отказавшись поддержать бойкот западных стран во главе с США.

После избрания в феврале 1981 г. председателем правительства Леопольдо Кальво Сотело и замены несколькими месяцами ранее Орехи на Хосе Педро Переса Льюрку испанское правительство отказалось от внешнеполитической неопределенности предшествующего периода и обратилось с просьбой о вступлении в НАТО. Принятое в декабре 1981 г. решение повлекло за собой максимальное охлаждение отношений между Мадридом и Москвой в 1981–1982 гг.²³ Советский Союз продолжал оказывать давление на испанское правительство, пытаясь добиться пересмотра этого решения, что привело к разногласиям и нарастанию напряженности между двумя странами. 7 сентября 1981 г. советский временный поверенный в делах Игорь Иванов передал в МИД Испании меморандум советского правительства под названием «Планы вступления Испании в Североатлантический блок». В нем Москва предупреждала Мадрид о негативных последствиях, которые будет иметь вступление Испании в НАТО, враждебный СССР альянс. Испанское правительство вернуло ноту и в ответном официальном коммюнике заявило об «очередной вопиющей попытке советского вмешательства»²⁴. 30 мая 1982 г. Испания стала новым членом Североатлантического союза, и СССР ответил на это событие новой нотой, составленной в жестком тоне²⁵. Несмотря на все это, даже во время процесса ратификации вступления в НАТО Испания и Советский Союз находили точки соприкосновения — так, обе страны выступили против оккупации Израилем Голанских высот, а также воздержались при голосовании в Совете Безопасности ООН по вопросу о выводе аргентинских войск с Мальвинских островов в апреле 1982 г.²⁶

²¹ *López Muñoz I.* Las relaciones España-URSS atraviesan un momento delicado // *El País*. 10.02.1980.

²² *López I.* La URSS puede desvelar informaciones sobre personas cercanas a Suárez // *El País*. 17.02.1980.

²³ *Dubinin Y.* Embajador... P. 95–96.

²⁴ *Calvo Sotelo L.* Memoria viva de la transición. Barcelona: Plaza y Janés, 1990. P. 130–131; *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS... P. 204.

²⁵ *Perinat L.G.* Recuerdos... P. 210–211.

²⁶ *Dubinin Y.* Embajador... P. 125; *Story J.* Redefinición de las relaciones exteriores de España: 1975–1989 // *Las relaciones exteriores de la España democrática...* P. 69.

Завершение переходного периода во внешней политике и отношения с Москвой (1982–1985). Приход к власти Фелипе Гонсалеса после победы Испанской социалистической рабочей партии на выборах 1982 г. ознаменовал начало нового этапа в испанской внешней политике и, соответственно, в отношениях с СССР. Гонсалес и министр иностранных дел Фернандо Моран, сменивший на этом посту Франсиско Фернандеса Ордоньеса в 1985 г., завершили международную интеграцию Испании ее вступлением в Европейское сообщество и решением о членстве в НАТО, утвержденном на референдуме, прошедшем в марте 1986 г.

Испанское правительство постаралось наладить сотрудничество и с СССР, чтобы обеспечить завершение работы форума СБСЕ, проходившего в Мадриде с 1980 г. Еще ранее Испания была выбрана местом проведения этого форума, в том числе и благодаря советской поддержке.

Во время обострения напряженности в Европе из-за развертывания советских ракет SS-20 (РСД-10 «Пионер») и американских «Першингов» и крылатых ракет только благодаря вмешательству Монклоа [Монклоа — резиденция испанского правительства] в 1983 г. была преодолена жесткая позиция Андропова и Громыко, поначалу полностью отвергавших согласованный западным блоком документ о нейтральных и неприсоединившихся странах²⁷. В результате удалось согласовать Заключительный акт, приемлемый как для СССР и его союзников, так и для группировки НАТО, а также для нейтральных и неприсоединившихся стран²⁸. Позднее в своих мемуарах Громыко выразил признательность Испании — стране, принимавшей СБСЕ, за ее посредническую деятельность, и особенно Гонсалесу и Морану, выступавшим за углубление советско-испанских отношений, свободных от внешнего давления²⁹.

Подписание Итогового документа Мадридской встречи СБСЕ в 1983 г. едва не провалилось, когда США и СССР обменялись в Мадриде жесткими обвинениями по поводу сбитого недалеко от полуострова Камчатка южнокорейского «Боинга-747» с 269 пассажирами на борту. Испания ввела санкции против СССР, временно запретив полеты «Аэрофлота» в Испанию, на что Москва ответила запретом полетов «Иберии» в Советский Союз. Однако испанская делегация добилась отклонения предложения осудить действия СССР, выдвинутого государственным секретарем США Джеймсом Шульцем, что позволило завершить работу Совещания принятием Заключительного акта и наметить направления дальнейшей работы форума³⁰.

Возможно, из-за реакции Запада на развертывание ракет SS-20 СССР был вынужден занять более умеренную позицию и предпочел проявить

²⁷ *Morán F. España...* P. 151.

²⁸ *Ibid.* P. 219–220.

²⁹ *Gromyko A. Memorias...* P. 253.

³⁰ *Morán F. España...* P. 220–224.

готовность к дальнейшему разоружению и мерам по обеспечению всеобщей безопасности и созданию атмосферы доверия, как заявил Громыко Морану в Стокгольме в январе 1984 г.³¹ В результате за период между визитами в СССР Морана (29.05 — 03.06.1983) и королевской четы в мае 1984 г. атмосфера двусторонних отношений заметно улучшилась³².

Визит короля был успехом с политической и дипломатической точек зрения. По мнению испанского министра, он стал «настоящей вехой в отношениях с СССР и способствовал закреплению представлений» об Испании как «о западной стране, которая покончила с изоляцией, навязанной ей предшествующим режимом». Король встретился с Генеральным секретарем ЦК КПСС Константином Черненко в Екатерининском зале Кремля при участии председателя Совета Министров СССР Николая Тихонова, а также Громыко и Морана. На этот раз «Правда», уделившая, как и все советские СМИ, много внимания визиту королевской четы, не подвергла цензуре ни одну запятую из речи короля Хуана Карлоса на официальном ужине, в которой он «в весьма жестких выражениях» обратился «к проблеме прав человека». Все это свидетельствовало об изменении советской позиции по отношению к Испании³³.

СССР принял тот факт, что Испания, вероятно, даже при правительстве социалистов останется в НАТО, поэтому его ожидания были направлены на то, что роль Мадрида в Альянсе будет отличаться «определенной автономией и гибкостью»³⁴. Ситуация прояснилась после того, как 23–25 октября 1984 г. во время дебатов в кортесах о положении в стране Фелипе Гонсалес озвучил внешнеполитические планы своего правительства: постоянное членство в НАТО, но без включения в ее военную структуру, недопущение ядерного оружия на испанскую территорию, согласованное снижение интенсивности двусторонних отношений с США, возможное участие в Западноевропейском союзе и подписание Договора о нераспространении ядерного оружия³⁵.

Во время визита в Испанию в феврале 1985 г. в ходе встреч с королем Хуаном Карлосом и Гонсалесом Громыко выразил безоговорочное согласие с решением испанской стороны и благодарность за то, что Испания отказалась предоставить свою территорию для размещения ядерного оружия НАТО, направленного против стран Варшавского договора³⁶. Мартовский референдум 1986 г. ратифицировал членство Испании в НАТО и положил конец периоду внешнеполитической неопределенности, а также определил границы участия Испании в Альянсе, что стало основой для дальнейшего развития испано-советских отношений.

³¹ Ibid. P. 268.

³² *Dubinín Y. Embajador...* P. 155–157, 172–183.

³³ *Morán F. España...* P. 337–338.

³⁴ Ibid. P. 152.

³⁵ Ibid. P. 370.

³⁶ Ibid. P. 421–422; *Dubinín Y. Embajador...* P. 205–208.

Первый визит испанского короля в СССР

За все годы отношений между Советским Союзом и Испанией, а если обратиться к прошлому, то и в истории всех испано-русских отношений, глава испанского государства впервые оказался на русской земле в мае 1984 г. В течение недели, с 10 по 16 мая, король Хуан Карлос I и королева София побывали в Москве и Ленинграде, Самарканде и Ташкенте, проехав в общей сложности около 8000 км.

Испанские политики и советское руководство связывали с визитом короля большие надежды, прежде всего на укрепление взаимных контактов и на активное взаимодействие на международной арене. Именно эти идеи прозвучали в речах, которыми обменялись Генеральный секретарь КПСС Константин Черненко и король Хуан Карлос I на торжественной встрече в Кремле 11 мая 1984 г. Черненко отметил, что различие общественно-политических систем Испании и СССР и несходство позиций по некоторым международным проблемам не являются препятствием для конструктивного сотрудничества. Хуан Карлос предложил удвоить усилия обеих сторон для того, чтобы отношения между Советским Союзом и Испанией обрели более интенсивный ритм и многогранное содержание, поскольку это пойдет на пользу взаимным интересам сторон.

Оба руководителя подчеркнули, что основой советско-испанских отношений были и будут «взаимное уважение и невмешательство в дела друг друга» и стремление к «долгосрочному миру». Испанский монарх обратил внимание на то, что «народ, который должен был заплатить высокую цену, чтобы отразить внешнюю агрессию, как советские люди, и народ, который заплатил такую же высокую цену, чтобы завоевать демократию, как испанцы, должны пройти еще долгий путь, чтобы создать и внести свой вклад в создание такого мира, которым бы управляли свобода и согласие, уважение прав человека и демократия в обществе и политике». Хуан Карлос I говорил и о своей личной заинтересованности в визите в Советский Союз, связанной с убежденностью, что «ни одно государство не должно жалеть усилий, направленных на улучшение международной обстановки».

В эти годы определенные достижения затронули и другие сферы двустороннего сотрудничества. Испано-советским торговым отношениям был придан значительный импульс развития благодаря усилиям послов Юрия Дубинина в Мадриде и Хосе Луиса Ксифры де Осерина в Москве; вырос интерес к испанским культурным мероприятиям в СССР и к советским — в Испании, хотя культурные связи еще не отличались высокой активностью³⁷. Были подписаны соглашения для расширения

³⁷ *Morán F. España... P. 153.*

Визит королевской четы в СССР был наполнен не только важными официальными встречами. Хуан Карлос I и королева София стремились познакомиться с историей и культурой страны: в их программу были включены Ленинград, воплощение имперского и революционного прошлого, Узбекистан с его средневековыми памятниками, Троице-Сергиева Лавра и Звездный городок. Король Испании встретился и с «детьми войны» — теми людьми, в судьбе которых соединились истории двух народов. И для Советского Союза, и для демократической Испании визит короля стал историческим событием, открывшим новый период в развитии связей между двумя государствами. «Оптимизм» — так охарактеризовала *El País* общую атмосферу этой поездки.

Хуан Карлос I и королева София с К.У. Черненко.
Москва, 1984

взаимного сотрудничества в области экономики, науки, техники и культуры. Но случались и неудачи. В феврале 1984 г. Испания и СССР подтвердили Соглашение об условиях рыболовства и пребывания советских моряков на Канарских островах, так называемые «Письма Боадо» (по имени чиновника, который подписал его в 1967 г.). Однако из него были исключены положения, которые испанское правительство сочло чрезмерными уступками по отношению к СССР³⁸. С другой стороны, во

³⁸ Ibid. P. 338.

время визита короля в Москву испанцы не добились, чтобы Громыко отказался от бойкота советскими спортсменами Олимпийских игр в Лос-Анджелесе в 1984 г.

И все же достижения были: в 1983–1986 гг., благодаря упрощению советских бюрократических процедур, в Испанию стали возвращаться «дети войны»³⁹. В итоге к середине 1980-х гг. отношения Испании и СССР нормализовались и были стабильными, хотя и омрачались отдельными разногласиями. Но, пожалуй, главным достижением советско-испанского диалога после смерти Франко, по словам Громыко, стало то, что «Москва и Мадрид научились разговаривать друг с другом. А это уже большое дело»⁴⁰.

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1977 ГОДУ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Предыстория подписания договора об установлении дипломатических отношений между СССР и Испанией практически неизвестна. Поэтому вниманию читателей предлагаются воспоминания Александра Орлова, который именно тогда начинал работать в Первом Европейском отделе МИД и непосредственно участвовал в переговорах...

* * *

360

С началом процесса демократизации в Испании в постфранкистский период приобрел определенную актуальность вопрос нормализации советско-испанских отношений. В Москве внимательно наблюдали за развитием демократических преобразований в Испании, стремились понять, являлся ли он банальной ширмой для придания более благопристойного вида обветшалому франкистскому фасаду или действительно новой политикой Мадрида, призванной вывести Испанию в разряд современных, процветающих, демократических государств. В Отчетном докладе XXV съезду КПСС, с которым выступил Леонид Брежнев (24.02.1976), об Испании было сказано всего несколько слов — что в этой стране «зашатался франкистский режим»⁴¹. Но сам факт появления в тексте доклада этого короткого пассажа говорил о многом: в Кремле видят и учитывают происходящие в Испании перемены. Несколько позже в другом выступлении Брежнева было отмечено, что в Советском Союзе с интересом следили за процессом демократизации политической жизни в Испании и желали испанскому народу дальнейших успехов на этом пути⁴².

³⁹ *Morán F.* España... P. 153.

⁴⁰ *Gromyko A.* Memorias... P. 254.

⁴¹ Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976. С. 29.

⁴² *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. Т. 6. М.: Политиздат, 1978. С. 340.

К концу 1976 г. необходимость восстановления советско-испанских дипломатических отношений в Москве не вызывала сомнений. Оставалось только выбрать подходящий момент, чтобы сделать этот шаг. Но здесь возникли непредвиденные сложности. В то время для СССР большое значение имел фактор солидарности с «братскими» коммунистическими партиями, который зачастую преобладал над прагматическими интересами развития межгосударственных отношений.

Так произошло и в случае Испании. В декабре 1976 г. в Мадриде был арестован генеральный секретарь КПИ Сантьяго Каррильо, который находился в эмиграции и въехал в страну нелегально. Несмотря на то что отношения КПСС с «еврокоммунистическим» ядром КПИ к этому времени серьезно осложнились, в Москве не могли закрыть глаза на задержание лидера испанских коммунистов. В коридорах советского МИДа тогда говорили, что инцидент с Каррильо задержал нормализацию двусторонних отношений на полтора-два месяца. И только после освобождения Каррильо и его соратников этот процесс был продолжен.

Сегодня трудно с полной достоверностью сказать, так это или нет. Юрий Дубинин, который в тот период являлся заведующим Первым Европейским отделом МИД СССР, писал в этой связи, что «в январе 1977 г. испанское правительство предложило СССР провести переговоры об установлении дипломатических отношений. Москва дала положительный ответ. [...] Переговоры состоялись 26 и 27 января и прошли конструктивно»⁴³.

Тем не менее в пользу версии предшествовавших этому дипломатических контактов все же говорит то, что чисто бюрократически согласовать столь быстро (получается, за две — максимум три недели) и, по сути, с нуля сроки и повестку дня переговоров при отсутствии дипломатических отношений и, соответственно, устойчивых каналов связи очень сложно. Как представляется, Дубинин имел в виду «вторую попытку» наладить диалог, предпринятую после освобождения Каррильо. Однако пусть это останется маленькой тайной «Мадридского двора» и «Смоленской-Сенной»⁴⁴.

Для проведения переговоров в Москву прибыл Генеральный директор Департамента Европы и атлантических дел МИД Испании Антонио Элиас Мартинена. С советской стороны переговоры было поручено вести Дубинину.

Для меня эта испанская эпопея была настоящим праздником — за полгода до этого я окончил МГИМО. Сейчас в российском МИДе

⁴³ Дубинин Ю.В. Становление современных российско-испанских отношений // Международная жизнь. 2011. № 1. — <https://interaffairs.ru/jauthor/material/383> (дата обращения 27.05.2018).

⁴⁴ МИД России, а ранее — СССР, располагается в Москве на Смоленской-Сенной площади. Поэтому иногда МИД России называют «Смоленская-Сенная» по аналогии, например, с Ке д'Орсе во Франции.

Испанией занимается довольно много сотрудников, а тогда эта Страна за Пиренеями была настоящей экзотикой. В апреле 1974 г., то есть менее чем за три года до описываемых событий, в Португалии произошла «революция гвоздик», покончившая с многолетним режимом Салазара–Каэтано. Были нормализованы двусторонние советско-португальские отношения. Это потребовало создания отдельного сектора Испании и Португалии в Первом Европейском отделе МИД СССР. Но на момент начала «испанской истории» трудилось в нем, если мне не изменяет память, всего четыре человека, причем, что естественно, с «португальским уклоном». Работы же было непочатый край, поскольку задача состояла в том, чтобы подготовить основу для воссоздания отношений с крупным европейским государством, с которым прежде нашу страну связывали прочные политические, военные, экономические и чисто человеческие связи, но затем в них образовался почти сорокалетний перерыв.

В конце 1976 — начале 1977 г. Москва и Мадрид начинали новый этап в своей истории не совсем с чистого листа. К этому времени уже получили определенное развитие торгово-экономические и культурные контакты. В сентябре 1972 г. было подписано межправительственное торговое соглашение, на основе которого в Москве и Мадриде начали свою деятельность торговые представительства двух стран, которые с 1974 г., наряду с торговыми, стали официально выполнять и консульские функции. А неофициально, по умолчанию, и дипломатические. Торговым представителем Испании в СССР в тот период был кадровый дипломат, посол Рафаэль Феррер Сагрерас. А вот представитель МИД СССР Сергей Богомолов не являлся главой советского торгпредства в Мадриде. Он трудился в испанской столице в должности заместителя руководителя нашей торговой миссии.

В ходе визита в Москву испанской делегации во главе с Антонио Элиасом был согласован текст сообщения о нормализации советско-испанских отношений. В этом документе сказано об установлении, а не о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Испанией. Мне позже многократно задавали вопрос об этом, причем всякий раз пытались доказать, что это, видимо, ошибка, допущенная переговорщиками по недоразумению. Ошибки здесь никакой нет. Логика позиции советской стороны — а именно мы настояли на слове «установление» — заключалась в том, что Советский Союз полностью нормализует отношения с новой, демократической Испанией, отменяя тем самым всякое франкистское наследие. Дубинин, помнится, твердо стоял на этой позиции — а он умел жестко, последовательно, не нарушая при этом канонов дипломатической этики и уважительного отношения к партнерам по переговорам, отстаивать нашу линию. Вся его богатая дипломатическая карьера это убедительно подтвердила. Дубинин был одним из руководителей советской делегации в процессе выработки Заключительного акта СБСЕ и отточил на берегах Женевского озера, где проходил многолетний переговорный марафон, свое умение виртуозно

вести дипломатический диалог. В конце концов, проявив со своей стороны добрую волю, испанцы согласились с нашими доводами.

И Москва, и Мадрид были тогда в равной степени заинтересованы побыстрее договориться об установлении дипломатических отношений. Если бы не история с Каррильо, Советский Союз стал бы первой социалистической страной, нормализовавшей отношения с постфранкистской Испанией⁴⁵. Получилось же так, что Москву опередили Румыния, установившая дипломатические отношения с Испанией 21 января 1977 г., Югославия и Болгария — обе 27 января 1977 г., и Польша — 31 января 1977 г.

Антонио Элиас запомнился как весьма умелый, тонкий дипломат. Мне трудно судить, каких политических взглядов он придерживался, поскольку и в ходе переговоров, и в дипломатическом общении он был выдержан и предельно корректен. Чем, как казалось, завоевал симпатию Дубинина, который, как бы размышляя вслух, однажды бросил такую фразу, что было бы хорошо, если бы Элиас стал испанским послом в Москве. Это не праздное замечание, поскольку на заре демократии в Испании некоторые испанские собеседники особо не скрывали — или скрывали, но плохо, — что не слишком симпатизировали нашей стране.

Такие настроения я испытал на собственном опыте, когда в 1978 г. впервые попал в Испанию в составе делегации Министерства финансов СССР, прибывшей в Мадрид для проведения переговоров о разработке договора об избежании двойного налогообложения. Кстати, эти контакты тогда ничем не завершились, и подобное соглашение было заключено позже.

Испанский торгпред в Москве Рафаэль Феррер не отпускал Антонио Элиаса от себя ни на шаг. Со стороны казалось, что в стане испанцев существовало скрытое соперничество за позиции «первого лица» на переговорах. А возможно, Феррер просто видел в Элиасе конкурента. Он откровенно позиционировал себя как будущего испанского посла в СССР и, судя по всему, связывал с этим предполагаемым назначением виды на дальнейшее быстрое продвижение по карьерной лестнице. Его планам, как известно, не суждено было реализоваться.

Первым послом демократической Испании в Советском Союзе был назначен Хуан Антонио Самаранч, чей политический вес, конечно, был несопоставим с возможностями Феррера. Хотя, вероятно, назначение Феррера на пост посла в Москве кто-то в Мадриде действительно активно лоббировал, и даже, может быть, существовали какие-то конкретные договоренности на сей счет.

---

⁴⁵ Официальные отношения между Испанией и ГДР были установлены при Франко, однако разорваны в сентябре 1975 г. после казни баскских антифранкистов. Случай с ГДР — особый. И Испания, и ГДР испытывали в период установления отношений сложности с дипломатическим признанием и были заинтересованы в расширении сферы дипломатических контактов.

Испанские дипломаты в СССР: Хуан Антонио Самаранч

9 февраля 1977 г. завершился 40-летний разрыв в советско-испанских отношениях. Ключевую роль в этом процессе сыграл Хуан Антонио Самаранч (17.07.1920–21.04.2010), видный общественный деятель, признанный одним из наиболее выдающихся представителей олимпийского движения XX столетия. 8 августа 1977 г. в Кремлевском дворце Самаранч вручил верительные грамоты заместителю председателя Президиума Верховного Совета СССР Ивану Полякову. Таким образом, в свои 58 лет он стал первым испанским послом в СССР с 1936 г. Ранее он участвовал в политической жизни Барселоны на местном уровне, затем был избран членом нижней палаты кортесов (1967–1977) и председателем депутации Барселоны (1973–1977).

В своей приветственной речи на церемонии вручения верительных грамот Самаранч заявил о необходимости уважения государственного суверенитета и, соответственно, о «невмешательстве во внутренние дела стран». Новый глава испанской миссии добавил: «Восстановление дипломатических отношений должно послужить на благо обоих народов, способствовать миру и согласию между государствами». Самаранча сопровождали дипломаты Эухени Бреголат и Хуан Хосе Сантос, первый и второй секретари посольства Испании. Спустя 15 лет Бреголат был назначен послом в России.

Главной целью Самаранча было стимулирование экономического и торгового обмена между двумя странами. Результатом этой работы стало установление воздушного сообщения Мадрид–Москва, активизация сотрудничества в области спорта, подписание соглашений в сфере рыболовства, налаживание связей в области науки и технологий. Установление дипломатических отношений содействовало развитию торгового обмена между двумя странами. Он вырос с 6 млн песет в 1973 г. до 46 млн песет четыре года спустя. Именно в эти годы началась репатриация «детей войны», чему активно способствовал Самаранч.

Первым серьезным испытанием для Самаранча стали Олимпийские игры 1980 г. в Москве. Испания сначала отказалась участвовать в этом спор-

Кандидатура Самаранча появилась совершенно неожиданно. Сектору Испании и Португалии МИД было дано срочное задание узнать о нем побольше. Выяснилось, что в молодости он состоял в фаланге, в течение 10 лет был членом франкистских кортесов (*procurador* — так Франко решил называть депутатов своего парламента, по некоторой аналогии с членами старинных кортесов Кастилии, чтобы избежать любой ассоциации с республиканскими временами), в 1970-е гг. председательствовал в Провинциальном совете Барселоны. В общем, на первый взгляд ничего хорошего от предложенной испанцами кандидатуры своего первого — после долгого перерыва в отношениях — посла в СССР ожидать не следовало. На то обстоятельство, что

После церемонии вручения верительных грамот. Х.А. Самаранч и И.Е. Поляков. 1977

тивном форуме в знак протеста против ввода советских войск в Афганистан. Однако после того, как Франция приняла решение о своем участии в играх, Испания последовала ее примеру. Самаранч оставил должность посла 17 октября 1980 г.: 16 июля в Думе Союзов в Москве он был избран президентом Международного олимпийского комитета. Он возглавлял организацию в течение 21 года и покинул данный пост также в российской столице в июле 2001 г.

Самаранч с 1974 г. был вице-президентом Международного олимпийского комитета (МОК), никто в спешке даже не обратил внимания. А напрасно! О Самаранче можно рассказывать много. Благодаря своей бурной энергии, запредельной активности, прочным позициям в политическом и экономическом истеблишменте Испании и личному обаянию этот человек очень быстро сумел создать для себя в Москве прочные позиции «нашего испанского друга», обзавестись широким кругом знакомств в самых различных сферах, в том числе и на высшем политическом уровне, что позволило ему получить поддержку Национального олимпийского комитета СССР и НОКов социалистических стран при выборах президента Международного олимпийского

Хуан Карлос I, Ю.В. Дубинин и И.С. Иванов

комитета в 1980 г., состоявшихся в ходе Московской Олимпиады. И главное: по-моему, он относился к нашей стране с искренней симпатией и глубоким уважением, проявлял огромный личный интерес к ее истории и культуре. Его резиденция на улице Палиашвили в самом центре Москвы быстро стала местом, где собирались «друзья Испании». Там можно было встретить будущего президента Олимпийского комитета

России Виталия Смирнова, художника Илью Глазунова, который при непосредственном содействии посла Самаранча получил широкую известность в Испании, писал портреты членов королевской семьи, а позже декорировал здание советского посольства в Мадриде, открытого перед первым визитом Михаила Горбачева в Испанию в октябре 1990 г.

366

Но вернемся на несколько лет назад. Дипломатические отношения между Советским Союзом и Испанией были установлены 9 февраля 1977 г. Этот акт был оформлен путем обмена нотами между членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР Андреем Громыко и министром иностранных дел Испании Марселино Орехой Агирре, что призвано было подчеркнуть, как позже отмечал Дубинин, значение этой договоренности. В совместном сообщении говорилось, что СССР и Испания будут развивать отношения между собой на основе принципов мирного сосуществования, в соответствии с Уставом ООН и в духе договоренностей, достигнутых на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Одновременно была выражена обоюдная уверенность в том, что установление дипломатических отношений между СССР и Испанией будет способствовать дальнейшему развитию сотрудничества в политической, торгово-экономической, культурной и других областях на благо советского и испанского народов, в интересах укрепления мира и безопасности в Европе и во всем мире⁴⁶.

Сама процедура обмена нотами состоялась в заранее согласованное время 9 февраля одновременно в Москве (в 12.00 по местному времени) и Мадриде (в 10.00 по местному времени). В Москве советская нота была вручена заместителем министра иностранных дел СССР Анатолием Ковалевым, курировавшим в МИД СССР Первый Европейский отдел, испанскому

⁴⁶ Известия. 1977. 9 февраля. № 34 (18489).

Советские дипломаты в Испании: Юрий Дубинин

Юрий Владимирович Дубинин (7.10.1930–20.12.2013) дипломатическую карьеру начал в Париже в 1950-е гг., сначала как сотрудник посольства СССР, а потом и секретариата ЮНЕСКО. В 1968 г. он вернулся в Москву, где вскоре возглавил Первый Европейский отдел МИД. Как член Коллегии МИД и заведующий этого отдела Дубинин в начале 1977 г. принимал участие в переговорах с испанской делегацией во главе с генеральным директором Европейского департамента Антонио Элиасом Мартиненой об установлении дипломатических отношений между СССР и Испанией, а в 1978 г. был назначен туда Чрезвычайным и Полномочным Послом. С его деятельностью связано первое десятилетие после восстановления дипломатических отношений между СССР и Испанией, когда произошло полномасштабное разрывывание двусторонних связей. Начальный этап отношений двух стран, как отмечал в своих воспоминаниях советский дипломат, «складывался сложно, поскольку в Москве плохо представляли обстановку в Испании, людей, оказавшихся у власти в Мадриде, не знали». Советское правительство, очерчивая круг вопросов, которые могли бы сблизить обе страны, ставило перед дипломатами цели содействовать развитию и утверждению в Испании демократии, вовлечь Испанию в политику разрядки международной обстановки. После подписания ряда соглашений и — с начала 1984 г. — регулярного обмена парламентскими делегациями, обмена визитами министров иностранных дел расширилась договорно-правовая база взаимоотношений, углубились торгово-экономические, научно-технические связи. Говоря словами самого посла, «испанский веер политики раскрывался все шире Советскому Союзу».

В 1986 г. Дубинин был назначен на пост постоянного представителя СССР при ООН, отсюда он отправился в Вашингтон — послом СССР в США, а затем вернулся в Европу — послом СССР во Франции. В 1991 г. он стал послом по особым поручениям МИД России, а в 1994 г. — заместителем министра иностранных дел России. Завершил свою дипломатическую карьеру он Чрезвычайным и Полномочным послом России на Украине в ранге заместителя министра иностранных дел. Уйдя в отставку в 1999 г., Ю.В. Дубинин написал множество книг о дипломатии, среди которых особое место занимает книга «Амбахадор! Амбахадор! Записки посла в Испании». Как сказал о нем один испанский журналист, он был «советским послом, который изменил отношения с Испанией».

представителю Рафаэлю Ферреру. На мероприятии присутствовали Дубинин, другие сотрудники Первого Европейского отдела, от испанской стороны — сотрудники Торговой делегации Эухенио Бреголат и Хуан Хосе Сантос. Симптоматично, что Дубинин и Бреголат станут позже послами своих стран, соответственно, в Испании (1978–1986) и в России (1992–1996).

Первым же послом СССР в Испании после нормализации отношений был назначен Сергей Богомолов, который, в отличие от Феррера, никогда такую перспективу публично не обсуждал. Весной 1978 г. мне довелось лично познакомиться с ним. Невысокий, худощавый, с редкими волосами на голове, хотя ему еще не исполнилось пятидесяти, он произвел на меня впечатление человека скромного, интеллигентного, не слишком пробивного, для которого новая высокая должность в Мадриде, вероятно, стала несколько неожиданным, но весьма приятным подарком. Все же совершить головокружительный прыжок с должности зам. торгпреда в послы не каждому удастся! Мне такое решение советского руководства виделось вполне логичным и правильным. Хотя, возможно, этот шаг имел более глубокий смысл, чем могло показаться на первый взгляд, и носил не только и не столько личностную окраску, а отражал государственный подход: дать понять испанцам, что появление новой, более важной персоны во главе советского дипломатического представительства в Мадриде будет зависеть от того, как будут развиваться советско-испанские отношения на новом этапе и как в принципе будет протекать процесс перехода к демократии, одной из главных составляющих которого было очищение Испании от франкизма.

Осенью 1978 г. Богомолова на посту советского посла в Испании сменил Дубинин — дипломат однозначно более высокого статуса и положения в системе советского МИДа. Здесь удачно совпали государственные и личные интересы. Для Дубинина было очень важно попробовать себя на новом поприще действующего посла в крупной и важной европейской стране с точки зрения советских внешнеполитических интересов. Как известно, Испания стала для него важной стартовой площадкой для последующих посольских назначений, среди которых были должности Постоянного Представителя СССР при ООН в Нью-Йорке, посла СССР в США, посла СССР во Франции и посла России на Украине. Дубинин, как и Самаранч, внес огромный вклад в развитие советско/российско-испанских отношений, создав в них прочный положительный задел, который до сих пор позволяет успешно преодолевать сложности, с которыми могут сталкиваться межгосударственные отношения на определенных этапах исторического развития.

ПЕРЕСТРОЙКА И СОВЕТСКО-ИСПАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

С приходом к власти Михаила Горбачева в марте 1985 г. открылась историческая возможность перспективного развития отношений между Востоком и Западом, и Фелипе Гонсалес это быстро осознал⁴⁷. Политические, социальные и экономические реформы, смелые инициативы советского руководителя в области безопасности и разоружения способствовали снятию напряженности в советско-испанских отношениях и послужили основой для заметного укрепления двусторонних связей. Горбачев произвел на Гонсалеса благоприятное впечатление

⁴⁷ Story J. Redefinición... P. 69.

во время встречи в Москве на похоронах Черненко⁴⁸, и испанское правительство поддержало реформаторский курс советского лидера. Председатель правительства Испании любил повторять, что теперь нужно «ставить на перестройку», а это означало «ставить на демократию и свободу»⁴⁹. Речь шла и о том, чтобы «ставить» на разоружение и разрядку: Испания была среди стран, активно поддержавших предложение об уничтожении РСД (ракет средней дальности), выдвинутое Горбачевым в феврале 1987 г.⁵⁰ Первоначальная настороженность по отношению к советскому лидеру была быстро преодолена, и Горбачев стал пользоваться в Испании огромной популярностью. Благодаря советскому лидеру концепции *гласности, перестройки и нового мышления* приобрели большую известность, а с его деятельностью связывали большие ожидания. По словам журналистов, Испанию, как и весь мир, охватила «горбимания»⁵¹.

Визит председателя правительства Испании в СССР состоялся в мае 1986 г. — через несколько дней после катастрофы в Чернобыле, что вызвало особую признательность советского руководителя. На встрече с Горбачевым Гонсалес и министр иностранных дел Испании Франсиско Фернандес Ордоньес обсудили перспективы советско-испанского сотрудничества в решении международных проблем⁵². Тогда у лидеров двух стран возникли «прекрасные личные и рабочие отношения», которые укрепились благодаря многочисленным встречам в последующие годы⁵³. Сам Горбачев писал в мемуарах об «испанском компоненте нового мышления», о том, что испанский опыт перехода к демократии представляет большой интерес для реформ в СССР, о непринужденности и взаимопонимании в отношениях с Гонсалесом⁵⁴. Тем не менее Гонсалес не раз пытался обратить внимание советского лидера на различия между процессом перестройки в СССР и испанским переходом к демократии, который, по его мнению, не мог служить моделью, безоговорочно применимой к советским реалиям⁵⁵.

За эти годы активизировались связи и участились взаимные визиты министров, парламентариев, руководителей и представителей общественных организаций обеих стран⁵⁶. Среди них особую важность имел визит в Испанию советского министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе в январе 1988 г. Тогда были подписаны Программа сотрудничества в области

⁴⁸ Morán F. España... P. 470.

⁴⁹ Cuenca J. De Suárez a Gorbachov. Testimonios y confidencias de un embajador. Madrid: Plaza y Valdés, 2014. P. 224–225.

⁵⁰ Ibid. P. 299–300.

⁵¹ Cuenca J. De Suárez... P. 311.

⁵² Gromyko A. Memorias... P. 253–254; Cuenca J. De Suárez... P. 240.

⁵³ Delgado Fernández S., Sánchez Millas P. Francisco Fernández Ordóñez. Un político para la España necesaria, 1930–1992. Madrid: Biblioteca Nueva, 2007. P. 356.

⁵⁴ Gorbachov M. Memorias. Barcelona: Círculo de Lectores y Plaza & Janés. 1996. Vol. 2. P. 869–871.

⁵⁵ Cuenca J. De Suárez... P. 324.

⁵⁶ Gorbachov M. Memorias... P. 871.

Ф. Гонсалес и М.С. Горбачев. 1991

имел «не просто успех, а сумасшедший успех»⁵⁸. Более того, испанское правительство принимало советского лидера впервые в истории. В Мадриде король Хуан Карлос заверил Горбачева: «Здесь вы встретите людей, стремящихся оказать искреннюю помощь Советскому Союзу», и действительно, центральной темой двусторонних переговоров стала испанская поддержка советских реформ. Гонсалес заявил, что приложит все усилия, чтобы международная общественность, и в особенности Европейское экономическое сообщество, поддержала курс перестройки в СССР⁵⁹. Они подробно обсудили будущее Советского Союза, а Горбачев произнес в кортесах речь, в которой изложил свое видение будущего Европы. В завершение этого визита Испания предоставила СССР кредитную линию на три года на сумму 1,5 млрд долларов, или 150 млрд песет, однако общий объем кредита пересматривался по мере распада СССР, и к 1992 г. была использована только его шестая часть⁶⁰. Кроме того, в Монклоа были подписаны Советско-Испанская политическая декларация, меморандум о консультациях и пакет из двенадцати соглашений о сотрудничестве в различных сферах, включая содействие осуществлению и взаимную защиту инвестиций, создание совместных предприятий, кооперацию в промышленности и энергетике, в особенности поставки советского газа в Испанию, сотрудничество в области науки и технологий. Все это свидетельствовало о высоком уровне двусторонних отношений⁶¹. Еще в 1989 г.,

торгово-экономических связей и Программа культурного и научного сотрудничества на 1988–1989 годы⁵⁷. Затем последовал визит Фернандеса Ордоньеса в СССР в марте 1989 г. с целью поддержки процесса реформ и укрепления двустороннего сотрудничества, а также официальный визит в Испанию в октябре 1990 г. Михаила Горбачева с супругой, который, по словам испанского посла в Москве Хосе Куэнки,

⁵⁷ Borzova A. Serguéi Kalistrátovich Romanovski // *Diplomáticos rusos en España...* P. 550.

⁵⁸ Cuenca J. De Suárez... P. 312.

⁵⁹ Gorbachov M. *Memorias...* P. 872–873.

⁶⁰ Delgado Fernández S., Sánchez Millas P. Francisco Fernández Ordóñez... P. 357–358; Pereira Castañares J.C. *España y la URSS...* P. 200.

⁶¹ Gorbachov M. *Memorias...* P. 876; Riva Á. de la. *La visita de Gorbachov a España // Política Exterior. Vol. IV. 1991. No. 18. P. 106–122.*

воспользовавшись председательством Испании в ЕЭС в первом полугодии, Мадрид способствовал переговорам о подписании Соглашения о торговле и экономическом и коммерческом сотрудничестве между ЕЭС и СССР⁶².

Как пояснил в 1990 г. Фернандес Ордоньес, Испания содействовала преобразованиям в СССР двумя путями. Во-первых, через ЕС, поддерживая «политические реформы, экономическую либерализацию и усилия по преодолению раскола Европы — все это посредством финансовой помощи и программ действий, которые разрабатывались и утверждались в Брюсселе, причем вклад Испании в них составлял чуть более 8%». Во-вторых, путем сотрудничества в развитии советско-испанской торговли, поддержки «культуры предпринимательства» в СССР через «совершенствование внешней инфраструктуры, расширение соглашений и поиск возможностей консенсуса и совместных действий в Центральной и Восточной Европе»⁶³.

Фелипе Гонсалес нанес ответный визит Горбачеву 7–8 июля 1991 г., когда был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Испанией. Так Испания стала одной из немногих западных стран (наряду с Францией, ФРГ и Италией), имевших отношения с СССР на самом высоком уровне в институциональной форме⁶⁴. Однако эта высшая точка двусторонних отношений была достигнута в тот момент, когда в СССР накопились внутренние проблемы и в стране нарастал политический, экономический и государственно-территориальный кризис⁶⁵. Всего через месяц была предпринята провалившаяся попытка государственного переворота против Горбачева. На фоне нерешительности многих западных лидеров, готовых принять триумф заговорщиков и счесть эпоху Горбачева законченной, Гонсалес безоговорочно выступил против переворота. Испания и Великобритания стали первыми странами, которые осудили ГКЧП в выдержанных в жестком тоне правительственных заявлениях. Гонсалес не только высказался в защиту законности и конституционно избранного президента, но и попытался мобилизовать международное сообщество для оказания давления на путчистов⁶⁶. Горбачев не забыл решительную поддержку, оказанную ему Гонсалесом и испанским правительством в этот критический момент и послужившую дальнейшей консолидации двусторонних отношений после преодоления кризиса власти в Москве⁶⁷.

Испано-советская общность взглядов, сформировавшаяся в предшествующие годы, проявилась в совпадении позиций стран во время войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг. Она еще больше укрепилась во время обмена визитами министров обороны в 1989–1992 гг. и ярко проявилась в последний раз во время мирной конференции по Ближнему Востоку, состоявшейся в

⁶² *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS... P. 203; *Cuenca J.* De Suárez... P. 306–311.

⁶³ *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS... P. 203–204.

⁶⁴ *Borzova A.* Serguéi Alexándrovich Bogomólov... P. 551.

⁶⁵ *Cuenca J.* De Suárez... P. 322–325.

⁶⁶ *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS... P. 203; *Gorbachov M.* Memorias... P. 1265; *Cuenca J.* De Suárez... P. 327–330.

⁶⁷ *Gorbachov M.* Memorias... P. 1264–1266.

Встреча руководителей КПИ с «детьми войны» в Испанском Центре. Президиум

372

Мадриде 30 октября — 3 ноября 1991 г. Горбачев, будучи уже сильно политически ослабленным центробежными тенденциями в союзных республиках, принял участие в ужине с Бушем, королем Хуаном Карлосом I и Гонсалесом. Это была дружеская встреча, во время которой четыре руководителя откровенно и обстоятельно обсудили международную ситуацию и положение в СССР⁶⁸. Всего несколько недель спустя распад Советского Союза и отставка Горбачева завершили целую эпоху в российской, советской и мировой истории, а также важный этап отношений между Советским Союзом и Испанией. С учетом сложившейся политической ситуации 27 декабря испанское правительство признало Россию как продолжателя СССР и его международных обязательств и предложило ее президенту Борису Ельцину «искреннее и тесное сотрудничество». В течение 1992 г. Испания признала все бывшие республики СССР и установила с ними дипломатические отношения⁶⁹.

На протяжении пятнадцати лет контактов, встреч и двусторонних переговоров СССР и Испания подписали 25 соглашений, охватывавших различные сферы сотрудничества. Среди связывавших обе страны проблем особое гуманитарное значение имела судьба 3000 детей, нашедших убежище в СССР во время Гражданской войны в Испании, которых называли «детьми войны». Смерть Франко и испанский Закон об амнистии, принятый в июне 1976 г., пробудили надежды на возвращение в Испанию многих

⁶⁸ *Gorbachov M.* Memorias... P. 1266; *Cuenca J.* De Suárez... P. 343–344.

⁶⁹ *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS... P. 205. Испания уже признала три Прибалтийские республики: Эстонию, Латвию и Литву — как независимые государства в октябре 1991 г.

из них, ведь ранее из-за политических взглядов родителей им был запрещен въезд в страну⁷⁰. Правительство Суареса пообещало «детям войны» выдачу въездных виз в Испанию и при наличии желания восстановление испанского гражданства⁷¹. Некоторые из них вернулись после установления демократии в Испании, а другие — только после выхода на пенсию. Многие были вынуждены уехать из СССР в 1988–1991 гг. из-за экономического кризиса, разразившегося в ходе перестройки и распада страны, когда рухнула покупательная способность их пенсий. В Испании они также оказались в сложной экономической ситуации, хотя были предприняты некоторые меры для ее улучшения⁷².

За эти годы заметно активизировалась двусторонняя торговля, но ее общий объем продолжал оставаться невысоким относительно возможностей испанской и советской экономики. С 1975 по 1992 г. на долю СССР приходилось около 1,4% испанского импорта и 1% экспорта. Испанские инвестиции в СССР были еще более скромными. Они заметно увеличились в 1988–1989 гг.

Встреча руководителей КПИ с «детьми войны» в Испанском Центре

⁷⁰ Colomina I. *Dos patrias...* P. 259–261.

⁷¹ Oreja M. *Memoria...* P. 299.

⁷² Colomina I. *Dos patrias...* P. 259–261; *Alted Vigil A., Nicolás Marín E., González Martell R.* *Los niños de la guerra de España en la Unión Soviética: de la evacuación al retorno (1937–1999)*. Madrid: Fundación Francisco Largo Caballero, 1999; *Cuenca J.* *De Suárez...* P. 252–254.

и вновь упали в последующие годы, причем их объем никогда не превышал 1,4% общей суммы испанских капиталов, вложенных за рубежом. Поток советских туристов, поначалу малочисленный, стал увеличиваться по мере того, как устранялись бюрократические препятствия, и с 1981 по 1990 г. удвоился, когда более 200 тыс. граждан СССР посетили Испанию⁷³.

После десятилетий неосведомленности друг о друге, многолетнего воздействия антикоммунистической пропаганды во время диктатуры Франко интерес испанского общества к СССР заметно вырос, особенно в годы перестройки и после 1989 г., когда начались перемены в Восточной Европе. Активизировались культурные связи, а также научный и технический обмен. Были созданы такие важные организации, как Институт советской культуры и науки в Мадридском университете Комплутенсе в 1990 г. и фонд «Александр Пушкин» в 1991 г. Эти факторы способствовали сближению обществ, которые оставались еще далекими и малоизвестными друг другу, несмотря на постоянное развитие двусторонних межправительственных контактов.

ОТ «СОВИСПАНА» К СОВМЕСТНЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ

После 1977 г. торговля стала главным каналом, который наладил диалог между СССР и Испанией еще до возникновения между ними прочных политических контактов. После подписания Соглашения об установлении дипломатических отношений экономические связи получили новый стимул к развитию. Тесные контакты, сформировавшиеся между Торгово-промышленной палатой СССР и Высшим советом палат торговли, промышленности и мореплавания Испании, способствовали быстрому увеличению товарооборота между странами. В 1976 г. были созданы специальные комитеты по содействию развитию торговли, которые начали проводить ежегодные пленарные сессии поочередно в каждой из стран. А позднее, в 1984 г., была учреждена Межправительственная советско-испанская смешанная комиссия по экономическому и промышленному сотрудничеству⁷⁴. Это привело к значительному росту товарооборота между двумя государствами: если в середине 1970-х гг. он составлял 50 млн долл., то к 1992 г. он стал равен почти 1 млрд. долл. в год⁷⁵.

СССР поставлял в Испанию энергосырьевую и химическую продукцию, лесные и строительные материалы, машины и оборудование, товары культурно-бытового назначения. Основной статьей советского экспорта была нефть и нефтепродукты. Испания же отправляла на экспорт в СССР продукцию черной металлургии, продовольственные товары (цитрусовые, вино, оливковое масло, маслины, соевое масло, миндаль, фундук) и химические продукты⁷⁶.

⁷³ *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS... P. 198–202.

⁷⁴ *Красиков А.* Испания и мировая политика. Полвека дипломатической истории. М.: МО, 1989. С. 321.

⁷⁵ История Испании... Т. II. С. 629.

⁷⁶ *Хенкин С.М.* Испания: время перемен. М.: Знание, 1986. С. 61.

При анализе номенклатуры торговли между странами в тот период видно, что их экономики были взаимодополняемы, — это явилось объективной основой для расширения торгово-экономического сотрудничества⁷⁷. При этом торговый баланс между СССР и Испанией в тот период был по большей части профицитным (см. таблицу).

ТАБЛИЦА

Торговый баланс между СССР и Испанией в 1975–1991 гг., тыс. песет⁷⁸

Год	Экспорт СССР	Импорт СССР
1975	681	415
1977	9231	7691
1979	14 560	17 843
1981	44 448	33 492
1985	64 941	75 908
1987	109 397	36 210
1989	153 006	47 180
1990	134 606	38 645
1991	77 491	54 482

Время с конца 1970-х и до начала 1990-х гг. можно разделить на два торговых периода (см. диаграмму):

а) постоянный, но сбалансированный и умеренный, рост объемов взаимной торговли, принесший Испании профицит торгового баланса в 1985 г. Из всех европейских стран Испания тогда была на первом месте по темпам увеличения торговли с СССР⁷⁹;

б) экспоненциальный рост экспорта СССР при стабильном экспорте Испании в период с 1985 по 1989 г., пик товарооборота в 1989 г. и затем резкое падение экспорта СССР, вызванное подписанием Беловежских соглашений. На этом этапе важнейшую роль в стимулировании торговли сыграло Соглашение об экономическом и промышленном сотрудничестве, вступившее в силу в июне 1984 г. и предусматривавшее развитие взаимодействия между СССР и Испанией в таких областях экономики, как горнорудная и угольная промышленность, черная металлургия, энергетика, химия и нефтехимия, машиностроение, станкостроение, судостроение, автомобилестроение, электроника и телекоммуникация⁸⁰.

⁷⁷ «У Испании и России огромные возможности для расширения сотрудничества» — Юрий Дубинин. РИА «Новости». 10.10.2004. — <https://ria.ru/politics/20041010/703511.html> (дата обращения 10.06.2018).

⁷⁸ *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS... P. 198.

⁷⁹ *Bonet P.* Unas relaciones comerciales con tendencia al crecimiento moderado // El País. 01.03.1985.

⁸⁰ *Хенкин С.М.* Испания: время перемен. С. 62.

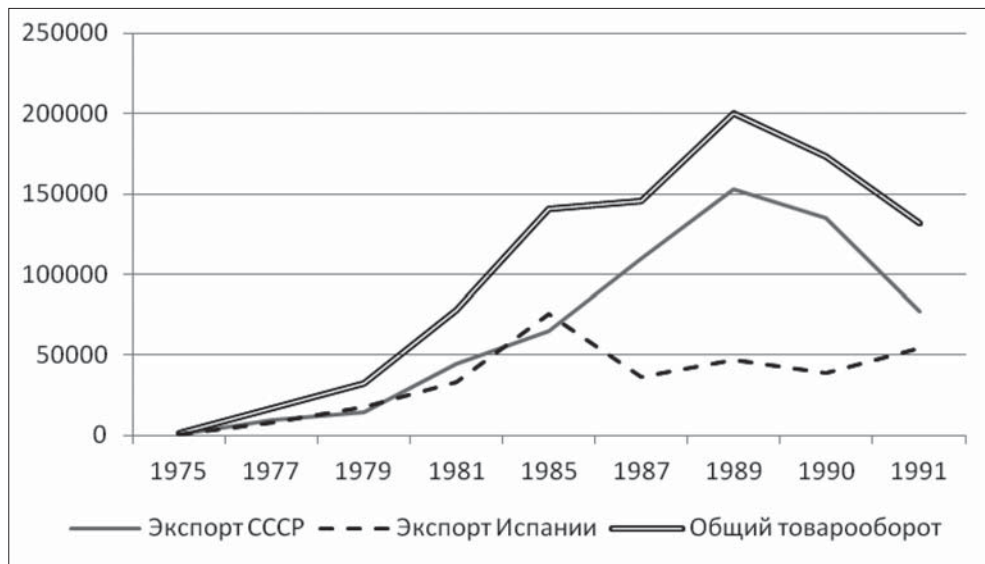

Диаграмма. Объем торговли между СССР и Испанией в 1975–1991 гг., тыс. песет

Конец 1970-х и 1980-е гг. характеризовались также открытием большого числа советско-испанских предприятий в различных отраслях экономики. Поскольку до 1987 г. в СССР иностранный капитал был под запретом, создание смешанных предприятий стало наиболее эффективным инструментом продвижения продукции на внешние рынки, получения инженерных и технических средств из развитых стран и доступа к внешним ресурсам⁸¹.

376

В 1977 г. Министерством внешней торговли СССР было создано советско-испанское предприятие с группой *March*, представленной в Москве компанией *EPYR*. До этого единственными смешанными предприятиями были «Совиспан» и «Интрамар»⁸². В 1978 г. была открыта советско-испанская компания *Maderas Rusas*, целью которой являлось содействие в обмене между странами лесными товарами и их производными. СССР экспортировал круглую древесину, целлюлозу и газетную бумагу, а импортировал специализированную бумагу, продукцию из пробкового дерева и мебель⁸³. В области телекоммуникации пионером была созданная в 1987 г. компания *Telur* — предприятие по производству телефонных аппаратов и средств коммуникации. *Telur* стала первым в своем роде смешанным предприятием в отрасли телекоммуникации, принадлежавшим СССР и одной из стран Запада⁸⁴.

⁸¹ *Yányshev Nesterova I.* Las relaciones hispano-soviéticas y la actividad empresarial de *Sovhispan* en los puertos canarios entre 1965–1991 // XXI Coloquio de Historia Canario-Americana, 2016.

⁸² *López Muñoz I.* Empresa mixta hispano-soviética participada por los March // *El País*. 26.11.1977.

⁸³ Empresa mixta maderera hispano-soviética // *El País*. 08.12.1978.

⁸⁴ *Bonet P.* La primera empresa mixta hispano-soviética, constituida ayer, fabricará teléfonos en Perm // *El País*. 19.12.1987.

Важное место занимала деятельность на рынке СССР испанской компании *Transáfrica*, которая осуществляла строительство супермаркетов, специализировавшихся на продаже на территории СССР замороженной рыбы. При этом технологии и оборудование были полностью испанскими. Другим крупным проектом *Transáfrica* стало строительство в Москве большого числа отелей и ресторанов в рамках подготовки к Олимпиаде 1980 г. В этом проекте все технологии, оборудование, рабочая сила и материалы были испанскими, за исключением цемента и стали, которые поставлялись Советским Союзом⁸⁵.

В эти годы в Москве были открыты представительства таких испанских банков, как *Hispano-Americano*, *Banco Exterior de España*, *Banco Central*, которые оказывали значительную финансовую поддержку смешанным предприятиям⁸⁶. *Banco Central* стал первым испанским банком, установившим отношения с СССР еще в 1957 г. Открытие же представительства банка в Москве после восстановления дипломатических отношений между странами помогло его клиентам, заинтересованным в советском рынке, установить более быстрые и продуктивные контакты с советскими партнерами⁸⁷.

Таким образом, советско-испанские предприятия были созданы в совершенно разных отраслях экономики. СССР был заинтересован в открытии совместных с Испанией предприятий в первую очередь в таких сферах, как строительство, агропродовольственный сектор, электроника, банковский сектор, бумажная промышленность, обувная промышленность, производство одежды, гостиничное дело⁸⁸. Испанские предприниматели также были нацелены на сотрудничество с СССР, свидетельством чего стало большое число заявок, поданных на рассмотрение в Государственную комиссию по внешнеэкономическим связям Совета Министров СССР⁸⁹, а также проведенный в 1985 г. в Мадриде семинар для испанских фирм и организаций на тему «Как торговать с Советским Союзом», на котором присутствовало свыше 200 представителей деловых кругов Испании. Еще одним действенным инструментом стимулирования торгово-экономических отношений между странами стал обмен торгово-промышленными выставками. Советские производители на регулярной основе представляли свою продукцию на крупнейшей Международной ярмарке в Барселоне, а испанские фирмы, в свою очередь, участвовали в международных выставках, проводимых на территории СССР⁹⁰.

⁸⁵ España construye supermercados y hoteles en la URSS // *El País*. 08.12.1976.

⁸⁶ Relaciones Hispano-Soviéticas // *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*, 1985. — <https://raco.cat/index.php/RevistaCIDOB/article/viewFile/27589/52670> (дата обращения 12.06.2018).

⁸⁷ Красиков А. Испания и мировая политика... С. 323.

⁸⁸ Un total de 18 empresas españolas negocian su instalación en la URSS // *El País*. 29.11.1988.

⁸⁹ *Ibidem*.

⁹⁰ Красиков А. Испания и мировая политика... С. 322.

В целом экономические отношения между СССР и Испанией в этот важный для обеих стран период носили поступательный характер, чему не в последнюю очередь способствовала перестройка системы советских внешнеэкономических связей, в рамках которой многие зарубежные предприятия, в том числе испанские, получили новые возможности для долгосрочного экономического и промышленного сотрудничества с советскими партнерами⁹¹. Испанская сторона стимулировала развитие торгово-экономических отношений с СССР, рассматривая их в общем контексте налаживания взаимодействия с Советским Союзом как важным векторе политики возвращения на мировую арену⁹², в том числе в экономическом плане.

АССОЦИАЦИИ ДРУЖБЫ С СССР В ИСПАНИИ

История ассоциаций дружбы с Советским Союзом — важнейшего оплота влияния СССР за рубежом — началась во время празднования десятой годовщины Октябрьской революции в Доме Союзов в Москве⁹³. В Испании Ассоциация дружбы была основана в 1933 г., стала активным участником антифашистской борьбы и достигла максимальной влиятельности в годы Гражданской войны. Во время франкистской диктатуры и до начала перехода Испании к демократии Ассоциация прекратила свою работу. Только восстановление дипломатических отношений между двумя странами в феврале 1977 г. открыло дорогу подписанию соглашений о сотрудничестве и возрождению общественных организаций.

Общество дружбы «СССР — Испания» было создано в октябре 1978 г. на основе принципов советской Конституции и входило в состав Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД)⁹⁴. Его возглавлял академик Юрий Овчинников, специалист в области биоорганической химии и молекулярной биологии⁹⁵. В 1979 г. была учреждена Ассоциация «Испания–СССР»; ее работой в первые годы также

⁹¹ Красиков А. Испания и мировая политика... С. 327.

⁹² Хенкин С.М. Испания: время перемен. С. 58.

⁹³ См. подробнее: *Garrido M. Compañeros de viaje...*

⁹⁴ В 1958 г. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) было преобразовано в ССОД. Среди его задач было содействие научным-культурным связям между общественными организациями, дружбе и сотрудничеству между организациями и представителями науки и культуры СССР и других стран. Печатным органом ВОКС был ежемесячный журнал «Культура и жизнь», издаваемый на русском и нескольких иностранных языках. Во главе ССОД стояли Нина Попова в 1958–1975 гг., Зинаида Круглова до 1987 г. и Валентина Терешкова с 1987 г. до его роспуска. Он располагался в Доме дружбы с народами зарубежных стран в Москве. В этом здании, построенном в эклектичном стиле, проходили недели культуры зарубежных стран в Советском Союзе.

⁹⁵ Овчинников умер в 1988 г., его место занял Рэм Петров, также биолог, вице-президент Академии наук СССР, специалист в области иммунобиологии, возглавлявший Общество дружбы до конца его существования.

Ю.А. Овчинников, председатель правления Общества дружбы «СССР–Испания»

руководил ученый, специалист в области фармацевтики и эволюционной биологии Фаустино Кордон⁹⁶. Цели обеих организаций заключались в том, чтобы содействовать укреплению дружбы между народами Испании и СССР, знакомству граждан двух стран с историей и жизнью друг друга. Исходя из идеи, что капиталистическая и советская модели могли бы быть взаимодополняемы, Общества дружбы в обстановке «холодной войны» способствовали мирному сосуществованию двух общественных систем. Во время франкистской диктатуры испанская Ассоциация должна была преодолевать барьеры и стереотипы антисоветской пропаганды, распространенные среди испанцев, а в период демократии — вести свою деятельность в условиях членства Испании в НАТО, враждебном СССР военном блоке.

Высшим органом управления Ассоциации «Испания–СССР» было общее собрание ее членов. Текущее руководство и контроль за финансами осуществлял Совет, в который входили президент, вице-президенты, секретарь, финансовый директор, библиотекарь и члены Совета, в том числе представители территориальных филиалов организации. В Ассоциации действовала постоянная комиссия по связям с ССОД, были созданы отделы, ответственные за поездки, культурные мероприятия, стипендии, а также библиотека и фильмотека. Существовали и различия: так, членами Общества

⁹⁶ Он оставил пост в 1985 г., и до 1988 г. Ассоциацию возглавлял Висенте Чаморро; после этого было введено коллегиальное руководство и создана Ассоциация испано-советской дружбы *ADAMINS*.

«СССР–Испания» были видные деятели культуры и науки, а также бывшие карьерные дипломаты. Высокопоставленные должностные лица, занимавшие почетные посты, осуществляли свою деятельность на общественных началах, в то время как работа чиновников, курировавших Общество, оплачивалась государством. В деятельности Ассоциации «Испания–СССР» принимали участие антифранкисты, студенты университетов, люди разных политических убеждений, которых объединял интерес к советской культуре. В докладах организаций ССОД указывалось, что в испанских ассоциациях наблюдалась тенденция к децентрализации, на их деятельности сказывались противоречия внутри коммунистического движения и нехватка рабочих материалов.

Испанские ассоциации дружбы были финансово независимыми от испанского государства; они получали средства от ССОД, главного координатора правил деятельности и планов совместных мероприятий обеих стран. Согласно экономическим отчетам, объем субсидий с 10 673 346 песет в 1984 г. увеличился до 15 630 631 песет в 1986 г. Бюджет Ассоциации также состоял из доходов от работы Академии русского языка, членских взносов и поступлений от различных организаций. Самые серьезные расходы шли на аренду помещений центральной Ассоциации, расположенных на мадридской Гран Виа, украшенных портретами советских лидеров и символикой СССР — представительства советской культуры в испанской столице.

Первая Неделя Испании состоялась в Советском Союзе в 1978 г., открывшись впечатляющей постановкой балета «Дон Кихот». В ноябре 1979 г. в Испании прошла организованная Ассоциацией первая Неделя СССР, в рамках которой были проведены выставка «Достижения СССР в покорении космоса» и цикл лекций⁹⁷. После этого интерес к деятельности Ассоциации стал расти, постепенно начали создаваться ее филиалы в различных испанских городах⁹⁸. Помимо выставок фотографий, проходили недели кино, во время которых демонстрировались как классические ленты, так и современные фильмы, прокат которых организовала *Alta Films*.

Наибольший интерес вызвали классические работы Сергея Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”» (1925), «Октябрь» (1928), документальные фильмы советских республик, а также имевший большой международный успех фильм Василия Пичула «Маленькая Вера» (1988), ставший символом культурной открытости в эпоху перестройки⁹⁹. В организации показа участвовал известный актер Максимо Серрано, который тогда был членом Ассоциации.

⁹⁷ Actos de la semana de la URSS // El País. 04.11.1979. Время проведения других Недель было приурочено к юбилеям двусторонних отношений и создания ассоциаций.

⁹⁸ Филиалы Ассоциации были созданы в Алкое, Аликанте, Барселоне, Кантабрии, Кордове, Хихоне, Гранаде, Лас-Пальмасе, Малаге, несколько — в Мадриде, Мурсии, Стране басков, Саламанке, Севилье, Требухене (Кадис), Валенсии, Виго и Сарагосе и т.д. В Мадриде в 1988 г. в них насчитывалось более 2000 членов.

⁹⁹ Garrido M. Rusia tras la Perestroika: Propaganda política, cultura y memorias del cambio. Murcia: Editum, 2011.

Советское кино в демократической Испании

После смерти Франко и с началом перехода к демократии выдающиеся произведения советского кино вновь появились на испанских экранах. Но площадки для просмотра этих фильмов оставались немногочисленными: местные кинофестивали, артхаусные кинотеатры, университетские кружки и т.п. В частности, на фестивале в Бенальмадене (Малага) под руководством члена Компартии Испании Хулио Диаманте в начале 1970-х гг. были показаны фильмы Андрея Тарковского «Андрей Рублев» и «Солярис», Григория Козинцева «Шинель» и «Новый Вавилон», Григория Рошала и Веры Строевой «Петербургская ночь», а также другие советские ленты.

В эти годы на экранах появились и другие фильмы, недавно разрешенные в Испании, — Сергея Эйзенштейна, Всеволода Пудовкина, Александра Довженко и Бориса Барнета, — которые демонстрировались в артхаусных кинотеатрах Мадрида *Círculo de Bellas Artes, California* и др., а также в залах кино клубов по всей Испании. Прокатом этих фильмов занималась компания *Alta Films* под руководством Гонсалеса Мачо. В 1982 г. авторитетный критик и коммунист Эдуардо Аро Текглен написал статью в газете *El País* о премьерке «Броненосца “Потемкина”», сделав вывод, что «сегодня это не просто урок революции, это — урок кино».

В 1986 г. в соответствии с постановлением Съезда кинематографистов СССР советское правительство разрешило экспорт отечественных фильмов за границу. В результате в 1987 г. советские фильмы появились на Каннском кинофестивале, откуда потом они попали в Испанию. Самый представительный показ советской киноклассики состоялся в 1988 г. в Овьедо. В последующие годы к испанскому зрителю пришли современные советские фильмы, демонстрировавшиеся в коммерческих кинотеатрах: «Дерсу Узала» Акиры Куросавы, «Ностальгия» Андрея Тарковского, «Очи черные», «Утомленные солнцем» и «Сибириада» Никиты Михалкова.

Библиотечные фонды Ассоциации формировались из изданных в СССР книг на русском и испанском языках. В них были представлены литературные произведения, в том числе детские сказки, например «Космонавт и Гришка», «Математический алфавит» и др. Некоторые местные филиалы публиковали внутренние информационные бюллетени, печатавшие статьи о перестройке, например бюллетень *Volga* в Мадриде и *Minsk* в Сарагосе.

Другие издания также предоставляли полосы для информации о культурных мероприятиях. Еще одним видом деятельности Ассоциации стало преподавание русского языка с использованием пособия «Русский язык для всех», состоявшего из переведенных на испанский краткого изложения грамматики русского языка и словаря Е. Степановой, сборника текстов и упражнений. Среди преподавателей русского языка были и «дети войны». Изучение языка, а также студенческие и аспирантские стипендии помогли

молодым испанцам получить высшее специальное образование в СССР. Велась работа и по стимулированию обмена туристическими группами.

Перестройка и *гласность* были направлены на проведение реформ в Советском Союзе в духе *нового мышления*, и это потребовало удвоения усилий в зарубежной пропаганде. В этот период активизировались контакты Запада и Востока, а в ССОД были намечены направления совершенствования внешних связей. Предполагалось, что образ СССР-друга, который создавали ассоциации на международной арене, был намного ближе миллионам людей, чем образ врага, столь часто встречавшийся в политических выступлениях. Задачей ССОД было привнесение принципов нового мышления в организацию своей деятельности, ее гуманизация «в рамках самых широких контактов между людьми»¹⁰⁰. В целом Ассоциации дружбы успешно распространяли в Испании информацию о переменах, происходивших в СССР во время перестройки. С гласностью наступила информационная открытость. Лекции о новой советской действительности, статьи, письма читателей порождали дискуссии, представляли широкую панораму мнений, рассказывали о ранее запрещенных цензурой произведениях, предлагали различные интерпретации российской истории. Значительный резонанс вызвала катастрофа в Чернобыле в 1986 г.

В 1987 г. Ассоциация «Испания–СССР», преодолев начальные колебания, встала на путь внутренней консолидации и, отказавшись от приверженности каким бы то ни было партиям и интересам, закрепила в уставе свою независимость и выступила «За мир и дружбу». Таков был лозунг конгресса в Сарагосе, на котором присутствовали делегации от местных филиалов, выступали коммунистические лидеры, профсоюзные деятели, представители интеллигенции. Все они отдали дань уважения СССР, поскольку проведение конгресса совпало с 70-й годовщиной Октябрьской революции¹⁰¹. Организация стремилась упрочить свои позиции в испанском обществе. В 1988 г. Ассоциация выразила солидарность с Арменией, где произошло землетрясение: был организован сбор средств, который продолжался до 1990 г., после чего был прекращен из-за экономических трудностей.

После распада СССР продолжателем деятельности ССОД стала учрежденная в 1992 г. Российская ассоциация международного сотрудничества (РАМС). Постановлением правительства РФ от 8 апреля 1994 г. был создан Российский центр международного научного и культурного сотрудничества при правительстве России (Росзарубежцентр). А в 2008 г. было образовано Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Эти организации были призваны способствовать адаптации российской культурной дипломатии к новым временам и формированию нового образа страны за рубежом. Материалы о работе

¹⁰⁰ Cultura y Vida. 1988. No. 8. P. 27–28.

¹⁰¹ По материалам из личных архивов членов Ассоциации «Испания–СССР» (Мадрид, Сарагоса и Мурсия).

ассоциаций испано-советской дружбы имеются в Испании в личных архивах, а также в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). В Испании Ассоциации дружбы не оказывали влияния на результаты парламентских выборов в пользу коммунистов. Деятельность ассоциаций была сугубо гуманитарной: организованное ими сотрудничество, развитие личных контактов, выделяемые стипендии способствовали укреплению и развитию культурных связей между двумя странами.

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СОВЕТСКО-ИСПАНСКОМ ДИАЛОГЕ

Восстановление отношений благоприятно сказалось на развитии научных связей двух стран. Среди важнейших вопросов, которые обсуждали министры иностранных дел Марселино Ореха Агирре и Андрей Громыко в 1979 г., стали и вопросы взаимодействия в гуманитарной сфере. В результате были подписаны Соглашение о культурном и научном сотрудничестве и Соглашение о научном и техническом сотрудничестве, ставшие правовой основой двусторонних связей в указанных областях¹⁰². В первом из них особое внимание уделялось научной и образовательной сфере. В договор были включены пункты об обмене специалистами; обмене научно-технической документацией, информацией, книгами и фильмами; о приглашениях для участия в конференциях и симпозиумах; об установлении контактов между специалистами и организациями, занимающимися изучением вопросов, представляющих общий интерес, и о совместном выполнении исследований и проектов¹⁰³.

В обеих странах интерес к научным достижениям ученых и к взаимному сотрудничеству еще в 1950-е гг. пробивался сквозь идеологическое противостояние двух систем. В 1954–1959 гг. в испанском журнале «Образование» была опубликована серия статей, посвященных различным аспектам системы образования в СССР — от общего описания советской педагогики и статистических данных до специализированных очерков, посвященных обучению «естественным и инженерным наукам» и «политехнической специализации» «в стране искусственных спутников». Как указывалось в предисловии, интерес к специфике советского научно-технического образования объяснялся ведущими позициями «этой великой державы» в научном прогрессе и ее планами «покорения космоса»¹⁰⁴.

Еще до восстановления дипломатических отношений между учеными начали складываться личные контакты. В 1965 г. группа испанских

¹⁰² Дубинин Ю.В. Амбахадор! Амбахадор!.. С. 79–80.

¹⁰³ Convenio de Cooperación Cultural y Científica entre el Reino de España y la Unión de las Repúblicas Socialistas Soviéticas, hecho en Moscú el 19 de enero de 1979. — https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-1979-22860 (дата обращения 25.07.2018).

¹⁰⁴ La enseñanza de Ciencias e Ingeniería en la Unión Soviética // Revista de Educación, 1958–59. Vol. XXXII. No. 91. P. 40 (204).

историков после XII Международного конгресса исторических наук в Вене посетила Москву, а в 1970 г. некоторые из них вернулись туда для участия в Международном конгрессе по медиевистике. В 1972 г. профессор биологического факультета МГУ, биохимик, академик Александр Спириин стал почетным доктором Гранадского университета. Этим контактам предполагалось дать и правовое основание: 5 июня 1975 г. заведующий Отделом по культурным связям с зарубежными странами МИД СССР Юрий Вольский и Хосе Луис Мессия, директор Департамента культурных связей МИД Испании, подписали протокол о развитии культурных и научных обменов на 1975 и 1976 гг. Но из-за политических процессов над оппозицией, прошедших тогда в Испании, ратифицировать его СССР отказался¹⁰⁵.

Тем не менее работа по правовому оформлению научного сотрудничества не была остановлена. Летом 1979 г. в ходе визита в Советский Союз министра научных исследований и университетов Испании Луиса Гонсалеса Сеары было подписано соглашение о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Высшим советом научных исследований Испании (ВСНИ)¹⁰⁶. А уже в октябре в Мадриде в ходе работы первой сессии смешанной советско-испанской комиссии была разработана программа научных обменов на 1980–1981 гг. С испанской стороны комиссию возглавил Амаро Гонсалес де Меса, директор Департамента по культурным связям МИД¹⁰⁷, а с советской — вице-президент АН СССР, председатель недавно созданного общества «СССР–Испания», академик Юрий Овчинников, один из крупнейших в СССР авторитетов в области биохимии. Комиссия определила приоритетные направления взаимодействия ученых: океанография, сельское хозяйство, биология, исследования космоса. Овчинников, рассказывая о важнейших направлениях деятельности советской Академии наук, указывал на важность разработки космических исследований и даже на возможность участия испанского космонавта в упомянутом проекте. Обсуждались и вопросы сотрудничества в ядерных энергетических программах, причем особо подчеркивалась их направленность на разоружение и оборону, поскольку эта задача «должна быть возложена именно на ученых»¹⁰⁸. Не случайно в эту комиссию входил и директор Объединенного института ядерных исследований Николай Боголюбов, что предполагало масштабные планы совместной работы.

Интересы испанской стороны озвучил президент ВСНИ, профессор Алехандро Ньето. Он напомнил о высоком качестве технического образования в СССР (о чем в Испании было хорошо известно с 1950-х гг.) и подчеркнул, что настало время дополнить личные контакты ученых «контактами

¹⁰⁵ *Garrido Caballero M.* Las relaciones entre España y la Unión Soviética...

¹⁰⁶ *Дубинин Ю.В.* Амбаадор! Амбаадор!... С. 81. См. также: *Самелюк М.А.* Советско-испанские отношения в 1975–1982 гг.: Дисс. М., 1990.

¹⁰⁷ *Garrido Caballero M.* Las relaciones entre España y la Unión Soviética...

¹⁰⁸ *Mejia Godoy C.* Ovchinnikov: “La alternativa energética rusa reside en la potencia nuclear” // *El País*. 17.09.1980.

официальными и прямыми». «Этот первый договор о научных связях, — цитировала его *El País*, — познакомит испанцев с работой, которая была проделана в советской Академии наук»¹⁰⁹.

Учитывая, что Испания занимала «одно из передовых мест в аграрном производстве Европы», испанская сторона акцентировала внимание на сотрудничестве по научным направлениям, связанным с сельским хозяйством¹¹⁰. Эта инициатива совпадала с профессиональными интересами главы советской делегации, и благодаря личным усилиям академика Овчинникова с самого начала 1980-х гг. весьма успешно развивался научный обмен в области биохимии. В 1983 г. Университет Гранады присвоил Овчинникову степень почетного доктора, а в 1984 г. ученый организовал в Москве и Алма-Ате Международный симпозиум «Перспективы биоорганической химии и молекулярной биологии», в котором среди сотни ученых из 20 западных стран, а также СССР и стран социализма приняли участие и четверо испанских биохимиков¹¹¹.

Важная роль была отведена сотрудничеству в области гуманитарных наук, которое стимулировал еще один член комиссии заместитель председателя Национального комитета историков СССР Александр Чубарьян. В сентябре 1980 г. было подписано соглашение между Институтом всеобщей истории АН СССР и Институтом истории «Херонимо Сурита» ВСНИ о проведении на регулярной основе коллоквиумов советских и испанских историков¹¹². Оба эти института стали центрами объединения ученых обеих стран. Тогда же и были определены темы, в рамках которых должна была строиться научная дискуссия. Испанская пресса довольно сдержанно отнеслась к возможности такой встречи. 5 ноября 1981 г. *El País* сообщила, что в Москве испанские историки впервые будут встречаться с советскими коллегами и обсуждать ряд проблем, среди которых фигурируют и испано-российские отношения, при этом в газете подчеркивалось: «только до 1917 г.»¹¹³. В те годы в Испании еще было распространено настроенное отношение к Советскому Союзу, и в этом контексте советско-испанские контакты стали примером научной дипломатии, которая во многом способствовала преодолению политических стереотипов.

Первый коллоквиум историков открылся в Москве в 9 ноября 1981 г. и зажил традицию научных обменов между Академиями наук и университетами

¹⁰⁹ Ibid.

¹¹⁰ *Mariño C.* Yuri Ovchinnikov: “No se debe aplicar todavía la ingeniería genética en el hombre” // *El País*. 17.05.1985.

¹¹¹ *López Barneo J.* La fisiología celular, los canales iónicos y la creación de una biofísica española. — <https://idus.us.es/xmlui/bitstream/handle/11441/17801> (дата обращения 25.07.2018).

¹¹² *López García P.* El Centro de Estudios Históricos // *Teoría y práctica de la Prehistoria: perspectivas desde los extremos de Europa*. Madrid: CSIC, 1993. P. 16.

¹¹³ Las relaciones España-URSS, tema para un coloquio, entre historiadores de ambos países // *El País*. 05.11.1981.

Участники III коллоквиума советских и испанских историков. 1985

двух стран. Начиная с этого времени коллоквиумы проводились один раз в два года, поочередно в Москве и Мадриде. Эти научные встречи побудили испанских и российских ученых не только продолжать исследования по своей традиционной проблематике, но и породили интерес к изучению отношений Испании и России — тема, которая до начала 1980-х гг., за исключением периода Гражданской войны в Испании, практически не изучалась.

386 Инициаторами проведения коллоквиумов с испанской стороны стали несколько видных историков. Академик Элой Бенито Руано, тонкий знаток Средневековья, будучи с середины 1970-х гг. президентом испанского Национального комитета исторических наук, а с середины 1990-х — постоянным секретарем Королевской Академии истории, всемерно поддерживал двусторонние коллоквиумы и в целом контакты российских и испанских историков.

Столь же эффективно своим научным авторитетом и влиянием помогал взаимодействию ученых профессор Мануэль Эспадас Бургос, специалист по новой и новейшей истории Испании и истории международных отношений. Один из организаторов испанской исторической науки — директор Института истории ВСНИ, секретарь, а позднее президент Испанского комитета исторических наук: Эспадас Бургос при всей своей загруженности всегда находил время для продвижения сотрудничества российских и испанских ученых.

Профессор Эмилио Саэс, один из известных испанских медиевистов, директор Департамента Средних веков Института истории ВСНИ, основатель Института Мила-и-Фонтаналс в Барселоне, с конца 1970-х гг. занимал пост вице-президента Высшего совета научных исследований и «стал центром и душой сотрудничества историков обеих стран»¹¹⁴. Впервые он

¹¹⁴ López García P. El Centro de Estudios Históricos... P. 16.

познакомился с советскими коллегами на XIII конгрессе исторических наук, который проходил в Москве в 1970 г. Труды советских медиевистов он знал раньше и незадолго до конгресса опубликовал статью о советских исследованиях по средневековой Испании¹¹⁵. Тогда же зародилась идея изучения и публикации средневековых испанских документов, обнаруженных в архивах СССР¹¹⁶. Эта инициатива привела к пониманию того, что необходим регулярный обмен научной информацией, проведение совместных встреч и создание совместных научных трудов. Первым таким трудом стала публикация русско-испанских дипломатических документов. Протокол о сотрудничестве между двумя Министерством иностранных дел был подписан в 1984 г., а первый сборник на русском и испанском языках опубликован в 1991 г.¹¹⁷ В эти же годы к исследованиям испано-русских отношений XVIII — начала XIX в. обратилась каталонская исследовательница Ана-Мария Шоп Солер¹¹⁸.

Установление дипломатических отношений способствовало тому, что в 1977 г. на историческом факультете МГУ появилась специализация «Новая история Испании», в рамках которой известный ученый-испанист, ученица академика С.Д. Сказкина, профессор Эллада Литаврина открыла первый в стране научный семинар по истории Испании XVIII в., который позже развился в новую исследовательскую школу. Благодаря ее энтузиазму

В.С. Виноградов и Х.А. Самаранч на филологическом факультете МГУ. 1978

¹¹⁵ *Sáez Sanchez E.* La historia medieval de España (siglos IX–XIV) según la investigación soviética // Anuario de estudios medievales. 1968. No. V. P. 662–668.

¹¹⁶ *Sáez E., Sáez C.* El fondo español del archivo de la Academia de las Ciencias de San Petersburgo. Alcalá de Henares: Universidad de Alcalá, 1993.

¹¹⁷ См. раздел «Избранная библиография».

¹¹⁸ Работы А.-М. Шоп Солер см. в разделе «Избранная библиография».

богатейшая проблематика испанского Просвещения стала достоянием российской исторической науки. Тогда же на филологическом факультете МГУ по инициативе основателя и заведующего кафедрой иберо-романского языкознания профессора Венедикта Виноградова и благодаря поддержке посла Самаранча в 1978 г. было введено преподавание испанского, а чуть позже и каталанского языков¹¹⁹.

В Институте всеобщей истории АН СССР по инициативе академика И.М. Майского, который еще в 1948 г. основал семинар по изучению Гражданской войны в Испании, начали издавать сборник «Проблемы испанской истории», затрагивавший ключевые вопросы прошлого и настоящего Испании¹²⁰. Традицию учителя продолжила Светлана Пожарская, которая с середины 1970-х гг. возглавила научную школу изучения Гражданской войны и франкизма в Испании.

Важное место в советской испанистике заняла петербургская научная школа, основанная еще в 1940-е — 1950-е гг. академиком М.П. Алексеевым. Он сам, а позднее и его ученик Всеволод Багно открыли для советской науки различные аспекты российско-испанских культурных и литературных связей. «Испанская коллекция Эрмитажа» объединила большую группу ленинградских ученых-искусствоведов и способствовала созданию советской школы изучения испанской живописи старых мастеров¹²¹.

С 1979 г. стали развиваться и междууниверситетские связи. Во время визита Гонсалеса Сеары были рассмотрены вопросы взаимного признания дипломов об образовании и ученых степеней. Были установлены контакты между Московским государственным университетом и Мадридским университетом Комплутенсе, между Ленинградским и Барселонским университетами. Эти соглашения способствовали началу обмена студентами. Первые пять испанских студентов приступили к учебе в советских вузах в 1981 г.¹²² С 1983 г., когда во время визита в Москву министра иностранных дел Испании Фернандо Морана были подписаны новые договоренности в сфере образования, начался обмен и университетскими преподавателями.

Хотя «научное знакомство» двух стран в конце 1970-х — начале 1980-х гг. не было свободно от идеологической составляющей, взаимодействие испанских и советских исследователей оказалось в наименьшей степени подвержено влиянию негативных внешнеполитических факторов, особенно в начале 1980-х гг. Именно поэтому в следующее десятилетие, когда в период перестройки международные связи СССР существенно расширились,

¹¹⁹ El catalán cumple 40 años de enseñanza en Moscú // La Vanguardia. 22.03.2018.

¹²⁰ Всего с 1971 по 1992 гг. было издано шесть выпусков.

¹²¹ Морозова А.В. Отечественная искусствоведческая испанистика. Становление и развитие. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016.

¹²² Индутная Н.Е. Об участии обществ дружбы в развитии советско-испанских отношений (1977–1984 гг.) // Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1986. Вып. 32. С. 41.

советско-испанские научные контакты получили новый импульс к развитию. Открытость и гласность способствовали расширению тематики обсуждавшихся проблем, особенно в гуманитарных науках. Возрос интерес к взаимным научным достижениям и желание дискутировать, обсуждать различные методологические подходы.

В 1986 г. испанские ученые приняли участие в проходившей в Москве XVI конференции Федерации европейских биохимических обществ. В 1987 г. в Гранаде состоялся первый испано-советский симпозиум по биофизике, который проводил президент Испанского комитета по биофизике Мануэль Кортихо. В 1990 г. испанская делегация, состоявшая из тридцати человек, прибыла с ответным визитом в Москву. Один из участников симпозиума Хосе Лопес Барнео позднее вспоминал, что именно там испанские исследователи существенно расширили свои научные контакты со специалистами из всего Советского Союза¹²³.

Все большее внимание стало уделяться изучению испанского языка в СССР и русского в Испании. Впервые советские преподаватели испанского языка оказались в стране, язык которой они преподавали. Свообразную опеку в этом вопросе осуществляли и дипломаты обеих стран. Посол Испании Хосе Луис Ксифра де Осерин часто посещал советские школы, где изучался испанский язык. К 1986 г. в советских вузах уже обучались около 60 испанских студентов — стипендиатов ССОД. В эти же годы первые испанские студенты отправились в СССР из Гранадского университета и Автономного университета Барселоны. Они стали одними из первых университетов в Испании, где начали преподавать русский язык¹²⁴. Интерес к России предопределил начало издания в университете в 1991 г. журнала по проблемам русского языка и литературы *Rusística española*¹²⁵. В Мадридском университете Комплутенсе в 1989 г. было открыто отделение славянской филологии. Позднее здесь же была создана аспирантура по славистике¹²⁶. Расширению преподавания русского языка в Испании способствовало и создание в 1991 г. в Мадриде негосударственного фонда «Александр Пушкин».

¹²³ López Barneo J. La fisiología celular...

¹²⁴ В Гранадском университете русский язык преподают с 1961 г. Тогда вернувшийся из СССР Антонио Претель Мартинес начал обучать небольшие группы студентов Института иностранных языков университета. Автономный университет Барселоны в начале 1980-х гг. подписал договор с Институтом русского языка им А.С. Пушкина.

¹²⁵ *Rusística Española*. — <http://russianedu.ru/magazine/archive/viewdoc/1993/4/4475.html> (дата обращения 25.07.2018). С 2004 г. он называется *Cuadernos de Rusística española*.

¹²⁶ В середине 1990-х гг. открылись отделения славянских языков в Гранадском и Барселонском университетах, а в Аликанте — отделения русского языка. См. также: Гусман Тирадо Р. Актуальные проблемы развития испанской русистики // Русский язык: Человек. Культура. Коммуникация. Екатеринбург: УрФУ, 2006. С. 22–34.

Фонд «Александр Пушкин» в Испании

Фонд «Александр Пушкин» был создан в 1991 г. группой испанских и российских общественных деятелей, заинтересованных в поддержании и расширении культурных связей между Испанией и Россией. Среди них была Валентина Терешкова, первая женщина-космонавт, вице-президент АН СССР Рэм Петров, а также выдающийся лингвист, известный ученый-русист Виталий Костомаров, который в те годы был директором Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина и президентом Академии педагогических наук СССР. С испанской стороны основателями Фонда были: ректор Политехнического университета Мадрида Рафаэль Портаенсаса, ставший его первым президентом, выдающийся экономист Хуан Хосе Дуран, известный писатель Хуан Педро Апарисио и академик Королевской Испанской академии, писатель Хосе Мария Мерино. С 1993 г. директором Фонда является Александр Черно-свитов. Важнейшим направлением деятельности Фонда стало преподавание русского языка испанцам и испанского языка русским студентам. На курсах Фонда за эти годы язык Пушкина, Толстого и Достоевского изучали более 9 тысяч взрослых и почти 2 тысячи детей. Среди них — выдающиеся дипломаты, журналисты, бизнесмены, ученые, музыканты...

За четверть века Фонд организовал более двух тысяч концертов, выставок, встреч с писателями, гастролей симфонических оркестров и других мероприятий, демонстрирующих богатство русской и испанской культур. Культурная и просветительская миссия Фонда включает в себя содействие научно-техническому диалогу между Испанией и Россией и поддержку контактов между университетами. Фонд был в числе организаторов выставки «Россия — пионер в покорении космоса» в Музее науки Вальядолида. Он занимается не только продвижением современных научных и образовательных контактов, но и содействует сохранению научного наследия и развитию историко-культурных исследований. Наиболее ярким примером этого стал проект, посвященный жизни и деятельности выдающегося испанского и русского инженера Августина де Бетанкура.

В эти годы между СССР и Испанией был заключен целый ряд двусторонних соглашений в области научного сотрудничества. Важные документы были подписаны в октябре 1990 г. в ходе визита в Мадрид президента СССР Михаила Горбачева¹²⁷. Соглашение о научно-техническом сотрудничестве было сосредоточено на таких областях, как информационные технологии, робототехника, новые материалы, биотехнология, медицина и горная промышленность. Новым направлением стало участие советских ученых в исследованиях Астрофизического института Канарских островов. Документ подписали Кирилл Дюмаев, заместитель председателя Государственного

¹²⁷ Грозная Е.А. Политика Советского Союза...; Юрков Д.В. Российско-испанские культурные связи (конец 1970-х гг. — начало XXI в.). Дисс. М., 2010.

комитета СССР по науке и технике, и Луис Яньес, государственный секретарь по международному сотрудничеству МИД Испании.

Планы были грандиозными: договорились продолжать сотрудничество в здравоохранении, развитии железнодорожного транспорта, геологии, химии, обсудили вопросы участия испанских исследователей в советских космических программах¹²⁸. Во время этого визита при Мадридском университете был открыт Институт советской науки и культуры. В дар Институту советская делегация преподнесла собрание русской и советской литературы¹²⁹. Однако реализация этих соглашений была затруднена, а впоследствии и вовсе стала практически невозможной ввиду нарастания на рубеже 1980-х — 1990-х гг. системного кризиса в СССР, который привел к распаду Советского Союза.

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Установление дипломатических отношений между Испанией и СССР открыло новые горизонты для развития культурных связей. Личные контакты 1940-х — 1970-х гг. постепенно трансформировались в дипломатию культуры, которая, в свою очередь, сопровождала процесс политического сближения и взаимопонимания. В первую очередь речь шла об информационной открытости. В марте 1979 г. было подписано официальное соглашение о сотрудничестве в этой области, хотя первые шаги были сделаны еще в 1969 г., когда в Мадриде и Москве были созданы постоянные корреспондентские пункты информационных агентств Испании и СССР — ЭФЕ и ТАСС¹³⁰. Открывшиеся возможности советско-испанского диалога были поддержаны государством и общественной инициативой. В СССР в рамках ССОД в 1978 г. было учреждено Общество дружбы «СССР–Испания», представительство которого в Мадриде возглавил видный испанист Венедикт Виноградов. В ответ, годом позже, испанские деятели культуры создали Ассоциацию «Испания–СССР». Общества дружбы стали организационной основой для развития культурных связей между двумя странами¹³¹.

Начало дипломатического взаимодействия на высшем уровне сопровождалось поистине красочными событиями сотрудничества в области культуры. В 1979 г. в рамках визита Орехи Агирре испанская сторона привезла выставку гравюр Франсиско Гойи из серий «Капричос», «Бедствия войны», «Диспаратес» и «Шутовская коррида»¹³². В ноябре 1979 г. во время

¹²⁸ Informática y robótica, prioridades del acuerdo científico España-URSS // El País. 27.01.1990.

¹²⁹ Грозная Е.А. Политика Советского Союза... С. 215, 216, 227, 237.

¹³⁰ Красиков А.А. Испанский репортаж. М.: Политиздат, 1981. С. 30–31; Дубинин Ю.В. Амбахадор! Амбахадор!.. С. 82.

¹³¹ См. главу «Ассоциации дружбы с СССР в Испании».

¹³² Дубинин Ю.В. Амбахадор! Амбахадор!.. С. 78–80; Впервые в СССР // Культура и жизнь. 1979. № 6. С. 29.

ответного визита Громыко был подписан Протокол о сотрудничестве между Государственным Эрмитажем и Музеем Прадо, что открывало возможности для знакомства с богатейшими коллекциями этих знаменитых музейных собраний и обмена опытом в реставрационном деле¹³³.

«Впервые собрание картин из важнейшего испанского музея выставляется в Советском Союзе», — писала тогда испанская газета *El País*, высоко оценивая значение первой экспозиции живописи из музея Прадо¹³⁴.

А в 1987–1988 гг. в СССР прошла привезенная испанцами крупная выставка живописи «От Гойи до Пикассо». Как отмечала газета *АВС*, «директор музея Прадо Альфонсо Перес Санчес, приехавший в советскую столицу, чтобы представить выставку, [...] увидел некоторые схожие черты в испанской и русской живописи XIX в., которые, по его словам, были обусловлены похожими событиями в истории обеих стран, “начиная от вторжения Наполеона до борьбы между абсолютизмом и демократией”»¹³⁵.

В те же годы во многих городах Испании экспонировались произведения из коллекций знаменитых музеев — Эрмитажа, Русского музея, Третьяковской галереи, ГМИИ им. А.С. Пушкина¹³⁶. В апреле 1981 г. в Прадо открылась выставка, которая включала «Портрет Алонсо Эрсильи-и-Суньиги» Эль Греко, «Точильщика» Пуги, «Пригвождение к кресту» Рибальты и другие полотна испанских мастеров Золотого века из коллекции Эрмитажа, а в 1984 г. — выставка «Мурильо и художники Андалусии XVII в. в собрании Эрмитажа».

Вице-президент Ассоциации «Испания–СССР», выдающийся испанский скульптор Пабло Серрано летом 1982 г. в Пушкинском музее в Москве и в Эрмитаже в Ленинграде представил более сорока собственных работ и передал в дар Эрмитажу ряд своих скульптур. Статью о его выставке в Эрмитаже испанская газета *El País* озаглавила так: «Пабло Серрано, первый испанец, который лично выставляет свои работы в Эрмитаже»¹³⁷. В СССР также прошла выставка работ испанского графика, художника и скульптора Эусебио Семпере.

Испанский фотохудожник Х.М. Рибас Прус стал победителем в проходившем в Москве в 1979 г. конкурсе документальной и художественной

¹³³ Протокол к Соглашению между СССР и Королевством Испания о культурном и научном сотрудничестве о содействии развитию сотрудничества между Государственным Эрмитажем и Музеем Прадо // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1981. Вып. 35. С. 407–408; Intercambio temporal de obras de arte entre España y la URSS // *El País*. 24.06.1980.

¹³⁴ Exposición de obras del Museo del Prado en el Ermitage de Leningrado // *El País*. 03.09.1980.

¹³⁵ De Goya a Picasso, la pintura española deslumbra en Moscú // *АВС*. 26.02.1987. P. 39.

¹³⁶ *Индутная Н.Е.* СССР–Испания: культурный обмен (70–80-е годы) // Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1990. Вып. 36. С. 23; *Tesoros del Ermitage: Pintura española* // *АВС*. 10.05.1981. P. 10; *Gran exposición de pintura de L’Ermitage en el Museo de Prado* // *АВС*. 29.04.1981. P. 41.

¹³⁷ *Дубинин Ю.В.* Амбахадор! Амбахадор!.. С. 173; Pablo Serrano, primer español vivo que expone en el Ermitage // *El País*. 10.03.1982.

Испанское искусство в СССР: выставки живописи

С конца 1960-х гг. произведения испанской живописи стали постоянным экспонатом в составе выставочных коллекций, которые прибывали в СССР из зарубежных музеев. Зимой 1975/76 г. в обмен на картины из Эрмитажа и Русского музея свои лучшие произведения прислали музеи США. Три картины из своего собрания предоставил Арманд Хаммер. Одним из главных экспонатов выставки стала «Мадонна с младенцем, св. Агнессой и св. Мартиной» Эль Греко. Также были представлены два портрета Гойи («Портрет доньи Амалии Бонельс де Коста» и «Портрет Виктора Гюи», пажа Жозефа Бонапарта), картина кисти Пикассо «Портрет Себастьяна Хуньера Видаля». Осенью 1979 г. ГМИИ им. А.С. Пушкина представил выставку испанской живописи XVI — начала XIX в. из собрания Будапештского музея, включавшую 18 картин и 4 рисунка, из которых ключевой стала картина Сурбарана «Апостол Андрей». В 1984 г. в Москве и Ленинграде прошла выставка шедевров из Старой Пинакотекы Мюнхена. Там были представлены портреты Изабеллы Клары Евгении и Альбрехта Благочестивого Хуана Пантохи де ла Круса, а также картины Сурбарана, Мурильо, Гойи. В мае 1986 г. в Эрмитаже открылась выставка одной картины Гойи — «Портрет маркизы де Понтехос» из вашингтонской Национальной галереи искусств. В 1987 г. в Эрмитаже экспонировалась одна картина Эль Греко — «Моление о чаше» из Музея искусств Толидо штата Огайо.

В сентябре 1980 г. после заключения соглашения о сотрудничестве между Эрмитажем и Прадо в Николаевском зале Эрмитажа открылась первая выставка шедевров испанской живописи из Прадо, которая в следующем году была выставлена в ГМИИ им. А.С. Пушкина. На ней были представлены 32 полотна XVI — начала XIX в., среди которых были произведения А. Санчеса Козльо, 7 картин Эль Греко, работы Риберы, Веласкеса, Сурбарана, Алонсо Кано и 7 картин Гойи.

393

фотографии «За мир и дружбу между народами». Общество «СССР–Испания» в конце 1970-х — начале 1980-х гг. в организовало разных городах Испании более сорока советских выставок различных жанров и тематик, в том числе персональные экспозиции известных советских художников Таира Салахова, Ильи Глазунова и фотоработы Александра Родченко¹³⁸.

Испанские читатели, давно открывшие для себя русскую классическую литературу, продолжали приобщаться и к произведениям советских авторов. Уже в первые годы демократии испанские издательства публиковали сочинения советских писателей, представляя впечатляющую панораму литературного развития в СССР. Испанские издательства заключили около 130 контрактов на публикацию как произведений советской литературы, так и справочных

¹³⁸ *Индутная Н.Е.* Об участии... С. 45; *Она же.* СССР–Испания... С. 23; «Если бы мне пришлось выбирать...» // Культура и жизнь. 1979. № 3. С. 37.

изданий — например, Большой Советской Энциклопедии. Испанцы вновь получили возможность читать романы М. Горького, А. Толстого, М. Шолохова, К. Симонова, повести и рассказы К. Паустовского, И. Бабеля; были выпущены антологии советской прозы и поэзии¹³⁹. События и процессы, происходившие в СССР с 1985 г. в период перестройки, привели к появлению «новой» литературы, которая носила явно антитоталитарный характер, что сразу привлекло внимание испанских издателей. «Благодаря перестройке советская культура открывается миру и распахивает двери Западной Европы. Эта волна докатилась и до Испании», — отмечал еженедельник *Cambio-16*¹⁴⁰.

С 1979 по 1989 г. в Испании прошло 14 выставок советской книги, на которых была представлена художественная, научно-техническая, учебная, детская литература, а также книги по искусству и архитектуре. Одна из них проходила в Национальной библиотеке Испании в декабре 1980 г. и, по словам ее организатора, издателя Рубиньоса, «блестяще завершила ряд выставок, проведенных [...] в университетах и в муниципалитетах различных испанских городов с целью познакомить Испанию с русской книгой»¹⁴¹. На ней испанским книголюбам было предложено более 2000 наименований изданных в СССР книг на русском, испанском и других языках. Своеобразным итогом десятилетнего сотрудничества стала организованная в 1988 г. в Москве выставка «Книги Испании: 10 лет творчества и мысли (1978–1988)», на которой было представлено более 3000 книг¹⁴². С 1979 г. испанские книгоиздатели регулярно участвовали в Международной выставке-ярмарке в Москве, а представители советских издательств выезжали в Испанию для участия в Международных книжных салонах «Либер-83» в Мадриде и «Либер-84» в Барселоне¹⁴³.

Особое место в культурной дипломатии двух стран отводилось искусству кино. Еще в 1969 г. советские кинорежиссеры и актеры стали участниками Международного кинофестиваля в Сан-Себастьяне. Огромной любовью советских зрителей пользовались показанные на советских экранах в 1971 г. испанские фильмы «Пусть говорят», «Мое последнее танго» и др. В 1977 г. Испания участвовала в X Московском международном кинофестивале, на котором режиссер Хуан Антонио Бардем получил золотой приз за фильм «Конец недели». Он же был удостоен золотого приза и на XI Московском международном кинофестивале в 1979 г. за фильм «Семь дней в январе». Именно тогда зародилась традиция проведения фестивалей испанского кино в СССР и советского — в Испании¹⁴⁴. В 1982 г. во

¹³⁹ *Индутная Н.Е.* СССР–Испания... С. 21–22; *Евстигнеев В.П.* Испания: основные направления внешней политики. М.: МО, 1982. С. 47.

¹⁴⁰ *Longares M., Bellver J.M.* La "Perestroika" que se exporta // *Cambio-16*. 1988. No. 883. P. 162–164.

¹⁴¹ Exposición de libros rusos en la Biblioteca Nacional // *El País*. 12.12.1980.

¹⁴² *Индутная Н.Е.* СССР–Испания... С. 21–22.

¹⁴³ *Грозная Е.А.* Политика Советского Союза... С. 125, 214, 220.

¹⁴⁴ *Индутная Н.Е.* СССР–Испания... С. 22, 23, 25.

время Недели советского кино в Мадриде было подписано Соглашение о сотрудничестве двух стран в области кинематографии, что привело к активизации профессионального общения между деятелями кино и установлению регулярных контактов между испанскими и советскими киностудиями¹⁴⁵. В 1985 г. советский режиссер Юрий Занин по сценарию Бориса Добродеева и Николая Шишлина снял в Испании документальный фильм «Салют, Испания», основанный на воспоминаниях бойцов и командиров интербригад из Испании, СССР, Германии, США, Чехословакии, Италии, Болгарии¹⁴⁶. В конце 1980-х гг. испанский зритель познакомился с новыми тенденциями советского кинематографа. По мнению испанской прессы, именно кино стало своеобразным «двигателем перестройки». Началось сотрудничество между советскими и испанскими кинематографистами в создании телефильмов¹⁴⁷, подкрепленное подписанием в 1990 г. нового Соглашения между СССР и Испанией о взаимоотношениях в области кинематографии¹⁴⁸.

Важным направлением культурного сотрудничества в конце 1970-х — 1980-е гг. стало сценическое искусство, представленное различными театральными, танцевальными, эстрадными и другими творческими коллективами. В Советском Союзе выступали Театр испанского танца «Луисильо», театральная труппа под руководством Хосе Тамайо, Национальный драматический театр Испании, а в Испанию на гастроли приезжали Ленинградский академический театр оперы и балета им. С.М. Кирова, Киевский академический театр оперы и балета им. Т. Шевченко. Испанских зрителей знакомили со своим творчеством танцевальный ансамбль «Березка», Государственный ансамбль народного танца СССР под руководством И. Моисеева, Ансамбль песни и пляски Советской Армии им. А.В. Александрова. В 1986 г. на театральные фестивали в Мадрид приехал Ленинградский Большой драматический театр им. А.М. Горького. Театральные труппы и творческие коллективы из СССР участвовали и в фестивале советского искусства в Испании в 1988 г.¹⁴⁹

В ходе визита в СССР короля Испании Хуана Карлоса I весной 1984 г. королева София посетила Хореографическое училище при Большом театре, что способствовало установлению связей в области балетного искусства.

Уже через год в Мадриде прошла выставка «Страницы истории русского и советского балета». А в 1987 г. великая советская балерина Майя Плисецкая возглавила балетную труппу *Teatro lírico nacional* в Мадриде¹⁵⁰.

¹⁴⁵ Сборник международных договоров СССР. М.: МО, 1984. Вып. 38. С. 345.

¹⁴⁶ Фильм «Салют, Испания!» (1985). — <https://www.net-film.ru/film-50361/> (дата обращения 11.03.2018).

¹⁴⁷ La “Perestroika” que se exporta... P. 162–163.

¹⁴⁸ Garrido Caballero M. Las relaciones entre España y la Unión Soviética...

¹⁴⁹ Юрков Д.В. Российско-испанские культурные связи... С. 97–99.

¹⁵⁰ Грозная Е.А. Политика Советского Союза... С. 218, 221, 230; La bailarina soviética Maya Plisetskaya acepta dirigir el Ballet Nacional de España // El País. 01.01.1987.

Мастера культуры: Майя Плисецкая и Испания

«Откуда у меня такая страсть к Испании? Всему испанскому — фламенко, корриде, гребням, цветку в волосах, мантильям, монистам? Ничего определенного. Но какая-то тайная связь между нами есть. Все же есть, — признавалась Майя Плисецкая. — Я упоенно наслаждалась в танце лопедевеговской Лауренсией, сервантесовской Дульцинеей-Китри, испанскими танцами Касьяна Голейзовского. Шла напролом со своей Кармен. Совпадение или судьба?» 1 декабря 1987 г. советская балерина Майя Плисецкая на два года возглавила труппу классического балета *Teatro lírico nacional Zarzuela*.

Директор Института сценических искусств и музыки Министерства культуры Испании Хосе Мануэль Гарридо Гусман, понимая, что в Испании нет традиций классического танца, мечтал, чтобы Майя Плисецкая, великая балерина и хореограф, с «ее огромным опытом, полученным в стране с большими традициями в этой сфере», содействовала созданию школы для подготовки танцовщиков, способных составить будущую балетную труппу Театра национальной оперы. Об этом же в своей книге «Я, Майя Плисецкая» писала сама балерина. В «старинном театре Сарсуэла [...] под одной крышей уважительно уживаются — опера, старинная испанская классическая оперетта, балет Национал де Эспанья (фантастическая труппа фламенко) и балет Лирико-Националь. Это уже я. Это — труппа классического балета. Классики у испанцев раньше почти не было, не было и традиций. Труппа совсем молодая. Однако многообещающая. Заметно сразу мне, что все танцоры хотят всерьез работать. Внимательно, поглощенно вслушиваются в каждое замечание, реплику».

Плисецкая возобновила в театре балет «Тщетная предосторожность» Петера Гертеля с хореографией Александра Горского, ввела в репертуар «Кармен-сюиту». Результатом плодотворного сотрудничества с испанской певицей Монсеррат Кабалье стала постановка оперы-балета на музыку

В ноябре 1990 г. газета *El País* анонсировала, что Национальный балет Испании, а также балетная труппа *Teatro lírico nacional* и балет Виктора Ульате примут участие в фестивале «Танцуй, Испания» в Москве и Ленинграде, где вместе с испанцами выступят представители прославленного советского балета из театра им. С.М. Кирова¹⁵¹.

Совершенно особую роль в развитии межкультурного взаимопознания сыграл язык музыки. Еще в 1974 г. фирма «Мелодия» выпустила пластинки испанского певца Рафаэля и замечательной Сары Монтель. А с конца 1970-х гг. в СССР стали приезжать испанские исполнители: певцы Виктор Мануэль, Ана Белен, певица, меццо-сопрано Тереса Берганса, пианистка Леонора Мила,

¹⁵¹ Destacados bailarines españoles y rusos actuarán juntos en la URSS // El País. 09.11.1990.

Джакомо Пуччини «Вилисы», которые, по словам балерины, представляли собой «как бы второй акт “Жизели”, но без первого». В знак дружбы испанская певица спела и записала фонограмму «Умиряющего лебедя» Сен-Санса, и на одном из концертов Майя Плисецкая танцевала «под пленительный голос Монсеррат Кабалье». Особый интерес вызвала у балерины совместная работа с художественным руководителем труппы фламенко Хосе Гранеро, который в 1988 г. специально для нее поставил балет «Мария Стюарт» на музыку Эмилио де Диего, где Плисецкая выступала в заглавной партии. Труппа *Teatro lírico nacional Zarzuela* объездила всю Испанию, выступая в Мурсии, Сан-Себастьяне, Альмерии, Аликанте, Малаге, Валенсии, Севилье, Гранаде, Саморе, Овьедо, Сантадере, а также выезжала на гастроли в Италию, Японию, Израиль, Тайвань. В 1991 г. Плисецкая была удостоена испанского ордена Изабеллы Католической, а также Золотой медали искусств. В ноябре 1993 г. балерина получила испанское гражданство.

Майя Плисецкая в роли Кармен

гитарист Нарсисо Елес, давал концерты каталонский эстрадный ансамбль *Maravella*. В 1980-е гг. советская публика тепло принимала уже знакомых эстрадных певцов Рафаэля, Мичела и Хулио Иглесиаса, пианиста Альберто Хименеса Аттенелле и других¹⁵². Знаменитый испанский тенор Хосе Каррерас и прославленная певица Монсеррат Кабалье в сентябре 1989 г. приняли участие в благотворительном фестивале, посвященном жертвам землетрясения в Армении. «Я с огромной радостью буду выступать в Большом театре, который является основой мирового престижа и традиции, тем более что первое мое выступление здесь совпадает с благотворительной акцией», — сказал тогда Хосе Каррерас¹⁵³.

¹⁵² Юрков Д. В. Российско-испанские культурные связи... С. 97–98.

¹⁵³ Caballé, Carreras y Kraus actuarán en Moscú en dos galas benéficas por Armenia // El País. 05.09.1989.

Хулио Иглесиас на Красной площади. 1989

398

Испанская публика познакомилась с творчеством оркестра Московской государственной филармонии, Государственного симфонического оркестра под управлением Евгения Светланова, Симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения под руководством Владимира Федосеева, квартета «Виртуозы Москвы» под руководством Владимира Спивакова, Ленинградского симфонического оркестра под управлением Евгения Мравинского. С сольными концертами выступил в Испании известный скрипач Игорь Ойстрах¹⁵⁴. Испанские молодые исполнители приезжали на обучение и стажировку в советские музыкальные учебные заведения, а советские педагоги проводили курсы совершенствования исполнительского мастерства в Испании¹⁵⁵.

Оживление культурных контактов в 1970-е — 1980-е гг., в период перехода Испании к демократии, открывало новые горизонты для сотрудничества с Россией, вступавшей в 1991 г. в новую эпоху своей истории.

¹⁵⁴ Евстигнеев В.П. Испания... С. 47.

¹⁵⁵ Грозная Е.А. Политика Советского Союза... С. 95, 213, 219, 227.

Н НОВАЯ РОССИЯ И ИСПАНИЯ В XXI ВЕКЕ

ОТ РОССИИ СОВЕТСКОЙ К РОССИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С ИСПАНИЕЙ

23 декабря 1991 г. Европейское сообщество приняло декларацию о будущем статусе России и бывших советских республик, в которой говорилось, что международные права и обязательства бывшего СССР, включая те, которые были определены Уставом ООН, будут продолжать осуществляться Россией. И на этом основании государства — члены ЕС будут продолжать строить свои отношения с Россией¹. 27 декабря 1991 г. Российскую Федерацию в качестве государства — продолжателя СССР признала Испания. К России перешли права и обязанности, вытекавшие из соглашений, заключенных между Советским Союзом и Испанией. Мадрид настаивал на скоординированной поддержке реформ, происходивших в Российской Федерации, на необходимости внимания к ее интересам в Европе и во всем мире. Демократическое обновление России должно было привести к созданию более прочной и надежной системы безопасности и сотрудничества в Европе. Поэтому в Испании считали, что необходимо поддерживать с ней качественно новые политические и экономические отношения².

В начале 1990-х гг. позиция Испании в отношении России вписывалась в общий курс Европейского сообщества и развивалась по двум основным

¹ ЕС Press Statement, Brussels, 23 December 1991.

² Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П. История внешней политики... С. 422.

Российские дипломаты в Испании: Игорь Иванов

В 1973 г. Игорь Сергеевич Иванов, выпускник Московского государственного педагогического института иностранных языков с блестящим знанием испанского языка, был назначен на должность старшего инженера торгпредства СССР в Испании, где при отсутствии дипломатических отношений между двумя странами выполнял и дипломатические функции. В 1977 г., когда СССР установил дипломатические отношения с Испанией, он оказался «единственным, кто работал в Мадриде с самого первого дня». И ради кадровой преемственности его решили оставить в Испании, где он провел еще шесть лет. Он был советником, а с 1980 по 1983 г. — советником-посланником посольства и стал одним из главных участников становления советско-испанских отношений. В августе 1991 г. Иванов был назначен послом СССР в Испании, но отправился в Мадрид только в декабре. День, когда он должен был вручить королю Испании свои верительные грамоты, совпал с моментом распада СССР. Как вспоминал он сам: «Обращаясь во время официальной церемонии к королю, я заявил ему, что прошу аккредитовать меня как посла... моей страны». После подписания 21 декабря 1991 г. декларации в Алма-Ате, в которой было заявлено о прекращении существования Советского Союза, он официально стал представителем Российской Федерации. Под его руководством российско-испанские отношения заметно активизировались, что привело к широкому присутствию испанских предприятий на российском рынке и развитию политики сотрудничества, ориентированной на создание в России государства современного типа. В 1993 г. Игорь Иванов был назначен первым заместителем министра иностранных дел России, оставаясь до июля 1994 г. российским послом в Мадриде. Последним важным событием в российско-испанских отношениях в период его пребывания на посту посла стал государственный визит в Испанию президента России Бориса Ельцина 11–12 апреля 1994 г. С 1998 по 2004 г. он занимал пост министра иностранных дел России, что оказалось плодотворным для развития отношений с Испанией. В эти годы он неоднократно посещал Испанию с официальными визитами, что содействовало углублению двусторонних связей, развитию отношений России с Европейским союзом. И в настоящее время он активный участник публичной дипло-

направлениям. Испания выступала за интеграцию России в западноевропейские структуры и за облегчение этого процесса. С другой стороны, интенсифицировались российско-испанские двусторонние отношения, фундаментом которых должно было стать широкое присутствие испанских предприятий на российском рынке и развитие политики сотрудничества, ориентированной на создание в России государства современного типа. В 1990-е гг. Испания занимала пятое место по объему инвестиций в российскую экономику.

Игорь Иванов вручает верительные грамоты королю Хуану Карлосу I. 1991

матии. В 2009 г. он вместе с Альваро Хиль-Роблесом стал председателем фонда «Совет Испания–Россия». При поддержке фонда 2 марта 2009 г. прошел российско-испанский форум «Диалог гражданских обществ». Фонд участвовал и в поддержке проекта «Год Испания–Россия 2011». За многие годы своей профессиональной деятельности Игорь Иванов занимал разные должности, но, как сказал он в одном из интервью, «Испания была моей первой любовью».

В апреле 1992 г. состоялся визит в Москву министра иностранных дел Испании Франсиско Фернандеса Ордоньеса, который подписал со своим коллегой Андреем Козыревым Договор о дружбе и сотрудничестве, российско-испанский протокол о межправительственных консультациях и декларацию о сохранении в силе договоров с СССР³. В октябре 1992 г.

³ Federación de Rusia // Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación. Agosto 2007. P. 61–62. http://aeue.weebly.com/uploads/3/8/8/5/3885199/rusia_oid.pdf (дата обращения 09.09.2017).

был заключен меморандум о научно-техническом сотрудничестве в области агропромышленного комплекса. Тогда же были подписаны соглашения о сотрудничестве между Союзом промышленников и предпринимателей России и Испанской конфедерацией предпринимательских организаций, Торгово-промышленной палатой России и Высшим советом торговых палат Испании. Первым послом Российской Федерации в Испании с декабря 1991 г. был Игорь Иванов.

Отношения России и Испании во второй половине 1990-х гг. основывались на Договоре о дружбе и сотрудничестве, который был заключен 12 апреля 1994 г., во время первого официального визита президента России Бориса Ельцина в Испанию. Он предусматривал углубление диалога по всем международным аспектам, наполнение реальным содержанием отношений России с ЕС, разоружение и нераспространение ядерного оружия, усиление роли и повышение эффективности ООН, сотрудничество в Средиземноморье. На его основе был налажен регулярный политический диалог как на уровне руководителей государств, так и на уровне внешнеполитических ведомств. 11 апреля 1994 г. между странами было подписано Соглашение о сотрудничестве в области культуры и образования. Новый документ стал дополнением к Договору о дружбе и сотрудничестве. Стороны обязались согласовывать трехгодичные программы сотрудничества, в которых оговаривались бы конкретные мероприятия, а также финансовые и другие условия их осуществления; с этой целью была образована российско-испанская комиссия, которая стала поочередно собираться в Москве и Мадриде⁴. Во многом благодаря усилиям посольства России в Испании в мае 1995 г. была введена в постоянную эксплуатацию линия прямой закрытой телефонной связи между Кремлем в Москве и Монклоа в Мадриде.

Председатель правительства Испании Фелипе Гонсалес в 1995 г. дважды посетил Россию. 8–9 мая он приезжал на торжества по случаю 50-летия Победы над гитлеровской Германией, а 5–7 сентября состоялся его официальный визит в Москву, в ходе которого был сделан акцент на укреплении торгово-экономического сотрудничества при одновременном содействии интеграции России в рамках Средиземноморского региона. Гонсалес встретился с Ельциным, который поблагодарил Испанию за поддержку при подписании Договора о торговле между Россией и Европейским союзом. Председателя правительства Испании сопровождала группа предпринимателей, которая провела ряд встреч, направленных на активизацию двусторонних экономических связей⁵. В те годы активизировалась и совместная работа двух стран в международных организациях. Испания стала первой страной Европейского союза, ратифицировавшей Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией от 24 января 1994 г. В качестве приоритетной задачи своего председательствования в ЕС Испания заявила о необходимости вступления в силу Временного соглашения

⁴ Дипломатический вестник. 1994. № 9/10. С. 13–16.

⁵ Federación de Rusia. Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación. Agosto 2007. P. 62.

с Россией, что и было достигнуто 17 июля 1995 г. При содействии Мадрида в начале испанского председательства в ЕС (17.07.1995) было подписано Временное торговое соглашение между Россией и ЕС. Испанцы были одними из активных сторонников аккредитации российских представителей при Европарламенте. В ходе подготовки доклада по России (июль 1995 г.) Испания поддержала пожелание России перенести акцент с формулировки «страна с переходной экономикой» на «страна с рыночной экономикой». Мадрид не высказал никаких принципиальных возражений против предоставления России займов по линии Европейского инвестиционного банка. Именно Испания с наибольшей настойчивостью ратовала за вступление Российской Федерации в Совет Европы, в состав которого Россия была принята 21 января 1996 г.

Председатель правительства Испании
Фелипе Гонсалес и президент России Б.Н. Ельцин.
Москва. 1995

Новое правительство во главе с Хосе Марией Аснаром, пришедшее к власти в 1996 г., также не раз подтверждало преемственность линии на продолжение дружественных отношений с Россией и намерение усилить ее важными новыми шагами. В феврале 1997 г., в связи с 20-летием восстановления дипломатических отношений, министр иностранных дел Евгений Примаков писал: «Редко когда в международной дипломатии за столь короткое время партнерам удавалось создать такую развитую, плотную ткань отношений буквально во всех сферах — от высокой политики до решения социальных вопросов, от торгово-экономического сотрудничества до содействия туризму»⁶. В ответ его испанский коллега Абель Матутес заявил, что «пожалуй, нет двух других народов Европы, имеющих столь много схожих черт, как испанцы и россияне»⁷.

⁶ *Примаков Е.М.* Сделать сотрудничество наших государств одним из ключевых факторов движения к единой Европе // *Международная жизнь.* 1997. № 2. С. 4.

⁷ *Матутес А.* Мы нуждаемся в жизненно важном вкладе России в укрепление европейской безопасности // Там же. С. 6.

5–7 мая 1997 г. состоялся второй государственный визит в Москву короля Испании Хуана Карлоса I, в ходе которого было проявлено обоюдное стремление развивать и углублять наши связи на самых разных уровнях и направлениях. Еще раз было продемонстрировано, что Мадрид придает принципиальное значение отношениям с Россией, с которой Испанию сближает созвучность подходов ко многим важнейшим международным проблемам, а также что обе страны объединяет традиционно дружественное отношение другу к другу на уровне как простых людей, так и правительственных кругов. 28–30 января 1998 г. состоялся официальный визит в Испанию Евгения Примакова.

В сентябре 1998 г. министром иностранных дел стал Игорь Иванов. На полях Генеральной Ассамблеи ООН он встретился с Матутесом, а в начале мая 1999 г. продолжил с ним переговоры во время официального визита Матутеса в Москву. Главной темой были вопросы двусторонних отношений, подготовка к визиту в Россию премьер-министра Испании Хосе Марии Аснара.

Во время визита Аснара (16–19.05.1999) ключевой стала идея о нереализованном колоссальном потенциале. Тогда обе стороны констатировали наличие обоюдной заинтересованности в развитии взаимовыгодного всестороннего сотрудничества, особенно в торгово-экономической области, отмечали важность сохранения динамики развития межрегиональных связей, договорились наращивать экономическое взаимодействие, в том числе путем создания условий для более массированного притока испанских инвестиций в российскую экономику. Свидетельством растущего интереса испанцев к российскому рынку стала встреча представителей деловых кругов обеих стран, к которым председатель правительства Испании обратился с приветственным словом. В ходе визита были подписаны межправительственные соглашения о сотрудничестве в области борьбы с преступностью и в области информатизации. Была достигнута договоренность о подготовке к подписанию соглашений о поощрении и взаимной защите капиталовложений, о сотрудничестве между таможенными службами, о создании культурных центров.

19 мая председатель правительства Испании посетил Нижний Новгород, где открыл линию по производству пищевых концентратов *Gallina Blanca*, что стало наглядным свидетельством сохраняющейся заинтересованности крупного и среднего испанского бизнеса в прямых инвестициях в реальный сектор российской экономики. Была достигнута договоренность об активизации деятельности Межправительственной смешанной российско-испанской комиссии по экономическому и промышленному сотрудничеству⁸. В Испании весьма позитивно был воспринят опыт участия российских военнослужащих в составе международных сил по выполнению соглашения о мире в Боснии (в их составе действовали также и испанские контингенты). Матутес указывал, что это «может стать прообразом будущего более широкого сотрудничества

⁸ Визит Х.М. Аснара в Россию // Дипломатический вестник. 1999. № 6. — http://archive.mid.ru/bdcmp/dip_vest.nsf/OpenDocument (дата обращения 20.01.2017).

между Россией и НАТО, способного предотвратить появление новых разделительных линий в Европе»⁹. В целом Мадрид рассматривал Россию как один из ключевых элементов в создании долгосрочной и эффективной системы безопасности и сотрудничества на европейском континенте.

Во время следующего визита Аснара в Москву в мае 2001 г. в ряду достигнутых тогда договоренностей (в экономической, правовой, гуманитарной сферах) было и соглашение об открытии в Мадриде Российского центра науки и культуры, а в Москве — филиала Института Сервантеса¹⁰. Эти же вопросы обсуждались и на встрече в Кремле президента России Владимира Путина и короля Испании во время его частного визита в Москву в сентябре 2001 г.

В январе 2002 г. Испанию с рабочим визитом посетил Игорь Иванов. Главной темой его переговоров было обсуждение взаимодействия России и Европейского союза в контексте начавшегося 1 января 2002 г. председательства Испании в Евросоюзе. Стороны подтвердили, что основные усилия в сотрудничестве будут направлены на реализацию решений саммита Россия–ЕС в Брюсселе 3 октября 2001 г. в таких сферах, как борьба с международным терроризмом и организованной преступностью, укрепление диалога и взаимодействия по политическим вопросам и вопросам безопасности в Европе, формирование концепции общего экономического пространства, развитие энергетического и научно-технологического сотрудничества. Встречи подтвердили значительное совпадение взглядов России и Испании на задачу расширения стратегического партнерства России и ЕС. Были обсуждены актуальные вопросы российско-испанских отношений, ход реализации договоренностей, достигнутых в ходе российско-испанских встреч в верхах в 2000–2001 гг., прежде всего задачи укрепления политического диалога, существенного расширения торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества¹¹.

В августе 2002 г. состоялся двухдневный частный визит испанского короля Хуана Карлоса I в Москву. В ходе этой встречи главы государств Испании и России отметили возросший уровень двусторонних отношений, а Хуан Карлос заявил, что Испания хочет «не хороших, а прекрасных отношений с Россией»¹². Российский президент в ответ обратил внимание на то, что визит короля Испании в Москву «лишний раз подчеркивает уровень

⁹ Матутес А. Мы нуждаемся... С. 8.

¹⁰ Выступле — ние президента России В.В. Путина и ответы на вопросы на совместной пресс-конференции с премьер-министром Испании Х.М. Аснаром 22 мая 2001 г. Москва. — http://www.mid.ru/maps/es/-/asset_publisher/qqAftQ2HgNEM/content/id/581926 (дата обращения 19.12.2017).

¹¹ Об итогах визита министра иностранных дел И.С. Иванова в Испанию. — http://www.mid.ru/maps/es/-/asset_publisher/qqAftQ2HgNEM/content/id/568664 (дата обращения 19.12.2017). См. также: Сагомонян А.А. Борис Григорьевич Майорский (1999–2002) // Российские дипломаты... С. 271–276.

¹² El Rey y Putin estrechan relaciones entre España y Rusia // El País. 19.08.2002. См. также: Шербакова А.В. Михаил Леонидович Камынин (2002–2005) // Российские дипломаты... С. 277–286.

Первый визит президента Владимира Путина в Испанию

7 мая 2000 г. Владимир Путин вступил в должность главы Российского государства. В мае он посетил Узбекистан, Туркменистан и Белоруссию, а в июне совершил свой первый визит на Запад — в Италию и Испанию. Решение нового президента совершить визит в Испанию сразу после официального вступления в должность произвело там весьма сильное впечатление. В Мадриде считали, что поскольку поездка российского лидера в Англию (апрель 2000 г.) состоялась до инаугурации, а визит в Италию был рабочим, то Испания стала первой западной страной, которую новый президент России посетил с официальным визитом. Приезд Путина был воспринят в Испании как подчеркнуто дружественный жест Москвы, как признание того факта, что при правлении Аснара Испания стала играть более заметную роль в Европе. Была еще одна причина особого характера. Визит показал, что удалось преодолеть напряженность, возникшую в российско-испанских отношениях в связи с участием испанских вооруженных сил в операции НАТО против Югославии.

Российский президент встретился с Аснаром и королем Хуаном Карлосом I, а также с представителями деловых кругов Испании. Были рассмотрены международные проблемы и особенно двусторонние отношения, которые, по мнению руководителей двух стран, были призваны способствовать становлению многополюсного мирового порядка, а также вопросы экономического сотрудничества и борьбы с терроризмом. «Испания для нас [...] надежный и долговременный партнер. Испания является членом объединенной Европы. Я уже говорил о том, что роль, место Испании и в экономике Европы, и в политической жизни постоянно неуклонно возрастает, и именно этим и продиктовано то, что мы находимся сегодня здесь. Я уже не говорю о традиционных дружеских связях и очень добром отношении между испанским и российским народом», — заявил российский президент. Во время переговоров обсуждалась реализация крупного российско-испанского экономического проекта: участие испанской компании *Talgo*, являющейся единственным в мире предприятием, которое производит вагоны с автоматически приспособляющимися к разной ширине железнодорожной колеи колесными парами, в строительстве скоростной железной дороги Москва–Петербург. Символично то, что в проектировании и строительстве первой российской железной дороги

отношений между Россией и Испанией, который достигнут в последнее время». Глава Российского государства напомнил, что «в последнее время подписаны восемь межправительственных и пять министерских соглашений» между двумя странами, «очень хорошо развиваются культурные связи»¹³.

¹³ О встрече Президента Российской Федерации В.В. Путина с королем Испании Хуаном Карлосом Первым 18 августа 2002 года // МИД РФ. Официальный сайт. — <http://archive.mid.ru> (дата обращения 06.12.2017).

Президент России Владимир Путин и председатель правительства Испании Хосе Мария Аснар. Мадрид. 2000

в 1836–1837 гг. принимали участие выпускники Института Корпуса инженеров путей сообщения, который в 1809 г. основал приехавший на службу в Россию испанский ученый и инженер Августин де Бетанкур.

Визит президента РФ в Испанию привел к расширению политического диалога, совершенствованию договорно-правовой базы, развитию торгово-экономических и инвестиционных связей, углублению культурного сотрудничества. Его важной частью стало подписание межправительственных соглашений о сотрудничестве в таможенной сфере, в предупреждении стихийных бедствий и ликвидации их последствий. Были также подписаны соглашение о сотрудничестве в области архивов, протокол о сотрудничестве в области туризма.

Весь 2002 год прошел под знаком празднования 25-летия восстановления дипломатических отношений между Россией и Испанией. Была принята российско-испанская декларация, в которой отмечалось, что «Российская Федерация и Королевство Испания разделяют ценности правового государства и системы демократических свобод», что российско-испанские отношения «характеризуются динамизмом всего спектра политических, экономических, культурных и гуманитарных связей, основывающихся на взаимном уважении и чувствах глубокой симпатии между народами двух государств», что

«интенсивный политический диалог между руководством двух государств стал важным элементом европейской и международной политики, весомым вкладом России и Испании в укрепление стабильности и предсказуемости международных отношений» и что «Российская Федерация и Королевство Испания убеждены: накопленный за последние 25 лет опыт сотрудничества между ними является надежной основой и отражает обоюдную политическую волю, которой они намерены руководствоваться и впредь в интересах укрепления отношений между двумя государствами и народами»¹⁴.

РОССИЯ и ИСПАНИЯ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В НОВОМ СТОЛЕТИИ

Точкой отсчета современного этапа развития двусторонних российско-испанских связей можно считать 27 декабря 1991 г., когда испанские власти признали Российскую Федерацию в качестве государства — продолжателя Советского Союза. Юридической основой межгосударственного взаимодействия стал подписанный в Мадриде 12 апреля 1994 г. Договор о дружбе и сотрудничестве. Первоначально имевший 10-летний срок действия, этот основополагающий документ впоследствии неоднократно продлевался и по сей день служит целям и задачам, зафиксированным в его тексте¹⁵.

Политический курс испанского государственного руководства в отношении России формировался под воздействием сложной комбинации факторов внутреннего и внешнего порядка. Не последнюю роль сыграло и продолжает играть членство Испании в Европейском союзе и НАТО, что побуждало Мадрид строить свои отношения с Москвой с учетом позиции Брюсселя. Но Испания, руководствуясь национальными интересами, одновременно стремилась выстраивать (в рамках возможного) собственную парадигму взаимодействия с Россией. Мадрид явно не был удовлетворен состоянием отношений между ЕС и РФ, особенно осложнившихся в ходе и после событий на Кавказе в августе 2008 г. Испания в тот момент воспротивилась попыткам применить санкции Евросоюза против России и выступила в пользу диалога с Москвой — как по линии ЕС, так и от имени НАТО. Министр иностранных дел и сотрудничества Мигель Анхель Моратинос заявил: «Мы должны избегать возвращения к повестке дня времен «холодной войны». Подтверждая этот подход и учитывая позицию российского руководства, испанское правительство не поддержало присоединения Украины и Грузии к Плану действий по членству в НАТО»¹⁶.

¹⁴ Совместная российско-испанская декларация по случаю 25-летия восстановления дипломатических отношений. 08.02.2002. — http://www.mid.ru/maps/es/-/asset_publisher/qQAfQ2HgNEM/content/id/567056 (дата обращения 05.12.2017).

¹⁵ Яковлев П.П. Испания в мировой политике. М.: ИЛА РАН, 2011. С. 306–307.

¹⁶ Wojna B. España: ¿un nuevo socio estratégico de Rusia en la UE? 22 de junio de 2010. Real Instituto Elcano. ARI 107/2010.

К концу первого десятилетия XXI в. (особенно под влиянием мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.) испанские власти стали расценивать отношения с Москвой, включая их политико-дипломатическую составляющую, как приоритетное стратегическое партнерство, необходимое самой Испании и Евросоюзу в целом для адекватного ответа на существующие глобальные вызовы.

В марте 2009 г. состоялся государственный визит президента России Дмитрия Медведева в Испанию, свидетельствующий о достигнутом высоком уровне двустороннего диалога. Принимая главу Российского государства в Мадриде, председатель испанского правительства Хосе Луис Родригес Сапатеро подчеркнул: «Испания рассматривает Россию в качестве стратегического партнера на международной арене. Вклад Российской Федерации совершенно необходим для решения тех проблем, с которыми мы сталкиваемся: финансовый кризис, распространение оружия массового поражения, изменение климата, обеспечение мира и безопасности, формирование сбалансированного и многополярного мирового порядка»¹⁷.

Переговоры президента Медведева в Испании, по результатам которых была подписана Декларация о стратегическом партнерстве двух стран, свидетельствовали об оптимистической динамике российско-испанских отношений и о новых элементах в их формате. В документе говорилось: «Настоящей Декларацией провозглашается установление отношений стратегического партнерства между Российской Федерацией и Королевством Испания, которое охватывает все сферы отношений, включая политический, экономический, культурный, научный, технический и образовательный аспекты. Основываясь на взаимопонимании и доверии друг к другу, такое стратегическое партнерство предполагает вывод связей между обеими странами на еще более высокий и качественно новый уровень и в то же время придание им характера особо тесного и динамичного сотрудничества как в области двусторонних отношений, так и на международной арене»¹⁸.

По мнению руководства двух стран, перевод российско-испанских межгосударственных связей на уровень стратегического партнерства означал, что в сложных условиях кризиса 2008–2009 гг., который чрезвычайно болезненно отразился на России и Испании, важно было не только сохранить позитивную динамику отношений, но и определить дополнительные сферы и форматы сотрудничества. Подписав в Мадриде Декларацию о стратегическом партнерстве, Кремль давал отечественному бизнесу стратегическое направление для дальнейшего делового взаимодействия с испанскими

¹⁷ Discurso del Presidente del Gobierno en la clausura del Foro de la Sociedad Civil España — Rusia. 03.03.2009. — <http://www.la-moncloa.es> (дата обращения 27.05.2018).

¹⁸ Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Испания. 3 марта 2009 года. — <http://www.kremlin.ru/supplement/163> (дата обращения 27.05.2018).

Президент России Дмитрий Медведев и председатель правительства Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро. Москва, 2009

компаниями и банками, ориентировал предпринимательские круги на активизацию двусторонних контактов в ключевых отраслях, определяющих технический прогресс и задающих вектор процессу инноватизации.

410 Знаковым стало проведение в дни визита первого заседания в рамках созданного форума «Диалог гражданских обществ России и Испании». Сопредседателями форума стали бывший министр иностранных дел РФ Игорь Иванов и первый комиссар по правам человека Совета Европы Альваро Хиль Роблес. Тем самым к большой политике подключались широкие круги граждан двух стран — интеллектуалы, бизнесмены, представители культуры и средств массовой информации, заинтересованные в расширении спектра и углублении российско-испанского взаимодействия.

Одним из примеров служат ежегодные российско-испанские научные симпозиумы. Их с 2003 г. организует Центр иберийских исследований Института Латинской Америки РАН совместно с рядом ведущих университетов Испании. За прошедшие годы симпозиумы стали площадкой регулярного обмена мнениями специалистов двух стран по широкому кругу проблем мирового развития. Материалы этих мероприятий издаются на испанском языке и становятся доступными заинтересованным представителям академического сообщества и политических кругов Испании¹⁹.

¹⁹ См., например: *Rusia y España en los tiempos de turbulencia* / P. Yákovlev (Coord.). Moscú: ILA RAN, 2009.

Интересным опытом стала еще одна уникальная инициатива — трехстороннее (Россия — Испания — Латинская Америка) сотрудничество руководителей высших учебных заведений. Первая встреча в таком формате также прошла в Мадриде во время визита Дмитрия Медведева. Российская и испанская стороны рассчитывали, что такие мероприятия станут регулярными и позволят существенно расширить взаимодействие российских вузов с иберийскими и латиноамериканскими партнерами.

2011 год был объявлен Годом России в Испании и Испании в России. Глава испанского внешнеполитического ведомства Тринидад Хименес 16–17 января 2011 г. посетила Москву с рабочим визитом, в ходе которого состоялись ее встречи с заместителем председателя правительства РФ Александром Жуковым (сопредседателем Организационного комитета по проведению обменных годов) и министром иностранных дел Сергеем Лавровым. В соответствии с согласованной программой в обеих странах в 2011 г. было запланировано проведение порядка 400 мероприятий, старт которым был дан 25 февраля в Санкт-Петербурге, где испанская королевская чета открыла в Эрмитаже выставку произведений искусства из собрания мадридского музея Прадо. «Проведение Года Испании в России и России в Испании, — подчеркивал испанский посол в Москве Хуан Антонио Пужоль, — охватывает все аспекты: экономику, политику, культуру, образование, общественную жизнь. Это “комплексный” год, не посвященный какой-то одной области двусторонних отношений»²⁰. Обменный год был официально завершён в Мадриде гала-концертом звезд Большого и Мариинского театров.

Контакты между двумя странами в Перекрестные годы российская и испанская дипломатия использовали для продвижения вперед политического диалога. В частности, на переговорах Хименес в МИД России в январе 2011 г. был рассмотрен весь комплекс двусторонних отношений. Лавров и Хименес обменялись мнениями по ключевым международным вопросам и актуальным региональным проблемам: ситуация в Закавказье, ближневосточное и западносахарское урегулирование, положение в Афганистане. Было проведено обсуждение инициативы президента Дмитрия Медведева о заключении Договора о европейской безопасности, рассмотрены пути дальнейшей активизации деятельности Совета Россия — НАТО и углубления сотрудничества по линии РФ–ЕС. Стороны сверили подходы к основным направлениям этого сотрудничества: разработке нового базового соглашения о безвизовом режиме, совместным усилиям по кризисному урегулированию и т.д.²¹ Иначе говоря, российско-испанские отношения явно находились на подъеме.

²⁰ Посол Испании в России рассказал о развитии двусторонних отношений. — <http://www.russpain.ru/> (дата обращения 27.05.2018).

²¹ О визите Министра иностранных дел и сотрудничества Испании Т. Хименес. 17.01.2011. — <http://www.mid.ru/> (дата обращения 27.05.2018).

Испанские дипломаты в России: Хосе Игнасио Карбахаль Гарате

Среди испанских послов, деятельность которых пришлось на самые сложные времена дипломатических отношений между Россией и Испанией, особое место занимает Хосе Игнасио Карбахаль Гарате (1945–2017). Ветеран испанской дипломатии, он занимал должность посла Испании в России с июля 2012 г. по март 2017 г. Его дипломатическая карьера началась в 1969 г. в Центральном управлении Африки и Ближнего Востока Министерства иностранных дел Испании. Затем последовала служба в испанских дипломатических миссиях в Доминиканской Республике, Швеции и Великобритании. После этого Карбахаль получил назначение в Министерство иностранных дел в Мадриде, а позднее — в испанские посольства в Великобритании и Марокко. В 1998 г. он возглавил посольство в Мексике и в 2003 г. — в Канаде. Опыт работы в Северной Америке, а также с 2005 г. обязанности вице-президента испанской секции Испано-американского комитета предоставили ему возможность близко познакомиться с трансатлантическими отношениями и также укрепить связи Испании с двумя государствами, сопредельными США.

Несколько лет спустя, в 2006 г., Карбахаль стал руководить Генеральным консульством Испании в Лондоне. Эта миссия предшествовала его назначению в 2012 г. послом в Россию, где он сменил Луиса Фелипе Фернандеса-де-ла-Пенью. Возглавив посольство в Москве, Карбахаль способствовал расширению экономического сотрудничества между Россией и Испанией, а также содействовал развитию туризма, что привело к значительному увеличению числа россиян, посещающих Испанию.

Украинский кризис 2014 г. стал поворотным моментом в деятельности всех западных дипломатических миссий в России, в том числе и испанского посольства. В беседах со своими коллегами Карбахаль настаивал, что именно в такой сложной ситуации требуется мобилизация всего потенциала ресурсов дипломатии, и, следуя этому принципу, продолжал поддерживать открытое общение с российскими властями.

Карбахаль всегда выступал за «необходимость поддерживать постоянный диалог с русскими» — «ведь мы живем на одном континенте», — написал он в 2015 г. в письме министру иностранных дел Испании Хосе Мануэлю Гарсиа Маргалью, позднее опубликованному в его книге

Свидетельством этому явилось присуждение королю Испании Хуану Карлосу I Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности. Вручая монарху диплом и знак лауреата (19.07.2012), президент Владимир Путин подчеркнул: «В России Вы пользуетесь огромным уважением. Мы отдаем должное Вашим успехам в гуманитарной сфере, а также поддержке “народной дипломатии”, которая помогает гражданам лучше узнать и понять друг друга,

Посол Испании в России Хосе Игнасио Карбахаль Гарате вручает верительные грамоты президенту России Владимиру Путину. 2013

«Все небеса ведут в Испанию. Письма из самолета». В этом письме Карбахаль также отметил, что в некоторых западных странах благодаря распространенным «русофобским настроениям» Россия превратилась в жертву «черной легенды». Хотя сам Карбахаль называл свои взгляды «проамериканскими», он полагал, что Запад «совершил ошибку» в отношении России, не установив с ней после распада Советского Союза подлинный и искренний диалог и не проводя в отношении нее «политику примирения», характерную для Европы после окончания Второй мировой войны. В знак признания своих трудов Карбахаль Гарате был награжден орденом Дружбы, который ему вручил министр иностранных дел Сергей Лавров.

избавиться от стереотипов, строить совместные планы. Своей многогранной деятельностью Вы реально способствуете укреплению взаимопонимания и доверия между народами»²².

²² Владимир Путин вручил Государственную премию России Королю Испании Хуану Карлосу I. 19 июля 2012 года. — <http://события.президент.рф/> (дата обращения 27.05.2018).

Российско-испанское политическое взаимопонимание дало заметный сбой в 2014 г., что изначально было связано с участием Мадрида (против воли значительной части испанских деловых и общественных кругов) в финансовых и торгово-экономических санкциях Евросоюза и Запада, направленных против России в связи с украинским кризисом, а также с ответными мерами (так называемыми контрсанкциями) Москвы. Все указывало на наступление сложного периода в отношениях между двумя странами.

Вместе с тем Испания входит в группу стран Евросоюза, которые высказываются за открытый диалог с Россией, она является сторонницей смягчения (если не полной отмены) сохраняющегося визового режима. Другими словами, в отношениях с Россией Испания не желает играть на понижение. Выступая в декабре 2016 г. в кортесах, вновь назначенный министр иностранных дел Альфонсо Дастис подчеркнул, что Мадрид выступает за «нормализацию отношений с Россией и восстановление доверия». «“Холодная война” давно закончилась. И было бы трагической ошибкой ее воспроизводить», — добавил дипломат²³.

В последние годы влияние колебаний глобальной политики на состояние российско-испанских отношений стало особенно ощутимым, а различия в политико-дипломатическом нарративе часто выходят на первый план. Парадоксальным образом одни и те же термины, в том числе «суверенитет», «политическая самостоятельность», «национальные интересы и ценности», «права человека» и т.д., трактуются неоднозначно, зачастую под влиянием политической конъюнктуры. Такой ход вещей вызвал закономерную озабоченность как в руководстве России, так и в ответственных политических кругах Испании. В столь чрезвычайно сложной международной обстановке российско-испанские дипломатические контакты весной 2018 г. были отмечены повышенной активностью. Посол Испании в России Игнасио Ибаньес Рубио имел встречи с заместителями министра иностранных дел Григорием Карасиным, Олегом Сыромолотовым и Александром Грушко. Предметом двусторонних встреч стали остроактуальные вопросы международной политики, представляющие приоритетный взаимный интерес: обеспечение стабильности и безопасности на европейском континенте, противодействие террористическим угрозам, ситуация в «горячих точках». Игнасио Ибаньес информировал российскую сторону о событиях в Каталонии и о тех шагах, которые предпринимает официальный Мадрид в целях удержания происходящих в регионе процессов в рамках конституционного поля и законов Испании. В данном контексте затрагивались различные аспекты сотрудничества двух стран на мировой арене и перспективные направления совместной дипломатической работы по поиску ответов на возникающие вызовы и угрозы²⁴.

²³ Intervención del Ministro de Asuntos Extranjeros y de Cooperación, Alfonso Dastis, ante la Comisión de Asuntos Exteriores del Congreso de los Diputados. 21.12.2016. — <http://www.realinstitutoelcano.org/> (дата обращения 27.05.2018).

²⁴ О встрече заместителя Министра иностранных дел России А.В. Грушко с Чрезвычайным и Полномочным Послом Королевства Испании в Российской Федерации И. Ибаньесом. 21.03.18. — <http://www.mid.ru/> (дата обращения 27.05.2018).

Посол Испании в РФ Игнасио Ибаньес Рубио на церемонии вручения верительных грамот.
Москва, 2017

16 апреля 2018 г. в Центре исследований России и Евразии Европейского университета Валенсии состоялся семинар с участием российских и испанских парламентариев: заместителя председателя Комитета по международным делам Государственной думы РФ Ирины Родниной и члена Комитета Антона Морозова, главы испанской делегации в ПАСЕ, сенатора Педро Аграмунта и председателя Комитета Конгресса депутатов по вопросам ЕС Сорайи Родригес. В результате имел место откровенный обмен мнениями по ключевым проблемам развития отношений России с Испанией и Евросоюзом, а также по актуальным вопросам международного положения, включая вооруженный конфликт в Сирии. Участники семинара сошлись во мнении о необходимости расширения обменов между двумя странами по линии парламентов, институтов гражданского общества и академических кругов, представители которых в состоянии дать отпор источникам дезинформации²⁵.

Значимым фактором российско-испанских отношений стало взаимодействие в таких сферах, как высшее образование, наука и техника, культура и спорт, гуманитарные связи. В ряду характерных примеров такого взаимодействия можно назвать: открытие в Университете Аликанте памятника первому космонавту Земли Юрию Гагарину (июнь 2017 г.); участие делегации Санкт-Петербургского политехнического университета в Международном

²⁵ О российско-испанском парламентском семинаре. 18.04.18. — <http://www.mid.ru/web/guest/maps/es/> (дата обращения 27.05.2018).

Филипп VI и председатель правительства РФ Дмитрий Медведев. Москва, 2018

416

научно-техническом фестивале в Мадриде в середине марта 2018 г.; проведение XII Всеиспанской конференции российских соотечественников (7 апреля 2018 г.); организацию в Российском центре науки и культуры фотовыставки «Хроники российско-испанских отношений», приуроченную к 350-й годовщине прибытия первого русского посольства к мадридскому двору. Событием культурной жизни испанской столицы в конце мая 2018 г. стал IX Международный фестиваль «Детский Санкт-Петербург», организованный при поддержке мэрии Мадрида и посольства России в Испании. Юные артисты из Северной столицы России в буквальном смысле одарили мадридскую публику яркими музыкальными впечатлениями²⁶. Список такого рода мероприятий можно продолжать, но важнее то, что российско-испанские связи и контакты интенсивно развиваются в самых разных областях и образуют плотную ткань двусторонних отношений.

Незабываемым событием международного значения явилось проведение в России в июне–июле 2018 г. Чемпионата мира по футболу. В преддверии этого праздника самого популярного в Испании вида спорта в посольстве РФ в Мадриде состоялась презентация чемпионата, которую провел генеральный директор Организационного комитета Алексей Сорокин. Он подчеркнул, что российская сторона создала все условия для комфортного и безопасного пребывания в нашей стране игроков, болельщиков и всех гостей мирового первенства. Участвовавший в презентации председатель Высшего

²⁶ Юные музыкальные дарования из Санкт-Петербурга очаровали испанскую публику своим мастерством. — https://spain.mid.ru/ru/web/_ru/news/ (дата обращения 27.5.2018). См. подробнее главу «Перекрестные годы и дипломатия культуры».

совета по делам спорта Испании Хосе Рамон Лете дал высокую оценку качеству подготовки России к чемпионату. В свою очередь, Юрий Корчагин отметил, что поездка на чемпионат подарит испанцам шанс не только увидеть матчи лучших сборных команд мира, но и познакомиться с различными сторонами жизни сегодняшней России²⁷.

В стремительно меняющихся международных условиях ощутимо возрастает потребность постоянной корректировки и «осовременивания» межгосударственной повестки дня, ответственного политического диалога между ведущими европейскими странами, включая Россию и Испанию. Государственные и политические деятели обеих стран, представители общественности, работники науки, культуры, искусства прилагают целенаправленные усилия, чтобы наращивать потенциал российско-испанских отношений, строят их на основе строгого учета национальных интересов партнеров и реальных возможностей. Причем эти подходы должны приобрести сквозной характер и определять повестки дня всех двусторонних встреч и форумов. Россия и Испания располагают достаточно большим накопленным опытом политического диалога и взаимовыгодного взаимодействия, а также необходимыми ресурсами, чтобы обеспечить погружение в новые форматы многовекторного сотрудничества в русле традиционно конструктивного российско-испанского партнерства.

РОССИЙСКО-ИСПАНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В XXI ВЕКЕ

Роль несущей конструкции системы межгосударственных отношений между Российской Федерацией и Королевством Испания традиционно играют торгово-экономические связи, которые регулируются несколькими десятками договоров, соглашений, протоколов и других двусторонних документов, подписанных как в советский период, так и после декабря 1991 г. Со второй половины 1990-х гг. отмечался устойчивый интерес российских и испанских организаций, компаний и предпринимательских кругов к развитию делового сотрудничества. Широкий спектр экономических взаимоотношений, начавший формироваться еще во времена СССР, включал в себя торговлю товарами и услугами, межкорпоративное, инвестиционное и научно-техническое партнерство. Пакет значимых межправительственных соглашений и межведомственных документов был подписан в 2006 г. во время официального визита в Испанию президента Российской Федерации Владимира Путина. Заключенные соглашения определили условия взаимодействия в сфере туризма, в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, в судостроении, в отношениях между финансовыми учреждениями²⁸.

²⁷ В посольстве прошла презентация ЧМ-2018. — https://spain.mid.ru/ru/web/_ru/news/ (дата обращения 27.05.2018).

²⁸ Заявление для прессы по итогам российско-испанских переговоров. 9.02.2006. — <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23426> (дата обращения 27.05.2018).

Президент России В.В. Путин и король Испании Хуан Карлос I. Мадрид, 2006

Динамику российско-испанского сотрудничества в период до мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. отразил значительный рост взаимного товарооборота (см. табл. 1). С 1995 по 2008 г. объем торговли между двумя странами вырос в 7,4 раза и превысил 10 млрд евро. При этом российский экспорт стабильно превышал импорт, обеспечивая российской стороне положительное внешнеторговое сальдо. Только в 2005–2008 гг. его суммарный размер составил почти 20,5 млрд евро.

418 Таблица
РОССИЙСКО-ИСПАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ ТОВАРАМИ, МЛН ЕВРО²⁹

Год	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо
1995	1084	309	1393	+775
2000	2446	578	3024	+1868
2005	5190	1098	6288	+4092
2006	7424	1514	8938	+5910
2007	7891	2093	9984	+5798
2008	7493	2837	10 330	+4656

²⁹ Ministerio de Industria, Turismo y Comercio. — <http://www.comercio.mityc.es/> (дата обращения 27.05.2018).

Президент России В.В. Путин и королева Испании София. Мадрид, 2006

Российско-испанская торговля характеризовалась определенной структурной стабильностью, что свидетельствовало о наличии сформировавшихся товарных потоков. Основной причиной опережающего роста российского товарного экспорта традиционно являлось увеличение объема поставок в Испанию минерального топлива (нефти и нефтепродуктов), на которое в целом приходилось более 80% экспорта России. Доля черных металлов составляла около 10%, занимая вторую позицию. На третьем месте находились цветные металлы (алюминий и никель) — порядка 2,5%. Далее следовали драгоценные и полудрагоценные камни, удобрения, пиломатериалы. Объем поставок машин и оборудования российского производства, включая различную аппаратуру и транспортные средства, хотя и увеличивался в абсолютном выражении, но относительно совокупного экспорта оставался на уровне 0,3%. В свою очередь, российский импорт испанских товаров был значительно более диверсифицированным. В первое десятилетие текущего столетия более 900 промышленных и сельскохозяйственных испанских компаний поставляли около 150 наименований продукции в Россию. В их числе: продовольственные товары (мясные и молочные продукты, вино, растительное масло, овощи и фрукты и т.д.), машины и оборудование, транспортные средства, электроприборы, строительные материалы и керамические изделия, мебель и другие товары для дома, одежда и обувь, металлы и металлоизделия, химические продукты³⁰.

³⁰ *Sánchez Andrés A., Shkolyar N., Teperman V.* La internacionalización de la empresa española. Estudio monográfico sobre el entorno económico y las oportunidades de inversión en Rusia. Madrid: Instituto Español de Comercio Exterior et al., 2008. P. 36, 37.

Испанские ТНК в России

Repsol. Ведущий нефтегазовый концерн Испании в 2006 г. приобрел 10% акций шведской компании *West Siberian Resources*, ведущей добычу нефти в Томской области и Республике Коми. В ноябре 2010 г. Федеральная антимонопольная служба России разрешила *Repsol* приобрести 74,9% акций независимой нефтедобывающей компании ЗАО «Евротэк-Югра», которая владеет лицензиями на разведку и добычу полезных ископаемых в Ханты-Мансийском автономном округе. В стратегических планах *Repsol* — строительство завода по сжижению природного газа на полуострове Ямал. Кроме того, испанский концерн через фирму «Фаворит ойл» реализует на российском рынке смазочные материалы.

Roca Group. Основанная в 1917 г., эта каталонская транснациональная компания со штаб-квартирой в Барселоне является крупным мировым производителем сантехники. Начав продажи своей продукции в России в середине 1990-х гг., *Roca* в 2006 г. открыла в Ленинградской области собственное предприятие мощностью 600 тыс. изделий в год. Впоследствии были приобретены новые активы в Поволжье и Калужской области, что вывело компанию в число ведущих поставщиков сантехники на российский рынок.

Corporación Mondragón. Эта корпорация, основанная в 1956 г. в виде промышленного кооператива, в настоящее время является первой по величине предпринимательской группой в Стране Басков и десятой в Испании. Корпорация включает в себя различные предприятия (в том числе *Danobat* — одного из лидеров мирового станкостроения) и структурирована по четырем основным направлениям деятельности: промышленное производство, финансы, разработка технологий и сбыт готовой продукции. Российский рынок стал одним из главных направлений деятельности *Mondragón*: в 2007 г. на РФ пришлось 6% объема продаж корпорации. В октябре 2008 г. *Danobat* подписал Меморандум о сотрудничестве с ОАО «РЖД» и ЗАО «Трансмашхолдинг», предусматривающий сотрудничество в области железнодорожного машиностроения.

Inditex. Всемирно известная группа, действующая в 96 странах и владеющая популярными марками одежды и аксессуаров *Zara*, *Oysho*, *Massimo Dutti*, *Bershka* и др. В России *Inditex* повторила свой глобальный успех и стала крупнейшим ритейлером и лидером по эффективности бизнеса в сегменте одежды. Начав операции на российском рынке в 2004 г., компания стремительно развивалась и в 2018 г. имела в различных регионах РФ свыше 550 магазинов.

Gestamp. Компания является одним из мировых лидеров в производстве автокомпонентов. Ее производственные активы расположены в 21 стране и поставляют комплектующие и запасные части ведущим автомобилестроительным концернам. В России *Gestamp* принадлежат четыре завода (два в Тольятти и по одному в Калуге и Всеволожске), которые обеспечивают своей продукцией предприятия *Volkswagen* и других автомобильных грандов.

Между тем российско-испанское инвестиционное сотрудничество не соответствовало высокой динамике двусторонней торговли. Хотя структура испанских инвестиций в России охватывала различные отрасли экономики, их размеры оставались незначительными. За период с 2003 по 2010 г., по данным испанской статистики, их совокупный объем составил около 920 млн евро³¹. Являясь одним из главных мировых экспортеров капитала, Испания, по большому счету, оставалась в стороне от инвестиционного процесса в России, а реакция испанских компаний на инвестиционный бум на российском рынке в период экстремально высоких цен на энергоносители оказалась не столь активной, как деятельность инвесторов из Великобритании, Германии, Нидерландов, Франции, Италии и других развитых стран.

Попыткой закрепить успехи в торговле и одновременно оживить инвестиционное сотрудничество явился проект «Партнерство для модернизации», который был выдвинут российским и испанским руководством в 2009 г. и обозначил несколько областей, в которых взаимодействие двух стран обещало принести ощутимые положительные результаты. Например, Испания проявила повышенный интерес к развитию сотрудничества в энергетической сфере, что объяснялось не только объемами импорта углеводородного сырья из России. За счет российских поставок обогащенного урана Испания покрывала 30% потребностей своих АЭС, вырабатывавших свыше 11% потребляемой местным рынком энергии. Испанские компании — лидеры энергетической отрасли — *Repsol*, *Ibedrola*, *Técnicas Reunidas* и др. — проявили готовность участвовать (и в ряде случаев участвовали) в реализации масштабных проектов на территории России, таких как разработка новых месторождений углеводородов, строительство электростанций комбинированного цикла и заводов по сжижению природного газа, создание объектов ветряной энергетики, модернизация АЭС³².

Заметное место в ключевых областях инвестиционного сотрудничества могло занять строительство объектов инфраструктуры в России. Испанские строительные компании активно действуют за рубежом и располагают мощным промышленным и финансовым потенциалом. Международный опыт и конкурентные преимущества испанских девелоперов могли быть взаимовыгодно использованы в различных регионах России при проектировании, строительстве, модернизации и комплексном оснащении объектов транспортной инфраструктуры (автодорог, аэропортов, вокзалов, железных дорог, подземных парковок), а также центров логистики, промышленных полигонов, технопарков, объектов туристического и общественного назначения.

Обещающим направлением двустороннего взаимодействия являлась космическая сфера. Так, еще в октябре 2003 г. испанский космонавт Педро Дуке совершил полет на корабле «Союз ТМА-3» на Международную орбитальную станцию. В рамках реализации совместной программы в

³¹ Ministerio de Industria, Turismo y Comercio. — <http://www.comercio.mityc.es/> (дата обращения 27.05.2018).

³² Яковлев П.П. Испания в мировой политике... С. 342–343.

Хуан Карлос I и министр иностранных дел России Сергей Лавров. Мадрид, 2014

космической области были конкретизированы направления сотрудничества между Роскосмосом и Центром технологического развития промышленности Испании. Была создана рабочая группа по проекту Всемирной космической обсерватории. Научный центр оперативного мониторинга Земли и Национальный институт аэрокосмической техники Испании вели разработку соглашения в области дистанционного зондирования Земли³³.

422 Было очевидно, что никакая модернизация не могла быть осуществлена без прорывов в сферах науки и образования. Эти области должны были привлечь максимальное внимание профессионалов обеих стран, тем не менее реальные результаты реализации программы оказались скромнее, чем ожидания. Многие резервы сотрудничества оказались незадействованными, например возможности создания эффективно работающих межнациональных институтов, таких как активно работающие двусторонние организации крупного бизнеса, многочисленные совместные предприятия, регулярные специализированные форумы и т.д. Сказалась и инерция во взаимном восприятии потенциала национальных экономик. Так, России не удалось развернуть свои внешнеэкономические структуры в направлении системной реализации задач «Партнерства для модернизации». А испанский бизнес со своей стороны продолжал действовать в прежней парадигме, рассматривая

³³ Яковлев П.П. Испания: вызовы и риски нового политического цикла. М.: ИЛА РАН, 2012. С. 110–111.

Россию не как контрагента в инновационном технико-технологическом развитии, а как источник сырья и рынок сбыта готовой промышленной продукции. В результате в сфере российско-испанских экономических отношений не произошло ожидаемых качественных изменений, что явилось одной из причин снижения интереса в Москве и Мадриде к «Партнерству для модернизации»³⁴.

В 2014 г. российско-испанские отношения осложнились, что было связано с участием Мадрида в финансовых и торгово-экономических санкциях Евросоюза против России и с антисанкциями Москвы. Возникшие негативные тренды сказались на динамике российско-испанской торговли. Объем взаимной торговли, достигнув своего исторического максимума в 2013 г. (свыше 11 млрд евро), в 2016 г. сократился на 57%. Еще больше (на 62%) упал российский экспорт в Испанию (см. табл. 2), что было связано главным образом с падением цен на нефть.

Таблица

Российско-испанская торговля товарами в 2009–2017 гг., млн евро³⁵

Год	Экспорт	Импорт	Оборот	Сальдо
2009	4576	1476	6052	+3100
2010	6126	1995	8121	+4131
2011	8463	2526	10989	+5937
2012	8067	2930	10997	+5137
2013	8232	2818	11050	+5414
2014	5987	2546	8533	+3441
2015	3341	1692	5033	+1649
2016	3131	1603	4734	+1528
2017	3217	1937	5154	+1280

В российско-испанских отношениях наблюдается макроэкономическое явление, известное как отклонение торговли: переориентация экспорта и импорта партнеров на другие международные рынки. Испания оказалась в числе стран — членов Европейского союза, максимально пострадавших от контрсанкций. В 2015 г. такие товары, как фрукты, овощи, рыба, мясо и молочные продукты, почти полностью перестали импортироваться в Россию. Импорт машин и оборудования снизился на 24%, автомобилей — на 58,

³⁴ España y Rusia frente a los nuevos desafíos globales / P. Yákovlev (Coord.). Moscú: ILA RAN, 2016.

³⁵ Ministerio de Economía, Industria y Competitividad. Informe Mensual de Comercio Exterior. Diciembre de 2017.

фармацевтической продукции — на 65%. Под угрозой оказались и интересы испанских производителей крайне востребованной на отечественном рынке промышленной продукции.

Снижение интенсивности торгово-экономических обменов с Россией не могло не встревожить испанские деловые круги. Убедительным свидетельством этому стал визит в Москву в декабре 2014 г. Карлоса Эспиносы де Лос Монтероса — высокого представителя государственной программы по продвижению позитивного имиджа Испании за рубежом (*Marca España*). В ходе пребывания в российской столице Эспиноса имел контакты с испанскими предпринимателями, работающими в России, а также посетил МИД РФ, Министерство сельского хозяйства, Федеральное агентство по туризму и другие ведомства. Подводя итоги своим встречам в Москве, высокопоставленный испанский деятель заявил: «Мы входим в ЕС и поддерживаем принимаемые странами-членами решения. Но мы активно участвуем в дебатах и, если говорить о санкциях, находимся в числе тех стран, кто верит: от санкций нет никакого позитива». И далее: «Наша первая задача — остановить гонку санкций и контрсанкций, не допустить новых. Вторая цель — попытаться найти компромиссные решения, которые позволили бы оставить санкции в прошлом»³⁶.

Сторонники продолжения испано-российского торгово-экономического сотрудничества указывали на живые примеры его взаимовыгодного характера. В частности, несмотря на негативные последствия санкций и девальвацию рубля (валютный кризис 2014 г.), одна из крупнейших испанских корпораций и мировой лидер ритейла — *Inditex* (владелица популярных марок *Zara*, *Bershka*, *Massimo Dutti*, *OYSHO* и др.) продолжала рассматривать российский рынок среди важнейших. По состоянию на май 2018 г., в России было 549 торговых точек этой группы³⁷. Принципиально важно и то, что в начале 2015 г. российская железнодорожная транспортная система впервые стала использоваться для транспортировки коммерческих грузов между Испанией и Китаем, что принесло ощутимую материальную выгоду всем трем странам³⁸.

424 В апреле 2016 г. в Торгово-промышленной палате РФ состоялось организационное заседание Комитета предпринимателей Россия–Испания, основная задача которого — оказание содействия российским предприятиям и организациям в поиске деловых партнеров в испанском бизнес-сообществе, а также проработка конкретных проектов в области торговли и инвестиций, организации выставочных и других деловых мероприятий. На пост главы Комитета был избран председатель правления ОАО «НОВАТЭК» Леонид Михельсон. Все это говорит о том, что даже в непростых экономических условиях остаются реальные возможности продвинуть российско-испанские торгово-экономические

³⁶ «Наша первая задача — остановить гонку санкций и контрсанкций» // Коммерсант. 02.12.2014. — <http://www.kommersant.ru/doc/2623656?isSearch=True> (дата обращения 27.05.2018).

³⁷ INDITEX. — http://www.inditex.com/en/our_group/international_presence (дата обращения 27.05.2018).

³⁸ *Carbajosa A.* Sale de Madrid el primer tren piloto rumbo a China // El País. 30.01.2015.

отношения, в частности, через сближение бизнес-структур двух стран и взаимное переплетение предпринимательских капиталов.

«Эффект Трампа», Brexit, сирийский кризис, многие другие геополитические и геоэкономические перемены на глобальной карте привносят новые (нередко противоречивые) элементы в российско-испанские отношения, что еще больше акцентирует значимость экономической прагматики. При этом российский и испанский бизнес вынужден приспосабливаться к изменившимся условиям работы, обновлять парадигму делового взаимодействия. Такая тактика позволяет поддерживать высокую «котировку акций» российско-испанских торгово-экономических отношений.

С российской стороны просматривается стремление активизировать поддержку высокотехнологичного экспорта в Испанию, например с использованием возможностей Агентства по страхованию экспортных кредитов (ЭСКАР), которое организовало финансирование выхода на испанский рынок компании *IntelMet Technologies*, работающей в металлургической промышленности. Встречный пример — уникальные с технической точки зрения железнодорожные составы компании *Talgo*, с 17 декабря 2016 г. обслуживающие линию Москва–Берлин.

Одновременно возрастает значимость инвестиционного взаимодействия. Это — перспективное направление, учитывая возросшую значимость для экономики Испании внешнеэкономических связей. Накопленный опыт показывает, что наиболее вероятными отраслями для испанских капиталовложений в России являются: транспорт и инфраструктура; энергетика; агроиндустриальный комплекс; строительные материалы; химическая промышленность; текстиль и одежда; автомобильные запчасти; оборудование для пищевой промышленности; деревообработка. Для российских предпринимателей в Испании интерес представляют инвестиции в недвижимость; строительство; гостиничный и ресторанный бизнес.

В апреле 2018 г. по приглашению испанской стороны состоялся рабочий визит в Мадрид представительной делегации Министерства транспорта РФ во главе с руководителем этого ведомства Максимом Соколовым. Основными пунктами программы визита стали переговоры с министром развития Испании Иньиго де ла Серной и участие в заседании рабочей группы по транспорту, созданной в рамках Межправительственной смешанной российско-испанской комиссии по экономическому и промышленному сотрудничеству. По результатам обмена мнениями, обе стороны констатировали высокий уровень существующего взаимодействия в транспортной сфере и наметили ряд совместных проектов, которые могут быть реализованы в среднесрочной перспективе. В ходе визита Соколов посетил завод высокоскоростных поездов компании *Talgo* — многолетнего партнера ОАО «РЖД», где ознакомился с последними разработками испанских инженеров³⁹.

³⁹ De la Serna se reúne con su homólogo ruso para analizar posibles oportunidades de cooperación en el transporte y las infraestructuras. 09.04.2018. — <http://www.fomento.gob.es/MFOMBPremsa/> (дата обращения 27.05.2018).

На привлечение в российскую экономику испанских инвесторов в значительной мере направлена деятельность торгового представительства РФ в Испании. 17 мая 2018 г. при его поддержке в Торговой палате Испании состоялся деловой форум «Новые тренды в индустриальных проектах России: региональные возможности», на котором испанские предприниматели были проинформированы о российской системе поддержки иностранных инвестиций. Кроме того, торговый представитель РФ Галина Курочкина провела презентацию кандидатуры города Екатеринбурга в международном конкурсе на право проведения Всемирной универсальной выставки «ЭКСПО» в 2025 г.⁴⁰

Буквально в тот же день (что указывает на высокую интенсивность двусторонних экономических связей) на базе Клуба Торговой палаты Мадрида была проведена Российско-Испанская биржа деловых контактов, организованная Иберо-Российским бизнес-альянсом (ACIR) при участии ООО «Деловая Россия» и Российско-Испанского делового совета. В мероприятии приняли участие российские и испанские компании малого и среднего бизнеса, занятые в таких сферах, как недвижимость, строительство, медицина, фармацевтика, и заинтересованные в установлении прямых деловых контактов с зарубежными партнерами⁴¹.

Взаимодополняемость российской и испанской экономики формирует обширное (во многом еще не освоенное) пространство перекрестных капиталовложений и создает объективные благоприятные условия для формирования совместных предприятий и реализации двусторонних проектов. Это открывает широкие перспективы для развертывания российско-испанского торгового, экономического и финансового сотрудничества в отраслях, представляющих приоритетный интерес для обеих стран.

ОБРАЗ РОССИИ В ИСПАНСКОЙ ПРЕССЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

426

Образ страны и ее народа обычно складывается на основе сравнения своих ценностей, традиций, привычек и жизненных укладов с чужими. Ведущую роль в формировании и укреплении стереотипов восприятия «чужого» в коммуникативном поле играют средства массовой информации. Имидж страны, создаваемый периодическими изданиями, телевидением и Интернетом, характеризуется ярко выраженной изменчивостью. Испанские СМИ не являются исключением, отражая динамику отношений между странами и народами.

⁴⁰ 17 мая 2018 г. в Торговой палате Испании состоялся деловой форум «Новые тренды в индустриальных проектах России: региональные возможности», организованный при поддержке Торгпредства России в Испании. 21.05.2018. — <http://spain.ved.gov.ru/ru/news/64529> (дата обращения 27.05.2018).

⁴¹ 17 мая 2018 г. в Мадриде была проведена Российско-Испанская биржа деловых контактов. 21.05.2018. — <http://spain.ved.gov.ru/ru/news/64531> (дата обращения 27.05.2018).

Сведения о России, доступные испанцу — читателю ежедневных газет и их интернет-версий, представлены разнообразными публицистическими жанрами: новостными полосами, редакционными статьями, аналитическими обзорами, авторскими колонками, интервью, биографическими этюдами, очерками справочно-рекламного характера (краткие «путеводители» по городам, рассказы о достопримечательностях и т.п.). Российская тематика появляется в СМИ периодически, в большинстве случаев в качестве сопровождения «горячих» политических новостей, что вполне объяснимо, учитывая сложившуюся традицию отношения к России в Испании⁴². Повышение частотности обращения к российским материалам связано с активизацией российско-испанских отношений, внешнеполитическими событиями с участием России или кризисными явлениями в российской внутренней политике.

В испанской прессе Россия упоминается значительно чаще, чем Испания в российских СМИ, где ей посвящено всего лишь 2% общего объема новостей⁴³. Но и в Испании появляются статьи под такими, например, заголовками: «Незначительный интерес к Испании в России». И все же обе страны стремятся друг к другу, о чем свидетельствует публикация материала, внушающего подлинный оптимизм: «Россия и Испания выступают за развитие отношений в области экономики». Взаимное желание к сближению помогает находить темы для совместной взаимовыгодной деятельности, о чем говорит заголовок: «Сотрудничество Испании и России в энергетическом секторе»⁴⁴.

К российской тематике обращаются как общенациональные издания, так и региональная пресса автономных сообществ. Тем не менее, по результатам исследований, проведенных на основании анализа материалов о России, опубликованных испанской газетой *Las Provincias* с 2006 по 2014 г., заголовки статей, в которых фигурирует слово «Россия» или производные от него, составляют порядка 28%⁴⁵. Учитывая важную роль России в международной политике и ее активное участие в событиях, происходящих на мировой арене, внимание испанского общества к ней в частности и европейского в целом растет. Об этом свидетельствует объем материалов, размещенных в большинстве своем в разделах: «Международная информация», «Политика», «Культура», «Люди / Стиль жизни» и т.д. Именно заголовки, в первую очередь привлекающие внимание читателей, передают общий эмоциональный настрой публикаций и отражают вектор коллективного интереса.

Интерес к России проявляют и лидеры испанских СМИ, представляющие точки зрения разных сегментов политического спектра, — *El País*,

⁴² Ермольева Э. Россия в испанских СМИ // Имидж России в иберийских странах. М.: ИЛА РАН, 2008. С. 124.

⁴³ Pérez-Martín J., Sánchez-Jiménez J.A. Análisis de la presencia de España en la prensa internacional. Madrid: Real Instituto Elcano, 2015. P. 20.

⁴⁴ Все цитируемые в тексте заголовки испанских СМИ являются результатом исследований и взяты из докторской диссертации: Pirozhenko O. La imagen de Rusia en la prensa valenciana. Valencia: Universidad de Valencia, 2015.

⁴⁵ Ibid. P. 99.

ABC и *El Mundo*. Их совокупный ежедневный тираж в декабре 2011 г. составлял около 850 000 экземпляров, количество читателей — 3 864 000 человек⁴⁶. Все эти издания имеют свои интернет-версии, что расширяет их аудиторию. Ведущим является *El País* — его печатный вариант ежедневно читали 1 961 000 человек⁴⁷, — оправдывающий свой подзаголовок-девиз «Глобальная газета на испанском языке», к которой наиболее часто обращаются исследователи, как отечественные, так и зарубежные. Именно мнение Пилар Бонет, опытейшего корреспондента этого издания в России, цитируют, стремясь охарактеризовать отношение Запада к России с испанской точки зрения: «Отношения с Россией требуют от Запада максимальной интеллектуальной строгости, в том числе и к самому себе, а также принципиальности в случае несоблюдения закона. Запад — не учитель для России, но он должен уметь служить ей примером»⁴⁸.

Наличие благоприятных условий для сотрудничества на государственном уровне не означает, что испанцы много знают о России⁴⁹. На 2008 г. испанские эксперты констатировали, что связи между Россией и Испанией были недостаточно активны, чтобы способствовать «широкой системе личных контактов между лицами из кругов, близких к экономической и политической власти», и что отсутствовали значимые «группы влияния, благоприятствующие лучшему пониманию России в Испании и наоборот». Испанские представления о России в целом довольно туманны, что объясняется в основном географической удаленностью и культурными различиями. Но, несмотря на разнообразие поднятых в публикациях тем и очевидный разброс эмоциональной окрашенности материалов, их, бесспорно, объединяет выраженный интерес к России и ее народу, желание познакомиться с ней поближе. Суровый российский климат и бескрайние просторы страны не устают поражать воображение испанского читателя. В прошлое постепенно уходят также зарисовки тревожного, беспокойного и небезопасного российского общества времен перестройки. Несмотря на различные, не всегда позитивные оттенки видения России испанскими СМИ, она привлекает к себе внимание, а испанское общество весьма положительно воспринимает россиян как народ. Русский национальный характер привлекает внимание испанцев, удивляя своей контрастностью и самобытностью. Красноречивые заголовки выделяют особенно курьезные, с точки зрения журналистов, черты россиян: «Своеобразный русский юмор», «Русская неумность», «Самая православная страсть», «Смушение по-русски», «Очарованные русские».

⁴⁶ Oficina de Justificación de la Difusión. — <http://www.prnoticias.com/index.php/prensa/209-oid-20111654-los-cinco-grandes-diarios-de-tirada-nacional-pierden-un-10-de-difusion-y-un-57-en-ventas-en-diciembre> (дата обращения 30.11.2017).

⁴⁷ OJD. — <http://www.prnoticias.com/index.php/prensa/1136/20115383> (дата обращения 30.11.2017).

⁴⁸ *Малявина С., Бильбао П., Дуранд С.* От России исторической к России современной: Образ России в испанской прессе. М.: У Никитских Ворот, 2009. С. 119.

⁴⁹ Там же. С. 151–152.

«Образ России в Испании — это образ европейской страны с богатейшим природно-ресурсным потенциалом, среднеразвитой экономикой и серьезными социально-экономическими проблемами, среди которых аналитики особо выделяют увеличение разрыва в доходах между богатыми и бедными слоями населения и сравнительно низкий технический и управленческий уровень хозяйства»⁵⁰. Богатство и экономические возможности России, согласно испанским представлениям, основаны на энергетических ресурсах. Скептически воспринимается и объявленная в России программа модернизации, которая, по мнению испанских экспертов, сконцентрирована исключительно на технологических аспектах проблемы при игнорировании ее политической составляющей — авторитарного характера российской политики.

Эти оценки проецируются на образы российского политического руководства. Бесспорно, президент Путин является самым цитируемым и наиболее часто упоминающимся испанскими СМИ российским лидером. Он воспринимается сильным и волевым политиком, обладающим значительным авторитетом. В большинстве случаев именно созданный коллективным сознанием испанского общества портрет российского президента передает особенности русского национального характера, составляя единое целое со страной, которую он возглавляет. И среди заголовков публикаций в испанских СМИ есть прямые ассоциации на этот феномен: «Россия — это Путин». А на вопрос анкеты, предложенной испанским студентам, о том, каким им видится Российский президент, был следующий ответ: «Очень русским»⁵¹. Испанским наблюдателям в определенной степени импонирует стремление главы Российского государства к установлению политической и «институциональной стабильности»⁵², хотя главным ориентиром в оценках политического курса России и деятельности ее ведущих политиков остаются представления о правах и свободах человека, сложившиеся в Европе, а также идея коллективной безопасности.

Европейский ракурс прослеживается и в общих трактовках российских международных позиций. Они двойственны: экономическая и политическая стабильность России может подаваться как «новая возможность для улучшения отношений с Россией, в чем нуждаются и Европа, и Испания», а может означать «угрозу, поскольку подразумевает укрепление могущества Российской державы, способной защищать собственные интересы, которые, как предполагается, могут противоречить интересам Европы»⁵³. Россия остается страной интересной, хотя и сложной для развития бизнеса, но, бесспорно, привлекательной в плане туризма.

Важным аспектом образа России, возможно единственным в плане позитивного восприятия, является тема российской культуры. С образом России

⁵⁰ Яковлев П.П. Имидж России в Испании: главные тенденции // Перспективы. — http://www.perspektivy.info/oikumena/europe/imidzh_rossii_v_ishpanii_glavnyje_tendencii_2010-10-21.htm (дата обращения 30.11.2017).

⁵¹ Pirozhenko O. La imagen de Rusia... P. 188.

⁵² Малявина С., Бильбао П., Дуранд С. От России исторической... С. 139.

⁵³ Там же.

у испанцев связаны прежде всего такие представления, как «достижения в области культуры и искусства» (45%), «образованность, интеллигентность, личная культура» (31%)⁵⁴. Результаты исследований подтверждают, что именно «культура — лучший посол России», с оговоркой об отсутствии в восприятии испанцев прямой связи между классической русской культурой и ее современным состоянием⁵⁵. Согласно выводам специалистов, представления о российском культурном потенциале лишены какой бы то ни было политической окраски. Испания замечательно воспринимает русскую культуру, разделяя ее ценности и восхищаясь неповторимой красотой балета, образов классической литературы и театра: «Музей Прадо с блеском представил свои коллекции в Эрмитаже», «Тайны души Щелкунчика», «Потрясающий балет “Лебединое озеро” — эти заголовки типичны и для общенациональных изданий, и для региональной прессы.

Русское классическое искусство и литература (Эрмитаж, Большой и Мариинский театры, оркестр Владимира Спивакова, Чехов, Толстой, Достоевский) хорошо знакомые в Испании «бренды». Материалы о них обычно выдерживаются в уважительном тоне и наполнены рассуждениями о том, что классика является основой российской культурной традиции и ее спасительной силой: «Пока Европа живет в панических восклицаниях по поводу рынков, евро, великий театр мира — как называет Эрмитаж Мигель Сугаса, директор Музея Прадо, — поднимает свой занавес. Культура, именно культура, в конце концов спасет старушку Европу»⁵⁶. Испанская пресса создает двойственный образ российской культуры. В нем классика и авангард сочетаются то во взаимодействии, то в противостоянии друг другу. Общие рассуждения о русской культуре, особенно о ее классических образцах, подаются в контексте извечной дилеммы определения ее типа: азиатский или европейский. Для испанцев — представителей единой Европы, гордящихся своим вкладом в европейскую цивилизацию, Россия, разделяющая и развивающая культурные ценности Запада, более понятна и, скорее, более приемлема, нежели ее евроазиатский облик. Эрмитаж и Петербург, ассоциирующиеся именно с такими представлениями о России, с готовностью воспринимаются как символы российской культуры и цивилизации, открытой миру. В интервью *El País* в комментариях на извечные вопросы о «русской душе» и о «русской манере отношений с миром» это подтвердил и Михаил Пиотровский. Директор Эрмитажа говорил о европейском пути, избранном Россией при Петре I, и о Петербурге как о воплощении европейской идеи, заметив, однако: «Что такое Россия? Европа? Может быть, не на 100%. [...] У России по-прежнему два лица. [...] Другое лицо — азиатское. Москва похожа на Стамбул»⁵⁷.

⁵⁴ Куракина А. Образ России сквозь призму оценок в СМИ Испании // Имидж России в иберийских странах... С. 73.

⁵⁵ Малявина С., Бильбао П., Дуранд С. От России исторической... С. 148, 150.

⁵⁶ Pulido N. El correo de zar llega al Prado // ABC. 05.11.2011.

⁵⁷ Piotrovsky M., Ruiz Mantilla J. Los museos están a medio camino entre Disneylandia y la Iglesia. Entrevista con Mijaíl Piotrovsky // El País. 27.02.2011.

В образе российской культуры выделяется фактор, который остается за рамками исследований международного имиджа России в целом, — роль религиозных ценностей в его формировании. В Испании, несмотря на активный процесс секуляризации общественного сознания, христианские католические ценности являются одной из основ мировосприятия, а демократия и права человека отождествляются с ними. Базовые представления о православной церкви как о виновнице Великой схизмы накладываются в испанском сознании на отрицательные оценки консервативной позиции Русской Православной Церкви (РПЦ) в налаживании межцерковного диалога. Идеи испанцев о политической и социальной роли церкви, нормах ее взаимодействия с властью связаны с решениями II Ватиканского собора, и поэтому испанское общественное мнение негативно воспринимает «традиционную нацеленность православной церкви на тесный союз с государством, умаление в ней личности»⁵⁸. Образ РПЦ и русского православия в испанском общественном сознании связан не столько с совокупностью знаний о культуре, сколько с политической сферой.

В целом испанские представления в основном соответствуют параметрам устоявшегося международного имиджа России. Проявления национальной специфики просматриваются в «европейской» составляющей образа и трактовке конкретных событий российско-испанских отношений. Это вариант распространенного на Западе российского стереотипа.

Интерес к России существовал в Испании всегда и существует сегодня. Несмотря на массу различий, у России и Испании есть много общего, что отражено в красноречивом заголовке: «Испанцы и русские: не такие уж мы и разные». А знаменитое «Из России с любовью», звучащее с газетных полос Испании, перекликается со взаимным: «Для России с любовью» — и свидетельствует о том, что обе страны, движимые искренним интересом, всегда находят пути к друг другу, объединяя богатство и силу двух уникальных культур.

ПЕРЕКРЕСТНЫЕ ГОДЫ и ДИПЛОМАТИЯ КУЛЬТУРЫ

С апреля 1994 г. российско-испанские связи в области культуры развивались на основе подписанного Соглашения между Российской Федерацией и Королевством Испания о сотрудничестве в области культуры и образования. Бывший в то время российским послом в Мадриде Виктор Комплектов указывал, что «сегодня связи в области культуры являются важным компонентом двусторонних отношений, создают благоприятный фон для развития контактов в других сферах и предметно содействуют росту взаимопонимания»⁵⁹. Новый документ стал дополнением к

⁵⁸ Яковлев П.П. Имидж России в Испании: главные тенденции...

⁵⁹ Комплектов В.Г. Взаимодействие географических полюсов Европы // Международная жизнь. 1977. № 2. С. 14.

Институт Сервантеса в России

В 1991 г. правительством Испании для преподавания испанского языка и распространения испаноязычной культуры был создан Институт Сервантеса с центрами в Мадриде и Алькала-де-Энарес. Испанский культурный центр, носящий имя одного из величайших писателей мира, имеет 87 филиалов в 44 странах на пяти континентах. Институт Сервантеса в Москве открылся 6 февраля 2002 г. в присутствии наследника испанского престола принца Астурийского дона Фелипе, ныне короля Испании Филиппа VI.

За прошедшие годы на курсах Института испанский и другие официальные языки страны изучали более 50 тысяч человек. Институт готовит преподавателей и проводит экзамены для получения дипломов по испанскому языку (*DELE* и *SIELE*). Фонды Библиотеки имени испанского писателя Мигеля Делибеса насчитывают 45 тысяч книг, журналов, учебных и видеоматериалов. Более 2700 мероприятий, проведенных в залах Института на Новинском бульваре в ведущих научных и культурных центрах столицы, закрепили его статус «главного космодрома испанской культуры в Москве» — так назвал Институт Сервантеса режиссер Карлос Саура, обыгрывая тот факт, что здание Института построено на месте разрушенной в годы войны усадьбы князя Гагарина. Эдуардо Мендоса, Фернандо Аррабаль, Хавьер Серкас, Леонардо Падурра, Давид Труэба, Хавьер Гурручага, Хосе Луис Борау, Серранито, Висенте Амиго, Пако Ибаньес, Мария дел Мар Бонет, Жорди Саваль — это лишь малая часть гостей Института. «Космодром» не только принимал ведущих писателей, кинематографистов, музыкантов и ученых Испании и Латинской Америки, но и стал «взлетной площадкой» для множества фестивалей, конгрессов, творческих мастерских. Проекты Института Сервантеса входили в программу фестивалей «Виртуозы гитары», «Декабрьские вечера», «Артдок-фест», «Цех», Фестиваля нового европейского театра *NET*, Международного фестиваля Рождественской музыки и многих других. Благодаря Институту в Библиотеке иностранной литературы сложилась традиция празднования Международного дня книги и авторских прав. В 2015 г. на XVII Международной ярмарке интеллектуальной литературы *Non/Fiction* по инициативе Института Сервантеса прошли дни литературы на испанском языке, приуроченные к Перекрестному году России и Испании.

В рамках Московских Фотобиеннале с большим успехом выставлялись работы классиков испанской фотографии: Рамона Масатса, Марио Мучника, Катала-Роки, Кристины Гарсиа Родеро, — привезенные в Москву

заклученному тогда же Договору о дружбе и сотрудничестве. Стороны обязались согласовывать трехгодичные программы сотрудничества, в которых оговаривались бы конкретные мероприятия, а также финансовые и другие условия их осуществления. С этой целью была образована российско-испанская комиссия, которая поочередно собиралась в Москве и Мадриде.

Принц Астурийский и министр иностранных дел России Игорь Иванов на открытии Института Сервантеса в Москве. 2002

Институтом Сервантеса. А кураторские проекты Института, такие как выставки «Испания в музеях Москвы», «Рафаэль Альберти и Россия», «Образы Пабло Неруды: Чили, Испания, Россия», «Русская память об Испании: Альберто и “Дон Кихот” Козинцева», позволили открыть новые страницы во взаимоотношениях России и испаноязычного мира.

Построение и развитие межкультурного диалога является главной задачей Института Сервантеса. Недаром цикл мероприятий «Испания и Россия сквозь века» вошел в число приоритетных программ Института.

Вместе с тем Соглашение предусматривало и возможность частной инициативы в культурном сближении, в том числе в развитии контактов между молодежью обеих стран. В 1999 г. Соглашение было продлено. Созданная международно-правовая база явилась основой развития культурных связей между Россией и Испанией.

В начале XXI в. был подписан ряд документов, которые позволили углублять и расширять культурное сотрудничество между двумя странами. Это — Соглашение между Российской Федерацией и Королевством Испания о деятельности культурных центров от 15 ноября 2001 г., Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Королевством Испания от 3 марта 2009 г., Программа сотрудничества между Королевством Испания и Российской Федерацией в области культуры и образования на 2005–2007 годы.

Подписанное 15 ноября 2001 г. (в сентябре 2007 г. в него были внесены изменения) Соглашение о деятельности культурных центров стало юридической основой для открытия в Москве Института Сервантеса и (была при нем кредитован центр «Аделанте» в Санкт-Петербурге), а также Российского центра науки и культуры в Мадриде. Перед этими центрами была поставлена задача распространения языка и культуры, а также информации о культурной, образовательной и научной деятельности в соответствующих странах.

Важнейшим событием, придавшим новый импульс развитию культурных связей России с зарубежными странами, в том числе с Испанией, стало создание в 1999 г. Совета деятелей культуры, науки и образования при Министерстве иностранных дел. В 2001 г. министр Игорь Иванов утвердил «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами», ставшие первой в истории отечественной дипломатии попыткой концептуализации целей и задач, характера и механизма осуществления культурного сотрудничества страны с внешним миром. Согласно данной концепции, механизм разработки и реализации внешней культурной политики совпадает с общим внешнеполитическим механизмом России. Основные направления и законодательную базу формируют президент и Федеральное Собрание, правительство разрабатывает общую стратегию, а МИД России занимается непосредственной реализацией внешней культурной политики и координацией международных культурных связей остальных органов власти и учреждений культуры. Культурными вопросами в составе министерства занимается прежде всего Департамент по культурным связям и делам ЮНЕСКО. Государственным органом при МИД РФ является Российский центр международного научного и культурного сотрудничества, переименованный в 2008 г. в Россотрудничество⁶⁰. Концепция провозглашает международное культурное сотрудничество России полноценным инструментом внешнеполитической деятельности, призванным работать на формирование благоприятного и объективного образа России в мире. Таким образом, термин «мягкая сила» получил в России свою официальную трактовку. В Концепции внешней политики РФ, утвержденной президентом Владимиром Путиным в феврале 2013 г., это понятие определяется

⁶⁰ Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами // Электронный фонд правовой и научно-технической документации. — <http://docs.cntd.ru/document/901794645> (дата обращения 26.03.2018).

как «комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»⁶¹.

В мае 2013 г. российский президент подписал указ, регулирующий деятельность Россотрудничества, которое отныне стало главным проводником концепции «мягкой силы». Еще одно стратегическое направление проекции Россией «мягкой силы» было сформулировано в статье В.В. Путина «Россия и меняющийся мир»: «Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей. Мы должны в несколько раз усилить образовательное и культурное присутствие в мире — и на порядок увеличить его в странах, где часть населения говорит на русском или понимает русский»⁶².

Важнейшей ареной двустороннего взаимодействия стран стало сотрудничество в области программы сосуществования культур, разрабатываемой на платформе ООН. В 2005 г. Москва поддержала испанскую инициативу по созданию «Альянса цивилизаций», задачей которого должна была стать «мобилизация коллективной политической воли на преодоление разрыва и растущего недоверия между цивилизациями, культурами и обществами, в первую очередь между Западом и исламским миром, а также налаживание взаимопонимания между ними»⁶³. Для руководства «Альянсом цивилизаций» была сформирована Группа высокого уровня. Россию там представлял президент Международного центра стратегических и политических исследований профессор Виталий Наумкин. 15–16 января 2008 г. в Мадриде прошел первый форум Альянса цивилизаций, в ходе которого было заявлено, что только при активном участии России новая инициатива может стать глобальным проектом, направленным на формирование системы глобального мультикультурализма⁶⁴. Результатом поддержки Россией испанской инициативы стало создание российской национальной программы «План развития отношений с Альянсом цивилизаций», в который были включены разделы, посвященные культурной и религиозной тематике⁶⁵.

⁶¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 12.02.2013). — http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения 13.01.2016).

⁶² Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.12. — <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения 13.02.2018)

⁶³ Попов В. Альянс цивилизаций // Международная жизнь. — <https://www.interaffairs.ru/jauthor/material/1654> (дата обращения 16.01.2018).

⁶⁴ В мае 2008 г. в Москве под эгидой МГИМО МИД открылся Центр партнерства цивилизаций, целью которого стало расширение контактов с цивилизациями Востока и Запада // Там же.

⁶⁵ Яковлев П.П. Альянс цивилизаций против «столкновения цивилизаций»? // Перспективы. — http://www.perspektivy.info/book/aljans_civilizacij_protiv_stolknovenija_civilizacij_2010-02-11.htm (дата обращения 02.03.2017).

В 2009–2012 гг. многие европейские государства предприняли шаги по модернизации национальных концепций внешней культурной политики. Среди них была и Испания, которая в апреле 2011 г. приняла Национальный план культурной деятельности за рубежом. Его разработчиками стали основные действующие лица внешней культурной политики Испании: Министерство иностранных дел и сотрудничества, Министерство культуры, Институт Сервантеса, общество «Испанская культурная деятельность». Появление данного документа ознаменовало собой новый этап в развитии документальных и содержательных основ внешней культурной политики Испании в рамках «четырех осей деятельности»: содействие сохранению наследия и культурному самовыражению, интернационализация культурных и творческих индустрий, поощрение межкультурного диалога и поддержка культурного сотрудничества в целях развития. План окончательно узаконил и официальное употребление термина «внешняя культурная деятельность», хотя наравне с ним в официальной терминологии можно встретить и такие понятия, как «внешняя культурная политика» и «культурная дипломатия»⁶⁶.

К этому времени в Испании уже были созданы учреждения и организации, задачей которых стали распространение по всему миру испанской культуры и языка (Институт Сервантеса), осуществление публичной дипломатии (Fundación Carolina), создание туристической привлекательности (*TURESPAÑA*) и др. Основными и наиболее общими целями должны были стать продвижение испанской культуры и языка за рубежом, а также создание условий для лучшего понимания испанской культуры в мире. Эти фундаментальные принципы сотрудничества были сформулированы еще в начале 2000-х гг., но сохранили актуальность и сегодня⁶⁷.

В 2012 г. правительство Испании инициировало проект по улучшению имиджа Испании за рубежом в экономической, социальной, культурной и научно-технологической сферах, который получил название *Marca España*. Само название проекта отражает его глобальную стратегическую цель. В испанском языке слово *Marca* эквивалентно таким понятиям, как «бренд» и «торговая марка», то есть суть стратегии состоит в повышении значимости марки, бренда «Испания». Проект объединяет ведущие ассоциации и институты, связанные с медиа- и бизнес-сообществом, и развивается, базируясь на серьезных научных исследованиях Королевского Института Элькано, где была создана «Лаборатория *Marca España*» для изучения показателей, позволяющих наиболее точно определить изменения в восприятии имиджа Испании за рубежом. 16 марта 2017 г. в МГИМО состоялось выступление верховного комиссара проекта, государственного секретаря МИД Испании Эспиносы де лос Монтероса на тему «Государственный проект по продвижению нового образа страны и дипломатия “мягкой силы”».

⁶⁶ Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Актуальные тенденции внешней культурной политики Испании. — <https://citeweb.info/20133363071> (дата обращения 18.03.2018).

⁶⁷ Воронай В.В. Российско-испанские отношения в начале XXI века (2000–2015 гг.). — https://revolution.allbest.ru/international/00843681_1.html (дата обращения 15.05.2017).

Мастера культуры: Мстислав Ростропович в Испании

В 1982 г. газета *El País*, предвзято концерты Вашингтонского Национального симфонического оркестра в Барселоне и Мадриде, писала о русском музыканте, виолончелисте, дирижере, композиторе: «Ростропович, вне всякого сомнения, является легендой нашего времени, и его музыкальное образование настолько же всеобъемлюще, насколько и совершенно». С Испанией его связывали совершенно особые отношения. Любовь к ней привил ему отец, который в 1910 г. стажировался у знаменитого испанского виолончелиста Пау Казальса. Учитель не забудет ученика и через много лет, в 1958 г., пригласит его сына для участия в Международном конкурсе виолончелистов. Пройдет еще 10 лет, и в 1969 г., в ходе своего европейского турне, Мстислав Ростропович окажется в Испании. «Еще во времена Франко я много раз посещал Испанию, — вспоминал он, — и у меня таким образом была возможность наблюдать, как меняется жизнь замечательного испанского народа, как постепенно уходят в прошлое раздоры и как Испания сплывается под лозунгами дружбы и братства». Его следующий визит в Мадрид состоялся в ноябре 1985 г., когда маэстро дирижировал на концерте, посвященном 10-летию коронации Хуана Карлоса I. За ним последует еще много концертов... В 1988 г. он выступил в Королевском театре в Мадриде в честь 50-летия испанского монарха. Концертом Ростроповича в Королевском театре была отмечена помолвка Принца Астурийского и Летиции Ортис в 2003 г., и в том же году он открыл Школу высшего музыкального мастерства в Валенсии.

С королевской семьей его связывали добрые отношения. Королева София давно была знакома с музыкантом, и эта дружба крепла с годами. Вынужденный покинуть Советский Союз, музыкант часто находил помощь в «своей любимой Испании». Он говорил: «Когда меня изгнали из Советского Союза, это стало самой большой трагедией моей жизни. Трагедия эта длилась 17 лет. И тогда поддержку мне оказала королевская чета». Многие годы король Хуан Карлос I дарил супруге на день рождения концерт великого виолончелиста. Королева часто присутствовала на его выступлениях и в Испании, и в России. В 1990 г. в Москве и Санкт-Петербурге она посетила концерты, посвященные возвращению музыканта на родину после 17-летнего изгнания. В ноябре 1995 г. она присутствовала на премьере «Хованщины» в Большом театре в постановке маэстро. В 2005 г. королева стала почетной гостьей на праздновании «золотой свадьбы» Мстислава Ростроповича и Галины Вишневской.

Испания высоко оценила искусство российского музыканта. В 1992 г. он был председателем Международного конгресса виолончелистов имени Пау Казальса. В мае 1992 г. он получил IV международную премию Каталонии. 23 мая 1997 г. вместе со скрипачом Иегуди Менухиным маэстро был награжден премией Принца Астурийского «Конкордия» («Согласие») за вклад, который он внес своей музыкой «в гармонию и в достижение согласия между народами». Получая одну из своих наград, Ростропович благодарно и проникновенно произнес на испанском языке: «Я люблю вас».

Испанское искусство в России: выставки живописи

В 1990-е гг. наряду с выставками классической живописи были впервые организованы экспозиции произведений испанских мастеров модерна и авангарда. В 1994 г. прошла выставка работ Сальвадора Дали в Москве, в 1997 г. — выставка «Испанские мастера XX века: П. Пикассо. Ж. Миро. С. Дали. Х. Гонсалес». С тех пор испанские музейные собрания современного искусства регулярно стали показывать свои коллекции в России. В 2002—2003 гг. в Москве в Музее современной истории состоялась выставка графических работ Дали. В 2004 г. Русский музей представил панораму творчества Жоана Миро, а в 2016—2017 гг. Эрмитаж организовал экспозицию «Сюрреализм в Каталонии. Художники Ампурдана и Сальвадор Дали». Сохранялся и интерес к классическому искусству. В 2008 г. из музея Прадо в Эрмитаж приезжали «Менипп» и «Эзоп» Веласкеса. В 2011 г. в рамках Перекрестного года России и Испании в Эрмитаже прошла выставка «Прадо в Эрмитаже», которая по уровню представленных произведений не знала себе равных. Тогда же в экспозиции «Диалоги. Живопись барокко из музеев Андалусии» Эрмитаж представил совершенно неизвестные российскому зрителю испанские полотна XVII в. из музеев Севильи, Гранады, Кордовы и Кадиса. ГМИИ им. Пушкина открыл 2017 г. масштабной выставкой «Офорты *Капричос*» Гойи и Дали.

Российские музеи также стали активно заниматься организацией выставок произведений испанского искусства из собственных фондов. Эрмитаж и Русский музей обратились к практике передвижных экспозиций и создания своих зарубежных филиалов. В 2010—2013 гг. зрители Саратова, Казани и Выборга познакомились с выставкой «Испанское искусство в собрании Государственного Эрмитажа». В 2015 г. выставочный центр «Эрмитаж—Амстердам» представил коллекцию из 255 экспонатов XVI — начала XX в.: живопись, графика, оружие, предметы декоративно-прикладного искусства. В марте 2015 г. в Малаге начал работать первый в Европе постоянно действующий филиал Государственного Русского музея, а в декабре 2015 г. посол России открыл в Барселоне выставку «Образы слов. Текст и шрифт в искусстве русского авангарда».

В настоящее время российско-испанское культурное сотрудничество охватывает практически все сферы взаимодействия. С 2000 г. проводятся фестивали Ибероамериканской культуры, учредителями которых являются Ассоциация лауреатов Международного конкурса им. П.И. Чайковского, Государственная академическая филармония, Международный фонд «Новый Свет-500» при поддержке Министерства культуры и МИД России. В программе фестивалей — широкий спектр мероприятий в Москве, Санкт-Петербурге, Казани и Волгограде и других городах, музыкальные концерты различных жанров ибероамериканских и российских исполнителей, выступления театральных коллективов, выставки живописи и фотографии,

презентация национальной кухни и многое другое. В них принимают участие многие деятели испанского искусства, среди которых виолончелистка Глория Куэрда, закончившая курсы Мстислава Ростроповича, дирижер Сесар Альварес, обучавшийся в Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, и др. Сам маэстро Ростропович неоднократно приезжал в Испанию с концертами.

Стала традицией организация Перекрестных годов России и Испании. Впервые таким Перекрестным годом был объявлен 2011 год Россия уже обладала опытом подобного взаимодействия: 2009 год был Годом Болгарии и России, а 2010-й — Годом России и Франции. Как указывала Е. Юрчик, российские политики рассматривают подобные масштабные мероприятия как инструмент культурной дипломатии, цель которой — продвижение в мир современного образа страны, то есть, «в терминологии политического маркетинга, — ее “ребрендинг”»⁶⁸. В рамках Перекрестного года в Мадриде под эгидой Россотрудничества начал работу Российский центр науки и культуры. Основными его задачами стали укрепление сотрудничества двух государств в гуманитарной сфере, развитие российско-испанских связей в культурной, научной, образовательной областях, расширение экономической кооперации.

Год открылся выставкой музея Прадо в Эрмитаже; экспозиция, посвященная творчеству Сальвадора Дали, представленная в ГМИИ им. А.С. Пушкина, стала, по оценкам РИА «Новости», одним из важнейших культурных событий в России 2011 г.: в Москву привезли 25 живописных работ, 90 уникальных графических листов и редчайшие фотографии, десятки картин и рисунков работы легендарного мастера. Не менее значительной стала выставка шедевров Эрмитажа в Прадо, оказавшаяся самой посещаемой выездной экспозицией за всю историю петербургского собрания, — с 8 ноября 2011 г. по 25 марта 2012 г. ее увидели 630 000 посетителей, что побудило организаторов продлить работу до 7 апреля. Россия стала почетным гостем Международной ярмарки современного искусства в Мадриде (*Arco 2011*); в ответ Московский музей современного искусства показал у себя работы испанских мастеров. Новинки российского и испанского кинематографа были представлены на Московском и Сеговийском кинофестивалях⁶⁹.

На сценах российских и испанских театров шли спектакли Международного театрального фестиваля им. А.П. Чехова, представленного Театром им. Е. Вахтангова и Малым драматическим театром, «Мастерской Петра Фоменко» и «Коляда-театром». В свою очередь, известные в Испании, но почти незнакомые российскому зрителю театры *Lliure* и *La Abadia* показали свои постановки в России. В Сеговии с большим успехом прошел Фестиваль детского танцевального искусства.

⁶⁸ Юрчик Е.Э. Российская культура в освещении испанской периодики 2010–2011 гг. // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2013. № 3. С. 132.

⁶⁹ Юрчик Е.Э. Российская культура... С. 133.

Мастера культуры: Хосе Каррерас и Пласидо Доминго в России

В июле 1992 г. 10 тыс. зрителей собрались в сердце России, на Красной площади, чтобы наслаждаться не военным парадом, а прекрасным голосом одного из самых известных испанских теноров — Хосе Каррераса. Певец остался доволен теплым приемом публики, отметив, что для него великая честь открыть фестиваль, посвященный переходу России к демократии. Там же, на Красной площади, в июле 2001 г. звучал голос другого знаменитого испанского певца — Пласидо Доминго. На благотворительном концерте в пользу сирот и детей с проблемами здоровья по соседству с Кремлем прозвучали арии из опер Бизе, Пуччини, Верди, а также из оперы Чайковского «Евгений Онегин» на русском языке, что особенно покорило сердца российских зрителей. Впервые Доминго выступил в Москве еще в 1974 г. перед публикой, которую он всегда называл «гостеприимной и щедрой». И с тех пор неоднократно был гостем на главной площади России.

Два гения мировой оперы — Пласидо Доминго и Хосе Каррерас еще не раз покоряли сердца российских зрителей. Каррерас признавался, что ему нравится выступать в России. Его привлекали и необычные традиции, и эмоциональное отношение к искусству, к музыке. «В России и Испании люди очень похожи, — говорил Каррерас. — Вы тоже очень темпераментные, не скрываете своих эмоций, искренне переживаете, плачете и смеетесь. Каждый раз, когда я еду в Москву на гастроли, испытываю чувство радости. Здесь много людей, которые понимают и любят музыку». Пласидо Доминго также признавался, что любит Россию, где бывал много раз. «Санкт-Петербург можно назвать одним из красивейших городов на всей планете, но и Москва мне тоже очень нравится!» В декабре 2012 г. два великих испанца провели мастер-класс для российских детей — участников приходских хоров, встретились с российским президентом и выступили на благотворительном концерте в Храме Христа Спасителя. Оба певца давали в России свои юбилейные концерты. В январе 2016 г. Доминго, накануне 75-летия, открыл именную звезду на московской Аллее славы.

13 июня 2018 г. зрители снова услышали голос Пласидо Доминго на Красной площади. Он принял участие в гала-концерте оперных звезд,

Гастроли трупп ведущих музыкальных театров: Большого, Мариинского, Новосибирского театра оперы и балета и Санкт-Петербургского балета под руководством Бориса Эйфмана в Испании, и *Teatro Real* и Национального балета — в России, как всегда, вызвали интерес публики. С большим успехом прошло в Испании выступление Российского национального филармонического оркестра под управлением Владимира Спивакова и ансамбля «Солисты Москвы» Юрия Башмета. 20 июля акустику Большого театра, готовившегося к открытию, опробовал Пласидо Доминго, приехавший на вручение ему ордена Дружбы.

Выступление Пласидо Доминго в Москве. 2018

посвященном Чемпионату мира по футболу. Выбор певца неслучаен, ведь он известен «не только своим голосом и талантом артиста», но и своим отношением к спорту. С детства он мечтал стать профессиональным футболистом и впоследствии не раз участвовал в церемониях, посвященных крупным спортивным событиям. Именно он исполнял гимн Чемпионата мира по футболу 1982 г. в Испании. Участие в концерте оперных звезд Анны Нетребко, Ильдара Абдразакова, Аиды Гарифуллиной, Хуана Диего Флореса и др., а также сопровождение Симфонического оркестра Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева стали замечательным проявлением единения культур.

Работы театральной студии Хуана Карлоса Кораццы представлял в Москве Хавьер Бардем. Российские модельеры демонстрировали свои произведения на Неделе высокой моды в Мадриде. В Испании вручали премии испанским переводчикам русской литературы и принимали лауреатов литературной премии «Дебют». Помимо этого, прошли экспозиции русской иконописи, показ детского и юношеского искусства. Организаторы сумели отчасти преодолеть его столичный формат: работы Дали показали в Перми и Екатеринбурге, произведения Чемы Мандоса, фотографа-сюрреалиста, отправились в Казань. Всего на различных площадках было проведено

более 350 мероприятий. Одним словом, масштаб культурной программы Перекрестного года был весьма впечатляющим⁷⁰.

В июне 2011 г. Указом президента России королю Испании была присуждена Государственная премия РФ «за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности». В ответ Хуан Карлос подчеркнул, что «эта награда подтверждает исторические дружественные связи, объединяющие наши народы»⁷¹.

После столь успешного опыта испанская сторона выступила с инициативой о проведении в 2015–2016 гг. Перекрестного года языка и литературы. База для этого была заложена достаточно серьезная. Из 80 филиалов, существующих в мире, Институт Сервантеса в Москве — самый крупный по количеству студентов. А фонд «Александр Пушкин» в Мадриде является основным центром распространения русского языка и пропаганды российской культуры. В рамках этого Года в Гранаде, на базе Гранадского университета, при котором более полувека изучается русский язык, начал работу «Русский центр»⁷². Гранадский университет стал и хозяином Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, на площадках которого обсуждались эффективность методик преподавания русского языка, распространение культуры и литературы России за рубежом. Данные усилия способствуют популяризации русского языка и литературы в Испании, создают основу для введения русских классов в испанских школах и университетах.

Перекрестный год туризма, прошедший в 2016–2017 гг., по словам российского посла в Испании Юрия Корчагина, явился взаимовыгодным проектом, задачей которого стало «привлечь испанских туристов, показать туристическую привлекательность России. [...] Это и богатейшее культурное наследие, возможности экологического, гастрономического, образовательного, медицинского, спортивного туризма и многое другое»⁷³. 19 января 2017 г. в Мадриде состоялся Испанско-Российский форум по туризму, организованный Государственным секретариатом по туризму Испании и Министерством культуры России. В его рамках были проведены презентации туристического сектора различных российских регионов: Липецка, Хакасии, Тулы, Вологды, Новгорода, Суздаля, а также презентация России в качестве страны — хозяйки Чемпионата мира по футболу 2018 г.⁷⁴

⁷⁰ Юрчик Е.Э. Российская культура... С. 133.

⁷¹ Владимир Путин вручил Государственную премию России королю Испании Хуану Карлосу I. Москва, Кремль, 19.07.2012. — <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16016> (дата обращения 20.03.2017).

⁷² См. подробнее «Научная дипломатия в советско-испанском диалоге» и «Фонд “Александр Пушкин” в Испании» в данной книге.

⁷³ Интервью Посла России в Испании Ю. Корчагина // РИА. 30.09.16. — http://www.mid.ru/publikaaii/-/asset_publisher/nTzOQTrrCFd0/content/id/2480745 (дата обращения 03.02.2017).

⁷⁴ РИА «Новости». — <https://ria.ru/tourism/20170112/1485598071.html> (дата обращения 23.05.2017); В Мадриде открыли национальный офис России // Комсомольская правда. — <https://www.kp.ru/daily/26634/3652609/> (дата обращения 23.05.2017).

На следующий день в российском посольстве прошла торжественная церемония открытия российского туристического представительства *Visit Russia*, в которой приняли участие заместитель министра культуры России Алла Манилова, посол в Испании Юрий Корчагин, директор туристического офиса Испании в Москве Луис Бовес Мартин. «Офис *Visit Russia*, — сказала А. Манилова, — это не просто офис чиновников, которые приезжают сюда на работу. Это площадка, где будут встречаться люди, где будут рождаться идеи, где должны отрабатываться новые механизмы нашего взаимодействия». Он станет «двусторонней коммуникационной площадкой» в первую очередь для представителей турбизнеса, чтобы «выработать новые импульсы взаимодействия», чтобы «Россия и Испания стали настоящими партнерами». Ее поддержала государственный секретарь по туризму Министерства энергетики, туризма и цифровых технологий Испании Матильда Асиан Гонсалес, отметившая, что представительство *Visit Russia* будет способствовать развитию въездного туризма в России и упрочению ее позитивного имиджа как самобытного и привлекательного туристического направления.

Местом официальной инаугурации нового российского офиса *Visit Russia* испанская столица была выбрана не случайно. В мире было создано одиннадцать офисов *Visit Russia*, но именно в Мадриде находится Всемирная туристская организация ООН, а в январе традиционно проходит одна из крупнейших в мире туристических ярмарок *Fitur*. В 2016 г. Испания приняла 75,3 млн иностранных туристов, из которых 962 644 из России, что на 1,8% больше, чем годом ранее. И уже в 2017 г. Россия заняла десятую строчку в списке стран, граждане которых приезжают в Испанию.

2017 год, завершивший Перекрестный год туризма, ознаменовался еще одним ярким событием. В Государственной Третьяковской галерее состоялась церемония передачи в Музейный фонд России произведений русской и советской живописи из испанского Фонда Сурикова. Среди них 58 полотен, из которых восемь останутся в Третьяковской галерее, еще восемь передадут в коллекцию музейно-выставочного центра «РОСИЗО», остальные войдут в экспозиции Нижегородского и Волгоградского художественных музеев. Среди работ, переданных в дар России, такие произведения, как «Осень на даче» Петра Андрианова, «У окна» Виктора Иванова, «Натюрморт с грушами» Вадима Величко и др. На церемонии выступили директор фонда, коллекционер и меценат Долорес Томас Сильваторе, первый заместитель министра культуры России Владимир Аристархов, посол Испании в России Игнасио Ибаньес Рубио, генеральный директор Третьяковской галереи Зельфира Трегулова, генеральный директор музейно-выставочного центра «РОСИЗО» Сергей Перов. «Сегодняшнее событие имеет огромное значение для развития российско-испанских отношений, и особенно для нашего культурного сотрудничества, — сказал В. Аристархов. — Меценаты — особенные люди, они работают не для себя, они работают для людей и для вечности, в которой их поступки остаются».

Научная дипломатия: встречи ученых

Начало XXI в. стало временем активизации научной дипломатии, особенно в рамках Перекрестных годов, расширивших возможности академического сотрудничества. В Правительственную программу Года русского языка и литературы в Испании и Года испанского языка и литературы в России (апрель 2015 г. — апрель 2016 г.) был включен Международный конгресс «Россия—Испания: политика, экономика, культура», который прошел в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» с 27 по 29 апреля 2016 г.

Поводом для его организации стала рубежная дата в истории двух стран — 350-летие первого российского посольства в Испанию, а сам конгресс продемонстрировал результаты и перспективы внешнеполитического и научного взаимодействия России и Испании. По словам одного из организаторов этой масштабной встречи — профессора Ольги Волосюк, «такой

Сергей Караганов и Хосе Игнасио Карбахаль Гарате. Москва, 2016

Научный конгресс «Россия–Испания: политика, экономика и культура»
в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».
Москва, 2016

всеобъемлющий конгресс, где собрались бы вместе испанисты разных специальностей — историки, политологи, экономисты, этнологи, дипломаты, литературоведы, искусствоведы, лингвисты, — в России еще никогда не проводился». В его работе приняли участие свыше 100 исследователей, представителей более чем 30 университетов, научных и культурных центров России и Испании, выступавших в рамках трех тематических секций: «История и дипломатия», «Экономика и политика», «Культура и искусство». В процессе работы научного форума стало очевидно, что российские и испанские ученые работают над сходными источниками, разрабатывают близкие сюжеты, используют одинаковые методы научного анализа. Участники конгресса подчеркивали, что непосредственное общение российских и испанских специалистов стимулирует научные исследования, раскрывает новые возможности для совместных академических проектов и тем самым укрепляет не только научные, но и дипломатические связи между двумя государствами.

«Три столетия диалога»: научные исследования

Историческая траектория русско-испанских отношений стала выстраиваться в научной литературе начиная с последней четверти XX в. Результаты трудов российских и испанских историков были опубликованы в собраниях документов («Corpus diplomático hispano-ruso». Madrid, 1991, 2005; «Россия и Испания: документы и материалы», 1991, 1997), в монографиях, статьях и обобщающих трудах, таких как «История внешней политики Испании» (2014) и «История Испании с древнейших времен до начала XXI века» (2014). Но исследовательский потенциал этих проблем еще не исчерпан.

В 2016 г. вышло в свет коллективное исследование «Российские дипломаты в Испании: 1667–2017», изданное на русском и испанском языках. В нем через жизнеописания послов и посланников представлена история взаимоотношений двух держав в XVII–XXI вв., а диалог между государствами показан через отношения между людьми. Это рассказ о тех, кто создал, сохранял и развивал традицию российской и советской дипломатической школ.

Результатом общения ученых на международном конгрессе «Россия–Испания: экономика, политика, культура» стал академический труд «Испания–Россия: исторические судьбы и современная эпоха» (2017), в котором приняли участие испанские и российские исследователи. В нем рассматриваются исторические, социально-политические и экономические процессы в Испании и России в широком хронологическом диапазоне — от раннего Средневековья до наших дней.

Авторы представили разнообразные сюжеты, создав панораму современной испанистики: испанское средневековое право, история российско-

Он продолжил: «Именно такой шаг и сделала Долорес Томас Сильваторе, приняв решение сделать этот дар». Долорес Томас Сильваторе в ответ сказала: «Этот акт дарения является в первую очередь актом любви и признательности российским и советским художникам. Мастерам, с которыми я лично знакома и которых высоко ценю. Задача испанского Фонда Сурикова состоит в том, чтобы знакомить людей из разных стран с русской живописью, с наследием великих художников»⁷⁵.

В этом же году Россия в четвертый раз приняла участие в Международной Рождественской «Ярмарке культур», которую организует мэрия Мадрида в культурном центре *Matadero*. Она проходит ежегодно при содействии посольств более чем 70 стран и различных международных

⁷⁵ Испанский Фонд Сурикова передал в дар Российской Федерации 58 картин. — <http://www.iluki.ru/news/ispanskii-fond-surikova-pieriedal-v-dar-rossiiskoi-fiedieratsii-58-kartin> (дата обращения 25.03.2018).

испанских дипломатических отношений, особенно в Новое и Новейшее время; трансформация современной испанской политической системы, экономические связи, имагология и национальная идентичность, роль Испании в современном мире.

Филологи, историки литературы и лингвисты обратились к неисчерпаемым проблемам перевода и культурной рецепции, а искусствоведы — к анализу параллелей в российском и испанском художественном мышлении.

Этот труд и подвел итоги академического сотрудничества российских и испанских ученых и обозначил новые векторы научного анализа.

Посол Испании в России Игнасио Ибаньес Рубио на презентации книги «Испания–Россия: исторические судьбы и современная эпоха». Институт Сервантеса. Москва, 2018

организаций, и на ней представлены самые разные способы празднования Рождества в мире. Российский стенд вызвал особое внимание мэра Мадрида Мануэлы Кармены, которая отметила, что «новогодние праздники — особый период солидарности и сотрудничества между народами во имя мира, равенства и всеобщего счастья»⁷⁶.

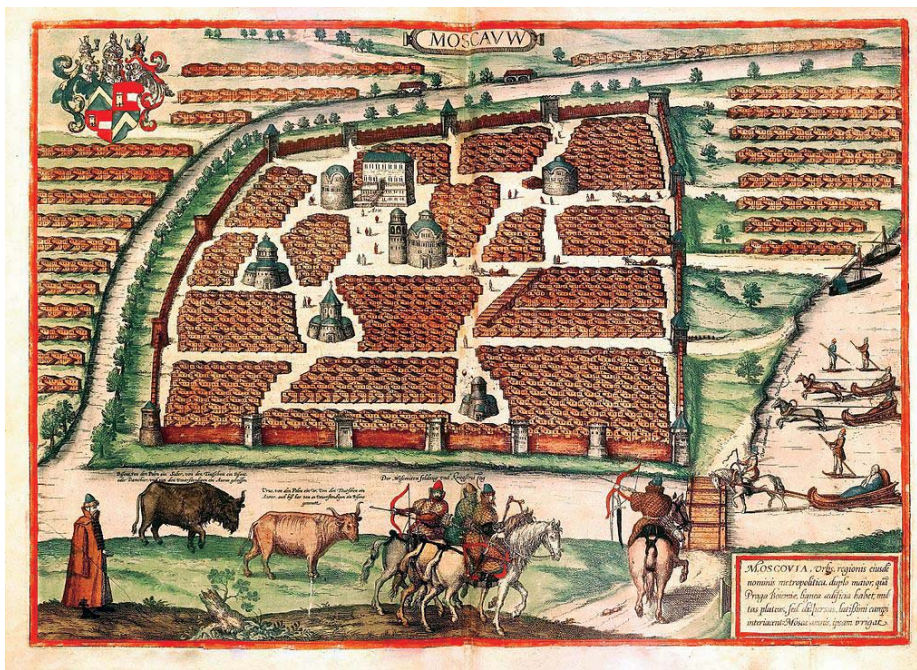
Вопреки политическим и экономическим проблемам как в Испании, так и в России обе страны продолжают проявлять явное стремление к двустороннему сотрудничеству в области науки, образования и культуры. Но за этим всегда стоит напряженный труд отдельных людей. Одним из них стала Татьяна Соловьева, официальный представитель Международного союза эстрадных деятелей в Испании. С 1990-х гг. она как продюсер и

⁷⁶ Рождественская «Ярмарка культур» в Мадриде. — https://spain.mid.ru/web/spain_ru/230/-/asset_publisher/OISnUm78trqV/content/rossia-na-rozdestvenskoj-armarke-kul-tur-v-madri (дата обращения 05.03.2018).

дистрибьютор организовала более ста гастролей российских артистов в Испании и испанских артистов в России, в том числе гастролы Имперского Русского балета, Пермского академического театра оперы и балета, Санкт-Петербургского классического балета Андрея Баталова, Государственного ансамбля «Казачьи России». В апреле 2017 г. по ее инициативе был создан Союз русских артистов в Испании, и она планирует «продолжить работу по продвижению русской культуры в Испании». «Русское искусство должно быть представлено в стране с лучшей стороны»⁷⁷, — заявила она.

Прошедшие три Перекрестных года показали, что, открывая друг друга по-новому, проявляя живой интерес к истории, культуре, языку и обычаям друг друга, Россия и Испания имеют большие перспективы в будущем. 2019 год — Перекрестный год образования и науки — станет этому ярким свидетельством.

⁷⁷ Союз русских артистов создан в Испании. 07.04.2017. — <http://vksrs.com/news/soyuz-russkikh-artistov-sozdan-v-ispanii/> (дата обращения 13.02.2018).

Москва в XVI в. *Civitates Orbis Terrarum* (1580).
Иллюстрация к «Запискам о Московии» С. фон Герберштейна

Moscú en el siglo XVI. "*Civitates Orbis Terrarum*" (1580).
Ilustración de "*Rerum Moscoviticarum Comentarium*" (1549) de Sigismund von Herberstein.

Петр Иванович Потемкин
Piotr Potiomkin

Яков Федорович Долгоруков
Yákov Dolgorúkov

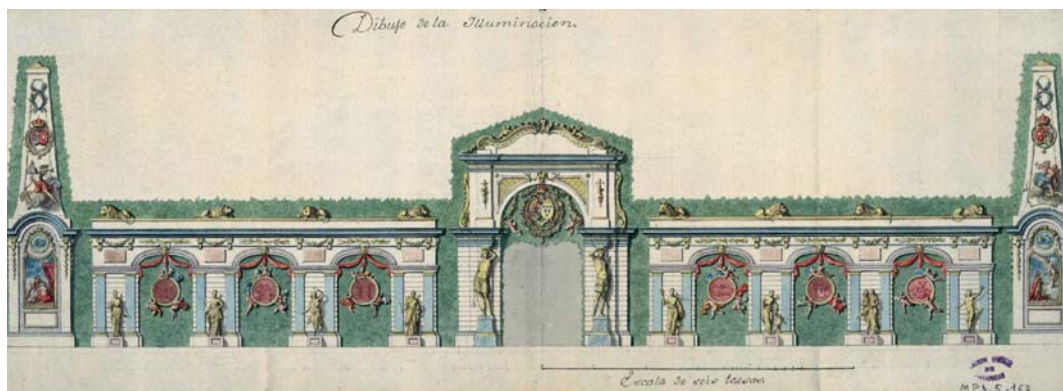
Карл III
Carlos III

Екатерина II
Catalina II

Королевский дворец
в Аранхуэсе.
Главный фасад
*Palacio de Aranjuez.
La fachada principal.*

Праздничные сооружения в честь браков испанских инфантов перед резиденцией герцога де Лириа.
Москва, 1728

*Iluminación hecha delante del palacio del Duque de Liria con motivo del matrimonio los infantes de España.
Moscú, 1728.*

Зимний дворец в середине XIX в.
Palacio de Invierno. Segunda mitad del s. XIX.

Vista general de San Lorenzo, tomada en la inmediación de la Huerta del Castañar á el mediodía.

Королевская резиденция Эскориал
Real Monasterio del Escorial

Хуан Баутиста дель Маино.
Поклонение пастухов. Ок. 1612

*Juan Bautista del Maíno.
Adoración de los pastores. Circ. 1612.*

Луис де Моралес.
Скорбящая Богоматерь. 1570-е

*Luis de Morales.
Madre Dolorosa. 1570.*

Хусепе де Рибера.
Св. Иероним и Ангел. 1626

*José (Jusepe) de Ribera.
San Jerónimo y el ángel. 1626.*

Франсиско де Сурбаран.
Св. Лаврентий. 1636

*Francisco de Zurbarán.
San Lorenzo. 1636.*

Бартоломе Эстебан Мурильо.
Непорочное Зачатие («Уолпола»). Ок. 1680

*Bartolomé Esteban Murillo .
La Inmaculada Concepción ("Walpole"). Circ. 1680.*

Хуан дель Кастильо. Встреча Марии
и Елизаветы. Ок. 1630–1635

*Juan del Castillo. La Visitación.
Circ. 1630–1635.*

Алонсо Кано. Распятие. Ок. 1636–1638

*Alonso Cano. Cristo en la cruz.
Circ. 1636–1638.*

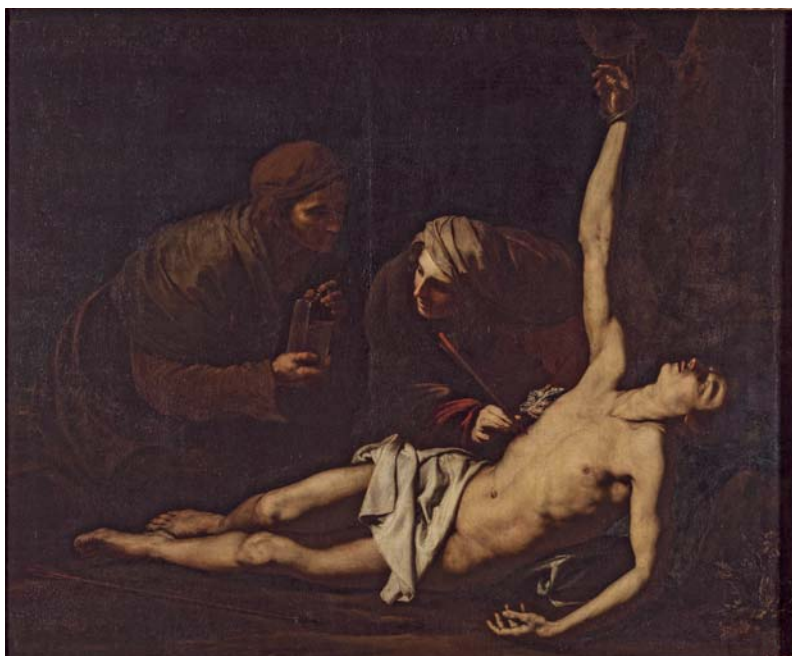

Бартоломе Эстебан Мурильо.
Раскаяние св. Петра. Ок. 1650

*Bartolomé Esteban Murillo.
San Pedro en lágrimas. Circ. 1650.*

Бартоломе Эстебан Мурильо. Отдых Св. Семейства на пути в Египет. Ок. 1665
Bartolomé Esteban Murillo. Descanso de la Sagrada Familia en la huida a Egipto. Circ. 1665.

Хусепе де Рибера. Св. Себастьян и св. Ирина. 1628
José (Jusepe) de Ribera. San Sebastián y Santa Irene. 1628.

Бартоломе Эстебан Мурильо.
Св. Иоанн Креститель с ягнцем.
Копия XVIII в.

*Bartolomé Esteban Murillo. San Juan
Bautista y el cordero. Copia del siglo XVIII.*

Диего де Веласкес. Портрет графа-герцога
Оливареса. Ок. 1617

*Diego Velazquez. El Conde-Duque Olivarez.
Circ. 1617.*

Диего Веласкес.
Портрет папы Иннокентия X. 1660.

*Diego Velázquez.
El retrato del Papa Inocencio X. 1660.*

Карл Брюллов.
Портрет Микельанджело Ланчи. 1851.

*Karl Briulov.
El retrado de Miguel Angel Lanci. 1851.*

КАРЛ БРЮЛЛОВ И ДИЕГО ВЕЛАСКЕС
KARL BRIULOV Y DIEGO VELÁZQUEZ

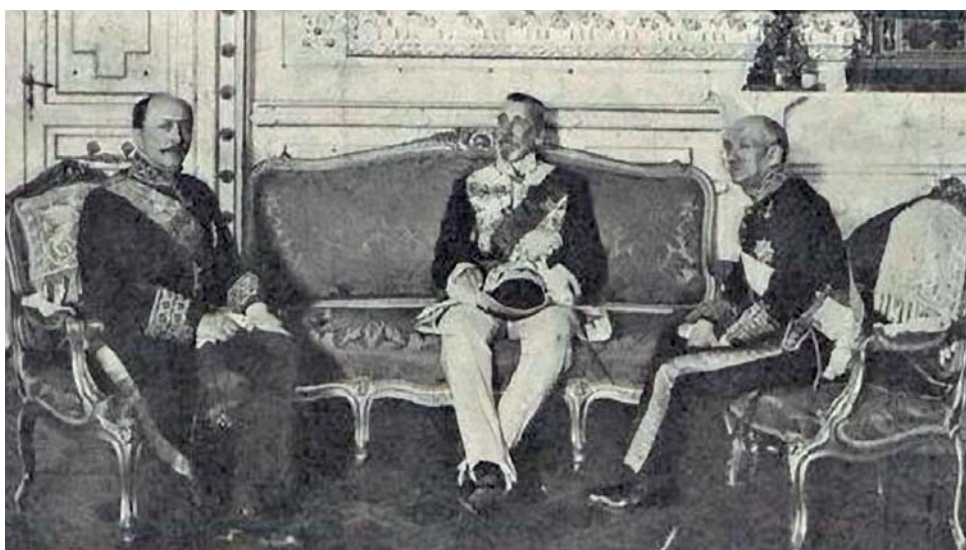
Великий князь Борис Владимирович
и король Испании Альфонс XIII.
Мадрид. 1908

*El Gran Duque Borís y el Rey de España
Alfonso XIII. Madrid, 1908.*

И.А. Кудашев (слева) перед церемонией
вручения верительных грамот.
Мадрид. Май 1916

*Iván Kudáshev (izquierda) antes de la ceremonia
de entrega de las cartas credenciales.
Madrid. Mayo, 1916.*

А.В. Неклюдов (в центре) в резиденции премьер-министра. Мадрид. Июль 1917
Anatoli Nekliúдов (centro) en la Presidencia del Consejo de Ministros. Madrid. Julio, 1917.

Марселино Паскуа
Marcelino Pascua

Дети войны
Los niños de la guerra

Антонио Родригес Луна. Гражданская война в Испании. 1937
Antonio Rodríguez Luna. La Guerra Civil Española. 1937.

С.А. Богомолов вручает
верительные грамоты
королю Испании Хуану
Карлосу I. Май, 1977

*Serguéi Bogomólov entrega
las cartas credenciales a Juan
Carlos I. Mayo, 1977.*

Министр иностранных
дел СССР А.А. Громыко
(справа) на приеме
у короля Испании Хуана
Карлоса I. Ноябрь, 1979

*Juan Carlos I y el Ministro
de Asuntos Exteriores de
la URSS, Andréi Gromyko
(derecha). Noviembre, 1979.*

Ю. В. Дубинин,
Ф. Гонсалес,
А. А. Громыко

*Felipe González,
Yuri Dubinin,
Andréi Gromyko*

Король Испании Хуан Карлос I и королева София с генеральным секретарем ЦК КПСС К.У. Черненко. Москва, май 1984

Juan Carlos I y doña Sofía con el secretario general del Comité Central de PCUS, Konstantín Chernenko. Moscú, mayo, 1984.

Президент СССР и король Испании Хуан Карлос I обходят строй почетного караула. Мадрид, октябрь 1990

El Presidente de la URSS, Mijail Gorbachov, durante su visita a España junto a Juan Carlos I. Madrid, octubre, 1990.

Визит короля Испании Хуана Карлоса I в Москву, встреча с президентом России Б.Н. Ельциным. Май 1999

Juan Carlos I y el presidente de Rusia, Borís Yéltsin, en Moscú. Mayo, 1999.

Король Испании Хуан Карлос I и президент России В.В. Путин.
Мадрид. Июнь 2000

*Juan Carlos I y el Presidente de Rusia, Vladimir Putin.
Madrid, junio, 2000.*

Президент России В.В. Путин и председатель правительства Испании Х.М. Аснар
Пресс-конференция.
Май 2001

*El presidente del Gobierno de España, José María Aznar, y el Presidente de Rusia, Vladimir Putin, en una rueda de prensa.
Mayo, 2001.*

Принц Астурийский Фелипе и президент России В.В. Путин на встрече в Кремле.
Февраль 2002

El Príncipe de Asturias y el Presidente de Rusia, Vladimir Putin. Kremlin, febrero, 2002.

Принц Астурийский Фелипе подписывает акт об открытии Института Сервантеса. Москва, февраль 2002

El Príncipe de Asturias firma el Acto de la Inauguración del Instituto Cervantes en Moscú, febrero, 2002.

Министр иностранных дел И.С. Иванов и Принц Астурийский Фелипе в Институте Сервантеса. Москва, февраль 2002

El Ministro de los Asuntos Exteriores de Rusia, Ígor Ivanov, y el Príncipe de Asturias. Moscú, febrero, 2002.

День испанского языка в Институте Сервантеса в Москве
El Día E en el Instituto Cervantes de Moscú

Председатель
правительства Испании
Х.Л. Родригес Сапатеро
и президент России
В.В. Путин.
Сочи, сентябрь 2007

*El presidente del Gobierno
de España, José Luis
Rodríguez Zapatero,
y el Presidente de Rusia,
Vladimir Putin.
Sochi, septiembre, 2007.*

Президент России Д.А. Медведев
и король Испании Хуан Карлос I.
Санкт-Петербург, февраль 2011

*El Presidente de Rusia,
Dmitri Medvédev, y Juan Carlos I.
San Petersburgo, febrero, 2011.*

В.В. Путин, Пласидо Доминго
и Хосе Каррерас.
Ново-Огарево, декабрь 2012

*Vladimir Putin, Plácido Domingo
y José Carreras.
Novo-Ogarevo, diciembre, 2012.*

Председатель правительства Испании Х.Л. Родригес Сапатеро и посол РФ в Испании А. Кузнецов

El presidente del Gobierno de España, Jose Luis Rodriguez Zapatero, y el embajador de Rusia en España, Alexánder Kuznetsov

Председатель правительства Испании М. Рахой и президент России В.В. Путин.
Санкт-Петербург, сентябрь 2013

*El presidente del Gobierno de España, Mariano Rajóy, y el Presidente de Rusia, Vladímir Putin.
San Petersburgo, septiembre, 2013.*

Посол Испании в России Х.И. Карвахаль Гарате,
министр иностранных дел России С.В. Лавров,
король Испании Хуан Карлос I,
министр иностранных дел Испании Х.-М. Гарсия Маргальо,
зам. директора МИД России А.Ю. Мешков и посол России в Испании Ю.П. Корчагин.
Мадрид, март 2014

*El embajador de España en Rusia, José Ignacio Carbajal-Gárate,
el ministro de Asuntos Exteriores de Rusia, Serguéi Lavrov,
Juan Carlos I, el ministro de Asuntos Exteriores de España,
José-María García Margallo, el vice-ministro de Asuntos Exteriores de Rusia,
Alexéi Meshkov, el embajador de Rusia en España, Yuri Korchagin.
Madrid, marzo, 2014.*

Король Испании Филипп VI, президент ФИФА Джанни Инфантино
и председатель правительства РФ Дмитрий Медведев.
Москва, июль 2018

*Felipe VI, el presidente de FIFA, Gianni Infantino,
y el presidente del Gobierno de Rusia, Dmitri Medvédev.
Moscú, julio, 2018.*

viajan las voces
del pasado al presente
se hacen historia

Abel Murcia

ESPAÑA y RUSIA:
DIPLOMACIA Y DIÁLOGO DE CULTURAS
TRES SIGLOS DE RELACIONES

Esta publicación ha sido posible gracias a la Cooperación Española a través de la Agencia de Cooperación Internacional para el Desarrollo (AECID).

El contenido de la misma no refleja necesariamente la postura de la AECID.

Catálogo general de publicaciones oficiales de la Administración General del Estado;

<https://publicacionesoficiales.boe.es> NIPO: 502-18-077-3 NIPO en línea: 502-18-078-9

D.L.: M-36285-2018

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Consejo editorial:

Olga Volosyuk (directora), Ekaterina Yúrchik, Ángel Viñas,
Concepción Camarero Bullón, Francisco Fernández Izquierdo,
José Ramón Urquijo Goitia, Piotr Yákovlev, Vsévolod Bagnó,
María Karaúlova (secretaria)

Испания и Россия: дипломатия и диалог культур. Три столетия отношений.
España y Rusia: diplomacia y diálogo de culturas. Tres siglos de relaciones. /
Olga Volosyuk (dir.). — Moscú: Indrik, 2018. — 928 p.: il.

ISBN 978-5-91674-528-3

Esta publicación, de carácter académico, ofrece, de la mano de especialistas rusos y españoles, una visión de conjunto de la historia de las relaciones hispano-rusas — diplomáticas, económicas y científico-culturales—. En sus páginas, se presta particular atención a las cuestiones relacionadas con la recepción cultural, al análisis de los paralelismos creativos en España y Rusia, a la historia del pensamiento, y a los temas artísticos. La edición es bilingüe y está dirigida tanto a especialistas del ámbito de las ciencias humanas y sociales, como a todos aquellos lectores interesados por las relaciones hispano-rusas.

© Edición, Agencia Española de Cooperación Internacional para el Desarrollo (AECID), 2018

© Texto, autores, 2018

© Universidad Nacional de Investigación "Escuela Superior de Economía", 2018

© Editorial «Indrik», maquetación y publicación, 2018

ISBN 978-5-91674-528-3

INDÍCE

TRES SIGLOS DE DIÁLOGO	455
PRESENTACIÓN	457
Ignacio Ybáñez Rubio	457
Yuri Korchagin	459

PARTE I. EL ZARATO DE RUSIA Y LA ESPAÑA DE LOS AUSTRIAS EN LOS SIGLOS XVI–XVII

El Gran Ducado de Moscovia y las primeras noticias sobre España	Vladímir Védiushkin	461
Mito e imagen de Rusia en la España de los siglos XVI y XVII	Francisco Fernández Izquierdo	469
El mapa de Claudio Ptolomeo	Enrique Rojo Fernández	473
<i>Rerum Moscoviticarum Comentarii</i> , la obra de Sigismund von Herberstein	Enrique Rojo Fernández	476
Moscú en <i>Rerum Moscoviticarum Comentarii</i> de Sigismund von Herberstein	Enrique Rojo Fernández	482
Dos naciones en busca de un encuentro: Rusia y España en las relaciones internacionales del siglo XVII	Vladímir Védiushkin	483
Las noticias de España en los <i>courantes</i> rusos	Vladímir Védiushkin	486
Los primeros contactos diplomáticos: Andréi Vinius	Vladímir Védiushkin	490
Los diplomáticos rusos en España: Yákov Dolgorukov	María Karaúlova	492
Rusia en la literatura española del siglo XVII	Pedro García Martín	494
Rusia en los archivos españoles: el Archivo General de Simancas	Julia Teresa Rodríguez de Diego	499
España en los archivos rusos: el Archivo Estatal Ruso de Documentos Antiguos [RGADA]	Vladímir Védiushkin	500

PARTE II. LOS BORBONES Y LOS ROMANOV EN EL SIGLO XVIII

“Abrir una ventana a Europa”: Pedro el Grande y el establecimiento de las relaciones diplomáticas con España	Olga Volosyuk	505
Los diplomáticos españoles en Rusia: el duque de Liria	Iván Lázaro Urdiales	510
Zinóviev y Floridablanca: un diplomático y un ministro	Olga Volosyuk	513
Planos españoles para la Gran Duquesa de Rusia: los Sitios Reales de jornada	Concepción Camarero Bullón	521
Los jesuitas entre España y Rusia	Irina Veselova	527
Lazos comerciales: entre el Báltico y el Mediterráneo	Olga Volosyuk	534
Españoles al servicio de Rusia: José de Ribas	Vsévolod Bagnó	541

Espanoles y rusos en el Pacífico	Olga Volosyuk	545
La imagen de Rusia en España en el siglo XVIII	María Victoria López-Cordón Cortezo	553
José Cadalso y Rusia	Francisco Castilla Urbano	559
Tres rusófilos españoles de finales del siglo XVIII	María Victoria López-Cordón Cortezo	563
Los diplomáticos españoles en Rusia: el marqués de Almodóvar	Iván Lázaro Urdiales	566
La imagen de España en Rusia en el siglo XVIII	Ekaterina Yúrchik	573
La literatura española en Rusia en el siglo XVIII	Kiril Korkonósenko	581
El Lulismo ruso como fenómeno cultural	Vsévolod Bagnó	589

PARTE III. LA MONARQUÍA ESPAÑOLA Y EL IMPERIO RUSO EN EL SIGLO XIX

Rusia y España en la época de las Guerras napoleónicas	Ekaterina Yúrchik	593
Los soldados españoles en el ejército ruso de 1812	Alexánder Sagomonyán	599
Los decembristas y la revolución española de 1820	Ekaterina Yúrchik	602
Espanoles al servicio de Rusia: Juan Van Halen	Ekaterina Yúrchik	604
Un testigo de la sublevación decembrista: Juan Miguel Páez de la Cadena, ministro de España en Rusia	Ekaterina Yúrchik	611
Espanoles al servicio de Rusia: Agustín de Betancourt	Concepción Camarero Bullón, Olga Volosyuk	616
Isabel II ante Rusia: de la ruptura al reconocimiento	José Ramon Urquijo Goitia	623
Juan Valera: un diplomático-escritor en Rusia	Vsévolod Bagnó	627
“¡Ni que fuese Osuna!”	Ariadna Petrova	628
“Descubrimiento ruso” de España en el siglo XIX	Ekaterina Yúrchik	633
Rusia en los archivos españoles: el Archivo Histórico Nacional	José Luis Clares Molero	640
España en los archivos rusos: el Archivo de la Política Exterior del Imperio Ruso	Ekaterina Yúrchik	641
La colección de pintura española del Ermitage Imperial	Liudmila Kagané	643
La pintura española en las colecciones privadas de San Petersburgo	Liudmila Kagané	649
Los primeros estudios sobre el arte español en Rusia	Ana Morózova	655
Karl Briulov y Diego Velázquez	Ana Morózova	656
La literatura española en la traducción rusa del siglo XIX	Kiril Korkonósenko	661
El Quijotismo ruso como fenómeno cultural	Vsévolod Bagnó	667
<i>La revolución y la novela en Rusia</i> de Emilia Pardo Bazán	Vsévolod Bagnó	676

PARTE IV. LA CRISIS DEL SIGLO XX Y LOS DESTINOS DE LAS DINASTÍAS

La Primera Guerra Mundial y las crisis políticas en Rusia y España	Josep Puigsech Farràs	681
La Revolución de Octubre en la prensa española	Ekaterina Yúrchik	682
Los destinos de las dinastías en la Gran Guerra: Alfonso XIII y Nicolás II	Irina Veselova, Alexánder Glázov	686
La generación del 98 y Rusia	Kiril Korkonósenko	691

<i>El Mundo del Arte</i> y el mundo del arte español	Ana Morózova	691
<i>Los Ballets Rusos de Diáguilev</i> en España	Vsévolod Bagnó	700
Maximilian Voloshin y España	Vsévolod Bagnó	702
Las relaciones culturales entre la URSS y España: los primeros pasos	Tamara Veprétskaya	706

PARTE V. LA URSS, LA SEGUNDA REPÚBLICA ESPAÑOLA Y EL ESTADO FRANQUISTA

Petróleo y política: el difícil camino de las relaciones entre la URSS y España	Ángel Viñas	713
Marcel Rosenberg y la diplomacia soviética durante la guerra civil	Vera Malay	717
Los diplomáticos soviéticos en España: Vladímir Antónov-Ovsényenko	Josep Puigsech Farràs	720
Los diplomáticos soviéticos en España: Serguéi Márchenko	Ángel Viñas	723
Los aviadores soviéticos en la guerra civil Barreraespañola	David Íñiguez Gràcia, David Gesalí ...	724
Oro español, guerra civil y ayuda soviética	Ángel Viñas	728
Los diplomáticos españoles en la URSS: Marcelino Pascua	Ángel Viñas	730
España en los archivos rusos: el Archivo Estatal Ruso de Historia Sociopolítica	Alexánder Glázov	733
Los comunistas españoles y la URSS	Fernando Hernández Sánchez	734
La URSS en la España republicana: la imagen y el «mito» de la modernización	Javier Navarro Navarro	737
La Segunda República y la URSS: las relaciones culturales y científicas	Tamara Veprétskaya	743
<i>El Grupo de Praga</i> del Teatro de Arte de Moscú en España	Marina Litávrina	746
<i>La Donación del Pueblo Español</i>	Tamara Veprétskaya	750
“Los niños de la guerra” en la URSS	Magdalena Garrido Caballero	751
Los artistas republicanos y el exilio en la URSS	Miguel Cabañas Bravo	755
<i>Radio Moscú</i> y <i>La Pirenaica</i> : radiodifusión soviética para España	Alexánder Glázov	760
La URSS y el Estado franquista: de la hostilidad al acercamiento	Alexánder Sagomonyán	764
La División Azul en la URSS	Alexánder Glázov	765
Fútbol en vez de política	Georgy Filátov	770
Las relaciones comerciales entre la URSS y España en la época de Franco	Georgy Filátov	773
Olvidarse de política: los primeros turistas soviéticos en España	Georgy Filátov	776

453

PARTE VI. LA ESPAÑA DE LA TRANSICIÓN Y LA URSS

La apertura internacional de la España democrática y las relaciones con la URSS	Carlos Sanz Díaz	781
Los diplomáticos soviéticos en España: Serguéi Bogomólov	Ala Borzova	784
La primera visita del rey de España a la URSS	Sergey Khenkin	788

El establecimiento de relaciones diplomáticas en 1977: páginas desconocidas	Alexánder Orlov	791
Los diplomáticos españoles en la URSS: Juan Antonio Samaranch	Jorge Mestre Jordá	796
Los diplomáticos soviéticos en España: Yuri Dubinin	Ala Borzova	798
El impacto de la <i>perestroika</i> en las relaciones hispano-soviéticas	Carlos Sanz Díaz	799
De «Sovhispan» a las empresas mixtas	Alina Shcherbakova	805
Asociaciones de Amistad con la URSS en España	Magdalena Garrido Caballero	809
El cine soviético en la Transición española	Pedro García Martín	811
La diplomacia científica en el diálogo hispano-soviético	Olga Volosyuk	813
La Fundación <i>Alexánder Pushkin</i> en España	Alexánder Chernosvitov	820
La diplomacia cultural en la Transición	Tamara Veprétskaya	821
El arte español en la URSS: exposiciones de pintura	Ana Morózova	823
Los genios de la cultura: Maya Plisétskaya y España	Tamara Veprétskaya	826

PARTE VII. LA NUEVA RUSIA Y ESPAÑA EN EL SIGLO XXI

De la Rusia soviética a la Rusia democrática: las relaciones diplomáticas con España	Ala Borzova, Leila Bujarmédova	829
Los diplomáticos rusos en España: Igor Ivanov	Ala Borzova	830
Primera visita del presidente Vladímir Putin a España	Ala Borzova	836
Rusia y España: un diálogo político para el nuevo siglo	Piotr Yákovlev	838
Los diplomáticos españoles en Rusia: José Ignacio Carbajal Gárate	Jorge Mestre Jordá	842
Las relaciones económicas hispano-rusas en el siglo XXI	Piotr Yákovlev	847
Las corporaciones transnacionales españolas en Rusia	Piotr Yákovlev	850
Las imagen de Rusia en la prensa española a principios del siglo XXI	Olga Pirozhenko, Ekaterina Yúrchik	856
Los Años Duales y la diplomacia cultural	Leila Bujarmédova	860
El Instituto Cervantes en Rusia	Abel Murcia Soriano, Tatiana Pigaríova	862
Los genios de la cultura: Mstislav Rostropovich y España	Tamara Veprétskaya	867
El arte español en Rusia: exposiciones de pintura	Ana Morózova	868
Los genios de la cultura: Plácido Domingo y José Carreras en Rusia	Tamara Veprétskaya	870
La diplomacia científica: los encuentros académicos	Ekaterina Yúrchik	872
“Tres siglos de diálogo”: investigaciones académicas	Olga Volosyuk, Ekaterina Yúrchik	874

ANEXOS

Bibliografía selecta	879
Índice de ilustraciones	905
Autores	921

TRES SIGLOS DE DIÁLOGO

En el diálogo histórico, las fechas memorables invitan a pensar en la esencia de las tradiciones, en el significado del patrimonio. En la crónica de las relaciones entre Rusia y España, una de esas fechas es el año 1723, año del establecimiento de relaciones diplomáticas permanentes. Fue entonces, cuando el príncipe Serguéi Golitsyn presentó a Felipe V sus cartas credenciales como embajador del emperador de Rusia. En aquella época, tras la Paz de Utrecht y acabada la Guerra del Norte, España y Rusia revisaron los principios de su política exterior y ampliaron las relaciones internacionales de ambos países. Las relaciones hispano-rusas adquirieron así un nuevo valor y se establecieron misiones diplomáticas permanentes en Madrid y San Petersburgo. Fue el comienzo de un diálogo político que duraría trescientos años y también del diálogo de dos grandes culturas. Este libro trata de esos diálogos.

Esta historia, sin embargo, empezaría mucho antes, con aquellos primeros contactos del siglo XVI y el intento, en 1667, de establecer relaciones. Haría falta un largo período de “reconocimiento” mutuo, en el que la inestabilidad de los lazos diplomáticos se llenaría de extrañas ideas sobre realidades exóticas lejanas, ya fueran rusas o españolas. Solo una vez alcanzada una comunicación directa entre ambos pueblos, los mitos darían paso a una información fiable y el “desconocimiento” pasaría a ser “conocimiento”.

La historia de las relaciones diplomáticas entre España y Rusia es la historia de una búsqueda de vías de encuentro basada en una comprensión gradual de los intereses comunes y de la importancia de la cooperación, imposible sin la simpatía mutua de los pueblos y sin el intento de profundizar en el conocimiento constante del “otro”. En 1845, cuando se interrumpió la comunicación oficial entre ambos Estados, Vasily Botkin se “aventuraría” en “un país como apartado de Europa” y en sus *Cartas* “les descubriría” España a sus compatriotas. En España, el interés por Rusia, su cultura y su gente siguió vivo en los difíciles tiempos de la Revolución. Las radicales reformas políticas, la nueva cultura social y artística del País de los Soviets atraerían a unos y alarmarían a otros españoles tanto en la década de 1920, como a finales de la década de 1960. En 1977, cuando en España el régimen de Franco ya había empezado a verse como algo del pasado, diplomáticos y políticos de ambos países establecieron nuevas relaciones diplomáticas aprovechando la experiencia acumulada en los contactos culturales y económicos mantenidos durante los cuarenta años de aislamiento político.

En la historia de las relaciones hispano-rusas, las voces de aquellos individuos que han reunido en su propia persona los destinos de ambos países siempre han sido escuchadas con atención. En la que sería su segunda patria, se recuerda con

gratitud y reconocimiento a Osip Mijáilovich de Ribas y a Avgustín Avgustínovich Betancourt — escritos así, con los nombres en ruso — patronímico incluido — y los apellidos en español: dos españoles al servicio de Rusia. El drama de la guerra civil española volvería a poner en contacto a ambos pueblos, y muchos de los ciudadanos soviéticos que participaron en ella llevarían a partir de entonces y hasta el final de sus días a “España en sus corazones”. Otra página importante de esa historia común sería la escrita por los “niños de la guerra”, cuyos destinos estuvieron unidos a los del pueblo ruso durante más de medio siglo. Diplomáticos, viajeros, escritores, artistas, militares, inmigrantes e incluso prisioneros de guerra volvieron a casa, ya fuera a España o a Rusia, con impresiones personales del otro país, que pronto serían un legado para sus contemporáneos y para las generaciones venideras que impregnaría sus ideas de una autenticidad incuestionable.

La cultura jugaría un gran papel en la creación de la imagen mutua de España y Rusia, que recogería la experiencia común y la experiencia individual de la percepción de una y otra realidad. El destino ruso de Don Quijote es algo más que la versión nacional de un proceso cultural de orden global, es uno de los pocos ejemplos en el ámbito de la historia de la cultura de la conversión de un fenómeno literario de carácter particular —de un único país— en factor determinante y dominante de la vida cultural y social de otro. Diplomáticos y mecenas de arte, cuyas colecciones engrosaron la colección española del Ermitage, transmitieron su interés por la pintura española a generaciones de historiadores del arte, artistas y público ruso en general. Los descubrimientos estéticos de los antiguos maestros españoles se convirtieron en fuente de inspiración para los experimentos de los miembros del grupo artístico *Mundo del arte*. El diálogo creativo hispano-ruso supera las fronteras estatales y enriquece las culturas nacionales. “¿De dónde me viene esa pasión por España?” escribió en su libro la gran bailarina rusa Maya Plisétskaya. ¿Una coincidencia o el destino?” Hoy, tres siglos más tarde, esos dos pueblos, el ruso y el español, continúan comunicándose no solo en español o en ruso, sino también en el lenguaje del arte, de la ciencia, de la economía... El diálogo se encuentra en la base de esa generosidad política que España y Rusia muestran al mundo y que resulta tan extremadamente importante para mantener la estabilidad en Europa en este principio de siglo. Y no solo en Europa.

Este libro es el testimonio de ese diálogo.

Para llegar hasta aquí han sido necesarios el apoyo y el trabajo de algunas personas e instituciones sin las que todo habría resultado algo más difícil, y a las que queremos expresar nuestro agradecimiento. A la Embajada del Reino de España en la Federación de Rusia, y, en particular, al Consejero Cultural y de la Cooperación, Álvaro de la Riva Guzmán de Frutos, por animarnos a afrontar este reto. A nuestros queridos amigos españoles, los profesores Carlos Sanz Díaz, Javier Navarro Navarro y Francisco Castilla Urbano, por sus valiosas sugerencias con los textos. A nuestro querido Instituto Cervantes de Moscú y, de forma muy especial, a su director Abel Murcia Soriano, cuya aportación ha sido fundamental. A medida que iban naciendo los textos, él los ha ido leyendo y aportando precisiones, recomendaciones, comentarios, con una paciencia y dedicación que solo puede ser fruto de una buena amistad.

El consejo editorial

Querido lector:

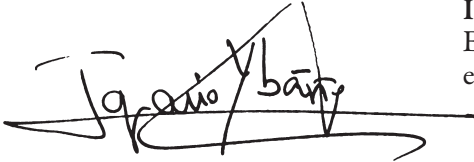
Me es grato darte la bienvenida a este libro que acabas de abrir, y que viene dedicado a la conmemoración del 350 aniversario del primer contacto diplomático entre Rusia y España, y el 40 aniversario del restablecimiento de las relaciones diplomáticas entre la URSS y España.

Como podrás comprobar, el libro trata con gran cariño y rigor académico la historia de las relaciones entre España y Rusia, y arroja luz sobre muchos curiosos episodios y sobre algunos de los personajes que contribuyeron a tejer nuestras relaciones, como podrían ser el ingeniero Agustín de Betancourt o la gran bailarina Maya Plisétskaya.

Afortunadamente, nuestra historia común no se compone de guerras y conflictos, sino que es más, podría decirse, un relato sentimental de una curiosidad mutua, con la que se va forjando una admiración recíproca, y una cierta complicidad basada en el descubrimiento de que españoles y rusos tenemos tanto en común, que casi podemos hablar de “historias paralelas en la distancia”. España y Rusia se encuentran en extremos periféricos del continente Europeo, y como tal, en ambos casos contamos con un importante legado musulmán en nuestra historia, levantamos imperios de dimensiones continentales, padecemos nuestras respectivas “Leyendas Negras” que nos siguen persiguiendo, derrotamos a los Ejércitos Napoleónicos con la determinación de nuestros pueblos pero también nos desgarramos internamente entre modernizadores y tradicionalistas (occidentalistas y eslavistas, en terminología rusa), y sufrimos devastadoras guerras civiles en el siglo XX. Nuestra única y fugaz declaración de guerra fue por un asunto mediterráneo —la orden de Malta—, y no generó un solo disparo; mientras que pocas décadas después rusos y españoles se encontraban amistosamente en los confines de sus imperios, en la lejana costa de Oregón.

Creo que este magnífico libro es testimonio de que ese interés y curiosidad mutuos sigue existiendo, y constituye una base fértil para seguir desarrollando y profundizando nuestras relaciones bilaterales. A los literatos, ingenieros, músicos o diplomáticos de antaño, hay que añadir ahora

el millón y medio de turistas rusos que nos visitan cada año, el importante número de empresas de ambos países que desean desarrollar relaciones comerciales y económicas, el creciente número de rusos y españoles que aprenden respectivamente el español y el ruso y los prometedores lazos establecidos entre las Universidades rusas y españolas, sin olvidar los lazos que van surgiendo entre nuestros jóvenes. A fin de cuentas, es a nosotros, los rusos y los españoles de hoy, a quienes nos corresponde escribir los siguientes capítulos de la historia de nuestras relaciones. El reto que tenemos por delante es el de aprovechar ese legado de simpatía mutua en una sólida relación con una multiplicidad de intereses compartidos. Y ese es el camino que ahora transitamos juntos.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Ignacio Ybáñez', with a long horizontal flourish extending to the right.

Ignacio Ybáñez
Embajador del Reino de España
en la Federación de Rusia

Queridos lectores:

El libro que tienen ante sus ojos es el fruto del minucioso trabajo de eminentes historiadores rusos y españoles. La publicación está dedicada a una fecha memorable: los 300 años del establecimiento de los contactos diplomáticos permanentes entre Rusia y España en 1723. Estoy seguro de que este hecho es una buena razón para repasar una vez más la rica historia de las relaciones ruso-españolas, que nacieron hace quinientos años gracias al intercambio de las “cartas amistosas” entre el Gran Príncipe de Moscú Basilio III y el Rey de España, el Emperador del Sacro Imperio Romano Carlos V, con una propuesta de amistad y cooperación.

Durante siglos nuestras relaciones han pasado por periodos tanto de retroceso como de auge, pero siempre ha unido a rusos y españoles una profunda y mutua simpatía. Y no sin motivo. Desde hace tiempo, son muchas las voces que han llamado la atención sobre la semejanza entre el carácter ruso y el carácter español. Cito un extracto de un poema de un colega mío, diplomático de la Embajada rusa en Madrid, quien en 1861 escribió lo siguiente:

Al estudiar a los españoles,
Llego a la conclusión
De que a excepción de las granadas frescas,
Todo lo demás lo tenemos en casa.

Hoy en día vemos una positiva dinámica de fortalecimiento continuo de nuestra amistad: el diálogo político y diplomático se lleva a cabo plenamente, la cooperación económica e industrial se desarrolla con éxito, se realizan proyectos humanitarios importantes. Sólo en 2017 —marcado al mismo tiempo por varias fechas conmemorativas (el 40° aniversario del restablecimiento de relaciones diplomáticas y el 350° aniversario de la llegada a España de la primera embajada rusa) así como por la conclusión del Año Dual de Turismo— se celebraron centenares de eventos oficiales,

científicos, sociales y culturales. Tan buena experiencia facilitará, sin ninguna duda, la intensificación de nuestra polifacética interacción.

Una faceta tradicionalmente importante, parte integrante de las relaciones entre nuestros países, son los lazos culturales, y me alegro de que gracias a este libro los lectores tengan la oportunidad de conocer hechos poco conocidos de la historia de la influencia cultural y espiritual mutua, familiarizarse con la inapreciable aportación de personajes de las artes, las ciencias, la diplomacia, y las letras al desarrollo de las relaciones entre los dos países.

Estoy seguro de que esta obra fundamental encontrará a su agradecido lector y será útil tanto a los especialistas en el ámbito de las relaciones ruso-españolas como a todos los aficionados a la historia.

A handwritten signature in black ink, consisting of a large, stylized letter 'Y' followed by a series of loops and a long, sweeping tail that extends downwards and to the right.

Yuri Korchagin
Embajador de la Federación de Rusia
en el Reino de España

EL ZARATO DE RUSIA Y LA ESPAÑA DE LOS AUSTRIAS EN LOS SIGLOS XVI-XVII

EL GRAN DUCADO DE MOSCOVIA Y LAS PRIMERAS NOTICIAS SOBRE ESPAÑA

El origen de las relaciones hispano-rusas, tanto económicas, como diplomáticas o culturales, no tiene, e incluso no puede tener, un punto de partida bien definido que esté asociado con fechas específicas. Mucho antes de que comenzasen los contactos directos entre los dos países, ambos estaban ya integrados en el sistema de relaciones europeas, y por lo tanto era inevitable que se produjeran contactos siquiera eventuales o a través de terceros. A fines del siglo XV e inicios del XVI, los dos países viven importantísimas transformaciones y pasan a desempeñar un nuevo papel en el sistema de relaciones internacionales de aquel entonces, lo que determina también el aumento de un interés recíproco. A lo largo del siglo XVI, a medida que se iba incrementando la amenaza turca tanto para la Europa Occidental, como para la Central y la Oriental, dicho interés se orienta hacia objetivos políticos concretos: pese a la enorme distancia que separa los dos países, y a las diferencias confesionales, la idea de alianza contra Turquía, a pesar de que no llegara a materializarse, constituía la base de un acercamiento mutuo.

Al analizar los orígenes de los lazos hispano-rusos, los investigadores subrayan la importancia de los contactos comerciales¹ (aunque en aquella etapa eran más bien esporádicos o a través de terceros, que directos y regulares). Algunos rusos capturados por los tártaros de Crimea y vendidos en mercados de esclavos acababan

¹ *Klibánov A.I.* U istokov russko-ispanskikh vzaimosvyazey (80-ye gody XV-XVI v.) (Los orígenes de las relaciones hispano-rusas (desde los años 80 del siglo XV hasta finales del siglo XVI) // Rossiya i Ispaniya: istoricheskaya retrospektiva (Rusia y España: retrospectiva histórica). Moscú: Institut vseobshchey istorii, 1987. P. 7–11.

frecuentemente convertidos en remeros de galeras y, a veces, tras ser liberados por los españoles en contiendas militares, seguían rumbo a España. En honor a la verdad, la información de que ciertos rusos lograban volver desde España a Rusia, procede principalmente del siglo XVII².

La relación de estados europeos incluida en el manuscrito del Cronógrafo de 1512, propiedad del historiador ruso del siglo XIX Mijaíl Pogodin, evidencia que ya a principios del siglo XVI en Rusia se tenía una idea clara tanto de la importancia de España en el sistema de estados europeos, como de cada uno de los territorios integrados en el país. España figura ahí en un alto tercer lugar después del Sacro Imperio Romano y Francia: “Tercero, el Reino Español, estando compuesto por muchos reinos, a saber: reinos de Castilla, de León, de Granada, de Aragón, de Portugal, de Navarra, de Galicia”³.

A pesar de que aún no existía un contacto directo con España, desde finales del siglo XV, Rusia mantenía constantemente contactos con el Imperio. Los embajadores imperiales tenían buen conocimiento de la situación interna de España y, de tiempo en tiempo, “el tema español” aparecía durante sus estancias en Moscú. El ejemplo más espectacular es el relato de Giorgio de la Torre (Georg von Turn; denominado *Delator* en las fuentes rusas) sobre la Inquisición española, que despertó el más vivo interés del arzobispo Guennadi de Nóvgorod, que cruel perseguidor de los herejes rusos como era, vio en los sucesos españoles un ejemplo digno de imitar⁴. Cuando a partir de 1519 el Imperio y los reinos españoles quedaron unidos bajo el poder de Carlos V, la probabilidad de contactos entre Rusia y España, aun cuando fuesen indirectos, aumentó significativamente.

Este mismo periodo destaca por el extraordinario papel de España en los Descubrimientos Geográficos de los siglos XV y XVI. Claro está que Rusia alejada del centro de sucesos, y que aún no había entrado en la época de la imprenta, no podía tener conocimiento de los más recientes descubrimientos tan pronto como los países de Europa Occidental. Los retrasos tenían diferente duración y cabe suponer que en algunos casos no hayan llegado hasta nuestros días las fuentes que reflejen la demora real en la transmisión de la información. Durante un largo período de tiempo, la información incluida por Máximo el Griego en su comentario a las homilias de Gregorio el Teólogo (Nacienceno) fue considerada la primera referencia a la Era de los Descubrimientos hecha en Rusia (a saber, al descubrimiento de América por Colón y al trayecto de los portugueses hacia las Islas Molucas); escrita entre los años 30 y 40

² *Klibánov A.I.* U istokov... P. 11–15. Véase también: *Astákhov M.A.* Russkiye plenniki i raby v Aragonskoy Korone XIV-XV vv. (Cautivos y esclavos rusos en la Corona de Aragón en los siglos XIV–XV) // *Ispaniya i Rossiya: istoricheskiye sud’by i sovremennaya epokha.* (España y Rusia: destinos históricos y actualidad). Moscú: MO, 2017. P. 39–46.

³ *Kazakova N.A.* Zapadnaya Yevropa v russkoy pis’mennosti XV–XVI vekov. Iz istorii mezhdunarodnykh kul’turnykh svyazey Rossii. (Europa Occidental en las fuentes escritas rusas de los siglos XV–XVI. Historia de las relaciones culturales internacionales de Rusia). Leningrado: Nauka, 1980. P. 108–109.

⁴ *Klibánov A.I.* U istokov... P. 19–22, 33.

del siglo XVI, la separan por varios decenios de los acontecimientos que describe⁵. No existen testimonios fiables para establecer si la información sobre los viajes de Colón y Vasco da Gama llegó antes de la noticia recogida en la obra de Máximo el Griego, mientras que se sabe a ciencia cierta que en Rusia se tuvo conocimiento muy pronto del viaje de Magallanes, con la particularidad de que la información procedía de la fuente más informativa: una carta detallada de Maximiliano de Transilvania, secretario de Carlos V. El manuscrito que data de mediados del siglo XVI y se guarda en la Biblioteca Nacional de Rusia contiene, junto a otros textos, la traducción rusa de dicha carta, basada en las conversaciones con los participantes que regresaron de la expedición y en diversos documentos auténticos de la misma, y fue publicada inmediatamente después de los hechos: fechada en octubre de 1522, a contadas semanas del regreso triunfal de la nao *Victoria* a España, salió a la luz en Colonia en enero de 1523, y luego fue reeditada en más de una ocasión e incluida en colecciones populares de diferentes obras sobre la historia de los descubrimientos geográficos. En la carta se expone toda la historia del viaje de Magallanes, se detallan las fechas y la ruta, y se recoge la descripción tanto de los sucesos ocurridos, como de las tierras recientemente descubiertas. El texto, considerado con justicia una de las principales fuentes referentes al viaje de Magallanes, fue traducido del latín, dándose la circunstancia de que el traductor destinó su obra a un amplio círculo de lectores⁶.

El manuscrito fue copiado por Mijaíl Medovártsev⁷, que durante muchos años colaboró con Máximo el Griego. Hay que resaltar aquí que la última información fehaciente sobre este copista data de otoño de 1532⁸. Si la atribución es correcta, se puede suponer que cabría fechar el manuscrito no más tarde de la década de los años 1530, y, en consecuencia, la traducción también. Así las cosas, la traducción habría sido hecha entre 1523 (fecha de la publicación del original) y mediados de 1530 (fecha supuesta del manuscrito). Pero ¿cuándo concretamente? En opinión de los investigadores, puede datarse a mediados de la década de 1520⁹. Y teniendo en cuenta que al inicio de la carta se mencionan los descubrimientos de los españoles en América y los de los portugueses en el Océano Índico, es posible que hubiera que adelantar el momento en el que estos acontecimientos fueron conocidos en Rusia de mediados del siglo XVI a los años 20 del siglo.

⁵ Para más detalles véase: *Kazakova N.A. Zapadnaya Yevropa...* P. 129–130.

⁶ Véase la traducción rusa con los comentarios: *Kazakova N.A., Katúshkina L.G. Russkiy perevod XVI v. pervogo izvestiya o puteshestvii Magellana [perevod pis'ma Maksimiliana Transil'vana] (Traducción rusa de la primera noticia sobre el viaje de Magallanes [traducción de la carta de Maximiliano de Transilvania], hecha en el siglo XVI) // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkinski Dom). D.S. Likhachov (Ed.). – T. XXIII: Literaturnyye svyazi drevnikh slavyan (Vínculos literarios de los antiguos eslavos). Leningrado: Nauka, 1968.*

⁷ Lo señala N. Kazakova que se apoya también en la opinión de N. Sinitsina. Véase: *Kazakova N.A. Zapadnaya Yevropa...* P. 145.

⁸ *Dmitriyeva R.P. Medovartsev Mikhail // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vtoraya polovina XIV-XVI v. (Glosario de los bibliófilos y de la escritura de la Rus Antigua. Segunda mitad del siglo XIV — siglo XVI). P. 2. L-YA. Leningrado, Nauka, 1989. P. 111.*

⁹ *Kazakova N.A. Zapadnaya Yevropa...* P. 140–141; *Klibánov A.I. U istokov...* P. 25–26.

Pedro Mártir

Los investigadores se inclinan a asociar la aparición del texto de Maximiliano de Transilvania en Rusia con la historia de las embajadas rusas que visitaron España en 1523, 1525 y 1527¹⁰. En sentido estricto, no eran embajadas al rey español: a Basilio III solo le interesaba Carlos V en cuanto emperador del Sacro Imperio Romano, con el que Rusia en aquel momento, y desde hacía mucho tiempo, mantenía estrechos lazos diplomáticos y culturales. Sin embargo, durante todos aquellos años, Carlos permaneció en España, y las embajadas que iban a verle tenían que dirigirse desde Viena a Valladolid o a Toledo. Al frente de la primera misión estaba el mensajero Yákov Polushkin que entregó a Carlos V una carta firmada

por Basilio III el 26 de junio de 1522¹¹. El *pod'yachiy* (escribano) Yákov Polushkin no fue y no podía ser, debido a su status, embajador, sin embargo, sí fue, al parecer, el primer diplomático ruso que visitó España por encargo del zar. En una carta de 27 de febrero de 1523, Pedro Mártir de Anglería, famoso humanista italiano al servicio de España, describe la recepción que se le ofreció a Polushkin en la Corte de Carlos V en Valladolid e incluye en su texto la traducción latina de la carta (cuyo

¹⁰ El artículo de Amada López de Meneses (*López de Meneses A. Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527)* // *Bulletin Hispanique*. 3, 1946. T. 48. P. 210–226) hasta el momento es el único trabajo en el que se analizan las tres embajadas. Menciona también los contactos diplomáticos entre Rusia y Carlos V en 1537, 1548 y 1551, que, sin embargo, al igual que los anteriores, no tuvieron resultados claros, y eso sin mencionar que, a diferencia de las embajadas de 1523, 1525 y 1527, las audiencias tuvieron lugar en otros países.

¹¹ Se ha conservado una carta anterior de Basilio III a Carlos V fechada el 5 de mayo de 1521, pero, siguiendo a A. Lobin que publicó la carta, lo más probable es que no llegara a su destinatario: *Lobin A.N. Poslaniye gosudarya Vasiliya III Ivanovicha imperatoru Karlu V ot 26 iyunya 1522 g.: opyt rekonstruktsii teksta* (Mensaje del soberano Basilio III Ivánovich al emperador Carlos V del 26 de junio de 1522: la experiencia de la reconstrucción del texto) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Peterburgskiyev slavyanskiye i balkanskiye issledovaniya*. 2013. Nº 1. P. 130–141 (en especial, P. 131, 135). De la carta de 1522 se desprende, sin embargo, con certeza que le antecedió una carta de Carlos V a Basilio III. Por lo que es posible deducir, o no se ha conservado, o todavía no está localizada en los archivos, y sigue pendiente el tema de la virtual relación con la carta de 1521 del zar al emperador, esa que supuestamente no habría llegado al destinatario.

original no se ha conservado)¹². En la carta, Basilio propone al emperador que envíe a Moscú a un apoderado que ayude a restablecer las relaciones amistosas que el zar había mantenido con Maximiliano I, abuelo de Carlos V y antecesor suyo en el trono imperial. En 1524, Polushkin, acompañado por el conde Antonio de Conti, embajador del emperador, regresó a Moscú y, el 24 de junio del mismo año, Conti volvería a España en compañía del embajador ruso, el príncipe Iván Zasekin de Yaroslavl. El viaje de esa embajada se prolongó en el tiempo, ya que, debido a las hostilidades en Italia, tras salir de Viena hubo que dar un rodeo pasando por Flandes y, quizá, por Inglaterra. El 29 de abril de 1525, Carlos V recibió solemnemente a la embajada rusa en el alcázar de Toledo. De regreso, la embajada pasó por Barcelona, Tubinga, Viena y Cracovia, y llegó a Moscú en abril de 1526. Por fin, la tercera embajada, también con el príncipe Zasekin al frente, visitó al emperador en Valladolid en 1527.

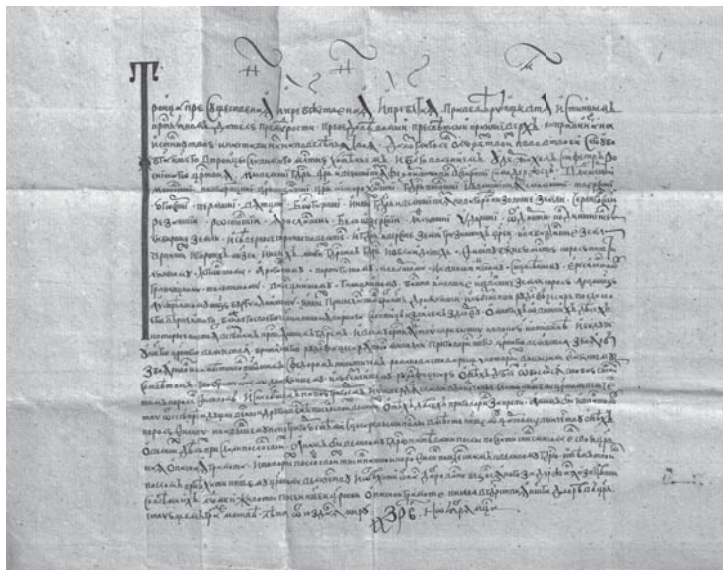
Aunque ninguna de esas embajadas pertenece de hecho a la historia de los contactos diplomáticos hispano-rusos, todas ellas sirvieron al mutuo reconocimiento entre ambos pueblos. No menos importantes fueron los contactos culturales. Primero porque los diplomáticos rusos impresionaron a sus contemporáneos españoles, entre los cuales en 1523 figuraba un observador tan exigente y erudito como Pedro Mártir de Anglería, que se había ganado la reputación de ser el primer historiador de América y que podía contar a los forasteros mucho más cosas que nadie tanto sobre España, como sobre los descubrimientos de ultramar. Segundo, porque los enviados rusos y los intérpretes que los acompañaban transmitían a los oyentes interesados información sobre Rusia que en aquel momento era casi desconocida para los europeos. Y finalmente, porque los diplomáticos, de vuelta a casa, llegaban a Rusia con información importante sobre los países europeos, entre ellos sobre España, y con las obras recién publicadas. Lo más probable es que la edición latina de Maximiliano de Transilvania llegara a Rusia precisamente junto con una de las embajadas “españolas”, sea la de 1523, sea la de 1525¹³.

A veces los contactos de los rusos y los españoles en el siglo XVI podían darse en situaciones un tanto peculiares. Cuando en 1557 el embajador ruso Osip Nepeya fue a Inglaterra, le recibió en Londres María Tudor... y Felipe II de Habsburgo, que era en aquel momento rey de Inglaterra *iure uxoris*, pero también el soberano titular de la Monarquía Católica de España.

¹² Para más detalles sobre esta embajada, además de las obras mencionadas de López de Meneses y de Lobin, véase también: *Alekséev M.P.* Moskovskiy pod'yachiy Ya. Polushkin i italo-ispanskiy gumanist Pedro Mártir (El escribano moscovita Ya. Polushkin y el humanista italo-español Pedro Mártir) // *Alekséev M.P.* Sravnitel'noye literaturovedeniye. Moscú: Nauka, 1983. P. 49–57.

¹³ Según N. Kazakova, el libro pudo haber llegado a Rusia sea con la embajada “española” de 1525, sea con la embajada de Dmitri Guerásimov a Roma de ese mismo año. Sin embargo, más tarde, A. Klibánov adujo convincentes razones a favor de que el libro pudiera haber llegado ya en 1524 con la embajada de Yákov Polushkin. Para más detalles véase: *Kazakova N.A.* Zapadnaya Yevropa... P. 140–145; *Klibánov A.I.* U istokov... P. 25. Esta opinión no contradice lo apuntado por N. Kazakova sobre la posible autoría de Dmitri Guerásimov de la traducción de Maximiliano de Transilvania al idioma ruso.

Salvoconduto para
los embajadores
del zar Fiódor
Ivánovich, 1594.
El Archivo General
de Simancas.

La siguiente etapa de las relaciones hispano-rusas del siglo XVI, relativamente bien documentada en las fuentes rusas, está ligada al nombre de Felipe II. A caballo de la década de los 60 y la década de los 70 del siglo XVI, la amenaza otomana que venía cerniéndose sobre la Europa Occidental desde principios del siglo, empezaría a sentirse claramente en Rusia, que padeció las incursiones devastadores de los tártaros de Crimea. Desde un punto de vista objetivo, ambas partes estaban interesadas en una respuesta militar conjunta contra los turcos, aunque el interés por llegar a una alianza se fue desarrollándose en los dos países a un ritmo diferente: cuando una parte estaba dispuesta a abordar negociaciones directas, las circunstancias de la otra le impedían hacerlo, trátase ya de las elecciones del rey de Polonia, trátase de la falta de deseo de Iván el Terrible para renunciar a los lazos con Inglaterra -enemistada en aquel tiempo con España-, y tan importantes para él, o trátase de las gravísimas consecuencias que para la potencia pirenaica tendría la derrota de la Armada Invencible.

466

Ya en 1576, los embajadores imperiales trataron, en las negociaciones de Moscú, en caso de que triunfara el archiduque Ernesto, candidato imperial para el trono polaco, la posibilidad de crear una gran coalición antiotomana con la participación de Rusia, la Confederación de Polonia-Lituania, el Imperio y España. Esta propuesta interesó a la parte rusa, pero al ser elegido rey Esteban Bathory, el proyecto no llegó a concretarse. La cuestión de esa coalición volvió a ser planteada en tres ocasiones: en 1581, en las negociaciones de Iván IV y el enviado papal Antonio Possevino; en 1585, cuando el embajador ruso ante la Corte del emperador haló el tema con el embajador español Guillén de San Clemente; en 1587, en el momento en el que el trono polaco volvía a quedar vacante y lo pretendían el zar ruso Fiódor Ivánovich y el hermano del emperador Rodolfo II. Aunque ni Rusia, ni el Imperio lograron hacerse con la corona polaca, la alianza con España seguía interesando al Gobierno ruso y, en 1589, Borís Godunov propuso que un

año después el Imperio, España y el Papa enviasen embajadores a Moscú. No hubo respuesta: un año después de la catástrofe de la Armada, a España no le atraía una alianza con Rusia contra los turcos.

El último intento de acordar acciones conjuntas fue abordado a finales de 1593 y a lo largo de 1594, cuando los Habsburgo de Austria mantuvieron la “Guerra larga” contra los turcos. Rusia volvió a manifestar su interés y preparó incluso los salvoconductos (*opasnye gramoty*) para que los embajadores de los supuestos aliados pudiesen llegar a Moscú en la primavera de 1595 con el fin de entablar negociaciones. Esa carta para el embajador español firmada por Fiódor Ivánovich en 1594, que se ha conservado en el Archivo General de Simancas, es el primer documento conocido en que el zar ruso se dirige directamente al rey de España¹⁴ (y no al titular del Sacro Imperio Romano que era a la vez rey de España, como sucedería en la década de 1520). Sin embargo, al final, los embajadores no llegaron: Felipe II, ya muy enfermo en aquel momento (“cargado de años y de dolencia”) y concentrado en los problemas internos y de política exterior, no contestó a la carta.

Los años 70–80 del siglo XVI se caracterizan por un evidente interés de Moscú por España como posible aliada. Los diplomáticos rusos, sobre todo los que regresaban del Imperio y de Italia, incluían regularmente en sus informes — los *stateynye spiski* — información sobre España y sobre las guerras de Felipe II, que en conjunto daba una clara imagen de la potencial aliada, de su capacidad militar y de su política exterior. Merecerían una descripción detallada la victoria de la flota hispano-veneciana sobre los turcos en Lepanto, la anexión de Portugal después de la muerte del rey Sebastián en África (“y no había nadie, que no fuera el rey español, para ser dueño de la tierra portuguesa”¹⁵) y los intentos de los ingleses por devolver el trono a don Antonio, rival de Felipe, la lucha contra los sublevados Países Bajos y la intervención de Inglaterra en la misma, la pérdida de la Armada Invencible y los intentos infructuosos de Felipe II por evitar que Enrique de Navarra subiera al trono francés. En general, se subrayaban constantemente los enormes recursos y el potencial militar de España: “Y el rey español es el más fuerte en hombres y tierras”¹⁶.

Asimismo, atraen la atención de los embajadores algunos acontecimientos y fenómenos de la vida interna de la Monarquía Hispánica. Así, Yákov Molvianinov y Tishina Vasíliev que visitaron en 1582 al emperador y al Papa de Roma destacan la

¹⁴ Véase el texto de la carta: Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Drevney Rossii s derzhavami inostrannymi (Documentos de las relaciones diplomáticas de la Rusia Antigua con las potencias extranjeras). San Petersburgo: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ye.I.V. Kantselyarii. 1851. T. I. Col. 1365–1366. Para más detalles sobre los intentos de creación de una alianza antiotomana con el concurso de Rusia y España véase: *Florya B.N.* Ispaniya vo vneshnepoliticheskikh planakh russkogo pravitel'stva vo vtoroy polovine XVI veka (España en los planes de la política exterior del Gobierno ruso en la segunda mitad del siglo XVI) // Ispaniya i Rossiya: istoricheskiye sud'by... P. 73–76. Acerca del interés de Felipe II por la idea de una alianza antiotomana con Rusia véase: *Egea Fernández M.A.* La primera embajada rusa de Piotr Potiomkin a la Monarquía Hispánica: La renovación del contacto interrumpido u olvidado // Ispaniya i Rossiya: istoricheskiye sud'by... P. 77–84, en especial, P. 80–83.

¹⁵ Pamyatniki... T. I. Col. 891–892.

¹⁶ *Ibid.* T. X. 1871. Col. 27.

Felipe II

intolerancia del rey español respecto a la Reforma protestante: “abomina de los luteranos, ha exterminado a muchos luteranos”¹⁷. Luká Novosiltsev, enviado al emperador en 1584–1585 escribe que Felipe II nombró como sucesor a su sobrino Ernesto, hermano del emperador Rodolfo II, “y no desea poner a su hijo a gobernar el Estado, porque aquél quería matar a su propio padre”¹⁸ — así fue reflejada en el informe del embajador ruso, con un atraso de 17 años, la historia del conflicto entre el rey y su hijo don Carlos, historia que se convirtió en uno de los pilares de la “leyenda negra”.

Aparte de la información que llegaba por canales diplomáticos, también

existían otras fuentes. Las cosmografías y los mapas geográficos, así como los atlas impresos que habían aparecido en Europa Occidental en el último tercio del siglo XVI contenían información muy importante; los mapas propiamente dichos iban acompañados de textos que incluían una breve característica, pero acertada en contenido, sobre los distintos países correspondientes. Aunque las primeras traducciones rusas de los atlas de Ortelius y de Mercator apenas si fueron hechas en el siglo XVII, las numerosas ediciones latinas del atlas de Ortelius y sus traducciones a idiomas europeos podían haber sido usadas en Rusia ya a finales del siglo XVI.

Información parecida por su carácter a los datos de los atlas y cosmografías se encuentra también en otro texto que estaba en uso en la Rusia de la segunda mitad del siglo XVI. Se trata de la *Crónica de todo el mundo* del historiador polaco Marcin Bielski. Editada primero en polaco en 1551 y luego reeditada en más de una ocasión y traducida al ruso, ucraniano y bielorruso, se convirtió rápidamente en las fuentes del Cronógrafo en su versión rusa occidental y así fue como se integró en la tradición cultural rusa. Además de la información sobre la historia de España repartida en diferentes páginas del Cronógrafo (como son, por ejemplo, las guerras de Carlomagno contra los musulmanes españoles, la elección de Carlos de Habsburgo como emperador, las victorias de sus tropas en Pavía y Mühlberg) también contiene

¹⁷ *Ibíd.* T. I. Col. 891.

¹⁸ *Ibíd.* T. I. Col. 951.

un texto compacto, apenas una página, “Sobre Hispania”, que es de indudable interés¹⁹. El autor empieza con la explicación del nombre del país (“por el sitio Hispalis que también aquí llaman Sibilía”), subraya sus grandes dimensiones (“aquella tierra ocupa una gran parte de *Europia*”) y caracteriza su situación geográfica (entre el Atlántico, el Mediterráneo y los Pirineos). Luego sigue un verdadero panegírico del país y de sus habitantes: “Está llena de todos los bienes, rica de pan, tiene en sí mucho oro, plata, orlas, piedras preciosas, es de mesurado calor y frío”²⁰. Encontramos aquí información sobre las invasiones bárbaras en España y sobre la conquista árabe, sobre la división antigua en provincias, y la medieval, en reinos, sobre los descubrimientos de ultramar y sobre los hábitos de los españoles. “Las costumbres de *los hispanos* son: el orden en casa y la hacienda están a cargo de las mujeres, los hombres viven dispuestos a agarrar las armas y practicando ejercicios militares; en los torneos, con sus armaduras, son tenaces, soportan pacientemente el hambre, el frío invernal y otras calamidades, acogen a los huéspedes con respeto, con alegría”²¹. Esta característica de España y las descripciones de otras tierras organizadas de manera similar podían ser accesibles para los diplomáticos rusos, ampliando sus conocimientos sobre el país e influyendo en el lenguaje y el estilo de los informes de los embajadores.

De esa manera, durante el siglo XVI, los diversos contactos entre Rusia y España, inicialmente esporádicos y mayormente indirectos, adquieren un carácter cada vez más regular. Sobre ese trasfondo de creciente interés por la Monarquía Hispánica como poderoso aliado contra los turcos, aumenta en Rusia el volumen de conocimientos sobre España y se va formando una visión más precisa del país. Los cimientos de las relaciones mutuas posteriores, cuyas raíces se plantaron precisamente en aquel tiempo, facilitaron el envío de las primeras embajadas rusas a España en el siglo XVII.

MITO E IMAGEN DE RUSIA EN LA ESPAÑA DE LOS SIGLOS XVI Y XVII

Cuando el cartógrafo Juan de la Cosa dibujó su famoso mapamundi en 1500²², que incorporaba con precisiones notables el perfil de las costas americanas descubiertas por los europeos en 1492 y exploradas en los años siguientes, el intento global de representar el conjunto del orbe conocido, trazó a una escala menor los territorios europeos, africanos y asiáticos²³. En ellos se heredaba la tradición de los portulanos

¹⁹ Polnoye sobraniye russkikh letopisey (Recopilación completa de las crónicas rusas). T. XXII. Parte II. Petrograd: Tip. M.A. Aleksandrova, 1914. P. 230.

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid.*

²² Museo Naval de Madrid. Este mapa, que perdió su vigencia poco después de su elaboración, lo tomamos como mero punto de partida, pues no se reprodujo en publicaciones salvo tras su redescubrimiento y recuperación a finales del siglo XIX.

²³ *Varela Marcos J.* Juan de la Cosa: la cartografía histórica de los descubrimientos españoles. Sevilla: Universidad Internacional de Andalucía, 2011.

Juan de la Cosa. Mapamundi. Un fragmento.

470

mallorquines medievales, pintando en sus territorios algunas ciudades y personajes reales o míticos. Al este de un deformado mar Báltico, se incluyó, en su trono, al *Rey de Rusia*. La localización relativamente certera, con los tártaros al este, fue elaborada con mucho menor detalle que otras zonas remotas e ignotas para el cartógrafo cántabro. La localización que se tenía de una región tan alejada de la península ibérica a principios del siglo XVI era difusa pero certera.

El conocimiento disponible desde tierras españolas de estas regiones septentrionales europeas, en contacto con el enorme continente asiático, se basaba, en primer lugar, en la tradición geográfica clásica de Ptolomeo²⁴ o de Estrabón, recogida en la literatura medieval, cuyos paradigmas fueron ampliamente superados por la constatación de la esfericidad de la Tierra, y con los descubrimientos de españoles y portugueses desde mediados del siglo XV. Los rumbos de las naves ibéricas se habían dirigido hacia el oeste, a los míticos países de Catay y Cipango, desde donde llegaban

²⁴ *Sánchez Martínez A.* Representación por imitación: el renacimiento de la Geographia de Ptolomeo y las pinturas del mundo conocido // Lull. Boletín de la Sociedad Española de Historia de las Ciencias 34, n.º 74. 2011. P. 391–418.

las especias y la seda, por las rutas terrestres exploradas siglos atrás por el italiano Marco Polo y por el madrileño Ruy González de Clavijo a principios del siglo XV. Las naves de Colón buscaban el mismo destino por occidente, y su error sobre las dimensiones del globo propició el descubrimiento del Nuevo Mundo, mientras que los portugueses se habían encaminado poco antes hacia el extremo oriente asiático, circunnavegando el continente africano. Cuando el Atlántico norte era visitado por los pescadores vascos en busca del preciado bacalao, el territorio al norte y este de Escandinavia carecía de interés para las naciones ibéricas en aquellos primeros años del siglo XVI. Mientras tanto, sus competidores europeos, ingleses y holandeses, no desdeñaban el comercio con las regiones boreales. Los inexistentes o escasísimos contactos directos, durante el siglo XVI, hacían que lo que se sabía en la península ibérica de las tierras septentrionales procediera de mapas y libros publicados en latín o traducidos al español.

Sobre esta base se han consultado diversos medios digitales²⁵, aplicando como filtro la fecha de publicación, entre 1500 y 1699, y buscando la aparición de los términos *Moscovia* (con todas las variantes de la época: *Moscovia*, *Moscobia*, también en minúscula), sus derivados *moscovita*, *moscouita*, *moscobita-as*, así como *Rusia*, *Russia*, *ruso-a*, *rusianos-as*, *ruthenos*. En CORDE, el total de frecuencias para el conjunto de términos es de 481 apariciones en 108 fuentes diferentes²⁶, casi todas impresas en los siglos XVI y XVII, salvo algunos documentos de época, publicados posteriormente. El resto de repertorios han aportado fuentes, que superan las 130. A efectos comparativos, se han buscado los nombres de otros países en CORDE, para comprobar las citas a las naciones más próximas a España en geografía e intereses (Tabla 1).

Entre las obras geográficas para localizar países distantes, la difundida *Cosmographia* de Pedro Apiano, publicada originalmente en 1524, ampliada en 1539 y traducida al castellano (Amberes, 1548), incluye en su descripción global las regiones de Rusia, Rusia Blanca y Moscovia, con sus principales ciudades²⁷. En

²⁵ El primero de ellos ha sido elaborado por la Real Academia Española: Corpus diacrónico del español. Banco de datos [en línea]. (CORDE. <http://www.rae.es>). Asimismo, se ha accedido a la Biblioteca Virtual Cervantes (BVC) (<http://www.cervantesvirtual.com>), que permite la identificación de términos en el texto completo de las obras, empleando la consulta de concordancias. Se ha consultado también el *Teatro español del Siglo de Oro* (TESO), 1997–2018, distribuido por Proquest. También se han incorporado algunas referencias desde la *Biblioteca Digital Hispánica* (BDH) (<http://www.biblioteca digitalhispanica.bne.es>) de la Biblioteca Nacional de España. Asimismo, se ha consultado la Biblioteca de Patrimonio Nacional, que posee entre sus fondos la Real Biblioteca y la Biblioteca del Monasterio de San Lorenzo de El Escorial (<https://realbiblioteca.patrimonionacional.es>) (fecha de consulta 15.02.2018). Para evitar prolijidad en las citas, se hará referencia al autor, título y fecha de las obras originales, más las siglas del repertorio donde se ha consultado cada obra, cuyas ediciones actualizadas pueden consultarse fácilmente en los citados repertorios.

²⁶ Las fuentes que hay en CORDE para el periodo 1500–1699 son un conjunto de 9.482 documentos distintos.

²⁷ CORDE, trad. al español de la *Cosmografía* de Pedro Apiano, 1548–1575, ed. de R. Rojo Calvo, Salamanca, CILUS, 2000.

El cortesano, de Baldassare Castiglione (1528), traducido por Juan Boscán en 1534²⁸, se alude al comercio de valiosas pieles —*forros* o *aforros* en palabras de la época— que llegaban a Polonia, como uno de los productos exportados desde Rusia, y entre las que eran muy apreciadas las de marta cibelina. Estos animales, junto a los armiños, con origen en Moscovia, serán mencionados en los *Diálogos de la montería* (Luis Barahona de Soto, ca. 1580)²⁹, así como en la *Traducción de los libros de Historia natural de los animales de Plinio* (Jerónimo de Huerta, 1599)³⁰. Este texto sitúa en Rusia al zubr o zubrón, híbrido del uro o bisonte europeo con vacas domésticas, y también a un roedor parecido al lirón.

TABLA I.
FRECUENCIA DE MENCIONES A PAÍSES EN TEXTOS PUBLICADOS EN ESPAÑOL DE LOS SIGLOS XVI Y XVII³¹

Término	Menciones	Fuentes	Término	Menciones	Fuentes
Francia	16.478	1.087	Persia	1.906	229
Italia	7.028	744	China	1.220	174
Portugal	6.920	700	Holanda/Olanda	889	184
Flandes	4.141	784	Polonia	595	150
Inglaterra	3.059	392	Irlanda	479	43
Turquía o Turco	2.709	327	Tartaria	455	68
Alemania	2.387	478	Japón/Iapón	447	73
Austria	2.266	428	Suecia	437	74
Moscovia –uia –bia / Rusia / Russia				305	89

472

Rusia era un país remoto, enclavado en la amplia región de la Sarmacia, al este de Livonia, y al norte de Polonia y Prusia, que se extendía hasta el límite de Tartaria, en la Sarmacia asiática, según se describe en la *Suma de geografía que trata de todas las partidas y provincias del mundo* (Martín Fernández de Enciso, 1519)³². El emperador Carlos V impulsó los conocimientos geográficos desde la Casa de la Contratación, y su cartógrafo Alonso de Santa Cruz³³ recogió los topónimos bási-

²⁸ CORDE, ed. de M. Pozzi, Cátedra. Madrid, 1994.

²⁹ CORDE, ed. de J. Zarco Cuevas, duque de Almazán. Madrid, 1935.

³⁰ CORDE, ed. Real Academia Española. Madrid, 2004.

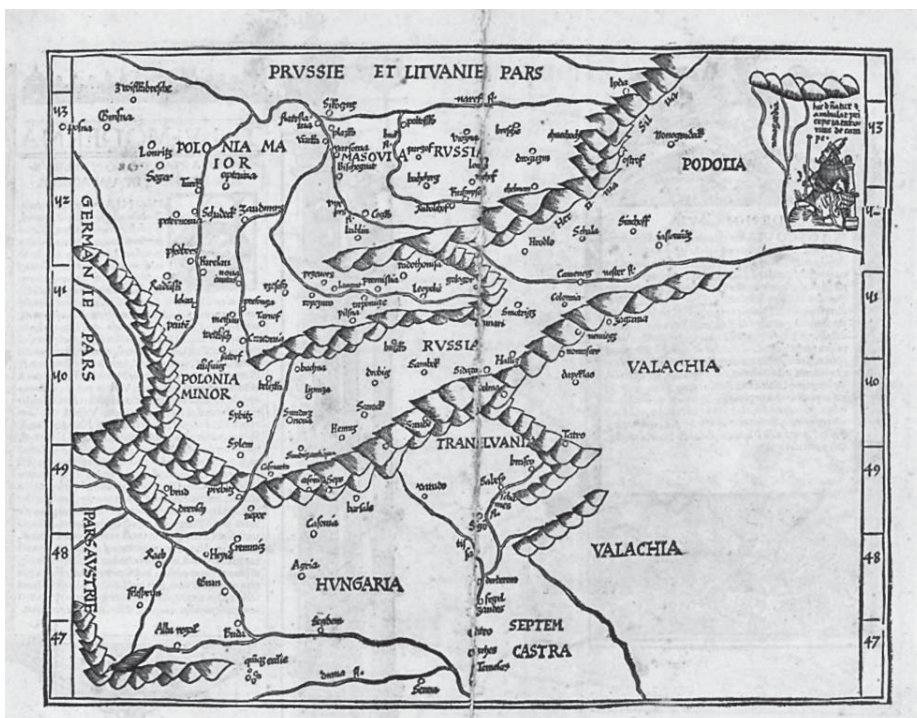
³¹ Corpus Diacrónico del Español (CORDE). Real Academia Española: Banco de datos [en línea]. CORDE. <http://www.rae.es> (fecha de consulta 15.02.2018).

³² CORDE, ed. de J. R. Carriazo Ruiz, CILUS. Salamanca, 2003.

³³ Sobre el interés del emperador y su relación con Santa Cruz y otros cartógrafos, véase *Gonzalo Sánchez-Molero J.L.* El César y los libros: un viaje a través de las lecturas del Emperador desde Gante a Yuste. Yuste, Cáceres: Fundación Academia Europea e Iberoamericana de Yuste, 2008. P. 204–218.

Mapa de Claudio Ptolomeo

El mapa forma parte del atlas de Laurentius Frisius, de 1522, *Claudii Ptolemaei Geographicae enarrationis libri octo Bilibaldo Pirckeymhero interprete*, con 50 mapas basados en la actualización que Waldseemüller realizó de la *Geographia* tolemaica en 1513, atlas del que en Estrasburgo, en 1525, Johan Grieninger realizó una segunda edición. El redescubrimiento de la obra de Ptolomeo a finales de la Edad Media representó el inicio de la cartografía moderna. Su obra llegó a Occidente a través de dos vías, la musulmana, por la península Ibérica durante el apogeo del califato de Córdoba, y la bizantina. La aceptación por parte de los cartógrafos europeos del siglo XV se debe a que en su *Geographia* encontraron

Claudio Ptolomeo. Mapa de Hungría, Polonia, Rusia, Prusia y Valaquia.

un práctico manual para hacer mapas más avanzados que los modelos medievales basados en las Sagradas Escrituras, conocidos como mapas de tipo T en O. No obstante, Ptolomeo utiliza el término Geografía en sentido gráfico, no descriptivo, entendiendo esta disciplina como “el arte de dibujar mapas generales de la Tierra”, y establece la diferencia entre Geografía y Corografía.

cos de Rusia en su Mapamundi de 1542³⁴, y en el *Islario de todas las islas de mundo* (ca. 1542–1560)³⁵. Era una tierra fría, como se cita en los *Coloquios de Palatino y Pinciano* (Juan Arce de Otálora, ca. 1550)³⁶. La élite ilustrada tomaría buena nota de las informaciones sobre los confines boreales de Europa. No resulta extraño por ello que haya menciones a *Moscovia* en *La primera parte de la Historia natural de las Indias* (Zaragoza, 1552) de Francisco López de Gómara³⁷, dado el interés del comercio de las especias asiáticas, y de las rutas que las conducían desde extremo oriente a través de Moscovia. Alonso de Ercilla, en *La Araucana* (Madrid, 1578)³⁸, incluye estos versos en una descripción geográfica del mundo:

Mira al norte a Moscovia, que es tenida
por última región de lo poblado,
que rematan su término y medida
las rifeas montañas por un lado,
y de las fuentes del Tanays tendida
llega al monte Hyperbóreo y mar helado,
confina con Sarmacia y Tartaria
y corre por el Austro hasta Rusia.

Andrés de Poza, en su *Hydrographia* (1585)³⁹ se pregunta por una ruta marítima que bordearía Asia por el norte de Rusia, más al este de la tierra de Nueva Zembla, e informaba de que los barcos ingleses llegaban a Arcángel, desde donde se transportaban mercancías en barcasas por el río Duina, y luego por tierra hasta el Volga y el mar Caspio, hacia oriente⁴⁰. Fray Juan González de Mendoza, en

³⁴ *Nova verior et integra totius orbis descriptio nunc primum in lucem edita per Alfonsum de Santa Cruz. Caesaris Charoli V archicosmographum. A.D. MDXLII.* Biblioteca Real de Estocolmo. <http://libris.kb.se/bib/10188630>. Están descritos sus topónimos por *Dahlgren E. W.* *Map of the World by Alonzo de Santa Cruz: 1542.* Stockholm: P. A. Norstedt, 1892. <http://archive.org/details/mapofworld00sant> (fecha de consulta 10.02.2018); Descripción de este mapa por *Martín-Merás M. L.* *Cartografía marítima hispana: la imagen de América.* IGME, 1993. P. 101.

³⁵ Conservado en la Biblioteca Nacional de España, consulta digital en <https://www.wdl.org/es/item/10090> (fecha de consulta 10.02.2018). Comentado por *Martín-Merás M. L.* *Cartografía marítima hispana...* P. 102–111. En fols. 71v–72r se incluyen los países bálticos, y en la descripción de Scandia, ff. 62v–72 r, se hacen diversas menciones a Moscovia, como país limítrofe, con pocas precisiones, y citando a Olao Magno.

³⁶ CORDE, ed. de J. L. Ocasar Ariza, Turner. Madrid, 1995.

³⁷ CORDE, ed. de I. Caballero Martínez-CILUS, CILUS. Salamanca, 2000.

³⁸ CORDE, ed. de I. Lerner, Cátedra. Madrid, 1993.

³⁹ CORDE, ed. de G. Herráez Cubino, Universidad de Salamanca. Salamanca, 2003.

⁴⁰ Años más tarde se difundió, y llegó a España el libro de *Girard Le Veer*: *Vraye description de trois voyages de mer tres admirables, faites en trois ans, a chacun an un, par les navires d'Hollande et de Zelande au Nord par derriere Norwege, Moscovie et Tartarie vers les royaumes de China & Catay: ensemble les decouvrements du Waygat, Nova Sembla & du pays situé sous la hauteur de 80 degrez lequell on presume estre Groenlande...* Ámsterdam, Nicolas Cornelis, 1609.

Historia de las cosas más notables, ritos y costumbres del gran Reino de la China (1585–1586)⁴¹, habla de los mercaderes que llegaban desde China a Alemania, a través de Rusia y Moscovia. El citado Poza, en *De la antigua lengua, poblaciones y comarcas de las Españas* (1587)⁴², clasifica las lenguas europeas, antes de entrar en las ibéricas, y define a la de los polacos, bohemios y moscovitas como *esclavona* (eslava). El mismo autor afirma que el término *moscovitas*, significa “derramados en sus poblaciones”, en una relación de exégesis de los diferentes nombres que adoptan las naciones. Más peregrina es su afirmación de que los pueblos que usaban tocado varonil, como Moscovia, Prusia, Rusia y Lituania, eran belicosos, nunca habían sido conquistados, y que las mujeres vascas vestían idénticos tocados. En obras de astrología, apoyadas en conocimientos que hoy entran en los campos de la astronomía y la geografía, y simplemente en someras enumeraciones de tierras y regiones, tampoco faltan alusiones a los territorios septentrionales donde se situaba Rusia, como en el anónimo *Repertorio de los tiempos, el cual tura desde el año MDLIV hasta el año de MDCII* (1554)⁴³, o el *Libro del nuevo cometa* (1573)⁴⁴, de Jerónimo Muñoz.

La lejanía y el exotismo de aquellas tierras gélidas e ignotas las había convertido en escenarios de ficción, ambientación fantástica de algunas novelas de caballería, donde encontramos puntuales menciones a *Rusia* y a los *rosianos*, o a la *Moscobia*, en relatos como *Baldo* (anónimo, 1542)⁴⁵, *Belianis de Grecia* (Jerónimo Fernández, 1547)⁴⁶ y, particularmente, en *Florisel de Niquea* (Feliciano de Silva, Salamanca, 1551)⁴⁷ y en *Espejo de príncipes y caballeros. [El caballero del Febo]* (Diego Ortúñez de Calahorra, 1555)⁴⁸. Jerónimo de Urrea, traductor del *Orlando furioso*, de Ludovico Ariosto (Amberes, 1549)⁴⁹, texto donde hay un par de menciones a Rusia, también las incluía en su propia obra, inédita, la *Primera parte del libro del invencible caballero don Clarisel de las Flores* (hacia 1574)⁵⁰.

Los contactos directos se dieron con las embajadas llegadas desde Rusia al emperador Carlos V, en Toledo (1523), Valladolid (1525 y 1527)⁵¹, mencionadas en las

41 CORDE, ed. de F. García, OSA, Aguilar. Madrid, 1944.

42 CORDE, ed. de Á. Rodríguez Herrero, Ediciones Minotauro. Madrid, 1959.

43 CORDE, ed. por M.J. Monsalvo, CILUS. Salamanca, 2000.

44 CORDE, ed. por Mª T. Cantillo y R. Rojo Calvo, Universidad de Salamanca. Salamanca, 2003.

45 CORDE, ed. de F. Gernert, Centro de Estudios Cervantinos. Alcalá de Henares, 2002.

46 CORDE, ed. de L. E. F. de Orduna, Reichenberger. Kassel, 1997.

47 *Pilar Villaverde Embrid M. del. Florisel de Niquea*: (cuarta parte, libro I): de F. de Silva. Salamanca, Andrés de Portonaris, 1551: guía de lectura. Centro Estudios Cervantinos, 2002. El rey de Rusia, Baltazar, en compañía de su hijo el rey de Gaza, luchan contra los griegos, y se organiza una lucha singular, de los cincuenta a cincuenta, en que intervienen reyes y notables.

48 CORDE, ed. de D. Eisenberg, Espasa-Calpe. Madrid, 1975, con 14 menciones a Rusia, pero curiosamente ninguna a Moscovia o sus variantes.

49 CORDE, ed. de F.J. Alcántara, Planeta. Barcelona, 1988.

50 CORDE, ed. de J.M. Asensio, Bibliófilos andaluces. Sevilla, 1879.

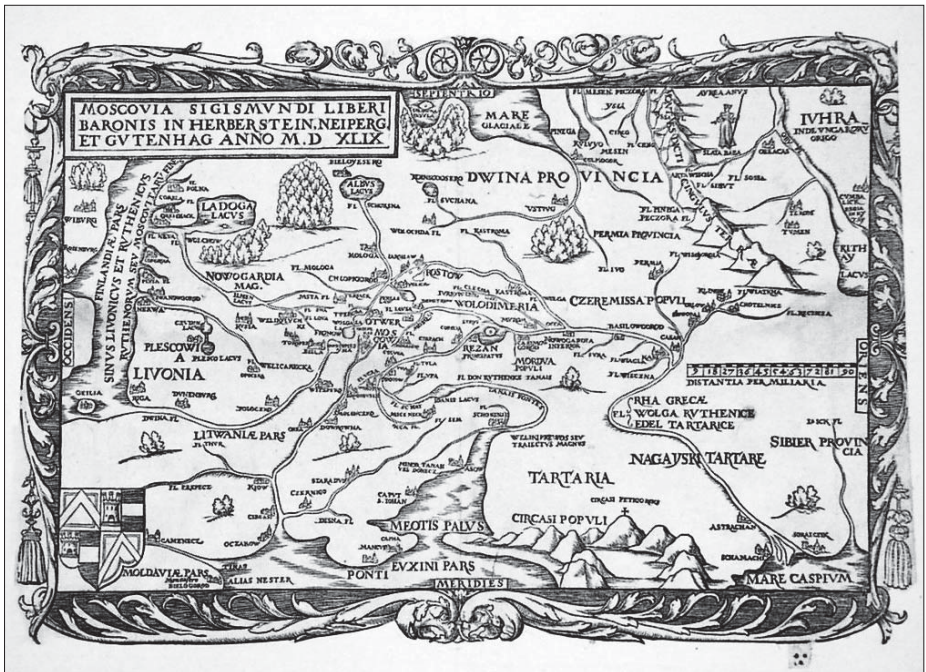
51 *López de Meneses A.* Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527) // *Bulletin hispanique* 48. N° 3. 1946. P. 210–226.

Rerum Moscoviticarum Comentarii, la obra de Sigismund von Herberstein

Primera edición, en latín, del mapa de Moscovia publicado, en 1549, dentro de la obra *Rerum Moscoviticarum Comentarii* de Sigismund von Herberstein, cuyas armas figuran impresas en el mismo mapa, copia de otro prácticamente igual y con el mismo título grabado por Hirsvogel tres años antes. Cuenta con una escala de distancias, a modo de escala gráfica, útil para determinar la escala aproximada, pues carece de coordenadas geográficas. En el mapa, se resalta la hidrografía, los núcleos de población importantes, algunos bosques y las principales cordilleras, todo muy esquemático, mientras que el título y la escasa toponimia están en latín.

Sigismund von Herberstein (1486–1566), noble, nacido en la actual Eslovenia, realizó su primera misión diplomática para el emperador del Sacro Imperio en 1515, llegando a efectuar casi un total de setenta a diversos países. En los dos viajes oficiales que hizo a Moscú, aprovechó su conocimiento de esloveno, idioma eslavo como el ruso, para obtener información sobre costumbres, gobierno, geografía y, muy particularmente, sobre las regiones fronterizas. También intentó obtener mapas, pero éstos, además de ser muy escasos, eran estrictamente secretos. Hacia 1540, Herberstein comenzó a clasificar el material recogido y empezó a redactar el *Rerum Moscovitarum*. La obra, publicada en 1549, fue considerada la principal fuente de conocimiento sobre el Gran Principado de Moscú o Moscovia.

476

Sigismund von Herberstein. Moscovia.

crónicas de Francesillo de Zúñiga (1525–1529)⁵², o en la de Alonso de Santa Cruz (1550–1552)⁵³, inéditas en su tiempo, mientras que posteriores legaciones moscovitas fueron recibidas en Saboya y Augsburgo en 1537, 1548 y 1551⁵⁴, o la citada en 1547, de tártaros y rusos, por fray Prudencio de Sandoval en la segunda parte de la *Historia de la vida y hechos del Emperador Carlos V* (Pamplona, 1614)⁵⁵.

Desde las mediados del siglo XVI se fueron sucediendo referencias con una base más real, como demuestra la publicación de los textos del barón Sigismund fon Herberstein *Rerum Moscoviticarum commentarii* (1549)⁵⁶; La *Historia de gentibus septentrionalibus* de Oloa Magno, obispo de Upsala (1558)⁵⁷; Las *Historiae sui temporis* (1553–1554) de Paulo Giovio o Jovio, traducido al español en 1562 como *Libro de las historias y cosas acontecidas en Alemania, España, Francia, Italia, Flandres, Inglaterra, Reyno de Artois, Dacia, Grecia, Sclauonia, Egipto, Polonia, Turquía, India y mundo nuevo y en otros reynos y señoríos...*⁵⁸ y *Moscovia* (1586) del jesuita y embajador Antonio Possevino⁵⁹. Estas obras llegaron poco después de su publicación a las bibliotecas españolas más selectas. El *Diario y juicio del grande cometa que nuevamente nos ha aparecido hacia occidente* (1578)⁶⁰, de José Micón, revela a Oloa Magno como fuente de la explicación del efecto de la inclinación del eje de rotación de la Tierra en la duración de los días por épocas del año, y los prolongados periodos de noche y día en el interior del círculo polar ártico.

⁵² CORDE, ed. por J.A. Sánchez Paso, Universidad de Salamanca. Salamanca, 1989.

⁵³ CORDE, ed. por R. Beltrán y A. Blázquez, Real Academia de la Historia. Madrid, 1920.

⁵⁴ *Egea Fernández M.A.* La primera embajada moscovita a la monarquía hispánica. Piotr Ivánovich Potiomkin ante la corte de Carlos II (1667–1668) // From Ireland to Poland: Northern Europe, Spain and the Early Modern World, ed. E. García Hernán y R. Skowron (coord.), 2015. P. 276.

⁵⁵ CORDE, ed. de la Universidad de Alicante. Alicante, 2003.

⁵⁶ *Herberstein Freiherr von S.* *Rerum Moscoviticarum Commentarii*. s.l., 1549. Hay ediciones posteriores en 1551, 1557, 1571, y traducción al italiano en 1550.

⁵⁷ *Magnus O., Schrijver C.* *Historia de gentibus septentrionalibus*, authore Oloa Magno, Gotho, archiepiscopo Vpsalensi, Suetiae & Gothiae primate. A Cornelio Scribonio Grapheo, praecclare vrbi Antuerpianae à secretis, sic in Epitomen redacta, vt non minus clarè quàm breuiter quicquid apud Septentrionales scitu dignum est, complectatur (apud Ioannem Bellerum, sub insigni. Falconis, 1562. (1-a ed. Amberes, Plantino, 1558).

⁵⁸ *Giovio P.* *Libro de las historias y cosas acontecidas en Alemania, España, Francia, Italia, Flandres, Inglaterra, Reyno de Artois, Dacia, Grecia, Sclauonia, Egipto, Polonia, Turquía, India y mundo nuevo y en otros reynos y señoríos, comenzando del tiempo del Papa Leon y de la venida de Carlos quinto de España hasta su muerte / compuesto por Paulo Iouio en latin ; y traduzido en romance castellano por Antonio Ioan Villafranca y por el mismo añadido lo que faltaua en louio hasta la muerte del Emperador Carlos quinto ... ; dirigido al muy alto y muy poderosos señor don Carlos, principe de las Españas, trad. A. J. Villafranca. Valencia: casa de Ioan Mey: vendese... en casa de Honorate Ulzina, 1562. Se trata de Moscovia también en *Giovio P.* *Regionum et insularum atque locorum: descriptiones; videlicet Britanniae, Scotiae, Hyberniae, Orchadum, Item Moscoviae et Larii Lacus, quibus... de piscibus Romanis libellum vere aureum adiunximus*. Basilea, 1578.*

⁵⁹ *Possevino A. S.I.* *Antonii Possevini Societatis Iesu, Moscovia. Vilnae In Lituania: apud Ioannem Velicensem, 1586.*

⁶⁰ CORDE, ed. por S.D. de Castro, CILUS. Salamanca, 2000.

Una obra influyente y nutrida de noticias sobre Moscovia fue el *Jardín de flores curiosas*⁶¹, de Antonio de Torquemada (1569). En un congreso monográfico sobre este libro, Mercedes Cobos demostró que escritores coetáneos de Torquemada, como el dramaturgo Damián Salucio del Poyo, en la *Genealogía y origen de los Guzmanes* mencionó a “los Príncipes de Moscovia, Emperadores de Rusia”, y que tanto él como el doctor Constantino Ponce de la Fuente, poseían en sus bibliotecas ejemplares de *Rerum Moscoviticarum commentarii*. Salucio también disponía de las *Relaciones universales del mundo*, de Juan Botero Benes⁶². Rodrigo Caro tenía ejemplares de Pomponio Mela, Abraham Ortelio y la *Historia Septentrional* de Olao Magno⁶³. Antonio de Torquemada, con referencias a este último y a otros autores, destacaba el culto cristiano ortodoxo de los rusos, frente al islámico de los turcos, y su situación geográfica entre Polonia, Tartaria, con el mar helado al norte, donde los barcos no podían navegar⁶⁴, aunque los rusos sí conseguían comerciar hacia Oriente, atravesando el país de los tártaros. Torquemada aporta interesantes detalles sobre el uso de esquíes y trineos para desplazarse por la nieve y el hielo⁶⁵. Otras informaciones son “míticas”, como la de una cueva en la ciudad de Viborg, que generaba ruidos espantosos⁶⁶, o la alusión a los licántropos, recogiendo una antigua tradición tomada de los geógrafos clásicos: “En esta tierra de los moscobitas ay una provincia que llaman de los Neuros, los cuales en ciertos meses del verano se convierten en lobos, y después se tornan otra vez a convertir en hombres”⁶⁷.

Esas transformaciones eran fruto de la nigromancia ejercida por brujos, que había que combatir, como se cuenta en este caso: “que no ha mucho tiempo que un emperador de Rusia, haziendo prender a uno que tenía fama ser de los que se transfiguravan, lo hizo traer ante sí, metido en una cadena, y preguntándole si era verdad que podía mudar su figura en lobo, él dixo que sí, y el duque o emperador le mandó que lo hiziesse luego, y metiéndose en una cámara, donde estuvo poco espacio, salió hecho lobo y todavía preso con su cadena. El emperador, de industria avía hecho traer entre tanto dos mastines muy bravos, los cuales, quando le vieron, teniéndole por verdadero lobo, arremetieron con él y muy cruelmente le hizieron pedaços, sin que el desventurado pudiesse valerse ni defenderse”⁶⁸.

⁶¹ CORDE, ed. por L. Rodríguez Cacho, Turner. Madrid, 1994. Se ha consultado también la edición a cargo de *Allegra G.* Antonio de Torquemada, *Jardín de flores curiosas*, Clásicos Castalia 129. Madrid: Castalia, 1983. Con múltiples ediciones en español, fue traducida al inglés, italiano y francés.

⁶² *Botero Benes G.* *Relaciones universales del mundo*. Primera y segunda parte traducidas por el Lic. Don Diego de Aguiar. Valladolid: Los herederos de Diego Fernández de Córdoba, 1600.

⁶³ *Cobos M.* Sobre una vocecilla con la que tropezaron dos grandísimos editores y su posible interpretación con la ayuda del “*Jardín de flores curiosas*” y otros textos // *La maravilla escrita*, Antonio de Torquemada y el Siglo de Oro, ed. Juan José (coord.) A. Perandones, Juan (coord.) Matas Caballero, y José Manuel (coord.) Trabado Cabado, 2005. P. 293–294.

⁶⁴ CORDE, *Jardín de flores curiosas...* P. 819.

⁶⁵ *Ibíd.* P. 863–864.

⁶⁶ *Ibíd.* P. 856.

⁶⁷ *Ibíd.* P. 827.

⁶⁸ *Ibíd.* P. 868.

Tras estimar las valiosas pieles de los animales que se cazaban en Moscovia, Torquemada relataba la muerte de un embajador italiano por no descubrirse ante el duque de Moscovia, y calificaba así a sus súbditos: “Son estos moscovitas astutos, sagazes, hombres que guardan mal su palabra, y sobre todo son crueles”⁶⁹.

No era algo nuevo echar mano de los prejuicios para motejar a los naturales de otro país: Moscovia era considerada *grosera* por Cristóbal del Castillejo en su *Diálogo de adulación y verdad* (1545)⁷⁰. Más información hay en el capítulo dedicado a la República Septentrional y a Moscovia en *Repúblicas del Mundo* (fray Jerónimo Román, 1575)⁷¹, y en la *Descripcion de todas las provincias y reynos del mundo sacada de las relaciones toscanas de Juan Botero* (1602), publicada por Juan de Rebullosa⁷². Los intereses dinásticos de Felipe II también vendrían a cubrirse con las noticias llegadas de Rusia a través de Polonia y Viena⁷³, así como desde la embajada en Londres, que tenía fluidas relaciones comerciales con Moscovia⁷⁴, aunque estos documentos no se publicaron en la época.

Las historias generales o universales que fueron apareciendo en los siglos XVI y XVII⁷⁵ incluyeron cada vez más informaciones sobre los acontecimientos ocurridos en los reinos septentrionales europeos en relación con la casa de Habsburgo, con especial atención hacia la Confederación de Polonia-Lituania, que mantenía frecuentes guerras con Rusia, y enfrentada a su vez con suecos y tártaros. Esos sucesos fueron narrados por el cronista Antonio de Herrera⁷⁶, y también se recogen

⁶⁹ *Ibid.* P. 899.

⁷⁰ CORDE, ed. de J. Domínguez Bordona, *La Lectura*. Madrid, 1928. A otras naciones se les atribuían otros vicios: la glotonería a Alemania y Polonia, la palabrería a Grecia, la falsedad a Francia, la inconstancia a Italia, etc.

⁷¹ *Román J.* *Repúblicas del Mundo*, divididas en XXVII libros... Ordenadas por F. Hieronymo Roman... Medina del Campo: Francisco del Canto, 1575.

⁷² *Rebullosa J.* *Descripción de todas las provincias y reynos del mundo sacada de las relaciones toscanas de Juan Botero*, Gabriel Graells y Giraldo Dotil, 1602; *Botero G., Rebullosa J.* *Theatro de los mayores príncipes del mundo y causas de la grandeza de sus Estados: sacado de las Relaciones toscanas de Iuan Botero Benès: con cinco tratados de Razon de Estado*. Barcelona, J. Mathevad, 1605.

⁷³ *Egea Fernández M.A.* *La primera embajada rusa de Piotr Potiomkin a la Monarquía Hispánica: la renovación del contacto interrumpido y olvidado // Ispaniya i Rossiya: istoricheskiye sud'by...* Especialmente a las relaciones de Moscovia, que se conservan en la sección de Estado del Archivo General de Simancas.

⁷⁴ CORDE. *Cartas y relaciones de Bernardino de Mendoza, 1578–1580*. Pueden seguirse también estas fuentes de información en las cartas del conde de Gondomar, conservadas en la Real Biblioteca.

⁷⁵ *Feros Carrasco A.* *¿Conocer para poseer? Historia del mundo y sus regiones en las bibliotecas españolas de los siglos XVI y XVII // Historia en fragmentos: estudios en homenaje a Pablo Fernández Albaladejo*. Madrid: UAM Ediciones, 2017. P. 345–364.

⁷⁶ *Herrera A. de.* *Historia general del mundo, de XVI años del tiempo del señor Rey don Felipe II el Prudente, desde el año de M.D.LIX. hasta el de M.D.LXXIII*, 2. Madrid: Luis Sánchez, 1601; *Herrera y Tordesillas A. de.* *Segunda parte de la historia general del mundo, de 15 años del tiempo del señor rey don Felipe 2, el Prudente, desde el año de 1571 hasta el 1585*. Valladolid: Iuan Godinez de Millis, 1606.

en la *Historia Pontifical y Católica*⁷⁷ o en la *Vida y hechos de Pío V* (Antonio de Fuenmayor, 1595)⁷⁸. Además de informar, estas y otras historias sirvieron de inspiración para que los moscovitas y el Gran Duque de Moscovia se incorporasen a la literatura española, y particularmente al teatro del Siglo de Oro, como explica el profesor Pedro García Martín.

A principios del siglo XVII el conocimiento mutuo vendría a cambiar notablemente con la publicación de las *Relaciones* (1604)⁷⁹, de Juan de Persia, embajador savafí a Felipe III convertido al catolicismo, donde relata con detalle el recorrido de una comitiva diplomática desde Astracán hasta Arcángel, con un fastuoso recibimiento en Moscú, que es descrito con minuciosidad y admiración, aunque no falten interpolaciones de Botero y otros autores. En estrecha relación con el texto anterior, puesto que su autor acompañaba a los persas que llegaron en esa embajada, encontramos *Peso de todo el mundo* (1622) y *Discurso sobre el aumento de esta monarquía* (1625), del aventurero y espía Anthony Sherley⁸⁰. Elaborados a modo de arbitrios, aunque no se editaron en su tiempo, sí circularon como manuscritos, donde se analizan todas las naciones competidoras y posibles aliadas de la monarquía hispánica. Hay capítulos específicos dedicados a Moscovia, y al comercio ejercido allí por ingleses, holandeses y suecos, que introducían entre otros productos, algunos procedentes de España: vinos, aceites y especias, y llegaban con cueros, pieles de animales, entre otros suministros, como eran las jarcias para los barcos, de gran calidad, según explicaba Tomé Cano en *Diálogo entre un Bizcaño y un Montañés sobre la fábrica de navíos* (1631)⁸¹. Pero el producto estrella, con denominación de origen, era la *vaqueta de Moscovia*, un cuero muy apreciado, empleado tanto para forrar asientos, como para colocarlo sobre las escribanías e incluso para enfriar las

⁷⁷ *Illescas G. de*. Segunda parte de la Historia Pontifical y Catholica: en la qual se prosiguen las vidas y hechos de Clemente Quinto, y de los demas Pontifices sus predecesores, hasta Pío Quinto, y Gregorio Decimo Tercio. Barcelona: La emprenta de Iayme Cendrat, 1606; *Bavia L. de*. Tercera Parte de la Historia Pontifical y Catolica, ...contiene esta tercera parte de la historia Pontifical, las cosas mas notables sucedidas en el mundo, desde el año de mil y quinientos y setenta y dos, hasta el de mil y quinientos y nouenta y vno. Madrid: Luis Sanchez, 1608; *Illescas G. de*. Historia pontifical y catolica, en la qual se contienen las vidas y hechos notables de todos los Sumos Pontifices Romanos... con más vna breue recapitulacion de las cosas de España, y la decendencia de los Reyes... [primera quarta parte]. Madrid: La Imp. Real a costa de Iuan Hafrey [sic], 1613; *Guadalajara y Xavier M. de*. Historia pontifical y catholica. 4a imp., Madrid: viuda de Luis Sanchez, 1630.

⁷⁸ CORDE, ed. de L. Riber, Real Academia Española. Madrid, 1953.

⁷⁹ CORDE, ed. de N. Alonso Cortés, Real Academia Española. Madrid, 1946. Véase también sobre esta temática *García Hernán E., Cutillas Ferrer J. y Matthee R.* The Spanish Monarchy and Safavid Persia in the Early Modern Period: Politics, War and Religion. Valencia: Albatros, 2016. Con la unión de coronas —Portugal en esta época dependía de la misma monarquía— sus intereses en el Golfo Pérsico generaron amplios conocimientos que incluían embajadas hacia Europa atravesando Rusia.

⁸⁰ *Sherley A.* Peso de todo el mundo (1622). Discurso sobre el aumento de esta monarquía (1625). A. Alloza Aparicio, M. A. de Bunes Ibarra, y J. A. Martínez Torres (Ed.). Madrid: Polifemo, 2010.

⁸¹ CORDE, ed. de J. R. Carriazo Ruiz-CILUS, CILUS. Salamanca, 2000.

camas en verano. Mencionado en obras literarias, aparece con frecuencia en inventarios, entre ellos en el testamento de Calderón de la Barca (1681)⁸², y en Toledo⁸³, Murcia⁸⁴, Badajoz⁸⁵ o incluso en Lima (Perú)⁸⁶.

También son numerosas las referencias que hizo García de Silva y Figueroa, en sus *Comentarios a la embajada del rey Sha Abbas de Persia* (1618)⁸⁷, donde no solo habla de las relaciones diplomáticas —recordemos los intereses en el golfo Pérsico de un Portugal gobernado por monarcas hispanos—, sino que intenta reconstruir la historia de los pueblos situados entre Europa y Asia, poniendo énfasis en las guerras de los moscovitas contra tártaros y cosacos, quienes secuestraban a niños y mujeres de piel blanca y cabellos rubios para venderlos como esclavos en los mercados asiáticos. Los embajadores procedentes de reinos lejanos eran tratados en Rusia normalmente con el merecido respeto a las naciones que representaban, pero algunos tuvieron mucha peor suerte. Los padres agustinos fray Nicolás Melo, o Morán, portugués, y su compañero el hermano fray Nicolás de San Agustín, natural del Japón, fueron enviados hacia 1600 desde Persia a Polonia como embajadores, cuando gobernaba en Moscú Boris Godunov. Allí fueron denunciados como religiosos católicos, y finalmente sufrieron el martirio⁸⁸.

Por otra parte, las obras que se publicaban sobre las tierras del Septentrión, se incorporaban a las bibliotecas españolas más destacadas, como fue la del diplomático conde de Gondomar⁸⁹, que también poseía ejemplares del *Civitates Orbis Terrarum*, de Georg Braun.

⁸² CORDE, ed. de A. Matilla Tascón, Instituto de Estudios madrileños. Madrid, 1983.

⁸³ CORDE, Inventario de los bienes del doctor don Martín Martínez. Documentos procedentes del archivo provincial, 1655. Mariano Maroto. Toledo: Ed. electrónica. 1998.

⁸⁴ *Agüera Ros J.C.* Pintura y sociedad en el siglo XVII: Murcia, un centro del barroco español, Real Academia Alfonso X El Sabio, Murcia, 1994. Biblioteca Digital de la Región de Murcia // Biblioteca virtual “Miguel de Cervantes” (CVC). En p. 86 se mencionan “diez sillas tapizadas en vaqueta de Moscovia con clavazón dorada”, en el año 1675.

⁸⁵ *Álvarez Sáenz de Buruaga J.* Materiales para la historia de Mérida: de 1637 a 1936. Ed. digital a partir de Mérida, Diputación Provincial de Badajoz, Ayuntamiento de Mérida, 1994. (CVC). Se menciona una vaqueta de Moscovia para el bufete del Cabildo en julio de 1650.

⁸⁶ *Bermúdez J.M.* Anales de la Catedral de Lima, 1534 a 1824. Lima, Imp. del Estado, 1903. P. 64. (CVC). Año 1642, “nuevos asientos de baqueta de Moscovia”.

⁸⁷ CORDE, ed. de M. Serrano y Sanz, Sociedad de bibliófilos españoles. Madrid, 1903–1905. Edición reciente de esta obra es la de *García de Silva y Figueroa*, *Comentarios de la embajada al rey Xa Abbas de Persia (1614–1624)*, 2 v. Lisboa: Centro de História de Além-Mar, 2011, 1903–1905.

⁸⁸ Relata esta historia, entre otros, fray *Gaspar de San Agustín*, *Conquistas de las Islas Filipinas* (1698), CORDE, ed. de M. Merino, CSIC. Madrid, 1975.

⁸⁹ Actualmente en la Real Biblioteca (Madrid). Entre ellos, *Lasicki J.* De Russorum Moscovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nupturum, funerum, ritu. E' diuersis scriptoribus, quorum nomina versa pagina indicat. His in fine quaedam sunt adiecta, de Liuania pacisue conditionibus, & pace confecta hoc anno inter serenissimum regem Poloniae & magnum Ducem Moscouiae. Spira libera ciuitate veterum Nemetum: excudebat Bernardus d'albinus, Spira. 1582.

Moscú en *Rerum Moscoviticarum Comentarium* de Sigismund von Herberstein

Grabado calcográfico de Moscú a vista de pájaro, publicado en la edición de 1580 del *Civitates Orbis Terrarum*, que copia la vista publicada en la obra *Rerum Moscoviticarum Comentarium* (1549) de Sigismund von Herberstein, obra que versa sobre religión, política, sociedad y costumbres, información recogida en los dos viajes que hizo a Rusia: en 1517–18, formando parte de la embajada mandada por Maximiliano II, emperador del Sacro Imperio; y, en 1526–27, como embajador del rey Fernando II de Hungría y Bohemia. El *Civitates Orbis Terrarum*, gran atlas urbano impreso en Colonia y editado por Georg Braun entre 1572 y 1617, consta de 546 grabados entre mapas y perspectivas a vista de pájaro de las más importantes urbes del mundo, la mayoría dibujados por Joris Hoefnagel y grabados por Simon Novellanus y Frans Hogenberg. Esta primera representación sistemática de ciudades fue concebida para complementar el *Theatrum Orbis Terrarum* (1570) de Abraham Ortelius.

Moscú, mencionada por primera vez en los anales rusos en 1147, estaba situada en la confluencia de los ríos Moskva y Neglinnaya. Desde comienzos del siglo XII, la ciudad se convirtió en la capital del principado de Moscovia y, desde 1326, en la capital religiosa de Rusia cuando el metropolitano, residente en Vladímir desde la caída de Kiev, se estableció en Moscú. Desde que las nuevas murallas de mampostería sustituyeron la empalizada de madera, empezó a llamarse *górod* (ciudad amurallada), mientras que el nombre de Kremlin aparece citado como *kremľ'* (ciudad alta) en la descripción del incendio que asoló la ciudad en el siglo XIV. La ciudad dibujada por Von Herberstein en el siglo XVI nos muestra una ciudad ordenada, construida casi toda con casas de madera y formando barrios con un trazado urbano regular. Las figuras del primer plano (jinetes cazando, uro, bisonte, y gentes circulando sobre las aguas heladas del río), reproducen modelos que figuran en la obra *Rerum Moscoviticarum*, así como el personaje del ángulo inferior izquierdo, que parece ser el propio Von Herberstein, cuyo escudo de armas figura en el grabado.

Las relaciones diplomáticas entre Polonia y España durante el reinado de Felipe IV incluían numerosas referencias a Rusia, como se puede ver en los archivos españoles⁹⁰, pese a la inexistencia de contactos directos entre Madrid y Moscú. Sin embargo, cada vez llegaban más noticias de Rusia y de su entorno, en particular de las guerras con Polonia y Suecia, en la incipiente prensa, como los *Avisos*, (Jerónimo de Barrionuevo, 1654–1658)⁹¹,

⁹⁰ *Skowron R.* Olivares, los Vasa y el Báltico: Polonia en la política internacional de España en los años 1621–1632. Varsovia: Wydawnictwo DIG, 2008; *Skowron R., Conde Pazos M.*, Documenta Polonica: Ex Archivo Generali Hispaniae in Simancas, Nova Series 1. Cracow: Polish Academy of Arts and Sciences, 2015.

⁹¹ CORDE, ed. de A. Paz y Meliá, Imp. de M. Tello. Madrid, 1892–1893.

y las *Noticias de la Corte* (1660)⁹². La presencia en 1667 de Potiomkin, primer embajador ruso al rey de España, curiosamente se había visto precedida por dos obras teatrales, la anónima *Hados y lados hacen dichosos y desdichados* (ca. 1665), ambientada en una teatral Moscovia, y la otra comedia, *Afectos de odio y amor*, de Calderón de la Barca y en la que cuya trama está ambientada en las guerras de los países del Báltico, ya no se menciona el término Moscovia, sino Rusia, prueba de un conocimiento cada vez mayor sobre ese país. Los contactos mutuos en los años posteriores, con otras tres legaciones itinerantes de Moscú en la Corte madrileña durante el reinado de Carlos II, y especialmente con el establecimiento de embajadores permanentes en el siglo XVIII, promovieron un diálogo directo que acercaba mutuamente las dos sociedades situadas en los extremos de Europa, la rusa y la española.

DOS NACIONES EN BUSCA DE UN ENCUENTRO: RUSIA Y ESPAÑA EN LAS RELACIONES INTERNACIONALES DEL SIGLO XVII

Antes de 1660–1680, cuando el Gobierno ruso intentó establecer relaciones regulares con España, transcurrió un largo periodo en el que ambas partes desdeñaban los contactos mutuos. En el último tercio del siglo XVI, tanto Rusia como España consideraban con seriedad la posibilidad de intercambiar embajadas y establecer alianzas, aunque diversas circunstancias lo impidieron⁹³, al punto de que en el Periodo Tumultuoso en Rusia ni llegó a pensarse en enviar una embajada a España. Por su parte, la Monarquía Hispánica de Felipe III (1598–1621) necesitaba una tregua después de los fracasos militares y políticos de los últimos años del reinado de Felipe II. España, al verse obligada a centrarse en resolver problemas internos y evitar grandes conflictos, no precisaba de nuevos aliados al otro lado de Europa.

Los acontecimientos del Periodo Tumultuoso comportaron un gran cambio en la política exterior de Rusia. La actitud de los políticos y diplomáticos rusos ante una u otra potencia europea pasaron a depender del carácter de sus relaciones con el adversario principal de Rusia: Segismundo III, rey de Polonia. Las misiones diplomáticas que se enviaron a distintos países europeos en la década de 1610 al regresar a Moscú informaron de que el monarca polaco tenía estrechos vínculos con los Habsburgo de Austria y con sus partidarios, entre los que se encontraba la Monarquía Hispánica. Así, los embajadores Iván Kóndyrev y Mijaíl Nevérov, que visitaron las Provincias Unidas de los Países Bajos, informaron de que los holandeses temían que el rey polaco, “por ser amigo del rey de España”, no les permitiera comprar trigo en Polonia. Más tarde conocieron que, al llegar el embajador polaco a España, el rey Felipe III le había distinguido y retribuido generosamente. En el año 1610, a su regreso de Austria, Iván Fomín trajo noticias de que los españoles

⁹² CORDE, ed. de A. Paz y Meliá, Imp. de M. Tello. Madrid, 1893.

⁹³ Véase más detalladamente el capítulo “El Gran Ducado de Moscovia y las primeras noticias sobre España”.

El zar Alexéi Mijáilovich

484

der mantener varios frentes abiertos, los turcos concentraron todos sus esfuerzos en su enfrentamiento contra Irán. En los teatros de operaciones europeos, desde la Europa Oriental y hasta el Mediterráneo Occidental, las fronteras otomanas gozaban de relativa tranquilidad. En esas condiciones, la propia idea de una alianza anti-otomana que era de interés común para los políticos de Rusia y España y podía seducirles en el último tercio del siglo XVI, dejó de ser por mucho tiempo atractiva para ambas partes.

Los acontecimientos de la Guerra de los Treinta Años tampoco facilitaban un acercamiento entre Rusia y España. Mientras la Monarquía Hispánica, empleando todos sus recursos, intentaba restablecer su anterior poderío en los campos de

se aprestaban a apoyar a Segismundo III para que recuperara la corona sueca que había perdido. El mismo Fomín informó de que se reclutaban tropas polacas con el dinero español para la guerra contra Rusia⁹⁴. A raíz de estas noticias, Moscú comenzó a considerar a los partidarios de los Habsburgo austríacos, incluyendo a la Monarquía Hispánica, como aliados de la República de las Dos Naciones y, por consiguiente, como potencias hostiles a Rusia.

Otro factor que influyó en las relaciones entre los dos países fue consecuencia de los cambios en la situación política del Imperio otomano, que también arrojó graves problemas internos en el siglo XVII. Una vez terminada la guerra contra los Habsburgo en los años 1593–1606 y al no poder

⁹⁴ *Florya B.N.* *Rossiya i cheshskoye vosstaniye protiv Gabsburgov* (Rusia y el levantamiento checo contra los Habsburgo). Moscú, 1986. P. 32–33; *Ókuneva O.V.* *Russkiye posly o "shpanskom korole" za polveka do missii P.I. Potomkina* (po materialam stateynogo spiska I. Kondyreva i M. Neverova, 1615–1616) (Referencias de los Embajadores rusos al Rey de España medio siglo antes de la misión de Piotr Potiomkin [según el diario de I. Kóndyrev y M. Nevérov, 1615–1616]) // *Ispaniya i Rossiya: istoricheskoye sud'by...* P. 85–92.

batalla, para Rusia lo más importante era superar las gravísimas consecuencias del Periodo Tumultuoso y, en el marco de la política exterior, recuperar los territorios occidentales cedidos por el Tratado de Deúlino de 1618. En esas condiciones la Mancomunidad de Polonia-Lituania fue el adversario principal de Rusia durante varias décadas más y Suecia, su aliado natural. Rusia apoyó a Suecia en su enfrentamiento con Polonia, mediante suministros de trigo ruso, en condiciones muy favorables, permitió que Suecia entrara en la guerra, de forma completa, al lado de la alianza anti-Habsburgo, mientras Polonia contaba con el apoyo del Imperio y de su aliada la Monarquía Hispánica. No en vano, los Habsburgo españoles y los Vasa polacos tendieron vínculos dinásticos: Segismundo III de Polonia y Felipe III de España estaban casados, respectivamente, con las hermanas Ana y Margarita de Austria, por consiguiente, el rey Juan II Casimiro, hijo de Segismundo, era primo de Felipe IV de Habsburgo.

A pesar de todas estas circunstancias, hay una información, hasta hoy enigmática, sobre posibles contactos diplomáticos entre los dos países, acaecidos a mediados o en la segunda mitad de la década de 1640. En 1681, cuando en Madrid se debatía la posibilidad de enviar a Rusia una misión diplomática, el marqués de Mancera, recordó que el rey Felipe IV había enviado a un tal Don Alegreto de Allegretti de Ragusa (actualmente, Dubrovnik) “a que hiciese oficio de congratulación con el Emperador de Rusia”⁹⁵. Si consideramos fidedigna esta información, se trataría, por lo visto, de una felicitación para Alexéi Mijáilovich, entronizado en 1645. Allegretti, clérigo de Ragusa, llegó a España en 1649 en el séquito de Mariana de Austria, novia de Felipe IV y antes, en más de una ocasión, cumplió encargos de la embajada española en Viena. Los historiadores han prestado atención a esta persona principalmente debido a su viaje a Constantinopla en 1649–1650⁹⁶, y las palabras del marqués de Mancera resultan la única mención del viaje del citado clérigo a Rusia. Sin embargo, se sabe que Allegretti visitó Polonia tres veces, como mínimo, en los años 1634, 1640 y 1648, y no se puede excluir que en el curso de alguna de esas visitas pudieran tener lugar contactos, directos o indirectos, con la parte rusa. Es probable que futuras investigaciones ayuden a aclarar este curioso episodio en la historia de las relaciones hispano-rusas.

Los acontecimientos posteriores tampoco favorecieron el acercamiento entre España y Rusia. La Paz de Westfalia de 1648 resultó una grave derrota de la Monarquía Hispánica pero no le granjeó la paz: las guerras contra Francia y Portugal continuaron hasta 1659 y 1668, respectivamente. Y Rusia, que no logró sus objetivos en la Guerra de Smolensk de 1632–1634, a partir de 1654 se involucró en un nuevo conflicto, mucho más duradero, con la República de las Dos Naciones. Y solo a partir de principios de la década de 1660, Rusia y el Imperio comienzan a verse como potenciales aliados contra Turquía.

⁹⁵ Corpus diplomático Hispano-Ruso (1667–1799). Manuel Espadas Burgos (Ed). Madrid: MAE, 1991. Vol. I. P. 29.

⁹⁶ *Ochoa Brun M.A.* Historia de la diplomacia española. Vol. VIII-2. P. 129; y sobre todo: *Conde Pazos M.* La embajada turca en Madrid y el envío de Alegreto de Allegretti a Constantinopla (1649–1650) // Libros de la Corte.es. 2011. No 3. P. 10–17.

Las noticias de España en los *courantes* rusos

En el siglo XVII, la información sobre España podía llegar a Rusia por diferentes vías: la transmitían embajadores rusos y extranjeros, negociantes, gobernadores de ciudades fronterizas, peregrinos; también los corresponsales europeos enviaban noticias. El papel de los periódicos que se hacían llegar a Moscú a partir de la década de 1620 fue creciendo rápidamente. En la segunda mitad del siglo XVII, estando ya bien organizada la comunicación postal regular con los países de Europa, los plazos de entrega de los periódicos de Hamburgo a Moscú podían ir de 22 a 25 días, y de Amsterdam, de 30 a 35 días. La información desde España entre de un mes y medio y dos meses después.

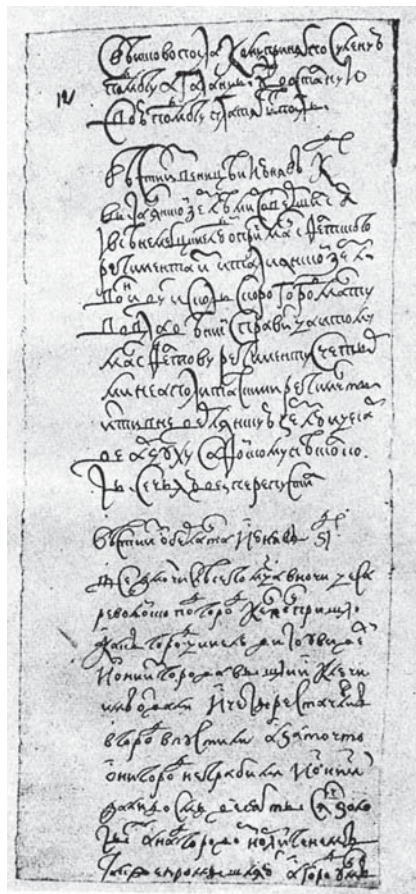
Los periódicos que llegaban, entre los cuales predominaban alemanes y holandeses, eran examinados inmediatamente por los oficiales de la Cancillería de Embajadores (*Posolski prikaz*), quienes seleccionaban las noticias de mayor importancia para el zar y su entorno. Traducidas al ruso y copiadas en dos o tres ejemplares, se convertían en los *courantes*, sinopsis manuscritas de la prensa extranjera. En una situación de ausencia de misiones diplomáticas permanentes en el extranjero solo esas noticias ofrecían al Gobierno la información indispensable.

El temario de materiales publicados en las páginas de los *courantes* es bastante amplio: guerras y tratados de paz, cambio de soberanos, asuntos comerciales y epidemias... España se menciona ante todo en relación con su participación en guerras europeas: así, se cita el tratado de paz hispano-holandés de 1648, hay mucha información sobre las guerras franco-españolas y sobre la guerra hispano-portuguesa de 1640–1668. A veces se puede extraer información importante de comentarios casuales: así, los *courantes* de febrero-marzo de 1666 menciona al “rey fallecido” y la “coronación” de Carlos II de Habsburgo en Amberes, de lo cual se deduce que, contrariamente a las ideas generalizadas, en Rusia sabían de la muerte del rey Felipe IV en 1665, y el hecho de que en 1667

De este modo, a lo largo de la mayor parte del siglo XVII no hubo contactos diplomáticos directos entre los dos países. Al mismo tiempo, noticias e informaciones, cada vez más numerosas, variadas y de importancia creciente, llegaban a los dos países, las de Rusia a España y las de España a Rusia; las relaciones culturales mutuas eran bastante intensas y las imágenes de la lejana Moscovia quedaron plasmadas en la literatura y el teatro del Siglo de Oro⁹⁷.

⁹⁷ *Alekséev M.P.* Ocherki istorii russko-ispanskikh literaturnykh otnosheniy (Ensayos sobre la historia de las relaciones literarias hispano-rusas) // *Russkaya cultura i romanskiy mir* (La cultura rusa y el mundo romance). Leningrado: Nauka, 1985; *Védiushkin V.A.* Kogda v Rossii uznali o smerti korolya Ispanii Filippa IV? Ob odnom kazuse iz istorii russko-ispanskikh otnosheniy (¿Cuándo se enteraron en Rusia de la muerte del rey Felipe IV de España? Sobre un caso de la historia de las relaciones hispano-rusas) // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy*

El periódico manuscrito *los courantes*

la embajada de Piotr Potiomkin llevaba una carta dirigida a este monarca no se explica por falta de información, sino por algunas otras razones.

Los *courantes* dedicaba mucha atención a las ceremonias diplomáticas. Gracias a eso contamos con una descripción de la procesión de la embajada de Piotr Potiomkin en Madrid en 1681: “El embajador y sus nobles estaban ricamente vestidos, llevando bellos gorros de piel de martas. Delante de ellos a pie marchaban sus criados cargados con regalos para su majestad, y entre los cuales se contaban objetos y trofeos en el interior de un cofre de oro y otro de plata. Asimismo, se podía ver un moscovita a caballo, que mostraba en su mano alzada la carta credencial del zar”. Por medio de los *courantes*, en Rusia no solo se tenía noticias de las guerras y la política, sino también de la vida cotidiana y de la cultura de los países del resto de Europa. Los *courantes* se convirtieron en un fenómeno importante de la cultura rusa del siglo XVII, sin el cual es imposible entender los mecanismos de modernización de la sociedad.

Entre 1660 y 1680 se produjo un salto cualitativo en las relaciones entre ambos países, cuando a lo largo de veinte años cuatro misiones diplomáticas rusas visitaron España. Cada una de ellas tenía características propias, al igual que algunos rasgos comunes que determinaron tanto el carácter de las iniciativas rusas, como las correspondientes respuestas de la parte española. Estos rasgos comunes eran consecuencia del papel de Rusia y de España en la situación internacional europea. Después de que firmara Rusia y la Mancomunidad de Polonia-Lituania el Tratado de Andrúsovo en febrero de 1667, comenzó un acercamiento entre ambas para poder luchar conjuntamente contra los turcos. Se aceleró la firma del acuerdo de esa tregua porque iba

zhurnal «Istoriya». Vyp. 8 (52). 2016 [ENOZH “Historia”]; *Mirolyúbova A.Yu.* Moskoviya v imagologii ispanskogo Zolotogo veka (Moscovia en la Imagología del Siglo de Oro español) // *Ispaniya i Rossiya: istoricheskiye sud’by...* P. 375–384.

agravándose la situación en el sur de Ucrania, los turcos y tártaros de Crimea amenazaban con una invasión. Gracias a las reformas de los visires Köprülü, el Imperio otomano se recuperó e incrementó su actividad en política europea. La guerra de Candía supuso primer punto de inflexión que beneficiaría a Turquía, y la guerra austro-turca (1663–1664) terminaría a su vez, a pesar de la derrota otomana, con un tratado de paz que le sería favorable. La amenaza turca volvía a tomar cuerpo para la Europa Occidental y la Europa Oriental.

En esas condiciones, el *Posolski prikaz* encabezado por Afanasi Ordín-Nashchokin, destacado diplomático y hombre de estado ruso, propuso un programa de política exterior de gran calado. A finales de la primavera y en el verano de 1667, salieron de Moscú misiones diplomáticas a Viena, España y Francia, Inglaterra, Holanda, Dinamarca, Suecia, Prusia, Curlandia; se planificó una misión a Irán, pero se aplazó para el año siguiente⁹⁸. Las misiones, formalmente, tenían que informar sobre la firma de la tregua. En realidad, se trataba de preparar diplomáticamente la realización de los grandes planes de Ordín-Nashchokin en el marco de la política exterior. La idea básica de este plan era la alianza de Rusia y de la Mancomunidad de Polonia-Lituania contra el Imperio otomano, una alianza que contara con el apoyo de todas las naciones cuyo interés era debilitar a Turquía. El objetivo *más próximo de esa política* era lograr que el Imperio otomano y Crimea cesaran de intervenir en los asuntos de Europa Oriental, y más distante, crear una amplia coalición de Estados europeos para expulsar a los turcos de la península de los Balcanes y reconquistar Constantinopla. Según Borís Florya, una de las tareas de esas misiones diplomáticas era “determinar hasta qué punto se podía contar con el apoyo de distintos estados europeos para realizar estos planes”⁹⁹.

Para poder cumplir este proyecto de Ordín-Nashchokin era muy importante la misión del diplomático ruso enviado a España como porque desde hacía mucho tiempo ese país se consideraba en Rusia como una potencia poderosa y un convencido adversario del Imperio otomano. Pero la falta de contactos diplomáticos directos entre España y Rusia en aquel entonces hacía la bastante difícil tarea. La complicada misión se le encargó al *stolnik* (los *stolniki* llevaban los platos a la mesa del zar, cuidaban de su dormitorio y le acompañaban en sus viajes) Piotr Potiomkin (1623-1700) que era un experimentado militar y cortesano. La historia de las relaciones diplomáticas directas y bilaterales entre Rusia y España tiene su inicio precisamente con esa misión encabezada por Potiomkin en 1667–1668¹⁰⁰.

⁹⁸ Florya B.N. Vneshnepoliticheskaya programma A.L. Ordina-Nashchokina i popytki yeyo osushchestvleniya. (El programa de política exterior de A.L. Ordín-Nashchokin e intentos de su realización). Moscú, Indrik, 2013. P. 196–203, 207–209.

⁹⁹ *Ibíd.* P. 197.

¹⁰⁰ Véase: *Védiushkin V.A.* Piotr Ivánovich Potiomkin (1667–1668, 1681) // *Rossiyskiye diplomaty v Ispanii / Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / Ed. O. Volosyuk.* Moscú: 2016. P. 13–22; *Volosyuk O.V.* Vneshniaya politika Ispanii v XVIII veke: Stanovlenie ispano-russkikh otnosheniy (Política exterior de España en el s. XVIII: el establecimiento de las relaciones hispano-rusas). Moscú: RUDN, 2011. P. 91–92, 98–99; *Fernández Izquierdo F.* Pervyye ispano-russkiye diplomaticheskiye kontakty: posolstvo P.I. Potiomkina v

A Potiomkin se le encargó la misión de establecer relaciones bilaterales con el rey de España, transmitirle proposiciones de una alianza contra los turcos y de establecer lazos comerciales. Después de un largo viaje por mar desde la ciudad de Arcángel, la embajada llegó a Cádiz el 4 (14) de diciembre de 1667, pasó un mes, esperando un permiso real, en El Puerto de Santa María¹⁰¹, una villa cerca de Cádiz, y finalmente partió a Madrid.

La llegada de los rusos fue una sorpresa absoluta para la parte española, en la Corte no sabían como recibir a aquellos visitantes. De inmediato, se puso en marcha un complicado mecanismo para preparar el recibimiento: se examinaron cuestiones financieras del viaje de los moscovitas, de su estancia en la capital, se les preparó una casa en Madrid, se comentaron los pormenores de la audiencia. La solemne entrada de los embajadores despertó un tremendo interés entre el público: según un testigo presencial, “el concurso fue grande, porque la novedad movió a la curiosidad no perderla”¹⁰².

El 7 (17) de marzo de 1668, el rey Carlos II, un niño de 6 años, y Mariana, la reina madre, concedieron audiencia a los embajadores en el Real Alcázar de Madrid. Los embajadores le entregaron al rey el mensaje del zar, así como los regalos, ante todo, pieles finas, sobre todo, pieles de cebellina que se apreciaban muy altamente en la Europa Occidental. A pesar de algunas complicaciones, producto de las diferencias en las tradiciones diplomáticas, las dos partes quedaron satisfechas. En la siguiente audiencia, Potiomkin le entregó a la parte española las proposiciones sobre el establecimiento de las relaciones diplomáticas. Tras recibir un mensaje de respuesta y la promesa de la parte española de enviar próximamente una embajada a Moscú, Potiomkin y sus acompañantes se fueron a Francia donde fueron recibidos por el rey Luis XIV y desde allí regresaron a Rusia. En esa misión, Potiomkin se mostró como un diplomático de talento que sabía hacer respetar a su país y lograr los objetivos previstos. El *stateynyi spisok* contenía no solo la descripción del viaje de los embajadores y el curso de las negociaciones, sino también una presentación del país, de su historia y de las costumbres españolas¹⁰³. La misión fue evaluada como exitosa,

---

1667–1668 godah (Primeros contactos diplomáticos hispano-rusos: la embajada de P.I. Potiomkin en 1667–1668) // Problemy ispanskoy istorii. 1992. Moscú, 1992; *Idem*. Las embajadas rusas a la Corte de Carlos II // Studia Historica. Historia Moderna, Vol. 22, 2000; *Egea Fernández M.A.* Pervoye russkoye posolstvo v Ispanskoye korolevstvo (1667–1668 gody). Istochniki ispanskikh arhivov (La primera embajada rusa a la Monarquía Hispánica) // Novaya i noveishaya istoria. 2016, № 4; *Idem*. La primera embajada moscovita a la Monarquía Hispánica // From Ireland to Poland: Northern Europe, Spain and the Early Modern World. Ed. E. García Hernán y R. Skowron. Valencia, 2015. P. 273–288.

¹⁰¹ En diciembre de 2017 en el centro de esta ciudad se inauguró un monumento con ocasión de los 350 años de la llegada de la primera embajada rusa.

¹⁰² Corpus... Vol. 1. P. 9.

¹⁰³ Véase: *Kazakova N.A.* Stateynnye spiski russkikh poslov v Ispanii XVII v. (Informes de embajadores rusos en España del siglo XVII) // Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1984 g. Moscú: Nauka, 1986. P. 140–157; *Védiushkin V.A.* Ispaniya v stateynom spiske posol'stva 1667–1668 godov (España en el Informe de los embajadores rusos, 1667–1668) // Ispaniya i Rossiya: istoricheskiye sud'by... P. 101–106.

Los primeros contactos diplomáticos: Andréi Vinius

La misión diplomática de Andrei Vinius es una interesante página de la historia de las relaciones hispano-rusas. Andreas Winius (1641–1717), holandés al servicio de Rusia, era hijo del mercader y hombre de negocios, Andries Dionyszoon Winius, uno de los fundadores de las fábricas de armas de Tula. La riqueza y los contactos personales de su padre, la buena educación y el excelente dominio de idiomas extranjeros abrieron ante Vinius oportunidades de hacer carrera en Rusia, sobre todo después de haberse convertido a la ortodoxia (1655).

A partir de 1664, sirvió de traductor en la Cancillería de Embajadores. Cuando en 1672 los turcos invadieron la Mancomunidad de Polonia-Lituania y se convirtieron en una amenaza real para Rusia, el Gobierno ruso, en busca de aliados, envió a sus representantes a muchos países de Europa. Vinius fue enviado a Inglaterra, Francia y España. Al tener la condición de mensajero y no de embajador, solo podía entregar cartas del zar y recibir respuestas a las mismas, pero no mantener negociaciones oficiales.

Vinius y sus acompañantes salieron de Moscú en otoño de 1672, visitaron Inglaterra y Francia y llegaron a Madrid en julio de 1673. Una vez celebrada la audiencia del rey Carlos II y la reina madre Mariana de Austria, los rusos tomaron sin demora el camino de regreso y en enero de 1674 llegaron a Moscú. Vinius no logró persuadir a ninguno de los tres países para que integrara una alianza antiotomana. Al explicar el fiasco sufrido en Madrid, alegó que, a pesar de que España quería ayudar al rey polaco, defendía con dificultad sus dominios de las pretensiones de Francia y se había despoblado tanto que solo podía ayudar con dinero.

490

pero la embajada recíproca no llegaría a Moscú: la Monarquía Hispánica estaba en una grave situación, defendiendo sus posesiones de Francia con grandes dificultades y no podía aceptar las propuestas rusas. Por ello, los diplomáticos españoles llegaron a Rusia apenas en el siglo XVIII.

Después de la embajada de Piotr Potiomkin, desde España no llegó ninguna misión diplomática, y cuando en 1672 volvió a aparecer la amenaza otomana para Rusia, la Corte y el Gobierno rusos volvieron a buscar aliados y mandaron a sus representantes a numerosos países de Europa. Andréi Vinius (Andrés Vinio en la documentación española) fue enviado a Inglaterra, Francia y España y llegó a Madrid en 1673. A pesar de que su misión no tuvo éxito, sí tuvo importancia para las relaciones hispano-rusas.

En 1680–1682, fue enviada una misión diplomática más a Francia, España e Inglaterra¹⁰⁴ encabezada, otra vez, por Potiomkin y por *diak* Semión Pólkov. La

¹⁰⁴ *Falcón Ramírez K.H.* Russkoye posol'stvo 1681 goda: popytka razvitiya dvustoronney trgovli (La embajada rusa de 1681: un intento de desarrollar el comercio bilateral) // *Problemy ispanskoj istorii*. 1992. Moscú: Nauka, 1992. P. 104–111; *Fernández Izquierdo F.*

El *stateynyi spisok* de la embajada de Vinius contiene una profunda característica de las relaciones internacionales en Europa. En cada una de sus tres partes, al principio, se describe la estancia en el respectivo país, luego la política exterior del mismo y, al final, su estructura estatal. Vinius subraya que los monarcas españoles son “autocráticos, hacen lo que quieren”, sin embargo, la reina madre — restringida de los derechos políticos por el testamento de Felipe IV “no ejerce nada en los asuntos estatales sin el consejo de siete personas, los primeros senadores suyos...”; al mismo tiempo Vinius señala que los asesores de la reina “velan más [...] por sus propios beneficios que por los del soberano suyo” y compiten entre sí, lo que debilita a España. El relato breve, pero sustancial, de Vinius sobre la estructura de la Monarquía Hispánica llenó el vacío del informe de la embajada de Piotr Potiomkin, que casi no contenía ese tipo de información, de modo que en Rusia quedó notablemente ampliada la esfera de conocimientos sobre España.

La carrera posterior de Vinius no estaría ligada en nada con España, pero resultaría remarcable. Sirvió en las Cancillerías de Embajadores y de Farmacia, en 1685, encabezó la Cancillería de Correos. El joven Pedro I, al asumir el poder, percibió a Vinius como partidario, le otorgó su confianza y le encomendó importantes encargos. Desde 1697, administró la Cancillería de Siberia, desde 1701, la de Artillería. En 1703, inculpado de lentitud en el aprovisionamiento del ejército y de malversaciones, cayó en desgracia y huyó a Holanda, pero fue perdonado y, en 1708, regresó a Rusia, donde permaneció el resto de su vida, cumpliendo diferentes encargos del zar y traduciendo libros de fortificación, artillería y otras esferas del conocimiento.

primera decisión fue enviar a Potiomkin a Inglaterra y Francia. Ya después de haber partido la embajada de Moscú, surgió la idea de añadir España a la lista, y se mandó un mensaje para el rey Carlos II y un *nakaz* (instrucciones) para la misión. Pero faltaban los regalos para el rey español y eso podía complicar el asunto. A los diplomáticos se les dio el orden de explicar esta circunstancia por el hecho de que no se había dado, en su momento, la visita recíproca de la parte española a Rusia. Los embajadores pasaron en España varios meses de 1681, una vez más sin lograr resultado alguno. Tras volver a Moscú, se emprendió una investigación del comportamiento de los embajadores, les culparon de faltas y errores durante su visita a los tres países. En cuanto a España, a los jueces de la Cancillería de Embajadores les llamó la atención un episodio en el que los embajadores se cubrieron la cabeza en presencia del rey español. A pesar de que ellos lo hicieron por petición del monarca

---

Las embajadas rusas a la Corte de Carlos II // *Studia Historica. Historia Moderna*, Vol. 22, 2000. P. 95–99; *Rychalovsky E.E.* Piotr Ivanovich Potiomkin na gosudarevoy sluzhbe (Piotr Ivánovich Potiomkin al servicio del zar) // *Ispaniya i Rossiya: istoricheskiye sud'by...* P. 107–114.

Los diplomáticos rusos en España: Yákov Dolgorúkov

Uno de los hombres de confianza más allegados a Pedro el Grande y estadista destacado de su época, Yakov Dolgorúkov (1639–1720), procedía de un abolengo principesco antiguo, ilustre e influyente. Ascendió a sus primeros grados cortesanos estando al servicio del zar Alexéi Mijáilovich, y, después de la muerte del mismo, en 1676, en una lucha que habían desatado dos agrupaciones de boyardos, apoyó los derechos al trono del zarévich (hijo del zar) Piotr Alexéevich (el futuro Pedro I el Grande). A raíz del motín de los *streltsi* (arcabuceros) el poder pasó a la zarevna (hija del zar) Sofía que era regente de Iván y Piotr, dos zares menores de edad, y los adversarios de la misma, entre ellos el linaje de los Dolgorúkov, cayeron en desgracia, pero Yákov tuvo la suerte de sobrevivir y seguir cerca del zarévich Piotr.

En 1687, gracias a su espléndida educación y sus muchos talentos que le reconocían incluso sus detractores, fue elegido para encabezar una embajada a Francia y España, cuya finalidad era atraer a dichos estados a la participación en la Liga Santa contra el Imperio Otomano. Dolgorúkov salió de Moscú acompañado por una numerosa embajada, tan numerosa que fue insuficiente la residencia concedida para su alojamiento en Madrid y tuvo que ocupar también tres casas vecinales. La residencia estaba cerca del palacio, sin embargo, el día de la audiencia oficial del rey, los embajadores rusos tuvieron dificultad para recorrer aquella pequeña distancia: entorpecía su desplazamiento la multitud de vecinos que se habían congregado para ver a los visitantes extranjeros, rica y exóticamente vestidos, que llegaban con regalos suntuosos para el rey: pieles y seda china.

En el periodo de estancia de la embajada en Europa, el príncipe Dolgorúkov se mostró diplomático, diligente y firme, si bien, dicha misión diplomática resultó breve y única en su carrera. No consiguió que ni Luis XIV, ni Carlos II se sumaran a una guerra contra los turcos, pero supo ganarse el respeto y la simpatía de la Corte real tanto en Versalles, como en Madrid, y amplió también sus conocimientos sobre asuntos europeos, lo que le sería útil en los años posteriores de servicio a su soberano.

Al regresar a la patria, el príncipe fue nombrado juez de la Cancillería de Justicia de Moscú y luego encabezó la Cancillería Militar. Tomó parte en las campañas de Azov (1695–1696) y en la Gran Guerra del Norte (1700–1721), pasó varios años cautivo de los suecos, del cual logró escapar. Siendo como era fiel adepto de Pedro, y nombrado al poco tiempo senador, no temía ir a contrapelo del temible temperamento de su soberano y ha quedado grabado en la memoria de las generaciones posteriores como un dechado de justicia y honradez, un hombre que se ha ganado por derecho propio los nombres de “Catón Ruso” y de “amigo de la verdad”, con los cuales lo galardonaría el poeta Gavrila Derzhavin.

y solo después de que también lo hubiera hecho el soberano, los jueces opinaron que Potiomkin había violado las tradiciones diplomáticas y, de ese modo, dado motivos para que los embajadores extranjeros se comportaran de la misma manera, algo que ellos habían intentado lograr hasta entonces sin éxito, pues permanecer cubierto ante el zar se consideraba una gravísima falta, merecedora incluso de la pena capital. Como respuesta a esa acusación, Potiomkin justificó su conducta diciendo que no quiso contradecir la voluntad real y ello para no afectar “amistad hermana y amor” entre los dos monarcas.

En la embajada de 1680–1682, Potiomkin mostró distintos rasgos de su carácter y sus cualidades de trabajo. E. Rychalovsky comenta que “estaba dispuesto a ceder en el ceremonial oficial para poder lograr el éxito en su misión, y esta disponibilidad iba acompañada de un espíritu emprendedor y [...] de la codicia. Las autoridades supremas de Rusia consideraron una seria falta la flexibilidad de Potiomkin ante las cortes extranjeras, a pesar de que la actividad de la Cancillería de Embajadores se mostró más europeizada bajo el Gobierno de Vasili Golitsin”¹⁰⁵.

De este modo, a pesar de que la embajada de 1680–1682 no obtuvo serios resultados diplomáticos, sus características y circunstancias ofrecen un considerable interés para los historiadores, sin hablar ya de que precisamente durante la estancia de los rusos en Madrid en 1681, Juan Carreño de Miranda, pintor de cámara, elaboró un soberbio retrato de Potiomkin, una de las obras maestras del Museo del Prado¹⁰⁶.

La embajada de Yákov Dolgorúkov y Yákov Myshetski en 1687 fue la última de las misiones diplomáticas rusas enviadas a España en el siglo XVII. Para anunciar con antelación la visita, fue enviado a España el mensajero N. Bekhtéev. Al volver, también presentó un *stateynyi spisok*, pero no tan detallado como los de los embajadores. La misión principal de Dolgorúkov era atraer a España a una alianza contra los turcos, pero si la parte española mostraba interés en establecer vínculos comerciales bilaterales, se preveía la posibilidad de concluir un acuerdo comercial. Sin embargo, Carlos II, una vez más al enviarles a los zares rusos los votos más sinceros de salud y amistad no dio una respuesta clara a las proposiciones de participar conjuntamente en operaciones militares contra los turcos. Al igual que sucediera antes, esta actitud de la parte española parecía lógica: se esperaba una nueva guerra contra Francia, que comenzaría un año después (la guerra de los Nueve Años, 1688–1697) y España no podía permitirse intervenir en una guerra directa contra Turquía que, a su vez, no amenazaba en aquel entonces las posesiones de los Habsburgo españoles. Indirectamente, España ya estaba involucrada en la lucha contra los otomanos, pues participaba en la financiación de las campañas de los Habsburgo austríacos contra los turcos, y como recompensa tenía el compromiso de Viena de recibir ayuda militar en caso de una guerra contra Francia¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Rychalovsky E.E. Piotr Ivanovich Potiomkin... P. 110–114.

¹⁰⁶ Bun V.Z. Ispanskiy pridvornnyy portret i inostrannyye posol'stva. K voprosu o prebyvanii P.I. Potiomkina v Ispanii (El retrato cortesano español y las embajadas extranjeras. Apuntes sobre la estancia de P. Potiomkin en España // Ispaniya i Rossiya: istoricheskiye sud'by... P. 569–572.

¹⁰⁷ Karaúlova M.K. Yákov Fiódorovich Dolgorúkov (1687–1688) // Rossiyskiye diplomaty v Ispanii... P. 23–30; Rodríguez Hernández A.J. El precio de la fidelidad dinástica: colaboración

La misión diplomática de Yákov Dolgorúkov resultó la última de la lista, después vendría una nueva y bastante larga pausa en la historia de las relaciones hispano-rusas. De una parte, estos cuatro intentos, de 1667 a 1687, no dieron resultados concretos y resultaron bastante costosos. De la otra, cambió la situación internacional. La amenaza turca ya no era tan peligrosa ni para la Europa Occidental, ni para la Oriental. La Monarquía Hispánica siguió perdiendo, una tras otra, sus posesiones. Y en Rusia, para realizar un programa de reformas de gran escala, Pedro I necesitaba la salida al Mar Báltico, lo que causó un viraje en la política exterior de su país: Suecia pasó a ser su principal rival. Cuando el zar ruso organizó la Gran Embajada a los países de Europa Occidental, el país pirenaico no se encontraba en su itinerario. Solo después de los desastres de la Guerra de Sucesión, cuando España entró en un nuevo periodo de su historia y se despertó el interés en los contactos con la lejana Rusia, las relaciones entre los dos países adquirirían realmente carácter bilateral.

RUSIA EN LA LITERATURA ESPAÑOLA DEL SIGLO XVII

El siglo XVI tocaba a su fin. La Monarquía Católica estaba en su apogeo. Los exploradores no dejaban de ampliar el espacio descubierto en el Nuevo Mundo. La unión de coronas entre España y Portugal había hecho realidad la afirmación de que “en el Imperio hispánico no se ponía el sol”. Tanto más que, los súbditos españoles y los de la mayoría de los países europeos, en particular los mediterráneos, aún desconocían el *finis terrae* del Septentrión. En su imaginario, aún envuelto en las brumas de las leyendas fabulosas, especulaban con la posibilidad de que en la última frontera, pasado un golfo que se llamaba *Mare Magnun*, “se dice que está el Paraíso terrenal, y que por eso no hay nadie en el mundo que tenga noticia de él”. ¿Podía hallarse Rusia en esos confines paradisíacos?¹⁰⁸

494

La realidad geográfica era más prosaica. Por eso, no es de extrañar que el tratadista Fray Antonio de Torquemada, en su obra *Jardín de flores curiosas* (Salamanca, 1570), afirmase que las únicas noticias acerca de Rusia llegadas a Occidente, provenían del testimonio auricular del historiador italiano Paulo Jovio. Este humanista formó parte de las Cortes papales de León X y Clemente VII y se limitó a referir lo que le había contado un embajador ruso en su visita a Roma: “Y así, dice en otra parte que los moscovitas, los cuales están puestos entre Polonia y Tartaria, confinan con los montes Rifeos y moran hacia el Septentrión en los últimos fines de Europa y Asia, y extiéndense sobre las lagunas del río Tanays, hasta los montes hiperbóreos y el mar Océano que llaman Helado”¹⁰⁹. Sin embargo, a pesar de las imprecisiones geográficas, ya habían llegado noticias eslavas hasta la España de Felipe II. Al Monarca

---

económica y militar entre la Monarquía Hispánica y el imperio durante el reinado de Carlos II (1665–1700) // *Studia Historica. Historia moderna*. 2011. N° 33. P. 164–172.

¹⁰⁸ *García Martín P.* La formación de Rusia. Colección “Manual para el estudio de las historias Nacionales de Europa”. Vol. II. Alcalá: Universidad de Alcalá de Henares, 2013.

¹⁰⁹ *Torquemada A. de.* Jardín de flores curiosas. San Sebastián, Roger Editor, 2000 (1ª ed. Salamanca, 1570). P. 263.

Lope de Vega

495

Católico le rondó por la cabeza una alianza con Rusia para perjudicar los intereses de Inglaterra.

Esta vaguedad espacial de Rusia para los latinos llevó a Tommaso Campanella a pensar en ella como en un peón estratégico. Entre sus proyectos más o menos utópicos propuso colocar a un rey de la casa de Austria en Polonia. De esa forma, el país aseguraría su catolicismo y, aliado al poderoso vecino Ducado de Moscovia, se enfrentaría al Gran Turco. Así lo expresa en su tratado *La Monarquía de España* (1601): “En nuestros días el reino de Polonia es el más poderoso de los reinos septentrionales, y si no estuviese desunido por cuestiones religiosas y si su rey fuese designado por sucesión y entre los nativos, y no fuese extranjero, sería un formidable enemigo del Turco, sobre todo si se une con el gran duque de Moscovia, pero los señores palatinos y los electores, temiendo el poderío del rey, no le dan demasiado poder”¹¹⁰.

¹¹⁰ Campanella T. La política. Ed. de M. González García. Madrid: Alianza, 1991. P. 133.

Por su parte, Lope de Vega no manifestó una veracidad muy escrupulosa cuando cultivó la comedia histórica. En dicho género recreó los orígenes míticos de España, los godos, los Reyes Católicos y los Austrias, adaptados al gusto popular mediante su nuevo arte de hacer comedias. Pero su mirada a la historia fue cada vez más política, aludiendo a hechos recientes en la memoria colectiva y abriéndose a otros espacios y personajes, como Jerusalén, Canarias, Drake y Colón. Entre ellos, tendrá cabida el asunto del falso Dmitri (Demetrio) en la pieza *Gran Duque de Moscovia y emperador perseguido*, en la que el rey de Polonia y los personajes de su corte acaban por ceñirle una corona de laurel al zar restaurado frente al usurpador Boris Godunov¹¹¹.

“UNO

¡Viva el príncipe Demetrio!

TODOS

¡Viva el duque de Moscovia!

UNO

¡Muera Boris, el tirano!

¡Muera el tirano sin honra!”.

El Periodo Tumultoso en Rusia (1598–1613) despertó un gran interés en Europa. Que Lope estaba informado lo demuestran las alusiones al asesinato por parte de Iván el Terrible de su heredero y a la ineptitud para gobernar de su hijo Fiódor (Teodoro). También están muy detallados los hábitos, atuendos y aspectos de la vida cotidiana de los boyardos. Por eso, es muy probable que el escritor utilizara como fuente la *Relación de la señalada y como milagrosa conquista del paterno Imperio, conseguida del serenísimo Príncipe Iván Demetrio, Gran Duque de Moscovia en 1605*, traducida del italiano al español.

496

La comedia debió de representarse antes de 1617, puesto que en ella Demetrio está aún vivo y gobernando, aunque ya en 1606 había aparecido en Ámsterdam la publicación *Légends de la vie et de la mort de Demetrius, grand-duc de Moscovie*. En España, la noticia de la muerte de Demetrio se conoció en 1613 a través de la *Historia Pontifical y católica compuesta por el doctor Luis de Bavia*, en la que se señalan las calumnias que divulgaron los moscovitas: “afirmando ahora que había sido burlador y hechicero, y no el verdadero Demetrio, sucesor de Moscovia”. Lope de Vega o bien tardó muchos años en enterarse, o, simplemente, no quiso cambiar el final de su obra. Él no se planteó la posibilidad de convertir Moscovia al catolicismo, que, en cambio sopesaban el Papado y los jesuitas, sino simplemente despertar el morbo de los espectadores mediante una sucesión de escenas truculentas. En este sentido, por el escenario desfilan hasta treinta actores, lo que obligó a mucho de ellos a hacer papeles dobles, los cuales mantienen un ritmo vertiginoso durante la sucesión de tragedias que culminan

¹¹¹ Brody E.C. Lope de Vega's El Gran Duque de Moscovia y Emperador Perseguido. The Demetrius Legend and Its Literary Treatment in the Age of the Baroque. Nueva Jersey, 1972.

en la restauración de Demetrio: “Él te volverá a su reino”. En último término, el teatro histórico de Lope, que perseguía el éxito de público, tenía como objetivos subyacentes enaltecer a la nobleza, enardecer el sentimiento patriótico, legitimar la Monarquía Hispánica y defender la fe católica contra la herejía protestante¹¹². De manera que Rusia fue en esta comedia una excusa metafórica.

Una década después, Enrique Suárez de Mendoza y Figueroa publicó su novela *Eustorgio y Clorilene: historia moscovica* (1629). El autor, un religioso agustino que profesó en San Felipe el Real de Madrid, trató de imitar obras de otros escritores de la Corte. De esta forma su libro *El privado cristiano* está escrito con la misma finalidad que la *Idea de un príncipe político cristiano* de Saavedra Fajardo. Y esta novela de peregrinos españoles guarda paralelismo con *El Criticón* de Baltasar Gracián¹¹³. Pero, sobre todo, la inspiración del *Persiles y Sigismunda* de Cervantes es clara: “historia septentrional” la tituló el padre de Don Quijote e “historia moscovica” la subtítulo Enrique Suárez. De resultas, los personajes ambientados en paisajes rusos son artificiales, los hechos confusos y la lectura propone un modelo ideal de los afectos¹¹⁴.

También en la pieza de Calderón de la Barca *La vida es sueño* (1635) aparece el Duque de Moscovia, Astolfo, como candidato al trono de Polonia. Mientras se desarrolla la trama, el príncipe Segismundo está recluido en una prisión existencial, en un sueño del que saldrá para recuperar su condición de heredero al trono. Del mismo modo, Francisco de Quevedo escribe en 1636 una sátira titulada *El Gran Duque de Moscovia y los tributos*, que publica inserta en el libro *La hora de todos y la Fortuna con seso*. El argumento ruso es un mero pretexto. El Gran Duque de Moscovia pide consejo sobre los nuevos impuestos que han de cotizar sus súbditos para sufragar una guerra. En realidad, la moraleja de Quevedo, escondida tras la anécdota moscovita, era una crítica a la presión fiscal a la que el poder real estaba sometiendo a la sociedad hispana¹¹⁵.

Por fin, en 1650 Luis de Belmonte, Agustín Moreto y Antonio Martínez estrenaron en los teatros y publicaron la obra *El príncipe perseguido, el infeliz Juan Basilio*. El argumento gira en torno al príncipe Juan Basilio y su hijo Demetrio: “quien ha de ser/sucesor de la Corona/de tan dilatado Imperio:/

¹¹² García Martín P. Protiv yazychnikov i protestantov: religiya v dramaturgii Lope de Vega (Contra infieles y protestantes. El teatro confesional de Lope de Vega) // “Vremya molchaniya proshlo”: pyat’ vekov Reformatsii v menyayushchemsya mire (“El tiempo del silencio ha pasado”: cinco siglos de Reforma en un mundo cambiante). Moscú: MGU, 2018.

¹¹³ Deffis de Calvo E.I. El discurso narrativo y el cronotopo en *El Criticón* de Baltasar Gracián. https://cvc.cervantes.es/literatura/aiso/pdf/03/aiso_3_3_018.pdf. (fecha de consulta 18.12.2017).

¹¹⁴ Van Praag J.A. Eustorgio y Clorilene, *Historia Moscovica* // *Bulletin hispanique*. 1939. N.º 41–3. P. 236–265. http://www.persee.fr/doc/hispa_0007-4640_1939_num_41_3_2849 (fecha de consulta 18.12.2017).

¹¹⁵ Baraibar Á. El universo simbólico del poder en *La hora de todos: la representación del poder según M. Alcorlo*, ilustrador de Quevedo // *El universo simbólico del poder en el Siglo de Oro* // Á. Baraibar y M. Insúa (Eds.), NY / Pamplona: IDEA, Publicaciones Universidad de Navarra, 2012. P. 159–174.

el Gran Duque de Moscovia,/ Emperador de la Rusia,/ y de las provincias remotas/ del Tártaro, con presidios/ las tiene sujetas todas”¹¹⁶. En este tipo de teatro histórico, las razones ideológicas se mezclan con el drama para acabar con un final feliz de los conflictos. De esa forma, el espectador relacionará el pasado con el presente y, a través de mensajes subliminales, identificarán a los príncipes rusos que imparten justicia sobre la escena con sus propios monarcas. Todo ello, en la Rusia imaginada y en la España real, contribuía al acatamiento del orden establecido.

En 1681, al tiempo que el pintor Carreño de Miranda acababa el retrato del embajador ruso Piotr Potiomkin, el sacerdote zaragozano Pedro Cubero Sebastián, tras estudiar gramática y teología, decidió echarse a los caminos cuando en Roma recibió el nombramiento papal de *Misionero Apostólico en Oriente*. La Congregación de Propaganda de la Fe le envió a Oriente con la misión de predicar la doctrina cristiana por Asia y las Indias Orientales. De paso, le encomendaron ir por una ruta terrestre “para ver de la mejor forma, y manera, en que los Varones Apostólicos de la propagación de la Fe se podían introducir en las Provincias remotas Septentrionales, y Asiáticas”¹¹⁷. El predicador aragonés dio la vuelta al mundo en sentido inverso al tradicional. Ese viaje circular le convirtió en uno de los primeros españoles en visitar Rusia.

De forma que recorrió Europa central y oriental, Extremo Oriente y aún las islas Filipinas, desde donde, embarcado en el mítico galeón de Manila, zarpó hacia América. Tras dar la vuelta al mundo, regresó a Madrid, en una de cuyas imprentas publicó en 1680 su maravilloso viaje en el libro *Breve relación de la peregrinación de la mayor parte del mundo*¹¹⁸. En su peregrinar desde Roma a Constantinopla y desde Transilvania a Polonia dejó constancia de los pueblos transitados y de las gentes conocidas. Por fin, entró en Rusia, definiendo el paisaje como “un bosque continuado, y de tan copados árboles, y grandes, que en mi vida he visto otros mayores”. Poco después, tras hacer un alto en la fortaleza de Smolensk, atravesó la estepa nevada hasta llegar a Moscú, donde fue recibido por el zar Alexéi Mijáilovich, cuya majestad le autorizó a predicar entre los latinos. De la capital moscovita le gustaron las murallas de palacio, el caudaloso río, las casas de madera y las iglesias ortodoxas, de las que le fascinó el ritual barroco de las ceremonias religiosas. De nuevo en marcha, visitó las aldeas que brotaban a lo largo de las orillas del Volga y la asombrosa ciudad de Astrakán, donde todavía se guardaba el recuerdo de la revuelta de Stepán Razin. El gobernador le agasajó

¹¹⁶ Cortijo A. El Príncipe perseguido de tres ingenios. Una edición modernizada. <https://ttu-ir.tdl.org/ttu-ir/bitstream/handle/2346/10491/31295013633663.pdf?sequence> (fecha de consulta 18.12.2017).

¹¹⁷ Córdoba J.M^a. Pasajes de una vuelta al mundo. El Oriente de Pedro Cubero Sebastián en su periplo universal // ARBOR, CLXXX, 711–712. Marzo-Abril 2005. P. 671–695.

¹¹⁸ García Martín P. Colores de Occidente y perfumes de Oriente: los viajeros hispanos de los Siglos de Oro // La aventura española en Oriente (1166–2006). Viajeros, museos y estudiosos en la historia del redescubrimiento del Oriente Próximo Antiguo. Catálogo de la exposición, J. Mª Córdoba y Mª C. Pérez Díe (Coord.). Madrid: Ministerio de Cultura, 2006. P. 83.

y le autorizó a ejercer su apostolado. Quizás fuese el primer occidental que pudo ver con sus ojos los esturiones y el caviar en las pesquerías. Unos meses más tarde, siguió su misión a través del Mar Caspio y la ruta que se dirigía a Irán. Toda una estancia rusa para un jesuita español de vocación aventurera.

Los ecos de Rusia en las letras españolas del Barroco alimentaron la fantasía de los escritores. En suma, las historias que se escribieron en la España del Siglo de Oro sobre “el país de los bosques nevados”, en expresión poética de un eslavista famoso contemporáneo, Juan Eduardo de Zúñiga, fueron una mezcla de relatos imaginarios y de noticias mendigadas.

RUSIA EN LOS ARCHIVOS ESPAÑOLES: EL ARCHIVO GENERAL DE SIMANCAS

En el año 2017, la UNESCO inscribió el Archivo General de Simancas como conjunto documental en el Registro de la Memoria del Mundo en atención a la exclusividad, singularidad e universalidad de sus fondos documentales. No era una concesión gratuita sino el reconocimiento al profundo carácter internacional de su documentación, la más global en el mundo, a excepción del Archivo del Vaticano.

El Archivo de Simancas nació de la mano del emperador Carlos V en 1540, pero será su hijo, Felipe II, quien lo convertirá en el gran archivo de la Monarquía Hispánica, a quien servirá como eficaz instrumento de poder y administración a lo largo de tres siglos, desde el siglo XVI al XIX. Será en este siglo, más concretamente en 1844, cuando el archivo que custodiaba las complejas y eficientes estructuras administrativas de las dinastías de Austrias (Consejos) y Borbones (Secretarías de Despacho) cierre sus puertas a la llegada de documentos y se las abra a los estudiosos de éstos, a los historiadores.

Simancas se crea, y por ello encierra y conserva el testimonio histórico de la Monarquía Hispánica en su etapa álgida, cuando ésta intervenía, de un modo u otro, en las dos terceras partes del mundo. Es en este contexto, definido por la naturaleza de la Monarquía Hispánica, y del Archivo de Simancas como su fiel espejo y producto, donde Moscovia primero y Rusia después adquieren presencia y significado. De las tres columnas fundamentales en las que se asienta la documentación simanquina: los Consejos austriacos, las Secretarías borbónicas y una masa ingente de documentación hacendística, no en vano la hacienda ha sido siempre nervio del poder, es el Consejo de Estado, en los siglos XVI–XVII, y la Secretaría de Estado y Despacho de Estado, en el XVIII, los que concentran la voz y memoria de Rusia en esta franja histórica.

El Consejo de Estado tenía una función consultiva —prestar consejo al rey— es sin duda el consejo estelar. Su misión era velar por el poder, la imagen y la hegemonía de la monarquía dentro y fuera de las fronteras, si es que se puede hablar de fronteras en sentido político en el caso de la Monarquía Hispánica. Su función es la política en sentido total, amplio, global y su ámbito de acción incluye el mundo y dentro de él los espacios geopolíticos más vitales, los neurálgicos. La actividad fundamental del Consejo se centraba en el control intenso, recíproco y lo más amplio

España en los archivos rusos: el Archivo Estatal Ruso de Documentos Antiguos (RGADA)

A diferencia de España donde grandes colecciones de documentos de la historia de las relaciones hispano-rusas de los siglos XVI–XVII se guardan en diferentes depósitos, en Rusia casi todos ellos se encuentran en el Archivo Estatal Ruso de Documentos Antiguos (RGADA, acrónimo ruso). Cuando no hubo contactos diplomáticos directos entre ambos países, Rusia, a partir de la segunda mitad del siglo XVI, recibía noticias españolas a través de los informes de sus embajadores (*stateynyie spiski*) en el Imperio, en Inglaterra, en los Estados italianos y, a partir de los inicios del siglo XVII, — en Francia y Holanda.

Para estudiar las relaciones hispano-rusas son muy valiosos, principalmente, los documentos de las cuatro embajadas rusas enviadas a España que son las de Piotr Potiomkin (los años 1667–1668 y 1680–1681), la de Andréi Vinius (1672–1674) y la de Yákov Dolgorúkov (1687–1688), así como de la misión del mensajero N. Bekhtéev, quien fue mandado para anunciar en las Cortes española y francesa sobre la próxima llegada de la embajada de Dolgorúkov.

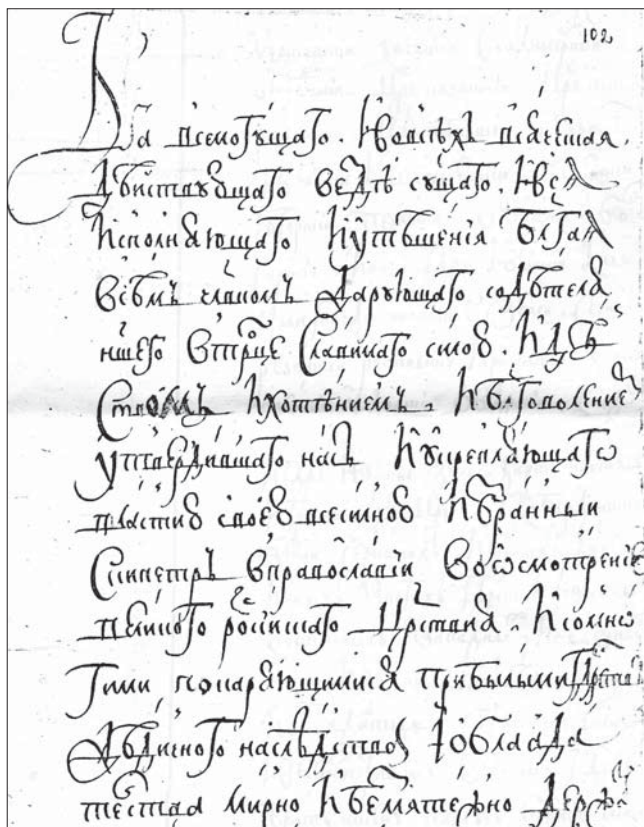
Estas embajadas visitaron no solo España, sino también la vecina Francia (y en dos casos también Inglaterra), es por ello que sus *stateynyie spiski* fueron guardados en los fondos de relaciones con Inglaterra (el informe de Vinius) y con Francia (los demás informes) y no en los fondos de las relaciones con España.

Los *stateynyie spiski* de las embajadas eran relaciones de los embajadores que se confeccionaban después de regresar a Moscú y contenían capítulos (o apartados) dedicados cada uno a un tema. En ellos los escritos diarios se alternaban con los textos de los documentos. Se describían detalladamente el itinerario, las estancias en el extranjero y la vuelta a la patria. La parte central del documento era un escrito muy detallado de las negociaciones objetivo de la embajada, pero obligatoriamente contenía información del país visitado, de su política exterior, del potencial militar, del régimen estatal, de la economía.

Generalmente estos datos están entreverados por todo el texto del informe, pero el de la embajada de 1667–1668 contiene una especie de memoria analítica sobre España que da una característica, única en su género, de la vida nacional y de las costumbres de los españoles. Los informes de los embajadores rusos enviados a España son valiosas fuentes históricas y eminentes obras de la literatura de viajes.

Los *nakaz*, instrucciones para los embajadores que regulaban detalladamente su comportamiento en una u otra situación, también son importatísimos

posible de la información. De ello derivará también el protagonismo de la correspondencia como forma habitual de transmisión de esta información, que entonces como ahora era poder, “mercancía de lujo” y que había que salvaguardar encriptada y codificada, si las circunstancias lo aconsejaban. Por eso suele decirse que en los

Carta del zar Alexéi Mijáilovich dirigida al rey de España, Felipe IV. Fragmento.

documentos de la historia de las relaciones hispano-rusas. En algunos casos solo un análisis comparativo del contenido del *nakaz* y del *stateynyi spisok* de la embajada nos permite comprender cuando el embajador fue limitado rígidamente por la instrucción y cuando tenía cierta posibilidad de maniobra.

Al fin y al cabo, los documentos tocantes a la preparación de las misiones diplomáticas y sus expedientes, así como la correspondencia corriente representan un complemento sustancial a los informes de los embajadores y a las instrucciones. Gracias a ellos aparecen de forma más clara y visible la composición y el status de los miembros de las embajadas, aparecen nuevos enfoques respecto a importantes episodios de las negociaciones o detalles de los viajes de los embajadores.

fondos de Estado se resume la política de la Monarquía Hispánica. El control de la información necesitaba de agentes que la ejercitaran y es aquí donde interviene la diplomacia: los embajadores y embajadas que adquieren caracteres más próximos a la estructura contemporánea en el siglo XVIII. El carácter global de la actuación del

Consejo de Estado, al igual que ocurrirá con la Secretaría Borbónica, y la necesidad de gestionar con eficacia la información determinó la organización y división de su documentación por Negociaciones. Esto es necesario para comprender mejor el significado, carácter, naturaleza y distribución de los fondos documentales sobre Rusia en el Archivo de Simancas y dentro de él en la documentación del Consejo de Estado y Secretaría Borbónica de Estado que encierran casi con exclusividad la memoria de Rusia en el archivo.

La documentación simanquina sobre Moscovia o Rusia no puede ni debe reducirse a una única agrupación o Negociación de la sección de Estado, que encierre los documentos producidos por el Consejo de Estado y la Secretaría de Estado Borbónica, sino que debe espigarse en todas y cada una de ellas pues en todas está presente, aunque con fuerza desigual, al ritmo del momento histórico. Al fondo documental de Estado hay que enfrentarse no buscando exclusivamente un conjunto cerrado de documentos sobre las relaciones hispano-rusas, que solo existe en el siglo XVIII, sino analizando la presencia y repercusión de la problemática rusa en los distintos espacios europeos, aunque esta perspectiva provenga o nos la ofrezcan siempre o casi siempre los agentes o embajadores de la Monarquía Hispánica en los distintos territorios europeos. Solo así se podrá valorar o entender la política de la Monarquía Hispánica y su relación con cada territorio, como es el caso ruso, como un todo global, no de forma aislada o fronteriza, realidad que nunca se dio.

La presencia de Rusia (Moscovia) entre los documentos del siglo XVI no es abundante, aunque sí significativa. Hay que esperar al siglo XVII y las profundas transformaciones que la paz de Westfalia introdujo en la correlación de fuerzas, poderes y territorios en Europa para ver emerger la potencia de Rusia al igual que de Suecia en el escenario europeo paralelo al eclipse del predominio Habsburgo. Estos aspectos ayudarán a explicar la organización y fortalecimiento del cuerpo diplomático ruso en su relación con la Monarquía Hispánica y la presencia de embajadas en territorio español, al igual que en otros estados europeos, en un claro afán por hacerse oír y dejar huella política en este espacio.

Desde el primer tercio del siglo XVI, más concretamente desde 1523, hay constancia de los intereses entre Rusia y el emperador Carlos V por estrechar lazos en un afán de crear una alianza de la Cristiandad ante la amenaza común del turco que proseguirán en reinados siguientes. Pero no solo es esta preocupación la que ocupa el contenido de la documentación sino también el juego de intereses comerciales, el control de espacios en el Báltico (guerra con Livonia), los conflictos directos con Polonia, con los Tártaros, con Suecia, sin olvidar las tensiones que la simbología de ostentación del poder político conlleva: la lucha por los títulos. De todo queda constancia en la documentación de distintas Negociaciones de Estado para los siglos XVI y XVII: Negociación de Alemania, de Francia, de España, de Bélgica y Holanda, de Roma, de Inglaterra, aunque ésta pesará muchísimo más en el siglo XVIII, y también, y con gran importancia, las Negociaciones de los estados italianos, algunos decisivos por su emplazamiento estratégico como Venecia: Negociaciones de Venecia, de Nápoles, de Milán y Génova. En todos resuena la realidad rusa y la compleja madeja de juegos políticos tejidos en el escenario europeo.

En el siglo XVIII la diplomacia toma cuerpo y adquiere estructuras y formas más próximas a nuestra realidad. Rusia se ha configurado como estado potente en el arbitraje de la conflictiva política europea del siglo, de lo que dará buena muestra “la gran diplomacia rusa del siglo XVIII”. La documentación también lo acredita. Para este periodo ya contamos con una Negociación específica de Rusia, que recoge la correspondencia de los distintos embajadores de España afincados regularmente en Rusia. Su correspondencia con la Secretaría de Estado Borbónica, la de sus secretarios y algunos otros agentes, de forma regular, siguiendo un orden cronológico riguroso solo cortado por vacíos impuestos por la realidad social y política, se sucede a lo largo de cincuenta legajos que comprenden los años 1724–1788. Cada legajo cubre un año de correspondencia, donde la problemática política de Rusia en relación a las otras potencias europeas, desde la mirada de la diplomacia española, aflora. Suelen sortearse legajos casi monotemáticos a la organización interna de la embajada o temas sobresalientes “negocios notables” sobre comercio, tráfico de mercancías, aranceles y navegación, tema de gran interés para España en un siglo de profundas transformaciones de su marina.

Pero no solo esta serie nos habla de Rusia en el siglo XVIII. Al igual que ocurría con la documentación del Consejo de Estado de siglos anteriores las distintas Negociaciones, ahora de Suecia, Prusia, Dinamarca, Polonia, Alemania, Francia, Venecia, y con especial y marcado interés la del reino de Las Dos Sicilias e Inglaterra nos acercan a la realidad rusa y su papel en el escenario europeo. En el caso de Las Dos Sicilias (1734–1785), más de doscientos documentos relativos a Rusia acreditan en qué medida Nápoles pasa a ser en este periodo una extraordinaria fuente de información de Europa Central y Oriental. Destaca sobremanera la Negociación con Inglaterra, donde se reúne información sobre un problema crucial del periodo: la emancipación de las colonias inglesas del Norte de América que marcará, entre otros, las relaciones de los estados europeos.

Junto a la correspondencia que siempre aparece manuscrita abunda, sobre todo en el siglo XVIII, otra mucha documentación impresa, la que nos habla de tratados, alianzas, reglamentos, actas y nombramientos, toda ella de carácter más oficial, jurídico y reglado. También hay algunas muestras de un tipo de documentación común en el Archivo de Simancas y de altísimo valor histórico y artístico: los dibujos, planos y cartografía que constituyen una representación singular, emocionante y valiosísima del espacio, tal como éste se veía y apreciaba en el momento y de la intervención y transformación operada por el hombre sobre él, casi siempre de la mano de la ingeniería militar, aunque con gran proyección civil. Se representan exteriores e interiores: mapas, planos de población, fortificaciones, edificaciones militares, complejos urbanos y edificios civiles cargados de significación. La pieza gráfica o cartográfica siempre acompaña a la carta o expediente que lo explica y contextualiza y así la información se ensancha y adquiere pleno significado. De Rusia contamos con algunas muestras, no muchas, pero muy expresivas, que nos hablan de edificios emblemáticos, estrategias bélicas o mapas de expansión colonizadora.

Aunque la información clave para el estudio de las relaciones de Rusia con Europa y la Monarquía Hispánica se encierre en Estado, la vertiente de los gastos

de la diplomacia puede también seguirse en el fondo de la Dirección General del Tesoro (Tesorería General), en sus inventarios 22 y 23, que contienen asientos de los pagos a ministros y personal de las embajadas extranjeras desde 1741 a 1820. Un elemento más para completar el estudio de la diplomacia. Toda la documentación antes descrita sirve como muestra de la importancia que a lo largo de tres siglos tuvo la nación rusa en su relación con la Monarquía Hispánica y en la construcción del espacio europeo y extraeuropeo y como manifestación del deseo de colaboración estrecha y permanente en el estudio del pasado histórico y de construcción de nuestra memoria común.

L LOS BORBONES Y LOS ROMANOV EN EL SIGLO XVIII

“ABRIR UNA VENTANA A EUROPA”: PEDRO EL GRANDE Y EL ESTABLECIMIENTO DE RELACIONES DIPLOMÁTICAS CON ESPAÑA

Las primeras embajadas del siglo XVII crearon las bases sobre las que Pedro I comenzó a “construir” las relaciones diplomáticas permanentes con España. Como escribía Pedro García Martín, las embajadas de Piotr Potiomkin por Francia y España en 1668 “serán el precedente de las famosas embajadas que rendirá Pedro el Grande a Ámsterdam, Londres, Viena, Varsovia y París unas décadas más tarde”¹. La embajada de Potiomkin, la atención prestada a las cuestiones protocolarias (el respeto al ceremonial y a los títulos del monarca), a las políticas (en una situación de ausencia de contradicciones políticas, Rusia y España acercaron sus posturas para crear una alianza contra los enemigos comunes en Europa, para mantener el “equilibrio de poder”), así como a las comerciales, comenzó a formar la tradición en las relaciones hispano-rusas. El 2 de noviembre (22 de octubre) de 1721, para celebrar la victoria en la Guerra del Norte contra Suecia, el Senado concedió al zar ruso Pedro I el título de Emperador y de Grande. Fue después de su victoria en la guerra cuando Pedro I se centró en fortalecer el papel político de Rusia en Europa y en incrementar su peso en “el equilibrio de poder” europeo mediante el establecimiento de diferentes tipos de vínculos formales con otros estados como prioridad nacional. El poeta ruso Alexander Pushkin describió literariamente que Pedro deseaba “abrir una ventana a Europa”².

505

¹ *García Martín P.* La formación de Rusia. Madrid: Universidad de Alcalá de Henares, 2013. P. 149.

² *Pushkin A.* Medni vsadnik (El jinete de bronce) // *Sobranie sochinenii (Obras)*. Moscú: AN SSSR, 1957. P. 380.

Pedro I

En aquel momento las relaciones entre Rusia y los países europeos estaban determinadas en gran parte por la naturaleza de las relaciones anglo-rusas, las cuales, después de la Paz de Utrecht, eran bastante tensas. En los asuntos del Norte, Inglaterra apoyó a Suecia y no quería el fortalecimiento de Rusia. Este enfrentamiento fue una de las razones por las que Pedro intentó fortalecer sus relaciones con las Cortes borbónicas: en 1717 viaja a Francia y, paralelamente, da instrucciones a sus representantes en Francia y Holanda para que “conspiren” en la cuestión del establecimiento de relaciones diplomáticas con la Corte de Felipe V.

Las negociaciones entre España y Rusia se iniciaron en La Haya, en el verano de 1717, a través del embajador ruso Borís Kurakin y el embajador español Lorenzo Verzuso Beretti Landi. El 1 de

noviembre de 1717, Kurakin informó a Beretti Landi, de que “la ascensión del rey Felipe V al trono español en 1700 no había sido comunicada a Rusia por la carta especial”, y que “la respuesta del rey español sería complacer a S. M. Zarea”³. Varios días después Beretti Landi entregó a Kurakin la carta de Felipe V en la que el soberano español informaba del nacimiento de la infanta Ana-María-Victoria y expresaba su deseo de “establecer unas buenas relaciones” entre los dos Estados para “reafirmar una buena amistad con V. M. que no dejaría de ser provechosa para ambas monarquías”. En la carta de respuesta, Pedro I expresaba su deseo de que, “mediante nuestra grata correspondencia, quisiera establecer una buena amistad entre nosotros”⁴.

En 1721, con el objetivo de ampliar sus relaciones políticas y comerciales con Europa Occidental, Pedro I envió al capitán Peter Bredel con cartas dirigidas a los Gobiernos de Francia, España y los Países Bajos, en las cuales se les comunicaba el fin de la Gran Guerra del Norte y la conclusión de la paz con Suecia. En enero de 1722, el capitán ya había llegado a París, y el 8 de febrero arribaba a Madrid. El mensajero ruso fue recibido en España de manera muy amistosa: sostuvo una conversación con el secretario de Estado, José de Grimaldo, a quien entregó la carta de Pedro I donde este expresaba: “Deseamos mantener amistad y buena correspondencia con V. M., [...] y que entre nuestros Estados pueda florecer el buen comercio para una mutua ventaja entre ambos y para el provecho de nuestros

³ *Bantysb-Kamenski N. Obzor vneshnij snoshenii Rossii (po 1800 g.): Avstria, Anglia, Vengria, Gollandia, Dania, Ispania. (Estudio de las relaciones exteriores de Rusia (hasta 1800): Austria, Inglaterra, Hungría, Países Bajos, Dinamarca, España). Parte I. Moscú: Mos. Glav. Arch. MID, 1894. P. 164.*

⁴ *Corpus... Vol. I. P. 52, 53.*

súbditos”⁵. Tras recibir la respuesta regia, el 25 de febrero, Bredel dejó España. En su carta, Felipe V prometía que trabajaría con “verdadero esmero” para lograr la “amistad y correspondencia” y expresaba su deseo de “contribuir en adelante al mejor beneficio y provecho para ambos Estados”⁶. En la memoria que presentó ante el Colegio de Asuntos Exteriores, Bredel informó de que el Gobierno español estaba dispuesto a establecer relaciones diplomáticas con Rusia⁷. Lo mismo comunicó Kurakin en La Haya. En virtud de la información obtenida, Pedro I tomó la decisión de enviar a España un representante diplomático permanente, y su elección recayó en el príncipe Serguéi Golitsin.

Serguéi Golitsin

A medida que los intereses extranjeros de Pedro el Grande fueron centrado en los principales estados del norte de Europa y dado que las uniones políticas de Rusia con los países periféricos, como España, eran muy inestables, los arquitectos de la política exterior de Rusia del momento prestaron más atención a las relaciones de España con Inglaterra y Francia y a sus posibles alianzas. Las instrucciones que se dieron a Golitsin eran “intentar por todos los medios saber sobre su estado y actividades” y “las intenciones de la Corte de España”. “Y especialmente saber qué relaciones y obligaciones tiene el Rey de España con otros países, especialmente con Francia. Y si no tiene la intención de entrar en guerra en Italia, con el Emperador o Inglaterra por Gibraltar y el puerto de Mahón”⁸. El 19 de agosto de 1723, el vicepresidente del Colegio de Asuntos Exteriores, Andréi Ostermán, escribió a Golitsin pidiendo la misma información: “Considero oportuno recordar a V. E. por la presente carta, que debe estudiar diligentemente las evoluciones de la Armada española y reportar esa información en despachos suyos, porque esa información aquí siempre está esperada. Le pedimos a usted que averigüe si el tratado conocido como *aciento* se ha firmado entre las Cortes de España y Francia, y si este es el caso, a partir de esto, si es posible ver, que España y Francia están estrechamente vinculados, con la subsiguiente exclusión de Inglaterra”⁹.

⁵ Arjiv Vneshney Politiki Rossiyskoi Imperii (el Archivo de la Política Exterior del Imperio Ruso) [AVPRI]. Fond “Snoshenia Rossii s Ispaniei”. [F. SRI]. (Fondo “Relaciones entre Rusia y España”). Inv. 58. Leg. 58. Fol. 1.

⁶ *Ibid.* Leg. 12. Fol. 1–2.

⁷ *Bantysb-Kamenski N. Obsor...* P. 164.

⁸ *Corpus...* Vol. 1. P. 60.

⁹ *Ulianitzkii V. Russkie consulstva zagranitzei v XVIII veke* (Consulados de Rusia en el extranjero en el siglo XVIII). Parte 1. Moscú: Tip. G. Lissnerai A. Geshelya. 1899. P. 134.

Los intereses políticos de Rusia y España casi no se cruzaron. En esta situación, el método más eficaz para el desarrollo de las relaciones fue el establecimiento de contactos comerciales y la firma de tratados de comercio¹⁰. A diferencia de las cuestiones políticas, “la distancia”, en el comercio, no fue un obstáculo, sino más bien una ventaja. Habían sido ya Carlos II y Mariana de Austria quienes habían dado un paso adelante para el intercambio comercial entre ambos países. “Hemos mandado que en todos los puertos de nuestros reinos en Europa sean admitidos al comercio los vasallos de V.S.Z.M. De la misma manera que los de los otros Príncipes, amigos y aliados”, — se había declarado en la respuesta a la carta de Alexéi Mijáilovich que habían entregado a Potiomkin¹¹. Al haber transcurrido casi 50 años, en el verano de 1721, el agente diplomático y comercial de Rusia en Lübeck, Piotr Beklemíshev, había sido enviado a Cádiz con instrucciones para recoger información sobre el estado del comercio español, especialmente con las colonias americanas. En sus informes señaló que para los extranjeros el comercio con las Américas estaba estrictamente prohibido, y recomendó la apertura de una oficina comercial de Rusia en Cádiz con el propósito de lograr el rápido establecimiento de relaciones comerciales directas entre ambos países¹².

Cuando Golitsin fue enviado a Madrid, además de la información política, fue instruido para que se informase sobre qué mercancías rusas eran necesarias allí y sobre “qué se puede comprar barato en España”. Se le ordenó que comunicara al Gobierno español, que “S. M. I. deseaba sinceramente establecer relaciones comerciales entre ambos Estados”¹³. Con el fin de realizar esta tarea, el 8 de noviembre de 1723, Pedro I firmó un *ukaz* (decreto) disponiendo entablar relaciones comerciales directas con España y designar un cónsul en Cádiz. Allí fue enviado el príncipe Iván Shcherbátov con objeto de establecer el consulado y estudiar las posibilidades de comercio con España, así como “para lograr que Rusia obtuviese el trato de *nación más favorecida*”¹⁴. Alexéi Veshniakov y Yákov Evréinov fueron destinados a Cádiz como cónsules rusos bajo su dirección¹⁵.

508 En la sesión del Senado ruso de 18 de septiembre de 1724 se presentó el informe de Shcherbátov, en virtud del cual el 24 de diciembre de 1724 Pedro I

¹⁰ Véase: *Volosyuk O.V.* The Politics of Commercial Treaties in the Eighteenth Century. Balance of Power, Balance of Trade. A. Alimento, K. Stapelbroek (Ed.). London. Palgrave Macmillan. 2017. P. 173–193.

¹¹ Corpus... Vol. 1. P. 11.

¹² Rossiysky Gosudarstvenny Arjiv Drevnij Actov (el Archivo Estatal Ruso de Documentos Antiguos) [RGADA]. Cabinet Petra I. Exp. II. Leg. 54. F. 388–394. Véase: *Krilova T.K.* Otnoshenia Rossii i Ispanii v pervoichetverti XVIII veka (Las relaciones entre Rusia y España en el primer cuarto del siglo XVIII) // *Kultura Ispanii* (Cultura de España). Moscú-Leningrado: AN SSSR, 1940. P. 338–339.

¹³ Corpus... Vol. 1. P. 60.

¹⁴ Véase: *Aleksandrenko V.* Russkie diplomaticheskie agenty v Londone v XVIII veke. (Agentes diplomáticos rusos en Londres en el siglo XVIII). Varshava: Tip. Varsh. ucheb. okr., 1897. Vol. 1. P. 28.

¹⁵ AVPRI. F. SRI. Leg. 69. Fol. 1–14.

firmó el *ukaz* por el cual se enviaban a España tres barcos con mercancías¹⁶. El 12 de mayo de 1725, las embarcaciones rusas “Defenshier”, “Ámsterdam Galei” y “Krondelivde” zarparon de Revel [Tallin] rumbo a Cádiz con un cargamento de pieles, cera, lona, cáñamo y otras mercancías tradicionales de exportación rusa¹⁷. El 17(28) de agosto, los barcos arribaron a Cádiz, donde permanecieron tres semanas para embarcar las mercancías adquiridas. Debido a distintas averías en el “Defenshier”, se vieron obligados a entrar en el puerto de Santander y zarparon hacia Rusia a principios de marzo de 1726. Así se inició el comercio entre Rusia y España. En diciembre de 1726, al comandante de este convoy, Iván Kóshelev, la emperatriz rusa Catalina I (1725–1727) le concedió el rango de capitán de primer grado por llegar “el primero a España con barcos rusos”¹⁸.

El Gobierno de Rusia confirmó también su disposición a iniciar negociaciones con España en lo que se refiere a la firma de un tratado comercial. En una de sus primeras cartas, el enviado ruso ante la Corte de Madrid (19.8.1723), Andréi Ostermán, informó a Golitsin: “Despacho de V. E. [...] sobre la restauración del comercio con España, ha sido recibido, y S. M. I. será informado de su contenido”¹⁹. El Gobierno de España por su parte dio los pasos necesarios para preparar el tratado comercial. El 24 de enero 1724, Golitsin recibió una carta del secretario de Estado José de Grimaldo con un proyecto de este documento. El proyecto había sido redactado por Francisco Perats, un empleado de la Junta de Comercio de España. La idea principal de su trabajo era que Rusia, bajo el Gobierno de Pedro I, se había convertido en una de las potencias europeas más poderosas, con vastos territorios y riquezas naturales. Perats estaba absolutamente seguro de que eso sería un gran beneficio para la Monarquía española, para iniciar buenas relaciones con este nuevo Estado “con su fuerte ejército, tanto en el mar, como en la tierra”, y añadía que “se podría adjuntar también los asuntos comerciales a las cosas políticas”²⁰.

Al mismo tiempo, España comenzó activas gestiones diplomáticas para implicar a Rusia en la esfera de sus intereses políticos. En 1725, se firmaron en Europa dos alianzas. Un tratado fue firmado en Viena entre España y el emperador, dirigido contra Inglaterra y Francia. Como contrapeso a la alianza de Viena, el Gobierno inglés estableció un nuevo acuerdo con Francia y Prusia —la alianza de Hannover²¹.

¹⁶ Corpus... Vol. 1. P. 81–84.

¹⁷ AVPRI. F. SRI. Leg. 87. Fol. 13–72.

¹⁸ Imennyye ukazy, obyavlennyye dmiralteystv-kollegiyey, i izvlecheniya iz ukazov, zhurnalov i protokolov kollegii, 1717–1725 (Decretos personales anunciados por el Colegio del Almirantazgo y los extractos de los decretos, actas y protocolos del Colegio, 1717–1725) // Materialy dlya istorii russkogo flota (Materiales para la historia de la flota rusa). Parte V. San Petersburgo: Tip. Mor. Ministerstva, 1875. P. 329–330.

¹⁹ *Ulianitzkii V. Russkie konsulstva...* P. 134.

²⁰ Corpus... Vol. 1. P. 73–74.

²¹ *Schop Soler A.M.* Las relaciones entre España y Rusia en la época de Carlos IV. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1971. P. 11–12.

Los diplomáticos españoles en Rusia: el duque de Liria

Durante el reinado de Felipe V, formalizadas las relaciones hispano-rusas, se establecieron las legaciones diplomáticas de carácter permanente entre San Petersburgo y Madrid, siendo Jacobo Francisco Fitz-James Stuart, duque de Liria y Jérica, el primer ministro plenipotenciario español ante la Corte rusa. Este era un aristócrata de alta alcurnia, ya que su padre, Jacobo Fitz-James Stuart, primer duque de Berwick, mariscal de Francia, era hijo natural de Jacobo II de Inglaterra, y de Arabella Churchill, hermana del I duque de Malborough. Cuando se le destinó a Rusia, el duque de Liria tenía 31 años y era un experimentado militar con el título de mariscal de campo. El objetivo de su misión era ligar a Rusia a la alianza de Viena, firmando un acuerdo bilateral entre España y Rusia. Abandonó Madrid en marzo de 1727, y llegó a su destino a finales de noviembre de ese año, pasando antes una temporada en Viena, para ser instruido sobre la realidad rusa del momento por los ministros imperiales, por estar las relaciones hispano-rusas en aquel entonces mediatizadas por la Corte imperial.

La estancia del duque en Rusia discurrió en un periodo muy complejo de la historia rusa, pues coincidió con el corto reinado del joven Pedro II, y el comienzo del de Anna Ioánnovna. El duque llegaba a San Petersburgo después del destierro de Alexánder Ménshikov, hombre fuerte del reinado de Catalina I, en un momento en el que en el exterior se temía que pudiese tener lugar la revocación de buena parte de la obra del difunto zar Pedro I. Sin embargo, el duque pasó la mayor parte de su embajada en Moscú, donde tuvo que desplazarse para asistir a la coronación del joven zar, en cuya ceremonia se le reservó un lugar de honor. A lo largo de esos años, Liria estableció una estrecha relación con dos de los principales personajes de la Corte rusa del momento: el barón Andréi Ostermán, vicescanciller y de inclinaciones pro

510

Así una vez más se rompió el equilibrio político en Europa. Una lucha diplomática intensa entre los aliados de Viena y de Hannover estuvo destinada a atraer a su lado a nuevos Estados, entre ellos Rusia, Holanda, Suecia y Dinamarca. En el sistema de equilibrio político, Rusia ocupó un lugar importante y ambos rivales trataron de inclinar la balanza hacia su lado²². A comienzos de 1726, se iniciaron en Madrid negociaciones con ese fin parte del secretario de Estado, el barón de Ripperdá, y el nuevo ministro plenipotenciario ruso, nombrado el mismo año, el príncipe Scherbátov. Según el plan de Ripperdá, Rusia se pondría del lado de España, que empezó la guerra contra Inglaterra, apoyando las pretensiones de “Jorge III Stuart” al trono inglés, y tropas rusas desembarcarían en las Islas británicas²³.

²² *Nekrásov G.* Rol Rossii v evropeiskoi mezhdunarodnoi politike 1725–1739 gg. (El papel de Rusia en la política internacional europea, 1725–1739). Moscú: Naúka, 1976. P. 12–13; *Schop Soler A.M.* Las relaciones... P. 12–13.

²³ *Corpus...* Vol. I. P. 89–90.

austríacas, e Iván Dolgoruki, favorito del zar, llegando incluso en ocasiones a actuar de intermediario entre ambos, dada su mala relación. Pese a que los principales proyectos de colaboración entre ambas Cortes: un tratado de comercio y otro de alianza, no se llegaron a materializar, el duque mostró en diversas ocasiones su iniciativa personal, como en su proyecto de la creación de un consulado español en Rusia. A pesar de todo ello, la ruptura de relaciones entre Madrid y Viena significó el deterioro de las relaciones hispano-rusas y, por ende, de la situación de Liria en Moscú, lo que había comenzado ya con la caída del clan Dolgoruki a la muerte de Pedro II. Finalmente, en 1730, las relaciones entre ambas potencias se rompieron, y Liria abandonó ese mismo año el Imperio ruso.

Jacobo Francisco Fitz-James Stuart, duque de Liria y Jérica

Rusia se unió a la alianza de Viena el 6 de agosto de 1726. Para conseguir su permanencia en la alianza, a finales de 1726, el Gobierno español decidió enviar a Moscú a un representante permanente. El hombre elegido para este puesto fue Jacobo Fitz-James Stuart, duque de Liria y Xérica²⁴. Las instrucciones (22.1.1727), que le dieron evidencian que España tenía un enorme interés en arrastrar a Rusia a una guerra contra Inglaterra y se esforzó activamente para lograr esos fines. En el documento se subraya: “conviene [...] mantenerla en amistad y correr con ella en toda buena correspondencia, tanto más en el presente estado de las cosas, en que [...] ha merecido la mayor consideración que entre los Soberanos que han determinado acceder a la referida paz de Viena, entre mí y el Emperador, haya sido una zarina de Moscovia”²⁵.

²⁴ AVPRI. F. SRI. Leg. 104. Fol. 1-62.

²⁵ Corpus... Vol. 1. P. 98.

La Corte española solo vio su alianza con Rusia dentro del marco de la consecución de este objetivo específico, pues en todos los demás aspectos no estaba dispuesta a asumir ninguna obligación política. Como se escribiría, en la instrucción al duque de Liria, “es Moscovia una potencia que, aunque por su distancia de mis Dominios, sus negocios e intereses pueden tener poca conexión ni dependencia con los de esta Monarquía, ni sus fuerzas, aunque grandes, influir a ellos considerablemente”²⁶. El dominio exclusivo, en el que el duque de Liria podía proporcionar garantías libremente al Gobierno de Moscú, era en cuestiones de comercio²⁷. Pero el intento de la Corte española de “atar” a Rusia fracasó: Moscú se limitó a reducir su acceso a la alianza de Viena mediante la firma de un tratado bilateral austro-ruso de defensa²⁸. Allí, la participación en el Tratado de Viena fue vista más como un medio para enfrentar la agresión turca, y no como un elemento de disuasión contra la alianza de Hannover²⁹. Las contradicciones entre los aliados de Hannover llevaron a su desintegración, y algunos de sus ex participantes lograron “sacar” a Madrid de la alianza con el emperador y reavivar la idea de una nueva con Francia. El 9 de noviembre de 1729, España, Inglaterra y Francia firmaron en Sevilla un tratado de alianza defensivo y ofensivo.

Madrid, firmado el Tratado de Sevilla, se encontró en el bloque opuesto a Moscú y los intentos del duque de Liria de “sacar” a Rusia de su alianza con Austria fracasaron. “He hablado a los principales ministros rusos, enteramente dispuestos a abrazar los medios que pudiesen apartar a esta monarquía de sus empeños con la Corte de Viena; pero el conde de Ostermán se mantiene con la misma firmeza y fervor por el emperador, y dudo que sea fácil vencerle sobre este punto. Hasta ahora su autoridad ha sido muy grande, y en las materias de Estado no consultaba la zarina a otro que a él”, escribió al Marqués de la Paz el 23 de agosto de 1730³⁰. En febrero de 1730, Austria cortó relaciones diplomáticas con España, y en abril la emperatriz rusa Anna Ioánnovna, cediendo a las demandas del Emperador, escribió una carta a Felipe V, notificándole la retirada de Scherbátov.

512 Los sucesores de Pedro I enterraron los proyectos de participación de Rusia en el sistema de “equilibrio europeo” y, como resultado, perdieron el interés por desarrollar cualquier tipo de relaciones políticas y comerciales con un país situado al otro lado de Europa. En 1727, el Gobierno ruso tomó la decisión de que “no deben permanecer los cónsules rusos en España”³¹.

La política de los primeros Románov en Rusia centró sus esfuerzos en la “construcción” de Estado autócrata y en la transformación de la Rusia zarista en la Rusia imperial, con un creciente papel en el ámbito político internacional de Europa. Este nuevo papel se manifestó en el desarrollo de los contactos diplomáticos en el

²⁶ *Ibíd.*

²⁷ *Ibíd.* P. 98, 99.

²⁸ *Encinas Moral A.L.* La embajada del duque de Liria en Rusia (1727–1730). Prólogo a: Diario del viaje a Moscovia del Duque de Liria y Jérica / Á. L. Encinas Moral, I. Arranz del Riego y M. Rodríguez Polo (Ed.). Madrid: Miraguano, 2008. P. 63.

²⁹ *Nekrásov G.* Rol Rossii... P. 204.

³⁰ Diario del viaje a Moscovia... P. 400.

³¹ AVPRI. F. SRI. Leg. 105. Fol. 1–3. Véase también: *Ulianitzkii V.* Russkie konsulstva... P. 150–152.

siglo XVII, lo que llevó al establecimiento de las primeras misiones diplomáticas rusas durante el reinado de Pedro el Grande y, entre ellas, de la misión en Madrid. La historia de las relaciones entre Rusia y España en aquellos años atravesó varios períodos: hubo momentos de acercamiento y períodos de suspensión y de ausencia de contacto, pero fue en aquella época cuando se sentaron las bases de la tradición diplomática, que conectaría las embajadas de los primeros Románov con la diplomacia de la Rusia imperial de los siglos XVIII y XIX.

ZINÓVIEV Y FLORIDABLANCA: UN DIPLOMÁTICO Y UN MINISTRO

El 23 de mayo de 1773, llegó a Madrid un joven de treinta años de edad. Se llamaba Stepán Zinóviev y hacía apenas medio año que había sido nombrado por la emperatriz Catalina II ministro plenipotenciario ante la Corte española. Se sentía absolutamente feliz con su nuevo estatus. Procedente de una conocida e importante familia, pero no de la alta nobleza, solo podía elegir dos carreras, la militar o la diplomática. Comenzó como militar... Durante la Guerra de los Siete Años sirvió junto a Grigoriy Orlov, futuro favorito de Catalina II. Orlov, alto, apuesto y de buena planta, en aquellos años era conocido por su afición a las diversiones y a las arriesgadas aventuras. Según testimonios de Andréy Bólotov, amigo común, oficial y futuro escritor, Zinóviev era igual: “Los dos eran de alta y buena estatura, los dos de talle esbelto, era imposible describir el buen aspecto que tenían”. En la primavera de 1759, los amigos regresaron a Rusia y, según recordará Bólotov más tarde, “eran los primeros y mejores bailarines en las fiestas y llamaban la atención de todos por su belleza, gallardía y buen comportamiento”³².

A su vuelta, Zinóviev se incorporó a trabajar en el Colegio de Asuntos Exteriores, pero siguió manteniendo buenas relaciones con Orlov, quien desempeñó un papel clave en la entronización de Catalina y se convirtió en un cortesano influyente. Zinóviev cumplió incluso con algunos encargos diplomáticos delicados del favorito³³. Con el paso del tiempo, Zinóviev sentó la cabeza y, en 1767, se casó con Ekaterina Ménshikova, dama de honor de la emperatriz y nieta de un amigo personal de Pedro I. Y en la Corte enseguida se empezó a rumorear de su posible y próximo ascenso. El hecho de pertenecer al círculo de los allegados de la emperatriz permitía a Zinóviev contar con ello, pero a principios de los 1770 la privilegiada posición y la influencia de Orlov en la Corte comenzaron a decaer. En el otoño de 1771, el favorito fue enviado a Moscú al exilio, a pesar del cual, todavía tuvo tiempo de ayudar a ascender a su amigo. En la primavera de 1771, Zinóviev recibió una instrucción secreta para sondear a los diplomáticos portugueses en Europa sobre las posibilidades de establecer relaciones diplomáticas con la Corte lusa. Catalina

³² *Bólotov A. Zhizn' i priklyucheniya Andrey Bolotova, opisannye im samim dlya svoikh potomkov* (Vida y aventuras de Andrei Bólotov, descritas por él mismo para sus descendientes). 1738–1793. Moscú: 1870. P. 840, 845.

³³ *Volosyuk O.V. Vneshnyaya politika Ispanii...* P. 331–332.

II firmó un decreto designándole enviado en Lisboa (5.4.1771) para que tuviera estatus oficial en sus negociaciones. Oficialmente, el objeto de su viaje era “tomar las “aguas” en distintos balnearios europeos.

Viajó por Europa durante cerca de un año, trasladándose de un país a otro: las negociaciones con los portugueses no iban bien, su salida hacia Lisboa se aplazó varias veces. En enero de 1772, corrieron rumores de que iba a quedar vacante el cargo de ministro plenipotenciario en Madrid. Entonces, el joven diplomático comenzó a presionar a Nikita Ivánovich Panin, jefe de la política exterior rusa, enviándole cartas en las que solicitaba el puesto. Finalmente, en septiembre de 1772, recibió la tan esperada respuesta. Panin le escribió: “Actualmente el puesto en España ha quedado vacío [...] y no quiero perder la oportunidad de ofrecérselo a Ud.”³⁴. Zinóviev se sintió triunfador. Había concluido el tiempo de incertidumbre, había logrado su objetivo: iba a ocupar un alto cargo en Madrid. En noviembre, se firmaron las cartas credenciales y en mayo de 1773, llegó, con su esposa, a la capital española. Su mujer permaneció en Madrid algo más de un año, pues en junio de 1774, abandonó la Villa y Corte por problemas de salud³⁵. Falleció en 1781. Tras su partida, Zinoviev vivió solo en España durante 18 años.

Zinóviev participaba con entusiasmo en todos los actos mundanos de la Corte española. Su carácter sociable y comunicativo le fueron muy útiles en su carrera profesional: al igual que antes en Rusia, estableció rápidamente los contactos necesarios y entabló amistad con los miembros más relevantes de la Corte y de la élite cultural. En 1775, informaba a San Petersburgo de su “plan de acción”: “Pienso establecer aquí relaciones que en el futuro me ayuden a conocer mejor todos los elementos de la administración de este Estado. Aplicaré todos mis esfuerzos para que mi estancia aquí sea de utilidad”³⁶. Entre sus amigos se encontraban personajes

514

Tarjeta de visita
de Stepán
Zinóviev

³⁴ AVPRI. F. Snosheniya Rossii s Portugaliyey (Relaciones de Rusia y Portugal). Leg. 47. Fol. 26; F. SRI. Leg. 339. F. 2.

³⁵ Rossiya i Ispaniya. Dokumenty... T. 1. P. 236.

³⁶ AVPRI. F. SRI. Leg. 358. Fol. 44.

tan significados como el pintor Mengs o el escritor Beaumarchais, y su tarjeta de visita, que se custodia en la Biblioteca Nacional de España, es testimonio de su activa vida social. Al mismo tiempo, Zinóviev cumplía puntualmente con sus obligaciones profesionales. Alexánder Trachevsky, historiador ruso que estudió detalladamente su correspondencia con San Petersburgo, escribió: “En sus despachos descubrimos un gran espíritu de observación, apreciaciones justas y un profundo conocimiento de la vida cotidiana de la nación española, sobre todo, de la Corte. [...] Pueden servir de hilo conductor para estudiar la política española”³⁷.

El diplomático ruso supo entablar relaciones de confianza con José Moñino y Redondo, conde de Floridablanca, secretario de Estado de Asuntos Exteriores, quien le concedía audiencia prácticamente todas las semanas. Zinóviev así lo comunicaba regularmente en sus despachos a San Petersburgo. Resultó, sin embargo, que el conde Panin, anglófilo escéptico en lo tocante a la posible alianza de Rusia y las potencias de la Casa de Borbones, reprendió a Zinóviev, en presencia del primer ministro español, por su actitud, carente de ecuanimidad respecto a este tema, así como por ser demasiado optimista en lo relativo a la supuesta adhesión de España a la declaración de Neutralidad Armada de Catalina II. Panin le indicó que “Vos debéis hacer vuestras relaciones en la Corte sin ninguna clase de parcialidad hacia uno u otro lado. Tanto más cuanto hubo ejemplos de que las más inocentes explicaciones de un ministro a su Corte tuvieron como desagradables consecuencias cambios no gratos en las relaciones o en las mismas acciones de guerra. El arte de todo Ministro, como Vos sabéis, debe consistir en saber advertirlas, atajarlas y rechazarlas”³⁸.

Las acusaciones de Panin estaban equivocadas, pues, si de algo podía “acusársele”, era de tener una actitud atenta y no indiferente ante la nación en la que hubo de prestar sus servicios durante casi 20 años. En 1779, le pidió a Panin que le concediera un permiso, ya que quería viajar por España. Sus argumentos testimonian la actitud ante su cometido y muestran una gran responsabilidad. Escribió: “Pienso que, gracias a este viaje, podría conocer mejor otras tierras de este reino, lo que es imposible si uno reside solo en Castilla, una de las regiones más pobres de España. Me atrevo a afirmar que, si un extranjero permanece en Madrid sin salir de allí, no será capaz de comprender esta nación ni tendrá derecho a describirla. A eso se deben algunas descripciones de España, extrañas y falsas”³⁹.

La llegada del diplomático ruso a Madrid coincidió con la dimisión del conde de Aranda, presidente del Consejo de Castilla. Zinóviev constata e informa de que “casi todo el pueblo, excepto el clero, lamenta esta dimisión”. Poco después escribe que “el conde de Aranda es uno de esos nobles españoles que jamás han tolerado la supremacía de los extranjeros y, siendo presidente del Consejo de Castilla, siempre defendía, de buena gana, los derechos nacionales”. Este retrato político del ministro español lo completa Zinóviev con la descripción de la atmósfera en que se desarrollaba la actividad del reformador, explicando que “Aranda tenía demasiadas razones para

³⁷ *Trachevsky A. Ispaniya devyatnadsatogo veka* (La España del siglo XIX). Moscú: K. T. Soldatenkov, 1872. P. 14–15.

³⁸ *Corpus...* Vol. 1. P. 252.

³⁹ AVPRI. F. SRI. Leg. 381. Fol. 23.

abandonar el cargo presidencial, puesto que el Consejo de Castilla casi siempre se oponía a sus propuestas, que tendían a mejorar la administración interna”. En otro despacho, se dice que el conde de Aranda había sido nombrado embajador en Francia. Dándose cuenta de las consecuencias de este nombramiento para las relaciones hispano-francesas, y la importancia de enviar información al respecto, el diplomático ruso añade que “el conde es uno de los españoles que más se han manifestado contra los Pactos de Familia por los inconvenientes que tienen para el país, y ahora se verá obligado a seguir las reglas de la Corte y subordinarse ciegamente a la política francesa. [...] Pero de todos modos, está claro que, no será agradable para la alianza del Tratado de Versalles y tendrá poca confianza, pero todo será corregido aquí por el embajador francés”. También habla acerca de otro supuesto motivo de la salida de Aranda: “Aquí muchos creen que el conde escogió el cargo diplomático para tener un pretexto para abandonar su patria, donde ya no le quieren, y no volver hasta su muerte”⁴⁰.

El principal motivo de la dimisión de Aranda, según Zinoviev, era la actitud hostil de Grimaldi respecto a él. Sin embargo, la posición de Grimaldi en España no era suficientemente estable. Carlos III al principio de su gobierno otorgó puestos clave del estado a numerosos italianos, lo que provocó el descontento de la aristocracia política española. A los italianos les comenzaron a atribuir todos los defectos y abusos. Zinóviev lo recogió más de una vez en sus escritos: “En realidad, a pesar de que al marqués de Grimaldi le gusta gobernar, le falta la firmeza de carácter que le podría ayudar a mantener su cargo en un país como este, donde le repudia toda la nación. [...] A pesar de todo ello, como me parece, las airadas quejas de los enemigos del marqués de Grimaldi no causan nada importante, teniendo en cuenta que este ministro conoce el carácter de su monarca mejor que otros y sabe conducirlo y, con todo ello, es más hábil que sus rivales y sabrá mantener su crédito”⁴¹. Sin embargo, en 1776, Grimaldi presentó su dimisión, que le fue aceptada. El conde de Floridablanca, que había sido embajador en Roma, ocupó su cargo.

El período de gobierno del conde de Floridablanca corresponde

José Moñino, conde de Floridablanca

⁴⁰ *Ibíd.* Leg. 345. Fol. 23–24; Leg. 351. Fol. 105–106.

⁴¹ *Ibíd.* Leg. 351. Fol. 156, 184.

prácticamente con la estancia de Zinóviev en España. En los despachos del embajador ruso se presta mucha atención a este ministro. Basándose tan solo en estos documentos, se podría componer una biografía completa entre los años 1776 y 1792. Los primeros despachos de Zinóviev se refieren a la estancia de Floridablanca en Roma, donde se le había encomendado la misión de conseguir que el Papa dictara una bula contra los jesuitas. En 1776, al dimitir Grimaldi, Floridablanca resulta ser uno de los candidatos para ocupar su cargo y pronto fue aprobado por el Rey. El 11 de noviembre de 1776, Zinóviev escribió: “Enviaron un mensajero a Roma para el conde de Floridablanca y piensan que, tal vez, el nuevo ministro regrese en una fragata militar, que ahora está en Nápoles”. En su siguiente despacho en clave, destinado a Panin (18.11.1776), Zinóviev describía la biografía del futuro ministro: “La idea de elegir a Floridablanca ha sido inspirada por el Príncipe de Asturias. A pesar de que el candidato no es muy conocido en la Corte, todos están satisfechos, ya que hacía mucho que la nación exigía que fuera un español quien ocupase este cargo. Hace tan solo diez años, este ministro era un simple jurista. Tras conquistar cierto prestigio, logró ocupar el cargo de fiscal del Consejo de Castilla. Finalmente, fue destinado a Roma para lograr la expulsión de los jesuitas. Solo los miembros del Consejo de Castilla sabían de sus conocimientos sobre legislación y de su gran elocuencia. Pero la sociedad ni imaginaba que pudiera ser elegido para el cargo. Sin lugar a dudas, necesitará mucha firmeza e ingenio para resolver los actuales problemas”⁴².

A principios de 1777, Zinóviev informa a San Petersburgo de que en Madrid se duda de las capacidades de Floridablanca: “¿Cómo iba a debutar el nuevo primer ministro? Todo el mundo creía desde el principio que le resultaría difícil cumplir con sus deberes, todos dudaban de que tuviera algún plan general para gobernar y que sus conocimientos de jurisprudencia, a la cual se dedica desde hace mucho, le ayuden, teniendo en cuenta la actual situación de España. Hay quien opina que la causa jesuita que le fue encomendada en la Corte de Roma no fue suficiente para prepararle para gobernar un país tan grande. Cabe esperar, por ello, que el señor Moñino se vea obligado a contar con los funcionarios, y estos solo poseen experiencia práctica en asuntos de Gobierno”⁴³. Sin embargo, estos pronósticos pesimistas no llegaron a confirmarse. Diez años después, Zinóviev describía la posición de Floridablanca en la Corte: “Su crédito ha llegado a tal punto que, sin tener el título de primer ministro, lo es de hecho. [...] El rey apreció mucho sus esfuerzos y comenzó a sentir una confianza ilimitada en él. [...] El conde de Floridablanca ha dominado sin esfuerzo ni dificultad todos los resortes de la administración del reino. Y aunque el rey se imagina que todos creen que él mismo lo hace todo y nombra ministros, de hecho el conde lo ha subordinado a su voluntad”⁴⁴. Precisamente, el afán, celo, esfuerzos y tenacidad de Floridablanca dieron un impulso a numerosas innovaciones económicas, proyectos administrativos y sociales, logros en el campo de la ciencia y la cultura. Zinóviev seguía informando: “Sus ocupaciones favoritas son la mejora de carreteras, las obras de canales y, en fin, todos los trabajos que tiendan a la mejora

⁴² *Ibíd.* Leg. 362. Fol. 152, 156–157.

⁴³ *Ibíd.* Leg. 368. Fol. 15.

⁴⁴ *Ibíd.* Leg. 426. Fol. 14.

interna del reino”. “Gracias a su continua preocupación por los asuntos internos, el conde de Floridablanca, en este momento, goza de mucha estima y cariño por parte de toda la nación”⁴⁵.

Zinóviev se percató de que, tras haber asumido Floridablanca el poder, cambiaron, en cierto modo, las “cordiales” relaciones entre los dos países firmantes de los Pactos de Familia: Francia y España. “El conde de Floridablanca, a su entrada en el Ministerio, se dio cuenta fácilmente de la dependencia completa en la que se encontraba su Corte respecto a la de Francia”. Llegaba hasta el punto de que nada podía tratarse en el Gabinete de España sin dar expresa cuenta de ello al de Versalles, que parecía exigir incluso que todas las potencias que tenían que negociar con España se dirigieran primeramente al Ministerio de Francia. El diplomático ruso señaló que el ministro español no tenía dudas en cuanto a la necesidad de mantener estrechos vínculos con el Estado vecino, “pero no quería en modo alguno que este lazo degenerara en despotismo”. Y por ello, concluye el enviado ruso, es poco probable “que le den el calificativo de primer funcionario de la Corte de Francia, como lo había tenido, con mucha razón, su predecesor el Duque de Grimaldi”⁴⁶.

La muerte de Carlos III, acaecida en diciembre de 1788, cambió también la posición del primer ministro. Durante su reinado, Floridablanca había detentado un poder prácticamente ilimitado, lo que no convenía al Príncipe y a la Princesa de Asturias. Las diferencias entre el ministro y el heredero al trono se agudizaron durante los últimos meses del reinado de Carlos III⁴⁷. Un mes antes del fallecimiento del monarca, Zinóviev informó a San Petersburgo de que, “por senilidad del rey, el Príncipe y la Princesa de Asturias hora tras hora cobraban más influencia en el gobierno. Dichas personas [...] criticaban abiertamente tanto a la camarilla, como las actividades del conde de Floridablanca. Llegaron incluso a formar un partido contra este ministro”. Y cuando el heredero del trono, el Príncipe de Asturias, pasó a ser el rey Carlos IV, y la Princesa de Asturias, la reina María Luisa, ese antagonismo se recrudeció. Sin embargo, Floridablanca aún poseía un poder considerable, lo que imposibilitó obligarle a dimitir de forma inmediata a la muerte de Carlos III. El ministro ruso señalaba que “su posición actual evidentemente era diferente de la que había tenido en el reinado anterior. Obtuvo su cargo por benevolencia del monarca fallecido a quien no se le podía reprochar que este nombramiento hubiera causado daños a España. Pero en las condiciones actuales, se ve obligado a tener otro señor y casi no tiene ilusiones por no contar con su confianza, al revés, necesita actuar con precaución y circunspección... Gracias a sus conocimientos y experiencia es extremadamente necesario para el nuevo monarca, y por el momento, no puede pasar sin él. Pero parece que vuelven a resucitar las intrigas de las que antes, cuando Carlos III, casi no se daba cuenta”⁴⁸.

Esas intrigas las apoyaba María Luisa, una reina autoritaria y caprichosa, que consideraba a Floridablanca su principal rival en la lucha por el poder, por la influencia política en los asuntos de Estado. La reina seguía aumentando, paso a paso, su influencia

⁴⁵ Corpus... Vol. 1. P. 288. AVPRI. F. SRI. Leg. 380. Fol. 87.

⁴⁶ Corpus... Vol. 1. P. 289, 291.

⁴⁷ AVPRI. F. SRI. Leg. 449. Fol. 159.

⁴⁸ *Ibíd.* Leg. 455. Fol. 3.

en su real esposo, y Floridablanca fue cediendo posiciones paulatinamente. En abril de 1790, se vio obligado a abandonar los cargos de Ministro de Justicia y de Interior y a cedérselos al conde de Lerena, un protegido de la reina; desde ese momento ejerció solo de Ministro de Asuntos Exteriores⁴⁹. Zinóviev dio cuenta también de este acontecimiento: “El conde de Floridablanca, el siempre primer ministro, ahora se ve en situaciones difíciles cada vez con más frecuencia. Parece que, por las intrigas y según consejos de amigos, y de acuerdo con su propio estado de ánimo, este ministro tratará de dimitir en el momento que considere oportuno”. Sin embargo, Floridablanca no iba a deponer las armas, y las relaciones se caldearon aún más. “La situación de este ministro es cada día que pasa más crítica, y él aplica todo su talento para mantenerse en su cargo en unos momentos en los que la confusión e inestabilidad en la Corte alcanzan su cénit por los caprichos y el carácter cruel de la reina, que tiene una influencia ilimitada sobre el rey en cuanto al nombramiento de ministros”, escribía Zinóviev⁵⁰.

A comienzos de 1792, el enfrentamiento llegó a su apogeo. El 28 de febrero, se dio a conocer un decreto real por el que se creaba un nuevo órgano legislativo, el Consejo de Estado, encabezado por el conde de Aranda, quien también ocupó el puesto de primer ministro que antes pertenecía a Floridablanca. Inmediatamente después de la promulgación del decreto, Zinóviev informaba en un detallado despacho al conde Ostermán, vicescanciller, de que, “La caída en desgracia del conde de Floridablanca no es resultado de ningún incidente inesperado y, aún menos, de una falta. La causa es el arraigado odio de la reina, un odio que ella ha experimentado permanentemente, pero solo después de la muerte del rey ha logrado acabar con el conde”. Tras observar los cambios en la Corte, Zinóviev subrayó que Floridablanca siempre se había mantenido apartado del partido encabezado por la reina. La muerte del conde de Lerena, Ministro de Justicia e Interior, agudizó la lucha de los dos grupos por ese cargo y la reina aprovechó el momento para destituir a Floridablanca⁵¹.

La conspiración se tramó en el más absoluto secreto; el primer ministro no sospechaba que los acontecimientos pudieran desarrollarse tan vertiginosamente, ya que el rey se había mostrado muy amable con él hasta los últimos días de su carrera. En vísperas del fausto acontecimiento, cuando su destitución ya estaba ultimada, el rey dio un largo paseo con el conde y habló con él de manera confidencial. Sin embargo, según Zinóviev, “el público supone que el conde de Floridablanca podía prever este complot contra él, pero, sin querer luchar contra él, prefirió la dimisión para salir, de este modo, de una complicada situación, consecuencia del odio implacable de la reina, y deshacerse de interminables preocupaciones por el estado del reino, tanto interiormente, como exteriormente hablando. Y es por ello por lo que recibió la fatal noticia tan tranquilamente”⁵².

El último encuentro entre el ministro de Estado español y el ministro plenipotenciario ruso se produjo el 24 de febrero, cuatro días antes del cese de Floridablanca. No volvieron a verse más. Cuatro meses más tarde, en junio de 1792, a Zinóviev le

⁴⁹ *Ibid.* Leg. 463. Fol. 103.

⁵⁰ *Ibid.* Leg. 470. Fol. 30.

⁵¹ *Ibid.* Leg. 477. Fol 40–48.

⁵² *Ibid.* Fol. 44–45.

Monsieur le Comte,

La disgrâce du Comte de Florida Blanca
~~1671. 2673. 1765. 1668. 4456. 2723. 1823. 3625. 1650.~~
 que j'ai annoncé dans ma précédente
~~9017. 2169. 1220. 726. 900. 5785. 1807. 5516. 1247. 997. 1096. 2010~~
 ne doit point être attribuée à quelque
~~1625. 270. 159. 2191. 7815. 1827. 454. 7661. 5386. 650. 799. 2709. 507.~~
 incident extraordinaire & beaucoup moins,
~~2488. 5721. 200. 616. 3602. 1513. 911. 910. 312. 5769. 630. 579.~~
 encore à un Délit quelconque, mais
~~1109. 240. 1491. 6625. 1270. 1802. 557. 4465. 1487. 507. 2921. 1270~~
 simplement à l'ancienne haine intestine
~~5793. 1901. 728. 2478. 7625. 3009. 530. 1029. 5288. 2290. 8125. 572.~~
 de la Reine, qu'elle a gardé constamment,
~~7778. 777. 137. 1461. 2908. 2738. 1841. 729. 494. 1248. 3169. 2240.~~
 ce qui lui a fait concevoir déjà de puis
~~2090. 3530. 5081. 229. 1940. 2031. 1505. 5240. 169. 2507. 1235. 6708.~~
 l'époque de la mort du feu Roi le projet
~~7650. 6376. 625. 1220. 2005. 1907. 8310. 916. 1240. 622. 2997. 1700.~~
 de le perdre. L'administrateur de son côté
~~1122. 7021. 200. 7316. 7123. 6755. 1625. 2500. 1079. 7787. 6200. 8221.~~

à son Excellence Monsieur le Comte d'Ostermann.

Fragmento de la carta cifrada de Stepán Zinóviev sobre el cese del conde de Floridablanca

concedieron el permiso solicitado y marchó a Rusia. Tuvo que volver a Madrid. A principios de 1794, partió de San Petersburgo camino de España y en el viaje cayó enfermo y falleció en Riga, en febrero de 1794.

PLANOS ESPAÑOLES PARA LA GRAN DUQUESA DE RUSIA: LOS SITIOS REALES DE JORNADA

San Petersburgo nace en la primera década del siglo XVIII y en las ocho décadas que separan la fundación de la ciudad y el momento en el que nos situamos, 1786, la Corona ha construido en la ciudad y en sus alrededores una serie de palacios y jardines destinados a residencia, descanso, ocio y disfrute del monarca, su familia y su entorno: asomado al Nevá, en plena ciudad, el Palacio de invierno, y los conjuntos de Tsárskoye Selo y Petrodvoréts, situados en los alrededores de la nueva capital. Todo el conjunto de reales palacios y sus jardines, tanto en la faceta artística como en la organización territorial a que dieron lugar, eran la manifestación de la idea imperial, como los Reales Sitios españoles lo eran de la Monarquía hispana. Al tiempo, eran también los espacios que reflejaban la personalidad del monarca, pues ponían de manifiesto sus gustos, sus aficiones y su visión del mundo⁵³.

Por ello, no sorprende que algunos monarcas y miembros de las familias reales europeas mostraran su interés por los espacios reales de las otras cortes. Rusia no era una excepción y, así, el 20 de agosto de 1786, Pedro Normande, ministro interino de España en la Corte rusa, escribe al conde de Floridablanca, secretario del despacho de Estado de Carlos III y le informa de que ha mantenido “varias conversaciones [...] con los señores Grandes Duques de Rusia”, en las que le “han hablado con los mayores elogios [...] de los suntuosos edificios que tiene el rey, N. S., de las pinturas preciosas y raras que los adornan”, y le han manifestado su sentimiento por no haber podido “alargar hasta España el viaje” realizado “a los demás [países] de Europa”⁵⁴. Sus altezas le dijeron a Normande que oían “sobre el talento de nuestros maestros de bellas artes”. Y esto no es sorprendente: en la década de 1770 la colección del Hermitage Imperial recibió las pinturas de Ribera y Murillo y, en 1773, Catalina encargó los retratos de Carlos III y del Príncipe de Asturias para el Palacio de Chesme⁵⁵.

En el transcurso de dichas conversaciones, le manifestaron que habían visto muy pocos grabados españoles, por lo que les ofreció enviarles “una colección de las estampas grabadas por Carmona, Selma y Goya”, que tenía en su residencia petersburguesa, así como un ejemplar de *Don Quijote*, otro del *Poema de Música* de Tomás de Iriarte y “algunos otros libros y estampas”. Esos grabados y libros agradaron tanto a los Grandes Duques, que le hicieron saber que “celebrarían” poderlos tener entre sus colecciones, por lo que había procedido a regalárselos. Informaba también de que la Gran Duquesa, a quien le interesaban muy especialmente “los planos, diseños y estampas”, le había pedido que le procurara: “1º los planos y perfiles del palacio de Madrid; 2º los planos y perfiles del Escorial; 3º los planos de San Ildefonso y cualquier otra cosa de esta naturaleza que hubiese ahí en línea de planos, dibujos y

⁵³ *Smoktiy E.* Los Reales Sitios de la monarquía rusa en el siglo XVIII: Catalina II y su hijo Pablo: dos épocas, dos genios y un conflicto // La extensión de la Corte: los Reales Sitios. Camarero Bullón, C. y Labrador Arroyo F. (Edit.). Madrid: UAM, 2017. P. 633–652.

⁵⁴ *Corpus...* Vol. 1. P. 294–295.

⁵⁵ Véase más detalladamente el capítulo “La colección de pintura española del Ermitage Imperial”.

grabados tocante a edificios reales”, advirtiendo de que Su Alteza ya tenía “las estampas del Real Sitio de Aranjuez”. Pedro Normande, consciente de no poder acceder a esa petición ni obtener esos materiales sin “el favor” de Floridablanca, le informa de que le “ha parecido exponerle [...] el deseo de esta princesa, por si gustase disponer que se le haga tal obsequio” o ponerle a él “en estado de hacérselo”⁵⁶. Es posible que los Grandes Duques conocieran los nombres de los sitios reales de las conversaciones mantenidas con los diplomáticos españoles, de las noticias que llegaban de los embajadores rusos en Madrid, asimismo de la literatura francesa que abundaba en su biblioteca en Gátchina. Es muy probable que se tratara de sitios diferentes, ya que, según la época del año, el cuerpo diplomático se desplazaba a los mismos siguiendo los desplazamientos cíclicos del monarca y su Corte.

La red de Reales Sitios de Madrid y su entorno. Tras el establecimiento de la capitalidad de la Monarquía hispana en la villa de Madrid, en 1561 y el asentamiento de modo permanente de la Corte en ella, la monarquía se fue dotando de un conjunto de espacios de uso exclusivo en torno a la capital, destinados a satisfacer sus necesidades de residencia, ocio y descanso, igual que lo haría siglo y medio más tarde la monarquía rusa en torno a San Petersburgo. La configuración del sistema español de Sitios Reales se inició ya con Felipe II, durante la dinastía de los Austrias, que instauraron la práctica del traslado de la Corte a distintos “palacios de jornada”, siguiendo un curso estacional: primavera en Aranjuez, otoño en El Escorial, invierno en El Pardo, junto a Madrid. En cada uno los casos, al palacio de jornada se fueron agregando terrenos de extensión generalmente importante, unos para convertirlos en jardines y otros para ser utilizados como cotos de caza, distracción muy del gusto de la familia real y de los miembros de la Corte. La dinastía Borbónica amplió los Sitios de jornada mediante la creación del Real Sitio de San Ildefonso, en la provincia de Segovia. A partir de su creación, la Corte pasara allí el verano.⁵⁷

522

El Palacio Real y la Casa de Campo. Al sur del antiguo núcleo urbano, se situaba el antiguo Alcázar de Madrid, fortaleza medieval reconvertida en palacio por los reyes Juan II, Carlos I y Felipe II, quien lo convirtió en la residencia oficial de la monarquía española en 1561. En la Nochebuena de 1734, desapareció devorado por las llamas, por lo que Felipe V ordenó la construcción de un nuevo Palacio Real en el solar que ocupara, encomendando el proyecto al arquitecto italiano Filippo Juvarra. Fallecido en 1736, se hace cargo del mismo su discípulo Giambattista Sacchetti.

La construcción se inició en 1738 y finalizó en 1751, aunque hasta 1759 se siguió trabajando en la decoración escultórica del entorno y en las “obras exteriores”. Carlos III fue el primer monarca que lo habitó. Para la decoración de la residencia real, el nuevo rey llamó a los pintores italianos Corrado Giaquinto y Giambattista Tiepolo, y al flamenco, Antonio Rafael Mengs. Quizás sea al conjunto de frescos

⁵⁶ Corpus... Vol. 1. P. 295.

⁵⁷ Sobre los Reales Sitios es obra de referencia *Sancho J.L.* La arquitectura de los Sitios Reales. Madrid, Patrimonio Nacional, 1995. Véase también: *Urteaga L. y Camarero Bullón C.* (2014): “Los planos de los Sitios Reales españoles formados por la Junta General de Estadística (1861–1869)” // *Scripta Nova*. Vol. XVIII, 482, 2014 [Revista electrónica] <http://www.ub.edu/geocrit/sn/sn-482.htm> (fecha de consulta: 10.5.2018).

pintados por estos maestros y sus discípulos españoles en las principales salas del nuevo palacio a los que se refería la Gran Duquesa cuando hablaba de las “pinturas preciosas y raras” que adornaban los palacios españoles. Pero, a pesar de esa magnificencia, el monarca apenas vivía ocho semanas al año en el Palacio Real de Madrid: en diciembre, Semana Santa y parte de julio.

Felipe II creó el jardín del palacio, conocido popularmente como “Campo del Moro”, que experimentó distintos cambios a lo largo de los siglos. Ligado al Palacio Real estaba el extenso bosque conocido como “Casa de Campo”, un espacio destinado al ocio del monarca al otro lado del río, al que accedía desde el mismo⁵⁸. A lo largo del siglo XVIII, el real bosque había experimentado sucesivas ampliaciones y se había procedido a la construcción de una tapia de ladrillo y mampostería, que cerraba la posesión por completo, pues su finalidad principal era servir como terreno de caza, aunque había también un espacio destinado a jardines y huertas. Además, estaba dotado de presas, embalses y una compleja red de acequias para el riego durante los largos estíos madrileños.

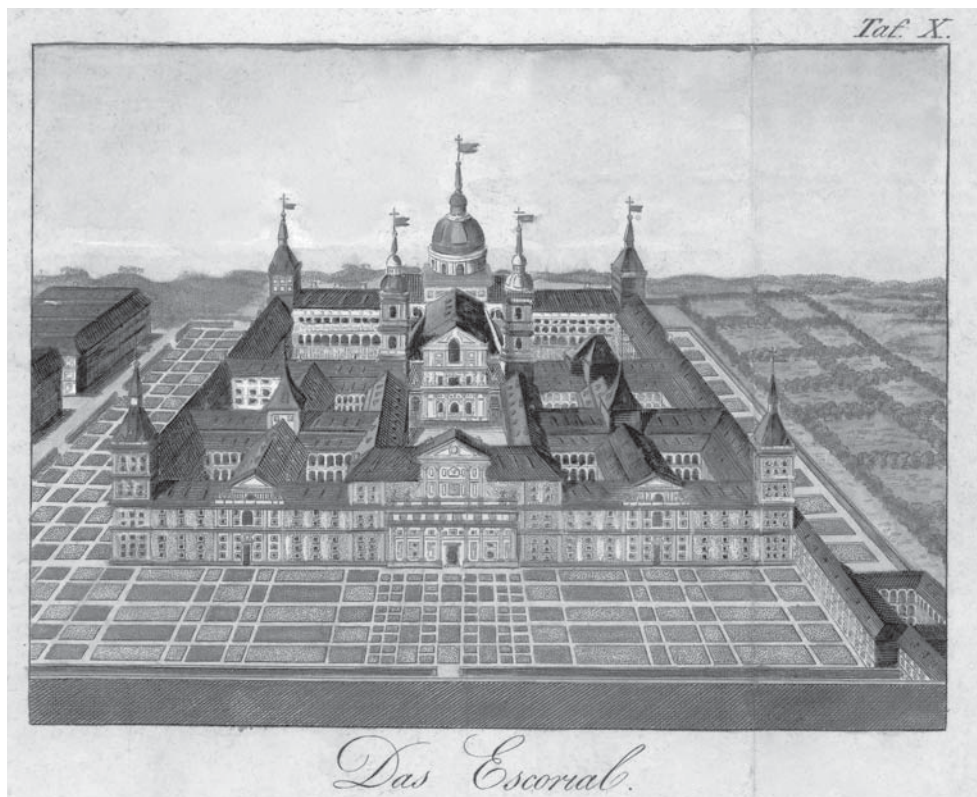
El Real Sitio de San Lorenzo de El Escorial. El Monasterio de El Escorial, situado en la vertiente meridional de la Sierra de Guadarrama, fue el verdadero centro político de la Monarquía hispana durante el último tercio del siglo XVI y la plasmación arquitectónica y espacial de la personalidad de Felipe II. Alrededor del edificio monasterial se constituyó un extenso señorío de algo más de 12.000 ha, conocido como Real Sitio de San Lorenzo de El Escorial⁵⁹. La construcción del impresionante y austero monasterio, iniciada en 1563 y concluida oficialmente en 1595, transformó por entero el sistema de asentamientos preexistente en la zona, comenzando por la pequeña aldea de El Escorial. Entre 1563 y 1598, se llevaron a cabo importantes obras de mejora en la localidad, que fue dotada de iglesia, hospital, fuentes y casa consistorial y extendió su caserío para dar acomodo a los funcionarios reales, a la servidumbre y a los miembros del cuerpo diplomático. Los alrededores de El Escorial se vieron transformados asimismo por numerosas construcciones, como La Granjilla de la Fresneda, o la Casa de El Campillo, que hacían posible las cacerías y viajes del Rey, amén del propio sustento del monasterio⁶⁰.

En 1767, Carlos III autorizó la construcción de casas junto a la lonja del mismo, cosa que estaba expresamente prohibida hasta entonces y con ello abrió el camino

⁵⁸ Gimeno Pascual A.M. La Casa de Campo // Jardines clásicos madrileños. Madrid: Museo Municipal, 1981. P. 67-76.

⁵⁹ Sobre la formación del Real Sitio de El Escorial y su evolución, puede consultarse Valenzuela Rubio M. El Escorial: de Real Sitio a núcleo turístico-residencial // Anales del Instituto de Estudios Madrileños, N° 10. P. 363-402, 1974; Moran Turina J.M. y Checa Cremades F. Las Casas del Rey. Casas de Campo, Cazaderos y Jardines. Siglos XVI y XVII. Madrid: El Viso, 1986; Nieto V., Morales A.J. y Checa F. Arquitectura del Renacimiento en España, 1488-1599. Madrid: Cátedra, 2009; Chías P. Dos siglos de revitalización en la iconografía del monasterio de El Escorial // Expresión gráfica arquitectónica, N° 29, 2017. P. 28-37.

⁶⁰ Chías P., Abad T. La construcción del entorno del Monasterio de San Lorenzo de El Escorial. Agua, territorio y paisaje // Informes de la Construcción. 2014. Vol. 66, N° 536: e046. — <http://dx.doi.org/10.3989/ic.14.027>. (fecha de consulta: 10.5.2018).

El Escorial. Vista general.

524

a la creación de un espacio urbano en el entorno del monasterio. El desarrollo del nuevo caserío fue muy rápido, constituyendo el núcleo fundacional de lo que vendría a ser la nueva población de San Lorenzo de El Escorial.

El corazón de este Real Sitio era y es el Real Monasterio de San Lorenzo de El Escorial, mandado construir por Felipe II. Se concibió como monasterio de monjes de la orden de San Jerónimo, cuya iglesia había de servir como panteón real, en el que los frailes rezarían continuamente por la salvación de las personas reales. Se dotó, asimismo, de colegio, seminario y una magnífica biblioteca. El edificio cuenta también con un palacio para alojar al rey, su familia y su séquito. La construcción del conjunto se inició en 1562 y se concluyó en 1595, con la consagración de la Basílica, y fue seguida y supervisada personalmente por el propio rey en relación continua con sus arquitectos Juan Bautista de Toledo y, sobre todo, Juan de Herrera. Felipe II residía en San Lorenzo de Semana Santa a otoño, sin embargo, sus sucesores redujeron esa presencia a dos o tres semanas en noviembre, si bien, llegado Felipe V al trono, establece la costumbre de pasar allí el otoño hasta principios de diciembre, momento en el que la Corte volvía a Madrid.

El Real Sitio de Aranjuez. Al igual que el entorno de San Lorenzo de El Escorial, y quizá todavía en mayor grado, el Real Sitio de Aranjuez ofrecía en el siglo XVIII un

paisaje intensamente humanizado. Situado en la vega del río Tajo, a 50 km al sur de Madrid, muy cerca de la confluencia de los ríos Tajo y Jarama, Aranjuez es un vergel en la meseta, un oasis en medio de un paisaje estepario⁶¹. Desde el siglo XVI, fue un lugar de recreo para la familia real, asociado a los placeres de la primavera y la caza de pluma. El levantamiento topográfico-parcelario realizado por los geómetras de la Junta General de Estadística entre 1864 y 1867 nos ha legado una imagen muy clara de los usos del suelo del Real Sitio, que tenía una superficie de unas 18.900 ha. Aunque dos tercios del terreno estaban ocupados por sotos arbolados y monte bajo, los cultivos y tierras de labor tenían una presencia mucho más importante que en las otras posesiones reales. Y aun más significativo: los jardines ocupaban 152 ha, y los ríos, arroyos y acequias otras 979 ha. No había nada semejante en los alrededores de Madrid.

Los orígenes del Real Sitio se remontan a la Baja Edad Media, cuando los señores del lugar, los Maestres de la Orden de Santiago, construyeron un pequeño palacio dotado de huertas y jardines. El palacio, y la posesión, pasaron a dominio real en el reinado de los Reyes Católicos. Posteriormente, en época de Carlos I, se inició el programa constructivo para dotar al lugar de una espaciosa residencia real, y se acometieron importantes obras para establecer la red hidráulica, que transformó la huerta comprendida entre el Tajo y el Jarama en un auténtico vergel⁶².

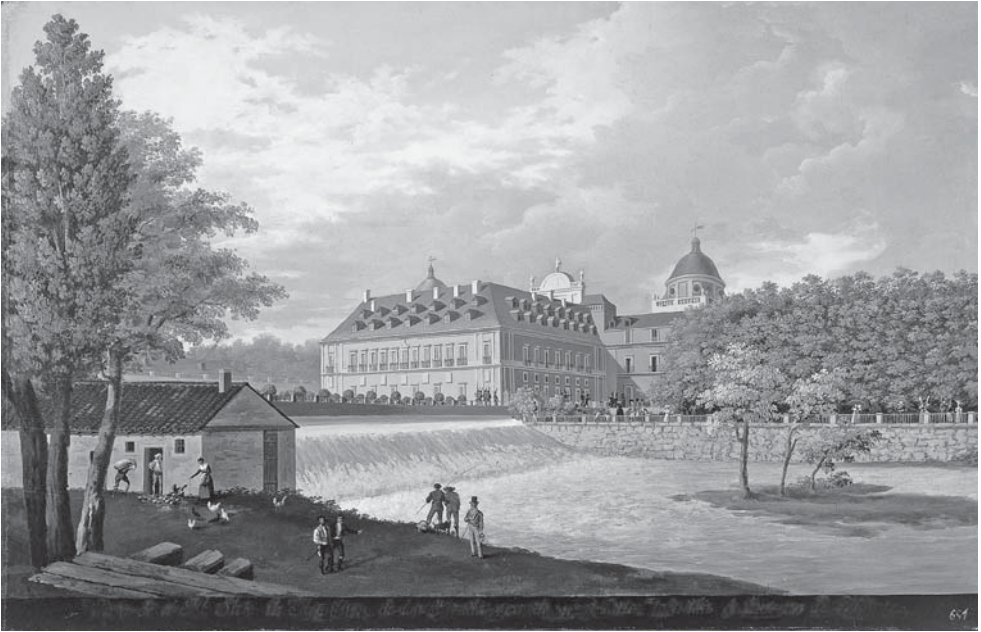
Al igual que en los otros Reales Sitios, los Borbones reformaron y ampliaron los jardines palaciegos y el área edificada. Un cambio decisivo se produjo a mediados del siglo XVIII, cuando Fernando VI autorizó el libre establecimiento de personas en Aranjuez. Hasta entonces sólo habían podido residir allí los escoltas y empleados de la Corte. A partir de 1752, se inició la construcción de una población de trazo regular, al sur y al este del Palacio Real, que creció con vigor en pocas décadas, haciendo más fácil encontrar alojamiento a diplomáticos y nobles que habían de instalarse allí durante la estancia del monarca. El Palacio Real, construido por Felipe II sobre el emplazamiento del antiguo palacio de los maestros de Santiago, es obra de Juan Bautista de Toledo y de Juan de Herrera, que tan solo pudo terminar una parte. Felipe V continuó con el proyecto original en 1715, pero no se concluyó hasta 1752, ya en el reinado de Fernando VI. En 1775, Carlos III mandó añadir dos alas, que es la imagen actual del mismo y la que probablemente aparecía en las vistas que obraban en poder de la Gran Duquesa.

El Real Sitio de La Granja de San Ildefonso. Dentro de la red de Reales Sitios que rodean la ciudad de Madrid, el de San Ildefonso ocupa un lugar especial. Es el más alejado de la capital, el único -junto con su anejo el Real Bosque de Riofrío- situado fuera de la provincia de Madrid, el más boscoso, el de relieve más accidentado y el de más tardía construcción⁶³. El origen del patrimonio de la Corona en la vertiente norte de las montañas de Guadarrama, donde se sitúa este Real Sitio, es

⁶¹ *Terán M. de.* Huertas y jardines de Aranjuez // Revista de la Biblioteca, Archivo y Museo Municipales de Madrid, 58, 1949. P. 7-42.

⁶² *Rabanal Yus A.* Los jardines del Renacimiento y el Barroco en España // *Hansmann W.* Jardines del Renacimiento y el Barroco. Madrid: Nerea, 1989. P. 325-405.

⁶³ *Urteaga L., Camarero Bullón C.* Planimetría del Real Sitio de San Ildefonso de la Junta General de Estadística, 1868-1869 // *Treballs de la Societat Catalana de Geografia*, 77, 2014. P. 319-334.

Aranjuez. Vista desde el río Tajo.

526

previo al establecimiento de la Corte en Madrid. Los bosques de Valsaín, que pertenecían a la ciudad de Segovia y a su Junta de Linajes, fueron utilizados como coto de caza por los reyes de Castilla desde la Edad Media. Enrique III de Castilla hizo construir a fines del siglo XIV un pabellón de caza en las proximidades del riachuelo de Valsaín. Medio siglo más tarde, Enrique IV mandó edificar a tres kilómetros del lugar de Valsaín una casa y una ermita dedicada a San Ildefonso. En 1477, los Reyes Católicos donaron esos bienes a los monjes jerónimos del monasterio de El Parral (Segovia), quienes lo transformaron en una granja de recreo. En 1720, Felipe V se lo compra, junto con los edificios y terrenos anejos que tenían en San Ildefonso, para construir en aquel lugar un palacio y sus correspondientes jardines⁶⁴.

El Real Sitio de San Ildefonso quedó configurado inicialmente como un gran rectángulo de 170 ha de superficie, rodeado por un muro de mampostería. El recinto estaba dividido en tres sectores: en la parte más elevada se ubica un extenso bosque, en el que está situado un lago artificial que alimenta el extraordinario conjunto de fuentes; la parte intermedia es un jardín de estilo francés, de casi 80 ha de superficie. Finalmente, en la parte más baja se emplaza el Palacio Real, que marca el límite entre el espacio del parque y el espacio destinado a construir alojamientos y servicios. Durante el reinado de Felipe V, San Ildefonso ingresó en el sistema de Sitios Reales que la Corte utilizaba de modo itinerante.

⁶⁴ Blanco Esquivias B. *El Real Sitio de la Granja de San Ildefonso // Palacios Reales en España*. Madrid, 1996. P. 125–152; Callejo Delgado M.J. *Real Sitio de la Granja de San Ildefonso*. Madrid: Lunweg, 1996.

La demanda de bienes suntuarios que protagonizaba la Corte atrajo hacia los Reales Sitios algunas de las grandes manufacturas del siglo XVIII. El establecimiento, en 1734, de la Real Fábrica de Vidrios y Espejos impulsó el crecimiento urbano de San Ildefonso. Inicialmente era un taller de pequeñas proporciones, en el que se instaló un horno para vidrios planos, que daba trabajo a unos pocos artesanos. A partir de mediados del siglo XVIII, diversificó su producción y experimentó sucesivas ampliaciones hasta transformarse en una gran fábrica, con varios hornos, comparable a la francesa de Saint-Gobain⁶⁵. Tras dos incendios sucesivos, en 1770 se construyó una nueva fábrica, situada a las puertas del recinto murado de la población.

Los cuatro Sitios Reales que interesaban a la Gran Duquesa, y que aquí hemos estudiado, respondían a funciones y paisajes diferentes: el Palacio Real era la imagen de la Monarquía hispana y elemento referencial de la trama urbana de la capital, comparable al Palacio de invierno de San Petersburgo, pero de dimensiones menores y menor magnificencia; San Lorenzo del Escorial era un centro religioso, panteón de la dinastía, al tiempo que palacio real, impresionante y austera mole de granito en la sierra madrileña, como austero era el carácter del rey que lo erigió; Aranjuez, en una llanura esteparia, era un espacio fluvial ligado al río Tajo, por el que el rey y su corte navegaban en falúa y disfrutaban de naumaquias, con extensos sotos, jardines y espacios agrarios. Finalmente, San Ildefonso se configuró como un espacio montano, rodeado de densos bosques de coníferas, cuyo centro era el palacio rodeado de un importantísimo conjunto de fuentes, adaptadas a la topografía y abastecidas por el agua que bajaba de la sierra, al que la suavidad de sus temperaturas veraniegas y el azul transparente de su cielo convirtieron en refugio ideal para escapar del tórrido estío madrileño.

LOS JESUITAS ENTRE ESPAÑA Y RUSIA

La Orden jesuítica (La Compañía de Jesús), aprobada por el Papa Pablo III en 1540, llegó a gozar de gran influencia en Europa y en otros continentes desde mediados del siglo XVII. La razón de su existencia era la actividad misionera: los miembros de la Orden podían relacionarse libremente con heterodoxos y herejes y predicar en todas las partes del mundo. Se convirtieron en los intermediarios diplomáticos ideales gracias a su educación, energía y flexibilidad política. A comienzos del siglo XVIII, los jesuitas participaron también en los contactos internacionales de Rusia, si bien estaban ligados a los mismos ya desde finales del XVI, cuando Antonio Possevino y cuatro compañeros, por encargo del Papa Gregorio XIII, participaron, en 1582, en las negociaciones para concertar un tratado de paz entre Rusia y la Mancomunidad de Polonia-Lituania. En 1689, los jesuitas Tomás Pereira y Jean-François Gerbillon, integrantes de la delegación china, tradujeron y revisaron el texto del Tratado de Nérchinsk entre Rusia y China⁶⁶.

527

⁶⁵ Helguera J. La Real Fábrica de Vidrios de San Ildefonso: una aproximación a su historia económica // Vidrio de La Granja. Madrid: Fundación Nacional del Vidrio, 1988. P. 57-104.

⁶⁶ Véase: Junquera Rubio C. Gestión de los misioneros jesuitas en la firma del tratado sino-ruso de Nérchinsk (1689) // Colección. N° 27. Buenos Aires, 2017. P. 119.

A finales del siglo XVII e inicios del siglo XVIII, una comunidad de la Compañía se instaló en Moscú, en el Barrio Alemán (*Nemétskaya sloboda*), donde construyó una iglesia y una escuela. Los jesuitas moscovitas estaban bajo los auspicios del emperador del Sacro Imperio Romano Germánico, que les tenía concedida una asignación anual, a cambio de que le enviaran informes sobre la situación interna en Rusia⁶⁷. Mientras las relaciones con el Imperio fueron buenas, el Gobierno ruso no impidió la actividad de la Orden. Sin embargo, cuando el emperador concedió asilo al zarévich Alexéi, las relaciones entre ambos Estados se enturbiaron, y más tarde (13.4.1719) Pedro I decretó la expulsión de los jesuitas instalados en Moscú⁶⁸.

En la segunda mitad del siglo XVIII, la Compañía de Jesús entró en la época más dura de su historia. Los privilegios de la Orden provocaron el disgusto de los soberanos europeos, que aspiraban a establecer un poder unipersonal y consideraban a los jesuitas defensores de los intereses de la Santa Sede. Así, comenzaron a referirse a las comunidades de jesuitas como “el Estado dentro del Estado”. La influencia de la Compañía en el campo de la enseñanza y la participación activa de sus miembros en los contactos internacionales ponía en alerta a los políticos, que querían fortalecer la soberanía real. Los reyes de Francia, España y Portugal pretendían establecer un control total sobre la vida eclesiástica, muy especialmente en lo que se refería a su esfera material, lo que provocaba conflictos entre los monarcas católicos y el Papa. En España, las relaciones entre la Compañía de Jesús y el poder real se complicaron tras la firma, en 1750, del Tratado de Madrid, que estableció una nueva delimitación de la frontera entre los dominios americanos del monarca español y del portugués que afectaba a los territorios en los que se hallaban las reducciones jesuitas. La destrucción de las misiones jesuíticas por parte de los portugueses acompañada de los choques armados entre las tropas reales y los indios, lo que sirvió de pretexto para acusar a la Orden de instigar a los “salvajes” a que resistieran ante las autoridades legales.

528

En paralelo al conflicto con la Compañía de Jesús en las colonias, crecía la animadversión hacia la misma en la metrópoli. La primera noticia al respecto la envió, a comienzos de noviembre de 1766, Nikolái Jotínskiy, encargado de negocios en Madrid: “Comunican desde Madrid que fueron apresadas en sus casas varias personas y fueron llevadas bajo arresto de la ciudad. [...] No se dio a conocer nada sobre sus crímenes, y no hay noticias más ciertas. [...] También ha sido arrestado el procurador general de los jesuitas de las dos Castillas, su nombre es *Cidrolópez* [Isidro López], es llevado a *Campedina* [Medina del Campo], pero no se conoce por qué causa⁶⁹. En diciembre de 1766, Jotínskiy informó de que “ya estaba resuelto el litigio que duró aquí [en España] más de un año y tenía que ver con los

⁶⁷ *Grizinger T.* Iyezuity. Polnaya istoriya ikh yavnykh i taynykh deyaniy ot osnovaniya ordena do nastoyashchego vremeni (Los jesuitas. Historia completa de sus actos públicos y secretos desde la fundación de la Orden hasta hoy). San Petersburgo: Lan', 1999. P. 510.

⁶⁸ *Tolstoy D.* Ob iyezuitakh v Moskve i Peterburge. Istoricheskiy otryvok (Los jesuitas en Moscú y San Petersburgo. Fragmento histórico). San Petersburgo: Tip. 2 Otd-niya Sobstv. ye. i. vel. Kantselyarii, 1859. P. 11.

⁶⁹ Cit. por: *Volosyuk O.V.* Vneshnyaya politika Ispanii... P. 276.

La expulsión de los jesuitas

diezmos que los jesuitas debían pagar al rey de todos los bienes de sus iglesias y capítulos en las Indias, y desde este tiempo y en adelante estos eclesiásticos tendrían que pagarlos de sus ingresos obligatoriamente, al que como las demás órdenes religiosas en esa parte del mundo”⁷⁰.

En 1767, se acusó a los jesuitas de haber organizado los motines que habían tenido lugar en varias ciudades de España en el verano de 1766. Siguiendo el ejemplo de los reyes de Portugal y de Francia, el 27 de febrero de 1767, Carlos III tomó la decisión de expulsar a los jesuitas de la metrópoli y de las colonias. Y así un mes más tarde, se ejecutó la *Pragmática sanción de Su Magestad en fuerza de ley para el estrañamiento de estos Reynos a los Regulares de la Compañía, ocupación de sus Temporalidades, y prohibición de su restablecimiento en tiempo alguno, con las demás prevenciones que expresa*. La noche del 31 de marzo al 1 de abril, los jesuitas fueron arrestados en Madrid y después, en toda España. Jotínskiy mandó inmediatamente un informe: “En la mañana de ayer nos dimos cuenta, con gran sorpresa, de que la noche anterior todos los jesuitas de esta ciudad habían sido arrestados en sus casas y sacados de la ciudad acompañados por guardias. Esta campaña, inesperada para todos, se llevó a cabo con gran secreto, es por ello por lo que, por la mañana, no hubo ningún escándalo, preocupación o desórdenes, de los que podrían haberse producido

529

⁷⁰ *Ibíd.* P. 277.

debido a la importancia del hecho⁷¹. Las relaciones entre España y la Santa Sede se enfriaron. Otto Magnus Stackelberg, ministro ruso, que llegó a Madrid en abril de 1767, fue testigo del escándalo con los jesuitas, e inmediatamente informó a San Petersburgo: “El caso jesuita es tema único de todas las conversaciones y rumores. [...] Ya he visto dos de estas Pragmáticas Sanciones que tienen que ver con los bienes y posesiones, libros, manuscritos y comercios de jesuitas. Estos padres, exentos de pagar diezmos, impuestos y aranceles, instituyeron un comercio que entorpecía el estatal. Poseen sus propias farmacias, que ahora serán entregadas a hospitales, los demás bienes de su propiedad se venderán y el dinero se repartirá entre los pobres [...] y todos los libros se entregarán a la Biblioteca Real. En cuanto a los manuscritos, se hará un inventario y después el propio monarca decidirá qué hacer con ellos⁷². Stackelberg señaló también que el promotor principal de la expulsión de la orden de España fue el conde de Aranda, presidente del Consejo de Castilla⁷³.

Catalina II leyó con atención estos despachos del diplomático; en 1772, se produjo la Primera Partición de Polonia y, como resultado, Rusia obtuvo varias regiones del Báltico y de Bielorrusia, donde la mayoría de la población era católica y la cura de almas estaba al cuidado de los jesuitas⁷⁴. Así, “la cuestión jesuítica” para Rusia pasaba del campo de la política exterior al de la política interior. En las instrucciones dadas a los futuros gobernadores de los nuevos dominios (28.5.1772), Catalina II ordenaba que estuvieran pendientes de los miembros de la Compañía de Jesús: “Que hagan un censo especial de los monasterios, escuelas y educadores jesuitas. Han de vigilarlos muy de cerca por ser ellos de los más astutos de todas las demás Órdenes Latinas, ya que entre ellos los subordinados no pueden hacer nada sin la aprobación de sus jefes⁷⁵. Sin embargo, después de haber ratificado la Convención de partición de las tierras, surgió el problema de integrar a los católicos de las mismas en el marco común del Imperio ruso. Para atraérselos, Catalina II publicó varios manifiestos prometiéndoles absoluta libertad de culto.

La expulsión de los jesuitas de España y de otros estados europeos no dejó satisfechos a los adversarios de la Compañía de Jesús. En octubre de 1772, fue enviado a Roma José Moñino (futuro conde de Floridablanca), ministro plenipotenciario de España, con una misión especial: tenía orden de persuadir al Papa para que dictara una bula sobre la supresión de la Orden. Zinóviev, que había sustituido a Stackelberg, lo comunicó inmediatamente a San Petersburgo: “La Corte española

⁷¹ *Ibíd.* P. 277.

⁷² *Ibíd.* P. 279.

⁷³ *Ibíd.* P. 280.

⁷⁴ Los nuevos dominios estaban poblados por 100 000 católicos de tradición litúrgica latina, otros 800 000 católicos del rito griego y 201 jesuitas. Véase: *Inglot M.* Obshchestvo Iisusa v Rossiyskoy imperii (1772–1820 gg.) i yego rol' v povsemestnom vosstanovlenii Ordena vo vsem mire (La Compañía de Jesús en el Imperio Ruso (1772–1820) y su papel en la restauración general de la Orden en todo el mundo). Moscú: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2004. P. 67.

⁷⁵ *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)*. (Colección completa de las leyes del Imperio ruso (PSZRI). T. XIX. N° 13808. San Petersburgo: Tip. 2 Otd-niya Sobstv. ye. i. vel. Kantselyarii, 1830. P. 509–510.

le ha declarado al Papa que no aceptará a su nuncio mientras no se resuelva el destino de los jesuitas”⁷⁶. El 21 de julio de 1773, el Papa Clemente XIV promulgó un breve apostólico, *Dominus ac Redemptor*, por el que se suprimía la Compañía de Jesús. Zinóviev escribió a San Petersburgo: “Dicen que el decreto del Papa sobre la prohibición de la Orden de los jesuitas ya ha llegado a la Corte de Versalles, a la de Venecia y a la de aquí”⁷⁷. Al recibir la noticia sobre la supresión de la Compañía de Jesús, la Emperatriz revisó su actitud respecto a los jesuitas: la que había sido una orden religiosa potente, promotora de la influencia política del Papa, se había convertido en una comunidad de desterrados; sin embargo, sus miembros gozaban de un gran prestigio entre los católicos polacos y bielorrusos, nuevos súbditos del Imperio ruso. En carta enviada a Yúri Browne, gobernador general de Livonia (22.9.1773), Catalina II

Otto Magnus Stackelberg

escribió: “Para mí los jesuitas son personas, personas que sufren, yo no tengo motivos para quejarme de ellos, al revés, estoy muy contenta de su comportamiento en las provincias de Bielorrusia. Por eso, si alguno de ellos aparece en su territorio, que se les diga que no corren ningún peligro [...] en las provincias de Bielorrusia”⁷⁸. Los miembros bielorrusos de la Compañía de Jesús le pidieron a la Emperatriz su protección. Catalina II, que estaba interesada en mantener la lealtad de los católicos de aquellas tierras, sabiendo que un decreto no entra en vigor hasta después de su promulgación en cada diócesis, ordenó que la bula del Papa de 1773 no se promulgara. De este modo, el breve apostólico sobre la supresión de la Orden no tenía vigencia en las nuevas provincias rusas. Así, los jesuitas siguieron con su organización y bienes en Rusia, pero se les prohibió la actividad misionera entre la población ortodoxa. Autorizando la existencia y actividad de la Compañía de Jesús en el Imperio Ruso, Catalina II aspiraba a mantener la estabilidad del Estado y a ganarse la aceptación de sus nuevos súbditos.

Ya desde 1777, el Gobierno español elevó protestas en varias ocasiones, a través de Zinóviev y sus representantes en San Petersburgo, ante la Corte imperial, exigiendo que se expulsara a los jesuitas de los dominios recién adquiridos por Rusia.

⁷⁶ Cit. por: *Volosyuk O.V. Vneshnyaya politika Ispanii... P. 429.*

⁷⁷ *Ibíd.*

⁷⁸ *Osmnadsatyy vek (El siglo dieciocho). Istoricheskiy sbornik. T. 3. Moscú: Tip. T. Ris, 1869. P. 224.*

El conde de Floridablanca, primer secretario de Estado, al encontrarse con Zinóviev subrayó que no tenía intención de intervenir en asuntos que consideraba puramente internos de Rusia. Sin embargo, le reiteró al ministro ruso que a Carlos III le era desagradable el hecho de que los jesuitas pudieran crear sus propias organizaciones después de haber dedicado él tantos esfuerzos para destruir la Compañía de Jesús por el bien de Europa. Zinóviev replicó tajantemente al ministro diciéndole que, en realidad, era un asunto interno, que los jesuitas se dedicaban a la enseñanza en las regiones católicas y que la sabia política de su Emperatriz permitía aprovechar sus capacidades y talentos⁷⁹. Así las cosas, los posteriores esfuerzos de Floridablanca por conseguir un acercamiento con Rusia no dieron resultados tangibles. La “cuestión jesuítica” y las divergencias sobre algunos problemas de política exterior generaron los recelos antiespañoles en San Petersburgo. La situación empeoró cuando en Bielorrusia se abrió un noviciado de la Compañía.

A mediados de la década 1770, la comunidad de jesuitas bielorrusos, formada por unos 150 miembros en 1776, se encontró en una situación extremadamente grave. Aspirando a conservar la Orden, Staníslav Chernévich, provincial de la misma, se dirigió al conde Zajar Chernyshov, gobernador general de Bielorrusia, solicitando su permiso para aceptar nuevos miembros en la Compañía, es decir, establecer un noviciado, lo que contravenía lo dispuesto en el decreto papal de 1773. A pesar de ello, Staníslav Sestrentsévich, obispo de Bielorrusia, dictó una pastoral que, en nombre del Papa, permitía a los jesuitas crearlo⁸⁰. En las Cortes europeas esta decisión fue percibida y calificada como un intento de restablecer la Orden e inquietó a los soberanos católicos que eran partidarios del destierro y disolución de la Compañía.

Pío VI, indignado por ese acto de Sestrentsévich, dictó una circular que envió a todas las Cortes europeas, en la que declinó toda responsabilidad por la iniciativa del obispado bielorruso⁸¹. Esta circular llegó a San Petersburgo a través de Varsovia. En su respuesta, el Gobierno ruso confirmaba su propósito de ofrecer amparo a los jesuitas de Bielorrusia: “Examinando este asunto sin prevención, Su Excelencia podría aceptar que esta institución es de mucha utilidad para los católicos de Bielorrusia, ya que es la única que puede proporcionar una educación razonable, puede disipar las tinieblas de la superstición que afecta a la religiosidad del pueblo y, en parte, del propio clero”⁸². La reacción de la Corte española fue inmediata. Floridablanca volvió a exigir, de nuevo, que se liquidaran los colegios y misiones de la Orden. Zinóviev informó de ello en septiembre de 1779 al conde Panin, dirigente del Colegio de Asuntos Exteriores⁸³. Floridablanca escribió a Pedro Normande, ministro español

⁷⁹ *Volosyuk O.V.* Vneshnyaya politika Ispanii... P. 430–431.

⁸⁰ Véase: *Inglot M.* Obshchestvo Iisusa... P. 111–115.

⁸¹ *Moroshkin M.Ya.* Iyezuiti v Rossii, s tsarstvovaniya Yekateriny II i do nashego vremeni (Los jesuitas en Rusia, desde el reinado de Catalina II hasta nuestros días). Ch. I. San Petersburgo: Tip. 2 Otd-niya Sobstv. ye. i. vel. kantselyarii, 1867. P. 157.

⁸² Cit. por: *Moroshkin M.Ya.* Iyezuiti v Rossii... P. 162–163.

⁸³ Véase: *Al'peróvich M.S.* “Obshchestvo Iisusa” v Rossiyskoy imperii pri Yekaterine II (“La Compañía de Jesús” en el Imperio ruso en el reinado de Catalina II) // *Religii mira: istoriya i sovremennost'.* Moscú: Naúka, 2003. P. 221–222.

en San Petersburgo, que Carlos III “desea que se ejecute el Breve de expulsión de esos dominios [Rusia], incluso, de escuelas y centros de enseñanza, y que se queden solo los presbíteros o clérigos seculares”⁸⁴. Catalina II consideró estas demandas como una injerencia inaceptable en los asuntos internos de Rusia. La emperatriz amenazó a Roma diciendo que “con estas pretensiones de las Cortes de los Borbones”, que la Santa Sede se cuidara “para no perder la poca autoridad respecto a sus iglesias que le permitimos en nuestros dominios”⁸⁵. Y más, en 1782, Catalina II transformó el obispado católico de Moguilióv en arzobispado y nombró a Sestrentsévích arzobispo sin el beneplácito del Papa. Consecuencia de estas medidas fue que en la década de 1780 comenzaron a llegar a Bielorrusia representantes de varios países que deseaban ingresar en la Orden.

En el reinado de Pablo I (1769–1801), los jesuitas estaban más cercanos al emperador y obtuvieron permiso para vivir en San Petersburgo. Pablo I quería confiarles la educación en Lituania, Podolia y Volinia, y mandó una carta escrita personalmente al pontífice recién elegido, pidiéndole que reconociera la Compañía de Jesús en Rusia⁸⁶. Pío VII, a diferencia de sus antecesores, apoyó el restablecimiento de la Compañía. En julio de 1800 envió una carta al rey español Carlos IV solicitando que se acordara el restablecimiento de la Orden en todo el mundo, alegando que “no le dejaban en paz los pueblos pidiendo que se hiciera renacer la Compañía”⁸⁷. Sin embargo, la respuesta de Carlos IV fue tajante: “sé que los jesuitas no me son necesarios en mis Reinos y Señoríos y, por ello, jamás les permito entrar respetando savias y sagradas decisiones de mi Augusto Padre. [...] Yo no solo seguiré esta manera de obrar, sino que trataré de contrarrestar, en la medida de lo posible, las acciones de otros Gobiernos que los admitan”⁸⁸. A pesar del deseo del rey español, el 7 de marzo de 1801, el pontífice aprobó y ratificó oficialmente la existencia de la Compañía de Jesús en Rusia⁸⁹. En 1804, la Orden se restableció en el Reino de las Dos Sicilias. Pero, en aquel momento, la obstinada conducta de Carlos IV no permitió que el Papa diera el paso definitivo. Solo en el año 1814, terminadas las guerras napoleónicas y restaurados los regímenes monárquicos en Europa, Pío VII restableció la Compañía de Jesús en todo el mundo. En esa época aumentaron los casos de súbditos rusos que abrazaban el catolicismo, lo que preocupó a los círculos gobernantes. La gota que colmó el vaso fue que el conde Alexander Golitsyn, sobrino del procurador general del Santísimo Sínodo, se convirtiera al Catolicismo. El 20 de diciembre de 1815, el emperador Alejandro I publicó el Decreto de expulsión de los jesuitas de San Petersburgo y Moscú, y el 13 de marzo de 1820 apareció uno

⁸⁴ Rossiya i Ispaniya... P. 276.

⁸⁵ Pis'mo imperatritsy Yekateriny II gr. Shtakel'bergu. 14 fevralya 1780 g. (Carta de la emperatriz Catalina II al conde Stackelberg. 14 de febrero de 1780) // Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva (Recopilación de la Sociedad Histórica Rusa) [SIRIO]. T.1. San Petersburgo: Tip. A. Transhelya, 1867. P. 490.

⁸⁶ *Inglot M.* Obshchestvo Iisusa... P. 235.

⁸⁷ *Ibíd.* Anexo I, N° 22. P. 503.

⁸⁸ *Ibíd.* Anexo I, N° 23. P. 506.

⁸⁹ *Ibíd.* P. 243.

más, este sobre el destierro de la Orden del Imperio Ruso. En el mismo se afirmaba: “A los jesuitas que olvidaron el sagrado deber no solo de gratitud, sino también del juramento de súbditos, [...] expulsarlos, bajo el control de la policía, fuera del Estado, y no dejarlos entrar en Rusia en el futuro, fuere cual fuere la forma o denominación de su institución”⁹⁰. Todos sus centros docentes se cerraron y se confiscaron los bienes. A los súbditos rusos, en caso de abandonar la Orden, se les permitiría quedarse en el Imperio.

A pesar de las numerosas protestas de la Corte de Madrid, la actitud de Catalina II ante los jesuitas permitió que la Orden sobreviviera en Rusia en la época de las persecuciones en el resto de Europa. Sin embargo, los jesuitas, al haber violado la prohibición para la actividad misionera, fueron expulsados del país que les había concedido asilo en los tiempos más difíciles y que les ayudó a esperar a que la Orden se restableciera. En 1814, recibieron autorización oficial para volver a España.

LAZOS COMERCIALES: ENTRE EL BÁLTICO Y EL MEDITERRÁNEO

Pedro I de Rusia, llevaba el tiempo abrigando la idea de desarrollar el comercio con España. El brusco aumento de la necesidad de poseer monedas de plata en Rusia le hizo volver los ojos a este país, rico en plata, que traía esa preciosa carga desde sus dominios en América. Por su parte, Madrid, para continuar la lucha por la devolución de las tierras italianas, necesitaba materias primas para su Armada que pudieran ser suministradas desde San Petersburgo. Gran Bretaña, que era el principal socio comercial de Rusia en el siglo XVIII, construyó una flota, sobre todo una flota militar, con materiales mayoritariamente importados de Rusia⁹¹. La inauguración del consulado en Cádiz en 1724, que fue uno de los primeros consulados de Rusia en Europa Occidental, desempeñó un papel importante en el desarrollo de los lazos comerciales. Los primeros barcos rusos cargados de mercancías llegaron a Cádiz en 1725. Fue precisamente entonces cuando Felipe V promulgó un decreto de respuesta “sobre el comercio libre con Rusia en sus provincias”⁹². Pero el primer consulado de Rusia en España no duró mucho: se cerró en 1727, como resultado de las dudas que, tras la muerte de Pedro I, tenía el Gobierno sobre el futuro de las actividades de dicho consulado y debido a que poco después de esa muerte se suspendieron las relaciones diplomáticas⁹³.

534

⁹⁰ Arkheograficheskiy sbornik dokumentov, otnosyashchikhsya k istorii Severo-Zapadnoy Rusi (Colección arqueográfica de documentos relacionados con la historia del noroeste de Rusia). T. 5. Vil'na: Pech. Gub. pravleniya, 1871. P. 115.

⁹¹ *Demkin A.V.* Russko-britanskiye torgovyye otnosheniya v XVIII veke (Relaciones comerciales ruso-británicas en el siglo XVIII). Moscú: RAN, 1994. P. 3.

⁹² Archivo General de Simancas (AGS). Estado. Leg.6. 610. 1726.

⁹³ Véase el capítulo “«Abrir una ventana a Europa»: Pedro el Grande y el establecimiento de las relaciones diplomáticas con España”.

En cuanto al tratado comercial, a pesar de las largas negociaciones sobre el tema que se llevaron a cabo tanto en San Petersburgo como en Madrid, nunca llegó a firmarse por los altos costes del transporte de mercancías, debidos a la gran distancia existente entre ambos países. Además, ejercieron una influencia negativa dos hechos: la nada alentadora experiencia de las primeras expediciones de mercaderes, que por diferentes razones no lograron vender sus mercancías, y la fuerte oposición de los holandeses, que obtenían pingües beneficios con la reventa de las mercancías rusas en España y de los vinos españoles en Rusia. Por si fuera poco, el Consejo Real de Castilla, bajo la presión de la diplomacia francesa, que, a toda costa, quería impedir el acercamiento hispano-ruso, se negó a proporcionar a Rusia franquicias mercantiles.

Con la llegada de Carlos III al trono de España en 1759 se restablecieron las relaciones diplomáticas, y ambos Gobiernos empezaron a dar cautelosos pasos hacia un acercamiento mutuo, concentrándose esos primeros contactos en los temas comerciales. Piotr Repnín, que fue designado como ministro plenipotenciario de Rusia en Madrid, ya antes de su salida hacia su nuevo destino, presentó a la emperatriz rusa Isabel (Elizaveta Petrovna) un informe sobre medidas para la recuperación del comercio con España. La emperatriz lo aprobó y permitió a los mercaderes que cargaran tres barcos con sus mercancías y los enviaran a España para comerciar (15.6.1760). El marqués de Almodóvar, enviado de España en San Petersburgo, se percató de dicho interés por parte de Isabel y se hizo eco del mismo: “Este Ministerio ha hecho varios esfuerzos para animar a su nación a nuestro comercio, con el motivo de la comunicación y amistad, pero la nación rusa no está aún bastante despierta para hacer el tráfico activo, saliendo de sus mares. [...] Lo desean, y [...] las primeras personas de la Corte y de influencia en el Gobierno me han hablado sobre ello y se han ofrecido de propio movimiento de contribuir a todo lo que sea la ventaja recíproca entre españoles y rusos”⁹⁴. Mientras que Repnín, que no apareció en Madrid hasta febrero de 1762, no pudo proceder inmediatamente al cumplimiento de sus funciones, ya que, a causa del frecuente cambio de los monarcas en el trono ruso, los diplomáticos debían esperar hasta recibir nuevas cartas credenciales. La emperatriz Catalina II de Rusia le ordenó a Repnín que centrara sus esfuerzos en la cuestión de reconocimiento del su título imperial, relegando, en ese momento, a un segundo plano las relaciones comerciales.

Una vez resuelta esa cuestión, el enviado ruso retomó el proyecto del comercio entre Rusia y España, beneficioso para ambas naciones. En consecuencia, escribía: “El buen acuerdo que ya existe ahora entre ambos Estados y, más allá de eso, la condición actual en Europa contribuyen mucho al cumplimiento de esta intención tan útil, porque ahora ambas Coronas pueden celebrar, siguiendo el ejemplo de otras Potencias amigas y sin obstáculo alguno, un tratado comercial que, si bien producirá el efecto inmediato esperado, pero el mismo tiempo tampoco provocará la envidia de los demás y sin embargo, servirá tanto de base como de promoción del comercio establecido entre Rusia y España”. Y así a finales del año 1762, elaboró un tratado comercial. Entregó una copia del mismo al primer secretario de Estado, Ricardo

⁹⁴ Corpus... Vol. I. P. 144, 145.

Wall, que aceptó sus propuestas con bastante benevolencia, y envió otra a Rusia para su aprobación⁹⁵. Pero Catalina II recibió el proyecto de Repnín con escepticismo. La emperatriz consideraba que la parte española “debía ser la primera en hacernos esta propuesta”, idea que confirmó más tarde en los documentos oficiales enviados a Madrid. El barco, que ya estaba cargado de mercancías y que la emperatriz Isabel había previsto mandar a España en 1760, no pudo salir del puerto de San Petersburgo hasta mediados de agosto de 1764.

El 25 de marzo de 1765, se publicó la orden imperial sobre el establecimiento del Consulado de Rusia en Cádiz. El mercader ruso Friedrich Johann Brandenburg fue designado cónsul. Había pasado 18 años en Francia, Holanda, Inglaterra, España, Portugal e Italia con el objetivo de estudiar el comercio de las principales potencias marítimas. En 1760, fundó la Casa Comercial en Cádiz cuyo intercambio comercial, según él, alcanzó un millón de piastras por año⁹⁶. Llegó a Rusia para adquirir mercancías y despacharlas para España, pero, según recogía en la petición que había presentado a la emperatriz, para asegurar el éxito del comercio bilateral, se necesitaba un representante oficial permanente de la Corte rusa en España que tuviera conocimientos, crédito y capital. Ya en enero de 1765, Brandenburg, “deseando ser útil a su patria”, ofreció emplear sus conocimientos y experiencia para “facilitar las relaciones comerciales directas entre Rusia y España” y solicitó ser nombrado cónsul y que se le asignara el salario correspondiente⁹⁷. Los miembros de la Comisión sobre el Comercio, tras llevar a cabo varias entrevistas con el comerciante y estudiar los documentos que les había presentado, apoyaron su solicitud, y el 23 de febrero de 1763, la emperatriz otorgó su aprobación⁹⁸. Ostentó el cargo durante más de 30 años, hasta su muerte, acaecida en 1796.

536

Brandenburg debería “establecer el comercio entre Rusia y España sobre el más firme fundamento”. El reglamento establecía que debía vigilar “el honor de la bandera rusa en todos los puertos”, ayudar a los barcos rusos militares y a los de mercaderes y proteger a sus tripulaciones. Con ello, el cónsul estaba encargado no solo de informar al Colegio de Comercio sobre el comercio mismo, sino también de ayudar de forma directa a los mercaderes rusos que deseaban comenzar a negociar con el lejano país ibérico. Y esta tarea no resultaba fácil: Brandenburg informaba de que los ingleses y holandeses impedían activamente el recién nacido comercio entre Rusia y España, pero, decía, esperaba superar todos los obstáculos en provecho de los mercaderes rusos que pudieran enviar sus mercancías a Cádiz. El comercio ruso con España no tuvo éxito por el desinterés de los mercaderes rusos respecto al comercio exterior en general. El cónsul invitó en repetidas ocasiones a los mercaderes rusos a iniciar el comercio con aquel país, prometiéndoles su apoyo incondicional, pero ninguno respondió jamás a sus propuestas. Al tiempo, él proporcionaba de manera constante al Gobierno la información necesaria para llevar a cabo la actividad comercial y política.

⁹⁵ AVPRI. F. SRI. Leg. 245. Fol. 35; Leg. 249. Fol. 61–62.

⁹⁶ *Ulyanitskiy V.A. Russkiye konsul'stva...* P. 302–303.

⁹⁷ *Ibíd.* P. 303.

⁹⁸ *Corpus...* Vol. 1. P. 165; SIRIO. T. 57. San Petersburgo: Univer. Tip. 1887. P. 224.

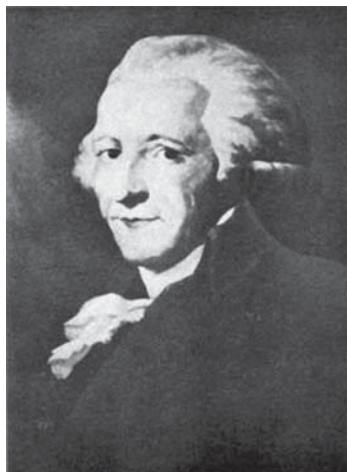

Vista de Cádiz en el siglo XVIII

“La frialdad” de las relaciones políticas entre ambos países influyó también en los lazos comerciales: la desconfianza que sentía el secretario de Estado de España, Jerónimo de Grimaldi, respecto a Rusia y su apego a Francia, con la que San Petersburgo mantenía relaciones muy tensas, paralizó las iniciativas comerciales españolas. Nikita Panin, jefe de la política exterior de Rusia, tenía la misma opinión que su homólogo español. Según él, la parte rusa no debía iniciar negociaciones hasta que el Gobierno español tomara la iniciativa y propusiera el establecimiento de un tratado comercial.

A pesar de todo, a finales de la década de 1760, en San Petersburgo se tomaron medidas para promocionar la importación de los vinos de España. Como resultado, se bajaron los aranceles sobre los vinos españoles y portugueses a un 60%⁹⁹. Ante la gran ventaja que esta medida suponía, en la primavera de 1767 Felipe Chone, mercader de Bilbao, decidió mandar a Rusia un cargamento de vinos. En mayo de 1768, él mismo llegó a San Petersburgo para recoger información sobre la condición del comercio ruso, y para comprar cáñamo, bosque maderable, de donde extraer troncos para mástiles de barcos, lona para velas y madera. Allí mismo presentó al Colegio de Comercio (10.6.1769) un memorial sobre la restauración de los lazos comerciales directos entre Rusia y España y sobre la decisión del Gobierno español

⁹⁹ *Al'peróvich M.S. Rossiya...* P. 51.

Antonio de Colombí y Payet

de eliminar los aranceles aduaneros al cáñamo y al lino, siempre que su transporte de Rusia a España se hiciera en barcos rusos o españoles¹⁰⁰. Al regresar a Madrid en 1771, en el informe presentado a Carlos III insistió en la necesidad de establecer una Casa Comercial en San Petersburgo¹⁰¹, y al año siguiente llegó allí con un barco lleno de mercancías. En 1773, el mercader catalán Francisco de Milans fundó en la capital rusa la segunda Casa Comercial española. En 1775, Carlos III tomó la decisión de inaugurar en San Petersburgo un consulado y, en calidad de jefe, pensó “en nombrar sujeto hábil que, dedicándose a instruirse en todos los ramos comerciales con ese Imperio, pueda comunicar sus luces y practicar”¹⁰². Esta persona fue el catalán Antonio Colombí y Payet, que ya tenía en la capital rusa un establecimiento dedicado principalmente al sumi-

nistro de vinos españoles¹⁰³. Así, gracias a los esfuerzos de Brandenburg en Cádiz y los de Colombí en San Petersburgo, se pusieron las bases para el establecimiento de relaciones comerciales permanentes entre ambos países.

A pesar de ello, los lazos comerciales hispano-rusos se desarrollaban muy lentamente. El transporte de mercancías rusas a España en barcos extranjeros, desde Finlandia o Riga, estaba muy asentado desde hacía demasiado tiempo, y hasta el año 1775 no salió ni un solo barco desde San Petersburgo hacia España por cuenta de los mercaderes rusos. Ya en 1767, Brandenburg reportaba que ingleses, suecos y holandeses llevaban a Cádiz la madera procedente de Viborg, y en 1777, llamaba la atención sobre el hecho de que a Cádiz no había llegado ni un solo barco ruso, mientras que desde San Petersburgo habían arribado cuatro barcos extranjeros y, desde Viborg, quince. Los barcos rusos no aparecieron por allí hasta los años 80: en 1780, arribaron al puerto gaditano cinco barcos rusos; en 1783, dieciséis, y, entre abril de 1784 y marzo de 1785, dieciocho¹⁰⁴. La inexistencia de una flota mercante en Rusia anulaba la posibilidad, que ahora se le presentaba, de convertir España en un magnífico mercado para algunos de los más importantes productos de exportación rusa, tales como la madera o el cáñamo. Además, los mercaderes rusos se mostraban reacios al cambio y seguían orientándose hacia sus socios comerciales tradicionales: los ingleses y los holandeses.

Según Brandenburg, para asegurar el éxito del comercio entre ambos países, era necesario establecer un tratado comercial. Ya en el año 1773, escribía a Alexander Vorontsov, presidente del Colegio de Comercio, informando de que España tenía

¹⁰⁰ *Ibíd.* P. 52.

¹⁰¹ *Corpus...* Vol. 1. P. 178–181.

¹⁰² *Ibíd.* P. 204.

¹⁰³ *Al'peróvich M.S. Rossiya...* P. 53; *Corpus...* Vol. 1. P. 192–193.

¹⁰⁴ *Ulyanitskiy V.A. Russkiye konsul'stva...* P. 337–338; *Al'peróvich M.S. Rossiya...* P. 59.

tratados comerciales con Inglaterra, Holanda y Francia, “y que del mismo modo podría también concluir un tratado con Rusia [...] por el que se hiciera aquí alguna rebaja en los impuestos a pagar por las mercancías rusas”¹⁰⁵. Esta cuestión se planteó varias veces, pero las decisiones no se tomaban en Cádiz, sino en Madrid, y esta cuestión era competencia del embajador ruso Stepán Zinóviev.

Zinóviev señalaba la dificultad de celebrar un tratado de ese tipo, puesto que España era muy dependiente de Francia e Inglaterra, que eran las principales intermediarias comerciales con Madrid. Así lo expresó [5(16).10.1775]: “En tal estado de cosas, apenas es posible concebir que Rusia pueda firmar un Tratado de comercio”. Por ello, propuso tratar de crear condiciones favorables para el comercio directo entre ambos países sin establecer tratado alguno¹⁰⁶, por ejemplo, haciendo uso del derecho de “la navegación libre” desde el Mar Negro al Mar Mediterráneo que Rusia obtuvo según el Tratado de Küçük Kaynarca, y así proceder a comerciar con España por la ruta sur. Esta idea fue respaldada por Grimaldi, que deseaba que, desde ese momento, en el caso de Rusia se tratara “de hacer escala en España para la navegación y comercio directo de Rusia con Levante y el Mar Negro”¹⁰⁷.

La información concerniente a las tierras rusas recién incorporadas al Imperio y a las perspectivas para el comercio con Rusia en el área del Mar Negro aparecía también en los periódicos españoles. La *Gazeta de Madrid* recogía: “Rusia, por su lado, extiende su navegación y comercio al Mar Negro con grandes ventajas; y por las listas de embarcaciones que entran en este puerto consta venir muchas de *Kertsch* y *Yenicalé*, lo cual antes era muy raro”¹⁰⁸. Según la *Gazeta*, otro puerto importante fue el de Taganrog, e incluso se subrayaba que los rusos habían construido un puerto nuevo, Jersón, destinado especialmente a este comercio¹⁰⁹.

En 1781, el conde de Floridablanca, al mandar a Rusia al marqués de la Torre como ministro plenipotenciario con la misión de conseguir su intervención en la guerra con Inglaterra, le dio al diplomático las siguientes instrucciones: “Uno de los objetos importantes que pongo a vuestro cuidado es el de facilitar, por las mayores medidas posibles, el que establezca un comercio directo de Rusia con España”. Según él, debía realizarse por dos vías: la primera era a través del Mar Báltico y el Océano Atlántico, y la segunda, a través del Mar Negro y el Mar Mediterráneo¹¹⁰. Pero en la situación de guerra con Inglaterra, el Mar Báltico quedaba prácticamente cerrado para los españoles, al tiempo que el Mar Negro se encontraba bloqueado por Turquía. El Gobierno ruso también entendía bien la situación, y en 1781 Vorontsov escribía a Brandenburg que estaba en Cádiz: “No parece que nuestra Corte pueda conseguir un tratado de comercio con la de España antes de la pacificación general

¹⁰⁵ Corpus... Vol. 1. P. 195.

¹⁰⁶ *Ibid.* P. 247–249.

¹⁰⁷ Corpus... Vol. 1. P. 227. AHN. Estado. Leg. 6115.

¹⁰⁸ *Gazeta de Madrid*. N° 34, 20.08.1776. P. 289.

¹⁰⁹ *Ibid.* N° 102, 17.12.1779. P. 899; *Ibid.* N° 13, 15.02.1780. P. 113; *Ibid.* N° 67, 20.08.1784. P. 707.

¹¹⁰ Corpus... Vol. 1. P. 262; *Schop Soler A.M.* Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia, 1733–1833. Madrid: MAE, 1984. P. 33.

de las guerras actuales”¹¹¹. No sería hasta el verano de 1783 cuando le preguntaría directamente a Miguel José de Azanza, secretario del Consulado de España en San Petersburgo: “¿Qué inconveniente puede tener España para hacerlo [tratado de comercio], cuando hace tiempo que esta parte manifiesta sus deseos de multiplicar sus relaciones mercantiles con este país?”. Azanza le comunicó en seguida al rey de España que “si el Rey quiere, pues, hacer un tratado de comercio con Rusia, ningún momento más favorable que el presente”¹¹².

Alexánder Bezborodko, sucesor de Panin en el cargo de jefe de la política exterior de Rusia, apoyó la idea del acercamiento a España, precisando en una carta a Zinóviev (28.9.1785) que “la celebración con esta potencia de un tratado comercial no tiene el menor obstáculo por nuestra parte, al contrario, nos parece útil y necesario”¹¹³. Sin embargo, para entonces la Corte española había cambiado de posición. Floridablanca, que se sentía ofendido con Rusia porque en 1783 se había negado a participar como intermediaria en las negociaciones de España con los ingleses sobre un tratado de paz, decidió mostrar su intención de “congelar” las relaciones económicas con Rusia. En 1784, al mandar a Pedro Normande a San Petersburgo, le dio al diplomático estas instrucciones: “Procuréis en cuanto se pueda evitar esto por medio de tratado, reduciéndolos a ofrecer arreglos particulares y privados sobre tales gracias”¹¹⁴. Este enfriamiento por parte del primer ministro lo sintió también Zinóviev. Y con el tiempo, en los despachos del diplomático ruso, la cuestión sobre el tratado comercial se fue planteando cada vez con menos frecuencia.

La Guerra ruso-turca, iniciada en 1787, anuló por completo tanto el comercio ruso-turco, como los lazos comerciales que estaban por nacer entre Rusia y España. Colombí le escribió a Floridablanca a ese particular: “Por lo que respecta al comercio del Mar Negro, que antes de la guerra actual se hallaba en el estado de su infancia y, en el día, enteramente interrumpido, me parece convendría establecer que, después de la conclusión de la guerra, se acordará entre las dos potencias lo que según las circunstancias de entonces tuviesen por más conveniente”¹¹⁵.

540

La conclusión de la guerra comportó esas “circunstancias convenientes”. Rusia se fijó definitivamente en los territorios nuevamente obtenidos según el Tratado de Jassy (29.12.1791/9.1.1792), a saber: en la costa septentrional del Mar de Azov (la región Pryazovie) y la costa septentrional del Mar Negro. Para aquel entonces Odessa se había convertido en el principal puerto marítimo ruso. Si en los años 1770–1780, en la *Gazeta de Madrid* había artículos sobre la aparición de nuevas ciudades mercantiles rusas, tales como Jersón, Taganrog, Kerch, Yeni-Kale, ya a finales de la década de 1790 y, sobre todo, a principios del nuevo siglo, el periódico centraba la atención de sus lectores en las noticias sobre Odessa. Precisamente en aquella época, la ruta comercial entre el Mar Mediterráneo y el Mar Negro inicia su progresivo desarrollo en las relaciones

¹¹¹ Corpus... Vol. 1. P. 265. Normande escribió lo mismo desde San Petersburgo (28.3.1782). AHN. Estado. Leg. 6118.

¹¹² Corpus... Vol. 1. P. 280, 281.

¹¹³ Cit. por: *Al'peróvich M.S. Rossiya...* P. 118.

¹¹⁴ Corpus... Vol. 1. P. 285.

¹¹⁵ *Ibíd.* P. 313.

comerciales hispano-rusas. Lo facilitó también la Revolución francesa, que comenzó en 1789, y las guerras napoleónicas, que cerraron el Mar Báltico para las operaciones comerciales por mucho tiempo. El *statu quo* en el comercio no se restablecerá hasta el fin de la gran confrontación europea, pero pasaría más de medio siglo antes de que se celebrara un tratado comercial inclusivo y completo entre Rusia y España.

LOS ESPAÑOLES AL SERVICIO DE RUSIA: JOSÉ DE RIBAS

Según Georges Byron, en 1790, durante el asedio de la fortaleza de Izmaíl, se encontraron dos insignes españoles: José (Josep) de Ribas, un catalán, y Don Juan, un andaluz. Si dejamos de lado la intriga del genial poema del poeta romántico inglés, en el que cuenta las aventuras del impostor de Sevilla (que también estuvo en Rusia), llama la atención que Byron conociera tan bien, sorprendentemente bien, los acontecimientos del asedio ruso de Izmaíl. Lo curioso es que el protagonista del poema de Byron no es Suvórov, sino José de Ribas o, como le llamaron en Rusia, Iosif (Ósip) Mijáilovich De-Ribas:

Este último ataque, en suma, demostró que, si bien
Glorioso, alguien había errado en algo;
Y el Almirante Ribas, famoso en la historia rusa,
Propuso el ataque vehemente.¹¹⁶

Por cierto, en el canto octavo, el autor vuelve a la figura de Ribas. Justamente a de Ribas entregaron los turcos la fortaleza. Es una pena que hoy en día poca gente recuerde a José de Ribas en Europa; ni siquiera es popular en Cataluña, donde nació. Sin embargo, en Rusia, su segunda patria, no ha sido olvidado; y es especialmente recordado en Odessa, ciudad de la que es fundador.

El padre de José de Ribas y Boyons, de origen barcelonés, hizo carrera en Nápoles y murió siendo funcionario de la Corte española. Por parte materna, José provenía de la noble familia irlandesa de los Duncan Finegald. Tuvo una educación privilegiada y, además del español, dominaba el italiano, el francés, el inglés, el alemán y el latín, lo que contribuyó mucho al éxito de su carrera en Rusia.

Cuando conoció al conde Alexéi Orlov, que estaba al frente de la marina rusa en el Mediterráneo, este joven y ambicioso catalán ya había hecho ciertos progresos en su carrera en las tropas reales napolitanas. Cuando dejó el ejército napolitano, a edad muy temprana (veintidós años), de Ribas había alcanzado el rango de mayor. Según parece, hubo dos razones que explicarían su decisión: por un lado, había tenido ciertas complicaciones como consecuencia de un duelo con el representante de un influyente linaje napolitano (el cual amenazó a sus hermanos, quienes siguieron a de Ribas hasta Rusia); por otro, presentía que en Rusia podría prosperar mucho más, ya que era el momento de máxima expansión de un imperio que asombraba a Europa con sus grandes proyectos y sus brillantes victorias militares.

¹¹⁶ Byron G. Don Juan. Trad. de Pedro Ugalde. Madrid: Cátedra, 2009. P. 757.

José de Ribas

En todas sus iniciativas, la Rusia del siglo XVIII necesitaba a hombres europeos preparados, especialmente a aquellos que se sintiesen oprimidos o infrutilizados en sus países de origen, hombres que no podían encontrar ningún tipo de aplicación a sus conocimientos y ambiciones. José de Ribas, al igual que sus hermanos Emanuel y Félix, hizo una formidable carrera en Rusia.

Antes de marchar a San Petersburgo, de Ribas tuvo tiempo de participar, como voluntario, en la conocida Batalla de Chesme, dirigida por el conde Orlov, una batalla que tuvo como correlato una serie de levantamientos contra los turcos en los Balcanes y un caos generalizado en Europa. Sin embargo, el respeto del conde no se lo ganó de Ribas durante la batalla sino durante la búsqueda

y captura de la calamitosa “princesa” Tarakánova, una aventurera impostora que se hizo pasar por la hija de la emperatriz Isabel I de Rusia, y que, por extensión, pretendió el trono del Imperio ruso. El papel de Ribas fue modesto: el conde Orlov pretendía burlar la atención de la “princesa” y la de sus guardaespaldas polacos con ayuda de nuestro apuesto extranjero, cosa que obligó a ambos a viajar de aquí para allá en busca de la impostora para cumplir la delicada misión.

Bajo la protección del conde Orlov, de Ribas llegó a la capital del Imperio ruso en 1772, donde recibió una cálida bienvenida. Durante la primera Guerra ruso-turca, de Ribas ganó fama debido a sus heroicos actos de guerra. Pero el vertiginoso éxito que consiguió al llegar a San Petersburgo fue gracias a su entonces prometida y, posteriormente, esposa, Anastasía Sokolova y a su tutor (y probablemente padre biológico de la misma), Iván Bezkoï, secretario personal de la emperatriz Catalina II. Anastasía Sokolova, menina de la emperatriz, gozaba de la simpatía de la monarca.

En la Guerra ruso-turca de 1787–1792, José de Ribas ganó la fama de ser uno de los más grandes jefes militares de Rusia, al nivel de Piotr Rumiánzev, Alexander Suvórov, Grigori Potiomkin y Mijaíl Kutúzov. Durante el asedio de Ochákov, de Ribas propuso una sutil manera de reflotar los ya hundidos barcos turcos para después usarlos como botes de remo. En 1789, de Ribas, al frente de la tropa expedicionaria del general Gudóvich, atacó de manera fulminante a la marina turca, que no tuvo tiempo de responder y, sin apenas pérdidas, ocupó la fortaleza turca de Jadsibéy. Por esta proeza, y por la captura de dos navíos turcos, fue condecorado con la Orden de San Jorge de tercer grado y de San Vladímir de segundo grado.

A principios de noviembre de 1790, una flota de remos dirigida por de Ribas se adentró por el Danubio y ocupó Tulcea, Isaccea y una isla frente a Izmaíl. En el curso de los combates, cuarenta barcos turcos fueron capturados y más de veinte

navíos enemigos fueron incendiados. De Ribas ordenó la instalación de una batería para bombardear de forma constante Izmaíl y los barcos que se resguardaban en la fortaleza. Durante el bombardeo, que duró desde el 18 hasta el 27 de noviembre, ochenta y ocho barcos turcos fueron incendiados y hundidos en el entorno de Izmaíl. Al mismo tiempo, de Ribas trabajaba en un plan de asalto a Izmaíl, a pesar del rechazo por parte de los generales que estaban al mando de las tropas terrestres, que consideraban que la fortaleza era impenetrable. De Ribas insistió en su plan de ataque, alegando la mayor fuerza de granaderos y cosacos que tenía bajo sus órdenes, hasta que Potiomkin aceptó y envió a Suvórov al pie de la fortaleza, con el cual de Ribas encontró rápidamente un idioma común.

El general Iván Liprandi, al describir su viaje a Izmaíl junto a Alexánder Pushkin en 1821, testificaba que el poeta conocía bien los detalles del asalto a Izmaíl. Lo que captó la imaginación del poeta ruso fue “cómo de Ribas logró escalar el muro de piedra de la fortaleza por la parte del Danubio”¹¹⁷. Cabe citar al mismo de Ribas cuando le describió a su amigo Suvórov, que aún no había llegado a Izmaíl, las ventajas de penetrar en la fortaleza justo por ese lado: “La ciudad está completamente abierta por la parte que da al río, tengo la esperanza de poder entrar por fin”¹¹⁸.

La correspondencia personal entre Catalina II y Potiomkin acaba con el mito de que este último estuviera en contra de la presencia de extranjero en el ejército ruso. Sus cartas, escritas durante el tiempo que duró la ocupación de las fortalezas de Tulcea, Isacceca, Kilia y, sobre todo, de Izmaíl, están llenas de genuina admiración hacia el heroísmo de Ribas: “No puedo más que felicitar al General Mayor de Ribas. Además de valentía, rebosa de un admirable entusiasmo”, “De Ribas está todo el rato en movimiento, va de una flotilla a otra sin parar”, “aparte de los obstáculos enemigos, tuvo que enfrentarse contra el mar y contra los barcos armados con artillería pesada. Ya solo eso hubiera podido disuadir a muchos, si él hubiera actuado con menor arrojo, todo se habría perdido”¹¹⁹. En 1793, de Ribas fue promovido a contraalmirante y nombrado comandante de la flota de remos del Mar Negro.

La correspondencia entre dos de los más grandes jefes militares rusos, de Ribas y Suvórov, presenta un gran interés ya que sus biografías forman parte de la historia rusa de finales del siglo XVIII. Al principio, Suvórov, que no tenía gran aprecio hacia los extranjeros, se comportó de forma cautelosa al conocer a de Ribas, que había empezado su carrera en Rusia gracias a los favores y a la protección imperial. Sin embargo, cuando la guerra los juntó, el comandante ruso aprendió a confiar en el catalán e incluso empezó a simpatizar con él, que, por edad, podía ser su propio hijo y tanto le recordaba a sí mismo. Ambos se guiaban mayoritariamente por arrebatos. En una carta de Suvórov a de Ribas leemos: “Sea veloz, conquiste, asalte, queme,

¹¹⁷ *Liprandi I. Iz dnevnika i vospominanii. Pushkin v vospominaniiaj sovremennikov* (Del diario de recuerdos y memorias. Pushkin según sus contemporáneos). San Petersburgo: Akademicheskij projekt, 1998. P. 307.

¹¹⁸ Institut russkoy literatury [Pushkinskiy Dom] RAN. (Instituto de Literatura Rusa. [Casa Pushkin] de la Academia de Ciencias de Rusia), Archivo. Fondo 265, Inv. 2, nº 2736, Fol. 6.

¹¹⁹ Ekaterina II i G.A. Potiomkin. *Lichania perepiska 1769–1791* (Correspondencia personal entre Catalina II y Potiomkin, entre los años 1769–1791). Moscú: Naúka, 1997. P. 431, 440, 441, 444.

Vista de Odessa

544

aplaste. La gloria, el reconocimiento vendrán seguidamente, en este lugar, como en todos, juegue sus cartas”; la sensación es que el genial comandante se hablaba a sí mismo. Su amistad empezó durante el asedio de Ochákov. Durante muchos años, Suvórov contó a de Ribas entre sus más íntimos amigos; por carta le llamaba simplemente Ósip Mijáilovich (con el patronímico). Se dirigía a él de las formas más pintorescas y al mismo tiempo afectuosas, tales como: “Héroe y hermano mío” o “Es usted el amanecer de los mejores días que están por llegar”. Acabada la guerra, Suvórov siguió teniéndole un sincero aprecio a de Ribas, recomendándole entre sus diferentes conocidos y amigos. Sin embargo, en los últimos años de vida de ambos, ese aprecio se vio roto por las acusaciones contra de Ribas, de quien se rumoreaba había hecho una fortuna con los suministros destinados a los soldados. “Mi corazón está sangrando por Ósip Mijáilovich”, escribía con amargura Suvórov, asumiendo que había perdido a una persona muy cercana y querida¹²⁰.

La misión más importante en los últimos años de vida de Ribas fue la creación de un importante puerto comercial ruso en el Sur, que sería el inicio de la fundación de la ciudad de Odessa. De Ribas estaba seguro de la conveniencia de construir el puerto en la antigua ubicación de Jasibey. Después de dudar mucho, Catalina II se decantó por dar el visto bueno al proyecto propuesto por de Ribas. Si dejamos de lado los rumores sobre los diferentes abusos en la construcción permitidos por de Ribas (no hay ningún tipo de documentación que lo confirme), tenemos que admitir que esa tarea la llevó a cabo de forma brillante, al igual que cuando era comandante de la marina de remos.

En 1795, Suvórov le escribía a de Ribas: “Que su Jadsibéy florezca de momento, agrande usted la flota, ataque Bósforo, como hizo ya una vez en la fortaleza del

¹²⁰ *Suvórov A.V. Pisma (Cartas)*. Moscú: Naúka, 1986. P. 202, 204, 256, 259, 303.

Danubio”¹²¹. Sin embargo, después de la muerte de Catalina II y tras la llegada al trono de su hijo Pablo I, de Ribas tuvo que dejar el cargo de gobernador de la ciudad y regresar a la capital.

Con el emperador Pablo I parecía que de Ribas, como militar que había desarrollado su carrera durante el imperio de Catalina II, caería en desgracia. Sin embargo, una vez más tuvo la suerte de poner de su parte a la persona de la cual dependía su destino. Quizás tuviera cierta importancia el hecho de que hacía tiempo Ribas que formaba parte de la Orden de Malta y, sabiendo la admiración que tenía el emperador hacia esa orden, jugó bien sus cartas. Los rumores sobre la corrupción y la malversación de fondos del fundador de Odessa no llegaron a confirmarse. José de Ribas fue nombrado General Kriegscommissar, es decir, encargado plenipotenciario de los suministros para el ejército, miembro del Colegio del Almirantazgo y jefe del Departamento de Bosques. Al año siguiente, fue ascendido a ayudante del vicepresidente del Colegio del Almirantazgo. En 1799, para sorpresa de muchos, recibió el título de almirante.

Al mismo tiempo que regresaba de Odessa, de Ribas renovó sus contactos con el vicescanciller, el conde Nikita P. Panin, con el general-gobernador de San Petersburgo, el conde Peter Ludwig von der Pahlen, y con el cónsul inglés, Charles Witworth, con el que había trabado amistad en sus años de juventud, durante su primera estancia en San Petersburgo; y fueron probablemente éstos quienes le confiaron los detalles de la conspiración contra Pablo I.

No hay pruebas de que de Ribas participara en la conspiración (aunque podría haber estado de acuerdo) para asesinar al emperador en 1801, ni de que fuese envenenado por los conspiradores, que podrían temer que el catalán fuera a delatarlos. Al mismo tiempo, el aprecio que le profesaba el emperador llamaba la atención de sus recientemente renovadas amistades. A los conspiradores también les preocupaba el hecho de que de Ribas tuviera acceso al emperador en privado. Existe otra versión de los hechos basada en las memorias de ciertos conspiradores y en la opinión de algunos investigadores actuales. Según ellos, fueron de Ribas y Panin quienes trazaron el plan contra el emperador. Fuera como fuese, de Ribas no participó directamente en el asesinato. Murió de repente el 2 de diciembre de 1800, a la edad de cincuenta y un años. Ribas está enterrado en el cementerio luterano de San Petersburgo. La inscripción en la tumba de José de Ribas o Ósip Mijáilovich De-Ribas, como le llamaron en Rusia, es completamente aséptico, aunque podría haber recogido otras palabras: “Asaltó una fortaleza inquebrantable y construyó una ciudad maravillosa”.

545

ESPAÑOLES Y RUSOS EN EL PACÍFICO

En 1766, se conocieron por primera vez en Europa los descubrimientos rusos en el Pacífico, cuando Gerhard F. Müller publicó en Ámsterdam *Voyages et découvertes faites par les Russes le long des cotes de la Mer Glaciale et sur l’Ocean*

¹²¹ *Ibíd.* P. 291.

Oriental tant vers le Japan que vers l'Amérique, que era una traducción al francés de su trabajo en alemán de 1758. El estudio de Müller perseguía obviamente un objetivo político: dar pruebas históricas de los derechos de Rusia sobre el estrecho que separa Asia de América y los territorios americanos limítrofes. Así se interpretó en el extranjero.

El crecimiento del número y rentabilidad de las colonias rusas en el Pacífico provocaba el descontento en la Corte de Madrid, en particular, por la posibilidad de que Rusia estableciera nuevas poblaciones en la orilla de Alaska, lo que amenazaría los intereses estratégicos de España en la Alta California. Esta preocupación de Madrid se debió principalmente a la carencia de información exacta de las actividades de los rusos. Carlos III, al acceder al trono, ordenó aclarar qué territorios habían sido ya descubiertos por los rusos. Al destinar al marqués de Almodóvar a la legación en San Petersburgo, Carlos III en la instrucción que le da (1761) le pide que indague “a qué términos han llegado los descubrimientos de los rusos en las tentativas de su navegación a California [...] para impedir sus progresos en esta parte”¹²². Pasados 10 años, y en la instrucción al conde de Lacy en 1772, se decía casi lo mismo: “No deberéis perder de vista estos proyectos, procurando con maña y disimulo saber si se han repetido tales expediciones, con qué éxito o si se ha abandonado esta idea”¹²³. Pero la información llegó con mucho retraso, tras dar la vuelta al globo: los comerciantes de las islas Aleutianas mandaron sus informes a los gobernadores de Siberia, desde allí, a San Petersburgo y, desde San Petersburgo, los diplomáticos españoles enviaron los despachos a la Corte de Madrid; el Gobierno español, desde Madrid, informó a los virreyes de Nueva España, quienes tomaron la iniciativa de organizar las expediciones al Pacífico Noroeste para confirmar o desechar la información mandada tiempo atrás por los comerciantes rusos.

Sin embargo, la preocupación de Madrid había aumentando, y el Gobierno español pidió a sus diplomáticos en San Petersburgo más información sobre la presencia rusa en California y sobre los riesgos, reales o supuestos, que los avances rusos podían suponer para las posesiones españolas en Norteamérica¹²⁴. Así se lo indicaría el marqués de Almodóvar al secretario de Estado, Ricardo Wall, al informarle de las expediciones realizadas hasta ese momento por los rusos a las costas americanas desde Kamchatka (7.12.1761); el vizconde de la Herrería escribió al marqués de Grimaldi (19.3.1764, 7.9.1764, 20.11.1767) dando cuenta de los viajes hechos por varios comerciantes rusos, de la explotación de las riquezas peleteras de las islas Aleutianas por parte de los súbditos de la emperatriz rusa y de la continuación de sus proyectos de llegar a América; el conde de Lacy envió a Grimaldi seis despachos durante un año (entre octubre de 1772 y enero de 1774), en los que daba noticias de las expediciones rusas realizadas a la costa de América, y de los establecimientos rusos en el Pacífico. Incluso, remitió con uno de sus despachos un calendario publicado en Rusia, que contenía una carta geográfica, una relación en alemán de los descubrimientos realizados por los rusos en Kamchatka y una lista de las mercancías que la compañía de comercio

¹²² Corpus... Vol. 1. P. 138.

¹²³ *Ibíd.* P. 185.

¹²⁴ *Fernández Rodríguez M.* La presencia rusa en el Pacífico Noroeste // *El Ejército y la Armada en el Noroeste de América: Nootka y su tiempo*, L. Martínez Peñas (ed.), 2011. P. 102.

Descubrimientos rusos en el Pacífico. Mapa francés de 1773.

rusa exportaba de Asia y Europa a sus establecimientos de América¹²⁵. Respondiendo a esta actividad diplomática, el secretario de estado, marqués de Grimaldi, escribía al marqués de Croix, virrey de Nueva España (23.1.1768): “Los rusos han hecho, en varias veces, diferentes tentativas para facilitarse una comunicación con América y últimamente lo han conseguido intentando la navegación por el Norte del Mar del Sur. Se asegura que lo han logrado”. Por esa causa, Grimaldi insistía en que hacía falta “observar los intentos que los rusos puedan hacer, frustrándoles en lo posible”¹²⁶.

La supuesta amenaza rusa, según B. Bañas Llanos, fue el motivo que llevó a Carlos III a diseñar una política estratégicamente científica, con el fin de controlar y defender sus posesiones tanto en California como en el Pacífico. España tomó medidas no solamente para fortificar las poblaciones fronterizas, sino que también promovió expediciones al noroeste americano que tenían como finalidad la exploración de un área de indudable valor estratégico para precisar los límites entre las dos colonias

¹²⁵ *Ruiz Rodríguez I.* Las fronteras septentrionales del Pacífico americano: españoles, rusos e ingleses en la conquista de la Alta California // *Revue de l'Institut des Langues et des Cultures d'Europe et d'Amérique (ILCEA)*, Vol. 18, Les frontières dans le monde hispanique, 2013. <http://ilcea.revues.org/2058?lang=ru> (fecha de consulta: 4.12.2017).

¹²⁶ *Alonso de Toledo A., del Val M.* Españoles y rusos en el Pacífico // *Índice cultural español*. N° 2, noviembre 1983. P. 45.

y para obtener información geográfica, etnográfica y de historia natural. El punto de arranque de estas expediciones puede fijarse en la Real Cédula del 30 de noviembre de 1767 por la cual se ordenó la ocupación del puerto de Monterrey como medida estratégica para defender el virreinato¹²⁷. En 1768, el visitador general en Nueva España, José de Gálvez, envió a Madrid su proyecto de colonización de la Alta California. El fraile español Junípero Serra erigió en la costa de la bahía de California una cruz en 1770 en la que estableció la fundación de Monterrey¹²⁸. Precisamente en esa misma época las expediciones de Piotr Krenitsyn y Mijaíl Levashov en el noroeste Pacífico exploraban las islas Aleutianas para convertir a los aleutianos en súbditos rusos, y desde Okhotsk y Kamchatka partían, una tras otra, embarcaciones de cazadores de nutrias y nutrias marinas (*Enhydra lutris*) en busca de esos animales hacia las costas de Asia y el Nuevo Mundo¹²⁹. Los españoles y los rusos se ocupaban de defender los dominios, descubiertos y colonizados en el Pacífico, y también de impedir que los ingleses pudiesen reclamar derechos respecto a esos territorios.

En 1774, el virrey de la Nueva España, Antonio María de Bucareli, ofreció al oficial naval Juan Pérez preparar y dirigir la primera expedición a las costas de Canadá, donde fue descubierta la isla de Vancouver y la bahía de Nootka. En 1775, el virrey organizó una segunda expedición, esta al mando del teniente de navío Bruno de Heceta y del teniente de fragata Juan Francisco de la Bodega, quienes llegaron hasta la isla de Kruzof y los 58° N, en el golfo de Sitka, cerca de la frontera sur de Alaska. Tras una demora de cuatro años, debida a la falta de naves adecuadas, se inició la tercera expedición hacia el noroeste el 11 de febrero de 1779, con Ignacio Arteaga y Juan Francisco de la Bodega, al mando de las fragatas Princesa y Favorita, que exploraron la península de Kenai y la isla de Kodiak¹³⁰.

En la segunda mitad de la década de 1770, la actividad de los españoles en Nueva España disminuyó, y hubo que esperar un plazo de nueve años para que continuaran las expediciones. Esta demora tuvo dos causas: primero, las expediciones españolas no habían encontrado rastro de establecimientos rusos en los territorios investigados; segundo, España entró en la guerra que había empezado Inglaterra con sus colonias americanas y resurgió la posibilidad de recuperar Gibraltar. Como consecuencia, Madrid tuvo que dejar de lado la idea de concentrar sus fuerzas armadas en el Pacífico. Esto quedó recogido en la instrucción de Carlos III al marqués de la Torre, enviado a Rusia en 1780: el rey español le requería que prestara mayor atención a las actividades de Inglaterra, y al mantenimiento de la política de neutralidad por parte de Rusia. No había ni una sola palabra sobre los intereses de España ni en California ni en el Pacífico¹³¹.

¹²⁷ Bañas Llanos B. Expediciones científicas españolas al Pacífico, en la segunda mitad del siglo XVIII // Revista Española del Pacífico. Nº 2, 1992. P. 94, 101.

¹²⁸ Ortega Soto M. Alta California: una frontera olvidada del noroeste de México, 1769–1846. México: Unidad Iztapalapa, 2001. P. 25–38.

¹²⁹ Volosyuk O.V. La colonización rusa de América en el siglo XVIII: españoles y rusos en el Pacífico // Visiones de la conquista y la colonización de las Américas. F. Castilla Urbano (Ed.) Alcalá de Henares: Universidad de Alcalá, 2015. P. 141–165.

¹³⁰ Bañas Llanos B. Expediciones científicas... P. 102.

¹³¹ Corpus...Vol. 1. P. 257–263.

Al Gobierno ruso no le parecía una amenaza la actividad española en el noroeste Pacífico, lo que se reflejaba tanto en las instrucciones de San Petersburgo, como en los despachos de los diplomáticos rusos en España. Stepán Zinóviev y el cónsul ruso en Cádiz, Johann Brandenburg, envían sus despachos con carácter informativo. En 1774, informaban de que había salido de Cádiz una fragata, al mando de Juan de Lángara, destinada a descubrir el paso del Noroeste. “Si los rumores son verdaderos, el descubrimiento sería útil tanto para los españoles como para los rusos”, escribía Zinóviev en febrero de 1774. En abril de 1775, informaba a San Petersburgo de que la fragata “Santiago” había llegado hasta 55° N, y en mayo de 1776, que la otra expedición al mando de *Heceta* y *Bodega* se había dirigido al norte de Alta California y había alcanzado los 58° N. En 1777, Zinóviev envió a la emperatriz rusa el mapa y la descripción de esa expedición¹³².

A diferencia de lo que pasaba con los diplomáticos en Madrid y Cádiz, los comerciantes rusos, ya establecidos en las Islas Aleutianas, estaban preocupados por la aparición de competidores comerciales en el noroeste del Pacífico, especialmente de los ingleses, interesados en eliminar a los rusos del comercio de pieles con China. A finales de la década de 1770, James Cook, famoso navegante inglés, visitó esta parte del Pacífico, cerca de las costas de Alaska y Kamchatka y desembarcó en las islas Aleutianas. Después de él, los comerciantes-cazadores ingleses comenzaron a visitar más a menudo esta región del Pacífico, dedicándose a cazar animales e intercambiar pieles finas con los nativos en presencia de comerciantes y cazadores rusos. Franceses y españoles les seguirían. Estos comerciantes se volvieron más activos, sobre todo, en la segunda mitad de la década de 1780. Y en 1790, Iván Pil, general-gobernador de Irkutsk, elaboró un informe especial para Catalina II sobre la situación de la América Rusa. “Los insistentes intentos de los europeos por compartir con Rusia la caza y el comercio en las costas del Océano Nororiental pertenecientes a los rusos no se limitaban al éxito particular de la Compañía Británica de las Indias Orientales”, escribe Pil y continuaba: “ellos penetran en las regiones más interiores de América del Norte, donde los comerciantes y cazadores rusos solo acaban de empezar a alcanzar su principal objetivo: desarrollar la nueva y beneficiosa caza de animales y el comercio con los nativos salvajes de las islas”¹³³.

Los comerciantes-cazadores extranjeros resultaban ser peligrosos rivales de los rusos. Pero esa rivalidad representaba algo más que la simple competencia entre empresarios particulares: detrás de ellos se encontraban sus Gobiernos. “Esas visitas de ingleses y españoles a las costas de la islas Kuriles y Aleutianas, así como al propio continente americano, son intentos de sus potencias de comerciar en los territorios que, por derecho de descubridor, pertenecen a Vuestra Majestad y hay que ponerles fin”, explicaba, preocupado Pil. Según el gobernador: “Esta actividad hace que una parte considerable de la caza y el comercio de animales se quede en manos

¹³² AVPRI. F. SRI, Exp. 58, Leg. 358, Fol. 94–95; Leg. 362, Fol. 35, 69; Leg. 368, Fol. 30, 32–69.

¹³³ Russkie otkritiya v Tijom okeane v XVIII-XIX vekaj (Descubrimientos rusos en el Océano Pacífico en los siglos XVIII-XIX), A.I. Andreev (Ed.). Moscú-Leningrado: AN SSSR, 1944. P. 104.

extranjeras, lo cual menoscaba los derechos de imperio de Vuestra Majestad”¹³⁴. Por el momento no se habían producido choques armados, porque los propios extranjeros “tratan de evitarlos y de navegar” donde no se pueden ver, pero al dar con una embarcación rusa y “al darse cuenta de que son súbditos de Vuestra Majestad, de inmediato, tratan de hacerse a la mar con premura”¹³⁵.

Pil dijo que era necesario expulsar a los competidores extranjeros, pero al mismo tiempo reconocía que los comerciantes rusos, a pesar de quejarse de los extranjeros, apenas hacían nada para defender sus propios intereses. “Si los barcos de la compañía de Shélikhov”¹³⁶ se uniesen con otras embarcaciones de comerciantes y cazadores rusos y si todos ellos se pusiesen de acuerdo en que su principal interés no son solo sus beneficios sino la expulsión de comerciantes y cazadores extranjeros, entonces éstos reducirían sus intentos de robar los tesoros que son propiedad de Rusia”¹³⁷.

Según el informe de Pil, en agosto de 1786, la fragata inglesa, Nootka, mandada por el capitán John Meares, penetró en la bahía Kapitanskaya (bahía Beaver), que interrumpía profundamente en la parte norte de la isla. Pero al aproximarse a Unalaska vieron el escudo ruso y apresuraron a regresar a alta mar. Pil informó de que aquel verano había otro barco navegando en torno a la isla Unimak y otro más pequeño cerca de la isla Kodiak. Al empezar el invierno llegaron tres barcos más, pero los nativos atacaron a los ingleses, mataron a seis de ellos e hicieron prisioneros a dos. Además fue incendiada una embarcación inglesa¹³⁸.

En mayo de 1788, una fragata y un paquebote españoles con 130 tripulantes llegaron a Unalaska. El capitán de la fragata era Gonzalo López del Haro, a quien Pil llamaba en su informe *Don Zonchalo López Degaro*. Su barco permaneció anclado unos seis días en Kenayskaya guba (La ensenada de Cook). El gobernador Pil informó de que los españoles “se mostraban amistosos y aparentemente no se interesaban por el comercio y la caza de animales”, lo que se explicaba por “no tener suficiente fuerza contra los rusos, que eran más numerosos y por ello unos y otros se comportaban recíprocamente de modo amistoso y cooperador”¹³⁹.

550 Stefán Mondofía, oficial de la República de Ragusa, ejercía de intérprete de los españoles. Gracias a él, los rusos se enteraron de que los españoles “se habían hecho a la mar desde California según orden del virrey, que estaba en México para explorar Chukhotsky Nos (cabo Dezhnev) y para visitar el puerto Petropávlovskaya,

¹³⁴ *Ibíd.* P. 105. Para “penetrar” con éxito en aguas rusas, los navegantes extranjeros recurrían a diferentes subterfugios. “Se dispersan por la costa americana y por las islas que pertenecen a Rusia y tratan de encubrir su navegación y no aparecer ante los súbditos de S. M. y aprovechar el comercio con los nativos y la caza de mejores animales; y en caso de ser pillados, tratan de pasar por otras personas llamándose navegantes y no comerciantes-cazadores”. *Ibíd.* P. 109.

¹³⁵ *Ibíd.* P. 105, 107. A pesar de ello, “cuando se alejan de las costas, los rusos se quedan con las manos vacías pues han perdido el posible comercio con los nativos”. *Ibíd.* P. 106.

¹³⁶ Grigori Shélikhov, comerciante ruso, que organizó la primera expedición rusa a la costa de América en 1783–1786.

¹³⁷ *Ibíd.* P. 102.

¹³⁸ *Ibíd.* P. 106, 108.

¹³⁹ *Ibíd.* P. 108.

La colonia rusa en la isla Kodiak

pero al no poder cumplir con esta misión se vieron obligados a volver a sus tierras”¹⁴⁰. También se dio a conocer que Esteban Martínez, el jefe de esta expedición, ya había navegado en 1774 cerca de las costas de América, en el lugar donde en 1741 había navegado Chirikov desde el lado ruso, “encontrando varios objetos dejados por éste [Chirikov] para los nativos”. Antes de irse, los españoles entregaron al capitán del barco ruso Evstratiy Delárov y al oficial de derrota Potap Zaikov dos cartas del virrey Valdés, una en un sobre y otra al descubierto¹⁴¹. Este informe de Pil es un testimonio muy importante, a pesar de ser indirecto, ya que describe el primer encuentro entre rusos y españoles en aguas del Pacífico. En cuanto a la parte española, se guarda un informe detallado de López de Haro¹⁴²; por parte rusa, existe tan solo ese documento que complementa la información del capitán español.

En junio y julio de 1788, según el informe de Pil, llegaron a las islas Aleutianas dos barcos más, uno amarró cerca de la isla Shelidak (Sitkalidag) y el otro al lado de Tuguidok. Los dos barcos eran españoles y “van de Acapulco al mar de Chukotka, para ello entregan en la isla Tuguidok una carta sellada a los rusos en nombre del Secretario

¹⁴⁰ *Ibid.* P. 109.

¹⁴¹ *Ibid.*

¹⁴² El informe de Gonzalo López del Haro fue traducido al ruso y publicado en: *Volosyuk O.V. Ispantsi y russkie na Tijom okeane (Españoles y rusos en el Pacífico) // Boletín de la Universidad de la Amistad de los Pueblos. Historia de Rusia, N° 1, 2011. P. 134–148.*

de las Indias, Don Antonio Valdés”. Los españoles llevaban “obsequios para los nativos, se trataba de distintas mercancías europeas, y les regalaban medallas de plata”¹⁴³.

La “rivalidad” hispano-rusa en el Pacífico Noroeste estaba basada más en una amenaza virtual que real: los comerciantes rusos estaban preocupados por eliminar cualquier competencia comercial; los españoles se sentían amenazados por los posibles avances rusos en Alaska, que podrían afectar a los intereses estratégicos de España en la Alta California. Tiene razón M. Fernández Rodríguez cuando escribe: “El terreno en que se movía la diplomacia, tanto española como rusa, respecto a los nuevos descubrimientos y conquistas en el Noroeste de América es hartamente confuso, sintiéndose amenazadas ambas partes por conjeturas que [...] carecían de todo fundamento real”¹⁴⁴. La falta de una información adecuada y la desidia burocrática para transferirla a los que tomaban las decisiones, llevaba a la desconfianza y a la suspicacia en las relaciones hispano-rusas.

Debido a ello, en 1788, Grigori Shélikhov envió a los navegantes Guerasim Izmáilov y Dimitri Bocharov en una expedición “tanto para descubrir nuevas islas marítimas y establecer el poder del Imperio Ruso sobre varios pueblos insulares, como para instalar las señales que identifiquen que las nuevas tierras americanas son de propiedad rusa”¹⁴⁵. El mismo año propuso a Catalina II un proyecto que hacía hincapié en la necesidad de poblar la América Rusa, edificar allí fortalezas y concentrar la actividad del comercio y la caza de animales de pieles finas en el marco de una sola compañía comercial con grandes capitales, privilegios y derechos de monopolio. Pero la emperatriz rechazó el proyecto. “Mucha expansión en el Pacífico no dará beneficios seguros. Una cosa es comerciar y otra poseer”, respondía a la propuesta del comerciante¹⁴⁶. Esta actitud de Catalina tenía dos explicaciones. Primero, al subir al trono había proclamado el libre comercio y libertad para realizar toda actividad económica. Segundo, Rusia se encontraba en guerra contra Turquía, en el sur, y contra Suecia, en el noroeste, y la emperatriz necesitaba cada rublo y cada soldado para esas empresas. Rusia se centraba entonces en los asuntos europeos y la “cuestión oriental”; le faltaban fuerza y potencia para una política activa en el Pacífico.

552 No sería hasta 1797, tras la muerte de Catalina II, cuando Pablo I aprobara la creación de una Compañía americana, y dos años más tarde esta pasaría a estar “bajo los auspicios del monarca” y cambiaría su nombre por el de Compañía Ruso-americana. Se trataba de una idea propuesta por Shélikhov tras madurarla durante años. A la compañía se le otorgaron amplios privilegios por un período de veinte años. El Gobierno ruso aceptó crear aquella entidad porque le resultaba imposible mantener su poder sobre unas posesiones enormes que se extendían tanto que incluían las costas de América Noroccidental.

¹⁴³ Russkie otkritiya... P. 107.

¹⁴⁴ Fernández Rodríguez M. La presencia rusa... P. 106.

¹⁴⁵ Shélikhov G.I. Puteshestviye G. Shelekhova s 1783 po 1790 godie iz Okhotska po Vostochnomu okeanu k amerikanskim beregam i vozvrashcheniy eyego v Rossiyu, s obstayatel'nyim uvedomleniyem ob otkrytii novooobretennykh im ostrovov Kyktaka i Afagnaka. (El viaje de Shélikhov de 1783 a 1790 desde Okhotsk a lo largo del Océano Oriental hasta las costas estadounidenses y su regreso a Rusia, con un aviso detallado del descubrimiento de las islas recientemente descubiertas de Kyktak y Afagnak). San Petersburgo: Tip. Gubernskogo pravleniya, 1812. P. 2.

¹⁴⁶ Russkie otkritiya... P. 282.

LA IMAGEN DE RUSIA EN ESPAÑA EN EL SIGLO XVIII

Una divulgación tardía. El siglo XVIII es el siglo de la historia en toda Europa y no solo por los avances que se fueron introduciendo desde el punto de vista del rigor de las fuentes o de la crítica documental, sino porque pasó, de ser materia propia de la educación principesca o nobiliaria, a convertirse en un relato ordenado, más o menos simplificado, dirigido a ser enseñado en las escuelas y colegios o a figurar en bibliotecas particulares. En España, los primeros manuales tanto de historia general como de historia española no llegaron hasta los años treinta y cuarenta, siendo en muchos casos traducciones. El primero, y más difundido, fue *Clave Historial* (Madrid, 1743), una de las primeras obras del P. Flórez, dirigida a los jóvenes, que era una cronología ampliada de personajes y acontecimientos europeos. Pese a su buena aceptación y a sus muchas ediciones hasta mediados del siglo XIX, sus limitaciones eran muchas, tanto por su restrictiva concepción de lo que era Europa, como por su dependencia de la historia eclesiástica. En ella, Moscovia o Rusia, aparece en el siglo IX, con motivo de la conversión al cristianismo, de una parte de esta, “en tiempo del emperador Miguel y otra, en el de Basilio. Pero mientras que en el primer caso, la fe fue aceptada sin condiciones, en el segundo, se exigió el milagro de que los evangelios, arrojados al fuego, permanecieran indemnes. Pero no fue así, sino que se apagó la hoguera, por lo que volvieron a sus antiguas creencias hasta finales del siglo X”¹⁴⁷. Fue en el año 988, bajo los Grandes Duques de Moscovia, denominados Czar o Cesar, cuando Vladímir abrazó la fe y tomó el nombre de Basilio. Ya en el siglo XVII, fue al *Czar Pedro Alegiovitz*, “a quien debe el imperio de la Rusia toda la gloria que con el comercio, disciplina militar y cultura de las artes va adquiriendo”¹⁴⁸.

En la edición de 1771, el relato correspondiente al siglo XVIII resulta especialmente expresivo. Después de tratar de Pedro I, pasa directamente a tratar del reinado de Pedro III y su enfrentamiento con su esposa Catalina, así como las intrigas de las camarillas, el golpe palatino de esta última, el confinamiento y la muerte del zar, “no sin rumor de que le dieran algo contrario a su salud”. El P. Flórez termina con un expresivo comentario: “Es uno de los sucesos más raros de este siglo. En dos días se transformó un imperio viviendo el emperador, depuesto contra su voluntad, sin derramar una gota de sangre”¹⁴⁹.

Que en estas fechas había en España un público interesado en conocer la historia de Europa y sus diversos reinos lo prueba que apareciera otro libro igualmente bien recibido, el *Compendio histórico geográfico y genealógico de los soberanos de Europa*, obra también de un eclesiástico, de nombre trucado, el P. Manuel Trincado. No era en propiedad una historia general, sino una relación de noticias de otros países, a través

¹⁴⁷ Flórez E. *Clave historial* con que se abre la puerta a la historia eclesiástica, y política: cronología de los Papas, y Emperadores, Reyes de España, Italia y Francia, con los orígenes de todas las Monarquías, concilios hereges, santos, escritores, y sucesos memorables de cada siglo. Madrid: Antonio de Sancha, 1743. P. 167–168.

¹⁴⁸ *Ibíd.* P. 189.

¹⁴⁹ *Ibíd.* Madrid: Antonio de Sancha, 7º ed. 1771. P. 386–288.

de la “descripción de sus cortes, religión y fuerzas”, siguiendo un orden cronológico, en la que insertaba la descripción de España, que despertaba gran interés¹⁵⁰.

En esta obra, la noticia de Moscovia ocupaba 10 páginas. En la primera línea puntualizaba que se trataba de la gran Rusia, que solo tomó ese nombre dos siglos antes y que era una provincia, corte de los emperadores, de la que dependían extensos territorios. Tras una breve descripción de su clima, agricultura, religión, “que es la griega” aunque con “rastros de paganismo hacia Tartaria”, destaca que su Gobierno “es monárquico y pica en despótico”, ya que nada puede hacerse sin consentimiento de su emperador¹⁵¹. Pondera la belleza de Petersburgo, la verdadera capital, que considera como una de las más célebres ciudades de Europa y su activo comercio. También Moscú es grande, hermosa y “muy comerciante”, pero expuesta a los incendios. Allí está la “botica más célebre del mundo, donde se da la medicina gratis a los pobres”. No oculta su admiración por Pedro I que fue quien “civilizó” a los moscovitas. Sus estados, que pasaron después a su hija Isabel I, fallecida en 1761, “hoy los posee Catalina II”¹⁵².

Trincado da la noticia cronológica de los duques o zares de Moscovia, a partir de *Wolodmiro I*, el primero que se hizo cristiano en 988 hasta 1761 en que había llegado al trono la emperatriz que le era contemporánea, describe su gobierno eclesiástico y la jerarquía de su Iglesia, el credo y la liturgia “muy parecida a la fe de los griegos”, así como los progresos de la fe cristiana en Tartaria y en otros países, gracias a los misioneros moscovitas. En su opinión, “desde el Zar Pedro Primero se ha adelantado mucho en las letras, que antes se ignoraban absolutamente, y por esta razón se han cultivado las ciencias, de modo que podemos esperar se enmiende mucho de esta iglesia”¹⁵³.

Una curiosidad temprana. La incorporación de Rusia a las dos historias universales más difundidas de la España del setecientos indica que, ese Imperio y sus rasgos específicos formaban ya parte de los conocimientos de la minoría letrada española. Era una visión general, divulgativa y relativamente tardía, pero ya antes, en círculos más restringidos, venían circulando otros escritos sobre aquel Imperio, escritos por expertos en la “situación del mundo”, diplomáticos o publicistas. Al poco de iniciarse la centuria, el arco que formaban Polonia y Hungría había dejado de ser el límite efectivo de “los negocios de Europa”¹⁵⁴. Es más, se recomendaba a suecos y polacos reconciliarse, para mejor afrontar a sus enemigos comunes, los moscovitas, que “han venido como locos y contra la buena fe a atacar al rey de Suecia”¹⁵⁵. Era cierto que

¹⁵⁰ López-Cordón M.V. La imagen de Rusia en España a comienzos del siglo XVIII: continuidad y contrastes // Actas del IV Congreso hispano-soviético de historiadores. Madrid: CSIC-Academia de Ciencias de la URSS, 1987.

¹⁵¹ Trincado M. Compendio histórico, geográfico y genealógico de los soberanos de Europa. Madrid: oficina de A. Mayoral, 1769. 5ª imp. P. 417–418.

¹⁵² *Ibíd.* P. 419.

¹⁵³ *Ibíd.* P. 425.

¹⁵⁴ Cayran J. Intereses de los príncipes de Italia o diálogos políticos y entretenidos. Madrid: Juan García, 1703; Destino del Emperador en el consejo de los dioses o diálogos políticos y entretenidos sobre los negocios de Europa. París: C. Barbin, 1702.

¹⁵⁵ Cartas descifradas o diálogos entretenidos y políticos entre Pasquín y Morforio sobre los negocios de Europa. París: C. Barbin, 1703.

eran “los peores guerreros de toda Europa”, pero el deseo de salir de sus inhóspitas tierras era un acicate a su valor¹⁵⁶.

Sin embargo, la mayor sorpresa no fue la fortuna de esas tropas en la Guerra del Norte, sino el propio zar, que irrumpió con los pacíficos modos de un viajero en las Cortes vecinas, asombrando más con su curiosidad que con su rudeza. La presencia de un rey a título particular fue un acontecimiento de gran repercusión, que se dejó sentir en la España de Felipe V. En el otoño de 1716, se recibieron cartas urgentes, primero del representante en La Haya, Lorenzo de Beretti Landi y, después, del embajador en París, el príncipe de Cellamare, reclamando instrucciones sobre cómo tratar al zar Pedro I, cuya llegada se esperaba, con objeto de “no dar algún paso que pueda ser en algún modo de su Real Desagrado”¹⁵⁷. El entonces secretario de Estado, José de Grimaldo, trasladó el problema al Consejo de Estado, que recomendó a los embajadores averiguar los motivos del viaje y observar el comportamiento y las demostraciones que en su honor se hacían en los países que visitaba. Especialmente en Francia, ya que el trato que allí se le dispensara marcaría la pauta a seguir en España.

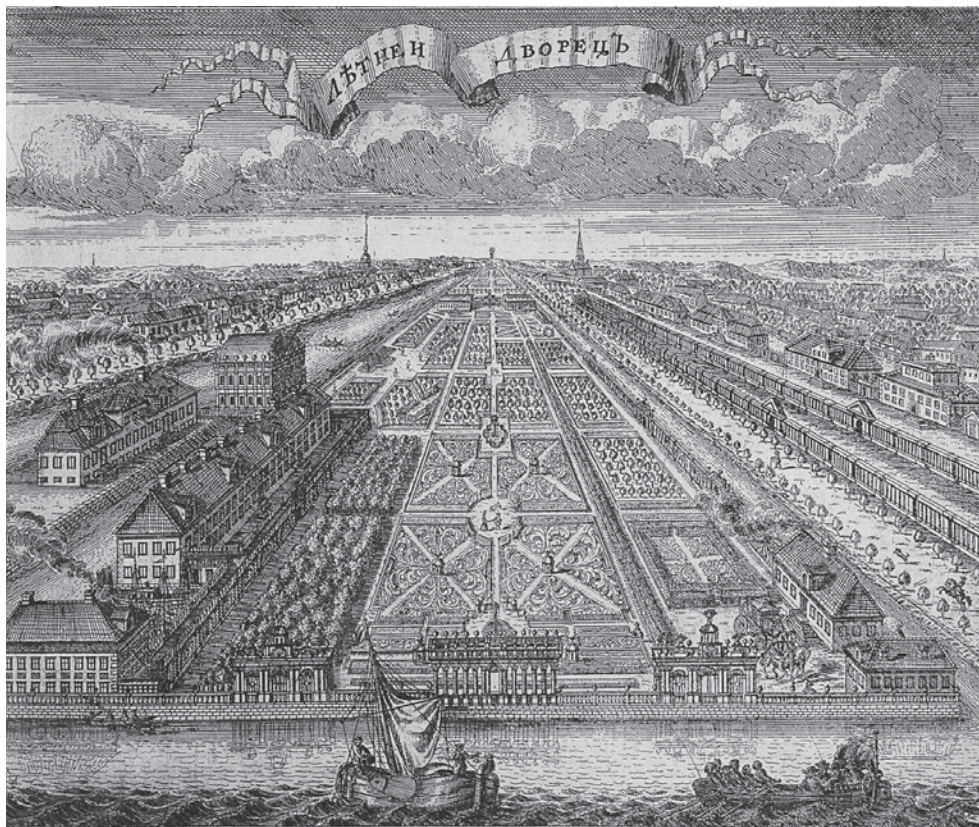
Pedro I llegó a París a primeros de mayo de 1717 y se celebraron en su honor grandes festejos. No se le escapó a Cellamare la oportunidad de la visita, en pleno conflicto bélico en el Báltico. El embajador no tuvo contacto inmediato con el zar, pero siguió de cerca el recibimiento y los comentarios que su presencia estaba suscitando. Lo que más le sorprendió fue el comportamiento de un príncipe seguro de sí mismo y celoso de su dignidad, que no desentonaba del resto de los soberanos. Destaca la atención hacia todo “cuanto pertenece a las ciencias matemáticas y a las artes mecánicas y liberales que desea con ansia cultivar y aumentar en sus dominios”; la firmeza a la hora de mantener los territorios ganados en el conflicto y los increíbles gastos realizados para construir Petersburgo. Había sido fundada como “castigo a su antigua capital de Moscú, donde había vivido «sublevaciones y tumultos»” de niño, pero, también, por su carácter portuario, propio de una ciudad abierta al comercio. Junto a estas noticias, que formaban parte de la leyenda de Pedro I, el embajador trasladó a Madrid otras más personales, como el deseo del zar de ser recibido sin excesiva publicidad, su frugalidad o su deseo de alojarse en un palacio particular y no en el Louvre. Buen conocedor de las reglas del protocolo, el zar, solo después de recibir la visita del regente, se dedicó a ver “las grandezas de esta Corte” y a participar en ágapes y distracciones. Hablaba siempre a través de un intérprete, porque solo tenía “ligera noticia y conocimiento de la lengua alemana”, ignorando la francesa, la española, la italiana y la latina.

Ganado por su personalidad, el diplomático español avisó a sus interlocutores madrileños que no se dejasen impresionar por “las voces poco fundadas y volanderas de que corren en esta Corte de muchas inventadas y ridículas extravagancias que achacan a este gran príncipe que según lo que se me asegura por el Mariscal de Tessé y por el Marqués de Magni y por otras personas de distinción que están continuamente en su asistencia, es muy regular, razonable, medida y circunspecta su conducta”¹⁵⁸.

¹⁵⁶ *Ibíd.* P. 199.

¹⁵⁷ AHN. Estado, 1669. Consulta del Consejo de diciembre de 1716.

¹⁵⁸ *Ibíd.* Carta de 10 de mayo de 1717.

Palacio de Verano y Jardín de Verano en San Petersburgo, 1716

556 El 14 de mayo, Cellamare fue a visitar a Pedro I, de manera reservada, para evitar suspicacias con los demás embajadores. Introducido por el mariscal de Tessé, “hízole al Czar una breve y reverente oración”, dándole a entender que “la fama y el renombre de sus hechos y conquistas había llegado (a pesar de la distancia) a los Reales oídos del Rey mi amo, quien en fuerza de su propio amor a la gloria se había aficionado mucho de un Príncipe tan heroico”¹⁵⁹.

El zar le respondió “con expresiones de singular gratitud y de mucha reverencia e inclinación al Rey nuestro señor”, pero al acabar su discurso le dio “el ligero accidente de perlesía que suele acometerle con frecuencia”, por lo que se retiró, quedando Cellamare acompañado del mariscal de Tessé y del príncipe Kurakin. Posteriormente, también visitó a este príncipe, cuñado de Pedro I, que le distinguió diciendo que, “espera que por medio de la navegación de uno y otro reyno, se abriese algún día la puerta al comercio y la sincera y amistosa correspondencia que el Czar desearía cultivar con la Corona española”¹⁶⁰. Al representante español no se

¹⁵⁹ *Ibíd.* Carta de 17 de mayo de 1717.

¹⁶⁰ *Ibíd.* Carta de 21 de junio de 1717.

le escapaba que, si el zar buscaba apoyos para poner fin a la guerra, Francia utilizaba la ocasión para interesarse en la paz que trataban de ajustar las potencias de norte y “poder vender esta fineza”, tanto a Suecia como a Gran Bretaña¹⁶¹.

Estas informaciones animaron al cardenal Alberoni, al año siguiente, a intentar mediar entre rusos y suecos en el congreso de Åland y conseguir su apoyo para un desembarco en Escocia que instaurara a Jacobo Estuardo, pero el zar no se interesó en ello¹⁶². Aun así, el marqués de Beretti Landi, representante español en La Haya, se entrevistó con el embajador ruso, proponiéndole el primer proyecto conocido de alianza entre España y Rusia, dirigido contra Inglaterra, Francia y el Imperio. Sin embargo, la derrota de cabo Passaro, la muerte de Carlos XII y la caída del cardenal dieron un vuelco a la situación y España se sumó a la Cuádruple alianza, poniendo fin a las conversaciones con Rusia¹⁶³. Un silencio temporal, ya que en 1725, con ocasión del acuerdo firmado con Viena por Ripperdá, el barón intentó atraer al mismo a la Corte rusa, nombrando al conde de Lambilly, para negociarlo. Con su cese, el proyecto terminó, pero en 1727, se nombró embajador extraordinario en la Corte de Petersburgo al duque de Liria¹⁶⁴.

Era entonces el duque un hombre joven, nacido en Londres e hijo de una dama irlandesa, que había seguido hasta entonces la carrera militar, ostentando el grado de mariscal de campo. Se trasladó a su destino y, desde allí, informó puntual y rigurosamente sobre aquel reino y sus gobernantes, contribuyendo decisivamente a precisar su imagen¹⁶⁵. Y es que, sus más de 500 cartas dirigidas a Francisco de Orendain, marqués de la Paz, a José Patiño y a otros ministros, proporcionaron la única información directa disponible hasta entonces sobre el Imperio ruso. A través de su profusa correspondencia, los políticos españoles podían seguir las rencillas de la Corte imperial rusa. No logró cumplir unos objetivos políticos, pero su relación detallada de la fastuosidad y el boato de aquella Corte y de los cuantiosos gastos que el propio duque realizaba para no desmerecer, causaron asombro en la Secretaría de Estado madrileña.

Ya en otro destino, con el extracto de sus despachos, escribió un *Diario de mi embajada en Rusia*, dirigido a la instrucción de sus hijos. La admiración que le produjo Petersburgo, “una de las más hermosas de Europa”, es evidente, pero este reconocimiento no le impide comprender la inestabilidad interna, ni la utilización que de ella hacen los ministros de otras potencias. Traza las semblanzas de los soberanos y de los hombres influyentes que fue conociendo, describe la vida social y política rusa y reflexiona sobre los elementos diferenciales que más llamaron su atención y que, en consecuencia, más debieron de interesar a sus lectores, ya fueran estos un selecto grupo de diplomáticos, oficiales de la secretaría o miembros de su propia familia¹⁶⁶. Ya en su

¹⁶¹ *Ibíd.* Carta de 19 de agosto de 1717.

¹⁶² *Carpio M.J.* España y los últimos Estuardos. Madrid: Ed. U. C. M, 1952. P. 116.

¹⁶³ *Schop Soler A.M.* Las relaciones... P. 9–10.

¹⁶⁴ *Campo Raso J.* Memorias políticas y militares para servir de continuación a los comentarios del Marqués de San Felipe. Madrid: Imprenta F.X. García, 1756. T. III. Ed. contemporánea: Madrid: BAE, 1957. P. 412.

¹⁶⁵ *Diario del viaje a Moscovia del duque de Liria.* Pinedo y Salazar J. (Ed.). CODOIN. T. 93. Madrid: Academia de Historia, 1889.

¹⁶⁶ *Ibíd.* P. V, 361–376.

destino napolitano, mientras escribía la *Relación de la conquista de Nápoles y Sicilia*, llevó a cabo una *Relación de Moscovia*, más descriptiva, acompañada de unas tablas cronológicas del pasado moscovita, hechas “a petición de un amigo”¹⁶⁷.

Que Moscovia, o Rusia, servía de inspiración a los diplomáticos lo prueba la interesante correspondencia que el marqués de Almodóvar, plenipotenciario allí entre 1761 y 1763, remitió a Madrid años más tarde, recogida en el tomo IV de su traducción de Raynal¹⁶⁸.

Una presencia contemporánea. Pasada la mitad de la centuria, lo que verdaderamente interesaba a los hombres de la ilustración española era romper los secos relatos cronológicos e introducir lo que se denominaba la “historia civil” o la literaria¹⁶⁹, así como elaborar una historia comparada que resultaba especialmente propicia para divulgar la historia de otros países e ir familiarizando al público con personajes y episodios hasta entonces poco conocidos¹⁷⁰. Se importaron muchas historias universales, generalmente en francés, se tradujeron otras y no faltaron escritores animosos que pretendieron abarcar todo lo imaginable, como Juan Francisco de Castro, autor de un *Compendio histórico natural y político del universo*¹⁷¹. Frente a estos excesos, que criticaba José Cadalso¹⁷², Juan Sempere y Guarinos reclamaba que se hablara del presente, porque “la historia moderna es la que más nos interesa”¹⁷³. Y junto a acontecimientos tan importantes como la insurrección de las colonias inglesas o, a partir de 1789, la Revolución francesa, la Rusia de Catalina II se fue abriendo paso.

Que no se necesitaba trasladarse *in situ* para dejarse captar por las peculiaridades de aquel Imperio, lo prueban las distintas historias de Moscovia que aparecieron entonces y el creciente rigor en las informaciones que de ellas se desprende. Tres de ellas son de especial significación. La primera, publicada en 1736, fue obra de Manuel Antonio de Mena, un madrileño miembro de una conocida familia de escritores-impresores, que terminarían siendo dueños de *El Mercurio histórico-político*. Se titulaba

¹⁶⁷ Sánchez Alonso B. Historia de la historiografía española. Madrid: CSIC, 1944. Vol. III. P. 105; Conquista de Nápoles y Sicilia y Relación de Moscovia, por el duque de Berwick. Paz y Meliá A. (ed.). Madrid: Imp. de M.Tello, 1890. P. V–CVIII.

¹⁶⁸ Almodóvar, marqués de. Correspondencia diplomática del Marqués de Almodóvar 1761–1763. CODOIN, T. CVIII. Madrid: Academia de Historia, 1893; Jiménez de Góngora, duque de Almodóvar P. Historia política de los Establecimientos Ultramarinos de las Naciones Europeas. Madrid: D. Antonio de Sancha, 1784–1790. T. IV. De ella se trata en otro capítulo de esta obra.

¹⁶⁹ Rodríguez Mobedano R.Y-P. Historia literaria de España, desde su primera población hasta nuestros días. Madrid: Sancha, 1766–1791. 13 vols. Especialmente la *Apología* en tomo V, Madrid, 1779.

¹⁷⁰ Fernández de Moratín L. Catálogo de piezas dramáticas publicadas en España desde el principio del siglo XVIII // Obras. Madrid, B.A.E. T. II. Luciano Francisco Comella se interesó por la historia Rusa en dos obras, *Pedro el Grande* (1796) y *Catalina II* (1799).

¹⁷¹ Castro J.F. Dios y la naturaleza. Compendio histórico natural y político del universo. Madrid: Joaquín Ibarra, 1780–1791. 10 vols.

¹⁷² Cadalso J. Cartas Marruecas. Madrid: Cátedra, 1982. Carta LXII. P. 102.

¹⁷³ Sempere y Guarinos J. Ensayo de una biblioteca de los mejores escritores del reinado de Carlos III. Madrid: Imprenta Real, 1786. T. I. P. 67–69.

José Cadalso y Rusia

Más allá de las accidentadas relaciones diplomáticas entre Rusia y España, los artistas y literatos de ambos países han demostrado su interés y aprecio por la realidad y logros del otro, especialmente a partir del siglo XIX. Sin embargo, un siglo antes ya tenemos evidencias de esta atracción. Uno de los ilustrados españoles más admirados de la época, José Cadalso, formado en el parisino Colegio de Luis el Grande, del que también fue alumno un defensor de Catalina II como Voltaire, se mantiene muy al día de la guerra entre Rusia y el Imperio otomano (1768–1774). Sin duda, su condición de militar profesional le llevó a publicar las sátiras *Los eruditos a la violeta* y el *Suplemento* al papel intitulado *Los eruditos a la violeta* con su segundo apellido (Vázquez), disimulando una autoría que podía perjudicar su carrera, pero también le hizo interesarse, en mayor medida de lo que era habitual, por aquel conflicto. Por eso no sorprende que en 1772, mientras están teniendo lugar los acontecimientos, ambos libros lo mencionen y, sobre todo en el segundo, demuestra su conocimiento de los protagonistas y circunstancias que se estaban dando, nombrando al general Romanzow (Piotr Rumyantsev), verdadero responsable del triunfo ruso.

La actualidad del enfrentamiento y el desconocimiento que en España se tenía de Circasia, debió inspirar también a Cadalso para situar su tragedia *Solaya o los circasianos*, prohibida por la censura (1770), en esa zona del Cáucaso delimitada por los mares Negro y Caspio. En esta obra puso en marcha su imaginación para, en torno al siglo XIV, pero sin tener que someterse al compromiso que imponen unos acontecimientos históricos conocidos, localizar el amor entre Solaya, hija de una influyente familia circasiana, y el tártaro Selín, enviado por su padre, el Kan de Tartaria, para cobrar el tributo de doncellas que el país se había comprometido a pagar. Solaya y Selín se enamoran, pero su padre, el senador Hadrio, y sus hermanos, Heraclio y Casiro, rechazan esa unión ofensiva para su honor y el de Circasia. La muerte de los enamorados a manos de estos, los convierte en representantes de la intolerancia y hacen de la tragedia un drama que oscila entre la defensa del patriotismo y la de los valores familiares.

En su obra más célebre, las *Cartas marruecas*, que habría de ser publicada póstumamente, enumera Cadalso una serie de “sucesos políticos” extraordinarios entre los que figura “la cultura de Rusia”, para aludir al debate sobre la modernización del país que venía dándose desde Pedro el Grande.

De esta forma, antes de que se produzca la atracción rusa por las obras de Cervantes y Calderón o de García Lorca y Alberti y antes también de que de Pushkin, Turguenev, Tolstoi o Dostoievski seduzcan al público español, un famoso literato gaditano introduce en sus escritos la realidad y la ficción de aquel país.

Historia general del Imperio Rusiano o Moscovita (Madrid, 1736), y constaba de dos volúmenes: el primero, que comprendía desde los orígenes hasta la muerte de “Juan Basilio el Cruel”, y el segundo, desde entonces hasta el reinado de Catalina I. No era una obra original, sino una traducción libre de las *Memorias de Pedro I*, escritas en francés por el pretendido barón “Juan Juanovitz Nestesuranoy”, publicadas en Holanda en 1725*. Utilizó también un *Estado de Moscovia*, escrito en francés en 1679, del que tomó los aspectos más costumbristas y otras relaciones ya contemporáneas.

En ese mismo año, Manuel de Villegas y Piñateli publicó otra *Historia de Moscovia y vida de los zares*, “consagrada al glorioso San Nicolás de Bari, protector de la Rusia”. El autor, que fue secretario de Felipe V, caballero de Doña Mariana de Neoburgo y académico, declaró en el prólogo escribir a impulsos de la necesidad. Según él, los españoles nunca se habían decidido a escribir historias de otros países, y de eso resultaban muchos inconvenientes. Este deseo de difundir conocimientos era lo más notable de su obra, según reconoció el propio censor real, para quién, “sería ignorancia muy acusable en nación tan culta como la nuestra, no saber con perfección el estado militar, político y eclesiástico de aquella monarquía tan belicosa”¹⁷⁴.

Villegas confiesa haber intentado documentarse al máximo, pero “como no se halla historia escrita por los mismos rusianos”, debió conformarse con relaciones de viajes hechas por extranjeros. Sin embargo, para el período más inmediato había podido contar con obras como las ya citadas *Memorias de Pedro I*, los *Comentarios* del Barón de Herbestein y la *Historia de la guerra que hizo en Moscovia el rey Esteban Batori*, escrita en latín por Reynaldo Heidestein. También acudió a autores menos directos, como “Paulo Jovio y otros” [*Libro sobre la embajada moscovita* (1525) por Paolo Jovio] y consultó los ocho tomos con que la Academia de Moscú obsequió al duque de Liria con motivo de su retorno a España¹⁷⁵.

Otra historia sobre lo ocurrido en aquel imperio a partir de 1730 salió de la pluma de José del Campo Raso, que no solo aludió frecuentemente a Rusia en *Memorias políticas y militares para servir de continuación a los comentarios del Marqués de San Felipe*, sino que incluyó allí la *Historia de la vida del Príncipe Menzikoff*, como capítulo específico¹⁷⁶. Utilizó la relación que envió a Madrid el duque de Liria poco después de su desgracia, y lo presenta como un ejemplo de que “no siempre los talentos acompañan al nacimiento” y de que “la plebe más ínfima suele producir sujetos de la mayor capacidad”. Con excepción de las informaciones que toma del antiguo embajador, sus fuentes resultan poco explícitas, porque su narración no es tanto una historia, como una crónica de la vida internacional.

La triple muestra, que no agota las obras que tratan el tema, refleja bien la curiosidad que despiertan las noticias que vienen de ese pueblo lejano y dejan

* Se trata de *Mémoires du règne de Pierre le Grand, Empereur de la Russie, Pere de la Patrie*. Par B. Iwan Nestesuranoi. La Haye: 1725–1726. T. 1–4. Su autor fue el escritor y editor francés Jean Rousset de Missy. (Nota del editor).

¹⁷⁴ Villegas y Piñateli M. *Historia de Moscovia y vida de sus zares*. Madrid: Imp. del Convento de la Merced, 1736. 2 vols. Vol. I. Prólogo. P. I.

¹⁷⁵ *Ibid.* Vol. I. Cap. XXVIII.

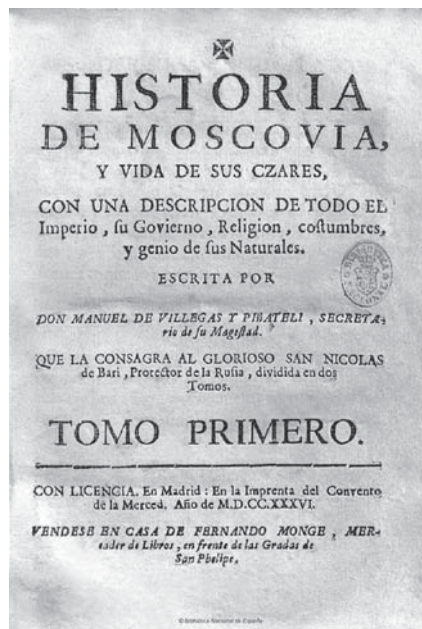
¹⁷⁶ Campo Raso J. *Memorias políticas y militares...* Madrid: 1957. P. 417–422.

ver, a través de la apología que del gobierno de Pedro I hacen los publicistas españoles, que su figura es clave en este acercamiento. Para el marqués de San Felipe o Miguel Antonio Gándara, el P. Benito Jerónimo Feijoo o el P. Martín Sarmiento, han sido sus cualidades personales y su política emprendedora las que le han granjeado figurar entre los reyes dignos de pasar a la historia¹⁷⁷. Ciertamente que, junto a las alabanzas, también circulan versiones menos satisfactorias de su conducta y que se le atribuyeron grandes debilidades, pero estos defectos, que son vicios de conducta personal, no ensombrecen su imagen de hombre público e, incluso, se disculpan en un príncipe, “criado entre bárbaros cismáticos que tantas cosas imaginaron contra su vida”¹⁷⁸. El elogio fúnebre que Villegas incluye al final de su relato es expresivo de una admiración sin límites y del convencimiento de que, gracias a él, su país ha pasado a formar parte de Europa¹⁷⁹.

Que en medio de acontecimientos como la insurrección de las colonias británicas o los prolegómenos de la Revolución Francesa, las noticias sobre el Imperio ruso y su emperatriz siguieran despertando una atención constante, es también significativo. Como ejemplo, baste señalar la aparición, en 1786, de un interesante estudio sobre *Revoluciones de Rusia*, debido a José Azneita, en el que se abordaban las conmociones que habían intranquilizado los momentos iniciales del reinado de Catalina II. Publica documentos interesantes, como la renuncia de Pedro III a favor de su esposa o la aceptación ante el Senado de la emperatriz, y termina con un escueto comentario: “Este fue el fin de esta memorable revolución y lo que más admiración causa es que se hizo esta mutación en menos de media hora, sin desorden y sin derramar sangre”¹⁸⁰.

* * *

Difusa y lejana hasta comienzos del siglo XVIII, a partir de entonces, Rusia, se pone de moda en España y se convierte en una pieza imprescindible del juego

Manuel Villegas y Piñateli. Historia de Moscovia, 1736. Portada.

¹⁷⁷ *Valladares de Sotomayor A.* Semanario erudito, que comprehende varias obras inéditas, críticas morales, instructivas... de nuestros mejores autores antiguos y modernos. Madrid: por don Blas Román, 1787. Vol. III. P. 270–275; Vol. XXIV, P. 72; Vol. XXI, P. 228; *Almacén de frutos literarios* inéditos de los mejores autores. Alzine, 1818. Vol. I. P. 137.

¹⁷⁸ *Villegas y Piñateli M.* Historia de Moscovia... Cap. XXIX.

¹⁷⁹ *Ibíd.* P. 417.

¹⁸⁰ *Azneita J.* *Revoluciones de Rusia.* Madrid: Imprenta de Andrés de Sotos, 1786. P. 77.

de Estados europeos con la que hay que contar a la hora de establecer compromisos y alianzas. Emerge en forma de contraste entre unos *zares*, protectores de las ciencias y las artes e importadores de las costumbres del resto de Europa, y unos súbditos, casi “bárbaros”, que poco se parecen a los de otros Estados europeos, trazándose así una frontera que ya no es geográfica sino social y cultural. Es cierto que, a medida que se va descubriendo la extensión de su Imperio que “es, sin duda, una de las mayores regiones de la Europa”¹⁸¹, y su enorme diversidad territorial, se entiende e, incluso, se justifica que el zar, sin mediar derecho, se hubiera arrogado el título de emperador, porque, de hecho, su poder era “digno de ser tenido por formidable”¹⁸². Pero esta admiración espacial y de riqueza potencial, no borra los rasgos específicos de una población que, algunos, como Gándara, califican de rústica, bárbara y cerril, ya bien pasada la mitad de la centuria¹⁸³. Y si algo les llama poderosamente la atención, es el inmenso poder que allí conservan los señores y la pésima situación de los siervos, que viven “como esclavos dependientes del territorio que cultivan”¹⁸⁴. Pero esto, más que causa, lo consideran consecuencia de su propia idiosincrasia, ya que la misma plebe, “es en Moscovia tan afecta al cautiverio que aman más la servidumbre que la libertad, de tal manera que se venden a los señores rusianos, de quienes, cuando uno muere y dexa en libertad a sus criados moscovitas, le extrañan de tal manera que al punto se venden a otros”¹⁸⁵. Es también un rasgo característico de las mujeres “rusianas”, porque “tienen poco manejo y dominio en sus maridos y padecen de la misma suerte que muchas de las alemanas; siendo de tan fieros genios que no tienen otro anhelo que servir y darles gusto, creyendo que son más queridas y más amadas cuanto más les castiga y las maltrata”¹⁸⁶.

Habitados a unas costumbres impropias de pueblos civilizados, su mantenimiento había generado consecuencias morales, favoreciendo la crueldad de los poderosos y el desinterés y la hipocresía de los humildes, y normalizando prácticas verdaderamente reprobables, como “estar continuamente bebiendo en las tabernas”. Algo que, por otra parte, no era exclusivo de estos sectores sociales, ya que el mismo Pedro I y muchos dignatarios de la Corte se habían entregado a los mismos excesos¹⁸⁷. Las supersticiones, el gusto por el culto externo y las imágenes, el vestido que el pueblo lleva “al estilo armenio”, las expresiones no homologadas, como el hecho de que para denotar perplejidad no alzarán las cejas sino que movieran la cabeza e, incluso, los gustos que se consideraban absurdos, como el tener por más hermosos los ojos más oblicuos y por más sanos los dientes amarillos, son manifestaciones que revelan el primitivismo de aquellos habitantes. Solo en Rusia se podía ser increíblemente rico y analfabeto, como probaba la historia del príncipe de Ménshikov, ascender

¹⁸¹ *Mena M.A.* Estado general del Imperio Rusiano o Moscovita... Madrid, 1736. 2 vols. Vol. I. P. 5.

¹⁸² *Villegas y Piñateli M.* Historia de Moscovia... Vol. I, cap. XIV.

¹⁸³ *Gándara M.A.* Apuntes sobre el bien y el mal de España // Almacén de frutos literarios... Vol. I. P. 137.

¹⁸⁴ *Campo Raso J.* Memorias políticas y militares... Madrid, 1957. P. 418.

¹⁸⁵ *Mena M.A.* Estado general... T. I. P. 139.

¹⁸⁶ *Villegas y Piñateli M.* Historia de Moscovia... Vol. I. P. 35

¹⁸⁷ *Mena M.A.* Estado general... Vol. I. P. 144.

vertiginosamente y caer con la misma rapidez. Allí las conjuras y las maquinaciones eran práctica habitual y los cambios de fortuna, inesperados¹⁸⁸.

La tensión entre los “amantes de las costumbres antiguas” y los protectores de las extranjeras, que dividía al mundo cortesano, era la expresión de un conflicto que iba más allá del terreno político, ya que, en este período, la dualidad cultural empieza a percibirse claramente, una prueba de que la balanza rusa todavía estaba indecisa entre oriente y occidente. Mientras que los rasgos específicos de los otros pueblos europeos se habían formado con anterioridad, lo que será “el carácter nacional” del inmenso Imperio ruso se perfila en el siglo XVIII a través de estereotipos de larga duración: los rusos se mueven entre la melancolía y la ternura, la ostentación y la codicia; son valerosos, pero violentos. Rasgos contradictorios propios de un pueblo en proceso de transformación, del que se reconocen los progresos, pero del que, sin embargo, se desconfía, porque se considera “distinto”. Gracias al valor de sus zares y de una escogida parte de su población, las fronteras de Europa se han ensanchado en términos geográficos, pero se daba por sentado que su interior aún estaba lejos de una Europa, que, en términos de la época, se entendía ya como civilización.

TRES RUSÓFILOS ESPAÑOLES DE FINALES DEL SIGLO XVIII

Un nuevo horizonte cultural: Rusia en los papeles. Con anterioridad a que Rusia fuera una legación diplomática y se entablaran relaciones políticas y comerciales, su percepción como realidad cultural diferenciada, con lengua, religión, tradiciones propias y un pasado cada vez más entrelazado con el de otros espacios europeos era ya una realidad en la España de la segunda mitad del siglo XVIII¹⁸⁹. De modo que Moscovia, sus zares y sus conquistas pasaron a formar parte de los conocimientos de la minoría letrada española, a través de historias generales y particulares, de libros de viajes, obras de teatro y noticias de prensa. Escritos de carácter divulgativo, en unos casos, traducciones o adaptaciones, en otros, y, también, obras originales que demostraban no solo interés, sino inclinación hacia aquel lejano país.

A ello respondieron las obras de Manuel Antonio de Mena, o de Manuel de Villegas y Piñateli¹⁹⁰ o las incursiones de Campo Raso¹⁹¹. Bien resumidas en la afirmación que hizo Fray Benito Jerónimo de Feijoo en su *Teatro Crítico*: “habiendo el último zar *Pedro Alexowitz* introducido las Ciencias, y Artes en aquellos Reinos, se vio que son los Moscovitas hombres como nosotros. Fuera de que ¿cómo es posible, que una gente insensata se formase un dilatadísimo Imperio, y le haya conservado tanto tiempo? El conquistar pide mucha habilidad; y el conservar, especialmente a la vista de dos tan poderosos enemigos, como el Turco y el Persa, mucho mayor”¹⁹².

563

¹⁸⁸ *Campo Raso J.* Memorias políticas y militares... Madrid, 1957. P. 418.

¹⁸⁹ *Alekséev M.* Rusia y España. Una respuesta cultural. Madrid: Seminario S.A, 1975.

¹⁹⁰ *Mena M.A. de.* Estado general...; *Villegas y Piñateli M. de.* Historia de Moscovia... Vol. I. P. I.

¹⁹¹ *Campo Raso J. del.* Memorias políticas y militares para servir de continuaión a los comentarios del Marqués de San Felipe. Madrid: Imprenta F.X. García, Madrid, 1756. Vol. III. P. 116–128.

¹⁹² *Feijoo B.J.* Teatro crítico universal. T. II. Discurso XV. P. 8.

Benito Jerónimo Feijoo y Montenegro

Es más, el benedictino defendió la superioridad del zar sobre Luis XIV en su *Carta XIX*, que despertó muchas críticas. Pero su razonamiento era impecable: ambos tenían grandes cualidades y “no leves vicios”, pero la balanza se inclinaba a favor del primero que, aun siendo cruel, demostró en ocasiones benevolencia. No ignoraba las versiones negativas que de su persona circulaban en Europa, ni las debilidades que se le atribuían, pero estas, que eran de carácter personal y disculpable, habida cuenta que, “había tenido una educación perversa y nadie ignora cuanto la calidad de la educación influye en todo el resto de la vida”. Además, el que practicara una religión errónea, “lo cual turba mucho la vida intelectual en orden a la mora-

lidad”, también contribuía a disculparlo, mientras que ninguna de las dos cosas se podía alegar en defensa de Luis XIV¹⁹³.

A medida que fue transcurriendo la centuria, el interés se fue desplazando de Pedro I a Catalina II. En 1786, un publicista con pretensiones de historiador, José Azneita, publicó una obra titulada *Revoluciones de Rusia*, en la que se trataba del ascenso al trono de la emperatriz. Según confesaba en el prólogo, pese a su “prolija investigación”, todavía se ignoraban muchas cosas de aquellos acontecimientos¹⁹⁴. El relato se iniciaba con la proclamación de la emperatriz como “soberana y autocratríz (sic) de todos los reinos” y la deposición de Pedro III, reproduciendo también su manifiesto. Atribuía la caída del emperador a dos causas: su supuesta conversión al luteranismo, “desdeñando acudir las iglesias rusianas y haciendo poco caso del culto griego”, y al descontento del ejército ya que prefería a duque de Holstein¹⁹⁵. Su muerte, tras un violento cólico, no le merece más comentario que el comunicado de la emperatriz, afirmando, “que esta muerte impensada es efecto particular de la divina providencia que, por senderos impenetrables, nos prepara, igual que a nuestro trono y a toda la patria común, los caminos que solo conoce su santa voluntad”¹⁹⁶.

Que la propia emperatriz anunciara, “por medio de manifiestos impresos”, la fecha de su coronación por todo el Imperio, a la vez que proclamaba su legitimidad, le llena de admiración. Finalmente, destaca que “esta memorable revolución” se hizo “sin desorden y sin derramar sangre”¹⁹⁷.

¹⁹³ Feijoo B.J. Cartas eruditas y curiosas. Madrid: A. Pérez de Soto, 1775. 3ª imp. Carta IX. P. 235–252.

¹⁹⁴ Azneita J. de. *Revoluciones de Rusia...* Prólogo.

¹⁹⁵ *Ibíd.* P. 4, 10, 15.

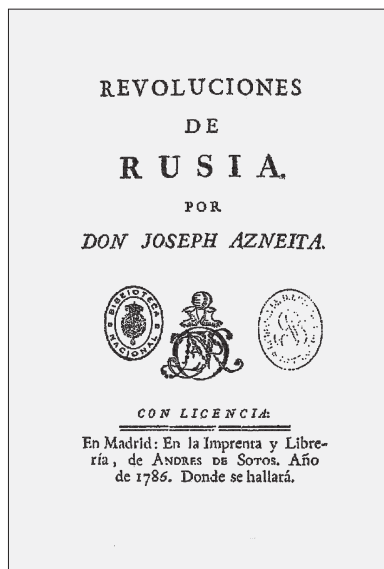
¹⁹⁶ *Ibíd.* P. 44.

¹⁹⁷ *Ibíd.* P. 77.

También la prensa contribuyó a la familiarización de los lectores con aquel Imperio, dando noticias de su Corte y de sus reformas. Con comentarios tan significativos como el que publicó *El Censor* en su Discurso XXXI, que es una crítica de la monarquía absoluta, por resultar más lesiva para la autoridad real que la representativa. Lo ejemplariza en la comparación entre los reinados de Pedro I y Catalina II: el primero, aunque “hizo todos los esfuerzos posibles por sacar a sus vasallos de la ignorancia y la miseria en que estaban sumidos”, llamó a los sabios y artistas más celebres y abrió las puertas al comercio, no llegó a conseguir una verdadera prosperidad, debido a la “constitución del gobierno” que, “siendo por su naturaleza arbitrario”, frustró “las mejores disposiciones y los proyectos más bien imaginados”. Mientras que, “la sabia Catalina conoce los males del despotismo y se da prisa a librar a los pueblos de este yugo. Con esta mira ha empezado instruyéndoles; ha establecido tribunales; ha disminuido las penas de los delitos y se ocupa mucho tiempo ha en el gran proyecto de un código de leyes que establezca la felicidad de la Rusia”¹⁹⁸.

Un traductor comprometido: el duque de Almodóvar. Moscovia o Rusia, desde el primer momento, habían servido de inspiración a la pluma de aquellos diplomáticos que, como el duque de Liria, la habían visitado. Una experiencia que rememoró posteriormente de forma recurrente, como fue también el caso de Pedro F. Luján Suárez de Góngora, marqués de Almodóvar, duque desde 1780, plenipotenciario en Petersburgo entre 1761 y julio de 1763. Tras un largo periplo como embajador en las legaciones de Lisboa y Londres, al volver a España, decidió emprender una empresa tan interesante como arriesgada, la traducción de la *Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes* de Guillaume-Thomas Raynal, publicada en 1770, condenada dos años más tarde y vuelta a publicar a partir de 1780. Ni la prohibición, ni sus muchos volúmenes, impidieron que tuviera varias ediciones, ni que la acompañara siempre la polémica.

Se dedicó a hacer la versión castellana y a preparar la edición mientras desempeñaba su cargo de mayordomo mayor de la infanta Mariana Victoria de Portugal, esposa del infante Gabriel. La firmó como Eduardo Malo de Luque, que era un acróstico de su propio nombre. Y en ella reflejó su experiencia, sus viajes y su interés por la historia, a cuya academia pertenecía y de la que llegaría a ser director en 1792. En la versión castellana omitió algunos pasajes, retocando otros y proporcionando al lector español informaciones que complementaban las del autor francés. Así, en

José Azneita. *Revoluciones de Rusia*, 1786. Portada.

¹⁹⁸ *El Censor*. Discurso XXXI. Madrid, 1786. P. 487–488.

Los diplomáticos españoles en Rusia: el marqués de Almodóvar

A mediados del siglo XVIII, la embajada de Pedro Francisco de Luján y Suárez de Góngora, marqués de Almodóvar, constituyó la prueba más importante del restablecimiento de relaciones entre Rusia y España. La misión a Rusia fue el primer encargo diplomático de este noble de alta alcurnia, que entonces tenía 34 años. Las instrucciones que se le dieron se centraban principalmente en la prioridad de afianzar las relaciones entre ambas potencias para evitar una nueva ruptura, lo que suponía zanjar definitivamente la querrela sobre el título imperial ruso, establecer y desarrollar el comercio directo entre ambas potencias, perjudicando así la intermediación de británicos y holandeses. Un encargo especial consistía en recoger y transmitir a Madrid información sobre los progresos rusos en las costas del Pacífico norteamericano, ante el temor por su progresivo acercamiento a las posesiones españolas.

Su llegada a la Corte imperial tuvo lugar a mediados de 1761, coincidiendo con el final del reinado de la emperatriz Isabel (Elizaveta Petrovna). El marqués fue testigo, tanto de la muerte de la emperatriz y del ascenso al poder del emperador Pedro III, como del golpe de Estado orquestado por su mujer Catalina Alexéevna, que sería coronada como Catalina II. De este último acontecimiento, el marqués informó detalladamente a la secretaría de Estado española. Permaneció en la Corte rusa alrededor de dos años, durante los cuales siguió las órdenes que había recibido de actuar en concomitancia con el embajador francés.

Así, por ejemplo, las esposas de ambos diplomáticos se negaron a besar la mano de Catalina (entonces todavía Gran Princesa) en una audiencia, aludiendo a que los representantes de sus respectivos monarcas no acostumbraban a hacerlo. Los acontecimientos que tuvieron lugar en Curlandia, con el derrocamiento del duque Carlos, hermano de la esposa de Carlos III,

566

el tomo II, añadió un *Apéndice*, con una extensa descripción de la constitución de Inglaterra, sobre la base de las obras de Blackstone y De Lolme; en el tomo III introdujo otro, relativo al “estado político-económico de la Francia”, tomando como referencia las obras de Necker y, ya en el tomo IV, publicado en 1788, unos apuntes sobre la Prusia de Federico II y una relación más extensa sobre Rusia, basada en sus observaciones y lecturas.

Si, en todos los casos, la actualización era precisa, en este último le parecía más necesaria, ya que “los negocios y progresos del naciente Imperio ruso”, era uno de los temas que más interesaban al público¹⁹⁹. En consecuencia, le dedicó 14 capítulos, del VIII al XXII, con un total de 384 páginas, en los que trata de su historia, población, economía, comercio, del estado de su ejército y de su marina en 1761 y de los descubrimientos geográficos recientes.

¹⁹⁹ *Almodóvar P.J. de Góngora, duque de*. Historia política de los Establecimientos Ultramarinos de las Naciones Europeas. Madrid: Antonio de Sancha, 1784–1790. T. IV. Prólogo. P. IV–V.

Mª Amalia de Sajonia, y la reinstauración de Ernst Johann von Birón por Catalina, con las consiguientes protestas de Madrid al respecto, llevaron a que la emperatriz sintiera poco aprecio por Almodóvar, lo que terminó por complicarle notablemente su estancia.

El marqués abandonó finalmente la Corte imperial en 1763, tras haber solicitado su retiro de la misma aludiendo a la mala salud de su mujer, y haber esperado la llegada de su sucesor, el vizconde de la Herrería, convencido de que el único beneficio que podía obtener España de su relación con el Imperio ruso era de carácter comercial. Fue un firme partidario del restablecimiento del comercio directo y de la consecución de acuerdos firmes, señalando al respecto: “No hace más poderosa a una monarquía una pequeña provincia más o menos, sino la consideración y seguridad de su palabra”.

Pedro de Góngora y Luján,
marqués de Almodóvar

Lo iniciaba contando sus rencillas históricas con los chinos, abordando ya en el capítulo IX, la Rusia anterior a Pedro el Grande: “Una vasta región —escribe— mayor que todo el resto de Europa que hace en ella tan brillante papel que es considerada como una de las principales potencias y que goza del título de Imperio que mantiene un poderoso influjo en todos los gabinetes, que da les a (sic) todas las naciones vecinas, era tan poco conocida a fin de siglo pasado que no podía creerse en las Cortes vecinas que estaba en guerra, en comercio y disputas limítrofes con los chinos”.

Admirador de la determinación viajera de ese monarca, lo califica de “insigne” y no duda de que merece “los homenajes y elogios de todo hombre sensato”²⁰⁰. Sencillo y poco amante del protocolo, al contrario que el monarca francés, solo al rey de Prusia, “que era también enemigo de ceremonias y magnificencias”, pudo visitar

²⁰⁰ *Ibíd.* Cap. IX. P. 158, 223

“muy llanamente”²⁰¹. Sin embargo, se le regatea la fama y no se da la importancia debida a las reformas.

Almodóvar introduce temas que piensa interesan al público español, como la expulsión de los jesuitas de Rusia en 1718, no por su religión, sino “como peligrosos políticos”. Al tiempo señala que, en Moscú y Petersburgo, hay iglesias católicas, que rigen capuchinos y franciscanos, así como templos luteranos y calvinistas. No se admite, sin embargo, a los judíos, por considerarlos “arriesgados para el comercio”²⁰².

La simpatía por el zar no le impide abordar cuestiones polémicas, como la muerte del príncipe heredero, aunque argumenta que “no puede juzgarse de las costumbres y las leyes de una nación por los de las otras”. El César tenía el “fatal derecho de condenar a muerte a su hijo”, por el delito de evasión y así lo explicó en la declaración que hizo a los jueces. Fue voluntad suya actuar con la mayor autenticidad posible y dar publicidad a sus actos, en “la íntima persuasión en que estaba de su justicia”²⁰³.

El Capítulo XIV, lo dedica a Pedro III, a quien conoció, “príncipe bondadoso, benéfico, afable, aplaudido”, pero con extraños desvaríos y errores políticos²⁰⁴. Y en el siguiente capítulo da cuenta de la revolución que le destronó y trata de Catalina II, su subida al poder y sus primeras medidas, publicando algunos de sus primeros manifiestos. No se le oculta lo controvertido de su figura, pero quiere juzgarla solo por su acción como gobernante: “Su ambición de gloria, escribe, no ha extendido menos los límites de su laboriosa e infatigable política en lo interior de sus provincias. Aprovechando las proporciones de sus conquistas y de las luces del siglo, ha dado un fuerte impulso al comercio. Ha protegido las ciencias, promovido las artes, fomentado la industria, ha formado excelentes planes de educación, que en gran parte han sido efectivos”²⁰⁵. Muchos han sido sus esfuerzos de modernización, pero debe reconocer que, “los rusos todavía mantienen sus barbas, su tosco traje, sus groseras costumbres, su calendario, sus tenaces supersticiones y sus preocupadas ideas. Quizás todavía necesite la Rusia generaciones y, aun, siglos para poderse considerar floreciente”²⁰⁶.

Rusia en el horizonte de los intereses españoles: Luis Castillo Estévez. Ya en las postrimerías de la centuria, apareció una nueva forma de tratar de Rusia que no eran los despachos oficiales, ni lo recuerdos, sino *Memorias* que unas veces eran informes y otras trabajos académicos preceptivos para la promoción en la carrera diplomática. Muchas se han perdido, otras permanecen inéditas y algunas fueron publicadas por sus autores en forma de libro o, incluso, manual. Sobre Rusia escribieron Felipe Amat, José de Onís (Joaquín o Luis) y Blas de Mendizábal, jóvenes de lenguas en

²⁰¹ Ibíd. P. 222.

²⁰² Ibíd. P. 243. Almodóvar se equivoca: la expulsión de los jesuitas de Rusia la decretó Pedro I en 1719 (*Nota del editor*). Véase el capítulo “Los jesuitas entre España y Rusia”.

²⁰³ Ibíd. P. 238.

²⁰⁴ Ibíd. P. 311.

²⁰⁵ Ibíd. P. 370.

²⁰⁶ Ibíd. P. 371.

Petersburgo, centrándose sobre todo en el comercio²⁰⁷. Desde una óptica más amplia, también lo hizo Luis Castillo Estévez, que fue joven de lenguas con el ministro plenipotenciario Manuel de Gálvez, y que, tras pasar por varias plazas, desempeñó el consulado de Odessa, entre 1804 y 1823. Lo publicó en 1796 con el título de *Compendio cronológico histórico y del estado actual del Imperio ruso* y se convirtió en un manual para quienes, en misión oficial o por intereses particulares, se dirigían a Rusia. Le preocupaban, desde luego, los intercambios comerciales pero, sobre todo, demostrar que su estancia en Rusia “no ha sido enteramente inútil a mi patria”, por lo cual dedicó la obra a su superior, Manuel Godoy²⁰⁸. En el prólogo decía que había estado allí 4 años y que la había escrito ayudado por autores rusos y alemanes, añadiendo una cronología histórica y un estado actual que podía ser útil para “la instrucción y aumento del comercio”²⁰⁹. La parte histórica, que es la que viene al caso, la iniciaba en los tiempos remotos, con Russ, hijo de Jafet, y la unión posterior con los eslavos. Hablaba de Gengis Khan y de la dominación de Rusia por los tártaros y de cómo Alejandro [Nevski] y sus sucesores, pusieron fin al yugo de sus bárbaros opresores. Una victoria que despertó la atención de Europa y la llegada de los primeros embajadores a Moscú. Aunque fue “Iván IV, llamado el Terrible, primer zar de todas las Rusias”, quien, al iniciar la conquista de Siberia y gobernar sobre un país tan grande o más que el resto del continente europeo, pasó a la historia²¹⁰. Ya en 1613, los boyardos nombraron a Mijaíl Románov, cuyos sucesores se sentaban todavía en el trono. De todos, es Pedro I el que ocupa un lugar privilegiado, hablando de sus viajes como un verdadero proceso de aprendizaje y extendiéndose ampliamente en la construcción de Petersburgo. Aunque la “dispendiosa y sangrienta” guerra con Suecia le merece algún reproche”, no disminuye su admiración por el monarca: “Este príncipe, escribe, está unánimemente reconocido por el soberano más grande que ha tenido Rusia: su gloria consiste no solamente en haber engrandecido sus territorios con la conquista de la Livonia, de la Estonia y de la Finlandia, pues esto ha sido común a muchos soberanos, sino en haber sido el reformador, o como otros dicen, el creador de la nación”²¹¹.

La segunda parte de la obra, sobre “el Estado actual de Rusia”, es una detallada descripción de sus territorios, clima, cultivos y de sus grandes contrastes. Respecto al carácter moral de los rusos, frente a quienes los tildan de bárbaros, destaca la sencillez de su vida tradicional, la austeridad y el trabajo general, así como la obligación de que cada uno permanezca en su Estado²¹². Solo la ley promulgada en 1722 por Pedro I, que permite al monarca elegir su sucesor al trono, considera “que no ha sido en general favorable a los rusos”²¹³. Trata de la nobleza, de las fuerzas militares y del

²⁰⁷ *Schop Soler A.M.* Un siglo... P. 36–39; *Pradells J.* Diplomacia y comercio. La expansión consular española. Alicante: Ins. Juan Gil Albert, 1992. P. 500.

²⁰⁸ *Castillo L. del.* Compendio cronológico de la historia y del estado actual del Imperio Ruso. Madrid: Imp. Aznar, 1796. P. 2.

²⁰⁹ *Ibid.* Prólogo.

²¹⁰ *Ibid.* P. 36–37.

²¹¹ *Ibid.* P. 46–47.

²¹² *Ibid.* P. 80–81.

²¹³ *Ibid.* P. 115.

comercio, sin que falte una descripción detallada de Petersburgo, de la Corte y de sus instituciones científicas y educativas²¹⁴. En esta parte, la emperatriz Catalina, cuyo reinado, como tal, no forma parte del libro, es citada con frecuencia como promotora de reformas o del fomento de las artes, las ciencias y las letras. Una clara demostración de que, si bien Rusia no ha llegado al punto de perfección de otras naciones, “están los rusos a lo menos muy distantes del concepto de salvajes, en el que muchos autores han querido ponerlos, aun en estos últimos tiempos”²¹⁵.

Un viajero que no lo fue: Pedro Mariano Estala Ribera. El tercer autor elegido por su consideración hacia Rusia es Pedro Mariano Estala Ribera, religioso escolapio secularizado y afrancesado, que murió en 1815 en el exilio. Hombre de gran cultura, escritor, helenista, traductor, crítico literario y editor de periódicos, como *El Imparcial o Gaceta política literaria*, ya en 1809, es uno de los personajes de talla intelectual del reinado de Carlos IV²¹⁶. Entre sus muchas obras destaca la traducción y edición de la obra de Joseph La Porte, *Le Voyageur françois*²¹⁷. Dado que su público era español, cambió el título por *El viajero universal o noticia del mundo antiguo y nuevo, obra recopilada de los mejores viajeros...*, y la publicó en Madrid entre 1795 y 1801, solo bajo las siglas D.P.E.P.²¹⁸.

Se basaba en el original francés, del que aparecieron los primeros volúmenes en París entre 1765 y 1767²¹⁹, que había tenido una gran acogida. El proyecto de Estala era ponerlo en castellano, aunque corrigiendo algunos errores, pero “viendo el gran aprecio que hacía el público de mis tareas juzgué debía corresponder por mi parte con un trabajo más esmerado que le ofreciese una instrucción más completa que la superficial del *Viajero francés* y desde el 5º tomo, abandoné a Mr. Laporte”²²⁰. La decisión supuso recoger otros relatos de viajes ya publicados y añadir “las reflexiones que me han parecido oportunas”, con el resultado de llegar a los 39 tomos más otros 4 de Suplementos.

El volumen dedicado a Rusia es el 29, publicado en 1800, y se inicia con la Carta DXLV, dedicada a la Marina y comercio de ese Estado. La primera no le parece todavía suficientemente desarrollada mientras que, en relación con el segundo, deja constancia del aprecio que allí sienten por los vinos catalanes, haciendo votos porque se promovieran los de otras regiones que todavía eran poco conocidos²²¹. Y es en

²¹⁴ *Ibíd.* P. 188–203.

²¹⁵ *Ibíd.* P. 249–250.

²¹⁶ Arenas Cruz M.E. Pedro Estala, vida y obra: una aportación a la teoría literaria del siglo XVIII español. Madrid: CSIC, 2003; Larriba E. El Imparcial y Gaceta política-literaria. Madrid: Doce calles, 2010.

²¹⁷ La Porte J. Le voyageur françois ou la connaissance de l’ancien et du nouveau monde. Paris: Moutard, 1765–1795. 28 vols.

²¹⁸ El viajero universal o noticia del mundo antiguo y nuevo, obra recopilada de los mejores viajeros, trad. al castellano. Introd. y corregido el original e ilustrado con notas por don Pedro Estala. Madrid: Imp. De Espinosa, 1795–1801. 43 vols.

²¹⁹ La Porte J. Le voyageur françois ou la Connaissance de l’Ancien et le Nouveau Monde. Paris: Chez Vincente, 1765–1767 y Cellot, 1768–1781.

²²⁰ El viajero... T. I. P. V.

²²¹ *Ibíd.* T. XXIX. P. 15.

relación con estas cuestiones donde intercala su primer elogio de Catalina II, “princesa que era capaz de concebir los proyectos más arduos y de no omitir nada para llevarlos a ejecución”, pero que temía que su hijo Pablo I no continuara con ellos²²². Alusiones que aparecen también en las Cartas posteriores, dedicadas a los usos y costumbres de aquel Imperio (Carta DXLVI) o a su carácter (Carta DXLVII). Los rusos, escribe, son de poca inventiva, pero excelentes imitadores, de ahí la importancia de darles instrucción. Son amantes del dinero y de las comidas y bebidas fuertes, quizás condicionados por el clima. Su sociedad presenta contrastes especialmente intolerables. Es dinámica y le llama la atención la variedad de naciones que conviven en sus ciudades. En definitiva, “la Rusia se parece a un hombre ordinario que acaba de heredar un rico estado y quiere parecer de repente hombre de calidad, instruyéndose en la habilidad de un caballero”²²³.

Buscan un modelo que seguir y van tomando distintas cosas de los diferentes pueblos de Europa, de lo cual se provechan los extranjeros, que siempre critican lo diferente a lo propio. Así, por ejemplo, hablando del teatro, frente a quienes lo acusan de no ser tan refinado como el francés, hace un caluroso elogio de los comediantes rusos, del gusto del público por las comedias alegres y por introducir en ellas “fiestas campestres” y canciones nacionales, sencillas, pero en su opinión “más agradables” que ciertas arias italianas²²⁴. Otras veces refuta con argumentos de peso afirmaciones que solo prueban la superficialidad de los viajeros, como el considerar que las rusas gustan de ser golpeadas por sus maridos. O que se citen costumbres, como visitar a las paridas y dejarles monedas, ya inusuales en las ciudades²²⁵.

Respecto al estado de las letras (Carta DLVIII), su restauración, iniciada por Pedro I, decayó. Pero Catalina II la impulsó de nuevo, por medio de la Academia y la protección de actividades y viajes científicos, aun en medio “de sus guerras y grandes empresas de todo género”²²⁶. En su reinado, la presencia y la comunicación con los centros del extranjero ha sido fluida y en ellos han estudiado muchos rusos de talento, quizás en detrimento de sus propias universidades, que no se han reformado. Por ello, le parece preocupante el decreto dado por Pablo I por el que prohíbe salir a estudiar²²⁷.

Estala describe, siempre a través de fuentes indirectas, ya que él nunca ha estado en Rusia, la riqueza que aquel imperio atesora en obras de arte, bibliotecas y edificios nobles, pero teme que el esfuerzo que se ha hecho quede en nada, percibiendo la sombra de un retroceso. Y sentencia: “El defecto capital de todos los establecimientos rusos y que no dejará prosperar ninguno, procede del gran error de los reformadores en haber querido introducir en un pueblo de esclavos estúpidos las artes y las ciencias, hijas de la razón y la libertad. El primer paso

²²² *Ibíd.* P. 23.

²²³ *Ibíd.* P. 55.

²²⁴ *Ibíd.* P. 57–58.

²²⁵ *Ibíd.* P. 67–68.

²²⁶ *Ibíd.* P. 72–74.

²²⁷ *Ibíd.* P. 76.

de la reforma debía haber sido hacer hombres a los rusos, sacándoles de su triste esclavitud, esparciendo civilización por la clase baja y numerosa por medio de escuelas primarias: sobre este sólido fundamento recaerían bien todas las demás reformas y serían permanentes”²²⁸.

El relato de La Porte/Estala no se queda en Petersburgo o Moscú sino que describe las partes más remotas del Imperio: Siberia, Ástrakhan y la tierra de los cosacos. Es crítico y también admirativo respecto al empeño de los emperadores Pedro y Catalina por sacarlo del atraso, pero en las circunstancias del presente, en una Europa en guerra tan general, mucho teme que se vayan a “destruir los floridos ejércitos que Catalina II con tantos afanes había formado, a apurar todos los recursos del Imperio, a retrasar la civilización de los rusos, en una palabra, a poner a Rusia en un estado como lo tenía antes de Pedro I destruyendo lo que este emperador y sus sucesores habían adelantado”²²⁹.

* * *

Desde los comienzos del siglo XVIII, Rusia despierta en España curiosidad e, incluso, admiración y se convierte en una pieza imprescindible de la política europea, cuyo respaldo hay que buscar a la hora de establecer compromisos y alianzas. Era también una tierra de oportunidades para algunos españoles allí instalados, como Agustín de Betancourt o José de Ribas²³⁰ y de creciente actividad para comerciantes emprendedores, como los Colombí, luego cónsules allí²³¹. ¿Una cierta rusofilia española? ¿Por qué no?

La admiración de muchos de los autores citados era sincera, aunque reconocieran defectos, atraso y “falta de civilización”. Solo en ese inmenso país se podía salir indemne de conjuras y maquinaciones, como le ocurrió a la última emperatriz, y granjearse, al tiempo, la admiración de los ilustrados más notorios. Todo era inmenso, lleno de contrastes y, como en ninguna otra parte, la voluble fortuna repartía suerte y desgracia. Sobre estas percepciones en España, como en el resto de Europa, se forjaron también unos rasgos distintivos “del carácter nacional ruso”, en un tiempo, el paso entre el siglo XVIII y el siglo XIX, en que las formas de representar al otro también cambiaban. Tal y como, las miradas curiosas y críticas de tres españoles notables, Almodóvar, Castillo y Estala, trataron de reflejar.

²²⁸ *Ibíd.* P. 88–89.

²²⁹ *Ibíd.* P. 381.

²³⁰ *Rumeu de Armas A.* El ilustrado Agustín de Betancourt // Anuarios de historia atlántica, N° 31, 1985. P. 315–342; Véase sobre de Ribas: *Bagnó V.* Rusia y España: la frontera común. Granada: Publicaciones de la Universidad, 2017. Véase también los capítulos “Españoles al servicio de Rusia: José de Ribas” y “Españoles al servicio de Rusia: Agustín de Betancourt”.

²³¹ *López-Cordón Cortezo M.V.* Intereses económicos e intereses políticos durante la guerra de la Independencia: las relaciones hispano-rusas // Cuadernos de historia moderna y contemporánea, N° 7, 1996. P. 85–106. Véase el capítulo “Lazos comerciales: entre el Báltico y el Mediterráneo”.

LA IMAGEN DE ESPAÑA EN RUSIA EN EL SIGLO XVIII

Gracias a las reformas culturales emprendidas por Pedro I, España pasó a ser una potencia europea más que quedaría incluida en los mapas mentales rusos. Algunos de los datos sueltos sobre aquel país lejano, no siempre fiables e imparciales, provenían de diferentes fuentes: informes de diplomáticos, relatos de viajeros, literatura científica. Toda esta información se generalizaba y existía en forma de ideas estereotipadas que a fin de cuentas acabaron formando la base de la imagen rusa sobre España.

A pesar de que la élite política se sentía claramente interesada, las relaciones diplomáticas entre ambos Estados no eran estables. Mientras que las relaciones de Rusia con Alemania, Inglaterra, Holanda y Francia se seguían reforzando y desarrollando, España quedaba en un segundo plano en lo que a los planes estratégicos de las actividades exteriores de los gobernantes rusos se refiere. La debilidad de los contactos políticos directos y de los lazos comerciales se reflejó en el contenido y la calidad de las ideas que tenían los rusos sobre ese país que se situaba en el otro “extremo de Europa”. La imagen de España en Rusia se formó a través de obras que fueron traducidas de idiomas extranjeros y, como consecuencia, los rusos miraban a los españoles a través de “gafas” ajenas y asimilaban las opiniones sobre España que difundidas en la literatura extranjera. Así las cosas, eran los autores alemanes, franceses e ingleses, a cuyas obras el público lector ruso accedía tanto en traducciones como original, quienes servían de guías del mundo español a los lectores rusos.

Se podían sacar los datos sobre España de los trabajos científicos traducidos que fueron de contenido universal e incluían la geografía, digresiones históricas, discursos sobre la estructura política, la situación política de las potencias europeas y las costumbres de sus pueblos. Las obras de Johann Hübner (1719), Samuel von Puffendorf (1718, 1767) y Anton Friedrich Büsching (el capítulo “España” fue publicado en ruso en 1775) se consideraban las más competentes²³².

Las obras históricas de William Robertson sobre Carlos V (1775–1778), de Jacques Auguste de Thou sobre los reyes franceses y españoles (1789) y de J.G. Reichel sobre los soberanos europeos (1789) estaban disponibles en ruso. La temática española se mezclaba con la americana y estaba representada en las obras de William Robertson, Giambattista della Porta, Jacques Bossuet y, por fin, de Guillaume-Thomas Raynal. En la década de 1770, aparecieron las primeras traducciones de obras históricas de autores españoles: la *Historia de España* de Juan

²³² *Gibner I. Zemnovodnogo kruga kratkoye opisaniye iz staryya i novyya geografii* (Breve descripción del globo terráqueo según la vieja y nueva geografía). Moscú, 1719. P. 29–30. *Puffendorf S. Samuil. Vvedeniye v istoriy uznatneysh ikhyevropeyskikh gosudarstv s zamechaniyami i politicheskimi rassuzhdeniyami* (Introducción a la historia de los principales Estados europeos con observaciones y razonamientos políticos). San Petersburgo: Imp. Akademiya nauk, 1767; *Ispaniya. Iz Bishingovoy geografii* (España. De la geografía de Büsching). San Petersburgo: Imp. Akademiya nauk, 1775.

Mapa de España del “Atlas ruso compuesto para el bien de la juventud”, 1737

de Mariana y los trabajos sobre la historia de la Nueva España de Antonio Solís y Francisco Clavijero²³³.

574 La visión del público ruso de los temas españoles no se limitaba solamente a los datos que obtenían de la literatura traducida. Los nobles cultos, sobre todo los próximos a la Corte, leían las obras también en idiomas extranjeros, y a mediados del siglo XVIII más en francés. La nobleza rusa, los diplomáticos, los políticos, y más tarde también los universitarios conocían muy bien las interpretaciones de los españoles presentes en la literatura francesa de los siglos XVII y XVIII: desde las obras de Corneille y de Madame d’Aulnoy hasta los trabajos de Montesquieu y Voltaire. En general, la imagen de España en Rusia (incluyendo los dominios en

²³³ Véase sobre ellos: *Alekséev M.P.* Ocherki... P. 42–43. *Kaliúgina Ye.O.* Chernaya legenda ob Ispanii v kul'ture yekaterininskoy epokhi (La leyenda negra sobre España en la cultura de la época de Catalina) // *Iz veka Yekateriny Velikoy: puteshestviya i puteshestvenniki*. San Petersburgo, 2007. P. 208–222; *Shur L.A.* Ispanskaya i Portugal'skaya Amerika v russkoy pechati XVIII — pervoy chetverti XIX v. (La América Española y la América Portuguesa en la prensa rusa del siglo XVIII — primer cuarto del siglo XIX) // *Latinskaya Amerika v proshlom i nastoyashchem*. Moscú, 1960. P. 341–350.

el Nuevo Mundo), la historia y la cultura diferían de la percepción de los europeos cultos solo en cantidad, pero nunca en contenido.

La información sobre la situación contemporánea de España se publicaba en los periódicos, por ejemplo, en *Sankt-Peterbúrgskiyé Védomosti Moskóvskiyé Védomosti*, así como en sus suplementos, tales como *Sochineniya i perevody, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchiye* (Obras y traducciones que sirven para la utilidad y el ocio), que más tarde recibió el nombre de *Yezhemesyachnyye sochineniya* (Obras mensuales), y *Prazdnoye vremya* (Tiempo de ocio). Los periódicos publicaban las noticias de actualidad política (informes sobre convenios internacionales, noticias cortesanas), notas políticas breves. Los lectores tuvieron noticia del Tratado de límites de 1750 entre España y Portugal, de los matrimonios de los infantes españoles, de que “el rey de España hasta hoy día sigue efectuando los preparativos de toda clase para corregir la condición interna que existe en el Reino”²³⁴. Además, se publicaban “noticias curiosas” sobre España, por ejemplo, sobre “un tal *Carlos Galup*, oriundo de Cataluña, [...] que arrastró una gran distancia un bote repleto de gente” o sobre “la hija del marqués de *Montialegra* que obtuvo el título de licenciada y doctora en filosofía y artes liberales en la Universidad de Alcalá de Henares”²³⁵. La cantidad de noticias sobre España no era grande en comparación con las dedicadas a Inglaterra o Francia. En la mayoría de los casos los periódicos rusos repetían noticias provenientes de la prensa inglesa, francesa u holandesa y proporcionaban la correspondiente interpretación de los acontecimientos. Por ejemplo, la lucha de las autoridades coloniales de España contra el contrabando inglés que se desarrollaba en el Nuevo Mundo se representaba como una especie de piratería totalmente “a la inglesa”²³⁶. Los almanaques tampoco evitaban el tema español, también “servían para la utilidad y el ocio”: España estaba presente en las obras traducidas sobre el Nuevo Mundo²³⁷, en los tratados de comercio y en diferentes “discursos moralizadores”²³⁸.

La literatura científica disponible para los lectores rusos durante todo el siglo XVIII describía la política y la economía de España que correspondían a los finales del siglo XVII y los principios del siglo XVIII, mientras que las referencias históricas alcanzaban la década de los 1730, hasta la intervención italiana de los primeros Borbones. Los temas históricos clave eran el reinado de los Reyes Católicos en el que se resaltaba obligatoriamente el establecimiento de la Inquisición y el descubrimiento

²³⁴ Sankt-Peterbúrgskiyé Védomosti (Gaceta de San Petersburgo), No. 1, 2.1.1751. P.4.

²³⁵ Moskóvskiyé Védomosti (Gaceta de Moscú). 2.11.1767, 2.8.1785 // *Rossiyai Zapad: gorizonty vzaimoponimaniya. Literaturnyye istochniki posledney treti XVIII veka* (Rusia y Occidente: horizontes de entendimiento mutuo. Fuentes literarias del último tercio del siglo XVIII). Vyp. 3. Moscú: IMLI RAN, 2008. P. 738, 762.

²³⁶ Sankt-Peterbúrgskiyé Védomosti (Gaceta de San Petersburgo). No. 16, 23.2.1753. P. 120.

²³⁷ *Shur L.A.* Ispanskaya i Portugalskaya Amerika... P. 342–348.

²³⁸ O pribytkakh i ubytkakh kommertsii v Anglii i Frantsii (Sobre las ganancias y pérdidas comerciales en Inglaterra y Francia) // *Yezhemesyachnyye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchiye*. San Petersburgo: Imp. Akademiya nauk, 1755. P. 99–126; *Oksensherna*. Nravouchitel'nyye rassuzhdeniya grafa Oksensherna (Discursos moralizadores del conde Oxenstierna) // *Sochineniya i perevody, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchiye*. San Petersburgo: Imperatorskaya akademiya nauk, 1760. P. 383, 557.

del Nuevo Mundo, así como la época de los Habsburgo de España, cuyos “héroes” principales eran Carlos V y Felipe II. El énfasis didáctico, que se ponía en el tema español, era necesario para los “estudios” del siglo XVIII y se centraba en la reflexión sobre el destino trágico del Imperio “donde nunca se ponía el sol”, sobre el camino que recorrió desde su grandeza hasta su debacle como resultado de la nefasta ambición de los reyes y el fanatismo religioso. Y como prueba se describían de manera muy viva la crisis económica y los problemas demográficos de España: la ruina de la agricultura y el comercio (como consecuencia de la expulsión de los moriscos), el uso irracional de “las riquezas americanas” y “la despoblación”.

Así, la idea rusa sobre España se formó en torno a “la leyenda negra”: un conjunto de visiones negativas sobre España y los españoles que nacidas en las publicaciones publicísticas europeas de los siglos XVI–XVII y que se considera tienen origen en Italia y los Países Bajos, dos regiones de Europa donde el sentimiento anti-español alcanzó su apogeo en la segunda mitad del siglo XVI. Estos trabajos tenían un carácter polémico marcado, recogían todo el abanico de reacciones emocionales que sentían los contemporáneos de acontecimientos como las guerras italianas o las guerras religiosas, la rebelión en los Países Bajos, la grandiosa conquista del Nuevo Mundo: acontecimientos cuya protagonista era la España de la época de Carlos V y de los tres Felipes. El objetivo de los publicistas era desacreditar al Estado que pretendía poseer un poder de un alcance geográfico muy amplio. En el siglo XVIII, bajo la influencia y divulgación de las ideas de la Ilustración en la literatura europea (sobre todo en la francesa), cambió el sistema de valores sobre el que se basaba “la leyenda negra” “original” de los siglos XVI–XVII. Las obras de Charles Montesquieu (*Cartas persas*, *El espíritu de las leyes*), de François Voltaire (*Ensayos sobre las costumbres y el espíritu de las naciones*) y la Enciclopedia de Diderot y D’Alembert, al tratar la cuestión de España, describían un país pobre, donde gobernaban curas fanáticos y donde la Inquisición suprimía cualquier manifestación de heterodoxia. A causa de la tiranía del clero, la agricultura, y sobre todo el comercio, se encontraban en la ruina, y ni las ciencias ni las artes se desarrollaban. En la década de 1780, en la literatura europea de la Ilustración, España se veía como una manifestación real y contemporánea de ideas contrarias a la Ilustración.

576

Según los defensores de “la leyenda negra”, todos los vicios políticos, económicos y culturales de España se reflejaban en “el carácter” de los españoles. En sus obras, los españoles se veían fastuosos, soberbios, crueles, se transformaron en conquistadores fanáticos incapaces de crear nada. Las destructivas consecuencias que sufrió la economía de España tras “la revolución de los precios” se atribuyeron a la pereza propia de los españoles. El mito de la Ilustración sobre el carácter nacional español generalizaba y simplificaba un complejo conjunto de noticias sobre España, lo que facilitó la divulgación de este mito tanto en Europa, como en Rusia²³⁹.

²³⁹ Yúrbik Ye.E. “Chernaya legenda” v ispanskoy prosvetitel’skoy literature (“La leyenda negra” en la literatura española de la Ilustración) // Elektronnyy nauchno-obrazovatel’nyy zhurnal “Istoriya”. 2011. T. 2. Vyp. 8. <http://history.jes.su/s207987840000246-9-1> (fecha de consulta: 29.08.2017); La sombra de la leyenda negra. M.J. Villaverde Rico, F. Castilla Urbano (Dirs.). Madrid: Tecnos, 2016. P. 59–70.

El tema español aparece en la publicística rusa del siglo XVIII en el contexto que determinó la tradición europea de “la leyenda negra”. Así, el publicista Alexándér Bestúzhev describía la uniformidad de la naturaleza humana mediante un ejemplo español: “Dos españoles no se parecen entre sí, pero en cuanto a la nación entera se nota la soberbia, el carácter sombrío, la superstición y la indolencia al trabajar”²⁴⁰. Según el filósofo e ilustrador Nikolái Novikov, la pereza proviene de la ignorancia y, como consecuencia, de todos los vicios públicos, como se ve en los españoles: “Se debe ilustrar el intelecto con ciencias y artes, pero la pereza no lo permite. Así es como me convertí en un esclavo permanente de una desidia digna de desprecio y me puedo igualar en eso con los perezosísimos españoles”²⁴¹. “España que se durmió en sus yacimientos de oro” aparece en los discursos sobre el uso irracional de las riquezas y el beneficio del comercio²⁴². Y claro está, se menciona a la Inquisición al reflexionar sobre los medios de “educación social”. “Cuando la sociedad es viciosa, el tratamiento que se aplica a la corrupción del pueblo proviene de una fuente que es mucho más corrupta. En esos casos la censura, cuyo objetivo es velar por las costumbres se convierte en una terrible inquisición”, así lo describió Bestúzhev, y en nota a pie de página precisó: “España”²⁴³. Para el escritor Alexándér Radíshev, el Tribunal del Santo Oficio demostraba el deseo del poder de controlar la libertad de pensamiento²⁴⁴. Gracias a *Don Quijote*, conocido por el público lector, en las descripciones del “carácter” español tendía a presentar una “imaginación perversa”, aberrante y prejuiciosa. En julio de 1760, el editor de *Yezhemesyachnyye sochineniya*, al comentar la novela en la que los habitantes del lugar creían que las ruinas de los molinos de viento cerca de Cádiz eran las Columnas de Hércules, escribió: “En un país donde los molinos de viento se consideran las Columnas de Hércules, una fuerza de la imaginación tan deteriorada los puede convertir en gigantes”²⁴⁵.

Los autores rusos a veces se desviaban de “la leyenda negra” en sus obras. Junto con el fanatismo religioso y la ociosidad viciosa, la imagen de España también incluía ideas sobre los vastos espacios geográficos y el exotismo colonial. Es muy elocuente la comparación que empleó el filósofo Iván Yértov en su tratado sobre “las leyes naturales del origen del mundo”: “Los planetas navegan por el éter [...] igual que los galeones españoles desde Acapulco, siguiendo la

²⁴⁰ Bestúzhev A.F. O vospitanii (1798) [Sobre la educación (1798)] // Obshchestvenno-politicheskayamysl' v Rossii XVIII v. T. 2. Philosophia moralis. Moscú: ROSSPEN, 2010. P. 505.

²⁴¹ Novikov N.I. Truten'. Mesyats may. 1769 g. (Zángano. El mes de mayo. Año 1769) // Novikov N.I. Izbrannyye sochineniya. Moscú-Leningrado: Gos. izd-vokhud. lit., 1959. P. 3.

²⁴² Fonvizin D.I. Torguyushcheye dvoryanstvo, protivupolozhennoye dvoryanstvu voyennomu (La nobleza comerciante se opone a la nobleza militar) // Fonvizin D.I. Sobraniye sochineniy v 2 tt. Moscú-Leningrado: Gos. izd-vokhud. lit., 1959. P. 166.

²⁴³ Bestúzhev A.F. O vospitanii... P. 507.

²⁴⁴ Radíshhev A.N. Puteshestviye iz Peterburga v Moskvu (Viaje de SanPetersburgo a Moscú). San Petersburgo: Naúka, 1992. P. 30–31.

²⁴⁵ Istoriya o geografii (Historia sobre la geografía) // Yezhemesyachnyye sochineniya, k pol'ze i uveseleniy usluhashchiye... 1760. P. 469.

corriente del Océano Pacífico, se dirigen a Manila en busca de las mercancías de las Indias Orientales”²⁴⁶.

En función de la situación cultural en Rusia, los temas españoles podían interpretarse de manera sorprendente. A mediados de la década de 1780, la actitud crítica hacia la francofilia propia de los círculos cultos de Rusia, adquirió carácter político gracias a la intervención del Gobierno: la afición a la literatura francesa, incluyendo las traducciones al ruso, provocó las sospechas de falta de devoción y deslealtad política. En 1785, Novikov fue objeto de persecución; las publicaciones de su imprenta fueron secuestradas y pasaron a estar bajo revisión de Platón, el arzobispo de Moscú. Al cabo de un año, en 1786, en la tipografía de Christian Ridiger y Cristóbal Klaudiy, socios de Novikov, fue imprimido un trabajo denominado *¿Qué se debe a España?*: era la traducción del francés de la obra del abate piemontés Carlo Denina hecha por Mijaíl Vysheslávtsev, oficial de la Guardia Imperial del Regimiento de Caballería²⁴⁷. Denina criticaba el artículo *España* de Nicolás Masson publicado en la Enciclopedia Metódica (1782) que contenía todos los temas de “la leyenda negra” en versión de la Ilustración. Estaba demostrando que España hacía mucho que había participado en la formación de la civilización europea ilustrada y ocupaba en aquel momento un lugar de honor en dicha civilización gracias a las reformas emprendidas por sus reyes y ministros. Así, las opiniones tradicionales sobre la incapacidad de los españoles para alcanzar el progreso quedaron en entredicho, y los lectores rusos (gracias a la traducción hecha por Vysheslávtsev) se enteraron de que “España no ha comenzado a ser lo que debe ser hasta que ha visto sobre el trono reyes nacidos en su seno y hasta que tubiese a la cabeza de los negocios ministros, cuyos intereses son inseparables de los de la Nación y el Estado”²⁴⁸. La historia y la cultura de España aparecieron ante los lectores rusos con su interpretación positiva y, además, el tema español sirvió motivo para reflexionar sobre la Ilustración y el progreso. El artículo de Masson y la obra de Denina pasaron a ser un hecho imparable en la vida social y cultural de la España de los años 80, dando lugar a una polémica sobre el destino histórico del país y sobre el futuro de las reformas emprendidas por la monarquía española ilustrada²⁴⁹. Al escoger para la traducción la obra *¿Qué se debe a España?*, los editores de Moscú y el propio Vysheslávtsev respondieron a la realidad rusa, pero, probablemente, sin darse cuenta ellos mismos, reaccionaron también a la realidad española.

²⁴⁶ *Yértov I.D.* Nachertaniye yestestvennykh zakonov proiskhozhdeniya vselennoy (1798) (Ensayos sobre las leyes naturales del origen del mundo (1798)) // *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' v Rossii XVIII v. T. 1.* Philosophia rationalis. Moscú: ROSSPEN, 2010. P. 636.

²⁴⁷ *Chem my odolzheny Gishpanii? Rech', chitannaya v Berlinskoy akademii v publichnom sobranii 26 yanvarya 1786 goda v den' korolevskogo tezoimenitstva.* Sochinena abbatom Deninom. Perevedena s frantsuzskogo Mikhaylo Vysheslavtsovym (*¿Qué se debe a España?* Discurso pronunciado en la Academia de Berlín en una reunión pública, el día del natalicio del rey 26 de enero de 1786. Escrito por el abate Denina. Trad. del francés por Mijaíl Vysheslávtsev). Moscú: Ridiger i Klaudiy, 1786.

²⁴⁸ *Ibíd.* P. 36.

²⁴⁹ *Yúrbik Ye.E.* “Chernaya legenda”...

En el siglo XVIII, en la mente de la mayor parte del público culto ruso, la imagen de España procedía “de los libros” y por eso se mantenía estática, ya que había poca información nueva sobre el país y, además, se divulgaba de manera muy lenta. Obtener impresiones en vivo era privilegio de muy pocos rusos; solo los viajeros y diplomáticos podían aprovechar la posibilidad de contactar directamente con la realidad española. En sus notas y comunicados, las imágenes “literarias” de España coexistían y competían con las observaciones obtenidas *in situ*. La actitud frente a los estereotipos dependía también de la condición de las relaciones hispano-rusas y de la postura individual del testigo²⁵⁰.

El conde Alexander Vorontsov

En 1759, con el ascenso al trono español de Carlos III, se consideró de nuevo la posibilidad de restaurar de las relaciones diplomáticas. Al cabo de un año, Alexander Vorontsov, a la edad de 18 años, hizo un viaje por la Península Ibérica. Este joven aristócrata estaba cumpliendo la misión que le había encargado su tío, el canciller Mijaíl Vorontsov, quien necesitaba disponer de datos imparciales que obtenidos de manera hábil e imperceptible sobre la situación política, militar y económica de España, “sobre todo lo que sirviera para el conocimiento útil y la curiosidad”²⁵¹. Además, el padre del viajero, Román Vorontsov, había completado aquella misión con un deseo impregnado de sincera curiosidad: “Comunícame si es verdad que, como se dice, el orgullo de los españoles llega tan lejos que los campesinos aran la tierra vistiendo capas rojas y espadas”²⁵².

A pesar del “desconocimiento del idioma y la breve estancia”, el agente diplomático cumplió su misión debidamente y supo abstraerse de “las descripciones publicadas” que “no eran benevolentes”, y de las “declaraciones de diversos viajeros” sobre España. “La memoria” de Vorontsov, sometida a la consideración imperial, contenía información muy detallada sobre la administración del Estado, el comercio, el ejército, y también incluía las características del rey, de los cortesanos y de ministros de influencia. Sus opiniones sobre el carácter español no coincidían con las visiones

²⁵⁰ *Volosyuk O.V.* Obrazy i mify v russko-ispanskikh diplomaticheskikh otnosheniyakh kontsa XVII — pervoy chetverti XIX veka (Imágenes y mitos en las relaciones diplomáticas hispano-rusas desde finales del siglo XVII hasta el primer cuarto del siglo XIX) // Ispaniya-Rossiya: istoricheskiye sud'by... Moscú: MO, 2017. P. 121–122.

²⁵¹ Arkhiv knyazya Vorontsova (El Archivo del conde Vorontsov). T. 31. Moscú: Universitetskaya tipografiya, 1885. P. 100.

²⁵² *Ibíd.* P. 41.

difundidas en Rusia. El joven Vorontsov fue discreto, pero benevolente, sobre “la valentía y la firmeza” de la nación española que, a pesar de que “tiene mucho amor propio”, “es más propensa a la benevolencia que las otras”²⁵³.

Los mitos sobre España se mantenían también en la mente de los diplomáticos. Otto Magnus Stackelberg, ministro plenipotenciario de Rusia en Madrid, que conoció a Diderot, Helvétius y Mirabeau, percibía España como lo hacía la literatura francesa y la veía con los ojos de sus ídolos. Sus informes contienen observaciones exactas, y la evaluación de la vida política coexiste con las descripciones peyorativas del país, lo que revela que el diplomático se dejó llevar por sus ideas preconcebidas: “España no es más que un gigante ahuecado, que no contando con gente experta, está endeudada y es impotente”. De acuerdo con “la leyenda negra”, afirma que “en este país no hay ni la agricultura, ni y la industria. En líneas generales, ni el comercio nacional, ni el mercado interior estén desarrollados. Los ríos no se utilizan para regar tierras, faltan canales y los caminos principales que existen no merecen tal nombre. Madrid está situado en un desierto”. A causa de la Inquisición, España continúa vegetando en la ignorancia y “en cuanto a la medicina y la filosofía, [...] están en el siglo XVI” porque el Tribunal del Santo Oficio “es un obstáculo insuperable para el desarrollo de las ciencias”²⁵⁴. Stackelberg trataba de mantenerse objetivo y comunicaba los indicios de cambio: sobre las reformas administrativas y fiscales e incluso sobre la disminución de la influencia de la Inquisición²⁵⁵. Sin embargo, el tono general de sus informes revelaba el carácter del autor: una persona ambiciosa, pragmática y cínica.

Stepán Zinóviev, que reemplazó a Stackelberg en el cargo de ministro ruso en Madrid, era la antítesis de su predecesor. El diplomático sirvió en España veinte años “con muchos elogios” y pudo formarse un juicio independiente y benévolo sobre el país que, según él, contradecía “algunas descripciones extrañas y falsas”. En sus despachos la imagen de España proviene no solamente del conocimiento de la vida en la capital y en la Corte sino también de las impresiones recibidas durante los viajes por el país. Zinóviev describe un Estado que “se ha esforzado mucho para erradicar los abusos y prevaricaciones y combatir la ignorancia”, para llevar a cabo activamente las reformas económicas, administrativas y culturales. Habla con mucho entusiasmo sobre la reforma del comercio colonial gracias a la cual “es justo esperar un crecimiento del comercio en breve espacio de tiempo”. Las relaciones entre la Corona y la Iglesia, “un tema español” tradicional, están representadas en los informes de Zinóviev como una cuestión política. Por un lado, el Estado español consiguió suprimir la Orden jesuita, consolidó el control de la Iglesia, pero por otro, España seguía bajo influencia de la Inquisición. El eco de “la leyenda negra” aparece en los documentos de Zinóviev solo cuando compara el pasado de España

²⁵³ Vorontsov A.R. Zapiska ob Ispanii (La Memoria sobre España) // Rossiya i Zapad: gorizonty vzaimoponimaniya (1725–1762). Vyp. 2. Moscú: IMLI RAN, 2003. P. 457, 462.

²⁵⁴ Volosyuk O.V. Vneshnyaya politika Ispanii v XVIII v.: stanoveniye ispano-russkikh otnosheniy (La política exterior de España en el siglo XVIII: establecimiento de las relaciones hispano-rusas). Moscú: RUDN, 2011. P. 272, 304, 303.

²⁵⁵ Ibíd. P. 427.

con su presente: los desperfectos contemporáneos los suele interpretar a través de la tradición histórica, como “consecuencia de muchos e ininterrumpidos años del Gobierno corrupto”²⁵⁶.

La imagen de España creada por los diplomáticos, al presentar diferentes contradicciones, era más detallada y menos estática que las ideas representadas en la literatura y publicística rusas. Las noticias que se desviaban de los estereotipos se divulgaban en los círculos cortesanos de élite y en el Colegio de Asuntos Exteriores²⁵⁷. Pero hasta en ese círculo la falta de clichés habituales se tomaba con desconfianza y a veces con ironía. Incluso Vorontsov le señaló a su hijo: “Hace tiempo que no oía un elogio así referente a ellos [españoles] como el que tú les atribuyes”²⁵⁸. Según testimonio de un contemporáneo, Zinóviev “estaba tan repleto de entusiastas impresiones del país que acababa de abandonar que [en la Corte] se veía sometido a burlas y bromas”²⁵⁹.

Durante todo el siglo XVIII, las ideas estereotipadas sobre España tomadas de la literatura extranjera dominaban en la conciencia rusa. A pesar de eso, los traductores y publicistas, al trabajar sobre el tema español, trataban de ampliar la visión de sus contemporáneos con respecto a la especificidad del país y su cultura. En plena correspondencia con “el espíritu del siglo”, ilustraban a los lectores utilizando los temas españoles con la finalidad de reflexionar sobre la naturaleza humana, la relación entre la moralidad y la política, sobre la verdadera virtud, la libertad de pensamiento, sobre “las riquezas de la nación”, “la naturaleza humana” y, por fin, sobre lo nefasto de “la educación viciosa” y el daño social que provocan los prejuicios. Los conocimientos generales sobre España disponibles para el público lector ruso en el siglo XVIII eran, en general, fragmentarios. La situación cambiaría en la época de las Guerras Napoleónicas, en unos tiempos de interacción directa y activa entre las dos naciones.

LA LITERATURA ESPAÑOLA EN RUSIA EN EL SIGLO XVIII

El establecimiento de relaciones diplomáticas en el siglo XVIII contribuyó a que Rusia recibiese ciertos datos sobre las bellas letras españolas dando impulso a las primeras traducciones. Entre las fuentes impresas que en la primera mitad del siglo XVIII mencionaban España, figuraban cosmografías y libros de texto traducidos²⁶⁰; los llamados *guishpantsi* (equivalente anticuado de la voz *españoles* en ruso) protagonizaban también numerosas novelas manuscritas de autores rusos, por ejemplo, *Historia del noble español Doltorno*, *Historia de Alfonso de Aragón y Eulalia*, *Historia del príncipe Zylón de Italia y Cecilia, hija de un barón español*, entre otras, así como piezas de teatro *Comedia burlesca*, *Acto en personas sobre el Rey de España*. Estas obras convencionalmente “españolas” estaban privadas de colorido nacional, los

²⁵⁶ Volosyuk O.V. Vneshnyaya politika Ispanii... P. 426, 436, 428–429.

²⁵⁷ Volosyuk O.V. Obrazy i mify... P. 124.

²⁵⁸ Arkhiv knyazya Vorontsova... P. 42.

²⁵⁹ Volosyuk O. V. Obrazy i mify... P. 124.

²⁶⁰ Véase el capítulo “La imagen de España en Rusia en el siglo XVIII”.

personajes podrían haber procedido de cualquier otro país. La primera mención de *Don Quijote* en la literatura rusa se registró en el comentario de un libro traducido y titulado *Rassuzhdenia o okazatelstvaj k miru* (Reflexiones sobre la autentificación de la paz) (1720). De entre los literatos rusos de aquella época, Antiochus Kantemir dominaba el español: en su biblioteca parisina había bastantes libros de autores españoles y obras dedicadas a España, algunas escritas en español.

Ya desde el siglo XVII, en Rusia se conoció el tratado político de Diego Saavedra Fajardo *Idea de un príncipe político-cristiano*. Sus ediciones en alemán y latín, profusamente ilustradas con grabados, se hallaban en muchas bibliotecas particulares y a finales del siglo XVII se hizo una versión rusa a partir del alemán. Aproximadamente en 1710, por indicación del zar Pedro I este libro fue traducido por Feofán (Teófanos) Prokopóvich, pues debía de servir de material didáctico para la educación del príncipe Alexéi; la traducción no fue impresa. El prólogo analiza las virtudes artísticas del libro de Fajardo, es el primer estudio crítico en la literatura rusa dedicado a un autor español. Fajardo, según Teófanos, “es ágil y prolijo en la doctrina política”, aunque “la forma verbal y el modo de escritura que asume el autor de este libro [...] es difícil, singular, oscuro, sutil, confuso y denso”. Feofán considera extraño que Fajardo “no use adverbios habituales”, a menudo recurre a alegorías ambiguas²⁶¹. Feofán trató de “desalojar la oscura densidad al verter este libro a la lengua eslava”²⁶². En 1774, se publicó en San Petersburgo otra obra de Saavedra Fajardo *La república literaria*, traducida del alemán por M. Matinski y titulada *Respublikauchonyj, ili Alegoricheskoe i kriticheskoe opisanie judozhestv i nauk, sochinionnoye don Diegom Savedrom Fayardom, kavalerom ordena sv. Yakova* (República de los letrados o Descripción alegórica y crítica de las artes y las ciencias, obra compuesta por D. Diego de Saavedra Fajardo, Caballero de la Orden de Santiago).

582

Entre 1702 y 1706, funcionó en Moscú un teatro público, compañía de Johann Kunst — Otto Fürst, dos obras de cuyo repertorio tienen origen español. *Tiurmovoi zakliuchnik, ili Prinz Pikelguiaring* (El prisionero o El príncipe de Pickleherring) se remite indirectamente a la comedia de Pedro de Calderón de la Barca *El alcaide de sí mismo*; mientras que la pieza *Don Pedro, pochitannoi shliajta, i Amarillis, doch ego* (Don Pedro, noble honrado, y su hija Amarilis) [se ha conservado solo un acto], a la comedia de Tirso de Molina *El burlador de Sevilla y convidado de piedra*. Las dos obras fueron traducidas al ruso a partir del alemán, mientras que la versión alemana estaba basada en piezas francesas e italianas rehechas, por lo que el público ruso no pudo conocer ni los nombres de los autores ni tampoco el aire singular de los originales. *Prinz Pikelguiaring* figuró también en el repertorio del teatro de la princesa Natalia Alexéevna entre 1707 y 1711²⁶³.

²⁶¹ Véase: Alekséev M.P. Russkaya cultura... P. 32–33.

²⁶² Nikoláiev S.I. O stilisticheskoi pozitsii russkij perevodchikov petrovskoi epoji (k postanovke voprosa) (La posición estilística de los traductores rusos en la época del zar Pedro I: planteamiento del tema) // XVIII vek (Siglo XVIII). Vip. 15. Leningrado: Naúka, 1986. P. 119.

²⁶³ Weiner J. Mantillas en Moscovia. El teatro del Siglo de Oro español en la Rusia de los zares (1672–1917). Barcelona: PPU, 1988. P. 20.

En 1731, la compañía teatral del italiano Tommaso Ristori presentó en Moscú varias comedias, incluida *Le festin de Pierre* y *La dame démon et la servante diable*, conservándose sólo los títulos sin que se indicasen sus autores pero, evidentemente, la primera obra remite al *Burlador de Sevilla* de Tirso y la segunda, a *La dama duende* de Calderón. En 1735, el repertorio de otra compañía italiana que actuó en San Petersburgo dirigida por Carlo Antonio Bertinazzi ofrecía dos piezas que se basaban indirectamente en las comedias de Lope de Vega: *Chestnoie ubozhestvo Renoda drevnego kavallera Galskogo vo vremia Karla Velikogo* (“La pobreza honorable de Renod, antiguo caballero de Gaula en tiempos de Carlomagno”, obra original: *Las pobeças de Reynaldos*) y *Naivysshaya slava gosudariu chtob pobezhdat’ samogo sebja* (La gloria excelsa del soberano es imponerse a sí mismo, obra original: *La mayor virtud de un Rey*)²⁶⁴.

En 1734, fue traducido al ruso y al poco tiempo impreso el libro de aforismos y preceptos de Baltasar Gracián *Oráculo manual y Arte de la prudencia*, titulado *Baltasara Grasiána Pridvornoi chelovek* (“El Hombre de la Corte de Baltasar Gracián”, traducido por S. Volchkov y publicado en 1741 y 1760). El título, difícil de percibir y traducir, se cambió ya en la traducción intermedia al francés hecha por Abraham-Nicolas Amelot de La Houssaie (*Homme de cour*). Otra obra de Gracián, el tratado titulado *El Héroe*, fue publicada en ruso a finales del siglo bajo el título *Iroi Valtazara Graciána, s kriticheskimi, istoricheskimi i nravouchitelnyimi primechaniami g. Kubervilia* (“El Héroe, de Baltasar Gracián, con comentarios críticos, históricos y moralizadores del Sr. Courbeville”, publicado en 1792 y traducido por Yákov Trúsov).

Un fenómeno interesante de la cultura rusa fue la afición de los representantes instruidos del Tercer Estado, especialmente los creyentes del viejo rito cristiano ortodoxo, por las ideas del filósofo místico y teólogo mallorquín Ramón Llull (1232–1316), que comenzó a finales del siglo XVII y continuó en el siglo XVIII. Los *libros lullianos* eran muy apreciados por los dogmáticos rusos, básicamente debido a sus formas de exposición y podían servir tanto de guía para la Retórica, como de texto original de Filosofía que ofrecía un método universal y asequible para estudiar todas las ciencias. No se imprimió ni un solo de estos libros en el siglo XVIII²⁶⁵.

Desde la segunda mitad del siglo XVIII, asumen el papel de intermediario, entre la literatura española y la literatura rusa, las letras francesas. Se pone de moda la novela heroica y galante de género *hispano-moro*, nacen en ruso las definiciones de géneros como la novela española, la historia española, la noticia española. Citaremos algunos ejemplos: *Zaida, guishpanskaia povest* (Zaida, historia española) por la Condesa de La Fayette (1765, se indica como autor J. De Segrais; traducido del alemán en 1785), *Lubov bez uspeja, ili Inesa Korduanskaya* (Amor sin éxito o Inés de Córdoba) por la Sra. Catherine Bernard (1764), novelas de la Sra. De Gómez (1764, 1765–1768, 1791), novela de Jean Pierre de Florián *Gonzalv Korduansky* (Gonzalo de Córdoba) (1783, traducida por N. Osipov; 1793, traducida por G. Shipovski). Ambas ediciones de esa

²⁶⁴ Ferrazzi M. *Commedie e comici dell’arte italiani alla Corte russa (1731–1738)*. Roma: Bulzoni, 2000. P. 118–119, 143–145.

²⁶⁵ Véase el capítulo “El Lulismo ruso como fenómeno cultural”.

«Don Quijote», traducción de Ignatii Theils, 1769.
Portada.

584

Las obras de Cervantes gozaron de gran popularidad. Antes de que se publicara en ruso, *Don Quijote* era conocido por el lector ruso gracias a sus versiones en francés y alemán. Lo menciona Vasili Trediakovski en *Razgovor mezhdú chuzhestannyim chelovekom i rossiyskim ob orfografii starinnoi i novoi i o vsiom chto prinadlezhit k sei materii* (Coloquio entre un forastero y un ruso sobre la ortografía antigua y nueva y sobre cuanto atañe a dicha materia, 1747); Alexánder Sumarókov en su *Pismo o chtenii romanov* (Carta sobre la lectura de novelas, 1759) cataloga la novela de Cervantes entre las escasas obras dignas de este género. Mijaíl Lomonósov conoció *Don Quijote* por la edición alemana que adquirió en 1761.

El *Quijote* se publicó por primera vez en ruso en 1769 bajo el título *Istoria o slavnom La-Manjskom ryzare Don Kishote* (Historia del glorioso caballero Don Quijote de La Mancha, t. 1–2); es una traducción de la versión francesa en seis volúmenes de François Filleau de Saint Martin (primera edición: 1678), vertida al ruso por Ignátii Teills. El texto ruso se interrumpe en el capítulo XXVII. En 1791, salió a la luz la segunda traducción rusa: *Neslyjanny chudodei, ili neobychnaia i*

última obra incluyen una *Historia breve* de Florián sobre los moros españoles, también su propia versión de la leyenda granadina sobre Celestina (1788, 1789). Figura en esta serie también *Gorestnaya ljubov marquiza de Toledo. Perevedena s guispanskogo na rossiyski yazik por Fiódor Emin* (El penoso amor del marqués de Toledo. Traducido del español al ruso por Fiódor Emin) (1764), obra compuesta por el propio Emin²⁶⁶.

Junto al gran número de novelas seudoespañolas se publicaron en ruso también obras de autores españoles: la novela de Jerónimo de Contreras *Don Luzmán*, novelas de María de Zayas Sotomayor, de Mateo Alemán, Alonso de Castillo Solórzano, Juan Pérez de Montalbán que salieron tanto en ediciones independientes como en forma de novelas intercaladas, sin que se indicasen las fuentes originarias españolas y que, evidentemente, se percibían como seudoespañolas²⁶⁷.

²⁶⁶ Véase: Alekséev M.P. Russkaya cultura... P. 57–58, 89–90.

²⁶⁷ Rak V.D. Ispanskije i psevdospanskije povesti v russkij perevodaj XVIII veka (Novelas españolas y seudoespañolas en traducciones rusas del siglo XVIII) // Materialy nauchno-metodicheskoi konferentsii kafedry inostrannyjazykov (Materiales de una conferencia científico-metodológica de la Cátedra de lenguas extranjeras). Leningrado: [s.e.], 1968. P. 76–81.

udivitelneishiya podvigui i prikliuchenia jrabrogo i znemenitogo stranstvuyuscheho ryzaria Don Kishota (Un excéntrico sin igual, o las admirables y asombrosas hazañas y aventuras del valiente y famoso caballero andante Don Quijote). La traducción fue hecha por N. Osipov a partir de una traducción francesa elaborada y resumida en 1746 y reeditada en 1812 bajo el título de *Don Kishot La Manjisky*.

Hacia finales del siglo XVIII, *Don Quijote* entró firmemente en el uso literario ruso: a menudo los personajes de Cervantes se mencionan en revistas; en 1782, una traducción de la novela de Christoph Martin Wieland se tituló *Novy Don Kishot, ili Chudnye pojozhdenia Dona Silvio de Rosalba* (El Nuevo Don Quijote o las Maravillosas aventuras de Don Silvio de Rosalba); Karamzín se comparó con Don Quijote en múltiples ocasiones y en variados contextos; en ruso aparecieron neologismos como *donquishotstvovat* (hacer el quijote) y *donkishotstvo* (quijotismo, quijotería)²⁶⁸. Sancho Panza es famoso por su costumbre de expresarse con proverbios y como gobernante justo y sabio de origen humilde; este personaje influyó en la obra literaria de Vasili Levshin.

Además de *Don Quijote*, en Rusia, se editaron en el siglo XVIII también otras obras de Cervantes. La primera publicación cronológica se debe a una de la *Novelas ejemplares*, *Las dos doncellas: Dvel iubovnitsi. Guispanskaya povest Mij. Tservantesa Saavedry, avktora [sic] Don Kishota* (Dos queridas. Novela española de Mig. Cervantes Saavedra, auctor de *Don Quijote*) [1763, 1769]. El que el *Quijote* se mencione en la página de la portada de este libro evidencia la fama de la novela que aún no había sido traducida al ruso. También se publicaron en ruso, en ediciones específicas o en revistas, *La fuerza de la sangre* (1764, 1794), *El celoso extremeño* (1781), *La Gitanilla* (1795), fragmentos de *Don Quijote* (1779, una traducción de la novela agregada por Filleau de Saint Martin, 1781), dos novelas intercaladas en *Los trabajos de Persiles y Sigismunda* (1781), la novela *La Galatea*, tanto en fragmentos como completa, según una traducción reelaborada por Florián (1790, 1795, 1796, 1799, 1800). Varias veces, tanto por separado en el *Sankt-Peterburgsky Merkurs* (1793. Parte II), como en forma de prólogo a *La Galatea* se publicaron *Zhizñ Servanta* (La Vida de Cervantes) y *O sochineniyaj Servanta* (Las obras de Cervantes) por Florián²⁶⁹. Cabe destacar también las traducciones en verso de fragmentos poéticos en *Prekrasnaya tzyganka* (La gitanilla) (traductor no identificado), el *Don Quijote*, en versión de N. Osipov, en la *La Galatea*, en versiones de A. Janenko (1796, 1799) y A. Kandorski (1800); en otros casos los versos o bien fueron omitidos o bien referidos en prosa.

Las obras teatrales de Cervantes no se traducían al ruso en el siglo XVIII, pero las adaptaciones e imitaciones de *Don Quijote* sí se llevaron a los escenarios rusos. En 1765, se presentó en San Petersburgo la obra de Felipe Destouches *Bezstydno-liubopytni* (El ambicioso y el indiscreto) (publicada en Moscú en 1788), adaptación de una novela intercalada en el *Quijote*; en 1785 y 1787, se escenificó en Moscú la ópera

²⁶⁸ Véase el capítulo “El Lulismo ruso como fenómeno cultural”.

²⁶⁹ *Umikián A.D. Rannie russkie perevody Servantesa (1763–1831)* (Traducciones tempranas de Cervantes al ruso // *Servantes: Stat'i i materialy* (Cervantes: Artículos y materiales). Leningrado: LGU, 1948. P. 214–239.

cómica *Sanjo Pansa gubernatorom v ostrove Baratarii* (Sancho Panza como gobernador en la isla Barataria) (texto de A. Poinset, traducido por V. Levshin). Algunos rasgos del Quijote son propios también del protagonista de la ópera cómica *Gorebogatir' Kosometovich* (El desventurado Paladín Kosometovich), con un libreto escrito por la emperatriz Catalina II y con música de Vicente Martín y Soler (San Petersburgo, 1789), que se representó en varias ocasiones en la escena de la Corte imperial.

La novela picaresca española gozó de popularidad. El primer modelo del género, *La vida de Lazarillo de Tormes y de sus fortunas y adversidades*, se editó cuatro veces, a partir del francés por V. Voroblevski (1777, 1792, 1794). Existe también otra traducción anterior y manuscrita (1766). Se tradujeron al ruso adaptaciones y los originales de las novelas picarescas españoles se tradujeron al ruso a partir de las adaptaciones y las versiones de elaboradas por Alain-René Lesage: *Le diable boiteux* (1763, 1774–1775, 1791), *Les aventures de Guzman d'Alfarache* (1787), *Gil Blas de Santillane* (1754; 9 reediciones en 1761–1822), *Le bachelier de Salamanque* (1763, 1784), *Estebanille Gonzalès* (1765–1766). En 1796, salieron de la imprenta *Strannyye prikliuchenia Dmitriya Magushkina, Rossiyskogo dvorianina, opisannyye im samim na ispanskom yazyke, s koego perevedeny na nemetski, a s sego na rossiyski* (Las extrañas aventuras de Dimitrio Magushkin, noble ruso, descritas por él mismo en español, del cual fueron traducidas al alemán y de este al ruso), obra alemana que imitaba la novela picaresca española²⁷⁰.

A Rusia llegaba poca información sobre la poesía y el teatro español. Vasili Trediakovski en su *Epístola ot rossiyskoi poezii k Apollinu* [Epístola de la poesía rusa a Apolín] (1735) y Sumarókov en su *Epístola II* (1747) mencionan a Lope de Vega (en forma de *Lop*) entre los afamados poetas europeos. En sus Notas a la *Epístola*, Sumarókov explica: “*Lop* es un célebre cómico español. Murió en agosto el día 24 en 1635 al cumplir 72 años de edad. Fue caballero de la orden de Malta. Compuso trescientas comedias”.

Estos mismos datos sobre Lope de Vega aparecen en el capítulo de la Poesía Española del artículo de S. Domáshnev *Sobre la poesía* en la revista *Poleznoie veselienie* (Recreación útil, mayo-junio de 1762). De otros poetas españoles el artículo solo menciona a “Don Alonso de Ercilla, autor del poema épico *La Araucana*” (se refiere a Alonso de Ercilla y Zúñiga). En general, la poesía española se caracteriza de la siguiente manera: “En España nunca floreció la poesía, ni fue venerada. La suntuosidad vana y la sola resonancia verbal ocupan allí el lugar de lo genuinamente agradable. Fue introducida por los árabes después de que Musk, adalid del Califa de Siria hubiera conquistado aquel reino. [...] Los españoles se ejercitaron más en la poesía teatral, pero jamás tuvieron éxito: sus mejores tragedias parecen más bien novelas”. Notas sobre “el estilo magnífico y metafórico de los españoles”, sobre sus “discursos enfáticos” figuran en las traducciones de capítulos tomados de *Essai sur la poésie épique* de Voltaire (1762), realizadas en 1763 y 1781.

Karamzín hizo en las letras rusas la primera traducción de un romance popular español bajo el título *Graf Guarinos, drevniaya guishpanskaya istoricheskaya pesnia* (El conde Guarinos, antiguo cantar histórico español, 1789, publicado en 1792), a partir de la traducción en verso alemana realizada por Friedrich Justin Bertuch. La literatura europea de finales del siglo XVIII aún no había entrado en el período de

²⁷⁰ Véase: *Alekséev M.P. Russkaya cultura...* P. 61–62.

entusiasmo por los romances españoles, y *El Conde Guarinos* es una de las traducciones tempranas del género. Otra traducción de Karamzín realizada a partir del alemán fue *Mysli Antonia Pereza, guishpanskogo pisatelja* (Las reflexiones de Antonio Pérez, escritor español) se publicó en el *Panteón inostrannoi slovesnosti* (Panteón de las letras extranjeras) en 1798. También es autor de una “novela española” titulada *Sierra Morena* (Aglaya, 1795), inspirada en el “relato del siciliano” procedente de la novela de Schiller *El visionario*²⁷¹.

En la revista *Utrennie chasy* (Horas matutinas, octubre, diciembre de 1788) se publicaron cuatro fábulas de Tomás de Iriarte (original, 1782) traducidas por P. Ózerov desde el francés²⁷². En 1792, la revista *Chtenie dlja vkusa, razuma i chuvstvovaniy* (Lecturas para el gusto, la razón y el sentimiento) incluyó un artículo de François Arnaud sobre el teatro español tomado de *Variétés littéraires* (1770) que contenía ciertos datos, básicamente de carácter anecdótico, sobre las particularidades de la dramaturgia española: “En los autores dramáticos del pueblo español nos sorprende en especial la extraordinaria fecundidad de algunos”. Así, *López Vega* escribió 1.800 comedias, y no le costó componerlas porque en la mayoría de los casos, como se estilaba entre los españoles, le confería la forma de pieza teatral al material literario ya existente. El autor del artículo considera peculiar el hecho de que “en las Comedias Españolas las escenas más importantes se mezclen con bromas. [...] Pero aún más asombroso es que en el Teatro Español las cosas más serias se tomen constantemente a broma”, por ejemplo, se parodian textos eclesiásticos y hasta se hace burla de la Inquisición. Una parte importante del artículo se dedica a referir y ofrecer vastas citas de las piezas de Lope de Vega —*Los Benavides*— y de Agustín Moreto —*El valiente justiciero* y *Ricohombre Alcalá*—. El artículo no menciona el título de la obra y califica a Moreto como uno de “los más célebres en España”. No se mencionan otros dramaturgos en el artículo.

La emperatriz Catalina II es autora de un fragmento manuscrito de la versión libre de la comedia de Calderón *El escondido y la tapada*, que elaboró a partir del francés titulándola *El trastero*. En 1790–1791, en San Petersburgo se presentó la pieza de teatro *El duende* (que se publicó sin mencionar ni al autor ni al traductor en 1780 y 1783) y fue otra versión reelaborada de la comedia calderoniana *La dama duende*²⁷³. Sin embargo, el nombre de Calderón fue hasta cierto punto conocido en Rusia. La primera vez que se mencionó fue en una traducción de la obra de Voltaire bajo el título *O epicheskom stivotvorstve* (De la poesía épica, San Petersburgo, 1781). En 1794, Yákov Chaadáiev atribuyó a Calderón una comedia satírica propia

²⁷¹ Vatzuro V.E. Sierra Morena N.M. Karamzina i literaturnaya traditsia (La Sierra Morena de N.M. Karamzín y la tradición literaria) // XVIII vek (Siglo XVIII). Vip. 21. San Petersburgo: Naúka. P. 327–336.

²⁷² Véase: *Korkonósenko K.S.* O chetyriroj rannij perevodaj basni Tomasa de Iriarte “El Pato y la Serpiente” (Cuatro traducciones tempranas de la fábula de Tomás de Iriarte *El Pato y la Serpiente*) // Russkaya literatura (Literatura rusa). 2016. Nº 4. P. 41–45.

²⁷³ Véase: *Jristenko I.S.* “Dama-nevidimka” Kalderona i drugie “domovye” duji v Rossii XVIII veka (*La dama duende* de Calderón y otros espíritus duendes en la Rusia del siglo XVIII) // XVIII vek (El siglo XVIII). Vip. 23. San Petersburgo: Naúka, 2004. P. 273–292.

que desenmascaraba los abusos del burócrata Prokudin: *Calderón de la Barca. Don Pedro Prokodurante, ili Nakazanniy bezdelnik* (Calderón de la Barca. Don Pedro Prokoduranteo el Holgazán Castigado, Moscú). La mayor parte de la tirada fue comprada a través de intermediarios y destruida por el propio Prokudin²⁷⁴. A partir de la versión elaborada en francés por S. Linget, se tradujo al ruso y se presentó en los escenarios moscovitas la obra de Juan de Matos Fragoso *El sabio en su retiro y el villano en su rincón* bajo el título de *Selski mudretz* (El sabio rural, 1790).

En la Rusia del siglo XVIII se leían también obras de humanistas españoles de la época del Renacimiento, aunque no siempre se conocía el nombre del autor. Así, entre 1759 y 1764, bajo diversos títulos, se publicó en revistas rusas 17 extractos del tratado de Antonio de Guevara *El Relox de Príncipes o Libro áureo de Marco Aurelio*, en traducciones del latín. Casi todas ellas fueron realizadas por estudiantes moscovitas. Vadim Rak supone que en la Universidad de Moscú la traducción latina de la obra de Guevara se usó como material didáctico y las traducciones impresas brotaron de los ejercicios docentes más logrados²⁷⁵. En 1786, en San Petersburgo, y en 1789, en Moscú, a partir de esas traducciones se publicaron en ediciones independientes dos compendios, sin que se indicaran los nombres de los traductores ni del autor. La traducción íntegra del tratado de Guevara se realizó, también del latín, por A. Lvov, bajo el título *Zoloty chasy gosudarei, po obrazu zhitiya Marka Avrelia Severa [...] ot Antonia Guevara episkopa Akvitanskogo, byvshego pri Karle V propovednikom, sovetnikom i istorikom sostavleniya* (Reloj áureo de príncipes, según la imagen de la hagiografía de Marco Antonio Severo [...] compuesto por Antonio de Guevara, obispo de Aquitania, que fue predicador, consejero y cronista del Emperador Carlos V. 1773–1780; 2da. edición, 1781–1782). El tratado de otro humanista español, Juan Luis Vives tuvo tres ediciones *Introducción a la sabiduría*, también traducido del latín: *Erazma Roterdamskogo Molodym detiam nauka..., i Ioanna Ludovika Rukovodstvo k mudrosti* (Por Erasmo de Rotterdam Ciencia para jóvenes y niños [...] y Guía de la sabiduría por Juan Luis, 1788); *Putevoditel k premudrosti. Sochinenia Ludovika Vivesa* (Guía de la sabiduría. Por Luis Vives. 1768).

588 En el siglo XVIII, los rusos apenas empezaban a conocer las letras españolas o, para ser más exactos, la cultura española. El único libro español que arraigó en el uso cultural de Rusia fue *Don Quijote*. La primera oleada de interés hacia España en Rusia se remonta a principios del siglo XIX.

²⁷⁴ Petrov A.F. Zabytay akomedia XVIII veka i eyo avtor. Ya.P. Chaadáiev. Don Pedro Prokodurante (Una comedia olvidada del siglo XVIII y su autor, Ya.P. Chaadáiev. Don Pedro Prokodurante) // Literaturnye sviazi i problema vliayania (Las relaciones literarias y el problema de la influencia). Gorki: UEG, 1980. P. 91–96; Lappo-Danielevski K.Yu. Komedia “Don Pedro Prokodurante” i eyo avtor (La comedia *Don Pedro Prokodurante* y su autor) // Osnovanie natsionalnog oteatra i sud’by russkoi dramaturguii (La fundación del teatro nacional y los destinos de la dramaturgia rusa). San Petersburgo: Sankt-Peterburgski nauchniy centr RAN, 2006. P. 119–131.

²⁷⁵ Rak V.D. “Chasy pravitelei” v russkij perevodaj XVIII v. (*El Relox de príncipes* en traducciones rusas del siglo XVIII) // *Servantesovkie chtenia* (Jornadas cervantinas). Leningrado: Nauka, 1985. P. 15–19.

EL LULISMO RUSO COMO FENÓMENO CULTURAL

El nombre de Ramón Llull, Raimundo Lulio, Ramón Llull o Lullus (1232–1316), el gran poeta, filósofo y teólogo, pensador y escritor mallorquín, figura clave del Medioevo en Europa occidental, es poco o nada conocido en la Rusia actual. No obstante, a finales del siglo XVII y a principios del XVIII era realmente popular, y no solo entre los hombres de letras moscovitas, sino también entre los círculos de campesinos partidarios de la vieja creencia [Viejos creyentes (*starovery* ó *staroobrdtsy*), adversarios de la reforma religiosa introducida entre 1654–1656 por el Patriarca Nikon, que incluyó la unificación de todos los ritos a partir del patrón de la tradición litúrgica griega. *Nota del editor*]. Las obras de Llull eran objeto de estudio y reproducción, al tiempo que sus ideas servían de argumento en disputas religiosas. No cabe duda de que este fenómeno cultural único no se puede explicar como una simple curiosidad ociosa, sino que existen razones más profundas que reclaman una atención especial y un detenido análisis. Gracias a sus proyectos ecuménicos y con ayuda de sus argumentos filosóficos²⁷⁶, Ramón Llull esperaba convertir a la fe verdadera a todos los infieles, incluyendo a los ortodoxos de Rusia, a los que menciona (*russos, rosogs, rossos*) en sus obras *Doctrina pueril*²⁷⁷ y *Disputatio fidei et intellectus*²⁷⁸. Sus deseos de conversión se hicieron realidad cuatro siglos más tarde.

La obra de Llull llegó a Rusia con mucho retraso en comparación con otros países europeos. El pensamiento luliano llegó a Rusia a finales del siglo XVII de la manos de intelectuales polacos, alemanes, ucranianos y bielorrusos. Incluso en la actualidad, en las bibliotecas privadas de los campesinos creyentes de la antigua fe se pueden encontrar copias manuscritas de la *Gran y maravillosa ciencia cabalística del ilustrísimo Raimundo Lulio, glorioso maestro de filosofía, teología y otras ciencias en la academia La Sorbona de París, fundador de la academia mallorquina en el reino hispano, creador, fundador y promotor de la nueva doctrina antes de él desconocida*. Distintos archivos de Moscú, San Petersburgo, Kiev y Tver custodian al menos 55 copias manuscritas de dicha obra, dando así testimonio de la sorprendente acogida de las ideas lulianas en un país tan lejano al suyo.

En el siglo XIX, los investigadores rusos demostraron que la *Gran ciencia* no es la traducción de una obra concreta de Ramón Llull. Tampoco es la traducción de los sumamente conocidos comentarios a *Ars Magna* que circulaban por otros países europeos, como las obras de Agripa de Nettesheim, Giordano Bruno, Johann Heinrich Alsted, Pedro Ciruelo, Athanasius Kircher u otros exégetas, como los define el autor de la *Gran ciencia* apelando a su autoridad o polemizando con ellos. El texto de la *Gran ciencia* contiene en sí múltiples muestras de la originalidad de esa obra y de su procedencia rusa. Muy convincente, por ejemplo, resulta la siguiente declaración del autor: “Numerosas son las interpretaciones sobre tamaña figura [...] más lejos están de alcanzar un acuerdo al respecto los diferentes exégetas; lejos de mi intención hacer reproche alguno o llegar a un acuerdo, pero ofreceré al lector aquello que de sabio y de luliano se encuentre en estos textos”.

589

²⁷⁶ *Misser Vallés S.* Ramón Llull y las iglesias orientales disidentes // Estudios franciscanos. 1961. Vol. 62. N° 310. P. 50–51.

²⁷⁷ *Llull R.* Doctrina pueril. Barcelona: Barcino, 1972. P. 166.

²⁷⁸ *Llull R.* Disputatio fidei et intellectus. Moguntiae, 1729. T. 4. P. 6.

La *Gran ciencia* es obra original de Jan Belobotski, escritor, traductor, filósofo y reformador religioso de finales del siglo XVII y comienzos del XVIII, un polaco naturalizado ruso. Se sabe que Belobotski se formó en diferentes colegios jesuitas y protestantes: entre los años 1665 y 1679 estudió filosofía y teología en Europa Occidental y luego viajó a Valladolid. Belobotski a menudo menciona su estancia en España en su obra *Retórica*, por ejemplo: “No hubiese creído en ello, si estando en España no hubiese visto en la Academia de Valladolid aquel libro [...] impreso en lengua italiana en Roma”²⁷⁹. Perseguido por los jesuitas como calvinista y hereje, en 1681 Belobotski decide abandonar Smolensk y trasladarse a Rusia. En Moscú abrazó la religión de la iglesia ortodoxa rusa, fue bautizado con el nombre de Andréi y entró al “servicio soberano”, lo cual no le impidió seguir participando en disputas religiosas, lo que le llevó a ser de nuevo acusado de hereje. Todo indica que logró evitar el trágico destino de Kuhlmann gracias a la intermediación de sus poderosos alumnos, futuros aliados de Pedro el Grande, a los cuales daba clases de latín. Al mismo tiempo, es de suponer que su estancia en China, que duró cinco años (1686–1691), en calidad de intérprete de la embajada rusa, no fue un acto voluntario, sino una forma de escapar de las persecuciones. Sin lugar a dudas, Andréi Belobotski, acusado por los católicos de calvinista y por los ortodoxos rusos de católico, erudito que dominaba, el latín, el italiano, el español y el francés, un viajero infatigable o, mejor dicho, un vagabundo que estuvo no solo en muchos países europeos, sino también en Siberia y China, con amplios conocimientos de teología y filosofía, autor de varios tratados, poemas y traducciones, estaba especialmente preparado para la misión de dar a conocer la obra de Ramón Llull. Al parecer, precisamente gracias a este polaco rusificado, panteísta, cosmopolita y estudioso, defensor de la tolerancia religiosa y acusado en múltiples ocasiones de hereje, en la cultura rusa previa a las reformas de Pedro el Grande, surgió el fascinante fenómeno del “lulismo ruso”.

590

Además, Belobotski es autor de una traducción bastante exacta del *Arsbrevis* de Llull y de dos obras originales impregnadas de las ideas lulianas: *Retórica* y *Libro de filosofía*. Acorde a la hipótesis de Gorfunkel, Belobotski compuso su *Gran ciencia* durante los años 1698 y 1699. En 1725, Andréi Denisov (1664–1730), fundador y primer superior de la comuna Vygovski de los viejos creyentes rusos, redactó una versión abreviada, *Breve ciencia*. La popularidad de la sabiduría luliana entre los viejos creyentes rusos es clave para el fenómeno del lulismo ruso.

Aparte de la *Gran ciencia* de Belobotski, la versión abreviada compuesta por Andréi Denisov y la traducción de *Arsbrevis* realizada por Belobotski, los viejos creyentes asimilaron la *Retórica* de Belobotski. Se conocen al menos nueve copias manuscritas de esta obra bajo distinto título. Está demostrado que los viejos creyentes de la comuna Vygovski usaron activamente la *Retórica*, al igual que otras obras lulianas, para enseñar lógica, retórica y filosofía. Da testimonio de, por ejemplo, Feofán Prokopóvich en su introducción a una de las copias de la *Gramática* y *Retórica*: “Y si

²⁷⁹ Se cita por: Gorfunkel A. Andrei Belobotski — poet i filosof konza XVII — nachala XVIII (Andrei Belobotski, poeta y filósofo de finales del siglo XVII y principios del XVIII) // Trudy otdela drevnerusskoy literatury (Actas del Departamento de Literatura Rusa Antigua). T. 18. Leningrado: Institut russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) RAN, 1962. P. 196.

El árbol de la ciencia del "Ars magna" de Raimundo Lulio. Fragmento del manuscrito.

uno después de la sintaxis continúa con la retórica, podrá con ayuda de este y otros libros practicar esa retórica, añadiendo además la filosofía o metafísica de Ramón”. A las copias siguieron las obras originales rusas; en primer lugar, las prédicas, compuestas según los modelos lulianos, con el mismo enfoque elocuente y con el uso de las categorías lulianas. Entre estos, por ejemplo, podemos citar el *Razonamiento sobre la divina grandeza de la naturaleza humana* compuesto por Semión Denísov, el hermano de Andréi Denísov.

Sumamente interesante resulta la información sobre los copistas, lectores y poseedores rusos de los manuscritos lulianos, así como sus notas y comentarios. En el siglo XVIII, el Tercer Estado nutría las filas del lulismo ruso. Todos los poseedores de la *Gran ciencia* pertenecían a estratos democráticos: comerciantes, campesinos, artesanos; todos ellos con la misma sed de conocimiento, pero a menudo sin la preparación adecuada para asimilar la “máquina de la verdad” luliana que requería capacidad para el pensamiento abstracto, confianza y perseverancia.

El lulismo ruso pertenece a la misma época que las reformas de Pedro el Grande. A pesar de la inmensa popularidad de las obras del lulismo ruso, ninguna de ellas fue publicada. A los admiradores de las ciencias naturales, a los partidarios de la civilización pragmática, la *Gran ciencia* les parecía ridícula y poco científica. Sin embargo, a despecho de este menosprecio y como oposición a sus tendencias adoctrinadoras, el lulismo ruso seguía existiendo y su situación clandestina y su carácter manuscrito en cierta manera también respondía a las necesidades de la época. Merece especial atención la siguiente afirmación de Julio Caro Baroja: “La primera mitad del siglo XVIII, hasta cierto punto lo que hace es vulgarizar y popularizar lo que en el siglo XVII quedaba, a veces, en los ámbitos más reducidos”²⁸⁰. Esta observación nace a raíz del análisis del destino de la *Gran ciencia* compuesta a finales del siglo XVII por un “pensador solitario” entre los campesinos, partidarios de la vieja creencia, en el norte de Rusia en el siglo XVIII.

592 Por otro lado, se ha de tener en cuenta el fin propagador de la doctrina de Ramón Lull, filósofo-misionero, nacido en vísperas de la caída de la Rus de Kiev (1240) que trató de crear un método idóneo para convertir a todos los herejes y paganos. Ese carácter lo que resultaba tan cercano a los viejos creyentes en su oposición ideológica a los partidarios de las reformas del patriarca Nikon. El maximalismo luliano, su pasión e intransigencia, la combinación de sus ideas místicas y mesiánicas, todo ese conjunto de rasgos atraía a los viejos creyentes. El *Ars* del pensador mallorquín, la fusión única de lógica y naturaleza convencían, al mismo tiempo, a los comerciantes y campesinos rusos del siglo XVIII, fervientes creyentes, y a la gente pragmática.

²⁸⁰ Caro Baroja J. Teatro popular y magia // Revista de Occidente. Julio 1974. P. 46.

L LA MONARQUÍA ESPAÑOLA Y EL IMPERIO RUSO EN EL SIGLO XIX

RUSIA Y ESPAÑA EN LA ÉPOCA DE LAS GUERRAS NAPOLEÓNICAS

La expansión de la Francia napoleónica desestabilizó el sistema de relaciones internacionales, sumió a Europa en un período de largas guerras, y movió a las grandes potencias a revisar sus puntos de referencia en la política exterior y a superar viejos conflictos. Así pues, Rusia y España que entraron en el siglo XIX en estado de guerra, revelaron muy pronto el afán mutuo de concertar la paz. Pero fue el emperador Alejandro I quien asumió la iniciativa de las negociaciones, proponiendo “la instauración de una paz tan duradera como sea posible”¹, a modo de orientación básica sobre política internacional. Como resultado de las diestras maniobras diplomáticas de Arkady Mórkov, embajador ruso en Francia, en octubre de 1801, fueron firmados tratados de paz tanto con España, como con Francia. Las relaciones hispano-rusas quedaron restablecidas, y, de hecho, la segunda coalición antifrancesa dejó de existir. Tras la paz de Amiens entre Francia e Inglaterra en 1802, en Europa entró en un breve periodo de tranquilidad.

La solución de los recíprocos desencuentros (se trataba de la elección del nuevo gran maestro de la Soberana Orden militar y hospitalaria de San Juan de Jerusalén, de Rodas y de Malta sin participación de Rusia y de las autoridades de Malta) abría las posibilidades de la cooperación entre Rusia y España para afrontar a la amenaza francesa. Ya en 1803, en el contexto del conflicto anglo-francés con respecto a Malta,

¹ Rossiya i Yevropa. Epokha Napoleonovskikh voyn (Rusia y Europa. La época de las guerras napoleónicas). Red. V.I. Ukólova. Moscú: R. Valent, 2012. P. 61; *Volosyuk O.V.* Ivan Matveyevich Murav'ev-Apostol (Iván Matvéievich Muravyov-Apóstol) (1802–1804) // Rossiyskiye diplomaty v Spanii... P. 89.

Alejandro I

las dos potencias intentaron actuar respetando el principio de neutralidad. El Gobierno español de Manuel Godoy estaba sometido a una fortísima presión por parte de Francia y buscaba una alianza con las “potencias del Norte”. Rusia estaba interesada en dicha alianza y proponía a su vez activamente adoptar un pacto de neutralidad armada con participación de Prusia y Austria. No obstante, Napoleón logró desbaratar la alianza aparentemente ya acordada al parecer ya compuesta: a modo de ultimátum exigió que Godoy se conformase con conceder a Francia subvenciones para hacer la guerra, amenazando, en caso contrario, con un inmediato ataque. El Gobierno español se vio obligado a ceder².

Mientras que España intentaba establecer una alianza con Francia, Rusia, por el contrario, optaba por entrar en guerra contra el Imperio recién formado. En la primavera de 1805 todo parecía indicar que las posiciones de los bandos habían quedado definidas: España hacía la guerra contra Inglaterra a favor de Francia, mientras

594 que Rusia, junto con Inglaterra, Austria, el Reino de Nápoles y Suecia, se incorporó a la coalición antifrancesa. Sin embargo, tomando en consideración que las relaciones hispano-francesas “siempre habían sido forzadas”³, Alejandro I no perdía la esperanza de lograr atraer a España a la cooperación y a hacer la paz con Inglaterra. San Petersburgo intentó proponer a Londres y Madrid su mediación en la resolución del conflicto. Se trataba de devolver los buques españoles capturados en 1804. En contra de las expectativas, el Gabinete de William Pitt se negó a colaborar con el Gobierno español⁴.

² *Volosyuk O.V.* Ispaniya i Rossiya v pervoy treti XIX v. (España y Rusia en el primer tercio del s. XIX) // *Istoriya Ispanii*. T. 2. Ot voyny za ispanskoye nasledstvo do nachala XXI v. / Otv. red. O. Volosyuk, M. Lipkin, Ye. Yúrchik. Moscú: Indrik, 2014. P. 274.

³ *Rossiya i Ispaniya. Dokumenty i materialy 1667–1917. Tom II. 1800–1917* (Rusia y España. Documentos y materiales 1667–1917. Tomo II. 1800–1917). Moscú: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 1997. P. 14.

⁴ *Yúrchik Ye.E.* Grigoriy Alexándrovich Stroganov (1805–1810) // *Rossiyskiye diplomaty v Ispanii...* P. 101.

Mientras tanto, la situación militar de Rusia y España había cambiado trágicamente: en la batalla de Trafalgar los ingleses habían destruido una parte importante de la Armada española, y en la de Austerlitz el ejército ruso-austríaco había sufrido una derrota ante las tropas francesas. El Gobierno ruso no logró conseguir de Francia condiciones aceptables para la paz y empezó a trabajar para organizar de una nueva coalición antinapoleónica; y Godoy, aunque estaba dispuesto a liberarse de la agobiante alianza con el Imperio, se cuidaba de entrar en conflicto abierto con su temible vecino.

Así las cosas, en 1806 San Petersburgo intentó de nuevo incorporar a Madrid en la alianza antifrancesa. Godoy, a espaldas de Napoleón, respondió de buena gana a esa invitación y propuso crear una unión de tres potencias: Rusia, Inglaterra y España. Su proyecto contemplaba incluso el matrimonio dinástico entre el infante don Francisco y la hermana de Alejandro I, la Gran Duquesa Anna Pávlovna. Esta vez el plan se frustró por culpa de la posición de Inglaterra, que exigió que Madrid declarase la guerra a Francia, al tiempo que se negaba a devolverle Buenos Aires a España, recién conquistada por sus tropas, y los buques capturados. Godoy retiró en seguida sus propuestas: España incapaz de elegir ni al aliado, ni al enemigo siguió siendo la “aliada triste” del Imperio⁵.

En 1806–1807, Rusia también empezó a ceder ante el empuje de Francia: tras la derrota de Friedland, Alejandro I tuvo que firmar la paz de Tilsit, y el emperador ruso, adversario de Napoleón, pasó a ser su aliado. La alianza entre las dos potencias más grandes de Europa fue percibida en la Corte madrileña con suspicacia: Godoy recelaba de que, con apoyo de Rusia, Napoleón apartase del poder a los Borbones españoles (de modo similar a como había despojado ya de corona a los Borbones napolitanos), a pesar de los esfuerzos del ministro ruso Grigori Stróganov por convencerle de lo contrario. Se había perdido la posibilidad de llegar a una posición común hispano-rusa⁶.

En la segunda mitad de 1807, España entró en una época turbia y trágica: se inició una crisis dinástica, que culminaría en mayo de 1808 con la ocupación francesa y la pérdida de la

Grigori Stróganov

⁵ *Volosyuk O.V.* Ispaniya i Rossiya v pervoy treti XIX v.... P. 276.

⁶ *Dódolev M.A.* Rossiya i Ispaniya 1808–1823. Voyna i revolyutsiya v Ispanii i russko-ispanskiye otnosheniya (Rusia y España 1808–1823. Guerra y revolución en España y relaciones ruso-españolas). Moscú: Naúka, 1984. P. 23.

soberanía estatal por parte de la monarquía. En Bayona, Carlos IV y Fernando VII renunciaron al trono en favor de Napoleón, el cual, a su vez, nombró rey de España a su hermano José. Como consecuencia, se produjo un levantamiento, conocido con el nombre de la Guerra de la Independencia en diversos lugares de España que enfrentó a un sector de los españoles contra los franceses y que duró seis largos años.

Rusia, constreñida por las condiciones del Tratado de Tilsit y luego del de Erfurt, se vio obligada a reconocer a José I Bonaparte como rey español. No obstante, en la propia España esa resolución no se hizo pública. Stróganov testigo directo tanto de los acontecimientos de marzo en Madrid, cuando Carlos IV abdicó en favor del infante Fernando, como de las jornadas del levantamiento del 2 de Mayo, cuando los españoles combatían contra los franceses en las calles de la capital, y de los de la subida al trono del recién nombrado rey José, o los de la huida de éste al aproximarse las fuerzas patrióticas españolas, adoptó una actitud previsible. En la incierta situación de la guerra, prefirió ocultar las cartas credenciales que le habían sido enviadas para presentar ante el soberano francés de la familia de Bonaparte. Cuando José estaba en Madrid, el ministro ruso aún no había recibido estos documentos, y cuando el francés partió de la capital, ya no había a quién entregar las cartas recién recibidas.

La decisión de no salir de Madrid a la zaga de José resultó de suma importancia: el diplomático ruso “salvó las apariencias” sin suscitar así las sospechas de los franceses. Stróganov tampoco mostraba un respaldo abierto a la Junta Central Gubernativa que regía España en nombre del rey “cautivo” Fernando VII. No obstante, el ministro mantenía relaciones ecuanímes con el conde de Floridablanca, presidente de la misma y político experto, y con Pedro Ceballos, primer secretario de Estado del rey José. Stróganov aplicó todos los esfuerzos para que sus acciones no fuesen interpretadas en España como apoyo por parte de Rusia a una de las partes en pugna. Los patriotas no podían culparlo de colaboración con los invasores, y los franceses, de alianza con la Junta Gubernativa. Sin embargo, el diplomático se daba cuenta de que tarde o temprano tendría que elegir entre las dos alternativas. El desarrollo de la guerra lo hizo dudar de que los franceses pudiesen afianzar rápidamente en España su poder, y Stróganov prefirió inhibirse para proporcionar a su Gobierno libertad de maniobra; según él, para no “obrar en contra de los pasos que su Corte hubiese podido emprender en estas circunstancias”⁷. Aprovechando a la ocasión oportuna, en noviembre de 1808 abandonó, por su cuenta y riesgo, el país y, como quedaría claro poco tiempo después, para siempre. El Gobierno ruso se

⁷ Cit. por: Vneshnyaya politika Rossii XIX — nachala XX v.: dokumenty ministerstva inostrannykh del (La política exterior de Rusia en XIX — a principios del siglo XX: documentos del Ministerio de Asuntos Exteriores) [VPRI]. Moscú: Naúka, 1965. Ser. 1 (1805–1815). T. 4. P. 312–313. Acerca de la actividad de Stróganov en España en 1808 véase: *Saplín A.I.* Rossiyskiy posol v Ispanii (1805–1809) (Un embajador ruso en España (1805–1809) // *Voprosy istorii*, 1987, № 3. P. 178–184; *Yurchik Ye.E.* Napadeniye na rossiyskoye posol'stvo v Madride 14 oktyabrya 1808 g. i ot'yezd G.A. Stroganova iz Ispanii (El asalto a la Embajada rusa en Madrid el 14 de octubre de 1808 y la salida de G.A. Stróganov de España) // *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. 2017. T. 8. Vip. 10 (64).

apresuró a remediar la controvertida situación y envió a Madrid al nuevo ministro Nikolái Repnín-Volkonski, pero Napoleón lo retuvo en París, recelando de que el diplomático comunicase a San Petersburgo información sobre la situación militar de España. Por ello durante toda la Guerra de la Independencia no hubo ningún representante plenipotenciario ruso en España.

Las relaciones hispano-rusas, seguían desarrollándose, es más, atravesaban uno de los períodos más activos de su historia. A finales de julio de 1808, la Junta patriótica de Sevilla se dirigió a Alejandro I solicitando ayuda. El emperador ruso respondió que no estaba en condiciones de realizar acciones abiertas en contra de Napoleón, pero, que sin embargo, sí estaba interesado en llevar a cabo negociaciones y “aprovecharía vías indirectas”, actuando “con mucha discreción y precaución”⁸. Rusia, a la que agobiaban las condiciones del Tratado de Tilsit, se esforzaba oculta-mente en entablar contactos con las fuerzas antifrancesas en los Estados invadidos por Napoleón.

Las partes iban preparando cuidadosamente las bases de la eventual colaboración. En nombre de la Junta Central, las negociaciones llevaba por Antonio Colombí y Payet, cónsul español en San Petersburgo, y Rodión Kóshelev intervino como representante del emperador ruso. Los dos emisarios guardaban un secreto riguroso, pues una filtración sobre el acercamiento ruso-español podía perjudicar de forma importante la situación internacional de Rusia. Kóshelev dio a entender que Alejandro I estaba interesado en la recuperación de la soberanía de España, pero se abstuvo de ofrecer cualesquiera garantías de su participación activa en los asuntos españoles. Los patriotas, que ya habían firmado en julio de 1808 el acuerdo con Inglaterra, proponían insistentemente una alianza. Floridablanca trató de tema por primera vez en octubre de 1808, persuadiendo a Alejandro I, por conducto de Colombí, de las ventajas de tal alianza, sobre todo para el fomento de los lazos comerciales. También resucitó el proyecto de Godoy sobre el matrimonio dinástico ruso-español. El emperador ruso se abstuvo de dar una respuesta directa, y entonces los españoles comenzaron a inquietarse. Temían que Alejandro I considerase la alianza con Napoleón como una directriz estratégica de su política exterior y que el respaldo a los patriotas españoles no entrase en sus planes. No obstante, deseaban conseguir una mayor claridad y al mismo tiempo trataban de convencer a los políticos rusos de la determinación de la nación española en continuar la lucha contra los franceses. En 1810, tras la muerte de Floridablanca, el Consejo de Regencia envió a Francisco de Zea Bermúdez a San Petersburgo para continuar las negociaciones sobre la alianza⁹.

Para aquel entonces la actitud de Rusia respecto a Francia había empezado a cambiar sustancialmente. Alejandro I decidió acabar con la dependencia de Napoleón y se puso a preparar una nueva coalición antifrancesa. Colombi y Zea Bermúdez, en referencia a las negociaciones con Kóshelev, afirmaban en su informe al Consejo de Regencia que el emperador ruso “tomó la decisión de ser fiel aliado” del Gobierno español y “se hizo a la firme idea de afianzar [...] la amistad

⁸ *Volosyuk O.V.* Ispaniya i Rossiya... P. 277.

⁹ *Dódolev M.A.* Rossiya i Ispaniya 1808–1823... P. 31–32.

Francisco de Paula de Zea Bermúdez

[...] mediante lazos indisolubles”¹⁰. En junio de 1811, Zea recibió credenciales para concertar el Tratado de unión hispano-ruso. Pero Alejandro I no tenía prisa; a principios de 1812, planteó que Rusia y España, aun cuando no existían compromisos mutuos de alianza, “actúan de la forma que sea ventajosa para ambas”, pues Rusia, que se estaba preparando para una guerra contra Francia, exigían “considerables fuerzas de los franceses, que si no, podrían ser mandadas contra España”¹¹.

La invasión francesa de Rusia puso fin a las cuidadosas maniobras del emperador ruso con respecto a los patriotas españoles. Las negociaciones ruso-españolas que habían durado cuatro años fueron por fin finalizados con éxito. El 8 (20) de julio de 1812 fue suscrito en Velíkiye Luki el *Tratado Ruso-Español de Alianza Defensiva y Ofensiva*. El Imperio ruso

reconoció a Fernando VII como rey de España, y a las Cortes de Cádiz como “legítimas, al igual que la Constitución instituida y aprobada por las mismas”¹². La lucha contra la Francia napoleónica fue declarada objetivo de las acciones mancomunadas. Las Cortes de Cádiz ratificaron solemnemente el tratado el 1 de septiembre de 1812. En el manifiesto dedicado a este acontecimiento se decía: “La alianza con España, el reconocimiento de las Cortes, de la Constitución, de Fernando VII, que debe reinar a tenor de esa constitución, son fiables garantías de nuestra independencia”¹³. Rusia, fue la primera de las potencias europeas en reconocer la Constitución de 1812, que pasaría a conformar el cual de-
 598 vendría programa de las transformaciones liberales en el siglo XIX. El Tratado de Velíkiye Luki de 1812 fue la base para reiniciar las relaciones ruso-españolas tras la derrota de Francia en 1814. Una vez terminadas las guerras napoleónicas, empezó la formación de un nuevo sistema de relaciones internacionales, proceso en el que Rusia y España jugaban papeles diferentes. Las relaciones hispano-rusas pasaron a tener otro nivel.

La colaboración en política exterior de Rusia y España en la época de las guerras napoleónicas favoreció asimismo el fomento de la atracción cultural recíproca, la

¹⁰ Rossiya i Ispaniya: dokumenty... Vol. II. P. 63.

¹¹ *Dódolev M.A.* Rossiya i Ispaniya 1808–1823... P. 37.

¹² Rossiya i Ispaniya: dokumenty... Vol. II. P. 66.

¹³ *Ibíd.* P. 74.

Los soldados españoles en el ejército ruso de 1812

Aunque en España estalló una guerra sin cuartel contra la invasión napoleónica, una parte del país se consideraba formalmente aliada de Francia. Por eso, la *Grande Armée* de Napoleón que invadió Rusia en junio de 1812 estaba compuesta no solamente por regimientos alemanes, italianos, suizos, etc., sino también por unidades españolas. El Regimiento de Infantería de línea español recibió el nombre de José Napoleón y estaba formado, en su mayoría, por antiguos prisioneros de guerra. Como el mando francés no tenía mucha confianza en ellos, el Regimiento fue dividido en dos partes, que se mantenían separadas en bataillones distintos. El comandante del Regimiento era francés, mientras que los batallones los encabezaban los españoles. Napoleón le escribiría al mariscal Davout en una carta: “Le envió dos buenos batallones españoles, sin embargo tenga la precaución de no situarlos en puestos avanzados ni en ninguna plaza fuerte de primer orden”.

Pero ya desde los primeros meses de la guerra, los soldados españoles empezaron a desertar porque lo consideraban un deber patriótico frente a la Patria lejana que Napoleón estaba torturando. El mando ruso, por su parte, conecedor de esta actitud, repartió entre los soldados del Regimiento José Napoleón octavillas que alentaban a los soldados y a los oficiales “a que volvieran a su Patria o se asilaran de momento en Rusia”. Sin embargo, los avances del ejército ruso constituían la mejor propaganda. Tras la retirada de Napoleón de Moscú, la desertión de españoles se convirtió en una huida masiva.

A finales del año 1812, se decidió formar un regimiento con los soldados españoles que se habían entregado prisioneros especial para que lucharan contra Napoleón. El Tratado de Alianza entre Rusia y España, firmado en la ciudad de Vélkie Luki en 1812, sirvió de base para tomar esa decisión.

El 2 de mayo de 1813, en la celebración del quinto aniversario del levantamiento en Madrid, los soldados del recién formado Regimiento imperial Alejandro juraron la Constitución de Cádiz en el Sitio real de Tsárskoye Seló.

En junio de 1813, el Regimiento español fue enviado en barcos ingleses desde Kronstadt a España, y pronto se integró como unidad militar regular en el Ejército Real Español. Así fue como los españoles que habían llegado a Rusia bajo las banderas napoleónicas, la abandonaron con el uniforme del ejército ruso y bajo la bandera con la Cruz de San Andrés.

“primera ola de la hispanofilia rusa”¹⁴. Hasta 1812, las noticias sobre los “asuntos españoles” llegaban a Rusia principalmente gracias a publicaciones extranjeras, o por medio de la información que se difundía de modo privado a través de la correspondencia personal de los diplomáticos extranjeros con su círculo de amistades. Así, el famoso folleto de Pedro Ceballos sobre la usurpación de la corona española por

¹⁴ *Alekséev M.P. Ocherk... P. 97.*

parte de Napoleón y el aprisionamiento de los Borbones españoles era conocido en Moscú y San Petersburgo, con gran desagrado del embajador francés¹⁵. Los acontecimientos de España, el único país del continente que oponía una exitosa resistencia a los franceses, interesaban y emocionaban a la sociedad rusa, que consideraba los tratados con Francia un vejamen para Rusia. Uno de los contemporáneos sumamente emocionado por las noticias sobre la heroica defensa de Zaragoza escribió en su diario: “Cuanto amo a España [...] Los esfuerzos, la energía, la unanimidad de los españoles en la lucha contra la tiranía que les ha impuesto pérfidamente el usurpador [...] todo eso me une aún más a ellos”¹⁶.

Tras la invasión de Rusia por parte del ejemplo español de resistencia frente a la expansión napoleónica se hizo aún más evidente. En 1812–1813, en las ediciones periódicas rusas, España se convirtió en un modelo de patriotismo martirial y de sentimientos de lealtad consonantes con el estado de ánimos de los representantes de la sociedad ilustrada rusa. En el prefacio a la publicación del folleto de Ceballos, en el *Journal du Nord*, Stróganov caracterizó la guerra española de la siguiente manera: “Esta guerra [...] es al mismo tiempo religiosa, política e individual, puesto que se trata sea de perderlo todo, sea de doblegarse ante el enemigo de Dios y del género humano, sea de proteger la religión, el país, la familia y la libertad propios”¹⁷.

Los jefes militares rusos señalaban el valor de la participación popular en la guerra contra los invasores. En junio de 1812, el jefe de ejército, Mijaíl Barklay de Tolli, escribió: “Incito al pueblo a que extermine al enemigo con todos los medios a su alcance, si éste ha penetrado en su vivienda, ¡y que vea en ello una proeza de la fe!.. ¡Espero que aquí, llegado el caso, no sea menor energía que en España!”¹⁸. Reflexionando sobre su propia experiencia de organización de destacamentos de guerrilleros en Rusia en contra de los franceses en 1812, el general Denis Davýdov se refería en sus obras de postguerra a la guerrilla española como modelo de abnegación popular, sin la cual habría sido imposible triunfar sobre el enemigo: “Los desfiladeros de los Pirineos, de Sierra Morena, las dos Castillas, los Reinos de Navarra y de Aragón albergaban en el suelo suyo a guerreros vigilantes, intrépidos e infatigables, cuya gloria es imborrable en todas las crónicas, en todos los corazones que palpitan por la humanidad”¹⁹.

¹⁵ *Dódolev M.A.* Rossiya i Ispaniya 1808–1823... P. 55.

¹⁶ *Idem.* P. 56.

¹⁷ Exposition des faits et des trames, qui ont préparé l’usurpation de la couronne d’Espagne, et des moyens dont l’Empereur des Français s’est servi pour la réaliser. Par S. E. Mr. de Cevallos, premier secrétaire d’Etat et des dépêches de S. M. Catholique Ferdinand VII. Avant-propos // *Journal du Nord*. Tome dixième. St. Pétersbourg: L’Imp. de Pluchart et Comp., 1812. P. 533–534. Trad. de M. Dódolev. Acerca de la autoría de Stróganov véase: *Dódolev M.A.* Rossiya i Ispaniya 1808–1823... P. 67.

¹⁸ *Dódolev M.A.* Rossiya i Ispaniya 1808–1823... P. 38.

¹⁹ *Davydov D.V.* Opyt teorii partizanskogo deystviya (Ensayo sobre la teoría de la acción guerrillera) // *Sochineniya Denisa Davydova*. Moscú: Tip. Bakhmeteva, 1860. Chast’ 1. P. 26 (226); *Idem.* Moroz li istrebil frantsuzskuyu armiyu v 1812? (¿Fue el frío el que aniquiló al ejército francés en 1812?) // *Sochineniya Denisa Davydova*... P. 3 (333).

Una vez firmado el Tratado de Velíkiye Luki, el público ilustrado ruso obtuvo también la posibilidad de conocer el texto de la Constitución de Cádiz. En 1813, las revistas *Vestnik Evropy* y *Syn Otechestva* publicaron el texto de la misma traducido al idioma ruso. La nueva ley fundamental de la monarquía española, creada durante la ocupación francesa, suscitó una reacción contradictoria entre los lectores rusos²⁰. El espíritu innovador de los principios políticos proclamados por los legisladores de Cádiz sorprendía y azoraba al mismo tiempo, pues, conservando el principio monárquico de la estructura del Estado y el catolicismo como religión estatal, sus autores declaraban la soberanía popular y el principio de división de poderes. El propio hecho de que el proyecto de reforma política hubiera nacido en el período de la Guerra de Independencia interesaba, sin duda, a los lectores rusos y los empujaba a reflexionar no solo sobre el papel de los pueblos y gobiernos en la lucha contra Napoleón, sino también sobre una eventual renovación de las tradiciones políticas rusas.

Las ediciones patrióticas españolas y los publicistas liberales españoles mostraban no menos entusiasmo respecto a Rusia y sus esfuerzos en la lucha contra la expansión napoleónica. La *Campaña de Rusia* alejó de España importantes fuerzas militares de los franceses, y el Tratado de Velíkiye Luki les daba a los patriotas españoles la seguridad de contar con el apoyo de un poderoso aliado. No es casual que, en el manifiesto emitido en homenaje a la celebración del Tratado Ruso-Español de Alianza, Alejandro I fuera llamado como “defensor de la libertad y civilización no solo del Norte de Europa, sino también de su Sur”, “firme e inquebrantable en la alta causa de la salvación de España”²¹. Los periódicos reimprimieron también el relato de Stróganov sobre la guerra española²². En 1813, el triunfo del ejército ruso fue saludado por las Cortes de Cádiz mediante un solemne *Te Deum* y salvas de artillería²³. El conocido e influyente publicista liberal José María Blanco (White) analizó los fundamentos de la exitosa confrontación de Rusia con Napoleón, entre los cuales resaltó tanto “los esfuerzos y sacrificios del pueblo ruso”, como el arte militar de los capitanes de las tropas y la unidad de la nación²⁴. De esta manera, en la época de las guerras napoleónicas tanto en la opinión pública rusa, como en la española se formó el concepto de que la victoria sobre el “poderoso agresor”²⁵ había sido obtenida con los esfuerzos mancomunados de las dos potencias: “Rusia y España, tendiéndose la mano una a la otra, salvaguardaban la independencia de Europa”²⁶.

²⁰ Véase: *Dódolev M.A. Rossiya i Ispaniya 1808–1823...* P. 69–73.

²¹ *Rossiya i Ispaniya: dokumenty...* Vol. II. P. 74.

²² *Dódolev M.A. Rossiya i Ispaniya 1808–1823...* P. 44.

²³ *Ibíd.* P. 46.

²⁴ *Ibíd.* P. 45.

²⁵ *Blanco J.M. Reflexiones con motivo de las victorias de Rusia // El Español. No.32. 30.12.1812. P. 560; Dódolev M.A. Rossiya i Ispaniya 1808–1823...* P. 45.

²⁶ *Glinka S.N. Zapiski o Moskve i zagraniichnykh proissheshtviyakh ot iskhoda 1812 do noyabrya 1815 goda (Apuntes sobre Moscú y distintos acontecimientos extranjeros entre finales de 1812 y noviembre de 1815). San Petersburgo: Tip. Imp. Ros. Akad., 1837. P. 88; Dódolev M.A. Rossiya i Ispaniya 1808–1823...* P. 65.

LOS DECEMBRISTAS Y LA REVOLUCIÓN ESPAÑOLA DE 1820

En enero de 1820, España volvió a “atraer todas las miradas del universo”²⁷. Uno de los batallones del cuerpo expedicionario español destinado a luchar contra los independentistas americanos y que estaba acuartelado cerca de Cádiz se sublevó. Su comandante, el coronel Rafael del Riego, llamó a la restitución de la Constitución de Cádiz y a “la liberación de la Patria”. A principios de marzo, Fernando VII, presionado por el creciente movimiento social, restituyó la Constitución y la juró. Así comenzaron los acontecimientos revolucionarios que pasarían a la historia bajo el nombre de *Trienio Liberal*. España se sumió en los entresijos de la lucha política, las reformas y el enfrentamiento social. El rey no aceptó que se limitara su poder, se consideró rehén de los sucesos, “prisionero de los liberales”, y, en 1820, se dirigió a escondidas a las potencias europeas suplicándoles ayuda. El Congreso de Verona de la Santa Alianza decidió injerirse en “los asuntos españoles”. En abril de 1823, el ejército francés atravesó la frontera española, y para inicios de octubre, el orden constitucional fue derogado y todas las reformas fueron anuladas. Se tomaron represalias contra los políticos liberales, los militares y los periodistas. En noviembre de 1823, Riego fue ahorcado en Madrid. España entró en la Década Ominosa de su historia.

Las noticias sobre “los acontecimientos españoles” alarmaron a la sociedad ilustrada rusa. Las ediciones extranjeras y rusas publicaban las noticias de España, las difundían también los diplomáticos y los militares que se encontraban en el extranjero por asuntos oficiales, y los viajeros intercambiaban sus impresiones por correspondencia. Entre ellos se hallaban los que se incorporaron a las sociedades secretas, quienes posteriormente serían llamados los decembristas, por ejemplo Serguéi Trubetskoy, Nikolái Bestúzhev, Alexánder Belyáyev. Los españoles, que se encontraban en Rusia por veleidades del destino, resultaron objeto del interés común: todo el mundo quería recibir información de primera mano. Entre ellos cabe destacar Juan Van Halen, oficial militar, participante en la batalla de Trafalgar y en las guerras napoleónicas e involucrado en uno de los pronunciamientos liberales durante la Restauración de 1814–1820. En 1820, servía en el Cáucaso como mayor del regimiento de dragones de Nizhni Nóvgorod. Tras el pronunciamiento de Riego, Juan Van Halen se convirtió en centro de atención de los oficiales liberales del general Yermólov quienes anhelaban conocer al “constitucionalista” que mantenía correspondencia con el legendario guerrillero Francisco Espoz y Mina²⁸. Entre los conocidos de los jóvenes ilustrados se encontraba también Manuel Calderón de la Barca, funcionario de la Embajada de España, testigo de los acontecimientos revolucionarios²⁹. En general, en Rusia se conocían muy bien “los asuntos españoles”, y su interpretación dependía de la actitud social de los observadores rusos interesados.

²⁷ Otechestvennyye zapiski (Anales de la Patria), 1820, P. 2. No. 3. P. 27. *Alekséev M.P.* Ocherk... P. 118.

²⁸ *Alekséev M.P.* Ocherk... P. 125–127.

²⁹ *Románova S.N.* D.I. Zavalishin i Manuel Calderón de la Barca (po voprosu o revolyutsionnykh svyazyakh dekabristov. Po materialam III Otdeleniya) (D.I. Zavalishin y Manuel Calderón de la Barca (Las relaciones revolucionarias de los decembristas. Según los expedientes de la IIIª Dirección) // *Istoricheskiye zapiski*. T. 96. Moscú: Naúka, 1975. P. 338–346.

La victoria rusa en alianza con las potencias europeas sobre la Francia napoleónica, la participación en el proceso de “apaciguamiento” de Europa en la postguerra, la aspiración de “llevar a los pueblos a paz y el orden”, declarada por Alejandro I como objetivo de la Santa Alianza: todo eso reforzaba el sentimiento de lealtad y alimentaba el orgullo nacional. Además, la experiencia de la guerra y el ímpetu patriótico de 1812 generaron “esperanzas para un futuro mejoramiento en el modo de vida de la propia sociedad rusa”³⁰; esperanzas que inspiraban a los nobles liberales que confiaban en que el monarca pusiera en marcha la reforma constitucional y la abolición del régimen de servidumbre. “La aproximación a Europa”³¹, el resultado de la lucha contra el Imperio napoleónico aumentó su visión política y generó “un espíritu de renovación que hacía hervir las mentes”³². Sin embargo, tanto la política interior como la exterior de Alejandro I redujeron paulatinamente todas estas esperanzas a la nada, sobre todo después del Congreso de Aquisgrán de la Santa Alianza (1818). Ese desengaño sobre las buenas intenciones del monarca-vencedor fue una de las causas de la creación de las sociedades secretas ya en el año 1816. Los miembros de esas sociedades, oficiales ilustrados en su mayoría, aspiraban a limitar el poder del monarca o derrocar la monarquía, implantar la Constitución y abolir el régimen de servidumbre. Una de esas sociedades —*Soyuz Blagodenstviya* (Unión de la Prosperidad)— funcionaba ya alrededor de 1820. Era la sociedad secreta más numerosa, con sucursales en San Petersburgo, Moscú, Nizhni Nóvgorod y en los cuarteles generales del ejército en el Sur de Rusia. Sus miembros activos enfrentaban a un difícil trance: la elaboración de su programa político y el plan de actuación.

Para el Gobierno la revolución certificaba el fracaso de la política de la Santa Alianza, ya que a pesar de todos los esfuerzos encaminados al “apaciguamiento” de Europa, el régimen constitucional implantado mediante una rebelión militar³³. Al principio, Alejandro I aceptó “los acontecimientos españoles” por una única razón: el régimen constitucional se estableció con el consentimiento del rey y sin derramamiento de su sangre³⁴. La opinión del emperador ruso cambió a principios de noviembre de 1820, una vez recibida la carta suplicante de Fernando VII que imploraba su ayuda y pedía “salvaguardar el Reino de la anarquía ante del avance del sistema de este momento”³⁵. Las sucesivas revoluciones que tuvieron lugar en julio y agosto de 1820 en Nápoles y Portugal, y en marzo de 1821 en el Piamonte, así como el inicio del movimiento libertador en Grecia, hicieron que Rusia acometiera a una

³⁰ El texto de N. Basargin véase: *Órlik O.V.* Dekabristy i vneshnyaya politika Rossii (Los decembristas y la política exterior de Rusia). Moscú: Naúka, 1984. P. 22.

³¹ El texto de N. Turguénev véase: *Ibid.* P. 16.

³² *Péstel' P.I.* Iz pokazaniy (Sus declaraciones) // *Izbrannyye sotsial'no-politicheskiye i filosofskiyeye proizvedeniya dekabristov.* I.Ya. Shchipany (Ed.). Moscú: Gos. Izd. Polit. Lit., 1951. T. 2. P. 175.

³³ Francisco Zea Bermúdez a Juan Jabat. San Petersburgo. 9.05.1820; M. González Salmón a F.P. Escudero. San Petersburgo. 22.06.1821 // *Rossiya i Ispaniya: dokumenty...* Vol. II. P. 123, 146.

³⁴ Francisco Zea Bermúdez a Juan Jabat. San Petersburgo. 9.05.1820 // *Ibid.* P. 123.

³⁵ *Volosyuk O.V.* Ispaniya i Rossiya v pervoy treti XIX v. (España y Rusia en el primer tercio del siglo XIX) // *Istoriya Ispanii...* T. II. P. 284.

Los españoles al servicio de Rusia: Juan Van Halen

El 16 de mayo de 1819, el oficial español Juan Van Halen y Sartí (1788–1864) de 31 años de edad, quedó admitido al servicio de Rusia en calidad de mayor del regimiento de dragones de Nizhni Nóvgorod. Por aquel entonces ese exiliado ya tenía a sus espaldas una experiencia de combate y política tan rica que alcanzaría para llenar varias vidas. Van Halen era descendiente de una acaudalada familia de negociantes de Cádiz de origen flamenco. A los 14 años de edad, empezó a servir en la Marina, y a los 17 años tomó parte en la batalla de Trafalgar. El 2 de mayo de 1808, Van Halen combatió contra los franceses en Madrid y luego se sumó al ejército patriota. Su suerte tendría un brusco viraje: de sublevado se convirtió en partidario de José Bonaparte e ingresó en la guardia del “Rey intruso”. Ambicioso y amante de aventuras, Van Halen estaba dispuesto a servir al soberano foráneo en espera de cambios políticos y aspiraba a tomar parte en los grandes acontecimientos de su tiempo. Combatió en Alemania en las filas de la *Grande Armée* y se granjeó una magnífica opinión. En 1813, sin embargo, luego de haberse desilusionado con José I, juró fidelidad a Fernando VII y supo ganarse la confianza del Consejo de Regencia tras haber conseguido con astucia la rendición de tres guarniciones francesas en Cataluña.

La restauración del “Rey deseado” frustró las expectativas políticas de Van Halen que se adhirió a los liberales que deseaban restablecer la Constitución de 1812. Su actividad en sociedades secretas y la pertenencia a una logia masónica motivaron que fuera detenido y recluido en una cárcel de la Inquisición, de donde, al cabo de un año, lograría evadirse. Van Halen se estableció en Inglaterra, pero la inacción del emigrante político iba en contra de su naturaleza, y decidió probar fortuna al servicio del emperador ruso a quien consideraba un soberano liberal. El español, Fermín Tastet, financiero londinense, que atendía las cuentas de la embajada rusa le puso en contacto con el encargado de negocios, Dmitri Blúdob. El diplomático proporcionó a Van Halen cartas de recomendación para el ministro de exterior, Nikolái Rumiántsev, y para Agustín de Betancourt, y con ellas partió en dirección a Rusia.

Las recomendaciones y los vínculos en los círculos masónicos ayudaron efectivamente a Van Halen a obtener un puesto en el ejército del general Alexéi

política más activa que tendría una influencia directa en sus relaciones con España. En 1821, Alejandro I aceptó la decisión adoptada en el Congreso de la Santa Alianza celebrado en Laibach de sofocar las revoluciones en Nápoles y el Piamonte. En San Petersburgo corrían rumores sobre la posible participación del ejército ruso en las intervenciones extranjeras. Sin embargo, Rusia no rompió relaciones diplomáticas con España, y declaró que no tenía como objetivo la injerencia militar en sus asuntos internos. Así las cosas, Manuel González Salmón, enviado del Gobierno liberal español, no obtuvo el reconocimiento oficial de su estatus y, como consecuencia, en 1821, se vio obligado a abandonar Rusia. Estaba convencido de que solamente “la posición topográfica” de España impedía a Alejandro I emprender una actuación

Ermólov, donde fue acogido hospitalariamente tanto por el temible procónsul del Cáucaso, como por los demás oficiales, compañeros suyos. Su intervención en la guerra de la Independencia, su relación con Espoz y Mina, y su detención en las cárceles de la Inquisición predispusieron favorablemente en su favor a la liberal “gente de Ermólov”. Asimismo, Van Halen se distinguió en el combate: en junio de 1820, fue condecorado con la Cruz de San Jorge por haber participado en el asalto al aúl de Joserek. En la primavera de 1820, se enteró de la revolución de Riego y solicitó el retiro, sin embargo, Alejandro I decidió expulsarlo de Rusia.

Juan Van Halen y Sartí

Ermólov ayudó a Van Halen a escapar, pertrechándolo de pasaporte y dinero. Tenía por delante años de batallas en España y Bélgica, más de un exilio y, por fin, una jubilación con honores.

La estancia en Rusia pasaría a ser uno de los recuerdos más impresionantes de Van Halen, no en vano le dedicó uno de los tomos de sus memorias. No sólo se había sentido atraído por el exotismo de aquel país septentrional, sino que el exiliado recordaría también el interés de los oficiales y diplomáticos rusos por los “asuntos españoles”, el talento militar y la magnanimidad de Ermólov, la firmeza de espíritu del soldado ruso. De misma manera Van Halen guardó una “eterna gratitud por una nación tan poco conocida” por sus compatriotas y conservó “una crucecita de metal dorado” que le había regalado un soldado herido, después del combate en el aúl de Joserek.

decisiva³⁶. En noviembre de 1822, el emperador ruso se adhirió al protocolo común de las potencias de la Santa Alianza sobre el aplastamiento de la revolución en España. Este cambio en la política exterior tuvo lugar al mismo tiempo que el cambio de dirección en lo que a la política interior se refiere: todas esperanzas para reforma desaparecieron definitivamente, las expectativas liberales quedaron definitivamente enterradas. Después del pronunciamiento del regimiento Semiónovsky en 1820, comenzaron las persecuciones contra los miembros de las sociedades secretas. En 1821 la *Soyuz Blagodenstviya* se autodisolvió.

³⁶ Rossiya i Ispaniya: dokumenty... Vol. II. P. 149.

Decembristas ejecutados. Portada de la revista *Poliarnaia zvezda*, 1855.

Los sectores liberales de la sociedad rusa, incluyendo a los futuros decembristas, recibieron los acontecimientos españoles con mucho entusiasmo. España, donde la libertad política basada en la Constitución, después de restaurada la monarquía, parecía imposible, resultó ser casi uno de los países más revolucionarios de Europa. Es muy conocida la entusiasta opinión de Nikolái Turguénev: “España demuestra lo que quiere decir el espíritu del pueblo, qué quiere decir el amor a la Patria”³⁷. La hispanofilia rusa, aparecida en 1812 en forma de sentimiento de unidad con ese lejano pueblo en tiempos de la lucha contra la invasión extranjera, se fue convirtiendo en libre pensamiento político³⁸.

Con el tiempo, la historia de aquella alianza hispano-rusa contra Napoleón cobraría un nuevo significado. La cooperación militar entre los dos Estados pasó a ser justificado por la semejanza de los destinos históricos de las dos naciones³⁹, y, como consecuencia, “el renacimiento político”⁴⁰ que vivían los españoles se entendía también como una perspectiva posible para Rusia. En el contexto de

los acontecimientos españoles del momento, el reconocimiento por Alejandro I de la Constitución de Cádiz en 1812, daba esperanza a quienes deseaban “avanzar con la *res publica*”⁴¹ en el Imperio ruso. Según los futuros decembristas, el patriotismo y el amor a la libertad, rasgos característicos de la Nación española, se manifestaban en la limitación del “autoritarismo” del monarca y en la restitución de la libertad, lo cual podía servir de lección para “los verdaderos y fieles hijos de la Patria”. Los primeros ecos de la revolución española llegaban llenos de esperanzas para Rusia, donde se consideraba posible la implantación del orden constitucional: “en todo eso hay algo que nos afecta directamente”⁴². En 1826, ya durante el proceso de la instrucción contra los decembristas, muchos de ellos confesaron que fueron precisamente los acontecimientos españoles los que les convencieron de que era posible organizar un alzamiento militar en Rusia.

La revolución española, así como las revoluciones europeas que la sucedieron, incentivaron la actividad de las sociedades secretas. Los futuros decembristas se sintieron

³⁷ Cit. por: *Alekséev M.P. Ocherk...* P. 119.

³⁸ *Ibíd.* P. 121.

³⁹ *Ibíd.* P. 115–116.

⁴⁰ *Rossiia i Ispaniya: dokumenty...* Vol. II. P. 149.

⁴¹ El texto de N. Basargin véase: *Románova S.N. D.I. Zavalishin...* P. 338.

⁴² El texto de N. Turguénev véase: *Alekséev M.P. Ocherk...* P. 121.

partícipes del movimiento social de toda Europa, al igual que en el año 1812 muchos de ellos se habían sentido orgullosos de su participación en la confrontación de toda Europa contra Napoleón. Otro motivo de descontento con la política de Alejandro I y, como consecuencia, con la reforma del régimen político era la política exterior rusa del momento que los decembristas consideraban una “guerra declarada por la Santa Alianza a las ideas, organizaciones y personas liberales basada en el derecho de injerencia en los asuntos internos de un Estado independiente”⁴³. Los futuros decembristas se sentían indignados porque el emperador prestaba más atención a la política exterior, cuyos objetivos consideraban injustos, que a las urgentes reformas internas⁴⁴. Los miembros activos de la *Soyuz Blagodenstviya*, que estaban intentando adelantar “el momento de la chispa”⁴⁵, consideraron los acontecimientos españoles como una especie de referencia para sus propias acciones. No era casual que entre 1821 y 1823 tuviese lugar una renovación de las organizaciones secretas: se formaron la Sociedad del Norte y la Sociedad del Sur, y sus miembros se pusieron a elaborar programas políticos concretos y las estrategias para el alzamiento futuro.

La experiencia de la revolución española servía de justificación histórica de sus acciones, y en gran medida de modelo. El ejemplo de España parecía atractivo por muchas razones. En España fue la oficialidad ilustrada la que inició las reformas, y la revolución empezó con un alzamiento militar; los insurgentes, según se creía en Rusia, habían tomado el poder sin “masacre”, sin “disturbios”, sin “excesos”⁴⁶. El monarca, bajo la presión de las circunstancias, decidió restituir la Constitución. El alzamiento militar sin derramamiento de sangre, efectuado por el ejército y culminado con la aprobación voluntaria por parte del monarca de la limitación del propio poder, se tomaba como una especie de modelo de la revolución. Mijaíl Bestúzhev-Riumin afirmó: “Nuestra revolución será parecida a la española; no costará ni una sola gota de sangre porque la realizará

Los líderes del pronunciamiento del 1 de enero de 1820 en Las Cabezas de San Juan

⁴³ *Fonvizin M.A.* Zapiska dekabrista 1823 goda (Nota de un decembrista del año 1823) // Golos minuvshego, 1916. No. 10. P. 146, 148.

⁴⁴ *Dódolev M.A.* Rossiya i Ispaniya 1808–1823... P. 213–214.

⁴⁵ *Pushkin A.S.* Yevgeniy Onegin. Glava X (Eugenio Oneguín. Capítulo X) // Pushkin A.S. Sobraniye sochineniy v 10 tomakh. Moscú: Pravda, 1981. T. IV. P. 181.

⁴⁶ Texto de P. Chaadayev véase: *Dódolev M.A.* Rossiya i Ispaniya 1808–1823... P. 121.

solo el ejército, sin participación alguna del pueblo⁴⁷. El régimen liberal español se mostró resistente a las contradicciones internas: duró tres años y, posiblemente, habría durado más de no ser por la intervención francesa, o sea por la injerencia del exterior⁴⁸. Así, la rebelión militar pudo dar inicio a cambios políticos irreversibles, lo que era sumamente esperanzador para los conspiradores rusos.

La táctica de los revolucionarios españoles del año 1820, que preveía la insurrección del ejército en las provincias y las capitales y una campaña militar cuyo resultado sería el establecimiento efectivo del orden constitucional *in situ*, fue aceptada por los líderes de las Sociedades del Norte y del Sur. La insurrección del 14 de diciembre de 1825 y la campaña del regimiento Chernígovsky a principios de 1826 repetían los procedimientos de “la revolución de Riego”. Había incluso las analogías directas: los decembristas reconocían la necesidad de establecer una base militar para la insurrección, un baluarte de la Constitución, y andaban a la búsqueda de “su propia Isla de León”. Kondratiy Ryléyev propuso la ciudad de Kronstadt, y Gavriil Bátenkov los alrededores de la ciudad de Nóvgorod el Grande (a orillas del lago Ilmen o del río Vóljov)⁴⁹.

La influencia española se reflejó también en los documentos programáticos de los decembristas. La Constitución de Cádiz atrajo su atención como documento de referencia, aplicable en unas circunstancias históricas específicas. La ley fundamental de la monarquía española sirvió como uno de los modelos a seguir en su actividad legislativa. La influencia de esa Constitución fue esencial; en los proyectos elaborados por Nikita Muravyov y Pável Péstel se ven incluso las adaptaciones directas. Por ejemplo, el primer capítulo de la Constitución de Muravyov recoge literalmente el segundo capítulo del texto español, cosa que reconocería el mismo autor en una nota al margen: “Proviene de la Constitución de España - *NB*”⁵⁰: “La Nación rusa [...] no es ni puede ser patrimonio de ninguna familia, ni persona”⁵¹.

Los decembristas debatieron mucho sobre lo que denominaban el *Estatuto* de Cádiz: sobre su contenido, destino y aplicabilidad para Rusia. Mijaíl Dmítriev-Mamónov, uno de los “veteranos” de las sociedades secretas, comentó: “La Constitución de las Cortes españolas está escrita con mucha sabiduría, pero no sea justa plenamente a nuestras necesidades”⁵². Efectivamente, los decembristas se apartaron mucho del texto de Cádiz en el proyecto monárquico de Muravyov y, especialmente, en el tratado republicano de Péstel.

⁴⁷ *Gorbachevskiy I.I.* Zapiski. Pis'ma (Notas. Cartas.). Moscú: AN SSSR, 1963. P. 23.

⁴⁸ *Tarle Ye.V.* Voyennaya revolyutsiya na Zapade Yevropy i dekabristy (La revolución militar en la Europa Occidental y los decembristas) // *Tarle Ye.V.* Sochineniya. Moscú: AN SSSR, 1958. T. 5. P. 10.

⁴⁹ *Petróv D.K.* Rossiya i Nikolay I v stikhotvoreniyakh Espronsedy i Rosetti (Rusia y Nicolás I en la poesía de Espronceda y Rossetti). San Petersburgo: Tip. A.E.Vineke, 1909. P. 68.

⁵⁰ *Mináyeva N.V.* K voprosu ob ideynykh svyazyakh dekabristov i ispanskoy revolyutsii (Las relaciones ideológicas entre los decembristas y la Revolución española) // *Istoricheskiye zapiski*. T. 96. Moscú: Naúka, 1975. P. 69.

⁵¹ *Murav'gov N.M.* Proyekt Konstitutsii (Un proyecto de Constitución) // *Izbrannyye sotsial'no-politicheskiye i filosofskiy proizvedeniya dekabristov...* T. 1. P. 296.

⁵² *Dódolev M.A.* Rossiya i Ispaniya 1808–1823... P. 223.

En la Constitución española, a los decembristas les interesaban sobre todo las garantías legislativas de la soberanía popular y, como consecuencia, las relaciones entre el monarca como jefe del Estado y el parlamento. Estaban de acuerdo con los legisladores españoles en la interpretación de los principales derechos civiles y las libertades, especialmente con el derecho de propiedad, la libertad de expresión o la de prensa, pero no coincidían en la determinación del derecho de ciudadanía. Tampoco estaban de acuerdo con la versión gaditana del estado confesional: los proyectos constitucionales rusos, a diferencia de la Constitución española, declaraban la tolerancia religiosa pero mantenían de la Ortodoxia como religión oficial. En los temas de orden social y de las reformas sociales, los decembristas se mantenían apegados a la realidad rusa. La *Constitución* de Muravyov y *La Russkaya Pravda* (La Verdad Rusa) de Péstel, además de los capítulos dedicados al sistema de gobierno, contenían también amplios párrafos sobre los temas más actuales de la vida rusa, a saber: la abolición del régimen de servidumbre, las bases de la legislación agraria (la distribución de las tierras para los campesinos).

Además, los decembristas acudieron a la experiencia de los españoles cuando se enfrentaron con la necesidad de hacer propaganda. El catecismo, utilizado como documento propagandístico, divulgado en España durante la Guerra de la Independencia de 1808–1814, fue considerado sumamente valioso y en consecuencia usado por los líderes de las sociedades secretas rusas. Los modelos de los textos traducidos al ruso y sus versiones en francés eran muy conocidos por los decembristas: por ejemplo, ya en 1812 la revista *Syn Otechestva* (Hijo de la Patria) publicó *El Catecismo Civil, o breve compendio de las obligaciones del español, conocimiento práctico de su libertad, y explicación de su enemigo*, con numerosos comentarios, libro “muy útil en las actuales circunstancias”⁵³. Gracias al ejemplo español, la exposición de los principios de las reformas políticas y de los objetivos de la lucha en formato de texto religioso “adaptado para el entendimiento de todo el mundo” les pareció a los decembristas una manera eficaz de convencer. Siguiendo el modelo de los catecismos “escritos por los monjes españoles”, en 1820 Nikita Muravyov escribe *Una Conversación curiosa, o el Catecismo de un hombre libre* que en el año 1822 fue entregado a los miembros de la Sociedad del Sur⁵⁴. Durante el levantamiento del regimiento Chernígovsky, a los soldados les leían *El Catecismo ortodoxo* cuyo autor era Serguéi Muravyov-Apóstol. A diferencia de los ejemplos españoles de 1808–1814, los catecismos de los decembristas no llamaban a la lucha contra los infieles invasores extranjeros, sino al derrocamiento del poder despótico e injusto del zar que “secuestró la libertad del pueblo”⁵⁵.

Los decembristas consideraban el Trienio Liberal un evento importantísimo de su historia, un evento instructivo desde el punto de vista político y como experiencia revolucionaria. “La traición” de Fernando VII que provocó la intervención, y el

⁵³ *Syn Otechestva* (Hijo de la Patria), 1812. Parte 1. P. 58–66.

⁵⁴ *Mináyeva N.V.* K voprosu ob ideynykh svyazyakh dekabristov... P. 72–73

⁵⁵ *Murav'yev N.M.* Lyubopytnyy razgovor... (Una Conversación curiosa...) // *Izbrannyye sotsial'no-politicheskiye i filosofskiyе proizvedeniya dekabristov...* T. 1. P. 332; *Murav'yev-Apóstol S.I.* Pravoslavnyy katekhizis (El Catecismo ortodoxo) // *Ibid.* T. 2. P. 193.

trágico destino de Riego les causaron una profunda impresión. El héroe de la Isla de León se convirtió en el símbolo de la revolución española, su protagonista y su mártir principal⁵⁶. Tanto en las obras de los decembristas, en un primer momento, como en las declaraciones que realizaron durante el proceso instruido contra ellos, Fernando VII y Riego, el monarca y el líder revolucionario, pasaron a encarnar el mal y el bien, la deslealtad y el honor, la astucia y la nobleza. En 1824, Nikolái Bestúzhev y Alexánder Belyáyev, marinos militares y miembros de sociedades secretas, al pasar por el estrecho de Gibraltar, y se sintieron conmovidos por las noticias sobre la fuerte represión contra “los españoles constitucionales” en la ciudad de Tarifa⁵⁷. La peligrosa analogía entre el rey de España y el emperador ruso, monarcas ambos traidores que defraudaron las expectativas de sus pueblos, se imponía por sí misma⁵⁸.

La admiración despertada por la hazaña de los liberales españoles se vio acompañada por el análisis de su actividad. La actitud de Fernando VII durante la revolución, a juicio de muchos decembristas, desacreditó a la monarquía constitucional como proyecto político. Matvéi Muravyov-Apóstol consideraba que “la culpa recaía sobre el propio Riego, que tenía que haber establecido la república y no haber confiado en el juramento del tirano”⁵⁹. En noviembre de 1823, en la ciudad de Kámenka, los miembros de la Sociedad del Sur, en el debate sobre su programa de acción política, trataron del destino de la revolución española y llegaron a la conclusión de que “no hacía falta seguir el mal ejemplo de España y había que protegerse contra la posibilidad de fracaso” relacionada con la falicidad del rey⁶⁰. Se proponían diferentes formas para librarse del monarca: desde su asesinato hasta su exilio. Pestel recordaba que “los acontecimientos en España, [...] la desconfianza en que los Monarcas creyeran realmente en la propia Constitución que ellos mismos habían decretado, me ratificó en mis ideas republicanas”⁶¹. Pasado el año 1823, tanto en la Sociedad secreta del Norte, como en la del Sur aparecieron más republicanos convencidos⁶².

Una de las “lecciones españolas” fue entender que la revolución era un proceso de reformas muy largo y contradictorio al que la sociedad no se adaptaba de golpe. Resultó que el establecimiento del orden constitucional podía llevar a “la falta de dirección”, ya la discordia entre los “diferentes partidos”⁶³ y la aparición de “liberalistas desmesurados”⁶⁴ y radicales. Dmitri Zavalishin se enteró con asombro de que entre los seguidores del régimen constitucional había moderados, como era el caso de Manuel Calderón de la Barca, conocido suyo. Este decembrista no detectó en su interlocutor español ni entusiasmo revolucionario, ni simpatía por los héroes de

⁵⁶ *Kakhovskiy P.G.* Iz pokazaniy (Sus declaraciones) // *Ibíd.* T.I. P. 503; *Alekséev M.P.* Ocherk... P. 132.

⁵⁷ *Petrov D.K.* Rossiya i Nikolay I... P. 59; *Alekséev M.P.* Ocherk... P. 134.

⁵⁸ *Alekséev M.P.* Ocherk istorii... P. 135.

⁵⁹ *Petrov D.K.* Rossiya i Nikolay I... P. 67.

⁶⁰ *Dódolev M.A.* Rossiya i Spaniya 1808–1823... P. 223–224.

⁶¹ *Péstel' P.I.* Iz pokazaniy... P. 166–167.

⁶² *Alekséev M.P.* Ocherk istorii... P. 136.

⁶³ *Fonvizin M.A.* Zapiska dekabrista... P. 147.

⁶⁴ *Orlik O.V.* Dekabristi... P. 59.

la revolución (Riego, Quiroga, Espoz y Mina), ni admiración por la Constitución de Cádiz⁶⁵. Por lo demás, la propia Constitución podía necesitar mejoras⁶⁶, para lo que se requería tiempo. Según Mijaíl Fonvizin, había que darles a los españoles “tiempo para organizarse, para tranquilizarse para que se constituya un Gobierno estable”⁶⁷. A pesar de todo esto, según los decembristas, la causa principal del fracaso de la revolución fue la intervención extranjera, y esperaban saber evitar los errores de los españoles⁶⁸.

Los decembristas tomaron muchas cosas de la experiencia del movimiento político europeo, pero la impresión causada por la revolución española de 1820–1823 fue, sin duda, la más viva y profunda. La trágica experiencia de “la rebelión de los reformadores” hizo que se acercara España a Rusia, y gracias a los decembristas, en la historia del movimiento político ruso se puede ver una huella española.

UN TESTIGO DE LA SUBLEVACIÓN DECEMBRISTA: JUAN MIGUEL PÁEZ DE LA CADENA, EL MINISTRO DE ESPAÑA EN RUSIA

El ministro de España en Rusia, Juan Miguel Páez de la Cadena (1773–1840), conocido por los estudiosos de la literatura rusa como amigo de Alexánder Pushkin e interlocutor de Tatiana Lárina en el capítulo 8 de *Eugenio Oneguín*⁶⁹. Para los especialistas en arte rusos se trata del dueño de obras que forman parte de la colección de pintura española del Ermitage desde 1834⁷⁰.

Páez de la Cadena llegó a Rusia en 1824. Encabezó la misión diplomática española en San Petersburgo hasta 1833, cuando debido a la Primera Guerra Carlista en España se rompieron las relaciones diplomáticas entre los dos países. Si bien no fue reconocido de manera oficial, ya que Nicolás I rechazó sus cartas credenciales, se quedó en Rusia durante un año más como representante de don Carlos, pretendiente al trono español⁷¹. El período ruso se convirtió en la culminación de la antojadiza carrera de Páez⁷². Nació en una familia noble de la ciudad de Sanlúcar

⁶⁵ Románova S.N. D.I. Zavalishin i Manuel Calderón de la Barca... P. 340.

⁶⁶ Fonvizin M.A. Zapiska dekabrista... P. 148.

⁶⁷ Ibid. P. 147.

⁶⁸ Dódolev M.A. Rossiya i Ispaniya 1808–1823... P. 226.

⁶⁹ Alekséev M.P. Ocherk... P. 151–151; Fernández Sánchez J. Ispanskiy znakomiy Pushkina (Un conocido español de Pushkin) // Vremennik Pushkinskoy komissii (Revista de la Comisión de Pushkin). Vip. 24. San Petersburgo: Naúka, 1991. P. 128–129.

⁷⁰ Kagané L.L. Kabinet kartin Juana Miguelia Paesa de la Cadeni, ispanskogo poslannika v Sankt Peterburge (Colección de pintura de Juan Miguel Páez de la Cadena, el ministro de España en San Petersburgo) // Iz istorii mirovogo iskusstva y kulturi (La historia del arte y la cultura mundial). San Petersburgo: Sad iskusstv, 2003. P. 507.

⁷¹ Volosyuk O.V. Ispaniya y Rossiya v pervoi treti XIX veka... P. 287.

⁷² La reconstrucción de la biografía de Páez de la Cadena se basa en: El Expediente personal de Juan Miguel Páez de la Cadena. 14.03.1819. Archivo Histórico Nacional (AHN). Estado, Legajo 879 (1).

de Barrameda en Andalucía; su padre fue miembro del consejo municipal, su tío sirvió en el Consejo de Indias como el superintendente de la aduana de México. Páez recibió una amplia formación en el Seminario de Nobles de Vergara, pero a la edad de 15 años decidió alistarse como guardia marina de la Armada Real y aprobó exitosamente los exámenes. En 1788, tenía previsto unirse a la expedición que iba a explorar el estrecho de Magallanes, pero la muerte de su padre arruinó los ambiciosos planes del joven. A instancias de su madre, dejó de soñar con la mar y siguió con sus estudios, primero en la Universidad de Granada, en las cátedras de Matemáticas y Derecho Civil, y después, en la Universidad de Orihuela, en la que se doctoró en Derecho.

En 1796, Páez empezó a servir a la Corona como miembro de la comisión encargada de fijar la nueva frontera entre Francia y España en los Pirineos. Sin embargo, en 1798, fue nombrado auditor de guerra de las tropas enviadas a La Rochelle, de acuerdo con lo estipulado en el Tratado de San Idelfonso. Durante un ataque de la armada inglesa cerca de la isla de Aix, Páez resultó herido. Tras recuperarse, fue enviado primero a la ciudad de Brest, en la que se alojaba la escuadra española, y después a la misión española en París. En noviembre de 1799, Páez presenció el golpe de estado que elevó al poder a Napoleón Bonaparte. Fue una de las experiencias más fuertes de su vida, experiencia que más tarde recordaría a menudo, especialmente en compañía de sus amigos rusos⁷³.

Pasado un año, volvió a España y sirvió de auditor del ejército de las tropas que aplastaban las sublevaciones campesinas en Valencia. Después fue enviado junto a una división española a Etruria y más tarde, ya en 1807, como auditor de guerra del consejo de tropas, a Dinamarca con la división mandada por Pedro Caro y Sureda, marqués de la Romana. Allí se enteró de la abdicación de los Borbones, del ascenso al trono del nuevo rey de España, José I Bonaparte, del inicio de la guerra y de la victoria de Bailén. En octubre de 1808, Páez y su comandante volvieron a España en una fragata inglesa. Hasta 1810, guerreó en Galicia y Extremadura. Después el marqués de la Romana envió a Páez a la Junta Central Suprema y Gubernativa del Reino en Sevilla. En la vida de Páez empezó una nueva etapa: se convirtió en uno de los miembros del Supremo Consejo de Guerra y encabezó el Tribunal de Vigilancia y Seguridad Pública responsable de mantener el orden y perseguir a las personas que cooperaban con los franceses. Fue elegido diputado a Cortes, pero no participó en sus sesiones hasta 1812, y cuando los diputados se trasladaron a Madrid, se fue bajo un pretexto plausible a su natal Sanlúcar, donde vivió los primeros meses de la restauración de Fernando VII.

Al recuperar el trono, el rey le devolvió a Páez sus grados y títulos y le envió a París como miembro de la comisión de reclamaciones, que se dedicaba a la realización del inventario de los bienes secuestrados por los franceses durante la ocupación, paso previo para solicitar su devolución. Disuelta la comisión, volvió a España para servir en la justicia militar, reservándose el cargo de miembro de la Real y Suprema Junta Patrimonial de Apelaciones de los Juzgados de la Real Casa y del Real

⁷³ *Pushkin A.S.* O 18 brumera (Sobre el 18 de brumario) // *Pushkin A.S.* Sobranie sochineni v 10 tomaj (Obras completas en 10 vol.). Moscú: GIL, 1959–1962. Vol. 7. P. 243.

Patrimonio. Apenas sabemos nada de sus peripecias durante el Trienio Liberal. Las noticias indirectas que encontramos en sus notas y cartas y la habilidad de nuestro protagonista para sobrevivir a los cataclismos políticos permiten pensar que probablemente Páez pasó aquellos tiempos revueltos en Sanlúcar. En 1823, después de la Restauración, volvió a ser auditor de guerra y solicitó que le pasaran al servicio diplomático. Le ofrecieron el cargo de embajador en Inglaterra, pero lo rechazó alegando una competencia insuficiente para una tarea tan importante. En junio de 1824, fue nombrado al frente de la misión española en San Petersburgo⁷⁴.

En el momento de su llegada a Rusia, Páez era un auténtico *fernandino*, como se llamaba a finales del siglo XVIII a los sirvientes fieles y bienintencionados del rey, ajenos a extremos políticos y experimentados. Había sobrevivido a la Guerra de la Independencia, dos revoluciones y dos restauraciones. El servicio en el extranjero y la agitada historia española de principios de siglo le enseñaron a ser cauteloso, medurado y políticamente flexible. Todo ello le ayudó a adaptarse al servicio en Rusia ante la corte de Alejandro I, quien le dispensó una acogida bastante fría, ya que Páez representaba un país que acababa de salir de una crisis revolucionaria.

Páez supo encontrar su lugar en la alta sociedad de San Petersburgo. Según sus amigos rusos, fue un interlocutor interesante. Su experiencia, su educación y el amor por la literatura le abrieron las puertas de muchas casas prestigiosas de la capital, así como de los círculos literarios. Zinaida Volkónskaya señaló su “brillante pluma”, Pushkin tomó nota de su narración sobre el golpe del 18 de brumario, Iván Kozlón discutía con él sobre poesía española⁷⁵.

Durante su estancia en Rusia, Páez fue testigo de muchos los acontecimientos que tuvieron lugar durante los reinados de Alejandro I y de Nicolás I, pero las experiencias más dramáticas para él fueron el período de interregno y el alzamiento en la Plaza del Senado del 14 de diciembre de 1825. Tanto el alzamiento, como el proceso de la instrucción y sus consecuencias políticas y sociales fueron el tema principal de la correspondencia de Páez con Madrid hasta julio de 1826⁷⁶, es decir hasta la fecha en que el tribunal dictó sentencia y cinco decembristas fueron condenados a muerte.

Páez envió su primer informe sobre el tema al duque del Infantado, primer secretario de Estado, a mediodía del 15/27 de diciembre⁷⁷. El enviado había presenciado el alzamiento en la Plaza del Senado, ya que la misión diplomática española se encontraba en aquel entonces en una mansión en el Malecón Inglés cuyo patio daba a la calle Galernaya. Páez preparó un informe detallado sobre los sucesos, combinando propias impresiones con la información obtenida de otros testigos: describió el orden en el que los regimientos sublevados llegaban a la plaza, sus ambiguas exigencias y su agresividad, los intentos de los generales de persuadir a los soldados a disolverse, la herida mortal de Milorádovich, el bombardeo con cañones y la huida alocada de las tropas. El primer informe refleja la perplejidad del diplomático.

⁷⁴ Fernández Sánchez J. *Ispanskiy znakomiy Pushkina...* P. 129.

⁷⁵ Alekséev M.P. *Ocherk...* P. 150–151.

⁷⁶ AHN. Estado, Leg. 5919, 5920 (1).

⁷⁷ *Ibíd.* No. 150 (15/27.12.1825). Fol. 1–5.

Intentaba entender lo que ocurría, pero le parecía “desatinado e incomprensible”⁷⁸. No pudo dar ninguna información concreta sobre los motivos de la sublevación, limitándose a observar que “algo podría haber en fondo”.

Páez se inclinaba a explicar la sublevación con la información de que ya despoñía: el desconcierto de los soldados ante la necesidad de volver a juramentar de nuevo y el hecho de que “este pueblo ruso que es sumamente religioso no comprendía fácilmente [...] los motivos de tal variación fuera del orden de la primogenitura”⁷⁹. Según Páez, precisamente en condiciones así, aparecen siempre los “viles mal intencionados que se aprovecharían de esta disposición para seducir a soldado y descarriar al incauto pueblo”. El diplomático, no hay duda, quedó impresionado por el bombardeo de las tropas, —mencionaba reiteradamente las víctimas, los heridos y “los rastros de sangre sobre la nieve”⁸⁰.

Posteriormente, Páez logró recopilar más información. Se basaba en la versión oficial y en la interpretación de los sucesos que ofrecía el Ministerio de Asuntos Exteriores (la nota oficial de Karl Nesselrode de 17 de diciembre de 1825 enviada a todos los representantes del cuerpo diplomático y publicada en el periódico *Minusválido Ruso*)⁸¹. En su informe de 19/31 de diciembre, el ministro español repite los puntos clave de la nota de Nesselrode, informando de que los insurgentes habían tenido contactos con el extranjero, habían sido financiados desde fuera y habían abrigado planes de regicidio⁸². Siendo como era un diplomático experimentado, Páez utilizó también información de fuentes privadas de su círculo social en San Petersburgo. Poco a poco, la narrativa del alzamiento de Páez empezó a desarrollarse en dos sentidos. En primer lugar, buscaba más detalles sobre el alzamiento, los participantes, los objetivos propuestos por los insurgentes y el proceso de la instrucción. Informaba tanto sobre lo ocurrido en la Plaza del Senado, como sobre el alzamiento del regimiento de Chernígov. Al mismo tiempo hizo un análisis de la política internacional de Rusia del entonces y de su futuro.

614 Páez califica el alzamiento de los decembristas como unos “funestos sucesos” y a los insurgentes los tachará de criminales. Según el diplomático, los conspiradores, aquellos “infames asesinos”, buscaban empezar una guerra civil, pero la mano dura del nuevo emperador puso fin a sus intenciones, y enfatizaba que el alzamiento no gozaba de ningún apoyo popular⁸³. Decía que la sublevación había sido organizada por unos cuantos regimientos, soldados seducidos por los oficiales⁸⁴. Por un lado, era una muestra de que el alzamiento era fruto de un complot organizado por un grupo

⁷⁸ *Ibíd.* Fol. 6.

⁷⁹ *Ibíd.* Fol. 8.

⁸⁰ *Ibíd.* Fol. 8, 9.

⁸¹ *Iskul S.N.* 14 dekabريا 1825 g. y deyatelnost MID (El 14 de diciembre de 1825 y la actuación del MAE) // *Filosofski vek. Rossiya v nikolaevskoe vremia: nauka, politika, prosvetchenie* (Siglo Filosófico. Rusia en la época de Nicolás I: ciencia, política, ilustración). Vip. 6. San Petersburgo: IIET RAN, 1998. P. 251–260.

⁸² AHN. Estado, Leg. 5919. No. 155. 31.12.1825. Fol. 1.

⁸³ *Ibíd.* Fol. 4.

⁸⁴ *Ibíd.* Nº 153. 28.12.1825. En cifra. Fol. 1.

de ambiciosas personas y no podía dañar de ninguna manera la estabilidad política del imperio. Por otro lado, el carácter aislado del alzamiento dejaba perplejo al ministro español. En el verano de 1826, Páez relacionó las sublevaciones campesinas con la influencia dañina de los conspiradores, que embaucaban a los campesinos “lisonjeándoles en cierta libertad e independencia”⁸⁵.

Durante mucho tiempo el ministro plenipotenciario español no pudo acostumbrarse a la idea de que los organizadores del alzamiento y los participantes de las sociedades clandestinas fueran representantes de la nobleza. Primero decía que la mayoría de los líderes del alzamiento eran polacos (lo que se correspondía plenamente con los rumores propagados por Nesselrode), después informaba con un cierto deje de sorpresa de que los soldados habían sido inducidos al alzamiento por los nobles, representantes de familias de alto nivel. Lo que más le sorprendió fue la participación en el alzamiento de Serguéi Trubetskói, “sujeto que a todos admira pues gozaba de excelente reputación, casado con una hija del Conde Laval, concuñada del Conde Lebzertern”⁸⁶. En enero de 1826, el diplomático escribió, que la sublevación del regimiento de Chernígov había sido encabezada por Serguéi Muravyov-Apóstol, hijo del ex-ministro de Rusia en España⁸⁷. En pleno proceso de la instrucción, Páez tuvo miedo de que los instructores tacharan de sospechosos o criminales a algunos de sus amigos de la nobleza⁸⁸.

Al informar sobre la investigación del alzamiento Páez era mucho más imparcial que cuando escribía sobre los insurgentes y sus hechos. Cambió de tono cuando finalizó el proceso de la instrucción y el tribunal elevó las conclusiones definitivas para que fuese emitida sentencia. A pesar de toda su experiencia, Páez temía que fuese impuesta la pena capital a todos los participantes en el alzamiento y aplaudió el cambio de la sentencia para la mayoría de los insurgentes⁸⁹. En el *post scriptum* de su informe comentó sobre la vindicta pública de los insurgentes, intentando transmitir el ambiente. Le impresionó mucho el pesado silencio con que se castigaba a los condenados “quebrando las espadas sobre la cabeza, quitando los uniformes y arrojando todo a la hoguera”⁹⁰. Para informar sobre la ejecución de los cinco decembristas en el coronamiento de la fortaleza de San Pedro y San Pablo se limitó a escribir una línea de texto sin ningún otro tipo de comentarios⁹¹.

Páez razonaba sobre el alzamiento decembrista en un contexto más amplio de las relaciones internacionales de la década de 1820, y de la capacidad de la Santa Alianza para actuar como garante del sistema de Viena. Veía en el alzamiento algo más que el resultado de la nefasta influencia extranjera (como intentaba defender Karl Nesselrode en su nota): un fenómeno europeo universal. No negaba que los

⁸⁵ *Ibíd.* Nº 235. 8.06.1825. Reservado. Fol. 5.

⁸⁶ *Ibíd.* Nº 153. 28.12.1825. En cifra. Fol. 1. El conde Lebzertern fue un enviado diplomático de Austria en San Petersburgo. En 1797, a principios de su carrera diplomática, estuvo en Madrid.

⁸⁷ *Ibíd.* En cifra. Fol. 5.

⁸⁸ *Ibíd.* Fol. 4.

⁸⁹ *Ibíd.* Nº 235. 8.06.1825. Reservado. Fol. 5.

⁹⁰ *Ibíd.* Leg. 5920 (1). No. 236. 25.06.1826. Fol. 6.

⁹¹ *Ibíd.*

insurgentes rusos habían tenido cómplices en el extranjero, lo que, en su opinión, confirmaba una crisis revolucionaria global e indicaba que la sublevación en la Plaza del Senado no había sido una casualidad. En su opinión, Rusia, la arquitecta de la Santa Alianza, creada para prevenir nuevas perturbaciones políticas, había sido víctima de los peligrosos “novadores”. Páez escribió: “En vértigo de su corrupción y orgullo, y en su espíritu emprendedor de buscar fortuna (funestos restos de una revolución que ha corrido y devasta ambos mundos) se han propuesto en todas partes trastornar el orden, [...] al ver que habían sido sus esfuerzos impotentes en nuestra España, en Portugal, en Nápoles y el Piamonte [...] a este poderoso imperio, aquí ha debido dirigir todas sus miras, todos sus esfuerzos, seguros de que si lograban dividirlo, debilitarlo, hacer nula su influencia, entonces en todas partes era ya su triunfo”⁹².

Desde ese punto de vista, los acontecimientos del 14 de diciembre desacreditaron tanto a la Santa Alianza, como la política de Rusia. En opinión de Páez, Alejandro I, “desengañado ya de lo inútil de sus esfuerzos y sacrificios”, decidió actuar en contra de sus principios y ayudar a los griegos sublevados. En opinión del diplomático, intentó influir en el destino de “nuestras Américas, queriendo en el ejemplo de su moderación imponer a otras maquiavélicas ambiciones”⁹³. Es interesante la conclusión, a la que llega Páez: si el emperador ruso hubiera participado en la guerra contra Turquía, “su ejército [...] lo hubiera distraído de rebelión, llamando la atención de este hacia el camino de la gloria”⁹⁴. Esa idea, sin alguna duda, fue vinculada con los sucesos españoles de 1820. Si en aquel entonces el ejército español hubiera ido a las colonias, no habría tenido lugar el pronunciamiento de Riego y España no habría sufrido una revolución. De esa manera, Páez expresó su actitud hacia el pronunciamiento ruso, que vio desde el punto de vista del poder, opuesto a la hispanofilia revolucionaria de los decembristas.

ESPAÑOLES AL SERVICIO DE RUSIA: AGUSTÍN DE BETANCOURT

616

Poco después de llegar a Madrid, el ministro plenipotenciario de Rusia, Iván Muravyov-Apóstol, escribía a San Petersburgo dando a conocer un propósito que, a primera vista, puede resultar sorprendente: comunicaba que se proponía redactar una memoria sobre el estado de la ingeniería en España, especialmente de la hidráulica y las vías de comunicación (carreteras y puentes). Justificaba su iniciativa por el hecho de que tenía la posibilidad de “presentar una descripción precisa y completa”, pues había conocido de cerca “a la persona que dirige estas obras”, y disfrutaba de su plena confianza. La persona a que se refería era Agustín de Betancourt y Molina, a la sazón inspector general de caminos y canales, a quien calificaba como “el mecánico más sabio, no solo en España sino en Europa”⁹⁵.

⁹² *Ibíd.* Leg. 5919. Nº 171. 22.01.1826. En cifra. Fol. 6.

⁹³ *Ibíd.* Fol. 8.

⁹⁴ *Ibíd.*

⁹⁵ AVPRI. F. Cancillería. 1803. Leg. 7498. Fol. 9.

Agustín de Betancourt y Molina había nacido en el Puerto de la Cruz, entonces denominado Puerto de la Orotava (Tenerife, Canarias), el 1 de febrero de 1758, en el seno de una familia acomodada de la nobleza media e ilustrada. Su padre, Agustín de Betancourt y Castro, caballero de la Orden de Calatrava y teniente coronel de los reales ejércitos, descendía del conquistador de Canarias, Jean de Bethencourt, y su madre, Leonor de Molina Briones, era hija del marqués de Villafuerte, quien había recibido una esmerada educación, lo que le permitió participar muy directamente en la educación de sus hijos en sus primeros años. Era el segundo de once hermanos, tres de los cuales fallecieron prematuramente⁹⁶.

Su educación se desarrolla en un entorno familiar culto: su padre le introduce en el conocimiento de las ciencias y su madre le enseña francés, idioma que tan útil le será en el futuro. Más tarde, estudia en el convento de Sto. Domingo, de los frailes dominicos, en la Orotava, institución en la que también se habían educado otros importantes ilustrados canarios, ente ellos, José Viera y Clavijo y los hermanos Domingo y Tomás de Iriarte. En 1777, Betancourt ingresa en las milicias provinciales como cadete, ascendiendo a teniente de infantería en mayo de 1778. Pocos meses después, pensionado por el ministro de Indias, José Gálvez, embarca rumbo a Madrid, donde completa su formación científica con gran aprovechamiento en los Reales Estudios de San Isidro y en la Real Academia de San Fernando.

Terminados sus estudios, el secretario de Estado, el conde de Floridablanca, le encomienda su primer trabajo: un informe sobre las minas de mercurio de Almadén. En julio de 1783, el joven, de apenas 25 años, acomete el encargo, visita las minas y elabora tres memorias, en las que se ponen de manifiesto sus conocimientos, su estilo conciso, brillante y sugerente de escribir y su temperamento artístico a partir de unos dibujos precisos y de gran calidad. En las mismas, además de describir el estado de las minas y los trabajos que se hacían, los más penosos realizados por presidiarios, incluye interesantes propuestas de mejora. La primera memoria está dedicada al problema del achique de agua en las minas, la segunda, a las técnicas de arranque y

Agustín de Betancourt y Molina

⁹⁶ Para la infancia y juventud de Betancourt, véase: *Rodríguez Mesa M.* El entorno familiar de Agustín de Betancourt // *González Tascón I.* Betancourt. Los inicios de la ingeniería moderna. Madrid: CEHOPU, 1996. P. 27-47.

extracción del mineral y la tercera, a los procedimientos metalúrgicos que se utilizaban en Almadén y a las labores de empacado del mercurio para enviarlo a América, donde se empleaba para la amalgama de la plata⁹⁷. Poco después construyó un globo aerostático de siete pies de diámetro (1,96 m), que hizo elevar en presencia del rey y la corte a finales de ese mismo año desde la casa de campo del infante don Gabriel⁹⁸.

Pocos meses después, en marzo de 1784, Betancourt marcha a París, becado para estudiar geometría y técnicas mineras (“arquitectura subterránea”), como resultado del excelente trabajo realizado en Almadén. En agosto de 1785, Floridablanca vuelve a becarlo, pero los objetivos ahora son otros: crear una colección de las máquinas más modernas y estudiar hidráulica en *l'École de Ponts et Chaussés* de París, dirigido por Jean Rodolphe Perronet, de quien pronto sería un estrecho colaborador, junto con un selecto grupo de pensionados, capaz de trasladar a España la carrera de Ingeniería de caminos y canales. Betancourt permanecerá en la capital gala hasta 1791, cuando se le ordena volver a España ante el cariz revolucionario que toman los acontecimientos en Francia⁹⁹.

Su estancia en el país vecino permitió a Betancourt trabar amistad con lo más granado de la colonia española: el botánico Antonio José Cavanilles, el financiero ilustrado Francisco Cabarrús, el escritor Leandro Fernández de Moratín o el duque del Infantado..., y con el famoso relojero Abraham Louis Bréguet, con el que colaborará años después en el diseño de un telégrafo óptico.

En esos años, Betancourt realiza varios trabajos científicos e inventa y construye distintas máquinas. Entre ellas, la máquina de vapor de doble efecto —que solucionaba algunos problemas de la de Watt y que desarrolla a partir de haber visto brevemente una máquina de vapor, en un corto viaje a Inglaterra—, diversas máquinas hidráulicas (dragas y otros aparatos para la limpieza de puertos), que tan útiles le serían en su trabajo en Rusia, la esclusa de émbolo de buzo, etc. Construye modelos de estas y otras muchas máquinas que, junto con otros adquiridos, pasarán a formar parte de la colección del Gabinete de Máquinas, creado a partir de una propuesta realizada en 1788 por el conde de Fernán Núñez, embajador en París, a Floridablanca. Esa propuesta incluía el nombramiento de Betancourt como director del mismo. A su vuelta a España, traerá toda la colección de maquetas y planos, que se instala en el Palacio del Buen Retiro en Madrid en 1792. El Gabinete de Máquinas será absorbido por la Escuela de Ingenieros de Caminos y Canales tras su creación en 1802.

A finales de 1793 don Agustín consigue financiación para marchar a Londres, tras algo más de un año en un puesto vacío de contenido, en el que dedicó su tiempo, esfuerzos y afanes a la construcción de un telégrafo eléctrico con el que consiguió

⁹⁷ González Tascón I., Fernández Pérez J. Agustín de Betancourt y las minas de mercurio de Almadén // González Tascón I. Betancourt... P. 55–69.

⁹⁸ Utrilla Navarro L. El primer globo español // González Tascón I. Betancourt... P. 49–54.

⁹⁹ Para el estudio de la obra de Betancourt es de referencia la obra de Rumeu de Armas A. Ciencia y tecnología en la España ilustrada. La escuela de caminos y canales. Madrid: Colegio de Ingenieros de Caminos, Canales y Puertos y Turner, 1980. Asimismo es interesante, Sáenz Ridruejo F. Los ingenieros de caminos. Madrid: Colegio de Ingenieros de Caminos, Canales y Puertos, 1990.

transmitir mensajes. Allí permanece hasta octubre de 1796. De vuelta a España se centra en la construcción de una línea telegráfica entre Madrid y Cádiz, basada en un sistema óptico. En septiembre de 1797 marcha de nuevo a París donde permanece hasta 1799. El 12 de junio de ese año en España se crea la Inspección de Caminos y el cuerpo facultativo que había de servirla. Su primer director fue el conde de Guzmán, al que Betancourt sustituye en 1801 y se concentra en la creación de la Escuela de Caminos y Canales, necesaria para dar contenido técnico a la misma y para la formación a su cuerpo facultativo. Finalmente en noviembre de 1802, se abre la Escuela en el palacio del Buen Retiro. En los años siguientes, hasta su marcha a París en 1807 y posteriormente a San Petersburgo, Betancourt se consagró a afianzar la organización tanto de la Inspección de Caminos como de la Escuela, y participó en importantes obras de la época, como el Canal de Castilla, la presa de Puentes en Lorca y las realizadas para el encauzamiento de los ríos Genil y Cubillas en la vega de Granada, que González Tascón considera “una de las obras hidráulicas más notables dirigidas por Betancourt como inspector general de Caminos”¹⁰⁰, que determina el deterioro de sus relaciones con Manuel Godoy y, en consecuencia, su decisión de aceptar la oferta de San Petersburgo y dejar España.

Agua abajo del río Genil, a unas tres leguas de la ciudad de Granada, se hallaba situado el Real Sitio del Soto de Roma. De la documentación de la época del reinado de Carlos IV conservada se desprende que, al inicio de la década de los 90, se está produciendo un importante cambio en los planes de la Corona respecto al Soto, probablemente bajo el influjo de Godoy: el objetivo es proceder al desmonte del bosque para convertirlo en tierra de cultivo. El proyecto consistía en poner en cultivo el terreno cubierto entonces por arbolado, argumentando, por un lado, la insalubridad de ese espacio y, por otro, la rentabilidad que obtendría la Real Hacienda de los colonos a los que se entregasen las tierras en renta, que serían los encargados de realizar el desmonte a su costa¹⁰¹.

En septiembre de 1795, Carlos IV cede la propiedad del Soto a Godoy, decidido defensor de esta política. En consecuencia, en la vega de Granada, en general, y en el Soto, en particular, se fue produciendo un proceso de deforestación que, en un espacio con una red hidrográfica inmadura, como la de la zona, recrudecía el problema de las inundaciones que ahora asolaban los cultivos, al haber talado buena parte de la masa arbórea y arbustiva. En enero de 1803, Godoy ordena a Betancourt viajar a Granada para diseñar el plan e iniciar las obras rápidamente. Entre sus propuestas que afectaban al espacio del Soto estaba la prohibición de cultivar en el curso alto del Genil y respetar aguas abajo de Granada, una franja de arbolado de 30 varas [*vara* fue una unidad de longitud entre 0,7 y 0,8 m] de ancho paralela a las orillas,

¹⁰⁰ González Tascón I. Betancourt... P. 196.

¹⁰¹ Archivo de Palacio. Reinados. Carlos IV. Leg. 1. Sobre la política forestal seguida en el Soto en la primera mitad del siglo XVIII, véase: *Camarero Bullón C.* Administrativnaya i khoz'yaystvennaya reforma korolevskikh rezidentsiy: plan Ensenady dlya Soto de Roma: Granada, Ispaniya, 1749 g. (Modernizar y rentabilizar los Sitios Reales: el plan de Ensenada para el Real Sitio del Soto de Roma: Granada, España, 1749) // *Ispaniya i Rossiya: istoricheskoye sud'by...* P. 47–55.

así como unificar la jurisdicción sobre la zona en una única institución o persona y evitar que los campesinos o los pueblos hicieran obras puntuales en los cauces, que arreglaban mal un problema y generaban otro mayor¹⁰².

Los conflictos del mejor ingeniero del momento con Godoy empiezan muy pronto, pues algunos de los cambios en la gestión de la zona, así como la filosofía general del plan, debieron de desagradar a don Manuel y al administrador que había puesto en el Soto. En un informe sobre el estado de las obras, fechado el 10 de septiembre de 1803, Betancourt ya se queja al ministro de que su administrador ponía dificultades para la ejecución de las obras. En esa misma época había conocido al diplomático ruso, quien por entonces pedía permiso a las autoridades de San Petersburgo para ofrecer a Betancourt un puesto de responsabilidad en Rusia.

En la misiva de respuesta a Muravyov-Apóstol, firmada por el ministro de Asuntos Exteriores, Adam Jerzy Czartoryski, se le dice que: “Si está seguro de los méritos y maestría del Sr. Betancourt, no habría impedimento alguno en admitirle al servicio ruso”, eso sí, con un condicionante económico, “que acepte la remuneración que se paga por aquí a los funcionarios principales de ingeniería en el sector hidráulico, que asciende hasta 8.000 rublos anuales”. Es decir, se daba vía libre al diplomático para iniciar los contactos tendentes a la contratación de Betancourt, en competencia con Francia, donde se le ofrecía asumir la dirección de los trabajos de carga y descarga de los puertos de Tolón y Marsella¹⁰³.

La lentitud de que hizo gala la administración de San Petersburgo —la misiva de Czartoryski no llegó hasta octubre de 1804—, contrariamente a lo que pudiera parecer, facilitó la consecución del deseado fin de llevar a Betancourt a Rusia, pues esos casi dos años fueron clave en su desencuentro con Godoy. La situación siguió subiendo de tono, llegando a su culmen en octubre de 1805, momento en el que Godoy retira su confianza a Betancourt y pone la obra en manos de ingenieros militares, lo que constituye la gota que colma un vaso ya repleto de desencuentros. Godoy desconoce que entonces Betancourt piensa ya en nuevos horizontes.

620 La misiva en que Muravyov-Apóstol comunica a San Petersburgo las condiciones de Betancourt explica muy claramente el desencanto que le impulsa a abandonar su patria: “El Señor Betancourt, como todas las personas que tienen sentimientos, está decepcionado por lo que está pasando en este país”, comentario que coincide con lo expresado por el ingeniero en sus cartas, en las que refiere que su marcha fue debida a la animosidad hacia él del príncipe de la Paz.

Recibida la misiva de San Petersburgo, Muravyov-Apóstol comunicó a Betancourt el resultado de su propuesta, quien se mostró dispuesto a viajar a Rusia, si bien ponía dos condiciones para aceptarla: la primera, no partir inmediatamente, lo que justificaba por la situación de su mujer y sus hijos y por el temor a que la fábrica de tintes de su propiedad quebrara por su ausencia; la segunda, que se le dieran garantías de que en Rusia sería nombrado ingeniero-jefe de todas las obras hidráulicas y que quedarían

¹⁰² Muñoz Bravo J. Betancourt, Godoy y el Soto de Roma // Revista de Obras públicas, 1987. CXXXIV (sept.), N° 3261. P. 555-574.

¹⁰³ Volosyuk O.V. Iván Matvéievich Muravyov-Apóstol (1802-1804) // Rossiyskiye diplomaty v Ispanii... P. 397.

a su cargo los puertos, arsenales, canales, etc.¹⁰⁴ En consecuencia, antes de iniciar su nueva singladura, en 1806, lo encontramos trabajando en Lorca en el encauzamiento del río Guadalentín e iniciando el camino para finiquitar su aventura empresarial en la fábrica de algodón de Ávila. En ese momento, a todo ello, se une otro hecho: el preocupante cariz que toman los acontecimientos políticos en España. En ese contexto nacional y vital, Betancourt procede a negociar la reversión a la Corona de la fábrica, previa compensación de 700.000 reales por las inversiones que había realizado para su modernización. En abril de 1807, recibe la cantidad pactada y con ello desaparece el principal obstáculo que demoraba su marcha a Rusia.

En mayo se traslada a Francia, donde ya se halla su familia. En octubre, viaja a Rusia, donde se le recibe muy bien y se le encomienda recorrer las principales industrias del país. En mayo del año siguiente, 1808, regresa a París; en septiembre, viaja a Erfurt para entrevistarse con el emperador Alejandro I. Inmediatamente, acompañado de su esposa, Ana Jourdan, y de sus hijos, emprende viaje a San Petersburgo, en donde se encuentra a finales de octubre. Con ello se cierra una etapa y se abre otra en la vida personal y profesional del “mecánico más sabio” de España y Europa.

Cuando en el otoño de 1808 Betancourt llega a Rusia dispuesto a emprender una nueva y entusiasmante andadura, tiene cincuenta años, una esposa, cuatro hijos, una carrera forjada y consolidada en Francia, Inglaterra y España e intactos el ímpetu y la inquietud que le caracterizarán durante toda su vida.

En su nuevo país Agustín Avgustínovich Betancourt, como le empezaron llamar al estilo ruso, reproduce su trayectoria en España: el primer año se centra en la creación de la Dirección de General de Vías de Comunicación, la puesta en marcha del Cuerpo de ingenieros de dicho título y del Instituto en el que se han de formar, del que será director hasta 1824, cargo que compatibilizará con el de director general de Vías de Comunicación desde 1822. Además, participa en diferentes proyectos de obras y continúa diseñando máquinas, como había venido haciendo hasta entonces.

Ya en 1809, ante la inminente invasión napoleónica, se le envía a la ciudad de Tula, situada a orillas del río Upa, para modernizar la fábrica de cañones allí existente. La disponibilidad de fuerza hidráulica y de minas de hierro cercanas, determinó la instalación, en 1712, de una moderna fundición de cañones, ahora obsoleta. Betancourt proyecta sustituir las máquinas hidráulicas por una potente máquina de vapor que accione las barrenas para abrir los cañones en sólido.

Entre 1816 y 1818, acomete la construcción en San Petersburgo de una fábrica de papel moneda, así como de la imprenta y máquinas necesarias para su impresión, tarea que en ese momento resultaba apremiante. Como en otros países europeos, el papel moneda se había introducido en Rusia en la segunda mitad del siglo XVIII, pero su mala calidad hizo que proliferaran las falsificaciones. La invasión francesa agravó el problema, pues las tropas napoleónicas falsificaron grandes cantidades de billetes que dispersaron por todo el país. Por ello, Betancourt, se ocupó personalmente del diseño del nuevo papel moneda, que debía ser más difícil de falsificar que el preexistente.

En 1817, inicia dos nuevas obras, la sala de ejercicios ecuestres de Moscú y el recinto ferial de Nizhni Nóvgorod. Desde el siglo XVIII en algunos estados alemanes se

¹⁰⁴ *Ibíd...* P. 398; *Muñoz Bravo J.* Betancourt, Godoy... P. 555.

El Picadero de Moscú

comenzó a construir grandes espacios cubiertos para que el ejército pudiera realizar la instrucción durante el invierno. Cuando Alejandro I decide pasar el invierno de 1817 a 1818 en Moscú, observa que allí no hay ninguna sala de este tipo y ordena a Betancourt que construya una urgentemente. Diseña un edificio rectangular, de estilo neoclásico, con una cubierta de extraordinarias dimensiones, la mayor de Rusia¹⁰⁵, organiza la obra y encomienda su ejecución al ingeniero Chabonnier. En diciembre de 1818, el emperador pudo disfrutar del nuevo edificio, convertido hoy en sala de exposiciones.

622

El recinto ferial de Nizhni Nóvgorod es la obra más significativa de Betancourt, pues es un compendio de sus conocimientos sobre transporte, hidráulica y urbanismo. Las ferias comerciales eran piezas clave en la economía del país. Una de las más importantes era la de Makáriev, situada a orillas del río Volga en un emplazamiento muy inadecuado. En 1816 la devora un incendio y se decide reconstruirla en un emplazamiento más adecuado. Betancourt recorre la zona y elige la pequeña localidad de Nizhni Nóvgorod, en la orilla izquierda del río Oka en su confluencia con el Volga. En la primavera 1818, viaja de nuevo para organizar los trabajos y movilizar toda la mano de obra disponible. A principios de 1819 ya tiene bosquejado el proyecto, compuesto por: un gran edificio central, dos edificios administrativos, ocho centros comerciales, 48 tiendas de dos pisos y una iglesia. En julio de 1822 se inaugura el conjunto ferial, con la asistencia de más de 200.000 mercaderes, visitantes y curiosos. Era la mayor y más moderna feria de Europa. En el proyecto colaboró también el ingeniero español Rafael Bauzá¹⁰⁶.

¹⁰⁵ *González Tascón I.* Betancourt... P. 284.

¹⁰⁶ *Ibíd.* P. 292 y ss; *Prieto Pérez J.L.* Agustín de Betancourt y su tiempo // Un nuevo sistema de navegación interior. Noticias biográficas. VVAA (dir). La Orotava: Fundación Canaria Orotava de Historia de la Ciencia, 2003. P. 40.

Betancourt dedicó también su esfuerzo al diseño de máquinas para dragar puertos y canales y cortar las hierbas que dificultaban la navegación, a la construcción de puentes y diseño y construcción de máquinas de todo tipo, como las utilizadas para levantar las columnas de la iglesia de San Isaac y la columna de Alejandro I en San Petersburgo.

En el verano de 1820 emprende un largo viaje por diversas zonas del territorio imperial para conocer la situación de sus obras y redacta un informe cuyas conclusiones eran muy pesimistas, pues consideraba que todo estaba por hacer. Un informe tan crítico no agradó a Alejandro I y marcó el declive de la estrella de Betancourt. Ya en agosto de 1822 el emperador le impone como superior jerárquico a su tío, el duque Alejandro de Württemberg, político carente de conocimientos y experiencia en el campo de la ingeniería, que poco a poco va relegándole. En el verano de 1823, muere su hija Carolina, casada con el ingeniero español Joaquín Espejo. En febrero de 1824, presenta la dimisión de todos los cargos, que le es aceptada por el emperador, poco después, en julio moría “el mecánico más sabio”, y era enterrado en el cementerio Smolenski en San Petersburgo, junto a su hija. En 1979, sus restos fueron trasladados al cementerio Lazarevski del monasterio de Alexánder Nevski, donde hoy se hallan, junto a los de otras grandes figuras de la ciencia y la cultura rusas.

ISABEL II ANTE RUSIA: DE LA RUPTURA AL RECONOCIMIENTO

En 1833 fallece el rey Fernando VII y se inicia un largo pleito dinástico unido a una guerra civil entre liberales y absolutistas, que debe ser enmarcada en las tensiones que tras la Revolución Francesa dominaron la política europea. El Gobierno de Isabel II trató de solucionar de forma inmediata el reconocimiento internacional de acuerdo con la fórmula habitual de enviar nuevas credenciales a sus representantes, pero en el caso de Rusia, el ministro de asuntos exteriores, conde Karl Nesselrode retrasó la decisión de aceptarlas, en tanto no hubiesen acordado la postura a seguir de forma conjunta con las Cortes de Viena y Berlín¹⁰⁷. En la correspondencia del embajador español, José Miguel Páez de la Cadena, hay numerosas reticencias sobre los sucesos en España, que hacían retrasar el reconocimiento.

El pretendiente carlista trató de involucrar a las potencias europeas en la cuestión que se debatía en España, planteándolo como un peligro para el orden establecido en el Congreso de Viena. Para las potencias conservadoras europeas la cuestión española era un problema lejano geográficamente y en consecuencia de poco interés político. En el caso de Rusia, el ministro plenipotenciario ruso en Madrid, Piotr Oubril, se mostró inicialmente favorable a Isabel II¹⁰⁸. En esta toma de postura

623

¹⁰⁷ Despachos del embajador español en Rusia. 15.11.1833, N° 1506 y 23.11.1833, N° 1509. AHN. Estado. Leg. 6138; despacho del embajador inglés en Rusia. 13.11.1833 N° 122. National Archives (NA) Kew, Foreign Office (FO) 65/208.

¹⁰⁸ Despacho del embajador de Cerdeña en España. 3.10.1833, N° 466. Archivio del Ministero degli Affari Esteri, Roma, Italia (AMAE). Segreteria di Stato (SS) Sardegna. Registre des Pièces Déchiffrées (RPD). Vol. 10, N° 466.

incidió además la inicial carencia de iniciativas especialmente diplomáticas de los partidarios del pretendiente don Carlos, quien se encontraba fuera del país¹⁰⁹. A principios de 1834 los carlistas prepararon una misión diplomática para presentar su causa antes las Cortes conservadoras, pero Rusia aconsejó que remitieran un escrito, pero sin que viajase el representante¹¹⁰. Una vez llegado don Carlos a territorio español remitió una carta al ministro español en Rusia pidiéndole le representase y solicitase su reconocimiento como monarca, que al parecer le había prometido una vez se produjese este hecho¹¹¹.

Pero, a pesar de los recelos que inspiraba la evolución española, en especial tras la caída del Gobierno de Zea Bermúdez, la actitud rusa no estaba muy clara. Mientras Carlo Pozzo di Borgo hacía en París demostraciones procarlistas, en Madrid Oubril asistía a las sesiones parlamentarias y en Petersburgo el emperador Nicolás I daba largas al enviado de don Carlos¹¹². Rusia se mantenía neutral en el tema del reconocimiento y cualquier decisión al respecto la tomaría de acuerdo con sus aliados.

A principios de 1835 se nombró un nuevo representante en Rusia, a quien se le dieron instrucciones en las que se le indicaba que debía tratar de que dicho Gobierno presionase al Reino Unido para que dejase de apoyar a los liberales, y además dejar claro a San Petersburgo que no se iba a aceptar ninguna transacción ni injerencias de las Cortes conservadoras sobre la política a seguir¹¹³.

Las naciones europeas se planteaban fundamentalmente la necesidad de que no se repitiese el bochornoso espectáculo, en su opinión, de las persecuciones ocurridas en 1824. Esta postura condicionó que ante la falta de una promesa de que no se volvería actuar de la misma forma postergasen su decisión sobre el apoyo a don Carlos e incluso cuando lo expresaron mostraron numerosas reservas, especialmente por su poco clara postura sobre el restablecimiento de la Inquisición¹¹⁴. La reunión de las Cortes Conservadoras realizada en Toeplitz supuso un pequeño avance, pero no una declaración patente de apoyo. Su decisión estaba pendiente de la estabilidad española, y son frecuentes los comentarios relacionados con dos cuestiones: la incapacidad del Gobierno para solucionar militarmente el conflicto, y los altercados que se producían en diversas ciudades españolas por parte de elementos liberales radicales.

Pero esta indecisión fue conduciendo a un enfriamiento de las relaciones, de forma que a mediados de 1834, el representante ruso en Madrid salió de España

¹⁰⁹ Despacho del embajador de Cerdeña en España. 19.01.1834, N° 509. Archivio di Stato di Torino, Turín, Italia. (AST), Lettere Ministri (LLMM). Spagna. Leg. 112.

¹¹⁰ Despacho del embajador de Cerdeña en Nápoles. 4.04.1834, N° 1437. AMAE, SS, Sardegna, RPD 11.

¹¹¹ Circular del secretario de Estado carlista a los ministros plenipotenciarios en Viena, Petersburgo y Nápoles. 30.07.1834. Archivo de la Real Academia de la Historia, Madrid (ARAH). Leg. 9/6798.

¹¹² Despacho del embajador de Cerdeña en Rusia. 8/20.09.1834, N° 457. AMAE, SS, Sardegna, RPD, 11.

¹¹³ Instrucciones reservadas a Fernando de Navia. 10.02.1835. ARAH. Leg. 9/6705.

¹¹⁴ Despacho del representante carlista en París. 17.11.1835, N° 88. ARAH. Leg. 916728.

dejando muy rebajado el nivel de la representación diplomática. Unos meses más tarde Klemens Metternich asumía la conducción del problema y hacía un análisis sobre las informaciones proporcionadas por los carlistas y consideraba necesario prestar una mayor atención al asunto, posición que no encontraba respaldo absoluto en Rusia a cuyo Gobierno lo consideraba influido por ciertas veleidades liberales¹¹⁵.

El agravamiento de la crisis española fue sacando de su pasividad contemplativa a Rusia al igual que a las Cortes conservadoras. Primero fue la solicitud de apoyo militar a los firmantes del Convenio de la Cuádruple Alianza y posteriormente la sublevación de los sargentos en La Granja (agosto de 1836) que impusieron a la Reina la Constitución de 1812. Como consecuencia de ello las Potencias Conservadoras retiraron no solo sus embajadores, que hacía tiempo habían salido, sino a toda su representación diplomática. El ministro ruso Piotr Oubril solicitó su pasaporte el 24 de noviembre de 1836¹¹⁶.

Si bien se rompieron las relaciones con el Gobierno de Isabel II, no se inclinaron abiertamente en favor del pretendiente carlista, sino que simplemente le remitieron dinero aunque utilizando canales indirectos que no les identificasen como los mecenas, en lo que discrepaba el emperador ruso que deseaba que la entrega fuese pública. Pero esta mejoría de la confianza duró no mucho tiempo tanto por la escasa claridad de los planteamientos programáticos de don Carlos como por el fracaso de sus expectativas militares. Los carlistas habían difundido en Europa que la sublevación de La Granja iba a precipitar la caída de los liberales y que la gran mayoría de los españoles iba a aceptar a don Carlos como rey; y con tal idea organizaron una expedición militar, encabezada por el propio pretendiente, que tras pasar el río Ebro,

Isabel II

¹¹⁵ Despacho de Metternich, canciller austríaco al embajador en Berlín. 24.09.1834. Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Viena, Austria (HHStA). Gesandtschaftsarchiv von (GA), Neapel. Leg. 73.

¹¹⁶ AHN. Estado. Leg. 8159.

envió emisarios a distintas Cortes a fin de lograr el reconocimiento¹¹⁷. El marqués de Villafranca se dirigió a Rusia, con el fin de solicitar el reconocimiento y además permanecer en aquel país como representante permanente.

Pero don Carlos no logró su objetivo de entrar en Madrid y además se vio obligado a regresar apresuradamente a la zona norte de la que habían salido, noticia que coincidió casi con la llegada de su emisario. Para neutralizar los malos efectos del regreso del pretendiente a territorio vasco se envió al tradicionalista francés Auguet de Saint Sylvain, barón de los Valles, para defender que el fracaso se había debido a la falta de recursos económicos y gestionar en consecuencia la aprobación de subvenciones por parte de las Cortes amigas¹¹⁸.

Tras estas gestiones finalmente, a propuesta de Metternich, se enviaron fondos, y Nicolás I además asignó al conde de Plettenberg la misión de fiscalizar su uso. La llegada de los fondos y de los emisarios coincidió con el inicio de la crisis final del carlismo, en la que se produjeron diversos episodios que evidenciaban su descomposición¹¹⁹. El fusilamiento de diversos jefes carlistas por Maroto, significó el culmen del descrédito de su causa. Poco después, en 1839, el marqués de Villafranca abandonaba Rusia porque su presencia no tenía ninguna utilidad.

En los momentos finales de la guerra, el Gobierno de Isabel II intentó una nueva operación diplomática antes las Cortes conservadoras para lograr el reconocimiento, enviando a Francisco Zea Bermúdez, uno de los diplomáticos más prestigiosos y moderados del campo liberal, pero la operación no logró ningún resultado. La política exterior española quedaba limitada a Francia y el Reino Unido que se alternaron el control de la Península en los siguientes años. Si bien se realizaron nuevos intentos de restablecer relaciones, la inestabilidad política española a partir de 1839, no propiciaba que fructificasen¹²⁰. A ello se añadía la personalidad del zar Nicolás I, un hombre que había vivido en su infancia la desestabilización europea, y el mantenimiento en el poder de Metternich, que había sido el inspirador del equilibrio europeo impuesto en el Congreso de Viena.

626 La ocasión más propicia para alcanzar el éxito se produjo en 1848. Las revoluciones de 1848 expulsaron del poder a diversos políticos (Metternich, Solaro, etc.) que habían jugado papeles destacados en la ruptura de relaciones, al tiempo que Ramón María Narváez, presidente del Consejo de Ministros español, había logrado conjurar los embates revolucionarios en España. Para cumplir este encargo se había designado al general Antonio Remón Zarco del Valle, director general de Artillería, quien viajaba por Europa con la cobertura de un viaje técnico para conocer los adelantos existentes en dicho campo. Tras diversos contactos a través de embajadas rusas en distintos países obtuvo el permiso para entrar a San Petersburgo, a donde

¹¹⁷ Borrador del despacho del secretario de Estado carlista al representante en Francia. 12.07.1837. ARAH. Leg. 9/6743.

¹¹⁸ Despacho del secretario de Estado carlista al marqués de Villafranca. 27.10.1837. ARAH. Leg. 9/6724.

¹¹⁹ Despachos del marqués del Villafranca. 23.01.1838, Nos. 24 y 25. ARAH. Leg. 9/6724.

¹²⁰ Despacho del embajador en Frankfurt. 17.02.1856, N° 10. AHN, Ministerio de Asuntos Exteriores (MAE). Leg. 2839.

llegó el 16 de septiembre de 1848. El hecho de haber contenido la revolución en España fue uno de los argumentos esgrimidos por los representantes españoles en su misión, en la que obtuvieron un triunfo parcial: el reconocimiento por parte de Prusia (3.05.1848). Ante Rusia argüía además que España se podía convertir en uno de los elementos de contención de la Francia revolucionaria surgida de las barricadas de 1848, e insinuaba la posibilidad de llegar a un acuerdo para que la flota rusa pudiese utilizar los puertos españoles lo que le situaba en una posición estratégica de privilegio en el Mediterráneo dominando ambos extremos.

Tras varias semanas de estancia en San Petersburgo y de conversaciones con distintas autoridades incluido el conde Nesselrode, ministro de Asuntos Exteriores, este le transmitió que “no es posible alterar el sistema de política enteramente expectante que la Rusia sigue en el estado actual de Europa”. Rusia seguía una política expectante, observando la situación europea y también la española en donde se habían alzado partidas republicanas y carlistas.

Fracasada esta gestión, el Gobierno español no podía rebajarse a seguir insistiendo por lo que no inició nuevos acercamientos¹²¹. Pero pronto la situación cambió radicalmente. Rusia, envuelta en la guerra de Crimea, daba señales de aproximación, y estaba interesada en estrechar lazos con España, pues ello provocaría la alarma de Francia, contra la que se estaba enfrentando. Un segundo acontecimiento, el fallecimiento de Nicolás I en 1855 cambió el panorama, ya que su sucesor, Alejandro II, no consideraba la cuestión carlista como un asunto personal.

Ya no había impedimentos políticos graves, solo restaba gestionar la reanudación de las relaciones de una forma adecuada que no pareciese una humillación. El Gobierno español no podía tomar la iniciativa después de tantos desplantes, por lo que ambas partes optaron por una salida semioficial que se convirtiese en reconocimiento mutuo. Alejandro II envió su representante, el general conde Konstantín Benkendorf, encargado de notificar su subida al trono. El 17 de octubre de 1856, Benkendorf era recibido por la reina Isabel II. Una respuesta amistosa y la recepción calurosa de dicho enviado fueron el marco adecuado para solucionar 20 años de alejamiento.

627

JUAN VALERA: UN DIPLOMÁTICO-ESCRITOR EN RUSIA

Tras una larga pausa (1833–1856), debido a que el Gabinete imperial ruso no reconocía el derecho de Isabel II a ocupar el trono, tanto España como Rusia sintieron la necesidad de restablecer relaciones diplomáticas. El restablecimiento de estas relaciones tuvo lugar en diciembre de 1856 con el nombramiento de Mijaíl Golítsin como ministro plenipotenciario en España¹²². Resultan muy significativas las instrucciones que recibió al partir: se subrayaba la no intromisión de Rusia en los asuntos internos de otros países, aun así se sobrentendía que los asuntos internos españoles (un tema de continuada rivalidad entre Francia e Inglaterra) tenían que

¹²¹ Despacho del embajador español en Viena. 26.06.1856. AHN, MAE. Leg. 2839.

¹²² Véase: *Volosyuk O.V.* Mijaíl Alexándrovich Golitsin (1856–1860) // *Rossiyskiye diplomaty v Ispanii...* P. 429–438.

“¡Ni que fuese Osuna!”

Don Mariano Téllez-Girón y Beaufort, XII duque de Osuna, enviado extraordinario y ministro plenipotenciario de la reina Isabel II ante la Corte Imperial rusa entre 1856 y 1868, pasó a la historia de las relaciones entre España y Rusia no solamente gracias a su valiosa contribución al restablecimiento de estas relaciones, interrumpidas durante más de veinte años, sino también por su extravagante conducta y por sus desmesurados gastos, posibles gracias a su enorme herencia.

El duque de Osuna inició su “servicio a la reina Isabel II y a la Patria” en Rusia con la renuncia al sueldo que le correspondía, y durante toda su estancia en San Petersburgo mantuvo a su cargo la misión diplomática de España en San Petersburgo, alquilando para la Embajada palacios carísimos en pleno centro de la capital. Tuvo fama de organizador de bailes y recepciones lujosas, con centenares de invitados, donde a todas las damas de la Corte les regalaba flores naturales que se traían en invierno en trenes especiales desde España. Grande de España recibido en los hogares de los más augustos personajes de Europa, caballero brillante, apuesto y de carácter generoso, Osuna no tardó en convertirse en el extranjero “favorito” de la Corte de San Petersburgo.

Mientras tanto, en Madrid corrían todo tipo de leyendas sobre las extravagancias del duque en Rusia. Por ejemplo, se decía que un día Osuna llegó tarde a una reunión que celebraba Alejandro II para el cuerpo diplomático y, al entrar en la Sala del Trono del Palacio del Invierno, no encontró ni una silla libre. Como no quería interrumpir el desarrollo del evento, se quitó su lujoso abrigo de armiño, lo echó al suelo y se quedó sentado sobre él hasta el final de la reunión. Terminado el acto, se negó a llevarse su abrigo de piel, declarando que “el embajador de España no tenía la costumbre de llevarse las sillas”. También fue muy popular el relato de cómo, tras una de las cenas ofrecidas por Osuna a la que asistía el emperador Alejandro II, el duque hizo arrojar al río Nevá la vajilla de oro en la que se había servido la cena del emperador, con el fin de que nadie pudiera mancharla al tocarla. En la alta sociedad de ambas

ser seguidos constantemente, y que había que contribuir por todos los medios al refuerzo del poder de la Corona española.

Al mismo tiempo, a finales de diciembre de 1856, la misión diplomática española llegó a San Petersburgo encabezada por el duque de Osuna (1814–1882). A Juan Valera, que a sus treinta y dos años ya tenía cierta experiencia diplomática, le nombraron secretario de esa misión diplomática extraordinaria. Tuvo la gran suerte de estar bajo el mando de uno de los mayores poetas del romanticismo español, Ángel de Saavedra y Ramírez de Baquedano, el duque de Rivas, durante su primer viaje diplomático, en Nápoles. Antes de llegar a Rusia, había desempeñado puestos en Portugal, Brasil y Sajonia.

La misión del duque de Osuna tenía como objetivo establecer una buena relación entre los dos países, para lo cual el primer paso era felicitar al recién coronado emperador Alejandro II de parte de Isabel II; luego estaba la difícil tarea del

capitales había también rumores sobre sus aventuras amorosas. La relación de damas de la Corte, que quedaron encantadas por Osuna, era bastante larga. Entre ellas se mencionaba a la condesa Kor-sákova, las princesas Demídova, Dolgorúkaya, Yusúpova y la actriz francesa Madeleine Brohan.

El duque de Osuna abandonó Rusia en 1868. Para entonces estaba cargado de deudas y le perseguían los acreedores, pero no cambió de modo de vivir. Como consecuencia, después de su muerte, acaecida en el año 1882, todos sus bienes pasaron a los acreedores. Su biblioteca fue adquirida por el Estado, y pasó a formar parte de la Biblioteca Nacional de Madrid, mientras que las colecciones de cuadros y joyas se vendieron a diferentes personas privadas. Sus parientes recibieron como herencia solo sus títulos nobiliarios. De aquel entonces, data en España la expresión: “¡Ni que fuese Osuna!”, que se usaba cuando alguien se permitía gastos excesivos.

Mariano Téllez-Girón, duque de Osuna

intercambio de condecoraciones de diferentes categorías, manteniendo los intereses de cada parte. La delegación en sí no tenía prevista una larga estancia en San Petersburgo, sin embargo, las negociaciones sobre la jerarquía de dichas condecoraciones y los posibles candidatos para recibirlas les llevaron a un callejón sin salida. Como resultado, Valera no pasó en Rusia un par de semanas sino medio año, lo cual le permitió escribir una obra maestra de la prosa epistolar, dedicada a Rusia.

Rusia facilitó a Juan Valera condiciones únicas para escribir: un material exótico inaccesible para sus compatriotas, impresiones estéticas variadas y mucho tiempo libre, algo imposible de concebir en el caso de un servicio diplomático normal, pero que en sus circunstancias, al tener como miembro de una misión diplomática muy específica unos objetivos sumamente concretos, no resultaba raro. La fama de Valera se debe a sus múltiples y extensas cartas, cartas enviadas con frecuencia durante a

lo largo de su prolongada estancia en Rusia. Casi todas, excepto algunas dirigidas a su madre, a su hermana y al famoso poeta Ramón de Campoamor, estaban dirigidas a Leopoldo Augusto de Cueto, amigo suyo y al mismo tiempo alto cargo del Ministerio de Estado. La condición ambivalente del destinatario encajaba a la perfección con la correspondencia, por un lado personal y por tanto sin pautas determinadas que seguir, y por otro lado saturadas de información “oficial”, o en parte oficial, y de observaciones, temores y pronósticos, ingredientes imprescindibles de la intriga política tan necesaria para la creación y el soporte del interés dramático. Y así junto a una entonación relajada y de confianza, nacía un género, en el que uno se podía expresar plenamente y posicionarse como escritor.

Valera, sin lugar a dudas, aspiraba que sus cartas se hicieran públicas, y le preocupaba que se publicasen en diarios de segunda clase, y que además “se hubieran cambiado y acortado”. Es más, en una de sus cartas, Valera, al enterarse de que habían publicado sus dos primeras cartas, permite, de hecho, la publicación de las siguientes. Juan Valera se muestra muy sincero y explícito en sus descripciones, empezando por cómo cortejó a la actriz Madeleine Broan, lo cual le convertía en un rival de su jefe, el conde de Osuna, pasando por los irónicos comentarios sobre el propio dugué, y acabando con otros comentarios burlescos sobre el coronel Quiñones de León, ayudante de campo del duque de Osuna, lo cual permite suponer que esta sinceridad no era casualidad, sino que más bien formaba parte de su concepción artística y se hallaba en la base del efecto estético que buscaba Valera.

Gracias a la correspondencia con su hermana y con su madre, se conservan testimonios sobre la selebridad de las cartas de Valera. Según su madre, las cartas desataban “tormentas que llegaban hasta el cielo”¹²³. De la enviada por su madre el 13 de febrero de 1857, supo que sus cartas gustaban a todos, sin excepción, incluso a la reina y a los ministros. Por otro lado, como además de forma lírica, las cartas contenían hechos y detalles en parte confidenciales, el efecto conseguido era bastante mordaz para unos, y de gran interés para otros, es decir acaparaba la atención de una gran mayoría, con lo cual Valera, sin lugar a dudas, ya contaba.

630 La tensión existente entre Valera y el duque de Osuna se vio agrandada por varias razones. La confusa situación de las condecoraciones que afectaban tanto a altos cargos españoles como a altos cargos rusos, y los mordaces comentarios de Valera en sus misivas, que provocaron que el duque pensara que el propio escritor era el causante de que la estancia en Rusia se prolongara más de lo necesario. Esas intrigas aparecen en las cartas de Valera, y también descripción de las costumbres y tradiciones rusas, varias reflexiones filosóficas sobre el destino de Rusia, ciertas confesiones muy íntimas y comentarios teológicos sobre las diferencias entre la iglesia católica y la ortodoxa.

Existe la opinión de que las cartas no solo enojaron al duque de Osuna, sino que también fueron lesivas para la reputación del presidente del Gobierno, Ramón María Narváez, hasta el punto de hacer que perdiera las elecciones. Gracias a su “fría acritud de enciclopedista”¹²⁴, según Ortega y Gasset, de la mirada irónica de

¹²³ Se cita según: *Azaña M.* Ensayos sobre Valera. Madrid: Alianza, 1971. P. 170.

¹²⁴ *Ortega y Gasset J.* Estetika. Filosofía kulturi (Estética. La filosofía de la cultura). Moscú: Iskustvo, 1991. P. 49.

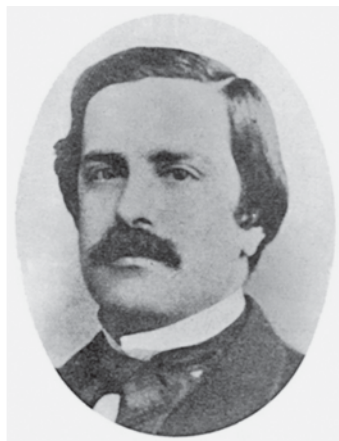

Valera no se escaparon las incongruencias de la vida cotidiana de los rusos, cosa que advirtieron los lectores y sobre la cual llamó la atención del escritor su hermana, diciendole que estaba jugando con fuego hablando mal sobre el país en el cual era un simple invitado diplomático. Es cierto que muchas veces Valera ironizaba sobre sí mismo y se permitía ser bastante mordaz sobre lo que le rodeaba. Incluso llegó a inventar un término para describir ese fenómeno: la ciencia *rusomilitar*.

En sus cartas desde Rusia Valera, afila su estilo, escoge meticulosamente la entonación y crea una versión única de uno de los géneros literarios más antiguos; Valera jugó así una brillante partida literaria. Su aventura estética, peligrosa para su carrera, pero impoluta desde un punto de vista psicológico, fue todo un éxito. El autor de *Cartas desde Rusia* pasó a tener un nombre. Valera salió de España siendo un funcionario sin importancia y volvió convertido en una celebridad, un hombre de ágil pluma, lengua mordaz y talento para los asuntos de Estado.

Después de volver de Rusia, arropado por la popularidad, Valera empezó a realizarse en los tres aspectos que más le interesaban: la literatura, la política y la diplomacia. Sus novelas se fueron publicando una tras otra y muchas de ellas se tradujeron rápidamente a otras lenguas. En 1858, Valera fue elegido diputado a Cortes, y al cabo de un par de años, en 1861, fue nombrado miembro de la Real Academia Española. Su carrera diplomática no sufrió ningún percance (justamente por ese lado hubieran podido salirle mal sus confidencias epistolares); al revés, los nombramientos se fueron sucediendo uno tras otro (Lisboa, Washington, Bruselas). Y el acorde final fue su nombramiento como embajador en Viena.

La predisposición de Juan Valera hacia el género epistolar es palpable en la mayoría de sus novelas, en las que incluye cartas, algunas incluso reales. En la reseña que hizo en 1901 de las *Cartas de las mujeres* de Jacinto Benavente, Valera confesaba su fuerte apego al género epistolar. *Cartas desde Rusia* no solo dio a Valera fama de escritor, también, en cierta manera, decidió su destino, su pasión. La sensación de agilidad y facilidad, de naturalidad y espontaneidad que dejan las cartas, es por supuesto engañosa. Las obras de arte que brotaban de su pluma requerían mucho esfuerzo, y también un difícil e innovador trabajo estético. Cuando Valera describía las impenetrables noches nevadas o la inmensidad de los valles rusos, lo hacía con un gran virtuosismo, teniendo en cuenta el efecto que podía producir. Por primera vez en el género epistolar se da una mezcla de trama psicológica y de elementos propios del periodismo de opinión, con unos toques exóticos; el resultado fue tan sorprendente e innovador, y al mismo tiempo tan armonioso e interesante, que le procuró a Valera un gran reconocimiento entre los lectores. La paleta emocional del autor es extensa y colorida. Valera pasa de la sorpresa a la ironía, de las quejas y lamentos, un poco infantiles, a las conclusiones filosóficas e históricas,

Juan Valera

de las expresivas descripciones de las personas a los fríos cálculos de las aportaciones económicas que podrían brindar las relaciones comerciales hispano-rusas. “Y cuando Valera volvió a su patria, supo que era famoso [...] Su destino como escritor fue predeterminado por sus cartas, de estas es de donde nacen sus narraciones [...] la experiencia que obtuvo escribiéndolas, se vería culminado en sus novelas”¹²⁵.

Durante toda su estancia en Rusia, Valera prestó gran atención a las manifestaciones del sentimiento religioso de sus habitantes; hizo lo que estaba a su alcance, dentro de sus posibilidades, para presentar una escrupulosa y objetiva interpretación, teniendo en cuenta que a pesar de ser una persona despierta, no podía basarse en un profundo conocimiento del tema, sino en impresiones casuales y en los juicios de las personas que le rodeaban: “Es tal su entusiasmo y su amor por la patria, que hacen de él una religión, de que el emperador es el ídolo. En cambio, materializan y achican algo la religión, para que quepa dentro de los confines del Imperio. Hay aquí un dios ruso, un dios nacional, como entre los antiguos pueblos de Asia”¹²⁶.

Tras pasar en San Petersburgo todo el invierno, Valera percibió fuertemente la llegada de la primavera. Eso le ayudó a proponer una curiosa explicación “climática” de la especial predisposición de los ortodoxos rusos para la Pascua. En su carta de 2 de febrero de 1857 a Cueto, le explicará que: un invierno tan frío como el de Rusia permite disfrutar con todos los sentidos de la poética y religiosa grandeza de una primavera que anuncia la Resurrección del Señor.

Como la mayoría de españoles que escribían sobre Rusia habían visitado solo Moscú y San Petersburgo, gran parte de sus escritos están dedicados a la comparación de ambas capitales. Juan Valera, un europeo en toda regla, cosmopolita y liberal, se identificaba más con San Petersburgo, ciudad que admiraba. De Moscú tenía un concepto más bien irónico. “Dicen que Moscú se asemeja a Roma; mas no hallo esta semejanza. Una Roma así habría sido capaz de fundar Atila, si de vuelta de su viaje por Occidente se hubiera civilizado un poco y hubiera querido fundar una capital a semejanza de la de los Césares”. El conservadurismo europeo de los gustos estéticos de Valera se manifiesta en su tajante rechazo a la arquitectura de la Catedral de San Basilio: “Nunca chino alguno, después de embriagarse con opio, ni árabe que esté saturado de *hachich*, vieron cosa parecida en sueños. [...] Las excrecencias, corcovas, pinchos, gibas, trompas y garras de esta quimera, de este monstruo de arquitectura, producen en el alma el mismo efecto que le causaría la vista de un plesiosauro o de otro bicho antediluviano por el orden, si afortunadamente pudiera revivir para que lo viéramos en toda su realidad grotesca y sublime. Tiene, sin embargo, el edificio más analogía con el reino vegetal que con el animal. La arquitectura ha imitado siempre más bien los árboles y las plantas que las fieras. Basta un poco de imaginación para fingirse en ella que este edificio es una gelatina à la *jardinière* o *printanière*, hecha por un cocinero cíclope para regalo y banquete de los titanes”¹²⁷. De la mirada de Valera tampoco se escapaba la dualidad de la situación de Rusia, entre las culturas de Occidente y de Oriente, el insalvable vacío entre los intelectuales adeptos a

¹²⁵ Pérez Gutiérrez F. El problema religioso de la generación de 1868. Madrid: Taurus, 1975. P. 26.

¹²⁶ Valera J. Cartas desde Rusia. Madrid: Afrodísio Aguado, 1950. P. 33.

¹²⁷ Ibíd. P. 117.

la civilización europea y el pueblo arraigado en lo nacional. De ahí sus dudas sobre si realmente la civilización occidental sería capaz de echar raíces en la Santa Rusia.

Serguéi Sobolevski, Modest Korf y Vasili Botkin, amigos y compañeros de tertulias del diplomático español, introdujeron a Valera en el mundo literario ruso; él a su vez les presentó las novedades literarias españolas, e incluso les prometió la traducción de algunas obras del duque de Rivas. Había leído a autores rusos en traducciones alemanas (Alexánder Pushkin y Mijaíl Lérmontov) e inglesas (Nicolái Gógol), quejándose de que la pérdida de la lengua original reducía a los autores a unas bolitas homeopáticas de su bondad. El escritor más popular de los años 50 del siglo XIX en Rusia, según Valera, es Iván Turguénev.

Treinta años después, la literatura rusa, tal y como vaticinó en su momento Valera, fue reconocida mundialmente. En 1887, se publicó en España *La revolución y la novela en Rusia* de Emilia Pardo Bazán dedicada a la obra de Tolstoi, Turguénev y Dostoievski, vista a través del prisma del movimiento revolucionario. En agosto de 1887, *La Revista de España* publicó una carta de Valera a Pardo Bazán escrita a raíz de la presentación de su libro. La publicación en prensa de ese escrito había anticipado la correspondencia entre Juan Valera y Marcelino Menéndez y Pelayo en la cual ambos criticaban la futura obra de Pardo Bazán y las ideas expresadas en esta. El 26 de abril de 1887, contestando a Menéndez y Pelayo, Valera le confiesa que no conoce la literatura rusa, aunque considera obligatorio expresar públicamente su opinión crítica sobre la obra de Pardo Bazán: “No me atrevo a hablar sobre la literatura rusa contemporánea, puesto que no la conozco, sin embargo me parece que su valor es más bien prescindible. Usted mismo puede ver su popularidad”¹²⁸. Este episodio crea un curioso contraste con la declaración expresada en 1857 por el joven aristócrata, Juan Valera, sobre el futuro de la cultura rusa: “Una cultura prestada, es cierto, pero refinadísima y depurada aquí, existe entre las clases superiores, donde se conserva como en su propio templo la delicada cortesanía que hubo en otras naciones hace uno o dos siglos; y en el seno del pueblo ruso empieza a nacer y a desarrollarse, pujante, una civilización autonómica, cuyos frutos podrán tener en lo venidero influencia incalculable en el progreso general de la raza humana”.

633

EL “DESCUBRIMIENTO RUSO” DE ESPAÑA EN EL SIGLO XIX

A mediados del siglo XIX, los rusos instruidos y cultos, movidos por el anhelo de “mantener el pie en el estribo”, en busca de nuevos conocimientos e impresiones se fijaron también en España. Comparadas con Alemania, Inglaterra, Francia e Italia, incluidas desde hacía mucho tiempo en el *grand tour* de la nobleza rusa, las tierras ibéricas eran poco conocidas, aunque ese mismo misterio resultaba muy atractivo. La ausencia de relaciones diplomáticas entre los dos Estados, que abarcó el periodo entre 1833 y 1856, convertía España en “un vivo enigma”¹²⁹. La hispanofilia rusa, que se había alimentado básicamente con los datos sobre aquel lejano país extraídos

¹²⁸ Epistolario de Valera y Menéndez Pelayo: 1877–1905. Madrid: Espasa-Calpe, 1946. P. 370.

¹²⁹ *Botkin V.P.* Pisma ob Ispanii (Cartas de España). Leningrado: Naúka, 1976. P. 32.

de los libros, adquirió un nuevo valor: nació el interés por la información basada en observaciones directas que por eso se consideraban fidedignas. La imagen literaria de España, la fama de poseer un “rebelde espíritu político”, atraía a los viajeros rusos que querían entender la esencia de la civilización europea contemporánea para definir qué lugar en la misma le correspondía a Rusia.

El primer descubridor de esa genuina España para el público culto de Rusia fue Vasili Botkin (1811–1869), conocido publicista. Su agudo y cultivado espíritu, su excelente dominio de la pluma y su generoso carácter lo erigieron en importante figura de los círculos literarios y del medio liberal. Hijo de un rico comerciante de té, tuvo que viajar mucho, también por Europa, gestionando los negocios de la empresa familiar y se apasionó por los viajes. Cuando las circunstancias le permitieron abandonar el negocio, Botkin empezó a viajar por mera curiosidad. La afición por la España literaria le impulsó a estudiar la España real, y cruzó los Pirineos movido exclusivamente por la curiosidad, tratando de formarse “una idea más o menos definida de aquel desconocido, y como que apartado país europeo”¹³⁰. Botkin permaneció en España durante tres meses, entre agosto y octubre de 1845. Atravesó el país de norte a sur, desde Irún hasta Gibraltar, deteniéndose en Madrid, Sevilla y Cádiz. Fruto del viaje, nacieron sus *Cartas de España*, serie de seis ensayos que fueron publicados en la revista *Sovreménnik* (Contemporáneo) entre 1847 y 1849 (el séptimo ensayo vio la luz en 1851) y luego todos ellos saldrían en forma de libro en 1857, un año después de que se restableciesen las relaciones diplomáticas entre Rusia y España.

El formato libre de las notas de viaje permitió al autor no cuidar la sistematicidad de las descripciones, alternar los esbozos de escenas callejeras, diálogos y a veces incluso anécdotas con reflexiones sobre la vida política y las costumbres sociales, introducir ensayos históricos, croquis de paisajes, e insertar en el texto fragmentos de canciones populares. Le permitió al lector que conformase por su propia cuenta una opinión de España, ofreciéndose como *guía* cuyo punto de vista tiene peso pero no se impone. En las *Cartas* resultan evidentes los amplios horizontes del autor: su aceptable dominio del idioma español, su conocimiento de la historia española extraído de obras francesas, su detallismo y su deseo de emitir opiniones imparciales. En otras palabras, Botkin invitaba a sus compatriotas a que le acompañasen en la exploración de un país donde, al decir de Pushkin, “aromas de limón y laurel la noche exhala”.

Al estudiar España, Botkin se guió por estereotipos muy difundidos que ya eran un lugar común en las letras rusas. Trató de comprobar si eran ciertos, y por lo tanto la propia ruta de su viaje siguió una lógica literaria: el viajero describió regiones del país que estaban vinculadas a la imagen de España acuñada por los rusos: Madrid y Andalucía, la capital y el sur *moro*. La España real se esbozó en las *Cartas* de Botkin a través de la enfática negación de las ideas estereotipadas sobre aquellas tierras: una nación pintoresca de serenatas, mantillas, *pasiones al filo de navaja* y una religiosidad llena de fanatismo. Así, a pesar de las expectativas, resultó que Castilla era “de lo más melancólico”; Aranjuez, “un notable jardín en los alrededores de Madrid”, y el Guadalquivir, un “río turbiamente rojo”. Tampoco

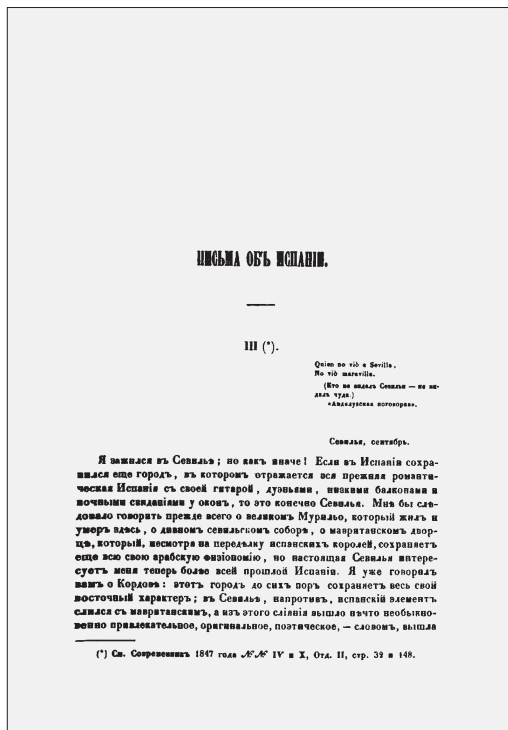
¹³⁰ *Druzhinin A.V.* Pisma ob Ispanii V.P. Botkina (Cartas de España por V.P. Botkin) // Botkin V.P. Pisma... P. 239.

se confirmó la idea de “esa siempre célebre religiosidad española que ya forma parte de los refranes”, ni la del “país de instituciones monárquicas más sólidas”. La vida política de la España de entonces, que a distancia parecía tan dinámica, fue caracterizada por Botkin un caos, “un reino de fantasmas”, una lucha absurda de partidos, como la “ausencia de cualquier teoría sensata, incluso de cualquier pensamiento práctico”. En vez de la propensión a las revoluciones el viajero ruso vio “un sorprendente sentido de obediencia”, y calificó de farsa los pronunciamientos¹³¹.

Botkin contrapuso impresiones vivas a los tópicos. Así, aparecieron en sus *Cartas* panoramas poéticos de una belleza natural “más imponente que pintoresca”, apasionadas observaciones y a veces irónicas de las costumbres sociales: “la imagen noble del aldeano ante la nobleza y su respeto mutuo”. Supo desentrañar contradicciones políticas, se fijó en la diversidad regional, incluidas las diferencias en el desarrollo económico de las regiones, al contraponer “la riqueza de Cataluña que produce artículos manufacturados” a la Andalucía agraria¹³².

Si los clichés literarios fueron consecuentemente destruidos en las *Cartas de España*, los estereotipos históricos resultaron más persistentes. Botkin se remitía a la historia para explicar la realidad apoyándose en obras historiográficas francesas y exponiéndolas con espíritu liberal crítico¹³³. Así, Botkin veía la causa de los conflictos políticos y del estancamiento económico de su época en el despotismo real y en una Iglesia Católica llena de fanatismo, gracias a lo cual los españoles habían perdido la capacidad de trabajo creador y el interés por el progreso político.

Sin embargo, Botkin no pudo superar todos los estereotipos. Seguía considerando que España era un país semi-europeo, lleno de exotismo orientalista, y no obstante impregnado de atractiva originalidad que se debía, más que nada, a la

Vasili Botkin. Cartas sobre España. La carta 3.
Un fragmento

¹³¹ Botkin V.P. Pisma... P. 9–10, 21–23, 31, 38, 81, 92.

¹³² Ibid. P. 9, 101–103.

¹³³ Zviguilski A. Tvórcheskaya istoria “Pisem ob Ispanii” i ótzyvy o nij sovreménnikov (La historia creativa de las *Cartas de España* y las opiniones de sus contemporáneos al respecto) // Botkin V.P. Pisma... P. 291.

natural desenvoltura de costumbres, lo cual la contraponía a la civilización europea razonadora. Botkin escribió mucho sobre la imagen de una Andalucía rebosante de serenatas, en la que las mujeres son bellas y “la tarde y la noche están dedicadas a las intrigas y al amor”. En los ensayos del autor ruso, España conservaba colorido nacional, que se expresaba en el idioma, en las costumbres populares y en el carácter severo y apasionado de un pueblo amante de la libertad¹³⁴.

El contenido de *Cartas de España* respondía, en general, a los ánimos y la ideología de los liberales rusos: el autor analizaba la inestabilidad de los preceptos constitucionales, las nefastas luchas de los partidos y, sobre todo, la inviabilidad de la vía revolucionaria para las transformaciones sociales. Sin embargo, la imagen de España creada por Botkin era viva y atractiva; percibía la realidad española con un interés y entusiasmo que transmitía a sus lectores lo cual, entre otras causas, generó la extraordinaria popularidad de las *Cartas* en el siglo XIX. Tampoco era casual que los viajeros rusos que iban a España a finales del ese siglo confesaran, como Daniil Mordóvtsev: “Imposible obviar a Botkin: es el faro que ilumina España”¹³⁵.

Una vez restablecidas las relaciones diplomáticas, los rusos empezaron a visitar España con mayor frecuencia, pero lo hacían, como antes, movidos más bien por la curiosidad que por fines prácticos. De entre el medio centenar de viajeros que plasmaron sus impresiones, solo unos cuantos cruzaron los Pirineos por asuntos concretos o estudios: entre ellos cabe mencionar al militar Mijaíl Skóbelev que estudió las experiencias de los guerrilleros carlistas, al sacerdote Konstantín Kustódiev que sirvió en la embajada rusa, al crítico de arte Nikodim Kondakov y al historiador Vladímir Piskorski que viajaron a España para realizar investigaciones científicas. La mayoría iba en calidad de turistas. Dejaron ensayos y notas de viaje sobre España el científico Lev Méchnikov, el pintor Iliá Repin, los escritores y publicistas Evgueni Salias, Daniil Mordóvtsev, Isaak Pavlovsky y Vasili Nemiróvich-Dánchenko. Les sirvió de punto de referencia, como antes a Botkin, la imagen fantástica del país de Don Quijote y de bellas mujeres, “guitarras y fandango, patria de capas almaviva y mantillas”¹³⁶. Al mismo tiempo que imitaban a Botkin, lo estaban, lógicamente, rebatiendo al apoyarse, como había hecho el autor de las *Cartas de España*, no solo en la experiencia personal sino también en las informaciones extraídas del “trato *in situ*”, de las guías, de la bibliografía científica y divulgativa, incluida la de autores extranjeros. El dominio del español de los viajeros se reducía para la mayoría a frases coloquiales, y seguían percibiendo la realidad española a través de traductores, es decir, españoles que dominaban el francés u otros extranjeros, básicamente franceses o alemanes. Todo ello, por cierto, no les impedía describir las realidades españolas con interés y entusiasmo; gracias a ellos la imagen del país adquirió nuevos detalles y matices.

Además de los habituales viajes a Madrid y Andalucía, la *España rusa* se amplió y pasó a incluir Cataluña, Valencia, e incluso el País Vasco y Baleares. El exotismo moro,

¹³⁴ Botkin V.P. Pisma... P. 11, 97.

¹³⁵ Mordóvtsev D.L. Po Ispanii. Puteviye arabeski (Por España. Arabescos de viaje). San Petersburgo: Tip. N. Lébedev, 1885. P. 75.

¹³⁶ Mordóvtsev D.L. Po Ispanii... P. 10–11.

ese permanente motivo español, iba siendo superado paulatinamente para ceder espacio a la descripción de las diversidades regionales. En 1864, Evgueni Salias tituló sus notas *Las Españas. Puteviye ocherki ob Ispanii* (Ensayos de viaje sobre España). Los viajeros adquirieron mayor movilidad porque ya no contaban solo con diligencias sino también con ferrocarriles. Estas notas sobre las impresiones de viaje parecían más bien reportajes que ayudaban a forjar una imagen más dinámica y menos estereotipada del país.

Al igual que en los tiempos de Botkin, los viajeros percibían España a través del prisma de la experiencia social e ideológica rusa. La época de los grandes reformas, nuevas contradicciones sociales y políticas en Rusia impulsaban a los observadores rusos a cambiar de actitud hacia las realidades europeas. España, al atravesar tiempos revolucionarios agitados, a mediados de la década de 1870, entró en un periodo de estabilidad y ya no era considerada una fuente de desbarajustes¹³⁷, motivo por el cual la catalogaban como una excepción a la norma europea general. De esa manera, los viajeros rusos empezaron a tender no tanto a contraponer España a Europa, sino más bien, a describir su originalidad teniendo como trasfondo la realidad europea que les era conocida. Eso influiría, en primer término, en las valoraciones de la vida política del país, de su economía y de la sociedad.

Desde el punto de vista de los observadores rusos, en principio, la vida social de España se diferenciaba poco “de la que existía en cualquier otro Estado de Europa Occidental: los mismos grupos, partidos, fracciones, las mismas clases, divididas en aristocracia, burguesía y democracia”¹³⁸. Las diferencias básicas, según Vasili Nemiróvich-Dánchenko, consistían en la contradicción existente entre la norma constitucional y la práctica política: “la ilimitada libertad proclamada en el papel, y la arbitrariedad con latrocinio anclada en la realidad”¹³⁹. Los viajeros se fijaban en los fraudes electorales, censuraban la corrupción de los funcionarios, la ausencia de una auténtica rivalidad partidista entre liberales y conservadores. Si los líderes políticos de España, como Antonio Cánovas, Práxedes Mateo Sagasta o Emilio Castelar, dejaban en los viajeros rusos una impresión más bien favorable, la opinión general sobre la vida política española era muy crítica. Resulta característica la observación de Apolón Skalkovski: “El mecanismo parlamentario en España es pura comedia; es orquestada por un círculo de politicastros”¹⁴⁰. En los ensayos y notas de viajes se subraya, por un lado, el carácter politizado de la vida pública, y por otro, una opinión pública débil. Nemiróvich-Dánchenko llegó a una conclusión totalmente

¹³⁷ *Chernyshevski N.G.* “Pisma ob Ispanii” V.P. Botkina (*Cartas de España* por V.P. Botkin) // Botkin V.P. Pisma... P. 231.

¹³⁸ *Efrón A.A.* Pisma iz Ispanii i Belgii (*Cartas de España y Bélgica*). San Petersburgo: Tip. V. G. Avséyenko, 1889. Véase: *Petrova A.A.* Politicheskaya sistema Ispanii epoji Restavratsii perioda pravlenia Alfonsa XII: vzgliad russkij puteshéstvennikov (El sistema político de España en la época de la Restauración del periodo de gobierno de Alfonso XII, visto por los viajeros rusos) // *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni* (Anales de la Cátedra de Historia de la Edad Moderna y Contemporánea). 2014. N.º 12. P. 200.

¹³⁹ *Nemiróvich-Dánchenko V.I.* Ocherki Ispanii: Iz putevyj vospominaniy (Ensayos de España. Recuerdos de viaje). Moscú: Tip. E. Guerbek, 1888. T. 2. P. 477.

¹⁴⁰ *Petrova A.A.* Politicheskaya sistema... C. 201.

pesimista: “la posesión de una de las mejores Constituciones del mundo no le dio a España decididamente nada”¹⁴¹.

La economía y la sociedad españolas descritas por los viajeros rusos presentaban una imagen contradictoria. Los observadores señalaban, ante todo, el dispar desarrollo económico de las diversas regiones de España, contraponiendo la floreciente industria y agricultura de Cataluña y del País Vasco a la generalizada miseria en Andalucía. Para explicar los contrastes económicos recurrían a explicarlo tanto por los factores históricos tradicionales —el fanatismo religioso, expulsión de los moriscos— como por argumentos pragmáticos: el escaso desarrollo de las vías de comunicación, una política estatal poco coherente, los altos impuestos. Las notas dedicadas a la sociedad española contenían clichés habituales sobre la ignorancia y la pereza de los campesinos, el “natural sentimiento de dignidad” propio tanto del “aldeano” como del “hidalgo”, así como las novedades sociales observadas: la aparición de los primeros círculos de empresarios, que siempre era descrito con el entusiasmo¹⁴².

Los viajeros desenmascaraban con enfado las ideas estereotipadas sobre España, un país “repleto de riquezas naturales pero presuntamente pasto de desidia y de la falta de cuidado”, con “una población perezosa y medio bandolera”¹⁴³. No quedó ni un solo cliché romántico que los observadores rusos no desmintieran. Hacia comienzos del siglo XX, hasta las famosas bellezas sevillanas se convirtieron en “torpes y gordas camareras de aire rústico con toscos rasgos faciales, nariz chata y papada abultada”¹⁴⁴. Los clichés solo persistían en la interpretación de la historia de España, y los viajeros seguían considerando que la causa de los problemas económicos y sociales de la España contemporánea era la política del “verdugo coronado Felipe II”¹⁴⁵.

La experiencia de los viajeros que visitaron España influyó, a finales del siglo XIX, en el fomento de los estudios hispánicos en Rusia. El interés por la historiografía como objeto independiente de investigación se configuró en la historiografía rusa en la segunda mitad del siglo XIX y a principios del siglo XX. Gracias a las obras de los primeros historiadores hispanistas rusos —Alexánder Trachevski (1838–1906), Iván Luchitski (1845–1918) y, claro está, Vladímir Piskorski (1867–1910)— nació la tradición científica de estudiar la historia de España, tradición que hasta hoy día sigue siendo un punto de referencia para los especialistas actuales¹⁴⁶.

¹⁴¹ *Nemiróvich-Dánchenko V.I.* Ocherki Ispanii... T. 2. P. 469.

¹⁴² *Moséikina M.N.* Problemy modernizatsii Ispanii rubezhá XIX–XX vekov v otsenke russkij puteshéstvennikov (Problemas de la modernización de España a caballo de los siglos XIX y XX, valorados por los viajeros rusos) // *Ispania y Rossia: istoricheskie sud’by...* P. 449–456.

¹⁴³ *Mordóvtsev D.L.* Po Ispanii... P. 256.

¹⁴⁴ *Pertsov P.* Na beregaj Gvadalkvira (A orillas del Guadalquivir) // *Nóvoye vremia.* 1911. N° 1284. Véase: *Bagnó V.E.* Ispania russkij pisatelei XX veka (La España de los escritores rusos) // *Rossia i Ispania: obschaya granitsa* (Rusia y España: una frontera común). San Petersburgo: Naúka, 2006. P. 135.

¹⁴⁵ *Nemiróvich-Dánchenko V.I.* Ocherki Ispanii... T. 1. P. 41.

¹⁴⁶ Véase: *Yúrchik E.E.* Istoría Ispanii XVIII–XIX vv. v trudaj rossijskij istorikov (Historia de la España de los siglos XVIII–XIX en las obras de los historiadores rusos): A.S. Trachevski, I.V. Luchitski, V.K. Piskorski // *Ispania i Rossia: istoricheskie sud’by...* P. 415–432.

Los historiadores se pusieron a estudiar el pasado de España tratando de detectar leyes generales en la historia de Europa Occidental, cosa que hubiera sido imposible sin un análisis comparativo de la lógica en la evolución de los acontecimientos que tuvieron lugar en los países europeos. Siguiendo las tradiciones de la escuela historiográfica rusa, se concentraron en los problemas que interesaban a la opinión pública rusa a finales del siglo XIX: la cuestión campesina y las tradiciones constitucionales. La historia española atraía por su exótico material¹⁴⁷, con la posibilidad de introducir en la circulación científica nuevos hechos y dar a conocer la “experiencia de naciones concretas en la creación de la civilización”¹⁴⁸. En su opinión, el protagonista de la historia era la nación, es decir, una comunidad determinada por el idioma, la cultura, una unidad de destino histórico, que se plasmaba en las instituciones políticas y en una forma peculiar del Estado. Consideraban que España era un estado-nación y estudiaban las particularidades de su devenir histórico.

Vladimir Piskorski

Los primeros hispanistas rusos se basaron, más que nada, en un vasto número de fuentes. Trachevski trabajó en el Archivo del Ministerio de Asuntos Exteriores, Luchitski y Piskorski, en archivos españoles. Como resultado, gracias a sus esfuerzos, hacia comienzos del siglo XX, aparecieron los primeros estudios científicos sobre la historia española, desde la Edad Media hasta fines del s. XIX. Se trata de la *Historia de España del siglo XIX* de Trachevski (1872), que incluye un capítulo dedicado a la política española durante la Revolución Francesa elaborado a partir de los despachos que enviaba el ministro ruso en España, Stepán Zinóviev (1902). Están también los trabajos de Luchitski sobre las behetrías y el régimen comunal de tierras en los Pirineos (1882–1883) y, finalmente, los trabajos de Piskorski sobre las Cortes de Castilla y la servidumbre de la gleba en Cataluña (1897, 1901). Piskorski elaboró también el primer resumen general de la historia española en la historiografía rusa (1902)¹⁴⁹.

¹⁴⁷ *Védiushkin V.A., Popova G.A. Vvedenie (Prólogo) // Istoria Ispanii. Tom I. S drevneishij vremion do kontsa XVII v. (Historia de España. Tomo I. Desde la antigüedad hasta finales del s. XVII). Védiushkin V.A., Popova G.A. (Eds.). Moscú: Indrik, 2012. P. 11.*

¹⁴⁸ *Trachevski A.S. Istoria Ispanii deviatnádtsatogo veka (Historia de España del siglo diecinueve). Moscú: Edit. Soldatenkov, 1872. Parte I. P. 1.*

¹⁴⁹ *Trachevski A.S. Istoria Ispanii...; Luchitski I.V. Beguetrii: Ocherk iz istorii ispanskij uchrezhdeniy (Behetrías: Ensayo de la historia de instituciones españolas) // Universitetskie izvestia. Kíev. 1882. N° 10; 1883. N° 1; Ídem. Pozemelnaya obschina v Pireneyaj (Comunidad de tierra en los Pirineos) // Otechestvennye zapiski. 1883. N° 9. P. 57–78; N° 10. P. 467–506; N° 12. P. 415–444; Piskorski V.K. Istoria Ispanii i Portugalii (Historia de España y Portugal). San Petersburgo: Brockhaus i Efron, 1902; Ídem. Kastilskie kortesy v perejodnyuy epogu ot srednij vekov k novomu vremeni (1188–1520) (Las Cortes de Castilla en la época de tránsito de la Edad Media a la Moderna). Kíev, 1897; Ídem. Krepstnoye pravo v Katalonii v srednie veka (La servidumbre de la gleba en Cataluña en la Edad Media). Kíev, 1899.*

Rusia en los archivos españoles: el Archivo Histórico Nacional

La documentación sobre Rusia custodiada en el Archivo Histórico Nacional fue generada mayoritariamente por las relaciones diplomáticas entre ambos países y, por lo tanto, se conserva dentro de los fondos procedentes de las instituciones encargadas de las relaciones internacionales, es decir, la Secretaría de Estado y del Despacho de Estado y su sucesora, el Ministerio de Estado. La mayor parte de los documentos se generó a partir del establecimiento de relaciones diplomáticas de una forma continuada y estable, con la creación de embajadas en ambos países; sin embargo, hay documentación anterior que refleja contactos diplomáticos con carácter extraordinario, como las “Consultas del Consejo de Estado relativas a las embajadas del Gran Duque de Moscovia en España en 1668, 1673 y 1681”. Los fondos de la Secretaría de Estado y del Ministerio de Estado recogen tanto las comunicaciones remitidas por los embajadores de España en Rusia como las notas diplomáticas enviadas por la embajada de Rusia en Madrid. Igualmente, se conservan expedientes sobre cuestiones relativas a ciudadanos particulares españoles y rusos. El estudio de las relaciones diplomáticas entre ambos países se puede complementar con los expedientes conservados acerca de la llegada a Madrid de diplomáticos rusos.

Un aspecto reflejado también en los fondos del Archivo Histórico Nacional son las relaciones entre las casas reales de ambos países tanto a nivel personal, con felicitaciones por bodas y nacimientos de miembros de las familias reales y cartas de pésame por fallecimientos, como a nivel más protocolario, con intercambio de condecoraciones entre monarcas, como la Orden del Toisón de Oro concedida a los emperadores Alejandro I y Alejandro II o la de Dama de la Orden de las Damas Nobles de la Reina María Luisa concedida a las emperatrices María Alexándrovna y María Fiódorovna. También, entre la documentación sobre Rusia habría que hacer referencia a una de especial importancia para un periodo concreto, la Primera Guerra Mundial. El Ministerio de Asuntos Exteriores creó una colección de documentos relativos a esta guerra seleccionándolos entre las comunicaciones remitidas por sus distintas embajadas (entre ellas, por supuesto, la de Rusia) y con series generadas por el desarrollo de este conflicto. Entre estas series, podemos destacar la de las visitas a campamentos de prisioneros. España, como país neutral, ejerció una labor de carácter humanitario recorriendo los distintos campamentos de prisioneros y comprobando las condiciones de alojamiento, alimentación y trato que recibían los prisioneros de guerra. Entre estas visitas están las realizadas a campamentos alemanes y austrohúngaros en los que hubo prisioneros rusos internados.

La documentación conservada en el Archivo Histórico Nacional permite hacer una reconstrucción muy completa de la historia de las relaciones entre España y Rusia a través de un amplio periodo de tiempo y sobre un gran abanico de materias. El uso que de esta información se quiera hacer queda, como siempre, en manos de los investigadores.

España en los archivos rusos: el Archivo de la Política Exterior del Imperio Ruso

La historia del actual Archivo de la Política Exterior del Imperio Ruso (AVPRI) se remonta a la época de Pedro I. La introducción, en 1720, de un nuevo sistema de administración en forma de Colegios estatales en lugar del antiguo sistema de Cancillerías (*prikazes*) y el traslado de la capital del Imperio, de Moscú a San Petersburgo, condujo a la división de los fondos de documentación estatal. En San Petersburgo, se estableció un nuevo archivo del Colegio de Asuntos Exteriores, mientras que en Moscú se quedaron los documentos de la antigua Cancillería de Embajadores (*Posolski prikaz*), el depósito denominado Archivo del Colegio de Moscú. A partir de ese momento, todos los documentos estatales (salvo la documentación financiera) pasaron a conservarse en San Petersburgo. Tras muchas reorganizaciones, en el periodo soviético, los fondos de ambos archivos se unieron en Moscú. Desde 1992, el archivo, que contiene materiales sobre cuestiones de política internacional hasta 1917, se denomina Archivo de Política Exterior del Imperio Ruso.

Los documentos sobre la historia de las relaciones hispano-rusas se encuentran repartidos en varias secciones del AVPRI. En los fondos de la sección *Colegio de Asuntos Exteriores (1720–1832)*, agrupados por países, el Inventario 58, *Relaciones de Rusia con España (1720–1813)* con 679 expedientes, conserva correspondencia entre el Colegio de Asuntos Exteriores (luego MAE), la Legación en Madrid y el Consulado ruso en Cádiz. Los otros fondos europeos, por ejemplo, *Relaciones de Rusia con Francia*, también contienen documentos relativos a los asuntos españoles. En la sección *Instituciones Centrales del Ministerio de Asuntos Exteriores (XIX – principios del XX)* el Fondo 133, *Cancillería (1797–1917)*, con 28.837 expedientes y 3 inventarios recoge la correspondencia de Embajadas y Legaciones rusas, de las Embajadas extranjeras en San Petesburgo, así como minutas e instrucciones dadas a los representantes rusos en el extranjero y correspondencia del MAE con otros Ministerios y también la correspondencia y los papeles relacionados con congresos internacionales, por ejemplo, el Congreso de Viena de 1814. El Fondo 159, *Departamento de personal y hacienda (1750–1940)*, reúne los expedientes personales de los diplomáticos, contiene sus papeles personales y familiares, documentos sobre educación, ascensos, condecoraciones y salarios. El Fondo 163, *Tratados (1537–1917)*, con 3 241 expedientes conserva los originales de tratados y convenios cerrados con España (1801–1915). La Sección *Instituciones en el extranjero del servicio de política exterior (finales del XVIII – inicios del XX)* contiene fondos de Embajadas, Legaciones, Misiones, Consulados, Viceconsulados, etc, entre ellos el Fondo 259, *Viceconsulado en Málaga (1885–1915)*, con 5 expedientes. Información sobre España también se puede encontrar en la correspondencia con otras Embajadas rusas (en París, Londres, Berlín, Viena, etc.), que muestra la importancia de este país para la política exterior de Rusia.

La obra de Piskorski sobre las Cortes obtuvo reconocimiento internacional: fue traducida al español en 1930 y reeditada en 1977. En el epítome incluido en la segunda edición española que se dedicó al 80 aniversario de la publicación de ese estudio del historiador ruso, el renombrado medievalista español Emilio Sáez dijo que el trabajo de Piskorski es “una obra clásica” que no ha perdido su valor científico pese a los profundos cambios en la metodología y a la aparición de gran número de nuevos trabajos de investigación¹⁵⁰.

Trachevski y Piskorski coincidían en el deseo de aproximar la historia española a la percepción del lector ruso. Ambos investigadores trataron de hallar los rasgos de similitud en los destinos históricos de Rusia y España. Así, al analizar las reformas españolas del siglo XVIII, Piskorski escribió: “Al igual que Rusia bajo Pedro el Grande, España, en la época de los primeros Borbones, se encaminó hacia las reformas y las incorporaciones culturales de Europa. [...] El instinto de autoprotección hizo que los gobiernos de ambos países aprendiesen de sus vecinos, se preocupasen por el desarrollo cultural de sus súbditos y recurriesen a la asistencia de los extranjeros para realizar las reformas militares, financieras y administrativas”¹⁵¹. Al analizar las contradicciones de las reformas socio-políticas del siglo XIX, Trachevski afirmó que para realizar transformaciones radicales “a España le faltó el genio de Pedro el Grande”¹⁵². También se refirió a algunos episodios en las relaciones hispano-rusas. En la obra de Trachevski apareció un capítulo titulado *La gestión rusa de España* que detallaba la actividad del ministro plenipotenciario ruso Dmitri Tatishchev ante la Corte de Madrid. Piskorski también expuso de forma resumida la organización del primer consulado ruso en Cádiz, la misión de Serguéi Golitsin, las notas del Duque de Liria.

Luchitski y Piskorski renunciaron asimismo a los estereotipos relacionados con las ideas rusas sobre la historia española, por ejemplo, sobre el fanatismo católico como supuesta fuente de decadencia económica y de inestabilidad política. Piskorski puso en tela de juicio las afirmaciones sobre el supuesto carácter imitador del pensamiento ilustrador español y las características unívocamente negativas del conservadurismo español.

Los primeros historiadores hispanistas rusos adaptaron la historia española para que fuese percibida por un lector ruso de corte liberal, proponiendo que fuera analizada desde el punto de vista del desarrollo de los principios del constitucionalismo y de la libertad social. Piskorski veía el futuro político de España en una república federal, en la que “la rivalidad recíproca acompañada del gasto inútil de gran cantidad de energía” se transformase “en una cooperación pacífica y fecunda para la causa común de la cultura y el progreso, y de las reformas sociales y económicas”¹⁵³.

¹⁵⁰ Piskorski W. Las Cortes de Castilla en el periodo de tránsito de la Edad Media a la Moderna (1188–1520). Barcelona: El Albir, 1977.

¹⁵¹ Piskorski V.K. Istorija Ispanii... P. 154.

¹⁵² Trachevski A.S. Istorija Ispanii... P. 208.

¹⁵³ Piskorski V.K. Istorija Ispanii... P. IV.

LA COLECCIÓN DE PINTURA ESPAÑOLA DEL ERMITAGE IMPERIAL

La colección de pintura española del Ermitage tiene una larga historia¹⁵⁴. Las obras de los maestros españoles empezaron a entrar en el Ermitage a partir del momento de la creación de la pinacoteca por Catalina II en 1764. En aquel entonces, la pintura española aparecía muy rara vez en el mercado del arte, eran conocidos solamente los nombres de Ribera, Velázquez y, sobre todo, de Murillo, cuyas magníficas obras fueron adquiridas para la emperatriz en París. El príncipe Dmitri Golitsin tuvo destacada participación en las negociaciones, cotribuyendo de esa manera a la creación de la colección de pintura del Ermitage. Altamente instruido, sociable, interesado en la ciencia, la literatura y el arte, el príncipe Golitsin formaba parte del círculo de pensadores ilustrados de la sociedad francesa, era amigo de Diderot y juntos visitaban los salones y las galerías privadas. Diderot le envió personalmente a Catalina II uno de los mejores lienzos de Murillo, *Descanso de la Sagrada Familia en la Huida a Egipto*, que había comprado en diciembre de 1768 en la subasta de la colección de Jean Gaignat, antiguo secretario de Estado de Luis XV, rey de Francia. Unos años después, en abril de 1772, el príncipe Golitsin adquirió un par de cuadros de Murillo, *El niño del perro* y *La niña con flores y frutas*¹⁵⁵, en la subasta de la colección de pinturas de Étienne-François de Choiseul, antiguo ministro de Asuntos Exteriores de Luis XV. Ese mismo año llegó San Petersburgo, desde París, la famosa colección de pinturas perteneciente a Louis Antoine Crozat, barón de Thiers, que incluía el magnífico lienzo pequeño de Murillo, *La Sagrada Familia*. En Inglaterra se hizo una valiosa adquisición: en 1779, Catalina II logró obtener para el Ermitage la famosa colección de Robert Walpole (1676–1745), primer ministro de los reyes Jorge I y Jorge II¹⁵⁶. Fue su nieto quien decidió vender una de las mejores pinacotecas de Inglaterra. Con la colección de Walpole, entraron en el Ermitage siete cuadros de pintura española, entre ellos obras maestras como *La Adoración de los pastores* y *La Inmaculada concepción* de Murillo.

Catalina II, en 1773, encargaría directamente tres lienzos en España, para el Palacio de Chesme, concretamente para la galería de retratos de los monarcas europeos y sus herederos. Se trataba del retrato del rey Carlos III, del de su hijo Carlos, príncipe de Asturias (futuro rey Carlos IV) y del de la esposa del heredero, María Luisa de Parma, que fueron pintados por el pintor de cámara Mariano Maella; los retratos llegarían desde Madrid ese mismo año¹⁵⁷.

643

¹⁵⁴ Más detalladamente sobre este tema, véase: *Kagané L.L.* Ispanskaya zhivopis' v Ermitazhe. XV — nachalo XIX veka. Istoriya sobraniya (La pintura española del Museo del Ermitage. Desde el siglo XV hasta comienzos del siglo XIX. Historia de una colección). Trad.: A. Duque. Sevilla: Gos. Ermitage — Fundación El Monte, 2005.

¹⁵⁵ En 1830, este cuadro fue entregado al Museo Estatal de Artes Plásticas Pushkin de Moscú.

¹⁵⁶ Houghton Revisited. The Walpole Masterpieces from Catherine the Great's Hermitage. Houghton Hall. State Hermitage Museum. London: Royal Academy of Arts, 2013.

¹⁵⁷ Corpus... Vol. I. P. 555. Véase también: *Kagané. L.* Los retratos de Carlos III y de los príncipes de Asturias de Mariano Salvador Maella del palacio Chesmensky // Archivo de Arte

En el siglo XVIII se compró una de las más valiosas pinturas de la colección del Ermitage: *El almuerzo*, de Velázquez. Sin embargo, entró como cuadro de un artista flamenco anónimo, y solo en 1895 fue atribuido al gran pintor español. La fuente de procedencia de dicho lienzo es desconocida. En total, durante el reinado de Catalina II, fueron adquiridos cerca de veinte cuadros de pintores españoles, pero no todas las atribuciones se confirmarían después.

La colección del Ermitage se enriqueció también durante el reinado de Alejandro I. En 1808, se envió a Franz Labenski, conservador jefe de la pinacoteca, de San Petersburgo a París, para que, junto a Dominique-Vivant Denon, director general de los museos de Francia¹⁵⁸, buscaran obras dignas del Museo, tarea a la que se dedicaron algo más de un año. Posteriormente, Denon, durante algunos años, continuaría adquiriendo y enviando pinturas a San Petersburgo. Hasta hace poco, su nombre se asociaba a la entrada en la pinacoteca de dos lienzos grandes de Murillo: *La bendición de Jacob* y *El sueño de Jacob*. Sin embargo, como es sabido, en realidad el director de los museos de Francia no participó directamente en la adquisición de esos lienzos, si bien no se excluye que jugara un papel secundario en la compra. Los cuadros formaban parte de una serie que, desde el momento de su creación, había atraído la atención de los expertos. En el siglo XVIII, salieron a la venta, y Catalina II se interesó en su adquisición, pero no lo hizo. Más tarde, con la invasión napoleónica los cuadros salieron del país por separado. *La bendición de Jacob* y *El sueño de Jacob* fueron comprados por William Kuzvelt y Edmund Burke, este último, embajador danés en España, quienes enviaron a escondidas ambos cuadros a París, los colocaron en un depósito de un banco y, en 1811, se los ofrecieron a la embajada de Rusia. Alejandro I dio su consentimiento para su adquisición sin pensárselo dos veces.

644

La venta de estas obras de Murillo refleja los trágicos eventos que tuvieron lugar en España a principios del siglo XIX. La invasión de las tropas napoleónicas en 1808 provocó la ruina y numerosos desórdenes, los generales franceses, incautaban los bienes de las iglesias y conventos bajo amenaza de muerte. Los españoles iniciaron la Guerra de la Independencia contra los invasores, se creó la Junta Suprema Central que asumió las funciones de gobierno. Ante las dificultades financieras y la necesidad de conseguir recursos para hacer frente a los gastos de la guerra, la Junta tuvo que mal vender las obras de arte y, eso permitió que los coleccionistas las compraban a bajo precio.

Fue precisamente en aquel entonces, cuando Kuzvelt creó su colección. Vivió en Madrid desde 1801 como representante del *Hope*, el mayor banco de Amberes. El destino le hizo conocer al pintor George Augustus Wallis, que fue enviado en 1807

Valenciano, LXXXVIII. Valencia: Real Academia de Bellas Artes de San Carlos, 2007. P. 37–44; *Ídem*. Portrety Karlosa III i printsev Asturiyskikh kisti Mariano Sal'vadora Mael' i iz Chesmenskogo dvortsa (Los retratos de Carlos III y de los príncipes de Asturias de Mariano Salvador Maella del Palacio de Chesme) // Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha (Noticias del Ermitage Estatal). Vip. LXVII, 2009. P. 128–136. Todos los cuadros se encontraban en el Palacio de Chesme hasta 1830, después fueron trasladados al Palacio Inglés de Peterhof, y en la década de 1920 fueron entregados al Ermitage.

¹⁵⁸ Kagané L. Denon et la Russie: intermédiaire pour l'Ermitage impérial // Les vies de Dominique-Vivant Denon. T. I. Paris: La Documentation française, 2001. P. 279–303.

por el comerciante William Buchanan desde Inglaterra a la Península Ibérica con el encargo de buscar cuadros que estuvieran en venta. En primer lugar, los comerciantes de arte estaban interesados en obras de los maestros italianos y flamencos, de los que había muchas en España. Sin embargo, Wallis supo apreciar también la obra de los pintores del país, por eso lo llaman “el primer heraldo” de la pintura española. A causa de las difíciles circunstancias, el comerciante Buchanan se quedó sin recursos: los bancos ingleses y franceses, cuyas cuentas podría haber utilizado para recibir dinero, o habían cerrado o le concedían préstamos a un tipo de interés excesivamente alto.

Diego Velázquez. *El almuerzo*.

Kuzvelt prestó apoyo financiero a Wallis y, al mismo tiempo, empleó los conocimientos y el gusto del pintor para formar su propia colección de pintura italiana y española. En 1814, Kuzvelt expondría esa colección en Amberes. Entre tanto, el 31 de marzo de 1814, tras la victoria sobre Napoleón, Alejandro I entraría triunfalmente en París al frente de las tropas aliadas. A finales de junio llegó a Holanda y visitó Amberes. Kuzvelt, que antes le había vendido al emperador ruso los lienzos de Murillo, se dirigió de nuevo a él ofreciéndole pinturas. Alejandro I visitó la galería y eligió toda la parte española de la colección.

El interés de Alejandro I por la pintura española no era imprevisible. Los eventos políticos de inicios del siglo XIX en España merecieron una gran atención por parte de la sociedad rusa. La guerra emprendida por Napoleón contra Rusia en 1812 aumentó la simpatía hacia España; a los guerrilleros españoles, que luchaban valientemente contra los invasores, se les comparaba con los rusos. En 1813, los soldados españoles integrados en los ejércitos nepoleónicos, que no querían luchar contra Rusia, desertaron. Alejandro I les dio amparo y los acuarteló en el Sitio real de Tsarskoye Seló (la Aldea de los Zares). Por orden del emperador ruso se formarían dos batallones que recibieron el nombre de “los batallones de Alejandro”¹⁵⁹. En la segunda década del siglo XIX, España dejó de parecerles a los rusos un país lejano, exótico, sombrío como creían antes. El tema de España sonó claramente en la cultura rusa. Así se entiende por qué Alejandro I le compró las pinturas españolas a Kuzvelt.

¹⁵⁹ Véase el capítulo “Los soldados españoles en el ejército ruso de 1812”.

Dichas pinturas llegaron a San Petersburgo en tres lotes en 1814 y 1815; se trataba en total de 84 obras. A principios del siglo XIX aquella colección de pintura española se consideraba única, tanto por el número de escuelas pictóricas (de Valencia, Toledo, Sevilla, Madrid), como por el gran número de pintores, por la alta calidad de las obras y por la variedad de géneros. El Ermitage se enriqueció con las obras de los grandes maestros: El Greco, Ribera, Zurbarán, Velázquez, Murillo, y entre ellos obras maestras tales como *El retrato de Olivares* de Velázquez y *La Adolescencia de la Virgen* de Zurbarán. Y también con los lienzos de otros pintores que no eran tan famosos, pero sí conocidos: Luis de Morales, Juan Pantoja de la Cruz, Francisco Ribalta, Pedro Orrente, Juan Bautista Maíno, Antonio de Puga, Antonio de Pereda y muchos otros.

Casi en el momento en el que se adquiría la colección de Kuzvelt, en 1815, Alejandro I compró en París una parte de la pinacoteca del Castillo de Malmaison de la emperatriz Josefina. Para colocar las nuevas adquisiciones en el Ermitage, se organizaron salas especiales. Y a las pinturas españolas enviadas por Kuzvelt se les sumaron las que habían entrado durante el reinado de Catalina II colgadas antes entre las obras de otras escuelas europeas. En el Ermitage Imperial se creó así la galería de pintura española: la primera galería del tipo fuera de España. En las descripciones del San Petersburgo de aquel entonces, la pinacoteca se consideraba una curiosidad particular y, posteriormente se prestó mucha atención al enriquecimiento de la colección. En 1829, se adquirieron los cuadros de Hortensia de Beauharnais, que heredó una parte de la colección de su madre, la emperatriz Josefina. Entre los cuadros adquiridos así, está uno de los mejores lienzos de Ribera, *San Sebastián y Santa Irene*.

En 1831, se le compraron las pinturas a Manuel Godoy, Príncipe de la Paz, antiguo ministro —omnipotente del rey Carlos IV¹⁶⁰. En los años de su mayor pujanza, Godoy creó en Madrid una colección formada por más de mil cuadros. En 1808, el ministro tuvo que abandonar el país, junto con la familia real, y todas sus propiedades fueron incautadas. Hasta el fin de sus días, el Príncipe de la Paz permaneció en

646

Francisco de Zurbarán. *La Virgen niña en oración*.

¹⁶⁰ Kagané L.L. Kartiny, priobretennyye v 1831 godu dlya Ermitazha u Manuelya Godoya, knyazyza Mira (Los cuadros adquiridos a Manuel Godoy, Príncipe de la Paz, en 1831 para el Ermitage) // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Obras del Ermitage Estatal). T. XXIX. San Petersburgo: Dmitri Bulanin, 2000. P. 206–239, 242.

el exilio. Entre 1812 y 1830, vivió en Roma, en la villa Mattei, y creó una nueva galería. Pero decidió deshacerse de ella cuando se trasladó a París. Godoy le propuso a Nicolás I comprar 297 cuadros a través de la Embajada de Rusia. El emperador ruso ordenó seleccionar únicamente los mejores. Como resultado, solo fueron adquiridos treinta y tres lienzos, y entre ellos solo cuatro españoles, pero que incluían obras maestras tales como *La liberación de San Pedro de la cárcel* y *El asesinato del inquisidor Pedro Arbuez*, de Murillo. Pronto, en 1834, el Ermitage recibió la colección de Juan Miguel Páez de la Cadena, ministro plenipotenciario de España, que contaba con 24 obras de pintores españoles¹⁶¹.

Al mismo tiempo, en los años 1834–1835, fueron enviadas al Ermitage diversas pinturas españolas por Alexander Gessler¹⁶², cónsul de Rusia en Cádiz, que vivió allí desde 1827. Cinco años después de su salida de España, visitó San Petersburgo, y el conservador de la pinacoteca, Franz Labenski, le pidió que buscara algunos cuadros de Velázquez para el Ermitage. El cónsul regresó a España, pero escribió al conservador informándole de que las obras de ese maestro eran difíciles de conseguir; a pesar de lo cual logró comprar algunas y adquirió también las de otros pintores. En total, Gessler adquirió por cuenta del Tesoro del Estado treinta y dos lienzos. Ninguna de las atribuciones a Velázquez se confirmó, pero, entre los cuadros enviados, había buenas obras de pintores como Bartolomé González, Pedro de Moya, y Clemente de Torres. En 1846, el Ermitage recibió la colección del conde Dmitri Tatishchev, quien así lo había dispuesto en su testamento¹⁶³.

La colección siguió enriqueciéndose en la década de los 50 del siglo XIX. En Italia, se le compró al duque de Brasca el cuadro *La Inmaculada concepción* de Murillo, y al rey de Holanda, Guillermo II, los retratos de Felipe IV y del conde-duque de Olivares del taller de Velázquez¹⁶⁴. Estas obras maestras fueron trasladadas desde París en 1853 por el director del Ermitage, Fiodor Bruni, quien participó en la subasta póstuma de los bienes del mariscal Soult, tristemente conocido por su saqueo de las iglesias y conventos de Sevilla. Bruni escogió varios lienzos de la pinacoteca de Soult, entre ellos, *San Lorenzo* de Zurbarán, que en otro tiempo había decorado la Iglesia de San José del convento de la Merced Descalza en Sevilla, y *La liberación de San Pedro* de Murillo que formaba parte del famoso conjunto del hospital de la Santa Caridad de Sevilla, uno de los mejores ejemplos de barroco. Bruni también adquirió otras obras magníficas en París.

Hacia mediados del siglo XIX, la colección de pintura española del Ermitage estaba casi completa. Si hasta ese momento sobre todo se había ido incrementando el número de cuadros de la colección, a partir de entonces, la cantidad empezaría a disminuir, ya que se habían reducido las posibilidades de seguir adquiriendo nuevas obras de calidad, se habían realizado envíos de pinturas a otras instituciones museísticas. En 1850, se terminó la construcción de un edificio especialmente

¹⁶¹ Véase el capítulo “La pintura española en las colecciones privadas de San Petersburgo”.

¹⁶² *Antónov V.* La adquisición de Gessler para el Ermitage // Archivo Español de Arte. 1982. Nº 219. P. 287–302.

¹⁶³ Véase el capítulo “La pintura española en las colecciones privadas de San Petersburgo”.

¹⁶⁴ El cuadro fue entregado al Museo Estatal de Artes Plásticas Pushkin de Moscú.

El Greco. *Los apóstoles Pedro y Pablo*.

acondicionado para las obras de arte, el Nuevo Ermitage, y, en 1852, tuvo lugar su inauguración. En la galería no cabían todos los cuadros acumulados desde el momento de la fundación de la misma. En 1847, una parte de las obras se envió al Museo del Kremlin de Moscú, y después de 1850, muchas de ellas fueron enviadas a los palacios de los alrededores. En 1855, en San Petersburgo, tuvo lugar una subasta en la cual fueron vendidas muchas obras de arte, incluyendo quince cuadros de los pintores españoles. En 1855, las obras se entregaron al recién organizado Museo Público de Moscú, y en 1884, al Museo de Bellas Artes Radíschev, en la ciudad de Sarátov.

648

A principios del siglo XX, ya apenas se adquiriría pintura española para el Ermitage. Uno de los mejores lienzos, *Los apóstoles San Pedro y San Pablo* de El Greco, fue obtenido en 1911 como donación del general Piotr Durnovó. Tras la Revolución de Octubre, la colección de pintura española del Ermitage sufrió pérdidas importantes: muchas obras de arte fueron entregadas al Museo Estatal de Artes Plásticas Pushkin de Moscú, otras a los museos de otras ciudades del país, y algunas vendidas a través de la corporación *Antikvariat*, que era la sociedad de comercio exterior soviética creada en los años 1920 con el fin de vender obras de arte en el extranjero. Sin embargo, al mismo tiempo, la colección se enriqueció gracias a la devolución de los cuadros de los palacios de los alrededores de San Petersburgo y de los procedentes de las colecciones privadas que habían sido nacionalizadas. Como consecuencia, aparecieron en el Ermitage obras del gótico internacional español (antes no se adquiría ese tipo de obras). La colección se completaría con cuadros de los siglos XVI y XVII, incluyendo originales y obras de los talleres de los más famosos pintores: Ribera, Zurbarán, Cano, Murillo. La única obra que hay de Francisco de Goya, *El retrato de la actriz Antonia Zárate*, entró en el Ermitage mucho más tarde. El cuadro fue donado al museo en 1972 por el millonario norteamericano Arman Hammer. Actualmente, la colección de pintura española del Ermitage cuenta con más de ciento sesenta lienzos.

LA PINTURA ESPAÑOLA EN LAS COLECCIONES PRIVADAS DE SAN PETERSBURGO

No solo el Ermitage adquiriría pintura española para completar su colección; también muchos aristócratas rusos compraban cuadros de los grandes maestros españoles para sus galerías privadas¹⁶⁵. Los primeros lienzos españoles aparecieron en las colecciones de la nobleza de San Petersburgo en los años 70 del siglo XVIII, siguiendo la moda de crear colecciones marcada por el Ermitage de Catalina II¹⁶⁶. En aquel entonces las obras de los pintores españoles aparecían poco en el mercado del arte, mucho menos que las obras de los maestros italianos, holandeses, flamencos o franceses. A pesar de eso, existía interés por la pintura española e iba aumentando a medida que era más conocida fuera de la Península Ibérica.

Gracias a los archivos, catálogos de exposiciones y subastas, publicaciones de historia o arte, memorias, podemos formarnos una idea sobre las obras españolas que formaban parte de colecciones privadas. Desgraciadamente, en la actualidad no se conoce la ubicación de todos esos cuadros, ya que la mayoría de ellos cambió de propietario, pasó a otras manos por herencia, se vendió o, además, a menudo, sufrió cambios en las atribuciones de autoría originaria. Y, sobre todo, se complicó el problema de la determinación de la ubicación de los cuadros después de la Revolución de Octubre, cuando las colecciones privadas fueron nacionalizadas y la recién creada Fundación Estatal de Museos distribuyó las obras de arte por los distintos museos del país o se las entregó a la corporación *Antikvariat* para venderlas. A pesar de todo esto, a día de hoy se tiene una idea bastante precisa de que cuadros de la pintura española formaban parte de las colecciones privadas en el San Petersburgo de aquel entonces.

En el siglo XVIII, la pinacoteca del príncipe Nikolái Yúsúpov (1751–1831) era considerada una de las mejores de la capital. El príncipe se interesaba por España, y era el único coleccionista ruso de la época que había visitado el país, en verano de 1776. Más tarde, Yúsúpov completó su colección en París, donde vivió desde 1804 hasta 1810. Entre las obras españolas adquiridas por el príncipe Yúsúpov —la mayoría no se conservó o sufrió un cambio de atribución— se encuentra el cuadro de *San Juan Bautista y el cordero* de Murillo expuesto en el Museo Estatal de Artes Plásticas Pushkin de Moscú y que el príncipe había comprado en la galería de Le Brun en París¹⁶⁷. Actualmente ese cuadro se atribuye al taller del maestro.

649

¹⁶⁵ Más detalladamente, véase: *Kagané L.L. Kartiny starykh ispanskikh masterov v chastnykh sobraniyakh Sankt-Peterburga. Konets XVIII - nachalo XX veka* (Los cuadros de los antiguos maestros españoles en las colecciones privadas de San Petersburgo. Entre finales del siglo XVIII y principios del siglo XX). San Petersburgo: Izd. Gos. Ermitazha, 2014.

¹⁶⁶ Sobre la creación de las colecciones de pintura en el siglo XVIII en Rusia, véase: *Malinóvskiy K.V. Istoriya kollektсионirovaniya zhivopisi v Sankt-Peterburge v XVIII veke* (Historia de la creación de las colecciones de pintura en San Petersburgo en el siglo XVIII). San Petersburgo: Kriga, 2012.

¹⁶⁷ Sobre las adquisiciones de Yúsúpov en París durante este período, véase: *Savinskaya L.Yu. Znatok zhivet izucheniyem: Khudozhestvennyy rynek pervoy poloviny XIX veka i russkiye kollektсионery zapadnoyevropeyskoy zhivopisi* (El experto vive estudiando: El mercado

Antonio Puga (?). *Anciano enseñando a leer a un niño*.

cido. *Anciano enseñando a leer a un niño*, atribuido antes a Murillo, pero ahora considerado obra de Antonio Puga (?).

Los lienzos españoles figuraban en el registro de la colección del príncipe Grigori Potiomkin-Tavrícheski (1739–1791), elaborado en 1891¹⁷⁰. De los seis

Es bien conocida la actividad del conde Alexander Stróganov (1733–1811), apasionado coleccionista y mecenas, que visitó muchos países y vivió mucho tiempo en París, frecuentando allí las subastas¹⁶⁸. Como auténtico representante de la Ilustración que era, Stróganov no solo creó una colección de pintura, sino también publicó sus catálogos e hizo reproducciones de estampas de las mejores obras¹⁶⁹. Su pinacoteca contaba con cinco cuadros de pintores españoles, dos de los cuales destacan de manera especial, y ambos se encuentran expuestos en el Ermitage: *Cabeza de anciano*, atribuido a Velázquez, copiado numerosas veces por Karl Briulov, cuadro que en la actualidad ha dejado de ser relacionaso con el gran maestro y ha pasado a ser considerado de autor descono-

artístico de la primera mitad del siglo XIX y los coleccionistas rusos de la pintura de Europa occidental) // *Mir muzeya* (El Mundo del museo). 1995. Marzo — abril. No. 2. P. 23–29.

¹⁶⁸ Véase: *Artsikhóvskaya-Kuznetsova A.A.* Stroganov kak tip russkogo kollektsionera (Stróganov como típico coleccionista ruso) // *Panorama iskusstv* (Panorama de las artes), 1988. N° 1. P. 282–291; Stroganoff. *The Palace and Collections of a Russian Noble Family*. New York: Harry N. Abrams, 2000; Stroganovy metsenaty i kollektsionery (Los Stróganov: mecenas y coleccionistas). San Petersburg: Slavia, 2003.

¹⁶⁹ *Catalogue raisonne des tableaux qui composent la collection du comte A. de Stroganoff*. St. Pétersburg: De l'Imp. Imperiale, 1793; *Catalogue Raisonné des Tableaux qui composent la collection du comte A. de Stroganoff*. St. Pétersburg: De l'Imp. Imperiale, 1800; *Collection d'après quelques tableaux de la galerie de m-r Stroganoff, gravées au trait par des jeunes artistes de l'Académie des beaux-arts à St. Pétersbourg*. St. Pétersbourg: Imp. Dreschler, 1807; *Collection d'estampes d'après quelques tableaux de la galerie de Mr. le comte A. Stroganoff*. St. Pétersbourg: Imp. Dreschler, 1835.

¹⁷⁰ *Yésipov G.V.* Opisi doma i dvizhimoye imushchestvo knyaz' Potemkin-Tavrisheskiy, kuplennyye u naslednikov yego imperatrítsa Yekaterina II (Registro de las casas y bienes mobiliarios del príncipe Potiomkin-Tavrícheskiy que la emperatriz Catalina II compró a sus herederos) // *Chteniya v Imp. Obshchestve Istorii i Drevnosti Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete*

cuadros, solamente se conoce el destino de tres. Dos de ellos, *Filósofo con libro, compás y ángulo* y *Filósofo con libro*, se consideraban originales de Ribera, pero posteriormente las dos obras fueron atribuidas a su taller. El primer lienzo pertenece al Ermitage, mientras que el segundo, tras muchos traslados, acabó en el Museo y Parque Nacional Estatal *Pavlovsk* cerca de San Petersburgo¹⁷¹. El tercer cuadro, *San Juan Bautista y el cordero*, fue el que gozó de mayor fama. Durante mucho tiempo se consideró obra original de Murillo, sin embargo, posteriores estudios demostraron que era una copia del siglo XVIII de un lienzo que hoy se encuentra en la National Gallery de Londres.

Cinco eran los cuadros españoles que decoraban la galería grande del príncipe Alexander Bezborodko (1746–1799)¹⁷². Solo se ha logrado identificar uno, *San Juan Bautista y el cordero* de Murillo. Como es sabido, el príncipe habría adquirido ese lienzo en París, en 1793, en la subasta de la colección de Choiseul-Praslin. Más tarde, en 1869, el heredero de la colección, el conde Grigori Kushelyov-Bezborodko, lo vendió en una subasta en París, y actualmente el cuadro pertenece a la National Gallery de Irlanda, en Dublín¹⁷³.

En el siglo XVIII, la información que los coleccionistas rusos sobre la obra de los maestros españoles era limitada, ya que solo conocían los nombres de los pintores más famosos: Ribera, Velázquez y, sobre todo, Murillo. Además, como se constataría más tarde, la mayoría de los cuadros adquiridos no eran originales, sino obras de sus respectivos talleres, copias o atribuciones incorrectas. A principios del siglo XIX, la situación cambió. Tras las guerras napoleónicas, en el mercado del arte apareció toda una serie de obras de España, que incluían cuadros de pintores por los cuales en aquel momento había mucho más interés que antes. Aumentó el interés por la cultura y el arte españoles. Muchas obras españolas fueron adquiridas tanto por Alejandro I, como por coleccionistas privados.

Ante el conde Dmitri Tatishchev (1767–1845), en 1814, cuando fue designado ministro plenipotenciario de Rusia en Madrid, puesto en el que permanecería hasta 1821, se abriría una magnífica oportunidad. En aquel tiempo, el conde formó la valiosísima colección que incluía no solo cuadros, sino también muchas otras obras de arte. Antes de concluir su misión, en 1819, el conde regresó a San Petersburgo. En 1820, Tatishchev fue nombrado miembro honorífico de la Academia de Bellas Artes.

(Conferencias en la Sociedad Imperial de la Historia y Antigüedades Rusas adjunta a la Universidad de Moscú). Moscú: Universitetskaya tipografiya, 1891. Lib. IV. P. 3–24.

¹⁷¹ *Stadnichuk N.I.* Zhivopis' ital'yanskikh i ispanskikh masterov XVI-XIX vekov v Pavlovskom dvortse-muzeye (La pintura de los maestros italianos y españoles de los siglos XVI-XIX en el palacio-museo Pávlovsk) // Gosudarstvennyy muzey-zapovednik Pavlovsk (Museo y parque nacional estatal Pávlovsk). T. V. Vip. 2. San Petersburgo: Musei "Pávlovsk", 2012. P. 144. N° 105.

¹⁷² *Reimers G. von.* St. Petersburg am Ende Seines ersten Jahrhunderts. Petersburg: F. Dienemann, 1805. P. 358.

¹⁷³ Catalogue de 43 tableaux de maîtres anciens provenant de la collection de M. le comte Koucheff-Bezborodko dont la vente aura lieu le samedi 5 Juin 1869, Hotel Drouot. Paris: J. Claye imp., 1869. P. 43. N° 22. Para información sobre el cuadro, véase el catálogo de *Mulcahy R.* Spanish Paintings in the National Gallery of Ireland. Dublin: National Gallery of Ireland, 1988. P. 55. N° 33.

Con esta ocasión, donó a la Academia el lienzo de Murillo de *San Pedro en lágrimas*, hecho del que daría testimonio la revista *Otechestvennyye zapiski*¹⁷⁴. En 1822, la revista declararía que las obras de la colección de Tatíshchev, llegadas desde Madrid, daban “una idea global sobre los mejores maestros de la escuela pictórica española”¹⁷⁵.

En 1843, el conde, en su testamento, entregaba su enorme colección al emperador Nicolás I¹⁷⁶. En el catálogo manuscrito que se ha conservado, están registradas veinticuatro pinturas españolas de los siglos XVI y XVII. Es posible que hubiera más, porque entre las obras de los pintores desconocidos algunas podrían haber sido atribuidas al pincel de los maestros españoles. Una parte de esas obras se quedó en el Ermitage, otra fue enviada a los palacios de los alrededores, y más tarde, algunos lienzos fueron entregados a los museos de otras ciudades. Actualmente, en el Ermitage, de la colección del conde Tatíshchev quedan cuadros de Morales, Sánchez Coello, del entorno de Ribalta, Juan de Pareja, Antonio de Pereda, José Antolínez, Herrera Barnuevo, así como cuadros que se atribuyen a Carreño de Miranda y al entorno de Murillo.

La mayoría de los amantes del arte rusos adquirió las pinturas españolas en París. En 1822, María Naryshkina, la esposa del jefe de la caza imperial Dmitri Naryshkin (1758–1838), y amante durante muchos años del emperador Alejandro I, participó en la subasta de la pinacoteca del conde La Forest, que incluía muchos lienzos de pintores españoles. El conde reunió aquellos cuadros durante su estancia al frente de la Embajada de Francia en España, en la época del reinado de José Bonaparte, y en los años 1810–1811 contribuiría a la creación de dos museos: el Musée de Napoléon en París y el Museo Nacional en Madrid.

El catálogo manuscrito que se encuentra en los archivos del Ermitage da idea de las obras adquiridas por los Naryshkin. Dicha relación incluye treinta y cuatro cuadros, de los que quince son españoles firmados por Campaña, Morales, El Greco, Ribera, Roelas, Velázquez, Cano, Pereda, Murillo. Las obras tendrían un destino de lo más variopinto. Algunas llegaron a Emmanuel Naryshkin (1813–1902), y la información sobre ellas se perdió. Otras fueron entregadas al sobrino de los Naryshkin, Lev Naryshkin (1785–1846); más tarde heredaría los cuadros su hija Sofía (1829–1894), que en 1846 se casaría con Piotr Shuválov (1819–1901). Desde aquel entonces, esos lienzos se mencionarían siempre como propiedad de los Shuválov.

Cuando llegarían al resto de Europa noticias diferentes del interés que en Rusia despertaba la pintura española, los comerciantes de arte del continente empezaron a hacer llegar sus ofertas a San Petersburgo. Hay datos sobre esto en la gaceta *Sankt-Peterburgskiyeye vedomosti* y la revista *Otechestvennyye zapiski*¹⁷⁷. En octubre de 1824, en la capital de Rusia, se convocó una subasta en la cual se vendieron únicamente lienzos de pintores españoles de los siglos XV–XVI. Los cuadros pertenecían al coleccionista alemán Andreas Daniel von Schepeler (1780–1849) que se encontraba

¹⁷⁴ *Otechestvennyye zapiski* (Anales de la Patria). 1820. Parte X. P. 288.

¹⁷⁵ *Ibid.* 1822. Parte XII. P. 131.

¹⁷⁶ La colección se entregó al Ermitage en 1846, tras la muerte del propietario.

¹⁷⁷ *Tolmatskiy V.A., Skúrllov V.V., Ivanov A.N.* Antikvarno-khudozhestvennyy rynek Sankt-Peterburga (El Mercado de arte y de antigüedades de San Petersburgo). San Petersburgo: Liki Rossii, 2008.

en España en la época de la invasión napoleónica y supo apreciar las obras de los pintores del país. En la biblioteca del Ermitage, se custodia el catálogo manuscrito de esa subasta, escrito en francés; recoge 69 obras¹⁷⁸. Es muy probable que algunas de ellas fueran vendidas, pero, desgraciadamente, no se ha conseguido tener la certeza de si alguna de las obras permaneció en Rusia.

A finales de 1824, llegaría a San Petersburgo el nuevo ministro plenipotenciario de España, Juan Miguel Páez de la Cadena (1773–1840)¹⁷⁹. Altamente instruido, estaba familiarizado con los acontecimientos modernos y era capaz de orientar a su interlocutor en temas de historia, cultura, literatura y arte españoles; todo ello le permitiría establecer un amplio círculo de conocidos en San Petersburgo. Su nombre aparece más de una vez en las fuentes escritas, incluso las obras de Alexander Pushkin. Precisamente a Páez de la Cadena se refieren las líneas de la novela en verso de *Eugenio Onegin*: “Dime, príncipe: ¿no sabes tú / quién es aquella dama, la del tocado rojo, / que está hablando con el embajador de España?”. Gogol también conoció a Páez de la Cadena. Es más que probable que, sin la influencia del ministro de España en Rusia, el tema español no hubiera estado tan presente en la literatura rusa de la década de 1830, es decir, en la obra de Pushkin, Gogol y Lérmontov. Páez de la Cadena llevó consigo a San Petersburgo su colección de pintura, de la que la mitad, veinticinco cuadros, eran de pintura española. En 1834, finalizó su misión en la capital rusa, y vendió su pinacoteca al Ermitage. En ella se encontraban obras de pintores de diferentes escuelas y entre los españoles estaban Juan del Castillo, Antonio del Castillo, Francisco Collantes, José Antolínez, Pedro Núñez de Villavicencio y otros.

En la primera mitad del siglo XIX, lienzos de pintura española formaban parte no solamente de las colecciones arriba mencionadas, sino también de las de los Rostopchín, los Korsákov, los Musin-Pushkin y Andréi Gorchakov. Además, en la exposición de colecciones privadas, organizada por primera vez en San Petersburgo en 1851, se exhibieron cuadros españoles propiedad de los Leuchtenberg, los Demídiv, los Kochubey, los Sheremetev y de K. Liyakhnitsky. La exposición fue organizada por el duque Maximiliano de Leuchtenberg (1819–1852), que pasado algún tiempo, trasladaría su propia pinacoteca desde Munich a San Petersburgo. El fundador de la pinacoteca fue el padre de Maximiliano, Eugenio de Beauharnais (1781–1824), que recibía el título de duque de Leuchtenberg gracias a su matrimonio con Augusta Amalia, hija del rey Maximiliano I de Baviera. La colección de Eugenio de Beauharnais estaba compuesta por cuadros que él mismo había comprado y por los que había recibido en herencia de su madre, Josefina de Beauharnais. En 1825, salió a la luz el primer catálogo de la pinacoteca y las últimas publicaciones tienen fecha de 1850 y 1851¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Tableaux de l'école Espagnole tirés de différentes collections du premier Rang á Madrid, Seville et Valence dissolues dernièrement par les évènement de nos jours et ressemblé par le Ministre de Pruße á Madrid, comte de Werther et un autre amateur distingué, le chevalier de Schopler á Valence. Offerits aux amateurs par les frères Deuringer. Hotel Demuth N° 57. St. Petersbourg au mois d'Octobre. 1824.

¹⁷⁹ *Kagané L.L.* Kabinet kartin... P. 503–561.

¹⁸⁰ Gemälde-Sammlung in München seiner königl. Hoheit des Dom Augusto Herzogs von Leuchtenberg und Santa Cruz Fürsten von Eichstädt // Umrissen auf Kupfer mit deutschem

En 1839, Maximiliano se casó con la gran duquesa María Nikoláievna, hija del emperador Nicolás I. Los cónyuges se establecieron en San Petersburgo. El duque era una persona ilustrada, amante del arte y tenía muchos cargos, incluido el de presidente de la Academia Imperial de Bellas Artes de San Petersburgo. Compraba los lienzos junto con María Nikoláievna. En mayo de 1851, murió la madre de Maximiliano, y un año y medio después moriría él mismo. María Nikoláievna, que pasaría a ser tutora de los niños, llegó a un acuerdo con el Gobierno de Baviera según el cual el hijo mayor, Nicolái, sería el heredero legal de todos los bienes. En noviembre de 1854, los cuadros, la biblioteca, la colección de armas y las joyas saldrían desde Munich a San Petersburgo¹⁸¹. En el catálogo de la pinacoteca de los duques de Leuchtenberg entre los autores españoles figuraban los nombres de Juan de Juanes, Morales, Francisco Ribalta, Ribera, Velázquez y Murillo. En San Petersburgo, sumarían a estos cuadros los que habían sido adquiridos por Maximiliano y María Nikoláievna. En enero de 1857, un nuevo diplomático español, el futuro y conocido escritor Juan Valera, visitó el Palacio Mariinski¹⁸². La decoración del Palacio le causó una gran impresión, y entre otras cosas mencionaría después los cuadros de Morales, Velázquez y Murillo.

Tras la muerte de María Nikoláievna en 1876, sus herederos se vieron obligados a vender el Palacio y repartirse los cuadros. Una parte de los lienzos abandonaría el país, y la otra, la que se quedó en Rusia, sería nacionalizada. Actualmente solo se conoce la ubicación de cuatro de aquellos cuadros de autores españoles. Dos de estos cuadros se encuentran en el extranjero y otros dos en el Museo Estatal de Artes Plásticas Pushkin de Moscú: se trata del *Ecce Homo* de Morales y de *El arcángel Rafael con el obispo Domonte* de Murillo.

Los condes Shuválov se interesaron por la pintura española¹⁸³, y sobre todo Piotr Shuválov (1846–1902), posiblemente impresionado por los cuadros recibidos de los Naryshkin. En 1899, Shuválov visitó España, donde compró varios lienzos y, entre ellos, magníficas obras de Zurbarán, de los llamados *Primitivos* de finales del siglo XV y principios del XVI, lo que era una novedad ya porque antes no habían merecido la atención de los coleccionistas. Así, sumando los lienzos que antes habían pertenecido a los Naryshkin, en el Palacio de los Shuválov junto al río Fontanka, había catorce cuadros de pintores españoles; algunos de ellos se encuentran ahora en el Ermitage y otros, en el Museo Estatal de Artes Plásticas Pushkin de Moscú y en el Museo de Arte de Sarátov.

u. französischem. München: Weber u. Finsterlin, 1850; *Passavant J. D. Gemälde Sammlung Seiner Kaiserl. Hoheit des Herzogs von Leuchtenberg in München*. Frankfurt am Main: Joseph Baer, 1851.

¹⁸¹ *Pávlova N. Yu. Sud'ba nasledstva gertsogov Leykhtenbergsikh v Rossii* (El destino de la herencia de los duques de Leuchtenberg en Rusia) // Gosudarstvennyy muzey istorii Sankt-Peteburga. Krayevedcheskiye zapiski (Museo Estatal de historia de San Petersburgo. Anales regionales). Vip. 5. San Petersburgo: GMI San Petersburgo, 1997. P. 202–217.

¹⁸² *Valera J. Obras completas...* P. 119–120.

¹⁸³ *Shmidt D. A. Sobraniye grafa Pavla Petrovicha Shuvalova v Sankt-Peterburge* (La colección del conde Pável Petróvich Shuválov en San Petersburgo) // *Khudozhestvennyye sokrovishcha Rossii* (Joyas artísticas de Rusia). San Petersburgo: Izd Imp. Obshchestva pooshchreniya khudozhestv, 1902. N° 11. P. 271–284.

Las colecciones más importantes de obras de maestros españoles entre los coleccionistas de San Petersburgo estaban en poder de los duques de Leuchtenberg y de los condes Shuválov. Había otros coleccionistas que si bien no llegaban a la altura de los anteriores, también aspiraban a enriquecer sus pinacotecas con lienzos de pintura española. El gran duque Konstantín Románov visitó España varias veces, y su colección contaba con cinco cuadros españoles. En 1908, se organizó una exposición con cuadros procedentes de colecciones privadas, que se tituló *Los años pasados*, donde se expusieron obras de los pintores españoles pertenecientes no solo a las personas arriba mencionadas, sino también propiedad de muchos otros, y entre ellos del general Piotr Durnovó, a quien pertenecía el cuadro de El Greco *Los apóstoles Pedro y Pablo*, que regalaría al Ermitage en 1911. Se sabe que compraban obras de los pintores españoles el conde Pável Stróganov, biznieta del famoso coleccionista de principios del siglo XIX, los condes Orlov-Davýdov, el príncipe Vladímir Orlov, los condes Panin y muchos otros. Tras la Revolución de octubre y la nacionalización de las colecciones privadas, una parte importante de esas colecciones pasó a enriquecer los fondos de diversos museos de Rusia.

LOS PRIMEROS ESTUDIOS SOBRE EL ARTE ESPAÑOL EN RUSIA

Los rusos empezarían a conocer el arte español en el siglo XVIII. Los primeros lienzos de pintores españoles aparecieron en San Petersburgo gracias a Catalina II y a los activos esfuerzos de los diplomáticos rusos en Madrid. Sin embargo, ese conocimiento se desarrollaría más o menos de manera sistemática ya en el siglo XIX¹⁸⁴. El amplio flujo de cuadros españoles, que apareció en el mercado del arte europeo como resultado de los complejos eventos políticos que habían golpeado a España a principios del siglo, fomentó el interés por coleccionar pintura española.

Los viajeros rusos que llegaron a España a mediados del siglo XIX pudieron no solo conocer directamente las mejores obras de la pintura española, sino también apreciar las particularidades artísticas y la singularidad temática de sus diferentes escuelas. Vasili Botkin en sus *Cartas sobre España* escribió que “dos eran los sujetos que les quedaban a los pintores españoles: la naturaleza y la religión”¹⁸⁵. Según él, “nadie en el mundo había logrado captar la naturaleza en su realidad palpitante como lo había hecho Velázquez; los retratos de los pintores italianos y flamencos resultaban pálidos y muertos ante los de Velázquez”¹⁸⁶. A juicio de Botkin, la religiosidad profunda de los españoles se reflejaba en la obra de Zurbarán y de Murillo. Los lienzos de Zurbarán le parecían “sombrios” y “siniestros”. El viajero ruso comentaría asimismo: “La cara fúnebre y lúgubre del catolicismo ha encontrado también un gran representante: el triste Zurbarán. No pintó nada que no fueran monjes penitentes. ¡Qué imágenes tan lúgubres!”

655

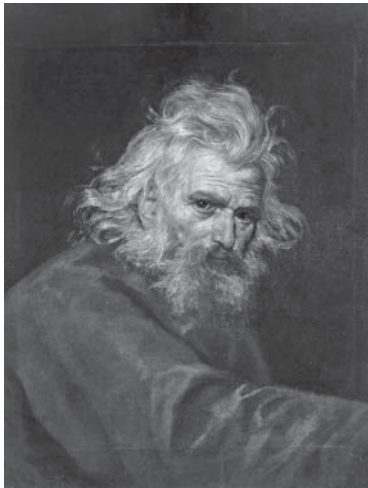
¹⁸⁴ Véase los capítulos “La colección de pintura española del Ermitage Imperial” y “La pintura española en las colecciones privadas de San Petersburgo”.

¹⁸⁵ *Botkin V.P. Pisma...* P. 70.

¹⁸⁶ *Ibíd.* P. 70, 107.

Karl Briulov y Diego Velázquez

Karl Briulov tenía en alta estima la obra de Diego Velázquez, el ingenio y la maestría del gran pintor español. Copiar las obras de Velázquez se convirtió para el joven Briulov en una verdadera escuela de destreza. También su padre, Pável Briulov, que enseñó a su hijo a pintar, consideraba que la obra del pintor español era un modelo a seguir. Uno de los discípulos de Briulov recordaba: “Cuando el padre se convenció de que Karl ya se sentía bastante bueno en el dibujo, le permitió copiar la famosa *Cabeza de anciano* de Velázquez que se encontraba expuesta en la Pinacoteca Stróganov”. El padre “hizo a su hijo copiar la *Cabeza de anciano* doce veces hasta que aprendió a la perfección la manera y la excelente técnica de su autor”. Se puede juzgar la influencia de Velázquez en el joven Briulov por el número de copias hechas de los cuadros de Velázquez.

Cabeza de anciano.
Autor desconocido. En el siglo XIX
atribuido a Velázquez.

Tras convertirse en un gran pintor, Briulov no cambió apasionada valoración de Velázquez. Durante sus viajes al extranjero, en los museos de Italia y España, siempre prestó especial atención a las obras de su “maestro”, y después declararí a sus discípulos: “En Turín [...] me encontraba visitando atentamente la pinacoteca hasta que llegué frente a un cuadro de Velázquez en el que se veía a un joven apoyado en su brazo. Al ver a aquello, le asigné mentalmente el número uno, y luego ya no quise seguir viendo nada más”. Entre 1850 y 1852, Briulov visitó España y en Cataluña terminó su lienzo *La procesión de los ciegos en Barcelona*.

Es posible que Briulov fuera la primera persona en Rusia que prestara atención al extraordinario estilo que encierra la rica pincelada de Velázquez (“la jugosidad de su pintura”). Según decían sus discípulos, “En

Velázquez veía una plasticidad increíble, la verdad del color, la morbidez del cuerpo, el carácter y la expresividad; le reconocía la maestría indiscutible en el manejo del pincel, una maestría que le permitía expresar al mismo tiempo, forma, color, profundidad y perspectiva en un mismo plano; de esa manera, se reducía el tiempo de ejecución de la obra y se mantenían cierta frescura y jugosidad que habrían desaparecido inevitablemente en caso de llevar a cabo el trabajo de manera lenta, tímida y minuciosa”. No es casual, que una de las últimas obras de Briulov, *Retrato del arqueólogo Miguel Ángel Lanci*, permita recordar por la riqueza de matices del color rojo y la profundidad del psicológica permite recordar el *Retrato de Inocencio X* de Velázquez.

En cuanto a Murillo, según Botkin, “plasmó la parte ardiente, apasionada y poética del catolicismo. Jamás poesía más mística aparecería en un lienzo con una realidad tan expresiva, presentada de forma tan viva que resulte accesible al más sencillo de los sentidos”. Y sigue: “La religiosidad de Murillo es apasionada, ardiente, se queda pasmada ante las visiones místicas, pero al mismo tiempo no es ni ajena ni hostil frente al mundo, es tierna y amorosa”¹⁸⁷.

La opinión de Botkin reflejaba el gusto estético de los pintores rusos que conocían la pintura española a través de la colección del Ermitage y de las colecciones privadas. Así, la ternura y el sentimentalismo de Murillo eran muy afines a Vladimir Borovikovski y a Vasili Tropinin, y los maestros favoritos de Karl Briulov serían Murillo y Velázquez¹⁸⁸.

La aparición en el Ermitage de la importante colección de pintura española favoreció la formación de un interés científico por el estudio de la historia del arte español. Los primeros materiales sistematizados sobre la pintura española aparecieron en forma de catálogos y guías de las pinacotecas. En 1838, en San Petersburgo, se publicó en francés el primer catálogo-guía en formato impreso titulado *Livret de la Galerie Imperial del'Ermitage de Saint-Petersbourg*, redactado por Franz Labensky, conservador de la Pinacoteca del Ermitage, quien se había basado en el trabajo manuscrito de su predecesor, Auguste Planat. En ese catálogo, los cuadros estaban clasificados por escuelas pero se presentaban según la situación en la pinacoteca¹⁸⁹. Además, esa publicación proporcionaba información sobre las dimensiones, los materiales y las técnicas, contenía descripciones detalladas de los cuadros y a veces comentaba algunos hechos insólitos de la vida de los pintores.

Desde febrero de 1852, el Ermitage se convirtió en un museo abierto al público, lo que implicó la publicación de una guía especial que sirviera para un gran número de visitantes. Y esa guía, la primera en el idioma ruso, fue escrita por Andréi Sómov y publicada en 1859. Sómov, matemático de formación y autodidácta en el ámbito de la historia del arte, conocía muy bien las colecciones de los museos extranjeros, había aprendido a dibujar, practicaba el grabado y tenía relaciones con los círculos artísticos de San Petersburgo. En 1886, se hizo conservador jefe de la sección de pintura, grabados y dibujos del Ermitage Imperial. La guía de Sómov estaba escrita en forma de breve historia del arte y tenía ilustraciones a modo de ejemplos procedentes de la colección del Ermitage. Además, la guía contenía una reseña sobre el arte español y, por primera vez, comentaba la obra de toda una pléyade de pintores españoles del Siglo de Oro.

¹⁸⁷ *Ibíd.* P. 72.

¹⁸⁸ *López Cruz J.* Murillo y Velázquez v russkoy khudozhestvennoy kul'ture XIX-nachala XX vekov (Murillo y Velázquez en la cultura pictórica rusa en el siglo XIX y a principios del siglo XX). Tesis. Moscú, 2001. P. 35; K.P. Bryullov v pis'makh, dokumentakh i vospominaniyakh sovremennikov (K.P. Briulov en las cartas, documentos y memorias de sus contemporáneos). Moscú: Izd-vo Ak. khud. SSSR, 1961. P. 62.

¹⁸⁹ [*Labensky F.J.*] *Livret de La Galerie Impériale de L'Ermitage de Saint-Pétersbourg*, contenant l'explication des tableaux qui la composent avec des courtes notices sur les autres objets d'art ou de curiosité qui y sont exposés. Saint-Pétersbourg: De L'imp. d'Edouard Pratz & Cie, 1838.

Sómov destacó el carácter autóctono de la escuela de la pintura española debido, según él, a la peculiaridad de la naturaleza y la historia del país. Comentó: “Sea donde sea, que un pintor desarolle su labor en la Península Ibérica, su obra reflejará rasgos comunes a todos los pintores españoles: un carácter reservado, severo, espiritual...; tonos intensos y cálidos como el cielo de Andalucía y Valencia; un trazo majestuoso como la naturaleza de la Península; una expresión triste y devota como el espíritu del pueblo que sufrió la inquisición”¹⁹⁰.

El gran interés y la fascinación de Sómov por la pintura española se manifestaron en sus opiniones sobre la obra de los maestros españoles. El espíritu de los lienzos españoles le atraía, a menudo, se sentía cautivado por sus tonalidades, pero el trazo, a su juicio, dejaba bastante que desear. En la obra de casi todos los maestros españoles, Sómov encontraba tanto aspectos positivos, como negativos. Elogiaba en Ribera a “la fuerza [...] del trazo”, destacaba “la audacia y la novedad” con las que el pintor representó “el sufrimiento, el suplicio y las lágrimas”, y calificó el estilo de su *San Sebastián* como “lleno de gusto y dignidad”. En cuanto a Murillo, según Sómov, “es el mejor y el más famoso de los pintores españoles”. Sin embargo, “uno de los más grandes pintores de todos los tiempos” era Velázquez. “De tonalidades equilibradas, ricas, precisas, armónicas, su trazo es sutil y libre. En retrato solo Tiziano y Rubens pueden compararse con Velázquez, aunque no en todos los casos”. Sobre el esbozo del retrato del papa Inocencio X, que en aquel momento formaba parte de la colección del Ermitage, Sómov escribió: “Es imposible no detenerse ante él para admirar la viveza del color, la audacia del pincel y el volúmen”¹⁹¹.

En la segunda mitad del siglo XIX, los conservadores de la colección del Ermitage continuaron realizando un activo trabajo museístico. Empezaron a establecer contactos con los investigadores occidentales. Uno de ellos, Gustav Waagen, crítico de arte alemán, visitó San Petersburgo en los años 1860 y 1861. La publicación científica del catálogo de E. Bruining y A. Sómov está fechada en 1889, y en ella se tuvo en cuenta la más reciente información para aquel entonces sobre las investigaciones occidentales acerca del arte español¹⁹². Aparecieron trabajos traducidos cuyos autores, a pesar de reconocer la identidad nacional del arte español, subrayaban constantemente su dependencia del arte italiano. Esos trabajos apuntaban que “el rasgo característico de las escuelas españolas consistía en reunir el realismo flamenco con el italiano o con el espiritualismo católico”. Así, a Zurbarán lo comparaban con Caravaggio y a Ribera lo consideraban dentro de la escuela artística italiana¹⁹³.

Compartió también esta opinión Piotr Gnédich, uno de los primeros historiadores nacionales del arte extranjero. Gnédich, que conocía perfectamente los

¹⁹⁰ *Sómov A.I.* Kartiny imperatorskogo Ermitazha (Los cuadros del Ermitage Imperial). San Petersburgo: Tip. A. Yakobsona, 1859. P. 60.

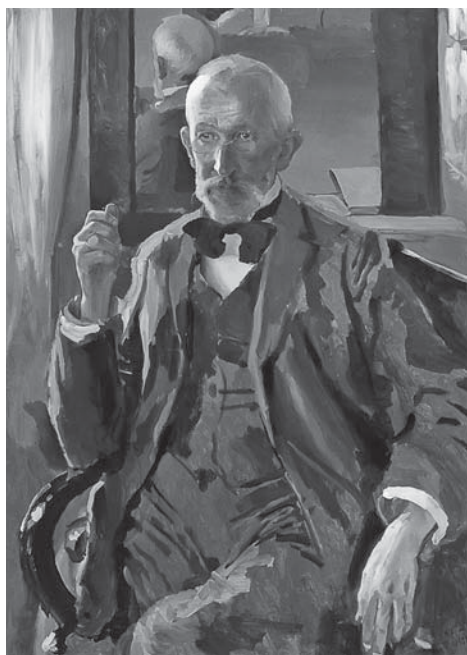
¹⁹¹ *Ibíd.* P. 70–71.

¹⁹² *Kagané L.* La pintura española del Museo del Ermitage... P. 20–21.

¹⁹³ Véase, por ejemplo: *Reymon V.* Istoriya iskusstv (Historia de las artes). Moscú: Tip. I.I. Rodzevicha, 1876. P. 169.

trabajos de los investigadores occidentales, veía en la pintura española una fuerte influencia italiana y flamenca. En la primera historia universal del arte nacional, publicada por Gnédich en 1885, sobre los maestros españoles no había nada más que menciones superficiales¹⁹⁴. Para él, Zurbarán es “un Caravaggio español”, los cuadros de Velázquez en el Ermitage son “obras que no desmerecen a las salidas del genial pincel de Van Dyck” y Ribera “por definición, es mucho más italiano” que español. Pero “la cima máxima del arte español”, según él, era la pintura de Murillo en cuya obra le seducían “la incomparable finura de los tonos del aire y el atractivo del colorido”¹⁹⁵.

En 1897, Gnédich publicó una historia universal de las artes en muchos volúmenes¹⁹⁶. La pintura de Ribera despertaba en el autor un rechazo muy fuerte. Gnédich escribía: “Él [Ribera] representaba con sumo gusto torturas de todo tipo; con frecuencia sus cuadros resultan repugnantes y sus santos con la piel medio rasgada no provocan nada que no sea asco”. A Zurbarán lo trataba con mayor indulgencia: “Sus obras son espectaculares y potentes gracias a su serio y solemne colorido”, — diría el investigador indicando que en la pintura de Zurbarán se fundían “la virtud y la sensibilidad”. Escribió con admiración sobre las obras de Velázquez, sobre la representación “del naturalismo heroico”

Konstantín Sómov. *Retrato de Andréi Sómov*.

en sus lienzos que se manifestaba “através de la solemnidad que se desprendía de cada retrato y que hacía que cada cuadro elevara al espectador a esferas superiores”¹⁹⁷. Gnédich apreció, además, la maestría de Velázquez en el arte del retrato: fueron sobre todo las imágenes de Felipe IV y las del conde-duque Olivares, las que le causaron a Gnédich una mayor impresión. En la literatura nacional, Gnédich también fue el primero en tratar de analizar los lienzos de género de Velázquez al apreciar en *Las hilanderas* (*La fábula de Aracne*) la “capacidad de alcanzar un placer puramente estético en el argumento más cotidiano”¹⁹⁸. La evaluación y las

¹⁹⁴ *Gnedich P.P.* Vsemirnaya istoriya iskusstv (La historia universal de las artes). San Petersburgo.: Izd. A.F. Marksa, 1885.

¹⁹⁵ *Ibid.* P. 423–428.

¹⁹⁶ *Gnedich P.P.* Istoriya iskusstv (Historia de las artes). Vol. 2. San Petersburgo: Izd. A. F. Marksa, 1897.

¹⁹⁷ *Ibid.* P. 497–505, 514–515.

¹⁹⁸ *Ibid.* P. 515.

preferencias estéticas de Gnédich influyeron en el desarrollo de las opiniones sobre el arte español en los trabajos de los críticos de arte rusos.

Sin embargo, en las publicaciones enciclopédicas se mantenía la tendencia anterior y se seguía estudiando la pintura española como objeto de influencia de la escuela de arte italiana. Se puede considerar que los artículos que formaron parte del *Diccionario Enciclopédico Brockhaus y Efrón* en 1894 culminaron el período inicial del estudio del arte español en Rusia. Parte de los artículos fue firmada por Sómov, pero en el resto no figura ninguna mención de autoría. En uno de los artículos se decía: “En el siglo XVII, el arte de la pintura [en España] debe su auge a la influencia de los naturalistas italianos. Los mejores maestros de la época son Zurbarán y Ribera, Velázquez y Alonso Cano”¹⁹⁹. Y a pesar de que tradicionalmente se comentaba que los cuadros de Ribera “no satisfacían el gusto estético de nuestro tiempo a causa de la tendencia naturalista que se manifestaba de manera llamativa en los cuadros del maestro, quien, además, se adelantaba en la exageración de la realidad”, así como a pesar de que se explicaba que “él [Ribera] se distinguía sobremanera por su carácter lúgubre, envidioso y vengativo”, se subrayaba que sus obras poseían “un trazo maestro, originalidad de la composición y un claroscuro magnífico”. A Zurbarán lo llamaban “un pintor excelente”, y en cuanto a Murillo, se decía que “sorprendía por su libertad, su audacia y un poder por medio de los cuales su tratamiento ardiente de los temas espirituales se cristalizaba en formas realistas, en formas nacionales españolas”. A los autores de los artículos les atraían precisamente las tendencias naturalistas. Apareció también por primera vez información sobre El Greco, pero los autores de los artículos no entendían, claro está, la manera de pintar del artista e indicaban que “en pos de la originalidad se puso a utilizar un número limitado de colores con tonos apagados, borrosos y desacordies y a dibujar de manera seca y extravagante”²⁰⁰.

En 1898, se publicó una nueva guía de la pinacoteca del Ermitage redactada por el asistente de Sómov, Alexánder Neustróyev, musicólogo famoso aficionado por la pintura²⁰¹. Al igual que Gnédich, el autor de ese catálogo apreció altamente la obra de Velázquez. Neustróyev comentó: “Sus retratos [de Velázquez] proporcionan una característica completa de la singularidad del individuo representada, hasta en los mínimos detalles por su carácter, sus costumbres cotidianas, su vida espiritual que aparece oculta para un observador menos perspicaz”. En cuanto al retrato de Felipe IV de Velázquez, el autor lo explicó así: “Es suficiente mirar el pálido rostro, sin carácter, para comprender que durante toda su vida fue un mecenas inconsciente, y que la literatura y el arte eran accidentales actividades con las que tropezó su espíritu apático”. La imagen del conde-duque Olivares, creada por el maestro español, según Neustroyev, “muestra una mezcla extraña

¹⁹⁹ Entsiklopedicheskiy slovar' (Diccionario Enciclopédico). T. 25. San Petersburgo: F.A. Brokgauz, I.A. Yefron, 1894.

²⁰⁰ Izbrannyy Brokgauz: entsiklopedicheskiy slovar'. Iskusstvo Zapadnoy Yevropy. Italiya. Ispaniya (Trabajos seleccionados de Brockhaus: diccionario enciclopédico. El arte de la Europa Occidental. Italia. España). Moscú: Olma-Press, 1999. P. 82, 278, 335, 338.

²⁰¹ Neustróyev A.A. Kartinnaya galereya imperatorskogo Ermitazha (La pinacoteca del Ermitage Imperial). San Petersburgo: Tip. I. Yefrona, 1898.

de obstinación y debilidad, susceptibilidad y atrocidad, una melancolía sensual y, una superstición religiosa, un carácter vengativo implacable y la pasión por la dominación. [...] El pintor presentó al personaje tal y como la vida lo habrá forjado²⁰².

En los mismos años, aparecieron también los primeros trabajos dedicados a la obra de Goya. Vasili Nemiróvich-Dánchenko estudió su obra desde el punto de vista del realismo, subrayando la excepcional vitalidad de las imágenes del pintor. Comentó: “Sus retratos son admirablemente vivos y representativos. Gracias a ellos se puede conocer la España de principios de este siglo mejor que através de los libros y relatos de los periodistas”²⁰³. Al reflexionar sobre el lienzo de *La familia de Carlos IV*, el investigador prestó atención a que “en las caras del rey, de la reina y de sus familiares, representados por el pintor, no se disimulaba ningún defecto. Ni un solo rasgo de bajeza, ni la menor expresión de alguna mala intención”. En el retrato de María Luisa de Parma Goya “siendo como era un pintor realista, continuó fiel a la verdad y la representó con todo el horror de su fealdad”²⁰⁴.

En 1884, Vladimir Stásov, apasionado predicador y defensor de la corriente del realismo crítico en el arte ruso, escribió un ensayo sobre Goya. A su juicio, Goya era atractivo sobre todo como autor de grabados y por aspirar a alcanzar la veracidad histórica y psicológica. Stásov escribía: “Todavía no se ve al verdadero Goya ni en los cuadros, ni en los frescos, ni en los retratos de Goya”. Mientras que en sus grabados “vemos por todas partes en primer plano el carácter nacional, la actualidad y la sensación de estar frente a la auténtica historia”²⁰⁵.

Así, ya en los primeros trabajos de los investigadores rusos el enfoque de la pintura española como síntesis del naturalismo y el espiritualismo dejó paso a la interpretación del “naturalismo heroico”. El cambio de puntos de referencia fue causado principalmente por la evolución de la vida artística en Rusia condicionada por el fortalecimiento de las tendencias realistas en el arte.

LA LITERATURA ESPAÑOLA EN LA TRADUCCIÓN RUSA DEL SIGLO XIX

661

Mijaíl Alekséev señaló que “la primera oleada de *hispanofilia* rusa data de 1812”²⁰⁶. Esa *hispanofilia*, de carácter básicamente político, repercutió indirectamente también en la aparición de obras literarias españolas en la cultura rusa. En el periodo anterior, en la primera década del siglo XIX, habían sido traducidos al ruso muy pocos autores españoles. Al igual que en el siglo XVIII, siguieron apareciendo traducciones de Cervantes: la novela pastoril *La Galatea*, las *Novelas ejemplares* e historias intercaladas en el

²⁰² *Ibid.* P. 115, 118.

²⁰³ *Nemiróvich-Dánchenko V.I. Sredi “Velikikh”*. Iz puteshestviy po Ispanii (Entre “los más Grandes”. De los viajes por España) // *Russkaya mysl'*. 1887. № 1. P. 77.

²⁰⁴ *Ibid.* P. 257–258.

²⁰⁵ *Stásov V.V. Izbrannoye. Zhivopis'. Skul'ptura. Grafika* (Artículos selectos. Pintura. Escultura. Gráfica). Moscú - Leningrado: Iskusstvo, 1951. T. 2. P. 357, 382.

²⁰⁶ *Alekséev M.P. Russkaya kultura i romanski mir...* P. 97–139.

Don Quixote de La Mancha. Versión rusa del s. XIX.
Portada.

Quijote. Un hito importantísimo para la interacción de las dos literaturas a caballo de los siglos fue, sin duda, la traducción de *Don Quijote de la Mancha* hecha por Vasili Zhukovski a partir de la versión de Jean Pierre de Florian (1804–1806; 2a edición en 1815). “Comenzaba una época de interpretación filosófico-psicológica del *Quijote*; Zhukovski se sitúa con su traducción, indudablemente, en los orígenes de la misma”²⁰⁷. Fueron publicadas en ruso por primera vez obras de autores españoles vivos: los poetas Juan Bautista Arriaza y Juan Meléndez Valdés y el narrador Pedro Montengón²⁰⁸. Posteriormente, los traductores rusos no volvieron trabajar sobre las obras de dichos autores.

Pese a los numerosos comentarios, en respuesta a los acontecimientos españoles tanto en la prensa como en la literatura rusas, y a pesar también de la publicación de obras imitadoras, en las décadas de 1820 y 1830 las traducciones de autores españoles siguieron siendo escasas y como se había hecho hasta aquel

²⁰⁷ Bagnó V.E. Don Kijot v Rossii i russkoie donkijotstvo (Don Quijote en Rusia y el quijotismo ruso). San Petersburgo: Naúka, 2009. P. 26.

²⁰⁸ Véase: *Don Juan Bautista de Arriaz*. Proshanie s ruchiom (Despedida del arroyo) / Trad. en prosa // Severni Vestnik. 1805. Parte 7. N° 9; *Don Juan Meléndez*. Dni moiey molodosti (Días de mi juventud); Srublennoie derevo (Árbol cortado) / Trad. en prosa // Ibíd; Srublennoie derevo: Podrazhanie Melendesu (Árbol cortado: Imitando a Meléndez) / B [K. Batiushkov] // Vestnik Evropy. 1807. Parte 36. N° 27; *Montengón P.* Eudoxia, dscher neschastnogo Velizaria (Eudoxia, hija del desdichado Belisario): Istinnaya povest (Relato verídico) / Versión rusa de I. Sngrv [I. Sneguiriov]. Moscú: Univ. tip., 1809. Por aquel entonces, Sneguiriov tradujo también la obra teatral *Guzmán el Bueno* de Tomás de Iriarte, literato del siglo XVIII (*Iriarte y Oropesa T.* Guzmán, ili Primer ispanskij voinov (Guzmán o el Modelo de los guerreros españoles) // *Montengón P. de.* Eudoxia, dscher neschastnogo Velizaria (Eudoxia, hija del desdichado Belisario): Istinnaya povest (Relato verídico). Moscú: Univ. tip., 1809. Parte 2.

momento siempre según, las publicaciones en otros idiomas aunque a veces también se tuvo en cuenta las obras originales en español. Aparecieron reseñas de literatura y teatro españoles, con mucha mayor frecuencia hechas habitualmente a partir de fuentes extranjeras. En estos trabajos a menudo se incluía una exposición o una traducción de fragmentos importantes de algunas obras españolas²⁰⁹.

Un hecho significativo en la historia de la hispanofilia rusa son las traducciones de los romances del Cid realizados de forma independiente por Vasili Zhukovski y Pável Katenin (ambas a partir del alemán)²¹⁰. En 1831, vio la luz un *Don Quijote de la Mancha* algo abreviado en traducción de S. de Chaplet (otra vez desde la versión francesa de Florian)²¹¹; y en 1832, los primeros 27 capítulos de *Don Quijote de la Mancha* traducidos por Konstantín Masalski (versión inconclusa). Se trata de la primera vez en que una obra de Cervantes es traducida en Rusia directamente del español²¹².

En 1816, R. Gonorski publicó en *Ukrainski Vestnik* una traducción del famoso romance del “ciclo moro”, *Zaide y Zaida*²¹³. En el subtítulo se cita la primera línea

²⁰⁹ Véase, por ejemplo: *Bulgarin F.V. Vzgliad na istoriyu ispanskoi literatury* (Una mirada a la historia de la literatura española) // *Syn otechestva*. 1821. Parte 72. N° 10, Parte 73. N° 11; *Nechto ob Ispanii, v otnoshenii k yazyku, literature, iskusstvam i obschchitiiyu* (Algo sobre España, con respecto al idioma, la literatura, las artes y la vida de la sociedad) // *Novaya literatura*. 1824. N° 24; *Maikl K. Rytsarstvo v Ispanii* (Caballeros en España) // *Vestnik Evropy*. 1827. N° 21; *Shlégel A.V. O romane i dramaticheskoi poezii ispantsev* (La novela y la poesía dramática de los españoles): *Iz Shleguevoi istorii literatury* (De la Historia de la Literatura de Schlégel) // *Moskovski vestnik*. 1828. Parte 9. N° 10, N° 11; *Katenin P.A. Razmyshlenia i razbory* (Reflexiones y análisis). Art. 6: *O poezii ispanskoi i portugalskoi* (Acerca de la poesía española y portuguesa) // *Literaturnaya Gazeta*. 1830. T. 2. N° 50, N° 51; *Shlégel A.V. Vzgliad na angliiski i ispanski teatry* (Una mirada a los teatros inglés y español) // *Uch. Zap. Imp. Moskovskogo universiteta* (Memorias Académicas de la Universidad Imperial de Moscú). 1836. Parte 11; *Hallam H. Istoria evropeiskoi literatury 15 i 16 stoletiy* (Historia de la literatura europea de los siglos XV y XVI). San Petersburgo: Tip. Imp. Akad. nauk, 1839.

²¹⁰ *Iz vlechenie iz drevnij romansov ispanskij* (Extractos de antiguos romances españoles) / V. Zh. // *Muraveinik*. 1831. N° 1. P. 9–12; N° 2. P. 11–19; *Romansy o Side* (Romances del Cid) // *Katenin P.A. Sochinenia i perevody* (Obras y traducciones). San Petersburgo, 1832. Parte 2. P. 119–175.

²¹¹ “Chaplet aprovechó sin ningún repaso los hallazgos de Zhukovski, no tuvo escrúpulos en hacer uso directamente de su traducción, y probablemente de forma intencionada sin temer que lo pillasen y partiendo tal vez de la consideración de que recrear dignamente la obra maestra cervantina en suelo ruso era cosa de todos, por lo que que resultaba absurdo lanzarse a buscar nuevas soluciones para algo que ya había sido resuelto por su antecesor”. *Bagnó V.E. Don Kijot v Rossii...* P. 40.

²¹² Véase: *Budágov R.A. O pervom russkom perevode Don Kijota s ispanskogo yazyka* (La primera traducción del *Quijote* directa del español) // *Servantes: Statiy i materialy* (Cervantes: artículos y materiales). Leningrado: LGU, 1948. P. 201–204; véase la comparación de las traducciones hechas por K. Masalski y V. Karelin en: *Bagnó V.E. Don Kijot v Rossii...* P. 45–51.

²¹³ *Zaid i Zaida: Otryvok romansa “Po tropinke moei miloi...”* (Zaide y Zaida: fragmento del romance. “Por la senda de mi querida...”) // *Ukrainski Vestnik*. 1816. Lib. 9. Sept. P. 330–332.

del original: “Por la calle de su dama, etc.”; al pie dice: “Del español por Gonorski”. De todas maneras, se puede hablar de una versión directa del español solo de forma hipotética; evidente que se trata de una traducción cercana al texto pero resumida tal y como se recoge en la versión del romance popular que aparecía en la *Historia de los bandos de los zegríos y abencerrajes* (1595), de Ginés Pérez de Hita.

Entre las primeras traducciones publicadas que sobre las que no hay duda de que fueron realizadas directamente del español se encuentran el primer acto de la comedia de Calderón de la Barca *Casa de dos puertas mala es de guardar*²¹⁴, publicada en 1828 por Piotr Kiríevski, y las versiones poéticas de Konstantín Masalski, que empezaron a ver también la luz a partir de 1828²¹⁵.

En la década de 1840, Rusia cuenta ya con no pocos traductores que trabajan con originales en español: M. Lijonin, P. Kórsakov, K. Timkovski, N. Piátnitski. A mediados del siglo XIX, no era infrecuente que se tradujesen en prosa obras del teatro clásico español como fue el caso de Konstantín Timkovski que hizo versiones al ruso de Calderón, Moratín, Moreto y Francisco de Rojas y solo a veces tradujo en verso blanco algunos monólogos. En 1852, Panteleimón Kulish, que tradujo artículos de George Ticknor sobre la literatura española, señalaba en una nota a pie de página: “En vez de seguir el ejemplo de Ticknor y transmitir versos mediante versos, traducimos del original español en prosa tratando de conservar, donde sea posible, los caprichos del habla española de la época de Lope de Vega en detrimento, quizás, de la fluidez de la estructura rusa. En nuestra opinión, la antigüedad no debe traducirse con frases de nueva composición, sino que el carácter foráneo del habla solo será percibido por el lector ruso cuando la traducción mantenga (en lo posible) sus propias locuciones idiomáticas”²¹⁶. Se atuvo a la misma tradición, ya en 1883, otro traductor de Ticknor, Nikolái Storozhenko: “En lo que respecta a los numerosos fragmentos de la poesía española que inserta Ticknor en una versión poética en inglés, hemos considerado más apropiado traducirlos directamente de los originales en español y además en prosa”²¹⁷. Yulia Doppelmayer, traductora de la obra de Gustave Hubbard, trató de traducir, en la medida de lo posible, los poemas con versos. Para la *Serranilla* del marqués de Santillana “Moza tan hermosa...” (en Storozhenko traducida en prosa), citada en su versión en castellano antiguo en la *Historia de la Literatura Contemporánea*

²¹⁴ Trudno sterech dom o dvuj dverijaj: Komedia. Den pervy (Casa de dos puertas mala es de guardar: Comedia. Jornada Primera / [Trad.] P. Kiríevski // Moskovski Vestnik. 1828. Parte 11. N.º 19/20. P. 234–271.

²¹⁵ *Villegas*. K ruchyú (Al arroyo) // Severnye Tsvety para 1829. San Petersburgo, 1828. P. 72–73; *López de Vega*. Razmyshlenie (Reflexión) // Moskovski Telegraf. 1829. Parte 30. N.º 23. P. 306–307; *Cetina* [Cetina G. de]. Novaya tetivá (Nueva cuerda del arco) // Moskovski Telegraf. 1830. Parte 31. N.º 1. P. 44; *Iriarte*. Medved, martyshka i svinyá (El Oso, la Mona y el Cerdo); Po slúchayu (De ocasión) // *Masalski K.P.* Sochinenia, perevody i podrazhania v stijaj (Obras, traducciones e imitaciones en verso). San Petersburgo: Tip. Imp. Akad. Nauk, 1831. P. 87–90. Posteriormente, Masalski volvió a reeditar esas traducciones en múltiples ocasiones, a veces sin mencionar a los autores.

²¹⁶ [Ticknor G.] Istoria ispanskoi literatury (Historia de la literatura española). Artículo Tercero // Otech. Zapiski. 1852. T. 82. N.º 6. Parte II. P. 83.

²¹⁷ *Ticknor G.* Istoria ispanskoi literatury (Historia de la literatura española) / Trad. del inglés, de N. Storozhenko. Moscú, 1883. T. 1. P. II.

en España, Doppelmayr haría una observación: “Es una imitación de los poetas provenzales, ejemplo del antiguo y primitivo canto castellano, que no admite traducción alguna a otro idioma”²¹⁸.

A partir de la década de 1850, la traducción de autores españoles, incluidas las versiones hechas directamente desde el original, ya no resultaban un hecho excepcional: la literatura española empezaba a formar parte del entorno cultural de Rusia junto a las otras literaturas europeas, e iba aumentando progresivamente. Empezó a prestarse atención no solo a los maestros del Siglo de Oro, sino también las novedades de la literatura española, a las obras de escritores contemporáneos: narradores, poetas, dramaturgos. Así, los rusos fueron conociendo paulatinamente Mariano José de Larra, Gustavo Adolfo Bécquer, Fernán Caballero, José Zorrilla, Juan Valera, Pedro Antonio de Alarcón, Emilia Pardo Bazán, Benito Pérez Galdós, José de Espronceda, José Echegaray, entre otros.

Lo peculiar del caso es que en la segunda mitad del siglo XIX muchos de los autores desconocidos para el público lector ruso se mencionaban por primera vez en diversas *Historias de la Literatura*, tanto de mundial, como de la española, en las que se solía aparecer algún fragmento de las obras de autores españoles en versión rusa o a veces en versión original²¹⁹. Un importante papel para dar a conocer la poesía española —en primer término, la tradicional— al público ruso lo desempeñaron las notas de los viajeros que visitaron España.

El primero de los rusos que visitó España y luego le dedicó una obra específica a la literatura española, fue Faddéi Bulgarin²²⁰. Es de lamentar que su artículo no se basara en opiniones propias sino fundamentalmente en testimonios de “doctos Críticos” que pasa a enumerar: Schlegel, Díez, Bouterwek, Sismondi²²¹. Hallamos impresiones mucho más expresivas sobre la literatura española, incluidas traducciones de poemas y canciones populares anotadas por los mismos viajeros, en las notas de viaje de Vasili Botkin y de Vasili Nemiróvich-Dánchenko²²².

²¹⁸ *Hubbard G.* Istoría sovremennoy literatury v Ispanii (Historia de la literatura contemporánea en España). Moscú, 1892. P. 25.

²¹⁹ Véase por ejemplo: *Sherr I.* Ispania (España) // *Sherr I.* Vseobschaya istoria literatury (Historia Universal de la Literatura) / Trad. del alemán de A. Pypin. Ed. 2. San Petersburgo, 1863; *Zótov V.* Ispanskaya literatura (Literatura Española) // *Zótov V.* Istoría vseмирnoy literatury v obschij ocherkaj, bibliografij, jarakteristikaj i obrazaj (Historia de la literatura universal en ensayos generales, bibliografías, características e imágenes). T. 1–3. San Petersburgo-Moscú, 1878. T. 2; *Ticknor G.* Istoría ispanskoi literatury...; *Hubbard G.* Istoría sovremennoy literatury...; *Kirpíchnikov A.I.* Vseobschaya istoria literatury (Historia universal de la literatura). T. 2–4. San Petersburgo: Tip. M. Stasiulevicha, 1888–1892.

²²⁰ *Bulgarin F.V.* Vzgliad na istoriyu... Véase también: *Ídem.* Vospominania ob Ispanii (Memorias de España). San Petersburgo: Tip. N. Grecha, 1823.

²²¹ *Bulgarin F.V.* Vzgliad na istoriyu... P. 289–290.

²²² Véase el capítulo “El «Descubrimiento ruso» de España en el siglo XIX”. Además de *Ocherki Ispanii* Nemiróvich-Dánchenko publicó: *Krai Marii Prechistoi [Ocherki Andalusi]* (La tierra de Nuestra Señora, Ensayos de Andalucía). San Petersburgo, 1902. Fragmentos de estos ensayos se publicaron con diferentes títulos en la prensa periódica rusa (*Russkaya mysl*, *Nabliudatel*, *Russkie Vedomosti*, entre otras).

A menudo no es fácil trazar una línea divisoria entre la traducción y la adaptación talentosa en las versiones poéticas del siglo XIX. Así, Nemiróvich-Dánchenko incluyó en su ciclo del *Romancero: Poemy, legendy, vpechatlenia, mirazhi dlia ispanskogo dnevnika* (Poemas, leyendas, impresiones, espejismos para un diario español)²²³ tanto traducciones de canciones populares y obras de autor, como poemas originales; por ejemplo, sobre la leyenda del *Palacio de Almanzor* dice: “La maravillosa ubicación de este romántico alcázar y el destino de su constructor han inspirado al autor para crear el poema que ofrecemos”²²⁴. Las *Andaluzskie legendy* (Leyendas andaluzas) de Evgeny Salias, publicadas en Moscú en 1896, tienen mucho en común con el libro de Fernán Caballero *Cuentos y poesías populares andaluces* (1861).

Tampoco es fácil distinguir si se trata de poesía de autor o de poesía popular. Por ejemplo, Nemiróvich-Dánchenko que publicó en abundancia traducciones del español tanto en libros como en revistas e incluso las incorporaba en el texto de aquellas de sus obras cuya acción se desarrollaba en España, ora calificaba alguna de sus traducciones como la de una canción popular que habría escuchado en la calle, ora la atribuía a la pluma de un poeta conocido. Una curiosidad: el fragmento de *Kak tsvet vesenny, chisty, krotki...* (Cual flor de primavera, pulcra, dulce...) fue considerado primero de una canción manchega²²⁵; en su libro *La tierra de Nuestra Señora (Ensayos de Andalucía)* lo citó en dos ocasiones atribuyéndolo primero a Ramón de Campoamor y luego a José Zorrilla, y en su compendio de *Poesías* apareció sin que se indicara el autor.

Teniendo en cuenta todas las obras de la literatura española publicadas en Rusia se puede apreciar una tendencia más común también para toda la literatura traducida: a partir de la década de 1870 aproximadamente, creció notablemente el número de traducciones, si bien la calidad general de las mismas disminuyó. Se dió el caso que los relatos cortos de Pedro Antonio de Alarcón, Gustavo Adolfo Bécquer, Emilia Pardo Bazán y otros autores, algunos de ellos hoy poco conocidos incluso en España, al parecer gustaron a los editores de revistas populares de “lectura fácil”, como *Zhivopisnoye obozrenie* (Panorama Pintoresco), *Za 7 dnei* (En 7 días), *Vsemirnaya Ilustratsia* (Ilustración Universal) y otras. Junto a traducciones de buena calidad, obra de M. Watson, L. Jávkina, E. Béketova, M. Karmina-Chitau, aparecieron otras, a menudo anónimas, estilísticamente mediocres y que no se correspondían con el texto original. Sus autores dominaban mal el español y a menudo traducían las obras desde el francés²²⁶.

A finales del siglo XIX y principios del XX, fueron traducidas de nuevo, y repensadas, obras de clásicos españoles: María Watson realizó la mejor traducción al ruso de *El Quijote* anterior a la Revolución de 1917, se publicaron dos ediciones de obras de Lope de Vega, Konstantín Balmont publicó la famosa edición de los dramas de

²²³ *Nemiróvich-Dánchenko V.I. Stiji (Poesías): 1863–1901*. San Petersburgo: A.S. Suvorin, 1902. P. 344–436.

²²⁴ *Ibíd.* P. 384.

²²⁵ *Nemiróvich-Dánchenko V.I. V gostiaj u Don Kijota: Nedelia v Lamanche (Visitando al Quijote: una semana en La Mancha)* // *Niva*. 1896. N.º 43. P. 1060.

²²⁶ Para mayor detalle sobre disparejas traducciones de autores españoles, véase: *Korkonósenko K.S. Sem “Záitsev”: o variantaj perevoda odnogo rasskaza V. Blasko Ibaniesia (Siete “Parásitos”: versiones de la traducción de un relato de Vicente Blasco Ibáñez)* // *Russkaya Literatura*. 2012. N.º 2. P. 187–192.

Calderón. Balmont también fue traductor y divulgador en Rusia de coplas populares españolas, y Vatson tradujo cuentos populares españoles. Alexander Ostrovski hizo una traducción congenial de los entremeses de Cervantes²²⁷. Se continuó traduciendo obras teatrales de Agustín Moreto y Tirso de Molina; en múltiples ocasiones fueron reeditadas también las traducciones teatrales hechas por Serguéi Yúriev.

En definitiva, antes de 1917, la literatura española en Rusia se representaba de forma sistemática y plena solo en unas pocas antologías y libros de historia de la literatura, entre los cuales hemos de reconocer como los mejores *La Historia de la Literatura Universal* de V. Zótov; *La Historia de la Literatura Española* de G. Ticknor y *La Historia de la Literatura Contemporánea en España* de G. Hubbard. El panorama de la práctica de la traducción era muy distinto. No era infrecuente que traductores ocasionales tradujesen a autores españoles escogidos al azar; de entre los escritores que hoy se consideran clásicos reconocidos de la literatura española se tradujo con provecho y éxito solo a algunos literatos de “renombre”, mientras que otros excelentes autores tuvieron menos suerte en Rusia. El intento de aplicar criterios sistematizados en la traducción de la literatura española sería emprendido ya después de la Revolución de Octubre.

EL QUIJOTISMO RUSO COMO FENÓMENO CULTURAL

Con una unanimidad inusual, los literatos y filólogos españoles reconocen que fue precisamente en Rusia donde *Don Quijote* encontró a sus admiradores más apasionados, sus comentaristas más profundos, y donde se lograría una sintonía absoluta; en ese sentido tan solo Inglaterra podría, tal vez, competir con Rusia. Según Miguel de Unamuno “el pobre hidalgo manchego, después de haber resucitado del sepulcro en que le depositó Cervantes, ha corrido el mundo entero siendo aclamado y comprendido en muchas partes —en Inglaterra y en Rusia muy especialmente—”²²⁸. “El más superficial conocedor de la literatura rusa —afirma un investigador contemporáneo—, puede imaginar fácilmente la atracción que el mito quijotesco y la novela que lo crea hubo de tener en aquel pueblo (*ruso*)”²²⁹. Varios han sido los intentos de explicar las causas de la especial popularidad del *Quijote* en Rusia, así como de definir la particularidad nacional de esa recepción. Para unos, la causa principal radicaba en la indudable proximidad del carácter nacional español y del carácter ruso, los rasgos comunes en lo que se refiere a la búsqueda del Absoluto en las gestas espirituales y en la proximidad a la tierra o en la conciencia de su rol mesiánico en Europa. Otros consideraban que la recepción del *Quijote* en Rusia era una “síntesis de ascetismo y pasión”, un símbolo trágico que

²²⁷ Intermedii Migüelia Servantesa Saavedry (Entremeses de Miguel de Cervantes Saavedra). San Petersburgo, 1886; algunos entremeses se publicaron antes en la revista *Iziáschnaya Literatura* (Bellas Letras).

²²⁸ *Unamuno M. de*. Sobre la lectura e interpretación del Quijote // *Unamuno M. de*. Ensayos. T. I. Madrid: Aguilar, 1964. P. 670.

²²⁹ *Real de la Riva C*. Historia de la crítica e interpretación de la obra de Cervantes // *Revista de Filología Española*, 1948. T. 32. P. 138.

Miguel de Cervantes Saavedra

668

poco dispuesta a tomar en consideración la realidad y los hechos. Así, la humanidad se asemeja a Dulcinea. Más adelante, los populistas cambiarían “humanidad” por “pueblo ruso”. Al establecer un paralelismo entre la sufrida humanidad y la deseada Dulcinea, Karamzin fue el primero en expresar esa idea de quijotismo, tan típica de la mentalidad utopista rusa, que se convirtió en una cuestión de fe para los intelectuales rusos.

Finalmente, al hilo de la figura de Karamzín y de su interpretación, cabe apuntar una constante de la historia del quijotismo ruso, detectada y analizada en parte por un poeta, traductor y crítico literario ruso, Yuri Aijenvald: en Rusia hubo quienes analizaron el camino, el ejemplo y el fenómeno del Quijote (Karamzín, Belinskii, Turguénev, Dostoievski, Merezhkovski, Sologub, Lunacharski) y quienes, por su parte, vivieron “a la manera del Quijote” (Radíchev, Chernishevski, Tolstói, Soloviev, Voloshin, Korolenko, Sájarov). Según me consta, a Karamzín nadie lo llamó Quijote (a excepción de él mismo). Por cierto, no es casualidad que en la obra de teatro de Merezhkovski —*Pablo I*— esa frase de Karamzín la pronuncie el personaje de Pablo I.

El tema del quijotismo de Pablo I de Rusia hace tiempo que está en el punto de mira de los historiadores. Los contemporáneos del emperador ruso comparaban ya los intentos del monarca de dar un giro al curso de la historia rusa, su declarada hidalguía y el extremismo de sus criterios respecto a la concepción del mundo, la extravagancia y el

expresaría de las mejores maneras esa época de ruptura a finales del siglo XIX e inicios del XX.

El concepto de quijotismo como sinónimo de disparate, probablemente fue introducido en la lengua rusa por el más importante poeta de la ilustración y el clasicismo rusos, Gavrila Derzhavin. En su *Oda k Felitsii* (Oda a Felitsia), dedicada a Catalina II de Rusia, Derzhavin elogia entre otras cosas el comportamiento moderado de la emperatriz, que “no comete quijotismos”. Nikolái Karamzín en una carta de 1793 dirigida a Iván Dmítriev, confesó: “Dirás que soy un Quijote. Pero ese glorioso caballero no podía amar a Dulcinea con tanta pasión como yo amo a la humanidad”. Esta afirmación es interesante por varias razones. Es sumamente típica de una mentalidad misticadora

amor por los tiempos pasados del Caballero de la Triste Figura. A Pablo I lo compararon con Don Quijote en varios epigramas de la época. Napoleón llamó “Quijote” a Pablo I después de que éste le propusiera un duelo para de esa manera poner fin a las guerras que devastaban Europa. Más de un historiador, refiriéndose a Pablo I, lo llamó “Un Quijote coronado”. El quijotismo de Pablo I es además de sumo interés porque colinda con dos tramas comunes e independientes: la de la “cenicienta” y la del “rey por un día”. Así, en el ámbito ruso, el mito del Caballero de la Triste Figura quedó reflejado en la historia de una cenicienta caballerisca coronada, una historia con un trágico final.

En cierto modo, la historia del quijotismo ruso empieza con el artículo de Iván Turguénev *Hamlet y Don Quijote* publicado en 1860 en la revista *Sovreménnik*. El artículo da un giro en lo referente a la percepción del Quijote. Si antes de su publicación, según Turguénev, “cualquiera se habría sentido halagado de tener la fama de Hamlet, nadie habría querido ser llamado Quijote”, después de la publicación, la mayoría de los rusos se sentirían honrados si los compararan con Don Quijote. Turguénev ofreció una de las interpretaciones más vivas y fructíferas del personaje cervantino.

Su interpretación contrastaba con la concepción ya tradicional en la literatura rusa de Don Quijote como hombre arcaico y conservador y contrario a las exigencias de su tiempo. Según Turguénev, Don Quijote es un héroe positivo, luchador y revolucionario, portavoz de una ideología nueva. La imagen que revela en su artículo el escritor ruso y que recibe el nombre del personaje cervantino, expresa una “fe por encima de todo; fe en algo eterno, inmutable, en una palabra, en la verdad, en una verdad que se encuentra fuera de un individuo concreto, pero que le es fácilmente dada, una fe que exige entrega y sacrificio, pero que se rinde ante la persistencia de esa entrega y la magnitud del sacrificio”. Las dominantes de su naturaleza son la abnegación y una permanente actividad: “Él vive (si se puede expresar de esta manera) fuera de sí, vive para los demás, para sus hermanos, para destruir el mal, para ofrecer resistencia a las fuerzas hostiles: hechiceros, gigantes, opresores”. Turguénev en ningún momento niega que Don Quijote pueda equivocarse (“lo importante es la sinceridad y su fuerza de autoconvicción [...] el resultado está en manos del destino. Tan solo el destino es capaz de revelarnos si hemos luchado contra fantasmas o contra enemigos reales y con qué hemos protegido nuestras cabezas”), Turguénev únicamente retira esa cuestión del orden del día considerando que es más importante la capacidad de “armarse y luchar”, de avanzar “firmemente con la mirada espiritual puesta en una meta solo visible para él”. El artículo no solo tuvo éxito y generó reacciones contradictorias, sino que se convirtió en un importante factor de referencia en la vida cultural de Rusia.

Durante ese mismo año, en el artículo *Los Metternich y los Quijotes* del *Diario de un escritor*, Dostoievski revela sus pensamientos sobre el destino de Rusia, comparándola con Don Quijote, pero un Don Quijote renovado, que ya tiene su “genio” y su “nueva palabra”, que es capaz de usar sus habilidades para el bien de la humanidad, que “ahora ya se ha dado cuenta de su situación en Europa y no mide sus armas contra los molinos de viento”. Si la primera comparación, la de la inteligencia rusa con el Quijote, pasó casi desapercibida, la segunda, la de Rusia, despertó grandes y acaloradas discusiones, admiración, perplejidad, y en ocasiones diatribas, hasta de los españoles. Según S. Montero Díaz “si Turguénev hizo ruso al héroe cervantino, Dostoievski fue más lejos. Le hizo Rusia, le impuso la ansia mística, imperialista, cósmica, que ruge

en la entraña de su pueblo. Extraño destino para un héroe que si bien fue todo valor, fue al propio tiempo mesura, equilibrio y clasicismo”²³⁰. Está claro que las originales interpretaciones de Dostoievski no pudieron haber nacido de la nada.

La analogía entre la abnegación del Caballero de la Triste Figura y la abnegación religiosa, por supuesto, no era nada nuevo, aunque normalmente todo se reducía a casos puntuales. En el fondo, para los oponentes de Dostoievski, el autor de *El idiota* o *Los hermanos Karamázov* también era un Quijote del cristianismo. Así, el folletín satírico dedicado a *Los hermanos Karamázov* que publicó el rotativo *Gólos* (La voz), parangona a Dostoievski con Joseph de Maistre, y su religión del amor se interpreta como una religión del odio ya que “detrás de la meliflua fisionomía del humildemente sabio inquisidor se adivinan las llamas rojas de la hoguera”.

Rara vez los investigadores que analizan el tema del quijotismo cristiano se fijan en los personajes de Leskov. Este se encontraba entre los que reseñaron positivamente el artículo de Turguénev, *Hamlet y Don Quijote*; aceptando completamente el discurso enfático que sublimaba a los Quijotes, paladines del Bien, Leskov los interpretaba, por un lado, como defensores de la gente sencilla, y por otro lado, como portavoces de la verdad evangélica. Muchos de los personajes favoritos de Leskov representan las más vivas encarnaciones de la idea de los Quijotes rusos. El escritor leyó la novela de Cervantes de niño: en la ciudad de Orel tenía acceso a la biblioteca privada de K. Masalski, el traductor de *Don Quijote*. Más tarde, Leskov solería comparar a las personas con las que se cruzaba en la vida con el personaje cervantino. No obstante, parece que el artículo de Turguénev acabó de conformar definitivamente su idea de la figura del Don Quijote. Los rasgos de la abnegación de Don Quijote son claramente visibles en diferentes personajes creados por Leskov. El héroe cervantino es tratado en ellos de forma polifacética, los diferentes rasgos de su personalidad y las particularidades de su visión del mundo y de su actitud ante el prójimo se ponen claramente de manifiesto en la personalidad, palabras, actos y biografías de los personajes del escritor ruso.

670

Los Quijotes del cristianismo eran, para sus contemporáneos, pensadores religiosos rusos como Konstantín Leóntiev, Vladímir Soloviov y Nikolái Berdiáev. Sin lugar a dudas, para muchos, esta lista la encabeza León Tolstói. Desde el punto de vista de Vasili Rózanov, Leóntiev en su frenético cristianismo “era un teórico y un Don Quijote del «Yo egoísta», y no era para nada una persona cuya vida convergiera totalmente con la realidad”.

El mismo Leóntiev estaba dispuesto a reconocer su quijotismo. En 1860, respondiendo a Turguénev, que le había aconsejado “hacer un intento por escribir ensayos de crítica y estética”, Leóntiev, jugando con los motivos del artículo *Hamlet y Don Quijote*, escribió: “siguiendo su consejo, me cubriré la cabeza con una palangana de cobre y me convenceré de que es un yelmo”²³¹. En su artículo de 1880, reflexiona sobre los Quijotes del cristianismo en relación a un tema sumamente importante para las conciencias rusas y europeas: la civilización después de

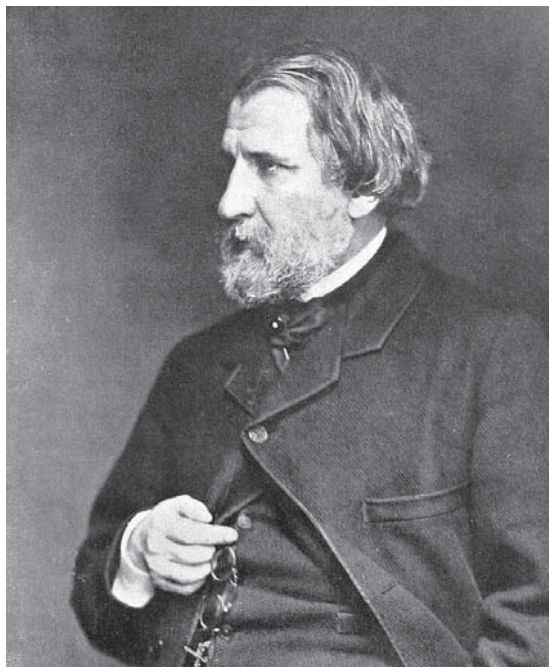
²³⁰ Montero Díaz S. Cervantes, compañero eterno. Madrid: Ed. Aramo, 1957. P. 71–72.

²³¹ Leóntiev K. Polnoye Sobranie Sochinenii (Obras completas), en 12 tomos. San Petersburgo: Vladimir Dal, 2006. T. 7. P. 54.

la Revolución francesa. El pensador ruso no discute el curso de la historia, sino, siendo como es un Quijote en toda regla, no está de acuerdo y lo valora como “una destrucción lenta y fatal”. Solo queda por añadir que Leóntiev volvió a leer *Don Quijote* ya en el monasterio poco antes de morir.

Parece ser que Berdiáev no era el único filósofo del renacimiento religioso ruso al que sus oponentes consideraban un Quijote del cristianismo. En 1913, poco después de la publicación del trabajo programático *Filosofía de la libertad*, que según su autor, refleja “una visión y una percepción integral religioso-filosófica del mundo”, Boris Iakovenko, filósofo trascendentalista y divulgador del idealismo alemán, en su artículo *Filosofskoe*

Iván Turguénev

donkijotstvo (Quijotismo filosófico) critica lo que son, desde su punto de vista, unos intentos retrógrados de dar un giro al pensamiento filosófico e imponer al mundo moderno el sistema de valores religioso. Las filípicas de Iakovenko contra el obscurantismo religioso medieval y contra los partidarios del renacimiento religioso en Rusia que pretenden, al modo del Caballero de la Triste Figura, arrastrar la filosofía religiosa a la actualidad, traen a la memoria la polémica con los eslavófilos surgida en los años cincuenta del siglo XIX, en concreto, los discursos de Belinski y Písarev que en su momento también se remitían a los motivos quijotescos. Las ideas abstractas, conservadoras y confusas de Berdiáev, según las define su oponente, no representan ningún avance filosófico, sino que son fruto de su imaginación, una imagen ilusoria, una Dulcinea inventada. Tratando de refutar la verdadera filosofía moderna que responde al espíritu de su tiempo, considera a Iakovenko como un autor que se asemeja a Don Quijote luchando contra los molinos. Se ha de reconocer que el oponente de Berdiáev resulta consecuente, observador y perspicaz. Al subrayar que el nuevo Don Quijote ruso ve el criterio sublime de la libertad en “la vivencia mística personal, en la capacidad de la abnegación mística y en la inmersión en los misterios”, mientras que la sociedad moderna solo puede apoyarse en “la libertad críticamente concebida por cada uno de sus miembros como una ley de necesidad común”, Iakovenko se posiciona como opositor, tanto a Don Quijote como a Berdiáev y a sus seguidores en su calidad de Quijotes del cristianismo.

Los Quijotes del cristianismo definían el estado de la sociedad, la escasez de sentimiento religioso y su propia condición de opositores, como una sociedad con una

“zona de empalizado de asentamiento” [la región fronteriza occidental del Imperio Ruso creada en 1791 por la emperatriz Catalina II donde estaba permitido el asentamiento de los judíos] y entendían que su misión era salir fuera de sus límites y predicar en el gran mundo secularizado.

El quijotismo de los intelectuales rusos fue el tema de un artículo publicado en 1910 en la revista *Zhizn dlia vsej* (Una vida para todos). El autor, que se escondía tras las siglas M.A., propuso una de las interpretaciones más agudas, para el periodismo de la época, de la novela de Cervantes, desarrollando y concretando las ideas de Turguénev sobre el quijotismo entendido como un servicio desinteresado a la humanidad. Reproducimos aquí una extensa cita que contiene las principales tesis de la misma: “Todo lo que no persigue afán de lucro, lo sublime y puro, nunca perece, sino que se funde en el tesoro de la vida, enriqueciéndola, y desdichados aquellos que apartándose de la luz adoran las tinieblas, pues ellos mismos se condenan así a la muerte, la esterilidad y el olvido. Me estoy refiriendo aquí al nuevo Caballero Andante de la Triste Figura: los intelectuales rusos. Muchos son los rasgos que los hermanan con Don Quijote. En su ánimo ha ardido, brillante, la llama del servicio abnegado a los subyugados y ofendidos, y han sido desde siempre los sacerdotes de un ideal puro y sublime y, al igual que Don Quijote, se han enfrentado en combate sin pararse a contar las huestes enemigas, siendo sus armas no menos precarias que las de aquél. Nunca mimados por las victorias, siquiera aparentes, al caer abatidos por los reveses del destino, siempre han afirmado: «Hemos servido a una causa que es la única que tiene valor, la única por la que vale la pena vivir, y esta verdad no debe verse afectada por nuestra debilidad al intentar demostrarla», y preferían antes la muerte que la renuncia o la traición. Pero llegaron otros tiempos y lo que parecía claro e incontestable, aquello que aún ayer se adoraba, fue rechazado. Y los intelectuales se tomaron su derrota personal como la derrota de sus ideales de belleza, bien y justicia; olvidaron que fuera de las ideas, fuera del servicio abnegado y sublime a pobres y desamparados no había para ellos más vida. El castigo consistió en una prolongada caída en un abismo de marasmo moral. Las tinieblas, afortunadamente, se están disipando, y aquellos dioses que parecían ya mortecinos empiezan de nuevo a iluminarse débilmente. Triste y doloroso es, no obstante, recordar los horrores de esa aún reciente caída moral”²³².

672

En la Rusia de los siglos XIX y XX no abundan las advertencias contra la pasión por el quijotismo. Para poner un ejemplo, mencionemos a los últimos defensores de la monarquía que se ganaron el apodo de “quijotes del absolutismo”.

Dmitri Merezhkovski da inicio a la época simbolista de la interpretación de *Don Quijote*. Incluyó a Cervantes en la lista de los “eternos compañeros” de la humanidad, pero aún antes, en 1884 y en 1887, publicó dos poemas, *Alonso el Bueno* y *Don Quijote*, que sugieren una interpretación de la situación quijotesca sumamente importante para la cultura rusa del siglo XX. En el poema *Alonso el Bueno* Merezhkovski realiza una reinterpretación de la vida del personaje cervantino en la línea del seguimiento exacto del canon del martirio: la conversión—la abnegación—el rechazo por parte de la multitud—la corona del mártir. Formalmente la interpretación de Merezhkovski: “Aquel no era el Quijote sino un guerrero santo/

²³² M.A. Don Quijot y russkaia inteligentzia (Don Quijote y los intelectuales rusos) // *Zhizn dlia vsej*, 1910. N° 8–9. P. 227–228.

Alonso el mártir que la multitud rechaza”, se aproxima al concepto de los quijotes del cristianismo que, condenados a una perdición irremediable, nadan contra corriente en el mundo contemporáneo secular.

Merezhkovski, entonces estudiante de la Facultad histórico-filosófica de la Universidad de Petersburgo, influenciado por las ideas del populismo, ve en Don Quijote a un profeta de la reorganización fundamental de la sociedad. A Merezhkovski le pertenece la idea de la contraposición del personaje lleno de amor y fe y la multitud, arrogante y brutal, que ridiculiza a profetas y poetas. Esta interpretación es en su totalidad, producto de la influencia directa del artículo de Turguénev, *Hamlet y Don Quijote*, según el cual el caballero de la Triste Figura representa el “sublime principio del espíritu de sacrificio”. Dos años más tarde, en su artículo *Don Quijote y Sancho Panza*, Merezhkovski refuta abiertamente la visión de Turguénev.

El ensayo *Cervantes* incluido en el libro *Eternos compañeros* (1897) impactó todavía más. La idea principal del autor es la siguiente: dos soñadores cuya existencia embellece la vida se oponen a un mundo sumergido en preocupaciones rastreras, en la crueldad y la mentira. Mientras que a los “hombres razonables” les persiguen el aburrimiento y las desdichas, los dos soñadores son felices incluso en sus desgracias. Desarrollando esa idea, Merezhkovski pretende posicionar a Cervantes como un escritor que nos legó una “sátira de la humanidad”, que muestra al lector “la nulidad, la crueldad, la hipocresía y la eterna estupidez del ser humano” y que presenta la vida como “tinieblas y vorágine”. Merezhkovski anticipó una interesante mirada sobre Don Quijote y Sancho, como si se tratara de unos niños grandes para los cuales la vida es un juego. En ese concepto se basan los trabajos que trazan un parangón entre Tom Sawyer y Don Quijote.

Once años después, en 1916, en su artículo *Shakespeare y Cervantes*, Ivánov rindió honores de nuevo al escritor español, que reflejó la “conciencia luminosa” de su época. Gracias al Caballero de la Triste Figura había descubierto nuevas verdades de la novela, nuevas profundidades. El poeta insistía en que la grandeza de Cervantes reside en la “visión de lo irracional en lo racional” y en que las páginas de la novela, que están libres de maldad, de vituperio, de la tristeza de las abrumadoras reflexiones sobre la razón de la existencia, respiran un algo alegre, fresco y bondadoso.

El mito más original y completo del simbolismo ruso que arranca de *Don Quijote* pertenece a Fiódor Sologub, y atravesó toda su obra literaria y finalmente se dejó entrever en el destino trágico del escritor. El trabajo creador de Sologub se desarrolló en su totalidad bajo el signo del mito de Dulcinea y Aldonza Lorenzo. Sin quitarle mérito a la originalidad del concepto de Sologub, cabe señalar que ese mito surge en la encrucijada de determinados elementos de la interpretación del personaje cervantino que encontramos en la obra de Merezhkovski *Los eternos compañeros* y en el artículo de Viacheslav Ivánov *La crisis del individualismo*. Por descontado, también influyeron ciertos motivos presentes en *Stijí o Prekrasnoi Dame* (Poemas de la Bella Dama) de Aleksandr Blok, el poeta favorito de Sologub.

El mito de Dulcinea es una de las manifestaciones más vivas de la teoría de la “transformación de la vida por el arte” de Sologub. El mito de Dulcinea en la que la imaginación creadora de Don Quijote transforma a la campesina rústica de Aldonza comenzó a formarse en 1905, fue una alternativa a la transformación del mundo

que Sologub ideó tras los acontecimientos de la Revolución rusa de ese año. La qui-jotesca actitud con respecto a la realidad se postula como la única digna del artista. Sologub expuso su concepto de manera detallada en los ensayos *Démonu poétov* (Los demonios de los poetas) (1907) y *Mechtá Don Kijota/Isadora Duncan* (Sueño de Don Quijote/Isadora Duncan) (1908); además, en los ensayos, novelas y obras de teatro posteriores siguen apareciendo interminables versiones de la misma idea. “La proeza lírica de Don Quijote —afirma Sologub—, consiste en que Aldonza es rechazada como Aldonza y es aceptada solo como Dulcinea. No Dulcinea la soñadora, sino aquella que se llama Aldonza. Para vosotros es una moza rústica de cara bonita, para mí es la más bella de las damas”. Al decir verdad, de modo indirecto se postula que el artista gire decididamente hacia un estilo literario rudimentario, que irrumpa en la realidad rechazando soñar despierto: “Realmente es la más bella porque su belleza no es aquella ya creada, ya dada por finalizada y cuyo declive ya ha comenzado, su belleza se crea en cada momento y por está es eternamente viva. Para crear la belleza, Don Quijote eligió sabiamente el material menos elaborado y por tanto capaz de aportar una mayor libertad al creador”.

La historia del qui-jotismo ruso está indisolublemente ligada a la historia del pensamiento en Rusia, a la historia de la intelectualidad rusa, a la vida social. El destino ruso de Don Quijote es algo más que la versión nacional de un proceso cultural de orden global, es uno de los pocos ejemplos en el ámbito de la historia de la cultura de conversión de un fenómeno literario de carácter particular —es decir de un único país— en factor determinante y dominante de la vida cultural y social de otro, con la pérdida inevitable de la mayoría de las singularidades histórico-culturales concretas.

674 En *Don Quijote* los rusos han visto no solo una obra genial, sino toda una parábola sobre los destinos del hombre; en el protagonista de la novela, a un profeta o a un falso profeta, un mito que puede ser la clave para la interpretación de los acontecimientos de la vida intelectual y social de Rusia. El alejamiento del personaje de la novela y de la propia novela de su autor —inevitables al incluirlos en un contexto histórico-cultural y social universal— no resta méritos a la novela ni a su autor, sino que amplía el abanico de interpretaciones. En realidad, el qui-jotismo se basa en el alejamiento del personaje de la novela, en el hecho de que el nombre del personaje cervantino se convirtió, según el testimonio de Turguénev, «en un mote gracioso incluso en boca de los campesinos rusos» que no sabían absolutamente nada de la novela. De la importancia de las interpretaciones, es decir, del mito del Don Quijote, para la historia del qui-jotismo ruso que, por muy paradójico que parezca, es superior a la novela de Cervantes, da testimonio una carta de Antón Chéjov a Mijaíl Chéjov en la cual el escritor le recomienda a su hermano menor que lea el ensayo de Turguénev *Hamlet y Don Quijote* en lugar de la novela (“tú, hermano, no la entenderás”).

En este periodo de autoidentificación de Rusia relacionada indirectamente con la Revolución francesa y las guerras napoleónicas deja ver un fuerte sustrato qui-jotesco. El sustrato qui-jotesco es también evidente en los conceptos rusos del singular camino de Rusia, especialmente en aquellas redacciones de la “idea rusa” que ponían el acento en la disposición de Rusia a echar una mano a un Occidente envuelto en una crisis espiritual. En cierto sentido, la “idea” del Caballero de la Triste

Figura (salvar a la humanidad que ha perdido los valores morales, envuelta en ajetreos mercantilistas) se vió reflejada en Rusia en uno de los componentes de la “idea rusa”. Sería precisamente en la Rusia del siglo XIX donde el utopismo quijotesco, la inconformidad quijotesca, el anhelo quijotesco de dar un giro radical al rumbo de la historia encontraría una enorme demanda.

La gran línea divisoria en las interpretaciones del quijotismo consiste en discernir si se trata de un héroe o de un antihéroe, de un modelo a seguir o de un bufón del que burlarse. El nacimiento de esa dicotomía se remonta a la época del romanticismo, que rehabilitó al héroe de Cervantes, aunque no anuló las anteriores interpretaciones, añadiendo de esa manera nuevos matices y aportando una mayor complejidad. En las innumerables connotaciones tanto positivas (deleite, simpatía o aprobación) como negativas (burla, ironía o recelo), se pueden identificar dos de las líneas principales de las interpretaciones del quijotismo: por un lado, “la ausencia de contacto con la realidad” (Belinskii); por otro lado, “un gran sacrificio” (Turguénev) y “una maravillosa persona” (Dostoievski). Esas percepciones, así como todas sus ramificaciones y variantes, fueron encarnadas y meticulosamente descritas en interpretaciones filosófico-psicológicas, que más adelante se transformarían en las biografías de los personajes de las novelas modernas que desarrollaron una u otra faceta del mito de Don Quijote. De la misma manera, esas interpretaciones tenían lugar en la vida real de las personas, unas se consideraban Quijotes, a otras las llamaban Quijote sus contemporáneos, ya fuera burlándose de ellas o admirándolas. Yuri Aijenvald, partidario convencido de la interpretación apologética del quijotismo, escribía: “Los intelectuales rusos y sus generosas manifestaciones por poco convierten a Don Quijote en Caballero del más peregrino de los principios”.

Las incontables interpretaciones rusas de la novela cervantina y de la figura de Don Quijote se dirigían a sus contemporáneos y cumplieron en la cultura rusa de los siglos XIX y XX con diversas misiones, especialmente éticas, a las que se enfrentaban la sociedad y los intelectuales. El quijotismo era sinónimo de extravagancia absurda, de peligroso deseo de volver a la historia del pasado, de heroico entusiasmo de un guerrero solitario, de sublime arrebatado capaz de salvar a la gente atrapada por el pragmatismo. Probablemente, la razón principal radicaba en el alto voltaje de la vida cultural y social del país, en la intensidad de la búsqueda espiritual de la gente rusa que marcan el siglo XIX, la cumbre de la fama rusa de *Don Quijote*.

El utopismo de Don Quijote, del héroe que pretende retornar al pasado, presenta en Rusia dos corrientes que expresan dos tendencias opuestas del maximalismo ruso: la sublime nobleza de las intenciones, por un lado, y un sacrificio desafortunado de las acciones, por otro. Ambas, pero sobre todo la segunda, dejaron una gran huella en la historia rusa. Los quijotes en Rusia primero buscaban unirse al pueblo y después preparaban la revolución.

El estudio del destino ruso de *Don Quijote* y del quijotismo ruso no deja la menor duda de que, en Rusia, el personaje de Cervantes fue interpretado (fundamentalmente por los intelectuales rusos) como la encarnación del elevado destino del ser humano, capaz de renunciar a su bienestar en nombre de la justicia, capaz de cualquier gesta, y de cualquier sacrificio personal. La advertencia contra el falso entusiasmo, un entusiasmo que esgrime ideales para imponerlos a la realidad y a la sociedad, y que interiorizaron tanto los

contemporáneos de Cervantes como los escritores y pensadores del siglo XX (por ejemplo, Andréi Platónov o Thomas Mann), no despertó mucho interés en Rusia. La necesidad de acción, de un ejemplo, cuya espera electrizaba la conciencia social rusa del siglo XIX, y hacía superar el temor ante los posibles resultados y consecuencias de esas acciones.

LA REVOLUCIÓN Y LA NOVELA EN RUSIA DE EMILIA PARDO BAZÁN

En los vínculos culturales hispano-rusos, existe un hecho bastante paradójico: una de las personas que más hizo por popularizar en la España de finales del siglo XIX tanto la novela rusa como el nihilismo y el anarquismo ruso fue Emilia Pardo Bazán, una condesa de lo más católica, que ni hablaba ruso ni nunca estuvo en Rusia. La escritora defendería con gran entusiasmo su papel como divulgadora de las manifestaciones más apreciadas de lo que la cultura mundial ha acumulado a lo largo de su historia: “A veces me ha sucedido oír censuras por mi afición a estudiar el movimiento literario extranjero y darlo a conocer en mi patria [...] ¿a qué rodear España de un cordón sanitario, hoy absurdo y sobre absurdo, inútil? [...] Cuando Pedro el Grande fundó la moderna capital de Rusia, dijo que pretendía dotar a su pueblo de una ventana por donde ver el Occidente. A los españoles no nos viene mal abrir de tiempo en tiempo aunque sea un ventanillo para avizorar lo que piensa Europa [...] vivimos temblando que nos roben de noche y por sorpresa nuestra originalidad, y la juzgamos tan frágil y vidriosa, que ni nos atrevemos a tentarnos para averiguar dónde reside”²³³.

676

Robert Osborne remarcó acertadamente que ninguno de los autores españoles del último tercio del siglo XIX estaba más preparado para la misión de popularizar la novela rusa en España²³⁴. Son varias las razones por las que la autora española se interesó por la literatura rusa. La más importante de ellas se encuentra en las particularidades de las raíces de su propia creación. La novela rusa resultó coincidir con las ideas de Pardo Bazán en que la máxima expresión del realismo elimina la contraposición entre verdad “real” y verdad “ideal”. De la literatura rusa le atrajo cómo había eliminado el dilema que enfrentaba a los románticos y los realistas franceses: “la búsqueda de la verdad ideal” o “el estudio de la realidad positiva”. La literatura, desde el punto de vista de la escritora, es un arma para la mejora de la sociedad, por tanto cualquier análisis de la sociedad, por muy objetivo que sea, necesariamente debe partir de ciertos valores morales. Pardo Bazán, que siempre intentó estar a la altura de las exigencias de su siglo, al leer las obras de Turguénev, Tolstói y Dostoievski llegó a la conclusión de que en la novela rusa se encontraba la respuesta perfecta tanto a las demandas sociales, como a los retos del siglo. El estímulo para estudiar las novelas rusas fue su popularidad en Francia. La conversión de Pardo Bazán a la “rusófilia” llegó de la mano de amigos —escritores franceses y emigrantes rusos— a los que

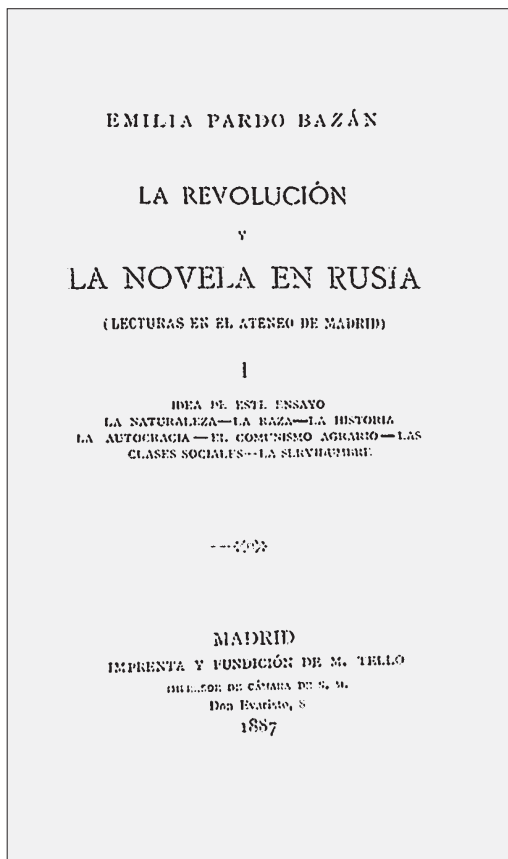
²³³ Pardo Bazán E. La cuestión palpitante, La revolución y la novela en Rusia, La nueva cuestión palpitante. Madrid: Bercimuel, 2009. P. 218–219.

²³⁴ Osborne R. Pardo Bazán y la novela rusa // Revista Hispánica Moderna. 1954. Vol. XX.

conoció en París. La tarde del 13 de abril de 1887, leyó su primera conferencia sobre la literatura rusa en el Ateneo de Madrid²³⁵.

Benito Pérez Galdós, el escritor que asimiló las lecciones de la literatura rusa de modo más profundo y peculiar, en un artículo, dedicado a las conferencias de Pardo Bazán (15.4.1887), hace hincapié en el interés de la escritora por un tema sumamente actual y aplaude su talento, calificando las conferencias de fenómeno de gran importancia. El mérito de la autora, según él, reside en haber conseguido abrir para España la grandeza y la originalidad del pueblo ruso, tan diferente de los pueblos occidentales. Supo formular su contenido en pocas palabras: "Sin lugar a dudas, a Rusia le aguardan grandes eventos. La fermentación política es de gran vitalidad, y esa vitalidad es correspondida con una potente literatura"²³⁶.

Fue ese mismo año cuando las conferencias fueron editadas e impresas en tres tomos. El texto incluye una lista de referencias bibliográficas. Además, la autora explica especialmente su grado de dependencia de unas u otras fuentes: "La obra de Mackenzie Wallace, titulada *Rusia*, rebosa sentido práctico, oportunidad y donaire; la de Anatolio Leroy Beaulieu, *El imperio de los Zares*, es un estudio profundo, acabado y exactísimo, al decir de los mismos rusos en sus momentos de equidad; la de mi excelente amigo Tikomirof, *Rusia política y social*, arroja muy clara luz, aunque peca de radical y apasionada —al fin libro de emigrado—; y la de Melchor de Voguié, *La novela rusa*, es un estudio crítico de incomparable delicadeza, si bien no estoy de acuerdo con todos sus dictámenes. En estas cuatro obras, así como en la notable *Historia*

Emilia Pardo Bazán. La revolución y la novela en Rusia. Portada.

²³⁵ Sobre el Ateneo de Madrid, véase: *Benito J. de*. Un siglo de Madrid que se fue: el Ateneo científico, literario, y artístico, 1835–1935 // *Revista de las Indias*, 1939. Vol. III, No. 8, agosto-octubre; *Villacorta Baños F.* El Ateneo científico, literario y artístico de Madrid: (1885–1912). Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, Centro de Estudios Históricos, 1985.

²³⁶ *Pérez Galdós B.* La Revolución y la novela en Rusia: Conferencias de Emilia Pardo Bazán en el Ateneo // *Pérez Galdós B.* Obras inéditas. Vol. II. Madrid: Ed. Renacimiento, 1923. P. 203–208.

El Ateneo de Madrid

678

cia de sus defensores, Icaza presentaba suficientes argumentos de peso: puso como ejemplo que más de la mitad del libro de la escritora eran simplemente resúmenes de párrafos o incluso de páginas enteras del libro de Vogüé, y en consecuencia negó que *La revolución y la novela en Rusia* se pudiera calificar de obra original. Según él, no es el único caso de plagio de la escritora; Icaza afirma que toda su obra carece de originalidad. Sin embargo, el crítico no prestó atención al hecho de que Emilia Pardo Bazán había copiado frases o párrafos de *La novela Rusa* de Vogüé solo cuando se trataba de la biografía de autores rusos, de materiales del mundo literario ruso o de análisis de obras literarias que Pardo Bazán no haber leído al no existir traducciones a lenguas europeas que ella conociera (francés, alemán, italiano e inglés). Pardo Bazán se remitió al trabajo de su predecesor no en busca de las ideas, sino más bien en busca de hechos concretos de la historia de la literatura rusa²³⁸. Ese uso de la literatura es totalmente legal y natural. El mismo Vogüé tuvo

de Rusia, por Rambaud, he bebido sorbos más copiosos, y dejándolo advertido, podré dispensarme de mentarlas a cada paso”²³⁷. Entre las traducciones de las obras de los novelistas rusos a otras lenguas occidentales europeas (generalmente francés) se indican los libros de Pushkin, Lermontov, Griboédov, Gógol, Goncharov, Turguénev, Dostoievski, Tolstói, Písemski y Saltikov-Shchedrín.

La independencia del trabajo de Pardo Bazán es a menudo cuestionada. Francisco de Icaza en su artículo del año 1925 fue quien planteó por primera vez una relación directa entre *La revolución y la novela en Rusia* de Pardo Bazán y *La novela rusa* de Eugène Melchior de Vogüé, dejando claro el carácter secundario del libro de Pardo Bazán. A diferen-

²³⁷ Pardo Bazán E. La cuestión palpitante... P. 221.

²³⁸ Sin embargo, hasta en este punto de sus estudios fue bastante meticolosa, en el sentido de que dedica unas cuantas páginas de su obra a Goncharov y su novela *Oblómov* (la primera parte de la cual ya había sido traducida al francés y leída por la escritora). A diferencia del crítico

en cuenta los trabajos de Pavel Ánnenkov, Alexándter Pipin, Semión Venguérov y muchos otros, y al igual que Pardo Bazán, fue totalmente independiente en sus conclusiones.

No fue casualidad que la escritora española destacara las diferencias entre su punto de vista y el de Vogüé. Hizo uso de las partes positivas e ignoró gran parte de las discutibles conclusiones. La diferencia principal entre el libro de Pardo Bazán y los trabajos de sus sucesores, es que viendo como veía un estrecho vínculo entre la literatura rusa y la vida social en Rusia, indagó en la relación que guardaban. Muchas de las ideas le fueron sugeridas por revolucionarios rusos emigrados en París y por sus libros. Pardo Bazán se atrevió a enfrentarse a temas como la historia, la cultura y las costumbres; ante ese desafío, la escritora solicitó ayuda a algunos de los escritores y pintores rusos que conoció en la capital francesa. Gracias a ellos, supo de Turguénev, que frecuentaba los mismos salones que ella. Podemos encontrar por todo el libro referencias a sus amistades rusas, que le dieron valiosos consejos, la guiaron en su trabajo e intentaron que conociera Rusia lo mejor posible. A dos de ellos, escritor Iván Pavlovski y revolucionario-populista Leon Tijomírov, la escritora les dedica especial atención.

Para los europeos contemporáneos de la escritora, el movimiento revolucionario en Rusia se asociaba especialmente con el “nihilismo”. Es necesario reconocer la intuición de la escritora española, que percibió la diferencia entre nihilismo y democracia revolucionaria: “El nihilismo dormido, una enfermedad, el nihilismo activo despierta a la gente y la mueve y crea movimiento”²³⁹. Pardo Bazán considera que la piedra angular de la fe nihilista es la admiración que sienten los revolucionarios por el pueblo ruso. El campesino, afirma ella, descrito con todo el amor de la literatura rusa es el “Dios del nihilismo”.

Ya en los años 80 del siglo XIX, núcleo de las discusiones sobre literatura rusa en Occidente giraban en torno a la cuestión de las causas y del carácter. Esta cuestión está estrechamente ligada a la de la esencia de la literatura rusa, y de las principales diferencias con la literatura occidental. Para un lector europeo de finales del siglo XIX, la singularidad de la literatura rusa era la siguiente: intensas búsquedas del sentido de la vida que estaban en sintonía con la mentalidad nacional, compasión activa hacia el hombre humilde y humillado, una increíble riqueza del mundo interior de los personajes y la gran amplitud de intereses intelectuales de los mismos, todo ello en el extremo opuesto del concepto de felicidad de la novela occidental. Todos los autores destacaban el humanismo de la literatura rusa como uno de sus rasgos más importantes.

La escritora española propuso un enfoque totalmente novedoso para los años 80 del siglo XIX sobre la identidad nacional de la literatura rusa. La singularidad de este enfoque consiste en desplazar el centro de atención de las cualidades intrínsecas de las obras de los grandes autores rusos hacia cómo refleja la novela rusa la lucha social. Entre los diferentes estudiosos occidentales, Pardo Bazán sería de las primeras personas en llegar a la conclusión de que la riqueza tanto ideológica como artística de la

---

francés, Pardo Bazán considera a Goncharov un escritor de mucho talento, un artista, que merece ser mencionado junto a los nombres de Gógol, Turguénev, Dostoievski y Tolstói.

²³⁹ Pardo Bazán E. La cuestión palpitante... P. 283.

literatura rusa se encuentra en su estrecha relación con el movimiento revolucionario ruso. La idea que guía el libro de Emilia Pardo Bazán es que la fuerza y la grandeza de la literatura rusa residen precisamente en su inseparabilidad del desarrollo del movimiento revolucionario. Ya en las primeras páginas, la autora formula una tesis que irá desarrollando sobre un material concreto: la literatura rusa merece atención por su relación directa con los problemas políticos e históricos que preocupan a toda Europa, y también por la dependencia del movimiento revolucionario, que al mismo tiempo esa misma literatura inspira y dirige. De este modo, la escritora focaliza la atención del lector en la reciprocidad del proceso: no solo la realidad se refleja en la novela rusa sino, más importante aún, las novelas actúan sobre esa misma realidad. “Con una novela de Herzen empiezan a revelarse las tendencias del nihilismo; con otra de Nikolái Chernyshevski se determinan y concretan; novelas de Gogol y Turguenef derrocan la servidumbre, y novelas de Turguenef también, de Dostoyevski, de Tolstoy, de Gontcharof, de Cherdine, son los documentos que consultarán mañana los historiadores para conocer los incidentes del grave pleito entre la revolución y la antigua sociedad”²⁴⁰. He ahí un extracto de la visión que tenía Emilia Pardo Bazán de la historia de la literatura rusa. Tras analizar las obras de esos escritores, Pardo Bazán llega a la conclusión de que son una magnífica prueba de que es posible escribir respetando todos los cánones del realismo, y al mismo tiempo no cometer los errores de que les culparían aquellos lectores que basan su experiencia lectora en las novelas naturalistas francesas.

Según Antonio Machado, la literatura rusa se presentó como una fuerza vital que despertó a la sociedad española de un sueño epicúreo. Podemos estar o no de acuerdo con esta afirmación tan poco positiva sobre la cultura española del siglo XIX, pero el papel de la obra de los escritores rusos en el proceso literario español queda descrito correctamente. Emilia Pardo Bazán escribió: “Mas si nosotros — que somos, como Rusia, un pueblo antiguo y a la vez joven [...]— consiguiésemos llegar a encarnar en nuestra novela no solo trozos de realidad fragmentaria, individualismos artísticos, sino el espíritu, el corazón y la sangre de nuestra patria, lo que se elabora, lo que late en todos nosotros, en el conjunto [...], a fe que sería bueno, muy bueno”²⁴¹.

²⁴⁰ Pardo Bazán E. La cuestión palpitante... P. 283.

²⁴¹ *Ibíd.* P. 362.

L LA CRISIS DEL SIGLO XX Y LOS DESTINOS DE LAS DINASTÍAS

LA PRIMERA GUERRA MUNDIAL Y LAS CRISIS POLÍTICAS EN RUSIA Y ESPAÑA

El inicio de la Primera Guerra Mundial situó a España como un país neutral en el conflicto armado, pero con un papel activo en la venta de suministros militares y productos de consumo para los países beligerantes, especialmente para los de la Entente. Los beneficios económicos fueron notables para los empresarios. Pero, en cambio, no los trasladaron ni a los obreros, ni a los campesinos. Es más, las largas jornadas de trabajo en las industrias y el campo español, así como el estancamiento de los salarios, se unieron a un constante aumento de los precios de los productos de consumo puesto que una buena parte de ellos se orientaban a la exportación. Esta tensión social se unió a la creciente debilidad del sistema político de la Restauración que, creado en 1875, estaba cada vez más marcado por la corrupción de las esferas de poder, la debilidad de los dos grandes partidos políticos que habían dirigido el país desde el último tercio del siglo anterior y su incapacidad para frenar la movilización obrera y campesina¹.

681

Por todo ello, no fue ninguna sorpresa que en el verano de 1917 estallase la Triple Crisis de 1917. No se trató de un proceso revolucionario como el iniciado en Rusia en febrero de 1917 (marzo según el calendario occidental) y continuado en octubre (noviembre), pero sí de una profunda crisis que se inició con una revuelta en el ámbito militar, continuó con la suspensión de las garantías constitucionales y el intento de una parte de los diputados españoles de organizar unas Cortes alternativas a las oficiales, para culminar con una huelga general organizada por los dos

¹ Juliá S., García Delgado J.L., Jiménez J.C., Fusi J.P. La España del siglo XX. Madrid: Marcial Pons, 2007. P. 58–69, 367–378.

La Revolución de Octubre en la prensa española

Las primeras noticias sobre la Revolución de Octubre aparecieron en los periódicos españoles el 9 noviembre 1917 y, pasaron a ser, desde entonces, un tema constante. La prensa liberal no permaneció al margen: los diarios informaban sobre la situación “en la lejana Rusia”, siguiendo las ideas de los acomodados propietarios, universitarios y profesionales liberales. Los periodistas españoles carecían de información de primera mano y utilizaban las fuentes francesas o suizas. La falta de datos fiables podía dar como resultado imágenes más propia de la ficción, como por ejemplo en el caso de las “noticias” sobre los soldados alemanes vestidos de civiles en las calles de Petrogrado o sobre el suicidio de Kérenski.

Desde febrero de 1917, el tema de la Revolución rusa dejó de ser una novedad para la prensa liberal española. Los periodistas ya habían aprendido el nuevo lenguaje revolucionario ruso, i.e. *soviets*, *diputados de los campesinos* y *los soldados*, *socialistas revolucionarios* (o *socialistas agrarios*). Pero a *los bolsheviks* (*bolcheviques* o *bolchevistas*) se les llamaba *maximalistas*. Las ediciones liberales describieron su programa por analogía con el anarquismo para hacerlo más comprensible a los lectores. Comparados con Kérenski, Miliukov y Dujonin, Lenin (ó *Lenine*, a la francesa) y Trotski, eran prácticamente desconocidos para el público español, y fue a finales de 1917 cuando los lectores se familiarizaron con ellos, los *fanáticos*. Según uno de los periódicos, Lenin “no es una gran inteligencia [...] es un organizador” y “niega el progreso continuo”. Los acontecimientos revolucionarios se trataron desde la perspectiva de la influencia que tenían sobre el curso de la Guerra Mundial. Ya en noviembre, se afirmó que las actividades bolcheviques resultarían ventajosas para las Potencias Centrales, que, quizás, logran controlarlas. Según la mayoría de los periódicos, la Revolución de Octubre supuso la derrota militar de Rusia y la podría conducir a la pérdida de la soberanía.

“La otra revolución rusa” se percibía como consecuencia de la crisis militar y como resultado de la grave situación económica del país. La realidad re-

principales sindicatos españoles, el socialista Unión General de Trabajadores (UGT) y el anarcosindicalista Confederación Nacional del Trabajo (CNT)².

Así, pues, cuando parecía que el país empezaba a superar los efectos de la Triple Crisis de 1917 llegaron las primeras noticias de la Revolución de Octubre. Fueron noticias escasas, un poco confusas y siempre procedentes de las agencias de prensa internacionales, ya que en Rusia solo había una corresponsal de prensa española - Sofía Casanova - que, además, enviaba sus crónicas con bastantes semanas e incluso meses de retraso para el periódico monárquico *ABC*. Pero rápidamente se configuró un estado de opinión en cuatro zonas del país: Madrid y su área de influencia, donde se encontraba el centro del poder político del Estado y las direcciones de las

² *Suárez Cortina M.* La España liberal (1868–1917). Madrid: Síntesis, 2006. P. 185–201.

un lado fue considerada como una revolución extremista e ilegítima, ya que llevaba a Rusia a un camino desconocido a través de un golpe de estado y gracias a la manipulación de los campesinos y obreros, prometiéndoles ilusoriamente tierras e industrias. Una revolución que, además, teniendo presente la reciente Triple Crisis de 1917, se quería aislar completamente por parte de los sectores más conservadores del país, de los que eran un buen ejemplo los grandes propietarios industriales y agrícolas de Cataluña agrupados en la Liga Regionalista⁴. Y, por otro lado, se consideraba que la Revolución de Octubre traicionaba las alianzas de la Entente y, por lo tanto, favorecía los intereses de los Imperios Centrales en la Primera Guerra Mundial y, por extensión, llevaba a considerar a los revolucionarios rusos como una especie de agentes alemanes. La dirección del Partido Socialista Obrero Español (PSOE) fue una de las muchas opiniones que desautorizaron la voluntad de los revolucionarios rusos de firmar una paz por separado con Alemania, tal y como publicaron en su órgano de prensa, *El Socialista*, el 10 de noviembre de 1917⁵.

El único sector donde realmente hubo simpatías por la Revolución de Octubre fue en el ámbito anarquista. No solo en la esfera de la CNT, sino también en los sectores situados a la izquierda de esta organización. Todos ellos aplaudieron la Revolución de Octubre como un acto pacifista y popular. Pacifista porque retiraba Rusia de la Primera Guerra Mundial y, con ello, no solo se evitaba la carnicería del pueblo ruso, sino que se iniciaba un proceso pacifista universal que forzaría el final de la Primera Guerra Mundial. Y popular porque consideraban que la Revolución de Octubre había sido realizada por el pueblo ruso, con el objetivo de acabar definitivamente con los restos del zarismo y con el modelo burgués que se había instaurado con los Gobierno Provisional. Los anarquistas españoles en ningún caso identificaron la Revolución de Octubre como una revolución comunista, ni tampoco como libertaria. Se trataba de una revolución popular que, una vez hubiera conseguido la retirada rusa de la Primera Guerra Mundial, iniciaría un nuevo estadio en el que los bolcheviques se retirarían del poder y dejarían paso a que los anarquistas establecieran el comunismo libertario en Rusia⁶.

684 El eco siguiente que tuvo en España la Revolución de Octubre, tras este primer posicionamiento, se situó en el ámbito social y político. El período comprendido entre 1918 y 1920 mostró la Revolución de Octubre como un referente en parte de las movilizaciones campesinas y obreras que se vivieron en Andalucía y Cataluña respectivamente. Cronológicamente se inició primero en el campo andaluz, dando lugar a un *Trienio Bolchevique* en el que se vivieron diferentes oleadas de insurrecciones de jornaleros que reclamaban el derecho al uso y control de la tierra⁷. La

⁴ Puigsech J. La Revolució Russa i Catalunya. Vic: Eumo, 2017. P. 28–30.

⁵ Faber S. “Es la hora de la claridad dogmática”. El impacto de la Revolución rusa en la cultura política española // La Revolución rusa cien años después. Andrade J., Hernández Sánchez F. (Eds.). Madrid: Akal, 2017. P. 268–269.

⁶ Puigsech J. La Revolució Russa... P. 50–66.

⁷ González Á. La construcción de un mito. El trienio bolchevique en Andalucía // La utopía nacional. Estudios sobre el movimiento obrero andaluz. González M.L., Caro D. (coords.). Granada: Universidad de Granada/UGT de Andalucía, 2001. P. 175–219.

represión gubernamental sobre estas movilizaciones fue intensa, como también lo fue sobre el foco que se vivió en Cataluña a partir de 1919. Fue en esa fecha cuando se produjo la huelga obrera con mayor impacto en la historia española de la primera mitad del siglo XX. La empresa eléctrica conocida como *La Canadiense* vivió unas jornadas huelguísticas en Barcelona de forma prácticamente ininterrumpida entre el 5 de febrero y el 14 de abril de 1919, que no solo paralizaron el funcionamiento de la capital catalana sino también las empresas del área metropolitana⁸. Tras ella se produjeron 72 huelgas obreras en Cataluña durante 1920, que implicaron a unos 65.000 obreros, acompañadas por una reacción patronal que apostó en numerosos casos por el *locout* (entre noviembre de 1919 y enero de 1920 unos 150.000 obreros perdieron sus trabajos debido a esta práctica)⁹ o, directamente, por asesinatos contra dirigentes obreros¹⁰.

Pero la franja comprendida entre 1918 y 1920 también se caracterizó por el impacto político de la Revolución de Octubre. La creación de la Internacional Comunista en marzo de 1919 clarificó el carácter comunista de esa revolución y ello forzó tanto a los socialistas españoles como a los anarquistas a tener que decidir su adhesión o distancia respecto al proyecto comunista. La CNT apostó inicialmente por una adhesión provisional a la Internacional Comunista, realizada durante su congreso nacional celebrado en Madrid en diciembre de 1919. Por su parte, el PSOE, que celebró también en esa misma fecha un congreso en Madrid, apostó por una fórmula intermedia en la que se adheriría a la Internacional Comunista si la Internacional Socialista no conseguía fusionarse con la Internacional Comunista. Estos movimientos de la CNT y el PSOE, que se situaban en un camino favorable a la Internacional Comunista, vieron cómo se les sumaba la llegada a España de tres delegados enviados desde Moscú. Mijail Gruzenberg, Charles Philips y Manabendra Nath Roy tenían que potenciar los contactos con la esfera socialista identificada con los principios de la Internacional Comunista y fomentar el nacimiento de un partido comunista¹¹. Los resultados fueron el nacimiento en España de dos partidos comunistas. Por un lado, el Partido Comunista Español, creado el 15 de abril de 1920 a raíz de una escisión en el PSOE, protagonizada por un pequeño sector radicalizado y vinculado a las juventudes del partido del área de Madrid y Vizcaya, que en el mejor de los casos supuso una base social de unos 1.000 afiliados. Por otro lado, el 13 de abril de 1921 se producía el nacimiento del Partido Comunista Obrero Español como resultado de otra escisión dentro del sector más radicalizado del PSOE, concretamente las federaciones de Asturias, Vizcaya y Galicia, así como dentro de las juventudes del partido. La cifra máxima de militantes de la nueva formación se situaría también alrededor de unos 1.000 efectivos. Los dos partidos

⁸ *Ealham C.* La lucha por Barcelona. Clase, cultura y conflicto 1898–1937. Madrid: Alianza, 2005. P. 86–87.

⁹ *Roig J.M.* Catalanisme, anticatalanisme i obrerisme, 1900–1930 // DDAA, Història de la Catalunya Contemporània. Barcelona: Mina, 1999. P. 229–230.

¹⁰ *Balcells A.* El pistolerisme. Barcelona (1917–1923). Barcelona: Pòrtic, 2009. P. 33–83.

¹¹ *Elorza A., Bizcarrondo M.* Queridos camaradas. La Internacional Comunista y España, 1919–1939. Barcelona: Planeta, 1999. P. 19–26.

se consideraron adheridos a la Internacional Comunista. Pero ello, chocaba con los estatutos de este organismo, que establecían que en cada Estado sólo podía existir un partido comunista. Por ello, durante el tercer congreso de la Internacional Comunista se adoptó la decisión de acabar con esta dualidad y forzar la fusión de los dos partidos en uno. El Partido Comunista de España (PCE) nació en noviembre de 1921 como sección oficial española de la Internacional Comunista y con una base formada por unos 1.200 miembros¹². Mientras tanto, la dirección del PSOE había decidido desestimar su adhesión a la Internacional Comunista unos meses antes, en abril de 1921, y la dirección de la CNT lo haría unos meses después, en junio de 1922 —aunque algunos pequeños sectores cenetistas optaron por alinearse con Moscú, como el caso de Andreu Nin que se convirtió en un cuadro directivo de la Internacional Sindical Roja. Sin lugar a dudas, la Revolución de Octubre había sido determinante para explicar el nacimiento del comunismo en España. Pero es igualmente cierto que no había sido el único factor, puesto que convergió con una larga tradición de organización y lucha obrera en el país.

LOS DESTINOS DE LAS DINASTÍAS EN LA ÉPOCA DE LA GRAN GUERRA: ALFONSO XIII Y NICOLÁS II

686

El primer cuarto del siglo XX resultó difícil para las monarquías europeas. No todas supieron sobrevivir a la Primera Guerra Mundial. Tanto Rusia como España entraron en el nuevo siglo inmersas en una profunda crisis. Rusia salió derrotada de la guerra de 1904–1905 con Japón. El 9 (22) de enero de 1905, con los sucesos del así llamado *Domingo Sangriento*, comenzó la primera revolución rusa, que no consiguió resolver las contradicciones esenciales del país. La Monarquía española también afrontaba una situación extremadamente difícil. La Catástrofe de 1898 —la derrota de España en la guerra con Estados Unidos, las humillantes condiciones del Tratado de París y la pérdida de las últimas posesiones ultramarinas— puso de manifiesto la debilidad del estado español. Estos fracasos en política exterior provocaron una crisis de la conciencia nacional. Regenerar España, paso a ser una idea con la que soñaron no solo los intelectuales españoles, sino también los políticos y militares. Alfonso XIII, joven y enérgico rey de España, también aspiraba a regenerar el país y a restablecer su prestigio en la arena internacional.

En enero de 1902, Alfonso XIII escribió en su diario una frase profética: “En este año me encargaré de las riendas del estado, acto de suma trascendencia tal como están las cosas, porque de mí depende si ha de quedar en España la monarquía borbónica o la república”¹³. El monarca se daba cuenta de que España necesitaba una modernización porque de los resultados de la misma dependían el futuro político del país y su propio destino.

En vísperas de la Primera Guerra Mundial fueron los lazos económicos de España con los países de la naciente Entente (a excepción de Rusia) lo que

¹² *Eric F.* El impacto de la Revolución rusa en el movimiento obrero español: el surgimiento del PCE // *La Revolución rusa cien años después...* P. 331–356.

¹³ *Istoria Ispanii...* T. 2. P. 454–455.

principalmente determinó su política exterior. España no estaba preparada para la guerra y Gran Bretaña y Francia no la veían como un aliado seguro. A pesar de que Alfonso XIII intentaba activamente jugar un papel independiente en la arena internacional, España se vio obligada a seguir el rumbo de la política exterior que le impusieron Londres y París. Es por esa razón por la que, en caso de un gran conflicto armado en Europa, Madrid tendría que adoptar una posición de neutralidad, benévola con los países miembros de la Entente¹⁴.

Muy pronto, tras el inicio el 1 (7) de agosto de 1914 de la Primera Guerra Mundial, la *Gaceta de Madrid* publicó una declaración del Gobierno de España por la que ordenaba a los españoles comportarse “con la más estricta neutralidad”¹⁵. Sin embargo, ya en aquel entonces, en su política exterior, se percibía el rumbo pro-Entente. Y a principios de 1918, bajo la presión económica y diplomática de la Entente, España se convirtió en su “aliado neutral”.

Durante la guerra, Alfonso XIII aspiraba a actuar como mediador en las negociaciones entre las partes beligerantes y ofreció Madrid como posible lugar para celebrar una conferencia de paz. Sin embargo, tendría más éxito la campaña humanitaria organizada bajo la égida de la corona española en el transcurso de la guerra. Obtuvo un gran reconocimiento y contribuyó a aumentar el prestigio de España en la arena internacional¹⁶. El hecho de que Rusia firmara un acuerdo con Inglaterra e ingresara en la Entente en 1907 tuvo un efecto positivo y ayudó a consolidar los contactos diplomáticos entre San Petersburgo y Madrid. La visita a España del Gran Duque Borís Vladímirovich, primo de Nicolás II, que duró cinco días, demostró el interés de las partes en entablar relaciones de amistad. Borís Vladímirovich llegó a la capital española el día 28 de marzo de 1908 encabezando una delegación del Séptimo Regimiento de ulanos de Olviopol, del cual Alfonso XIII había sido

Alfonso XIII

¹⁴ Véase: *Médnikov I.Yu.* Istoricheskoye znachenije ispanskogo neytraliteta v Pervoy mirovoy voyne (Importancia histórica de la neutralidad española en la Primera Guerra Mundial) // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2014. № 4 (37). P. 28–29.

¹⁵ *Gaceta de Madrid*. № 219. 7.8.1914. P. 306.

¹⁶ Véase: *Anikéeva N.Ye., Védiushkin V.A., Volosyuk O.V., Médnikov I.Yu., Pozhárskaya S.P.* Istoría vneshnei politiki Ispanii (Historia de la política exterior de España). Moscú: MO, 2014. P. 183–191.

nombrado jefe honorario poco antes, y los delegados debían regalarle el uniforme del Regimiento. En el curso de la visita, las partes se mostraron, más de una vez, benevolencia recíproca. Durante toda la visita, el rey español se presentó, a menudo, ante el público vestido con su nuevo uniforme ruso. Llegó para despedirse en persona del Gran Duque cuando este se iba y, en aquellos días, en más de una ocasión se escuchó el himno del Imperio ruso en Madrid. Se planificó enviar a Rusia una delegación recíproca en un futuro próximo, ya que se nombró a Nicolás II jefe honorario del Quinto Regimiento de Caballería Farnesio¹⁷.

Al iniciarse la Primera Guerra Mundial, España, en su calidad de potencia neutral, empezó a representar los intereses rusos en Alemania y en el Imperio austrohúngaro. Los gobiernos de los países beligerantes, por intermediación de diplomáticos españoles, mantuvieron negociaciones sobre el intercambio de prisioneros de guerra. El Ministerio de Asuntos Exteriores de España facilitaba información a Rusia sobre la situación de sus prisioneros de guerra en los países enemigos. El Gobierno español y Alfonso XIII, junto a la Cruz Roja, se preocupaban por los militares y los civiles, que, por veleidades del destino, se encontraban en territorio enemigo y sin contacto con su patria. En la Cancillería real se creó un departamento especial dedicado a la búsqueda de soldados y oficiales desaparecidos de los países beligerantes, a liberar a prisioneros de guerra heridos, a solicitar la conmutación de sentencias de muerte y a prestar ayuda a la población civil deportada¹⁸. En otoño de 1914, en la Embajada española en Petrogrado se estableció una oficina para recoger información y enviar giros postales a aquellos rusos que se habían quedado en Alemania y en el Imperio austrohúngaro. Gracias a los esfuerzos del monarca español, fue liberado del cautiverio austríaco Vaslav Nijínski, el conocido bailarín y coreógrafo ruso. Alfonso XIII contribuyó personalmente a la liberación del cautiverio austriaco de Dmitri Yanchevetski, enviado especial del diario ruso *Novoye Vremia* en Viena, que había sido arrestado en Austria en el verano de 1914¹⁹.

688 La crisis de la autocracia zarista, la participación del Imperio ruso en la Primera Guerra Mundial y otros problemas políticos de carácter interno y externo provocaron el inicio de la Revolución de Febrero y la abdicación de Nicolás II el 2 (15) de marzo de 1917. En vísperas de esos hechos, Alfonso XIII le comunicó a Iván Kudáshev, embajador ruso en Madrid, que estaba preocupado por los rumores de disturbios en Petrogrado²⁰.

Las noticias que llegaban de Rusia eran confusas, y el Gobierno y la sociedad españoles percibían los acontecimientos rusos exclusivamente como la caída del régimen

¹⁷ *Médnikov I.Yu.* Artur Pávlovich Cassini (1905–1909) // Rossiyskiye diplomaty v Ispanii... P. 187–189.

¹⁸ *Olano-Hereña A.* Ispanskiy korol i popytki spaseniya semyi Nikolaya II (El Rey de España y los intentos por salvar a familia de Nicolás II) // *Novaya y noveishaya istoria*. 1993. № 5. P. 156.

¹⁹ *Médnikov I.Yu.* Fiódor Andréievich Búdberg (1909–1916); Iván Alexándrovich Kudáshev (1916–1917) // Rossiyskiye diplomaty v Ispanii... P. 195–197, 200–202.

²⁰ *Ídem.* Missiya spaseniya: Al'fons XIII i rossiyskaya imperatorskaya sem'ya (Una misión de salvamento: Alfonso XIII y la familia imperial rusa) // *Vestnik RUDN. Vseobshchaya istoria*, 2011. № 1. P. 70.

Nicolás II en el frente de Occidente

monárquico, lo que obligó a Alfonso XIII a preocuparse por el destino próximo del exemperador ruso y de su familia. El 10 (23) de marzo de 1917, Kudáshev envió a Petrogrado un cable que decía: “Urgente y muy confidencial. A mi regreso hoy de Andalucía me ha llamado el rey. A S. M. le preocupa mucho el destino de la familia imperial y, por otro lado, teme que la estancia del soberano, que ha renunciado al trono, en Rusia, pueda provocar una revolución y un gran derramamiento de sangre. Aunque la conversación tuvo carácter privado y el rey me pidió que no informara, no obstante, considero mi deber advertirle de que al embajador español le encargarán dirigirse al Gobierno provisional para hablar del destino de la familia imperial²¹.”

689

A pesar de todo ello, España, siguiendo a otros países de la Entente, reconoció al Gobierno provisional y el embajador español, Luis Valera y Delavat, marqués de Villasinda se quedó en Petrogrado²². Y en julio de 1917 llegó a Madrid Anatoli Nekliúdov, el nuevo embajador ruso. Durante la entrega de las cartas credenciales, Alfonso XIII le pidió al embajador que transmitiera al Gobierno ruso su petición de devolver la libertad a Nicolás II y su familia²³. No hubo respuesta por parte del Gobierno provisional.

La crisis política en Rusia se fue intecificando y, en octubre de 1917, subieron al poder los bolcheviques. En julio de 1918, llegaron a España noticias del fallecimiento

²¹ *Ídem.* Iván Alexándrovich Kudáshev... P. 204.

²² Fue relevado por Francisco Gutiérrez de Agüera y Bayo en octubre de 1917 (17.10.1917) que siguió en Rusia hasta el 10.5.1918 r. Trás su salida de Moscú, permaneció allí Fernando Gómez Contreras, en calidad de encargado de negocios interino.

²³ *Olano-Hereña* A. Ispanskiy korol... P. 157.

del ex-emperador ruso y se declararon treinta días de luto oficial. Al mismo tiempo, Fernando Gómez Contreras, encargado de negocios interino español en Petrogrado, a pesar de carecer de información fidedigna sobre la familia imperial, comunicó a Madrid que la esposa y los hijos del emperador seguían vivos y estaban en un lugar seguro. Al recibir la noticia, Alfonso XIII decidió intentar salvar a los miembros de la familia imperial, que se habían librado de la muerte. El 31 de julio de 1918 Eduardo Dato e Iradier, ministro de Asuntos Exteriores de España, envió a Gómez Contreras un telegrama informándole de que el Rey español estaba dispuesto a ofrecer asilo a la viuda del emperador y a sus hijos²⁴. Al recibir las necesarias instrucciones, el diplomático español salió de Petrogrado a Moscú, a donde llegó a comienzos de septiembre de 1918, para comenzar negociaciones con Gueorgui Chicherin, comisario de Exteriores²⁵. Gómez Contreras logró que le prometieran

que se entregaría el telegrama español al Gobierno ruso, al haber asegurado que, en Madrid, la familia del zar no se dedicaría a actividad contrarrevolucionaria alguna. Chicherin, a su vez, aprovechó la situación para instarle a que España reconociera el poder de los Soviets y declaró que, dadas las circunstancias, la garantía verbal de ese reconocimiento no era suficiente. Pasados unos días, tuvo lugar una entrevista más, que resultó infructuosa.

El 22 de septiembre de 1918, Alfonso XIII recibió una carta de la princesa Victoria Battenberg, hermana de la emperatriz Alexandra Fiódorovna y pariente de la Reina de España. En esa corte, comunicaba que ya no había esperanza de salvar a su hermana y a sus sobrinos porque, por lo visto, habían compartido la suerte de Nicolás II. Lamentó la inactividad de Guillermo II,

690

Relato sobre la muerte de la familia del zar en *La Ilustración española y americana*. 1918.

²⁴ *Ibíd.* P. 156, 158.

²⁵ *Seco-Serrano* C. Alfonso XIII y los Romanov // *Arbor*, 1977. Nº 378. Madrid, 1977. P. 24.

tío del emperador ruso, y agradeció al Rey de España sus esfuerzos para ayudar a la emperatriz rusa Alexandra Fiódorovna y a sus hijos²⁶. La información de la muerte de todos los miembros de la familia imperial definitivamente confirmada hizo inútiles los intentos diplomáticos realizados por el rey, y la Corte española prefirió no hacerlos públicos. Las relaciones diplomáticas entre los dos países se interrumpieron y Gómez Contreras abandonó Rusia.

Pasados algo más de diez años, en 1931, el propio Alfonso XIII se encontró en una situación crítica. Tras la Revolución de Abril se vio obligado a abandonar España, que fue declarada una república. Sin embargo, el Rey de España no corrió la suerte de Nicolás II, ya que, previamente, adoptó las medidas necesarias para salvar a su familia y salvarse también a sí mismo.

LA GENERACIÓN DEL 98 Y RUSIA

El final del siglo XIX estuvo marcado por el cambio del paradigma cultural e histórico. La derrota en la Guerra del 98 disipó el mito del gran Imperio Español. Poco a poco ese vacío se fue llenando, por necesidad, de nuevos objetos de mitologización: nuevos conceptos, fenómenos, personalidades e imágenes artísticas. Durante mucho tiempo la personificación de la patria en la conciencia de los españoles se concentró en la figura de don Quijote. El personaje de la novela cervantina se convirtió en un mito nacional; se recurría a él para descifrar “el enigma de España”. Sin embargo, don Quijote no fue la única personificación del espíritu nacional, puesto que formaba parte de una larga lista de personajes literarios e históricos convertidos en mitologemas, tales como don Juan, la Celestina, Ignacio de Loyola, Santa Teresa, etc. Al mismo tiempo, tales nombres-imágenes se convertían en términos especiales, unidades semánticas que cambiaban su sentido de un texto a otro. La misma transformación del fenómeno en símbolo dentro de la conciencia cultural de los españoles pasó con tales palabras-conceptos vinculadas con Rusia como *Tolstói*, *Guerra y paz*, *La sonata de Kreutzer*, *Confesión* y, a partir de los años 1910, *Dostoievski*, *Raskólnikov* y *Los hermanos Karamázov*.

Hablando de la presencia de Tolstói y Dostoievski en la vida intelectual de España, hay que tener en cuenta al menos dos fenómenos distintos por su naturaleza. Por una parte, la recepción y reconsideración artística de sus obras; por otra, la formación de las imágenes de autores como tales, que adquirieron su propia existencia en la frontera de los siglos XIX y XX. En este capítulo se tratará de los representantes de la Generación del 98, autores de novelas en las que se percibe el influjo, herencia y polémica con la obra artística y filosófica de Tolstói y Dostoievski. Son cuatro figuras clave de esta generación: Azorín (José Martínez Ruiz), Ramón del Valle-Inclán, Pío Baroja y Miguel de Unamuno. En efecto, en cartas, ensayos, prólogos y textos de novelas españolas abundan alusiones a Tolstói y Dostoievski y se

²⁶ Facsímil de la carta de Victoria Battenberg a Alfonso XIII. 22 de septiembre de 1918 // *Cortés-Cavanillas J.* Alfonso XIII y la guerra del 14: una documentación inédita y sensacional del archivo privado de Alfonso XIII en el Palacio Real de Madrid. Madrid: Alce, 1976. P. 258–260.

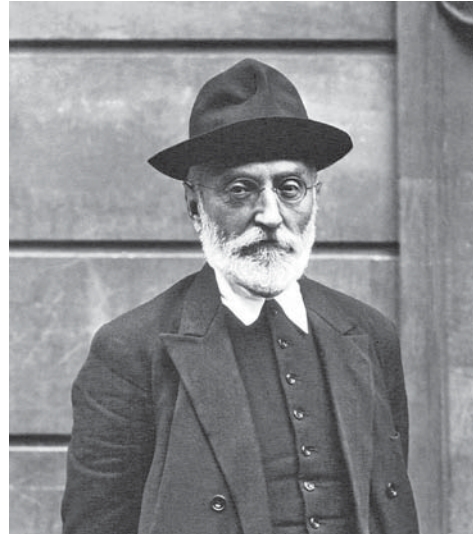
sobrentiende que estos nombres-términos son conocidos para todos; lo que requiere explicación es solamente el contexto a que remiten. En las discusiones intelectuales de la época, los nombres de Tolstói y Dostoievski podían utilizarse para defender diversos, incluso opuestos, principios filosóficos, literarios y estéticos. Tolstói es proclamado anarquista, socialista, portavoz del verdadero cristianismo, humanista, egoísta, profeta y perfecto estilista. Dostoievski es anarquista, antirrevolucionario, profeta de la revolución rusa, escritor enfermo, sutil psicólogo e innovador de la técnica novelesca. Y además ambos, sin duda alguna, son genios del siglo XIX, su influjo sobre la literatura contemporánea es indiscutible. Hay que advertir que todas estas valoraciones se alegaban sin comentarios, como ejemplos axiomáticos y servían para aclarar materias mucho más discutibles, tales como el porvenir de España, la esencia del cristianismo o la creación artística de escritores españoles. Por eso no resultaría muy productivo hablar de imágenes enterizas y estables de Tolstói y Dostoievski en España a caballo de los siglos XIX y XX. Su contradicción interior puede ser explicada si reconocemos que Dostoievski y, especialmente, Tolstói se percibían en categorías de mito. Parece más fructífero estudiar la imagen de Tolstói o de Dostoievski en las obras de literatos o críticos concretos. En este nivel sí que se puede hallar cierta integridad.

La presencia de Tolstói en la literatura española de los comienzos —primer tercio del siglo XX— es tan fuerte y multilateral que a menudo resulta difícil determinar en qué consiste concretamente. Simplemente existe, es. La mera enumeración de sus manifestaciones puede desconcertar a cualquier investigador. De hecho, los mismos representantes de la Generación del 98, sus críticos contemporáneos y filólogos más tardíos notaban la influencia de descubrimientos artísticos y filosóficos de Tolstói en áreas tan distintas como: representación de escenas de batalla; multiplicación de los centros de acción dentro de la novela; interés hacia la vida profunda del pueblo; crítica de valores y prejuicios burgueses; crítica de ideas modernas acerca del amor y matrimonio; afirmación de la nueva moral anárquica; celebración del amor activo al prójimo; no empleo de la violencia ante la maldad (en otras palabras, la resistencia pasiva); interés general hacia el mundo interior del hombre. Y esta lista puede ser fácilmente prolongada. Lo más curioso es que el análisis de escritos concretos comprueba cada una de tales aserciones. Teniendo en cuenta el carácter integral del influjo de Tolstói es más interesante el otro problema: ¿cuán directo y consciente ha sido este influjo?

El influjo directo y determinante de Tolstói se reflejó en las novelas de Unamuno y Valle-Inclán dedicadas a la Segunda guerra carlista: *Paz en la guerra* (1897) de Unamuno y la trilogía de Ramón del Valle-Inclán: *Los cruzados de la Causa* (1908), *El resplandor de la hoguera* (1909), y *Gerifaltes de antaño* (1909). La importancia de la novela tolstoyana *Guerra y paz* ha sido reconocida por los propios autores²⁷. En efecto, la imagen íntegra del mundo, del pueblo español durante la guerra carlista se reconstruye a partir de los puntos de vista de múltiples personajes, y por encima de las opiniones de personajes, se percibe la voz del autor quien se otorga

²⁷ Véase: *Unamuno M. de. Obras completas*. Madrid: Escelicer, 1971. T. 9. P. 817; *Ídem*. Cartas inéditas. Santiago de Chile: Zig-Zag, 1965; *Terterian I. Ispitanie istoriey* (La prueba de por historia). Moscú: Naúka, 1973. P. 171.

el derecho de pronunciar su “última palabra” acerca de lo que pasa. Unamuno, siguiendo a Tolstói, introduce en *Paz en la guerra* digresiones filosóficas y así, directamente, presenta su concepción de intra-historia. Pero la filosofía de la guerra y de la historia explicada en *Paz en la guerra* se distingue muchísimo de la tolstoyana (lo cual queda patente ya en la diferencia de los títulos). Zajari Plavskin advierte: “Para ambos escritores el proceso histórico es el resultado de muchas voluntades y fines particulares. Pero para Tolstói cada persona sirve de un arma inconsciente para la obtención de objetivos históricos, omnihumanos; Unamuno no sólo se muestra completamente indiferente con respecto a los objetivos del movimiento histórico, sino que tampoco lo vincula con la vida particular de los hombres. La *historia* y la *intra-historia* no se cruzan”²⁸.

Miguel de Unamuno

La novela unamuniana no da ejemplo de un aislamiento total de dos mundos: la guerra es precisamente una situación en la que la *historia* irrumpe en la *intra-historia*, saca a los hombres concretos del mar de la vida popular y los lanza al torbellino de los acontecimientos históricos, para ellos, impropio. Un ejemplo de la intrusión incorregible de la historia en la intra-historia en *Paz en la guerra* es la muerte de Ignacio. Algunos episodios de las novelas “carlistas” de Unamuno y Valle-Inclán se remontan genéticamente a *Guerra y paz*. Ciertos paralelismos textuales son tan evidentes que, según parece, los novelistas españoles ni siquiera trataron de disimularlos; al contrario, el reconocimiento de reminiscencias de una novela bien conocida por todos formaba parte de su estrategia literaria.

En dos descripciones de Tolstói y Unamuno se trata de las primeras batallas de Nikolái Rostov e Ignacio Iturriondo, dos participantes directos en operaciones bélicas. En su primera batalla ambos personajes realmente *no sienten* la guerra, tal como la imaginaban según las historias que se cuentan después de la batalla, estando dentro del combate sólo notan detalles que no llegan a formar para ellos un cuadro íntegro. “Rostov sólo veía a los húsares que corrían en torno a él enganchándose con las espuelas y produciendo ruido con las espadas”²⁹. Ignacio, el héroe de *Paz en la guerra*, “oía el tiroteo sin ver nada, y cuando vio que los que le rodeaban corrían obedeciendo a una voz, corrió con ellos. Más tarde supo que habían seguido al enemigo

²⁸ Plavskin Z. Ispanskaya literatura XIX–XX vekov (Literatura española de los siglos XIX–XX). Moscú: Vyshaia shkola, 1982. P. 80.

²⁹ Tolstói L. Guerra y paz // Tolstói L. Obras. Madrid: Aguilar, 1987. T. 2. P. 125.

hasta las puertas mismas de Durango”³⁰. Tenemos un ejemplo muy parecido en *El resplandor de la hoguera* de Valle-Inclán: “Algunos oficiales iban confundidos con los soldados. Uno, muy joven, solo parecía preocupado de no enredarse en la vaina del sable, que al correr le golpeaba las piernas”³¹. En conclusión, la influencia de Tolstói en las novelas carlistas ha sido directa, determinada y multiforme.

El destino español de las obras de Dostoievski tuvo carácter distinto. Su obra fue descubierta por los españoles más tarde, cuando la manera de escribir y la visión del mundo de los novelistas de la Generación del 98 ya se había formado. El resultado es sorprendente: si el influjo del escritor ruso existe, se puede decir que salta a la vista. Tales rasgos se notan en algunas novelas —pero no en todas— de Unamuno y Baroja. La presencia de Dostoievski se percibe —e incluso se fija— en distintos niveles: como reconsideración de ideas que se discuten en sus novelas, como adaptación de sus argumentos y como afinidad poética.

Unamuno y Baroja durante su vida leyeron y releeron todas las obras grandes (y algunas menores) del escritor ruso. Baroja lo afirmó en 1944 en su libro *El escritor según él y según los críticos*: “De Dostoievski he leído toda su obra, y hasta varias veces, y ha tenido que influir en mí”³². En la biblioteca personal de Unamuno, en su Casamuseo en Salamanca, se conservan múltiples ediciones de novelas de Dostoievski (en idiomas distintos) e, incluso, tales obras, como *La mansa*, *La patrona*, *Diario de un escritor* y *Notas del invierno sobre impresiones del estío*, conservando todas ellas muchísimas anotaciones del Unamuno-lector. También hemos de tener en cuenta que Baroja y Unamuno dedicaron ensayos enteros a la obra de Dostoievski. Y, lo que es más importante, este interés por el autor ruso se refleja en sus propias obras. La clave de *San Manuel Bueno, mártir* radica en la idea-argumento de un cura ateo, reconsiderando de este modo *La leyenda del Gran Inquisidor*, un capítulo de *Los hermanos Karamázov*, y el contenido de la novela en general.

694

Las citas “sin comillas” de Dostoievski se encuentran igualmente en las novelas de Baroja y Unamuno. A saber, uno de los personajes de la *Aurora roja* repite la fórmula de Iván Karamázov: “Y si a mí me dijeran que la felicidad de la humanidad entera se pudiera conseguir con el lloro de un niño, y eso estuviera en mi mano, yo te digo que no le haría llorar a un niño, aunque todos los hombres del mundo se me pusieran de rodillas”³³. El “triángulo amoroso” en *Abel Sánchez* de Unamuno (Abel, Joaquín y Elena) tiene mucho en común con las relaciones de Rogozhin, Myshkin y Nastasia Filippovna de *El idiota* de Dostoievski, con la diferencia de que Unamuno acentúa más el motivo de la envidia que el del amor-odio, aunque este último también aparece en *Abel Sánchez*. Según parece, el motivo del amor-odio, no muy típico para la obra de Unamuno, tiene su fundamento directo en las impresiones de su lectura de *El Idiota*³⁴.

³⁰ Unamuno M. de. Obras completas. Madrid: Escelicer, 1967. T. 2. P. 161.

³¹ Valle-Inclán R. del. *El resplandor de la hoguera* // Valle-Inclán R. del. Obras escogidas. Madrid: Aguilar, 1971. T. 2. P. 241.

³² Baroja P. Obras completas. Madrid: Biblioteca Nueva, 1951. T. 7. P. 425.

³³ *Ibid.* T. 1. P. 620.

³⁴ Véase: Korkonósenko K. Citas escondidas de Dostoievski en *Abel Sánchez* de Unamuno // Temas y formas hispánicas: arte, cultura y sociedad. Pamplona: Universidad de Navarra, 2015. P. 163–178.

I

LE JOURNAL D'UN ÉCRIVAIN

1878
5-13

«prophètes», ardents polémistes, diseurs d'avenir et convulsionnaires. Si j'ai rapporté cette citation d'un vieux livre (authentique, je le répète), c'est seulement pour la curiosité du fait. Non pas en tant que miracle: il n'y a pas que les miracles qui soient miraculeux. Le vrai miracle se produit souvent dans la réalité. Presque toujours nous voyons la réalité telle que nous la voulons voir. Telle que nous-mêmes désirons *a priori* qu'elle se présente à nous. S'il arrive que soudain nous distinguons et voyions autre chose que ce que nous aurions voulu voir, le fait réellement existant, nous ne manquons pas de prendre ce que nous avons vu pour un miracle. Oui, bien souvent nous croyons plus encore au miracle et à l'impossibilité qu'à la chose réelle, c'est-à-dire à la vérité que nous ne voulons pas voir. Il en va toujours ainsi de par le monde. Et c'est en cela que consiste l'histoire de l'humanité.

II

DES LETTRES ANONYMES
D'UN CARACTÈRE INJURIEUX

Je ne suis pas parti pour l'étranger et me trouve en ce moment dans la province de Koursk. Mon docteur, apprenant que j'avais l'occasion de passer l'été à la campagne, et de plus dans une province comme celle de Koursk, m'a ordonné d'y faire une cure d'eau d'Essentouki, ajoutant que ce traitement serait pour moi bien plus efficace que les eaux d'Ems dont j'ai déjà contracté l'habitude. J'estime qu'il est de mon devoir d'annoncer que

208

LE JOURNAL D'UN ÉCRIVAIN

j'ai reçu nombre de lettres de mes lecteurs contenant l'expression de leur plus chaude sympathie à propos de cette maladie dont je leur ai fait part. Sur les quelques centaines de lettres qui me sont parvenues depuis un an et demi que j'édite mon *Journal* il en est au moins une centaine d'anonymes (probablement davantage), mais deux d'entre elles seulement sont d'un caractère résolument hostile. Certains correspondants qui ne partagent pas mes convictions m'exposent en toute sincérité leurs objections; ils le font toujours sérieusement, loyalement, en s'abstenant de toutes personnalités, aussi bien par lettres anonymes que par lettres signées, et je ne regrette qu'une chose, c'est de ne pouvoir répondre à tous. Mais voici deux lettres qui constituent des exceptions, qui ne sont pas écrites en vue de formuler des objections, mais pour m'insulter. Messieurs les auteurs de ces deux lettres seront certainement vexés de trouver ici l'expression de ma reconnaissance...

La dernière de ces lettres concerne précisément l'annonce de ma maladie. Mon correspondant anonyme n'y va pas par quatre chemins; comment, j'ai osé, moi, annoncer par la voix de la presse une chose qui n'intéresse que moi, c'est-à-dire ma maladie? Et dans sa lettre il répond à mon information par une parodie extrêmement indécente et grossière. Or, depuis longtemps je tenais à dire deux mots sur les lettres anonymes en général, et plus particulièrement sur les lettres anonymes d'un caractère injurieux. Je suis heureux d'en avoir trouvé l'occasion.

De fait, et je le pense depuis fort longtemps, à notre époque d'instabilité et de transition, si

209

Diario de un escritor de Fiódor Dostoievski con las notas de Miguel de Unamuno

Todos los rasgos mencionados tienen, más bien, carácter poco significativo. El signo principal del influjo de Dostoievski sobre Baroja y Unamuno radica en que algunas novelas de los autores españoles pueden llamarse *polifónicas* — en el sentido de Mijaíl Bajtín —, cuando un autor “no crea esclavos carentes de voz propia [...], sino personas libres, capaces de enfrentarse a su creador, de no estar de acuerdo con él y hasta de oponersele”³⁵.

La polifonía de las novelas unamunianas es objeto de estudio de Iris M. Zavala en el libro *Unamuno y el pensamiento dialógico: M. de Unamuno y M. Bajtín*³⁶, la polifonía de las novelas de Baroja como consecuencia de su afición por Dostoievski

³⁵ *Bajtín M.* Problemas de la poética de Dostoievski. Madrid: Fondo de Cultura Económica, 2004. P. 14.

³⁶ *Zavala I.M.* Unamuno y el pensamiento dialógico: M. de Unamuno y M. Bajtín. Barcelona: Anthropos, 1991. Véase también: *Korkonósenko K.* Polifonicheskij roman Dostoevskogo i agonicheskij “ruman” Unamuno (Novela polifónica de Dostoievski y novela agónica de Unamuno // *Russkaya literatura.* 1999. N° 4. P. 114–123.

ha sido estudiada por Inesa Terterían³⁷. Comparando las novelas de Baroja con *La voluntad* de Azorín, Terterían declara que esta última es una novela determinadamente monológica: “En la novela hay mucho diálogo, pero no en el sentido bajtiniano ni Dostoievskiano: no hay confrontaciones de conciencias, no hay disputa de ideas. [...] Las otras conciencias, si bien aparecen en la novela, sólo son material para el trabajo intelectual del protagonista”³⁸. Se puede calificar de polifónicas tales trilogías de Baroja como *La lucha por la vida*, *La vida fantástica*, *Las ciudades*. Al caracterizarlas, Terterían afirma: “Sus novelas eran para él una especie de pruebas experimentales en el marco de las cuales el escritor establecía la vitalidad y el valor de las ideas que le interesaban”. Empero, a diferencia de Dostoievski, el novelista español “utilizaba estructuras ya existentes, teorías que ya corrían por el mundo”³⁹. Experimentando con las ideas, Baroja incluso no deja de presentar a sus portavoces en situaciones cómicas, poco adecuadas. Podemos suponer que esta técnica novelesca también se inspirada en Dostoievski, ya que destaca las novelas de Baroja de las obras de sus contemporáneos.

Un rasgo más que le da un matiz propio a la polifonía de Baroja es la voz de León Tolstói, que suena muy a menudo en el coro de sus novelas. Eso no pasa directamente, como, por ejemplo, en *La voluntad* de Azorín, que cita la carta de Tolstói a la *Revista blanca* de Madrid para dejar a su protagonista expresarse acerca del no empleo de la violencia ante la maldad⁴⁰. Para Baroja, Tolstói es un fenómeno cultural, bien conocido y relevante para España, cuya evaluación sirve para caracterizar a los personajes de sus propias obras.

Algunas de las novelas de Unamuno, tales como *Niebla*, *Abel Sánchez*, *San Manuel Bueno, mártir*, también son polifónicas. Su diferencia de las obras de Dostoievski consiste en que las voces que suenan en las novelas unamunianas se chocan para resolver solo una “última pregunta” que le inquietó a don Miguel en el momento de escribir: la realidad de la existencia humana; el poder de una pasión devoradora; el problema del creer o descreer de la vida eterna.

696 Estudiando la influencia de Dostoievski y Tolstói en la Generación del 98, llegamos a una conclusión de carácter polémico: ha habido dos tipos distintos de influencia. La obra de Tolstói influyó en toda la prosa española, pero la mayoría de las veces es imposible determinar en qué consiste esta influencia. Sólo sabemos que existe, como el aire, o como la presencia del *Quijote* en toda la novela europea. El influjo de Tolstói resulta evidente y palpable en las novelas dedicadas a la guerra carlista, tales como *Los cruzados de la causa*, *El resplandor de la hoguera*, *Gerifaltes de antaño*, de Valle-Inclán o *Paz en la guerra*, de Unamuno. Por otro lado, no todos los escritores de la Generación del 98 asumieron la herencia de Dostoievski, pero en los casos en los que este influjo existe, se manifiesta muy clara e intensamente en distintos niveles, de modo que no se puede pasar por alto. Tal es el caso de Pío Baroja y, aun de forma más destacable, el de Miguel de Unamuno.

³⁷ Terterían I. Ispitanie istoriey... P. 229–234, 247–249.

³⁸ *Ibid.* P. 234, 249.

³⁹ *Ibid.* P. 233–235.

⁴⁰ *Azorín*. *La voluntad*. Madrid: Castalia, 1989. P. 116–117.

EL MUNDO DEL ARTE Y EL MUNDO DEL ARTE ESPAÑOL

El estudio del arte occidental en Rusia, a caballo de los siglos XIX al XX, tomó nuevas vías: los pintores y los críticos de arte rusos que trabajaban sobre la obra de los “antiguos maestros” de las escuelas europeas consideraban que estas les servían de fuente de inspiración y de descubrimientos estéticos. Aquello también influiría en la presentación de la obra de los maestros españoles recogida en los catálogos de las colecciones de los museos. En 1902 vieron la luz dos publicaciones que incluían las reproducciones de los mejores cuadros del Ermitage. El texto sobre “la parte occidental” de la obra expuesta fue escrito por el coleccionista y aficionado a las artes Pável Delárov⁴¹, cuya valoración de los lienzos españoles era muy parecida a la de Sómov y de Neustróyev.

Al mismo tiempo, aparecieron las primeras obras monográficas dedicadas a la historia de la pintura española. El pintor y crítico de arte Ernst Lipgart, conservador jefe de la colección de pintura del Ermitage, se dedicó al estudio en profundidad de la parte española de la colección⁴². Escribió un artículo sobre la atribución de los lienzos españoles, para una exposición de pintura occidental procedente de las colecciones privadas, organizada en 1908 en San Petersburgo por la revista *Stariye gody* (Los años viejos)⁴³.

La obra de los maestros españoles llamó la atención de los miembros del grupo *Mir iskusstva* (Mundo del Arte), que se dedicaban a la búsqueda de nuevas formas artísticas que aunaran el legado del realismo y los recursos expresivos del simbolismo. En 1914, Nikolái Vranguel, cercano a la estética del grupo, al estudiar los lienzos españoles del Ermitage, prestó especial atención “al arte español, tan olvidado durante tanto tiempo, misterioso y no estudiado, tan original y único”. Destacó, además, que “el arte de España atrae, cada vez más, la atención de los viajeros, y El Greco y Goya ocupan, con toda justicia, los primeros lugares entre los más excelentes maestros de la pintura”⁴⁴.

Los simbolistas, que se dieron a conocer en el arte occidental y en el arte ruso durante esas décadas, resultaron ser muy sensibles a la componente demoníaca de la obra de Goya. En el artículo *Poesía del horror* (1904), dedicado a la obra del pintor español, Konstantín Balmont decía de Goya que era “un verdadero creador de la belleza de lo horrible”, y lo calificaba como “poeta simbolista en la pintura”. En su trabajo, el poeta rinde un merecido tributo al don satírico del maestro español,

⁴¹ *Delarov P.V.* Kartinnaya galereya imperatorskogo Ermitazha (La pinacoteca del Ermitage Imperial). San Petersburgo: T-vo M. O. Vol'f, 1902. P. 91.

⁴² *Kagane L. L.* Kartiny starykh ispanskikh masterov v chastnykh sobraniyakh Sankt-Peterburga (Los cuadros de los maestros antiguos españoles en las colecciones privadas de San Petersburgo). P. 186–205; *Kagane L.L.* Ernest Karlovich Lipgart ob Ispanii i ispanskoy zhivopisi (Ernst Kárlovich Lipgart sobre España y la pintura española). Spb: Gos. Ermitazh, 2017.

⁴³ *Lipgart E.K.* Ispantsy XVI i XVII vekov (Los españoles en los siglos XVI y XVII) // *Stariye gody*. 1908. Noyabr'—dekabr'. P. 717–719.

⁴⁴ *Vrangel N.* Ob ispanskikh kartinakh Ermitazha (Los cuadros españoles del Ermitage) // *Stariye gody*. 1914. Nº 1. P. 25–33. A los cuadros españoles procedientes de una colección privada importante dedicaba también su atención otro artículo. Véase: *Voinov V.* Sobraniye Khanenko v Petrograde (La colección de Khanenko en Petrogrado). // *Apollon*. 1916. Nº 1. P. 1–12.

que se pone de manifiesto en los aguafuertes que “ridiculizaban los lados oscuros de la vida social”⁴⁵.

Alexánder Benois, el inspirador ideológico de la agrupación *Mir iskusstva*, sería autor de una reseña detallada sobre la historia de la pintura española⁴⁶. En 1907, Benois realizó un viaje por España que le causó una gran impresión. Escribió con admiración sobre las catedrales de Toledo, Segovia, Burgos y destacó que “estaba conmovido por El Escorial. Hasta traicioné a Versalles”. Más tarde recordaba: “Conseguí cumplir mi antiguo sueño de visitar España. [...] Entre [...] las impresiones del viaje, la más fuerte fue la admiración que sentí por la pintura de Velázquez. Fue en ese momento cuando descubrí en él al “rey indudable de la pintura”. También me causaron la más fuerte impresión *El entierro del Conde de Orgaz* en Toledo y *El beso de Judas* de El Greco”, y me proporcionaron un gran placer los cartones de Goya para tapices”. Benois escribiría también a Serov: “Acabo de volver de España. [...] Velázquez me dejó boquiabierto. Amigo mío, ¡es dios de la pintura! Hasta ahora eran muchos los pintores que me gustaban más que él y por los que sentía mayor aprecio, pero es que, de verdad, en cuanto al pincel y al color, es el más perfecto, y todo lo que nos muestran aquí de Velázquez (a excepción de lo que hay en Viena y el *Inocencio X* de Roma) no es gran cosa”⁴⁷. También le causó una gran impresión la obra de Goya; influenciado por él, Benois creó la serie de dibujos figurativos con tinta china denominada *La muerte*⁴⁸.

En 1911, Benois publicó una guía de la pinacoteca del Ermitage⁴⁹, en la que avanzó en la presentación de un enfoque que pretendía ser imparcial y cuya tradición conducía a los trabajos de Sómov. Al igual que sus predecesores, apreciaba altamente la obra de Velázquez, y subrayaba que el pintor poseía “un don excepcional para... encontrar en todas las cosas la belleza y la majestuosidad”. También reconocía que “Murillo era [...] un poeta [...] gracioso, pero que le faltaba mucho para alcanzar [...] el éxtasis de Theotócopuli”⁵⁰. Posteriormente, el famoso historiador de arte Vladimir Levinson-Lessing escribiría: “Todos nosotros, en cierta medida, nos educamos con este libro magnífico de Benois”⁵¹.

698 En el año 1912, empezó a publicarse *La historia de la pintura de todos los tiempos y pueblos*, de numerosos volúmenes, en la que la historia de la evolución del arte

⁴⁵ *Bal'mont K.* Poeziya uzhasa: Fransisko Goya, kak avtor ofortov. 1746—1828 (Poesía del horror: Francisco Goya como autor de aguafuertes. 1746—1828) // *Bal'mont K.* Gornyye vershiny. Kn. 1. Iskusstvo i literatura. Moscú: Graf, 1904. P. 2, 5, 9.

⁴⁶ *Morózova A.V.* A. N. Benua kak ispanist (Benois como hispanista) // *Kultura i iskusstvo*. 2017. Nº 2. P. 88–96.

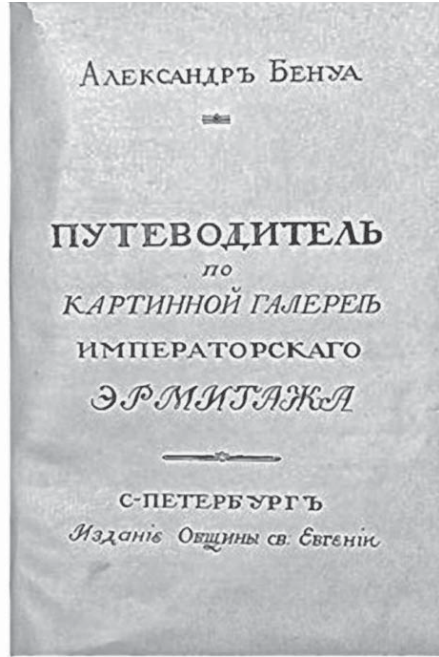
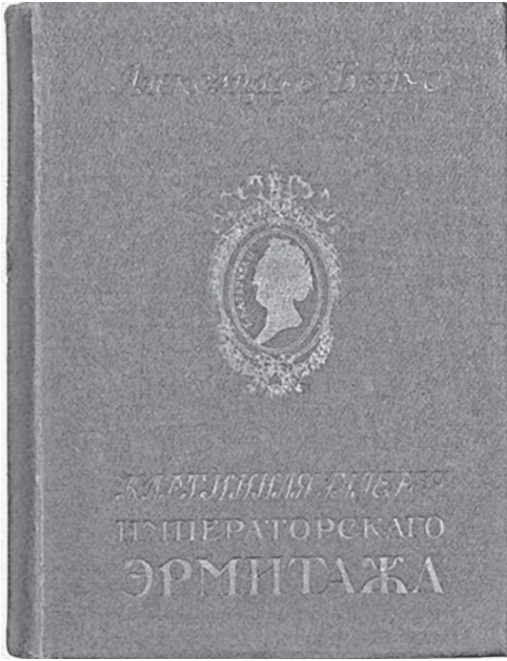
⁴⁷ *Benua A.N.* Moi vospominaniya. (Mis memorias). V. 1–5. Moscú: Nauka, 1980. T. 2, Lib. 4, 5. P. 97, 453–454; Val. Serov v perepiske, dokumentakh i interv'yú (Valentín Serov en la correspondencia, documentos y entrevistas). V. 1–2. Leningrado: Khudozhnik RSFSR, 1985. T. 2. P. 96–97.

⁴⁸ *Etkind M.A.* N. Benua i russkaya khudozhestvennaya kul'tura kontsa XIX-nachala XX veka (Benois y la cultura artística rusa de finales del siglo XIX y principios del siglo XX). Leningrado: Khudozhnik RSFSR, 1989. P. 143.

⁴⁹ *Benua A.N.* Putevoditel' po kartinnoy galereye imperatorskogo Ermitazha (Guía de la pinacoteca del Ermitage Imperial). San Petersburgo: Obshchina sv. Yevgenii, [1911].

⁵⁰ *Ibid.* P. 131, 136–137.

⁵¹ A.N. Benua i Ermitazh: Katalog vystavki iz sobraniya Ermitazha. (Benois y el Ermitage: Catálogo de la exposición procedente de la colección del Ermitage). San Petersburgo: Izd-vo GE, 1994. P. 10.

Guía del Ermitage Imperial de Alexander Benois

español ocupaba también un lugar importante⁵². En el centro del análisis, Benois situaría los problemas artísticos: las innovaciones en el color, la plasticidad, la técnica de colocación de la pintura, el naturalismo en la transmisión de detalles, etc. Describió, además, de manera viva y metafórica, el estado de ánimo que provocaba la contemplación de la obra de uno u otro maestro. En cuanto a El Greco, Benois escribió: “Al estudiar las cien obras de El Greco no tienes la impresión de enfrentarte a algo helado y apagado, al contrario, sientes la terrible emoción que embarga a uno al ver un gran incendio”. Y también: “Precisamente por eso nuestro tiempo se siente tan ávido de El Greco, porque, con esa desesperación profunda que domina ahora nuestros pensamientos, esperamos contaminarnos gracias a él del ardor de la fe, conocer a través de él la alegría del éxtasis”⁵³.

El objetivo de Benois era representar la evolución de la pintura española a través de su propia percepción emocional. Precisamente por eso no le preocupaba “la lógica estricta” de su trabajo, sino, sobre todo, la presentación de sus “sufrimientos espirituales”⁵⁴. Y así, en la producción científica rusa sobre arte aparecieron estudios de carácter poético sobre la pintura española. Benois trataba de vincular el carácter específico de las cualidades artísticas de una obra con su nivel figurativo. Según él,

699

⁵² *Benua A.N. Istoriya zhivopisi vsekhn vremeni i narodov* (Historia de la pintura de todos los tiempos y pueblos). San Petersburgo: Shipovnik, 1912–[1917]. Parte 1. T. 1–4.

⁵³ *Ibíd.* T.3. P.72.

⁵⁴ *Ibíd.* T.2. Prefacio (sin indicar páginas).

“la idea sobre el carácter perecedero de toda existencia terrestre, que era una idea ascética, puramente española” explicaba tanto “el naturalismo” como “la atención a la vida”, que eran rasgos propios de los maestros españoles, al tiempo que justificaba la preferencia por los tonos negros⁵⁵. A diferencia de sus predecesores, Benois analizó no solo las obras que le imponían, sino también las que, según él, “no proporcionaban [...] placer pictórico alguno”. Benois consideraba que el valor estético de una obra era el criterio principal para su valoración. Rehabilitó a Ribera y Zurbarán, sobre los cuales escribió que, tras entrar en contacto con sus lienzos, “parecía que acababa de respirar el aire de la montaña o de un pinar salvaje”⁵⁶.

Atribuyó la diferencia del lenguaje artístico de los maestros antiguos a la evolución del estilo artístico y no a las preferencias socio-ideológicas de esos maestros. Gracias al trabajo de Benois, se fue superando paulatinamente la dicotomía entre el interés por la técnica de los antiguos maestros españoles y la falta de reconocimiento de su nivel figurativo, entre el interés de la sociedad rusa por la cultura española en general y la incompreensión de muchos fenómenos de esa cultura.

Gracias al estudio de la obra de los maestros españoles, los miembros de *Mir Iskusstva* descubrieron una variedad más amplia de fenómenos estéticos, lo que les llevó tanto a una mayor objetividad en su evaluación, como al interés por su evolución artística para definir las peculiaridades del estilo de cada pintor. Todos los problemas aquí mencionados aparecieron por primera vez en el trabajo de Benois, que sentó las bases del hispanismo ruso en lo que a la crítica de arte se refiere.

LOS BALLETS RUSOS DE DIÁGUILEV EN ESPAÑA

A finales del siglo XIX y principios del siglo XX, Europa empezó a percibir a Rusia no solo como un país que tomaba prestado elementos del patrimonio cultural otro, sino como un país que también aportaba nuevos valores, tanto espirituales, como estéticos. Si en las últimas décadas del siglo XIX, el elemento más decisivo en la formación de una imagen positiva de Rusia fue la gran novela rusa —las obras de Tolstói, Turguénev y Dostoievski— durante la década previa a la revolución bolchevique ese mismo papel lo desempeñaron *Los Ballets Rusos* de Serguéi Diáguilev.

Durante la Primera Guerra Mundial, *Los Ballets rusos* de Diáguilev se diría que asentaron en España, país que fue especialmente hospitalario. Diáguilev era un gran amante de la cultura española y soñaba con producir un ballet español basado en las tradiciones de los bailes españoles. Entre 1916 y 1921, *Los Ballets Rusos* actuaron con mucho éxito no solo en Madrid, sino también en San Sebastián, Bilbao, Barcelona, Valladolid, Salamanca, Logroño, Zaragoza, Valencia, Alcoy, Alicante, Cartagena, Murcia, Córdoba, Sevilla, Málaga y Granada⁵⁷.

⁵⁵ *Ibid.* P.I. T. 4, P. 13, 44.

⁵⁶ *Ibid.* T. 4. P. 57.

⁵⁷ *Acker Y.F. Los Ballets Russes en España: recepción y guía de sus primeras actuaciones (1916–1918) // Los Ballets Russes de Diáguilev y España. Álvarez Cañibano A., Nommick I. (Eds.). Granada: Archivo Manuel de Falla, 2000. P. 229–252.*

La razón principal de aquella gira fue, por supuesto, que la guerra imposibilitaba, o al menos dificultaba, que la compañía actuara en la mayoría de países europeos. Así pues, Diáguilev aceptó agradecido la invitación del rey español Alfonso XIII para hacer una gira por España, que en aquel momento era considerada zona neutral⁵⁸. El rey no se perdió ni una actuación y remarcó siempre que consideraba a Diáguilev un amigo personal. Al mismo tiempo, el gran interés por España que Diáguilev compartía con Igor Stravinski y Leonid Miasin jugó también un papel decisivo en aquella gira. No fue casualidad que su amistad con compositores (Manuel de Falla), pintores (Pablo Picasso, Juan Gris, Joan Miró, Josep María Sert, Pere Pruna), dramaturgos (Gregorio Martínez Sierra y su mujer), bailarines (Ángeles Morillo, Félix Fernández, Estampillo, María de Albaicín, Pepita “la Faraónica”, La Rubia de Jerez), cantantes (La Minerita) y guitarristas (Manuel Martel) fuese tan productiva para todos. Cabe mencionar aquí que, en junio de 1917, antes de abandonar Europa para siempre, Váslav Nijinski participó en los espectáculos de Madrid y Barcelona.

Durante su primera estancia en Madrid, en 1916, Diáguilev y algunos de sus compañeros visitaron en varias ocasiones la casa de Gregorio y María Martínez Sierra. Allí Diáguilev y Miasin oyeron por primera vez a Manuel de Falla interpretar su *Noches en los Jardines de España*, e intentaron convencerle para que creara un nuevo ballet con su música y la coreografía de Miasin. Falla les propuso escribir un ballet basado en la trama de *El sombrero de tres picos* de Pedro Antonio de Alarcón, un libreto que ya estaba siendo escrito por el matrimonio Martínez Sierra. Fue en esa misma casa, un sitio clave para el famoso ballet, donde Falla interpretó, a finales de mayo y principios de junio de 1916, en presencia de Diáguilev y Miasin, algunos fragmentos de su futura obra maestra. El ballet *El sombrero de tres picos*, representado por primera vez en Londres en 1919, estaba predestinado a ser una sublime síntesis de las dos culturas, la unión, en un proyecto de Diáguilev, de la música de Manuel de Falla, la coreografía de Miasin y la escenografía de Picasso. Ya en España, tras el estreno en Madrid “el público no podía volver en sí de la emoción vivida, después de haber visto la genial representación de los bailes españoles realizada por bailarines rusos”⁵⁹. El encuentro del ballet de Diáguilev, que englobaba a compositores, coreógrafos y pintores rusos, y algunas de las personalidades de la cultura española de principios del siglo XX, una época que hoy en día, tanto en Rusia como en España, se conoce como el Siglo de Plata, enriqueció a ambas partes, dando un nuevo impulso tanto a pintores como a compositores y poetas españoles y, brindando al mismo tiempo, nuevos temas y posibilidades al ballet ruso. El trabajo conjunto de Diáguilev, Falla, Stravinski, Picasso y Miasin marca toda una época en la cultura del siglo XX.

Trabajar con Diáguilev, sin duda una autoridad en cuanto a las tendencias de vanguardia y cuya compañía recorría el mundo cosechando éxitos, era muy tentador para los españoles, incluso para los pintores que vivían en París y ya eran famosos. Así, por ejemplo, Federico García Lorca aspiraba a que su obra de teatro *El retablillo*

⁵⁸ Walsh J.K. España y los *Ballets Russes* de Serge Diáguilev. Contexto histórico: España durante la Primera Guerra Mundial // *Ibid.* P. 23–30.

⁵⁹ Garafola L. Diáguilev's *Ballets Russes*. New York: Oxford University Press, 1989. P. 154.

Maximilián Voloshin y España

José Fernández Sánchez, autor de la guía *Viajeros rusos por la España del siglo XIX*, escribió: “Para los rusos con exceso de imaginación o de dinero, viajar por Europa era casi un ritual. Los que se preocupaban por la salud iban a Baden-Baden; los amantes de la buena comida, a Roma; aquellos que buscaban diversión frecuentaban París. Si lo que querían era mejorar su educación, escogían Berlín. [...] Los que decidían ir a España lo hacían llevados por el simple deseo de conocer el país”. Uno de los más brillantes episodios de la temprana estancia de los escritores rusos en España son los dos viajes del poeta ruso Maksimilián Voloshin. Su experiencia española se refleja en acuarelas y dibujos, pero, sobre todo, en poemas como *Castañuelas*, en ensayos como *Andorra, En las zonas remotas de España, Valdemoza, Corrida* y también en muchas cartas.

Además de escribir cartas, llenó varios cuadernos con bocetos fugaces (que aprendió a realizar fijándose en Forain y en otros artistas que dibujaban las calles de París) de escenas de género, paisajes, interiores de la Catedral de Palma de Mallorca, una corrida de toros en Sevilla, dejando así una memoria pictórica de la clásica ruta que hacían los intelectuales y bohemios a finales del siglo XIX y principios del XX: la Seo de Urgel, Lérida, Barcelona, Palma de Mallorca, Vallde-mosa, Valencia, Alicante, Málaga, Sevilla, Córdoba, Toledo, Madrid y El Escorial.

En 1915, Voloshin pasó en España tan solo ocho días. Salió de Francia el 30 de septiembre en bicicleta, y eligió un recorrido menos clásico que la vez anterior. Destino era Castilla la Vieja; la meseta, las ciudades antiguas, los monasterios medievales, las iglesias y los castillos llenaron sus cuadernos, que se custodian ahora en los museos de San Petersburgo, Moscú y Feodosia. En ese viaje, Voloshin visitó Irún, San Sebastián, Tolosa, Vitoria, Burgos y Pancorbo. Sin embargo, lo más destacable es el paralelismo que encuentra entre Cimmeria o Koktebel y algunos paisajes españoles. Ya en 1901, Voloshin escribía a su madre que los alrededores de Alicante “recuerdan sorprendentemente a

702

de Don Cristóbal, basada en el folclore andaluz, inspirara a la compañía de Diáguilev para montar un ballet. En una carta fechada el 13 de agosto de 1921 se lo confesaba a su amigo Adolfo Salazar, conocido crítico musical⁶⁰. Las esperanzas del poeta no se cumplieron, aun así, en su obra *La zapatera prodigiosa* se pueden encontrar semejanzas con el ballet *El sombrero de tres picos* de Diáguilev y de Falla.

Según Stravinski, que acompañó a Diáguilev en los viajes por España durante 1915, 1916 y 1921, el particular interés de los compositores rusos por España se debe a que, entre la música tradicional española y la música tradicional rusa, existe una conexión, que, sin lugar a dudas, se remonta a sus orígenes orientales. “Algunas canciones andaluzas me recuerdan las melodías de nuestras regiones, y despiertan en mí un recuerdo atávico”, dice Stravinski.

⁶⁰ *García Lorca F. La zapatera prodigiosa*. Madrid: Espasa-Calpe, 1982. P. 14.

Maximilián Volóshin. Corrida de toros.

todos nuestros lugares, incluso más Meganom [cabo en la parte sudeste de la península Crimea]”. Años más tarde, tras haber visitado el corazón de España, la meseta castellana, Voloshin desarrolla ese mismo tema en una carta a Alexandra Petrova: “Un poco diferente, pero tan precioso como Kara Dag. Todo resulta infinitamente cercano, hay muchísimos elementos de Cimmeria, pero además están los poblados de piedra, las casitas con escudos de estuco, las catedrales góticas y los monasterios”.

En el Museo Nacional del Teatro de la ciudad de Almagro se guardan cuidadosamente los esbozos de los decorados y también cinco bocetos de los trajes para *Petrushka*, uno de los mayores logros de Alexánder Benois. El museo, uno de los centros culturales más importantes de España, fue creado en 1994 en esta recóndita ciudad de La Mancha, y ocupa un edificio que en la Edad Media fue propiedad de la Orden de Calatrava y donde se encontraba la residencia del Gran Maestre de la Orden. El museo custodia bocetos de trajes y decorados de óperas, ballets y obras de teatro en general, archivos de actores y directores; todo relacionado con la vida teatral en España. Junto a esos tesoros nacionales, podemos también encontrar objetos pertenecientes a la historia del teatro de otros países. En 1921, durante las giras de *Los Ballets Rusos* por España, Luis París consiguió cuatro bocetos de los trajes de *Petrushka* para el Teatro Real de Madrid. En 1936, se consiguió otro boceto de otro traje y los bosquejos de la decoración de la obra.

“están anclados en la búsqueda estética del arte plástico de finales de la primera década del s. XIX: una acuarela libre y desenvuelta muy cercana a los métodos de *lubok* [pintura popular rusa en madera], que ahora atrae también a otros artistas”⁶⁶. Más tarde, Benois recordaba que en *Petrushka*, tanto en el decorado como en los trajes encontraron reflejo sus recuerdos de infancia de los carnavales en San Petersburgo, allá por la década de 1870: “Las carpas eran la atracción principal de esa fiesta, que desde tiempos inmemorables, más concretamente desde el siglo XVIII, era en Rusia una de las diversiones populares más importantes, sobre todo en las dos capitales”⁶⁷. Al principio había dos títeres: *Petrushka* y su dama, pero el desarrollo de la intriga exigió la aparición de un tercer personaje, el galán, que de forma natural se convirtió en la “personificación del tercer ángulo del triángulo”. “Si *Petrushka* era la imagen del hombre espiritual que sufre —dicho de otro modo, un principio poético— si su dama, *Colombina*, la bailarina, es la personificación de *das Ewig-Weibliche*, entonces el galán representaba la masculinidad seductora, vacía e inmerecidamente triunfante”⁶⁸. En el caso de la Bailarina, se encontró rápidamente la imagen escénica: Benois confesaba que era una réplica casi exacta de una figurita de porcelana de Gardner.

Según I. Vershínina, “en la trama tradicional de *Petrushka* no existe el personaje de Bailarina. *Petrushka* tiene una novia y siempre triunfa en los asuntos amorosos. Bailarina cambia la historia por completo: *Petrushka* se convierte en el amante rechazado, mientras que el torpe pero apuesto galán de pronto resulta ser su afortunado rival. Es entonces cuando el burlón de *Petrushka* cede su lugar al triste perdedor *Pierrot*. Y así nos encontramos ante una situación dramática tan vieja como la propia vida: *Pierrot*, *Arlequín*, *Colombina*”⁶⁹.

Alexánder Benois. Colombina.
Boceto para el ballet *Petrushka*.

⁶⁶ *Étkind M.* A.N. Benois... P. 265.

⁶⁷ *Benois A.* *Moí vospominaniá...* T. 1. P. 289.

⁶⁸ *Ibíd.* T. 2. P. 516.

⁶⁹ *Vershínina I.Y.* *Rannie balety Stravinskogo* (Los primeros ballets de Stravinski). Moscú: Naúka, 1967. P. 113–114.

Se sabe que Benois dibujaba los bocetos señalando las poses características de los personajes. Los bocetos del ballet *Petrushka* guardados en el museo español son un perfecto testimonio de ello. A lo largo de su vida, Benois volvió una y otra vez a *Petrushka*. Entre 1910 y 1930, el ballet y sus decorados fueron presentados en París, Madrid, Moscú, Petrogrado, Milán, Copenhague y Montecarlo. Durante la gira de la compañía de Diáguilev por España, en 1916, 1917 y 1921, el ballet *Petrushka* fue recibido con el mismo entusiasmo que en París⁷⁰. Fue el todo formado por la música de Stravinski, la maestría de Nijínski y Karsávina, la coreografía de Fokine y los diseños de Benois lo que causó gran furor entre los críticos teatrales españoles. Por ejemplo, cuando *Petrushka* se representó en San Sebastián, en el teatro Victoria Eugenia, en *La Voz de Guipúzcoa* se diría: “En cuanto a la obra, es prácticamente imposible imaginarse una mayor riqueza y diversidad de trajes que la que visten los innumerables bailarines, que se encuentran en constante movimiento”⁷¹.

Según el testimonio de Stravinski, ese ballet de Diáguilev era precisamente el favorito del rey Alfonso XIII, lo cual pudo motivar la decisión de la dirección del Teatro Real de Madrid de adquirir los bocetos de Benois para *Petrushka*⁷². La prensa y la crítica españolas compartían opinión al considerar que la gira de la compañía de Diáguilev por España entre los años 1915 y 1921 originó un profundo cambio tanto en la vida teatral como artística del país, contribuyendo a sentar las bases de un nuevo ballet español al que el contacto con el ballet ruso le aportó un nuevo aire.

LAS RELACIONES CULTURALES ENTRE LA URSS Y ESPAÑA: LOS PRIMEROS PASOS

706

La crisis revolucionaria en Rusia provocó una reacción contradictoria en los círculos políticos e intelectuales españoles. En el contexto de inestabilidad política en que se encontraba España en los años 1917–1923, la sangrienta guerra civil en Rusia se consideraba como una gran catástrofe humanitaria que no solo despertaba interés político sino que también que inspiraba compasión ante la tragedia que sufría el pueblo de la gran potencia de antaño.

En 1922, la sociedad civil española respondió a la petición de ayuda del famoso explorador del Polo Norte y ganador del Premio Nobel Fridtjóf Nansen para la gente que pasaba hambre en Rusia. En el marco de Comité Internacional, creada a iniciativa del mismo en 1921, actuaba una Comisión española de socorro compuesta por destacados políticos, científicos y escritores, que más tarde serían partidarios activos de la Segunda República Española. Entre ellos destacaban: el famoso pensador, Gregorio Marañón; el Presidente de la Real Academia de Jurisprudencia y

⁷⁰ Los *Ballets Russes* de Diáguilev... P. 218, 233, 235, 238, 243, 307–308.

⁷¹ Larrañaga P.J., Larrañaga J.M. La presencia de los *Ballets Russes* en San Sebastián (1916–1918) y su reflejo en *La Voz de Guipúzcoa* // *Ibíd.* P. 308.

⁷² *Stravinski I. Hronika*... P. 149.

Legislación y del Ateneo de Madrid, destacado jurista, Ángel Ossorio y Gallardo; el escritor, dramaturgo y reformador del teatro español, Gregorio Martínez Sierra y otros muchos. En marzo de 1922, se constituyó el Comité de auxilio para los sabios rusos⁷³.

La *Comisión española* era una sociedad benéfica de carácter apolítico. Durante su intervención en una de las reuniones en Barcelona del Comité Catalán de ayuda a Rusia, el antiguo alcalde de Barcelona, Antoni Martínez y Domingo, dijo: “No sé si soy de la derecha o de la izquierda. [...] Me siento cristiano, y recuerdo que Cristo murió para salvar a todos los hombres, incluso a los que le crucificaron. Por caridad, por justicia social y por patriotismo se debe acudir en socorro de Rusia”⁷⁴.

Además de la recaudación de fondos bajo suscripción, los miembros de la *Comisión* daban conferencias, organizaban conciertos, exposiciones y proyecciones de películas, y todos los ingresos procedentes de esas actividades se entregaban al Fondo de Socorro⁷⁵. El poeta español Juan Ramón Jiménez entregó a la *Comisión* 22 autógrafos del famoso poeta nicaragüense Rubén Darío para su venta posterior con el fin de enviar el dinero obtenido que “brilla y suena [...] camino de Rusia”⁷⁶. El ingreso total de todos los actos fue de 712 055,55 pesetas⁷⁷.

La implantación de la dictadura de Primo de Rivera en 1923 en España redujo los contactos políticos entre ambos países; sin embargo, a pesar de la cautelosa actitud hacia el Gobierno soviético, el interés de los intelectuales españoles por el País de los Soviets no disminuyó. En la década de 1920, se reeditaron en España en grandes tiradas, las obras de los escritores clásicos rusos: Alexander Pushkin, Mijaíl Lérmontov, León Tolstói, Iván Turguénev, Fiódor Dostoievski, Antón Chéjov, Alexander Kuprín, Leonid Andréyev. Se trataba de las primeras traducciones hechas directamente del original por emigrantes rusos⁷⁸.

Entre 1926 y 1930, en los mostradores de las librerías de Madrid, Barcelona, Valencia y otras ciudades españolas aparecieron por primera vez obras de escritores soviéticos, entre las cuales figuraban: *Ciudades y años* de Konstantín Fedin, *La derrota* de Alexander Fadéyev, *El torrente de hierro* de Alexander Serafimóvich y *El Don apacible* de Mijaíl Shólojov. Las ediciones de las novelas *Cemento*, de Fiódor Gladkov, y *Julio Jurenito*, de Ilyá Ehrenburg, se agotaron rápidamente⁷⁹.

⁷³ El Sol, 22.02.1922, P.1; El Sol, 1.03.1922, P. 1.

⁷⁴ El Sol, 13.05.1922, P. 1.

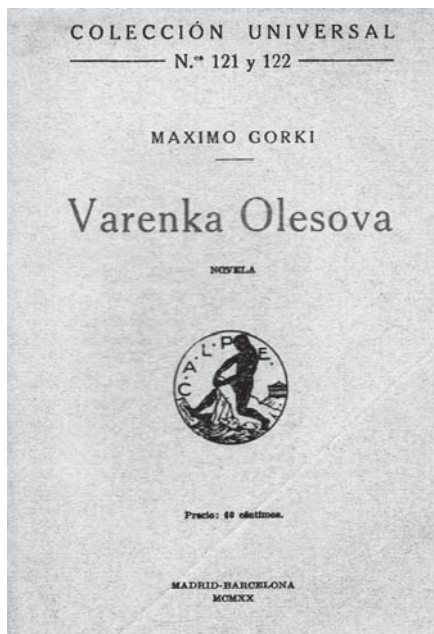
⁷⁵ El Sol, 13.02–02.03.1922; El Sol, 08–15.04.1922.

⁷⁶ El Sol, 17.02.1922, P. 1.

⁷⁷ El Sol, 24.07.1922, P. 1.

⁷⁸ Portnoff G. La literatura rusa en España. New York: Instituto de las Españas en los EEUU, 1932. P. 46–47, 265–273.

⁷⁹ Kuleshova V.V. Ispaniyai SSSR. Kul'turnyye svyazi (España y la URSS. Relaciones culturales). 1917–1939. Moscú: Naúka, 1975. P. 55–56, 64, 65.

Maksim Gorki. *Várenka Olésova*.
Cubierta de una edición española.

Tanto la literatura clásica rusa, como las obras escritas según el espíritu “del principal método de la literatura soviética” [el realismo socialista] despertaron el interés por la nueva realidad rusa. Muchos escritores y periodistas españoles deseaban a ver la URSS con sus propios ojos para comprobar si el modo de vida que se mitificaba en la literatura y la propaganda soviéticas coincidía con la realidad. En la década de 1920 y en primeros años de la década de 1930 viajarían Julio Álvarez del Vayo, Isidoro Acevedo, Diego Hidalgo, Pedro de Répide, José Bergamín, Jacinto Benavente y Rodrigo Soriano. Los libros que escribieron se vendieron en grandes tirajes pero contenían opiniones muy contradictorias: la realidad se correspondía con la imagen optimista e ideal del País de los Soviets creada por la literatura⁸⁰.

Así, Álvarez del Vayo describió sus impresiones sobre la URSS en dos libros,

La nueva Rusia, editado por primera vez en 1926, y *Rusia a los 12 años*, publicado en Madrid en 1929. Este periodista, que tenía un verdadero interés por el tema y al que no movía ningún tipo de animadversión, trató de argumentar sus conclusiones basándose en gran cantidad de materiales. Estudió mucha de la literatura que existía en aquel entonces sobre Rusia, se entrevistó con el comisario de Exteriores Gueorgui Chicherin, con los directores de teatro y de cine Vsévolod Meyerhold, Alexander Tairov y Serguéi Eisenstein y habló con diferentes ciudadanos soviéticos. Dio a conocer a los lectores españoles la poesía de Alexander Blok, Anna Ajmátova, Serguéi Yesenin y Vladímir Mayakovski (gracias a la traducción hecha por Enrique Díez Canedo)⁸¹. En el prefacio de la primera edición de *La nueva Rusia*, Álvarez del Vayo escribió: “No es éste un libro de tesis o propaganda. Menos aun aspira a agotar el tema que lleva por título. Los aspectos de La Nueva Rusia son casi tan vastos como sus horizontes. Es simplemente un libro

⁸⁰ *Álvarez del Vayo J.* La nueva Rusia. Madrid: Espasa-Calpe, 1926; *Ídem.* Rusia a los doce años, Madrid: Espasa-Calpe, 1929; *Acevedo I.* Impresiones de un viaje a Rusia. Oviedo: Imp. Hijo de A.P. Santamarina, 1923; *Hidalgo D.* Un notario español en Rusia. Madrid: Cénit, 1929; *Répide P. de.* Rusia de ahora. Madrid: Cía. Ibero-Americana de Publicaciones, 1930. Véase sobre ellos: *Egido León M.ª de los A.* Del paraíso soviético al peligro marxista. La Unión Soviética en la España republicana (1931–1936) // Cuadernos de Historia Contemporánea, Nº 10, 1988. P. 140–141.

⁸¹ *Álvarez del Vayo J.* La nueva Rusia. Madrid: Espasa-Calpe, 1926. P. 233–241.

de impresiones vividas por un periodista que estuvo en Rusia en dos ocasiones distintas después de la revolución (1922–1924), y que siente de antiguo especial predilección por las cosas rusas”.

La opinión de Ferran Valls i Taberner sobre la vida soviética es diametralmente opuesta. En su libro, el eminente científico y político catalán, que viajó a la URSS en 1928, realizó “una dura crítica del bolchevismo, que había destruido lo que habían creado las generaciones anteriores”. Cabe señalar, además, que las conclusiones de Valls estaban basadas en sus impresiones sobre la “descuidada y sucia” Leningrado⁸².

En la segunda mitad de la década de 1920 y principios de la década de 1930, comenzó la cooperación entre los científicos rusos y los científicos españoles. Rodolfo Llopis, socialista y pedagogo español que durante la Segunda República Española ocuparía el cargo de ministro de Instrucción Pública, estudió el sistema soviético de enseñanza preescolar y escolar y lo describió detalladamente en su libro *Cómo se forja un pueblo*⁸³. En mayo de 1926, una delegación de geólogos rusos encabezada por el académico Alexánder Karpinsky, presidente de la Academia de Ciencias de la URSS, asistió al XIV *Congreso Geológico Internacional* que tuvo lugar en Madrid. Durante ese Congreso, los científicos españoles, a saber: los geólogos Jaume Marcet Riba, de la Universidad de Barcelona, y José Gorostizaga, del Instituto Geológico y Minero de España, así como José Royo y Gómez, jefe del Laboratorio de Paleontología del Museo Nacional de Ciencias Naturales, fueron invitados a la URSS para familiarizarse con las investigaciones científicas que se realizaban en aquel entonces en el país. Lograron hacer ese viaje en 1928. En 1929, los oceanógrafos soviéticos fueron enviados al *Congreso Internacional de oceanografía, hidrografía marina e hidrología continental*, los ingenieros energéticos, encabezados por el académico Abram Ioffe, intervinieron en el *Congreso Internacional de Energía*, y una delegación soviética, encabezada por el académico Nikolái Zelinski, participó en el *Congreso de Química Aplicada*. En 1930, Emilio Huguet del Villar, uno de los fundadores de Pedología española, participó en la *Conferencia Internacional de la Ciencia de los Suelos* en Leningrado, y en Barcelona tuvo lugar la *VI Conferencia Internacional de Psicotecnia*, con la participación de especialistas soviéticos⁸⁴.

En 1927, el eminente biólogo soviético Nikolái Vavílov visitó España con una expedición científica de estudio de las regiones agrícolas del país. Los españoles le prestaron una gran ayuda y, más tarde, lleno de agradecimiento, escribió: “Por parte del círculo de los científicos tuvimos la más cordial acogida y, en particular, en la persona del director del Museo de Ciencias Naturales, el famoso entomólogo y profesor Ignacio Bolívar y su hijo, así como el botánico y profesor Luis Crespi Jaume”⁸⁵.

⁸² *Bagnó V.Ye.* “Na drugoj duhovnoj shirote...”: Obraz Rossii v zapiskah ispanskih putesheshtvennikov (“En la otra latitud espiritual”: La imagen de Rusia en los diarios de los viajeros españoles) // *Bagnó V.Ye.* *Rossiya i Ispaniya: obshchaya granitsa...* P. 39.

⁸³ *Egido León M.ª de los A.* *Del paraíso soviético...* P. 144–145.

⁸⁴ *Kuleshova V.V.* *Ispaniya i SSSR...* P. 72–75.

⁸⁵ *Huerga Melcón P.* Vavílov en Asturias: una historia en torno a la escanda // *Nómadas. Revista Crítica de Ciencias Sociales y Jurídicas*. 2012. Nº 33. — <https://webs.ucm.es/info/nomadas/33/pablohuerga.pdf> (fecha de consulta — 27.02.2018); *Kuleshova V.V.* *Ispaniya i SSSR...* P. 75.

Por otra parte, el interés de los escritores y periodistas soviéticos por España se manifestaba débilmente y, es probable que estuviera mediatizado, por las ideas tradicionales rusas sobre “el extremo Oeste de Europa”. En 1925, Vladímir Mayakovski, en su viaje de Francia a México, visitó Santander, Gijón y La Coruña. Las ciudades porteñas le parecieron al poeta “prosaicas” y en su gente no descubrió ni el carácter romántico, ni la pasión que se les atribuía, cosa que el poeta reflejaría en sus poemas *España y Seis monjas*⁸⁶. La desilusión que causó su viaje al norte de España no le impidió referirse a Pablo Picasso, a quien había conocido en París en 1923, como “el más grande de los pintores tanto por su fuerza, como por la influencia sobre la pintura universal”⁸⁷. Impresiones más detalladas sobre su largo viaje de Barcelona a Sevilla, en 1929, nos dejaría el escritor soviético Lev Nikulín en su libro *Cartas sobre España*. En la década de 1930, llegados los republicanos al poder, el interés por España creció mucho y el libro de Nikúlin que resultó ser, para los lectores soviéticos, una de las pocas fuentes de información sobre aquel lejano país, tuvo tres nuevas ediciones en la URSS⁸⁸.

Ya a principios de la década de 1920, los españoles descubrieron la música rusa y el arte de la interpretación musical. El conocimiento de la cultura musical española influyó en la obra de Serguéi Prokófiev. En 1923, tras contraer matrimonio con la cantante española Carolina Codina, cuyo seudónimo artístico era Lina Llubera, viajó a Barcelona donde dio varios conciertos. En 1928–1929, en la capital de Cataluña, Prokófiev actuó con famosas orquestas españolas y entró en diversos círculos artísticos. Entre sus conocidos destacaban el eminente compositor español Manuel de Falla y los poetas Rafael Alberti y Federico García Lorca. Posteriormente, en 1935, en la capital de España, se estrenó el Segundo concierto para violín de Prokófiev, dirigido por el amigo del compositor y director de la Orquesta Sinfónica de Madrid, Enrique Fernández Arbós.

710 En la primavera de 1929, tuvo gran resonancia la llegada a España del famoso compositor ruso y director del Conservatorio de Leningrado, Alexandr Glazunov. Bajo su batuta, las orquestas sinfónicas de Madrid y Barcelona interpretaron las obras de Mijaíl Glinka, Alexander Borodín, Nikolái Rimski-Kórsakov y otros compositores rusos. En Barcelona, Glazunov dirigió la famosa “Orquesta Pau Casals”. Dos años más tarde, en París, conoció al fundador de la orquesta, el eminente músico Pau Casals, y le dedicó *el Concierto Balada para violonchelo y orquesta (C-dur)*. En la URSS, durante esos años, estuvo de gira el eminente compositor y guitarrista español Andrés Segovia. En los años 1926 y 1927, dio conciertos en Moscú y Leningrado, interpretando obras de Mozart, Händel, Bach, Schubert, Grieg, Mendelssohn y Albéniz⁸⁹.

El aumento de los contactos internacionales de la URSS durante el período de la así llamada “etapa del reconocimiento [diplomático]” contribuyó también a

⁸⁶ *Bagnó V.Ye.* Ispaniya russkikh pisateley... P. 136–137; *Kuleshova V.V.* Ispaniya i SSSR... P. 71.

⁸⁷ *Mayakovskiy V.V.* Poln. sobr. soch. (Obras completas). T. 4. Moscú: Gos. Izd-vo khud. lit., 1957. P. 245.

⁸⁸ *Bagnó V.Ye.* Ispaniya russkikh pisateley... P. 137; *Kuleshova V.V.* Ispaniya i SSSR... P. 72.

⁸⁹ *Kuleshova V.V.* Ispaniya i SSSR... P. 47–48, 76–78.

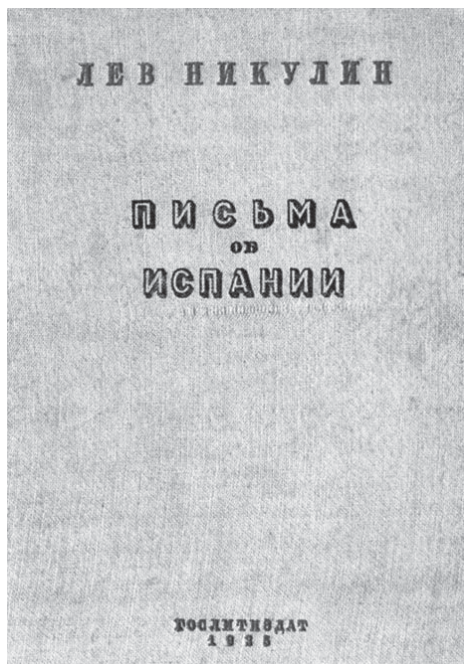
la activación de relaciones y contactos culturales del país. En 1925, fue fundada en la URSS la Sociedad para las Relaciones Culturales con el Exterior (VOKS) con el objetivo de establecer y mantener la cooperación cultural con diferentes países. Uno de los objetivos de su Sección Iberoamericana era desarrollar contactos con los círculos artísticos de España: la revista *Ogoniok* (La Chispa) mantenía correspondencia con el escritor español Vicente Blasco Ibáñez y el pintor Pablo Picasso.

Diego Hidalgo, científico y hombre público, futuro ministro de la Guerra durante la Segunda República Española, describió las actividades de la Sociedad VOKS de la siguiente manera: “Es una Sociedad neutral. En ella ni se hace política, ni propaganda comunista. Allí se facilita, a los extranjeros que vienen a Rusia para fines culturales, los medios necesarios para

que puedan cumplir su misión, y los médicos, ingenieros, profesores, abogados, etc. encuentran toda clase de facilidades para informarse de cuanto deseen. Hay varias secciones, o negociados, en los que, aparte de la secretaria general, que se ocupaba de la recepción de los extranjeros, encuentra uno alguien que, dominando una especialidad de las artes, las ciencias o las letras, se pone a su disposición para ayudarle, si lo desea, a la investigación o estudio que le interese. Una de las grandes dificultades de este país, para un extranjero, es el idioma, y en la Voks ese problema está totalmente resuelto, pues allí se hablan a la perfección todas las lenguas de la Tierra”⁹⁰.

En 1927, por iniciativa de los famosos hispanistas rusos S. Ignatyev y F. Kelyin, que aspiraban a unir a los especialistas que en la URSS se dedicaban al estudio de la historia, la cultura y el arte de España y de los países hispanohablantes, se inauguró la Sección Iberoamericana de la Academia Estatal de las Artes Artísticas en Moscú.

Poco más tarde, fue fundada la Sociedad Iberoamericana en Leningrado. Los miembros de la Sociedad daban ponencias y conferencias, organizaban exposiciones dedicadas a la cultura hispánica. Para la organización de la Exposición del Libro Iberoamericano en 1928 se solicitaron las publicaciones de la Biblioteca Nacional

Lev Nikúlin. *Cartas sobre España*. Portada.

⁹⁰ Véase: *Garrido Caballero M.* Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX. Cap. 4. —<http://www.tesisenred.net/handle/10803/1089> (fecha de consulta:16.02.2018).

de Madrid que, por primera vez, permitieron que los lectores soviéticos conocieran obras que antes estaban solo al alcance de muy pocos especialistas soviéticos que viajaban a España. Esos primeros contactos, todavía vacilantes, establecidos entre los científicos y los representantes de los intelectuales, se fortalecerían en los años de la Segunda República Española.

L LA URSS, LA SEGUNDA REPÚBLICA ESPAÑOLA Y EL ESTADO FRANQUISTA

PETRÓLEO Y POLÍTICA: EL DIFÍCIL CAMINO DE LAS RELACIONES BILATERALES ENTRE LA URSS Y ESPAÑA

Los Gobiernos españoles, como muchos de sus homólogos en el mundo occidental, no establecieron de inmediato relaciones diplomáticas con la naciente URSS. Esta fue poco a poco sorteando el bloqueo, pero España fue uno de los Estados que más tiempo se resistió¹. El exagerado temor ante el sedicente peligro de subversión comunista que mantuvieron las derechas españolas fue una de las razones. Las relaciones no se convinieron hasta 1933. Las necesidades de petróleo en España y la intensificación de sus suministros por la URSS no lograron superar las reticencias políticas.

Los soviéticos habían hecho acto de presencia en fecha relativamente temprana en el mundo petrolífero español. Entre 1924 y 1927 una empresa ligada al millonario Juan March tuvo el derecho exclusivo a importar el crudo soviético. Sin embargo, esta situación se vio afectada por un cambio en la política petrolífera española. En virtud del Real Decreto Ley de 28 de junio de 1927² se creó un monopolio estatal y

713

¹ Para más detalles véase, *Vañas A.* El reconocimiento de la República española en el contexto internacional: Austria, Alemania y la URSS // *La Segunda República y su proyección internacional.* Egidio León Á. (Ed.). Madrid: Libros de la Catarata, 2017; *García Fernández H.* Historia de un mito político: el “peligro comunista” en el discurso de las derechas españolas // *Historia Social*, 2005. N° 51; *Martínez Molinos G.* Ríos de petróleo. El abastecimiento de esencias y grasas durante la guerra civil // *Economía y economistas españoles en la guerra civil.* Fuentes Quintana E. (Dir.) y Comín Comín F. (Coord.). Vol. I. Madrid/Barcelona: Real Academia de Ciencias Morales y Políticas/Galaxia Gutenberg, Círculo de Lectores, 2008; *Whealey, R. H.* La diplomacia española del petróleo: de junio de 1927 a abril de 1931 // *Cuadernos Económicos de ICE.* N° 10, 1979. P. 511–534.

² Gaceta. 30.6.1927.

se decidió expropiar los establecimientos de venta de las empresas privadas ligadas a intereses norteamericanos (*Standard Oil of New Jersey*), anglo-holandeses (*Royal Dutch Shell*) y franceses, estos últimos vía March. La gestión de la importación, refinado y distribución se adjudicó a una empresa denominada CAMPSA, creada por un consorcio de bancos. Los perjudicados hicieron todo lo posible por sabotear el nuevo sistema. CAMPSA tuvo que aumentar sus compras a la URSS, a pesar de que la dictadura del general Primo de Rivera tenía escasas simpatías hacia el foco del comunismo internacional, y redujo el terreno de March al firmar en noviembre de 1927 su propio contrato con los exportadores soviéticos.

Cuando las aguas se calmaron CAMPSA procuró distribuir sus compras entre Estados Unidos (en especial la *Texas Co.*, *Texaco*) y la URSS. De 1926 hasta 1935 la participación del petróleo ruso en las importaciones españolas de dicho producto ascendió a un 39 por ciento (en dos años, 1929 y 1930, superó la mitad). España se convirtió en el segundo cliente europeo de la URSS, después de Italia en cuyo mercado ocupaba casi el 50 por ciento. La situación permitía, en principio, una gran flexibilidad. CAMPSA se obligaba a retirar cantidades mínimas estipuladas contractualmente, pero que no cubrían el consumo español. Las cantidades máximas, opcionales para la empresa, permitían compensar la falta de entregas de un mercado con las del otro. Esto no fue del agrado de los exportadores tradicionales que lograron que el contrato con los soviéticos terminara antes de tiempo. La diversificación de riesgos resultó complicada por diversas razones, desde las dispares distancias geográficas, los descuentos que se negociaban con unos y con otros hasta, no en último término, los factores políticos, siempre presentes en lo que atañía a las relaciones con la URSS.

714 A las pocas semanas de instaurada la República se firmó el 20 de mayo de 1931 un nuevo contrato con la URSS, cuyos representantes se habían esforzado grandemente por conseguirlo. Debía expirar el 31 de diciembre de 1934 pero se denunció antes. Las condiciones del mercado se habían modificado por causa de las disrupciones en los oleoductos transcaucásicos y en el sistema ferroviario soviético, afectado por numerosos accidentes. La capacidad exportadora se redujo y ello perjudicó a los adquirentes españoles. Los mercantes de CAMPSA sufrían grandes demoras en los puertos del Mar Negro y en ocasiones se veían obligados a emprender en lastre su viaje de regreso.

Ambas partes trataron de llegar a un nuevo contrato de suministro a largo plazo. Surgieron dificultades. El Gobierno español deseaba poder compensar las importaciones dentro de un acuerdo comercial bilateral, como hacía con otros países, con el fin de evitar en lo posible los pagos en divisas. En los años de la Gran Depresión tal tendencia estaba muy extendida. Esto, sin embargo, no agradaba al Gobierno soviético que, a pesar de exportar oro en grandes cantidades, no andaba sobrado de moneda extranjera y quería establecer relaciones diplomáticas como paso previo.

Reconciliar imperativos políticos y comerciales no fue tarea fácil, en parte porque las derechas seguían blandiendo el fantasma del peligro comunista. Tal postura contaminó los contactos que solían hacerse fuera de España y con la debida reserva. Fueron numerosas las voces, entre ellas las del diputado Eduardo Ortega y Gasset, hermano del filósofo, que subrayaron la excepcionalidad de la postura española. Esta

se mantenía, en efecto, en un período en el que el reconocimiento diplomático de la URSS había hecho grandes progresos en el escenario internacional. No sorprende, pues, el objetivo de la diplomacia de Moscú. En el ínterin, los círculos exportadores españoles empezaron a subrayar las posibilidades que deparaba el mercado soviético.

Tras una serie de tanteos el ministro de Estado, el eminente socialista Fernando de los Ríos, que asumió la cartera en junio de 1933, empujó en favor del establecimiento de relaciones. El panorama internacional se había visto impactado por las consecuencias de la llegada de Hitler a la Cancillería. La actuación del ministro estaba en consonancia con la línea implícita marcada por los Gobiernos presididos por Manuel Azaña. En julio, tras nuevas reuniones con el negociador soviético del petróleo, Mijail Ostrovski, el representante del *NEFTESINDIKAT*, el ministro de los Ríos alcanzó su objetivo. Tiene importancia notar que había visitado la URSS entre octubre y diciembre de 1920 con el fin de explorar las posibilidades de que el PSOE se adhiriera a la Tercera Internacional. Se había entrevistado con Lenin, Trotski y Bukharin, entre otros, y publicado sus impresiones contrarias en un libro (*Mi viaje a la Rusia soviética*, 1921) que se vendió rápidamente.

La nota oficial sobre el establecimiento de relaciones se publicó en la prensa española el 27 de julio de 1933. Como futuro embajador la decisión recayó sobre Julio Álvarez del Vayo, entonces destinado en México y que era un periodista muy conocido con simpatías hacia el experimento soviético. Se había hablado de otros pre-candidatos, entre ellos Marcelino Pascua.

Por parte soviética se designó a Anatoli Lunacharsky, exdelegado en la Conferencia de Desarme de Ginebra y excomisario del pueblo para la Instrucción Pública. El 8 de diciembre de 1933 el embajador en París, Salvador de Madariaga, contactó con Marcel Rosenberg, a la sazón encargado de Negocios en París, para comenzar las negociaciones sobre ciertas cuestiones económicas, jurídicas y consulares. También para abordar las relativas a las prerrogativas de las misiones diplomáticas respectivas que, en el sentir español, debían incorporar un compromiso soviético en materia de limitación de propaganda. Esto se orientaba a calmar a los sectores más recalcitrantes de la derecha española. Madariaga actuó bajo un nuevo Gobierno de breve duración encabezado por Diego Martínez Barrio y con el eminente medievalista profesor Claudio Sánchez-Albornoz en la cartera de Estado. El Gobierno soviético no aceptó. El 10 de diciembre Rosenberg anunció a Madariaga que sobre sus preguntas ya se habían dado instrucciones a Lunacharsky. El representante español replicó que era necesario que su llegada la precediese un acuerdo sobre las cuestiones indicadas. Moscú se mantuvo firme. En Madrid cayó el Gobierno que fue sucedido por otro presidido por Alejandro Lerroux, con Leandro Pita Romero

Anatoli Lunacharsky

en Estado. El tema se estancó. No tuvo en España el menor impacto la noticia de noviembre de 1933 cuando Estados Unidos y la URSS las anudaron. Lunacharsky falleció en Francia el 26 de diciembre de 1933.

Lo importante es que los sucesivos gobiernos españoles no denunciaron el acuerdo de julio. En julio de 1934 Madariaga se entrevistó otra vez con Rosenberg y le comunicó que el Gobierno estaba preparado a intercambiar notas sobre la composición de las embajadas y consulados y la no interferencia en asuntos internos. Otros aspectos podrían esperar al establecimiento de las misiones respectivas. Dos meses más tarde se produjo un terremoto diplomático con el ingreso soviético en la Sociedad de Naciones. El comisario del pueblo de Negocios Extranjeros Maxim Litvínov y el incombustible Madariaga intercambiaron cartas en Ginebra (que no he conseguido localizar). A su tenor las embajadas cumplirían las mismas funciones que la mayoría de las de otros países y su personal no superaría en número al de la mayor parte de las demás misiones con el número más elevado de diplomáticos acreditados. Se observa la índole de las preocupaciones españolas, siempre del mismo tenor. Otra carta declaró que la embajada en Moscú debía dirigirse al NKID y la soviética al Ministerio de Estado como interlocutores esenciales. La idea trataba de reflejar claramente el principio de no interferencia en los asuntos internos.

La evolución política española dio un vuelco de inmediato con la “revolución de octubre” en Asturias. Ni siquiera el tratado franco-soviético de Ayuda Mutua de 2 de mayo de 1935 tuvo el menor efecto. En Londres, eso sí, en los funerales del rey Jorge V en enero de 1936 coincidieron Litvínov y el entonces ministro de Estado en un Gobierno de transición, Joaquín de Urzaiz. Este ofreció reanudar las negociaciones para el intercambio de embajadas, pero el comisario se limitó a responder que prácticamente ya se habían concluido. De lo que antecede cabe deducir que durante el período en que la derecha católica (CEDA) estuvo presente en los Gobiernos (septiembre 1934 — diciembre 1935) no se registró ningún progreso.

716 Las cruciales elecciones de febrero de 1936 crearon otra dinámica. La situación frisaba en lo ridículo. España había sido más papista que el papa, cuando la total homologación internacional del Estado soviético era un hecho incontrovertible. El 3 de marzo el ministro de Marina José Giral, estrecho colaborador del presidente del Consejo, de nuevo Manuel Azaña, y correligionario del de Estado, Augusto Barcia, anunció que las relaciones diplomáticas con la URSS eran una prioridad. En consecuencia, el 8 de abril Madariaga indagó en Ginebra con el embajador en París, Vladímir Potiomkin, acerca del intercambio de misiones. En caso de obtener luz verde, el Gobierno español estaba dispuesto a actuar inmediatamente.

Para entonces, la conspiración militar había dado comienzo. Con su trama civil, a través de declaraciones en el Parlamento (en particular de los dos prohombres de la derecha José María Gil Robles y José Calvo Sotelo) y de numerosas noticias de prensa sobre la supuesta actividad subversiva de los comunistas soviéticos en los asuntos españoles, la agitación en los cuarteles había ido adquiriendo un tono cada vez más alarmante. Se había previsto un golpe de generales, que hubo que abortar a mitad de abril de prisa y corriendo.

Estos antecedentes hacen comprensible que el nuevo presidente del Consejo tras estallar la sublevación, José Giral, no tuviera la menor duda en apelar a la Unión Soviética en demanda de armamento, como lo hizo también con otros países. Fue la sublevación la que tornó imperativo el intercambio de misiones y lo que llevó a que Moscú decidiera sugerir el envío de sus representantes.

MARCEL ROSENBERG Y LA DIPLOMACIA SOVIÉTICA DURANTE LA GUERRA CIVIL

Las relaciones diplomáticas hispano-rusas interrumpidas en octubre de 1917 se restablecieron apenas en el verano de 1936. La petición que Madariaga le hizo en abril de 1936 a Vladimir Potiomkin, para que le informara sobre la posición soviética respecto al intercambio inmediato de misiones diplomáticas, recibió una respuesta favorable³. Pero los soviéticos esperaron para que la iniciativa la tomase Madrid hasta principios de agosto de 1936. El inicio y la escalada de la Guerra Civil en España llevaron al Gobierno soviético a ser primeros en solicitar el plácet para su representante plenipotenciario. El establecimiento pleno de las relaciones diplomáticas hispano-soviéticas — es decir el intercambio de embajadores tuvo lugar a mediados de agosto de 1936. El 22 de agosto de 1936, la cuestión de los representantes plenipotenciarios de la URSS en España fue examinada por el Buró Político del Comité Central del Partido Comunista de la Unión Soviética (bolchevique)⁴.

Como representante de la URSS en España se nombró a Marcel Rosenberg, que a principios de la década de 1930 había sido *polpred* en Francia y subsecretario general en la Sociedad de Naciones y que conocía bien la cuestión española. Rosenberg nació en Varsovia, acabó la enseñanza secundaria en Königsberg y en vísperas de la Primera Guerra Mundial se trasladó a vivir con sus parientes a Berlín. En 1914, partió para Gran Bretaña y en 1915, para los EE.UU. Durante estos años se familiarizó con las obras de Karl Marx y se interesó en las ideas socialdemócratas. Al volver a Rusia en el verano de 1917, fue destinado a la Embajada en Alemania y hasta finales de 1918, estuvo dirigiendo el servicio de prensa de la representación de la RSFSR. La geografía de la labor diplomática de Rosenberg en los años 1920–1930 fue variada y rica: Afganistán, Turquía, Italia, Francia, Ginebra. Su carrera profesional fue rápida: desde primer secretario de Embajada hasta embajador en Francia y finalmente subsecretario general de la Sociedad de Naciones.

La noticia de su nombramiento como embajador en Madrid le sorprendió durante unas vacaciones en Karlsbad, Checoslovaquia. Regresó a Moscú el 16 de agosto de 1936, el 24 llegó a Madrid, y el 31 entregó al Presidente de la República Manuel

³ Dokumenty vneshney politiki SSSR (Documentos de política exterior de la URSS) [DVP SSSR]. Moscú: Politizdat, 1974. Vol. 19. P. 230. Nota 72. P. 738.

⁴ Arjiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (Archivo de política exterior de la Federación Rusa) [AVP RF]. F. 010. Inv. 11. Exp. 71. Leg. 53. Fol. 35–36; Politbyuro TSK RKP (b) — VKP (b). Povestki dnya zasedaniy. Katalog (Politburó CC PCR (b) — PCUS (b). Agenda de reuniones. Catálogo). Vol. 2. 1930–1939. Moscú: ROSSPEN, 2001. P. 797.

Marcel Rosenberg

Azaña sus cartas credenciales. El 21 de septiembre de 1936, Vladímir Antónov-Ovséyenko fue nombrado cónsul general en Barcelona⁵. Los diplomáticos soviéticos llegaron a Madrid en momentos muy duros de la guerra, cuando las condiciones estaban empeorando. Tras la caída de Talavera, con la formación de una coalición encabezada por el socialista Francisco Largo Caballero en lugar de José Giral cambió la composición del Gobierno de la República⁶. Todo ello llevó a la política soviética a ser aun más activa en relación con la cuestión española.

La labor de los diplomáticos soviéticos en España en 1936–1939 debe contemplarse en el contexto de la política de no intervención, proclamada a finales de agosto de 1936 por los Estados europeos con el fin de evitar que el conflicto español se extendiera al resto de Europa. En agosto de 1936, 27 países europeos se adhirieron a esa política, que declaraba la prohibición de suministrar armas, y otros productos de aplicación militar a las partes beligerantes⁷. A finales de agosto de 1936, Francia propuso crear un Comité de No Intervención. El Reino Unido sugirió que podría establecerse en Londres. El Gobierno soviético estuvo de acuerdo con esta iniciativa. En ese momento los soviéticos no querían lastrar sus relaciones con nadie a causa de España, pero procuraban reservarse cierta libertad de maniobra diplomática y política. No obstante, el acuerdo empezó a ser violado que apenas entró en vigor. En agosto y septiembre de 1936, Portugal prestó sus puertos para la descarga de material militar procedente de Alemania. Pero en la nota portuguesa al Comité de No Intervención (26.10.1936), se destacó que la responsable de las violaciones de la no intervención era la propia Unión Soviética y se afirmó que: “Rosenberg participa en las reuniones del Gobierno español, hecho insólito en la historia diplomática”⁸. Como consecuencia, en octubre de 1936, la Unión Soviética se proclamó libre de la obligación de no intervención, pero sin abandonar por ello el Comité.

A pesar de las súplicas del Gobierno español para que le fueran suministradas armas, hasta principios de septiembre de 1936, el Gobierno soviético se atuvo a la directriz de la “imposibilidad de enviar algo desde aquí”. En la carta a Rosenberg (4.9.1936), Litvínov argumentó la cuestión por razones técnicas (la distancia y el

⁵ AVP RF. F. 010. Inv. 11. Exp. 71. Leg. 53. Fol. 35–36, 79.

⁶ *Alpert M.A.* New International History of the Spanish Civil War. London: Palgrave Macmillan, 1994. P. 56.

⁷ Véase: *Malay V.V.* Grazhdanskaya vojna v Ispanii 1936–1939 gg. i Yevropa: mezhdunarodnyye aspekty konflikta (La Guerra Civil en España (1936–1939) y Europa: aspectos internacionales del conflicto). Moscú: Naúka, 2011. P. 45–55.

⁸ AVP RF. F. 05. Inv. 16. Exp. 119. Leg. 64. Fol. 36–37.

peligro que fueran interceptados “los transportes por el bando sublevado”), técnico-militares (“carecemos de los calibres de fusiles y cartuchos que se necesitan en España”) y políticas (no dar ni a Alemania, ni a Italia motivo “para realizar una intervención abierta o para suministrar al bando sublevado en una escala que nos permita igualarnos a ellos”). Los informes que los diplomáticos soviéticos enviaron a Moscú tuvieron indudablemente su impacto en la toma de decisiones del Gobierno soviético sobre el suministro de ayuda militar a la República. Los diplomáticos soviéticos también contribuyeron a la renuncia de la URSS los principios de no intervención. El 26 de septiembre de 1936, Rosenberg, en un telegrama al vicesecretario del pueblo de Asuntos Exteriores, Nikolái Krestinsky, respondía a la pregunta: “¿Cuál es nuestra influencia sobre la situación?” en la referencia a los “estrechos contactos” con la mayoría de los miembros del Gobierno, principalmente con el presidente del Gobierno de la República Largo Caballero y el ministro de Marina y Aire Indalecio Prieto: “Ambos prestan mucha atención a todo lo que decimos”⁹.

Aquel día, la Embajada soviética en Madrid envió a Moscú cinco telegramas con informes detallados sobre la situación en España. Rosenberg escribió en un telegrama: “La posibilidad de suministrar de material militar puede tener una enorme influencia en el resultado final de la Guerra Civil”¹⁰. Dos días antes, Antónov-Ovséyenko, en un detallado informe a Kaganóvich, le había recalcado la necesidad de “solicitar el urgente reabastecimiento [de los republicanos] con los especialistas y el material necesarios”¹¹. El 28 de septiembre, el Gobierno soviético tomó la decisión de prestar ayuda técnico-militar a España¹².

Los suministros militares soviéticos fueron pagados con los préstamos puente concedidos al Gobierno de la República y que se reembolsarían mediante la venta al Gobierno Soviético, como depósito, de 510 toneladas de oro español transferido a la URSS¹³. El 30 de septiembre de 1936, el periodista soviético, Ilyá Ehrenburg, que estaba en España en comisión de servicios, comunicó a Rosenberg su encuentro con el líder del Gobierno catalán, Lluís Companys, que le informó de que los republicanos habían logrado trasladar el oro a Francia. El 17 y el 19 de octubre, en la reunión del Politburó del CC PCUS (b) se examinó “la cuestión de Rosenberg” sobre la aceptación de la reserva de oro de España a modo de depósito en la URSS¹⁴.

La ayuda material soviética a la República de España se vio acompañada por una activa campaña propagandística e intentos de influir en la situación política del país. En septiembre de 1936, Rosenberg comunicó a Moscú “sus esfuerzos para influir en la composición del Gobierno”. Se extralimitó y Litvínov llamó al orden reiteradamente a los diplomáticos soviéticos subrayando la necesidad de “abstenerse de cualquier tipo de intervención en los enredos gubernamentales”¹⁵.

⁹ AVP RF. F. 010. Leg. 53. Fol. 58.

¹⁰ *Ibid.* Inv. 11. Exp. 71. Leg. 53. Fol. 81–84, 97–107, 100, 116.

¹¹ *Ibid.* Fol. 40–41, 79, 84–85.

¹² Politbyuro TSK RKP (b)... P. 808.

¹³ Para más detalles véase: “El oro español, guerra civil y ayuda soviética”.

¹⁴ AVP RF. F. 097. Inv. 11. Exp. 102. Leg. 14. Fol. 116; Politbyuro TSK RKP (b)... P. 807, 815.

¹⁵ *Ibid.* Fol. 57.

Los diplomáticos soviéticos en España: Vladímir Antónov-Ovséyenko

Vladímir Antónov-Ovséyenko se erigió como el mito viviente de la Revolución Rusa en la España de la guerra civil de 1936–1939. Su papel como líder del Comité Militar Revolucionario que asaltó el Palacio de Invierno en octubre de 1917 le había convertido en un referente para el movimiento obrero internacional, algo que supo explotar durante su estancia en Barcelona en calidad de cónsul general de la URSS entre el 1 de octubre de 1936 y septiembre de 1937. No sólo se ganó el respeto del *Partido Socialista Unificado de Cataluña* (PSUC), sino también de los anarquistas de la *Confederación Nacional del Trabajo* (CNT) y, en menor medida, de la *Federación Anarquista Ibérica* (FAI). Incluso desde posiciones externas al obrerismo se reconoció ese estatus, por ejemplo en el caso de formaciones liberales nacionalistas como *Esquerra Republicana de Catalunya* (ERC) o *Estat Català* (EC). Únicamente el comunismo antiestalinista del *Partido Obrero de Unificación Marxista* (POUM) marcó una distancia respecto a Antónov-Ovséyenko, de quien reconocían su papel en octubre de 1917 pero, al tiempo, denunciaban su papel como funcionario de la URSS estalinista. La imagen pública favorable de Antónov-Ovséyenko, que se extendió entre la mayor parte de los catalanes, respondió también a su papel como punto centralizador de la llegada de la ayuda soviética a Cataluña. Y, derivado de ello, sus apariciones públicas al lado del presidente de la Generalitat de Cataluña, Lluís Companys, de las que fueron un buen ejemplo los actos conmemorativos del XIX aniversario de la Revolución de Octubre celebrados en Barcelona en noviembre de 1936.

720

El anarquista valenciano Juan López fue uno de los primeros políticos españoles que se enfrentaron al “embajador extranjero que intervenía en los asuntos españoles”. La mayoría de los periódicos españoles publicaron su declaración (20.9.1936): “Le advertimos [a Rosenberg]: los asuntos españoles conciernen solo a los españoles”¹⁶.

Antes del traslado del Gobierno español a Barcelona (noviembre de 1937) los gastos de la Embajada soviética en España eran pagados en su totalidad por los españoles y Moscú trataba del mismo modo a la Embajada española. “En esas condiciones, escribió Rosenberg a Krestinsky (septiembre de 1936), sería inaudito que el embajador español Pascua recibiera el mismo trato que reciben otras a las de otras representaciones. Si fuera así, su estancia en Moscú habría hecho más daño que beneficio”. Rosenberg solicitó a Krestinsky que “la Embajada Española en Moscú tuviera un trato privilegiado”¹⁷.

Las represalias en la URSS, entre 1936 y 1937, contra las personalidades del partido, del Estado y del Ejército alcanzaron también a los especialistas que

¹⁶ Komintern i grazhdanskaya voyna v Ispanii: dokumenty (El Komintern y la Guerra Civil en España: documentos). Moscú, IVI RAN, 2001. P. 158.

¹⁷ AVP RF. F. 010. Inv. 11. Exp. 71. Leg. 53. Fol. 107.

No obstante, su papel como cónsul general soviético implicó también una compleja actividad económica, militar y política. En el primer caso, ayudó a fomentar los acuerdos comerciales entre el Gobierno de la Generalitat y los agregados comerciales soviéticos desplazados a la República Española. En el ámbito militar garantizó el destino de las armas soviéticas a manos del Gobierno de la Generalitat. Y, finalmente, la dimensión política se focalizó en ponderar y reconducir la apuesta anarquista en favor de la revolución obrera, a otra que apoyase la autoridad del Gobierno de la Generalitat como único poder legítimo en la retaguardia y, finalmente, en desarrollar una intensa actividad política contra el POUM.

Vladimir Antonov-Ovsyenko

trabajaron o combatieron en España. Sus desapariciones llenaron no solo las páginas de la prensa europea, sino también los lacónicos informes diplomáticos de Moscú. Finalmente, en febrero de 1937 Marcel Rosenberg fue retirado de Madrid. El hecho no pasó desapercibido: casi todos los círculos políticos europeos se interesaron por el destino —como “represaliado”— de un diplomático que había desempeñado un papel fundamental en los acontecimientos españoles durante los primeros meses de la guerra. Ese es el motivo por el que Litvínov ordenó al representante plenipotenciario de la URSS en Francia, Yakov Suritz (4.8. 1937), que en las conversaciones sobre el tema, se indicara el carácter ficticio de los rumores sobre la detención de Rosenberg — se debía informar que el diplomático había vuelto de vacaciones hacía poco y “estaba de momento en Moscú a la espera de un nuevo nombramiento” como representante del *Narkomindel* ante el Gobierno de Georgia. El diplomático ocuparía ese cargo hasta finales de 1937; el 26 de diciembre sería detenido, y el 5 de marzo de 1938 fusilado¹⁸.

En febrero de 1937, ocuparía el puesto de Rosenberg Leonid Gaikis (1898–21.8.1937), su número dos. Gaikis creía que cuanto más activa fuera la ayuda

¹⁸ Veinte años después (27.6.1957), la sentencia fue revocada y el caso sobreesido al no disponerse del cuerpo del delito. Rosenberg fue rehabilitado a título póstumo.

soviética a España, “tanto más difícil sería para cualquier Gobierno republicano [...] rechazar la colaboración [con la URSS]”. La hipotética victoria de los republicanos abriría nuevas perspectivas y rectificaría considerablemente la correlación de fuerzas en la arena internacional. Dado que para la Unión Soviética era importante tener a España como aliado fiable, había que utilizar todas las posibilidades “que hemos obtenido ahora gracias a la actitud del nuevo Gobierno para fortalecer nuestras posiciones en España”¹⁹. Estuvo al frente de la misión soviética durante muy poco tiempo: el 17 de junio de 1937 fue retirado de Madrid. Tras la partida de Gaikis, el nivel de la representación diplomática en España fue rebajado: Serguéi Márchenko [Tateos Mandalián] (1901 - 28.7.1941) permaneció como encargado de negocios (06.1937 - 03.1939) y único diplomático de la representación soviética. A pesar de que en la plantilla figuraban tres empleados técnicos, el propio Márchenko escribía a máquina los mensajes a Moscú.

La política de la URSS en España entre 1936 a 1939 y la actividad de sus diplomáticos durante toda la Guerra Civil fueron objeto de intensa lucha propagandista en Europa. La mayoría de los medios de comunicación europeos presentó a la España republicana como un “campo de experimentos soviéticos” y “un bastión de los principios soviéticos en la Europa Occidental”. Los periódicos occidentales informaban uno tras otro: “El poder actual en Madrid ha pasado a las manos de Rosenberg”, “Los representantes soviéticos se comportan de forma provocadora sin cohibirse: la casa de Rosenberg es el lugar al que acuden para recibir instrucciones, mientras que Antónov-Ovséyenko interviene en un mitin en Barcelona” (*Liberté, Les Jours*, Francia). “Una de las tres personas que hoy controlan todo en Madrid es Rosenberg” (*Il Messaggero*, Italia); “El Gobierno de Caballero es un fantoche, el verdadero *dictador* en Madrid y Valencia es el embajador de la URSS en España, Rosenberg”, “El funcionamiento del Gobierno español lo administra el agente soviético Rosenberg”, “La URSS se esfuerza por la soviétización de Barcelona” (*Völkischer Beobachter*, Alemania)²⁰. Pero a veces los diplomáticos soviéticos también daban pie a las campañas propagandistas. Por ejemplo, Antónov-Ovséyenko aconsejó en otoño de 1936 a los funcionarios del Ministerio de la Gobernación cómo crear y cómo debían funcionar los órganos de la seguridad estatal, tomando como ejemplo a la Unión Soviética: “Él [el funcionario del Ministerio] ha escuchado muy atentamente y promete esforzarse para poner mucho de ello en la práctica”²¹. Márchenko, en los informes diplomáticos a Moscú, destacó sus reiteradas recomendaciones a los líderes de la República para cambiar los mandos de la Armada. En junio de 1937, el Consejo de Ministros, según la información de la Embajada soviética, tomó la decisión de “coordinar con nosotros [la URSS] su actividad diplomática”²². En la primavera de 1938, Negrín, a través de Marcelino Pascua, solicitó conocer cuáles eran los deseos de

¹⁹ AVP RF. F. 097. Inv. 12. Leg. 15. Fol. 47.

²⁰ *Liberté*, 1936, 1 Nov.; *Les Jours*, 1936, 20 Oct.; *Völkischer Beobachter*, 1936, 3 Oct., 3, 14, 20 Nov.; AVP RF. F. 098. Inv. 19. Exp. 141. Leg. 658. Fol. 37-38.

²¹ *Ibíd.* F. 082. Inv. 19. Leg. 4. Exp. 83. Fol. 24.

²² *Ibíd.* F. 06. Inv. 1. Exp. 10. Leg. 103. Fol. 57, 73.

Los diplomáticos soviéticos en España: Serguei Márchenko

Serguei Grigorievich Márchenko era tercer *polpred* (representante plenipotenciario). Como jefe de misión sucedió a Leonid Gáikis en el verano de 1937 como encargado de negocios durante los tres Gobiernos de Negrín. Su verdadero nombre fue Tateos Guegámovich Mandalián. Nació en 1901 en Erivan [Ereván]. En 1917 se adhirió al Partido Socialdemócrata Obrero de Rusia. En 1920–1923 trabajó en el Cáucaso. En este último año pasó a la *Profintern*. Más tarde, con Nikolái Bukharin se ocupó de China, donde estuvo en 1926 y 1927. De 1930 a 1934 fue miembro de la Comisión Central de Control del PCUS. Posteriormente pasó al Secretariado de la Internacional Comunista. A finales de 1936 se decidió su traslado a España para ocuparse de temas políticos y organizativos. Tras el ascenso de Gáikis a embajador se convirtió en su número dos. Como *polpred* trabajó para el NKID en que Litvínov guió sus pasos. Desarrolló una visión más amplia que la de sus antecesores sobre la política republicana.

Negrín lo tuvo en gran estima. Se confió a él en numerosas ocasiones y con temas sumamente delicados, incluidas las responsabilidades en el asesinato de Nin por la NKVD. Márchenko siempre pensó que Negrín era el hombre de la situación, muy por encima de cualesquiera otros políticos. También tuvo estrechos contactos con Indalecio Prieto en su calidad de ministro de Defensa. No dudó, junto con el consejero militar jefe, general Shtern, en dar consejos amistosos sobre cómo mejorar la actuación del Ejército Popular. También se pronunció, junto con otros diplomáticos y militares soviéticos, en favor de aumentar la ayuda a la República.

Varios de sus informes sobre las tendencias separatistas en Cataluña, las escaramuzas políticas internas, el caso del general Rojo y la situación militar llegaron a la mesa de Stalin. No dudó en calificar de exagerada la propaganda sobre la actuación de las Brigadas Internacionales antes de su disolución. Sus despachos son notables teniendo en cuenta la escasa dotación de personal de la Embajada durante su gestión. Tras su regreso a Moscú presentó un informe global, a manera de *post-mortem*, sobre lo ocurrido en España. El cuadro fue sombrío. Por razones ignoradas fue detenido el 22 de agosto de 1939. El 7 de julio de 1941 se le condenó a muerte. Su ejecución tuvo lugar el 28. Su rehabilitación se produjo en julio de 1955. Sigue siendo un gran desconocido en Occidente.

723

Moscú sobre la participación de los comunistas españoles en el Gobierno de la República, porque él quería contar con un ministro del PCE y Stalin deseaba que los dos ministros comunistas desaparecieran. Más tarde, Negrín comunicó que “había estudiado los consejos de Moscú con mucha atención”²³. Pero hizo caso omiso de ellos.

²³ *Ibíd.* F. 082. Inv. 18. Exp. 144. Leg. 86. Fol. 6–7.

Entre 1937 y 1938, fueron varios los Estados europeos que reconocieron a Franco de una forma u otra, por lo menos de facto. Para respaldar la autoridad moral del Gobierno republicano era importante que las grandes potencias tuvieran ante él representantes con rango de embajadores. En enero de 1938, Negrín encargó a Pascua la tarea de solicitar una audiencia con Stalin “para plantearle una serie de cuestiones de cuya resolución depende el destino de la República Española”. Negrín le encargó que recordase el problema del urgente nombramiento de un embajador soviético en España. Potiomkin consideró posible ascender a Márchenko, tanto más que Pascua destacaba que “la colaboración con el camarada Márchenko le resulta completamente satisfactoria”²⁴. La cuestión quedaría sin resolver. En los últimos días de la República Márchenko vivía en París. Sufrió el trágico destino de sus predecesores en España. Fue arrestado en agosto de 1939, inmediatamente después de su regreso a Moscú, y fusilado en 1941. En 1955 fue rehabilitado.

LOS AVIADORES SOVIÉTICOS EN LA GUERRA CIVIL

“La aviación se ha convertido para los republicanos en el problema clave de la guerra. De contar con suficiente aviación de caza y bombardeo, cabe afirmar que el ejército pasará a la ofensiva y triunfará”²⁵. Esta consideración del principal asesor militar soviético en España durante 1937 y 1938, Grigori Shtern, es una de las evidencias del protagonismo que la aviación tendrá durante el conflicto. De hecho, desde el primer momento tanto los dirigentes republicanos como los insurgentes fueron conscientes que para ganarla necesitarían una aviación moderna, fruto de la obsolescencia del material aéreo en España y la rápida evolución de la aeronáutica en aquella década.

724 Cumplimentando la urgente demanda de Madrid, el primer material de aviación soviético, los primeros 10 bombarderos Tupolev SB-2, se descargaron en España el 15 de octubre y les seguirían durante días posteriores 20 más²⁶. Será el responsable de esta primera punta de lanza el coronel Avraam Zlatotsvéto, junto a diverso personal y operarios a las órdenes del ingeniero Zelik Ioffe. Poco después lo harán los Polikarpov I-15, quedando a las órdenes de Pavel Rygachov y a inicios de noviembre será el turno de los Polikarpov I-16 que mandará Sergei Tharkov²⁷. El retraso en la llegada de los aviones provocaría que algunos aviadores llegados en septiembre como Iván Kopets, Anton Kowalevski o Evgeni Erlikin, participaran en misiones con aviones franceses y de fabricación local²⁸.

²⁴ *Ibíd.* F. 097. Inv.13. Exp. 103. Leg. 22. Fol. 11–12.

²⁵ Informe del *Komdiv* Grigori Shtern, consejero militar jefe en la España republicana dirigido a Stalin y Voroshílov. Cit. en: *Rybalkin Yu.* Stalin y España. Madrid: Marcial Pons, 2007. P. 219.

²⁶ *Ibíd.* P. 209.

²⁷ *Abróssov S.* V Nebe Ispanii (En el cielo de España). Moscú: s.e., 2003. P. 24.

²⁸ *Prokófiev G.* El cielo español en llamas // Bajo la Bandera de la España republicana. 1936–1939: recuerdan los voluntarios soviéticos participantes en la guerra nacional-revolucionaria en España. Moscú: Progreso, s.f. P. 365–401.

Ilyá Ehrenburg
con los aviadores
de la escuadrilla
«Alas rojas»

A lo largo de toda la guerra el contingente de aviadores será el más numeroso de entre todos los especialistas soviéticos. La cifra asciende a 772 del total de 2.083 voluntarios, entre ellos tanquistas, marinos, zapadores, personal de comunicaciones, de artillería antiaérea, ingenieros, intérpretes, asesores, etc.²⁹. Debemos remarcar que la URSS será el único país que venderá a la República material aéreo moderno en número y calidad. En total, 648 aparatos, cifra insuficiente para hacer frente con garantías a más del doble de aviones alemanes e italianos suministrados con regularidad a los insurgentes. Ante estos datos cabe preguntarse cómo fue posible sostener la lucha aérea durante casi tres años frente a un adversario con una aviación bien dotada, con relevos constantes de personal, especialistas, recambios, etc.³⁰.

La llegada del personal y material soviético fue esencial para paliar la dramática situación bélica por la que pasaba la República, salvando Madrid de ser ocupada por los sublevados³¹. Las primeras acciones se centraron en ataques a las tropas rebeldes

725

²⁹ El trabajo de Yu. Rybalkin desglosa el personal (*Rybalkin Yu. La ayuda militar soviética a la República española. Cifras y hechos*) // Los Rusos en la Guerra de España. Madrid: Fundación Pablo Iglesias, 2009. P. 81. Para detalles del personal aviador véase: *Whelan P. Soviet Airmen in The Spanish Civil War. 1936–1939*. Atglen: Schiffer Publishing, 2014.

³⁰ El ejemplo más sangrante fue la aviación de bombardeo. Frente a los 93 Tupolev SB llegados en toda la guerra los franquistas dispondrán de 97 Heinkel He-111, 32 Dornier Do-17, 68 Junkers Ju-52, 110 Savoia S. 79, 84, Savoia S. 81 y 13, Fiat Br. 20. *Howson G. Armas para España*. Barcelona: Crítica, 2000; *Emiliani A. Mile aeroplani per la Spagna. Gli ultimi aviatori italiani in Spagna* // Ebre 38. Revista Internacional de la Guerra Civil 1936–1939. N° 3. 2008. P. 65–69. Emplear otras cifras y autores varían de modo poco relevante el número de aviones y la balanza final.

³¹ Los aprovisionamientos de la Unión Soviética fueron la barrera que impidió la caída de Madrid. Hasta el 6 de diciembre se habían transportado 136 aviones, más de 100 tanques, 30 blindados y 174 piezas de artillería, 3.750 ametralladoras, más de 60.000 fusiles, además

que amenazaban la capital y contra los aeródromos enemigos. La dirección del personal quedó en manos de Yákov Smushkevich, desde noviembre de 1936 hasta mediados de junio del siguiente año³². Aunque sobre el terreno, el liderazgo lo llevarían a cabo los jefes de grupo de las unidades de bombardeo, asalto y cazas. Smushkevich conseguirá poner orden entre el asesor de Estado Mayor de Fuerzas Aéreas, el general August Bergolts, y el coronel Boris Svéshnikov, agregado militar de la embajada, por problemas “de liderazgo”, en palabras del principal consejero militar del ejército, Yan Berzin. Bergolts será finalmente destinado a tareas de movilización industrial y entregas de material³³.

Otro de los problemas que se afrontó fue unificar la Jefatura de Fuerzas Aéreas situada en Albacete, con la sede del Ministerio del Aire en Valencia. En febrero de 1937 Bergolts denunciaba que la distancia de cerca de 200 Km entre una y otra no favorecía en nada el buen funcionamiento de la aviación. En consecuencia, propuso el traslado de la primera, donde actuaba con independencia Smushkevich, al Estado Mayor y el Ministerio del Aire en Valencia, donde se hallaban Hidalgo de Cisneros y Berzin. La unificación se consumó cuatro meses más tarde, en junio de 1937 durante el mandato como consejero de aviación y asesor de Estado Mayor de Vsévolod Lopatin, quien concentrará en sus manos la aviación a finales de mayo y principios de junio de 1937³⁴. A mediados de mayo se había creado el Arma de aviación de la República³⁵, que coincide con el cambio de liderazgo de soviéticos a españoles, siendo el artífice el mismo Lopatin³⁶. En septiembre de ese año los españoles ya operarán independientemente³⁷.

Paradójicamente, la mayoría de edad de la aviación republicana coincidirá con la pérdida de su dominio del aire. El primer contingente soviético se había impuesto a alemanes e italianos. La superioridad del material y de sus pilotos permitió obtener la iniciativa y realizar ofensivas de éxito. Sin embargo, nuevos refuerzos alemanes e italianos en calidad y cantidad permitirán recuperar la iniciativa a los franquistas. Pero por si fuera poco, a partir de la segunda mitad de 1937 los envíos soviéticos se reducirán drásticamente. Entre octubre de 1936 y agosto de 1937 la Unión Soviética enviará cerca de 500 aviones, mientras que, desde esa fecha hasta el final de la guerra serán poco más de 150³⁸. Esta disminución fue letal para la joven arma aérea. En consecuencia,

---

de millones de cartuchos, proyectiles y otra munición, añadido a más de 6.200 toneladas de carburante y piezas de repuesto. *Rybalkin Yu. Stalin...* P. 68.

³² *Abrosov S. V Nebe Ispanii...* P. 14. Por su parte *Los Rusos...* (P. 295) sitúa la llegada de Smushkevich en octubre.

³³ Carta del consejero Berzin. 18.12.1936. Cit. en: *Abrosov S. V Nebe Ispanii...* P. 13.

³⁴ Sucederán a Lopatin, E.C. Ptukhin, F.K. Arzhenukhin, A.P. Andreev y D.P. Yukhánov. *Ibíd.* P. 14.

³⁵ Gaceta de la República, N° 136. 16.05.1937. Supuso la unión de los efectivos aéreos de la Marina y el Ejército, así como la Defensa Contra Aeronaves o DCA.

³⁶ En poco tiempo el 75% de las escuadrillas estará constituida por españoles. En otoño de ese año, los asesores soviéticos de aviación se subordinarán al estado mayor republicano y conservarán las unidades soviéticas o mixtas. *Abrosov S. V Nebe Ispanii...* P. 12.

³⁷ *Ibíd.* P. 13.

³⁸ Lo mismo sucedió con la recepción de carros de combate que pasará de 322 a 25, blindados, piezas de artillería, ametralladoras y fusiles. *Rybalkin Yu. Stalin...* P. 71.

sin el dominio del aire se perdía la iniciativa para emprender ofensivas. La reducción de personal no fue tan severa, aunque también tuvo consecuencias. Si en 1936 había más de 300 aviadores soviéticos, en 1937 serían 276 y 183 en 1938³⁹, consumándose su marcha en otoño. Una buena parte de sus sustitutos españoles se instruirán en la 20ª Escuela de Aviación de Kirovabad (Ganja) en Azerbaiyán⁴⁰. Los jóvenes aviadores españoles mostraron combatividad, pero su formación fue apresurada, de unos 6 meses, cuando el aprendizaje requería más de 4 años. Todo ello pasó factura a la aviación republicana, que quedó en una situación comprometida.

En este contexto, hay que recordar a los voluntarios soviéticos que con enorme sacrificio y esfuerzo consiguieron la supremacía aérea desde finales de 1936 y hasta 1937, pero también hay que hacerlo con los últimos aviadores soviéticos en abandonar España, ya que lucharon en condiciones tanto o más dificultosas y con material poco fiable⁴¹ durante las campañas de Aragón, Valencia, Segre y el Ebro. Los últimos efectivos fueron los pilotos de I-16, junto a media escuadrilla de SB que realizarán sus últimas misiones cuando la guerra ya estaba sentenciada.

Para los supervivientes España supuso un campo de aprendizaje a marchas forzadas en el que acumularon una experiencia y veteranía útil para los siguientes conflictos, como Khalkhin-Gol, donde Smushkevich junto a Sergei Gritsevets y 12 pilotos más veteranos de España, formarán parte de los “españoles”; la guerra soviético-finlandesa, con protagonismo también de Smushkevich; o la Gran Guerra Patria, donde destacará Lev Shestakov como unos de los principales ases de caza⁴². Hasta 24 comandantes de regimiento y 21 comandantes de división y subcomandantes y 3 comandantes de cuerpo fueron veteranos del conflicto español⁴³. Al margen del bagaje individual y colectivo de los aviadores soviéticos, también se extrajeron enseñanzas en cuestiones tácticas y operativas, como la cooperación entre armas⁴⁴. Y se innovó, como en el empleo de la caza nocturna, cuando no existían conocimientos previo. Mikhail Yakushin fue el primero en abatir de noche un bombardero Junkers Ju-52 con su I-15 y repitieron este éxito Anatoli Serov e Iván Erémenko⁴⁵.

³⁹ *Ibíd.* P. 104.

⁴⁰ La 20ª Escuela formó 5 promociones de entre 180–190 aviadores cada una, aunque solo las 4 primeras finalizaron su formación. Más de 400 individuos entre personal de vuelo, profesores, intérpretes y auxiliares se desplegaron en este complejo formado por aeródromos y más de 80 aviones. El coste de la construcción y mantenimiento superó los 4 millones de rublos. *Ibíd.* P. 141.

⁴¹ Abrosov relata diversas incidencias a comienzos de la ofensiva del Ebro en: *Íñiguez D., Gesali D.* Guerra aérea a la batalla de l'Ebre. Barcelona: Duxelm, 2010. P. 28. Extraído de: *Abrosov S.* V Nebe Ispanii... P. 253. Los Polikarpov I-16 sufrieron fallos en las ametralladoras del capó y en los motores durante agosto y septiembre, detectándose averías en 25 o 26 motores. Otros tuvieron una breve vida de funcionamiento, entre 8 y 12 horas.

⁴² *Whelan P.* Soviet Airmen... P. 41, 105.

⁴³ *Abrosov S.* V Nebe Ispanii... P. 318–320.

⁴⁴ *Rybalkin Yu.* Stalin... P. 155 y ss.

⁴⁵ *Yakushin M.* En la primera batalla contra els fascismo // Bajo la bandera... P. 343–363; *Rybalkin Yu.* Stalin... P. 99. También defenderán Barcelona de los bombardeos nocturnos E. Antonov, el mismo A. Serov, I. Finn y E. Stepanov. *Gesali D., Íñiguez D.* La guerra aérea a Catalunya. 1936–1939. Barcelona: Dalmau, 2012. P. 317–323.

Finalmente, desde una perspectiva tecnológica, la guerra de España fue una “guerra de motores”, como señaló el mismo Stalin⁴⁶. En este sentido, la joven Unión Soviética se encontraba en pleno desarrollo de su potente base industrial, pero aún manifestaba ciertas flaquezas, en concreto, en la fabricación de motores de aviación, a diferencia de otros aspectos de excelencia, como el diseño aeronáutico. Y ello se plasmó en España, donde los motores de aviación sufrieron fatiga de metales, problema que los talleres de Cataluña y Valencia trataron de resolver. Según los informes locales, en los cielos de España, los cazas I-16 perdían potencia a 3.000m de altitud y ello suponía un enfrentamiento desigual con los Messerschmitt Bf-109 que disponían de motores corregidos en altura y desarrollaban su potencia a 5.000m. Este será un grave problema en los duros combates entre cazas monoplanos y también decidirá el dominio aéreo en España. Esta y otras “lecciones tecnológicas” serán aprovechadas, ya que el principal esfuerzo de la aviación militar se centrará en el desarrollo de monoplanos rápidos, dejando a un lado la producción de biplanos, relegados como quedaron los I-15 a tareas de asalto. La problemática de los motores es una de las facetas que aportaron a los resultados de la “guerra de los motores”. Futuras aportaciones nos permitan evidenciar que detalles técnicos como estos, acaban deviniendo trascendentes en todo conflicto.

* * *

Un total de 772 especialistas aviadores del total de 2.083 voluntarios soviéticos, participaron en la creación y desarrollo de la aviación de la República. De los 160 voluntarios soviéticos que perecieron en España, 99 pertenecían a aviación. La llegada del material y personal soviético fue esencial para evitar la caída de Madrid e imponer su superioridad en el aire.

ORO ESPAÑOL, GUERRA CIVIL Y AYUDA SOVIÉTICA

728

Con la denominación de “oro de Moscú” popularizó el franquismo el envío de una parte de las reservas del Banco de España a la URSS durante la guerra civil. Cumplió tres funciones: acusar a los republicanos de vendepatrias (la “escoria de la nación” en las propias palabras de Franco el 17 de julio de 1944); justificar las dificultades de la economía española y dar una coartada para no aceptar el restablecimiento de relaciones diplomáticas con la URSS durante su largo régimen.

La historia se conoce hoy en gran parte. La República transformó las reservas metálicas en divisas para pagar suministros de material bélico y no bélico. Una cuarta parte aproximadamente del oro se vendió al Banco de Francia y casi la totalidad de la plata a Estados Unidos. Los vencedores de la guerra tergiversaron el importe equivalente de los créditos que en conjunto les otorgaron las potencias del Eje, ciertas compañías no españolas y, en cuantía próxima a la de las ventas a Francia, el banquero Juan March⁴⁷.

⁴⁶ Se encuentra esta información en las obras de Vera Malay. También Yu. Rybalkin usa la expresión “guerra de motores” en: *Rybalkin Yu. Stalin...* P. 109.

⁴⁷ *Viñas A. Las armas y el oro. Palancas de la guerra, mitos del franquismo.* Barcelona: Pasado&Presente, 2013. P. 358–370.

El Gobierno republicano hizo frente con variada fortuna a cuatro dificultades: la desintegración de las fuerzas armadas en el interior y del cuerpo diplomático en el exterior, el apoyo militar de las potencias fascistas a los rebeldes, la retracción de las democracias occidentales y el cierre de los arsenales de casi todos los países a que acudió para adquirir armamento.

Los envíos de oro a Francia empezaron el 25 de julio. Su contrapartida en divisas se destinó a un variopinto abanico de agentes y compradores de armas que proporcionaron materiales muy diversos, pero cualitativamente poco eficaces y casi siempre ligeros. Los únicos aviones de combate modernos procedieron de Francia. Llegaron desarmados y sin combustible adecuado, antes de que entrara en acción la no intervención. La República acudió al Gobierno de París y también a los de Suecia, Suiza, Bélgica, Estados Unidos e incluso Alemania. Amén de la URSS.

Cuando Negrín asumió la cartera de Hacienda en el primer Gobierno de Largo Caballero, adoptó tres medidas urgentes. Promovió el traslado, entre el 23 de septiembre y el 6 de octubre 1936, de las reservas de oro y plata (unas 559 toneladas del primero) y de billetes del Banco de España a los polvorines de La Algameca en Cartagena, que ofrecían mayor seguridad; aceleró las ventas a Francia y empezó a sondear la posibilidad de enviar la mayor parte restante del oro a la URSS.

Esta decisión ha sido muy controvertida. Se explica por cuatro razones: en varios casos bancos franceses y anglosajones corresponsales del de España sabotearon o retrasaron transferencias urgentes a los agentes gubernamentales; las señales que emanaban de Moscú preludiando un cierto apoyo eran favorables; la situación en Francia parecía lábil y la operación no podía mantenerse en secreto; la posibilidad del mercado de Londres, tras un intento del 1 al 16 de octubre, fue descartada rápidamente⁴⁸.

Según escribió Negrín casi veinte años después la sugerencia constituyó una sorpresa para los dirigentes soviéticos. Tras recibir una aceptación de principio, el Consejo de Ministros autorizó el 6 de octubre la puesta en seguridad del oro donde Largo Caballero y Negrín consideraran más conveniente. No se mencionó el lugar. Negrín planteó formalmente la cuestión a Marcel Rosenberg, el 15 y el 17⁴⁹. El traslado, en cuatro barcos soviéticos, se inició el 25. El recuento en Moscú empezó el 5 de noviembre a los pocos días de su llegada. En contra de lo que se afirma habitualmente el oro no estaba compuesto por piezas que se remontaban a la conquista de América. Lo integraba una masa perfectamente contabilizada de monedas modernas de diversos países. El embajador Pascua conservó el detalle de su composición por talegos⁵⁰. También el recuento se hizo con toda la celeridad posible. A principios de febrero de 1937 se estableció el acta final de recepción que sustituyó a la provisional del 20 de noviembre y otros documentos complementarios. Pascua conservó copias y dos originales de la definitiva se las quedaron Largo Caballero y Negrín. Se trataba de 510

⁴⁸ *Vinas Á.* La soledad de la República. El abandono de las democracias y el viraje hacia la Unión Soviética. Barcelona: Crítica, 2006. P. 115–127, 210–213, 244–248, 275–276, 312–313.

⁴⁹ *Ibíd.* P. 314, 322–332.

⁵⁰ Véase: *Vinas Á.* El honor de la República. Entre el acoso fascista, la hostilidad británica y la política de Stalin. Barcelona: Crítica, 2008. Apéndice documental en CD.

Los diplomáticos españoles en la URSS: Marcelino Pascua

Embajador en Moscú de septiembre de 1936 a marzo de 1938. Su sucesor, el profesor Manuel Martínez Pedroso, lo sustituyó como encargado de Negocios. Nació en Valladolid en 1897 y murió, exiliado, en Ginebra en 1977. Doctor en Medicina y afiliado al PSOE, fue diputado, junto con Negrín, por Las Palmas en 1931. Director General de Sanidad hasta 1933. Su estrecha amistad con Negrín, y su temprana simpatía por la naciente Unión Soviética, indujeron su nombramiento, uno de los más importantes de toda la red diplomática republicana.

Tuvo frecuente acceso a Stalin (una excepción entre los embajadores acreditados en Moscú) y a la cúpula soviética. Enérgico y entregado a su tarea, defendió los intereses españoles con flexibilidad, consistencia y astucia. Desde Madrid no se le informó previamente de la llegada del oro, pero siguió sus vicisitudes. Se quejó siempre de la escasez de diplomáticos españoles en la URSS, pero mantuvo al Gobierno al tanto de todos los factores que afectaban a la ayuda soviética. Fue hábil en cuestiones sumamente delicadas. Entre ellas, la de convencer a Stalin en 1938 de que Negrín no podía prescindir de la presencia comunista en el Gobierno. También defendió la necesidad de obtener un préstamo soviético, con garantía oro al cincuenta por ciento. Lo logró. No dudó en actuar en ausencia de instrucciones, de lo que a veces se quejaría el presidente del Consejo Francisco Largo Caballero. Se encargó de transmitir personalmente en Valencia en febrero de 1937 las líneas fundamentales a que se atendería la orientación soviética hacia la guerra tras una importantísima reunión con Stalin, Mólotov y Voroschílov. Trasladado a París regresó a Moscú en julio de 1938, formalmente para despedirse de manera oficial, pero en realidad para sentar las bases de un nuevo acuerdo de préstamo soviético, ya sin garantía oro. También lo logró, no sin dificultades. Lo firmaron Negrín y Marchenko en enero de 1939.

Su misión es difícil de respaldar documentalmente, ya que sus despachos no se conservaron en España y el último encargado de negocios, Vicente Polo, quemó los que se guardaban en la embajada antes de entregarla a las autoridades. Antes de fallecer, dispuso que el autor de estas líneas pudiera acceder a los papeles que guardaba celosamente. Hoy se encuentran en el Archivo Histórico Nacional en Madrid. Junto con Pablo de Azcárate en Londres y Félix Gordón Ordás en México, fue uno de los grandes embajadores de la República. Ninguno de ellos profesional.

toneladas de oro (de las cuales únicamente 792 kilos en forma lingotes), equivalentes en total a unas 464,5 toneladas de fino⁵¹.

Stalin había decidido acudir en ayuda de la República con material militar el 26 de septiembre⁵². Los primeros suministros empezaron a llegar a principios de

⁵¹ Viñas Á. La soledad... P. 124–129, 266–272.

⁵² Rybalkin Yu. Operatsiya X. Sovetskaya voyennaya pomoshch' respublikanskoy Ispanii, 1936–1939 gg. (Operación X. Ayuda militar soviética a la España republicana). Moscú: AIRO-XX, 2000. P. 29.

octubre, sin que se avisara ni a Pascua ni al Gobierno republicano. Los envíos de material pesado (tanques, aviones, cañones, etc) y el municionamiento correspondiente se hicieron en un primer momento a cuenta del depósito. Negrín había puesto en claro que se dispondría de él a medida que fuese necesario. Entre sus papeles conservó preciosamente todas las órdenes emitidas. Las seis primeras las firmó con Largo Caballero. Tras acceder a la Presidencia del Consejo manteniendo la cartera de Hacienda las firmó él solo. Cuando dejó ésta en abril de 1938 lo hizo con su sucesor en la misma, Francisco Méndez Aspe⁵³.

Juan Negrín

No fue posible llegar a un acuerdo general de préstamo con la URSS. Parece obvio que el Gobierno soviético prefirió cobrarse en divisas los suministros que habían ido realizando. El oro amonedado se fundió y su valor se estimó por su peso en fino al precio del mercado de Londres. Se cargaron a la República los gastos de traslado, refinado, vigilancia, venta, seguro, corretaje bancario, etc, más pérdidas, como si se tratara de una operación comercial. Hablamos de un total de 523 millones de dólares de la época, es decir, de unos 7.000 millones antes de la subida de los precios del oro⁵⁴.

El contravalor se aplicó a pagar material bélico (es difícil que superaran los 200 millones de dólares) y no bélico. El resto se transfirió en divisas a las cuentas abiertas en la *Banque Commerciale pour l'Europe du Nord* (BCEN), establecimiento de propiedad soviética radicado en París. A partir de finales de 1936 el Gobierno fue concentrando progresivamente en él la totalidad de sus transferencias internacionales, también con el fin de dificultar que la banca anglosajona pudiera determinar con precisión la fuente última de que emanaban. Cuando las potencias del Eje, de acuerdo con los sublevados, pretendieron que la no intervención abarcara los aspectos financieros toparon con la férrea oposición de soviéticos y franceses.

La prudencia de Negrín en acudir a la BCEN quedó ratificada con ocasión de una de las trampas potencialmente más graves que un banco anglosajón pudo tender a la República. En el mismo momento en que se dilucidaba una intensa crisis política y militar que resultó en un cambio de Gobierno, el British Overseas Bank de Londres (BOB) adujo el 4 de abril de 1938 un pretexto espurio para negarse a realizar las transferencias que alimentaban la red de embajadas y consulados. De golpe y porrazo diplomáticos y agentes se vieron privados de la posibilidad de cobrar sus sueldos y de atender a los gastos de funcionamiento. Entre el 5 y el 7 de abril el Banco de España republicano apeló a la BCNE que el 11 aceptó hacerse cargo de tal tipo de operaciones que venían efectuando el BOB (y sus

⁵³ Viñas Á. El oro español en la guerra civil. Madrid: Instituto de Estudios Fiscales, Ministerio de Hacienda, 1976. P. 198-210.

⁵⁴ Viñas Á. El escudo de la República. El oro de España, la apuesta soviética y los hechos de mayo de 1937. Barcelona: Crítica, 2007. P. 217-250.

predecesores) para el Estado español. No ha sido posible determinar si la trampa tuvo su origen en dicho establecimiento o fue inducida por algún otro actor. No existen muchas opciones⁵⁵.

El ritmo de disposición del contravalor en divisas del depósito en Moscú fue muy rápido. En el otoño de 1937, se planteó la necesidad de acudir a un crédito soviético por importe de 150 millones de dólares, siquiera fuese con garantía de una parte del oro. Negrín habilitó a Pascua para que negociase las condiciones. Fue una labor titánica porque si bien los soviéticos se declararon dispuestos a conceder una ayuda hubo que resolver innumerables problemas de carácter financiero y técnico que plantearon diversos organismos de comercialización. En estrecho contacto con la cúpula soviética, incluido Stalin, y siguiendo instrucciones de Negrín a quien informaba puntualmente, Pascua consiguió por fin un crédito de 70 millones de dólares, la mitad del cual quedó garantizado por la porción correspondiente de oro que se separó del depósito principal. El acuerdo se firmó en Barcelona el 7 de marzo de 1938⁵⁶.

En julio de este mismo año Negrín ordenó a Pascua regresar a Moscú para despedirse formalmente de las autoridades soviéticas. Se trató de un pretexto. El depósito amenazaba con agotarse. La República sobrevivía gracias a las reservas acumuladas en la BCEN⁵⁷. Se había forzado la venta de plata al Tesoro estadounidense, pero se necesitaban entre 75 y 100 millones de dólares. El momento no fue el más propicio, ya que el panorama se oscurecía por momentos con la inminente crisis checoslovaca.

A su vuelta en agosto a París el emisario informó a Negrín que había dejado todo encauzado por un total de 50 millones tras la intervención de Stalin. Tal montante coincidió, más o menos, con el importe estimado de los últimos envíos militares que Stalin decidió llevar a cabo, tras mantenerlos a un nivel muy reducido durante un año. Se ignoran las razones por las cuales no se firmó en Barcelona hasta el 12 de enero de 1939. Dado que tales suministros, estimados en 55 millones, no llegaron en su totalidad a Cataluña y que los franceses devolvieron el resto a la URSS es imposible saber qué parte del crédito llegó a utilizarse.

732 No hubo un arreglo general de cuentas entre la URSS y el Gobierno español. Negrín y Méndez Aspe cursaron instrucciones a Pascua y a otros embajadores. Previendo la inminencia del reconocimiento de Franco por los Gobiernos francés y británico, debían vaciar los saldos de las cuentas oficiales en la BCEN y transferirlos a una cuenta personal del contable de la operación del oro (Pedro Pra López) para que no cayeran en manos de los vencedores. Unos las cumplieron y otros no⁵⁸.

El espionaje franquista siempre estuvo al tanto de la operación desde los días del traslado a Cartagena. También se enteró de la decisión de envío a Moscú. Alguna de las órdenes de disposición cayó en sus manos. Un bufete norteamericano, en el cual trabajaba el futuro secretario de Estado John Fuster Dulles, trató vanamente

⁵⁵ *Viñas Á.* Al servicio de la República. Diplomáticos y guerra civil (Coord.). Madrid: Marcial Pons, 2010. P. 380–410.

⁵⁶ *Viñas Á.* El honor de la República... P. 156–158, 281–290.

⁵⁷ *Ibíd.* P. 410–413.

⁵⁸ *Ibíd.* P. 512–513.

España en los archivos rusos: el Archivo Estatal Ruso de Historia Sociopolítica

El siglo XX fue rico en eventos complejos y dramáticos para Rusia y España. Una de las posibles formas de estudiar los acontecimientos del siglo XX es estudiando la historia de la III Internacional (Comunista), cuyos documentos del período comprendido entre los años 1919 y 1943 se conservan en Moscú, en el Archivo Central del Partido del Instituto de Marxismo-Leninismo adjunto al Comité Central del PCUS. Tras los acontecimientos de agosto de 1991, el archivo pasó a llamarse *Centro ruso de conservación y estudio de documentos de la historia contemporánea*, y en la actualidad es el *Archivo Estatal Ruso de Historia Sociopolítica* (RGASPI). A principios de los años noventa se abrió el archivo de la Komintern, y los investigadores nacionales y extranjeros pudieron acceder a una parte importante de sus documentos.

Durante la guerra civil, las llamadas brigadas internacionales lucharon en las filas del ejército republicano. Se trataba de destacamentos de combate de voluntarios antifascistas extranjeros que llegaron de más de 50 países. Estaban formados por obreros, campesinos, militares profesionales, intelectuales, etc. La resolución de formar las brigadas internacionales fue adoptada por el Comité Ejecutivo de la Komintern el 18 de septiembre de 1936. Con su decisión, el Comité Ejecutivo de la Komintern formalizó las directrices de los dirigentes del partido comunista de la Unión Soviética.

En la actualidad, el fondo 545 del RGASPI almacena numerosos materiales documentales que reflejan la actividad de las brigadas internacionales. Los documentos de ese fondo en más de 20 idiomas se encuentran entre las fuentes más valiosas para estudiar la historia de la guerra civil española. La lengua del una mayor presencia es el español, pero hay materiales escritos en francés, inglés, alemán, polaco, ruso y otros idiomas.

El fondo 545 consta de seis inventarios. El cuarto inventario incluye material documental de ex-voluntarios de las brigadas internacionales internados en campos de concentración en el territorio de Francia y África del Norte tras la retirada de las fuerzas internacionales de España en 1938. El quinto inventario, titulado *Documentos fotográficos de las brigadas internacionales del ejército republicano de España* comprende material fotográfico que abarca básicamente el período 1936–1938, pero también aparecen fotografías fechadas posteriormente. De particular interés son las escasísimas fotografías de los brigadistas con personalidades de la cultura de diferentes países como por ejemplo E. Hemingway, A. Seghers, M. Koltsov, E. Busch, etc.

Los documentos se encuentran, escaneados, en la página-web del fondo: RGASPI. F. 545. “Records of the International Brigades” (<http://interbrigades.inforost.org/>). Todos los inventarios están digitalizados, excepto el quinto, en el que figuran las fotografías. Los documentos fotográficos son accesibles para los investigadores en la sala de lectura del archivo.

de impedir las adquisiciones de plata por el Tesoro. Se realizaron 27 expediciones entre el 24 de abril y el 22 de septiembre⁵⁹. Igualmente siguió un largo litigio ante los tribunales franceses para evitar que el remanente de un depósito de oro realizado en 1931 para apoyar un crédito del Banco de Francia y que había nacido a consecuencia de la devaluación del franco. Los abogados de los sublevados consiguieron que el resultado se alargase tanto que se entregó a los vencedores⁶⁰. Esta devolución ocultó el “oro de Francia”.

En 1955, el Gobierno español circuló notas verbales a varias embajadas occidentales en Madrid señalando que determinadas ventas recientes de oro soviético podían proceder quizá del oro español⁶¹. Aunque se ignora el origen de tales informaciones es del todo improbable que fueran ciertas. En los archivos rusos hay documentación que indica que en 1937 los soviéticos realizaron envío de oro a Londres para refundirlo en lingotes de ley aceptada en los países occidentales⁶². Es probable que en ellos terminara una gran parte del oro español.

En 1956, el hijo de Negrín entregó al Gobierno español la documentación que mostraba los pormenores del funcionamiento del depósito. Franco proclamó, a sabiendas de que era erróneo, que disponía de los documentos necesarios para reclamar la devolución del mismo. El mito del “oro de Moscú” volvió a hacer los titulares de la prensa internacional y provocó una respuesta de *Pravda* en abril de 1957. Estaba plagada de errores. La hora de los investigadores tardó en llegar casi veinte años más.

LOS COMUNISTAS ESPAÑOLES Y LA URSS

Los años de la guerra civil. Con la llegada de la Segunda República, los años de plomo del primer comunismo español tocaron a su fin⁶³. La esterilidad de la violencia desestructurada, las nuevas posibilidades para la acción política legal, el relevo de la dirección encabezada por José Bullejos en 1932, la llegada de nuevos dirigentes carismáticos — José Díaz, Dolores Ibárruri “Pasionaria”, Jesús Hernández — el abandono de las posiciones sectarias y, por fin, el giro impreso a la política de alianzas por el VII Congreso de la Komintern en 1935 — con la formulación de la línea de los frentes populares antifascistas — atenuaron la radicalidad izquierdista del PCE, abriendo progresivamente el camino a la consolidación de una organización de masas⁶⁴.

Los años que van entre la revolución de Asturias de octubre de 1934 al periodo central de la guerra civil (1936–1937) fueron testigos del tránsito de una posición ultra-periférica en el sistema de fuerzas políticas de la República a la ocupación de un lugar de centralidad en un plazo muy breve de tiempo. El abandono de la estrategia

⁵⁹ Viñas Á. Las armas y el oro... P. 353–358.

⁶⁰ Viñas Á. El oro español... P. 375–390.

⁶¹ Viñas Á. Las armas y el oro... P. 181–182.

⁶² Viñas Á. El escudo de la República... P. 382–385.

⁶³ Para más detalles véase: “La Primera Guerra mundial y las crisis políticas en Rusia y España”.

⁶⁴ Cruz R. El Partido Comunista de España en la Segunda República. Madrid: Alianza Editorial, 1987.

sectaria de “clase contra clase” y el giro frentepopulista hizo que el PCE asumiera posiciones más pragmáticas y se convirtiese en un referente visible para la clase trabajadora. Estimulado por la nueva línea de Moscú, el PCE desarrolló campañas de agitación muy intensas y eficaces en torno a cuestiones sociales (los presos por la insurrección de Asturias de 1934, sus familiares, los huérfanos, la carestía de la vida, los desahucios...); y, una vez iniciada la guerra, por la creación de un ejército popular, una industria de guerra centralizada y una fuerte disciplina en la retaguardia.

La guerra civil fue el periodo de mayor influencia del comunismo en la Península. El suministro de armamento soviético, pagado con las reservas de oro del banco central, y la canalización de la solidaridad internacional a través de las Brigadas Internacionales de voluntarios, elevaron las simpatías por la URSS y el PCE a las mayores cotas conocidas hasta entonces. Sin embargo, a pesar de la reiterada propaganda de los años de la Guerra Fría, el PCE no fue un mero títere manejado desde Moscú por Stalin a través de los agentes de la Internacional Comunista. Ciertamente, los tutores de la Komintern se emplearon a fondo en orientar y dirigir a sus camaradas españoles. En 1937, llegaron dos nuevos delegados para suplir al viejo Victorio Codovilla: el búlgaro Stoyan Minev (“Stepanov”) y el italiano Palmiro Togliatti. Pero la Unión Soviética no estaba interesada en convertir a España en un satélite. Moscú aspiraba a que la guerra española no desequilibrase un sistema de seguridad colectivo europeo que le había costado mucho tiempo redefinir y que se basaba en mantener una entente con Francia, e indirectamente con Gran Bretaña, para frenar el expansionismo alemán o, en última instancia, obligar a Hitler a combatir en dos frentes. La guerra civil fragilizaba ese sistema de seguridad y ponía en riesgo la aproximación de Stalin a las democracias occidentales, por lo que la labor fundamental de los delegados de la Internacional fue contener el conflicto español evitando el desbordamiento revolucionario, objetivo que, en ocasiones, tuvieron muchos problemas para evitar⁶⁵.

El período franquista. Una vez perdida la guerra, los comunistas españoles tuvieron que afrontar una intensa represión en el interior y un largo exilio fuera de sus fronteras. El pacto germano-soviético de agosto de 1939 quedó amortiguado por el hecho de que los españoles habían vivido de cerca el drama de la No intervención. Por ello, los desgarros fueron menores que en otros partidos comunistas. Los expatriados españoles se repartieron entre Francia -antes de la ocupación alemana-, México y la URSS. El grueso de la dirección del PCE, en concreto, se instaló en Moscú y, desde allí, siguió los avatares de la Segunda Guerra mundial, con los angustiosos cerco de Leningrado y la batalla Moscú y la resistencia de Stalingrado. Varios miles de excombatientes republicanos aportaron su experiencia adquirida en España a la defensa de la URSS en unidades guerrilleras y del Ejército Rojo. La confraternidad en el combate generó, entre los comunistas españoles y la Unión Soviética, unos lazos muy estrechos que explican la pervivencia de la fidelidad a Moscú de toda una generación de ellos⁶⁶.

⁶⁵ Hernández Sánchez F. Guerra o revolución. El PCE en la guerra civil. Barcelona: Crítica, 2010.

⁶⁶ Hernández Sánchez F. Los años de plomo. La reconstrucción del PCE bajo el primer franquismo. Crítica: Barcelona, 2016.

Dolores Ibárruri

Hubo comunistas en todos los frentes de la resistencia contra el nazismo y en la clandestinidad interior, lo que llevó a que la organización, particularmente en Francia y en España se desarrollara de una manera bastante autónoma. Cuando la guerra mundial tocase a su fin, desde el verano de 1944, la dirección del PCE haría todo lo posible por recuperar el control. Tras el desembarco aliado en Francia, Santiago Carrillo, líder juvenil en ascenso, llegó para hacerse con las riendas e imponer la lógica de Yalta:

la del reparto de áreas de influencia, en Europa y luego en el resto del mundo, y la sustitución de las direcciones resistentes. Se palpaba ya una atmósfera que conduciría a la Guerra Fría y a la consideración de la lucha de los comunistas en los países occidentales como una guerra de posiciones.

La estrecha relación entre el PCE y el PCUS(b) hizo que, a pesar de que los españoles no fueran invitados expresamente a la conferencia constitutiva del Kominform en septiembre de 1947, su línea política se alienase sin fisuras con los postulados del Buró de Información. Hasta el punto de que, cuando en 1948 se condenó a la Yugoslavia de Tito, y a pesar de los fuertes lazos de simpatía trenzados desde la guerra de España con el líder yugoslavo por su papel en el reclutamiento de las Brigadas Internacionales, el PCE no dudó ni un instante en apoyar las tesis soviéticas contra el comunismo nacionalista balcánico. Tampoco afectaron al PCE movimientos de desgarró como los acontecidos en otras latitudes tras la invasión de Hungría en 1956, ni provocó grietas significativas en su seno la otra gran quiebra del movimiento comunista internacional a partir de la muerte de Stalin: la ruptura entre la Unión Soviética y la China de Mao.

736

El desarrollo de la sociedad española durante los años sesenta, a raíz de la inserción de su economía en el modelo occidental -llegada de las inversiones norteamericanas; disponibilidad de recursos y de un capital humano, joven y disciplinado; desarrollo del sector turístico; proceso migratorio, urbanización y cambio en las mentalidades- hizo que el PCE se adaptara a las condiciones de lucha contra la dictadura en un contexto que ya no era el de los años treinta. El modelo soviético, en proceso acelerado de glaciación tras la caída de Nikita Jrushchov, había perdido el atractivo que ejerció décadas atrás. Entre las generaciones jóvenes, nacidas en el ciclo de reconstrucción de postguerra, era significativo el influjo de las corrientes contraculturales occidentales o bien la atracción retórica por el maoísmo o las guerrillas antiimperialistas, pero entre la clase obrera industrial, por entonces mayoritaria, predominaban las tendencias redistribuidoras identificadas con la socialdemocracia. En un contexto de falta de libertades, el PCE se erigió en la principal fuerza de oposición al franquismo por su peso específico

en las Comisiones Obreras, los movimientos estudiantil y vecinal y en el mundo de la cultura. Pero, para su estrategia de conquista de la hegemonía, hechos como la invasión de Checoslovaquia y la liquidación de la Primavera de Praga por los tanques del Pacto de Varsovia constituían un obstáculo insalvable. La independencia de Moscú se presentó como una necesidad ineludible⁶⁷. Desde 1968 y hasta su crisis cuasi terminal durante la transición democrática, el PCE apostó por los postulados del Eurocomunismo, una tercera vía entre el capitalismo y el comunismo ortodoxo por la que también se inclinaron partidos como el italiano y, en menor medida, el francés.

José Díaz

LA URSS EN LA ESPAÑA REPUBLICANA: LA IMAGEN Y EL "MITO" DE LA MODERNIZACIÓN

En la década de los treinta del siglo XX proliferaron en España numerosas imágenes políticas y culturales en general asociadas a la URSS, y difundidas a través de muy diversos medios. En primer lugar, esas imágenes se asentaban en moldes mucho más antiguos. Tal como subraya Rafael Cruz, la rusofilia o la rusofobia existían antes de 1917: en esas percepciones convivían el retrato de un pueblo bárbaro, lejano y en buena medida singular y extraño, amenazante o salvador en función de los distintos contextos políticos europeos (la guerras napoleónicas, la Restauración, el liberalismo frente al régimen despótico de los zares, etc.); los estereotipos orientalizantes y asociados a lo asiático, o la admiración por la literatura o la música de los clásicos rusos del siglo XIX⁶⁸.

Sobre el molde de esas percepciones irrumpiría un acontecimiento decisivo: las revoluciones de 1917, en especial la de octubre, con el alumbramiento de un nuevo régimen tras la toma del poder por los bolcheviques. El contexto en que se produjo resultó determinante: la Primera Guerra Mundial y sus consecuencias, con el shock que provocó en la conciencia europea y global, un mundo en crisis y transformación y el anhelo de regeneración consiguiente, sobre el que aparecía así un nuevo y alternativo modelo de sociedad. La revolución y el régimen que la siguió generarían un aluvión de imágenes y discursos que en algunos casos perpetuarían o adaptarían los clichés tradicionales, pero que sobre todo darían nacimiento, en el resto de Europa y en general en el mundo occidental, a nuevos mitos políticos de gran fortaleza y longevidad. Estos se basaron en las reacciones que provocó 1917, básicamente de dos tipos: el rechazo, el miedo y la sensación de amenaza en los

737

⁶⁷ *Claudin F.* Santiago Carrillo, crónica de un secretario general. Barcelona: Planeta, 1982.

⁶⁸ *Cruz R.* ¡Luzbel vuelve al mundo! Las imágenes de la Rusia soviética y la acción colectiva en España // Cultura y movilización en la España contemporánea, R. Cruz y M. Pérez Ledesma (eds.). Madrid: Alianza Editorial, 1997. P. 273-275.

sectores conservadores, o la esperanza o el entusiasmo en buena parte del movimiento obrero y la izquierda en general.

España no fue una excepción. A partir de finales de 1918–1919 se fueron modelando en el país estos dos discursos⁶⁹. Así ocurrió por ejemplo en los años del llamado “Trienio bolchevique” (1918–1920) y la agitación social que se vivió entonces en España, donde la referencia a Rusia sirvió para movilizar en un sentido u otro. A lo largo de los años siguientes, las visiones sobre Rusia (plasmadas en libros o relatos de viajes, ensayos, artículos periodísticos, discursos públicos, etc., y todos los medios de propaganda favorable o desfavorable) y lo que allí ocurría se multiplicaron y sirvieron para definir identidades políticas, captar voluntades y llamar a la acción⁷⁰. A partir de entonces, los acontecimientos políticos españoles se interpretarían en buena medida en función de Rusia: partidarios o detractores veían en lo que allí había sucedido o sucedía en esos momentos un reflejo de la propia situación política española o, más bien, en lo que esta podría devenir: bien espejo y horizonte, bien catastrófica profecía. De esta manera, acabaron por configurarse esas dos versiones antagónicas del mito político de la revolución rusa y el régimen soviético⁷¹.

Al proclamarse la Segunda República en abril de 1931, estos discursos, las imágenes asociados a ellos y los moldes míticos en los que se insertaban, mantuvieron su vigencia⁷². La misma campaña electoral de las elecciones municipales de abril así lo reflejó y, si bien, las referencias a la Unión Soviética no fueron tan intensas durante el primer bienio republicano, a partir de 1933–1934 el ascenso del fascismo internacional, la bolchevización del Partido Socialista o los sucesos de octubre de 1934 serían factores que contribuirían a un incremento de la presencia de la URSS y la revolución soviética en el debate político⁷³. Al tiempo que las fuerzas de derecha difundían un ideario apocalíptico (que tendría su proyección hasta la misma justificación del golpe militar de julio de 1936), se producía un fenómeno de “sovietización” en los discursos, afinidades y gustos dentro de las distintas tendencias de la izquierda española⁷⁴.

738

Por supuesto, en esto último influyó la propaganda procedente de la URSS, desde organizaciones como la VOKS (Sociedad para las Relaciones Culturales con el Exterior), la Internacional Comunista o el propio PCE, si bien cabe matizar el alcance de aquella o la capacidad de acción de este último partido, todavía muy minoritario. Asimismo, en el interior de España se constituiría a partir de 1933 el entramado de

⁶⁹ *Avilés Farré J.* La fe que vino de Rusia. La revolución bolchevique y los españoles (1917–1931). Madrid: Biblioteca Nueva-UNED, 1999; *García H.* Historia de un mito político: el peligro comunista en el discurso de las derechas españolas (1918–1936) // *Historia Social*. N° 51. 2005.

⁷⁰ *Navarra A.* El espejo blanco. Viajeros españoles en la URSS. Madrid: Fórcola, 2016. P. 11–26; *Egido León M^a de los Á.* Del paraíso soviético...; *Cruz R.* ¡Luzbel...; *Avilés Farré J.* La fe...

⁷¹ *Faber S.* “Es la hora de la claridad dogmática”. El impacto de la Revolución rusa en la cultura política española // 1917. La Revolución rusa cien años después. J. Andrade y F. Hernández Sánchez (eds.). Madrid: Akal, 2017.

⁷² *Egido León M^a de los Á.* Del paraíso soviético...

⁷³ *Cruz R.* ¡Luzbel...; *Egido León M^a de los Á.* Del paraíso soviético...

⁷⁴ *Navarra A.* El espejo blanco... P. 11.

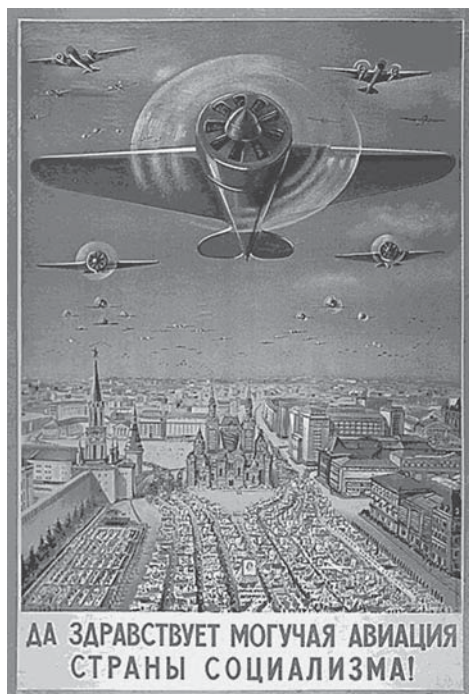
Asociaciones de Amigos de la Unión Soviética (AUS), que desempeñarían aquí un papel muy significativo. Por otro lado, cabe destacar la acción cultural desarrollada por los intelectuales comunistas españoles (con Rafael Alberti, María Teresa León o Josep Renau como ejemplos destacados), a través de revistas culturales como *Octubre*, *Nueva Cultura* o *Nuestro Cinema*, plataformas como la AEAR (Asociación de Escritores y Artistas Revolucionarios) o su labor en la difusión editorial o en la divulgación del cine soviético en estos años⁷⁵. Pero las percepciones de la URSS tenían casi siempre al final una lectura política, dada la fuerza de los dos moldes míticos ya citados y las reacciones de adhesión o rechazo asociados a ellos. No obstante, si hablamos en general de la recepción cultural y social de imágenes de la Unión Soviética a lo largo de los años 20 y 30 en España, el fenómeno resulta más complejo.

A la altura de 1930, se había instalado en España una cierta “rusomanía” cultural, una curiosidad e interés por la URSS que era en cierto modo transversal ideológicamente. Esta “fascinación” no haría sino intensificarse en años posteriores. Un buen indicador de este fenómeno fue la revitalización a finales de la década de los veinte de la “moda” (ya vivida años antes, justo después de la revolución) de los libros, relatos y crónicas de viajes a la URSS, con nuevas impresiones ahora procedentes de observadores y viajeros españoles de muy distinto signo⁷⁶. Otro indicador es el *boom* editorial vivido desde el final de la dictadura de Primo de Rivera, y que se plasmó también en la publicación no solo de esos relatos de viajes, sino también de traducciones de autores rusos o soviéticos, obras sobre la URSS en general, literatura marxista, etc., a cargo — aunque no exclusivamente — de editoriales dentro del ámbito de la izquierda, como *Historia Nueva*, *Oriente*, *Cénit*, *Zeus*, etc. En general, como señala Jesús Guzmán, la URSS se convertiría en un “subtema” dentro de la narrativa española. Por otro lado, durante los años de la Segunda República, sucedió lo mismo con la prensa y, tal como apunta Ángeles Egido, “no hubo periódico o revista española de revista o periódico de los años 30 que no se ocupara, con uno u otro propósito, de los acontecimientos rusos”. Una prueba son en concreto los numerosos reportajes sobre distintos aspectos de la vida en la URSS y aparecidos en revistas culturales y de pensamiento estos años, sobre todo lógicamente en el ámbito de la izquierda⁷⁷.

⁷⁵ *Elorza A., Bizcarrondo M.* Queridos camaradas. La Internacional comunista y España, 1919–1939. Barcelona: Planeta, 1999. P. 79–99; *Kowalsky D.* La Unión Soviética y la guerra civil española. Barcelona: Crítica, 2003. P. 133–152; *Cruz R.* El arte que inflama. La creación de una literatura política bolchevique en España, 1931–1936. Madrid: Biblioteca Nueva, 1999. Para las AUS: *Garrido Caballero M.* Compañeros de viaje. Historia y memoria de las Asociaciones de Amistad Hispano-Soviéticas. Murcia: Editum, 2009.

⁷⁶ La expresión “rusomanía cultural” véase en: *Navarra A.* El espejo blanco... P. 20 (también P. 14–15, con cifras de distintos autores y fuentes sobre el volumen de libros y crónicas escritas por españoles que viajaron a la URSS en estos años, así como títulos sobre esta aparecidos en España). También: *Guzmán Mora J.* La imagen de la Unión Soviética a través de la prensa en la Guerra Civil española // *Destino y Hora de España*. Castilla. Estudios de Literatura, Nº 8, 2017. P. 459–466; *Egido León M^a de los A.* Del paraíso soviético... P. 140–141; *Avilés Farré J.* La fe... P. 283.

⁷⁷ *Guzmán Mora J.* La imagen... P. 461 (P. 459–466 en general). Sobre las editoriales: *Elorza A., Bizcarrondo M.* Queridos camaradas... P. 83–89 y *Cruz R.* El arte... P. 39–43.

Cartel. «¡Qué viva una vigorosa aviación del país de socialismo!».

La atracción por las innovaciones soviéticas tuvo también en las artes y las letras un ámbito destacado, desde la vanguardia en las artes plásticas y el *agit prop* (el cartelismo, por ejemplo) al teatro o la música, asociado todo ello también a la regeneración en un sentido amplio. Sin duda, el cine ocupa aquí un lugar prominente y aunque todavía durante los años republicanos existieron ciertas restricciones para su plena difusión en España, el camino empezó a abrirse: el cine realizado en la URSS generó pronto un gran interés y el debate en torno a él se multiplicó en libros, periódicos, revistas o conferencias⁷⁸.

Tal como señala Andreu Navarra, en buena medida la rusofilia de aquellos años parece escapar en muchas ocasiones (hasta el alineamiento definitivo tras julio de 1936) de una definición partidista concreta. Una prueba son por ejemplo algunos de los relatos de viajes a la URSS y que apostaban por intentar esbozar una interpretación más o menos ecuaníme

de lo allí observado. Otra sería, por ejemplo, y ya en 1933, la nómina de firmas del manifiesto fundacional de la AUS aparecido en febrero de ese año, donde podemos encontrar figuras del mundo de la política, la literatura o la ciencia con un perfil conservador (ya en ese momento o en un futuro inmediato): Pío Baroja, Gregorio Marañón, Diego Hidalgo o Jacinto Benavente, entre otros. Para Navarra, ello se explica por un cierto “vector regeneracionista” que guiaba ese interés por la URSS, o por el impulso modernizador que parecía proyectar el nuevo país⁷⁹.

Daniel Kowalsky, por su parte, señala también que “parte de la curiosidad suscitada por el Estado comunista iba más allá de la orientación política, y se centraba en las novedades sociales, científicas o culturales introducidas en la URSS”. Así, por ejemplo, el análisis de la relación epistolar que españoles y españolas de a pie mantenían con la VOKS soviética en demanda de variada información sobre la URSS prueba no solo el interés en España sobre aquel país, sino que también deja traslucir la imagen que estos tenían de él y lo que para ellos representaba: “Para los correspondientes españoles, la URSS podía representar muchas cosas: un prototipo de revolución lograda, el único enemigo válido del fascismo, un país de libertad e igualdad sexual, la nueva frontera de la medicina y la ciencia, o incluso la vanguardia de las artes. A algunos españoles

⁷⁸ Sobre todos estos aspectos: *Kowalsky D.* La Unión Soviética... P. 133–152.

⁷⁹ *Navarra A.* El espejo blanco... P. 20–21.

que se hallaron atrapados en las grandes luchas políticas y sociales de la época — las luchas por la modernización, la democracia y la igualdad -, les pareció que la Unión Soviética ofrecía respuestas”⁸⁰.

Expectativas muy diversas por tanto. Todo ello podía ser (y lo fue, sin duda) explotado propagandísticamente por la URSS y sus seguidores en España. Pero en el fondo en muchos casos estas expectativas remitían a un anhelo de novedad y regeneración en un sentido general. En un contexto marcado en la década de los treinta por la inestabilidad política de las democracias y el ascenso del fascismo (frente al que la URSS se erigía como el más decidido baluarte), la profunda crisis del capitalismo parecía situar el ejemplo soviético como una alternativa válida y esperanzadora en un contexto de agotamiento, ruina e incertidumbre.

Desconocida con precisión (o suficiente difusión) los aspectos más sangrientos de la represión estalinista, así como las limitaciones y carencias del sistema en su conjunto, la URSS de finales de la década de los veinte y la de los treinta — la de los planes quinquenales, un régimen estabilizado tras la revolución y en pleno desarrollo industrial y colectivización agraria -, ofrecía por el contrario la imagen de una alternativa posible y exitosa en lo económico, lo social y lo cultural. Y era en estos ámbitos donde se incidía de manera preferente, desde la propaganda soviética o comunista, por supuesto, pero no exclusivamente. Así por ejemplo, frente al paro, el cierre de empresas o la crisis económica, aparecía la URSS del pleno empleo, la gran industrialización o la mecanización de la agricultura. Los reportajes sobre la economía soviética abundaron en estos años en España, y también sobre múltiples aspectos sociales y culturales, muy por encima de lo político. En algunos relatos de viajes o crónicas periodísticas el reconocimiento de los éxitos en aquellas esferas podía ser compatible con una condena del régimen político.

En los miles de páginas que las revistas españolas, pero también la prensa diaria y los libros y folletos, sobre todo lógicamente en el ámbito de la izquierda (desde los republicanos a los anarquistas), dedicaron a la URSS, los temas económicos fueron habituales, pero también todo aquello que tenía que ver con los avances sociales o las innovaciones culturales o científicas. Tal como señalan Antonio Elorza y Marta Bizcarrondo, el “deslumbramiento” fue en estos casos permanente⁸¹. La URSS era el paraíso de la técnica; el tractor, su emblema, ejemplo de la técnica aplicada al

Cartel. «Los libros son fuente del saber».

⁸⁰ Kowalsky D. La Unión Soviética... P. 146.

⁸¹ Elorza A., Bizcarrondo M. Queridos camaradas... P. 88-95.

desarrollo, a lo cotidiano. Este *leit motiv* del tractor y la mecanización es uno de los más poderosos en la configuración de la imagen de la URSS en estos años. Y también la ciencia: abundan en aquellas publicaciones la difusión de los textos de científicos soviéticos y sobre los avances en aquel país en la ciencia en general, la medicina, etc. Casi nunca en abstracto, casi siempre aplicado a lo cotidiano. En todo caso, la ponderación del desarrollo científico y tecnológico soviético fue una constante.

En lo social, otro tema habitual era la situación de las mujeres en la URSS, destacando siempre su progresiva emancipación y autonomía en el trabajo y la vida cotidiana, la libertad sexual, la regulación del aborto, etc., aspectos también sobre los que existía un amplio debate en la España de los años treinta. Reportajes hubo asimismo sobre el sistema educativo en la URSS, la difusión cultural en el país, etc. Todas estas percepciones e imágenes — asociadas a la modernidad y a la regeneración — resultaban especialmente atractivas para muchos jóvenes españoles en estos años, y conviene tener presente este factor para explicar en buena medida muchas adhesiones políticas a la larga. Tal como señala Daniel Kowalsky, la URSS “cautivó la imaginación de algunos españoles jóvenes e inquietos. Y se convirtió en el modelo de sociedad mediante el cual algunos esperaban reformar su identidad nacional y personal”⁸².

En resumen, tal y como afirma Helen Graham ya desde los años veinte, “algunos sectores liberales o progresistas, pero sin afiliaciones políticas concretas ya habían asociado a la Unión Soviética con la modernidad tecnológica o cultural”. La historiadora británica apunta, en una sugerente comparación, a que efectivamente esta percepción de la URSS como referencia o icono de la modernidad a la altura de las décadas de los años 20 y 30 en España (recordémoslo: un mundo antes de la guerra civil española, de la Guerra Fría y del exacto conocimiento de la dimensión represiva del régimen estalinista) podría tal vez recordar en cierto sentido a lo que representarían en buena medida los Estados Unidos como proyección de las aspiraciones de progreso y desarrollo social y económico de los españoles a partir de los años 50, aspecto bien parodiado por Berlanga y Bardem en el film *Bienvenido Mr. Marshall*⁸³.

742 Quizás esto puede ayudarnos a entender la rusofilia en la España republicana durante la guerra civil de 1936–1939 desde una nueva perspectiva, no como mero resultado de una imposición o de la propaganda, o incluso no solo de la ola de simpatía que generó la efectiva ayuda soviética a la República, sino también, de una manera más compleja, a través de la continuidad de estas imágenes y percepciones. En cierta manera, y más allá de la obvia instrumentalización política de estas por parte de los comunistas y de la propia URSS, se recurrió también en estos años a los temas, mencionados más arriba asociados a la modernidad y la regeneración, el progreso material y los avances sociales y culturales. A menudo, esta rusofilia, que se plasmó también en la imitación de vestimentas, objetos, elementos iconográficos, etc., fue más allá de una definición partidista concreta⁸⁴.

⁸² Kowalsky D. La Unión Soviética... P. 131–132; Elorza A., Bizcarrondo M. Queridos camaradas... P. 83.

⁸³ Graham H. Breve historia de la guerra civil. Madrid: Espasa Calpe, 2006. P. 82–84.

⁸⁴ Kowalsky D. La Unión Soviética...; Puigsech Farràs J. El imaginario de la Revolución rusa en la Guerra Civil Española // 1917. La Revolución rusa... Para la imagen de España en la Unión Soviética: Novikova O. Las visiones de España en la Unión Soviética durante la guerra civil española // Historia del Presente, N° 11, 2008.

LA SEGUNDA REPUBLICA Y LA URSS: LAS RELACIONES CULTURALES Y CIENTIFICAS

Tras la proclamación de la República en abril de 1931, el Gobierno de coalición esbozó el rumbo para un acercamiento a la URSS a nivel estatal. Las relaciones políticas fueron construyéndose durante mucho tiempo y con unas dificultades. Sin embargo, los contactos culturales eran mucho más vivos. Los intelectuales que en la década de 1920 observaban con atención la Rusia Soviética pasaron de ser un grupo opositor al régimen de Primo de Rivera a formar parte la fuerza gobernante. Miguel de Unamuno, José Ortega y Gasset, Salvador de Madariaga, Gregorio Marañón, Rodrigo Soriano y otros llegaron a ser miembros de las Cortes. Los españoles tenían poca idea de lo que pasaba en aquellos años en la URSS y, a juzgar por las palabras de uno de los autores del periódico liberal *El Sol* "No parece otra cosa sino que en Rusia está nuestra Meca, el hontanar de la política española futura"⁸⁵, porque allí se hacían reformas en interés del pueblo. No todos ellos aprobaban el régimen soviético, pero muchos estaban absolutamente convencidos del beneficio de la colaboración en los diferentes ámbitos de la cultura.

El complicado y largo proceso de establecimiento de relaciones diplomáticas entre ambos países veía compensado por el surgimiento de organizaciones sociales españolas que esperaban colaborar culturalmente con la URSS. Instaurada la República, en toda España empezaron a aparecer *Sociedades de Amistad con la Unión Soviética*, que en la primavera de 1933 se unieron para formar en la *Asociación de Amigos de la Unión Soviética* (AUS). La presidiría el escritor Ramón Valle Inclán. Firmaron la manifestación fundacional los miembros del Comité Nacional de la Asociación, personalidades de la ciencia y la cultura: escritores, poetas, periodistas, médicos, abogados, profesores de universidades, pintores, escultores, músicos que subrayaban que la recién creada organización estaba predestinada a favorecer la aparición de información imparcial sobre el País de los Sóviets. La AUS se integró en el Comité Internacional de la Unión de Amigos de la URSS como sección española que encabezó Federico García Lorca. Al llegar al poder los republicanos de derecha en noviembre de 1933, la AUS fue cerrada y solo tras el triunfo del Frente Popular se reanudó la actividad de las Sociedades de Amistad⁸⁶.

Los contactos en el ámbito de la ciencia también empezaron a adquirir formas organizativas. En 1931, fue creado en Madrid el Comité Hispano-Eslavo adjunto al Centro de Estudios Históricos. Asumió la presidencia de ese organismo científico social el conocido científico Ramón Menéndez Pidal, y estaba integrado por muchas personalidades destacadas de la cultura: el historiador Rafael Altamira y Crevea, el historiador y filósofo Gregorio Marañón, el escritor Luis de Zulueta. La organización se mantenía gracia a las cuotas de los socios, abrió cursillos del idioma ruso, impartía conferencias sobre el folklore eslavo y fundó la Biblioteca Eslava de Madrid⁸⁷.

⁸⁵ El Sol. 25.04.1934. P. 7.

⁸⁶ *Kuleshova V.V.* Ispaniya i SSSR... P. 127–142, 192–199; *Garrido Caballero M.* De la Revolución de Octubre a la Rusia Soviética: Impresiones desde España a través de crónicas periodísticas y libros de viajes // *Sociología Histórica*. No. 8. 2017. P. 250.

⁸⁷ ABC, 22.01.1931. P. 46; ABC, 14.02.1931. P. 24; El Socialista, 23.02.1932. P. 4.

Ramón Menéndez Pidal

La crisis política que vivió España desde finales de los años veinte y la instauración de la República llevaron a los estudiosos soviéticos a renovar las investigaciones sobre la historia del país, abandonadas prácticamente en los tiempos en que aparecieron las obras de Piskorski y Trachevski⁸⁸. Se publicaron trabajos en los que los sucesos de la historia española de los ss. XVIII-XIX se presentaban con un enfoque ideológico marxista-stalinista⁸⁹. Los historiadores de arte soviéticos continuaron con el estudio del “arte viejo” español, concentrando su atención en la obra de Murillo, Zurbarán, El Greco y Goya. Xenia Malitskaya seguiría el camino iniciado por sus antecesores y publicaría a principio de los años 1930 una serie de obras sobre artistas españoles, y poco tiempo después un libro y varios artículos científicos sobre la arquitectura de España⁹⁰.

El mantenimiento de los contactos científicos iniciados ya en los años veinte y la posibilidad de intercambiar experiencias en diferentes eventos internacionales jugaron también un papel importante en el desarrollo de la ciencia. En la primera mitad de los años treinta se celebraron en España una serie de importantísimos congresos científicos, a los que fueron invitados también científicos soviéticos. En el II Congreso de Otorrinolaringología en 1932 intervino el microbiólogo soviético Piotr Bélikov; en el Congreso Internacional de Enfermedades Cancerosas del mes de octubre de 1933 entre los participantes soviéticos habrá primeros figuras de la medicina soviética como el radiólogo Mijaíl Nemiónov, Nikolái Petrov, fundador de la oncología soviética y Leon Zílber, creador de la virusología soviética. Mijaíl Rimski-Kórsakov, biólogo soviético y profesor de la Universidad de Leningrado, participó en el VI Congreso Entomológico Internacional (1935)⁹¹. Asimismo, fue más habitual a españoles en las cátedras de las universidades soviéticas y en los laboratorios de la

⁸⁸ Véase el capítulo “El “descubrimiento ruso” de España en el siglo XIX”.

⁸⁹ *Livshits S. Osnovnyye etapy istorii Ispanii (Etapas principales de la historia de España) // Bor'ba klassov (La lucha de clases). 1936, No. 10. Véase: Yúrchik E. Historia de España de los siglos XVIII-XIX en la historiografía rusa de los años 1930–50 // ENOZH, 2018.*

⁹⁰ *Morozova A.V. K.M. Malitskaya (1890–1969) — otechestvennyy istorik ispanskogo iskusstva (K.M. Malitskaya (1890–1969), historiadora nacional del arte español) // Vestnik SPbGU, Ser. 2, 2011. Vip. 1. P. 107–114; Ídem. Etapy izucheniya ispanskoy arkhitektury v Rossii (Etapas del estudio de la arquitectura española en Rusia) // Ispaniya i Rossiya: istoricheskiye sud'by... P. 534.*

⁹¹ *El Sol. 30.09.1932. P.3; Kuleshova V.V. Ispaniya i SSSR... P. 112–114.*

Academia de Ciencias de la URSS. En 1933, llegó a la Unión Soviética el profesor de derecho Horacio de Castro, que ya al cabo de un año editaría en Madrid el libro *Principios de derecho soviético*⁹². Integraban la delegación española al XV Congreso Internacional de Fisiología (Moscú — Leningrado, agosto de 1935) los profesores de medicina Juan Negrín, que al cabo de dos años pasaría a ser presidente del Consejo de la República Española, y Rossend Carrasco Formiguera⁹³. En 1932, visitó la Unión Soviética el socialista Marcelino Pascua, director general de Sanidad, que la siguiente vez llegaría a Moscú en septiembre de 1936 ya en calidad de embajador de España. La salud pública soviética le impresionó mucho y escribió una serie de artículos en el periódico *El Socialista*, destacando que “los Soviets han prestado profunda y continua atención a los problemas y acometido empresas formidables, que impresionan mucho al visitante. [...] La Medicina soviética tiene un carácter predominantemente social y preventivo. [...] Y como todo el aparato del Estado, son los propios obreros quienes la organizan y dirigen, siendo, naturalmente sus servicios accesibles gratuitamente a toda la población”⁹⁴.

El mundo del teatro y el cine también establecieron contactos. Ya en los años veinte, personalidades teatrales españolas, al entrar en el contacto con arte dramático ruso, incorporaban a su quehacer experiencia de los nuevos teatros soviéticos dirigidos por Evgueni Vakhtángov, Alexánder Tairov, Vsévolod Meyerhold. En 1929, saldría en España la colección de piezas *Teatro Revolucionario Ruso*⁹⁵. A principios de los treinta el movimiento por el nuevo teatro popular en España se hizo más fuerte y de nuevo se remitió a la experiencia teatral rusa. Prácticamente acto seguido a la instauración de la República, Lorca creó el teatro ambulante *La Barraca*, al que consideró una posibilidad de socialización directa con el pueblo⁹⁶. Surgieron también teatros de aficionados, en los que se representaron obras de Maxim Gorki, entre las que la pieza *El Alberque de Noche* (1933) gozó de una particular popularidad⁹⁷. En 1935, en el Teatro Rosales tuvo lugar el estreno de la comedia de Vladímir Mayakovski *La Chinche* presentada por el Cine-Teatro-Club dirigido por Jacinto Grau, con escenografía del famoso artista y escenógrafo Ramón Puyol Román⁹⁸. El gusto por los motivos rusos condujo al destacado dramaturgo Jacinto Benavente a crear su propia pieza *Santa Rusia*, que fue representada en octubre de 1932 en el teatro *Beatriz*⁹⁹. Rafael Alberti y su esposa María Teresa León que estudiaban las diferentes corrientes del movimiento teatral europeo visitaron Moscú en 1932, 1934 y 1937, lo que los llevaría a una paulatina reorientación en el arte escénico.

⁹² Castro H. de. Principios de derecho soviético. Madrid: Reus, 1934. Véase también: Garrido Caballero M. De la Revolución de Octubre... P. 241.

⁹³ Kuleshova V.V. Ispaniya i SSSR... P. 93.

⁹⁴ El Socialista. 11.11.1932. P.4; El Socialista. 12.11.1932. P. 4.

⁹⁵ Teatro Revolucionario Ruso. Madrid: Aguilar, 1929.

⁹⁶ Kuleshova V.V. Ispaniya i SSSR... P. 162.

⁹⁷ El Sol. 24.01.1933. P. 12; El Sol. 29.09.1935. P. 2.

⁹⁸ El Sol. 29.11.1935. P. 2.

⁹⁹ El Sol. 07.10.1932. P. 8.

El Grupo de Praga del Teatro de Arte de Moscú en España

Del 22 de febrero al 15 de marzo de 1932, en Barcelona y Madrid, realizó una gira un inusual colectivo teatral ruso: Sección de Praga del Teatro de Arte de Moscú (el *Groupe de Prague*), grupo que emigró a Checoslovaquia, que durante mucho tiempo habitó en la capital checa y que luego se estableció en París, que se convirtió en la primera manifestación del Teatro del Arte que llegó a España. En vísperas del inicio de la gira rusa comenzó a hacer frío, y algunos observadores periodísticos no dudaron en bromear: para acoger a los rusos de manera adecuada Madrid tuvo que cubrirse de nieve. Sin embargo, ya en el estreno de la pieza de Alexander Ostrovski, *La pobreza no es vileza*, la sala del teatro Español estuvo más llena que en los días de las funciones de otras compañías de teatro extranjeras, a pesar de la nieve y de que se trataba de una pieza desconocida que se representaba en ruso.

Los programas en español, y las fotos que incluyen, permiten hacerse una idea general de aquellos espectáculos. En la programación de los “praguenses” había dos comedias de Nikolái Gogol, *El Inspector* y *El Casamiento*, una pieza de Ostrovski, *Crimen y castigo* de Dostoievski, *Bajos fondos* de Gorki y la recientemente escenificada *La Guardia Blanca* de Mijaíl Bulgákov. El programa español de este último espectáculo incluía una breve sinopsis que explicaba las circunstancias históricas de la obra: la revolución de 1917, así como los acontecimientos de 1918 en los frentes de la Guerra Civil. La obra que cosechó un mayor éxito fue *El Inspector*.

Felipe Sassone, crítico del periódico madrileño ABC, en un artículo con el sintomático título *Rusofilia y rusofobia*, destacó la disparidad de opiniones en la sociedad española y la formación de grupos de “rusófilos” y “rusófobos”. Se dirigió a los oponentes con reproches contra la división de Rusia en “Rusia roja” y “Rusia blanca”, escribiendo que “una gran parte del público aplaudía sinceramente los primores de una interpretación cuidada y conjuntada”. En una reseña sobre *El Casamiento*, otro crítico señaló que en el foco central se encontraba la legendaria escuela escénica de Stanislavski y al espectador se le daba la posibilidad de valorarla por sí mismo. Lo representado se reconocía en la reseña como una nueva “directriz intelectual”, para que no existían géneros bajos, y se afirmaba que el mismo género de la comedia había alcanzado con la Sección de Praga del Teatro de Arte una altura nunca antes vista. Hasta entonces se había considerado que los melancólicos rusos eran maestros en suspirar y llorar. Tradicionalmente, los europeos asociaban con la llamada “forma de actuar rusa” la seriedad, lo huraño incluso del tono general, como se pudo ver en la representación de *Crimen y castigo* de Dostoievski.

Los espectadores españoles que anteriormente habían visto ballets rusos, conocían la pintura y la música de los representantes de la vanguardia rusa pero a partir de ese instante percibieron el enorme poder del “arte de expresar las emociones” ruso. Precisamente esa idea es la que subrayaba una actriz del *Grupo de Praga*, Vera Grech, en una de sus cartas, recordando al cabo de los años sus grandes giras europeas. Escribió que los actores rusos habían logrado que el público empatizara, respondiera de modo profundamente emocional a lo

TEATRO ESPAÑOL
REPRESENTACIONES EXTRAORDINARIAS
de la Compañía del

**TEATRO ARTISTICO
DE MOSCÚ**
(SECCION DE PRAGA)

DIRECTOR ARTISTICO: P. PAVLOFF

VIERNES 4 DE MARZO

A las DIEZ en punto

La Guardia Blanca

De M. Bulgakoff.

Episodio de la guerra civil en Rusia.

Mise en scène de VERA GRETCH. Dirección artística: P. PAVLOFF.
Regisseur: B. STCHQUTCHKINE. Decorado y sastrería de W. JEDRINSKY
Administrador: EUGENE GRUNBERG.
Empresarios: A. MECKEL y L. GREANIN.
París: 11, rue Godot de Mauroy. París: 15, rue Louis Philippe-Neully s.JS.

El cartel del espectáculo "La Guardia Blanca"

representado, sintiera que estaba participando en un drama de personas que les eran ajenas. De esta experiencia europea, la actriz extrajo una conclusión importantísima desde el punto de vista humano: "Esa conexión emocional nos aproxima a la gente de Occidente".

En 1937, fue enviada a Moscú una delegación española de artistas para participar en el V Festival Teatral de la Unión Soviética¹⁰⁰. En 1937, María Teresa León montó en su Teatro de Arte y Propaganda madrileño la *Tragedia optimista* de Vsévolod Vishnevski, y el autor de la pieza recibió como regalo un álbum conmemorativo del espectáculo¹⁰¹.

En esa misma época, las obras clásicas españolas encontraron una nueva resonancia entre los espectadores soviéticos. Vishnevski confesó que en los años de la guerra civil le había impresionado mucho la pieza *Fuente Ovejuna* de Lope de Vega representada en los teatros soviéticos¹⁰². Basandose en esa obra, fue montado en 1939, en el escenario del Teatro de Opera y Ballet Kirov de Leningrado, el ballet *Laurencia* con la música de Alexánder Krein.

Gracias a los esfuerzos de Julio Álvarez del Vayo, a partir de 1929, comenzó en España la distribución de películas soviéticas. No solo *Él acorazado Potemkin* gozó de mucha popularidad en la España republicana, sino que también tuvieron una gran repercusión emocional en los espectadores españoles las cintas *Chapaev* dirigida por los hermanos Vasiliev, y *Somos de Kronstadt* de Efim Dzigan según guión de Vishnevski¹⁰³. Luis Buñuel se interesó por la obra de Serguei Eisenstein, con el que más tarde trabó conocimiento en Hollywood¹⁰⁴. Los escritores españoles, Benjamín Jarnes, Ramón J. Sender y Federico García Lorca, escribieron en la revista *Nuestro cinema* sobre la influencia en la cultura española de la cinematografía soviética de aquel tiempo¹⁰⁵.

Durante la guerra civil, trabajaron en España los camarógrafos-documentalistas soviéticos Román Karmén y Borís Makaséev. En un intento de “estampar en vivo para la historia inapreciables imágenes de la firmeza del espíritu y el coraje” de la gente, filmaron 22 emisiones de crónicas de la guerra bajo el título *Acerca de los sucesos de España*. Para ver las películas de Karmén y Makaséev tanto en España, como en la URSS los espectadores solían hacer largas colas durante mucho tiempo. Más tarde, con el material filmado y con el concurso de la directora Esfir Shub, se realizaría la película *España*, que se convirtió en un peculiar documento de la época¹⁰⁶.

El pueblo soviético también se familiarizaría con la vida de la lejana España gracias a la labor de los corresponsales soviéticos de periódicos de ámbito nacional Ilya Ehrenburg, Mijaíl Koltsov y Ovadi Savich. Por los títulos de sus reportajes y las fechas de la escritura de los mismos se puede seguir el itinerario de sus viajes. Como resultado de su estancia y su trabajo en el país nacieron más de treientos obras de diferentes géneros, entre artículos, ensayos e incluso una novela y una antología de poemas. “Todos los que hemos pasado por España estamos ligados a ella, estamos ligados

¹⁰⁰ *Kel'in F.V.* R. Al'berti i Mariya-Teresa Leon (R. Alberti y María Teresa León) // *Internatsional'naya Literatura*, 1934. No. 3-4. P. 239-245; Véase también el capítulo “Los artistas republicanos y el exilio en la URSS”.

¹⁰¹ *Kuleshova V.V.* *Ispaniya i SSSR...* P. 176-178; *El Sol*. 16.10.1937. P. 3.

¹⁰² *Ibid.* P. 176.

¹⁰³ *Grántseva Ye.O.* *Kinematografi Grazhdanskaya vojna v Ispanii* (El cinematógrafo y la guerra civil en España) // *Ispanskiy al'manakh. Vlast', obshchestvo i lichnost' v istorii*. Vip. 1. Moscú: Nauka, 2008. P. 71-72.

¹⁰⁴ *Montagu I.* *With Eisenstein in Hollywood*. New York: International Publishers, 1967. P. 89.

¹⁰⁵ *Nuestro cinema*, 1935. No. 17. P. 67.

¹⁰⁶ *Grántseva Ye.O.* *Kinematografi Grazhdanskaya vojna...* P. 71-72.

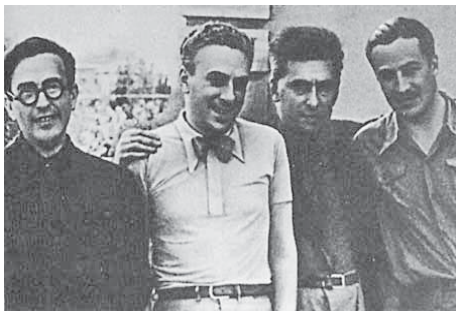
unos con otros. Está claro que no sólo de las victorias se enorgullecen las personas”, - recordaba Ehrenburg. Hablando de Ehrenburg, Vsévolod Bagnó escribiría más tarde: “La ingente actividad periodística, publicística y literaria de Ehrenburg en esos años solo es comparable con la rapidez de sus constantes traslados [...] entre Madrid, Barcelona y Valencia”¹⁰⁷.

El corresponsal del periódico *Pravda*, Mijaíl Koltsov, se entrevistó ya en 1931 con personalidades españolas de la cultura como Niceto Alcalá-Zamora, Manuel

Azaña, José Ortega y Gasset, Ramón María del Valle Inclán y Pío Baroja. Sus reflexiones sobre esos encuentros quedaron recogidas en el libro *Primavera española* dedicado a la naciente República. Rafael Alberti escribió sobre el Koltsov “tardío” refiriéndose a su actividad en los años de la guerra civil que éste encontraba tiempo todos los días para pasar por todos los frentes madrileños. “Recorre, indaga, observa, contesta a miles de preguntas, trabaja infatigablemente y, además, encuentra tiempo para estudiar la historia de España”. Allí, en la primera línea, Koltsov creó su *Diario español*, sus crónicas de aquella guerra¹⁰⁸. “Nos encontramos, sin duda alguna, frente a un observador agudo de las vicisitudes políticas, conocedor de los hombres, apasionadamente interesado por la lucha en España, capaz de comprender a los hombres y su valor”¹⁰⁹.

El periodista Ovadi Savich, de por sí brillante traductor de la poesía española, ayudó al poeta Manuel Altolaguirre a traducir las tragedias de Alexander Pushkin al castellano, y ya en abril de 1938, Altolaguirre leyó en Barcelona, en la inauguración de la exposición dedicada al 100 aniversario del fallecimiento del gran poeta ruso, la tragedia *Festín durante la peste* en traducción propia¹¹⁰.

La posibilidad de visitar la Unión Soviética también atrajo a grandes maestros españoles de la palabra: escritores, periodistas, publicistas, poetas. No todos ellos valoraron positivamente lo que vieron en el país de los Soviets. Los escritores socialistas, Julián Zugazagoitia¹¹¹ y Ramón J. Sender, que después de la visita a la URSS publicó dos libros y una serie de artículos en el periódico *La Libertad*¹¹², prestaron más atención a los logros soviéticos. Asimismo, el poeta Rafael Alberti sería un gran admirador de la

Emilio Prados, Ovadi Sáovich, Ilyá Ehrenburg y José Herrera Petere

¹⁰⁷ *Bagno V.Ye.* Ispaniya russkikh pisateley... P. 138–139.

¹⁰⁸ *Ibid.* P. 141.

¹⁰⁹ *Garosci A.* Los intelectuales y la guerra de España. Madrid: Júcar, 1981. P. 265.

¹¹⁰ *Pushkin A.* El convidado de piedra. Festín durante la peste. Trad. de O. Savich y M. Altolaguirre. Barcelona: A.E.R.C.U., 1938; *Kuleshova V.V.* Ispaniya i SSSR... P. 199–200.

¹¹¹ *Zugazagoitia J.* Rusia al día. Madrid: España, 1932; *Luis de Martín F.* La cultura socialista en España (1923–1930). Salamanca: Universidad de Salamanca; Madrid: CSIC, 1993. P. 208.

¹¹² *Sender R.J.* Madrid-Moscú: Notas de viaje (1933–1934). Madrid: Imp. de Juan Pueyo, 1934; *Ídem.* Cartas de Moscú sobre el amor. Madrid: 1934; *El Sol*. 25.04.1934. P. 7; *Garrido Caballero M.* De la Revolución de Octubre... P. 248–249.

La Donación del Pueblo Español

La riquísima colección de libros, dibujos infantiles, grabados de pintores españoles y obras de artes aplicadas donada por la República española a la URSS recibió el nombre de *Donación del pueblo español*. 1500 libros de la *Donación* fueron encuadernados especialmente en rojo con el escudo soviético repujado en la portada y un sello rojo con la inscripción en español “Obsequio del Ministerio de Instrucción Pública y Bellas Artes” en el interior. La colección se trasladó repartida en varios lotes que llevaron consigo, como equipaje, los intelectuales españoles: Rafael Alberti, César Muñoz Arconada, Sánchez Arcos y otros.

En la primavera de 1938, la colección de libros fue entregada a la Biblioteca Estatal de Literatura Extranjera (GBIL) para su conservación permanente. Entre los 71 tomos de la *Biblioteca de autores españoles* se encontraban desde *El Cantar de Mio Cid* hasta autores del siglo XVIII, obras históricas y filosóficas, crónicas de la conquista de América, correspondencia de los siglos XIV – XV. La perla de la Donación fueron los 114 tomos de la *Biblioteca de autores castellanos*, elegantes libros de pequeño formato en una bella encuadernación marrón, que se editaban desde 1910. Las ediciones académicas de las obras completas de Cervantes, Lope de Vega, Benito Pérez Galdós, Pío Baroja y otros autores, las extraordinarias ediciones facsímiles ilustradas de *Don Quijote* de Cervantes, de las *Cantigas de Santa María* de Alfonso el Sabio, del *Cancionero* de Juan del Encina ocupaban un lugar singular. Los dibujos infantiles llegados a la URSS reflejaban la dura realidad de la guerra civil y las nociones de la lejana Rusia que tenían los niños. Uno de esos niños representó el hundimiento del barco *Komsomol* que llevaba ayuda a la República Española. En la actualidad los dibujos forman parte de la colección del Museo de dibujo infantil del Instituto de Instrucción Artística, en tanto que la colección de grabados se conserva en el Museo Estatal de Artes Plásticas Pushkin. En la exposición inaugurada en abril de 1938 en un pequeño edificio de la Biblioteca de Literatura Extranjera, ex-iglesia de Cosme y Damián en el callejón Stoleshnikov Mijaíl Koltsov que acababa de volver de España, dijo: “Recibimos este obsequio con emoción y amor, como garantía de la amistad que seguiremos manteniendo con el pueblo español”.

Unión Soviética publicaría en el periódico liberal *Luz* una serie de artículos titulada *Noticario de un poeta en la URSS*¹¹³. Otros autores valoraron la actualidad soviética de forma más crítica, como se reflejó en los textos del periodista Federico García Sánchez para el *ABC*¹¹⁴ y en el libro del periodista catalán Josep Pla, etc.¹¹⁵ Inesperados para el lector español fueron los ensayos del periodista Enrique Díaz Retg publicados en octubre de 1931 en el periódico derechista *Heraldo de Madrid*, donde describió con

¹¹³ Luz. 21.07.1933. P. 8–9; Luz. 26.07.1933. P. 8–9;

¹¹⁴ ABC. Sevilla. 23.04.1932. P. 21.

¹¹⁵ El Sol. 7.09.1932. P. 1.

simpatía su viaje a la URSS¹¹⁶. El redactor del periódico *La Libertad* Luis de Sirval, tras regresar de Moscú en 1933, escribió sobre la “posible colaboración con Rusia”¹¹⁷.

En el II Congreso Internacional de Escritores Antifascistas que se celebró en varias ciudades de España en julio de 1937, nació la idea de hacer un regalo para conmemorar el 20 Aniversario de la Revolución de Octubre. Ya en agosto, en Valencia, que en aquel tiempo se había convertido en el centro de la España republicana, empezó, con ayuda de la Asociación Española de Relaciones Culturales con la URSS, creada a principios de 1937, la recolección de libros y de obras de arte para la Unión Soviética. Sobre la base de esta colección se crearon en la Biblioteca Estatal de Literatura Extranjera una sección española y cursos de la lengua española. La “donación”, como señaló más tarde la fundadora y directora de la biblioteca Margarita Rudominó, “jugó un papel de extraordinaria importancia [...] en la formación de la escuela de hispanistas soviéticos”¹¹⁸. Y no son fortuitas las palabras que Antonio Machado le escribió a uno de ellos, David Vygotski, filólogo y traductor soviético: “el alma rusa [...] encontrará un eco profundo en el alma española”¹¹⁹.

“LOS NIÑOS DE LA GUERRA” EN LA URSS

Se conoce como “niños de la guerra” al colectivo formado por los españoles que tuvieron que abandonar España entre el 18 de julio de 1936 y el 31 de diciembre de 1939, cuando todavía eran menores de edad¹²⁰. No obstante, esta definición no tiene en cuenta a otros niños que no salieron al extranjero, pero que también sufrieron las consecuencias de la guerra civil en España y su larga posguerra.

El conflicto armado causó estragos en la infancia y entre los jóvenes movilizados que participaron en la contienda. Por un lado, asumieron el trabajo en tareas de retaguardia, cuidado de familiares y, por otro, los efectos de los bombardeos, la carestía, y las enfermedades condujeron a un incremento de la mortalidad entre los menores¹²¹. Para paliar estos efectos, se organizaron campañas de ayuda, de las que los medios internacionales se hicieron eco. Así, producciones soviéticas como *K sobitiyam v Ispanii* (Sobre los sucesos de España), entre septiembre de 1936 y julio de 1937, mostraron en imágenes el conflicto, la destrucción de edificios y las necesidades

751

¹¹⁶ Heraldo de Madrid. 12.09.1931. P. 16; Heraldo de Madrid. 10.10.1931. P. 15.

¹¹⁷ *Kuleshova V.V.* Ispaniya i SSSR... P. 93–94; *Kel'in F.V.* Luis de Sirval // Internatsional'naya literatura, 1935. No. 1. P. 96–98.

¹¹⁸ *Rudominó M.* Dar ispanskogo naroda (Don del pueblo español) // Al'manakh bibliofila. Vip. 22. Moscú: Kniga, 1987. En abril de 2011, en el marco del Año Dual de España y Rusia, VGBIL y el Instituto Cervantes organizaron en Moscú la segunda exposición *Don del pueblo español*. El director del Instituto Cervantes en Moscú Josep María de Sagarra la calificó con las siguientes palabras: “Es un homenaje a la acción diplomática cultural y es una forma de recuperar la historia”. *Aragonés G.* Cuando la República hizo un regalo a la URSS // *La Vanguardia*, 21.04.2011.

¹¹⁹ *Machado A.* La Guerra- Escritos: 1936–1939. Madrid: Emiliano Escolar, 1987. P. 90.

¹²⁰ *Manual para el Retorno* de UGT. Madrid: MTAS, 2002.

¹²¹ *Sierra V.* Palabras huérfanas: Los niños exiliados en la guerra civil. Madrid: Taurus, 2009.

de la población civil. La respuesta soviética se concretó en una ayuda asistencial junto a la militar que discurrió a través de la “Operación X”¹²². Desde el Gobierno republicano se organizaron tanto colonias infantiles colectivas o en régimen familiar en el interior del país como evacuaciones hacia otros países, principalmente europeos. Más de treinta mil menores salieron de España.

Rumbo a la URSS fueron cerca de tres mil¹²³, conocidos también como “los niños de Rusia”, 1.676 niños y 1.197 niñas¹²⁴, que mayoritariamente procedían del norte de España, País Vasco y Asturias. Lo hicieron a través de cuatro expediciones, entre marzo de 1937 y octubre de 1938. La primera expedición, el 21 de marzo de 1937, salió de Valencia a Yalta con 72 niños. La segunda fue la más numerosa. Partió de Santurce, el 13 de junio de 1937, en el *Habana*. En Burdeos, 1.495 niños, en su mayoría vascos, fueron trasladados por el buque francés *Sontay* a la URSS. La tercera, desde El Musel, el 24 de septiembre de 1937 (con unos 1.100 niños) arribó a Leningrado. En octubre de 1938, desde Cataluña, 300 niños de Aragón y Cataluña partieron hacia Francia y, desde allí, a bordo del buque *Felix Dzerzhinski*, recalaron en Leningrado. En estas expediciones los niños fueron acompañados por unos 150 adultos, educadores y personal auxiliar, todos españoles. Aparte, unos 87 niños llegaron junto a sus padres procedentes de Francia a la URSS en 1939. Y, antes de la primera expedición, salieron, el 17 de marzo de 1937, desde el puerto de Cartagena con dirección a Odessa, 21 niños en el barco *Gran Canaria*. Estos eran hijos de pilotos republicanos y de activistas del PCE, y entre ellos iba Amaya, la hija de Dolores Ibárruri¹²⁵.

En palabras de “la niña de la guerra” Araceli Toribio, la recepción en la URSS fue excepcional: “Lo tenían todo preparado cuando llegamos: las casas, darnos un baño, la revisión médica. [...] Nos vistieron con todo lo ruso. Con las botas de fieltro y los chanclos de goma, ¡yo no sabía ni caminar!”¹²⁶. En la Unión Soviética fueron distribuidos en 16 Casas de niños, en su mayoría ubicadas en Rusia y cinco en Ucrania. El Gobierno soviético y, en concreto, el Ministerio de Educación (*Narkompros*) canalizó los medios de asistencia¹²⁷. Recibían educación en español, clases de ruso y realizaban también actividades recreativas¹²⁸. Los testimonios de los niños de la guerra coinciden en la gratitud por la formación recibida¹²⁹.

¹²² Más de dos mil ciudadanos soviéticos participaron en la guerra civil española. Véase el capítulo “Los aviadores soviéticos en la guerra civil española”.

¹²³ *Alted A., González R., Nicolás E.* Los niños de la guerra de España en la Unión Soviética: de la evacuación al retorno, 1937–1999. Madrid: Largo Caballero. 1999.

¹²⁴ *Colomina I.* Dos patrias, tres mil destinos. Vida y exilio de los niños de la guerra de España refugiados en la Unión Soviética. Madrid: Cinca, 18, 2010.

¹²⁵ *Elpátievsky A.V.* La Emigración española en la URSS. Historiografía y fuentes, intento de interpretación. Madrid: Exterior 21, 108, 2008.

¹²⁶ *Bandera E.G.* Memorias de una niña de la guerra // *La Voz de Asturias*. 3.9.2017.

¹²⁷ Hacia 1948, todas, excepto una, fueron disueltas. La última casa infantil para niños españoles cerró el 1 de septiembre de 1951. *Elpátievsky A.V.* La Emigración española...

¹²⁸ *Zafra E., Greco R., Heredia C.* Los niños españoles evacuados a la URSS (1937). Madrid: Ediciones de La Torre, 1989.

¹²⁹ Véase los testimonios recogidos en *Garrido M.* Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX. Murcia: Universidad de Murcia, 2006.

Los niños españoles en Moscú, 1937

La invasión de la Alemania nazi de la Unión Soviética el 22 de junio de 1941 sacudió a la población soviética y afectó al colectivo de niños que fue evacuado hacia el Este, a zonas más seguras. Algunos de ellos prestaron servicios en el Ejército Rojo¹³⁰, otros vivieron el cerco de Leningrado como la “niña de la guerra” Isabel Argentina, quien recuerda que se morían de “hambre, de frío, pues los bombardeos eran tan seguidos que no se podía salir a la calle”¹³¹. Resistieron así hasta que, en marzo de 1942, pudieron ser evacuados por “el camino de la vida” a través de los hielos del lago Ládoga hacia el Cáucaso. En los más de ochocientos días de cerco permanecieron en condiciones climatológicas muy adversas, contribuyeron en la desmantelación de fábricas, y, sobre todo, trabajando en la atención de heridos, cuando se producía un fallecimiento, sacrificaban su ración diaria de pan (90 gramos) para poder dar sepultura, pues el enterrador, además del precio en monedas, pedía un pan entero¹³². Unos 216 murieron en la retaguardia a causa de los bombardeos, el hambre y las enfermedades.

Tras la Segunda Guerra Mundial, los jóvenes retornaron a sus estudios, recibieron becas, trabajaron en tierras soviéticas y tuvieron la posibilidad de preservar sus

¹³⁰ Memoria. 1941–1945. Madrid: Fundación Nostalgia y Vitula, S. I. En este libro figura un listado de 206 españoles caídos en combate defendiendo la URSS. En el Parque de la Victoria de Moscú se inauguró, en 2003, un Monumento por los caídos españoles en la Gran Guerra Patria (1941–1945).

¹³¹ Isabel Argentina Álvarez en el documental: *El camino de la vida*, realizado por Isabel Santos, en 2016.

¹³² Estas experiencias han sido relatadas por *Álvarez I.A.* Memorias de una niña de la guerra. Gijón: Fundación Municipal de Cultura, Educación y Universidad Popular, 2003.

raíces como colectivo en el conocido como Centro español de Moscú, dependiente del Partido Comunista de España¹³³.

El inicio de las repatriaciones de los niños evacuados de España al extranjero se inició en plena guerra civil por parte del bando franquista a través de la Junta de Protección de Menores de la Junta Técnica del Estado y el Servicio Exterior de Falange, que se aprestaron a la recuperación de estos niños o jóvenes, reclamados o no por sus familiares¹³⁴. Procedentes de la Unión Soviética, llegarían a España a partir de la amnistía concedida a la población civil y prisioneros de guerra (integrantes de la División Azul) por Georgui Malenkov, presidente del Consejo de Ministros de la URSS, también gracias a las solicitudes de los propios niños y las gestiones realizadas por la Cruz Roja, institución mediadora entre ambos Gobiernos, que culminó en un proceso de repatriaciones oficiales entre 1956 y 1957. Los datos, conservados en las memorias de la Asamblea Suprema de la Cruz Roja Española, ofrecen un total de 1.692 repatriados de nacionalidad española entre la primera y la quinta expedición¹³⁵. Aproximadamente un tercio de “los niños” regresarían a España. Desde entonces, los retornos han ido sucediéndose a lo largo del tiempo.

‘Josefina’ retornó, casi veinte años después, con un hijo pequeño. Sus impresiones sobre la llegada a España difieren de la recepción brindada en la URSS: “A media mañana de un día fresco y soleado, el 21 de enero de 1957, descienden del barco [*Crimea*]; [...] Esperaba encontrar algo parecido a su llegada a Leningrado, multitud de familiares esperando, actos oficiales dando la bienvenida, música y alegría. Por el contrario, al descender por la escalinata, el recibimiento lo hace la Guardia Civil que a modo de pasillo, conduce a todos los pasajeros a una nave o al almacén portuario, acondicionado para la ocasión y con un nutrido grupo de funcionarios repartidos por diversas mesas que comprueban uno por uno los documentos acreditativos de los recién llegados”¹³⁶.

Ya en España, tuvo que bautizar a su hijo y también, en el clima de la Guerra Fría, acudir a la citación de la Dirección General de Seguridad del Estado, en las dependencias de la Puerta del Sol, para ser interrogada como otros tantos retornados¹³⁷. Este hecho fue el que motivó que algunos de ellos volvieran desde Francia a la Unión Soviética e incluso fueran expulsados, lo que generó protestas del colectivo desde la URSS. La adaptación en España dependió en gran medida del apoyo de la familia y de las posibilidades para poder ejercer una actividad profesional.

La experiencia del exilio infantil en la URSS es una muestra de la solidaridad mostrada por la sociedad y las instituciones soviéticas ante situaciones de

¹³³ *Kharitónova N.* Edificar la cultura, construir la identidad. El exilio republicano español en la Unión Soviética. Sevilla: Renacimiento, 2014. P. 19–21, 30–31.

¹³⁴ *Alonso J.* El retorno de los niños vascos exiliados en 1937: de la infancia a la edad tardía // Retornos (De exilios y migraciones). Cuesta, J. (Coord.). Madrid: Largo Caballero, 1999.

¹³⁵ *González C.* El retorno a España de los “Niños de la Guerra Civil” // Anales de Historia contemporánea, 2003. N° 19. P. 75–100.

¹³⁶ *Merino V.* Todo comenzó con esa maldita guerra. Madrid: Ediciones Atlantis, 2015.

¹³⁷ *Moreno R.* Los niños de Rusia. La verdadera historia de la operación retorno. Barcelona: Crítica, 2017.

emergencia como la derivada de la guerra civil española y del compromiso político con el Gobierno republicano. Aunque cada experiencia del exilio es única, sobre cada una de ellas puede edificarse una identidad colectiva, la compartida por “los niños de Rusia”, generada por vivencias similares, la nostalgia hacia la patria de origen y la gratitud a la de acogida, cuyo legado permanece en futuras generaciones a través de sus testimonios, la labor desarrollada por el Centro español de Moscú, la historiografía y las conmemoraciones.

LOS ARTISTAS ESPAÑOLES Y LA EMIGRACIÓN EN LA URSS

Las expectativas artístico-culturales respecto la URSS fueron creciendo en la España de los años treinta al mismo ritmo que prosperaban los acercamientos y relaciones diplomáticas y aumentaba la propaganda sobre el país y sus iniciativas¹³⁸. Al cabo de 1939, se contabilizaban en la URSS unos 4.500 españoles exiliados, en su mayoría los llamados “niños de la guerra” y sus profesores y personal de apoyo (2.895 y 150 personas respectivamente)¹³⁹, así como los dirigentes políticos y militares (unos 1.300)¹⁴⁰. Acabada la guerra, los escenarios reales y la adaptación de quienes llegaron como exiliados, iban a resultar muy diferentes, pero su estatus legal, no obstante, siempre estuvo próximo al de los ciudadanos soviéticos¹⁴¹. En la URSS existieron en todo momento estructuras responsables del exilio español que posibilitaran a los afectados mostrarse como un colectivo unido. El mismo PCE desarrolló una gran capacidad directiva y aglutinadora, impulsando los vínculos, afinidades e identidad de estos españoles. Del acomodo del resto de los exiliados se encargó especialmente el SRI, que distinguió — en razón de estudios y situación en el PCE — entre posiciones de élite y de base. Además de los directivos del PCE, pertenecieron a esta élite los profesionales de la cultura, la ciencia y el arte. Con todo, hubo una primera etapa, entre 1939 y 1945, en la que se les requirió la asimilación ideológica y las normas sociales del país. Incluso el acceso a las actividades sociales y culturales que se les proponían perseguió objetivos propagandísticos.

En cuanto al contingente de españoles arribados a la URSS, estuvo caracterizado no solo por su alta composición de niños y jóvenes con necesidades educativas, sino también por el carácter selectivo de los exiliados adultos, que esencialmente dependió de su adscripción política y conllevó un predominante nivel socio-cultural medio-bajo, sin abundancia de escritores, artistas, científicos etcétera¹⁴². En conse-

¹³⁸ Véase también: *Cabañas Bravo M.* Arte desplazado a los hielos. Los artistas españoles del exilio de 1939 en el país de los sóviets. Sevilla: Renacimiento, 2017.

¹³⁹ Véase el capítulo “Los niños de la guerra” en la URSS”.

¹⁴⁰ *Alted A.* El exilio español en la Unión Soviética // *Ayer*, Nº 47, 2002. P. 135–144; *Elpátievsky A.* La emigración española... P. 73–444; *Cabañas Bravo M.* Los artistas y el exilio español de 1939 en Rusia // *Ispaniya i Rossiya: istoricheskiye sud'by...* P. 555.

¹⁴¹ *Kharitónova N.* Edificar la cultura, construir la identidad. El exilio republicano español en la Unión Soviética. Sevilla: Renacimiento, 2014. P. 19–21, 30–31.

¹⁴² *Alted A.* El exilio español... P. 131–132.

cuencia, este exilio se caracterizó por constar de gran número de artistas y creadores, pero — junto a otros profesionales de la cultura y la docencia también conscientes de la nutrida emigración infantil — los recién llegados sí convirtieron el mantenimiento y transmisión de la identidad española en un objetivo primordial, que quedó plasmado en su producción y en la notable capacidad rememorativa, formativa y divulgativa que trasmite su creatividad. Tal hecho dotó de especiales características a este exilio y condicionó la labor de los intelectuales y artistas adultos, que se esforzaron en que tal colectivo mantuviera sus raíces, incentivando “lo español” en su formación artística y cultural. No sorprende, pues, que entre ellos surgieran — como ilustra el “Libro blanco”, realizado años después por el Centro Español de Moscú¹⁴³ — notables profesores de español, intérpretes y traductores, historiadores, periodistas e, incluso, que brotaran ampliamente las vocaciones creativas, caso de directores de escena, cine y coreógrafos como, entre otros, Ángel Gutiérrez, Violeta González, Gerardo Viana “Vladimiro”, Alfredo Nilo Álvarez, Carlos de los Llanos Mas, Miguel Delgado Ballesteros, Emilio Gómez Parejo, Félix Vaqueriza o Arnaldo Ibáñez Fernández; de arquitectos como José Manuel Argüelles, Marcelino Galán Madera, Mario García Ordóñez, Carmelo González Uribe-Echevarría, Jorge Lacasa o Antonio Mije Moreno; de pintores y dibujantes como Manuel Balsa Bermejo, Alfredo Bilbao Muñoz, Rafael García Díez, Jesús Díaz García “Zuco”, Enrique y Conchita Rodríguez, Juan Manuel López Iglesias o Roberto Marcano; de restauradores de pintura y escultura como Luis y Manuel Piedra García (hermanos), Ángel Jodrá Núñez, Dionisio García Zapico, Begoña Lezameta, Luis Palacios o Tomás Sáez; etc. En general, fueron los “niños”, con su educación específica — elaborada por organismos soviéticos y el PCE en exilio — los que consiguieron mayor integración al nuevo ámbito social.

756

El ámbito creativo, el que hallaron y en el que hubieron de desenvolverse los españoles acogidos por la URSS, se caracterizó por las restricciones ideológicas y las normas del “realismo socialista”. Aunque no todos los llegados fueron comunistas, tuvieron que verse supeditados a las directrices del partido. Los españoles pronto compartieron los duros efectos de la Gran Guerra Patria — iniciada con la invasión alemana en junio de 1941 y acabada con su rendición incondicional en mayo de 1945. Muchos jóvenes se alistaron al Ejército Rojo como voluntarios. Solo en el frente de Leningrado murieron 70 españoles. Los exiliados únicamente pudieron empezar a reconstruir y desarrollar su identidad y cultura en la URSS al acabar la guerra mundial. En febrero de 1956, con todo, se celebró el XX Congreso del PCUS, que llevó al ámbito artístico-cultural la distensión y la apertura y aflojó las imposiciones del realismo socialista.

Entre los creadores que, inicialmente, tuvieron mayor presencia en la URSS, destacan dos notables arquitectos, Luis Lacasa y Manuel Sánchez Arcas, y tres artistas plásticos: Alberto Sánchez (Toledo 1895 — Moscú 1962), José Sancha Padrós (San Lorenzo del Escorial 1908 — Madrid 1994) y Julián Castedo (Tendilla 1893 — Moscú 1960). Pero, además, surgieron otros muchos entre la joven generación ya formada en la

¹⁴³ Encinas Á.L. Fuentes históricas para el estudio de la emigración española a la URSS (1936–2007). Madrid: Exterior XXI, 2008. P. 153–569.

Unión Soviética, la cual se procuró que no perdiera su identidad de origen. La especialización de Sánchez Arcas (Madrid 1897 — Berlín 1970) era la edificación y la de Lacasa (Ribadesella 1899 — Moscú 1976), el urbanismo. Cuando llegaron al país en 1939, ya eran acreditados y comprometidos profesionales y ambos trabajaron para la Academia de Arquitectura de Moscú, aunque fueron relegados al plano teórico y auxiliar, sin apenas reconocimiento profesional ni plena integración. Ello hizo que el primero se marchase en 1946 a Varsovia en misión diplomática y el segundo, comisionado entre 1954 y 1960 en Pekín, viviera su exilio soviético en total insatisfacción.

La vida profesional de los artistas y arquitectos en la URSS, con todo, se ordenó en diferentes secciones, estructuradas y controladas mediante *Uniones*. A los artistas plásticos les correspondía la Unión de Pintores, Escultores y Escenógrafos Soviéticos y, en Moscú, la Unión Regional Moscovita de Artistas Soviéticos o MOSSJ. Ser miembro de la Unión comportaba privilegios, puesto que en ellas se tomaban importantes decisiones sobre vivienda, talleres, obtención de materiales, et cétera. Entre los artistas llegados, el primero en solicitar el ingreso y ser admitido fue en 1939 Alberto Sánchez, aunque en la sección de teatro y cine. Seguidamente entraron Sancha y Castedo y, en mayo de 1940, los tres artistas realizaron una destacada exposición conjunta en el Museo de Arte Moderno Occidental, impulsada por la MOSSJ. Su misma inauguración generó una interesante recepción entre los pintores soviéticos más reputados, que deseaban saber más sobre su producción y expectativas artísticas; a lo que Alberto respondió mostrando su sincera admiración por la escenografía teatral soviética y su propósito de aprender de ella para lograr elevar el nivel del sector en España a su retorno¹⁴⁴. Como colectivo con una identidad y orientación propias, esta ocasión seguramente fue en la que el aparato institucional soviético prestó a estos artistas españoles una especial atención. Tal interés se tradujo en la compra por parte del citado museo a Castedo, Sancha y Alberto de varias de las obras expuestas, las cuales fueron repartidas en 1948 —al igual que la obra de Antonio Rodríguez Luna— entre los museos del Ermitage y Pushkin.¹⁴⁵ Pero, como reflejan tales obras, esencialmente se trató de producción todavía realizada en España o bajo su impronta poco después de la llegada, insistiendo en los géneros clásicos del paisaje y el bodegón y apenas con ligeros asomos de modernidad (conectados al momento bélico español) en obras como *Ríos de España desangrándose* (1936–1939), de Alberto, hoy en el Museo Pushkin.

Desde junio de 1941, la invasión alemana y la inmersión soviética en la guerra cortocircuitaron el inicial interés y las oportunidades ofrecidas a los artistas exiliados. Sus trayectorias, en consecuencia, tomaron diferentes rumbos, resaltando la escenografía, las pequeñas esculturas, el dibujo de ideación de proyectos, el paisajismo, los bodegones y los retratos. Trataron de encauzarse en la línea realista mantenida y aconsejada por pintores rusos amigos como el reputado pintor, grafista y escenógrafo Piótr Konchalovsky y su hijo Mijaíl.

¹⁴⁴ Alexéeva O. De la escultura a la escenografía. Los primeros años de Alberto Sánchez en la URSS // Actas del Congreso Posguerras. 75 aniversario del fin de la guerra española. G. Gómez, R. Pallol (Eds.). Madrid: Ed. Pablo Iglesias, 2015. [CD-Rom]. P. 7, 14–15.

¹⁴⁵ Véase la exposición virtual en NeWestMuseum: <http://www.newestmuseum.ru/collection/index.php?lang=en> (fecha de consulta 13.02.2018).

Edificio del Club Chkállov de Moscú

758

Entre los creadores más favorecidos por estas amistades estuvo el escultor y escenógrafo Alberto Sánchez, que también fue el artista más notable y de mayor proyección internacional entre los acogidos¹⁴⁶. Llegado en 1938 como profesor de dibujo de los niños evacuados, interrumpió su rica línea española de progresos hacia un surrealismo autóctono. Su adaptación fue difícil y su nostalgia continua, pero siempre logró mantener y transmitir las señas de identidad y las raíces culturales de su país. La propia evolución política soviética mediatizó su trayectoria. No obstante, puede distinguirse en ella una primera etapa bajo el signo estalinista y principalmente dominada por sus experiencias escenográficas y una segunda, tras el XX Congreso de 1956 y el inicio de la “desestalinización”, más aperturista y protagonizada por un eufórico retorno a la escultura, que alcanzó ya hasta su muerte.

El desarrollo creativo de estos exiliados también sufrió limitaciones específicas, reflejadas en los testimonios de los escritores y artistas que visitaron el país, quienes repararon mucho en la producción de Alberto Sánchez. Louis Aragon en 1951 escribió en *Les Lettres Françaises* que a Alberto se le instó a olvidar su previa escultura surrealista y abstracta, pasando a la realista. Igualmente Pablo Neruda dejó elocuentes comentarios sobre las difíciles circunstancias creativas del escultor toledano. Alberti, en 1956, animó a Sánchez con éxito a dejar su añorante pintura

¹⁴⁶ *Martin P., [Lacasa L.]*. Alberto. Budapest: Corvina, 1964; Alberto. 1895–1962. Brihuega J. y Lomba C. (Dirs.). Madrid: MNCARS-Aldeasa, 2001.

realista y recobrar la vitalidad expresiva e inventiva de su anterior escultura española. Por otra parte, escritores como el argentino Raúl González Tuñón, que viajó a Moscú antes de 1954, prefirieron mostrarse poco críticos con las condiciones de los creadores españoles y apenas reflejaron sus nostalgias¹⁴⁷.

Diferentes fueron los casos de los pintores José Sancha Padrós, también cuñado de Alberto, y Julián Castedo Palero. El primero colaboró con el toledano en proyectos escenográficos y realizó diversos trabajos, pero su permanencia en la URSS fue breve, dado que se alistó en el Ejército Rojo y se convirtió en agente de la NKVD, lo que implicó su ida a México en misión entre octubre de 1942 y agosto de 1945 y seguir su trayectoria fuera del país. Castedo, en cambio, permaneció en la URSS, aunque su producción, acomodada a los tradicionales géneros del paisaje, el bodegón y el retrato, se hizo muy realista y académica.

La actividad de los creadores españoles, con su estimable papel preservador de su identidad, se desarrolló dentro de las instituciones generadas por los exiliados. Particularmente conocido es el Club Español o Club Chkalov (también denominado hasta 1948–1950 Club *Aviakhim* u *Osoaviakhim*), surgido en 1946 de la iniciativa del PCE y los trabajadores españoles de la fábrica de aviación N° 30 siguiendo el modelo del club de cultura soviético. El Club Español contó con un amplio vestíbulo, sala de espectáculos y cine (580 localidades) y 26 espacios para círculos de actividad cultural (biblioteca, sala de lectura, sala de exposiciones, estudio de artes plásticas, salas para aficionados de ópera, ballet, orquestas, coros y bailes, canto, teatro, etc.). Entre su actividad resaltó mucho la del grupo de teatro, especialmente animado por las figuras del escritor César Muñoz Arconada, autor de varias piezas y adaptaciones, y el escultor Alberto Sánchez, que realizó las escenografías. Así, con su adaptación y escenografía, en 1946 el grupo representó *El retablo de las maravillas* (Cervantes), en 1947 *La dama boba* (Lope) y en 1948 *El sombrero de tres picos* (Alarcón). Y también entre 1946 y 1948, con diferentes apoyos, se estrenaron en 1946 la zarzuela *La verbena de la Paloma* (de la Vega y Bretón) y en 1948 *El alcalde de Zalamea* (Calderón), *Los melindres de Melisa* (Lope), *Es mi hombre* (Arniches) y *En un lugar de la Mancha* y *Manuela Sánchez* (Arconada), además de otras muchas obras, en un acto, sobre la vida en España.

Cada vez con más jóvenes en la dirección de actividades, el Club Español también dispuso de una orquesta de instrumentos de cuerda (dirigida por Dionisio García entre 1955 y 1966) y varios grupos de danza (impulsados por la coreógrafa Violeta González desde 1955 y el músico Mario Gómez) con sus cuadros regionales vascos, andaluces, aragoneses, catalanes y gallegos. Atendió al cine español, aunque se importó y proyectó poco y tardíamente, y fomentó la realización de exposiciones, especialmente las coincidentes con conmemoraciones del exilio y fiestas soviéticas, como las de 1947, 1948, 1952 y 1956, que, para celebrar los aniversarios de las llegadas de los niños evacuados, exhibieron trabajos de artes plásticas y diferentes artesanías, labores, periódicos murales, etc.

Las repatriaciones oficiales de españoles realizadas entre 1956 y 1959 provocaron, entre sus efectos, que comenzara a menguar la actividad del Club Chkalov. Ante ello,

¹⁴⁷ *Cabañas Bravo M.* Los artistas y el exilio español... P. 557; *Ídem.* Arte desplazado... P. 94–101, 175–177.

el PCE y el PCUS favorecieron la iniciativa de crear el Centro Español, que desde 1966 fue sirviendo de aglutinante a los españoles residentes en la URSS. Las actividades del Club Chkalov y el Centro Español fueron complementarias durante toda la década.

El Centro Español se concibió como espacio de ocio y reunión, con mayor autonomía y desarrollo de funciones culturales, sociales y políticas, sirviendo de referente a sus sucursales en otras regiones soviéticas, con las que colaboraba. Estuvo instalado, al principio, en unos céntricos locales (antes pertenecientes al club del diario *Pravda*), siendo su presidente Ángel Herráiz y su vicepresidente Luis Lacasa (sustituido al fallecer por Alejandra Soler) y contó con un *Noticiero* quincenal dirigido por Arnaldo Azzatti. Ello le permitió desarrollar una larga e intensa actividad cultural, entre la que destacó la organización de círculos dramáticos, de baile y de canto y la escenificación de importantes obras españolas de teatro y danza. Además, se prepararon y celebraron veladas, coloquios, encuentros con personalidades, proyecciones de películas y exposiciones y se organizaron variados concursos de literatura, artes plásticas y fotografía (como los famosos que se celebraron en 1967 con motivo del cincuentenario de la Revolución Soviética). Entre las exposiciones merece destacarse por sus efectos provocativos la realizada en octubre de 1966 en homenaje a Picasso en su 85 cumpleaños. Fue comisariada por Alejandra Soler, colaborando la Lacasa y la familia de Alberto Sánchez, y reunió —entre reproducciones y originales— más de un centenar de trabajos del pintor, casi todos prestados por Ilya Ehrenburg y Dolores Ibárruri. La muestra atrajo numerosa intelectualidad y público soviéticos y resultó un gran éxito reivindicativo de la comunidad de exiliados españoles. Pero también cabría destacar las dedicadas al dibujo y pintura de aficionados, la celebrada en 1969 para rendir homenaje a Alberto Sánchez (fallecido en 1962) o las de ese mismo año para remarcar la españolidad e insistir en los “30 años en la URSS”.

Los artistas españoles en el exilio se esforzaron en crear un ámbito único para preservar sus señas de identidad, así como para transmitir las a la joven generación y valorizarlas en el país de acogida.

760

RADIO MOSCÚ Y LA PIRENAICA: RADIODIFUSIÓN SOVIÉTICA A ESPAÑA

En los años de la Gran Guerra Patria la radio fue una herramienta importante en la propaganda política de la Unión Soviética en el extranjero, en la que se concedía un papel relevante a la tarea de contrarrestar la participación de ciertos países occidentales en las hostilidades a favor de la Alemania hitleriana, ya que el Kremlin estaba muy interesado en evitar que la España franquista se involucrara a fondo en el conflicto bélico a favor de Berlín¹⁴⁸.

El Comité de Radiodifusión de la Unión Soviética (VRK), adjunto al Consejo de los Comisarios del Pueblo de la URSS, era la institución responsable de la

¹⁴⁸ Véase: *Pozharskaya S.P.* Taynaya diplomatiya Madrida. Vneshnyaya politika Ispanii v gody Vtoroy mirovoy voyny (Diplomacia secreta de Madrid. Política exterior de España en los años de la Segunda Guerra Mundial). Moscú: MO, 1971.

difusión en España. La primera radiotransmisión en español tiene fecha del 1 de agosto de 1932. Aquel día por primera vez sonaron en el aire internacional las palabras del locutor soviético: “Atención, ¡habla Moscú, camaradas!”¹⁴⁹. Las pronunció Luís Checchini, personalidad sindical argentina de origen italiano, aislado político en la Unión Soviética. Al cabo de un tiempo recordaría: “Confesaré que en aquel momento sentía temor, porque no era profesional. [...] Y orgullo, porque a mí, un simple ferroviario, me confiaron hablar en nombre del gran país al mundo entero”¹⁵⁰. Hasta final de la guerra civil en España Checchini, prácticamente solo, mantuvo en conjunto el funcionamiento de la redacción española del Comité de Radio. A veces él solo tenía que hacer todas las funciones: redactor de transmisiones españolas, traductor, corresponsal, locutor e incluso mecanógrafo¹⁵¹.

A principios de los años cuarenta, la redacción española del VRK (se llamaba también *Radio Moscú*) atravesó la época de mayor esplendor¹⁵². Lo contó su redactor español Eusebio Ciorra, quien, a finales de los treinta, se había visto obligado a abandonar su patria y emigrar a la URSS¹⁵³. A comienzos de los cuarenta la dirección del VRK empezó a utilizar a emigrantes políticos españoles, llegados a la URSS después de la caída de la República Española, como un importante refuerzo de cuadros cualificados para la redacción que preparaba las transmisiones destinadas a los radioyentes en España. En lo que se refiere al personal, prestaba ayuda al Comité de Radio de la Unión Soviética la Internacional Comunista (IC), más exactamente, una de sus ramas nacionales, el Partido Comunista de España (PCE). Ramón Mendezona y Arnaldo Assati fueron los primeros que llegaron enviados por el PCE a la redacción española del Comité de Radio¹⁵⁴. No obstante, mientras estuvo en vigor el pacto Mólotov-Ribbentrop los comunistas españoles tuvieron que moderar, e incluso evitar, alusiones y manifestaciones contrarias a Hitler y Franco.

Durante la Gran Guerra Patria, la radiodifusión soviética en idiomas extranjeros estaba organizada por grupos de países. En el VRK existían secciones de difusión al exterior como la anglo-americana, la europea occidental, la balcánica, la del Lejano Oriente, etc. Según las memorias de los españoles — trabajadores del Comité de radio¹⁵⁵, la redacción hispanohablante fue incorporada a la sección europea occidental,

¹⁴⁹ *Zasko I.F.* Nachalo / V.A. Samarin (Inicio / V.A. Samarin) // Golos, kotoryy znakom vsemu miru. Rossiyskomu Inoveshchaniyu — 80 let! (La voz que conoce todo el mundo. ¡La difusión rusa para el exterior cumple 80 años!). Moscú: RGRK “Golos Rossii”, 2009. P. 27.

¹⁵⁰ *Ibid.*

¹⁵¹ Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial’no-politicheskoy istorii (Archivo Estatal Ruso de Historia Sociopolítica) [RGASPI]. F. 495. Inv. 12. Leg. 135. Fol. 21.

¹⁵² *Ciorra B.* “Idal’go v strane kholoda”: Ispanskiy zhurnalst v Sovetskoy Rossii (“Hidalgo en el país del frío”. Periodista español en la Rusia Soviética), 1939–1977. Trad. del español. MOSCÚ: Delovoy Domovoy, 2011. P. 75.

¹⁵³ Siendo experimentado periodista partidista, en 1940, E. Ciorra se colocó a trabajar en el Comité de Radio de la Unión Soviética y laboró en la redacción española del mismo por lo poco cuatro decenios, haciéndose una verdadera leyenda de la radiodifusión soviética en castellano.

¹⁵⁴ *Mendezona R.* La Pirenaica y otros episodios. Madrid: Libertarias/Prodhufi, 1995. P. 84.

¹⁵⁵ *Ciorra B.* “Idal’go v strane kholoda”... P. 78; *Galán L.* Después de todo: recuerdos de un periodista de la Pirenaica. Barcelona: Anthropos, 1988. P. 141.

dentro de la cual su directora fue Carolina Misiano, hija de Francesco Misiano, conocida personalidad del movimiento obrero italiano e internacional que en su momento había emigrado a la URSS. Carolina refrendaba con su visto bueno la idoneidad de las traducciones hechas en la redacción española, y daba el permiso para la emisión de los materiales preparados. En ocasiones sólo el Comisariado del Pueblo para Asuntos Exteriores de la URSS podía dar “luz verde para el periodismo rojo”¹⁵⁶.

En el trabajo de la redacción española del Comité de Radio de toda la Unión Soviética, la directriz principal era la “europea”, puesto que la redacción se encargaba ante todo de la difusión orientada a la España franquista y a los emigrantes españoles en Europa. Pero, aparte de Europa, una gran cantidad de españoles que habían abandonado su Patria se afincaron en diversos países de América Latina, como México, Argentina, Cuba. Por ello también existía una directriz “latinoamericana”.

La radiodifusión soviética oficial en idioma español necesitó muchos locutores españoles con voz adecuada para las transmisiones. En los años de la Gran Guerra Patria trabajaron como locutores hispanohablantes del VRK comunistas españoles, como, por ejemplo, Agapito Escanilla y Diego Perona¹⁵⁷. Entre los locutores españoles también figuraron Mendezona y Checchini¹⁵⁸, que era el más veterano de la redacción española del Comité de Radio, donde llevaba muchos años. Los empleados españoles del Comité de Radio eran militantes del Partido Comunista de España y, antes de la disolución de la Komintern en junio de 1943, obtenían empleo en la radio a través de la organización comunista internacional. Trabajando en el VRK, los militantes del PCE seguían emleados en el departamento de recursos humanos del Comité Ejecutivo de la IC, trabajando dentro de la estructura estatal de la Unión Soviética y subordinándose a la rigurosa disciplina interna del Comité de Radio.

762 El Comité de Radio veía en la España franquista un país que en la Segunda Guerra Mundial se atenía a una neutralidad amistosa hacia Alemania¹⁵⁹. Desde ese punto de vista, era importante que la radiodifusión oficial de la URSS para España cubriese principal información el desarrollo de las operaciones militares del Ejército Rojo y los esfuerzos de la retaguardia soviética. El elemento principal de las emisiones españolas del VRK fueron los boletines militares del Buró de Información soviético. Para los trabajadores de la redacción en lengua española su función se circinscribía a traducir el texto original del boletín y emitirlo lo más pronto posible¹⁶⁰.

A menudo las transmisiones de radio para los oyentes españoles se estructuraban sobre la base de los materiales procedentes de los periódicos centrales de la URSS y la información recibida de TASS, se consideraba “la voz oficial del Kremlin”¹⁶¹. En la redacción se traducían diariamente los artículos más interesantes de los corresponsales y

¹⁵⁶ *Cimorra B.* “Idal’go v strane kholoda”... P. 78; *Galán L.* Después de todo... P. 146.

¹⁵⁷ *Galán L.* Después de todo... P. 139–140.

¹⁵⁸ RGASPI. F. 495. Inv. 73. Leg. 144. Fol. 94; *Mendezona R.* La Pirenaica.... P. 84.

¹⁵⁹ *Ibíd.* Leg. 128. Fol. 3–5; *Cimorra B.* “Idal’go v strane kholoda”... P. 103–104.

¹⁶⁰ *Galán L.* Después de todo.... P. 142.

¹⁶¹ *Gurevich P.S., Ruzhnikov V.N.* Sovetskoye radioveshchaniye. Stranitsy istori (Radiodifusión soviética. Páginas de la historia). Moscú: Iskusstvo, 1976. P. 190; *Cimorra B.* “Idal’go v strane kholoda”... P. 83; *Galán L.* Después de todo.... P. 138.

los comentarios de los observadores más conocidos sobre diferentes aspectos (políticos, económicos y culturales) de la vida en la Unión Soviética. Asimismo se traducían los editoriales y otros artículos de los periódicos más importantes relacionados con acontecimientos internacionales significativos, en donde se recogía la actitud oficial de los dirigentes soviéticos¹⁶². Además, la redacción también se dedicaba a la preparación de materiales propios elaborados especialmente para sus transmisiones.

Hasta la supresión del Comité Ejecutivo del Komintern, éste prestaba una ayuda considerable a las redacciones extranjeras del Comité de Radio. No sólo las abastecía con personal extranjero necesario sino que, al encargarse de escuchar programas de radioestaciones extranjeras y conseguir prensa foránea de interés para el Comité de Radio, dicho Comité Ejecutivo proporcionaba a las redacciones la información que necesitaban sobre la situación en uno u otro país extranjero.

Cuando la Alemania nazi agredió a la URSS, la dirección de la Komintern pasó a organizar la radiodifusión propia a países extranjeros. En particular, apareció una radioestación española que recibió el nombre de *Radio España Independiente*. Con frecuencia, en la historiografía española se usa el acrónimo del nombre oficial de la estación de radio: REI. Pero mayor notoriedad ganó la radioestación española del Komintern bajo su nombre extraoficial *La Pirenaica*, ideado por Dolores Ibárruri. De hecho, *La Pirenaica* fue la estación de radio del PCE, núcleo español del Komintern. Su primera transmisión tuvo lugar el 22 de julio de 1941. En aquel tiempo estaba de directora de la estación Dolores Ibárruri, a la cual, después de la evacuación de la estación de Moscú a Ufá, en otoño de 1941, relevó nominalmente Enrique Castro Delgado. Sólo en abril de 1943, es decir con muy poca anticipación a la disolución de la IC, la redacción de la REI regresó a la capital moscovita. La radioestación se posicionó en España como una estación peculiar, “popular”, que, debido a la censura estatal, carecía de posibilidad legal de tener la cobertura interna. En realidad, sus transmisiones antes del año 1955, menos el período de Ufá, se realizaron desde Moscú¹⁶³.

Al inicio de la Gran Guerra Patria la radioestación española del Komintern propagaba la idea de la unidad nacional de todos los españoles en contra de la “red de agentes hitlerianos” en España y, en primer lugar, en contra de Serrano Suñer y sus partidarios, los cuales tenían intención de llevar al país a una guerra con la Unión Soviética. Las transmisiones estaban dirigidas a convencer a los españoles de que España no debía servir de base militar para la Alemania hitleriana ni debía proveer de víveres ni mercancías al Tercer Reich. La estación prestó particular atención a

¹⁶² *Cimorra B.* “Idal’go v strane kholoda”... P. 83.

¹⁶³ Para más detalles véase: 75 aniversario de la radio en España. Homenaje a *Radio España Independiente*. Única emisora española sin censura de Franco. Madrid: Fundación Domingo Malagón, 2000. P. 15–19; *Balsebre F., Fontova R.* Las cartas de La Pirenaica: Memoria del antifranquismo. Madrid: Ediciones Cátedra, 2014. P. 17–18; *Ortiz Mateos A.* La guerrilla y la radio. El papel de *Radio España Independiente* en el movimiento guerrillero español (1941–1952) // Espacio, tiempo y forma. Serie V. Historia Contemporánea. 2013. Nº 25. P. 328–332; *Zaragoza Fernández L.* *Radio Pirenaica: la voz de la esperanza antifranquista*. Madrid: Marcial Pons Historia, 2008.

las transmisiones de la División Azul¹⁶⁴, a la cual caracterizó como “deshonra para España”. En las transmisiones de la REI se decía que el pueblo español no debía hacerse ni “soldado”, ni “obrero” de Hitler. La estación trataba de convencer a sus oyentes de que el pueblo español prestase ayuda por todos los medios posibles a la guerra patriótica del pueblo soviético y que tal apoyo sería una especie de “continuación de la lucha del propio pueblo español por su libertad e independencia”¹⁶⁵. Las transmisiones de la REI las “oía” en España no sólo el pueblo a quien estaban dirigidas sino también el Gobierno. En más de una ocasión *Radio Nacional de España* (RNE) intentó desmentir informaciones transmitidas con anterioridad por la estación de radio del Komintern¹⁶⁶.

La *Radio España Independiente*, bajo la dirección del Partido Comunista de España, continuó luchando contra el régimen franquista hasta el final de su existencia. La última emisión de *La Pirenaica* tiene fecha del 14 de julio de 1977. En lo que se refiere a *Radio Moscú*, es la compañía estatal de radio *Voz de Rusia* la que, después de la desintegración de la Unión Soviética, siguió ocupándose de la cobertura oficial para España. En 2014, la sucedió la agencia de información internacional y la emisora de radio *Sputnik*.

LA URSS Y EL ESTADO FRANQUISTA: DE LA HOSTILIDAD AL ACERCAMIENTO

Tras la guerra civil española el régimen franquista fue oficialmente reconocido por muchos países incluyendo Gran Bretaña, Francia y Estados Unidos de América. Para la URSS, la única opción posible fue el no reconocimiento. Durante mucho tiempo Moscú calificó, inequívocamente, al régimen franquista como fascista, considerando que le había sido impuesto al pueblo español por Alemania e Italia. Miles de refugiados españoles incluyendo a los niños encontraron asilo en la Unión Soviética. Los dirigentes del Partido Comunista de España también se exiliaron a Moscú. El caudillo, a su vez, veía el comunismo encarnado por el estalinismo como su enemigo número uno y llamó a los países de Occidente a que se unieran en una “cruzada” contra él.

Al atacar la Alemania nazi a la URSS, Franco envió al Frente del Este la División Azul¹⁶⁷ (octubre de 1941 — octubre de 1943), en que prestaron servicio unos 40.000 hombres. Para la URSS, España resultó una nación beligerante, pero Moscú no llegó a declararle la guerra.

¹⁶⁴ Para más detalles acerca de la División Azul véase: *Kovalev B.N. Dobrovol'tsy na chuzhoy voyne. Ocherki istorii Goluboy divizii* (Voluntarios en una guerra ajena. Esbozo de la historia de la División Azul). Velikiy Novgorod: NovGU, 2014.

¹⁶⁵ RGASPI. F. 495. Inv. 73. Leg. 125. Fol. 9–10.

¹⁶⁶ *Ibid.* Fol. 16.

¹⁶⁷ Véase: *Pozhárskaya S.P. Ispanskaya “Golubaya diviziya” na sovetско-germanskом fronte (1941–1943 gg.)* (La División Azul española en el frente soviético-alemán (1941–1943) // *Krestovyy pokhod na Rossiyu*. Moscú: Yauza, 2006. P. 328–374.

La División Azul en la URSS

La 250ª división de infantería de la Wehrmacht recibió el nombre extraoficial de *División Azul*. La idea de su creación se remonta a los líderes españoles de Falange, en la que las camisas azules eran uniforme obligatorio. Formalmente, la División Azul era una unidad voluntaria española, por lo que el estatus neutral de la España de Franco no se cuestionaba. En total, 45.482 voluntarios españoles lucharon contra el Ejército Rojo en tierra soviética. De estos, 4.954 perdieron la vida y más de 10.000 resultaron heridos. Al tiempo, alrededor de 20.000 soldados y oficiales sirvieron en la División Azul. En sus filas había varias docenas de emigrantes rusos. Ocuparon el cargo de jefe de división dos generales españoles, primero, Agustín Muñoz Grandes y, posteriormente, Emilio Esteban Infantes. Durante la existencia de la división pasó por ella más del 20% del personal de plantilla de las fuerzas armadas españolas.

En invierno de 1941–1942 la División Azul combatió contra las tropas soviéticas en la zona de Veliki Nóvgorod. A partir del mes de octubre de 1941 se le asignó un sector de más de 40 kilómetros del frente desde el sector de Myasnói Bor al norte hasta el Lago Ilmén al sur. Los españoles participaron en el cerco y captura del 2º Ejército de Choque del general Vlášov, el cual más tarde se pasó al bando de Hitler. En agosto de 1942, la división fue trasladada del frente de Vóljov a una zona adyacente a Leningrado, el sector de Krasni Bor, entre las ciudades de Pushkin y Pávlovsk. Estuvo entre los que sostenían el bloqueo de Leningrado en el invierno de 1942–1943. El 20 de octubre de 1943, Franco decidió retirar la división de la Rusia soviética y disolverla.

Los españoles, en su mayoría, no compartían las ideas del racismo agresivo nazi, pensaban que habían ido a Rusia para liberar el pueblo ruso del “yugo bolchevique” y llamaron a sus enemigos en el frente no “rusos” sino “rojos”. El poeta y político Dionisio Ridruejo que había ingresado en la División Azul como voluntario falangista, recordaba al cabo de unas décadas: “Fue una fortuna para mí la oportunidad, que se me abrió en 1941, de alistarme para combatir en Rusia. [...] Salí de España como intervencionista firmísimo y cargado de todos mis prejuicios nacionalistas. Convencido de que la miseria y poquedad de España se la debíamos a la hegemonía anglofrancesa; de que el fascismo podía representar el modelo de una Europa racional; de que la revolución soviética era el «admirado enemigo» al que había que destruir o en otro caso rendirse. [...] Biográficamente la campaña de Rusia fue para mí una experiencia positiva. La viví sin saña, incluso con una creciente afición sentimental —que muchos de mis compañeros sintieron como yo— por el pueblo y por la tierra rusa”.

765

Al final de la Segunda Guerra Mundial, España se encontró en una situación única. La comunidad internacional condenó el régimen de Franco: tanto en documentos oficiales como en la prensa se le caracterizaba como cómplice de la Alemania nazi e impuesto con el apoyo de Hitler. Pero, por otra parte, España mantenía

formalmente la neutralidad y, a medida que iba creciendo la superioridad de los aliados, su política exterior se iba flexibilizando. En los primeros años de postguerra se planteó la destitución de Franco, de un modo u otro. La opinión pública de muchos países, así como numerosos políticos, estaban a favor de esta idea, al tiempo que se animaba a tomar el camino a la emigración a los republicanos¹⁶⁸.

En la denominada cuestión española la Unión Soviética desempeñó un papel muy activo. La dirección soviética apostó por el movimiento guerrillero organizado en gran medida por los comunistas y, a la vez, contaba con utilizar contra la España franquista los instrumentos de las recién creadas Naciones Unidas. También se intentó encontrar puntos en común con los aliados occidentales, que consideraban difícilmente aceptable al régimen de Franco.

Ya en la Conferencia de Potsdam de los “Tres Grandes”, Stalin propuso una resolución a tenor de la cual cabría “prestar apoyo a las fuerzas democráticas en España”. Fue rechazada. Sin embargo, se logró impedir que España ingresara en la ONU. La URSS presentó una fórmula que permitiera conseguir el deseado objetivo en el marco del derecho internacional, invocando que el régimen español era “una amenaza a la paz y seguridad internacionales” lo que permitía imponerle sanciones internacionales. Pero no se logró que se aprobara dicha tesis en el Consejo de Seguridad en el que la cuestión española había sido planteada (abril de 1946). El resultado de la campaña antifranquista fue que la Asamblea General de la ONU aprobara en diciembre de 1946 una resolución que recomendaba a todos los países retirar a sus embajadores de Madrid (pero no que se rompieran las relaciones diplomáticas, que era lo que pretendían algunas delegaciones encabezadas por la soviética). Este hecho le permitió a Franco consolidar su régimen bajo el lema del rechazo a la injerencia exterior y la amenaza comunista.

766

A finales de 1946 era evidente que la lucha guerrillera no tenía perspectivas sin el apoyo de la población. Al tiempo, se debilitaba la “campana antifranquista”. En aquel entonces, la URSS ya estaba interesada, como mínimo, en que España, que seguía formalmente en la zona de influencia occidental, no se convirtiera en un baluarte de la Guerra Fría y siguiera manteniendo su neutralidad. La retórica antifranquista continuaba siendo extremadamente dura en la prensa soviética y en varios foros internacionales. Sin embargo, hubo intentos cautelosos para sondear si era posible establecer contactos oficiosos entre Madrid y Moscú. Según los documentos de origen franquista, a comienzos de 1947 tuvieron lugar varias entrevistas secretas entre el diplomático español Terraza y una “persona de confianza” de la parte soviética.

El “agente” soviético transmitió la propuesta de entablar negociaciones para llegar a un acuerdo de carácter económico entre España y la URSS. Además, la parte soviética manifestó un especial interés en “repatriar a los desertores y traidores rusos”. A cambio, prometía cesar los ataques propagandísticos contra el régimen

¹⁶⁸ Véase : *Portero F.* Franco aislado: la cuestión española (1945–1950). Madrid: Aguilar, 1989. P. 132; *El Exilio Español de 1939.* Abellán, J.L (Coord.). T. II. Guerra y Política. Madrid: Taurus, 1976. P. 147; *Valle J.M.* Las instituciones de la República en exilio. Paris: Ruedo Ibérico, 1976. P. 91–98, 103.

franquista, eliminar la amenaza de injerencia en asuntos españoles, devolver los prisioneros de guerra de la División Azul, etcétera¹⁶⁹.

El diplomático español recibió una instrucción redactada por el propio Franco y Luis Carrero Blanco, su “mano derecha”, de continuar los contactos. La nota recogía claramente las opiniones del caudillo sobre las posibilidades de cooperación con la Unión Soviética. Desde el inicio estaban claramente establecidos los principios básicos a que regían la posición de la parte española, a saber: los españoles mantenían diferentes actitudes ante el pueblo ruso y ante el Gobierno soviético; la ideología del régimen español era profundamente católica, antimaterialista, anticomunista y, a la vez, antiliberal; la nación rechazaba enérgicamente cualquier ataque exterior, etc. Para establecer relaciones bilaterales, a la URSS se le imponían las siguientes condiciones: la renuncia de Moscú a prestar apoyo a los refugiados políticos españoles, a abandonar su actitud agresiva en la ONU, a la concesión de garantías de no injerencia en los asuntos interiores de España y no “incentivar conflictos internos” en la misma; y a la repatriación de todos los españoles “que se encontraran en el territorio de la URSS contra su voluntad”¹⁷⁰. Sin embargo, estos contactos se interrumpieron muy rápidamente. El último encuentro secreto se celebró en abril de 1947, después del famoso discurso de Harry Truman en el que expuso la nueva doctrina de política exterior norteamericana. En dicho encuentro se constató que el momento favorable para llegar a un acuerdo ya había pasado. En agosto de 1948, la URSS puso punto final en su apoyo a la lucha guerrillera antifranquista en España. Stalin llamó a los dirigentes del PCE a Moscú y ordenó disolver los grupos guerrilleros y “buscar una nueva táctica” de lucha¹⁷¹.

Hubo que esperar muchos años hasta que se produjera un viraje significativo en las relaciones bilaterales. En el ínterin solo cabe mencionar algunos pasos tentativos después de la muerte de Stalin en 1953. La actitud de la Unión Soviética ante numerosos problemas internacionales en cierto modo se suavizó, a pesar de que no cambió su retórica de confrontación con Occidente. España, a su vez, superó el aislamiento y, después de firmar un pacto económico y militar con EE.UU. en septiembre de 1953, se vio con ciertas perspectivas en el contexto internacional. En la Unión Soviética se tomó la decisión de satisfacer las demandas españolas respecto a la repatriación de ex-combatientes de la División Azul. En abril de 1954, volvieron a España 248 españoles a bordo de un barco fletado por la Cruz Roja francesa¹⁷². Otras 557 personas

¹⁶⁹ *Suárez Fernández L.* Franco y la URSS. La diplomacia secreta (1946–1979). Madrid: Rialp, 1986. P. 46–56. Apéndice (documentos). P. 57–87.

¹⁷⁰ *Ibíd.* Apéndice. P. 68–77.

¹⁷¹ *Sagomonyan A.A.* Ispanskiy uzel “kholodnoy voyny”. Velikiye derzhavy i rezhim Franko v 1945–1948 gg. (El “nudo” español de la Guerra Fría. Las grandes potencias y el régimen franquista entre 1945 y 1948.) Moscú: ROSSPEN, 2004. P. 209.

¹⁷² *Pereira Castaños J.C.* España y la URSS en una Europa de transformación // Cuadernos de Historia Contemporánea. Nº 15. Madrid, 1993. P. 194; *Chechkin D.A.* Frankistskaya Ispaniya i Sovetskiy Soyuz: zarozhdeniye i evolyutsiya dvustoronnikh otnosheniy (La España franquista y la Unión Soviética: origen y evolución de las relaciones bilaterales) // Natsional'nyye priority Rossii. 2009. Nº1.

José María de Areilza

regresaron a bordo de un buque soviético en septiembre de 1956. En respuesta a ello, las autoridades franquistas pusieron en libertad a varios comunistas españoles pero sin devolver a la URSS a los “traidores y desertores”.

El Gobierno soviético fue cambiando paulatinamente su actitud respecto al posible ingreso de España en la Organización de las Naciones Unidas. A comienzos de 1955 tuvo lugar un encuentro del diplomático español José María de Areilza con Arkady Sóbolev, representante soviético en la ONU. Sóbolev le comunicó que la URSS dejaría de exigir que se tomara en cuenta la situación interior en los países candidatos para ser miembros de esta organización internacional. El 14 de diciembre de 1955, España ingresó en la ONU (junto a otros 15 países) y la delegación soviética votó a su favor¹⁷³. Poco después, en París,

comenzaron contactos secretos entre diplomáticos de ambos países a nivel de embajadas. Se abordaron posibles intercambios económicos y culturales, giras de compañías de teatro y música, visitas de especialistas, labor de corresponsales, etc¹⁷⁴. Aunque esos contactos no tuvieron resultados inmediatos, fue muy importante la experiencia de la relación por vía diplomática después de tantos años de abierta hostilidad recíproca. Pero un ejemplo de la incompatibilidad ideológica lo dio el famoso discurso de Nikita Jruschov en la Asamblea General de la ONU, en octubre de 1960, en el que el líder soviético llamó a Franco “verdugo del pueblo español”.

768

Franco comprendía plenamente la importancia estratégica de su país para EE.UU. y se permitió, de vez en cuando, que su política exterior tuviera cierto carácter “plurivectorial”. Por ejemplo, “a pesar de la presión norteamericana, no rompió relaciones diplomáticas, económicas y comerciales con La Habana después del triunfo de la revolución en la isla (de Cuba) y tuvo una actitud bastante crítica hacia las acciones de EE.UU. durante la Crisis del Caribe”¹⁷⁵. Según algunas fuentes, durante esta los diplomáticos soviéticos y españoles residentes en Cuba se encontraron y intercambiaron opiniones.

¹⁷³ *Anikéeva N.Ye., Védiushkin V.A., Volosyuk O.V., Médnikov I.Yu., Pozhárskaya S.P.* Istoria vneshnei politiki Ispanii... P. 315.

¹⁷⁴ *Chechkin D.A.* Frankistskaya Ispaniya...

¹⁷⁵ *Orlov A.A.* Ispaniya v sisteme voyenno-politicheskikh organizatsiy i soyuzov Zapada: obreteniye novogo litsa (España en el sistema de las organizaciones y uniones militares y políticas del Occidente: un nuevo rostro). Moscú: OOOCT, 2000. P. 46.

Además, a comienzos de 1964, Franco, a través de los diplomáticos españoles en París, propuso a la parte soviética establecer relaciones diplomáticas. Sin embargo, Moscú consideró que implicaba un reconocimiento del “régimen fascista” de facto y, por consiguiente, un gran triunfo ideológico del caudillo, y decidió “no tener prisa”. Esta decisión se tomó debido a las “relaciones especiales” entre la dirección soviética y el Partido Comunista de España, ya que los comunistas seguían perseguidos por el régimen franquista y, para los soviéticos, encarnaban la memoria heroica de la guerra civil. En cuanto al establecimiento de relaciones oficiales entre la URSS y España, Santiago Carrillo consideraba que la mayoría de los comunistas españoles no lo entendería ni lo aceptaría, y que esto solo sería posible tras la caída de Franco¹⁷⁶.

A pesar de todo, en 1964, se iniciaron los primeros contactos oficiales entre los representantes de la URSS y España y tuvieron que ver con una cuestión económica importante: la navegación y la pesca. En la Embajada soviética en París se firmó un acuerdo por el que se permitía a los barcos soviéticos entrar en aguas territoriales y atracar en puertos españoles, y recíprocamente a los barcos españoles en aguas y puertos soviéticos¹⁷⁷. De este modo, se facilitó el acceso de la URSS al Mediterráneo, pero lo realmente importante era que se había firmado un acuerdo oficial entre España y la URSS 25 años después de la ruptura de relaciones. Dicho acuerdo se amplió en mayo de 1966; como resultado, en Madrid aparece la primera institución perteneciente a la URSS: la representación del Ministerio de la Marina. En febrero de 1967, por el intercambio de las notas ambas partes podían recíprocamente prestar servicios a sus buques. A partir de este momento los buques de gran tonelaje soviéticos comenzaron a atracar con regularidad a los puertos de las Islas Canarias. En 1969, se firmó otro acuerdo que permitió establecer en Madrid la representación de la compañía naviera del Mar Negro que efectuaba la mayoría del transporte de pasajeros entre ambos países¹⁷⁸.

Al final de la década de los sesenta, comenzaron los contactos deportivos, culturales y científicos entre los representantes de los dos países, aunque de forma esporádica. La hostilidad ideológica afectaba y “presionaba” con todo su peso, precisamente en este campo. La década comenzó con un hecho significativo en este sentido: la prohibición de Franco a que la selección nacional de fútbol se desplazara a jugar al “país comunista”.

Arkadi Sóbolev

¹⁷⁶ Véase: *Dubinín Yu.V.* Ambakhador! Ambakhador! Zapiski posla v Ispanii (¡Embajador! ¡Embajador! Las memorias del embajador en España). Moscú: ROSSPEN, 1999. P. 12.

¹⁷⁷ Ver el capítulo “Las relaciones comerciales entre la URSS y España en la época de Franco”.

¹⁷⁸ *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS... P. 195.

Fútbol en vez de política

En el contexto de la confrontación política, los contactos informales, en primer lugar, culturales y deportivos, adquirieron gran importancia. Resultó muy resonante el partido de fútbol que jugaron las selecciones nacionales de la URSS y de España en la final de la Copa de Europa en 1964. El propio hecho de celebrar un partido entre los equipos de dos Estados antagonistas políticos planteó un gran problema. Eran muy recientes los acuerdos de hacía cuatro años, cuando en 1960 la selección española debía partir a Moscú para jugar un partido de los cuartos de final de la Copa de Europa. Las federaciones nacionales de España y de la URSS acordaron que el partido de ida se celebraría el 29 de mayo en Moscú y el de vuelta, el 9 de junio en Madrid. El 25 de mayo, estaban en el aeropuerto de Madrid dos aviones de la compañía belga Sabena preparados a trasladar a la delegación española a Moscú. Al mediodía, las agencias de noticias occidentales, a partir de la información proporcionada por fuentes españoles, informaron desde Madrid que “la selección española parte a Moscú esta tarde”. Pero... solo seis minutos después, la UEFA recibió un telegrama urgente que rezaba: “Les pedimos que se anule nuestro mensaje anterior. La selección española de fútbol no irá a Moscú”. La FIFA sancionó a España por este acto con una derrota técnica. Aquel año el equipo de la URSS se clasificó para la final y ganó campeón.

En 1964, se decidió celebrar el partido. Francisco Franco iba a asistir al juego y debía entregar la copa al ganador. Pero el resultado de un partido de este nivel rara vez se puede prever, y no estaba claro qué hacer si el título del campeón recaía en el equipo nacional de la Unión Soviética. ¿Cómo debería comportarse el caudillo, uno de los principales luchadores contra el comunismo, si un equipo con la bandera roja de la hoz y el martillo subía al podio? El partido se celebró el 21 de junio en el estadio Santiago Bernabeu. Los anfitriones abrieron el marcador en el minuto seis, pero dos minutos después el balón entró en su propia portería. El resultado no estuvo claro hasta el final. Sin embargo, los jugadores españoles no decepcionaron a Franco: Marcelino Martínez marcó el gol decisivo. Por primera vez España se convirtió en campeona de Europa, y por primera vez después de la guerra civil, una delegación oficial soviética visitaba a España. En sus comentarios a ese acontecimiento, la prensa española señaló su importancia política. Al día siguiente, el diario ABC decía: “Por encima de sus evidentes valores deportivos, esta final de la Copa de Europa de Naciones tiene una extensa significación cívica y política que solo los miopes empecinados pueden ignorar”. Todavía hoy los españoles recuerdan los detalles de ese partido y la prensa española publica títulos tales como: “El eterno gol de Marcelino”, “Medio siglo del histórico gol de Marcelino ante la URSS”, “El gol más famoso de la historia del fútbol español”.

En 1966, los guitarristas españoles Ilse y Nicolás Alfonso visitaron la URSS y dieron varios conciertos. Al mismo tiempo el conjunto de danza folclórica Igor Moiséyev hizo una gira por España. En septiembre del mismo año, varios especialistas soviéticos del espacio participaron en una conferencia científica en Madrid. En 1965, los historiadores españoles, participantes del XII Congreso Internacional de Ciencias Históricas en Viena, pudieron, por primera vez, visitar Moscú (el viaje fue organizado por *Intourist*) y fueron recibidos en la facultad de filosofía de la Universidad de Moscú¹⁷⁹. El poeta soviético Yevgueni Yevtushenko obtuvo un visado (a través de la Embajada en París) para visitar España¹⁸⁰. En aquellos años de la Guerra Fría cumplió una misión importante, pues recorría todo el planeta (algo que solo se permitió a un puñado de personas en la URSS) representando la cultura y el modo de vida soviético. En 1969, por primera vez, un “grupo de turismo especializado” pudo visitar España. Sus integrantes se reunieron tanto con altos funcionarios franquistas, como con los militantes del Partido Comunista que estaba en clandestinidad¹⁸¹.

Cabe considerar los comienzos de los años setenta como el viraje en las relaciones entre ambos países. Fue una de las consecuencias de los cambios en la propia España y de recientemente iniciada “distensión” internacional. Paulatinamente se fue materializando la cooperación en el marco de diferentes foros internacionales, en primer lugar, en la Organización de las Naciones Unidas. Entre 1969 y 1970, España apareció, por primera vez, como miembro no permanente del Consejo de Seguridad. Precisamente en aquel entonces, a comienzos de 1969, la delegación soviética y la española lograron acordar con otras delegaciones que el ruso y el español se convirtieran en lenguas de trabajo de la ONU. A partir del año 1970, en sesiones anuales de la Asamblea General, se establecieron contactos regulares bilaterales a nivel de ministros de relaciones exteriores de España y de la URSS.

En aquella época, España se unió a la actividad preparatoria del Acta final de la Conferencia sobre la Seguridad y Cooperación en Europa (firmada por los representantes de 33 países europeos y también por los de EE.UU. y Canadá en 1975 en Helsinki). Los diplomáticos españoles introdujeron un gran número de enmiendas y proposiciones que fueron aceptadas, a veces después de haberlas acordado con la delegación de la URSS. Entre 1973 y 1975, en el marco de estas negociaciones, surgió la posibilidad de debatir no solo asuntos europeos sino también cuestiones sobre relaciones bilaterales.

El acuerdo comercial firmado el 15 de septiembre de 1972 por los dos países se considera como el principal resultado de la cooperación soviético-española en ese

¹⁷⁹ Véase: *Groznyaya Ye.A. Politika Sovetskogo Soyuz a otnoshenii Ispanii v 1963–1991 gg.* (Política de la Unión Soviética respecto a España entre 1963 y 1991). Diss. Yekaterinburg, 2004.

¹⁸⁰ Véase: *Anikéeva N.Ye., Védiushkin V.A., Volosyuk O.V., Médnikov I.Yu., Pozhárskaya S.P. Istoriya vneshney politiki... P. 324.*

¹⁸¹ *Filátov G.A. Neofitsial'nyye ispano-sovetskiye otnosheniya v period pozdnego frankizma: vizit sovetskoy gruppy v Ispaniyu v 1969 g.* (Relaciones oficiosas hispano-soviéticas durante el tardofranquismo: la visita del grupo de turismo especializado soviético a España en 1969) // *Ispaniya y Rossiya: istoricheskiye sud'by...*

Sede del Ministerio de Asuntos Exteriores en Moscú

772

periodo¹⁸². En diciembre de 1969, Gregorio López Bravo, ministro de Exteriores, dos meses después de su nombramiento, hizo una visita oficiosa a Moscú que dio luz verde a dicho acuerdo. El diplomático español se reunió con los más altos funcionarios soviéticos para abordar los problemas del intercambio comercial y con Nikolái Patólichev, ministro de Comercio Exterior de la URSS. Como resultado de esta visita, en 1970, se establecieron corresponsales de TASS en Madrid y de EFE en Moscú. Se había tratado de hacerlo antes, pero Franco personalmente lo había parado. En esa ocasión, aceptó la proposición de López Bravo quien había conseguido convencerle de que a España a quien más interesaba el tema¹⁸³. En primavera de 1971, España y la URSS anunciaron el establecimiento de la comunicación aérea entre Moscú y Madrid.

Como anexo al acuerdo comercial se firmó un protocolo que establecía representaciones comerciales en ambas capitales. Serguéi Bogomólov fue nombrado representante comercial soviético. El 28 de febrero de 1973, el acuerdo entró en vigor. Debido a falta de relaciones diplomáticas plenas, las partes acordaron que varios funcionarios desempeñarían funciones diplomáticas como integrantes de la representación comercial¹⁸⁴. A partir del otoño de 1973, en Moscú y Madrid comenzó a trabajar la comisión soviético-española¹⁸⁵. Sin embargo, en vida de Franco fue imposible dar el siguiente paso lógico, es decir,

¹⁸² Véase el capítulo “Las relaciones comerciales entre la URSS y España en la época de Franco”.

¹⁸³ *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS... P. 195.

¹⁸⁴ *Borzova A.Yu.* Serguéi Alexándrovich Bogomólov (1977–1978) // *Rossiyskiye diplomaty v Ispanii...* P. 529.

¹⁸⁵ *Chechkin D.A.* Frankistskaya Ispaniya ... P. 61.

Sede del Ministerio
de Asuntos Exteriores
en Madrid

el establecimiento de relaciones diplomáticas plenas. La muerte del dictador, en el noviembre de 1975, llevó a cambios tanto dentro de España como en su política exterior. Por ello, el restablecimiento de las relaciones hispano-soviéticas, en febrero de 1977, fue el resultado lógico del difícil proceso de la Transición democrática.

LAS RELACIONES COMERCIALES ENTRE LA URSS Y ESPAÑA EN LA ÉPOCA DE FRANCO

773

El 1 de febrero de 1947, el periodista español Manuel Penella de Silva publicó en el diario *Arriba* un artículo enviado desde Zurich que afirmaba a que la mejor profilaxis contra la infección del comunismo era entablar relaciones comerciales con Rusia¹⁸⁶. Pero ambos países solo lo pudieron realizar diez años después. En 1958, en la compilación estadística *Comercio exterior de la URSS* se incluyó un capítulo dedicado a España en que se aportaban datos de los productos de exportación soviética más importantes tales como el aluminio, la celulosa, el carbón y conservas de centolla. Los productos básicos de la exportación española eran de origen agrícola: plátanos, limones, almendras y, sobre todo, naranjas¹⁸⁷. En los primeros cinco años de intercambios comerciales el abanico de productos se amplió. Si en 1959 España adquirió solo dos tractores soviéticos (aparentemente era un lote de prueba), en el

¹⁸⁶ *Pozhárskaya S.P.* Fransisko Franko i yego vremya (Francisco Franco y su época). Moscú: OLMA Media Grup, 2007. P. 225.

¹⁸⁷ *Vneshnyaya torgovlya SSSR* (Comercio exterior de la URSS), 1958 g. Moscú: VTI, 1959. P. 75.

año siguiente ya fueron 350¹⁸⁸. A partir de 1963 la maquinaria y equipos soviéticos llegaban a España con regularidad. De los productos españoles que compraba la URSS, en 1960 la primera posición la ocupó la fibra necesaria para fabricar telas y ropa. Según estadísticas oficiales, en 1961, España compró diesel por primera vez a la URSS y en 1962 vendió a la URSS cobre. Estos suministros ocuparon un lugar importante en las exportaciones de Madrid, pero sus volúmenes variaron de año en año. Así, en 1962 los suministros de cobre fueron 1.200 toneladas, y un año más tarde bajaron a 633 toneladas¹⁸⁹. A comienzos de los años sesenta, en el comercio soviético-español había productos insólitos: por ejemplo, en 1961 la URSS compró en España películas de cine con un costo de 42 mil rublos.

El intercambio comercial era muy inestable: en 1958 fue de 9,5 millones de rublos, un año más tarde bajó a 7,1 millones, en 1960 llegó a 13,6 millones y en 1961 se redujo a 3,6 millones. Siguió bajando en 1962 hasta 1,4 millones de rublos, pero creció hasta 14,6 millones en 1963. En los primeros cinco años del comercio con España la URSS tuvo un saldo comercial negativo: entre 1958 y 1962 vendió mercancías por valor de 12,8 millones de rublos y compró por 22,4 millones. Esta situación se modificó a finales de los años sesenta, cuando los productos del petróleo primarán en la exportación soviética¹⁹⁰. La razón de estas variaciones podría hallarse en la inestabilidad de las relaciones entre ambos países¹⁹¹. La ausencia de relaciones diplomáticas y comerciales oficiales condujo al hecho de que el comercio viniese determinado por los contratos entre empresas privadas. A comienzos de los años sesenta, en ranking del intercambio comercial entre la URSS y Europa Occidental, España ocupaba una de las últimas posiciones. De todas formas, incluso estos contactos de poca importancia sirvieron de base para desarrollar las relaciones en el futuro.

En la segunda mitad de los años sesenta se intentó reiteradamente normalizar las relaciones. Los primeros contactos oficiales entre representantes de ambos países fueron más activos y se firmaron los primeros acuerdos comerciales. Ya en 1964, en España se rumoreaba que Moscú y Madrid pronto establecerían relaciones diplomáticas, y los periódicos falangistas *Arriba* y *Pueblo*, al igual que el diario católico *Ya*, publicaron artículos apoyando este paso¹⁹². El propio Franco cambió de retórica en sus intervenciones. En noviembre de 1962, en una entrevista con Salgado Araújo reiterando su actitud negativa ante el comunismo en general, habló del espíritu pacífico del pueblo ruso¹⁹³.

¹⁸⁸ Vneshnyaya torgovlya SSSR (Comercio exterior de la URSS), 1960 g. Moscú: VTI, 1961. P. 100.

¹⁸⁹ Vneshnyaya torgovlya Soyuzo SSR (Comercio exterior de la Unión SSR), 1959–1963 g. Moscú: VTI, 1965. P. 255.

¹⁹⁰ Vneshnyaya torgovlya SSSR (Comercio exterior de la URSS), 1972 god. Moscú: Vneshorgizdat, 1973. P. 234.

¹⁹¹ *Groznyaya Ye.A.* Politika Sovetskogo Soyuzo... P. 40.

¹⁹² *Shneidman L.J.* Eastern Europe and the Soviet Union // Spain in the Twentieth-Century World: Essays on Spanish Diplomacy, 1898–1978. Westport, Connecticut: Praeger, 1980. P. 166.

¹⁹³ *Franco Salgado-Araujo F.* Mis conversaciones privadas con Franco. Barcelona: Planeta, 1976. P. 360. Véase también el capítulo “La URSS y el Estado franquista: de la hostilidad al acercamiento”.

La falta de un acuerdo comercial contribuyó a que se congelara el intercambio comercial. Faustino García-Moncó, ministro de comercio, lo comentó en un encuentro con representantes de un grupo de turismo especializado soviético que visitó España en febrero de 1969. Se quejó de varios problemas que impedían el desarrollo del comercio con la URSS. Junto de tipo político también mencionó razones de naturaleza económica. Primero, que los organismos soviéticos de exportación e importación no mostraban especial interés en desarrollar el comercio con Madrid. Segundo, “el modo primitivo de pagos no monetarios basado en un *clearing*”. Tercero, operaciones complicadas y costosas a través de bancos suizos. Cuarto, la necesidad de negociar suministros de exportación con un ministerio soviético, y la importación de bienes, con otro¹⁹⁴.

Los intentos españoles para resolver estos problemas toparon con la inacción de la parte soviética. Manuel Ortínez, director general del Instituto Español de Moneda Extranjera, explicó a los miembros de la delegación soviética que todavía después de 1965 había mantenido negociaciones estériles para establecer relaciones directas con el Banco del comercio exterior de la URSS (*Vneshnortorgbank*). Según él, uno de los funcionarios soviéticos que llegó a España en 1967 le aseguró que la cuestión de establecer relaciones directas iba a decidirse en un futuro próximo, pero en dos años la situación no había cambiado¹⁹⁵. A pesar de ello, la parte española no dejó de buscar alguna salida. Ramón Masramon, miembro de la Cámara de Comercio de Barcelona, se entrevistó con Mijaíl Nésterov, presidente de la Cámara de Comercio de la URSS, y le informó de que los empresarios españoles querían llegar a un acuerdo para que un representante del Banco Exterior de España fuese a Moscú para firmar acuerdos de pagos¹⁹⁶.

Todos estos problemas llevaron a una situación inestable en el comercio en la segunda mitad de los años sesenta. La línea de tendencia de los intercambios comerciales entre ambos países era ascendente, aunque fluctuante: en 1965 ascendió a 20 millones de rublos, un año más tarde cayó hasta 11,5¹⁹⁷. Y en 1968, alcanzó su máximo desde el comienzo de las operaciones comerciales: 30 millones de rublos¹⁹⁸. Madrid seguía suministrando principalmente productos agrícolas. Al igual que antes, el primer puesto lo ocupaban las naranjas, seguidas de la almendra, el azafrán y el aceite de oliva. Todos los años la Unión Soviética compraba agar-agar, arroz y otros productos del sector agrícola. De los artículos de otros sectores, adquiriría géneros de punto, hilaza de lana, barita, chapas de acero, a pesar de lo cual, en este momento, la balanza comercial de España con la URSS ya comenzaba a ser deficitaria.

Los artículos que España compraba en la URSS eran mucho más variados. El primer lugar lo ocuparon el petróleo y sus derivados. La Unión Soviética también vendía

¹⁹⁴ Otchet o vizite spetsial'noy turisticheskoy gruppy v Ispaniyu. 1969. (Informe sobre la visita de un grupo de turismo especializado a España. 1969). Rossiyskiy Gosudarstvennyy Arkhiv Noveyshey Istorii. (Archivo Estatal Ruso de Historia Contemporánea). [RGANI]. F. 5. Inv. 61. Leg. 590. Fol. 19.

¹⁹⁵ *Ibid.* Fol. 18.

¹⁹⁶ *Ibid.* Fol. 64.

¹⁹⁷ *Vneshnyaya torgovlya SSSR* (Comercio exterior de la URSS), 1966 god. Moscú: MO, 1967. P. 170.

¹⁹⁸ *Vneshnyaya torgovlya SSSR* (Comercio exterior de la URSS), 1968 god. Moscú: MO, 1969. P. 154.

Olvidarse de política: los primeros turistas soviéticos en España

A finales de enero de 1969, llegó de visita a España un pequeño grupo de turistas organizado por la Unión de Sociedades Soviéticas de Amistad (SSOD). Este grupo se llamó “grupo de turismo especializado” porque sus integrantes no eran simplemente turistas sino personas destacadas de la cultura y la ciencia soviéticas. Tales visitas tenían el carácter implícitamente propagandístico porque sus objetivos no solo iban encaminados a desarrollar relaciones con personalidades importantes de la sociedad y la cultura de países extranjeros, sino para también a mostrar los éxitos de la ciencia y cultura soviéticas. Desde este punto de vista, en aquel entonces el grupo era más que representativo: entre sus integrantes figuraban Venedict Vinográdov, lingüista y célebre traductor de literaturas hispánicas; Tatiana Káptereva-Shambinago, erudita de las artes y eminente especialista en arte español; Inna Terterián, investigadora de literatura y en particular de las literaturas de España, Portugal y América Latina; y también representantes del mundo de las artes: Grigor Khandzhíán, eminente pintor de la República de Armenia; Irina Máslennikova, cantante de ópera, solista del Teatro Bolshoy y Borís Pokrovski, director de escena del Teatro Bolshoy.

Este grupo fue recibido no solo por sus colegas, sino que también mereció el honor de entrevistarse con altos funcionarios españoles, incluidos tres miembros del Gobierno. Todos los participantes de la parte española insistieron en la necesidad de mejorar las relaciones entre Moscú y Madrid.

Villar Palasí, ministro de Educación y Ciencia, explicó a los visitantes las posibilidades de cooperación en educación y en el establecimiento de un in-

776

productos de ingeniería pesada: maquinaria y equipos, maquinaria ligera, prensas, excavadoras, tractores. Periódicamente, España adquiría equipos médicos soviéticos, instrumentos, es decir, productos con un alto grado de valor añadido. Teniendo en cuenta que estos suministros se producían anualmente, cabe concluir que en España existía una demanda constante de productos de maquinaria soviética. Madrid también compraba productos alimenticios: carne, leche en polvo, conservas de centolla, vodka. De vez en cuando, adquiría también películas soviéticas.

Los acuerdos sobre navegación y pesca desempeñaron un papel importante en el desarrollo de las relaciones comerciales entre ambos países. En 1964, el jefe del Departamento de Relaciones Exteriores del Ministerio de Marina de la URSS, Iván Averin, acordó con los representantes españoles las condiciones para la entrada de los barcos de los dos países en los puertos de los ambos países. El acuerdo se firmó en la Embajada soviética en París y se prorrogó en años posteriores¹⁹⁹. Mucho más

¹⁹⁹ *Shneidman L.J.* Eastern Europe... P. 169; *Groznaya Ye.A.* Politika Sovetskogo Soyuz... P. 42–43. Véase también el capítulo “La URSS y el Estado franquista: de la hostilidad al acercamiento”.

tercambio científico de profesores universitarios. En la reunión con Faustino García-Moncó, ministro de Comercio, se plantearon los problemas del comercio entre España y la URSS, causados por la carencia de un acuerdo comercial. En la entrevista con Manuel Fraga Iribarne, ministro de Información y Turismo, se abordó el espinoso tema de que los medios de comunicación criticaban la política de ambos países de forma bastante agresiva. Fraga mostró esperanzas respecto al próximo restablecimiento de relaciones bilaterales y señaló que no le disgustaría ser primer embajador de España en la URSS. El deseo de ocupar dicho cargo en Moscú en un futuro lo expresó también Hilario José Solas García, conocido filósofo y jefe del Departamento de Humanidades y Ciencias Sociales de la Universidad Autónoma de Madrid, hombre bastante cercano a Franco. En una conversación con el grupo, dijo que había presentado a Franco un plan para la normalización gradual de las relaciones entre los dos países, que fue aprobado por el generalísimo.

En España, a fines de la década de los sesenta, se comprendía que incluso en una situación de confrontación política abierta entre los dos sistemas, era posible encontrar puntos de acercamiento con la URSS solo a través de las figuras de la ciencia y la cultura. Y en este sentido, los turistas soviéticos, la élite intelectual y cultural de la sociedad soviética, llegaron en el momento oportuno. Fue una importante delegación, pero sin carácter oficial. Los españoles se dieron cuenta de ello y le prestaron la máxima atención esperando que informaría cumplidamente a la cúpula soviética de la posición de Madrid. Y así fue: el informe sobre este viaje llegó directamente al Comité Central del PCUS.

importante para el desarrollo de las relaciones comerciales entre España y la URSS fueron los acuerdos de 1969 que regularon las cuestiones pesqueras, lo que permitió llevar las relaciones bilaterales a un nivel completamente nuevo. Estos acuerdos permitían a los pesqueros soviéticos establecer su base en puertos españoles, que podían, así, utilizarse para el descanso de las tripulaciones, la reparación y el suministro de combustible a la flota pesquera soviética, y la adquisición de productos alimenticios y otros servicios necesarios. Con este fin, se abrieron oficinas de representación de las respectivas compañías navieras en Moscú y Madrid. Cada parte enviaría a cuatro representantes²⁰⁰. Los acuerdos incluían un artículo que establecía que la Unión Soviética favorecería el uso de los puertos españoles, siempre que las condiciones en estos no eran menos favorables que las de otros puertos de la región. Esta cláusula incomodó al rey de Marruecos, pues suponía que en tal situación los puertos de su país iban a perder importancia comercial²⁰¹. La parte española intentó establecer también una condición: insistió en que los barcos soviéticos no entraran

²⁰⁰ RGANI. F. 5. Inv. 61. Leg. 590. Fol. 49.

²⁰¹ *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS... P. 195.

en Gibraltar, pero la representación de la Unión Soviética no quiso mencionar este territorio en el texto final del tratado. Como fórmula de compromiso, se introdujo en un artículo la expresión “en otros puertos de la región”²⁰². Con tales acuerdos, los barcos soviéticos utilizaron los puertos de las Islas Canarias como base. El resultado fue que el número de barcos soviéticos atracados en puertos españoles aumentó significativamente²⁰³. Si en 1968 la proporción de barcos soviéticos que entraron en los puertos de La Luz y Santa Cruz de Tenerife era del 11,06%, ya en 1969, ascendió al 30%. En 1971, casi el 40% de los buques amarrados en estos puertos estaban bajo la bandera de la Unión Soviética.

La ausencia de relaciones comerciales oficiales entre la URSS y España llevó a que los intermediarios desempeñaran un papel muy importante. *Weimer* y *Prodag* fueron los agentes españoles más significativos de las empresas consolidadas de comercio exterior de la URSS, tales como *Mashinoexport* (exportación de productos para la maquinaria), *Stankoimport* (otras máquinas), *Mashpriborintorg* (aparatos), *Souzplodoimport* y *Prodintorg* (operaciones con productos agrícolas)²⁰⁴. Tales empresas representaban las estructuras comerciales soviéticas.

Por parte española, la cooperación, principalmente, estaba a cargo de empresas privadas²⁰⁵, pero los españoles negociaron en gran medida con la URSS con la ayuda de empresas respaldadas por organismos oficiales. Por ejemplo, un 46% de las acciones de la *Compañía General de Tabacos de Filipinas* pertenecía al *Instituto Español de Moneda Extranjera*²⁰⁶. Fue esta, junto a la parte soviética, quien, a partir de 1971, era propietaria de la empresa conjunta soviético-española *Sovhispan*, que se encontraba en la isla de Gran Canaria y prestaba servicios a los pesqueros soviéticos en el Atlántico. Al tiempo, la *Compañía de Tabacos* a veces asumía funciones que no correspondían a las de una firma comercial. Fue precisamente ella la que se encargó de organizar la visita del grupo de turismo especializado a España en 1969²⁰⁷.

La URSS no fue el primer estado del bloque socialista que estableció relaciones comerciales oficiales con Madrid. Las representaciones comerciales de los países de Europa del Este aparecieron en España mucho antes que la soviética. En 1963, España y Hungría negociaron en Viena un intercambio de misiones comerciales no oficiales²⁰⁸, y la oficina de la Cámara de Comercio húngara se inauguró en la capital española²⁰⁹. En 1968, Varsovia y Madrid firmaron un acuerdo comercial. La

²⁰² Esta información se menciona en un informe soviético sobre estas negociaciones, custodiado en el archivo del antiguo CC PCUS. RGANI. F. 5. Inv. 61. Leg. 590. Fol. 49.

²⁰³ *Yányshev Nésterova I.* “Sovhispan”: una joint venture hispano-soviética // Anuario de Estudios Atlánticos. 2016. N° 62. P. 4.

²⁰⁴ *Gróznaya Ye. A.* Politika Sovetskogo Soyuz... P. 46.

²⁰⁵ *Ibíd.* P. 38.

²⁰⁶ *Yányshev Nésterova I.* “Sovhispan”: una joint venture... P. 8.

²⁰⁷ *Filátov G.* La visita del grupo especial de “turistas soviéticos” a España en el año 1969, en el contexto de las relaciones URSS — España durante el tardofranquismo // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2016. Vol. 38. P. 167.

²⁰⁸ RGANI. F. 5. Inv. 59. Leg. 359. Fol. 200.

²⁰⁹ *Ibíd.* Inv. 61. Leg. 590. Fol. 66.

Yuri Dubinin y los miembros de "Sovhispan"

intensificación de las relaciones con los países de Europa del Este en general y con la URSS en particular a fines de la década de 1960 se asoció con la reorganización del Gobierno de Madrid por la que Gregorio López Bravo asumió la cartera de Exteriores. El resultado de su visita a la URSS (diciembre de 1969) fue la conclusión, el 15 de septiembre de 1972, de un acuerdo comercial, que en diciembre ratificaron las Cortes. El principal objetivo de España en este acuerdo era intento de reducir el nivel del déficit en las relaciones comerciales con la Unión Soviética. Moscú, sobre todo, tenía un alto interés en inaugurar una misión comercial en Madrid²¹⁰.

Este acuerdo contribuyó al desarrollo del comercio entre ambos países, que pasó a tener un carácter mucho más regular y aumentó fuertemente su volumen. Si en 1971, el volumen de negocios ascendió a 22 millones de rublos, en 1972, creció hasta casi el doble: a 43 millones, y en 1974, alcanzó 149 millones de rublos y siguió creciendo, llegando el último año del gobierno de Franco a 189 millones de rublos y seguía creciendo²¹¹. El impresionante crecimiento observado en 1974 se asoció con un aumento en el precio del petróleo y sus productos derivados causado por la crisis en Medio Oriente y el embargo impuesto por los países árabes a los

²¹⁰ *Chechkin D.A.* Frankistskaya Ispaniya... P. 61.

²¹¹ *Vneshnyaya torgovlya SSSR (Comercio exterior de la URSS), 1975 god.* Moscú: Statistika, 1976. P. 9.

países occidentales. Al tiempo, los artículos de exportación no variaron significativamente. La URSS seguía exportando productos tales como equipos, máquinas herramientas, ciertos tipos de alimentos, electrodomésticos. Pero los ingresos básicos provinieron de la venta de petróleo. Se produjeron pequeños cambios en las exportaciones españolas: los tradicionales de carácter agrícola se complementaron con materiales para la producción de calzado y prendas de vestir. Antes se habían exportado a la Unión Soviética de forma muy esporádica. Entre 1973 y 1975, estos productos se convirtieron en productos permanentes de importación soviética desde España. En 1973, Moscú y Madrid intercambiaron misiones comerciales. Por lo tanto, el comercio permitió desarrollar las relaciones entre ambos Estados, a pesar de sus contradicciones ideológicas y políticas. Precisamente gracias a los contactos comerciales se sentaron las bases para el establecimiento de relaciones diplomáticas entre la URSS y España en el periodo de la Transición.

LA ESPAÑA DE LA TRANSICIÓN Y LA URSS

LA APERTURA INTERNACIONAL DE LA ESPAÑA DEMOCRÁTICA Y LAS RELACIONES CON LA URSS

La muerte del general Franco en 1975 despejó el camino para que España y la Unión Soviética superaran la separación que durante cuatro décadas había mantenido a sus gobiernos alejados, recelosos y por momentos abiertamente hostiles, y a sus sociedades distanciadas por una enorme ignorancia mutua. El reconocimiento de los Gobiernos de Moscú y Madrid en febrero de 1977 y el establecimiento de relaciones diplomáticas fue solo el primer paso en el camino del reencuentro histórico que se desarrolló hasta la disolución de la Unión Soviética en 1991.

La construcción de unas relaciones de creciente colaboración y confianza con la Unión Soviética formaron parte, desde la perspectiva española, de un proceso más amplio de apertura y normalización internacional de la democracia española¹. Ya en su mensaje de proclamación como rey de España, Juan Carlos I había enviado “a todos los pueblos su deseo de paz y entendimiento, con respeto siempre para las peculiaridades nacionales y los intereses políticos con los que todo pueblo tiene derecho a organizarse de acuerdo con su propia idiosincrasia”². En los años siguientes, España universalizó sus relaciones internacionales, ingresó en organizaciones como el Consejo de Europa, la OTAN y la CEE que le habían vedado hasta entonces su acceso, reequilibró su relación con los EE.UU. —eje de su inserción internacional

¹ Las relaciones exteriores de la España democrática. Gillespie R., Rodrigo F., Story, J. (eds.). Madrid: Alianza, 1995; La política exterior y la dimensión internacional de la transición española. Testigos y protagonistas (1976–1986). Pereira Castañares J.C., Fernández Fernández-Cuesta J.M. (Eds.). Madrid: Thomson Reuters Aranzadi, 2016; Villar F. La Transición exterior de España. Del aislamiento a la influencia (1976–1996). Madrid: Marcial Pons, 2016.

² Véase: Discursos. — http://www.casareal.es/ES/actividades/Paginas/actividades_discursos.aspx (fecha de consulta: 28.02.2018).

desde los Pactos de Madrid de 1953 — y redefinió los ejes prioritarios de su política exterior, en especial en relación con América Latina y los países del Magreb. Las relaciones entre España y la URSS se desarrollaron en este marco general en el que los Gobiernos democráticos de Adolfo Suárez, Leopoldo Calvo Sotelo y Felipe González buscaron situar a España “en su sitio”³, con un papel internacional acorde al de un país democrático y en proceso acelerado de modernización económica, política y social.

Las relaciones con la URSS durante la Transición inacabada de la política exterior española, 1976–1982. El establecimiento de relaciones con la Unión Soviética fue parte, por tanto, de una nueva política exterior, que incluía el reconocimiento de los países con los que España no había tenido relaciones durante la dictadura de Franco (es decir los del bloque del Este — excepto la RDA, con la que existían desde 1973) y también México e Israel. Esta transición exterior se puso en marcha con el nombramiento de Adolfo Suárez como presidente del Gobierno y de Marcelino Oreja Aguirre como ministro de Asuntos Exteriores en julio de 1976, tras una etapa en que el antecesor de este último, José María de Areilza, había tratado en vano de convencer al mundo de la voluntad reformista del anterior presidente del Gobierno, Carlos Arias Navarro⁴. El objetivo de convertir el sistema político en una democracia plena y homologada internacionalmente se complementaba con el de dotarse de una política exterior democrática basada en la universalización de relaciones, la adhesión a los convenios internacionales sobre derechos humanos, la apuesta por el multilateralismo, y el ingreso de España en las organizaciones de construcción europea. Se trataba de conseguir el reconocimiento internacional para la joven Monarquía y para la democracia española, y de contribuir a su estabilidad mediante la normalización de su posición en el mundo⁵.

La Unión Soviética y España mantenían desde 1973 oficinas comerciales con funciones consulares en Madrid y Moscú. Además ambos países habían participado en la Conferencia de Seguridad y Cooperación en Europa entre 1973 y 1975, que ofreció un foro de diálogo hispano-soviético⁶. Los niveles técnicos ofrecieron vías de cooperación concretas: el 12 de mayo de 1976 España y la URSS suscribían un convenio aéreo⁷, y en otoño del mismo año una comisión mixta hispano-soviética se reunió en Madrid para supervisar la implantación del Acuerdo comercial, mientras las Cámaras de Comercio e Industria de la URSS y de España firmaban un acuerdo para la promoción del comercio

³ Véase: *Morán F.* España en su sitio. Barcelona: Plaza y Janés, 1990.

⁴ Véase: *Areilza J.M.* de. Diario de un ministro de la Monarquía. Barcelona: Planeta, 1998; *Calvo-Sotelo L.* Sobre la transición exterior. Discurso de recepción del Académico de Número Excmo. Sr. D. Leopoldo Calvo-Sotelo Bustelo, Marqués de la Ría de Ribadeo: sesión del día 16 de noviembre de 2005. Madrid: Real Academia de Ciencias Morales y Políticas, 2005.

⁵ *Powell C.S.* Cambio de régimen y política exterior. España, 1975–1989 // Tusell J., Avilés J. y Pardo R. (eds.). La política exterior de España en el siglo XX. Madrid: UNED, 2000. P. 413–453.

⁶ Véase el capítulo “La URSS y el Estado franquista: de la hostilidad al acercamiento”.

⁷ *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS... P. 189–206, especialmente P. 196.

bilateral⁸. Según todos los indicios, el Gobierno de la URSS siguió el proceso de democratización en España sin interferir en su desarrollo porque, a diferencia del proceso revolucionario portugués de 1974–1975, la Transición española, por su carácter gradual y consensuado, no resultaba amenazante para la estabilidad y la distensión en Europa, prioridades máximas de Brézhnev y Gromyko en esos años⁹.

Faltaba el impulso político para la plena normalización de relaciones, y este vino una vez clarificado el futuro democrático de España bajo el gobierno de Adolfo Suárez mediante la aprobación de la Ley para la Reforma Política en diciembre de 1976. Fue en enero de 1977 cuando una delegación diplomática soviética y una española negociaron el establecimiento de relaciones entre España y la URSS. En el curso de las negociaciones se decidió, en palabras del embajador Yuri Dubinin, “trabajar partiendo de cero, y hablar no del restablecimiento de las relaciones diplomáticas, sino de su establecimiento”, para orientarse al futuro y evitar referirse al pasado¹⁰. Era el mismo espíritu que había llevado al Ministerio de Asuntos Exteriores español a la conclusión de que no tenía sentido plantear ningún tipo de reclamación sobre el tan traído y llevado “oro de Moscú”¹¹.

Las relaciones diplomáticas a nivel de embajadas se establecieron pues, oficialmente, el 9 de febrero de 1977¹². El Gobierno español envió a Juan Antonio Samaranch como embajador a Moscú. Serguéi Bogomólov pasó a ser el primer embajador soviético en Madrid desde los días de la Segunda República, con sede en unas oficinas alquiladas hasta que se pudo construir un edificio como sede estable de la embajada en la calle Velázquez entre 1986 y 1991, ya con Serguéi Romanovski como embajador¹³. Con la legalización del Partido Comunista de España en abril de 1977, el Gobierno de Suárez completaba la superación del anticomunismo característico del régimen franquista y allanaba el camino a una nueva etapa de relaciones con la URSS. Desde estos primeros meses de 1977 los contactos hispano-soviéticos fueron normalizándose y haciéndose más densos, lo que implicó el incremento tanto de las visitas políticas como de las actividades de cooperación técnica y los intercambios culturales.

⁸ *Borzova A.* Serguéi Alexándrovich Bogomólov (1977–1978) // Diplomáticos rusos en España... P. 527–534, 529.

⁹ *Centenera J.* La Transición exterior española y la larga mano de Moscú. Madrid: Quinquerre S.L., 2013. P. 67–83.

¹⁰ *Dubinin Y.* Embajador, embajador. Madrid: Unión FENOSA, 2000. P. 23. Véase también el capítulo “El oro español, guerra civil y ayuda soviética”.

¹¹ *Perinat L.G.* Recuerdos de una vida itinerante. Madrid: Compañía Literaria, 1996. P. 206.

¹² España estuvo representada en Moscú en estos años por los embajadores Juan Antonio Samaranch (1977 a 1980), Luis Guillermo Perinat (1981 a 1983), José Luis Xifra (1983 a 1986) y José Cuenca Anaya (1986 a 1992), mientras representaban a la URSS ante España los embajadores Serguéi Bogomólov (1977 a 1978), Yuri Dubinin (1978 a 1986), Serguéi Romanovski (1986 a 1991) e Ígor Ivanov (1991 hasta 1994).

¹³ *Oreja M.* Memoria y esperanza. Relatos de una vida. Madrid: La Esfera de los Libros, 2011. P. 294. Pasados unos años, a Samaranch le resultarían muy útiles los contactos que estableció en la URSS durante los preparativos de los Juegos Olímpicos de Moscú 1980 para ser elegido presidente del Comité Olímpico Internacional precisamente en esta ciudad y en julio de aquel año. *Samaranch J.A.* Memorias olímpicas. Barcelona: Planeta, 2002. P. 51–53.

Los diplomáticos soviéticos en España: Serguéi Bogomólov.

Serguéi Bogomólov (1926 –14.9.2004) fue el primer embajador extraordinario y plenipotenciario de la URSS en España y permaneció en este cargo entre el 19 de febrero de 1977 y el 9 de octubre de 1978. Nació en el seno de la familia de un conocido diplomático soviético. Su padre, Alexánder Bogomólov, inició en 1939 su carrera en Narkomindel, y pasó un largo camino hasta asumir el cargo de viceministro de Asuntos Exteriores entre 1944 y 1950. Serguéi Bogomólov siguió el ejemplo de su padre. El joven diplomático entre 1955 y 1959 trabajó en la Embajada de la Unión Soviética en Washington y, entre 1966 y 1969, en París, en las direcciones prioritarias de la política exterior soviética. En 1969, le fue encomendado un nuevo destino: España. Fue designado vicedirector de la Compañía Naviera del Mar Negro en Madrid y aportó mucho al restablecimiento de las relaciones entre ambos Estados. Ocho años más tarde, Bogomólov llegó a ser el primer embajador soviético en España. El 15 de abril de 1977, llegó a Madrid en un estatus nuevo y el 5 de mayo entregó sus cartas credenciales al rey de España, Juan Carlos I. “Sabemos – dijo – que tenemos en España muchos amigos y que nuestros pueblos se sienten unidos por simpatía mutua y sentimientos amistosos”.

Bogomólov encabezó la Embajada hasta octubre de 1978, y durante ese periodo bastante corto, la embajada llevó a cabo un trabajo considerable, construyendo las relaciones diplomáticas hispano-soviéticas por los cimientos, i.e. por la base legal. En Moscú volvió a trabajar en el MAE, donde encabezó entre 1978 y 1986 la Dirección para Asuntos de Limitación de Armamento y Desar-

Ahora bien, en la primera etapa de las relaciones España-URSS el acercamiento mutuo se vio lastrado por el recelo heredado de décadas de incomunicación y distanciamiento, y por las constricciones impuestas por la dinámica de bloques. La presencia de bases militares estadounidenses en territorio español, y el posible ingreso de España en la Alianza Atlántica, pesaron gravemente sobre las relaciones Madrid-Moscú en estos años. Bajo Suárez y con Marcelino Oreja al frente de Exteriores, España mantuvo hasta 1980 una cierta indefinición en su política exterior, con signos de aproximación al Movimiento de Países No Alineados, tendencia que Moscú trató de alentar¹⁴. Pese a ello, el programa del Gobierno de Madrid era atlantista y se orientaba a integrar a España en la OTAN. Esta orientación generó fricciones que afloraron en la visita oficial de Marcelino Oreja a Moscú en enero de 1979, la primera de un ministro español de Asuntos Exteriores a la URSS. Tanto el primer ministro, Alexéi Kosyguin, como el ministro de Exteriores, Andréi Gromyko, advirtieron a Oreja del efecto desestabilizador que tendría el ingreso de España en la Alianza Atlántica sobre el equilibrio entre bloques, en especial en Europa y en el Mediterráneo occidental. El Gobierno soviético ofreció incluso a España su apoyo y

¹⁴ *Dubinín Y. Embajador... P. 29.*

me. Durante los dos años siguientes de su trabajo en el Ministerio ocupó el puesto de consejero principal de la Dirección de Planificación de Medidas de Política Exterior. En 1988, el diplomático emérito se retiró, siguiendo como vicepresidente de la Sociedad URSS-España. La nota de felicitación enviada por el MAE con motivo de su 75 aniversario decía: “En el largo periodo de su trabajo en España, por encargo del Ministerio de Asuntos Exteriores en calidad de vicedirector de la oficina de la Compañía Naviera del Mar Negro, de vicerepresentante comercial y, más tarde, como embajador extraordinario y plenipotenciario, aportó usted mucho al establecimiento de relaciones diplomáticas con este país tras la caída del régimen franquista, estableció amplios contactos entre el empresariado de los dos países y participó activamente en el desarrollo de nuestras relaciones interestatales”.

Juan Carlos I recibe a Serguéi Bogomólov.
Madrid, 1977.

una serie de acuerdos económicos y suministros energéticos, especialmente petróleo, a precios aceptables a cambio de que se mantuviera fuera de la Alianza¹⁵.

Las fricciones bilaterales se extendían a la cuestión del terrorismo de ETA, tras el que algunos sectores españoles creían ver la larga mano de Moscú, una insinuación que Kosyguin rechazó con vehemencia. Los derechos humanos constituían otro motivo de desencuentro, hasta el punto de que la agencia de noticias Tass censuró en la prensa soviética todas las referencias a los mismos que había incluido Oreja en su discurso ante Gromyko con motivo de una comida oficial¹⁶. En la visita de vuelta que Gromyko hizo a España entre el 19 y el 21 de noviembre de 1979 se evitó tocar frontalmente el tema de la OTAN, aunque el ministro soviético no dejó pasar la ocasión de tratar de amedrentar a los españoles, señalando que los países sin bases nucleares en

¹⁵ Oreja M. Memoria... P. 296–299.

¹⁶ *Ibíd.* P. 299. La posible implicación de la URSS en el terrorismo de ETA fue suscitada por medios de comunicación y partidos políticos como el PNV, pero no existe ninguna prueba de que hubiera un apoyo directo a esta organización dese Moscú. Véase: Fernández Soldevilla G. Héroes, heterodoxos y traidores. Historia de Euskadiko Eskerra (1974–1994). Madrid: Tecnos, 2013; Centenera J. La Transición... P. 287–298.

Marcelino Oreja Aguirre y Andréi Gromyko.
El intérprete Alexander Orlov. Moscú, 18 enero 1979.

clima de confianza entre los interlocutores después de décadas de hostilidad mutua²⁰.

786

La normalización hispano-soviética que estaba en curso se vio sometida a varias pruebas. España se alineó con el bloque occidental en la condena a la invasión soviética de Afganistán en diciembre de 1979, anuló la visita del ministro de Comercio Exterior soviético, Nikolái Patólichev, y congeló cualquier posibilidad de una visita oficial del Rey o de Suárez a Moscú, en la que se venía trabajando desde hacía tiempo²¹. Madrid y Moscú se cruzaron además acusaciones de espionaje que desembocaron en la expulsión del director de Aeroflot en España y el de Iberia en la URSS, así como de algunos diplomáticos²². Pese a ello, los dos países trataron de mantener

su territorio se ahorrarían un apocalipsis nuclear¹⁷. Las conversaciones se centraron en la preparación de la Conferencia de Seguridad y Cooperación en Europa que España albergaría al año siguiente, y en la que el Pacto de Varsovia pretendió hacer valer el principio de la “no ampliación de los bloques militares”¹⁸. Buscando espacios de entendimiento, Suárez y Oreja recalcaron el deseo español de incrementar los intercambios comerciales y culturales, que hasta aquel día se desarrollaban en niveles muy modestos como consecuencia del tardío establecimiento de relaciones diplomáticas, y el Rey Juan Carlos recibió a Gromyko en un encuentro que este tildaría de verdaderamente cordial¹⁹. Más allá de la firma de varios convenios, el principal objetivo de estas visitas era crear un

¹⁷ Morán F. Una política exterior para España. Barcelona: Planeta, 1980. P. 149.

¹⁸ Durán-Loriga J. Memorias diplomáticas. Madrid: Siddharth Mehta Ediciones, 1999. P. 261.

¹⁹ Gromyko A. Memorias. Madrid: El País Aguilar, 1989. P. 253.

²⁰ Oreja M. Memoria. P. 195.

²¹ López Muñoz I. Las relaciones España-URSS atraviesan un momento delicado // El País. 10 de febrero de 1980.

²² López I. La URSS puede desvelar informaciones sobre personas cercanas a Suárez // El País. 17 de febrero de 1980.

los puentes tendidos, y España acudió a los Juegos Olímpicos de Moscú en 1980, rechazando así secundar el boicot de los países occidentales encabezados por EE.UU.

Con la elección de Leopoldo Calvo Sotelo como presidente del Gobierno en febrero de 1981 y la sustitución de Oreja por José Pedro Pérez Llorca meses antes, el Gobierno español se decantó por abandonar la indefinición del periodo anterior y solicitar el ingreso en la OTAN. Esta decisión, ejecutada en diciembre de 1981, llevó a las relaciones Madrid-Moscú a un nuevo punto de gelidez durante los años 1981–1982²³. La Unión Soviética presionó insistentemente sobre los españoles tratando de que el Gobierno reconsiderara su postura, lo que llevó a fricciones e incluso a momentos de tensión entre ambos países. El 7 de septiembre de 1981, el encargado de negocios de la Embajada soviética en Madrid, Ígor Ivánov, entregaba en el Ministerio de Asuntos Exteriores español un memorándum del Gobierno soviético titulado *Los planes de entrada de España en el bloque Atlántico*, en el que Moscú prevenía a Madrid con las consecuencias negativas que tendría para las relaciones hispano-soviéticas la inclusión de España en una alianza hostil a la URSS, la OTAN. El Gobierno español devolvió la nota y contestó con un comunicado oficial que denunciaba “un nuevo y flagrante intento de injerencia soviética”²⁴. España se convertiría el 30 de mayo de 1982 en un nuevo miembro de la Alianza Atlántica, y la URSS contestó este hecho con una nueva nota redactada en duros términos²⁵. Pese a todo, incluso en pleno proceso de ratificación del ingreso en esta organización, España y la Unión Soviética encontraron puntos de encuentro, como el rechazo común a la ocupación de los Altos del Golán por Israel, o la abstención de ambos países en la votación del Consejo de Seguridad de la ONU que exigió la retirada de las tropas de Argentina de las islas Malvinas en abril de 1982²⁶.

La culminación de la transición exterior y las relaciones con Moscú, 1982–1985. La llegada al poder de Felipe González tras la victoria del PSOE en las elecciones generales de 1982 significó la apertura de una nueva etapa en la política exterior española y, por ende, en las relaciones con la URSS. González y su ministro de Exteriores Fernando Morán, a quien sucedió Francisco Fernández Ordóñez en 1985, completaron la inserción internacional de España con el ingreso en las Comunidades Europeas y la definición de la participación en la OTAN tras el referéndum de marzo de 1986.

A corto plazo, el Gobierno se ocupó de obtener la colaboración de la URSS para garantizar la conclusión de la CSCE que se celebraba en Madrid desde 1980 gracias al apoyo soviético, entre otros países, a la candidatura española para albergar este foro negociador. En un momento de gran tensión en Europa por el despliegue de los SS-20 soviéticos (RSD-10 *Pioner*) y de los misiles *Pershing* y *Cruise* norteamericanos, solo la intervención directa de la Moncloa logró vencer

²³ Dubinin Y. Embajador... P. 95–96.

²⁴ Calvo Sotelo L. Memoria viva de la transición. Barcelona: Plaza y Janés, 1990. P. 130–131; Pereira J.C. España y la URSS... P. 204.

²⁵ Perinat L.G. Recuerdos... P. 210–211.

²⁶ Dubinin Y. Embajador... P. 125; Story J. Redefinición de las relaciones exteriores de España: 1975–1989 // Las relaciones exteriores de la España democrática. P. 69.

La primera visita del rey de España a la URSS

La primera vez que un jefe de Estado español pisaría tierras rusas en los más de 300 años de contactos entre ambos países, ya fuera en la época soviética, ya fuera en la Rusia zarista, sería en mayo de 1984. Durante una semana, entre el 10 y el 16 de mayo, los reyes Don Juan Carlos I y Doña Sofía realizaron un viaje de ocho mil kilómetros en el que visitarían Moscú, Tashkent, Samarcanda y Leningrado en un viaje de ocho mil kilómetros.

Tanto los políticos españoles, como la cúpula soviética tenían depositadas grandes esperanzas en la visita del rey, y esperaban, sobre todo, que contribuyera al fortalecimiento de los contactos mutuos y a una interlocución activa en el ámbito internacional. Así quedaría de manifiesto en los discursos del secretario general del Partido Comunista de la URSS, Konstantín Chernenko, y del rey Juan Carlos I en una sesión solemne en el Kremlin el 11 de mayo de 1984. Chernenko subrayó que la diferencia entre los sistemas sociales y políticos de España y la Unión Soviética y la divergencia de las posiciones sobre ciertos problemas internacionales no eran obstáculo para mantener una cooperación constructiva.

Don Juan Carlos defendió la necesidad de redoblar esfuerzos para intensificar el ritmo y dar un contenido más variado a las relaciones entre la Unión Soviética y España, “porque todo esto va a beneficiar a nuestros intereses mutuos”.

Ambos líderes hicieron hincapié en que la base de las relaciones soviético-españolas había sido y sería “el respeto mutuo y la no injerencia en los asuntos del otro” y la búsqueda de “una paz duradera”. El monarca español subrayó que “los pueblos que han debido pagar un alto precio para rechazar una agresión exterior, como el pueblo de la Unión Soviética, y los pueblos que han pagado un alto precio por conquistar la democracia, como el pueblo español, tienen un largo camino que recorrer para crear y contribuir a crear ese mundo que los pueblos desean, regido por la libertad y el consenso, el respeto de los derechos humanos y la democracia política y social”.

la inflexibilidad inicial de Andrópov y Gromyko, quienes rechazaban de plano un documento sobre neutrales y no alineados consensuado por el bloque occidental²⁷. Finalmente se logró consensuar en 1983 una declaración final aceptable para la URSS y su bloque, para el grupo de la OTAN y para los neutrales y no alineados²⁸. En sus memorias, Gromyko tendría palabras de reconocimiento para los buenos oficios de España como anfitriona de la CSCE, y en especial para González y Morán, como defensores de una profundización en las relaciones hispano-soviéticas libres de presiones exteriores²⁹.

²⁷ *Morán F.* España... P. 151.

²⁸ *Ibíd.* P. 219–220.

²⁹ *Gromyko A.* Memorias. P. 253.

La visita de la pareja real española a la URSS no solo consistió en importantes reuniones oficiales. Juan Carlos y Sofía trataron de descubrir la historia y la cultura del país: en su programa se incluyó Leningrado, como ejemplo del pasado imperial y revolucionario ruso, la república de Uzbekistán —con sus monumentos medievales—, el Monasterio de la Trinidad y San Sergio y la Ciudad de las Estrellas. El rey de España mantuvo un encuentro con los “niños de la guerra” en cuyos destinos unían las historias de ambos pueblos. Tanto para la Unión Soviética, como para la España democrática, la visita del rey de España a la URSS fue un evento histórico, que abría una nueva etapa en el desarrollo de las relaciones entre ambos países. “Optimismo”, así *El País* caracterizaba la atmósfera general del viaje.

Juan Carlos I y doña Sofía con el secretario general del PCUS, Konstantín Chernenko. Moscú, 1984.

La firma del acta final de la Conferencia en 1983 estuvo, sin embargo, a punto de naufragar cuando norteamericanos y soviéticos se cruzaron duras acusaciones en Madrid por el derribo de un B 747 surcoreano con 269 personas a bordo cerca de la península de Kamchatka. España adoptaría sanciones temporales contra la URSS prohibiendo durante un tiempo los vuelos de Aeroflot a España, a lo que Moscú respondió suspendiendo temporalmente los vuelos de Iberia a su territorio, pero la delegación española logró que se evitara una propuesta de condena a la URSS presentada por el secretario de Estado norteamericano James Schultz, lo que permitió clausurar la Conferencia con la aprobación del Acta final y la fijación de las reuniones siguientes que desarrollarían sus temas³⁰.

³⁰ Morán F. España... P. 220–224.

Es posible que la URSS, por la reacción occidental al despliegue de los SS-20, se viera forzada a moderar sus posiciones, optando por mostrarse favorable al avance del desarme y la adopción de medidas de seguridad común y de creación de confianza, como expresó Gromyko a Morán en Estocolmo en enero de 1984³¹. El clima bilateral mejoró mucho, en todo caso, en el tiempo que transcurrió entre la visita de Morán a la URSS del 29 de mayo al 3 de junio de 1983, y la que hicieron los Reyes en mayo de 1984³². La visita real fue un éxito desde el punto de vista político y diplomático y constituyó, a juicio del ministro español, “un verdadero hito en las relaciones con la URSS y contribuyó a consolidar la percepción de que éramos un país occidental que rompía los aislamientos en que nos enclaustró el régimen anterior”. El Rey se entrevistó con el secretario general del Comité Central del PCUS Konstantín Chernenko en la sala Catalina del Kremlin en presencia del presidente del Consejo de Ministros de la URSS Tijonov, Gromyko, y Morán, y en esta ocasión *Pravda*, que se volcó como los demás medios estatales soviéticos en la figura de los reyes, no censuró ni una coma del discurso pronunciado por Don Juan Carlos en la cena oficial, en la que se refirió en términos “más bien duros al tema de los derechos humanos”, una muestra del cambio de actitud soviético hacia España³³.

La URSS asumió que España probablemente continuaría perteneciendo a la OTAN incluso con los socialistas en el poder, por lo que sus dirigentes pasaron a depositar sus esperanzas en que Madrid desempeñara su papel en la Alianza con “cierta autonomía y flexibilidad”³⁴. La clarificación de la política exterior del Gobierno, expuesta por Felipe González en el debate sobre el Estado de la Nación celebrado en el Congreso de los Diputados del 23 al 25 de octubre de 1984, contribuyó a calmar los ánimos: Madrid apostaba por la permanencia en la OTAN, pero también por la no incorporación a su estructura militar, la no nuclearización del territorio español, la reducción negociada de la relación bilateral con EE.UU., la eventual participación en la UEO y la suscripción del Tratado de No Proliferación Nuclear.³⁵ En las entrevistas que mantuvo con el rey Juan Carlos y con Felipe González durante su visita a España en febrero de 1985, Gromyko transmitió la impresión de aceptar sin reservas la decisión española y agradeció que España se negara a albergar armas nucleares de la OTAN dirigidas contra el Pacto de Varsovia³⁶. La ratificación de la permanencia de España en la OTAN tras el referéndum de marzo de 1986 cerró un periodo de indeterminación y consolidó un marco de participación de España en la alianza occidental, sobre el que se desarrollarían las relaciones hispano-soviéticas en adelante.

En otros niveles de relación, esta etapa estuvo jalonada por realizaciones discretas y por luces y sombras en distintos ámbitos bilaterales. Las relaciones

³¹ *Ibíd.* P. 268.

³² *Dubinín Y. Embajador...* P. 155–157, 172–183.

³³ *Morán F. España...* P. 337–338.

³⁴ *Ibíd.* P. 152.

³⁵ *Ibíd.* P. 370.

³⁶ *Ibíd.* P. 421–422; *Dubinín Y. Embajador...* P. 205–208.

comerciales hispano-soviéticas adquirieron un incremento considerable a impulso de los embajadores Yuri Dubinin en Madrid y José Luís Xifra de Ocerín en Moscú, y el interés por las manifestaciones culturales españolas en la URSS y soviéticas en España aumentó, si bien los intercambios culturales distaban de ser abundantes³⁷. Se habían firmado convenios para ampliar la colaboración mutua en los campos económico, científico, técnico y cultural, pero no faltaban los reveses. En febrero de 1984 España y la URSS renovaron el acuerdo sobre el régimen de pesca y estancia de los marineros soviéticos en Canarias, las llamadas “Cartas Boado” por el nombre del funcionario que las negoció en 1967, aunque recortando muchas de las concesiones a la URSS que el Gobierno español consideraba excesivas³⁸. Por otra parte, durante la visita del Rey a Moscú, los españoles no consiguieron que Gromyko renunciara al boicot de los atletas soviéticos a los Juegos Olímpicos de Los Ángeles en 1984. En lo que sí se obtuvieron algunos avances fue en el retorno a España de los “niños de la guerra” entre 1983 y 1986, gracias a que se agilizaron las gestiones burocráticas que debían realizar en la URSS³⁹. En suma, a mediados de los años ochenta España y la URSS tenían relaciones normalizadas y estables, surcadas por desencuentros puntuales, pero quizá el principal logro de los numerosos encuentros hispano-soviéticos desde la muerte de Franco fuera, como concluiría Gromyko, que Moscú y Madrid habían “aprendido a hablar la una con la otra, lo cual ya es una hazaña”⁴⁰.

EL ESTABLECIMIENTO DE RELACIONES DIPLOMÁTICAS EN 1977: PÁGINAS DESCONOCIDAS

Los antecedentes de la formalización del acuerdo sobre el establecimiento de relaciones diplomáticas entre la URSS y España son casi desconocidos. Por lo tanto, se presentan las memorias del diplomático Alexander Orlov, que en aquel momento comenzó a trabajar en el Primer Departamento Europeo del Ministerio de Asuntos Exteriores y participó directamente en las negociaciones...

791

* * *

Al haberse iniciado el proceso de democratización en la España postfranquista, la cuestión de la normalización de las relaciones hispano-soviéticas cobró determinada actualidad. En Moscú se seguía con atención el desarrollo de la “Transición democrática”, intentando discernir si se trataba de un mero lavado de imagen del régimen franquista o una nueva política de Madrid destinada a elevar a España a la categoría de un Estado moderno, próspero y democrático. Leonid Brézhnev, en el informe que presentó ante el XXV Congreso del PCUS (24.2.1976), dedicó solo unas pocas palabras sobre España, afirmando que en ese país “había comenzado a tambalearse

³⁷ Morán F. España... P. 153.

³⁸ *Ibid.* P. 338.

³⁹ *Ibid.* P. 153.

⁴⁰ Gromyko A. Memorias... P. 254.

el régimen franquista⁴¹. Pero el propio hecho de que ese breve pasaje apareciera en el texto del informe era muy significativo: desde el Kremlin se seguían y se valoraban las transformaciones que estaban teniendo lugar en España. Algo más tarde, en otra intervención de Brézhnev, se insistía en que en la Unión Soviética se recibían con interés las noticias del proceso de democratización de la vida política de España y se le deseaba al pueblo español que siguiera cosechando éxitos el camino emprendido⁴².

A finales de 1976, Moscú no tenía dudas sobre la necesidad de restablecer las relaciones diplomáticas con España. Solo faltaba escoger el momento oportuno para dar el paso. Pero en ese momento aparecieron situaciones no previstas. En aquel entonces, para la URSS era muy importante el factor de la solidaridad con los partidos comunistas “hermanos”, un hecho que, a menudo, se imponía sobre los intereses pragmáticos que guían el desarrollo de las relaciones interestatales. Así sucedió en el caso de España. En diciembre de 1976, fue detenido en Madrid el Secretario General del Partido Comunista de España (PCE), Santiago Carrillo, que estaba en el exilio y había entrado clandestinamente en el país. Pese a que, para aquel momento, las relaciones del PCUS con el “núcleo eurocomunista” del PCE se habían complicado seriamente, Moscú no podía cerrar los ojos ante la detención del líder de los comunistas españoles. En los pasillos del MAE soviético se decía entonces que el incidente con Carrillo había detenido normalización de las relaciones bilaterales entre un mes y medio y dos meses. Y meses, pues solo tras la liberación de Carrillo y sus compañeros de filas se reinició dicho proceso.

Actualmente es difícil afirmar con plena certeza si fue así o no. Yuri Dubinin, que en aquel período era el director del Primer Departamento Europeo del MAE de la URSS, escribía al respecto que “en enero de 1977 el Gobierno español propuso a la URSS celebrar negociaciones sobre el establecimiento de relaciones diplomáticas. Moscú dio respuesta positiva. [...] Las negociaciones se celebraron el 26 y el 27 de enero [1977] y discurrieron en un ambiente constructivo”⁴³. Sin embargo, el hecho de que fuera muy difícil, considerando los trámites meramente burocráticos indispensables, coordinar con tanta rapidez (en dos o, como máximo, tres semanas) y, de hecho, “desde cero”, los plazos y la agenda de las negociaciones, en ausencia de relaciones diplomáticas y, por tanto, sin canales de comunicación estables, habla a favor de la hipótesis de que habían precedido ya algunos contactos diplomáticos. Según parece, Yuri Dubinin se refería a la “segunda tentativa” de instrumentar un diálogo, la que se había iniciado tras la liberación de Carrillo. Sin embargo, la verdad seguirá siendo un pequeño secreto entre Madrid y la “Smolenskaya-Sennaya”⁴⁴.

⁴¹ Materialy XXV s'yezda KPSS (Materiales del XXV Congreso del PCUS). Moscú: Politizdat, 1976. P. 29.

⁴² *Brezhnev L.I.* Leninskim kursom (Por el camino de Lenin). Moscú: Politizdat, 1978. T. 6. P. 340.

⁴³ *Dubinin Yu.V.* Stanovleniye sovremennykh rossiysko-ispanskikh otnosheniy (Establecimiento de las relaciones hispano-rusas contemporáneas) // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. Nº 1, 2011. - <https://interaffairs.ru/jauthor/material/383> (fecha de consulta 10.04.2018).

⁴⁴ El MAE de Rusia, y anteriormente, de la URSS, radica en la plaza Smolenskaya-Sennaya de Moscú. Por ello a veces el MAE de Rusia es denominado “Smolenskaya-Sennaya” por analogía, por ejemplo, con el Quai d'Orsay en Francia.

Para hacerse cargo de las negociaciones, se desplazó a Moscú Antonio Elías Martinena, director general de Política Exterior para Europa y Asuntos Atlánticos del MAE de España. Por la parte soviética, la misión de encabezar las negociaciones recayó en Yuri Dubinin. Para mí dicha “epopeya española” era un verdadero regocijo: medio año antes de aquello me había graduado en el Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú (MGIMO). Actualmente en el MAE ruso hay bastantes funcionarios que se ocupan de los asuntos que tienen que ver con España, pero en aquel entonces este país transpirenaico era algo verdaderamente exótico. En abril de 1974, es decir, menos de tres años antes de los sucesos que se describen, estalló en Portugal la “Revolución de los Claveles”, que acabó con el longevo régimen de Salazar-Caetano. Se normalizaron las relaciones bilaterales luso-soviéticas, lo que requirió crear un subdepartamento especial, encargado de España y Portugal en el Primer Departamento Europeo del MAE de la URSS. Pero en los inicios de la “historia española” trabajaban en el mismo, si mal no recuerdo, nada más que solo cuatro personas, con la particularidad, que era lógica, de “tender a Portugal”. Y es que había una enorme cantidad de trabajo, ya que la tarea consistía en sentar las bases para reconstruir las relaciones con un Estado europeo grande, con el que nuestro país había estado unido antaño por firmes vínculos políticos, militares, económicos y puramente humanos, interrumpidos durante casi cuarenta años.

Entre finales de 1976 y principios de 1977, Moscú y Madrid empezaban, pues, una nueva etapa en su historia, pero no lo hacían partiendo de una “hoja en blanco”. En aquel momento, los contactos económico-comerciales y culturales ya habían alcanzado cierto desarrollo. En septiembre de 1972, se había firmado el acuerdo comercial interestatal, a cuyo marco en Moscú y Madrid, iniciaron su actividad las representaciones comerciales de ambos países. A partir de 1974 estas representaciones, a la vez que las funciones comerciales, asumieron, oficialmente, las consulares y, extraoficialmente, por omisión, también las diplomáticas. En aquel período el representante comercial de España en la URSS era el diplomático de carrera, embajador Rafael Ferrer Sageras. Sin embargo, el representante del MAE de la URSS Serguéi Bogomólov no era titular de la representación comercial soviética en Madrid. Trabajaba en la capital española en concepto de vicerrepresentante de nuestra misión comercial.

En el transcurso de la visita a Moscú de la delegación española con Antonio Elías al frente se acordó el texto del comunicado acerca de la normalización de las relaciones soviético-españolas. En dicho documento se trata del establecimiento, que no restablecimiento, de las relaciones diplomáticas entre la URSS y España. Más tarde, en muchas ocasiones, me hicieron preguntas sobre aquello, tratando de demostrar que, al parecer, había sido un error cometido por equivocación por parte de los negociadores. No hubo ningún error. La lógica de la postura de la parte soviética -y nosotros precisamente eramos los que habíamos insistido en la palabra “establecimiento”- consistía en que la Unión Soviética normalizaba por entero las relaciones con la España nueva, democrática, rechazando con ello toda herencia franquista. Creo recordar que Yuri Dubinin estaba convencido de que esta es la postura correcta y la defendió firmemente, consecuente con ello, al mismo tiempo, sin faltar a los cánones de la ética diplomática y manteniendo el más riguroso respeto con la contraparte de las negociaciones. Toda

su rica carrera diplomática lo ha corroborado convincentemente. Dubinin fue uno de los dirigentes de la delegación soviética en el proceso de elaboración del Acta final de la CSCE y, a orillas del Lago Lemán de Ginebra, donde se había celebrado el maratón de negociaciones durante varios años, había pulido su maestría a la hora de llevar con virtuosismo el diálogo diplomático. Al final los españoles, manifestando por su parte su buena voluntad, se aceptaron y asumieron nuestros argumentos.

Tanto Moscú como Madrid estaban en ese momento interesados por igual en llegar, cuanto antes, a un acuerdo sobre el establecimiento de relaciones diplomáticas. De no haber sido por el asunto de Carrillo, la Unión Soviética habría sido el primer país socialista en normalizar las relaciones con la España postfranquista⁴⁵. Pero al final Moscú fue adelantada por Rumanía que había establecido relaciones diplomáticas con España el 21 de enero de 1977, por Yugoslavia y Bulgaria, – ambas el 27 de enero de 1977, y por Polonia, el 31 de enero de 1977.

Recuerdo a Antonio Elías como un diplomático muy hábil, fino. Me cuesta trabajo juzgar a qué criterios políticos se atenía, puesto que tanto durante las negociaciones como en el trato personal fuera de despacho era dueño de sí y enormemente correcto. Con ello, parecía que ha conquistado la simpatía de Yuri Dubinin, quien, como si reflexionara en alta voz, en una ocasión manifestó de que sería bueno que Elías se convirtiera en embajador español en Moscú. No era una sugerencia descabellada, pues en la aurora de la democracia en España algunos interlocutores españoles no disimulaban, o disimulaban mal, que no simpatizaban mucho con nuestro país. De tal situación fui testigo directo, cuando en 1978 llegué por primera vez a España formando parte de una delegación del Ministerio de Finanzas de la URSS que se desplazó a Madrid para sostener conversaciones acerca de la elaboración del acuerdo para evitar la doble imposición. Hay que señalar, que aquellos contactos terminaron sin resultados, y tal acuerdo se concluyó más tarde.

794

El representante comercial español en Moscú, Rafael Ferrer, no dejaba a Antonio Elías que no se separa ni por un momento. Visto desde fuera, parecía que entre los españoles había una rivalidad oculta por la posición de “primera persona” en las negociaciones. Pero puede ser que Ferrer, simplemente, viera en Elías a su competidor. Se posicionaba abiertamente como futuro embajador español en la URSS y, a juzgar por todo, asociaba con aquel posible nombramiento sus esperanzas de ascender rápidamente en el escalafón profesional. Como se sabe, sus planes no lograron materializarse. Fue Juan Antonio Samaranch quien sería nombrado como el primer embajador de la España democrática en la Unión Soviética. Su peso político, por supuesto, era incomparable con la potencialidad de Ferrer. Es muy probable que alguien en Madrid ejerciera presión activamente a favor del nombramiento de Ferrer al puesto de embajador en Moscú, e incluso es posible que existieran algunos acuerdos al respecto.

⁴⁵ Las relaciones oficiales entre España y la RDA se establecieron durante el régimen de Franco; sin embargo, quedaron rotas en septiembre de 1975 tras la ejecución de cinco antifranquistas: dos independentistas vascos de ETA y tres miembros del FRAP. El caso de la RDA era especial. Tanto España como la RDA experimentaban en aquel período dificultades en lo referente a su propio reconocimiento oficial internacional y estaban interesadas en la ampliación de la esfera de sus contactos diplomáticos.

La candidatura de Samaranch surgió muy inesperadamente. Al departamento de España y Portugal del MAE le “encargaron” la tarea urgente de conseguir más información sobre él. Se logró averiguar que en su juventud había militado en la Falange; que durante 10 años había sido miembro de las Cortes franquistas (procurador, denominación que había introducido Franco para los diputados de su Parlamento por cierta analogía con los miembros de las antiguas Cortes de Castilla, para evitar cualquier asociación con los tiempos republicanos); que en los 1970s, había presidido la Diputación Provincial de Barcelona. En definitiva, a primera vista, poco parecía que podía esperarse del primer embajador en la URSS propuesto por los españoles después de una larga pausa en las relaciones entre ambos países. Con las prisas, nadie se fijó incluso en que Samaranch era, desde 1974, vice presidente del Comité Olímpico Internacional (COI). Mucho podía hablarse sobre Samaranch. Gracias a su fervorosa energía, a su actividad ilimitada, a su sólida posición en la élite política y económica de España, y a su encanto personal, este hombre muy pronto supo crearse en Moscú la firme reputación de “nuestro amigo español”, hacerse con un amplio círculo de conocidos en los más diversos ámbitos, incluso al máximo nivel político, lo que le permitió obtener el respaldo del Comité Olímpico Nacional de la URSS y de los CON de los países socialistas en las elecciones a Presidente del Comité Olímpico Internacional en 1980, celebradas durante la Olimpiada de Moscú. Y lo más importante: en mi opinión, sentía una sincera simpatía y un profundo respeto por nuestro país, y mostraba enorme interés personal por su historia y su cultura. Su residencia en la calle de Paliashvili, en el mismo centro de Moscú, pronto se convirtió en el lugar donde se reunían los “amigos de España”. Allí se podía ver al futuro presidente del Comité Olímpico de Rusia Vitaliy Smirnov o al pintor Ilya Glazunov quien, con el apoyo directo del embajador Samaranch, ganó una amplia notoriedad, pintó retratos de miembros de la Familia Real y más tarde decoró el edificio de la Embajada soviética en Madrid, inaugurado antes de la primera visita de Mijail Gorbachov a España, en octubre de 1990.

Pero volvamos varios años atrás. Las relaciones diplomáticas entre la Unión Soviética y España quedaron establecidas el 9 de febrero de 1977. El acto se formalizó mediante un intercambio de notas entre el miembro del Buró Político del CC del PCUS, ministro de Asuntos Exteriores de la URSS, Andréi Gromyko, y el ministro de Asuntos Exteriores de España, Marcelino Oreja Aguirre, con lo que se buscaba poner en manifiesto, como más tarde destacó Yuri Dubinin, la trascendencia de este acuerdo. En un comunicado común se decía que la URSS y España desarrollarían las relaciones entre sí basándose en los principios de la coexistencia pacífica, a tenor de los Estatutos de la ONU y en la línea de los acuerdos alcanzados en la Conferencia sobre Seguridad y Cooperación en Europa. Simultáneamente, se expresaba la convicción recíproca de que el establecimiento de relaciones diplomáticas entre la URSS y España favorecería la continuidad de la colaboración en lo político, económico-comercial, cultural y en otros ámbitos para el bien de los pueblos soviético y español, en interés del fortalecimiento de la paz y la seguridad en Europa y en el mundo entero⁴⁶.

⁴⁶ Izvestiya, № 34 (18489). 09.02.1977.

Los diplomáticos españoles en la URSS: Juan Antonio Samaranch

El 9 de febrero de 1977 marcó un hito en la historia del siglo XX de España, dado que se puso fin a más de 40 años de relaciones congeladas con la Unión Soviética. Todo ese proceso no podría entenderse sin el papel de Juan Antonio Samaranch (17.7.1920 — 21.4.2010), una figura pública que hasta ese momento había dedicado media vida a la defensa de los valores deportivos y que presentó sus cartas credenciales el 8 de agosto en el palacio del Kremlin ante el vicepresidente del Soviet Supremo, Iván Poliakov. Samaranch se convirtió, de este modo, en el primer embajador español en la URSS desde 1936 a sus 58 años. Antes de ello había trabajado en la vida política local de Barcelona a la que siguió su nombramiento como procurador en Cortes (1967–1977) y presidente de la Diputación de Barcelona (1973–1977).

En su discurso de presentación de las cartas credenciales, Samaranch hizo referencia a la necesidad del respeto a la soberanía de los Estados y, por tanto, “la no injerencia en los asuntos internos de cada uno de ellos”. El nuevo jefe de la misión española añadió: “Este reencuentro diplomático debe redundar en beneficio de ambos pueblos y de la paz y concordia entre las naciones”. Samaranch estuvo acompañado por los diplomáticos Eugenio Bregolat y Juan José Santos, quienes ocuparon los cargos de primer y segundo secretario de la Embajada de España. Curiosamente 15 años después, Bregolat fue nombrado también embajador español en Rusia.

El establecimiento de las relaciones diplomáticas generó inicialmente recelos en algunos sectores conservadores españoles. El objetivo principal de su nueva responsabilidad fue incrementar el intercambio económico y comercial entre ambos países. Los resultados fueron la puesta en marcha de una nueva conexión aérea Madrid-Moscú; una mayor colaboración en el terreno deportivo; acuerdos vinculados con el sector pesquero; y un acercamiento para la cooperación científica y tecnológica.

La apertura de relaciones diplomáticas alentó el intercambio comercial entre ambos países. Así se pasó de los 6 millones de euros en 1973 a más de 46 millones de euros cuatro años después. No obstante, Samaranch tuvo que abordar algunas vicisitudes, como la de los “niños de la guerra” y las informaciones que apuntaban a la existencia de soldados de la División Azul detenidos desde hacía décadas.

El propio procedimiento de intercambio de notas tuvo lugar el 9 de febrero, de forma simultánea en Moscú (a las 12.00 hora local) y en Madrid (a las 10.00 hora local). En Moscú la nota soviética fue entregada por el viceministro de Asuntos Exteriores de la URSS, Anatoli Kovaliov, que supervisaba en el MAE de la URSS el Primer Departamento Europeo, al representante español, Rafael Ferrer. Asistieron al evento Yuri Dubinin, otros funcionarios del Primer Departamento Europeo, y por la parte española, los integrantes de la delegación

Después de la entrega de las cartas credenciales.
Juan Antonio Samaranch e Iván Poliakov. 1977.

Las Olimpiadas de Moscú en 1980 fueron su primera gran prueba pues España inicialmente declinó participar en la gran cita deportiva en protesta por los sucesos de la invasión soviética de Afganistán. Sin embargo, la decisión final de Francia de acudir a la cita convenció a las autoridades españolas de que era una decisión adecuada.

Samaranch dejó su cargo el 17 de octubre de 1980 tras haber sido elegido presidente del COI el 16 de julio de aquel año, en la Casa de los Sindicatos Soviéticos. Permaneció al frente de la organización durante 21 años y fue también en la capital rusa donde la abandonó en julio de 2001.

comercial Eugenio Bregolat y Juan José Santos. Es significativo que Dubinin y Bregolat serán más tarde embajadores de sus países en España (1978–1986) y en Rusia (1992–1996), respectivamente.

Pero el primer embajador de la URSS en España, designado después de haberse normalizado las relaciones, fue Serguei Bogomólov, quien, a diferencia de Ferrer, nunca había mencionado en público tal perspectiva. En primavera de 1978, tuve ocasión de conocerlo en persona. De estatura mediana, enjuto, de pelo escaso, a

Los diplomáticos soviéticos en España: Yuri Dubinin

Yuri Dubinin comenzó su carrera diplomática en París en la década de 1950, trabajando en la Embajada de la URSS y más tarde en el Secretariado de la UNESCO. En 1968, volvió a Moscú, donde encabezó el Primer Departamento Europeo del MAE. A principios de 1977, siendo miembro de la Dirección colegial del MAE y jefe del Primer Departamento Europeo, Dubinin participó en las negociaciones para el restablecimiento de relaciones diplomáticas con la delegación española, encabezada por el jefe de la Dirección General de Política Exterior para Europa y Asuntos Atlánticos, Antonio Elías Martinena. En 1978, fue nombrado embajador extraordinario y plenipotenciario de la URSS en España. Su actividad abarcó la primera década después del restablecimiento de las relaciones diplomáticas entre la URSS y España, en la que tuvo lugar el desarrollo de las relaciones bilaterales a gran escala. La etapa inicial de las relaciones entre ambos países fue, como señaló el diplomático soviético en sus memorias, “complicada, ya que en Moscú no tenían una idea muy clara de la situación en España, no conocían a los nuevos dirigentes de Madrid”. El Gobierno soviético, buscando a tientas las vías de aproximación política entre ambos Estados, encomendó a los diplomáticos objetivos prudentes y bastante generales: contribuir al desarrollo y establecimiento de la democracia en España e involucrar a España en la política de apaciguamiento de las tensiones internacionales. Tras la firma de una serie de tratados y del intercambio regular de delegaciones parlamentarias y de visitas de los ministros de Asuntos Exteriores, desde 1984 se amplió la base legal de las relaciones mutuas, se intensificaron las relaciones económicas y comerciales y la cooperación técnica y científica. Como decía el propio embajador: “El abanico de la política española se abría cada vez más a la Unión Soviética”.

En 1986, Yuri Dubinin fue nombrado representante permanente de la URSS ante la ONU; de allí salió para Washington como embajador de la URSS en EE.UU. y después volvió a Europa, como embajador de la URSS en Francia. En 1991, fue nombrado embajador en Misión Especial del MAE, y, desde 1994, ejerció como viceministro de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia. Terminó su carrera diplomática como embajador extraordinario y plenipotenciario de Rusia en Ucrania, con el rango de viceministro de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia. Después de retirarse en 1999, Yuri Dubinin escribió muchos libros sobre la diplomacia, entre los cuales destaca “¡Embajador! ¡Embajador! Memorias de un embajador en España”. Fue el “embajador soviético que cambió las relaciones con España”, como dijera sobre él un periodista español.

pesar de que entonces todavía no había cumplido los cincuenta años, me causó impresión de ser un hombre modesto, culto e intelectual, sin mucho dinamismo, para el cual el nuevo alto cargo en Madrid, probablemente, resultó ser un regalo algo inesperado, pero muy caro. A fin de cuentas, ¡no todos logran dar un salto tan vertiginoso como pasar de vicerrepresentante comercial a de embajador! En lo que

a mí respecta, tal decisión de los dirigentes soviéticos me parecía completamente lógica y correcta. Aunque, posiblemente, aquel paso tuviese un sentido más profundo que lo que podía parecer a primera vista y llevase un tinte no solo y no tanto personal, como que sino que reflejase el enfoque estatal: hacer patente a los españoles que la aparición de una nueva persona, de mayor importancia, al frente de la representación diplomática soviética en Madrid dependía de cómo se desarrollaran las relaciones hispano-soviéticas en la nueva etapa y de cómo, en principio, avanzara el proceso de transición democrática, uno de cuyos componentes básicos era la erradicación del franquismo de España.

Juan Carlos I, Yuri Dubinin y Ígor Joanov

En otoño de 1978, Bogomólov fue relevado en su cargo por Dubinin, un diplomático con un status y posición inequívocamente más altos en el sistema del MAE soviético. En esto coincidieron felizmente los intereses estatales y personales. Para Dubinin era muy importante situarse en el nuevo cargo de embajador en un país europeo grande y de importancia, desde el punto de vista de los intereses soviéticos de política exterior. Como se sabe, España fue para él una importante rampa de lanzamiento para posteriores designaciones como embajador, entre ellas, las de representante permanente de la URSS ante la ONU en Nueva York, embajador de la URSS en EE.UU., embajador de la URSS en Francia y embajador de Rusia en Ucrania.

Yuri Dubinin, al igual que Juan Antonio Samaranch, hicieron una gran aportación en el desarrollo de las relaciones hispano-soviéticas, creando una base firme y positiva, que ha permitido, hasta la fecha, superar con éxito las dificultades con que pueden tropezar las relaciones interestatales en ciertas etapas de su devenir histórico.

799

EL IMPACTO DE LA *PERESTROIKA* EN LAS RELACIONES HISPANO-SOVIÉTICAS

La asunción del poder por Mijaíl Gorbachov en marzo de 1985 abrió una oportunidad histórica para avanzar en las relaciones Este-Oeste, como rápidamente percibió Felipe González⁴⁷. Las reformas políticas, sociales y económicas, y las audaces

⁴⁷ *Story J.* Redefinición... P. 69.

propuestas del dirigente soviético en materia de seguridad y desarme contribuyeron a destensar las relaciones hispano-soviéticas y prepararon el camino para un marcado estrechamiento de los contactos bilaterales. González había obtenido una excelente impresión de Gorbachov en su entrevista con él en Moscú con ocasión del funeral de Chernenko⁴⁸, y desde muy pronto el Gobierno español apostó por el reformismo del dirigente soviético. Se trataba de “invertir en perestroika”, lo que equivalía a “invertir en democracia y libertad”, como gustaría de repetir el presidente del Gobierno español⁴⁹. También significaba invertir en desarme y distensión: el Gobierno español se contó entre los que apoyaron más firmemente propuestas como la eliminación de los INF (misiles de alcance intermedio) expuesta en febrero de 1987 por Gorbachov⁵⁰. Enormemente popular en España, una vez vencidas las reticencias iniciales, Gorbachov despertó grandes esperanzas al hilo de la popularización de los conceptos de *glasnost*, *perestroika* y *nuevo pensamiento*. Como el resto del planeta, España se rindió a lo que el lenguaje periodístico denominó como “gorbimanía”⁵¹.

González visitó la URSS en mayo de 1986 —pocos días después del accidente de Chernobyl, lo que el líder soviético agradeció muy vivamente y, acompañado de Fernández Ordóñez, se entrevistó con Gorbachov para incrementar la cooperación hispano-soviética en la resolución de asuntos internacionales⁵². Este encuentro con Gorbachov creó “una excelente relación personal y de trabajo” que se confirmaría en los múltiples encuentros bilaterales mantenidos en los años siguientes⁵³. El propio Gorbachov se refiere en sus memorias al “componente español del Nuevo Pensamiento”, al interés que la experiencia de la transición española a la democracia revestía para sus proyectos reformistas en la URSS, y a la fluidez y mutuo entendimiento con González⁵⁴. Ello a pesar de que González tratara de hacerle ver en varias ocasiones las diferencias entre el proceso de reestructuración de la URSS y la transición española, que no podría tomarse, a su juicio, como un modelo aplicable sin más al caso soviético⁵⁵.

Fueron años en que se intensificaron los viajes, las relaciones y los intercambios entre ministros, parlamentarios, dirigentes y representantes de las organizaciones sociales de ambos países⁵⁶. Entre los muchos encuentros bilaterales de esta etapa destaca el viaje a España del ministro soviético de Exteriores Eduard Shevardnadze, en enero de 1988, durante el que se firmaron el Programa de Cooperación Comercial y Económica y el Programa de Cooperación Cultural y Científica para 1988–1989⁵⁷; el viaje de Fernández Ordóñez

⁴⁸ Morán F. España... P. 470.

⁴⁹ Cuenca J. De Suárez a Gorbachov. Testimonios y confidencias de un embajador. Madrid: Plaza y Valdés, 2014. P. 224–225.

⁵⁰ *Ibíd.* P. 299–300.

⁵¹ *Ibíd.* P. 311.

⁵² Gromyko A. Memorias. P. 253–254; Cuenca J. De Suárez... P. 240.

⁵³ Delgado Fernández S., Sánchez Millas P. Francisco Fernández Ordóñez. Un político para la España necesaria, 1930–1992. Madrid: Biblioteca Nueva, 2007. P. 356.

⁵⁴ Gorbachov M. Memorias. Barcelona: Círculo de Lectores y Plaza & Janés, 1996. Vol. 2. P. 869–871.

⁵⁵ Cuenca J. De Suárez... P. 324.

⁵⁶ Gorbachov M. Memorias... P. 871.

⁵⁷ Borzova A. Serguéi Kalistrátovich Romanovski // Diplomáticos rusos en España... P. 550.

a la URSS en marzo de 1989 para apoyar el proceso de reformas y fortalecer la cooperación bilateral; y la visita oficial en octubre de 1990 de Mijaíl Gorbachov y su esposa Raísa a España en un viaje que fue, en palabras del embajador español en Moscú, José Cuenca, “no sólo un éxito, sino la locura”⁵⁸. Era además la primera vez que un líder soviético era recibido por el Gobierno español. En Madrid, el rey Juan Carlos aseguró a Gorbachov: “Aquí encontrará usted personas deseosas de prestar ayuda sincera a la Unión Soviética”, y de hecho las conversaciones bilaterales giraron en torno a cómo podía España apoyar a la URSS en el camino de las reformas. González ofreció sus buenos oficios para que la comunidad internacional, y en concreto la Comunidad Económica Europea, apoyara el curso de la perestroika en la URSS⁵⁹. González y Gorbachov discutieron a fondo sobre el futuro de la Unión Soviética, y Gorbachov pronunció en las Cortes un discurso en el que expuso su visión sobre el futuro de Europa. Como colofón de esta visita España concedió a la URSS una línea de crédito por tres años de 1.500 millones de dólares, equivalentes a 150.000 millones de pesetas, si bien el monto total se fue revisando a medida que se producía la descomposición de la URSS y para 1992 solo se había utilizado una sexta parte⁶⁰. Además se firmó en La Moncloa una Declaración Política Conjunta, un memorándum de consultas y un paquete de doce acuerdos de colaboración sectoriales, incluyendo medidas para el fomento de las inversiones, para la creación de empresas mixtas, para la cooperación industrial energética y en especial para el suministro de gas soviético a España, y para la colaboración científica y tecnológica. Todo ello indicaba el alto nivel alcanzado por las relaciones bilaterales⁶¹. Desde la presidencia de la CEE, que España ejercía por turno en el primer semestre de 1989, Madrid impulsó también la negociación de un Tratado de Amistad y Cooperación entre la CEE y la URSS⁶².

Felipe González y Mijaíl Gorbachov. 1991.

Según explicaría en 1990 Fernández Ordóñez, España actuaba a favor de las reformas en la URSS por dos vías: a través de la CEE, mediante el apoyo “a las

⁵⁸ Cuenca J. De Suárez... P. 312.

⁵⁹ Gorbachov M. Memorias... P. 872–873.

⁶⁰ Delgado Fernández S., Sánchez Millas P. Francisco Fernández Ordóñez... P. 357–358; Pereira J.C. España y la URSS. P. 200.

⁶¹ Gorbachov M. Memorias... P. 876; Riva. *Á. de la*. La visita de Gorbachov a España // Política Exterior. Vol. IV. Núm. 18 (1991). P. 106–122.

⁶² Pereira J.C. España y la URSS... P. 203; Cuenca J. De Suárez... P. 306–311.

Velada de encuentro de los líderes del PCE con los “niños de la guerra” en el Centro Español

reformas políticas, a la liberalización económica y a la superación de la división de Europa, todo ello a través de las ayudas financieras y los programas de actuación que en Bruselas se habían ido diseñando y aprobando, y en los que España contribuía con algo más del 8%”; y mediante la vía bilateral de la promoción del comercio hispano-soviético, el apoyo a la “cultura empresarial” en la URSS, “reforzando la infraestructura exterior, ampliando los acuerdos y buscando un consenso y una acción global en el área centro-oriental”⁶³.

802

Felipe González devolvió la visita a Gorbachov los días 7 y 8 de julio de 1991 y firmó un Acuerdo de Amistad y Cooperación hispano-soviético. Este tratado situaba a España junto con Francia, la República Federal de Alemania e Italia en el reducido grupo de países occidentales que tenían una relación institucionalizada del más alto nivel con la URSS⁶⁴. Sin embargo, este clímax de las relaciones bilaterales llegó en un momento en que los problemas internos se acumulaban en una URSS que caminaba hacia una crisis política, económica y territorial⁶⁵. Apenas un mes más tarde se produjo el intento de golpe de Estado frustrado contra Gorbachov. Frente a la actitud tibia de muchos líderes occidentales que parecían aceptar el triunfo de las golpistas y daban por liquidada la etapa de Gorbachov, Felipe González se distinguió por su inequívoca oposición al golpe siendo, con Gran Bretaña, el primer país en condenarlo mediante una declaración del Gobierno español redactada en duros términos. González no solo defendió la legalidad y al presidente constitucional, sino que trató

⁶³ *Pereira J.C.* España y la URSS... P. 203–204.

⁶⁴ *Borzova A.* Serguéi Alexándrovich Bogomólov... P. 551.

⁶⁵ *Cuenca J.* De Suárez... P. 322–325.

de movilizar la presión internacional en contra de los golpistas⁶⁶. Gorbachov no olvidaría nunca el firme apoyo que recibió de González y del Gobierno español en esa hora crítica, lo que consolidó el excelente momento de las relaciones bilaterales una vez superada la crisis de poder en Moscú⁶⁷.

La buena sintonía hispano-soviética construida en los años anteriores, que se había evidenciado en la coincidencia de posiciones en la Guerra del Golfo en 1990–1991, y que se fortaleció con los intercambios de visitas de los ministros de defensa en 1989–1992, brilló una última vez durante la Conferencia de Paz sobre Oriente Medio que Madrid albergó entre el 30 de octubre y el 3 de noviembre de 1991. Un Gorbachov ya muy debilitado políticamente por las tendencias centrífugas de las repúblicas de la Unión Soviética participó en una “cena de hombres” a cuatro con Bush, el rey Juan Carlos y González. Se trató de un encuentro amistoso en el que los cuatro dirigentes hablaron franca y distendidamente sobre la situación internacional y de la URSS⁶⁸. Apenas unas semanas más tarde, la disolución de la Unión Soviética y la dimisión de Gorbachov cerrarían una etapa de la historia rusa, soviética y mundial, y de las relaciones entre de la extinta Unión con España. Asumiendo la nueva situación política, el 27 de diciembre el Gobierno español reconoció a Rusia como

Velada de encuentro de los líderes de PCE con los “niños de la guerra” en el Centro Español

⁶⁶ *Pereira J.C.* España y la URSS... P. 203; *Gorbachov M.* Memorias... P. 1265; *Cuenca J.* De Suárez... P. 327–330.

⁶⁷ *Gorbachov M.* Memorias... P. 1264–1266.

⁶⁸ *Ibíd.* P. 1266; *Cuenca J.* De Suárez... P. 343–344.

continuadora de los derechos y obligaciones internacionales de la antigua Unión Soviética y ofreció a su presidente, Borís Yeltsin, su “estrecha y sincera colaboración”. A lo largo de 1992 España completó el reconocimiento y establecimiento de relaciones con todas las repúblicas integrantes hasta entonces de la URSS⁶⁹.

A lo largo de quince años de contactos, encuentros y negociaciones bilaterales, la URSS y España habían firmado un total de 25 convenios que cubrían múltiples ámbitos de cooperación. Entre las cuestiones que vinculaban a los dos países, tenía un especial significado humano la situación de los aproximadamente 3000 niños que habían encontrado refugio en la URSS durante la Guerra Civil española y a los que se seguía conociendo como los Niños de la Guerra. La muerte de Franco y la Ley de Amnistía española de julio de 1976 despertaron las esperanzas de regresar a España en muchos de ellos que tenían vedada la entrada en España por los antecedentes políticos de sus progenitores⁷⁰. Con el Gobierno de Suárez se les prometió que recibirían visados para ir a España y que recuperarían la nacionalidad española cuando lo desearan⁷¹. Algunos fueron volviendo a título individual al consolidarse la democracia en España, otros esperaron a su jubilación para regresar, y otros muchos volvieron empujados por la crisis económica originada por la *perestroika*, en especial entre 1988 y 1991, y por la desintegración de la URSS, que hundió el poder adquisitivo de sus pensiones soviéticas, aunque la situación económica que encontraron en España también fue difícil, pese a las gestiones que se hicieron para tratar de mejorar su situación⁷².

El comercio bilateral se incrementó a lo largo de estos años pero se mantuvo siempre en un volumen pequeño, si tenemos en cuenta el tamaño de las economías española y soviética. Entre 1975 y 1992 la URSS era el origen de cerca del 1,4% de las importaciones españolas y el destino de un 1% de las exportaciones de este país. Las inversiones españolas en la URSS fueron todavía más modestas, con un incremento notable en 1988 y 1989 y un decrecimiento en los años siguientes, sin llegar a superar nunca el 1,4% de las inversiones totales de capitales españoles en el extranjero. El turismo soviético, aún de pequeño volumen numérico, conoció un incremento a medida que se eliminaban las trabas burocráticas y llegó a duplicarse entre 1981 y 1990, año en que más de 200.000 ciudadanos de la URSS visitaron España⁷³.

Partiendo de un gran desconocimiento inicial y de los efectos de décadas de propaganda anticomunista durante la dictadura de Franco, el interés de la sociedad española por la URSS se incrementó notablemente en esta etapa, en especial durante los años de la *perestroika* y muy particularmente con los cambios en la Europa del Este

⁶⁹ *Pereira J.C.* España y la URSS... P. 205. España había reconocido ya a las tres repúblicas bálticas de Estonia, Letonia y Lituania como estados independientes en octubre de 1991.

⁷⁰ *Colomina I.* Dos patrias... P. 259–261.

⁷¹ *Oreja M.* Memoria... P. 299.

⁷² *Colomina I.* Dos patrias... P.259–261; *Alted Vigil A., Nicolás Martín E., González Martell R.* Los niños de la guerra de España en la Unión Soviética: de la evacuación al retorno (1937–1999). Madrid: Fundación Francisco Largo Caballero, 1999; *Cuenca J.* De Suárez... P. 252–254.

⁷³ *Pereira J.C.* España y la URSS... P. 198–202.

a partir de 1989. También se hicieron más numerosos los intercambios culturales, así como los científicos y técnicos. Se crearon así mismo instituciones tan significativas como el Instituto de Cultura y Ciencia Soviéticas en la Universidad Complutense de Madrid en 1990 o el Instituto Pushkin en 1991. Fueron elementos que contribuyeron a acercar algo a unas sociedades que aún se mantenían alejadas y desconocidas en gran medida, pese al estrechamiento de las relaciones entre sus Gobiernos.

DE «SOVHISPÁN» A LAS EMPRESAS MIXTAS

A partir de 1977, el comercio se convirtió en el principal vínculo que permitió entablar un diálogo entre la URSS y España, en un período en que aún no existían contactos políticos sólidos entre ambos países. Tras haber firmado el Tratado de establecimiento de relaciones diplomáticas, los lazos económicos contaron con un nuevo impulso para el desarrollo. Los estrechos contactos que se establecieron entre la Cámara de Comercio e Industria de la URSS y el Consejo Superior de Cámaras de Comercio, Industria, Servicios y Navegación de España contribuyeron a que el intercambio comercial entre los dos países creciera rápidamente. En 1976, se crearon comisiones especiales para coadyuvar al desarrollo comercial, que comenzaron a celebrar sesiones plenarias por turno en cada país. Más tarde, en 1984, fue constituida la Comisión mixta intergubernamental soviético-española para la cooperación económica e industrial⁷⁴. Este hecho ayudó a un considerable crecimiento del intercambio comercial entre los dos países que fue de 50 millones de dólares a mediados de la década de los 1970 y llegó a casi mil millones de dólares al año en 1992⁷⁵.

La URSS exportaba a España materias primas para el sector energético, productos químicos, productos forestales y sus derivados, máquinas y equipos, y bienes de consumo masivo. El artículo principal de la exportación soviética era el petróleo y sus derivados. España exportaba a la URSS productos del sector siderúrgico, alimentos (cítricos, vino, aceite de oliva, aceitunas, aceite de soja, almendras, avellanas) y productos químicos⁷⁶. Analizando las listas de artículos que se comercializaban entre ambos países, se evidencia que eran economías que se completaban recíprocamente, lo que constituía un factor objetivo para la ampliación de la cooperación económica y comercial⁷⁷. El intercambio comercial entre la URSS y España fue en aquel período positivo (véase la tabla 1).

805

⁷⁴ *Krásikov A.* Ispania i mirovaya politika. Polveka diplomaticheskoi istorii (España y la política mundial. Medio siglo de historia diplomática). Moscú: MO, 1989. P. 321.

⁷⁵ *Istoria Ispanii...* T. II. P. 629.

⁷⁶ *Henkin S.M.* Ispania: vremia peremen (España: tiempo de cambios). Moscú: Znanie, 1986. P. 61.

⁷⁷ U Ispanii i Rossii ogromnye vozmozhnosti dlia rasshirenia sotrudnichestva — Yuri Dubinin (España y Rusia tienen enormes oportunidades para ampliar la cooperación — Yuri Dubinin). RIA Novosti, 10.10.2004. — <https://ria.ru/politics/20041010/703511.html> (fecha de consulta: 10.06.2018).

Tabla 1. Balanza comercial entre la URSS y España, en miles de pesetas⁷⁸.

Año	Exportación de la URSS	Importación a la URSS
1975	681	415
1977	9231	7691
1979	14560	17843
1981	44448	33492
1985	64941	75908
1987	109397	36210
1989	153006	47180
1990	134606	38645
1991	77491	54482

El período entre finales de los 1970 y comienzos de los 1990 se puede subdividir en dos etapas comerciales (Fig. 1):

a) Una etapa en que el crecimiento del volumen del comercio recíproco fue permanente, pero equilibrado y moderado, lo que dio a España un saldo comercial positivo en 1985. Entre todos los países europeos, España ocupó el primer lugar en cuanto a los ritmos del incremento comercial con la URSS⁷⁹;

b) Una etapa de crecimiento exponencial de las exportaciones de la URSS a España, a la par con la estabilización de las exportaciones de España a la URSS entre 1985 y 1989, con un pico de intercambios comerciales en 1989 seguido de una fuerte caída de las exportaciones de la URSS, producto de los Acuerdos de Bielovézhskaya Pushcha. En esta etapa el comercio bilateral recibió un importante estímulo por el Acuerdo de cooperación económico-industrial que entró en vigor en junio de 1984 y que preveía el desarrollo de la cooperación entre la URSS y España en sectores económicos como la minería, la industria del carbón, la siderurgia, la industria energética, química y petroquímica, la construcción de maquinaria, la construcción de máquinas herramientas, de barcos y de vehículos, la electrónica y las telecomunicaciones⁸⁰.

Para finales de los 1970 y en los 1980 fue muy típica la constitución de numerosas empresas soviético-españolas en diferentes sectores económicos. La presencia del capital extranjero en la URSS estuvo prohibida hasta el año 1987; por eso la creación de empresas mixtas fue un instrumento eficaz para promover su producción en mercados externos, obtener recursos de ingeniería y técnicos de los países desarrollados y tener acceso a recursos externos⁸¹.

⁷⁸ *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS... P. 198.

⁷⁹ *Bonet P.* Unas relaciones comerciales con tendencia al crecimiento moderado // *El País*. 1.3.1985.

⁸⁰ *Henkin S.M.* Ispania: vremya peremen... P. 62.

⁸¹ *Yányshév Nesterova I.* Las relaciones hispano-soviéticas y la actividad empresarial de Sovhispán en los puertos canarios entre 1965–1991. // XXI Coloquio de Historia Canario-Americana, 2016.

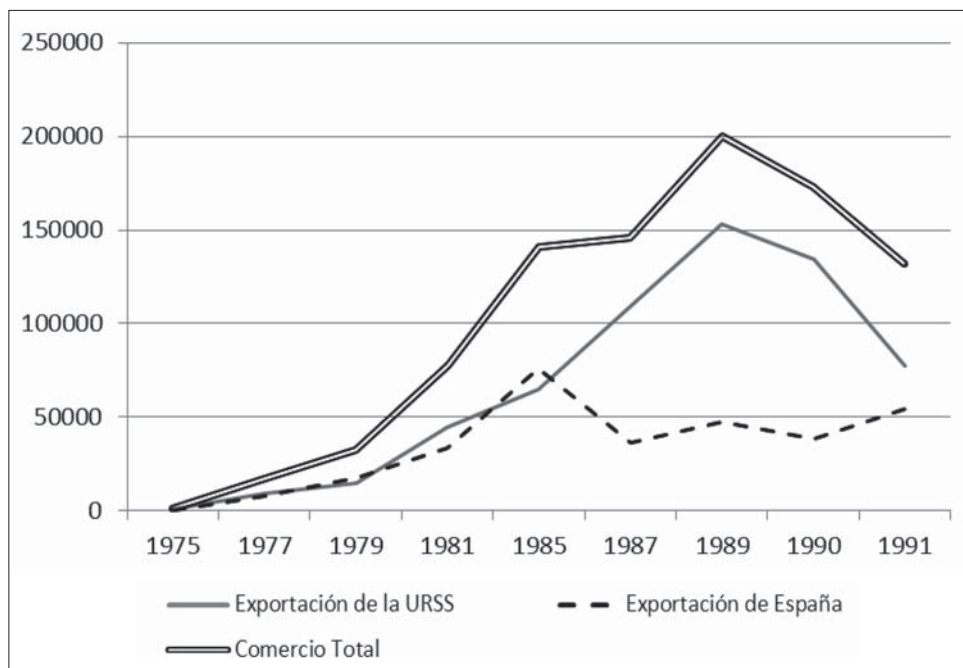

Fig. 1. Volúmenes del comercio entre la URSS y España, en miles de pesetas.

En 1977, el Ministerio de Comercio Exterior de la URSS creó una empresa mixta hispano-soviética, con el grupo *March*, representado en Moscú por la empresa *EPYR*. Hasta aquel entonces las dos únicas empresas hispano-soviéticas eran *Sovhispán* e *Intramarc*⁸². En 1978, se inauguró la empresa mixta hispano-soviética *Maderas Rusas* cuyo objetivo era fomentar el intercambio entre la URSS y España de productos forestales y sus derivados. La URSS exportaba madera en rollo, celulosas y papel prensa e importaba papeles especiales, productos del corcho y muebles⁸³. En el sector de las telecomunicaciones la empresa pionera fue la compañía *Telur* que fabricaba teléfonos y aparatos de comunicación. La *Telur* fue la primera empresa mixta en este sector que pertenecía a la URSS y a un país occidental⁸⁴.

En el mercado de la URSS una importante labor la desarrolló la compañía española *Transáfrica* construyendo supermercados especializados en comercializar pescado congelado en territorio soviético. Sus tecnologías y equipos eran completamente de fabricación española. Otro gran proyecto que realizó *Transáfrica* fue construir numerosos hoteles y restaurantes en Moscú, que se preparaba para la Olimpiada de 1980. En el marco de este proyecto todas las tecnologías, equipos, materiales y

⁸² López Muñoz I. Empresa mixta hispano-soviética participada por los March // El País. 26.11.1977.

⁸³ Empresa mixta maderera hispano-soviética // El País. 08.12.1978.

⁸⁴ Bonet P. La primera empresa mixta hispano-soviética, constituida ayer, fabricará teléfonos en Perm // El País. 19.12.1987.

mano de obra eran españoles, excepto el cemento y el acero suministrados por la Unión Soviética⁸⁵.

También en Moscú en aquellos años se inauguraron las representaciones de bancos españoles tales como el *Hispano-Americano*, el *Banco Exterior de España* y el *Banco Central*. Estas entidades prestaron un importante apoyo financiero a las empresas mixtas⁸⁶. El *Banco Central* había sido el primer banco español que tuvo contactos con la URSS, ya en 1957. Después de haber establecido relaciones diplomáticas entre ambos países, la representación de este banco abierta en Moscú ayudó a sus clientes interesados en el mercado soviético a establecer los contactos más dinámicos y productivos con socios de este país⁸⁷.

Así pues, se crearon empresas soviético-españolas en diversos sectores de la economía. Los principales sectores de interés para la Unión Soviética eran, principalmente, las industrias auxiliares de la construcción, el sector agroalimentario, la electrónica, el sector bancario, la industria papelera, la confección y calzado, y la hostelería⁸⁸. Los empresarios españoles también tenían interés en hacer negocios con la URSS, como confirma el gran número de pedidos presentados a la Comisión Gubernamental de relaciones económicas exteriores adjunta al Consejo de Ministros de la URSS⁸⁹, así como el seminario “Cómo negociar con la URSS” organizado en Madrid en 1985 para compañías y entidades españolas, al que asistieron más de 200 empresarios españoles. Las exposiciones comerciales-industriales organizadas de manera recíproca sirvieron de factor eficiente para estimular las relaciones comerciales y económicas entre los dos países. Los fabricantes soviéticos presentaban regularmente sus productos en la gran Feria Internacional de Barcelona, y las empresas españolas, a su vez, participaban en las exposiciones internacionales organizadas en el territorio soviético⁹⁰.

En general, las relaciones económicas entre la URSS y España se desarrollaron progresivamente en este período importante para ambos países. A ello contribuyó la reestructuración del sistema soviético de relaciones económicas exteriores. Gracias a ella, numerosas empresas extranjeras, incluyendo las españolas, obtuvieron nuevas oportunidades de cooperación económica e industrial a largo plazo con los socios soviéticos⁹¹. La parte española tenía sus propios estímulos para desarrollar las relaciones comerciales y económicas con la URSS. España consideraba esta cooperación creciente como un vector importante de su política de vuelta a la arena mundial⁹², que incluía la presencia económica.

⁸⁵ España construye supermercados y hoteles en la URSS // El País. 8.12.1976.

⁸⁶ Relaciones Hispano-Soviéticas // Revista CIDOB d' Afers Internacionals, 1985. — <https://raco.cat/index.php/RevistaCIDOB/article/viewFile/27589/52670> (fecha de consulta: 12.06.2018).

⁸⁷ *Krásikov A.* Ispanya i mirovaya politika... P. 323.

⁸⁸ Un total de 18 empresas españolas negocian su instalación en la URSS // El País. 29.11.1988.

⁸⁹ *Ibíd.*

⁹⁰ *Krásikov A.* Ispanya i mirovaya politika... P. 322.

⁹¹ *Ibíd.* P. 327.

⁹² *Henkin S.M.* Ispania: vremya peremen... P. 58.

ASOCIACIONES DE AMISTAD CON LA URSS EN ESPAÑA

Las Asociaciones de Amistad con la Unión Soviética iniciaron su andadura en el marco del décimo aniversario de la Revolución de Octubre en la casa de sindicatos de Moscú⁹³. Desde sus inicios se conformaron como bastión de apoyo de la URSS. En España, los Amigos de la Unión Soviética se constituyeron en 1933, siendo los años de la guerra civil española los de mayor auge por su compromiso en la lucha antifascista. El desenlace de la contienda y los años de la dictadura franquista fueron los de ausencia de asociaciones de amistad hasta la transición política española. A partir de entonces, tiene lugar el restablecimiento de las relaciones diplomáticas entre ambos países, en febrero de 1977, abriéndose paso los convenios de colaboración en distintos ámbitos y el retorno de las asociaciones de amistad.

La Asociación URSS —España fue constituida en octubre de 1978, conforme a los principios de la Constitución soviética y adscrita a la Unión de las Sociedades Soviéticas de Amistad y Relaciones Culturales con los Países Extranjeros (SSOD)⁹⁴. Estuvo presidida por el académico Yuri Ovchinnikov, científico experto en química bioorgánica y biología molecular⁹⁵. En 1979, se constituyó la Asociación España —URSS, liderada en sus primeros años por el científico Faustino Cordón, especializado en farmacia y biología evolutiva⁹⁶. Ambas asociaciones tenían como objetivo: prestar ayuda a la consolidación de la amistad, dar a conocer la sociedad soviética, su historia y vida al pueblo español y viceversa. En un contexto de Guerra Fría favorecieron la coexistencia pacífica al considerar que ambos modelos, el capitalista y el soviético, podían complementarse. En España, debían superarse las barreras y estereotipos de la propaganda antisoviética proyectada por la dictadura franquista y su calado en la sociedad española, y en la etapa democrática la inclusión en el bloque militar rival, la OTAN.

La Asociación España-URSS contaba con la Asamblea General como máximo órgano de gobierno, integrada por los asociados, la Junta estatal, encargada de la dirección y situación financiera, configurada por el presidente, los vicepresidentes,

⁹³ Véase: *Garrido M.* Compañeros de viaje. Historia y memoria de las Asociaciones de Amistad hispano-soviéticas. Murcia: Editum, 2009.

⁹⁴ Fue constituida en 1958 y continuadora de la anterior, la Sociedad de Relaciones Culturales con el Exterior (VOKS). Entre sus objetivos se encontraba fomentar las relaciones científico-culturales entre organizaciones sociales, la amistad y cooperación entre instituciones y representantes de la ciencia y cultura de la URSS y otros países. Su órgano de expresión fue la revista *Cultura y Vida*, editada mensualmente por la editorial Izvestia y traducida a varios idiomas. Al frente de la SSOD estuvieron Nina Popova entre 1958 y 1975; Zinaida Kruglova hasta 1987 y Valentina Tereshkova desde 1987 hasta su final. Su sede fue la Casa de Amistad con los Pueblos en Moscú. El mismo edificio, reflejo de eclecticismo, fue el lugar de referencia de las semanas culturales de otros países en la Unión Soviética.

⁹⁵ Ovchinnikov falleció en 1988 y fue sucedido por Rem V. Petrov, también biólogo y vicepresidente de la Academia de las Ciencias de la URSS, especialista en inmunobiología, que presidió hasta el fin de la Asociación.

⁹⁶ Dimitió en 1985, se hizo cargo de la misma Vicente Chamorro hasta su destitución en 1988, cuando se pasaría a una presidencia colegiada. Previamente, se había formado la Asociación de Amistad Hispano-Soviética ADAMIHS.

Yuri Ovchinnikov, presidente de la Sociedad de la Amistad "URSS — España"

810

secretario, tesorero, bibliotecario, vocales, entre los que se encontraban representantes de cada delegación territorial. Contaba con una Comisión Permanente que vela por las relaciones con la SSOD, y distintas secciones (viajes, biblioteca, filmoteca, actos culturales, becas). También se daban diferencias, en el caso de la URSS aglutinaba principalmente al mundo de los ex diplomáticos de carrera. Los altos cargos honoríficos no cobraban por actuar como representantes de las asociaciones, que recibían subvención estatal para desempeñar sus fines. En el caso de las delegaciones de la Asociación España — URSS estuvieron integradas por opositores antifranquistas, estudiantes universitarios, militantes de distintas tendencias ideológicas unidos por la curiosidad hacia la cultura generada en la URSS. Los informes de las delegaciones de la SSOD señalaban que las asociaciones españolas mostraban una tendencia a la descentralización, reproducían las tensiones del movimiento comunista escindido en distintos partidos, y debían paliar la escasez de materiales.

Respecto a la financiación, las asociaciones en España eran independientes del Estado español, recibían la aportación de la SSOD, clave para la coordinación de protocolos y planes de actividades entre ambos países, que pasó, según las memorias económicas, de los 10.673.346 de pesetas en 1984 a los 15.630.631 de 1986. Contaban también con los ingresos generados por la academia de ruso, las cuotas de socios y puntualmente subvenciones de instituciones. El gasto más difícil de afrontar era el alquiler de la sede de la Asociación Estatal, en la Gran Vía madrileña, un local decorado con emblemas y retratos de líderes soviéticos, que fue referencia de la cultura soviética en la capital.

El cine soviético en la Transición española

Tras la muerte de Franco y el inicio de la Transición democrática vuelven a exhibirse en España los filmes señeros del cine soviético. Los circuitos para verlas empezaron siendo minoritarios: festivales locales, cines de arte y ensayo, ciclos universitarios, etc. En concreto, el Festival de Benalmádena (Málaga), dirigido por el militante comunista Julio Diamante, acogió a comienzos de los 70 las películas *Andréi Rublev* y *Solaris* de Andréi Tarkovski, *El abrigo* y *Nueva Babilonia* de Grigori Kozintsev y *La noche de San Petersburgo* de Grigori Rosal y Vera Stróieva, entre otras cintas soviéticas.

Con la Transición llegan otras películas de Serguéi Eisenstein, Vsévolod Pudovkin, Alexandér Dovzhenko y Borís Barnet, recientemente autorizadas, las cuales se proyectan en los cines de arte y ensayo de Madrid — el *Círculo de Bellas Artes*, el *California*, etc. — y en las salas de cineclubs de toda España. De ello se encargó la distribuidora *Alta Films* dirigida por González Macho. En 1982, el prestigioso crítico comunista Eduardo Haro Tecglen, hizo la crónica del estreno del *Acorazado Potemkin* para el diario *El País*, concluyendo que “Hoy es, más que una lección revolucionaria, una lección de cine”.

A partir de 1986, tal como se acordó en el congreso de la Unión de Cineastas Soviéticos, el Gobierno soviético permitió la exportación de películas al extranjero. De resultas, se vieron películas soviéticas en el festival de Cannes de 1987, desde donde pasaron a España. El ciclo de cine soviético clásico más numeroso se celebró en Oviedo en 1988. En seguida se empezaron a recibir filmes de producción rusa coetánea, proyectados en salas comerciales, como *Derzu Uzala* de Akira Kurosawa, *Nostalgia* de Andréi Tarkovski, y *Ojos negros*, *Quemado por el sol* y *Siberiada* de Nikita Mijalkov.

En la Unión Soviética, la primera semana de España tuvo lugar en 1978 y, entre las actividades culturales, se representó el ballet *Don Quijote*. En España, la primera semana de la URSS, patrocinada por la Asociación, tuvo lugar, en noviembre de 1979, con la exposición “Logros de la URSS en la conquista del espacio” y un ciclo de conferencias⁹⁷. A partir de estos inicios y fruto del creciente interés por la Asociación fue la paulatina apertura de delegaciones en distintas ciudades españolas⁹⁸. Aparte de las exhibiciones fotográficas, desarrollaron ciclos de cine, incluyendo títulos clásicos y difundiendo las producciones más recientes, distribuidas principalmente por *Alta Films*.

⁹⁷ Actos de la semana de la URSS // *El País*, 4.11.1979. En otras semanas se tenían en cuenta efemérides de las relaciones bilaterales y de las propias asociaciones.

⁹⁸ Hubo delegaciones de la asociación en Alcoy, Alicante, Barcelona, Cantabria, Córdoba, Gijón, Granada, Las Palmas, Málaga, varias en Madrid, Murcia, País Vasco, Salamanca, Sevilla, Trebujena (Cádiz), Valencia, Vigo y Zaragoza, etc. En Madrid, contaba con más de dos mil socios en 1988.

Entre las películas que generaban más expectación hay que citar clásicos de Serguéi Eisenstein como *Acorazado Potemkin* (1925), *Octubre* (1928), así como novedades de impacto internacional como *La pequeña Vera*, de Vasili Pichul (1988), representativa de la apertura que propició en el ámbito cultural la perestroika⁹⁹, y documentales de las repúblicas soviéticas. Tras el proyector destacó Máximo Serrano, integrante de la Asociación, que solventaba cuestiones técnicas.

Los fondos de las bibliotecas de la Asociación contenían libros de editoriales soviéticas con obras en ruso y en castellano. Se divulgaban obras literarias e infantiles como cuentos rusos, *El cosmonauta y Grishka*, *el ABC de las matemáticas*, etc. En el caso de algunas delegaciones territoriales editaron boletines internos, donde comunicaban a los socios sus actividades, como el boletín *Volga* de Madrid y *Minsk* de Zaragoza, que dedicó artículos a la perestroika. También contaron con un espacio en otros medios para publicitar los actos culturales organizados. Otras actividades se centraron en el aprendizaje de la lengua rusa a través de cursos y del manual *Russkiy yazyk dlya vsekh* (Ruso para todos), compuesto por un compendio de gramática y vocabulario ruso de E.M. Stepanova, traducido al castellano, un libro de texto y otro de ejercicios. En esta labor de enseñanza del idioma ruso colaboraron algunos “niños de la guerra” como profesores. El aprendizaje del idioma, junto con las becas de estudio para cursar grados y postgrados universitarios, ayudaron a jóvenes españoles en la adquisición de formación especializada en la URSS. También se fomentó la promoción de viajes y los intercambios turísticos.

La perestroika y la *glasnost* supusieron una transformación de la Unión Soviética acorde a la *novoe myshlenie* (nueva mentalidad) que hizo redoblar los esfuerzos en la propaganda exterior. En este periodo los contactos Este-Oeste se intensificaron y la SSOD realizó autocrítica apuntando los aspectos que era necesario mejorar en la calidad de las relaciones con el exterior, considerando que la imagen de amistad promovida por las asociaciones en el ámbito mundial era preferible para millones de personas a la imagen de adversario tan frecuente en los discursos políticos. El cometido de la SSOD era transferir los principios de la nueva mentalidad a la organización de sus actividades, humanizarlas: “Al cauce de los contactos personales más amplios”¹⁰⁰. Por tanto, las asociaciones cumplieron con la labor de dar a conocer los cambios propiciados en la URSS a raíz de la perestroika en España. La *glasnost* implicó transparencia informativa y generó debates, a través de conferenciantes que explicaban la realidad soviética, pero también en las publicaciones, en las secciones de cartas de los lectores, dando cobertura a opiniones diferentes, a libros que habían estado censurados o prohibidos y otras visiones de la historia rusa, y a catástrofes como Chernóbil, acontecida en 1986, que tuvieron una relectura más crítica.

1987 marcó un año de tránsito hacia la consolidación de la Asociación España-URSS, tras una etapa inicial en la que todo estaba por hacer. Haciendo frente a cualquier tipo de vinculación a un círculo de intereses o partido se reafirmaban en sus estatutos e independencia, y apostaban “Por la paz y la amistad”. Ese fue el lema

⁹⁹ Véase: Garrido M. Rusia tras la Perestroika: Propaganda política, cultura y memorias del cambio. Murcia: Editum, 2011.

¹⁰⁰ Cultura y Vida, 1988. Núm. 8. P. 27–28.

del congreso celebrado en Zaragoza, donde asistieron las delegaciones territoriales, remitieron mensajes líderes comunistas, sindicalistas e intelectuales en homenaje a la URSS, pues coincidía con el 70 aniversario de la Revolución de Octubre¹⁰¹. Buscaban la consolidación de su presencia en la sociedad española. En 1988, se solidarizaron con el terremoto de Armenia, recaudando fondos, y se mantuvieron hasta 1990, cuando las dificultades principalmente económicas dificultaron su continuidad.

Tras el final de la experiencia soviética, la Asociación Rusa para la Cooperación Internacional (RAMS), sucedió a la SSOD, en abril de 1992. Por el decreto del 8 de abril de 1994, se creó el Centro Ruso de Cooperación Científica y Cultural dependiente del Gobierno de la Federación Rusa (*RosZarubezhTsentr*). Y en 2008, nació la Agencia Federal de Asuntos de la CEI, Compatriotas en el Exterior y Cooperación Humanitaria Internacional (*Rossotrúdnichestvo*), de esta manera se ha ido readaptando a los nuevos tiempos la diplomacia cultural rusa y su imagen como país hacia el exterior. Del asociacionismo hispano-soviético se encuentran huellas en archivos particulares en España y el Archivo Estatal de la Federación Rusa (GARF), sus resultados no fueron electorales, a favor de los partidos comunistas en España, sino en la formación de los becarios, los vínculos personales que se gestaron de esa experiencia de colaboración y el escaparate para la proyección cultural de uno y otro país.

LA DIPLOMACIA CIENTÍFICA EN EL DIÁLOGO HISPANO-SOVIÉTICO

El establecimiento de relaciones diplomáticas afectó favorablemente al desarrollo de los lazos en materia científica entre ambos países. Entre las cuestiones principales tratadas por Marcelino Oreja y Andréi Gromyko en 1979, había cuestiones de cooperación en la esfera humanitaria. Como resultado, se firmaron los acuerdos de cooperación científica y cultural y de cooperación científica y técnica que se convertían en la base jurídica de las relaciones bilaterales en estas áreas¹⁰². El primero de ellos prestó especial atención al campo científico y educativo. El acuerdo incluía cláusulas sobre el intercambio de especialistas, el intercambio de documentación, información, libros y películas científicos y técnicos, las invitaciones recíprocas para asistir a conferencias y simposios, el establecimiento de contactos entre especialistas y organismos que se ocuparan del estudio de temas de interés común y la realización conjunta de investigaciones y proyectos de interés común¹⁰³.

Ya en la década de 1950, el interés en los logros científicos de ambos países y en la cooperación mutua se abrió paso a pesar de la confrontación ideológica entre

¹⁰¹ Documentación procedente de los Archivos particulares de la Asociación España-URSS (Madrid, Zaragoza y Murcia).

¹⁰² Véase: *Dubinín Yu.V.* Ambakhador! Ambakhador!... P. 79–80.

¹⁰³ Convenio de Cooperación Cultural y Científica entre el Reino de España y la Unión de las Repúblicas Socialistas Soviéticas, hecho en Moscú el 19 de enero de 1979. — https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-1979-22860 (fecha de consulta: 25.07.2018).

los dos gobiernos. En 1954–1959, en la *Revista de Educación* española se publicó una serie de artículos sobre diversos aspectos del sistema de educación en la URSS, desde la descripción general de la pedagogía soviética y sus estadísticas, hasta artículos especiales sobre “la enseñanza de Ciencias e Ingeniería en la Unión Soviética” y la formación de “la orientación politécnica” en “el país de los satélites artificiales”. Como se indicó en el artículo de introducción, el interés por la especificidad de la educación científica y técnica en la Unión Soviética se debió a la posición de liderazgo de esta “gran potencia mundial” en los progresos científicos de “un país que pretende la conquista del espacio”¹⁰⁴.

Incluso antes de comenzar a establecer relaciones diplomáticas, se iniciaron los contactos personales entre los científicos. En 1965, un grupo de historiadores españoles visitó Moscú después del *XII Congreso de Ciencias Históricas* celebrado en Viena y en 1970, algunos de ellos, participaron en Moscú en el *Congreso Internacional de los Estudios Medievales*. En 1972, el profesor de la Facultad de Biología de la Universidad Estatal de Moscú, el bioquímico y académico Alexánder Spirin recibió el doctorado *honoris causa* de la Universidad de Granada. Estos contactos estaban destinados a sentar las bases para una posterior relación institucional: durante 1975, hubo contactos entre el jefe del Departamento de Relaciones Culturales con Países Extranjeros del MAE, Yuri Volski y José Luis Messia, director general de Relaciones Culturales del MAE español, que daría como resultado un panorama de intercambios culturales y científicos entre ambos países entre 1975 y 1976, rubricado el 5 de junio de 1975. Pero la URSS se negó a ratificarlo debido a los procesos políticos contra la oposición que tuvieron lugar en aquel entonces en España¹⁰⁵.

814 A pesar de este último escollo, los trabajos para elaborar una base legal de cooperación científica continuaron. En el verano de 1979, durante una visita a la Unión Soviética de una delegación española, esta vez encabezada por el ministro de Universidades e Investigación de España, Luis González Seara, se firmó un acuerdo de cooperación científica entre la Academia de Ciencias de la URSS y el Consejo Superior de Investigaciones Científicas (CSIC)¹⁰⁶. Y en octubre del mismo año, en la primera sesión de la comisión mixta hispano-soviética en Madrid, se desarrolló un programa de intercambios científicos para 1980–1981. La comisión fue encabezada por el director general de Relaciones Culturales del MAE¹⁰⁷, Amaro González de Mesa, y el vicepresidente de la Academia de Ciencias de la URSS, el presidente de la recién creada Sociedad de Amistad “URSS-España” y académico Yuri Ovchínnikov, uno de los más destacados especialistas de la URSS en el campo de la bioquímica. La Comisión identificó varias áreas prioritarias para la cooperación entre científicos: la oceanografía, la agricultura, la biología y la investigación espacial. Ovchínnikov, en referencia a los objetivos cruciales de las actividades de

¹⁰⁴ La enseñanza de Ciencias e Ingeniería en la Unión Soviética // *Revista de Educación*, 1958–59. Vol. XXXII, Nº 91. P. 40 (204).

¹⁰⁵ *Garrido Caballero M.* Las relaciones entre España y la Unión Soviética...

¹⁰⁶ *Dubinin Yu.V.* Ambakhador! Ambakhador!... P. 81; *Samelyuk M.A.* Sovetsko-ispanskiye otnosheniya v 1975–1982 gg. (Relaciones soviético-españolas en 1975–1982). Diss. Moscú, 1990.

¹⁰⁷ *Garrido Caballero M.* Las relaciones entre España y la Unión Soviética...

la Academia de Ciencias Soviética, manifestó su especial interés en una colaboración en el estudio del cosmos, no descartando la posibilidad de participación de un astronauta español en dichos proyectos. Se trató de forma específica la cooperación en los programas de energía nuclear, y se hizo hincapié en un enfoque “para un desarrollo integral y el objetivo del desarme, como búsqueda de nuevos tipos de armamento de carácter defensivo”, ya que esta tarea “debe ser encomendada a los científicos”¹⁰⁸. No era casualidad que en esa comisión participara el director del Instituto de Investigaciones Nucleares, Nikolái Bogolúbov, lo que indicaba los planes a gran escala de ese trabajo conjunto.

Los intereses del lado español fueron expresados por el presidente del CSIC, el profesor Alejandro Nieto. Recordó la alta calidad de la educación técnica en la URSS (como era bien sabido en España desde la década de 1950) y destacó que había llegado el momento de complementar los contactos personales entre los académicos con “los contactos oficiales directos”. “Este primer convenio de cooperación científica — según citaba *El País* — podrá reportar para España un intercambio científico que dé a conocer la labor realizada en la Academia Soviética de las Ciencias”¹⁰⁹.

Teniendo en cuenta que España “ocupa uno de los lugares más avanzados en la agricultura europea”, por parte española, se centró la atención en la cooperación en campos científicos relacionados con la agricultura¹¹⁰. Esta iniciativa coincidía con los intereses profesionales del Jefe de la Delegación Soviética y, gracias a los esfuerzos personales del académico Ovchínnikov desde el comienzo de la década de 1980, el intercambio científico en el campo de la bioquímica se desarrolló con mucho éxito. En 1983, la Universidad de Granada invistió a Ovchínnikov como doctor *honoris causa* por dicha universidad. En 1984, en el Simposio Internacional “Fronteras de la Química Bioorgánica y Biología Molecular” organizado en Moscú y Alma-Ata, participaron casi un centenar de científicos invitados de 20 países occidentales, junto a otros tantos de la URSS y de los países socialistas; en él estuvieron presentes cuatro bioquímicos españoles¹¹¹.

Se asignó un papel importante a la cooperación en humanidades, que fue estimulado por otro miembro de la comisión mixta, el vicepresidente del Comité Nacional de Historiadores de la URSS, Alexánder Chubaryán. En septiembre de 1980, se firmó un acuerdo entre el Instituto de Historia Universal de la Academia de Ciencias de la URSS y el Instituto de Historia *Jerónimo Zurita* del CSIC, para poner en marcha la organización de coloquios regulares entre los historiadores soviéticos y españoles¹¹². Ambas instituciones se convertirían en importantes centros de asociación del mundo

¹⁰⁸ *Mejía Godoy C.* Ovchinnikov: “La alternativa energética rusa reside en la potencia nuclear” // *El País*. 17.9.1980.

¹⁰⁹ *Ibid.*

¹¹⁰ *Mariño C.* Yuri Ovchinnikov: “No se debe aplicar todavía la ingeniería genética en el hombre” // *El País*. 17.05.1985.

¹¹¹ *López Barneo J.* La fisiología celular, los canales iónicos y la creación de una biofísica española. — <https://idus.us.es/xmlui/bitstream/handle/11441/17801> (fecha de consulta: 25.07.2018).

¹¹² *López García P.* El Centro de Estudios Históricos // *Teoría y práctica de la Prehistoria: perspectivas desde los extremos de Europa*. Madrid: CSIC, 1993. P. 16.

III Coloquio de los historiadores españoles y soviéticos. 1985.

académico de ambos países. Al mismo tiempo, se definieron los temas sobre los que se organizaría un debate científico en el primer coloquio. La prensa española fue bastante reservada sobre la posibilidad de esa reunión. El 5 de noviembre de 1981, en *El País* apareció un artículo informando de cómo, por primera vez, los historiadores españoles se reunirían en Moscú con sus homólogos soviéticos y discutirían una serie de cuestiones, entre las que estaba las relaciones hispano-rusas y, desde el periódico se enfatizó que esas relaciones eran comparables solo a las habidas “antes de 1917”¹¹³. En esos momentos, en España todavía existía una actitud cautelosa hacia la Unión Soviética y, en este contexto, esos contactos hispano-soviéticos se convirtieron en un ejemplo de diplomacia científica que contribuirán, en gran medida, a la superación de los estereotipos políticos.

816 El primer coloquio de historiadores se inauguró en Moscú el 9 de noviembre de 1981, y en ese primer encuentro se establecieron las bases de lo que serían los futuros intercambios científicos entre las academias y las universidades de ambos países. Desde entonces, los coloquios pasaron a celebrarse una vez cada dos años, alternativamente en Moscú y Madrid. Estas reuniones científicas impulsaron a los investigadores españoles y rusos no solo a continuar los estudios de sus temas tradicionales, sino también en aquellas líneas de investigación que profundizan en el estudio de las relaciones entre España y Rusia, asunto que antes de la década de los ochenta, era prácticamente desconocido, excepto durante el periodo de la guerra civil en España.

Fueron varios destacados historiadores que participaron, por parte española, en estos coloquios iniciales. Eloy Benito Ruano, estudioso de la Edad Media, asumió, a mediados de la década de los setenta, la Presidencia del Comité Español de Ciencias Históricas y, desde mediados de los noventa, la Secretaría de la Real Academia de la Historia. Este historiador apoyó firmemente la celebración de los coloquios y los

¹¹³ Las relaciones España—URSS, tema para un coloquio, entre historiadores de ambos países // *El País*. 5.11.1981.

contactos entre los historiadores en general. Igual de contundente sería el profesor de Historia Moderna y Contemporánea de España y estudioso en el ámbito de la Historia de las Relaciones Internacionales, Manuel Espadas Burgos. El profesor Espadas fue, en calidad de director del Instituto de Historia del CSIC, uno de los organizadores de estos coloquios por parte española, tarea que más, tarde seguiría desempeñando desde sus cargos de Secretario y, posteriormente, Presidente del Comité Español de Ciencias Históricas. A pesar del volumen de responsabilidades académicas e institucionales, siempre promovió con su autoridad y su influencia académica, la cooperación entre científicos rusos y españoles.

Asimismo, Emilio Sáez, uno de los más eminentes medievalistas españoles, director del Departamento de la Edad Media del Instituto de Historia del CSIC y fundador del Instituto *Milà i Fontanals* de Barcelona, y que — a finales de la década de los setenta — desempeñó el cargo de vicepresidente del Consejo Superior de Investigaciones Científicas “se convirtió en el centro y el alma de la cooperación entre los historiadores de ambos países”¹¹⁴. Por primera vez, se reunió con los colegas soviéticos en el *XIII Congreso de Ciencias Históricas*, que se celebró en Moscú en 1970. Pero ya antes tuvo acceso a las obras de los hispanistas medievalistas soviéticos y, poco antes del Congreso, publicó un artículo sobre los estudios soviéticos sobre la España medieval¹¹⁵. Más tarde, surgió la idea de estudiar y publicar documentos medievales españoles conservados en los archivos de la URSS¹¹⁶. Esta iniciativa llevó consigo

817

Venedict Vinogradov y Juan Antonio Samaranch en la Facultad de Filología de la Universidad Estatal Lomonósov de Moscú. 1978.

¹¹⁴ López García P. El Centro de Estudios Históricos... P. 16.

¹¹⁵ Véase: Sáez Sánchez E. La historia medieval de España (siglos IX–XIV) según la investigación soviética // Anuario de estudios medievales. Nº V. 1968. P. 662–668.

¹¹⁶ Fue publicado mucho más tarde: Sáez E., Sáez C. El fondo español del archivo de la Academia de las Ciencias de San Petersburgo. Alcalá de Henares: Universidad de Alcalá, 1993.

la necesidad de un intercambio regular de información científica, de la celebración de reuniones conjuntas y de la publicación de obras bilingües. El primer ejemplo fue la publicación de documentos diplomáticos hispano-rusos. El protocolo sobre la cooperación entre ambos Ministerios de Asuntos Exteriores se firmó en 1984, y el primer volumen en ruso y en español se publicó en 1991¹¹⁷. En esos mismos años, la investigadora catalana Ana María Schop Soler, inició sus primeros estudios de las relaciones hispano-rusas durante los siglos XVIII — XIX¹¹⁸.

El establecimiento de relaciones diplomáticas entre ambos países, llevó en 1977 a que la profesora Elida Litávrina, destacada hispanista de la Facultad de Historia de la Universidad Estatal de Moscú, discípula del académico Serguéi Skazkin, comenzara una nueva línea de especialización para los estudiantes, la de la “Historia Moderna de España”, y inaugurara el primer seminario científico sobre la Historia de España en el siglo XVIII, que luego se convertiría en una nueva escuela de investigación. Gracias a su entusiasmo, los problemas de la Época de la Ilustración española se convirtieron en una de las materias académicas de estudio de la ciencia histórica rusa. Al mismo tiempo, en 1978, en la Facultad de Filología de la Universidad Estatal de Moscú, por iniciativa del fundador y jefe de la Cátedra de Filología Románica, profesor Venedict Vinográdov, y gracias al apoyo del embajador Samaranch, se introdujo la enseñanza de la lengua española y de la lengua catalana¹¹⁹.

En el Instituto de Historia Universal de la Academia de Ciencias de la URSS, por iniciativa del académico Iván Maisky, que en 1948, organizó un seminario sobre el estudio de la guerra civil en España, comenzó a editarse una recopilación de publicaciones bajo el título de *Problemas de la historia de España*, que abordaron temas clave de su pasado y presente¹²⁰. La tradición de su mentor académico la continuaría Svetlana Pozharskaya, que, desde mediados de la década de los setenta, dirigiría la escuela científica de los estudios de la guerra civil y el franquismo en España.

Un lugar importante en los estudios hispánicos, por parte de los estudiosos soviéticos, lo ocupó la escuela científica de San Petersburgo, fundada en las décadas de 1940 y 1950 por el académico Mijaíl Alekséev. Él mismo, y luego su discípulo, Vsévolod Bagnó, investigaron diversos aspectos de las conexiones culturales y literarias hispano-rusas. “La colección española del Ermitage” reunió a un gran grupo de expertos en arte de Leningrado y contribuyó a la creación de una escuela soviética de estudios sobre pintura española de los maestros antiguos¹²¹.

En 1979, comenzaría la historia de los lazos interuniversitarios entre ambos países. Durante la visita de González Seara, se consideraron temas como el reconocimiento mutuo de diplomas de educación y de títulos académicos. Se establecieron contactos entre la Universidad de Moscú y la Universidad Complutense de Madrid, así como entre las Universidades de Leningrado y Barcelona. Estos acuerdos facilitaron el inicio del intercambio de estudiantes entre las diferentes universidades. Los primeros cinco

¹¹⁷ Véase la sección “Bibliografía selecta”.

¹¹⁸ Para sus obras véase la sección “Bibliografía selecta”.

¹¹⁹ El catalán cumple 40 años de enseñanza en Moscú // La Vanguardia. 22.03. 2018.

¹²⁰ En total, entre 1971 y 1992, se publicaron 6 volúmenes.

¹²¹ *Morózova A.V.* Otechestvennaya iskusstvovedcheskaya ispanistika. Stanovleniye i razvitiye (Estudios del arte español en Rusia. Formación y desarrollo). San Petersburgo: Dmitry Bulanin, 2016.

estudiantes españoles comenzaron sus estudios en universidades soviéticas en 1981¹²². Desde 1983, cuando el ministro de Asuntos Exteriores, Fernando Morán, visitó Moscú, y se firmaron nuevos acuerdos en el campo de la educación, también los profesores empezaron a formar parte de los procesos de intercambio interuniversitario.

A pesar de todas estas colaboraciones e intercambios científico-académicos, a finales de 1970 y principios de 1980, el “conocimiento científico” de los dos países no estaba libre del componente ideológico, la interacción de los investigadores españoles y soviéticos se vería menos afectada por factores negativos de política exterior a partir de principios de los ochenta. A partir de esas fechas, en el resto de la década, durante el período de la *perestroika*, los lazos internacionales de la URSS se expandieron sustancialmente y los contactos científicos soviético-españoles recibieron un nuevo impulso a su desarrollo. La apertura y la *glasnost* contribuyeron a la expansión de los temas debatidos, especialmente en el ámbito de las humanidades. Además, hubo un mayor interés en los logros científicos mutuos y un deseo de examinar diversos enfoques metodológicos.

En 1986, varios científicos españoles participaron en XVI Congreso de las Sociedades Europeas de Bioquímica, que se celebró en Moscú. Al año siguiente, en 1987, se celebró en Granada el primer simposio hispano-soviético sobre biofísica, organizado por el Presidente del Comité Español de Biofísica, Manuel Cortijo. En 1990, la delegación española, compuesta por 30 personas, volvió de nuevo a reunirse en Moscú. Uno de los participantes de ese simposio, José López Barneo, recordó más tarde que fue allí donde los investigadores españoles ampliaron significativamente sus contactos científicos con especialistas de diferentes repúblicas de la URSS¹²³.

Paulatinamente, se fue prestando cada vez más atención al estudio de la lengua española en la URSS, así como al estudio del ruso en España. Por primera vez los profesores soviéticos de lengua española pudieron conocer y visitar personalmente el país del cual enseñaban el idioma. Diplomáticos de ambos países mostraron un especial interés en este asunto. El embajador de España, José Luis Xifra de Ocerín, por ejemplo, visitó las escuelas soviéticas donde se estudiaba español. En 1986, cerca de 60 estudiantes españoles, becarios de la Unión de Sociedades Soviéticas de Amistad, ya habían estudiado en universidades soviéticas. En esos mismos años, los primeros estudiantes españoles de la Universidad de Granada y de la Universidad Autónoma de Barcelona llegarían a la URSS. Esas universidades se convirtieron en unas de las primeras en España donde se comenzó a enseñar ruso¹²⁴. El interés

¹²² *Indútnaya N.Ye.* Ob uchastii obshchestv družby v razvitii sovetsko-ispanskikh otnosheniy: 1977–1984 gg. (La participación de las sociedades de amistad en el desarrollo de las relaciones soviético-españolas: 1977–1984) // *Voprosy novoy i noveyshey istorii* (Cuestiones de historia nueva y moderna). Vyp. 32. Kiev, 1986. P. 41.

¹²³ *López Barneo J.* La fisiología celular...

¹²⁴ En la Universidad de Granada, el idioma ruso se había venido enseñando desde 1961. Luego, Antonio Pretelle Martínez, que regresó de la URSS, empezó a enseñar a pequeños grupos de estudiantes en el Instituto de Lenguas Extranjeras de la Universidad. La Escuela Universitaria de Traductores e Intérpretes de la Universidad Autónoma de Barcelona a principios de los años 80 tenía firmado un acuerdo con el Instituto de Lengua Rusa Pushkin de Moscú.

La Fundación *Alexánder Pushkin* en España

La Fundación *Alexánder Pushkin* fue creada en 1991 por un grupo de personalidades españolas y rusas interesadas en el mantenimiento y expansión de las relaciones culturales entre España y Rusia. Cabe mencionar entre ellas a Valentina Tereshkova, la primera mujer astronauta del mundo, al entonces vicepresidente de la Academia de Ciencias de la URSS, Rem Petrov, así como a un destacado lingüista, el famoso erudito en el ámbito de la lengua rusa Vitaly Kostomárov, quien en aquellos años era el director del Instituto Estatal Pushkin de Lengua Rusa y el presidente de la Academia de Ciencias Pedagógicas de la URSS.

Por parte española, entre sus fundadores, se encontraban el rector de la Universidad Politécnica de Madrid, Rafael Portaencasa —que se convertiría en su primer presidente—, el célebre economista, Juan José Durán, el reconocido escritor Juan Pedro Aparicio y el académico de la Real Academia Española y escritor José María Merino. Desde 1993, el director de la Fundación es Alexánder Chernosvítov.

El objetivo fundacional, y principal, de la actuación de la Fundación es la enseñanza del idioma ruso a los españoles y del idioma español a los estudiantes rusos. Durante todos estos años, en los cursos de la Fundación, han estudiado la lengua de Pushkin, Tolstói y Dostoievski más de nueve mil adultos y casi dos mil niños. Entre ellos se encuentran destacados diplomáticos, periodistas, hombres de negocios, científicos, músicos...

Asimismo, y a lo largo de más de un cuarto de siglo, la Fundación ha organizado más de dos mil conciertos, exposiciones, encuentros con escritores, giras de orquestas sinfónicas y otros actos que demuestran la riqueza de las culturas rusa y española. La misión cultural y divulgadora de la Fundación incluye la promoción del diálogo técnico-científico entre España y Rusia, facilitando contactos entre las universidades y promocionando su potencial científico. La Fundación ayudó a organizar la exposición “Rusia, pionera en la conquista del espacio” en el Museo de Ciencias de Valladolid. La Fundación se ocupa no solo de la actualidad, sino también de la historia de los contactos científicos como claves para la preservación del patrimonio científico. El ejemplo más destacable es el estudio y la promoción del legado del eminente ingeniero español y ruso Agustín de Betancourt.

por Rusia predeterminó en 1991 la creación de la publicación en la Universidad de una revista dedicada a las cuestiones de la lengua y la literatura rusa: *Rusística española*¹²⁵. En 1989, en la Universidad Complutense de Madrid, se inauguró el Departamento de Filología Eslava. Más tarde, se estableció allí un curso de postgrado en estudios eslavos¹²⁶. La expansión de la enseñanza de la lengua rusa en España

¹²⁵ Rusística Española. — <http://russianedu.ru/magazine/archive/viewdoc/1993/4/4475.html> (fecha de consulta: 25.07.2018). Desde 2004 se titula *Cuadernos de Rusística española*.

¹²⁶ A mediados de la década de 1990, se abrieron departamentos de lenguas eslavas en las universidades de Granada y Barcelona, y Alicante, un departamento de lengua rusa. Véase también:

también se vería facilitada por la creación en 1991 en Madrid de la Fundación *Alexánder Pushkin*.

Durante esos años, se concluyeron varios acuerdos bilaterales en el campo de la cooperación científica entre la URSS y España. Se firmaron importantes documentos en octubre de 1990, durante la visita del presidente de la URSS, Mijaíl Gorbachov, a España¹²⁷. El convenio de cooperación científica y técnica tuvo como objetivos prioritarios la colaboración en materias como la informática, la robótica, los nuevos materiales, la biotecnología, la medicina y la minería. Un nuevo aspecto de este acuerdo fue la participación de científicos soviéticos en las investigaciones que se realizaban en el Instituto Astrofísico de Canarias. El documento fue firmado por Kiril Diumayev, vicepresidente del Comité para la Ciencia y la Técnica de la URSS, y Luis Yáñez, secretario de Estado de Cooperación Internacional del MAE de España. Los planes fueron de gran calado: acordaron continuar la cooperación en el cuidado de la salud, el desarrollo del transporte ferroviario, la geología, la química y estudiaron la posible participación de investigadores españoles en los programas espaciales soviéticos¹²⁸. Durante la visita, se inauguró el Instituto de Cultura y Ciencias Soviéticas en la Universidad de Madrid. Como regalo al Instituto, la delegación soviética entregó una colección de literatura rusa y soviética¹²⁹. Sin embargo, la implementación de estos acuerdos fue difícil y, posteriormente, se volvió completamente imposible debido a la crisis a fines de los años ochenta y noventa en la URSS, que conduciría al colapso de la Unión Soviética.

LA DIPLOMACIA CULTURAL EN LA TRANSICIÓN

El establecimiento de relaciones diplomáticas entre España y la URSS abrió nuevas perspectivas para desarrollar los lazos culturales. Los contactos personales de las décadas de 1940–1970 fueron transformándose en el marco de la diplomacia cultural que acompañaba, a su vez, el proceso de acercamiento político y de comprensión mutua. En primer lugar, se trató del carácter abierto de la información. En marzo de 1979, se firmó un acuerdo oficial de colaboración en este campo, pero los primeros pasos se habían dado ya en 1969, cuando se crearon, en Moscú y en Madrid, las corresponsalías permanentes de EFE y TASS, agencias de información de España y de la URSS respectivamente¹³⁰.

821

Gusman Tirado R. Aktual'nyye problemy razvitiya ispanskoy rusistiki (Problemas actuales del desarrollo de la Rusística Española) // *Russkiy yazyk: Chelovek. Kul'tura. Kommunikatsiya* (Ruso: Hombre. Cultura. Comunicación). Ekaterinburg: URFU, 2006. P. 22–34.

¹²⁷ *Gróznaya Ye.A.* Politika Sovetskogo Soyuz...; *Yurkov D.V.* Rossiysko-ispanskiye kul'turnyye svyazi: konets 1970-kh gg. — nachalo XXI v. (Lazos culturales hispano-rusos: finales de los años 1970 — principios del siglo XXI). Dis. Moscú, 2010.

¹²⁸ Informática y robótica, prioridades del acuerdo científico España-URSS // *El País*. 27.01.1990.

¹²⁹ *Gróznaya Ye.A.* Politika Sovetskogo Soyuz... P. 215, 216, 227, 237.

¹³⁰ *Krásikov A.A.* Ispanskiy reportazh (Reportaje español). Moscú: Politizdat, 1981. P. 30–31; *Dubinin Yu.V.* Ambakhador! Ambakhador!... P. 82.

Las oportunidades de este diálogo hispano-soviético fueron aprovechadas y apoyadas por el Estado soviético y por iniciativas sociales. En la Unión Soviética, en el marco de la Unión de Sociedades de Amistad y Relaciones Culturales con los países extranjeros, se fundó en 1978 la Sociedad de Amistad “URSS-España”. El célebre hispanista, Benedict Vinográdov, encabezó su representación en Madrid. Un año después, varias personalidades de la cultura española crearon, de forma recíproca, la Asociación “España-URSS”. Las asociaciones de amistad se convirtieron en base institucional para desarrollo de las relaciones culturales entre los dos países¹³¹.

Las interacciones recíprocas al más alto nivel diplomático se acompañaron con acontecimientos verdaderamente pintorescos en la colaboración cultural. En 1979, durante la primera visita de Marcelino Oreja a la Unión Soviética, la parte española presentó una exposición de los grabados de Goya de las series *Los caprichos*, *Los desastres de la guerra*, *Los disparates* y *La tauromaquia*¹³². En noviembre de 1979, durante la visita recíproca a España de Andréi Gromyko, se firmó el Protocolo de colaboración entre el Ermitage y el Museo del Prado, lo que ofreció oportunidades para conocer las riquísimas colecciones de estos famosos museos, así como intercambiar experiencias en los trabajos de restauración¹³³.

El País elogió la primera exposición de pintura de las colecciones del Prado, informando de que “esta es la primera vez que un conjunto de cuadros de la primera pinacoteca española se expone en la Unión Soviética”¹³⁴. Y en 1987–1988 se presentó en la URSS otra gran exposición de pintura traída por los españoles bajo el título *De Goya a Picasso*. En esta ocasión el diario ABC decía: “El director del Museo del Prado, Alfonso E. Pérez Sánchez, que viajó hasta la capital soviética para presentar la exposición, [...] puso de relieve algunas de las concomitancias de estilo entre la pintura española y rusa del siglo XIX, de las que dijo están unidas también por unos acontecimientos históricos no muy distintos para ambos países, «desde la invasión napoleónica hasta la lucha entre el absolutismo y la democracia»”¹³⁵.

En aquel entonces las obras de los famosos museos soviéticos — el Ermitage, el Museo Estatal Ruso, la Galería Estatal Tretiakov, el Museo Estatal de Artes Plásticas Pushkin — estuvieron expuestas en numerosas ciudades de España¹³⁶.

¹³¹ Véase el capítulo “Las Asociaciones de Amistad con la URSS en España”.

¹³² *Dubinín Yu.V.* Ambakhador! Ambakhador!... P. 78–80; *Vpervyye v SSSR* (Por primera vez en la URSS) // *Kul'tura i zhizn'*. 1979. N° 6. P. 29.

¹³³ *Protokol k Soglasheniyu mezhdú SSSR i Korolevstvom Ispaniya o kul'turnom i nauchnom sotrudnichestve o sodeystvii razvitiyu sotrudnichestva mezhdú Gosudarstvennym Ermitazhem i Muzeyem Prado* (Protocolo del Acuerdo entre la URSS y el Reino de España sobre cooperación cultural y científica para fomentar la cooperación entre El Ermitage Estatal y el Museo de El Prado) // *Sbornik deystvuyushchikh dogovorov, soglasheniy i konventsiy, zaklyuchonnykh SSSR s inostrannymi gosudarstvami*. Vip. 35. Moscú, 1981. P. 407–408; Intercambio temporal de obras de arte entre España y la URSS // *El País*. 24.06.1980.

¹³⁴ Exposición de obras del Museo del Prado en el Ermitage de Leningrado // *El País*. 03.09.1980.

¹³⁵ *De Goya a Picasso, la pintura española deslumbra en Moscú* // *ABC*. 26.02.1987. P. 39.

¹³⁶ *Indútnaya N.Ye.* SSSR — Ispaniya: kul'turnyy obmen: 70–80–ye gody (URSS — España: intercambio cultural: los años 70–80) // *Voprosy novoy i noveyshey istorii*. N° 36. Kiev, 1990. P. 23; *Tesoros del Ermitage: Pintura española* // *ABC*. 10.05.1981. P. 10; *Gran exposición de pintura de L'Ermitage en el Museo de Prado* // *ABC*. 29.04.1981. P. 41.

El arte español en la URSS: las exposiciones de pintura

A partir de finales de la década de los sesenta, se organizaron varias exposiciones de pintura española, con obras procedentes de las colecciones permanentes de varios museos de ámbito internacional. Asimismo, en el invierno de 1976, varios museos de EE.UU. intercambiaron temporalmente algunas de sus mejores obras con pinturas procedentes de las colecciones del Ermitage y del Museo Ruso. Ese año, Armand Hammer proporcionó tres cuadros de su colección. Uno de los objetos de arte más importantes de esta exposición fue el lienzo de El Greco *La Virgen y el Niño con Santa Martina y Santa Inés*. Además, estaban expuestos dos retratos de Goya (*Doña Amalia Bonells de Costa* y *Victor Guye el paje de José Bonaparte*) y un cuadro de Picasso *Retrato de Sebastián Juñer Vidal*.

En otoño de 1979, el Museo Estatal de Artes Plásticas Pushkin organizó una exposición de pintura española que abarcaba el período pictórico desde el siglo XVI a principios del siglo XIX y que, procedente de la colección del Museo de Bellas Artes de Budapest, incluía 18 cuadros y 4 dibujos, entre los cuales el cuadro clave era *San Andrés apóstol* de Zurbarán.

En 1984, en Moscú y San Petersburgo tuvo lugar la exposición de las obras maestras de la Pinacoteca Antigua de Múnich. En dicha exposición estaban expuestos el retrato de la Infanta Isabel Clara Eugenia y el retrato del Archiduque Alberto de Juan Pantoja de la Cruz, así como cuadros de Zurbarán, Murillo y Goya. En mayo de 1986, en el Ermitage fue inaugurada la exposición de un solo lienzo de Goya — *La marquesa de Pontejos*, procedente de la Galería Nacional de Arte de Washington. En 1987, también en el Ermitage, fue expuesto un solo cuadro de El Greco — *La Oración en el Huerto*, que provenía del Museo de Arte de Toledo (estado de Ohio, USA).

En abril de 1981, se inauguró en El Prado la exposición de obras de las colecciones del Ermitage que contaba con el *Retrato de Alonso de Ercilla y Zúñiga* de El Greco, *El afilador de Puga*, *Preparativos para la crucifixión* de Ribalta y otros lienzos de artistas españoles del Siglo de Oro de las colecciones del Ermitage, y en 1984, se presentó la exposición *Murillo y artistas de Andalucía del siglo XVII en las colecciones del Ermitage*.

El verano de 1982, Pablo Serrano, destacado escultor español y vice-presidente de la Asociación “España — URSS”, expuso más de 40 de sus obras en el Museo Pushkin de Moscú y en el Ermitage y regaló al Ermitage varias obras esculpidas por él. Informando sobre esta exposición, *El País* tituló su artículo así: “Pablo Serrano, primer español vivo que expone en el Ermitage”¹³⁷. En la URSS se organizó la exposición de obras de Eusebio Sempere, dibujante, pintor y escultor español. Josep María Ribas Prous, fotógrafo español, salió ganador de la exposición de fotografía

¹³⁷ *Dubinin Yu.V.* Ambakhador! Ambakhador!... P. 173; Pablo Serrano, primer español vivo que expone en el Ermitage // *El País*. 10.03.1982.

documental y artística *Por la paz y la amistad entre los pueblos* celebrada en Moscú en 1979. Entre finales de la década de 1970s y inicios de la década de 1980s, la oficina de la Sociedad “URSS — España” en Madrid organizó más de 40 exposiciones de diferentes temas y géneros, entre ellas, las exposiciones personales de célebres pintores soviéticos, Tair Salákhov e Ilyá Glazunov, y obras fotográficas del pintor Alexánder Ródchenko¹³⁸.

El lector español que desde hacía mucho conocía la literatura clásica rusa iba familiarizándose con las obras de autores soviéticos. Ya en los últimos años del franquismo y en los primeros de la democracia, las editoriales españolas publicaron obras de escritores soviéticos dando una visión panorámica de la literatura soviética. Las editoriales españolas firmaron unos 130 contratos para poder publicar tanto obras de literatura soviética, como ediciones de información y consulta, como por ejemplo la Gran Enciclopedia Soviética. Los españoles consiguieron leer novelas de M. Gorki, A. Tolstoy, M. Shólokhov, K. Símonov, narraciones y cuentos de K. Paustovski e I. Bábel, y salieron a la luz antologías de prosa y poesía soviéticas¹³⁹. Con acontecimientos y procesos ocurridos en la URSS, durante la *perestroika*, iba formándose una literatura “nueva”, de claro carácter antitotalitario, lo que, de inmediato, llamó la atención de los editores españoles. El semanario *Cambio 16* señalaba que “con la *perestroika*, la cultura soviética se abre al mundo y abre las puertas de la Europa Occidental. La ola llega a España”¹⁴⁰.

Entre 1979 y 1989, se organizaron en España 14 exposiciones de libros soviéticos. En ellas se presentaron libros de bellas artes, de ciencia y técnica, de enseñanza, de literatura infantil, así como libros de arte y de arquitectura. Una de ellas tuvo lugar en diciembre de 1980 en la Biblioteca Nacional de España, la que el editor Rubiños la caracterizó con las siguientes palabras: “Esta exposición es el broche de oro de la serie que ha montado nuestra firma en diferentes ciudades españolas, en ámbitos universitarios o de las corporaciones locales, con la intención de dar a conocer el libro ruso en España”¹⁴¹. Esta exposición ofreció a los lectores españoles más de 2000 títulos publicados en la URSS en lengua rusa, española y otras. La exposición montada en Moscú en 1988, “Libros de España: 10 años de trabajo creador y pensamiento”, con más de 3000 títulos, llegó a ser un peculiar resultado de diez años de cooperación¹⁴². A partir del año 1979, editores españoles frecuentaron la Feria-Exposición Internacional de Moscú, y representantes de editoriales soviéticas visitaron España para participar en las Ferias Internacionales del Libro *Liber-83* de Madrid y *Liber-84* de Barcelona¹⁴³.

¹³⁸ Véase: *Indútnaya N.Ye.* Ob uchastii... P. 45; *Ídem.* SSSR — Ispaniya... P. 23; “Yesli by mne prishlos’ vybirat’...” (Si yo tuviera que elegir...) // *Kul’tura i zhizn’.* 1979. Nº 3. P. 37.

¹³⁹ *Indútnaya N.Ye.* SSSR — Ispaniya... P. 21–22; *Yevstignéyev V.P.* Ispaniya: osnovnyye napravleniya vneshney politiki (España: las principales direcciones de la política exterior). Moscú: MO, 1982. P. 47.

¹⁴⁰ *Longares M., Bellver J.M.* La “Perestroika” que se exporta // *Cambio-16.* 1988. Nº 883. P. 162–164.

¹⁴¹ Exposición de libros rusos en la Biblioteca Nacional // *El País.* 12.12.1980.

¹⁴² *Indútnaya N.Ye.* SSSR — Ispaniya... P. 21–22.

¹⁴³ *Gróznaya E.A.* Política... P. 125, 214, 220.

El arte cinematográfico asumió un papel especial en la diplomacia cultural de ambos países. Ya en 1969, directores y actores del cine soviético participaron en el Festival Internacional de Cine en San Sebastián. Las películas españolas *Digan lo que digan* y *Mi último tango*, que fueron proyectadas en pantallas soviéticas en 1971, resultaron muy populares entre los espectadores de la URSS. En 1977, España participó en el X Festival Internacional de Cine de Moscú y el director Juan Antonio Bardem ganó el premio de oro con su película *El Puente*. Él mismo obtuvo otro premio de oro en el XI Festival Internacional de Cine de 1979 de Moscú con el filme *Siete días de enero*. En aquella época surgió la tradición de celebrar festivales de cine español en la URSS y de cine soviético en España¹⁴⁴. En 1982, coincidiendo con la Semana del Cine Soviético en Madrid, se firmó el Acuerdo de cooperación en el campo cinematográfico, lo que permitió dinamizar los contactos profesionales entre cineastas y establecer relaciones regulares entre los estudios cinematográficos españoles y soviéticos¹⁴⁵. En 1985, Yuri Zanin, director de cine soviético, filmó el documental “¡Salud, España!” (guionistas Borís Dobrodéev y Nikoláy Shishlin), película basada en las memorias de combatientes de las Brigadas Internacionales de España, URSS, Alemania, USA, Checoslovaquia, Italia y Bulgaria¹⁴⁶. A finales de los 1980, los espectadores españoles conocieron las nuevas tendencias del cine soviético. Según la prensa española, era el cine que se convirtió en cierto “motor de la *perestroika*”. También comenzó la cooperación de cineastas soviéticos y españoles en la creación de películas de televisión¹⁴⁷ que se basaba en un nuevo acuerdo de relaciones hispano-rusas en el campo cinematográfico firmado entre la URSS y España en 1990¹⁴⁸.

El arte escénico fue una de las vías más importantes en la cooperación cultural a finales de la década de 1970 — 1980, y lo representaron los más variados colectivos de arte, de teatro, de danza, de variedades y otros. En la Unión Soviética actuaron el Teatro de Danza Española *Luisillo*, la compañía teatral dirigida por José Tamayo, el Centro Dramático Nacional de España; y España la visitaron de gira el Teatro Académico de Ópera y Ballet S. Kírov de Leningrado y el Teatro Académico de Ópera y Ballet T. Shevchenko de Kiev. Los espectadores españoles disfrutaron del arte de los integrantes del Conjunto académico de danzas populares rusas *Beriozka*, del Conjunto Académico de Danzas Populares de la Unión Soviética I. Moiséyev y del Conjunto de canto y danza del ejército soviético A.V. Aleksándrov. El Gran Teatro Dramático M. Gorki de Leningrado participó en el Festival de Teatro en Madrid en 1986. Las compañías de teatro y colectivos de artistas soviéticos asistieron al Festival del Arte Soviético en España en 1988¹⁴⁹.

¹⁴⁴ *Indútnaya N.Ye.* SSSR — Ispaniya... P. 22, 23, 25.

¹⁴⁵ *Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR* (Colección de tratados internacionales de la URSS.). N.º 38. Moscú: MO, 1984. P. 345.

¹⁴⁶ Fil'm “Salyut, Ispaniya!” [1985] (Filme “¡Salud, España! [1985]). — <https://www.net-film.ru/film-50361/> (fecha de consulta: 11.03.2018).

¹⁴⁷ *Longares M., Bellver J.M.* La “Perestorika” que se exporta... P. 162–163.

¹⁴⁸ *Garrido Caballero M.* Las relaciones entre España y la Unión Soviética...

¹⁴⁹ *Yurkov D.V.* Rossiysko-ispanskiye kul'turnyye svyazi... P. 97–99.

Los genios de la cultura: Maya Plisétskaya y España

“¿De dónde me viene esa pasión por España, por todo español: el flamenco, la corrida, las peinetas, las flores en el pelo, las mantillas, los collares? Nada determinado. Pero hay una relación secreta entre nosotros. Algo hay... —Así confesaba Maya Plisétskaya.— Disfrutaba bailando con pasión cuando danzo como Laurencia de Lope de Vega, la Dulcinea-Kitri de Cervantes, los bailes españoles de Kasián Goleizovski. Iba derecha con mi Carmen. ¿Una coincidencia o el destino?”. El 1 de diciembre de 1987, la bailarina soviética Maya Plisétskaya encabezaría la compañía de ballet clásico del Teatro Lírico Nacional de la Zarzuela para un período de dos años. José Manuel Garrido Guzmán, director del Instituto Nacional de las Artes Escénicas y de la Música del Ministerio de Cultura de España, consciente de que en España no existían tradiciones de ballet clásico, soñaba con que Maya Plisétskaya, gran bailarina y coreógrafa, “con la profunda experiencia que tiene, recibida en el país con mayor tradición en este terreno”, facilitara crear una escuela para formar bailarines capaces de integrar un futuro grupo de ballet del Teatro de Ópera Nacional. En su libro *Yo, Maya Plisétskaya* la autora escribió lo mismo. “El antiguo Teatro de la Zarzuela [...] Allí, bajo el mismo techo respetuosamente se cobijan la ópera, la vieja opereta clásica española, el Ballet Nacional de España (una compañía fantástica de flamenco) y el Ballet Lírico Nacional. Es el mio, una compañía de ballet clásico. Antes en España casi no había baile clásico, no había tradición. La compañía es muy joven. Sin embargo, muy prometedora. Enseguida me doy cuenta de que los bailarines desean trabajar en serio. Escuchan atentamente, asimilan cada indicación, cada comentario”.

En el teatro, Plisétskaya repuso el ballet *La Inútil Precaución* de Peter Hertel con coreografía de Alexander Gorski, e incluyó *Carmen-suite* en el repertorio. Como resultado de la colaboración fructífera con la cantante española Montserrat Caballé resultó la puesta en escena de la ópera-ballet *Las Villi* de Giacomo Puccini.

826

En la primavera de 1984, durante la visita de los reyes a la URSS, la Reina Sofía visitó la Escuela de Coreografía del Teatro Bolshoy, lo que promovió el desarrollo de las relaciones en el campo del arte coreográfico. Un año después, en Madrid se montó la exposición “Páginas de la historia del ballet ruso y soviético”. Y en 1987, Maya Plisétskaya, gran bailarina soviética, encabezó la compañía de danza del Teatro Lírico Nacional en Madrid¹⁵⁰. En noviembre de 1990, *El País* informó que el Ballet Nacional de España, así como la compañía de danza del Teatro Lírico Nacional y el Ballet de Víctor Ullate, tomarían parte en el Festival *Baila, España* en Moscú y Leningrado, y que junto a los españoles actuarían las célebres bailarinas soviéticas del Teatro S. Kírov¹⁵¹.

¹⁵⁰ *Gróznaya E.A.* Política... P. 218, 221, 230; La bailarina soviética Maya Plisétskaya acepta dirigir el Ballet Nacional de España // *El País*. 01.01.1987.

¹⁵¹ Destacados bailarines españoles y rusos actuarán juntos en la URSS // *El País*. 09.11.1990.

Las Villi le parecieron a Plisétskaya “como el segundo acto de *Giselle*, pero sin el primero”. En un gesto amistoso, la cantante española cantó y grabó un fonograma de *El Cisne* de Saint-Saëns y en un concierto la bailarina rusa lo bailó acompañada “de la voz fascinadora de Montserrat Caballé”. El trabajo conjunto con José Granero, director artístico de la compañía de flamenco, resultó de interés especial para Plisétskaya. En 1988, Granero puso en escena, especialmente para ella, el ballet *María Estuardo* de Emilio de Diego, en el que la bailarina interpretó el papel protagonista. La compañía del Teatro Lírico Nacional recorrió toda España dando espectáculos y conciertos en Murcia, San Sebastián, Almería, Alicante, Málaga, Valencia, Sevilla, Granada, Zamora, Oviedo y Santander. También salió de gira a Italia, Japón, Israel y Taiwán.

En 1991, Plisétskaya fue condecorada con la Orden de Isabel la Católica y con la Medalla de Oro al mérito en las Bellas Artes. En noviembre de 1993, la bailarina obtuvo la nacionalidad española.

Maya Plisétskaya interpreta Carmen

Al conocimiento cultural mutuo contribuyó también la música, cuyo lenguaje todos comprendían. En 1974, la compañía *Melodia* puso en venta los discos del cantante español Raphael y los de la admirable Sara Montiel. Y a partir de finales de los 1970, cantantes y músicos españoles comenzaron a visitar la URSS: los cantantes Víctor Manuel y Ana Belén, la mezzosoprano Teresa Berganza, la pianista Leonora Milà, o el guitarrista Narciso Yepes. La Orquesta catalana *Maravella* dio varios conciertos. En la década de los 1980, el público soviético acogió calurosamente a los ya conocidos cantantes Raphael, Michel y Julio Iglesias, y al pianista Alberto Giménez Attenelle, entre otros¹⁵². En septiembre de 1989, José Carreras, célebre tenor español, y Montserrat Caballé, afamada soprano, tomaron parte en un festival benéfico a favor de las víctimas del terremoto en Armenia. “Me complace actuar por

¹⁵² Yurkov D.V. Rossiysko-ispanskiye kul'turnyye svyazi... P. 97–98.

Julio Iglesias en la Plaza Roja. Moscú, 1989.

primera vez en un teatro de tal prestigio, solera y tradición mundial como el Bolshoi, y que coincida con una acción benéfica”, dijo Carreras¹⁵³.

828

El público español disfrutó del arte de la Orquesta Sinfónica Estatal de la URSS dirigida por Yevgueni Svetlanov, de la Orquesta Sinfónica de la Radio y Televisión Central Nacional de la URSS, dirigida por Vladimir Fedoséyev, del cuarteto *Virtuosos de Moscú* con el director Vladímir Spivakov, y de la Orquesta Sinfónica de Leningrado dirigida por Yevgueni Mravinsky. Ígor Oístraj, famoso violinista, se presentó en España con sus recitales¹⁵⁴. Jóvenes artistas españoles fueron a los centros soviéticos de enseñanza musical para estudiar y capacitarse, y pedagogos soviéticos impartieron cursos de capacitación y perfeccionamiento en España¹⁵⁵.

La animación de los contactos culturales entre los 1970s y los 1980s, durante la Transición en España, abrió nuevos horizontes para la cooperación con Rusia que, en la década de 1990 entraría a su vez en una nueva época de su historia.

¹⁵³ Caballé, Carreras y Kraus actuarán en Moscú en dos galas benéficas por Armenia // El País. 05.09.1989.

¹⁵⁴ *Yevstignéyev V.P.* Ispaniya... P. 47.

¹⁵⁵ *Gróznaya E.A.* Política... P. 95, 213, 219, 227.

LA NUEVA RUSIA Y ESPAÑA EN EL SIGLO XXI

DE LA RUSIA SOVIÉTICA A LA RUSIA DEMOCRÁTICA: LAS RELACIONES DIPLOMÁTICAS CON ESPAÑA

El 23 de diciembre de 1991, la Comunidad Europea aprobó la declaración sobre el futuro estatus de Rusia y de las antiguas repúblicas soviéticas, según la cual se establecía que los derechos y las obligaciones internacionales de la ex URSS, determinadas por la Carta de las Naciones Unidas, serían ejercidos en adelante por Rusia, y que sobre esa base, los Estados miembros de la Comunidad Europea continuarían desarrollando sus relaciones con Rusia¹. El 27 de diciembre de 1991, España reconoció a la Federación de Rusia como Estado continuador de la Unión Soviética. Rusia asumió todos los derechos y obligaciones derivados de los acuerdos celebrados entre la URSS y España. Madrid defendía el respaldo coordinado de las reformas que estaban desarrollándose en Rusia, y también la necesidad de prestar atención a los intereses rusos en Europa y en el mundo. La renovación democrática de Rusia tenía que dar como resultado el desarrollo de un sistema de seguridad y cooperación más sólido y fiable en Europa. Por eso, España consideraba que era necesario mantener relaciones políticas y económicas cualitativamente nuevas con Rusia².

A principios de la década de los 90, la posición de España respecto a Rusia se ajustó a la línea general de la Comunidad Europea y se desarrolló básicamente en dos direcciones. Por facilitar ese proceso España abogó por la integración de Rusia en las estructuras de Europa occidental. Por otro lado, se intensificaron las relaciones bilaterales entre ambos países, cuya base tendía que ser la amplia presencia de empresas españolas en el mercado ruso y el desarrollo de la política de cooperación

¹ EC Press Statement, Brussels, 23 December 1991.

² *Anikéieva N.Ie., Védiushkin V.A., Volosyuk O.V., Médnikov Í.Iu., Pozhárskaja S.P.* Istoria vneshnei politiki... P. 422.

Los embajadores rusos en España: Ígor Ivanov

En 1973, Ígor Serguéevich Ivanov, graduado del Instituto Estatal Pedagógico de Lenguas Extranjeras de Moscú, que dominaba el español a la perfección, fue nombrado ingeniero jefe de la representación comercial de la URSS en España, donde, ante la falta de relaciones diplomáticas entre dos países, ejercería también funciones diplomáticas. En 1977, cuando la URSS estableció relaciones diplomáticas con España, fue el único, que trabajó en Madrid desde el primer día. Y para garantizar la continuidad de la plantilla, decidieron dejarle en España donde pasó seis años más. Ejerció como consejero, y, entre 1980 y 1983, como ministro consejero de la Embajada, y llegó a ser uno de los participantes más eminentes de la consolidación de las relaciones hispano-soviéticas. En agosto de 1991, Ígor Ivanov fue nombrado embajador de la URSS en España, pero no pudo trasladarse a Madrid hasta noviembre. El día en que tenía que entregar al rey sus cartas credenciales coincidió con el momento de la desintegración de la URSS. Según recordaba el mismo diplomático: “Dirigiéndome al rey en el curso de la ceremonia oficial le dije: ¡Le ruego acreditar me como embajador... de mi país!”. Después de haber firmado el 21 de diciembre de 1991 en la cumbre de Almatý la declaración de disolución de la Unión Soviética, se convirtió en el representante oficial de la Federación de Rusia. Bajo su dirección, las relaciones entre Rusia y España se intensificaron significativamente, lo que llevó a una amplia presencia de empresas españolas en el mercado ruso y al desarrollo de una política de cooperación destinada a crear en Rusia un ambiente de cooperación recíproco. En 1993, Ígor Ivanov fue nombrado primer viceministro de Asuntos Exteriores de Rusia, siguiendo hasta julio de 1994 como embajador ruso en Madrid. El último acontecimiento importante para las relaciones hispano-rusas durante su mandato como embajador fue la visita de estado a España del presidente Borís Yeltsin entre el 11 y el 12 de abril de 1994. Entre 1998 y 2004, ejerció como ministro de Asuntos Exteriores de la Federación Rusa, que resultó muy fructífero para el futuro desarrollo de las relaciones con España. Durante aquel tiempo muchas veces viajó a España con visitas oficiales, que contribuyeron a la profundización de las relaciones bilaterales y al desarrollo de las relaciones entre Rusia y la Unión Europea. Ahora participa activamente en la diplomacia pública. En 2009,

encaminada a hacer de Rusia un estado moderno. En los 90, España ocuparía el quinto lugar en inversiones de la economía rusa.

En abril de 1992, el ministro de Exteriores, Francisco Fernández Ordóñez, visitó Moscú y firmó con su homólogo, Andréi Kózyrev, el Tratado de Amistad y Cooperación, el protocolo hispano-ruso de consultas intergubernamentales y la declaración sobre la vigencia de los acuerdos suscritos con la URSS³.

³ Federación de Rusia // Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación. Agosto 2007. P. 61–62. — http://aeue.weebly.com/uploads/3/8/8/5/3885199/rusia_oid.pdf (fecha de consulta 09.09.2015).

Ígor Ivanov entrega las cartas credenciales a Juan Carlos I

junto con Álvaro Gil Robles fue nombrado presidente de la Fundación Consejo España-Rusia. El 2 de marzo de 2009, con apoyo de la Fundación se celebró el foro hispano-ruso “Diálogo de las Sociedades Civiles”. La Fundación participó también en el apoyo del proyecto “Año Dual España-Rusia 2011”. A lo largo de su extensa carrera profesional Ígor Ivanov ha ocupado diversos cargos, pero en una de las entrevistas confesó: “España fue mi primer amor”.

En octubre de 1992, se firmó el memorando de cooperación científica y técnica en materia agroalimentaria. Además, en 1992, se firmaron los acuerdos de cooperación entre la Unión Rusa de Industriales y Empresarios y la Confederación Española de Organizaciones Empresariales y entre la Cámara de Comercio e Industria de Rusia y el Consejo Superior de Cámaras de Comercio de España. En diciembre de 1991, Ígor Ivanov se convirtió en el primer embajador de la Federación Rusa en España.

Las relaciones hispano-rusas durante la segunda mitad de los años 90 se basaron en el Tratado de Amistad y Cooperación, que se firmó el 12 de abril de 1994 durante

la primera visita oficial del presidente de Rusia, Borís Yeltsin, a España. El tratado articulaba la profundización del diálogo entre ambos países en aspectos como las cuestiones internacionales, las relaciones entre la Federación de Rusia y la UE, el desarme y la no proliferación nuclear, la potenciación del papel y eficacia de la ONU, y también la cooperación en el Mediterráneo. Sobre ese principio se construyó un diálogo político estable a nivel de jefes de Estado y en el ámbito de los Ministerios de Asuntos Exteriores. Además, el 11 de abril de 1994 se firmó el Convenio de Cooperación Cultural y Educativa, concebido como anexo al Tratado de Amistad y Cooperación. Ambas partes se comprometieron a coordinar los programas trienales de cooperación, en los que se especificarían tanto tareas concretas como condiciones financieras y de otra índole. Con ese objetivo se organizó una comisión hispano-rusa que empezó a reunirse en Moscú y Madrid alternativamente⁴. En gran parte gracias a los esfuerzos de la Embajada rusa en Madrid, en mayo de 1995, se puso en funcionamiento de forma ininterrumpida una línea de teléfono directa y privada entre el Kremlin y el Palacio de la Moncloa.

El presidente del Gobierno español, Felipe González, en 1995, visitó Rusia dos veces: el 8-9 de mayo estuvo en Moscú presente en los actos de conmemoración dedicados al 50 aniversario del final de la II Guerra Mundial y el 5-7 de septiembre participó en una visita oficial a Moscú durante la cual puso énfasis en la consolidación de la colaboración económica y comercial entre ambos países, apostó por apoyar la integración de Rusia en el marco de la región mediterránea. Felipe González se entrevistó con Borís Yeltsin, quien le agradeció la ayuda de España en la firma del Acuerdo Comercial ruso-europeo. Una delegación de empresarios españoles viajó a Moscú acompañando al presidente del Gobierno y mantuvo una serie de encuentros para reactivar la cooperación económica bilateral⁵. En esa época también se reactivó la colaboración de ambos países en las organizaciones internacionales. Resaltemos que España fue el primer país de la Unión Europea que ratificó el Acuerdo de Colaboración y Cooperación entre la UE y Rusia (24.1.1994). España planteó como objetivo de su presidencia de la UE la entrada en vigor del Acuerdo Interino con Rusia, alcanzado el 17 de julio de 1995. España fue uno de los defensores más firmes de la acreditación de representantes rusos ante el Parlamento Europeo. Durante la preparación del informe sobre Rusia (julio de 1995), Madrid apoyó el deseo de Rusia de poner énfasis en la definición como “país con economía en periodo de transición” que había evolucionado hacia “país con economía de mercado”. El Gobierno de España tampoco puso mayores problemas para que se fueran concedidos préstamos a Rusia por parte del Banco Europeo de Inversiones. España también reclamó con insistencia el ingreso de la Federación Rusa en el Consejo de Europa, donde sería admitida el 21 de enero de 1996.

El nuevo Gobierno español, encabezado por José María Aznar, que alcanzó el poder en 1996, apostó por mantener la misma línea que el anterior en las relaciones con Rusia e, incluso, mostró su voluntad de potenciarlas mediante

⁴ *Diplomaticheskii vestnik*. 1994. No 9-10. P. 13-16.

⁵ Federación de Rusia. Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación. Agosto 2007. P. 62.

nuevas iniciativas. En febrero de 1997, Rusia y España celebraron el vigésimo aniversario del restablecimiento de las relaciones diplomáticas. El ministro de Asuntos Exteriores, Yevgueni Primakov, escribió: “Resulta sorprendente que, en tan poco tiempo en el ámbito internacional, unos socios logren crear una red de relaciones tan sólidas, tan intensas —literalmente en todos los ámbitos— tanto en las altas esferas de la política, como en la resolución de cuestiones sociales, tanto en la colaboración económica y comercial, como en el apoyo al turismo”⁶. En respuesta a eso su homólogo español, Abel Matutes declaró que “quizás no existan otros dos pueblos en Europa que tengan tantos rasgos afines como los que tienen los españoles y los rusos”⁷.

Entre el 5 y el 7 de mayo de 1997, tuvo lugar la segunda visita oficial del rey de España a Moscú. El monarca expuso la aspiración mutua de ambos países de desarrollar y profundizar lazos en los más diversos ámbitos. Una vez más, quedó demostrado que Madrid otorgaba una importancia prioritaria a las relaciones con Rusia. Era evidente la sintonía de ambos países a la hora de afrontar gran parte de los problemas internacionales más relevantes. También lo eran los lazos de amistad que los unían, tanto al más alto nivel, como al nivel del simple ciudadano de a pie. Entre el 28 y 30 de enero de 1998, Yevgueni Primakov efectuó una visita oficial a España.

En septiembre de 1998, Ígor Ivanov fue nombrado ministro de Asuntos Exteriores. Poco después, en el marco de la Asamblea General de la ONU mantendría

El presidente del Gobierno de España, Felipe González, durante su visita a Rusia con el presidente de Rusia, Boris Yeltsin. Moscú, 1995.

⁶ *Primakov Ye.M.* Sdelat sotrudnichestvo nashij gosudarstv odnim iz kluchevyj faktorov dvizheniya k yedinoj Evrope (Hacer de la cooperación de nuestros estados uno de los factores claves del movimiento para la unidad de Europa) // *Mezhdunarodnaya zhizn.* 1997. No 2. P. 4.

⁷ *Matutes A.* My nuzhdayemsa v zhiznenno vazhnom vklade Rossii v ukrepleniye evropeyskoy bezopasnosti: (Necesitamos la contribución vital de Rusia al fortalecimiento de la seguridad europea.) // *Mezhdunarodnaya zhizn.* 1997. No 2. P. 6.

una reunión con su homólogo español, Abel Matutes, y, a principios de mayo de 1999, continuaría las negociaciones con él en el curso de la visita oficial de Matutes a Moscú. Los temas principales fueron las relaciones bilaterales y la preparación de la visita a Rusia del presidente del Gobierno de España, José María Aznar.

Durante esa visita (16–19.05.1999) la idea recurrente de los encuentros fue el colosal potencial desaprovechado por ambos países que constataron un interés recíproco en desarrollar colaboración multilateral que solo podía resultar beneficiosa, sobre todo en el campo de la economía y el comercio. Aquello mostraba la importancia que se concedía a conservar y desarrollar los vínculos existentes y, por eso, se acordó aumentar la interacción económica mediante la creación de las condiciones necesarias para una mayor entrada de inversiones españolas en la economía rusa.

La demostración del creciente interés de la parte española en el mercado ruso generó una entrevista con los representantes de los círculos de negocios, a los que Aznar se dirigió en su alocución de bienvenida. Durante la visita se firmaron acuerdos intergubernamentales de cooperación en la lucha contra el crimen y en el campo de la informática y las telecomunicaciones. Se alcanzó un acuerdo para suscribir en un corto plazo de tiempo convenios sobre incentivos económicos y protección mutua de inversiones, cooperación de los servicios de aduanas y creación de centros culturales.

El 19 de mayo, el presidente del Gobierno de España visitó Nizhni Nóvgorod, donde inauguró una línea de elaboración de productos concentrados de la marca *Gallina Blanca* que llegó a ser una clara demostración del interés perdurable de las grandes y medianas empresas españolas para invertir directamente en el sector real de la economía rusa. También se alcanzó un acuerdo sobre la intensificación de la actividad de la Comisión Mixta Hispano-Rusa de Cooperación Económica e Industrial⁸. España valoró de forma muy positiva la experiencia de los militares rusos en Bosnia-Herzegovina como parte de las fuerzas internacionales para la aplicación de los acuerdos de paz (los contingentes españoles también formaban parte de ellas). Abel Matutes incluso consideró que esto “puede convertirse en un prototipo de la futura cooperación más amplia entre Rusia y la OTAN, capaz de prevenir el surgimiento de nuevas líneas divisorias en Europa”⁹. Sin lugar a dudas, Madrid consideraba a Rusia como uno de los elementos claves para tejer un sistema duradero y eficaz de seguridad y cooperación en el continente europeo.

Durante la siguiente visita de Aznar a Moscú en mayo de 2001, entre los acuerdos concertados entonces (económicos, jurídicos y humanitarios) hubo también un convenio de fundación del Centro Ruso de Ciencia y Cultura en Madrid y, al mismo tiempo, de la apertura de la sede del Instituto Cervantes en Moscú¹⁰. Esas mismas

⁸ Vizit J. M. Asnara v Rossiyu (Visita de J. M. Aznar a Rusia) // Diplomaticheskii vestnik. 1999. No 6. — http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/OpenDocument (fecha de consulta 20.01.2016).

⁹ *Matutes A. My nuzhdayemsya...* P. 8.

¹⁰ Vystuplenie prezidenta Rossii V. V. Putina i otvety na voprosy na sovmestnoi presskonferentsii s premiern-ministrom Ispanii J. M. Asnarom (El discurso del presidente de Rusia V. V. Putin en

cuestiones fueron tratadas durante una reunión que el presidente de Rusia y el rey de España mantuvieron en el Kremlin en septiembre de 2001.

En enero de 2002, Ígor Ivanov realizó una visita de trabajo a España. Las negociaciones se centraron en la cooperación entre Rusia y la Unión Europea en el contexto de la presidencia de España en la UE desde principios del año. Las partes manifestaron que el esfuerzo principal de la colaboración se centraría en la implementación de las decisiones tomadas en la cumbre que tuvo lugar entre Rusia y la UE el 3 de octubre de 2001 en Bruselas entre las que destacaban: la lucha contra el terrorismo internacional y la delincuencia organizada, la intensificación del diálogo y la interacción en asuntos políticos y de seguridad en Europa, la idea de la creación de un espacio económico común y el desarrollo de la colaboración energética, científica y tecnológica. Los encuentros corroboraron la convergencia de las opiniones entre Rusia y España acerca del desarrollo de la asociación estratégica entre Rusia y la Unión Europea. Se examinaron cuestiones de la actualidad de ambos países, los progresos realizados con respecto a las decisiones adoptadas en las cumbres entre Rusia y España entre 2000 y 2001 y sobre todo, el grado de realización del objetivo de fortalecer el diálogo político y ampliar considerablemente la colaboración comercial, económica y financiera¹¹.

En agosto de 2002, el rey de España realizó el viaje de dos días a Moscú. Durante esta reunión, los jefes de ambos estados reconocieron los alcances significativos en las relaciones bilaterales; Juan Carlos I declaró que España quería “no solo buenas, sino excelentes relaciones con Rusia”¹². El presidente ruso respondió que la visita del rey de España a Moscú “subrayaba aún más el nivel de relaciones logrado recientemente entre Rusia y España” y recordó que entre ambos países “últimamente se han firmado ocho convenios intergubernamentales y cinco ministeriales” y que “las relaciones culturales se están desarrollando muy bien”. Durante esas negociaciones se lograron “examinar las cuestiones de interés recíproco, así como algunos problemas internacionales que interesaban a ambos países”¹³.

---

la conferencia de prensa conjunta con el presidente del Gobierno de España, José María Aznar). Moscú. 22.05.2001. — http://www.mid.ru/maps/es//asset_publisher/qqAftQ2HgNEM/content/id/581926 (fecha de consulta 19.12.2015).

¹¹ Ob itogaj vizita ministra inostrannyj del I. S. Ivanova v Ispaniu (Los resultados de la visita del ministro de Asuntos Exteriores, I. S. Ivanov, a España). — http://www.mid.ru/maps/es/-/asset_publisher/qqAftQ2HgNEM/content/id/568664 (fecha de consulta 19.12.2015).

¹² El Rey y Putin estrechan relaciones entre España y Rusia // El País. 19.08.2002. — http://elpais.com/diario/2002/08/19/espana/1029708019_850215.html (fecha de consulta 06.12.2015).

¹³ O vstreche Prezidenta Rossiyskoi Federatsii V. V. Putina s korolem Ispanii Juanom Carlosom Pervym 18.8.2002 (La reunión del Presidente de la Federación de Rusia, V. V. Putin, con el Rey de España, Juan Carlos I, 18.08.2002) // MAE de la Federación de Rusia. Página oficial. — <http://archive.mid.ru//bdomp/ns-reuronsf/348bd0da-1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027e43256c1a00478221! OpenDocument> (fecha de consulta 05.10.2015).

Primera visita del presidente Vladímir Putin a España

El 7 de mayo de 2000, Vladímir Putin asumió las funciones de Jefe de Estado de la Federación de Rusia. En mayo visitó Uzbekistán, Turkmenistán y Bielorrusia, y, en junio, realizó su primera visita a Occidente, concretamente, a Italia y a España. A los españoles les impactó que el nuevo presidente de Rusia decidiera visitar España apenas acceder oficialmente al cargo. En Madrid consideraban que, puesto que la visita del líder ruso a Inglaterra se había llevado a cabo antes de la toma de posesión (en abril de 2000) y la visita a Italia había sido de trabajo, España era el primer país occidental que Vladímir Putin visitaba oficialmente. La llegada de Vladímir Putin a España fue interpretada por los españoles como una muestra de amistad por parte de Moscú: un reconocimiento del hecho de que, bajo el Gobierno de Aznar, España había empezado a jugar un papel más destacado en Europa. Había también una razón de carácter particular. La visita mostró que habían sido superadas las tensiones, que habían surgido en relación con la participación de las fuerzas militares españolas en la operación de la OTAN en Yugoslavia.

El presidente ruso se reunió con Juan Carlos I, José María Aznar, y representantes del sector empresarial español. Se examinaron las cuestiones internacionales, especialmente las relaciones bilaterales, que, en opinión de los líderes de ambos países, tenían por objeto contribuir a la formación de un orden mundial multipolar; se habló, asimismo, de la cooperación económica y de la lucha contra el terrorismo. “España para nosotros [...] es un socio fiable y a largo plazo. España es miembro de la Europa unida. Ya he manifestado que el papel, el lugar de España en la economía europea y en su vida política, no deja de aumentar, y eso justifica plenamente que estemos aquí hoy. Y por no abundar en el tema de nuestra tradicional amistad y la magnífica relación entre españoles y rusos” — manifestó el presidente ruso. En el curso de las negociaciones se trató de un gran proyecto económico hispano-ruso: la participación de la empresa ferroviaria española *Talgo* (único productor en el mundo de trenes que cambian de ancho de ruedas automáticamente), en la construcción del ferrocarril de alta velocidad de Moscú a San Petersburgo. Simbólicamente, el proyecto y la construcción del primer ferrocarril ruso se realizó entre 1836 y 1837 con la participación de gra-

El año 2002, se celebró el 25º aniversario del establecimiento de relaciones diplomáticas entre España y Rusia. Se aprobó también una declaración conjunta, en que se decía que “el Reino de España y la Federación de Rusia comparten los valores propios del Estado de derecho y del sistema de libertades democráticas”, que las relaciones hispano-rusas “se caracterizan por el dinamismo de todo un conjunto de vínculos políticos, económicos, culturales y humanos que se basan en el respeto mutuo, el interés y la profunda simpatía entre los pueblos de ambos Estados”, que “el intenso diálogo político entre los dirigentes de ambos Estados se ha convertido en un importante elemento de la política europea e internacional, contribuyendo

El presidente de Rusia, Vladímir Putin, y el presidente del Gobierno de España, José María Aznar. Madrid, 2000.

duados del Instituto del Cuerpo de Ingenieros de Caminos, fundado en 1809 por Agustín de Betancourt, famoso ingeniero español al servicio de Rusia.

La visita del presidente de la Federación de Rusia a España comportaría a una ampliación del diálogo político, una mejora de la base jurídica, el desarrollo de las relaciones comerciales, económicas y financieras, y una intensificación de la mayor colaboración cultural. La firma de varios acuerdos intergubernamentales sobre la cooperación en el ámbito aduanero y en prevención, mitigación y recuperación tras de desastres naturales resultó también trascendental. Asimismo, se firmaron convenios de colaboración en gestión de archivos y de cooperación turística.

837

al fortalecimiento de la estabilidad y pronosticabilidad de las relaciones internacionales” y que “la Federación de Rusia y el Reino de España están convencidos de que la experiencia acumulada durante veinticinco años de cooperación constituye una sólida base y sustenta la voluntad política recíproca de continuar fortaleciendo las relaciones entre ambos Estados y ambos pueblos”¹⁴.

¹⁴ Declaración conjunta hispano-rusa con motivo del 25 Aniversario del restablecimiento de las relaciones diplomáticas. 08.02.2002. — http://www.mid.ru/maps/es/-/asset_publisher/qqAftQ2HgNEM/content/id/567056 (fecha de consulta 05.12.2015).

RUSIA Y ESPAÑA: UN DIÁLOGO POLÍTICO PARA EL NUEVO SIGLO

El día 27 de diciembre de 1991 puede ser considerado como punto de referencia en la etapa actual de las relaciones ruso-españolas bilaterales, pues fue cuando las autoridades españolas reconocieron a la Federación de Rusia como Estado continuador de la Unión Soviética. El Tratado de Amistad y Cooperación entre el Reino de España y la Federación de Rusia, firmado en Madrid el 12 de abril de 1994, sirvió de base jurídica para la acción recíproca de las dos naciones. En primera instancia entró en vigor por un plazo de 10 años, pero, después, ese documento básico se prorrogó más de una vez, y hoy día siguen teniendo plena vigencia los objetivos y tareas expuestos en su texto¹⁵.

El rumbo político de los gobernantes españoles en lo referente a Rusia fue conformándose en función de una complicada combinación de factores tanto externos, como internos. El hecho de que España fuera miembro de la Unión Europea y de la OTAN tenía sus implicaciones, Madrid se veía obligado a desarrollar sus relaciones con Moscú en el marco de las relaciones entre la Federación de Rusia y estas organizaciones internacionales, teniendo en cuenta a Bruselas. Si bien, España, de acuerdo con sus intereses nacionales, trataba de formar, al mismo tiempo y en la medida de lo posible, su propio paradigma de interacción con Rusia. El estado de las relaciones entre la UE y la Federación Rusa no satisfacía a Madrid, especialmente tras el agravamiento de las mismas a raíz de los acontecimientos en el Cáucaso a partir de agosto de 2008. En aquel entonces, España se mostró en contra de que la Unión Europea aplicara sanciones a Rusia y se manifestó a favor del diálogo con Moscú, tanto por parte de la UE, como por parte de la OTAN. Miguel Ángel Moratinos, ministro de Asuntos Exteriores y Cooperación, declaró que “tenemos que evitar volver a la agenda de la época de Guerra Fría”. Como confirmación de esa posición y teniendo en cuenta la postura de Moscú, el Gobierno español no apoyó que Ucrania y Georgia se unieran al Plan de Acción de Membresía en la OTAN¹⁶.

838

A finales de la primera década del siglo XXI y, sobre todo, por la presión de la crisis financiero-económica global de 2008–2009, las autoridades españolas llegaron a considerar las relaciones con Moscú, incluyendo el componente político-diplomático, como una cooperación estratégica prioritaria necesaria tanto para la propia España, como para toda la Unión Europea, para poder reaccionar adecuadamente ante los retos globales existentes.

En marzo de 2009, el presidente de Rusia, Dmitri Medvédev, llegó a España en el marco de una visita estatal que demostró el alto nivel logrado en el diálogo bilateral. Al recibir al jefe del estado ruso, José Luis Rodríguez Zapatero, presidente del Gobierno español, señaló: “España considera a Rusia como un socio estratégico en la arena internacional. El aporte de la Federación de Rusia es absolutamente necesario para resolver los problemas que confrontamos: crisis financiera, proliferación de

¹⁵ *Yakovlev P.P.* Ispaniya v mirovoy politike (España en la política mundial). M.: ILA RAN, 2011. P. 306–307.

¹⁶ *Wojna B.* España: ¿un nuevo socio estratégico de Rusia en la UE? 22 de junio de 2010. — Real Instituto Elcano. ARI 107/2010.

El presidente de Rusia, Dmitri Medvédev, y el presidente del Gobierno de España, José Luis Rodríguez Zapatero. Moscú, 2009.

armas de destrucción masiva, cambio climático, preservación de la paz y la seguridad, formación de un equilibrado y multipolar orden mundial”¹⁷.

Las negociaciones del presidente Dmitri Medvédev en España, cuyo resultado fue la firma de la *Declaración de Asociación Estratégica* entre ambos países, dieron testimonio de la optimista dinámica de las relaciones hispano-rusas y de los matices de esa relación. El documento dice: “Por la presente Declaración se proclama el establecimiento de las relaciones de una Asociación Estratégica entre el Reino de España y la Federación de Rusia, que abarque todos los ámbitos de las relaciones incluyendo los aspectos político, económico, cultural, científico, técnico y educativo. Basada en el entendimiento y la confianza mutua, esta Asociación Estratégica aspira a elevar los vínculos entre ambos países a un nivel más alto y cualitativamente nuevo, y al mismo tiempo impulsar una cooperación especialmente estrecha y dinámica, tanto en el ámbito de las relaciones bilaterales como en la escena internacional”¹⁸.

Según los dirigentes de ambos países, pasar en las relaciones interestatales hispano-rusas al nivel de asociación estratégica suponía que en las difíciles circunstancias de la crisis de 2008–2009 que tuvo un impacto extremadamente doloroso en Rusia y en España era importante no solo mantener una dinámica positiva de esas relaciones

¹⁷ Discurso del Presidente del Gobierno en la clausura del Foro de la Sociedad Civil España — Rusia. 03.03.2009. <http://www.la-moncloa.es/> (fecha de consulta 31.05.2018).

¹⁸ Declaración de Asociación Estratégica entre el Reino de España y la Federación de Rusia. - <http://www.lamoncloa.gob.es/Documents/46d9-3123-declaraciondeasociacionestrategica.pdf> (fecha de consulta 31.05.2018).

sino también determinar áreas y formatos de cooperación adicionales. Con la firma de la *Declaración de Asociación Estratégica* en Madrid, el Kremlin marcó al empresariado ruso una dirección estratégica para una mayor interacción comercial con empresas y bancos españoles, y exortó a los círculos empresariales a intensificar los contactos bilaterales en industrias clave que determinaban el progreso técnico y establecían la dirección del proceso de innovación.

Con esta visita la primera sesión celebrada en el marco del Foro Hispano-Ruso de “Diálogo entre Sociedades Civiles” coincidió con esta visita y el evento adquirió así carácter emblemático. Ígor Ivanov, exministro de Relaciones Exteriores de Rusia, y Álvaro Gil Robles, primer comisario de Derechos Humanos del Consejo de Europa, ejercieron de copresidentes de ese foro. De este modo, amplios grupos de ciudadanos de los dos países —intelectuales, gente de negocios, representantes de la cultura y de los medios de comunicación interesados en ampliar y profundizar la cooperación hispano-rusa—, pudieron entrar en el contacto con el mundo de la gran política.

Los simposios científicos hispano-rusos que se celebran cada año son buenos ejemplos de otra forma de diálogo entre las sociedades civiles. Desde el año 2003, los organiza el Centro de Investigaciones Ibéricas del Instituto de América Latina de la ACFR con el apoyo de varias importantes universidades de España. A lo largo de estos años, los simposios se han convertido en un espacio donde los especialistas de los ambos países intercambian regularmente opiniones sobre un amplio abanico de problemas del ámbito mundial. Las actas de estos simposios, publicadas en español, se ponen a disposición de todos aquellos representantes de la comunidad académica y de los círculos políticos españoles a los que puedan interesar¹⁹.

Una iniciativa más, de carácter extraordinario y que se ha convertido en una interesante experiencia, es la cooperación trilateral (Rusia — España — América Latina) de dirigentes de centros de enseñanza superior. El primer encuentro de ese rango también tuvo lugar en Madrid en el marco de la visita de Dmitri Medvédev. Ambas partes, la rusa y la española, contaron con que tales eventos se celebraran con regularidad y permitieran ampliar, de forma sensible, la cooperación de centros docentes rusos con sus socios ibéricos y latinoamericanos.

840

El año 2011 fue declarado Año Dual de Rusia y España. Trinidad Jiménez, ministra de Asuntos Exteriores y Cooperación de España, llegó en visita de trabajo a Moscú los días 16 y 17 de enero de 2011. Se reunió con Alexander Zhúkov, vicepresidente del Gobierno de la Federación Rusa (copresidente del Comité organizador de Años Duales), y Serguéi Lavrov, ministro de Asuntos Exteriores de Rusia. Según un programa coordinado, en 2011, en los dos países se planificaron unas 400 actividades. El 25 de febrero de 2011, en San Petersburgo, los monarcas españoles inauguraron en el Ermitage una exposición de obras de arte de las colecciones del museo madrileño de El Prado, que se convirtió en el acto inaugural de ese Año Dual. Juan Antonio Pujol, embajador español en Moscú, señalaba: “La celebración del Año de España en Rusia y del de Rusia en España abarca todos los ámbitos: economía, política, cultura, educación, vida social. Es un año «poliédrico», no está dedicado a un solo aspecto de las relaciones

¹⁹ Véase, por ejemplo: Rusia y España en los tiempos de turbulencia. P. Yákovlev (Coord.). Moscú: ILA RAN, 2009.

bilaterales”²⁰. El Año Dual finalizó oficialmente en Madrid con un concierto de gala de grandes estrellas de los teatros Bolshói y Mariinski.

Durante los Años Duales los contactos entre países aumentaron y la diplomacia rusa y la española los emplearon para avanzar en el diálogo político. Así, en enero de 2011, cuando Trinidad Jiménez estuvo en el MAE ruso, Lavrov y Jiménez trataron tanto de las relaciones bilaterales como diversas cuestiones de la política internacional y intercambiaron puntos de vista sobre las cuestiones internacionales más importantes y los problemas regionales actuales: la situación en Transcaucasia, las soluciones para el Medio Oriente y el Sáhara Occidental, los problemas de Afganistán. También se comentó la iniciativa del presidente Dmitri Medvédev para concluir un Tratado de seguridad europea y se examinaron posibles vías para seguir dinamizando la actividad del Consejo Rusia — OTAN y continuar profundizando en la cooperación entre la Federación de Rusia y la UE. Las partes acercaron posiciones respecto a las directrices clave de esa cooperación: la preparación de un nuevo acuerdo básico sobre el régimen sin visados, acciones comunes para superar crisis, etc.²¹ Es decir, era evidente que las relaciones hispano-rusas iban por muy buen camino.

Prueba de ese estado de entendimiento fue la concesión del Premio Estatal de la Federación de Rusia al Rey de España Juan Carlos I por su destacada contribución en el campo de la acción humanitaria. En el momento de la entrega del diploma y de la insignia de laureado al monarca (19.7.2012) el presidente Vladímir Putin apuntó: “En Rusia le tienen a Ud. un enorme respeto. Reconocemos sus éxitos en la actividad humanitaria, así como su apoyo a la denominada “diplomacia ciudadana” que permite que los ciudadanos se conozcan y se entiendan mejor, que se deshagan de los estereotipos, que tengan planes comunes. Su multifacética actividad contribuye realmente a fortalecer la comprensión mutua y la confianza entre los pueblos”²².

En 2014, la mutua comprensión política hispano-rusa se redujo considerablemente a consecuencia, por una parte, de la participación de Madrid (en contra de la voluntad de una considerable parte de los círculos sociales y económicos españoles) en las sanciones financieras, económicas y comerciales que la Unión Europea y Occidente impusieron a Rusia debido a la crisis en Ucrania, y consecuencia, por otra parte, de las medidas recíprocas (las así llamadas contrasanciones) tomadas por Moscú. Empezaba así entonces un complicado período en las relaciones entre ambos países.

Al mismo tiempo, España es uno de los países de la Unión Europea que están a favor de un diálogo abierto con Rusia, y de suavizar (si no levantar) el existente régimen de visados. Dicho en otras palabras, en sus relaciones con Rusia, España no

²⁰ Posol Ispanii v Rossii rasskazal o razvitii dvustoronnikh otnosheniy (El Embajador de España en Rusia habló sobre el desarrollo de las relaciones bilaterales. — <http://www.russpain.ru/> (fecha de consulta 27.05.2018).

²¹ O vizite Ministra inostrannykh del i sotrudnichestva Ispanii T. Khimenes (Sobre la visita de la Ministra de Asuntos Exteriores y Cooperación de España, T. Jiménez 17.01.2011). — <http://www.mid.ru/> (fecha de consulta 23.05.2018).

²² Vladímir Putin vruchil Gosudarstvennyu premiyu Rossii Korolyu Ispanii Khuanu Karlosu I. 19 iyulya 2012 goda (Vladímir Putin entregó el Premio Estatal de Rusia al Rey de España Juan Carlos I. 19 de julio de 2012. — <http://события.президент.рф/> (fecha de consulta 29.05.2018).

Los diplomáticos españoles en Rusia: José Ignacio Carbajal Gárate

Entre los embajadores españoles que han tenido que enfrentarse a los tiempos más difíciles en las relaciones diplomáticas entre Rusia y España hay que destacar la figura de José Ignacio Carbajal Gárate (1945–2017). Veterano diplomático español que trabajó como Embajador de España en Rusia desde julio de 2012 a marzo de 2017, ingresó en la carrera diplomática en 1969. Comenzó sus funciones en la Oficina Central de África y Medio Oriente del Ministerio de Asuntos Exteriores de España. Posteriormente desempeñó su labor en las misiones de España en la República Dominicana, Suecia y Gran Bretaña. Fue destinado después al Ministerio de Asuntos Exteriores en Madrid, así como a las embajadas españolas en Gran Bretaña y Marruecos. En 1998, fue nombrado embajador en México, y en 2003, embajador en Canadá. Su experiencia en Norteamérica, así como sus responsabilidades ejercidas desde 2005 en calidad de vicepresidente de la Sección Española del Comité Hispano-Norteamericano le dieron la oportunidad para conocer de cerca las relaciones transatlánticas y estrechar lazos entre España y los dos grandes países limítrofes con EE.UU.

Años después, en 2006, fue destinado a Londres como cónsul general de España. Dicha misión fue el paso previo a su nombramiento como embajador español ante la Federación de Rusia en 2012 donde relevó en el cargo a Luis Felipe Fernández de la Peña. En su papel al frente de la Embajada en Moscú, Carbajal Gárate trató de acercar las economías de Rusia y España y, sobre todo, dedicó sus esfuerzos para que el número de turistas rusos fuera creciendo año tras años.

Sin embargo, la crisis ucraniana de 2014 marcó, al igual que al resto de legaciones diplomáticas occidentales, un antes y un después en la actividad de la embajada española ante Rusia. Ante ese contexto de dificultades era, según comunicaba a sus colegas de la embajada, donde la diplomacia debía mostrar su gran capacidad de intervención y de este modo no cejó en mantener abierta la interlocución con las autoridades rusas.

Carbajal siempre fue partidario de “defender la necesidad de mantener un diálogo permanente con los rusos, con quienes compartimos el mismo continente”, según reconoció abiertamente en una carta remitida al ministro de Exteriores de España en 2015, José Manuel García Margallo, quien luego publicó

desea jugar a la baja. En diciembre de 2016, Alfonso Dastis, que en aquel entonces acababa de ocupar el cargo de ministro de Asuntos Exteriores y de Cooperación, intervino en las Cortes y reiteró que Madrid está a favor de “normalizar las relaciones con Rusia y restablecer la confianza”. “La Guerra Fría se acabó hace mucho. Y sería un error trágico tratar de repetirla” — agregó el diplomático²³.

²³ Intervención del Ministro de Asuntos Extranjeros y de Cooperación, Alfonso Dastis, ante la Comisión de Asuntos Exteriores del Congreso de los Diputados. 21.12.2016. — <http://www.realinstitutoelcano.org/> (fecha de consulta 07.06.2018).

El embajador de España en Rusia, José Ignacio Carbajal Gárate, entrega las cartas credenciales al presidente de Rusia, Vladímir Putin. 2013.

en su libro *Todos los cielos conducen a España*. En dicho escrito señaló además que Rusia es víctima de una leyenda negra en parte de Occidente ante la existencia de una “corriente rusófoba” que estaba muy generalizada en numerosos países. A pesar de autodenominarse “proamericano” creía que Occidente se había “equivocado” con Rusia por no establecer un diálogo auténtico y verdadero desde el colapso de la Unión Soviética dirigido a la misma “política de reconciliación” que caracterizó a Europa tras el fin de la Segunda Guerra Mundial. En reconocimiento a la labor desempeñada, Carbajal Gárate recibió la Orden de la Amistad por parte del ministro de Exteriores, Serguéi Lavrov.

En los últimos años, la influencia de las fluctuaciones de la política global en el estado de las relaciones hispano-rusas ha pasado ser particularmente tangible, y las diferencias en el discurso político-diplomático han pasado a menudo a primer plano. Términos o expresiones idénticos, incluyendo algunos como “soberanía”, “independencia política”, “intereses y valores nacionales”, “derechos humanos”, etc., se interpretan, paradójicamente, de manera diferente, a menudo bajo la influencia de la coyuntura política. Ese estado de las cosas preocupó, naturalmente, tanto a los gobernantes rusos, como a los responsables políticos españoles. En esa situación internacional, extremadamente complicada, en la primavera de 2018, los contactos diplomáticos hispano-rusos

aumentaron considerablemente. Ignacio Ybáñez, embajador de España en Rusia, tuvo reuniones con Grigori Karasin, Oleg Syromólotov y Alexánder Grushkó, viceministros de Asuntos Exteriores todos ellos. En esos contactos bilaterales se examinaron problemas de candente actualidad en la política internacional y de interés mutuo y prioritario: el afianzamiento de la estabilidad y la seguridad en el continente europeo, las medidas a tomar contra las amenazas terroristas, la situación en distintos “focos de tensión”. El embajador Ybáñez informó a la parte rusa de los acontecimientos en Cataluña y de las medidas tomadas por el Gobierno para mantener los procesos que se desarrollan en esa comunidad en el marco constitucional y legislativo. Se abordaron también diversos aspectos de la cooperación de ambos países en la arena internacional y las futuras perspectivas de la actividad diplomática conjunta para buscar soluciones a los retos y amenazas que surgen²⁴.

El 16 de abril de 2018, en el Centro de Estudios de Rusia y Eurasia de la Universidad Europea de Valencia se celebró un seminario al que asistieron parlamentarios rusos y españoles: Irina Rodníná, vicepresidenta del Comité de Asuntos Exteriores de la Duma Estatal de Rusia, Antón Morózov, miembro del Comité, Pedro Agramunt, senador y presidente de la delegación española en la Asamblea Parlamentaria del Consejo de Europa, Soraya Rodríguez, presidenta de la Comisión de la UE en el Congreso de los Diputados. Se produjo un sincero intercambio de opiniones sobre cuestiones clave en el desarrollo de las relaciones entre Rusia y España y Rusia y la Unión Europea, así como sobre cuestiones actuales de la situación internacional, incluyendo el conflicto armado en Siria. Los participantes del seminario compartieron opiniones sobre la necesidad de ampliar los intercambios entre ambos países a nivel de los parlamentos, de las instituciones de la sociedad civil y de los círculos académicos, ya que sus representantes pueden proporcionar información fidedigna y veraz sobre los acontecimientos que tienen lugar en los diferentes entornos²⁵.

La cooperación en ámbitos como la enseñanza superior, la ciencia, la tecnología, la cultura y el deporte o los contactos humanitarios se ha convertido en un factor clave de las relaciones hispano-rusas. Entre los ejemplos típicos de esa colaboración se pueden citar: la inauguración del monumento de Yuri Gagarin, primer cosmonauta del planeta, en la Universidad de Alicante (junio de 2017); la participación de la delegación de la Universidad Politécnica de San Petersburgo en el Festival Internacional de la Ciencia y la Técnica en Madrid (mediados de marzo de 2018); la celebración de la XII Conferencia de Compatriotas Rusos Residentes en España (7 de abril de 2018); la exposición de fotos “Crónicas de las relaciones

²⁴ O vstreche zamestitelya Ministra inostrannykh del Rossii A.V. Grushko s Chrezvychaynym i Polnomochnym Poslom Korolevstva Ispanii v Rossiyskoy Federatsii I. Iban'yesom. 21.03.18. (Sobre la reunión del Viceministro de Asuntos Exteriores de Rusia A.V. Grushko con el Embajador Extraordinario y Plenipotenciario del Reino de España en la Federación de Rusia I. Ybáñez. 21.03.18. - <http://www.mid.ru/> (fecha de consulta el 27.05.2018).

²⁵ O rossiysko-ispanskom parlamentskom seminare. 18.04.18. (Sobre el seminario parlamentario hispano-ruso. 18.04.18.- <http://www.mid.ru/web/guest/maps/es/> (fecha de consulta 27.05.2018).

El embajador de España en Rusia, Ignacio Ybáñez Rubio, en la ceremonia de entrega de las cartas credenciales. Moscú, 2017.

ruso-españolas” inaugurada en el Centro Ruso de Ciencia y Técnica con ocasión del 350 aniversario de la llegada de la primera Embajada rusa a la Corte de Madrid.

El IX Festival Internacional “San Petersburgo infantil” organizado a finales de mayo de 2018 con apoyo del Ayuntamiento de Madrid y de la Embajada de la Federación de Rusia en el Reino de España se ha convertido en un acontecimiento de la vida cultural de la capital española. Jóvenes artistas de la capital septentrional de Rusia regalaron brillantes impresiones musicales al público madrileño²⁶. La cantidad de actividades de este tipo que se podía citar aquí no tiene fin, pero lo más importante es que los contactos y lazos hispano-rusos se desarrollan en los más distintos ámbitos y forman un tupido y bello tejido de las relaciones bilaterales.

La celebración del Campeonato Mundial de Fútbol en junio — julio de 2018 en Rusia fue un inolvidable acontecimiento de importancia internacional. En vísperas de esa fiesta del deporte más popular en España, Alexéi Sorokin, director general del Comité Organizador, llevó a cabo la presentación del campeonato en la embajada rusa en Madrid. Sorokin señaló que la parte rusa había creado las condiciones necesarias para que la estancia de jugadores, hinchas y todos los visitantes del campeonato mundial fuera segura y confortable. José Ramón Lete, Presidente

²⁶ Yunyye muzykal'nyye darovaniya iz Sankt-Peterburga ocharovali ispanskuyu publiku svoim masterstvom.(Jóvenes talentos musicales de San Petersburgo fascinaron a la audiencia española con su maestría).– https://spain.mid.ru/ru/web/_ru/news/ (fecha de consulta 27.05.2018). Véase con más detalles el capítulo “Los Años Duales y la diplomacia cultural”.

El rey Felipe VI y el presidente del Gobierno de Rusia, Dmitri Medvédev. Moscú, 2018.

del Consejo Superior de Deportes de España, valoró altamente la calidad del torneo organizado por Rusia. A su vez, el embajador Yuri Korchagin destacó que la asistencia al campeonato no solo daría oportunidad a los españoles de ver partidos de las mejores selecciones nacionales del mundo, sino que les permitiría conocer diferentes facetas de la vida actual de Rusia²⁷.

846

Los vertiginosos cambios que tienen lugar en el panorama internacional nos dejan ver una profunda fractura geopolítica preñada de conmociones globales. Así las cosas, crece, perceptiblemente, la necesidad de corregir y “actualizar” la agenda interestatal y mantener un diálogo político responsable entre los países europeos de mayor importancia incluyendo la Federación de Rusia y el Reino de España. Los estadistas y políticos de ambos países, los representantes de la opinión pública, de la ciencia, de la cultura, del mundo de las artes, aúnan esfuerzos para aumentar el potencial de las relaciones hispano-rusas, desarrollan esas relaciones respetando estrictamente los intereses nacionales de los socios y teniendo en cuenta las oportunidades reales. Y esa actividad debe ser continua y tener su reflejo en las agendas de los foros y los encuentros bilaterales. España y Rusia acumulan y cuentan con una gran experiencia en el diálogo político y la cooperación mutua y valiosa, disponen también de los recursos necesarios para garantizar el paso a nuevas formas de cooperación multilateral en el marco de la colaboración hispano-rusa, tradicionalmente tan constructiva.

²⁷ V posol'stve proshla prezentatsiya CHM-2018 (En la Embajada se dio la presentación de la Copa Mundial 2018. — https://spain.mid.ru/ru/web/_ru/news/ (fecha de consulta 29.05.2018).

LAS RELACIONES ECONÓMICAS HISPANO-RUSAS EN EL SIGLO XXI

La estructura que soporta el sistema de relaciones interestatales entre la Federación de Rusia y el Reino de España se asienta tradicionalmente sobre los vínculos económicos y comerciales, que se regulan por varias decenas de acuerdos, convenios, protocolos y otros documentos bilaterales firmados tanto en el período soviético, como después de diciembre de 1991. A partir de la segunda mitad de los años 90, se notaba el interés constante de entidades, compañías y medios empresariales rusos y españoles por desarrollo de la colaboración empresarial. El amplio abanico de relaciones mutuas económicas que había empezado a formarse aún en los tiempos de la URSS implicaba el comercio de mercancías y servicios, la colaboración intercorporativa, inversionista y científico-técnica. En 2006, durante la visita oficial de Vladímir Putin a España, fue firmado un paquete de importantes acuerdos intergubernamentales e interdepartamentales. Los convenios celebrados han determinado las condiciones de interacción en el ámbito del turismo, en el campo de la investigación y en el empleo del espacio con fines pacíficos, en la construcción naval y en las relaciones entre instituciones financieras²⁸.

La dinámica de la cooperación hispano-rusa en el período antecedente a la crisis económica y financiera de 2008 y 2009 se reflejó en un incremento considerable del intercambio de mercancías (véase la tabla). Entre 1995 y 2008, el volumen de comercio entre ambos países aumentó 7,4 veces y superó los 10 mil millones de euros. Al mismo tiempo, las exportaciones rusas superaban invariablemente las importaciones, garantizando a la parte rusa el saldo positivo del comercio exterior. Tan solo, entre 2005 y 2008, el total del mismo alcanzó más de 20 mil millones de euros.

TABLA. COMERCIO DE MERCANCÍAS ENTRE RUSIA Y ESPAÑA (MLNS. EUROS)²⁹

Año	Exportaciones	Importaciones	Volumen	Saldo
1995	1084	309	1393	+775
2000	2446	578	3024	+1868
2005	5190	1098	6288	+4092
2006	7424	1514	8938	+5910
2007	7891	2093	9984	+5798
2008	7493	2837	10330	+4656

²⁸ Zayavleniye dlya pressy po itogam rossiysko-ispanskikh peregovorov (Declaración a la prensa sobre resultados de las negociaciones hispano-rusas). 09.02.2006. — <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23426> (fecha de consulta 27.05.2018).

²⁹ Ministerio de Industria, Turismo y Comercio. — <http://www.comercio.mityc.es/> (fecha de consulta 27.05.2018).

El presidente de Rusia, Vladímir Putin, y Juan Carlos I. Madrid, 2006.

848

El comercio hispano-ruso se caracterizaba por cierta estabilidad estructural, lo que evidenciaba la existencia de los flujos mercantiles que se habían formado. La causa primordial de que el ritmo de crecimiento de las exportaciones rusas de mercancías superase el de las importaciones era tradicionalmente el aumento del volumen de suministros de combustibles minerales (petróleo y sus derivados) a España, totalizando esos más del 80% de las exportaciones de Rusia. La parte de los metales ferrosos alcanzó alrededor del 10%, ocupando el segundo lugar. La tercera posición pertenecía a los metales no ferrosos (aluminio y níquel): a eso del 2,5%. Luego seguían las piedras preciosas y semi-preciosas, fertilizantes, madera aserrada. El volumen de suministros de maquinarias y equipos fabricados en Rusia, incluyendo diferentes dispositivos y medios de transporte, aunque iba aumentando en términos nominales, pero se quedaba a nivel del 0,3% con relación al volumen global de exportaciones. A su vez, las importaciones rusas de mercaderías españolas eran esencialmente más diversificadas. En la primera década del siglo, en curso más de 900 compañías españolas industriales y agrícolas suministraron a Rusia alrededor de 150 diferentes productos. Entre ellos figuraron alimentos (productos cárnicos y lácteos, vinos, aceites, vegetales y frutas, etc.), maquinarias y equipos, medios de transporte, aparatos e instrumentos eléctricos, materiales de construcción y mercancías cerámicas, muebles y otros objetos de uso doméstico, vestidos y calzados, metales y artículos metálicos, productos químicos³⁰.

Mientras tanto, la cooperación en materia de inversiones hispano-rusas no acercaba a la alta dinámica del comercio bilateral. Aunque la estructura de las inversiones

³⁰ *Sánchez Andrés A., Shkolyar N., Teperman V.* La internacionalización de la empresa española. Rusia. Madrid, 2008. P. 36, 37.

El presidente de Rusia, Vladímir Putin, y doña Sofía. Madrid, 2006.

españolas en Rusia abarcaba diversos sectores económicos, la cuantía de las mismas seguía siendo insignificante. Según los datos estadísticos españoles, entre 2003 y 2010, su volumen global fue alrededor de 920 millones de euros³¹. España, siendo uno de los más importantes exportadores mundiales de capital, se mantenía, desde un punto de vista global, al margen del proceso inversionista en Rusia y la reacción de las empresas españolas ante el auge de las inversiones en el mercado ruso en el período de los precios extremadamente altos de los portadores de energía no fue tan activa, como las acciones de los inversores de Gran Bretaña, Alemania, Países Bajos, Francia, Italia y otros países desarrollados.

El proyecto *Asociación para la Modernización* que fue impulsado por los dirigentes rusos y españoles en 2009 y marcó varios campos, en donde la interacción de ambos países prometía rendir mensurables resultados positivos, fue un intento de afianzar los éxitos en el comercio y al mismo tiempo avivar la cooperación inversionista. España mostró un elevado interés en desarrollar la cooperación en el ámbito energético, lo que se explicaba no solo por los volúmenes de importación de materias primas de hidrocarburos de Rusia. Gracias a los suministros rusos de uranio enriquecido, España cubría el 30% de las necesidades de sus centrales de energía nuclear (CEN) que generaban más del 11% de la energía que se consumía por el mercado local. Las compañías españolas *Repsol*, *Iberdrola*, *Técnicas Reunidas* y otras tantas, que eran líderes del sector energético, mostraron disposición a participar (y en varias ocasiones sí participaron) en la realización de proyectos de envergadura

³¹ Ministerio de Industria, Turismo y Comercio. — <http://www.comercio.mityc.es/> (fecha de consulta 27.05.2018).

Las corporaciones transnacionales españolas en Rusia

Repsol. La principal corporación española de petróleo y gas. En 2006 *Repsol* adquirió el 10% de las acciones de la compañía sueca *West Siberian Resources* que extraía petróleo en la región de Tomsk y República de Komi. En noviembre de 2010, el servicio antimonopolio federal ruso permitió a *Repsol* adquirir el 74,9% de las acciones de la petrolera independiente *Evrotek-Yugra*, propietaria de licencias para la exploración y explotación minera en el distrito autónomo de Khanty-Mansi. En los planes estratégicos de *Repsol* figura la construcción de una planta de gas natural licuado en la península de Yamal. Además, la corporación española vía la firma *Favorite Oil* vende sus productos en el mercado ruso de lubricantes.

El grupo Roca. Fundada en 1917, la transnacional catalana con sede en Barcelona es un importante productor mundial de sanitarios. Al empezar a vender sus productos en Rusia a partir de mediados de la década de 1990, *Roca* en 2006, abrió en la región de Leningrado su propia planta con una capacidad de 600 mil productos por año. Nuevos activos fueron adquiridos posteriormente en la región de Volga y el área de Kaluga, que hizo de la empresa uno de los principales proveedores de productos sanitarios para el mercado ruso.

Corporación Mondragón. Esta corporación industrial, fundada en forma de cooperativa en 1956, ahora es el primer grupo empresarial en el País Vasco y el décimo en España. La Corporación incluye varias empresas (por ejemplo, *Danobat* — uno de los líderes mundiales de la industria de maquinaria) y está estructurada en cuatro áreas principales de actividad: la producción industrial, finanzas, desarrollo tecnológico y comercialización de productos acabados. El mercado ruso se ha convertido en una de las principales áreas de actividades de la *Corporación Mondragón*. En octubre de 2008 *Danobat* firmó un memorando de cooperación con la empresa *Ferrocarriles Rusos* en el campo de la ingeniería ferroviaria.

Inditex. El grupo mundialmente famoso que está presente en 96 países y es propietaria de varias marcas populares de ropa y accesorios: *Zara*, *Massimo Dutti*, *Oysho*, *Bershka*, etc. *Inditex* en Rusia confirmó su éxito mundial y se convirtió en el mayor distribuidor y líder en el desempeño del negocio en el segmento de ropa. Empezando a trabajar en el mercado ruso en el año 2004, la compañía creció rápidamente y en 2018 tuvo en diversas regiones de la Federación de Rusia más de 550 tiendas propias.

Gestamp. La empresa es uno de los líderes mundiales en la producción de componentes de automoción. Sus activos productivos se encuentran en 21 países y realizan el suministro de componentes y repuestos a las principales productoras de automóviles. En Rusia a *Gestamp* pertenecen cuatro fábricas (en las ciudades de Togliatti, Kaluga y Vsevolozhsk), que suministran con su producción a la compañía *Volkswagen* y a otros gigantes de automoción.

en el territorio de Rusia, como eran la explotación de yacimientos de hidrocarburos, construcción de centrales térmicas de ciclo combinado y plantas de licuación de gas natural, creación de obras de energía eólica, modernización de CEN³².

Un lugar importante en áreas clave de la cooperación de inversión podría llevar la construcción de instalaciones de infraestructura en Rusia. Las empresas constructoras españolas están activas en el exterior y tienen un fuerte potencial industrial y financiero. La experiencia internacional y las ventajas competitivas de los desarrolladores españoles podrían ser mutuamente beneficiosas en diversas regiones de la Federación Rusa en el diseño, construcción, modernización y equipamiento complejo de instalaciones de infraestructura de transporte (carreteras, aeropuertos, estaciones ferroviarias, ferrocarriles, estacionamiento subterráneo), centros logísticos, vertederos industriales, parques tecnológicos, instalaciones turísticas y públicas.

La dirección prometedora de la interacción bilateral era la esfera espacial. Entonces, en octubre de 2003, el astronauta español Pedro Duque realizó un vuelo en la nave espacial *Soyuz TMA-3* hacia la Estación Orbital Internacional. En el marco del programa conjunto en el ámbito espacial, se concretaron las áreas de cooperación entre *Roscosmos* [la Agencia Espacial Federal de Rusia] y el Centro para el Desarrollo Tecnológico Industrial de España. Se estableció un grupo de trabajo para el proyecto del Observatorio Espacial Mundial. El Centro de Investigaciones para el Monitoreo Operacional Terrestre y el Instituto Nacional de Técnica Aeroespacial de España han estado desarrollando un acuerdo en el campo de la teledetección de la Tierra³³.

Era evidente que ninguna modernización podía ser realizada sin avances en las esferas de ciencia y educación. Estas áreas debían atraer la máxima atención de los profesionales de ambos países, sin embargo, los resultados reales de la implementación del programa fueron más modestos de lo esperado. Muchas de las reservas de cooperación no se aprovecharon, por ejemplo, la creación de instituciones multinacionales que funcionen eficientemente, tales como entidades bilaterales de grandes empresas, numerosas empresas conjuntas, foros especializados regulares, etc. La inercia en la percepción mutua del potencial de las economías nacionales influyó también. Rusia no alcanzó a girar sus estructuras de comercio exterior hacia la realización sistémica de las tareas de la *Asociación para la Modernización*. Por su lado, el negocio español en la práctica también siguió actuando en el paradigma anterior, no consideraba a Rusia como contraparte en desarrollo técnico-tecnológico innovador, sino como una fuente de materias primas y un mercado de comercialización de sus productos industriales acabados. Como consecuencia, en el ámbito de las relaciones económicas hispano-rusas no sucedieron los cambios cualitativos esperados, lo que fue una de las razones de la disminución del interés hacia la *Asociación para la Modernización* en Moscú y Madrid³⁴.

³² *Yakovlev P.P.* Ispaniya v mirovoy politike (España en la política mundial). Moscú: ILA RAN, 2011. P. 342–343.

³³ *Yakovlev P.P.* Ispaniya: vyzovy i riski novogo politicheskogo tsikla. España: desafíos y riesgos de un nuevo ciclo político. Moscú: ILA RAN, 2012. P. 110–111.

³⁴ España y Rusia frente a los nuevos desafíos globales. P. Yákovlev (coord.). Moscú: ILA RAN, 2016.

En 2014, las relaciones hispano-rusas se complicaron notablemente, lo que estaba relacionado con la participación de Madrid en las sanciones financieras, económicas y comerciales de la Unión Europea contra Rusia y con las anti-sanciones de Moscú. Las tendencias negativas afloradas influyeron en la dinámica del comercio hispano-ruso. El volumen de comercio recíproco, tras haber alcanzado su nivel máximo histórico en 2013 (más de 11 mil millones de euros), en 2016 se redujo el 57%. Aún más (el 62%) descendió la exportación rusa a España (véase la tabla), lo que estaba relacionado mayormente con la caída de los precios del petróleo.

TABLA. COMERCIO HISPANO-RUSO DE MERCANCÍAS (MLNS. EUROS)³⁵

Año	Exportaciones	Importaciones	Volumen	Saldo
2009	4576	1476	6052	+3100
2010	6126	1995	8121	+4131
2011	8463	2526	10989	+5937
2012	8067	2930	10997	+5137
2013	8232	2818	11050	+5414
2014	5987	2546	8533	+3441
2015	3341	1692	5033	+1649
2016	3131	1603	4734	+1528
2017	3217	1937	5154	+1280

852

En las relaciones hispano-rusas se observa un fenómeno macroeconómico conocido como desviación del comercio: reorientación de las exportaciones e importaciones de los socios a otros mercados internacionales. España quedó entre los países integrantes de la Unión Europea que sufrieron al máximo por las contra-sanciones. En 2015 las mercaderías como las frutas, los vegetales, el pescado, la carne y los productos lácteos dejaron de importarse a Rusia casi por entero. Las importaciones de las maquinarias y equipos se redujeron el 24%, los vehículos, el 58%, los productos farmacéuticos, el 65%. Asimismo, quedaron amenazados en Rusia los intereses de los fabricantes españoles de los productos industriales extremadamente demandados en el mercado nacional.

La reducción de la intensidad de los intercambios económicos y comerciales con Rusia no pudo menos de alarmar a los círculos de negocio españoles. El testimonio convincente de aquello fue la visita de Carlos Espinoza de los Monteros, alto representante del programa estatal de promoción de la imagen positiva de España en el extranjero (*Marca España*), a Moscú en diciembre de 2014. Durante su estancia en la capital rusa Carlos Espinoza tuvo contactos con empresarios españoles que trabajaban en Rusia y visitó el Ministerio de Asuntos Exteriores de Rusia, el Ministerio

³⁵ Ministerio de Economía, Industria y Competitividad. Informe Mensual de Comercio Exterior. Diciembre de 2017.

Juan Carlos I y el ministro de Asuntos Exteriores de Rusia, Serguéi Lavrov. Madrid, 2014.

de Agricultura, la Agencia Federal de Turismo y, otros organismos. Resumiendo sus entrevistas en Moscú, el alto funcionario español declaró: “Integramos la UE y apoyamos las resoluciones que adoptan los países miembros. Pero participamos activamente en los debates y, si tratamos el tema de las sanciones, estamos entre los países que creen que las sanciones no brindan nada positivo”. Y continuaba: “Nuestra primera tarea es detener la carrera de sanciones y contrasanciones, no dejar que se adopten nuevas medidas de esta índole. El segundo objetivo es procurar conseguir soluciones de compromiso que permitan dejar las sanciones en el pasado”³⁶.

Los partidarios de la continuación de la cooperación económica y comercial hispano-rusa alegaban vivos ejemplos de su carácter mutuamente ventajoso. Particularmente, pese a las consecuencias negativas de las sanciones y la devaluación del rublo (la crisis de divisas de 2014), *Inditex*, uno de los mayores consorcios españoles y líder mundial del *retail* (titular de las marcas populares *Zara*, *Bershka*, *Massimo Dutti*, *OYSHO*, etc.), siguió concibiendo el mercado ruso como uno de los más importantes. Según la situación de mayo de 2018, en Rusia había 549 puntos de venta de este grupo³⁷. Igualmente es importante, desde el punto de vista estratégico,

³⁶ Nasha pervaya zadacha — ostanovit' gonku sanktsiy i kontrsanktsiy (Nuestra primera tarea es detener la carrera de sanciones y contra-sanciones). 02.12.2014. — <http://www.kommersant.ru/doc/2623656?isSearch=True> (fecha de consulta 27.05.2018).

³⁷ INDITEX. — http://www.inditex.com/en/our_group/international_presence (fecha de consulta 27.05.2018).

el que a principios de 2015 el sistema ferroviario ruso por primera vez empezó a utilizarse para transportar géneros de comercio entre España y China, lo que rindió un beneficio económico sensible a los tres países³⁸.

En abril de 2016, se celebró en la Cámara de Comercio e Industria de la Federación Rusa la sesión organizativa del Comité de Empresarios Rusia — España, cuya misión principal es prestar ayuda a las empresas rusas en la búsqueda de los socios de negocio en la comunidad empresarial española, así como desarrollar proyectos específicos en el campo de comercio e inversiones, organización de eventos feriales y otras actividades de negocios. Leonid Mijelsón, Presidente de la Junta Directiva de *OAO NOVATEK*, fue elegido jefe del Comité. Todo ello evidencia que incluso en situación económica difícil se quedan posibilidades reales para hacer avanzar las relaciones económicas y comerciales hispano-rusas, en particular, por medio del acercamiento de las estructuras de negocio de ambos países y la interacción de los capitales empresariales.

El “efecto Trump”, el Brexit, la crisis de Siria, muchas otros cambios geopolíticos y geoeconómicos en el mapa global aportan nuevos elementos (no pocas veces, contradictorios) en las relaciones hispano-rusas, lo cual aún más acentúa el valor del pragmatismo económico. Al mismo tiempo el negocio ruso y el español se ven obligados a adaptarse a las condiciones alteradas del trabajo, renovar el paradigma de la actuación empresarial mutua. Esta táctica les permite mantener alta la “cotización de acciones” de las relaciones comerciales y económicas hispano-rusas.

Por el lado ruso, se ve una tendencia a intensificar el apoyo de las exportaciones de alta tecnología a España, aprovechando las oportunidades de la Agencia de Aseguramiento de Créditos de Exportación, ESCAR, la cual ya ha organizado el financiamiento de la entrada de la compañía *IntelMet Technologies*, la que opera en la industria siderúrgica, en el mercado español. Un ejemplo inverso son los trenes ferroviarios, únicos desde el punto de vista técnico y pertenecientes a la compañía *Talgo*, los cuales están prestando servicios en la ruta de Moscú a Berlín desde el 17 de diciembre de 2016.

854 A la vez, va aumentando el valor de la interacción inversionista. Es un lineamiento prometedor, considerando la relevancia acrecentada de las relaciones económicas exteriores para la economía de España. Las experiencias acumuladas demuestran que los sectores más probables para invertir capitales españoles son: transporte e infraestructura; energía complejo agroindustrial; materiales de construcción; industria química; tejidos y vestidos de moda; recambios (o piezas de repuesto) automovilísticos; equipo para la industria alimentaria; elaboración de madera. En España presentan interés para los empresarios rusos las inversiones en el sector de inmuebles, la construcción y hostelería.

En abril de 2018, una delegación representativa del Ministerio de Transporte de la Federación Rusa encabezada por Maxim Sokolov hizo una visita de trabajo a Madrid por invitación de la parte española. Los puntos básicos del programa de visita fueron las negociaciones con el Ministro de Fomento de España Íñigo de la Serna y la participación en la sesión del grupo de trabajo de transporte creado en el

³⁸ Carbajosa A. Sale de Madrid el primer tren piloto rumbo a China // El País, 30.01.2015.

marco de la Comisión Mixta Intergubernamental Hispano-Rusa de Cooperación Económica e Industrial. A raíz del intercambio de opiniones ambas partes constataron un alto nivel de la interacción existente en el campo de transporte y esbozaron una serie de proyectos conjuntos que podrían ser realizados en el futuro a mediano plazo. En el transcurso de la visita Maxim Sokolov visitó la planta de trenes de alta velocidad de la compañía *Talgo*, contraparte de *OAO RZbD* durante muchos años, donde conoció los últimos desarrollos de los ingenieros españoles³⁹.

La actividad de la Representación Comercial de Rusia en España está encaminada en sumo grado a atraer a inversiones españolas a la economía rusa. Con el apoyo de ésta se celebró el 17 de mayo de 2018 en la Cámara de Comercio de España el foro de negocios “Nuevas tendencias en los proyectos industriales de Rusia: oportunidades regionales”, en el cual los empresarios españoles fueron informados sobre el sistema ruso de apoyo a las inversiones extranjeras. Además, la representante comercial de Rusia, Galina Kúrochkina, hizo la presentación de la candidatura de la ciudad de Ekaterinburgo en el concurso internacional donde se disputaba el derecho a celebrar la Feria Universal Mundial EXPO en 2025⁴⁰.

Literalmente el mismo día (lo que testimonia la alta intensidad de los vínculos económicos bilaterales) se celebró la Bolsa de Contactos de Negocio España — Rusia organizada por la Alianza de Comercio Ibérico Rusa (ACIR) sobre la base del Club de la Cámara de Comercio de Madrid, con el concurso de *OOO Delovaya Rossiya* (Rusia Empresarial, SRL) y el Consejo Empresarial España — Rusia. En el evento tomaron parte pequeñas y medianas empresas rusas y españolas activas en sectores como los inmuebles, la construcción, la medicina, la industria farmacéutica e interesadas en entablar contactos empresariales directos con contrapartes extranjeras⁴¹.

La complementariedad de las economías rusa y española forma un espacio extenso (el cual en gran medida queda aún vacío) de inversiones de capital cruzadas y crea condiciones favorables y objetivas para formar empresas conjuntas y realizar proyectos bilaterales. En realidad, abre amplias perspectivas para desarrollar la colaboración comercial, económica y financiera hispano-rusa en los sectores que son de interés prioritario para ambos países.

³⁹ De la Serna se reúne con su homólogo ruso para analizar posibles oportunidades de cooperación en el transporte y las infraestructuras. 09.04.2018. — <http://www.fomento.gob.es/MFOMB Prensa/> (fecha de consulta 27.05.2018).

⁴⁰ 17 mayo 2018 g. v Torgovoy Palate Ispanii sostoyalsya delovoy forum “Novyye trendy v industrial’nykh proyektakh Rossii: regional’nyye vozmozhnosti”, organizovanny pri podderzhke Torgpredstva Rossii v Ispanii (El 17 de mayo de 2018 se celebró en la Cámara de Comercio de España el foro de negocios “Nuevas tendencias en proyectos industriales de Rusia: oportunidades regionales”, organizado con el apoyo de la Representación comercial de Rusia en España). 21.05.2018. — <http://spain.ved.gov.ru/ru/news/64529> (fecha de consulta 27.05.2018).

⁴¹ 17 mayo 2018 g. v Madride byla provedena Rossiysko-Ispanskaya Birzha delovykh kontaktov (El 17 de mayo de 2018 en Madrid, se realizó el intercambio de contactos comerciales entre Rusia y España). 21.05.2018. — <http://spain.ved.gov.ru/ru/news/64531> (fecha de consulta 27.05.2018).

LA IMAGEN DE RUSIA EN LA PRENSA ESPAÑOLA A PRINCIPIOS DEL SIGLO XXI

La imagen de un país y de sus gentes se desarrolla generalmente sobre la base de la comparación de sus valores, tradiciones, hábitos y estilos de vida con los de otras naciones. Los medios de comunicación juegan un papel determinante en la formación y consolidación de los estereotipos percibidos del “otro”. La imagen del país, construida por las publicaciones periódicas, televisión e Internet, está sometida a una gran variabilidad. Los medios españoles no son una excepción, lo que refleja la dinámica de las relaciones entre ambos países y ambos pueblos.

La información sobre Rusia, disponible para el lector español de diarios y de sus versiones en Internet, está presente en diversos textos periodísticos: noticias, artículos editoriales, reseñas analíticas, columnas de autores, entrevistas, estudios biográficos, ensayos de referencia y publicidad (breves “guías” de ciudades, historias sobre lugares de interés, etc.). El tema ruso aparece periódicamente en los medios de comunicación, en la mayoría de los casos como acompañamiento de noticias políticas “candentes”, en línea con la práctica observada de cómo se informa sobre Rusia en España⁴². Si aumenta la frecuencia de los asuntos rusos en los medios españoles se debe a la intensificación de las relaciones hispano-rusas, a los acontecimientos de la política exterior con participación rusa o a la aparición de fenómenos de crisis en la política interna rusa.

En la prensa española, Rusia se menciona mucho más a menudo que España en los medios rusos, donde solo el 2% del total de las noticias se dedica a ello⁴³. En España también se pueden encontrar titulares en esa línea: “Escaso interés español en Rusia”. Y, sin embargo, ambos países se esfuerzan por entenderse, como demuestra la publicación de un titular que inspira un verdadero optimismo: “Rusia y España abogan por impulsar sus relaciones económicas”. El deseo de acercamiento ayuda a encontrar temas de la actividad conjunta en beneficio mutuo, como demuestra el título “España y Rusia colaboran en el sector energético”⁴⁴.

El tema ruso es abordado tanto por publicaciones nacionales como por la prensa de las comunidades autónomas. Sin embargo, el análisis de los 1.742 materiales sobre Rusia publicados por el diario *Las Provincias* entre 2006 y 2014 demuestra que los titulares que contienen la palabra “Rusia” y sus derivados constituyen el 28% en relación al número total de publicaciones que mencionan a Rusia a lo largo de cada uno de los años de la investigación⁴⁵. Dado el importante papel de Rusia en la política

⁴² *Yermol'yeva E.* Rossiya v ispanskikh SMI (Rusia en los medios españoles) // Imidzh Rossii v iberiyskikh stranakh (La imagen de Rusia en los países ibéricos). Moscú: ILA RAN, 2008. P. 124.

⁴³ *Pérez-Martín J., Sánchez-Jiménez J.A.* Análisis de la presencia de España en la prensa internacional. Madrid: Real Instituto Elcano, 2015. P. 20.

⁴⁴ Todos los titulares de los medios españoles citados en el texto son el resultado de una investigación y están tomados de la tesis doctoral: *Pirozhenko O.* La imagen de Rusia en la prensa valenciana. Valencia: Universidad de Valencia, 2015.

⁴⁵ *Ibíd.* P. 99.

internacional y su participación activa en los acontecimientos que tienen lugar en el escenario mundial, está creciendo la atención de la sociedad española en particular, y de la europea en general. Esto se evidencia por el volumen de materiales que aparecen principalmente en las secciones: “Información internacional”, “Política”, “Cultura”, “Gente/Estilo de vida”, etc. Los titulares, destinados a atraer la atención de los lectores, transmiten el estado emocional general de las publicaciones y reflejan el vector del interés colectivo.

También muestran interés por Rusia los líderes de los medios españoles, que representan los puntos de vista de diferentes segmentos del espectro político: *El País*, *ABC* y *El Mundo*. Su circulación diaria total en diciembre de 2011 fue de alrededor de 850 000 ejemplares, y el número de lectores de unas 3 864 000 personas⁴⁶. Todas las publicaciones tienen sus propias versiones en Internet, lo que amplía su audiencia. El líder es *El País*, cuya versión impresa es leída diariamente por 1 961 000 personas⁴⁷, lo que justifica su lema: “El diario global en español”. No es sorprendente que *El País* sea un medio consultado con frecuencia por investigadores, tanto nacionales como extranjeros. Pilar Bonet, la corresponsal de este periódico que más tiempo ha permanecido en Rusia, suele ser citada para presentar el punto de vista español en lo que a las relaciones Rusia - Occidente se refiere: “La relación con Rusia exige a Occidente un mayor rigor intelectual también consigo mismo e intransigencia ante el incumplimiento de la ley. Occidente no es el tutor de Rusia, pero tiene que saber dar ejemplo. A Rusia hay que tratarla con seriedad”⁴⁸.

La existencia de condiciones favorables para la cooperación a nivel estatal no implica que los españoles muestren un interés activo en Rusia y que sepan mucho al respecto⁴⁹. En 2008, expertos españoles declararon que los vínculos entre Rusia y España no eran lo suficientemente activos como para promover “un amplio sistema de contactos directos entre personas cercanas al poder económico y político”; que no existían “grupos de influencia significativos que apoyesen una mejor comprensión de Rusia en España y viceversa”. Las ideas españolas sobre Rusia en su conjunto son bastante “vagas”, lo que se explica, principalmente, por la distancia geográfica y las diferencias culturales. Sin embargo, dejando a un lado la diversidad de temas tratados y el evidente abánico de emociones que éstos despiertan, los textos presentan un común denominador: el manifiesto interés por Rusia y sus gentes, el deseo de conocerlas mejor. El duro clima ruso y el vasto territorio no dejan de impresionar al lector español. Las alarmantes ideas sobre la Rusia peligrosa, insegura, agitada, de la época de la perestroika empiezan a ser cosa del pasado. En líneas generales, Rusia

⁴⁶ Oficina de Justificación de la Difusión [OJD]. — <http://www.prnoticias.com/index.php/prensa/209-ojd-/20111654-los-cinco-grandes-diarios-de-tirada-nacional-pierden-un-10-de-difusion-y-un-57-en-ventas-en-diciembre> (fecha de consulta 30.11.2017).

⁴⁷ OJD. — <http://www.prnoticias.com/index.php/prensa/1136/20115383>. (fecha de consulta 30.11.2017).

⁴⁸ *Malyavina S., Bil'bao P., Durand S.* Ot Rossii istoricheskoy k Rossii sovremennoy: Obraz Rossii v ispanskoj presse (De Rusia histórica a Rusia moderna: La imagen de Rusia en la prensa española). Moscú: U Nikitskikh vorot, 2009. P. 119.

⁴⁹ *Ibíd.* P. 151–152.

sigue atrayendo la atención de los medios españoles como país, si bien, en numerosas ocasiones éstos subrayan rasgos con un marcado matiz negativo. La sociedad española, sin embargo, ve con buenos ojos a los rusos como pueblo. Los titulares resultan elocuentes al presentar algunas de las características de los rusos que resultan más “curiosas” a los periodistas — “El peculiar humor ruso”, “La desmesura rusa”, “La pasión más ortodoxa”, “La perplejidad a la rusa”, “Los rusos cautivados”.

“La imagen de Rusia en España es la imagen de una potencia europea con un rico potencial natural y de recursos, con una economía moderadamente desarrollada y serios problemas socioeconómicos, entre los cuales los analistas destacan el agravamiento de la brecha de ingresos entre ricos y pobres, y un nivel técnico y administrativo relativamente bajo en la economía”⁵⁰. La riqueza y las oportunidades económicas de Rusia, según entienden los españoles, se basan en los recursos energéticos. El programa de modernización anunciado en Rusia se ve con escepticismo y, según expertos españoles, se centra exclusivamente en los aspectos tecnológicos del problema, y se ignora su componente político que es la naturaleza autoritaria de la política rusa.

Estas valoraciones se proyectan en la imagen que se tiene de los líderes políticos rusos. Sin lugar a dudas, el presidente Putin es el líder ruso más citado y más mencionado por los medios de comunicación españoles. Es percibido como un político con una férrea voluntad y una considerable autoridad. En la mayoría de los casos, la imagen del presidente ruso, presente en el imaginario colectivo de los españoles, recoge los rasgos del carácter nacional ruso, de manera que gobernante y país gobernado acaban identificándose en un único todo. Hay titulares que presentan de forma directa esta idea: “Rusia es Putin”. A la pregunta de un cuestionario ofrecido a los estudiantes españoles sobre cómo ven al presidente de Rusia, la respuesta sería: “Muy ruso”⁵¹. A los observadores españoles, hasta cierto punto, les llama positivamente la atención el deseo del líder ruso de alcanzar estabilidad política e institucional⁵², aunque siguen centrándose en las ideas del mandatario ruso sobre los derechos humanos y las libertades desarrolladas en Europa y sobre la idea de la seguridad colectiva para evaluar el curso político de Rusia y las actividades de sus principales dirigentes.

858 La visión europea también se puede apreciar en la interpretación general de las posiciones internacionales rusas, desde dos puntos de vista claramente enfrentados. La estabilidad económica y política de Rusia se puede presentar tanto como “una nueva oportunidad para mejorar las relaciones con Rusia, que tanto Europa como España necesitan” y, al mismo tiempo, puede significar “una amenaza, ya que implica el fortalecimiento del Estado ruso capaz de defender sus propios intereses, que se suponen contrarios a los intereses de Europa”⁵³. Rusia sigue siendo un país interesante, aunque difícil, en lo que al desarrollo comercial se refiere y, sin duda, atractivo en términos de turismo.

⁵⁰ *Yakovlev P.P.* Imidzh Rossii v Ispanii: glavnyye tendentsii (La imagen de Rusia en España: principales tendencias) // Perspektivy. — http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/imidzh_rossii_y_ishpanii_glavnyje_tendencii_2010-10-21.htm (fecha de consulta 30.11.2012).

⁵¹ *Pirozhenko O.* La imagen de Rusia... P. 188.

⁵² *Malyavina S., Bil'bao P., Durand S.* Ot Rossii istoricheskoy... P. 139.

⁵³ *Ibíd.*

Un importante aspecto de la imagen de Rusia, y tal vez el único en términos de percepción positiva, es el tema de la cultura rusa. En primer lugar, los españoles asocian con la imagen de Rusia ideas como “logros en el campo de la cultura y el arte” (45%), “educación, inteligencia, cultura personal” (31%)⁵⁴. Los resultados de la investigación confirman que la cultura es “el mejor embajador de Rusia”, eso sí, con un gran matiz: la percepción española no existe una conexión directa entre la cultura rusa clásica y la actual⁵⁵. En opinión de los expertos, la valoración del potencial cultural ruso está desprovista de matices políticos. España percibe con entusiasmo la cultura rusa, comparte sus valores y admira la belleza inigualable de su ballet, de su literatura y del teatro clásicos. “El Museo del Prado entra en el Ermitage por la Puerta Grande”, “Las entrañas de *El Cascanueces*”, “El espectacular ballet *El lago de los cisnes*” son algunos de los titulares que aparecen tanto en las publicaciones nacionales, como en la prensa regional.

El arte y la literatura clásicos rusos (Chéjov, Tolstói, Dostoievski, el Ermitage, los teatros Bolshoi y Mariinsky, la orquesta de Vladímir Spivakov,) son *marcas* bien conocidas en España. Los artículos sobre ellos generalmente suelen mantener un tono respetuoso y están llenos de argumentos para defender que lo clásico es la base de la tradición cultural rusa y su poder salvador: “Mientras Europa vive en un continuo *ay*, pendiente de los mercados, el euro [...] el gran teatro del mundo —como denomina al Ermitage Miguel Zugaza, director del Prado— abre el telón. La cultura, siempre la cultura, será la que al final salve a la vieja dama europea”⁵⁶. La prensa española crea una imagen dual de la cultura rusa, combinando lo clásico y lo vanguardista tanto en interacción, como en oposición entre sí. Los comentarios sobre la cultura rusa, especialmente sobre sus manifestaciones clásicas, se giran en torno al eterno dilema de si se trata de cultura asiática o europea. Para los españoles, representantes de una Europa unida, orgullosos de su contribución a la civilización europea, Rusia, que comparte y desarrolla los valores culturales de Occidente, es más comprensible y, con mayor probabilidad, más aceptable que su imagen eurasiática. El Ermitage y San Petersburgo, asociados precisamente con esas ideas sobre Rusia, se perciben fácilmente como símbolos de la cultura y de la civilización rusa, abiertas ambas al mundo. Así lo confirmó Mijaíl Piotrovsky en una entrevista a *El País* comentando los problemas eternos del “alma rusa” y la “manera rusa de relacionarse con el mundo”. El director del Ermitage habló sobre el camino europeo elegido por Rusia bajo Pedro I, y sobre Petersburgo como una encarnación de la idea europea, comentando, sin embargo: “¿Qué es Rusia? ¿Europa? Quizá no al 100%... Rusia sigue teniendo dos caras. [...] La otra cara es la asiática. Moscú se parece a Estambul”⁵⁷.

⁵⁴ Kurakina A. *Obraz Rossii skvoz' prizmu otsenok v SMI Ispanii* (La imagen de Rusia a través del prisma de su valoración en los medios españoles) // *Imidzh Rossii v iberiyskikh stranakh...* P.73.

⁵⁵ Malyavina S., Bil'bao P., Durand S. *Ot Rossii istoricheskoy...* P. 148, 150.

⁵⁶ Pulido N. El correo del zar llega al Prado // ABC. 05.11.2011.

⁵⁷ Piotrovsky M., Ruíz Mantilla J. Los museos están a medio camino entre Disneylandia y la Iglesia. Entrevista con Mijaíl Piotrovsky // *El País*. 27.02.2011.

En la imagen de la cultura rusa, hay un factor al que los estudios sobre la imagen internacional de Rusia no han prestado ninguna atención: el papel de los valores religiosos en la formación de esa imagen. En España, a pesar del activo proceso de secularización de la conciencia pública, los valores católicos son una de las bases de la visión del mundo, y la democracia y los derechos humanos se identifican con ellos. Las ideas básicas sobre la Iglesia Ortodoxa como culpable del gran cisma se superponen en la mentalidad española a las evaluaciones negativas del conservadurismo de la Iglesia Ortodoxa Rusa (ROC) en un intento de establecer un diálogo entre las Iglesias. Las ideas de los españoles sobre el papel político y social de la Iglesia, las relaciones Estado — Iglesia tienen su base en el Concilio Vaticano II, y, por lo tanto, la opinión pública española percibe negativamente “el enfoque tradicional de la Iglesia ortodoxa en estrecha alianza con el Estado, la depreciación del individuo en ella”⁵⁸. La imagen de la ROC y de la ortodoxia rusa en el imaginario de los españoles está conectado no tanto con una síntesis de conocimientos sobre la cultura como con la esfera política.

En general, la idea que tiene la sociedad española sobre Rusia se corresponde básicamente con los parámetros de la imagen internacional de Rusia. El punto de vista español se encuentra en el aspecto “europeo” de la imagen de Rusia y en la interpretación de los acontecimientos propios de las relaciones hispano-rusas. En líneas generales, se trataría de una variante del estereotipo existente en Occidente sobre Rusia.

El interés por Rusia en España ha existido siempre y sigue existiendo en la actualidad. A pesar de las muchas diferencias, Rusia y España tienen mucho en común, como se refleja en el elocuente titular: “Españoles y rusos no somos muy diferentes”. El famoso “Desde Rusia con amor” de las páginas de los periódicos se corresponde con el “Hasta Rusia con amor”, que demuestra que ambos países, movidos por un sincero interés, encuentran siempre la manera de relacionarse, combinando la riqueza y la fuerza de dos culturas genuinas.

860 LOS AÑOS DUALES Y LA DIPLOMACIA CULTURAL

Desde abril de 1994, los vínculos hispano-rusas en el ámbito cultural se han desarrollado sobre la base del Acuerdo de Cooperación Cultural y Educativa entre la Federación de Rusia y el Reino de España. Víctor Kompléktov, embajador ruso en Madrid en aquel entonces, señalaba que “hoy los vínculos culturales son un importante componente en las relaciones bilaterales, crean una base favorable para el desarrollo de contactos en otros ámbitos y contribuyen objetivamente al crecimiento de la comprensión mutua”⁵⁹. El nuevo documento complementó el Tratado de Amistad y Cooperación pactado también entonces. Las partes se comprometieron a coordinar programas de cooperación trienales, en los que se estipularían las actividades específicas, así como las condiciones financieras y

⁵⁸ *Yakovlev P.P.* Imidzh Rossii v Ispanii: glavnyye tendentsii...

⁵⁹ *Komplektov V.G.* Vzaimodeystviye geograficheskikh polyusov Yevropy (Interacción de los polos geográficos de Europa) // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 1977, No 2. P. 14.

demás de su realización. Con ese propósito fue creada una comisión hispano-rusa que se reuniría de forma alterna en Moscú y en Madrid. Al mismo tiempo, el Tratado contemplaba también la posibilidad de la participación de la iniciativa privada en las relaciones culturales, incluyendo también el desarrollo de contactos entre los jóvenes de ambos países. En 1999, el Tratado fue renovado. La base legal internacional creada ha devenido el fundamento del desarrollo de las relaciones culturales entre Rusia y España.

A principios del siglo XXI, se firmaron otra serie de acuerdos que brindaron la posibilidad de seguir profundizando y ampliando la cooperación cultural entre los dos países. Se trata del Convenio entre la Federación de Rusia y el Reino de España sobre Actividades de los Centros Culturales fechado el 15 de noviembre de 2001, de la Declaración de Asociación Estratégica entre la Federación de Rusia y el Reino de España del 3 de marzo de 2009, del Programa de Cooperación Cultural y Educativa en 2005–2007 entre la Federación de Rusia y el Reino de España.

El Convenio sobre actividades de los Centros Culturales, firmado el 15 de noviembre de 2001 y modificado en septiembre de 2007, sería el marco legal para el establecimiento del Centro Ruso de Ciencia y Cultura en Madrid y del Instituto Cervantes en Moscú (posteriormente, en San Petersburgo, el centro *Adelante* obtendría el reconocimiento de Centro Acreditado del Instituto Cervantes) y su misión sería la divulgación de la lengua, la cultura y de la información sobre la cultura, la ciencia, y la educación de los respectivos países.

La creación del Consejo de Personalidades de la Cultura, Ciencia y Educación adjunto al MAE de Rusia (1999) devino un suceso importantísimo que dio un nuevo impulso al fomento de los lazos culturales de Rusia con los países extranjeros, entre ellos España. En 2001, el ministro Ígor Ivanov aprobó “las principales líneas de trabajo del MAE de Rusia para desarrollar los vínculos culturales de Rusia con los países extranjeros”, líneas que se convirtieron en el primer intento emprendido en la historia de la diplomacia nacional de conceptualizar los objetivos y las tareas, el carácter y el mecanismo de realización de la cooperación cultural rusa con los demás países. Según esa idea, el mecanismo de elaboración y realización de la política cultural exterior coincide con el mecanismo general de la política exterior de Rusia. El presidente y la Asamblea Federal son quienes establecen las directrices y el marco regulador. El Gobierno formula la estrategia general, y el MAE de Rusia se encarga de la realización de la política cultural exterior y de la coordinación de las relaciones culturales internacionales de otros órganos gubernamentales y de las instituciones culturales. Es, ante todo, el Departamento de Asuntos Culturales y de Relaciones con la UNESCO, el que dentro del MAE, atiende los aspectos culturales. Desde 2002, el órgano central ruso funciona el Centro de Cooperación Internacional Científica y Cultural de Rusia, rebautizada como Rossotrúdnichestvo en 2008⁶⁰.

⁶⁰ Osnovnyye napravleniya deyatel'nosti MID Rossii po razvitiyu kul'turnykh svyazey Rossii s zarubezhnymi stranami (Líneas principales de trabajo del MAE de Rusia para desarrollar los vínculos culturales de Rusia con los países extranjeros) // Elektronnyy fond pravovoy i nauchno-tekhnicheskoy dokumentatsii. — <http://docs.cntd.ru/document/901794645> (fecha de consulta 26.03.2018).

El Instituto Cervantes en Rusia

En 1991, el Gobierno de España crea el Instituto Cervantes, institución pública para la promoción de la enseñanza del español y la difusión de las culturas hispánicas en el exterior. Veintiocho años después, sus dos sedes, en Madrid y Alcalá de Henares, sus ochenta y siete centros, en cuarenta y cuatro países en los cinco continentes, más ese centro virtual que supone la plataforma del Instituto en internet, permiten asociar el nombre de Cervantes tanto al autor de *El Quijote*, como a una institución cultural, dinámica y moderna, de la que, en Moscú, abrió sus puertas al público ruso, el 6 de febrero de 2002, el entonces Príncipe de Asturias, el actual rey de España, Felipe VI.

Pisarían las aulas del Instituto Cervantes de Moscú — y habría que añadir para tener una foto completa, la actividad desde 2008 del centro acreditado “Adelante” de San Petersburgo o la de los centros examinadores del DELE en dieciséis ciudades repartidas por Rusia— más de 60.000 personas, sea para asistir a sus cursos —alumnos de español, profesores queriendo formarse-, o para acercarse a la cultura del mundo hispánico, sea para acreditar el conocimiento de español con los exámenes oficiales del DELE o el SIELE, o para acceder a la biblioteca del centro, la Biblioteca Miguel Delibes, con unos fondos de 45.000 documentos (libros, cd, dvd, biblioteca electrónica).

De la actividad cultural en casi 16 años de existencia en Rusia dan testimonio unos 3.000 eventos celebrados en la sede del Instituto y en otros importantes espacios culturales y científicos de la ciudad, que consolidarían su estatus de “cosmódromo principal de la cultura en español en Rusia”, en palabras del director de cine Carlos Saura como ocurrente alusión al emplazamiento de la sede en Moscú del Instituto situado en el lugar —Novinsky bulevar 20A— que ocupara una antigua finca del príncipe Gagarin. El *cosmódromo* ha acogido a destacadas figuras de las letras, las artes, las ciencias y el pensamiento del mundo hispánico —Eduardo Mendoza, Mario Vargas Llosa, María del Mar Bonet, Fernando Arrabal, Jorge Edwards, Javier Cercas, Leonardo Padura, Gonzalo Rojas, David Trueba, Javier Gurruchaga, José Luis Borau, Serranito, Vicente Amigo, Jordi Savall, Paco Ibáñez, Ernesto Caballero, Jordi Sabatés, Luis Sepúlveda, Daniel Mordzinski, José-Abel Flores o Alicia Sintes, por citar algunos nombres— y serviría de punto de “despegue” de varios festivales, congresos, etc. Como ejemplo, la celebración —con la Biblioteca Federal de Literatura Extranjera— del Día Mundial del Libro y del Derecho de Autor, proyectos como los festivales Virtuosos de la Guitarra, el Festival del Nuevo Teatro Europeo NET, el Festival Internacional de Música Navideña, etc.

La idea es que la cooperación cultural internacional de Rusia constituye un instrumento de pleno valor de la actividad política exterior, destinado a actuar a favor de reforzar una imagen favorable y objetiva de Rusia en el mundo. De esa manera, el término *poder blando* ha pasado a tener en Rusia una interpretación oficial.

El Príncipe de Asturias y el ministro de los Asuntos Exteriores de Rusia, Ígor Ivanov, durante la inauguración del Instituto Cervantes en Moscú. Febrero, 2002.

La construcción y el desarrollo de un diálogo intercultural permanente, señas de identidad del Cervantes, se ven reflejados en ciclos como el de España y Rusia a través de los siglos, tan importante en la programación del Instituto Cervantes de Moscú. Imposible enumerar todo el trabajo realizado, los contactos establecidos, las colaboraciones. Huellas de todo ello y del futuro próximo se pueden encontrar en <http://moscu.cervantes.es>.

En *Concepción de la política exterior de la Federación de Rusia* aprobada por el presidente Vladímir Putin en febrero de 2013, el término se define como una herramienta de carácter global para conseguir los objetivos de política exterior gracias sobre todo a «las capacidades de la sociedad civil, los métodos y tecnologías de

información y comunicación, los humanitarios y otros para completar los métodos diplomáticos tradicionales⁶¹.

En mayo de 2013, el presidente ruso firmó el decreto que regulaba la actividad de Rossotrúdnichestvo que, a partir de ese momento, se convertiría en el principal promotor del concepto de poder blando. En el artículo de Putin *Rusia en un mundo cambiante* se formularía una línea estratégica más de ese poder blando defendido por Rusia: “No se trata de un imperio, sino de la promoción cultural, no se trata de cañones ni de la importación de regímenes políticos, sino de la exportación de la educación y de la cultura. Esto ayudará a crear condiciones apropiadas para los bienes, servicios e ideas rusas. Tenemos que aumentar varias veces la presencia educativa y cultural en el mundo y además, aumentarlo considerablemente en los países donde una parte de la población habla ruso o entiende ruso⁶².”

La colaboración en el marco del programa de coexistencia de las culturas, que se desarrolla en el ámbito de la ONU, se ha convertido en un importantísimo espacio de interacción bilateral de los distintos países. En 2005, Moscú respaldó la iniciativa española la *Alianza de civilizaciones*, cuyo objetivo debería ser la “movilización de la voluntad política colectiva para superar la ruptura y la creciente desconfianza entre las civilizaciones, culturas y sociedades, en primer lugar entre Occidente y el mundo islámico, así como la profundización en la comprensión mutua entre ellas⁶³.” Para dirigir la iniciativa fue formado el Grupo de Alto Nivel. Fue el profesor Vitali Naúmkin, Presidente del Centro Internacional de Investigaciones Estratégicas y Políticas quien representó a Rusia en el mismo. Entre el 15 y el 16 de enero de 2008, se celebró en Madrid el primer foro de la *Alianza de civilizaciones*, en el transcurso del cual se declaró que sólo con la participación activa de Rusia la nueva iniciativa podría llegar a convertirse en un proyecto global encaminado a la formación de un sistema de multiculturalismo global⁶⁴. El apoyo de la iniciativa española por parte de Rusia se materializó en la creación de un programa nacional ruso denominado *Plan de desarrollo de relaciones con la Alianza de Civilizaciones* en el que fueron incluidos apartados dedicados a temas culturales y religiosos⁶⁵.

864 Entre 2009 y 2012, muchos Estados europeos dieron pasos hacia la modernización de las concepciones nacionales de política cultural exterior. Entre esos países

⁶¹ Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii, utverzhdena Prezidentom Rossiyskoy Federatsii V.V. Putinyam 12.2.2013 (Concepción de la política exterior de la Federación de Rusia, aprobado por el Presidente de la Federación de Rusia V.V. Putin el 12.02.2013). — http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6BZ29/content/id/122186 (fecha de consulta 13.01.2016).

⁶² *Putin V.V. Rossiya i menyayushchiysya mir* (Rusia en un mundo cambiante) // *Moskovskiy novosti*. 27.02.12. — <http://www.mn.ru/politics/78738> (fecha de consulta 13.02.2018).

⁶³ *Popov V. Al'yans tsivilizatsiy* (La alianza de civilizaciones) // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. — <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1654> (fecha de consulta 16.01.2018).

⁶⁴ En mayo de 2008, se abrió en Moscú, en el marco de MGIMO del MAE, el Centro de Cooperación entre Civilizaciones, cuyo objetivo era la ampliación de los contactos con las civilizaciones del Este y el Oeste. *Ibid.*

⁶⁵ Véase: *Yákovlev P.P. Al'yans tsivilizatsiy protiv "stolknoveniya tsivilizatsiy"?* (¿La alianza de civilizaciones contra el “choque de civilizaciones?”). — http://www.perspektivy.info/book/aljans_civilizacij_protiv_stolknoveniija_civilizacij_2010-02-11.htm (fecha de consulta 02.03.2017).

también se encontraba España, que en abril de 2011 adoptó el *Plan nacional de acción cultural exterior*. Los impulsores en España fueron los principales actores de su política cultural exterior: el Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación, el Ministerio de Cultura de España, el Instituto Cervantes y la Sociedad *Acción Cultural Española*. La adopción de dicho documento supuso una nueva etapa en el desarrollo de los fundamentos documentales y sustanciales de la política cultural exterior de España dentro de “cuatro ejes de acción”: contribución a la conservación del patrimonio y a la autoexpresión cultural, internacionalización de las industrias culturales y de creación, estimulación del diálogo intercultural y apoyo a la cooperación cultural para el desarrollo. Asimismo, el plan legitimó definitivamente el uso formal del término “acción cultural exterior”, aunque a la par con éste también se pueden encontrar en la terminología oficial nociones como “política cultural exterior” y “diplomacia cultural”⁶⁶.

En aquel momento ya se habían creado en España instituciones y entidades, cuya tarea consistía en la divulgación de la cultura y la lengua españolas en todo el mundo (Instituto Cervantes), la implantación de la diplomacia pública (Fundación Carolina), la promoción de España como destino turístico (TURESPAÑA), etc. La promoción de la cultura y la lengua españolas en el extranjero, así como la creación de las condiciones para una mejor comprensión de la cultura española en el mundo tenían que convertirse en los objetivos básicos y los más generales. Estos principios fundamentales de colaboración fueron formulados ya desde principios del 2000, pero han mantenido su actualidad hasta la fecha⁶⁷.

En 2012, el Gobierno de España inició un proyecto de mejora de la imagen de España en el extranjero en los ámbitos económico, social, cultural y científico-tecnológico, proyecto que recibió el nombre de *Marca España*. El propio nombre de la iniciativa refleja su finalidad estratégica global. En español la palabra *Marca* es equivalente a nociones tales como *brand* y razón social, es decir, la esencia de la estrategia consiste en aumentar la importancia de la marca, del brand “España”. El proyecto integra a las asociaciones e instituciones más importantes vinculadas con los medios de comunicación (*mass media*) y de negocios y se desarrolla basándose en investigaciones científicas serias. Asimismo, colabora con el Real Instituto Elcano, donde ha sido creado el “Laboratorio de *Marca España*” para estudiar los índices que permitan determinar con la mayor precisión posible las variaciones en la percepción de la imagen de España en el extranjero. El 16 de marzo de 2017, el Alto Comisionado del proyecto, y secretario de Estado del MAE de España, Carlos Espinosa de los Monteros, intervino en el Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú (MGIMO) con una conferencia titulada “Proyectos estatales de promoción de la nueva imagen de país y la diplomacia del poder blando”.

⁶⁶ Véase: *Bogolyubova N.M., Nikolayeva YU.V.* Aktual'nyye tendentsii vneshney kul'turnoy politiki Ispanii (Tendencias actuales de la política cultural exterior de España). — <https://citeweb.info/20133363071> (fecha de consulta 18.03.2018).

⁶⁷ *Voropay V. V.* Rossiysko-ispanskiye otnosheniya v nachale XXI veka (2000–2015 gg.) (Relaciones ruso-españolas a principios del siglo XXI (2000–2015)). — https://revolution.allbest.ru/international/00843681_1.html (fecha de consulta 15.05.2017).

Actualmente la cooperación cultural hispano-rusa abarca prácticamente todos los ámbitos. Desde el año 2000, se celebran Festivales de Cultura Iberoamericana, cuyos fundadores son la Asociación de Laureados del Concurso Piotr Chaikovski, la Filarmónica Académica Estatal, la Fundación Internacional *Nuevo Mundo-500* y cuentan con el apoyo del Ministerio de Cultura y el MAE de Rusia. El programa del Festival comprende una amplia gama de eventos en Moscú, San Petersburgo, Kazán, Volgogrado y otras ciudades: conciertos de música de diferentes géneros con intérpretes iberoamericanos y rusos, actuaciones de colectivos teatrales, exposiciones de pintura y fotografía, presentaciones de las cocinas nacionales, y muchas otras actividades. Han participado numerosas figuras artísticas españolas, como la violoncelista Gloria Cuerda, graduada del curso de Mstislav Rostropóvich, el director César Álvarez, que estudió en el Conservatorio Estatal de Moscú Piotr Chaikovski, etc. El maestro Mstislav Rostropóvich, por su parte, visitaría en varias ocasiones España, ofreciendo varios conciertos.

Se ha convertido ya en tradición la organización de Años Duales de Rusia y España, que se celebran con apoyo del Ministerio de Cultura de Rusia. El año 2011 fue el primero en ser declarado Año Dual. Rusia ya contaba con la experiencia de acciones recíprocas similares: por ejemplo, 2009 había sido el Año de Bulgaria y Rusia y 2010, el Año de Rusia y Francia. Como señala E. Yúrchik, los políticos rusos consideran este tipo de eventos, de gran envergadura, como instrumentos de la diplomacia cultural, cuyo objetivo es promover en el mundo una imagen actual del país, es decir, “en la terminología del *marketing* político, su *rebranding*”⁶⁸. Durante el Año Dual empezó a funcionar en Madrid, el Centro Ruso de Ciencia y Cultura, gestionado por Rossotrudnichestvo. Los principales objetivos del mismo desde su creación han sido el fortalecimiento y el desarrollo de los vínculos hispano-rusos en los campos cultural, científico, educativo y la ampliación de la cooperación económica.

866

El Año se inauguró con una exposición dedicada al Museo del Prado en el Ermitage. Asimismo, la exposición dedicada a la obra de Salvador Dalí presentada en el Museo Estatal de Bellas Artes Pushkin, se convirtió, según RIA *Novosti*, en uno de los acontecimientos culturales más importantes en 2011 en Rusia. Para la misma llegaron a Moscú 25 óleos, 70 dibujos, 20 acuarelas, así como numerosas fotografías del legendario maestro. No menos importante fue la exposición de obras maestras del Ermitage en el Prado, que se convirtió en toda la historia de la colección peterburguesa en la exposición más visitada en el extranjero. Entre el 8 de noviembre de 2011 y el 25 de marzo de 2012, la exposición fue visitada por 630.000 visitantes, lo que motivó que los organizadores la prolongaran hasta el 7 de abril. Rusia fue el país invitado de honor de la Feria Internacional de Arte Contemporáneo en Madrid (*Arco 2011*); en contrapartida, el Museo de Arte Contemporáneo de Moscú exhibió en sus instalaciones obras de maestros españoles. Por otro lado, las novedades de ambas cinematografías fueron presentadas en los Festivales de Cine de Moscú y de Segovia⁶⁹.

⁶⁸ Yúrchik Ye.E. Rossiyskaya kul'tura v osveshchenii ispanskoy periodiki 2010–2011 (La cultura rusa según la prensa española de 2010–2011) // Vestnik Literaturnogo instituta im A.M. Gor'kogo, 2013, No 3. P. 132.

⁶⁹ Ibíd. P. 133.

Los genios de la cultura: Mstislav Rostropóvich y España

En los días previos de los conciertos de la Orquesta Sinfónica Nacional de Washington en Barcelona y Madrid, en 1982, el diario *El País*, escribió sobre el músico, violonchelista, director de orquesta y compositor ruso: “Rostropóvich es, sin duda, uno de los mitos de nuestro tiempo, y su formación musical es tan extensa como completa”. Rostropóvich tenía una relación muy especial con España. Su padre, que en 1910, durante un viaje por Europa, se formó con el famoso violonchelista español Pau Casals, le inculcó el amor por ese país. El maestro Casals no olvidará a su alumno y muchos años después, en 1958, invitará a su hijo a participar en el *Concurso mundial de violonchelo*. Pasados otros 10 años, en 1969, ya durante su gira europea, Mstislav Rostropóvich llegará a España. “Visité muchas veces España, todavía en tiempos de Franco, así que he tenido la oportunidad de ver cómo fue cambiando la vida del maravilloso pueblo español, cómo, paulatinamente, han ido quedando atrás las divisiones y cómo España se fue cohesionando bajo las consignas de amistad y fraternidad”, afirmaba el músico ruso. Su siguiente visita a Madrid tuvo lugar en noviembre de 1985, cuando dirigió un concierto dedicado al décimo aniversario de la coronación de Juan Carlos I. Le seguirán muchos conciertos más... En 1988, ofreció un concierto en el Teatro Real de Madrid con motivo del 50º cumpleaños del monarca español. El concierto de Rostropóvich en el Teatro Real se vinculará a la primera aparición pública del Príncipe de Asturias y su entonces prometida Letizia Ortiz en 2003, y ese mismo año presentaría la Escuela de Alto Perfeccionamiento Musical en Valencia.

Las relaciones con la Familia Real española fueron desde siempre muy buenas. La reina Sofía conocía hacía tiempo al músico ruso y la amistad entre ellos fue creciendo con el paso de años. Obligado a abandonar la Unión Soviética, el músico encontró ayuda a menudo en “su querida España”. “Cuando me echaron de la Unión Soviética fue la mayor tragedia de mi vida, una tragedia que duró diecisiete años. Ahí estuvieron los Reyes, apoyándome”,- recordaría. Durante muchos años, el Rey Juan Carlos I obsequiaba con un concierto del gran violonchelista a su esposa en su cumpleaños.

La reina Sofía asistió en numerosas ocasiones a sus actuaciones en España y en Rusia. En 1990, en Moscú y San Petersburgo, realizó una visita a conciertos dedicados al regreso del músico a su tierra natal después de un exilio de 17 años. En noviembre de 1995, se desplazó al estreno de *Khovanshchina* en el Teatro Bolshoi. En 2005, la reina se convirtió en una invitada de honor en la celebración de la “boda de oro” de Mstislav Rostropóvich y su esposa, la cantante Galina Vishnévskaya.

El arte del músico ruso era muy apreciada en España. En 1992, presidió el Congreso Internacional de Violonchelistas Pau Casals. En mayo de 1992, recibió el IV Premio Internacional Cataluña. El 23 de mayo de 1997, junto con el violinista Yehudi Menuhin, fue galardonado con el Premio Príncipe de Asturias de la Concordia porque “con la universalidad de su música ha contribuido además a la armonía y la concordia de los pueblos”. En uno de sus la concesión de uno premios, Rostropóvich, emocionado, diría en español “Os quiero”.

El arte español en Rusia: exposiciones de pintura

En la década de 1990, por primera vez, se organizaron junto con las exposiciones de la pintura clásica, las exposiciones de obras de maestros españoles del modernismo y de la vanguardia. En 1994, en Moscú se celebró la exposición de las obras de Salvador Dalí, y en 1997, la de *Los maestros españoles del siglo XX: P. Picasso. J. Miró. S. Dalí. J. González*. Desde entonces los museos españoles empezaron a exponer de forma regular sus colecciones de arte contemporáneo en Rusia. En 2003, en el Museo Estatal de historia contemporánea de Rusia en Moscú se inauguró la exposición de la obra gráfica de Salvador Dalí. En 2004, el Museo Ruso ofreció el panorama de la obra de Joan Miró, y entre los años 2016 y 2017, el Ermitage organizó la exposición *El surrealismo en Cataluña. Los pintores del Ampurdán y Salvador Dalí*.

Se mantenía también el interés por el arte clásico. En 2008 vinieron del Museo del Prado al Ermitage los cuadros *Menipo* y *Esopo* de Velázquez. En 2011, en el marco del Año Dual se organizó la exposición *El Prado en el Ermitage* que, según el nivel de las obras expuestas, no tuvo parangón. A la sazón el Ermitage presentó los lienzos del siglo XVII, completamente desconocidos para el público ruso y provenientes de los museos de Sevilla, Granada, Córdoba y Cádiz, en la exposición *Los diálogos. La pintura barroca*. En 2017, el Museo Estatal de Artes Plásticas Pushkin de Moscú inauguró una exposición realmente grande, la de los grabados *Los Caprichos*, por Goya y Dalí.

Además, los museos de Rusia empezaron activamente organizar las exposiciones del arte español procedentes de sus propios fondos. El Ermitage y el Museo Ruso recurrieron a la práctica de exposiciones itinerantes y al establecimiento de sus filiales extranjeras. Entre 2010 y 2013, el público de Sarátov, Kazán y Vyborg visitó la exposición *El arte español en la colección del Ermitage*. En 2015, el centro de exposiciones *El Ermitage-Amberes* presentó una colección que incluía 225 obras del siglo XVI a principios del siglo XX: pinturas, grabados, armas, artesanía y joyería. En marzo de 2015, se abrió en Málaga la primera filial permanente europea del Museo Ruso de San Petersburgo. Y en diciembre de 2015 el embajador de Rusia inauguró en Barcelona la exposición *Imágenes de las palabras. Texto y fuentes en el arte de la vanguardia rusa*.

En la programación de los teatros rusos y españoles se incluyeron obras de ambos países. Por ejemplo, piezas rusas del Festival Teatral Internacional A. Chéjov (representadas por el Teatro E. Vajtánov y el Teatro de Drama Maly), del *Taller de Piotr Fomenko* y del *Koliadá-Teatro* fueron representadas en España. A su vez, el Teatro *Lliure* y el Teatro de *La Abadía*, sumamente conocidos en España, pero prácticamente desconocidos por el espectador ruso, presentaron sus obras en Rusia. En Segovia, se presentó con gran éxito el Festival de Arte de Danza Infantil.

Las giras de los teatros musicales más importantes, como el Bolshoi, el Mariinski, el Teatro de la Ópera, el Ballet de Novosibirsk, el ballet de San Petersburgo (dirigido por Boris Eifman) y el Ballet Nacional de Rusia programaron

actuaciones en España y despertaron un gran interés en el público. Asimismo, se acogió con gran éxito la presentación de la Orquesta Filarmónica Nacional de Rusia bajo la dirección de Vladímir Spivakov y del conjunto *Solistas de Moscú* de Yuri Bashmet. El 20 de julio, el tenor Plácido Domingo, que había llegado a Rusia para recibir la Orden de la Amistad que se le había concedido, disfrutó de la acústica del Teatro Bolshoi.

Por otra parte, el actor español Javier Bardem, presentaría en Moscú obras del estudio teatral de Juan Carlos Corazza. Asimismo, diseñadores rusos mostraron sus obras en la Semana de la Moda de Madrid. En España, se premió a traductores españoles de literatura rusa y se recibió los ganadores del premio literario *Debut*. Hubo también exposiciones de pintura rusa de iconos, así como una presentación de arte infantil y juvenil.

Los organizadores consiguieron, además, que algunas de esas iniciativas tuvieran repercusión más allá de la capital rusa y, así, los trabajos de Salvador Dalí fueron mostrados en Perm y Ekaterinburgo; las obras de Chema Madoz, fotógrafo surrealista, fueron enviadas a Kazán, etc. En las diferentes ciudades geográficas fueron celebrados un total de más de 350 eventos. En pocas palabras, la envergadura del programa cultural del Año Dual resultó considerable⁷⁰.

En junio de 2011, le fue concedido, en virtud de un decreto del presidente ruso, el Premio Estatal de Rusia al Rey de España “por los destacados logros en el ámbito de la acción humanitaria”. En respuesta, Juan Carlos subrayó que se trataba de un “galardón con el que siento se ensalzan los históricos y amistosos lazos que unen a nuestros pueblos”⁷¹.

Tras tan exitosa experiencia, la parte española propuso celebrar en 2015–2016 el Año Dual España-Rusia de la Lengua y Literatura. Existían sólidos cimientos que lo justificaban. De los 75 centros existentes en el mundo, el Instituto Cervantes de Moscú era el que poseía un mayor número de estudiantes. A su vez, la Fundación “Alexánder Pushkin” de Madrid es el centro principal de difusión de la lengua rusa y de propaganda de la cultura rusa. En el marco de ese Año empezó a funcionar el Centro Ruso en Granada, con el apoyo de la Universidad de Granada, donde desde hace medio siglo se estudia el idioma ruso⁷². La Universidad de Granada sería también la anfitriona del Congreso de la Asociación Internacional de Profesores de la Lengua y Literatura Rusas, en cuyas ponencias se discutió la eficacia de las metodologías de enseñanza de la lengua rusa y la difusión de la cultura y literatura de Rusia en el extranjero. Todos estos esfuerzos contribuyen a la popularización de la lengua y literatura rusas en España, y están creando la base necesaria para lograr introducir clases rusas en escuelas y universidades españolas.

⁷⁰ *Ibíd.*

⁷¹ Vladímir Putin vruchil Gosudarstvennyu premiyu Rossii Korolyu Ispanii Khuanu Karlosu I. Moskva, Kreml’ (Vladímir Putin hizo entrega del Premio Estatal de Rusia al Rey de España Juan Carlos I. Moscú, Kremlin), 19.07.2012. — <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16016> (fecha de consulta 20.03.2017).

⁷² Véase el capítulo “La diplomacia científica en el diálogo hispano-soviético” y “La Fundación *Alexánder Pushkin* en España” en este libro.

Los genios de la cultura: Plácido Domingo y José Carreras en Rusia

En julio de 1992, diez mil espectadores se reunieron en el corazón de Rusia, en la Plaza Roja, para disfrutar no de un desfile militar, sino de la hermosa voz de uno de los tenores españoles más famosos: José Carreras. El cantante se mostró complacido con la cálida recepción de la audiencia, y señaló que era un gran honor para él abrir un festival dedicado a la transición de Rusia a la democracia. Allí, en la Plaza Roja, en julio de 2001, sonaría la voz de otro famoso tenor español, Plácido Domingo. En las proximidades del Kremlin, en un concierto benéfico en favor de huérfanos y niños con problemas de salud, se escucharon arias de las óperas de Bizet, Puccini, Verdi, así como la ópera de Tchaikovsky *Eugene Onegin* en ruso, que conquistó especialmente los corazones de los espectadores rusos. Por primera vez, Plácido Domingo actuó ante los “hospitalarios y generosos” espectadores de Moscú, en 1974. Y desde entonces ha sido invitado a dar conciertos repetidos en la principal plaza de Rusia.

Esos dos genios de la ópera mundial, Plácido Domingo y José Carreras, han conquistado más de una vez los corazones de los espectadores rusos. Carreras admitió que le gustaba actuar en Rusia. Se sentía atraído por la espiritualidad, la actitud emocional hacia el arte, la música y unas tradiciones inusuales. Carreras decía que en Rusia y España, la gente era muy similar, porque los rusos también eran muy temperamentales, no ocultaban sus emociones, lloraban y reían sinceramente. Cada vez que llegaba a Moscú de gira, el tenor tenía una sensación de alegría: “Aquí hay muchas personas que entienden y aman la música”. Plácido Domingo, en sus muchas visitas, también admitió que amaba Rusia. “Se puede decir que San Petersburgo es una de las ciudades más bellas de todo el planeta, ¡pero también me gusta mucho Moscú!”. En diciembre de 2012, esos dos grandes españoles dieron una clase magistral para niños rusos —miembros de coros parroquiales— se reunieron con el presidente ruso y cantaron en un concierto benéfico en la Catedral de Cristo Salvador. Ambos cantantes dieron conciertos para celebrar sus cumpleaños en Rusia. En enero de 2016, Plácido Domingo, en vísperas de su 75 cumpleaños, fue homenajeado con una estrella personal en el *Paseo de la Fama* de Moscú. El 13 de junio de 2018, la audiencia volvió a escuchar la voz de Plácido Domingo en la Plaza Roja. Participó en un concierto de gala de

Según el embajador ruso en España, Yuri Korchagin, el Año Dual de Turismo, que se celebró los años 2016 y 2017, fue un proyecto provechoso para ambas partes, cuyo objetivo, en el caso ruso, era “atraer a los turistas españoles, mostrar el encanto turístico de Rusia. [...] Es tan grande el riquísimo patrimonio cultural, las oportunidades de turismo ecológico, gastronómico, educacional, médico, deportivo, y muchos otros...”⁷³.

⁷³ Interv'yu Posla Rossii v Ispanii Yu. Korchagina RIA (Entrevista del Embajador de Rusia en España Y. Korchaguin para la agencia RIA). 30.09.2016. — http://www.mid.ru/publikacii/-/asset_publisher/nTzOQTrrCFd0/content/id/2480745 (fecha de consulta 03.02.2017).

Plácido Domingo en el concierto en Moscú. 2018.

estrellas de la ópera para la Copa del Mundo de fútbol. La elección del cantante no fue casual, porque es conocido “no solo por su voz y su talento artísticos”, sino también por su relación con el deporte. Desde niño, soñó con convertirse en jugador de fútbol profesional y, posteriormente, participó más de una vez en las ceremonias de los más destacados eventos deportivos. Fue él quien cantó el himno de la Copa del Mundo de fútbol en 1982 en España. La participación en el concierto de gala de estrellas de la ópera con Anna Netrebko, Ildar Abdrazákov, Aida Garifúllina, Juan Diego Flores, etc., y el acompañamiento de la Orquesta Sinfónica del Teatro Mariinsky bajo la batuta de Valery Gergiev fue una inolvidable manifestación de la unidad de las culturas.

871

El 19 de enero de 2017, se celebró en Madrid el Foro Hispano-Ruso de Turismo organizado por la Secretaría de Estado de Turismo de España y el Ministerio de Cultura de Rusia. En el marco del mismo, tuvo lugar una presentación del sector turístico de diferentes regiones rusas: Lípetsk, Jakasia, Tula, Vólogda, Nóvgorod, Súzdal, así como una presentación de Rusia como país anfitrión de la Copa Mundial de Fútbol 2018⁷⁴.

⁷⁴ RIA Novosti. — <https://ria.ru/tourism/20170112/1485598071.html>; V Madride otkryli natsional'nyy ofis Rossii (En Madrid han abierto una oficina nacional de Rusia). — <https://www.kp.ru/daily/26634/3652609/> (fecha de consulta 23.05.2017).

La diplomacia científica: los encuentros académicos

Con el inicio del siglo XXI intensificaría de la diplomacia científica, especialmente en el marco de los Años Duales, que ampliaron las posibilidades de cooperación académica. El Programa gubernamental del Año Dual de la Lengua y la Literatura Rusa en España y de la Lengua Española y la Literatura Española en Rusia (entre abril de 2015 y abril de 2016) incluyó el Congreso Internacional *Rusia y España: política, economía, cultura*, que se celebró en la Universidad Nacional de Investigación “Escuela Superior de Economía” entre el 27 y el 29 de abril de 2016.

El Congreso se organizó para celebrar un evento importantísimo para ambos países: el 350 aniversario de la primera Embajada rusa en España. El congreso presentó los resultados y las perspectivas de la cooperación hispano-rusa tanto diplomática, como científica. Según la profesora Olga Volosyuk, jefa del Comité organizador, “Rusia nunca ha tenido un congreso tan integrador con

Serguéi Karagánov y José Ignacio Carbajal Gárate. Moscú, 2016.

Un día después se celebró en la Embajada rusa la ceremonia solemne de apertura de la campaña turística rusa *Visit Russia*, en la que tomaron parte la viceministra de Cultura de Rusia, Ala Manílova, el embajador en España, Yuri Korchaguin, y el director de la oficina de turismo de España en Moscú, Luis Boves Martín. “La oficina de *Visit Russia* — dijo A. Manílova, — no es simplemente una oficina

El congreso científico “Rusia-España: política, economía y cultura” en la Universidad Nacional de Investigación “Escuela Superior de Economía”. Moscú, 2016.

hispanistas de tantas especialidades —historiadores, politólogos, economistas, etnólogos, diplomáticos, críticos literarios, historiadores del arte y lingüistas—. Más de 100 investigadores, representando a 30 universidades, centros científicos y culturales de Rusia y España participaron en tres secciones temáticas: *Historia y diplomacia*, *Economía y política*, *Cultura y arte*. La afinidad de intereses profesionales mostró que los estudiosos rusos y españoles trabajan con el mismo tipo de fuentes, que estudian cuestiones semejantes y que utilizan los mismos métodos de análisis en sus investigaciones. Los participantes en el congreso enfatizaron que la comunicación directa entre los especialistas rusos y españoles estimulaba la investigación científica, abría nuevas oportunidades para proyectos académicos conjuntos y, por lo tanto, fortalecía no solo los vínculos científicos, sino también las relaciones entre ambos Estados.

de funcionarios que vienen aquí a trabajar. Es un área donde se encontrará la gente, donde nacerán ideas, donde han de implementarse nuevos mecanismos de nuestra acción recíproca”. Será una “plataforma de comunicación bilateral”, en primer lugar para los representantes del mundo del turismo, para “generar nuevos impulsos de interacción”, para que “Rusia y España se conviertan en verdaderos socios”. Esta

“Tres siglos de diálogo”: investigaciones académicas

La historia de la trayectoria de las relaciones hispano-rusas tendría que esperar hasta el último cuarto del siglo XX para, fruto del trabajo de los investigadores rusos y españoles, ver aparecer los primeros estudios de carácter global sobre la cuestión: corpus documentales (*Corpus diplomático hispano-ruso*, Madrid, 1991, 2005), estudios monográficos, artículos científicos, obras de carácter general tales como la *Historia de la política exterior de España* (2014) y la *Historia de España desde los tiempos antiguos hasta el siglo XXI* (2014). Sin embargo, el potencial investigador no está agotado.

En 2016, se publicó la obra colectiva bilingüe *Los diplomáticos rusos en España: 1667–2017*. En la que a través de las biografías de los diplomáticos se presenta la historia de las relaciones entre ambos países desde el siglo XVII hasta el XXI.

El diálogo entre ambos Estados se analiza a través de las relaciones personales. Es una narración sobre aquellas personas que crearon, mantuvieron y desarrollaron la tradición de la escuela diplomática rusa y soviética.

La cooperación entre investigadores en el congreso internacional *Rusia y España: política, economía, cultura* culminó en la publicación de la obra académica *España-Rusia: los destinos históricos y la actualidad* (2017), en la que participaron los hispanistas rusos y españoles. Reúne estudios que analizan los procesos históricos, políticos, sociales y económicos en España y Rusia desde la Edad Media hasta los inicios del siglo XXI.

Los especialistas, que abordaron los mas diversos problemas, dieron una visión panorámica del hispanismo actual y trataron cuestiones de derecho medieval español, de la historia de las relaciones diplomáticas hispano-rusas (especialmente en las épocas moderna y contemporánea), de los cambios en el sistema político español de hoy, de las relaciones económicas, de los temas del imagi-

iniciativa fue apoyada por la secretaria de Estado de Turismo del Ministerio de Energía, Turismo y Agenda Digital de España, Matilde Asian González, que destacó que la campaña de *Visit Russia* favorecería el desarrollo del turismo en Rusia y el afianzamiento de su imagen positiva como ruta turística original y atractiva.

No fue casual la elección de la capital española como lugar para el inauguración oficial de una nueva oficina rusa de *Visit Russia*. Hasta ese momento, funcionaban once oficinas de *Visit Russia* en todo el mundo, pero es precisamente en Madrid donde se encuentra la Organización Mundial del Turismo de la ONU y, tradicionalmente, en enero se celebra una de las mayores ferias de turismo: *Fitur*. En 2016, España acogió a 75,3 millones de turistas extranjeros, de los cuales 962.644 eran de Rusia, lo que supuso un 1,8% más que el año anterior. Y ya en 2017, Rusia ocupó el décimo lugar en la lista de países cuyos ciudadanos visitan España.

El año 2017, que dio término al Año Dual de Turismo estuvo marcado por un acontecimiento particular: en la Galería Estatal Tretyakov tuvo lugar la ceremonia de traspaso de obras de la pintura rusa y soviética de la Fundación Súrikov,

nario y de la identidad nacionales, y también del papel de España en el mundo actual.

Los filólogos, historiadores de la literatura y lingüistas se pronunciaron sobre los inagotables problemas de traducción y de recepción cultural; por su parte, los historiadores del arte comentaron los paralelismos entre el pensamiento artístico ruso y el español.

El libro no es solo el resultado de la cooperación académica hispano-rusa, sino también una visión panorámica de las principales líneas del análisis científico.

El embajador de España en Rusia, Ignacio Ybáñez Rubio, en la presentación del libro "España y Rusia: destinos históricos y actualidad". Instituto Cervantes. Moscú, 2018.

española, a la Fundación de Museos de Rusia. Se trataba, entre otras piezas, de 58 lienzos, de los cuales ocho se quedarían en la Galería Tretiakov, otros ocho serían transferidos a la colección del Museo y Centro de Exposiciones ROSIZO y los demás se incorporarían a las exposiciones de los museos de arte de Nizhny Nóvgorod y de Volgogrado. Entre las obras donadas a Rusia han figuraban trabajos como *Otoño en la villa* de Piotr Andriánov, *Junto a la ventana* de Víctor Ivanov, *Naturaleza muerta con peras* de Vadim Velichko, etc. En la ceremonia intervinieron la directora de la Fundación, coleccionista y mecenas, Dolores Tomás Silvatore, el primer viceministro de Cultura de Rusia, Vladímir Aristárjov, el embajador de España en Rusia, Ignacio Ibáñez Rubio, la directora general de la Galería Tretiakov, Zelfira Tregúlova, el director general del Museo y Centro de Exposiciones ROSIZO, Serguéi Perov. "El evento de hoy tiene un enorme valor para el desarrollo de las relaciones ruso-españolas y, sobre todo, para nuestra cooperación cultural, — señaló V. Aristárjov. — Los mecenas son gente peculiar, no trabajan para sí mismos, trabajan para la gente y para la eternidad, que es donde

permanecen sus hechos. Precisamente así ha sido el paso que ha dado Dª Dolores Tomás Silvatore al haber adoptado la decisión de hacer esta donación”. Dolores Tomás Silvatore dijo en respuesta: “Este acto de donación es, en primer lugar, un acto de amor y reconocimiento a los pintores rusos y soviéticos. A los maestros que conozco personalmente y a los que estimo altamente. El objetivo de la Fundación Súrikov española consiste en hacer que la gente de diferentes países se familiarice con la pintura rusa, con el patrimonio de grandes artistas”⁷⁵.

Ese mismo año, Rusia participó por cuarta vez en la Navideña Feria Internacional de las Culturas que organiza la Alcaldía de Madrid en el centro cultural Matadero. La Feria se celebra anualmente con ayuda de las Embajadas de más de 70 países y diferentes organizaciones internacionales, y en la misma están representados los más diversos modos de celebración de la Navidad en el mundo. El stand ruso suscitó la especial atención de la alcaldesa de Madrid, Manuela Carmena, que comentó que “los festejos del Año Nuevo son un período peculiar de solidaridad y colaboración entre los pueblos en aras de la paz, igualdad y felicidad global”⁷⁶.

A pesar de los problemas políticos y económicos, tanto en España como en Rusia, ambos países siguen manifestando un claro empeño tendente hacia la cooperación bilateral en el campo de la ciencia, la educación y la cultura. Pero esto implica también siempre un intenso trabajo individual de ciertas personas comprometidas con el proyecto. Una de éstas ha sido Tatiana Solovieva, representante oficial de la Unión Internacional de Artistas de Variedades en España. Desde 1990, ha organizado -como jefa de realización y distribuidora-, más de 100 giras de artistas rusos en España y de artistas españoles en Rusia; destacan las giras del Ballet Imperial Ruso, del Teatro Académico de Ópera y Ballet de Perm, del Ballet Clásico de San Petersburgo de Andrei Batálov, del Conjunto Estatal “Cosacos de Rusia”. En abril de 2017, fue creada, gracias a su iniciativa, la Unión de Actores Rusos en España, y tiene la intención de “continuar el trabajo de promoción de la cultura rusa”. A ese respecto, declararía: “el arte ruso debe estar representado en España con sus mejores manifestaciones”⁷⁷.

876 Los tres Años Duales pasados demostraron que, al descubrir el uno al otro de una manera nueva, mostrando un vivo interés por la historia, la cultura, la lengua y las costumbres de ambos países, Rusia y España tienen grandes perspectivas en el futuro. El año 2019, Año Dual de la Ciencia y la Educación, será un brillante testimonio de ello.

⁷⁵ Ispanskiy Fond Surikova peredal v dar Rossiyskoy Federatsii 58 kartin (La Fundación Súrikov española ha entregado a la Federación de Rusia una donación de 58 cuadros). –

⁷⁶ Rozhdestvenskaya “Yarmarka kul’tur” v Madride (La Navideña Feria de las Culturas en Madrid). — https://spain.mid.ru/web/spain_ru/230/-/asset_publisher/O1SnUm78trqV/content/rossia-na-rozdestvenskoj-armarke-kul-tur-v-madri (fecha de consulta 05.03.2018).

⁷⁷ Soyuz russkikh artistov sozdan v Ispanii (En España ha sido creada la Unión de Actores Rusos). 7.4.2017. — <http://vkrs.com/news/soyuz-russkikh-artistov-sozdan-v-ispanii/> (fecha de consulta 13.02.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAFÍA SELECTA

Документы / Documentos

1. **Боткин В.П.** Письма об Испании. Л.: Наука, 1976.
2. Визит М.С. Горбачева в Испанию, 26–28 октября 1990 года: документы и материалы. М.: Политиздат, 1990.
3. Внешняя политика России XIX и начала XX века: документы Российского министерства иностранных дел / ред. А.А. Нарочницкий и др. Сер. I (1801–1815). Т. 1–8. М.: Госполитиздат, 1960–1972; Сер. II (1815–1830). Т. 9–16. М.: Госполитиздат: Наука: МО, 1974–1994.
4. **Воронцов А.Р.** Записка об Испании // Россия и Запад: горизонты взаимопознания. Литературные источники XVIII века (1726–1762). М.: ИМЛИ РАН, 2003. Вып. 2. С. 448–463.
5. **Герцог Лирийский.** Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского // Россия XVIII века глазами иностранцев / сост. Ю.А. Лимонов. Л.: Лениздат, 1989. С. 189–260.
6. **Дубинин Ю.В.** Амбахадор! Амбахадор! Записки посла в Испании. М.: РОССПЭН, 1999.
7. **Кольцов М.Е.** Испания в огне. Т. 1–2. Испанский дневник. Корреспонденции. Репортажи. Очерки / сост. Е.М. Тепер. М.: Политиздат, 1987.
8. Коминтерн и Гражданская война в Испании: документы / сост. С.П. Пожарская, А.И. Саплин. М.: Наука, 2001.
9. Конвенция, заключенная между Его Величеством Императором Всероссийским и державным орденом Мальтийским и Его Преимуществом Грос-Мейстером. СПб.: Императорская типография, 1798.
10. Письма А.И. Остермана, графа П.И. Головкина и других лиц в Испанию к князю С.Д. Голицыну // Оснадацатый век: исторический сборник (Изд. П. Бартенев). М.: Тип. Т. Рис., 1869. Кн. 3. С. 133–149.
11. Письма о России в царствование Петра II в Испанию Дука де Лириа, бывшего первым Испанским посланником при нашем дворе / перевод с исп. священника К.А. Кустодиева // Оснадацатый век: исторический сборник (Изд. П. Бартенев). М.: Тип. Т. Рис., 1869. Кн. 2. С. 1–214. Кн. 3. С. 27–132.
12. Россия и Испания: документы и материалы. 1667–1917. Т. 1. 1667–1799. М.: МО, 1991.
13. Россия и Испания: документы и материалы. 1667–1917. Т. 2. 1800–1917. М.: Памятники исторической мысли, 1997.
14. **Соловьев Ю.Я.** Воспоминания дипломата. 1893–1922. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.
15. СССР и Гражданская война в Испании: 1936–1939 [документы] // Вестник Архива Президента Российской Федерации. М.: Архив Президента Российской Федерации, 2013.
16. Статейный список Посольства стольника и наместника Боровского Петра Ивановича Потемкина в Испанию в 1715 (1667) году // Древняя российская вивлиофика. Ч. IV. М.: Типографическая Компания, 1788. С. 360–456.
17. Тайный наказ, данный при царе Алексее Михайловиче первому русскому посольству в Испанию, и записки русских посланников, веденные ими в 1667 и 1668 годах в Испании и во Франции // Сын Отечества. 1850. Кн. 5. Отд. I. С. 1–18; Кн. 6. С. 1–16; Кн. 9. С. 1–24; Кн. 11. С. 1–28; Кн. 12. С. 1–32; 1851, Кн. 7. С. 1–16.
18. **Эренбург И.Г.** Испанские репортажи, 1931–1939. М.: АПН, 1986.
19. **Almodóvar, marqués de.** Correspondencia diplomática del marqués de Almodóvar, ministro plenipotenciario cerca de la corte de Rusia, 1761–1763. Madrid: Academia Real de la Historia, 1893. Vol. 108.
20. **Botkin V.P.** Cartas sobre España / ed., trad. del ruso, prólogo y notas de Á.L. Encinas Moral. Madrid: Miraguano, 2012.
21. Corpus diplomático Hispano-Ruso (1667–1799) / ed. de Manuel Espadas Burgos. Vol. I. Madrid: MAE, 1991.

22. Corpus diplomático Hispano-Ruso (1800–1903) / ed. de José Ramón de Urquijo y Goitia. Vol. II. Madrid: MAEC — AECI, 2005.
23. *Koltsov M.* La primavera española / ed., trad., prólogo y notas de Á.L. Encinas Moral. Madrid: Miraguano, 2007.
24. Las causas de la derrota de la República Española. Informe elaborado por Stoyán Mínev, Alias Stepánov y Moreno, delegado en España de la Komintern durante los años 1937–1939, para el Comité Ejecutivo de la Internacional Comunista. Moscú, [abril] de 1939 / ed., trad., prólogo y notas de Á.L. Encinas Moral. Madrid: Miraguano, 2003.
25. *Liria y Jérica, duque de.* Diario del viaje a Moscovia del Duque de Liria y Jérica / ed. de Á.L. Encinas Moral, I. Arranz del Riego y M. Rodríguez Polo. Madrid: Miraguano, 2008.
26. Memorias de soldados españoles durante la Guerra de la Independencia (1806–1815): Dinamarca, Rusia, España / ed. y notas J.M. Guerrero Acosta. Madrid: Instituto de Historia y Cultura militar, 2009.
27. *Pardo Bazán E.* La Revolución y la novela en Rusia. Madrid: R. Velasco Imp., 1907.
28. *Prokófjev G.* El cielo español en llamas // Bajo la Bandera de la España republicana. 1936–1939: recuerdan los voluntarios soviéticos participantes en la guerra nacional-revolucionaria en España. Moscú: Progreso, s.f. P. 365–401.
29. Tratado de comercio y navegación celebrado entre España y Rusia, firmado en San Petersburgo el día 23 (11) de febrero de 1876. Madrid: n.p., 1877.
30. *Valera J.* Cartas desde Rusia / ed. de Á.L. Encinas Moral; prólogo de C. Calvo. Madrid: Miraguano, 2005.

ИССЛЕДОВАНИЯ / ESTUDIOS

1. *Абросов С.* В небе Испании. 1936–1939 годы. О советских летчиках-истребителях, воевавших в Испании. М.: Б.и., 2003.
2. *Алексеев М.П.* Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964.
3. *Алексеев М.П.* Испанистика в свете истории испано-русских культурных связей // Вопросы испанской филологии. Л.: Издательство ЛГУ, 1974. С. 10–25.
4. *Алексеев М.П.* Московский подъячий Я. Полушкин и итало-испанский гуманист Педро Мартир // Сравнительное литературоведение. М., Наука: 1983. С. 49–57.
5. *Алексеев М.П.* Русская культура и романский мир. Л.: Наука, 1985.
6. *Альперович М.С.* Нутка-Зундский кризис и Россия // Американский ежегодник. 1993. М., 1994. С. 179–196.
7. *Альперович М.С.* Россия и Новый Свет (последняя треть XVIII века). М.: Наука, 1993.
8. *Альперович М.С.* Кульминация российско-испанского соперничества в Америке (80-е годы XVIII в.) // Новая и новейшая история. 1999. № 5. С. 215–221.
9. *Аникеева Н.Е.* Испания в современном мире: 1976–2004 гг. М.: Национальное обозрение, 2007.
10. *Аникеева Н.Е., Дубинин Ю.В.* Россия–Испания: 35 лет восстановлению дипломатических отношений // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2(23). С. 11–12.
11. *Аникеева Н.Е., Ведюшкин В.А., Волосюк О.В., Медников И.Ю., Пожарская С.П.* История внешней политики Испании. М.: МО, 2013.
12. *Астахов М.А.* Русские пленники и рабы в Арагонской Короне XIV–XV вв. // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 39–46.
13. *Багно В.Е.* Эмилия Пардо Басан и русская литература в Испании. Л.: Наука, 1982.
14. *Багно В.Е.* Дорогами «Дон Кихота». М.: Книга, 1988.
15. *Багно В.Е.* Россия и русские глазами испанцев // Русская литература. 1997. № 2. С. 3–13.
16. *Багно В.Е.* Русское люллианство как феномен культуры // Льюль Р. Книга о любящем и возлюбленном. СПб.: Наука, 1997. С. 250–265.
17. *Багно В.Е.* Испанский дипломат, ставший писателем в России // Дипломаты — писатели, писатели — дипломаты: сб. статей. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2001. С. 188–205.
18. *Багно В.Е.* Языки пограничных культур (Испания и Россия) // Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания. СПб., ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2001. С. 5–45.
19. *Багно В.Е.* Русские маршруты в Испании. Париж, серия «Библиограф», 2004.
20. *Багно В.Е.* Россия и Испания: общая граница. СПб.: Наука, 2006.
21. *Багно В.Е.* Дон Кихот в России и русское донкихотство. Л.: Наука, 2009.
22. *Багно В.Е.* Сервантесовский код Средиземноморья. Донкихотский код России // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 355–360.
23. *Байтыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 1

- (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М.: Моск. Глав. Архив Министерства иностранных дел, 1894.
24. **Боголюбов А.Н., Павлов В.Е., Филатов М.Ф.** Августин Бетанкур. Ученый, инженер, архитектор, градостроитель. Нижний Новгород: ННГУ, 2002.
  27. **Борзова А.Ю.** Игорь Сергеевич Иванов (1991–1994) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 251–260.
  28. **Борзова А.Ю.** Сергей Александрович Богомолов (1977–1978) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 225–232.
  29. **Борзова А.Ю.** Сергей Калистратович Романовский (1986–1991) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 243–250.
  30. **Борзова А.Ю.** Юрий Владимирович Дубинин (1978–1986) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 233–242.
  31. **Борзова А.Ю.** Юрий Петрович Корчагин (с 2012 г.) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 295–304.
  32. **Бун В.З.** Испанский придворный портрет и иностранные посольства. К вопросу о пребывании П.И. Потемкина в Испании // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 569–572.
  33. **Бухармедова А.М.** Россия и Испания в годы правления Альфонса XII (по материалам АВГП) // Россия и Европа. Дипломатия и культура: сб. статей. М.: Наука, 1995. С. 128–141.
  34. **Бухармедова А.М.** Русско-испанские отношения во времена российского посланника в Испании Михаила Горчакова // Россия — Испания — Иberoамерика. Перекрестный год сотрудничества. М.: МГИМО, 2011. С. 50–55.
  35. **Бухармедова А.М.** Виктор Георгиевич Комплектов (1994–1999) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 261–270.
  36. **Бухармедова А.М.** Михаил Александрович Горчаков (1879–1896) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 163–172.
  37. **Бухармедова А.М.** Христиан Емельянович Кудрявский (1871–1878) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 155–162.
  38. **Бухармедова А.М.** Российско-испанские отношения во второй половине 90-х гг. XX в. // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 189–198.
  39. **Ведюшкин В.А.** Когда в России узнали о смерти короля Испании Филиппа IV? Об одном казусе из истории русско-испанских отношений // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Выпуск 8 (52).
  40. **Ведюшкин В.А.** Петр Иванович Потемкин (1667–1668, 1681) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 13–22.
  41. **Ведюшкин В.А.** Испания в статейном списке посольства 1667–1668 годов // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 101–106.
  42. **Володина Т.В.** Русский человек в Западной Европе (по материалам «Статейного списка П.И. Потемкина» и «Журнала» Като) // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 24. С. 75–81.
  43. **Волосюк О.В.** Испания и российская дипломатия в XVIII в. М.: РУДН, 1997.
  44. **Волосюк О.В.** Внешняя политика Испании в XVIII веке: Становление испано-русских отношений. М.: РУДН, 2011.
  45. **Волосюк О.В.** Испанский просветитель XVIII века Г.М. де Ховельянос и Россия: из истории дипломатических отношений двух стран // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 92–102.
  46. **Волосюк О.В.** Испанцы и русские на Тихом океане // Вестник РУДН. Сер. История России. 2011. № 1. С. 134–148.
  47. **Волосюк О.В.** Отто-Магнус Штакельберг — дипломат екатерининской эпохи // Новая и новейшая история. 2013. № 2. С. 156–176.
  48. **Волосюк О.В.** Испания и Россия во второй половине XIX века: конфронтация, диалог или альянс? // Новая и новейшая история. 2015. № 2. С. 143–153.
  49. **Волосюк О.В.** Иван Андреевич Щербатов (1726–1730) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 41–48.
  50. **Волосюк О.В.** Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1802–1804) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 89–98.

51. **Волосюк О.В.** Михаил Александрович Голицын (1856–1860) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 127–136.
52. **Волосюк О.В.** Отто Магнус Штакельберг (1766–1771) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 67–76.
53. **Волосюк О.В.** Петр Александрович Бутурлин (1762–1766) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 57–66.
54. **Волосюк О.В.** Петр Иванович Репнин (1760–1762) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 49–56.
55. **Волосюк О.В.** Сергей Дмитриевич Голицын (1722–1726) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 31–40.
56. **Волосюк О.В.** Степан Степанович Зиновьев (1772–1794) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 77–88.
57. **Волосюк О.В.** Эрнест Густавович Штакельберг (1861–1862) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 137–146.
58. **Волосюк О.В.** Зарождение черноморской торговли Испании и России (1801–1806) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Вып. 8. № 10 (64).
59. **Волосюк О.В.** Торговые отношения между Россией и Испанией в начале XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 445–461.
60. **Волосюк О.В.** Образы и мифы в русско-испанских дипломатических отношениях конца XVII — первой четверти XIX века // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 121–122.
61. **Головачев А.** Значение испанских архивов для русской истории // Русская мысль. 1907. № 7. С. 49–51.
62. **Горфункель А.Х.** «Великая наука Раймунда Людия» и ее читатели // XVIII век. Сборник 5. Л.: Наука, 1962. С. 337–348.
63. **Гранцева Е.О.** Кинематограф и Гражданская война в Испании // Испанский альманах. Власть, общество и личность в истории. Выпуск 1. М.: Наука, 2008. С.64–80.
64. **Грозная Е.А.** Политика Советского союза в отношении Испании в 1963–1991 гг: Дис. Екатеринбург, 2004.
65. **Додолев М.А.** Россия и война испанского народа за независимость (1808–1814 гг.) // Вопросы истории. 1972. № 11. С. 33–44.
66. **Додолев М.А.** Россия и Испания 1808–1823. Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М.: Наука, 1984.
67. **Додолев М.А.** Записка графа Аранды (1783) // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 241–244.
68. **Дубинин Ю.В.** К истории установления дипломатических отношений между СССР и Испанией в 1977 г. // Новая и новейшая история. 1998. № 2. С. 89–101.
69. **Дубинин Ю.В.** Мастерство переговоров. М.: МО, 2009.
70. **Дубинин Ю.В.** Становление современных российско-испанских отношений // Международная жизнь. 2011, № 1.
71. **Егорова О.В.** Августин де Бетанкур в Москве // Испанский альманах. Вып. 2. История и современность. М., 2010. С. 290–300.
72. **Ермольева Э.Г.** Россия в испанских СМИ // Имидж России в иберийских странах. М.: ИЛА РАН, 2008.
73. **Звигильский А.** Творческая история «Писем об Испании» и отзывы о них современников // **Боткин В.П.** Письма об Испании. Л.: Наука, 1976. С. 287–301.
74. **Земская Н.Е.** СССР — Испания: новое в формах сотрудничества как фактор развития торгово-экономических связей // Новые явления и тенденции в развитии мировой политики и международных экономических отношений. М.: МО, 1984. С. 68–78.
75. Имидж России в иберийских странах / отв. ред. П.П. Яковлев. М.: ИЛА РАН, 2008.
76. **Индутная Н.Е.** Об участии обществ дружбы в развитии советско-испанских отношений (1977–1984 гг.) // Вопросы новой и новейшей истории. Вып. 32. Киев, 1986, С. 39–47.
77. **Индутная Н.Е.** СССР — Испания: Культурный обмен (70–80-е годы) // Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1990. Вып. 36. С. 19–25.
78. Испания в начале XXI века / отв. ред. С.М. Хенкин. М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2006.
79. Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций / отв. ред. Н.М. Яковлева. М.: ИЛА РАН, 2017.
80. Испания на выходе из кризиса / отв. ред. П.П. Яковлев, Э.Г. Ермольева. М.: ИЛА РАН, 2015.
81. Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века / отв. ред. В.М. Давыдов. М.: ИЛА РАН, 2006.

82. История Испании. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века / отв. ред. В. А. Ведюшкин, Г. А. Попова. М.: Индрик, 2012.
83. История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / отв. ред. О. В. Волосюк, М. А. Липкин, Е. Э. Юрчик. М.: Индрик, 2014.
84. **Каганэ А. Л.** Картины, приобретенные в 1831 году для Эрмитажа у Мануэля Годоя, князя Мира // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXIX. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 206–239, 242.
85. **Каганэ А. Л.** Кабинет картин Хуана Мигеля Паэса де ла Кадены, испанского посланника в Санкт-Петербурге // Из истории мирового искусства и культуры. СПб.: Сад искусств, 2003. С. 503–561.
86. **Каганэ А. Л.** Испанская живопись в Эрмитаже. XV — начало XIX века. История собрания. Севилья: Государственный Эрмитаж — Fundación El Monte, 2005.
87. **Каганэ А. Л.** Портреты Карлоса III и принцев Астурийских кисти Мариано Сальвадора Маэлы из Чесменского дворца // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LXVII, 2009. С. 128–136.
88. **Каганэ А. Л.** Картины старых испанских мастеров в частных собраниях Санкт-Петербурга. Конец XVIII — начало XX века. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2014.
89. **Каганэ А. Л.** Эрнест Карлович Липгарт об Испании и испанской живописи. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2017.
90. **Казакова Н. А.** Статейные списки русских послов в Испанию XVII в. // Археографический ежегодник за 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 140–157.
91. **Казакова Н. А., Катушкина А. Г.** Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана (перевод письма Максимилиана Трансильвана) // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. Т. XXIII: Литературные связи древних славян. С. 227–252.
92. **Калугина Е. О.** «Черная легенда» о Филиппе II в русской литературе // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 393–400.
93. **Камареро Буйон К.** Кадастры, налоговая справедливость и изучение территорий в новое время: Испания и Россия // Вестник Московского лингвистического университета. 2014. № 24(710). С. 541–556.
94. **Камареро Буйон К.** Административная и хозяйственная реформа королевских резиденций: план Энсенеды для Сото де Рома (Гранада, Испания, 1749 г.) // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 47–54.
95. **Каттерева Т. П.** Первое русское посольство в Испании // Художник. 2007. № 1. С. 58–67.
96. **Караулова М. К.** Яков Федорович Долгоруков (1687–1688) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 23–30.
97. **Катаева-Мякинен Е. В.** Образ Испании в записках русских путешественников XIX века: Дисс. Москва, 1999.
98. **Клибанов А. И.** У истоков русско-испанских взаимосвязей (80-е гг. XV–XVI вв.) // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 45–59.
99. **Ковалев Б. Н.** Добровольцы на чужой войне. Очерки истории Голубой дивизии. Великий Новгород: НовГУ, 2014.
100. **Коваль Т. Б.** Дмитрий Егорович Шевич (1896–1905) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 173–180.
101. **Козловская В. И.** Общественная жизнь постнаполеоновской Испании в русской либеральной мысли середины XIX в.: В. П. Боткин «Письма об Испании» // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 441–448.
102. **Колесникова Н.** Потомки отдадут мне справедливость (И. М. Муравьев-Апостол и его «Путешествие в Тавриду») // Таврика: сб. Симферополь: КАГН, 1998. С. 76–82.
103. **Комплектов В. Г.** Взаимодействие географических полюсов Европы [Из истории дипломатических отношений СССР и Испании] // Международная жизнь. 1997. № 2. С. 10–19.
104. **Корконосенко К. С.** Полифонический роман Достоевского и агонический «руман» Унамуно // Русская литература. 1999. № 4. С. 114–123.
105. **Корконосенко К. С.** Анхель Ганивет, «посланник испанской культуры» // Дипломаты-писатели, писатели-дипломаты. СПб.: Ин-т русской литературы (Пушкинский дом) РАН, 2001. С. 206–223.
106. **Красиков А. А.** Испания и мировая политика. Поэвка дипломатической истории. М.: МО, 1989.
107. **Крылова Т. К.** Отношения России и Испании в первой четверти XVIII века // Культура Испании: сб. статей. М.: АН СССР, 1940. С. 327–352.
108. **Кудрявцева Е. П.** Российский дипломат Г. А. Строганов (1770–1857) // Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 153–165.

109. *Кулешова В.В.* Испания и СССР: Культурные связи 1917–1939. М.: Наука, 1975.
110. *Кулешова В.В.* Испания глазами русских путешественников второй половины XIX — начала XX в. // Проблемы испанской истории. М.: Наука, 1984. С. 34–46.
111. *Куракина А.* Образ России сквозь призму оценок в СМИ Испании // Имидж России в иберийских странах. М.: ИЛА РАН, 2008. С. 71–84.
112. *Лауров А.С.* Россия при Анне Иоанновне глазами испанского дипломата // Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, 2001. С. 428–446.
113. *Литаврину М.Г.* “Rusofilia y ruseofobia”. Дискуссии о гастролях зарубежной ветви МХТ в испанской печати и рефлексия испанского опыта русскими актерами // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 463–472.
114. *Лихачев А.С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. М.; Л.: АН СССР, 1954. С. 319–346.
115. *Лобин А.Н.* Послание государя Василия III Ивановича императору Карлу V от 26 июня 1522 г.: опыт реконструкции текста // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / Петербургские славянские и балканские исследования. 2013. № 1. С. 130–141.
116. *Лопес-Кордон Кортесо М.В.* История России в испанской литературе XVIII в. // Исторические исследования. Электронный журнал исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. № 11 (2018).
117. *Лопес Крус Х.* Мурильо и Веласкес в русской художественной культуре XIX — начала XX веков: Дисс. М., 2001.
118. *Майский И.М.* Испания 1808–1914: исторический очерк. М.: АН СССР, 1957.
119. *Малай В.В.* Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. и Европа: международные аспекты конфликта. М.: Наука, 2011.
120. *Малай В.В.* Марсаль Израилевич Розенберг (1936–1937) // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 215–224.
121. *Малай В.В.* Советская дипломатия в республиканской Испании: В.А. Антонов-Овсенко (1936–1937) // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 147–153.
122. *Малыгина С., Бильбао П., Дуранд С.* От России исторической к России современной: Образ России в испанской прессе. М.: У Никитских ворот, 2009.
123. *Масальский К.* Русское посольство в Испанию и Францию в 1667 и 1668 годах // Библиотека для чтения. Т. 31. Отд. III. 1838.
124. *Матулес А.* Мы нуждаемся в жизненно важном вкладе России в укрепление европейской безопасности // *Международная жизнь*. 1997. № 2. С. 6–9.
125. *Медников И.Ю.* Воспоминания Ю.Я. Соловьева о дипломатической службе в Испании (1912–1918 гг.) // *Источниковедческие исследования*. М.: ГУГН, 2004. Вып. 2. С. 89–116.
126. *Медников И.Ю.* Россия и Испания накануне августа 1914 г. // *Россия и Европа*. Дипломатия и культура. Вып. 4. М.: Наука, 2007. С. 40–66.
127. *Медников И.Ю.* Российско-испанские отношения в годы Первой мировой войны // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2011. Вып. 8. Т. 2.
128. *Медников И.Ю.* Миссия спасения: Альфонс XIII и российская императорская семья // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер. Всеобщая история. 2011. № 1. С. 65–75.
129. *Медников И.Ю.* «Жаркое лето» 1917 г. в Испании (в восприятии российских дипломатов) // *Первая мировая война: историография и уроки истории*. М.: МГИМО(У), 2015. С. 99–109.
130. *Медников И.Ю.* Анатолий Васильевич Некалюдов (1917) // *Российские дипломаты в Испании*. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 207–214.
131. *Медников И.Ю.* Артур Павлович Кассини (1905–1909) // *Российские дипломаты в Испании*. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 181–190.
132. *Медников И.Ю.* Иван Александрович Кудашев (1916–1917) // *Российские дипломаты в Испании*. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 199–206.
133. *Медников И.Ю.* Федор Андреевич Будберг (1909–1916) // *Российские дипломаты в Испании*. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 191–198.
134. *Минаева Н.В.* К вопросу об идейных связях движения декабристов и Испанской революции // *Исторические записки*. Вып. 96. М.: АН СССР, 1975. С. 60–78.
135. *Миролюбова А.Ю.* Московия в имагологии испанского Золотого века // *Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха*. М.: МО, 2017. С. 375–384.

136. *Мироско-Белова Е.* Русские иммигранты в испанских средствах массовой информации: мифы и реальность // Вестник Московского лингвистического университета. 2014. № 24(710). С. 584–593.
137. *Михайлин И.В.* Развитие советско-испанских отношений в 80-е годы // XXVII съезд партии и актуальные проблемы международной деятельности КПСС и советского государства. М.: АОН, 1987. С. 136–144.
138. *Морозова А.В.* Образ Испании в восприятии русских художников рубежа XIX–XX веков // Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания. СПб., ИРАИ (Пушкинский Дом) РАН. 2001. С. 329–353.
139. *Морозова А.В.* Отечественная искусствоведческая испанистика. Становление и развитие. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016.
140. *Морозова А.В.* А.Н. Бенуа как испанист // Культура и искусство. 2017. № 2. С. 88–96.
141. *Мосейкина М.Н.* Проблемы модернизации Испании рубежа XIX–XX веков в оценке русских путешественников // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 449–456.
142. *Нарочницкий А.А.* Испания 1808–1823 годов глазами российских дипломатов // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 41–53.
143. *Новиков М.В.* СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. Ярославль: ЯКПУ, 1995.
144. *Новикова-Пискорская Е.А.* Из истории российско-испанских научных связей // Испанский альманах. Вып. 2. История и современность. М., 2010. С. 307–311.
145. Обзор посольских книг из фондов коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVII в.) / сост. Н.М. Рогожин. М.: АН СССР ЦГАДА, 1990.
146. *Окуева О.В.* Русские послы о «шпанском короле» за полвека до миссии П.И. Потёмкина (по материалам статейного списка И. Кондырева и М. Неверова, 1615–1616) // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 85–92.
147. *Олаю-Эренья А.* Испанский король и попытки спасения семьи Николая II // Новая и новейшая история. М.: Наука, 1993. № 5. С. 152–165.
148. *Орлов А.А.* Испания в системе военно-политических организаций и союзов Запада: обретение нового лица. М.: ООСТ, 2000.
149. Очерк истории министерства иностранных дел. 1802–1902. СПб.: Т-во Р. Гомеле и А. Вильборг, 1902.
150. Очерки истории Министерства иностранных дел России / гл. ред. И.С. Иванов; отв. ред. А.Ю. Мешков. Т. 1–3. М.: ОЛМА-Пресс, 2002.
151. *Петров Д.К.* Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Росетти. СПб.: Тип. А.Э. Винке, 1909.
152. *Петрова А.А.* Испано-русские отношения 1856–1857 гг. в «Письмах из России» Х. Валеры // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: сб. статей. СПб.: СПбГУ, 2002.
153. *Петрова А.А.* Россия 1858–1868 гг. в донесениях испанского дипломата герцога де Осуны // История: мир прошлого в современном освещении. СПб., 2008. С. 412–426.
154. *Петрова А.А.* Взгляды испанских дипломатов второй половины XIX века на развитие экономического сотрудничества с Россией // Общество. Среда. Развитие (Terra humana). 2011. № 1. С. 61–65.
155. *Петрова А.А.* Политическая система Испании эпохи Реставрации периода правления Альфонса XII: взгляд русских путешественников // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 12. С. 196–208.
156. *Петрова А.А.* Россия и Крымская война: взгляд современников в Испании // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 131–138.
157. *Петрова А.А., Ткачева М.С.* Крымская война во внешней политике Испании // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: СПбГУ, 2012. № 9. С. 60–79.
158. *Пино Диас Ф. дель.* «Пограничье» и «идентичность» в мировосприятии «поколения 98 года». Испания и Россия на границах Европы // Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания. СПб., ИРАИ (Пушкинский Дом) РАН. 2001. С. 123–133.
159. *Пискорский В.К.* История Испании и Португалии. СПб.: Изд-во Брокгауза-Эфрона, 1902.
160. Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания) / отв. ред. В.Е. Багно. СПб., ИРАИ (Пушкинский Дом) РАН. 2001.
161. *Пожарская С.П.* «Голубая дивизия» на советско-германском фронте (1941–1943 гг.): исторический очерк // Вопросы истории. 1969. № 8. С. 107–126.
162. *Пожарская С.П.* Тайная дипломатия Мадрида. Внешняя политика Испании в годы Второй мировой войны. М.: МО, 1971.
163. *Пожарская С.П.* Русско-испанские отношения в конце XVII — первой четверти XIX в. (факторы интереса) // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М.: ИВИ АН СССР, 1987. С. 48–63.

164. *Пожарская С.П.* Испания глазами российских послов конца XVIII — начала XIX века // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М.: Наука, 1995. Вып. 1. С. 30–38.
165. *Пожарская С.П.* Франсиско Франко и его время. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
166. *Полиевктов М.* Герцог де Лирия и его проект учреждения испанского консульства в России // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1911. С. 375–414.
167. *Пучек Фаррас Ж.* НКИД и «каталонский вопрос» во время Гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 139–146.
168. *Рак В.Д.* Испанские и псевдо-испанские повести в русских переводах XVIII века // Материалы научно-методической конференции кафедры иностранных языков. Л.: [б. и.], 1968. С. 76–81.
169. *Редкин А.* Участие России в расторжении Амьенского мира // Русская старина. 1908. Кн. 2. Февраль. С. 333–365.
170. *Роговицкий Д.А.* Культурные связи России и Испании. 1994–2002 гг. <http://www.hist.msu.ru/Science/LMNS2002/26.htm>.
171. *Родионова Н.А.* Испания и испанцы глазами представительниц послереволюционной эмиграции // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 473–480.
172. *Романова С.Н.* Д.И. Завалишин и Мануэль Кальдерон де ла Барка (к вопросу о революционных связях декабристов. По материалам III Отделения) // Исторические записки. Т. 96. М.: Наука, 1975. С. 338–346.
173. Россия глазами испанцев (Образ России в сознании элит и общественном мнении Испании) / отв. ред. П.П. Яковлев. М.: ИЛА РАН, 2007.
174. *Рош Д.* Русские типы в неизданных гуашах 1731 года к запискам дюка Лирийского // Старые годы. СПб., 1911. Июнь.
175. *Рудомин М.* «Дар испанского народа» // Альманах библиофила. Выпуск 22. М.: Книга, 1987.
176. *Рыбалкин Ю.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939). М.: АИРО-XX, 2000.
177. *Рыбина М.В.* Христиане мусульманской Испании глазами русского писателя и историка К.А. Кустодиева // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 457–462.
178. *Рычловский Е.Е.* Петр Иванович Потемкин на государственной службе // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 107–114.
179. *Сагомонян А.А.* Испанский узел «холодной войны»: великие державы и режим Франко в 1945–1948 гг. М.: РОССПЭН, 2004.
180. *Сагомонян А.А.* Александр Игоревич Кузнецов (2005–2012) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 285–294.
181. *Сагомонян А.А.* Борис Григорьевич Майорский (1999–2002) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 271–276.
182. *Саплин А.И.* Российский посол в Испании (1805–1809) // Вопросы истории. 1987. № 3. С. 178–184.
183. *Саплин А.И.* Испания во внешнеполитических планах Александра I (по донесениям полковника А.И. Чернышева) // Проблемы испанской истории 1987. М.: Наука, 1987. С. 223–236.
184. *Саплин А.И.* Россия и Испания против Французской революции // Великая французская революция и Россия. М.: Прогресс, 1989. С. 458–466.
185. *Симорра Б.* «Идадьо в стране холода»: Испанский журналист в Советской России, 1939–1977. М.: Деловой Домовой, 2011.
186. *Синельщикова И.Г.* Российско-испанские политические и торгово-экономические связи: к 30-летию восстановления дипломатических отношений // Латинская Америка. 2007. № 1. С. 63–75.
187. *Спаская И.В.* К вопросу о характере русско-испанской конвенции 1817 г. // Вестник ЛГУ. Сер. История, язык, литература. Вып. 3. 1973. № 14. С. 51–58.
188. *Суслова Н.А.* Дмитрий Павлович Татищев (1767–1845) // Из глубины времен. СПб., 1995. № 5. С. 100–112.
189. *Суслова Н.А.* Проект испанской конституции русского дипломата Д.П. Татищева // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 224–230.
190. *Тарле Е.В.* Военная революция на Западе Европы и декабристы // Тарле Е.В. Сочинения. Т. 5. М.: АН СССР, 1958. С. 113–124.
191. *Тимохина А.В.* Меценат Д.П. Татищев // Общество и власть. СПб.: СПбГУКИ, 2003. С. 29–38.
192. *Трачевский А.С.* Испания девятнадцатого века. М.: К.Т. Солдатенков, 1872.
193. *Ульяницкий В.А.* Русские консульства за границу в XVIII веке. Кн. 1–2. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899.

194. *Умикян А.Д.* Ранние русские переводы Сервантеса (1763–1831) // Сервантес: Статьи и материалы. Л.: АГУ, 1948. С. 214–239.
195. *Фалкон Рамирес Х.* Русское посольство 1681 года: попытка развития двусторонней торговли // Проблемы испанской истории. 1992. М.: Наука, 1992. С. 104–111.
196. *Фернандес Искьердо Ф.* Первые испано-русские дипломатические контакты: посольство П.И. Потемкина в 1667–1668 годах // Проблемы испанской истории. 1992. М.: Наука, 1992. С. 95–104.
197. *Фернандес-Санчес Х.* Испанский знакомый Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 24. СПб.: Наука, 1991. С. 128–129.
198. *Фехнер М.В.* Испано-русская торговля XII века // История и культура Евразии по археологическим данным. М.: Тр. ГИМ, 1980. С. 124–130.
199. *Филатов Г.А.* Неофициальные испано-советские отношения в период позднего франкизма: визит советской группы в Испанию в 1969 г. // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 175–182.
200. *Флоря Б.Н.* Испания во внешнеполитических планах русского правительства во второй половине XVI века // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 73–76.
201. *Фомина Н.В.* Образ Католических королей в русской литературе путешествий XIX – начала XX в. // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 433–440.
202. *Хенкин С.М.* Испания: Время перемен. М.: Знание, 1986.
203. *Хенкин С.М.* Демократические транзиты: Россия и опыт Испании // Латинская Америка. 2002. № 5. С. 60–67.
204. *Христенко И.С.* «Дама-невидимка» Кальдерона и другие «домовые духи» в России XVIII века // XVIII век. Сб. 23. СПб.: Наука, 2004. С. 273–292.
205. *Черкасова Е.Г.* Испания и перемены в СССР и Восточной Европе: Формирование нового уровня взаимоотношений на рубеже 90-х гг. // Новое в «восточной политике» стран Западной Европы. М.: ИМЭМО, 1991. С. 178–200.
206. *Чечкин Д.А.* Франкитская Испания и Советский Союз: зарождение и эволюция двусторонних отношений // Национальные приоритеты России. 2009. №1. С. 52–63.
207. *Чистякова Е.В.* Международные связи во второй половине XVII в. (по материалам Статейного списка П.И. Потемкина) // Россия в мировом политическом процессе. М.: РУДН, 1997.
208. *Шелешнева-Солодовникова Н.А.* Испанские зодчие в России, русская архитектура в Испании // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 543–550.
209. *Школяр Н.А.* Испания в мировой экономике и внешних связях России // Латинская Америка. 2008. № 8. С. 38–47.
210. *Шмурло Е.* Значение Симанкского архива для русской истории // Россия и Италия: сб. Академии наук: сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 3. Вып. 2. Пг.: Тип. Имп. Академии наук, 1915. С. 301–322.
211. *Шмурло Е.* Поиски, произведенные в Симанкском архиве // Россия и Италия: сб. Академии наук: сб. исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 3. Вып. 2. Пг.: Тип. Имп. Академии наук, 1915. С. 245–251.
212. *Шур А.А.* Испанская и Португальская Америка в русской печати XVIII — первой четверти XIX в. // Латинская Америка в прошлом и настоящем. М., Изд-во соц.-эк. лит., 1960. С. 341–350.
213. *Щербакова А.В.* Михаил Леонидович Камынин (2002–2005) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 277–284.
214. *Щербакова А.В.* Торговля продовольствием между Россией и Испанией до и после санкций // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 223–230.
215. *Элорса Х.* Российско-испанские отношения: общие цели и перспективы // Современная Европа. 2006. № 1. С. 25–30.
216. *Эсоно А.Ф.* Барокко в Испании и России: общность развития деревянной пластики // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 581–588.
217. *Эспадас Бургос М.* Отношения между Испанией и Россией в период реставрации // Россия и Испания: историческая ретроспектива. М.: ИВИ АН СССР, 1987. С. 267–275.
218. *Эхеа Фернандес М.А.* Прием русского посольства 1667–1668 гг. при дворе Карла II (по материалам испанских архивов) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. М.: МГУ, 2015. С. 205–209.
219. *Эхеа Фернандес М.А.* Первое русское посольство в испанское королевство (1667–1668 годы). Источники испанских архивов // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 115–125.

220. **Юрков Д.В.** Российско-испанские культурные связи (конец 1970-х гг. — начало XXI в.): Дисс. М., 2010.
221. **Юрчик Е.Э.** Представления о нации в Испании XVI — начала XIX в. // Национальная идея в Западной Европе в новое время: очерки истории / под ред. В.С. Бондарчука. М.: Зерцало-М: Вече, 2005. С. 231–287.
222. **Юрчик Е.Э.** «Черная легенда» в испанской просветительской литературе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2011. Т. 2. Вып. 8.
223. **Юрчик Е.Э.** Российская культура в освещении испанской периодики 2010–2011 гг. // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. 2013. № 3. С. 126–141.
224. **Юрчик Е.Э.** Александр Никитич Волконский (1862–1870) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 147–154.
225. **Юрчик Е.Э.** Григорий Александрович Строганов (1805–1810) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 99–108.
226. **Юрчик Е.Э.** Дмитрий Павлович Татищев (1814–1819) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 109–118.
227. **Юрчик Е.Э.** Петр Яковлевич Убри (1824–1836) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С. 119–126.
228. **Юрчик Е.Э.** Нападение на российское посольство в Мадриде 14 октября 1808 г. и отъезд Г.А. Строганова из Испании // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 10 (64).
229. **Юрчик Е.Э.** История Испании XVIII-XIX в трудах российских историков (А.С. Трещевский, И.В. Лучицкий, В.К. Пискорский) // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 415–432.
230. **Языков Д.** Русское посольство во Францию и Испанию 1687 года // Библиотека для чтения. 1835. Т. 9. Отд. III.
231. **Яковлев П.П.** Испания в мировой политике. М.: ИЛА РАН, 2011.
232. **Яковлев П.П.** Испания: вызовы и риски нового политического цикла. М.: ИЛА РАН, 2012.
233. **Яковлев П.П.** Испания: посткризисная модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 10. С. 57–68.
234. **Яковлев П.П.** Россия и Испания: векторы взаимодействия (к 40-летию установления дипломатических отношений) // Перспективы. Электронный журнал. 2017, № 1. С. 66–81.
235. **Яковлев П.П.** Современная испанская экономика: тенденции и контртенденции // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 199–206.
236. **Яковлев П.П.** Испания на крутом политическом выраже // Свободная мысль. 2018, № 4. С. 97–110.
237. **Яковлев П.П.** Испания на старте нового транзита // Перспективы. Электронный журнал. 2018, № 2. С. 33–48.
238. **Alekséev M.** Rusia y España: una respuesta cultural / J. Fernández Sánchez. Versión directa del ruso y prólogo. Madrid: Hora H, 1975.
239. **Alexéeva O.** De la escultura a la escenografía. Los primeros años de Alberto Sánchez en la URSS // Actas del Congreso Posguerras. 75 aniversario del fin de la guerra española. G. Gómez, R. Pallol (Eds.). Madrid: Ed. Pablo Iglesias, 2015.
240. **Almuiña Fernández C.J.** La imagen de la revolución rusa en España (1917) // Investigaciones históricas: Época moderna y contemporánea. 1997. № 17. P. 207–218.
241. **Álvarez Gutiérrez L.** Actitud del régimen zarista y de la prensa rusa ante la revolución española de 1868 // Hispania: Revista española de historia. 1986. Vol. 46. № 164. P. 543–586.
242. **Alted A.** El exilio español en la Unión Soviética // Ayer. № 47, 2002. P. 135–144.
243. **Alted Vigil A., Nicolás Marín E., González Martell R.** Los niños de la guerra de España en la Unión Soviética: de la evacuación al retorno (1937–1999). Madrid: Fundación Francisco Largo Caballero, 1999.
244. **Anca Alamillo A.** Los barcos comprados a Rusia en 1817 // Historia 16. 2002. № 310. P. 52–62.
245. **Avilés Farré J.** La fe que vino de Rusia. La revolución bolchevique y los españoles (1917–1931). Madrid: Biblioteca Nueva, 1999.
246. **Bagno V.** Rusia y España: la frontera común. Granada: Publicaciones de la Universidad, 2017.
247. **Bahamonde Magro A., Cervera Gil J.** Así terminó la guerra de España. Madrid: Marcial Pons, 2000.
248. **Beladiez E.** Dos españoles en Rusia; el Marqués de Almodóvar, 1761–1763, y Don Juan Valera, 1856–1857. Madrid: Prensa Española, 1969.
249. **Borzova A.** Ígor Serguéevich Ivanov (1991–1994) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / О. Volosyuk (Ed.). Moscú: МО, 2016. P. 553–562.
250. **Borzova A.** Serguéi Alexándrovich Bogomólov (1977–1978) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España.

- 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 527–534.
251. **Borzova A.** Serguéi Kalistrátovich Romanovski (1986–1991) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 545–552.
252. **Borzova A.** Yuri Petróvich Korchagin (a partir de 2012) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 597–606.
253. **Borzova A.** Yuri Vladimirovich Dubinin (1978–1986) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 535–544.
254. **Brody E.C.** Lope de Vega's *El Gran Duque de Moscovia y Emperador Perseguido*. The Demetrius Legend and Its Literary Treatment in the Age of the Baroque. New Jersey: Fairleigh, 1972.
255. **Bukharmédova L.** Cristian Emeliánovich Kudryavski (1871–1878) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 457–464.
256. **Bukharmédova L.** Mijaíl Alexándrovich Gorchakov (1879–1896) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 465–474.
257. **Bukharmédova L.** Víctor Gueórguievich Komplétkov (1994–1999) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 563–572.
258. **Busto M.** Carreño y Jovellanos: correspondencia con motivo de su nombramiento como embajador de España ante la corte de Rusia // Boletín del Instituto de Estudios Asturianos. 1981. Vol. 35. Nº 104. P. 667–676.
259. **Cabañas Bravo M.** Los artistas y el exilio español de 1939 en Rusia // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 551–562.
260. **Calvo Bóveda R., Médnikov I.** Las relaciones diplomáticas entre España y Rusia, 1833–1917. Fuentes documentales para su estudio // España en el exterior. Historia y Archivos, ANPGU. Guadalajara. 2013. P. 505–548.
261. **Castilla Urbano F.** La visión de Rusia en la tragedia “Solaya o los circasianos”, del ilustrado José Cadalso // Испания и Россия: исторические судьбы и современность. Moscú: MO, 2017. P. 401–406.
262. **Centenera J.** La Transición exterior española y la larga mano de Moscú. Madrid: Quienquerreme S.L. 2013. P.67–83.
263. **Colomina Limonero I.** Dos patrias, tres mil destinos, vida y exilio de los niños de la guerra de España refugiados en la Unión Soviética. Madrid: Ed. Cinca, 2010.
264. **Cortés-Cavanillas J.** Alfonso XIII y la guerra del 14: una documentación inédita y sensacional del archivo privado de Alfonso XIII en el Palacio Real de Madrid. Madrid: Alce, 1976.
265. **Cruz R.** ¡Luzbel vuelve al mundo! Las imágenes de la Rusia soviética y la acción colectiva en España // Cultura y movilización en la España contemporánea. R. Cruz y M. Pérez Ledesma (Eds.), Madrid, Alianza Editorial, 1997. P. 273–303.
266. **Cuenca J.** De Suárez a Gorbachov. Testimonios y confidencias de un embajador. Madrid: Plaza y Valdés, 2014.
267. **Derjavin C.** La primera embajada rusa en España // Boletín de la Real Academia de Historia. 1930. T. 96. P. 877–896.
268. **Domínguez Ortíz A.** Una embajada rusa en la Corte de Carlos II // Anuario del Instituto de Estudios Madrileños. 1978. XV. P. 174–185.
269. **Egea Fernández M.A.** La primera embajada moscovita a la Monarquía Hispánica (1667–1668). Madrid: Centro del Presidente Boris N. Yeltsin — Fundación Alexander Pushkin, 2013. P. 11–18.
270. **Egea Fernández M.A.** La primera embajada moscovita a la Monarquía Hispánica. Piotr Ivánovich Potiomkin ante la Corte de Carlos II (1667–1668) // From Ireland to Poland. Northern Europe, Spain and the Early Modern World / E. García Hernán y R. Skowron (Eds.). Valencia: Albatros, 2015. P. 273–289.
271. **Egea Fernández M.A.** La primera embajada rusa de Piotr Potiomkin a la Monarquía Hispánica: La renovación del contacto interrumpido u olvidado // Испания и Россия: исторические судьбы и современная эпоха. М.: МО, 2017. С. 77–84.
272. **Eggers E.R., Feune de Colombi E.** Francisco de Zea Bermúdez y su época 1779–1850. Madrid: CSIC, 1958.
273. **Elorza A., Bizcarrondo M.B.** Queridos camaradas. La Internacional Comunista y España, 1919–1939. Barcelona: Planeta, 1999.
274. **Elpátievsky A.** La emigración española en la URSS / ed., trad., prólogo y notas de Á.L. Encinas Moral. Madrid: Foro de Formación y Eudiciones. Asociación Progresista del Servicio Exterior, Exterior XXI, 2008.
275. **Encinas Moral Á.L.** Documentación española contemporánea depositada en los archivos de la Federación Rusa // Historia Contemporánea. La nueva historia política. San Sebastián, 1993. Nº 9. P. 257–289.
276. **Encinas Moral Á.L.** Relaciones culturales entre la República Española y la URSS (1931–1936) //

- España y el mundo eslavo / coord. y ed. F. Presa González. Madrid: Gram, 2002. P. 81–86.
277. **Encinas Moral Á.L.** Fuentes históricas para el estudio de la emigración española a la URSS (1936–2007). Madrid: Exterior XXI, 2008.
278. **Encinas Moral Á.L.** La embajada del duque de Liria en Rusia (1727–1730). Prólogo a: Diario del viaje a Moscú del Duque de Liria y Jérica / ed. de Á. L. Encinas Moral, I. Arranz del Riego y M. Rodríguez Polo. Madrid: Miraguano, 2008. P. 7–64.
279. **Encinas Moral Á.L.** California en la historia moderna de España y Rusia hasta los años 70 del siglo XVIII // Diario de la expedición de fray Junípero Serra desde la misión de Loreto a San Diego en 1769 / ed. de Á.L. Encinas Moral y T. Ruiz; epílogo de T. Ruiz. Madrid: Miraguano, 2011.
280. **Erice F.** El impacto de la Revolución rusa en el movimiento obrero español: el surgimiento del PCE // La Revolución rusa cien años después / Andrade J., Hernández Sánchez F. (eds.). Madrid: Akal, 2017.
281. **Espadas Burgos M.** Dos embajadas extraordinarias en Rusia: la del duque de Osuna (1856) y la del duque de Montpensier (1883) // Estudios históricos: Homenaje a los profesores José Mª Jover Zamora y Vicente Palacio Atard. Madrid: Universidad Complutense, 1990. Vol. 1. P. 353–360.
282. España y Rusia frente a los desafíos de la crisis y el desarrollo innovador / V. Davýdov, P. Yákovlev (Coords.). Moscú: Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia, 2012.
283. España y Rusia frente a los nuevos desafíos globales / coord. P. Yákovlev. Moscú: ILA RAN, 2016.
284. **Faber S.** “Es la hora de la claridad dogmática”. El impacto de la Revolución rusa en la cultura política española // La Revolución rusa cien años después / Andrade J. Hernández Sánchez F. (Eds.). Madrid: Akal, 2017. P. 263–288.
285. **Fernández Izquierdo F.** Las embajadas rusas a la Corte de Carlos II // Studia Historica. Historia Moderna. 2000. Vol. 22. P. 75–107.
286. **Fernández Izquierdo F., García Martín P.** La imagen del poder en la Rusia de los zares // Испания и Россия: исторические судьбы и современность. Moscú: MO, 2017. P. 369–374.
287. **Fernández Rodríguez M.** La presencia rusa en el Pacífico Noroeste // El Ejército y la Armada en el Noroeste de América: Nootka y su tiempo. Martínez Peñas L., Fernández Rodríguez M. (eds.). Madrid: Universidad Rey Juan Carlos, 2011. P. 93–118.
288. **Filatov G.** La visita del grupo especial de “turistas soviéticos” a España en el año 1969, en el contexto de las relaciones URSS – España durante el tardofranquismo // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2016. Vol. 38. P. 161–183.
289. Frontera y comunicación cultural entre España y Rusia. Una perspectiva interdisciplinar / ed. P. Bádenas, F. del Pino. Madrid; Frankfurt: Iberoamericana/ Vervuert, 2006.
290. **García Martín P.** La formación de Rusia. Madrid: Universidad de Alcalá de Henares, 2013.
291. **García Martín P.** De Moscú a Rusia. Los orígenes medievales de un Imperio moderno // Identidades confesionales y construcciones nacionales en Europa (siglos XV–XIX) / J.I. Ruiz Rodríguez e I. Sosa Mayor (Eds.). Madrid: Universidad de Alcalá de Henares, 2013. P. 41–54.
292. **Garrido Caballero M.** Las relaciones entre España y la Unión Soviética a través de las Asociaciones de Amistad en el siglo XX. Murcia: Universidad de Murcia, 2006.
293. **Garrido Caballero M.** Compañeros de viaje. Historia y memoria de las Asociaciones de Amistad Hispano-Soviéticas. Murcia: Editum, 2009.
294. **Garrido Caballero M.** Rusia tras la Perestroika: Propaganda política, cultura y memorias del cambio. Murcia: Editum, 2011.
295. **Garrido Caballero M.** De la Revolución de Octubre a la Rusia Soviética: Impresiones desde España a través de crónicas periodísticas y libros de viajes // Sociología Histórica, 2017. N° 8. P. 229–256.
296. **González C.** El retorno a España de los “Niños de la Guerra Civil” // Anales de Historia contemporánea, 2003. N° 19. P. 75–100.
297. **García Fernández H.** Historia de un mito político: el “peligro comunista” en el discurso de las derechas españolas // Historia Social, 2005. N° 51. P. 3–20.
298. **García Martín P.** Ecos de Rusia en la literatura de la España del Siglo de Oro: viajes, novelas y teatro // Испания и Россия: исторические судьбы и современность. Moscú: MO, 2017. P. 385–392.
299. **Guimerá Agustín A.** La casa Milans: una empresa catalana en Rusia (1773–1779) // Pedralbes: Revista d’historia moderna. 1998. N° 18(1). P. 83–92.
300. **Kagané L.** La pintura española del Museo del Ermitage. Siglos XV a comienzos del XIX. Historia de una colección / Trad. de Aquilino Duque. Sevilla: Fundación El Monte, 2005.
301. **Kagané L.** Los retratos de Carlos III y de los príncipes de Asturias de Mariano Salvador Maella del palacio Chermensky // Archivo de Arte Valenciano, LXXXVIII. Valencia: Real Academia de Bellas Artes de San Carlos, 2007. P. 37–44.
302. **Karaúlova M.** Yákov Fiódorovich Dolgorúkov (1687–1688) // Российские дипломаты в Испании. Дипломáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 325–332.

303. **Kharitonova N.** Edificar la cultura, construir la identidad. El exilio republicano español en la Unión Soviética. Sevilla: Renacimiento, 2014.
304. **Korkonósenko K.** Citas escondidas de Dostoiévski en Abel Sánchez de Unamuno // Temas y formas hispánicas: arte, cultura y sociedad. Pamplona: Universidad de Navarra, 2015. P. 163–178.
305. **Koval T.** Dmitri Egórovich Shevich (1896–1905) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 475–482.
306. **Kowalsky D.** La Unión Soviética y la guerra civil española. Barcelona: Crítica, 2003.
307. La Corte de los Borbones. Crisis del modelo cortesano / coord. J. M. Millán, C. Camarero Bullón, M. Luzzi Traficante. Madrid: Polifemo, 2013.
308. La Revolución rusa cien años después/ Andrade J., Hernández Sánchez F. (Eds.). Madrid: Akal, 2017.
309. La sombra de la leyenda negra. M.J. Villaverde Rico, F.Castilla Urbano (Dirs.). Madrid: Tecnos, 2016.
310. **Lazo Díaz A.** La Revolución Rusa en el diario ABC de la época. Sevilla: Universidad de Sevilla, 1975.
311. **López de Meneses A.** Las primeras embajadas rusas en España (1523, 1525 y 1527) // Cuadernos de historia de España. 1946. T. 5. P. 111–128.
312. **López-Cordón Cortezo M.V.** Intereses económicos e intereses políticos durante la guerra de la independencia: las relaciones hispano-rusas // Cuadernos de historia moderna y contemporánea. 1986. Nº 7. P. 85–106.
313. **López-Cordón Cortezo M.V.** La imagen de Rusia en España a comienzos del siglo XVIII: continuidad y contrastes // Actas del IV Congreso hispano-soviético de historiadores. Madrid, 1987.
314. **López-Cordón Cortezo M.V.** De Moscovia a Rusia: caracteres nacionales y límites europeos en el imaginario español de los siglos XVII y XVIII // Saitabi: revista de la Facultad de Geografía a i Historia. 2005. Nº 55. P. 77–98.
315. **López-Cordón Cortezo M.V.** Noticias de Rusia: la visión de los diplomáticos // Исторические исследования. Электронный журнал исторического факультета МГУ им.М.В.Ломоносова. Nº 12 (2018).
316. Los Ballets Russes de Diaghilev y España / Álvarez Cañibano A., Nommick I. (Eds.). Granada: Archivo Manuel de Falla, 2000.
317. **Malay V.** Marcel Israïlevich Rosenberg (1936–1937) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 517–526.
318. **Marichalar A.** Riesgo y ventura del Duque de Osuna. Madrid: Palabra, 1999.
319. **Mariñas Otero L.** España ante la guerra de Crimea // Hispania. Revista española de historia. 1966. Nº 103. P. 410–446.
320. **Martínez Molinos G.** Ríos de petróleo. abastecimiento de esencias y grasas durante la guerra civil // Economía y economistas en la guerra civil / coord. Enrique Fuentes Quintana, Francisco Comín. Vol. 1. El Barkelana: Golakia Gutenbies. P. 653–690.
321. **Médnikov Í.** Anatoli Vasilievich Neklúdov (1917) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 509–516.
322. **Médnikov Í.** Fiódor Andréievich Búdberg (1909–1916) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 493–500.
323. **Médnikov Í.** Iván Alexándrovich Kudáshev (1916–1917) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 501–508.
324. **Médnikov Í.** Artur Pávlovich Cassini (1905–1909) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 483–492.
325. **Mendezona R.** *La Pirenáica* y otros episodios. Madrid: Libertarias/Prodhufi, 1995.
326. **Mitiuckov N.W., Anca Alamillo A.** La escuadra rusa: adquirida por Fernando VII en 1817. Pontevedra: Damaré, 2009.
327. **Mora J.** La imagen de la Unión Soviética a través de la prensa en la Guerra Civil española // Destino y Hora de España. Castilla. Estudios de Literatura, Nº 8, 2017. P. 459–466.
328. **Moreno R.** Los niños de Rusia. La verdadera historia de la operación retorno. Barcelona: Crítica, 2017.
329. **Navarra A.** El espejo blanco. Viajeros españoles en la URSS, Madrid: Fórcola, 2016.
330. **Nóvikova O.** Las visiones de España en la Unión Soviética durante la guerra civil española // Historia del Presente, 2008. Nº11. P. 9–44.
331. **Ochoa Brun M.A.** Embajadas y embajadores en la historia de España. Madrid: Aguilar, 2002.
332. **Ochoa Brun M.A.** Historia de la diplomacia española. Vol. IX–X. La diplomacia en la era de Ilustración. Madrid: Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación, 2012.
333. **Oliván F.** El duque de Osuna, Embajador en Rusia. Madrid: Compañía literaria, 1949.
334. **Pando J.** Un Rey para la esperanza: la España humanitaria de Alfonso XIII en la Gran Guerra. Madrid: Temas de Hoy, 2002.

335. *Pereira Castañares J.C.* España y la URSS en una Europa de transformación // Cuadernos de Historia Contemporánea. 1993. № 15. P. 189–206.
336. *Piskorski W.* Las Cortes de Castilla en el periodo de tránsito de la Edad Media a la Moderna (1188–1520). Barcelona: El Albir, 1977.
337. *Portnoff G.* La literatura rusa en España. New York: Instituto de las Españas en los EEUU, 1932.
338. *Puigsech Farràs J.* Nosaltres, els comunists catalans. El PSUC i la Internacional Comunista durant la Guerra Civil. Vic: Eumo, 2001.
339. *Puigsech Farràs J.* Entre Franco y Stalin: el difícil itinerario de los comunistas en Cataluña, 1936–1949. Barcelona: El Viejo Topo, 2009.
340. *Puigsech Farràs J.* La propaganda de la URSS y la guerra civil española: el papel central del Zhirianin y sus consecuencias a medio y largo plazo // Вестник Московского лингвистического университета. 2014. № 24(710). С. 604–616.
341. *Puigsech Farràs J.* Falsa leyenda del Kremlin. El consulado y la URSS en la Guerra Civil Española. Madrid: Biblioteca Nueva, 2014.
342. *Puigsech Farràs J.* La Revolució Russa i Catalunya. Vic: Eumo, 2017.
343. *Riva A. de la.* La visita de Gorbachov a España // Política Exterior. 1991. Vol. IV, № 18. P. 106–122.
344. *Ruiz Rodríguez I.* Las fronteras septentrionales del Pacífico americano: españoles, rusos e ingleses en la conquista de la Alta California // Revue de l'Institut des Langues et des Cultures d'Europe et d'Amérique (ILCEA). Vol. 18. Les frontières dans le monde hispanique, 2013. — <http://ilcea.revues.org/2058>.
345. Rusia y España en el contexto europeo / coord. P. Yákovlev. Moscú: ILA RAN, 2007.
346. Rusia y España en los tiempos de turbulencia / coord. P. Yákovlev. Moscú: ILA RAN, 2009.
347. Rusia y España en el mundo multipolar / coord. P. Yákovlev. Moscú: ILA RAN, 2012.
348. Rusia y España en el periodo de la “nueva normalidad” / P. Yákovlev, E. Ermolieva (Coord.). Moscú: ILA RAN, 2018.
349. *Rybalkin Yu.* Stalin y España. La ayuda militar soviética a la República. Madrid: Marcial Pons, 2007.
350. *Sagomonyan A.* Alexander Ígorevich Kuznetsov (2005–2012) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 587–596.
351. *Sagomonyan A.* Boris Grigórievich Maiorski (1999–2002) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 573–578.
352. *Sáez E., Sáez C.* El fondo español del archivo de la Academia de las Ciencias de San Petersburgo. Alcalá de Henares: Universidad de Alcalá, 1993.
353. *Sánchez Andrés A., Shkolyar N., Teperman V.* La internacionalización de la empresa española en Rusia. Madrid: Real Instituto Elcano, 2008.
354. *Sánchez Diana J.M.* Relaciones diplomáticas entre España y Rusia en el siglo XVIII, 1780–1783 // Hispania. Revista española de historia. 1952. № 49. P. 590–605.
355. *Sánchez Diana J.M.* España y el norte de Europa durante la revolución francesa, 1788–1803. Valladolid: Universidad de Valladolid, 1963.
356. *Sanz Guitian P.* Viajeros españoles en Rusia. Madrid: Compañía Literaria, 1995.
357. *Schop Soler A.M.* Die spanisch-russischen Beziehungen im 18. Jahrhundert. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1970.
358. *Schop Soler A.M.* Las relaciones entre España y Rusia en la época de Carlos IV. Barcelona: Universidad de Barcelona, 1971.
359. *Schop Soler A.M.* Las relaciones entre España y Rusia en la época de Fernando VII (1808–1833). Barcelona: Universidad de Barcelona, 1975.
360. *Schop Soler A.M.* Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia, 1733–1833. Madrid: MAE, Dirección General de Relaciones Culturales, 1984.
361. *Seco Serrano C.* Alfonso XIII y los Romanov // Arbor. 1977. T. 97. № 378. P. 161–169.
362. *Semenov V.* Inversiones españolas en el proceso de modernización económica en Rusia // Iberoamérica. 2011. № 1. P. 106–116.
363. *Shcherbakova A.* Mijaíl Leoníдович Камунин (2002–2005) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 579–586.
364. *Sierra V.* Palabras huérfanas: Los niños exiliados en la guerra civil. Madrid: Taurus, 2009.
365. *Siliunas V.* Calderón en Rusia y Unión Soviética en el siglo XX // Calderón en escena: siglo XX / J.M. Díez Borque y A. Peláez (Eds.) Madrid: Comunidad de Madrid, 2000. P. 181–189.
366. *Smoktiy E.* Los Reales Sitios de la monarquía rusa en el siglo XVIII: Catalina II y su hijo Pablo: dos épocas, dos genios y un conflicto // La extensión de la Corte: los Reales Sitios. Camarero Bullón, C. y Labrador Arroyo F. (Eds.). Madrid: UAM, 2017. P. 633–652.
367. *Suárez Fernández L.* Franco y la URSS. La diplomacia secreta (1946–1979). Madrid: Rialp, 1986.
368. *Taracha C.* Algunas consideraciones sobre la cuestión rusa y turca en la política española de la época de Carlos III // TEKA Komisji Historycznej PAN Oddział w Lublinie. 2012. IX. P. 53–75.

369. *Tratchevsky A.* L'Espagne a l'époque de la Révolution française // *Revue Historique*. Paris, 1886. V. XXXI. P. 1-55.
370. *Urquijo y Goitia J.R.* El Carlismo y Rusia // *Hispania*. Revista española de historia. 1988. XLVIII/169. P. 599-624.
371. *Urquijo y Goitia J.R.* España y Rusia. De la ruptura al reconocimiento // *Homenaje a D. Ignacio Valls*. Valencia: Universidad de Valencia, 1990. P. 409-423.
372. *Urquijo y Goitia J.R.* Gobiernos y ministros españoles en la Edad Contemporánea. Madrid: CSIC, 2008.
373. *Védiushkin V.* Piotr Ivánovich Potiomkin (1667-1668, 1681) // *Российские дипломаты в Испании*. Diplomáticos rusos en España. 1667-2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 315-324.
374. *Védiushkin V.* La España de los historiadores rusos (segunda mitad del s. XIX — comienzos del s. XX) // *Eslavística Complutense*. 2014. Nº 14. P. 107-114.
375. *Viñas Á.* El oro español en la guerra civil. Madrid: Instituto de Estudios Fiscales, Ministerio de Hacienda, 1976.
376. *Viñas Á.* El oro de Moscú: alfa y omega de un mito franquista. Barcelona: Grijalbo, 1979.
377. *Viñas Á.* La soledad de la República: el abandono de las democracias y el viraje hacia la Unión Soviética. Barcelona: Crítica, 2006.
378. *Viñas Á.* El escudo de la República: el oro de España, la apuesta soviética y los hechos de mayo de 1937. Barcelona: Crítica, 2007.
379. *Viñas Á.* El honor de la República: entre el acoso fascista, la hostilidad británica y la política de Stalin. Barcelona: Crítica, 2009.
380. *Viñas Á.* Al servicio de la República. Diplomáticos y guerra civil (Coord.), Madrid, Marcial Pons, 2010.
381. *Viñas Á.* Las armas y el oro. Palancas de la guerra, mitos del franquismo, Barcelona, Pasado&Presente, 2013.
382. *Viñas Á.* El reconocimiento de la República española en el contexto internacional: Austria, Alemania y la URSS // *La Segunda República y su proyección internacional* / coord. por Angeles Egido León. Madrid: La Catarata, 2017. P. 29-53.
383. *Volosiuk O.* Jovellanos y Rusia // *Hispania*. Revista española de historia. 1988. Nº 168. P. 317-333.
384. *Volosiuk O.* La correspondencia de Catalina II y Floridablanca relacionada con la Revolución francesa, septiembre de 1791 — febrero de 1792 // *Hispania*. Revista española de historia. 1990. Vol. L. Nº 174. P. 303-326.
385. *Volosiuk O.* La política exterior de España (1789-1793) según los diplomáticos rusos // *Investigaciones Históricas*. Época moderna y contemporánea. 1998. Nº 18. P. 123-138.
386. *Volosiuk O.* España en la guerra de la independencia de los EE.UU. vista por el ministro plenipotenciario ruso en Madrid Stepan Zinóviev // *Hispanos en los Estados Unidos: tercer pilar de la Hispanidad*. Nueva York: Columbia University Press, 2004. P. 101-108.
387. *Volosiuk O.* Las relaciones hispano-rusas en el siglo XVIII: el ministro plenipotenciario ruso en España conde Piotr Buturlin (1763-1765) // *España en el exterior*. Historia y Archivos. Guadalajara: Asociación de Amigos de Archivo Histórico Provincial de Guadalajara, 2013. P. 549-564.
388. *Volosyuk O.* "Enlightened Policy" in Eighteenth Century Spain: a Russian eye-witness — Diplomat Stepan Zinoviev // *Peoples' Friendship University of Russia Bulletin*. International Relations. 2015. Nº 4. P. 159-173.
389. *Volosyuk O.* La colonización rusa de América en el siglo XVIII: españoles y rusos en el Pacífico // *Visiones de la conquista y la colonización de las Américas*. Alcalá de Henares: Universidad de Alcalá, 2015. P. 141-165.
390. *Volosyuk O.* Los condes de Vorontsov y la España del siglo XVIII // *Ибероамериканские тетради / Cuadernos hispanoamericanos*. 2016. Вып. 2(12). С. 49-54.
391. *Volosyuk O.* Serguéi Dmitrievich Golitsin (1722-1726) // *Российские дипломаты в Испании*. Diplomáticos rusos en España. 1667-2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 333-342.
392. *Volosyuk O.* Iván Andréievich Shcherbátov (1726-1730) // *Российские дипломаты в Испании*. Diplomáticos rusos en España. 1667-2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 343-350.
393. *Volosyuk O.* Piotr Ivánovich Repnín (1760-1762) // *Российские дипломаты в Испании*. Diplomáticos rusos en España. 1667-2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 351-358.
394. *Volosyuk O.* Piotr Alexándrovich Buturlín (1762-1766) // *Российские дипломаты в Испании*. Diplomáticos rusos en España. 1667-2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 359-368.
395. *Volosyuk O.* Otto Magnus Stackelberg (1766-1771) // *Российские дипломаты в Испании*. Diplomáticos rusos en España. 1667-2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 369-378.
396. *Volosyuk O.* Stepán Stepánovich Zinóviev (1772-1794) // *Российские дипломаты в Испании*. Diplomáticos rusos en España. 1667-2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 379-390.
397. *Volosyuk O.* Iván Matvéievich Muravyov-Apóstol (1802-1805) // *Российские дипломаты в Испании*. Diplomáticos rusos en España. 1667-2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 391-400.

398. **Volosyuk O.** Ernest Gustávovich Stackelberg (1861–1862) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 439–448.
399. **Volosyuk O.** Mijáil Alexándrovich Golitsin (1856–1860) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 429–438.
400. **Volosyuk O.** Los primeros Románov de Rusia y las relaciones diplomáticas con España // Torre de los Lujanes: Revista anual de la Sociedad Económica Matritense de Amigos del País. 2017. N° 70. P. 209–217.
401. **Volosyuk O.** Negotiating the Balance of Power: Russian–Spanish Commercial Relations in the Early Eighteenth Century // The Politics of Commercial Treaties in the Eighteenth Century. Balance of Power, Balance of Trade. A. Alimento, K. Stapelbroek (Eds.). London: Palgrave Macmillan. 2017. P. 173–193.
402. **Voltes Bou P.** Rusia, Turquía y la política de Floridablanca en 1779 // BRAH. 1960. N° 118. P. 61–97.
403. **Voltes Bou P.** La tradición jurídica del “Consolat de Mar” y la Neutralidad Armada de Catalina II de Rusia // Documentos y Estudios / ed. P. Voltes Bou y J. Madurel Marimon. Barcelona: Instituto Municipal de Historia, 1961.
404. **Yákovlev P.** La globalización 3.0 y su impacto en España y Rusia // Iberoamérica, 2017. N° 3. P. 5–28.
405. **Yányshev Nésterova I.** El transfondo institucional de los intereses soviéticos en el Atlántico centro-oriental 1965–1971 // Economía y marco institucional (siglos XVI — XX) / Dir. S. de Lúxan Meléndez. Las Palmas de Gran Canaria: Fundación Canaria MARFRE Guantarteme. 2014. P. 215–243.
406. **Yányshev Nésterova I.** “Sovhispan”: una joint venture hispáno-soviética // Anuario de Estudios Atlánticos. 2016. N° 62. <http://anuariosatlanticos.casadecolon.com/index.php/aca/article/view/9409>.
407. **Yányshev Nésterova I.** El papel de la empresa mixta “Sovhispan, S.A.” en la normalización de las relaciones bilaterales entre España y la Unión Soviética // Испания и Россия: исторические судьбы и современность. Moscú: MO, 2017. P. 183–188.
408. **Yúrchik E.** Alexánder Nikítich Volkonski (1862–1870) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 449–456.
409. **Yúrchik E.** Dmitri Pávlovich Tatíshchev (1814–1819) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 411–420.
410. **Yúrchik E.** Grigori Alexándrovich Stróganov (1805–1810) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 401–410.
411. **Yúrchik E.** Piotr Yákovlevich Oubril (1824–1836) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (Ed.). Moscú: MO, 2016. P. 421–428.
412. **Whealey R.** H. La diplomacia española del petróleo: de junio de 1927 a abril de 1931 // Cuadernos Económicos de ICE. 1979. N° 10. P. 511–534.
413. **Whelan P.** Soviet Airmen in the Spanish Civil War. 1936–1939. Atglen: Schiffer Publishing, 2014.
414. **Weiner J.** Mantillas en Moscú. El teatro del Siglo de Oro español en la Rusia de los zares (1672–1917). Barcelona: PPU, 1988.
415. **Zafra E., Greco R., Heredia C.** Los niños españoles evacuados a la URSS (1937). Madrid: Ediciones de La Torre. 1989.
416. **Zaragoza Fernández L.** Radio *Pirenaica*: la voz de la esperanza antifranquista. Madrid: Marcial Pons Historia, 2008.
417. **Zucchitello M.** Un català a la cort dels tsars: Antoni Colomí Payet, comerciant i primer cònsol general d’Espanya a Rússia (Tossa 1749 — Sant Petersburg 1811). Barcelona: Generalitat de Catalunya. Departament de Cultura i Mitjans de Comunicació, 2008.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- С. 18. Педро Мартир. Гравюра Генри Майер, 1825. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Peter_Martyr_d%27Anghiera03a.jpg.
- С. 20. Филипп II. Художник Алонсо Санчес Коэльо. Ок. 1570 г. Холст, масло. Музей Глазго. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Philip_II_by_Alonso_Sanchez_Coello.jpg.
- С. 22. Проездная грамота послов царя Федора Ивановича 1594 г. Генеральный архив Симанкас. Archivo General de Simancas. Estado, Legajo 07034.
- Редакционная коллегия благодарит г-жу Хулию Тересу Родригес де Диего, директора Генерального Архива Симанкас, за неоценимую поддержку и содействие в получении копий исторических документов и предоставление прав на их публикацию в настоящем издании.
- С. 25. Хуан де ла Коса. Мараmundi. Деталь. Ок. 1500. Морской музей, Мадрид.
- С. 27. [Клавдий Птолемей] Современная Карта Венгрии, Польши, России, Пруссии и Валахии (лат.). 1522, [1525]; L.F. [Laurent Fries (Лоран Фриз); Laurentiu Phrisius (Лаурент Фризиус)]. Примерный масштаб: 1:2.500.000. Страсбург, Johan Grieningер (Йохан Гренингер), 1525. Ксилография, латинский язык, готический шрифт. 34,5 × 47,5 см. Национальный институт географии. Мадрид.
- С. 31. Герберштейн С. Московия. Базель: per Ioannem Oporinum, 1549. Масштаб: [прим. 1:8.000.000]; Расстояние в милях 90 [= 7 см]. Национальный институт географии. Мадрид.
- С. 40. Царь Алексей Михайлович. Неизвестный русский художник второй половины XVII в. 1670–1680. Холст, масло. Государственный Исторический музей. Москва.
- С. 43. Рукописная газета «Куранты». <https://ru.wikipedia.org/wiki/media/File:Vesti-1631.jpg>.
- С. 49. Луис Тристан. Лопе де Вега. 1614. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург Инв. № ГЭ-353. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018/ © The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Фотографы К.В. Синявский, С.В. Суэтова, А.М. Кокшаров, В.С. Теребин/ Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.
- С. 57. Грамота царя Алексея Михайловича королю Филиппу IV. 31 мая/11 июня 1667 г. РГАДА. Ф. Оп. 1. Д. 11. Л.101–102. Фрагмент.
- С. 60. Петр I со знаком Св. Андрея Первозванного и голубой андреевской лентой. Художник Жан-Марк Натье. 1717. Холст, масло. Музей Резиденции. Мюнхен.
- С. 61. Сергей Дмитриевич Голицын. Неизвестный художник. Первая половина XVIII в. Холст. Масло. Музей «Зарайский кремль». Зарайск.
- С. 65. Герцог де Лириа (Хакобо де Лириа-и-Херика). Художник Гиацинт Риго. Холст, масло. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:James_Fitz-James_Stuart,_2nd_Duke_of_Berwick.jpg
- С. 68. Визитная карточка С.С. Зиновьева // *Jiménez Garcés J.A.* La obra del cartógrafo Cano y Olmedilla y su mapa de la América meridional de 1775. Tesis doctoral. Universidad Complutense. Madrid, 2016. Apéndice 1. P.17. Ilustración 6. © José Andrés Jiménez Garcés, 2015. <http://eprints.ucm.es/37926/1/T37329.pdf>.
- С. 74. Фрагмент шифрованного донесения С.С. Зиновьева. АВПРИ. Ф. Сношения России с Испанией. Оп.58. Д.477. Л.42.

- С. 75. Хосе Моньино, граф де Флоридабланка. Художник Франсиско Гойя-и-Лусьентес. Около 1783. Холст, масло. Музей Прадо, Мадрид // История Испании. Т.2. М.: Индрик, 2014. С.144.
- С. 79. Эскориа. Вид на главный фасад. Гравюра Теофила Фридриха Эрмана с оригинала Хуана Эрреры // *Ehrmann T.F. Neueste Länder und Völkerkunde, ein geographisches Lesebuch für alle Stände*, 1806. Das Escorial. ca. 1820. IGN, Cartoteca.
- С. 80. Королевская резиденция Аранхуэс, большой каскад и дворец. Вид с востока. Художник Фернандо Брамбила. Холст, масло. 1830. (Patrimonio Nacional).
- С. 84. Изгнание иезуитов. Гравер Шарль Мокур. 1767. Британский музей, Лондон // История Испании. Т.2. М.: Индрик, 2014. С. 62.
- С. 85. Отто-Магнус Штакельберг. Гравер Елисей Иванович Кошкин // *Морозов А.В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов*. Москва: Т-во Скоропечатни А.А.Левинсон. 1913. Т. 4. С. CDLXVII.
- С. 92. План Кадиса XVIII в. Гравюра. Ок. 1700 г. Париж: Бассет. Каталонский институт картографии и геологии, Барселона. *Mapes d'Espanya (s. XV-XX) // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017* / отв. ред. О. В. Волосюк. М.: МО, 2016. С.61.
- С. 93. Антонио де Коломби-и-Гайет. Неизвестный художник. Начало XIX в. Холст, масло. Коллекция графов Коломби, Мадрид // История Испании. Т.2. М.: Индрик, 2014. С. 277.
- С. 97. Иоанн-Батист Лампи. Портрет адмирала Осипа Михайловича де Рибаса. 1796. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-5772. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018/© The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Фотографы К.В. Синявский, С.В. Суэтова, А.М. Кокшаров, В.С. Теребин/ Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.
- С. 100. Вид города Одессы. Неизвестный художник. Цветная литография. 1854. https://ru.wikipedia.org/wiki/File:Odessa_as_it_was_in_1854.jpg
- С. 102. Nouvelle carte des decouvertes faites par de vasseaux russiennes aux côtes inconnues de l'Amérique septentrionale avec les pais adiacents. AGS, Secretaría de Estado. Leg. 06703.
- С. 107. Вид селения купца Шелехова на острове Кадьяке в гавани Манискакакяк или Трех святителей. Гравер И.В. Ческий. Гравюра на меди. 1802 г. // Атлас карт и рисунков к путешествию в Северо-Восточную часть России и острова северной части Тихого океана флота капитала Г. Сарычева. СПб, 1802.
- С. 112. Летний дворец и Летний сад в Санкт-Петербурге. Гравер Алексей Федорович Зубов. 1716 г. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Summer_Garden_\(Zubov\).jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/Summer_Garden_(Zubov).jpg).
- С. 117. *Villegas y Piñateli M. Historia de Moscovia y vida de sus czares*. Madrid: Imp. del Convento de la Merced, 1736. Т. 1. Титульный лист.
- С. 121. Бенито Херонимо Фейхоо-и-Монтенегро. Гравер Хуан Бернабе Паломино с утраченного портрета работы Франсиско Антонио Бустаманте. 1733–1734 гг. Мадрид: Блас Роман, 1781. Национальная библиотека Испании, Мадрид // История Испании. Т. 2. М.: Индрик, 2014. С. 99.
- С. 122. *Azneita J. Revoluciones de Rusia*. Madrid: Imprenta de Andres de Sotos, 1786. Титульный лист.
- С. 125. Педро де Гонгора-и-Лухан, маркиз де Альмодовар. Гравер Хуан Морено де Техада с портрета Луиса Парета-и-Алькасар // *Beladiez E. Dos españoles en Rusia: el marqués de Almodóvar 1761–1763 y Juan Valera 1856–1857*. Madrid. Prensa Española, 1969.
- С. 137. Атлас, сочиненный к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг. СПб: при Имп. Академии наук, 1737. Карта № 8. Португалия и Гишпания. С. 21. <https://dlib.rsl.ru/viewer/01008016098#?page=21>.
- С. 137. Граф Александр Романович Воронцов. Неизвестный художник круга Д.Г. Левицкого. Ок. 1786 г. Владимиро-Суздальский музей-заповедник. <https://ru.wikipedia.org/wiki/File:AlexandrRomanovichVorontsov.jpg>.

- С. 142. История о славном Ла-Манхском рыцаре Дон-Кишоте. Переведена с французского [перевод И.А. Тейльса]. СПб, 1769. Титульный лист. Из коллекции В.Е. Багно.
- С. 147. Изображение Майоркианского древа. Рукопись «Великой науки» Раймунда Люллия. XVIII век. Дрелехранилище Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН.
- С. 152. Александр I. Художник Джордж Доу. 1826. Холст, масло. Государственный художественно-архитектурный дворцово-парковый музей-заповедник «Петергоф».
- С. 153. Григорий Александрович Строганов. Художник Александр Молилари. 1815 г. Бумага, итальянский карандаш, сангина, мел. Государственный исторический музей. Москва.
- С. 155. Франсиско де Паула Сеа Бермудес. © Biografias y Vidas, 2004–2018. <https://www.biografiasyvidas.com/biografia/c/cea.htm>.
- С. 163. Хуан Ван Гален-и-Сарти. Гравер Хосе Вальехо-и-Галесасо. 1854. https://es.wikipedia.org/wiki/Juan_Van_Halen_y_Sart%C3%AD#/#/media/File:Juan_Van_Halen.jpg
- С. 166. Казненные декабристы: Пестель, Рылеев, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Каховский. Обложка первого выпуска альманаха А. Герцена и Н. Огарева «Полярная звезда». Лондон: Вольная русская типография, 1855.
- С. 167. Участники восстания 1 января 1820 г. в Лас-Кабесас-де-Сан-Хуан. Слева направо: Арко Агуэро, Лопес Баньос, Риго, Кирого. Гравюра Шарль Мотт. 1820. Музей Романтизма, Мадрид. Museo de Romanticismo. CER.es (<http://ceres.mcu.es>) Ministerio de Educación, Cultura y Deporte.
- С. 175. Агустин де Бетанкур-и-Молина. Неизвестный художник, ок. 1810 г. Гравюра. Из коллекции В.Е. Багно.
- С. 181. Московский Манеж. Архитектор Агустин де Бетанкур. Акварель. Ок. 1817 г. Официальный сайт Министерства культуры России. https://www.culture.ru/materials/157829/ekzercirgauz-ili-prosto-manezh#material_158154-1.
- С. 183. Изабелла II. Художник Франц Ксавье Винтерхальтер. 1852. Холст, масло. Королевский дворец, Мадрид.
- С. 187. Хуан Валера. https://es.wikipedia.org/wiki/Juan_Valera#/media/File:Juan_Valera.jpg.
- С. 189. Мариано Тельес-Хирон, герцог де Осуна. Художник Рамон Солдесвила. 1857. Холст, масло. Музей Романтизма, Мадрид. https://es.wikipedia.org/wiki/MarianoB3n_y_Beaufort_Spontin,_XII_duque_de_Osuna.JPG.
- С. 195. *Боткин В.П.* Письма об Испании. [Письмо 3] / Современник, 1847. Т. IV. С. 81. Фрагмент.
- С. 202. Владимир Константинович Пискорский. Фотография. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brockhaus_and_Efron_Encyclopedic_Dictionary_B82_46-4.jpg.
- С. 205. Диего де Сильва Веласкес. Завтрак. Холст, масло. Ок. 1617. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-389. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018/© The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Фотографы К.В. Синявский, С.В. Суэтова, А.М. Кокшаров, В.С. Теребин / Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.
- С. 206. Франсиско де Сурбаран. Отрочество Богоматери. Холст, масло. Ок. 1658–1660. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-306 © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018/© The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Фотографы К.В. Синявский, С.В. Суэтова, А.М. Кокшаров, В.С. Теребин / Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.
- С. 208. Эль Греко. Апостолы Петр и Павел. Холст, масло. 1587–1592. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-390 © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018/© The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Фотографы К.В. Синявский, С.В. Суэтова, А.М. Кокшаров, В.С. Теребин / Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.
- С. 210. Антонио Пуга (?). Старик, обучающий мальчика чтению. Холст, масло. 1630-е гг. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-5349. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018/© The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018.

- С. 295. Премьер-министр Испанской Республики Хуан Негрин // *Эренбург И.Г.* Испанские репортажи 1931–1939 / Сост. Попов В.В. и Фрезинский Б.Я. М.: Издательство АПН, 1986.
- С. 300. Долорес Ибаррури. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
- С. 301. Хосе Диас Рамос. Фотография. До 1939 г. // *Канторович А.* (сост.) Чапаев. Батальон двадцати одной национальности. М.: Художественная литература, 1939. https://ru.wikipedia.org/wiki//media/File:Jos%C3%A9_D%C3%ADaz_Ramos.png.
- С. 306. «Да здравствует могучая авиация страны социализма!» Советский плакат 1937 г. Открытка. <https://ru.wikipedia.org/wiki/B0.jpg>
- С. 307. «Книги — источник знания. Граждане, берегите библиотеки». Москва: Государственное издательство, 1920. Хромолитография, 77×52 см. Российская государственная библиотека. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%B8.jpg>
- С. 310. Рамон Менендес Пидаль. Фотография. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ram%C3%B3n_Men%C3%A9ndez_Pidal_01.jpg.
- С. 313. La Guardia Blanca. Программа спектакля «Белая гвардия» на исп. языке. Архив-Музей Дома Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 11. (В.М. Греч и П.А. Павлова). Оп. 1. № 81–82.
- С. 315. Поэт Эмилио Прадос, корреспондент ТАСС Овадий Савич, Илья Эренбург и поэт Хосе Эррера Петере в Барселоне // *Эренбург И.Г.* Испанские репортажи 1931–1939 / Сост. Попов В.В. и Фрезинский Б.Я. М.: Издательство АПН, 1986.
- С. 319. «Испанские дети» в Москве. 1937. // *Эренбург И.Г.* Испанские репортажи 1931–1939 / Сост. Попов В.В. и Фрезинский Б.Я. М.: Издательство АПН, 1986.
- С. 325. Здание Клуба им. Чкалова в Москве. Фотография А. Волкова.
- С. 336. Хосе Мария Арейлас. ©Hans Peters. CC BY-SA 3.0 [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Jos%C3%A9_Mar%C3%ADa_de_Areilza_\(1976\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Jos%C3%A9_Mar%C3%ADa_de_Areilza_(1976).jpg)
- С. 337. Аркадий Соболев. Фотография предоставлена Постоянным представительством Российской Федерации при ООН.
- С. 340. Здание МИД СССР на Смоленской площади. Москва. <http://mos-holidays.ru/zdanie-mid-rf-na-smolenskoj-ploshhadi/>.
- С. 341. Дворец Санта-Крус. Мадрид. С 1900 г. резиденция Государственного Министерства Испании (обладало функциями Министерства иностранных дел). <http://exteriores.gob.es> © Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación.
- С. 347. Ю.В. Дубинин и сотрудники «СОВИСПАН». Фотография предоставлена И. Янышев Нестеровой (из личного архива Хосе Луиса Пурриньяса Гонсалеса).
- С. 353. С. А. Богомолов на приеме у короля Испании Хуана Карлоса I. 1977. Фотография. ©Archivo Gráfico de Carta de España. Proyecto de Investigación de la Universidad Carlos III de Madrid. <http://memoriagrafica.xn-cartadees-paa-khb.es>.
- С. 354. Встреча министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и министра иностранных дел Испании Марселино Орехи Агирре в аэропорту Внуково. Москва. 18.01.1979 // Arriba. 19.01.1979. Из личного архива А.А. Орлова.
- С. 359. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К.У. Черненко (справа) и Хуан Карлос I на площади Большого Кремлевского дворца. Москва, 01.05.1984. © РИА Новости. Юрий Абрамочкин.
- С. 365. Посол Королевства Испании в СССР Хуан Антонио Самаранч (второй справа в первом ряду) после церемонии вручения верительных грамот. Москва, 08.08.1977. <https://archives.gov.by/index.php?id=690790>.
- С. 366. Ю. В. Дубинин на приеме у короля Испании Хуана Карлоса I. Ноябрь, 1978. Фотография из личного архива Ю.В. Дубинина.
- С. 370. Председатель правительства Испании Фелипе Гонсалес и президент СССР М.С. Горбачев. Москва, 07.07.1991. ©Archivo Gráfico de Carta de España. Proyecto de Investigación de la Universidad Carlos III de Madrid. <http://archivografico.xn-cartadees-paa-khb.es/index.php?album=0&pg=1907>

- С. 372. Встреча руководителей КПИ с «детьми войны» в Испанском Центре в Москве. Президиум. Москва, 1978. Фотография из личного архива О.В. Волосюк.
- С. 373. Встреча руководителей КПИ с «детьми войны» в Испанском Центре в Москве. Зал. Москва, 1978. Фотография из личного архива О.В. Волосюк.
- С. 379. Председатель правления Общества дружбы «СССР–Испания» Ю.А. Овчинников открывает заседание общества, посвященное 5-й годовщине восстановления дипломатических отношений. Москва, 1982. © РГАКФД. Шифр: 0–323 цв. Ед. хранения 323.
- С. 386. III коллоквиум российских и испанских историков. Москва, 1985. Фотография из личного архива О.В. Волосюк.
- С. 387. Заведующий кафедрой иберо-романского языкознания профессор В.С. Виноградов и посол Королевства Испания в СССР Х.А. Самаранч на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 1978. © Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. <http://www.philol.msu.ru/~msu250/photoalbum/?f=4&im=11>.
- С. 397. Народная артистка СССР, балерина Майя Плисецкая во время съёмки в телестудии «Останкино» сцены из балета «Кармен-сюита» композитора Р.К. Щедрина. Москва, 11.12.1973. © РГАКФД. Автор съёмки Вдовенко Б.Е. Шифр: 0–380325 ч/б. Ед. хранения: 380325.
- С. 398. Испанский певец Хулио Иглесиас, находящийся в Советском Союзе на гастролях, на Красной площади. Москва, 02.10.1989. © РГАКФД. Шифр: 0–351085 ч/б. Ед. хранения: 351085.
- С. 401. И.С. Иванов вручает верительные грамоты королю Испании Хуану Карлосу I. Декабрь 1991. © РСМД. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6604#topcontent.
- С. 403. Председатель правительства Испании Ф. Гонсалес и президент России Б.Н. Ельцин. Москва, 01.09.1995. © РИА Новости. Владимир Радионов // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España. 1667–2017* / отв. ред. О.В. Волосюк. М.: МО, 2016.
- С. 407. Президент России В.В. Путин и председатель правительства Испании Хосе Мария Аснар. Мадрид, 13 июня 2000 г. <http://kremlin.ru/events/president/trips/45654/photos/28761>.
- С. 410. Президент России Дмитрий Медведев и председатель правительства Испании Х.Л. Родригес Сапатеро. Подписание Декларации о стратегическом партнёрстве. Мадрид, 03.03.2009. <http://kremlin.ru/events/president/news/3346>.
- С. 413. Посол Королевства Испания Хосе Игнасио Карбахаль Гарате вручает верительные грамоты президенту России В.В. Путину. Москва, 24.01.2013. <http://kremlin.ru/events/president/news/17364/photos/14341>.
- С. 415. Посол Королевства Испании Игнасио Ибаньес Рубио и президент России В.В. Путин на церемонии вручения верительных грамот. Москва, 03.10.2017. <http://kremlin.ru/events/president/news/55756/photos/50562>.
- С. 416. Король Испании Филипп VI и председатель правительства РФ Дмитрий Медведев. Москва, 01.07.2018. <http://government.ru/news/33084/>.
- С. 418. Президент России В.В. Путин и король Испании Хуан Карлос I. Мадрид, 08.02.2006. <http://en.kremlin.ru/catalog/countries/ES/events/45579/photos/26124>.
- С. 419. Президент России В.В. Путин и королева Испании София. Мадрид, 8 февраля 2006 г. <http://en.kremlin.ru/catalog/countries/ES/events/45579/photos/26127>.
- С. 422. Встреча С.В. Лаврова с королем Испании Хуаном Карлосом I. Мадрид, 04.03.2014. © МИД РФ. Эдуард Песов.
- С. 433. Директор библиотеки Института Сервантеса Д. Каррион, Принц Астурийский Фелипе, директор Института Сервантеса М. Вега, министр иностранных дел РФ И.С. Иванов, посол Испании в России Х.М. Роблес Фрага во время открытия Института Сервантеса в Москве. Февраль 2002 г. Фотография предоставлена Институтом Сервантеса в Москве.
- С. 441. Пласидо Доминго выступает с концертом на Красной площади. Москва, 13.06.2018. Фотография О.В. Волосюк.

С. 444. Декан факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» С.А. Караганов и посол Королевства Испании Хосе Игнасио Карбахаль Гарате на международном конгрессе «Россия-Испания: политика, экономика и культура». Москва, 27.04.2016. <https://www.hse.ru>.

С. 445. Открытие международного конгресса «Россия-Испания: политика, экономика и культура» в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». Москва, 27.04.2016. <https://www.hse.ru>.

С. 447. Посол Королевства Испании Игнасио Ибаньес Рубио на презентации книги «Испания-Россия: исторические судьбы и современная эпоха» в Институте Сервантеса. Москва, 20.03.2018. Фотография М.К. Карауловой.

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА

Лист 1. Русское государство и монархия Габсбургов в XVI–XVII вв.

MOSKAUW. Moscovia, Urbs, regionis eius denominis metropolitana, duplo maior, qua Praga Boiemiae, ligneaae dificia habet, sed dispersas, latissimi campi interiacent: Mosca amnis, ipsa mirrigat.[Colonia, 1580]. Гравюра (калькография). Вид Москвы из Civitates Orbis Terrarum (1580) [копия изображения, опубликованного в *Regum Moscoviticarum Comentarüi* (1549) Сигизмунда фон Герберштейна]. Национальный институт географии. Мадрид.

Петр Иванович Потемкин. Художник Хуан Карреньо де Миранда. Холст, масло. 1681–1682. Музей Прадо, Мадрид. Фрагмент // История Испании. Т. 1. М.: Индрик, 2012. С. 577.

Яков Федорович Долгоруков. Художник Шарль Лебрен. 1687. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург // Российские дипломаты в Испании. *Diplomáticos rusos en España*. 1667–2017 / отв. ред. О.В. Волосюк. М.: МО, 2016. С.23.

Лист 2. Испания и Россия в XVIII–XIX вв.

Карл III. Художник Антон Рафаэль Менгс. Около 1761. Холст, масло. Музей Прадо, Мадрид.

Екатерина II. Художник Федор Степанович Рокотов. 1763. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея. Москва.

Королевский дворец в Аранхуэсе. Главный фасад. Художник Фернандо Брамбила. 1830. Холст, масло. (Patrimonio Nacional).

Праздничные сооружения в честь браков испанских инфантов перед резиденцией герцога де Лириа. Москва, 1728. AGS. Secretaría de Estado, Legajos, 06611.

Лист 3. Испания и Россия в XVIII–XIX вв.

Зимний дворец (северный фасад). Середина XIX в. Художник Жозеф-Мария Шарлемань-Бодэ. Литография Жатоте и Регамэ. Российская Национальная библиотека, Санкт-Петербург.

Королевская резиденция Эскориал. Вид со стороны Уэрта де Кастаньяр в полдень. Художник Фернандо Брамбила. Холст, масло, 1830. (Patrimonio Nacional).

Лист 4. XIX век. Испанская коллекция Государственного Эрмитажа

Репродукции произведений испанских мастеров предоставлены Государственным Эрмитажем. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018/© The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Фотографы К.В. Сиявский, С.В. Суэтова, А.М. Кокшаров, В.С. Теребин / Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.

Хуан Баутиста дель Майно. Поклонение пастухов. Ок. 1612. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-315.

Луис де Моралес. Скорбящая Богоматерь. 1570-е. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-358.

Хусепе де Рибера. Св. Иероним и Ангел. 1626. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-311.

Франсиско де Сурбаран. Св. Лаврентий. 1636. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-362.

Лист 5. XIX век. Испанская коллекция Государственного Эрмитажа

Репродукции произведений испанских мастеров предоставлены Государственным Эрмитажем. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018/© The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Фотографы К.В. Синявский, С.В. Суэтова, А.М. Кокшаров, В.С. Терebin / Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.

Бартоломе Эстебан Мурильо. Непорочное Зачатие («Уолпола»). Ок. 1680. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-387.

Хуандель Кастильо. Встреча Марии и Елизаветы. Ок. 1630–1635. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-326.

Алонсо Кано. Распятие. Ок. 1636–1638. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-5572.

Бартоломе Эстебан Мурильо. Раскаianie Св. Петра. Ок. 1650. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-3589.

902 Лист 6. XIX век. Испанская коллекция Государственного Эрмитажа

Репродукции произведений испанских мастеров предоставлены Государственным Эрмитажем. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018/© The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Фотографы К.В. Синявский, С.В. Суэтова, А.М. Кокшаров, В.С. Терebin / Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.

Бартоломе Эстебан Мурильо. Отдых Св. Семейства на пути в Египет. Ок. 1665. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-340.

Хусепе де Рибера. Св. Себастьян и Св. Ирина. 1628. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-325.

Лист 7. Карл Брюллов и Диего Веласкес

Неизвестный художник. [Бартоломе Эстебан Мурильо, мастерская]. Св. Иоанн Креститель с ягненком. Копия XVIII в. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-299. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018/© The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Фотографы К.В. Синявский, С.В. Суэтова, А.М. Кокшаров, В.С. Терebin / Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.

Диего Веласкес. Портрет Гаспара де Гусмана, графа-герцога де Оливареса. Ок. 1617. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-300. © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018/© The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Фотографы К.В. Синявский, С.В. Суэтова, А.М. Кокшаров, В.С. Терebin / Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.

Диего Веласкес. Портрет папы Иннокентия X. Ок. 1660. Холст, масло. Галерея Дориа-Памфили. Рим. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Retrato_del_Papa_Inocencio_X_Roma_by_Diego_Vel%C3%A1zquez.jpg.

Карл Брюллов. Портрет Микельанджело Ланчи. 1851. Холст, масло. Государственная Третьяковская Галерея, Москва. <https://www.wikiart.org/en/karl-bryullov/portrait-of-the-archeologist-michelangelo-lanci>.

Лист 8. Испания и Россия в XX в.

Великий князь Борис Владимирович и король Испании Альфонс XIII. 1908. <http://www.regimientofarnesio.es/charosca.html>.

И.А. Кудашев (слева) перед церемонией вручения верительных грамот. Май 1916. // *La Ilustración española y americana*. Año LX, 5.05.1916, № 18. P. 279.

А.В. Неклюдов (в центре) в резиденции премьер-министра. Июль 1917. // *La Nación*. № 252. 03.07.1917. P.3.

Лист 9. Испания и Россия в XX в.

Марселино Паскуа // *Guerra y revolución en España*. Moscú: Editorial Progreso, 1977. T. IV.

Дети войны // Guerra y revolución en España. Moscú: Editorial Progreso, 1977. Т. IV.

Родригес Луна, Антонио. Гражданская война в Испании. 1930-е гг. Холст, масло. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. Инв. № ГЭ-9049/© The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2017. С.В. Суэтова, Л.Г. Хейфец / Svetlana Suetova, Leonard Kheifets.

Лист 10. Испания и Россия в XX в.

С.А. Богомолов вручает верительные грамоты королю Испании Хуану Карлосу I. Май, 1977. © Archivo Gráfico de Carta de España. Proyecto de investigación de la Universidad Carlos III de Madrid. <http://memoriagrafica.xn-cartadeespa-khb.es>.

Министр иностранных дел СССР А.А. Громыко (справа) на приеме у короля Испании Хуана Карлоса I. Ноябрь, 1979. © Archivo Gráfico de Carta de España. Proyecto de investigación de la Universidad Carlos III de Madrid. <http://memoriagrafica.xn-cartadeespa-khb.es>.

Ю.В. Дубинин, Ф. Гонсалес, А.А. Громыко. Фотография // *Дубинин Ю.В.* Мастерство переговоров. М.: Международные отношения, 2009.

Лист 11. Испания и Россия в XX в.

Король Испании Хуан Карлос I и королева София с генеральным секретарем ЦК КПСС К.У. Черненко. Москва, май 1984. © РИА Новости. Вячеслав Рунов // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / отв. ред. О.В. Волосюк. М.: МО, 2016.

Президент СССР и король Испании Хуан Карлос I обходят строй почетного караула королевской гвардии, в рамках официального визита главы СССР в Испанию. Октябрь 1990. © РИА Новости. Владимир Вяткин // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / отв. ред. О.В. Волосюк. М.: МО, 2016.

Визит короля Испании Хуана Карлоса I в Москву, встреча с президентом России Б.Н. Ельциным. Май 1999 © РИА Новости.

Владимир Радионов // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / отв. ред. О.В. Волосюк. М.: МО, 2016.

Лист 12. Испания и Россия в XXI в.

Встреча президента России В.В. Путина с королем Испании Хуаном Карлосом I. Мадрид, дворец Орьенте, 13.06.2000. <http://kremlin.ru/events/president/news/38543>.

Президент России В.В. Путин и председатель правительства Испании Х.М. Аснар. Пресс-конференция. 22.05.2001. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/41400>.

Принц Астурийский Фелипе и президент России В.В. Путин на встрече в Кремле, 07.02.2002. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/42394/photos/31798>.

Лист 13. Испания и Россия в XXI в.

Принц Астурийский Фелипе подписывает акт об открытии Института Сервантеса. Москва, февраль 2002. Фотография представлена Институтом Сервантеса в Москве.

Министр иностранных дел И.С. Иванов и Принц Астурийский Фелипе в Институте Сервантеса. Москва, февраль 2002. Фотография представлена Институтом Сервантеса в Москве.

День испанского языка в Институте Сервантеса в Москве. Фотография представлена Институтом Сервантеса в Москве.

Лист 14. Испания и Россия в XXI в.

Встреча президента России В.В. Путина с председателем Правительства Испании Х.Л. Родригесом Сапатеро. Сочи, 28.09.2007. <http://kremlin.ru/events/president/news/42705>.

Президент России Д.А. Медведев и король Испании Хуан Карлос I. Санкт-Петербург, 25.02. 2011. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/10438>.

В.В. Путин, Пласидо Доминго и Хосе Каррерас. Ново-Огарево, 18.12.2012. <http://kremlin.ru/events/president/news/17161/photos/14082>.

Лист 15. Испания и Россия в XXI в.

Председатель правительства Испании Х.А. Родригес Сапатеро и посол РФ в Испании А.И. Кузнецов. Фотография из личного архива А.И. Кузнецова.

Председатель правительства Испании М. Рахой и президент России В.В. Путин. Санкт-Петербург, 06.09.2013. <http://kremlin.ru/events/president/news/19169/photos/17026>.

Лист 16. Испания и Россия в XXI в.

Посол Испании в России Х.И. Карвахаль Гарате, министр иностранных дел России С.В. Лавров, король Испании Хуан Карлос I, министр иностранных дел Испании Х.-М. Гарсия Маргальо, зам. директора МИД России А.Ю. Мешков и посол России в Испании Ю.П. Корчагин. Мадрид, март 2014. Фотография использована с разрешения Посольства Королевства Испания в России.

Король Испании Филипп VI, президент ФИФА Джанни Инфантино и председатель правительства РФ Дмитрий Медведев на матче сборных команд чемпионата мира по футболу ФИФА 2018. Москва, Лужники. Москва, 01.07.2018. <http://government.ru/news/33084>.

Обложка

Дворцовая набережная у Мраморного дворца от Петропавловской крепости. Художник Бенжамен Патерсен. 1799. Бумага, гравюра очерком, акварель. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург // Комелова Г.Н. Петербург конца XVIII — начала XIX в. в акварелях и гравюрах Бенжамена Патерсена. © 2003–2018 root.elima.ru. URL:<http://elima.ru/articles/index.php?id=228> (дата обращения: 02.11.2017).

Королевский дворец в Аранхуэсе. Главный фасад. Художник Фернандо Брамбила. 1830. Холст, масло. (Patrimonio Nacional).

Форзац

Королевская резиденция Аранхуэс, большой каскад и дворец. Вид с востока. Художник Фернандо Брамбила. Холст, масло. 1830. (Patrimonio Nacional).

Нахзац

Москва. Вид от Кремля. Гравер Джеймс Тиббитс Уилмор по рисунку Альфреда Викерса. 1835. Из коллекции О.В.Волосюк.

ÍNDICE DE ILUSTRACIONES

P. 464. Pedro Mártir de Anglería. Grabado por Henry Meyer, 1825. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Peter_Martyr_d%27Anghiera03a.jpg.

P. 468. Carta de salvoconducto para los embajadores del zar Fiódor Ivánovich, 1594. El Archivo General de Simancas. Estado, Legajo 07034.

El consejo editorial agradece a Doña Julia Teresa Rodríguez de Diego, Directora del Archivo General de Simancas, su inestimable ayuda y apoyo para hacer uso de las copias de documentos y por facilitar el derecho de publicación de los mismos en este libro.

P. 466. Alonso Sánchez Coello. Felipe II. Circa 1570 . Óleo sobre lienzo. Glasgow Museum. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Philip_II_by_Alonso_Sanchez_Coello.jpg

P. 470. Detalle de la Carta de Juan de la Cosa, girada, con el Rey de Rusia. Museo Naval, Madrid.

P. 473. Tabu[la] Moderna Hungariae, Poloniae, Russiae, Prussiae, et Valachiae 1522, [1525] [Claudio Ptolomeo]; L.F. [Laurent Fries (Laurentius Phrisius)] [Escala aprox. 1:2.500.000] [Estrasburgo, Johan Grieninger], 1525. Xilografía, latín, letra gótica 1 mapa: blanco y negro: 34,5 × 47,5 cm // Laurentius Frisius, de 1522, Claudii Ptolemaei Geographicae enarrationis libri octo Bilibaldo Pirckeymhero interprete. Instituto Geográfico Nacional (IGN), Madrid.

P. 476. Moscovia Sigismundi liberi Baronis in Herberstein, Neiperg, et Gutenhaganno M.D.XLIX (1549 Editor, per Ioannem Oporinum (Basileae) Escala: [ca. 1:8.000.000]; Distancia per miliaria 90 [= 7 cm] //Rerum Moscoviticarum Comentariorum de Sigismund von Herberstein. IGN, Madrid.

P. 484. Pintor desconocido de la segunda mitad del siglo XVII. El zar Alexéi Mijáilovich.

1670–1680. Óleo sobre lienzo. Museo Histórico Estatal. Moscú.

P. 487. El periódico manuscrito *Los courantes*. <https://ru.wikipedia.org/wiki/media/File:Vesti-1631.jpg>

P. 495. Luis Tristán. Lope de Vega. 1614. Óleo sobre lienzo. El Ermitage. San Petersburgo. № ГЭ -353. © The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018/ Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.

P. 501. La carta del zar Alexéi Mijáilovich dirigida al rey de España Felipe IV. (31.05/11.06.1667). RGADA. F.58. Exp. 1. Leg. 11. Fol.101–102. Fragmento.

P. 506. Jean Marc Nattier. Pedro I con las insignias del Orden de San Andrés. 1717. Óleo sobre lienzo. Museo de Residencia. Munich.

P. 507. Pintor desconocido, Serguéi Golitsin. La primera mitad del siglo XVIII. Óleo sobre lienzo. Museo «El Kremlin de Zaráisk». Zaráisk.

P. 511. Hyacinthe Rigaud. El Duque de Liria (Jacobo de Liria y Jerica). La primera mitad del siglo XVIII Óleo sobre lienzo. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:James_Fitz-James_Stuart,_2nd_Duke_of_Berwick.jpg

P. 516. Francisco de Goya y Lucientes. José Moñino, el conde de Floridablanca. Circa 1783. Óleo sobre lienzo. Museo del Prado. Madrid // Istoriya Ispanii.(Historia de España) T.2. M.: Indrik, 2014. P.144.

P. 520. La carta cifrada de Stepán Zinóviev. AVPRI. F. Relaciones de Rusia con España. Exp. 58. Leg. 477. F. 42. Un fragmento.

P. 522. La tarjeta de visita de Stepán Zinóviev // *Jiménez Garcés J.A.* La obra del cartógrafo Cano y Olmedilla y su mapa de la América me-

- ridional de 1775. Tesis doctoral. Universidad Complutense. Madrid, 2016. Apéndice I. P. 17. Ilustración 6. © José Andrés Jiménez Garcés, 2015. <http://eprints.ucm.es/37926/1/T37329.pdf>
- P. 524. Vista del Real Monasterio de El Escorial. La vista del monasterio en perspectiva caballera desde el oeste por su fachada principal. Grabado por Theophil Friedrich Ehrmann de la estampa de Juan Herrera // *Ehrmann T.F. Neueste Länder und Völkerkunde, ein geographisches Lesebuch für alle Stände*, 1806. Das Escorial. ca. 1820, IGN, Cartoteca.
- P. 526. Fernando Brambila. Vista del Real Sitio de Aranjuez, de la cascada grande y Palacio, tomada a la parte de levante. Patrimonio Nacional.
- P. 529. La expulsión de los jesuitas. Grabado de Charles Maucourt. 1767. Museo Británico. Londres // *Istoria Ispanii (Historia de España)*. T.2. M.: Indrik, 2014. P. 62.
- P. 531. Otto Magnus Stackelberg. Grabado de Yeliséi Koshkin // *Morozov A. Katalog moego sobrániya ruskij gravirovannyj y litografi ro-vanyj portretov*. (Catálogo de mi colección de retratos grabados y litografiados rusos). Moscú: Tovarishstvo Skoropechatni A. A. Levinson. 1913. V. 4. P. CDLXVII.
- P. 537. Plano de Cádiz en el siglo XVIII. Paris: chez Basset, 1700. Institut Cartogràfic i Geològic de Catalunya, Barcelona. Mapes d'Espanya (siglos XV–XX) // *Российские дипломаты в Испании. Дипломáticos rusos en España. 1667–2017 / O.Volosyuk (dir.)*. Moscú: MO, 2016. P. 369.
- P. 538. Antonio Colombí y Payet. Pintor desconocido. Comienzos del siglo XIX. Óleo sobre lienzo. Colección de los condes Colombí // *Istoriya Ispanii (Historia de España)* T.2. M.: Indrik, 2014. P. 277.
- P. 542. Johann-Baptist I. Lampi. Retrato del almirante Ósip Mijáilovitch de Ribas. 1796. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-5772. © The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Fotografía Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.
- P. 544. La vista de la ciudad de Odessa. Pintor desconocido. Litografía en color. 1854. https://ru.wikipedia.org/wiki/File:Odessa_as_it_was_in_1854.jpg
- P. 547. Nouvelle carte des decouvertes faites par de vaisseaux russiens aux côtes inconnues de l'Amérique septentrionale avec les pais adiacents. AGS, Secretaría de Estado. Leg. 06703.
- P. 551. La vista de la población del negociante Shélikhov en la isla de Kodiak en la bahía de Maniskaksiak ó de los Tres Santos. Grabado por Iván Cheski. 1802 // Atlas kart i risunkov k puteshestviyu v Severo-Vostochnuyu chast' Rossii i ostrova severnoj chasti Tihogo okeana flota kapitana G.Sarycheva (Atlas de mapas y dibujos del viaje a la parte noroeste de Rusia y las islas en el Pacífico Norte hecho por el capitán G. Sarychev). San Petersburgo, 1802.
- P. 556. El Palacio del Verano y el Jardín del Verano en San Petersburgo. Grabado por Alexéi Zúbov, 1716. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Summer_Garden_\(Zubov\).jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/Summer_Garden_(Zubov).jpg)
- P. 561. *Villegas y Piñateli M.* Historia de Moscovia y vida de sus czares. Madrid: Imp. del Convento de la Merced, 1736. T.1. La portada.
- P. 564. Benito Jerónimo Feijóo y Montenegro. Grabado por Juan Bernabe Palomino del retrato por Francisco Antonio Bustamante, 1733–1734 (perdido). Madrid: Blás Roman, 1781. Biblioteca Nacional de España // *Istoriya Ispanii (Historia de España)* T.2. M.: Indrik, 2014. P.99.
- P. 565. *Azneita J.* Revoluciones de Rusia. Madrid: Imprenta de Andres de Sotos, 1786. La portada.
- P. 567. Pedro de Góngora y Luján, el marqués de Almodóvar. Grabado por Juan Moreno de Tejada del retrato por Luis Paret y Alcázar // *Beladiez E.* Dos españoles en Rusia. El Marqués de Almodovar (1761–1763) y don Juan Valera (1856–1857). Madrid: Prensa española, 1969.
- P. 574. Atlas, sochinennyj k pol'ze i upotrebleniyu yunoshestva i vsekh chitatelej vedomostej i istoricheskikh knig (Atlas ruso compuesto para el bien de la juventud). Mapa N° 8. Portugal y España. San Petersburgo: Academia Imperial de las Ciencias, 1737. P. 21. <https://dlib.rsl.ru/viewer/01008016098?page=21>
- P. 579. Pintor desconocido del círculo de D. Levitski. El conde Alexander Vorontsov. Circa 1786. El Museo de Vladimir-Suzdal. <https://ru.wikipedia.org/wiki/File:AlexandrRomanovichVorontsov.jpg>

- P. 584. Istoriya o slavnom La-Manhskom rycare Don-Kishote. Perevedena s francuzskogo (La historia del glorioso caballero Don Quijote de La Mancha traducida del francés) [traducción de Ignátiy Teills]. San Petersburgo, 1769. La portada. De la colección de Vsévolod Bagnó.
- P. 591. El árbol de la ciencia. Un fragmento de manuscrito del “Ars magna” de Raimundo Lulio. Siglo XVIII. Instituto de la Literatura Rusa (La Casa de Púshkin) de la Academia de Ciencias de Rusia. Fondo Antiguo. San Petersburgo.
- P. 594. George Dawe. Retrato de Alejandro I. 1826. Oleo sobre lienzo. Museo Estatal “Peterhof”. Peterhof.
- P. 595. Alexánder Molinari. Retrato de Grigori Stróganov. 1815. Papel, lapiz italiano, sanguina, gis. Museo Historico Estatal. Moscú.
- P. 598. Francisco de Paula de Zea Bermúdez © Biografías y Vidas, 2004–2018. <https://www.biografiasyvidas.com/biografia/c/cea.htm>
- P. 605. Juan Van Halen y Sartí. Grabado por José Vallejo y Galeaso, 1854. https://es.wikipedia.org/wiki/Juan_Van_Halen_y_Sart%C3%AD#media/File:Juan_Van_Halen.jpg
- P. 606. Los decembristas ejecutados: Péstel, Rylév, Muravyov-Apóstol, Bestúzhev-Riumin, Kajovski. La portada del primer número del almanaque *La Estrella Polar* de Alexánder Herzen y Nicolái Ogarév. London: Vol'naya russkaya tipografiya, 1855.
- P. 607. Les immortels: Arco Aguero, Lopez Baños, Riego, Quiroga. Grabado por Charles de La Motte. Museo de Romanticismo. CER.es (<http://ceres.mcu.es>). Ministerio de Educación, Cultura y Deporte.
- P. 617. Agustín de Betancourt y Molina. Pintor desconocido. Circa 1810. Grabado. De la colección de Vsévolod Bagnó.
- P. 622. El Picadero de Moscú. Arquitecto Agustín de Betancourt. Acuarela. Circa 1817. Ministerio de Cultura de Rusia. https://www.culture.ru/materials/157829/ekzercir-gauz-ili-prosto-manezh#material_158154-1
- P. 625. Franz Xavier Winterhalter. Isabel II, retratada junta a su hija Isabel. 1852. Palacio Real, Madrid // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O.Volosyuk (dir.). Moscú: MO, 2016. P. 451.
- P. 629. Ramon Soldevila. Retrato de Mariano Tellez Girón, el duque de Osuna. 1857. Óleo sobre lienzo. Museo de Romanticismo. Madrid. https://es.wikipedia.org/wiki/MarianoB3n_y_Beaufort_Spontin,_XII_duque_de_Osuna.JPG
- P. 631. Juan Valera. https://es.wikipedia.org/wiki/Juan_Valera#/media/File:Juan_Valera.jpg.
- P. 633. *Botkin V.P.* Cartas sobre España.[Carta 3]// *Sovremennik*, 1847. T. IV. P. 81. Fragmento.
- P. 639. Vladímir Piskorski. Fotografía. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Brockhaus_and_Efron_Encyclopedic_Dictionary_B82_46-4.jpg
- P. 645. Diego de Silva Velázquez. El almuerzo. Circa. 1617. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-389. © The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Fotografía Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.
- P. 646. Francisco de Zurbarán. La Virgen niña en oración. Circa 1658–1660. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-306. © The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Fotografía Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.
- P. 648. El Greco. Los apóstoles Pedro y Pablo. 1587–1592. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-390. © The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Fotografía Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.
- P. 650. Antonio Puga (?). 1630. Anciano enseñando a leer a un niño. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-5349. © The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Fotografía / Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.
- P. 656. Autor desconocido. Cabeza de anciano. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-4071. © The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Fotografía Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin
- P. 659. Konstantin Sómov. El retrato de su padre, Andréi Sómov. 1897. Óleo sobre lienzo. [https://ru.wikipedia.org/wiki/media/File:A.I._Somov,_artist%27s_father_by_K.Somov_\(1897\).jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/media/File:A.I._Somov,_artist%27s_father_by_K.Somov_(1897).jpg)

- P. 662. Don Kishot Lamanhskij. Sochinenie Servanta. Perevedeno s Florianova francuzskogo perevoda V. Zhukovskim (Don Quijote de La Mancha. Compuesto por Cervant [Cervantes]. Traducido de la traducción francesa de Frorian por Vasili Zhukovski). San Petersburgo: Tip. de Platón Békotov, 1803. La portada. De la colección de Vsévolod Bagnó.
- P. 668. Juan Martínez Jaúregui y Agular (?). Retrato de Miguel de Cervantes Saavedra. 1600. Óleo sobre lienzo. Real Academia de Historia, Madrid. https://ru.wikipedia.org/wiki/File:Cervantes_J%C3%A1uregui.jpg
- P. 671. Iván Turguénev. Fotografía. Baden-Baden. 1871. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Turgenev_1871.jpg
- P. 677. *Pardo Bazán E.* La revolución y la novela en Rusia. Madrid: Imprenta y Fundación de M. Tello, 1887. De la colección de Vsévolod Bagnó.
- P. 678. El Ateneo de Madrid. Arquitectos Enrique Fort Guyenet, Luis de Landecho y Jordán de Urries, 1882–1884 // *Istoriya Ispanii.* (Historia de España). T.2. M.: Indrik, 2014. P. 396.
- P. 683. *El Imparcial.* 9 noviembre 1917.
- P. 687. Alfonso XIII. Circa 1923. Fotografo Cristian Franzen. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Alfonso_XIIIdeEspa%C3%B1a.jpg
- P. 689. El zar de Rusia dirigiéndose a revisar las tropas // La Ilustración española y americana. 30.08.1915. Nº32. P. 12.
- P. 690. *Jara J.F.* La familia imperial // La Ilustración española y americana. Nº 35. Madrid, 22 septiembre 1918. P.35.
- P. 693. Miguel de Unamuno. Fotografía. 1925. https://es.wikipedia.org/wiki/Miguel_de_Unamuno#/media/File:Miguel_de_Unamuno_Meurisse_1925.jpg.
- P. 695. *Fiodor Dostoïevski.* Journal d'un écrivain. T. 1–3. Trad. de Jean Chuzeville. Paris: Bossard, 1927. La Biblioteca de la Casa-Museo de Miguel de Unamuno. Salamanca. Del archivo privado de Kiril Korkonósenko.
- P. 699. *Benois A.* Putevoditel' po kartinnoj galeree Imperatorskogo Ermitazha. (Guía de la pinacoteca del Ermitage Imperial). San Petersburgo: Obshchina sv. Yevgenii, [1911]. La solapa y la portada. De la colección de Olga Volosyuk.
- P. 703. *Voloshin M.* Zapisnaya knizhka. Dnevnik putesthestviya v Ispaniyu (El cuaderno de notas. El diario del viaje a España) (1901) // *Bagnó V.E.* Rossiya i Ispaniya: obshchaya granica (Rusia y España: la frontera común) San Petersburgo: Nauka, 2006.
- P. 704. Alexander Benois. Petrushka. Boceto para el ballet "Petrushka". De la colección de Vsévolod Bagnó.
- P. 705. Alexander Benois. Colombina. Boceto para el ballet "Petrushka". De la colección de Vsévolod Bagnó.
- P. 708. *Maximo Gorki.* Varenka Olesova. Madrid: Calpe, 1920. Solapa de la edición española.
- P. 711. *Nikulín L.* Cartas sobre España. Moscú. Goslitizdat, 1935. Solapa.
- P. 715. Anatoli Lunacharski. Fotografía. 1925. https://ru.wikipedia.org/wiki/%:Anatoliy_Lunacharskiy_1925.jpg
- P. 718. Marcel Rosenberg. Fotografía. La Embajada de Rusia en el Reino de España. http://spain.mid.ru/web/spain_ru/galerea-poslov
- P. 721. Vladímir Antonov-Ovséyenko, el consul general de la URSS en Barcelona. 1936. Fotografía. <https://ru.wikipedia.org/wiki//media/File:Antonov-Ovseyenko.jpg>
- P. 725. Ilyá Ehrenburg y los aviadores de la escuadrilla "Alas rojas" cerca de Huesca // *Ehrenburg I. G.* Ispanskiye reportazhi 1931–1939 / Popov V.V., Frezinskij B.Ya.(Coord.) (Los reportajes de España 1931–1939) Moscú: Izdatel'stvo APN, 1986.
- P. 731. El primer ministro de la Republica española Juan Negrín // *Ehrenburg I. G.* Ispanskiye reportazhi 1931–1939 / Popov V.V., Frezinskij B.Ya.(Coord.) (Los reportajes de España 1931–1939) Moscú: Izdatel'stvo APN, 1986.
- P. 736. Dolores Ibárruri. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
- P. 737. José Díaz Ramos. Fotografía. Antes de 1939 // *Kantorovich A.* (Coord.) Chapáev. Batal'on dvadcati odnoj nacional'nosti. (Chapáev. El batallón de 21 nacionalidades) Moscú: Hud. Lit., 1939. https://ru.wikipedia.org/wiki//media/File:Jos%C3%A9_D%C3%ADaz_Ramos.png

- P. 740. “¡Qué viva una vigorosa aviación del país de socialismo!”. El cartel. 1937. La postal. <https://ru.wikipedia.org/wiki/B0.jpg>
- P. 741. “Los libros son fuente del saber. ¡Cuidadanos! Cuidad las bibliotecas”. El cartel. Moscú: Gos. Izd-vo. Litografía en color. 77×52 cm. Biblioteca Estatal de Rusia. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%B8.jpg>
- P. 744. Ramón Menéndez Pidal. Fotografía. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ram%C3%B3n_Men%C3%A9ndez_Pidal_01.jpg
- P. 747. *La Guardia Blanca*. El programa teatral para la función *La Guardia Blanca*. El Archivo-Museo de la Casa Solzhenitsyn de Rusia en el extranjero. Fondo 11. (V.M. Grech y P.A. Pavlov). Leg. 1. Nº 81–82.
- P. 749. Emilio Prados, Ovadj Savich, Ilyá Ehrenburg y José Herrera Petere en Barcelona // *Ehrenburg I.G. Ispanskije reportazhi 1931–1939 / Popov V.V., Frezinskij B.Ya.*(Coord.) (Los reportajes de España 1931–1939). Moscú: Izdatel'stvo APN, 1986.
- P. 753. Los “niños de la guerra” en Moscú. 1937. // *Ehrenburg I.G. Ispanskije reportazhi 1931–1939 / Popov V.V., Frezinskij B.Ya.*(Coord.) (Los reportajes de España 1931–1939) Moscú: Izdatel'stvo APN, 1986.
- P. 758. El edificio del Club Chkállov en Moscú. Fotografía de A. Vólkov.
- P. 768. José María Areílza ©Hans Peters. CC BY-SA 3.0 [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Jos%C3%A9_Mar%C3%ADa_de_Areílza_\(1976\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Jos%C3%A9_Mar%C3%ADa_de_Areílza_(1976).jpg)
- P. 769. Arkadi Sóbolev. Fotografía del archivo de la Misión Permanente de Rusia ante la ONU.
- P. 772. La sede del Ministerio de Asuntos Exteriores en la Plaza Smolenskaya, Moscú. <http://mos-holidays.ru/zdanie-mid-rtf-na-smolenskoj-ploshhadi/>
- P. 773. El Palacio de Santa Cruz. Desde 1900, la Sede del Ministerio de Estado de España. © Ministerio de Asuntos Exteriores y Cooperación. <http://exteriores.gob.es>
- P. 779. Yuri Dubinin y el personal de Sovhispan. Fotografía del archivo de Irina Yányshev Nésterova procedente del archivo personal de José Luis Purriños González.
- P. 785. Juan Carlos I recibe a Serguéi Bogomólov. 1977. ©Archivo Gráfico de Carta de España. Proyecto de Investigación de la Universidad Carlos III de Madrid. <http://memoriagrafi.ca.xn--cartadeespa-khb.es/>
- P. 786. El ministro de Asuntos Exteriores de España, Marcelino Oreja y Aguirre, Alexander Orlov y el ministro de los Asuntos Exteriores de la URSS, Andréi Gromyko, en el aeropuerto Vnúkovo. 18.01.1979 // Arriba, 19 enero, 1979. Fotografía del archivo de Alexander Orlov.
- P. 789. Juan Carlos I y doña Sofía con el secretario general del Comité Central de PCUS, Konstantín Chernenko, en la Plaza Roja. Moscú, mayo 1984. © RIA Novosti. Yuri Abramochkin.
- P. 797. El embajador de España en la URSS, Juan Antonio Samaranch (el segundo a la izquierda en la primera fila), después de la entrega de las cartas credenciales. Moscú, 8.08.1977. <https://archives.gov.by/index.php?id=690790>
- P. 799. Juan Carlos I recibe a Yuri Dubinin. Noviembre, 1978. Fotografía del archivo personal de Yu. Dubinin.
- P. 801. El presidente del Gobierno español, Felipe González, y el presidente de la URSS, Mijaíl Gorbachev. Moscú, 7.07.1991. ©Archivo Gráfico de Carta de España. Proyecto de Investigación de la Universidad Carlos III de Madrid. <http://archivografico.xn--cartadeespa-khb.es/index.php?album=0&pg=1907>
- P. 802. Encuentro de los líderes de PCE con los “niños de la guerra” en el Centro Español. La mesa. Moscú, 1978. Fotografía del archivo de Olga Volosyuk.
- P. 803. Encuentro de los líderes de PCE con los “niños de la guerra” en el Centro Español. El auditorio. Moscú, 1978. Fotografía del archivo de Olga Volosyuk.
- P. 810. Yuri Ovchinnikov, el presidente de la Asociación de Amistad “URSS - España”, inaugura la reunión dedicada al quinto aniversario del establecimiento de las relaciones diplomáticas. Moscú, 1982. © RGAKFD [El Archivo Estatal de Rusia para los documentos cinematográficos y las fotografías]. Código: 0-323 UB. Unidad 323.

- P. 816. Participantes del III Coloquio de los historiadores soviéticos y españoles. Moscú, 1985. Fotografía del archivo de Olga Volosyuk.
- P. 817. Profesor Venedict Vinogradov, el jefe del Departamento de Lingüística Ibero-Románica, y el embajador de España en la URSS, Juan Antonio Samaranch en la Facultad de Filología de la Universidad Estatal de Moscú Lomonosov. Moscú, 1978. © Facultad de Filología de la Universidad Estatal de Moscú Lomonosov, 2018. <http://www.philol.msu.ru/~msu250/photoalbum/?f=4&im=11>
- P. 827. Maya Plisétskaya, durante el rodaje del estudio de televisión Ostankino para una escena del ballet *Carmen Suite* del compositor Rodión Shchedrin. Moscú, 11.12.1973. © RGAKFD. Fotografía B. Vdovenko. Código: 0-380325 ч/6. Unidad: 380325.
- P. 828. Julio Iglesias, de gira en la Unión Soviética en la Plaza Roja. Москва, 02.10.1989 © RGAKFD. Código: 0-351085 ч/6. Unidad: 351085.
- P. 831 Ígor Ivanov entrega las cartas credenciales a Juan Carlos I. Diciembre, 1991. © RSMD. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6604#top-content
- P. 833. El presidente del Gobierno de España, Felipe González, durante su visita a Rusia junto a presidente de Rusia, Boris Yeltsin. Moscú, 1.09.1995. © РИА Новости. Vladímir Radiónov // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (dir.). Moscú: MO, 2016. P. 598.
- P. 837. El presidente de Rusia, Vladimir Putin, y el presidente del Gobierno de España, José María Aznar. Madrid, 13.06.2000. <http://kremlin.ru/events/president/trips/45654/photos/28761>
- P. 839. El presidente de Rusia, Dmitri Medvedev, y el presidente del Gobierno de España, José Luis Rodríguez Zapatero. La firma de la *Declaración de Asociación Estratégica*. Madrid, 3.03. 2009. <http://kremlin.ru/events/president/news/3346>
- P. 843. El embajador de España en Rusia, José Ignacio Carbajal Gárate, entrega las cartas credenciales al presidente de Rusia, Vladimir Putin. Moscú, 24.01.2013. <http://kremlin.ru/events/president/news/17364/photos/14341>
- P. 845. El embajador de España en Rusia, Ignacio Ybañez Rubio, y el presidente de Rusia, Vladimir Putin, después de la ceremonia de la entrega de las cartas credenciales. Moscú, 03.10.2017. <http://kremlin.ru/events/president/news/55756/photos/50562>
- P. 846. Felipe VI y el presidente del Gobierno de Rusia, Dmitri Medvedev. Moscú, 01.07.2018. <http://government.ru/news/33084/>
- P. 848. El presidente de Rusia, Vladimir Putin, y Juan Carlos I. Madrid, 08.02.2006. <http://en.kremlin.ru/catalog/countries/ES/events/45579/photos/26124>
- P. 849. El presidente de Rusia, Vladimir Putin, y doña Sofía. Madrid, 08.02.2006. <http://en.kremlin.ru/catalog/countries/ES/events/45579/photos/26127>
- P. 853. El ministro de los Asuntos Exteriores de Rusia, Serguéi Lavrov, y Juan Carlos I. Madrid, marzo, 2014. © MAE de Rusia. Fotografía Eduard Pésov. // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O. Volosyuk (dir.). Moscú: MO, 2016. Ilustraciones en color. P. 8.
- P. 863. El director de la Biblioteca del Instituto Cervantes, David Carrion, el Príncipe de Asturias, el director del Instituto Cervantes, Marcos Vega, el ministro de Asuntos Exteriores de Rusia, Ígor Ivanóv, el embajador de España en Rusia, José María Robles Fraga, durante la inauguración del Instituto Cervantes en Moscú. Fotografía del archivo del Instituto Cervantes en Moscú.
- P. 871. Placido Domingo en el concierto en la Plaza Roja. Moscú, 13.06.2018. Fotografía Olga Volosyuk.
- P. 872. El decano de la Facultad de la Economía y Política Mundial de la Universidad Nacional de Investigación “Escuela Superior de la Economía”, Serguéi Karaganov, y el embajador de España en Rusia, José Ignacio Carbajal Gárate, en el Congreso internacional “Rusia-España: política economía y cultura”. Moscú, 27.04.2016. <https://www.hse.ru>
- P. 873. La inauguración del Congreso internacional “Rusia-España: política economía y cultura” en la Universidad Nacional de Investigación “Escuela Superior de la Economía”. Moscú, 27.04.2016. <https://www.hse.ru>

P. 875. El embajador de España en Rusia, Ignacio Ybañez Rubio, en la presentación del libro “España-Rusia: los destinos históricos

y la actualidad” en el Instituto Cervantes de Moscú. Moscú, 20.03.2018. Fotografía de María Karaúlova.

ILUSTRACIONES EN COLOR

Página 1. El Zarato de Rusia y la España de los Austrias en los siglos XVI–XVII

MOSKAUW. Moscovia, Urbs, regionis eius denominis metropolitana, duplo maior, qua Praga Boiemiae, lignaeae dificia habet, sed dispersas, latißimi campi interiacent: Mosca amnis, ipsa mirrigat. Grabado calcográfico // Civitates Orbis Terrarum.[Colonia, 1580]. Copia de la ilustración de “Rerum Moscoviticarum Comentarium” de Sigismund von Herberstein (1549). IGN, Madrid.

Juan Carreño de Miranda. Retrato de Piotr Potiomkin. 1681–1682. Óleo sobre lienzo. Museo del Prado. Madrid. Fragmento. //Istoriya Ispanii.(Historia de España) T.1. M.: Indrik, 2012. P.577.

Charles Lebrin. Retrato de Yákov Dolgorúkov. 1687. Óleo sobre lienzo. El Ermitage, San Petersburgo// Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 /O.Volosyuk (dir.). Moscú: MO, 2016. P. 325.

Página 2. España y Rusia en los siglos XVIII–XIX

Anton Rafael Mengs. Retrato de Carlos III. Circa 1761. Óleo sobre lienzo. Museo del Prado. Madrid // Istoriya Ispanii.(Historia de España) T.2. M.: Indrik, 2014. P. 375.

Fiódor Rókotov. Retrato de Catalina II. 1763. Óleo sobre lienzo. La Galería Estatal Tretyakov. Moscú // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O.Volosyuk (dir.). Moscú: MO, 2016. P. 361.

Fernando Brambila. Vista de la fachada principal del Real Palacio de Aranjuez. Circa 1830. Óleo sobre lienzo. Patrimonio Nacional.

Iluminación hecha delante del palacio del Duque de Liria con motivo del matrimonio los infantes de España. Moscú, 1728. AGS. Secretaría de Estado, Legajos, 06611.

Página 3. España y Rusia en los siglos XVIII–XIX

Josef María Charlemagne-Bodet. El Palacio de Invierno en San Petersburgo (fachada de norte). La mitad del siglo XIX. Litografía de Jatotet y Regamet. Biblioteca Nacional de Rusia, San Petersburgo. // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 /O.Volosyuk (dir.). Moscú: MO, 2016. P.441.

Fernando Brambila. Real Monasterio del Escorial Vista del Real Monasterio del Escorial, tomada en la inmediación de la Huerta del Castañar a el Mediodía. Circa 1830. Óleo sobre lienzo. Patrimonio Nacional.

Página 4. El siglo XIX. La colección española del Ermitage

Las obras de la pintura española se reproducen con el permiso del Ermitage Estatal. San Petersburgo. © The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Fotografía. Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.

Juan Bautista del Maíno. Adoración de los pastores. Circ. 1612. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-315.

Luis de Morales. Madre Dolorosa. 1570. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-358.

José (Jusepe) de Ribera. San Jerónimo y el ángel. 1626. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-311

Francisco de Zurbarán. San Lorenzo. 1636. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-362.

Página 5. El siglo XIX.

La colección española del Ermitage

Las obras de la pintura española se reproducen con el permiso del Ermitage Estatal. San Petersburgo. © The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Fotografía. Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.

Bartolomé Esteban Murillo. La Inmaculada Concepción (“Walpole”). Circ. 1680. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. ГЭ-387

Juan del Castillo. La Visitación. Circ. 1630–1635. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-326.

Alonso Cano. Cristo en la cruz. Circ.1636–1638. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-5572

Bartolomé Esteban Murillo. San Pedro en lágrimas. Circ. 1650. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-3589

Página 6. El siglo XIX.

La colección española del Ermitage

Las obras de la pintura española se reproducen con el permiso del Ermitage Estatal. San Petersburgo. © The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Fotografía. Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.

Bartolomé Esteban Murillo. Descanso de la Sagrada Familia en la huida a Egipto. Circ.1665. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-340.

José (Jusepe) de Ribera. San Sebastián y Santa Irene. 1628. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-325.

Página 7. El siglo XIX.

Karl Briulov y Diego Velázquez

Diego de Silva Velázquez. El Conde-Duque de Olivarez. Circ.1617 Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-300 © The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Fotografía. Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.

Bartolomé Esteban Murillo. San Juan Bautista y el cordero. Copia del siglo XVIII. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-299.

© The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2018. Fotografía. Konstantin Sinyavsky, Svetlana Suetova, Alexander Koksharov, Vladimir Terebin.

Diego de Silva Velázquez. El retrato del Papa Inocencio X. Óleo sobre lienzo.1660. Galería Doria-Pamfili. Roma. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Retrato_del_Papa_Inocencio_X._Roma,_by_Diego_Vel%C3%A1zquez.jpg

Karl Briulov. El retrato de Miguel Ángel Lanci. 1851. Óleo sobre lienzo. Galería Estatal Tretyakov. Moscú. <https://www.wikiart.org/en/karl-bryullov/portrait-of-the-archeologist-michelangelo-lanci>.

Página 8. España y Rusia en el siglo XX

El Gran Duque Borís y el Rey de España Alfonso XIII. Madrid, 1908. <http://www.regimientofarnesio.es/charosca.html>

Iván Kudáshev (izquierda) antes de la ceremonia de entrega de las cartas credenciales. Madrid. Mayo, 1916 // La Ilustración española y americana. Año LX, 5.05.1916, № 18. P. 279.

Anatoli Nekliúrov (centro) en la Presidencia del Consejo de Ministros. Madrid. Julio, 1917 // La Nación. № 252. 03.07.1917. P.3.

Página 9. España y Rusia en el siglo XX

Antonio Rodríguez Luna. La Guerra Civil Española. 1937. Óleo sobre lienzo. El Ermitage Estatal, San Petersburgo. № ГЭ-9049 © The State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2017/ Svetlana Suetova, Leonard Kheifets.

Marcelino Pascua // Guerra y revolución en España. Moscú: Editorial Progreso, 1977. T. IV.

Los niños de la guerra // Guerra y revolución en España. Moscú: Editorial Progreso, 1977. T. IV.

Página 10. España y Rusia en el siglo XX

Serguéi Bogomólov entrega las cartas credenciales a Juan Carlos I. Mayo, 1977. ©Archivo Gráfico de Carta de España. Proyecto de Investigación de la Universidad Carlos III de Madrid. <http://memoriagrafica.xn—cartadeespa-khb.es>

Juan Carlos I y el Ministro de Asuntos Exteriores de la URSS, Andréi Gromyko (derecha). Noviembre, 1979. ©Archivo Gráfico de Carta de España. Proyecto de Investigación de la

Universidad Carlos III de Madrid. <http://memo-grafica.xn—cartadeespa-khb.es>

Felipe González, Yuri Dubinin, Andréi Gromyko. Fotografía. // Dubinin Yu.V. Masterstvo peregovorov (El arte de negociar). Moscú:MO, 2009.

Página 11. España y Rusia en el siglo XX

Juan Carlos I y doña Sofía durante su primera visita a Moscú con el secretario general del Comité Central del PCUS Konstantín Chernenko. Mayo, 1984. © RIA Novosti. Viacheslav Runov // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O.Volosyuk (dir.). Moscú: MO, 2016. Ilustraciones en color. P. 4.

El presidente de la URSS, Mijaíl Gorbachov, durante su visita a España junto a Juan Carlos I. Madrid, octubre, 1990. © RIA Novosti. Vladímir Viátkin. // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O.Volosyuk (dir.). Moscú: MO, 2016. Ilustraciones en color. P. 4.

Juan Carlos I y el presidente de Rusia, Borís Yéltsin, en Moscú. Mayo, 1999. © RIA Novosti. Viacheslav Runov // Российские дипломаты в Испании. Diplomáticos rusos en España. 1667–2017 / O.Volosyuk (dir.). Moscú: MO, 2016. Ilustraciones en color. P. 5.

Página 12. España y Rusia en el siglo XXI

Juan Carlos I y el presidente de Rusia, Vladimir Putin. Madrid, 13.06. 2000. <http://kremlin.ru/events/president/news/38543>

El presidente del Gobierno de España, José María Aznar, y el presidente de Rusia, Vladímir Putin, en una rueda de prensa. 22.05.2001. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/41400>

El Príncipe de Asturias y el presidente de Rusia, Vladímir Putin. Kremlin, 7.02.2002. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/42394/photos/31798>

Página 13. España y Rusia en el siglo XXI

El Príncipe de Asturias firma el Acto de la Inauguración del Instituto Cervantes en Moscú, febrero, 2002. Fotografía del archivo del Instituto Cervantes en Moscú.

El Ministro de los Asuntos Exteriores de Rusia, Igor Ivanov, y el Príncipe de Asturias. Moscú, febrero, 2002. Fotografía del archivo del Instituto Cervantes en Moscú.

El Día E en el Instituto Cervantes de Moscú. Fotografía del archivo del Instituto Cervantes en Moscú.

Página 14. España y Rusia en el siglo XXI

El presidente del Gobierno de España, José Luis Rodríguez Zapatero, y el presidente de Rusia, Vladímir Putin. Sochi, 28.09.2007. <http://kremlin.ru/events/president/news/42705>

El presidente de Rusia, Dmitri Medvédev, y Juan Carlos I. San Petersburgo, 25.02.2011. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/10438>.

Vladimir Putin, Plácido Domingo y José Carreras. Novo-Ogarevo, 18.12.2012. <http://kremlin.ru/events/president/news/17161/photos/14082>.

Página 15. España y Rusia en el siglo XXI

El presidente del Gobierno de España, Jose Luis Rodriguez Zapatero, y el embajador de Rusia en España, Alexánder Kuznetsov. Fotografía del archivo privado de A. Kuznetsov.

El presidente del Gobierno de España, Mariano Rajóy, y el presidente de Rusia, Vladímir Putin. San Petersburgo, 06.09.2013. <http://kremlin.ru/events/president/news/19169/photos/17026>

Página 16. España y Rusia en el siglo XXI

El embajador de España en Rusia, José Ignacio Carbajal Gárate, el ministro de Asuntos Exteriores de Rusia, Serguéi Lavrov, Juan Carlos I, el ministro de Asuntos Exteriores de España, José-María García Margallo, el vice-ministro de Asuntos Exteriores de Rusia, Alexéi Meshkov, el embajador de Rusia en España, Yuri Korchagin. Madrid, marzo, 2014. Fotografía publicada con el permiso de la Embajada del Reino de España en Rusia.

Felipe VI, el presidente de FIFA, Gianni Infantino, y el presidente del Gobierno de Rusia, Dmitri Medvédev, en el partido de las selecciones nacionales en la Copa mundial. Moscú, Luzhnikí. 01.07. 2018. <http://government.ru/news/33084/>.

Cubierta

1. Benjamin Petersen. El malecón del Palacio junto al Palacio de Mármol, tomada a la Fortaleza de Pedro y Pablo. 1799. Grabado. El Ermitage Estatal, San Petersburgo// *Komelova G.N.* Peterburg konca XVIII — nachala XIX v. v akvarelyah i gravyurah Benzhamena Patersena (Petersburgo entre los finales del siglo XVIII y los principios del siglo XIX en acuarelas y grabados de Benjamin Patersen). © 2003–2018 root.elima.ru. URL:<http://elima.ru/articles/index.php?id=228> (дата обращения: 02.11.2017).

2. Fernando Brambila. Vista de la fachada principal del Real Palacio de Aranjuez. Circa 1830. Óleo sobre lienzo. Patrimonio Nacional.

Guarda anterior

Fernando Brambila. Vista del Real Sitio de Aranjuez, de la cascada grande y Palacio, tomada a la parte de lebante. Patrimonio Nacional.

Guarda posterior

Moscú, vista desde la lonja del Krémlin. Grabado por James Tibbits Willmore. Dibujo de Alfred Vickers. 1835. De la colección de Olga Volosyuk.

Багно Всеволод Евгеньевич — доктор филологических наук, член-корреспондент Российской Академии наук, научный руководитель Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, *vsbagno@gmail.com*

Испанцы на русской службе: Хосе де Рибас
Русское люллианство как феномен культуры
Хуан Валера: дипломат-писатель в России
Русское донкихотство как культурный феномен
«Революция и роман в России» Эмили Пардо Басан
«Русский балет Дягилева» в Испании
Максимилиан Волошин и Испания

Борзова Алла Юрьевна — доктор исторических наук, доцент факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, *bau845@mail.ru*

Советские дипломаты в Испании: Сергей Богомолов
Советские дипломаты в Испании: Юрий Дубинин
От России советской к России демократической:
дипломатические отношения с Испанией
Российские дипломаты в Испании: Игорь Иванов
Первый визит президента Владимира Путина в Испанию

Бухармедова Лейла Мусаевна — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой европейских языков Высших курсов иностранных языков Министерства иностранных дел Российской Федерации, *clavel57@mail.ru*

От России советской к России демократической:
дипломатические отношения с Испанией
Перекрестные годы и дипломатия культуры

915

Ведюшкин Владимир Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии наук, *vedyushkin@mail.ru*

Великое княжество Московское и первые известия об Испании
В поисках контактов: Россия и Испания в международных отношениях XVII века
Известия об Испании в русских «курантах»
Первые дипломатические контакты: Андрей Винуиус
Испания в российских архивах: Российский государственный архив древних актов

Вепрецкая Тамара Юрьевна — кандидат исторических наук, профессор Высшего театрального училища (института) им. М.С. Щепкина, *tvepretskaya@gmail.com*

Культурные связи СССР и Испании: первые шаги
Вторая республика и СССР: культурные и научные связи
“Дар Испанского Народа”
Культурная дипломатия в переходный период
Мастера культуры: Майя Плисецкая и Испания

Мастера культуры: Мстислав Ростропович в Испании
Мастера культуры: Пласидо Доминго и Хосе Каррерас в России

Веселова Ирина Юрьевна — преподаватель факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов, *irinaxochitl@gmail.com*

Иезуиты между Испанией Россией

Судьбы династий в эпоху Великой войны: Альфонс XIII и Николай II

Виньяс Анхель — доктор экономики, почетный профессор Университета Комплутенсе
(Мадрид), экс-представитель Европейского союза в ООН, *angelwin@ucm.es*

Нефть и политика: трудный путь отношений между Испанией и СССР

Советские дипломаты в Испании: Сергей Марченко

Испанское золото, Гражданская война и советская помощь

Испанские дипломаты в СССР: Марселино Паскуа

Волосюк Ольга Виленовна — доктор исторических наук, профессор факультета
мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики», *ovolosiuik@hse.ru*

**«В Европу прорубить окно»: Петр Великий и установление
дипломатических отношений с Испанией**

Зиновьев и Флоридабланка: дипломат и министр

Торговые связи: между Балтикой и Средиземноморьем

Испанцы и русские на Тихом океане

Испанцы на русской службе: Агустин де Бетанкур

Научная дипломатия в советско-испанском диалоге

«Три столетия диалога»: научные исследования

Гарридо Кабальеро Магдалена — доктор истории, профессор и ученый секретарь кафедры
новой, новейшей истории и истории Америки, социально-политических идей и движений
Университета Мурсии, *mgarridocaballero@um.es*

«Дети войны» в СССР*

Ассоциации дружбы с СССР в Испании**

Гарсиа Мартин Педро — доктор истории, профессор кафедры новой истории
Автономного университета Мадрида, *pedro.garcia@uam.es*

Россия в испанской художественной литературе XVII века

Советское кино в демократической Испании

Глазов Александр Андреевич — сотрудник Государственного исторического музея,
viadelcorso@yandex.ru

Судьбы династий в эпоху Великой войны: Альфонс XIII и Николай II

**Испания в российских архивах: Российский государственный архив
социально-политической Истории**

Radio Moscú и La Pirenaica: советское радиовещание на Испанию

Голубая дивизия в СССР

Иньигес Грасиа Давид — доктор педагогики (общественные науки и культурное наследие),
доцент кафедры педагогики Университета Барселоны, *dd.iniguez@gmail.com*

Советские летчики в Гражданской войне

* Проект Ayuda Humanitaria Europea HAR2014-58043-P.

** Проект HAR2014-52414-C2-1-P.

Кабаньяс Браво Мигель — доктор истории искусства, заведующий отделом истории искусства и культурного наследия Института истории Центра гуманитарных и социальных наук Высшего Совета Научных Исследований, *miguel.cabanas@csic.es*

Испанские художники-республиканцы и эмиграция в СССР*

Каганэ Людмила Львовна — доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Отдела западноевропейского изобразительного искусства Эрмитажа, член-корреспондент валенсийской Королевской академии изобразительных искусств Сан Карлос, *kagane@hermitage.ru*

Испанская коллекция живописи Императорского Эрмитажа

Испанская живопись в частных коллекциях Петербурга

Камареро Буйон Консепсьон — доктор географии, профессор кафедры географии населения Автономного университета Мадрида, член совета Института «Придворная культура и общество в Европе», член-корреспондент Королевской академии истории изящных искусств Бургоса, *concepcion.camarero@uam.es*

Испанские чертежи для великой княгини: королевские резиденции**

Испанцы на русской службе: Агустин де Бетанкур

Караулова Мария Кирилловна — преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», *mkarauлова@hse.ru*

Российские дипломаты в Испании: Яков Долгоруков

Библиография

Кастилья Урбано Франсиско — доктор философии, профессор университета Алькала-де-Энарес, исследователь Института североамериканских исследований им. Б. Франклина университета Алькала-де-Энарес, *francisco.castilla@uah.es*

Хосе Кадаальсо и Россия

Кларес Молеро Хосе Луис — специалист по истории и географии, заведующий отделом интеграции исторических фондов Национального исторического архива Испании, *jluis.clares@cultura.gob.es*

Россия в испанских архивах: Национальный Исторический Архив

Корконосенко Кирилл Сергеевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, член Союза писателей Санкт-Петербурга, *korkonos@mail.ru*

Испанская литература в России XVIII века

Испанская литература в русских переводах XIX века

«Поколение 98 года» и Россия***

Ласаро Урдiales Иван — специалист по истории и географии, аспирант Национального университета дистанционного образования по Новой истории, *ilazaro26@alumno.uned.es*

Испанские дипломаты в России: герцог де Лириа

Испанские дипломаты в России: маркиз де Альмодовар

* Этот текст связан с проектом I+D+i: MINECO, ссылка HAR2014-53871-P.

** Данная работа выполнена в рамках исследовательского проекта I+D государственной программы развития приоритетных научно-технических исследований Министерства Экономики №CSO2015-68441-C2-1-P и проекта H2015/HUM-3415 Автономного Сообщества Мадрид.

*** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Достоевский в зарубежной рецепции: от классики до постмодерна» № 18-012-90033.

Литаврина Марина Геннадиевна — доктор искусствоведения, профессор лаборатории истории культуры при кафедре истории России XIX — начала XX века исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, *culture@hist.msu.ru*
«Пражская группа» Московского Художественного Театра в Испании

Лопес-Кордон Кортесо Мария Виктория — доктор истории, почетный профессор Университета Комплутенсе (Мадрид), *mvlcordon@gmail.com*
Образ России в Испании XVIII века
Три испанских русофила конца XVIII века

Малай Вера Владимировна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, *malay_v@bsu.edu.ru*
Марсель Розенберг и советская дипломатия в годы Гражданской войны

Местре Хорда Хорхе — профессор кафедры международных отношений Европейского университета Валенсии, *jorgemauro.mestre@universidadeuropea.es*
Испанские дипломаты в СССР: Хуан Антонио Самаранч
Испанские дипломаты в России: Хосе Игнасио Карбахаль Гарате

Морозова Анна Валентиновна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории западноевропейского искусства Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, *a.v.morozova@spbu.ru*
Первые труды по испанскому искусству в России
Карл Брюллов и Диего Веласкес
«Мир искусства» и мир испанского искусства
Испанское искусство в СССР: выставки живописи
Испанское искусство в России: выставки живописи

Мурсия Сориано Абель — дипломированный специалист по испанской филологии, директор Института Сервантеса в Москве, *dirmos@cervantes.es*
Институт Сервантеса в России

Наварро Наварро Хавьер — доктор истории, профессор кафедры новой и новейшей истории Университета Валенсии, *francisco.j.navarro@uv.es*
СССР в республиканской Испании: образ и «миф» модернизации

Орлов Александр Арсеньевич — кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, *orlov_a@mgimo.ru*
Установление дипломатических отношений в 1977 году: неизвестные страницы

Петрова Ариадна Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, *a.petrova@spbu.ru*
«Не строй из себя Осуну!»

Пигарёва Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, руководитель отдела культуры Института Сервантеса в Москве, *tatiana.pigariova@gmail.com*
Институт Сервантеса в России

Пироженко Ольга Викторовна — доктор медиакоммуникаций, директор Российско-испанского центра образования и сотрудничества Института государственной службы и управления РАНХиГС, *valencia4@mail.ru*

Образ России в испанской прессе в начале XXI века

Пучсек Фаррас Жозеп — доктор истории, доцент кафедры новой и новейшей истории Автономного университета Барселоны, *Josep.Puigsech@uab.cat*

Первая мировая война и политический кризис в России и Испании*

Советские дипломаты в Испании: Владимир Антонов-Овсенко

Родригес де Диего Хулия Тереза — специалист по средневековой истории, член-корреспондент Королевской академии истории, кавалер ордена Академических пальм (Франция), директор Генерального Архива Симанкас, *julia.rodriguez@cultura.gob.es*

Россия в испанских архивах: Генеральный Архив Симанкас

Рохо Фернадес Энрике — специалист по истории, главный научно-технический сотрудник Отдела географической документации Национального географического института, *erojo@fomento.es*

Карта Клавдия Птолемея

«Записки о Московии», труд Сигизмунда фон Герберштейна

Москва в «Записках о Московии» Сигизмунда фон Герберштейна

Сагомонян Александр Артурович — доктор исторических наук, профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, *sobochka@mail.ru*

Испанские солдаты в русской армии 1812 года

СССР и франкистское государство: от враждебности к сближению

Санс Диас Карлос — доктор истории, профессор кафедры Новой и новейшей истории Университета Комплутенсе (Мадрид), *carlos.sanz@ghis.ucm.es*

Демократическая Испания на международной арене и отношения с СССР

Перестройка и советско-испанские отношения

Уркихо Гоития Хосе Рамон — доктор истории, научный исследователь Высшего Совета Научных Исследований, директор Испанской школы истории и археологии в Риме, член-корреспондент Королевской академии истории и Мадридской Королевской академии геральдики и генеалогии, *jr.urquijo@csic.es*

Изабелла II и Россия: от разрыва к признанию

Фернадес Искьердо Франсиско — доктор истории, научный сотрудник и руководитель департамента новой и новейшей истории Института истории Высшего Совета Научных Исследований, *francisco.fizquierdo@cchs.csic.es*

Образ России в Испании в XVI и XVII веках

Филатов Георгий Андреевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии наук, *georgefilatov@gmail.com*

Футбол вместо политики

Торговые отношения между СССР и Испанией в годы франкизма

Забывать о политике: первые советские туристы в Испании

* Текст подготовлен в рамках проекта «HAR2014-53498-P del Ministerio de Economía y Competitividad de España, titulado “Culturas políticas, movilización y violencia en España, 1930–1950”».

Хенкин Сергей Маркович — доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (университет) МИД РФ, sergkhenkin@mail.ru
Первый визит испанского короля в СССР

Хесали Баррера Давид — магистр педагогики, исследователь Ассоциации летчиков-республиканцев (ADAR) и группы “Didáctica del Patrimonio, Museografía comprensiva y Nuevas tecnologías” (DIDPATRI) Университета Барселоны, escuadra7@gmail.com
Советские летчики в Гражданской войне

Черносвитов Александр — директор испанского Фонда «Александр Пушкин», informacion@fundpushkin.org
Фонд «Александр Пушкин» в Испании

Щербакова Алина Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент Российского университета дружбы народов, научный сотрудник Института Латинской Америки Российской Академии наук, ashcherbakova@hse.ru
От «Совиспана» к совместным предприятиям

Эрнандес Санчес Фернандо — доктор истории, профессор педагогики (естественные науки) факультета образования и повышения квалификации преподавателей Автономного университета Мадрида, fernando.bernandez61@gmail.com
Испанские коммунисты и СССР

Юрчик Екатерина Эдуардовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доцент Литературного института им. А.М. Горького, iourtchik@mail.ru

Образ Испании в России XVIII века

Россия и Испания в эпоху наполеоновских войн

Декабристы и испанская революция 1820 года

Испанцы на русской службе: Хуан Ван Гален

Свидетель восстания декабристов: испанский посланник Хуан Мигель Паэс де ла Кадена «Русское открытие» Испании в XIX веке

Испания в российских архивах: Архив внешней политики Российской империи

Октябрьская революция в испанской прессе

Образ России в испанской прессе в начале XXI века

Научная дипломатия: встречи ученых

«Три столетия диалога»: научные исследования

Подбор и опись иллюстраций

Яковлев Петр Павлович — доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки Российской академии наук, профессор кафедры международного бизнеса и таможенного дела Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, petrp.yakovlev@yandex.ru

Россия и Испания: политический диалог в новом столетии

Российско-испанские экономические связи в XXI веке

Испанские ТНК в России

AUTORES

Bagnó Vsévolod — doctor en Filología, académico correspondiente de la Academia de Ciencias de Rusia, director académico del Instituto de Literatura Rusa (la Casa Pushkin) de la Academia de Ciencias de Rusia, *vsbagn@gmail.com*

Espanoles al servicio de Rusia: José de Ribas

El Lulismo ruso como fenómeno cultural

Juan Valera: diplomático-escritor en Rusia

El Quijotismo ruso como fenómeno cultural

La revolución y la novela en Rusia de Emilia Pardo Bazán

Los Ballets Rusos de Diáguilev en España

Maximilian Voloshin y España

Borzova Ala — doctora en Historia Contemporánea, profesora asociada en la Facultad de las Ciencias Sociales e Humanitarias de la Universidad Rusa de la Amistad de los Pueblos, *bau845@mail.ru*

Los diplomáticos soviéticos en España: Serguéi Bogomólov

Los diplomáticos soviéticos en España: Yuri Dubinin

De la Rusia soviética a la Rusia democrática: las relaciones diplomáticas con España

Los diplomáticos rusos en España: Igor Ivanov

Primera visita del presidente Vladímir Putin a España

Bukharmédova Leila — doctora en Historia, jefa del Departamento de Lenguas Europeas de los Cursos Superiores de Lenguas Extranjeras del Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia, *clavel57@mail.ru*

De la Rusia soviética a la Rusia democrática: las relaciones diplomáticas con España

Los Años Duales y la diplomacia cultural

Cabañas Bravo Miguel — doctor en Historia del Arte, jefe del Departamento de Historia del Arte y Patrimonio del Instituto de Historia del Consejo Superior de Investigaciones Científicas, *miguel.cabanas@csic.es*

Los artistas republicanos y el exilio en la URSS*

Camarero Bullón Concepción — doctora en Geografía, catedrática de Geografía Humana, profesora del Departamento de Geografía de la Universidad Autónoma de Madrid, miembro del Consejo del Instituto Universitario “La Corte en Europa”, académica correspondiente de la Real Academia Burgense de Historia y Bellas Artes, *concepcion.camarero@uam.es*

Planos españoles para la Gran Duquesa de Rusia: los Sitios Reales de jornada**

Espanoles al servicio de Rusia: Agustín de Betancourt

* Este trabajo se vincula al proyecto de I+D+i: MINECO, ref. HAR2014-53871-P.

** Este trabajo se realiza en el marco del proyecto de investigación I+D del programa estatal de fomento de la investigación científica y técnica de excelencia, ref. CSO2015-68441-C2-1-P, del Ministerio de Economía y Competitividad y del proyecto H2015/HUM-3415, de la Comunidad de Madrid.

Castilla Urbano Francisco — doctor en Filosofía, profesor titular de Filosofía de la Universidad de Alcalá de Henares, investigador del Instituto de Estudios Norteamericanos Benjamin Franklin de la Universidad de Alcalá de Henares, *francisco.castilla@uah.es*

José Cadalso y Rusia

Clares Molero José Luis — licenciado en Geografía e Historia, Jefe del Departamento de Integración de Fondos Históricos del Archivo Histórico Nacional de España, *jluis.clares@cultura.gob.es*

Rusia en los archivos españoles: el Archivo Histórico Nacional

Chernosvitov Alexánder — director de la Fundación “Alexánder Pushkin” (Madrid), *informacion@fundpushkin.org*

La Fundación Alexánder Pushkin en España

Fernández Izquierdo Francisco — doctor en Historia Moderna, investigador científico y jefe del Departamento de Historia Moderna y Contemporánea del Instituto de Historia del Consejo Superior de Investigaciones Científicas, *francisco.fizquierdo@cchs.csic.es*

Mito e imagen de Rusia en la España de los siglos XVI y XVII

Filatov Georgy — doctor en Historia, investigador del Instituto de Historia Universal de la Academia de Ciencias de Rusia, *georgefilatov@gmail.com*

Fútbol en vez de política

Las relaciones comerciales entre la URSS y España en la época de Franco

Olvidarse de política: los primeros turistas soviéticos en España

García Martín Pedro — doctor en Historia, catedrático en el Departamento de Historia Moderna de la Universidad Autónoma de Madrid, *pedro.garcia@uam.es*

Rusia en la literatura española del siglo XVII

El cine soviético en la Transición española

Garrido Caballero Magdalena — doctora en Historia Contemporánea, profesora y secretaria académica del Departamento de Historia Moderna, Contemporánea, de América, del Pensamiento y los Movimientos Sociales y Políticos en la Universidad de Murcia, *mgarridocaballero@um.es*

“Los niños de la guerra” en la URSS

Asociaciones de Amistad con la URSS en España”

922

Gesalí Barrera David — licenciado en Historia, master en Didáctica, investigador de Asociación de aviadores de la República (ADAR), investigador del grupo “Didáctica del Patrimonio, Museografía comprensiva y Nuevas tecnologías” (DIDPATRI) en la Universidad de Barcelona, *escuadra7@gmail.com*

Los aviadores soviéticos en la guerra civil

Glázov Alexánder — licenciado en Historia, colaborador del Museo Estatal de Historia (Moscú), *viadelcorso@yandex.ru*

Los destinos de las dinastías en la Gran Guerra: Alfonso XIII y Nicolás II

España en los archivos rusos: el Archivo Estatal Ruso de Historia Sociopolítica

Radio Moscú y La Pirenaica: radiodifusión soviética para España

La División Azul en la URSS

* Proyecto Ayuda Humanitaria Europea HAR2014-58043-P

** Proyecto HAR2014-52414-C2-1-P.

Hernández Sánchez Fernando — doctor en Historia, profesor de Didáctica de las Ciencias en la Facultad de Formación del Profesorado y Educación de la Universidad Autónoma de Madrid, *fernando.hernandez61@gmail.com*

Los comunistas españoles y la URSS

Íñiguez Gracia David — doctor en Didáctica (las Ciencias Sociales y Patrimonio), profesor asociado en el Departamento de Didácticas Aplicadas de la Universidad de Barcelona, *diniguez@ub.edu*

Los aviadores soviéticos en la guerra civil

Kagané Liudmila — doctora en Arte, investigadora jefe del Departamento del Arte de Europa Occidental en el Museo del Ermitage, académico correspondiente en el extranjero de la Real Academia de Bellas Artes de San Carlos de Valencia, *kagane@hermitage.ru*

La colección de pintura española del Ermitage Imperial

La pintura española en las colecciones privadas de San Petersburgo

Karaúlova María — licenciada en Historia, profesora ayudante en la Facultad de Economía Mundial y Relaciones Internacionales de la Universidad Nacional de Investigación “Escuela Superior de Economía”, *mkaraulova@hse.ru*

Los diplomáticos rusos en España: Yákov Dolgorukov

Índice bibliográfico

Khenkin Sergey — doctor en Historia, catedrático en el Departamento de Ciencias Políticas del Instituto Estatal de Moscú de Relaciones Internacionales del Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia, *sergkhenkin@mail.ru*

La primera visita del rey de España a la URSS

Korkonósenko Kiril — doctor en Filología, investigador principal del Instituto de Literatura Rusa (la Casa Pushkin) de la Academia de Ciencias de Rusia, miembro de la Unión de Escritores de San Petersburgo, *korkonos@mail.ru*

La literatura española en Rusia en el siglo XVIII

La literatura española en la traducción rusa del siglo XIX

La generación del 98 y Rusia*

Lázaro Urdiales Iván — graduado en Geografía e Historia, itinerario en Historia Moderna, doctorando en la Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED), *ilazaro26@alumno.uned.es*

Los diplomáticos españoles en Rusia: el duque de Liria

Los diplomáticos españoles en Rusia: el marqués de Almodóvar

Litávrina Marina — doctora en Arte, catedrática en el Laboratorio de la Historia del Arte del Departamento de la Historia de Rusia de los siglos XIX–XX de la Facultad de Historia de la Universidad Estatal de Moscú Lomonosov, *culture@hist.msu.ru*

El Grupo de Praga del Teatro de Arte de Moscú en España

López-Cordón Cortezo María Victoria — doctora en Historia Moderna, profesora emérita de la Universidad Complutense de Madrid, *mlcordon@gmail.com*

La imagen de Rusia en España en el siglo XVIII

Tres rusófilos españoles de finales del siglo XVIII

* El estudio ha sido realizado con el apoyo financiero de la Fundación Rusa de Estudios Básicos, proyecto “Recepción extranjera de Dostoievsky: del clásico al postmoderno”, N° 18-012-90033.

Malay Vera — doctora en Historia Contemporánea, jefa del Departamento de las Relaciones Internacionales de la Universidad Nacional de Investigación de Bélgorod, *malay_v@bsu.edu.ru*
Marcel Rosenberg y la diplomacia soviética durante la guerra civil

Mestre Jordá Jorge — profesor del Departamento de Relaciones Internacionales de la Universidad Europea de Valencia, *jorgemauro.mestre@universidadeuropea.es*

Los diplomáticos españoles en la URSS: Juan Antonio Samaranch

Los diplomáticos españoles en Rusia: José Ignacio Carbajal Gárate

Morózova Anna — doctora en Arte, profesora adjunta en el Departamento de Historia de Arte de Europa Occidental del Instituto de Historia de la Universidad Estatal de San Petersburgo, *a.v.morozova@spbu.ru*

Los primeros estudios sobre el arte español en Rusia

Karl Brulov y Diego Velázquez

El Mundo del Arte y el mundo del arte español

El arte español en la URSS: exposiciones de pintura

El arte español en Rusia: exposiciones de pintura

Murcia Soriano Abel — licenciado de grado en Filología Hispánica, director del Instituto Cervantes de Moscú, *dirmos@cervantes.es*

El Instituto Cervantes en Rusia

Navarro Navarro Javier — doctor en Historia Contemporánea, profesor titular en el Departamento de Historia Moderna y Contemporánea de la Universidad de Valencia, *francisco.j.navarro@uv.es*

La URSS en la España republicana: la imagen y el “mito” de la modernización

Orlov Alexander — doctor en Historia Contemporánea, director del Instituto de Investigaciones Internacionales de la Universidad diplomática (MGIMO), *orlov_a@mgimo.ru*

El establecimiento de relaciones diplomáticas en 1977: páginas desconocidas

Petrova Ariadna — doctora en Historia, profesora adjunta en el Departamento de Historia Moderna y Contemporánea del Instituto de Historia de la Universidad Estatal de San Petersburgo, *a.petrova@spbu.ru*

“¡Ni que fuese Osuna!”

Pigariova Tatiana — doctora en Letras Hispánicas, gestora cultural del Instituto Cervantes de Moscú, *tatiana.pigariova@gmail.com*

El Instituto Cervantes en Rusia

Pirozhenko Olga — doctora en Ciencias de comunicación, directora del Centro ruso-español de educación y colaboración IPACS RANEPa, *valencia4@mail.ru*

Las imagen de Rusia en la prensa española a principios del siglo XXI

Puigsech Farràs Josep — doctor en Historia, profesor en el Departamento de Historia Moderna y Contemporánea de la Universidad Autónoma de Barcelona, *Josep.Puigsech@uab.cat*

La Primera Guerra Mundial y las crisis políticas en Rusia y España*

Los diplomáticos soviéticos en España: Vladímir Antónov-Ovséyenko

* Este texto ha sido realizado gracias al proyecto HAR2014-53498-P del Ministerio de Economía y Competitividad de España, titulado “Culturas políticas, movilización y violencia en España, 1930-1950”.

Rodríguez de Diego Julia Teresa — licenciada en Historia Medieval, correspondiente de la Real Academia de la Historia y Chevalier des Palmes Académiques, directora del Archivo General de Simancas, julia.rodriguez@cultura.gob.es

Rusia en los archivos españoles: el Archivo General de Simancas

Rojo Fernández Enrique — licenciado en Historia, técnico superior del Servicio de Documentación Geográfica del Instituto Geográfico Nacional de España, erojo@fomento.es

El mapa de Claudio Ptolomeo

Rerum Moscoviticarum Commentarii, la obra de Sigismund von Herberstein

Moscú en *Rerum Moscoviticarum Commentarii* de Sigismund von Herberstein

Sagomonyán Alexander — doctor en Historia Contemporánea, catedrático de la Facultad de Estudios Globales de la Universidad Estatal de Moscú Lomonósov, scobochka@mail.ru

Los soldados españoles en el ejército ruso de 1812

La URSS y el Estado franquista: de la hostilidad al acercamiento

Sanz Díaz Carlos — doctor en Historia Contemporánea, profesor titular en el Departamento de Historia Moderna e Historia Contemporánea de la Universidad Complutense de Madrid, carlos.sanz@ghis.ucm.es

La apertura internacional de la España democrática y las relaciones con la URSS

El impacto de la *perestroika* en las relaciones hispano-soviéticas

Shcherbakova Alina — doctora en Economía, profesora adjunta de la Universidad Nacional de Investigación “Escuela Superior de Economía”, profesora adjunta de la Universidad de la Amistad de los Pueblos de Rusia, investigadora del Instituto de América Latina de la Academia de Ciencias de Rusia, ashcherbakova@hse.ru

De «Sovhispan» a las empresas mixtas

Urquijo Goitia José Ramón — doctor en Historia Contemporánea, investigador del CSIC y director de la Escuela Española de Historia y Arqueología en Roma (CSIC), miembro correspondiente de la Real Academia de la Historia y de la Real Academia Matritense de Heráldica y Genealogía, jr.urquijo@csic.es

Isabel II ante Rusia: de la ruptura al reconocimiento

Védiushkin Vladímir — doctor en Historia Moderna, investigador principal del Instituto de Historia Universal de la Academia de Ciencias de Rusia, vedyushkin@mail.ru

El Gran Ducado de Moscovia y las primeras noticias sobre España

Dos naciones en busca de un encuentro: Rusia y España en las relaciones internacionales del siglo XVII

Las noticias de España en los *courantes* rusos

Los primeros contactos diplomáticos: Andréi Vinius

España en los archivos rusos: el Archivo Estatal Ruso de Documentos Antiguos [RGADA]

Vepreítskaya Tamara — doctora en Historia Contemporánea, profesora de Historia en la Escuela Superior de Teatro M.S.Shchepkin, tvepretskaya@gmail.com

Las relaciones culturales entre la URSS y España: los primeros pasos

La Segunda República y la URSS: las relaciones culturales y científicas

La Donación del Pueblo Español

La diplomacia cultural en la Transición

Los genios de la cultura: Maya Plisétskaya y España

Los genios de la cultura: Mstislav Rostropovich y España

Los genios de la cultura: Plácido Domingo y José Carreras en Rusia

Veselova Irina — licenciada en Historia, profesora ayudante en la Facultad de las Ciencias Sociales e Humanitarias de la Universidad de la Amistad de los Pueblos de Rusia, *irinaxochitl@gmail.com*

Los jesuitas entre España y Rusia

Los destinos de las dinastías en la Gran Guerra: Alfonso XIII y Nicolás II

Viñas Ángel — doctor en Economía, catedrático emérito de la Universidad Complutense, exembajador de la Unión Europea ante Naciones Unidas, Nueva York, *angelwin@ucm.es*

Petróleo y política: el difícil camino de las relaciones entre la URSS y España

Los diplomáticos soviéticos en España: Serguéi Márchenko

Oro español, la guerra civil y la ayuda soviética

Los diplomáticos españoles en la URSS: Marcelino Pascua

Volosyuk Olga — doctora en Historia Moderna, catedrática de la Facultad de Economía Mundial y Relaciones Internacionales de la Universidad Nacional de Investigación “Escuela Superior de Economía”, *ovolosiuk@hse.ru*

“Abrir una ventana a Europa”: Pedro el Grande y el establecimiento de las relaciones diplomáticas con España

Zinóviev y Floridablanca: un diplomático y un ministro

Lazos comerciales: entre el Báltico y el Mediterráneo

Espanoles y rusos en el Pacífico

Espanoles al servicio de Rusia: Agustín de Betancourt

La diplomacia científica en el diálogo hispano-soviético

“Tres siglos de diálogo”: investigaciones académicas

Yákovlev Piotr — doctor en Economía, jefe del Centro de Estudios Ibéricos del Instituto de América Latina de la Academia de Ciencias de Rusia, catedrático del Departamento de negocios internacionales y asuntos aduaneros de la Universidad Rusa de Economía Plekhanov, *petrp.yakovlev@yandex.ru*

Rusia y España: un diálogo político para el nuevo siglo

Las relaciones económicas hispano-rusas en el siglo XXI

Las corporaciones transnacionales españolas en Rusia

Yúrchik Ekaterina — doctora en Historia Moderna, profesora de investigación en el Departamento de Historia Moderna y Contemporánea de Europa y América de la Facultad de Historia de la Universidad Estatal de Moscú Lomonósov, profesora colaboradora del Instituto de Literatura Gorky, *iourtchik@mail.ru*

La imagen de España en Rusia en el siglo XVIII

Rusia y España en la época de las Guerras napoleónicas

Los decembristas y la revolución española de 1820

Espanoles al servicio de Rusia: Juan Van Halen

Un testigo de la sublevación decembrista: Juan Miguel Páez de la Cadena, ministro de España en Rusia

El “descubrimiento ruso” de España en el siglo XIX

España en los archivos rusos: el Archivo de la Política Exterior del Imperio Ruso

La Revolución de Octubre en la prensa española

Las imagen de Rusia en la prensa española a principios del siglo XXI

La diplomacia científica: los encuentros académicos

“Tres siglos de diálogo”: investigaciones académicas

Compilación y descripción de las ilustraciones

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ИСПАНИЯ и РОССИЯ:
ДИПЛОМАТИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Три столетия отношений

ESPAÑA y RUSIA:
DIPLOMACIA Y DIÁLOGO DE CULTURAS

Tres siglos de relaciones

Редакторы: *М.Ф. Надъярных,*
Абель Мурсия Сориано (Институт Сервантеса, Москва)
Redactores: *Maria Nadyarnykh,*
Abel Murcia Soriano (Instituto Cervantes, Moscú)
Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

Издательство «ИНДРИК»

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»

обращайтесь по тел.:

(495) 938-01-00

market@indrik.ru

www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications

may be ordered by

www.indrik.ru

Печать офсетная. 59,0 п. л. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

